

СИМФОНІЯ
ПО ТВОРЕННЯМ
СВЯТИТЕЛЯ
Іоанна
Златоуста

СИМФОНИЯ
ПО ТВОРЕНИЯМ
СВЯТИТЕЛЯ ИОАННА
ЗЛАТОУСТА

Издание 2-е

МОСКВА
2008

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ
*Святейшего Патриарха Московского
и всея Руси*
АЛЕКСИЯ II

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА:

*Интернет-портал
«Православная книга России»
www.pravkniga.ru*

Симфония по творениям святителя Иоанна Златоуста. Изд. 2-е. — М., ДАРЪ, 2008. — 576 с.

ISBN 978-5-485-00192-6

Святитель Иоанн (347–407) почитается всеми христианами как вселенский святитель и величайший учитель Церкви, великий писатель и проповедник. За необычайный дар слова он еще при жизни получил наименование «Златоуст». Наследие свт. Иоанна Златоуста составляет более 20 томов. Его поучения и слова, несмотря на то, что были произнесены и записаны 16 веков назад, не потеряли своей ценности и актуальности и в настоящее время. К сожалению, не каждый человек найдет время и возможность прочитать все творения свт. Иоанна. Поэтому и была собрана Симфония, в которой вы найдете подборку наставлений и высказываний свт. Иоанна об основах Православной веры и духовной жизни. Конечно, невозможно все поучения, толкования, слова свт. Иоанна Златоуста вместить в одну небольшую книгу, но мы постарались собрать все самое важное и необходимое для духовного возрастания.

ISBN 978-5-485-00192-6

© Издательство «ДАРЪ», 2008

АД (ГЕЕННА)

Если мы пребудем в ожесточении, подобно фараону, и не вразумимся наказаниями, то нас ожидает не потопление в Черном море, но море огненное, с которым Черное море ни по величине, ни по качеству сравниться не может, море несравненно обширнейшее и яростнейшее, волны которого все из огня необыкновенного и ужасного. Там зияет великая пропасть, пышущая лютейшим пламенем. Там повсюду увидишь пробегающий огонь, подобный какому-то свирепому зверю... Послушай, что говорят о дне суда пророки: *приходит день Господа лютый, с гневом и пылающею яростью* (Ис. 13, 9). Не найдешь тогда ни заступника, ни избавителя, не увидишь тогда кроткого и тихого лица Христова. Но как сосланные на рудокопные заводы отдаются под власть людей немилостивых и не могут видеть никого из своих домашних и друзей, а только видят своих надзирателей, так будет и тог-

да, и еще несравненно хуже. Потому что здесь еще можно прибегнуть к царю и умолить его и таким образом снять с осужденного оковы, а там это уже невозможно. Ибо из ада никого не выпускают, и заключенные там вечно горят в огне и претерпевают такое мучение, которого описать невозможно (1).

* * *

Некоторые говорят, что геены не будет, потому что Бог человеколюбив. Но разве напрасно Господь сказал, что Он грешников пошлет *в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его* (Мф. 25, 41)? Нет, говорят, но только для угрозы, чтобы мы вразумились. А если мы не вразумимся и останемся злыми, — скажи мне, — то Бог не пошлет наказания? И добрым не воздаст награда? Воздаст, говорят, потому что Ему свойственно оказывать благодеяния даже и выше заслуг. Итак, последнее истинно и непременно будет, а что касается до наказаний, то их не будет?

О великое коварство диавола, о бесчеловечное такое человеколюбие! Ибо ему принадлежит эта мысль, обещающая бесполезную милость и делающая людей беспечными. Так как он знает, что страх наказания, как некоторая узда, удерживает нашу душу и обуздывает пороки, то он делает все и принимает все меры, чтобы исторгнуть его с корнем, дабы потом мы безбоязненно неслись в пропасть. Как же мы преодолеем его? Из Писаний, что бы мы ни говорили, противники скажут, что это написано для угрозы. Но если они могут говорить так о будущем, хотя и весьма нечестиво, то о настоящем и уже исполнившемся — не могут. Итак, спросим их, слышали ли вы о потопе и всеобщем тогдашнем истреблении? Для угрозы ли было сказано и это? Разве это не исполнилось и не произошло на самом деле? Не свидетельствуют ли об этом и горы Армении, где оставился ковчег? Остатки его не сохраняются ли там и донныне для нашего воспоминания? Подобным образом и тогда многие говорили в течение ста лет, когда ковчег строился и праведник возвещал, никто не верил этому, но так как не верили угрозе на

словах, то внезапно подвергались наказанию на самом деле. А кто навел такое наказание на них, Тот не гораздо ли более наведет на нас? Ныне совершаемые злодеяния не меньше тогдашних... Если кто не верит геенне, то пусть вспомнит о Содоме, пусть подумает о Гоморре, о наказании, которое уже исполнилось и остается донныне. Изъясняя это, и Божественное Писание говорит о премудрости: *она во время погубили нечестивых спасла праведного, который избежал огня, нисшедшего на пять городов, от которых во свидетельство нечестия осталась дымящаяся пустая земля и растения, не в свое время приносящие плоды* (Прем. 10, 6–7). Нужно сказать и причину, за что они так пострадали. У них было одно преступление, тяжкое и заслуживающее проклятия, но только одно: они предавались неистовой страсти и за это сожжены огненным дождем. А теперь совершаются бесчисленные подобные и тягчайшие преступления, но такого сожжения не бывает. Почему? Потому что приготовлен другой огонь, никогда неугасаемый. Ибо Тот, Кто показал такой гнев за один грех, не принял ходатай-

ства Авраама и не был удержан жившим там Лотом, как пощадит нас, совершающих столько зла? Не может быть этого...

При этом нужно подумать и о том, что бывает в настоящей жизни, и мы не станем отвергать геенны. Если Бог праведен и нелицеприятен, а Он действительно таков, то почему здесь одни за убийство терпят наказание, а другие не терпят? Почему из прелюбодеев одни наказываются, а другие умирают не наказанными? Сколько гробокопателей избежали наказания, сколько разбойников, сколько корыстолюбцев, сколько грабителей? Если бы не было геенны, то где они понесут наказание? Убедим ли мы противоречащих, что учение о ней — не басня? Оно так истинно, что не мы только, но и стихотворцы, и философы, и баснописцы рассуждали о будущем воздаянии и утверждали, что нечестивые наказываются во аде... Итак, не будем отвергать геенны, чтобы нам не впасть в нее, ибо неверующий делается беспечным, а беспечный непременно попадет в нее, но будем несомненно верить и часто говорить о ней, и тогда мы нескоро станем грешить. Ибо память об этом, как

некоторое горькое лекарство, может истребить всякий порок, если она будет постоянно жить в нашей душе (1).

АПОСТОЛЫ

Убедил Он идти путем тесным и скорбным... через одиннадцать человек неученых, простых, не знавших языков, незнатных, бедных, не имевших ни отечества, ни богатства, ни телесной силы, ни славы, ни знаменитости предков, ни силы слова, ни искусства красноречия, ни преимуществ учености, но рыбаей, скинотворцев*, говоривших на своем языке, не одинаковом с языком тех, кому проповедовали, но чуждом и отличным от всех прочих языков, т.е. еврейском, и через них Христос устроил Свою Церковь, простертую от концов до концов вселенной!

И не только это удивительно, но и то, что эти люди, простые, бедные, немногочисленные, незнатные, неученые, уничиженные, говорившие на чуждом языке и презираемые, избранные для исправления всей вселенной и получившие повеление обращать

* Скинотворец — изготовитель палаток, шатров. (Примеч. ред.)

ее к труднейшим делам, совершили это не во время мира, но при воздвигаемых против них отовсюду бесчисленных нападениях. В каждом народе и городе, — что я говорю: в народе и городе? — в каждом доме предстояла им борьба. Проповедуемое ими учение часто разлучало сына с отцом, невестку со свекровью, брата с братом, раба с господином, подчиненного с начальником, мужа с женой, жену с мужем, отца с детьми, потому что не все вдруг принимали его. Это подвергало их ежедневной вражде, непрерывной борьбе, тысяче смертей и располагало людей обращаться с ними как с общими врагами и неприятелями. Все гнали их: цари, правители, простолюдины, свободные, рабы, народы и города, да не их только, но и тех, которые приняли их учение, но еще не были крепки в вере. Была общая война и против учеников и против учителей, так как это учение казалось противным и царским постановлениям, и привычке, и отеческим обычаям.

Они увещевали отвергнуть идолов, презреть жертвенники, которые чтимы были всеми отцами и предками, отказаться от нечистых верований, гнущаться празднеств и отвращаться от обрядов, к которым люди питали благоговение и страх и за которые они готовы были скорее отдать свою душу, нежели принять проповедуемое апостолами и веровать в Рожденного от Марии, осужденного игемоном*, поруганного, претерпевшего бесчисленные страдания и поносную смерть, погребенного и воскресшего. И то производило недоверчивость, что страдания Его были явны для всех: бичевания, удары по ланитам, оплевания в лицо, заушения, распятие на кресте, великое осмеяние, поругание от всех, погребение, дарованное в виде милости, — а обстоятельства воскресения еще не были известны, так как Он по воскресении Своем явился только ученикам. И однако такой проповедью они убедили и устроили Церковь (2).

* Игемон — наместник, подразумевается Пилат. (*Примеч. ред.*)

БДИТЕЛЬНОСТЬ

Если мы бдительны и не беспечны, то жизнь посреди злых людей не только не вредит нам, но и делает нас более тщательными в добродетели. Для того человеколюбивый Бог и устроил так, чтобы жили вместе и злые и добрые, чтобы от этого и нечестие злых ослаблялось, а добродетель добрых выказывалась блистательнее, и беспечные от обращения с ревностными (в добродетели) получали, если пожелают, величайшую пользу (8).

БЕДНОСТЬ

Сколько, слышу я, говорят: если бы не было бедности! Заградим уста тех, которые ропщут так, потому что говорить это — богохульство. Итак, скажем им: да не будет малодушия, а бедность вносит бесчисленные блага в жизнь нашу. Без бедности и богатство бесполезно. Не будем же обвинять ни этого, ни той: бедность и богатство суть ору-

жия, и приведут оба к добродетели, если мы захотим. И как храбрый воин, какое бы ни взял оружие, выкажет свою силу, так слабый и робкий затрудняется со всяким. А чтобы узнать, что это правда, вспомни Иова, который был и богачом, и бедняком, владел тем и другим оружием и тем и другим победил. Когда он богат был, говорил: дверь моя открыта всякому проходящему; когда же стал беден, говорил: *Господь дал, Господь и взял; как угодно было Господу, так и сделалось* (Иов 1, 21). Когда богат был, показал много страннолюбия, когда сделался бедным — много терпения... Ни богатство, ни бедность не есть сами по себе зло, но бывают оба таковыми по изволению пользующихся ими. Итак, приучим себя не иметь таких суждений о вещах и станем винить не дела Божию, но злую волю человеческую. Малодушному и богатство не может принести пользы, великодушному и бедность никогда не повредит (1).

* * *

Был некий богач, который каждодневно одевался в порфиру, а в душе был покрыт паутиной, дышал благовониями, а исполнен был смрада, предлагал роскошный стол, кормил тунеядцев и льстецов, утучнял рабыню — плоть, а госпоже — душе — попускал гибнуть с голоду (см.: Лк. 16, 19–26)...

Этот богач кормил тунеядцев и льстецов, обратил дом свой в театр, обливал вином всякого, жил в великом благоденствии, но другой некто Лазарь был покрыт ранами, сидел у ворот богача и желал крупниц. Возле источника он томился жаждой, подле изобилия голодал. И где он брошен был? Не на распутье... но в воротах богача, которыми этот должен был и входить и выходить, чтобы не говорил: я не видел, не заметил, мои глаза не досмотрели. При входе твоём лежит жемчужина в грязи, и ты не видишь! Врач у ворот, и ты не лечишься! Кормчий у пристани, и ты терпишь кораблекрушение! Кормишь тунеядцев, а бедных не питаешь!.. Для того и написано это, чтобы потомки научились из дел и не подверглись тому, чему подвергся богач. Итак, лежал в воротах бедный, бедный внешне,

но богатый внутренне, лежал с ранами на теле, как сокровище, у которого наверху терние, а внизу жемчуг. Ибо какой ему вред от болезни тела, когда душа здорова? Пусть слышат это бедные и не задыхаются от уныния, пусть слышат богатые и отстанут от нечестия. Для того и предложены нам эти два образца, богатства и бедности, жестокости и мужества, любостыжательности и терпения, чтобы ты, когда увидишь бедного в ранах и пренебрежении, не называл его жалким, и когда увидишь богача в блеске, не считал его блаженным... Итак, Лазарь лежал в воротах, покрытый ранами, мучимый голодом. Псы, приходя, лизали раны его, псы были человечнее человека. Они лизали раны Лазаря, снимали и очищали гной. А он лежал, поверженный, как золото, в печи, оттого делаясь более блестящим. Не говорил, как говорят многие из бедных: это ли промысел! Неужели Бог презирает на дела человеческие? Я при праведности беден, а этот при неправде богат. — Ничего подобного он не помыслил, но предавался непостижимому человеколюбию Божию, очищая свою душу, перенося страдания, являя терпение, лежа телом, но бегая

умом, летая мыслию, восхищая награду, избавляясь зол и становясь очевидцем благ. Не говорил: тунеядцы наслаждаются до излишества, а я не достаиваюсь и крупниц. Но что? Благодарил и прославлял Бога.

Умер богач, и был похоронен, отошел и Лазарь. Не скажу: умер, потому что смерть богача была точно смерть и заключение во гроб, но смерть бедного была отшествием и преставлением к лучшему, переходом с поприща борьбы к награде, из моря в пристань, от сражения к торжеству, от подвигов к венцу (1).

* * *

Добродетель гораздо удобнее совершается при бедности. А о богатстве говорит Христос: *удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богачу войти в Царство Божие* (Мф. 19, 24). О бедности же ничего подобного не сказал, но говорит даже противное: *все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, последуй за Мною* (Мк. 10, 21), так как от произволения зависит следование за ним.

Итак, не будем убегать бедности, как зла, потому что она есть

залог Царствия, не будем также гоняться и за богатством, как за благом, потому что неблагоразумных оно губит (1).

* * *

Ничто столько не соблазняет и не смущает народ, как то, что богатые, живущие нечестиво, наслаждаются великим благоденствием, а праведники, живущие добродетельно, впадают в крайнюю бедность и терпят множество других бедствий, более тяжких, нежели бедность. Но эта притча [о богаче и Лазаре] может доставить врачевство, вразумляя богатых и утешая бедных, тех научая не превозноситься, а бедных утешая в настоящих бедствиях, тем внушая не восхищаться, когда порочные не терпят наказания здесь, так как они подвергнутся тягчайшей муке там, а бедных убеждая не смущаться при виде чужого благоденствия и не думать, будто нет о нас промысла, когда праведный здесь страдает, а порочный и нечестивый наслаждается постоянным благополучием. Тот и другой получают должное там: один — венцы за страдание и терпение, другой — наказание и мучение за нечестие. Эту притчу напишите и богатые и бедные: богатые — на стенах

домов ваших, а бедные — на стенах души, и если она когда-либо изгладится от забвения, опять начертайте через воспоминание (3).

* * *

И не богач только, но и бедный дает отчет — в бедности: благодушно и с благодарением ли перенес бедность, не впал ли в уныние, не подсадовал ли, не возроптал ли на Божий промысел, видя другого в роскоши и удовольствиях, а себя в нужде? Как у богача потребуют отчета в милостыне, так у бедного в терпении, или — лучше — не только в терпении, но и в самой милостыне, потому что бедность не мешает милостыне: свидетель — вдовица, положившая две лепты и этим малым вкладом превзошедшая тех, которые положили помногу (6).

* * *

Когда некто подошел и сказал: *учитель благий! что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную*, и когда Христос перечислил все заповеди закона, а тот, продолжая спрашивать, говорил: *все это сохранил я от юности моей; чего еще не достаёт мне*, — то Он сказал ему: *если хочешь быть совершенным*,

пойди, продай имущество твое и раздай нищим... и следуй за Мною (Мф. 19, 16–21). Если бы бедность была законом и повелением, то надлежало бы с самого начала сказать это и постановить законом и предписать в виде повеления, а не высказывать в виде совета и увещания. В самом деле, когда он говорит: *не берите с собой ни золота, ни серебра* (Мф. 10, 9) [обращаясь к апостолам], то говорит как повелевающий, а когда говорит: *если хочешь быть совершенным*, то говорит как советующий и увещающий. А не одно и то же — советовать и давать закон. Кто дает закон, тот желает, чтобы предписанное непременно было исполняемо, а кто советует и увещевает и представляет на волю слушающего избрать то, о чем говорит, тот делает слушателя властным принять или не принять (6).

* * *

Бедность — безопасное прибежище, тихая пристань, всегдашнее спокойствие, неомрачаемая опасностями радость, чистое удовольствие, жизнь невозмутимая и безмятежная, благополучие ненарушимое, источник мудрости, узда надменности, свобода от наказания, корень смирения. Для

чего же, скажите мне, вы убега-
ете от этой бедности и гоняетесь
за тем, что враждебно, убийст-
венно, злее всякого зверя (7)?

БЕДСТВИЯ

Будем стараться приносить
Богу благодарение за все и му-
жественно переносить все, слу-
чающееся с нами. Впадем ли в
бедность или в болезнь — будем
благодарить; злословят ли нас —
будем благодарить, страдаем ли
мы — будем благодарить. Это
приближает нас к Богу, через это
Бог делается должником нашим,
а когда мы благоденствуем, тог-
да сами делаемся должниками и
ответчиками перед Богом... Бед-
ствия располагают к милосердию
и человеколюбию, благоденствие
доводит до высокоумия, ввер-
гает в беспечность, делает над-
менным и расслабляет нас. По-
этому и говорит пророк: *благо
мне, что Ты смирил меня, что-
бы я научился уставам Твоим*
(Пс. 118, 71). Когда Езекия полу-
чал благодеяния и был свободен
от бедствий, тогда сердце его воз-
гордилось, а когда впал в болезнь,
тогда он смирился, тогда стал
близок к Богу. *Когда Он умерщв-*
лял их, говорит Писание об иуде-
ях, *они искали его и скоро обра-*

щались к Богу (Пс. 77, 34)... Гос-
подь познается тогда, когда тво-
рит суд. Великое дело — скорбь.
Путь к Небу тесен, скорбь постав-
ляет нас на этом тесном пути, а
не терпящий скорби не может ид-
ти по нему. Кто предается скор-
би на этом тесном пути, тот по-
лучает и утешение, а кто любит
широту, тот и не входит в него,
или мучится, как бы вбиваемый
насильно... Лишился ли ты иму-
щества, — это много убавило ши-
роты пути твоего. Лишился ли
славы, — она была также широ-
той. Подвергся ли клевете, ве-
рят ли тому, что наговорили на
тебя, но чего сам ты не признавал
за собой, — радуйся и веселись.
*Блаженны вы, сказал Господь,
когда будут поносить вас и
гнать и всячески неправедно
злословить за Меня. Радуйтесь
и веселитесь, ибо велика ваша
награда на небесах* (Мф. 5. 11–12).
Чему ты удивляешься, когда
постигает тебя скорбь, и для че-
го желаешь освободиться от ис-
кушений?.. Итак, будем благо-
дарить за все: и за утешение, и
за скорбь, не станем роптать, не
будем неблагодарными (1).

* * *

Почему мы оплакиваем нака-
зываемых, а не согрешающих?

Не так тяжко наказание, как тяжек грех, потому что грех есть причина наказания. Итак, когда ты увидишь какого-нибудь человека, имеющего гнилую рану, у которого из тела выходят черви и гной и который оставляет без внимания эту язву и гниение, а — другого такого, который, страдая тем же, пользуется пособием врачей, допускает прижигания и отсечения и пьет горькие лекарства, то которого из них ты будешь оплакивать, скажи мне, — того ли, который болен и не лечится, или того, который болен и лечится?.. Перенесись мыслью от тел к душам, от болезней к грехам, от горечи лекарств к наказаниям и суду Божию, ибо наказание от Бога есть то же, что и лекарство от врача. Отсечение и прижигание, как огонь, через многократное прикосновение прижигает рану и останавливает ее развитие, как железо отсекает гнилость, причиняя боль, но доставляя пользу, так и голод, и моровые язвы, и все кажущиеся бедствия насылаются на душу вместо железа и огня, чтобы остановить, как это бывает с телами, развитие ее болезней и сделать ее лучшей (3).

* * *

Как художник золотых вещей, бросая в горнило золото, оставляет его плавиться в огне до тех пор, пока не увидит, что оно сделалось чистейшим, так точно и Бог попускает душам людей искушаться бедствиями до тех пор, пока не сделаются они чистыми и светлыми, пока от этого искушения не приобретут великой пользы. Так и это есть величайший вид благодеяния.

Итак, не будем смущаться и падать духом, когда постигают нас искушения. Если художник золотых вещей знает, сколько времени нужно держать золото в печи и когда вынимать его оттуда, и не допускает оставаться ему в огне до того, чтобы оно испортилось и перегорело, — тем более знает это Бог, и когда Он видит, что мы сделались более чистыми, то избавляет от искушений, чтобы от избытка бедствий мы не преткнулись и не пали. Не будем же роптать и малодушествовать, если случится что-нибудь неожиданное, но предоставим Знающему это с точностью очищать нашу душу, пока Он хочет, потому что Он делает это с пользой и ко благу искушаемых (6).

* * *

Хвалимся и скорбями, говорит он [апостол Павел], *зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает* (Рим. 5, 3–5)... Как из деревьев те, которые стоят в местах тенистых и безветренных, бывают хотя цветисты по виду, но изнежены и слабы и скоро повреждаются от всякого напора ветров, а те, которые стоят на высоких вершинах гор, колеблются многими и великими ветрами, переносят частые перемены воздуха, потрясаются жесточайшими бурями и засыпаются обильным снегом, бывают крепче всякого железа; подобно тому как тела, воспитываемые во многих и различных удовольствиях, украшаемые нежными одеждами, часто омываемые и намащаемые и с излишеством изнеживаемые разными родами пищи, делаются совершенно негодными к подвигам благочестия и к трудам и достойны величайшего наказания, — так точно и души: те, которые ведут жизнь, чуждую бедствий, наслаждаются удовольствиями, приятно занимаются настоящими предметами и жизнь беспечальную

предпочитают терпению скорбей для Царства [Небесного] по примеру всех святых, бывают нежнее и слабее всякого воска и готовятся в пищу вечному огню, а те, которые подвергаются опасностям, трудам и бедствиям для Бога и воспитываются в них, бывают крепче самого железа или тверже адаманта*, от частого перенесения бедствий делаясь неодолимыми для нападающих и приобретая некоторый непобедимый навык к терпению и мужеству... Душа, претерпевшая много искушений и подвергающаяся великим скорбям, привыкнув к трудам и приобретая навык к терпению, бывает не боязлива, не робка и не смущается приключениями скорбными обстоятельствами, но от постоянного упражнения в случайностях и частого испытания разных приключений делается способной переносит с великой легкостью все случающиеся бедствия (6).

* * *

Он [Господь], как премудрый и провидящий, не вначале и при

* Адамант — алмаз, бриллиант. (Примеч. ред.)

первом случае избавляет от бедствий, но когда усилятся все меры врагов и когда делами доказано будет терпение подвижников Его, тогда и являет собственную помощь, чтобы никто не мог говорить, будто они потому решаются на опасности, что уверены, что с ними не случится ничего неприятного. Поэтому Он некоторым и попускает терпеть бедствия по своей неизреченной премудрости, а некоторых избавляет от них, чтобы ты из всего познал чрезмерное человеколюбие Его и то, что Он, соблюдая для них большие награды, часто попускает усиливаться бедствиям... Мы можем получать пользу, не только находясь в благоприятных обстоятельствах, но и в скорбях, и тогда еще более, чем при благополучии, потому что благополучие, как бывает по большей части, делает людей беспечными, а скорбь, заставляя быть внимательными, делает достойными и вышней помощи, особенно когда мы в надежде на Бога оказываем терпение и твердость во всех приключающихся скорбях. Не будем же сетовать, когда постигают нас бедствия, но будем более радоваться, потому что это бывает поводом к нашей славе (6).

Мы не боимся никаких настоящих бедствий. И что составляет бедствие? Смерть? Она — не бедствие, потому что через нее мы скорее достигаем безмятежной пристани. Или лишение имущества? *Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь* (Иов. 1, 21). Или изгнание? *Господня — земля и что наполняет ее* (Пс. 23, 1). Или клевета? *Радуйтесь и веселитесь, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить... ибо велика ваша награда на небесах* (Мф. 5, 11, 12). Я видел мечи и думал о небе, ожидал смерти и помышлял о воскресении, видел земные страдания и исчислял небесные награды, смотрел на козни и представлял себе небесный венец. Сама цель борьбы ободряла меня и утешала. Я был в опасности, но это не причинило мне вреда, потому что одно только вредно — грех. Хотя бы вся вселенная старалась вредить тебе, но если ты сам себе не будешь вредить, то не потерпишь вреда. Предательство только одно — от совести; не предавай своей совести, и никто не предаст тебя (7).

БЛАГА БУДУЩИЕ (ИСТИННЫЕ)

Будем же воспламенять в себе любовь к будущим благам. Великая слава ожидает праведников, такая, какой невозможно изобразить словом, ибо они, восприняв нетленные тела по воскресении, прославятся и будут царствовать вместе со Христом (1).

* * *

Если бы кто-нибудь тебя, постаревшего и живущего в бедности, обещал вдруг сделать молодым и привести в самый цветущий возраст, сделать весьма крепким и прекрасным и даровать тебе царствование над всей землей на тысячи лет, царствование, сопровождающееся глубочайшим миром, чего бы не решился ты за это обещание и сделать и претерпеть? Но вот Христос обещает не это, а гораздо больше этого, ибо не такова разница между старостью и юностью, как между тлением и нетлением, не такова — между царствованием и бедностью, как между славой настоящей и будущей, но — как между сновидениями и истинной... Нет слова, которое могло

бы достаточно изобразить величину отличия благ будущих от настоящих. А в отношении к продолжительности невозможно и умом представить их различия. Ибо с чем настоящим можно сравнить жизнь, не имеющую конца? В отношении же к миру разность между ними такова, как между миром и войной; и в отношении к тлению и нетлению такова, насколько чистая жемчужина превосходит грязную глыбу. Или лучше, что бы кто ни сказал, ничем не в состоянии будет изобразить этого. Хотя бы даже я сравнил красоту тогдашних тел со светом солнечного луча, хотя бы с блистательнейшей молнией, — я еще не сказал бы ничего достойного той светлости. А за такие блага сколько можно отдать денег и тел? Или лучше, сколько можно отдать душ? Между тем если бы тебя кто-нибудь привел к царю и доставил тебе возможность в присутствии всех разговаривать с царем и вместе с ним кушать и жить, то ты назвал бы себя блаженнейшим из всех, а имея возможность взойти на небо, предстать самому Царю всего, блистать подобно Ангелам и наслаждаться таковой непреступной славой,

ты недоумеваешь, можно ли жертвовать деньгами, тогда как следовало бы, хотя бы нужно было отдать и саму жизнь, веселиться, радоваться и восхищаться от удовольствия (1)?

* * *

Ничто не приводит в такое помешательство рассудок, как привязанность к предметам временным. Зная это, удаляйтесь, сколько возможно, от мира и воздерживайтесь от дел плотских; ибо от них происходит потеря не в случайных, а в самых высших благах (1).

* * *

Если все жалеют человека, изгнанного из отечества, если считают жалким потерявшего наследство, то какими слезами должно оплакивать того, кто лишается Неба и уготованных там благ? Но не оплакивать его только нужно. Оплакивают всякого, кто подвергся какому-либо несчастью не по собственной вине, но кто по собственной воле предается порокам, тот достоин скорби. Господь наш Иисус Христос скорбел и плакал об Иерусалиме, который был нечестив. Подлинно, мы достойны бесчисленных вздыханий, бесчисленных

рыданий! Если бы вся вселенная возвысила голос свой: и камни, и деревья, и кустарники, и звери, и птицы, и рыбы, — словом, если бы вся вселенная, возвысив голос, стала оплакивать наше лишение этих благ, то и этого плача и рыдания будет недостаточно. Какое слово, какой ум может представить то блаженство, то добро, удовольствие, славу, радость, веселье, светлость: *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9). Не сказано просто, что эти блага превосходны, но что никто никогда не может и представить себе того, *что приготовил Бог любящим Его*. В самом деле, каковы должны быть те блага, которые приготовил и устроил сам Бог? Если, сотворив нас, Он тотчас, когда мы еще ничего не сделали, столько даровал нам: и рай, и общение с Ним самим, обещал бессмертие, жизнь блаженную и свободную от забот, — то чего Он не дарует тем, которые столько делали, трудились и терпели для Него? Единородного своего Сына Он не пощадил для нас, истинного Сына своего предал за нас на смерть. Если же Он удостоил нас таких благ, когда мы были Его врагами,

то чего не удостоит, когда мы сделаемся Его друзьями?... Он беспрельдно богат и безгранично желает и старается сделать нас своими друзьями, но мы нисколько не стараемся об этом... Мы для собственной нашей пользы едва ли пожертвуем малой частью золота, а Он за нас отдал Сына своего. Будем же употреблять, как должно, любовь Божию, будем пользоваться дружеским Его расположением к нам (1).

* * *

Ныне многие из пристрастившихся к роскоши и пресыщению, когда хотят выразить весьма великое довольство, имеют обычай говорить: мы имеем много благ. Не называй, человек, только эти вещи благом, рассуждая так, что они даны от Владыки на то, чтобы мы, пользуясь ими с умеренностью, поддерживали жизнь и подкрепляли немощь тела, но есть другие, истинные блага. Ни что из здешнего не есть благо — ни веселье, ни богатство, ни драгоценная одежда, но все это имеет только название блага. Что я говорю: имеет только название блага? Часто эти предметы бывают еще причиной нашей гибели, когда мы будем пользо-

ваться ими ненадлежащим образом. Так богатство тогда было бы благом для обладателя, когда бы он тратил его не на веселье только, не на пьянство и вредные удовольствия, но умеренно пользуясь весельем, остальное раздавал бы бедным на пропитание: тогда богатство — благо! Если же кто-то будет предаваться веселью и распутству, то богатство не только не принесет ему никакой пользы, но и низведет его в глубокую пропасть (3).

* * *

Поскольку многие люди предпочитали духовным благам чувственные, то в удел этим благам Он (Господь) назначил скоротечность и кратковременность, чтобы, отвлекая этим от настоящего, привязать людей крепкой любовью к будущим благам. А так как эти последние блага невидимы и духовны, существуют в вере и в надеждах, то смотри, что Он делает. Придя сюда, приняв нашу плоть и совершив чудное домостроительство, Он через это будущие блага полагает нам перед глазами и таким образом удостоверяет в их существовании грубые умы наши (6).

БЛАГА ЗЕМНЫЕ

Не будем считать блаженными тех, которые живут роскошно, но будем помышлять о кончине их: здесь плотность и тучность, а там червь и огонь; также и хищников не будем считать блаженными, но смотреть, какова их кончина: здесь заботы и труды, а там неразрешимые узы и тьма кромешная; также и любящих славу, но смотреть, какова их кончина: здесь раболепство и притворство, а там великое страдание и постоянное горение в огне. Если мы таким образом будем рассуждать с самими собой и непрестанно повторять это и тому подобное при наших порочных пожеланиях, то скоро будем избегать пороков и исполнять добродетели, погасим любовь к благам настоящим и воспламеним любовь к благам будущим. Подлинно, что в настоящих благах есть прочного или необыкновенного и дивного, чтобы посвящать им все свои заботы (1)?

* * *

Бог здесь не дарует нам полного успокоения, но хоть отчасти и дарует, сполна бережет его для будущей жизни... Праотцам нашим Бог говорил, что Он даст

им блага настоящего времени, но так как видел, или лучше сказать, они сами показали себя достойными высших благ, то Он сподобил их получить не те блага, а эти высшие, дабы показать нам, что не прилепляющиеся к первым достойны последних (1).

* * *

Он [Господь] дал тебе руки? Для Него и употребляй их, а не для диавола, не на хищение и любостяжание, а на исполнение заповедей и благотворения, простирай их в продолжительных молитвах и на помощь падших. Он дал тебе уши? Для Него и употребляй их, а не для слушания шумных песен и срамных рассказов... Он дал тебе уста? Пусть же не произносят они ничего неблагоугодного Ему, но поют псалмы, гимны, духовные песни, *оставляя благодать слушающим* (Еф. 4, 29), в созидание, а не на разорение, на благохваление, а не на злоречие, не на клеветы, не на все противное. Он дал тебе ноги для того, чтобы ты спешил не ко злу, но к добру. Он дал тебе чрево не для того, чтобы ты слишком наполнял его, но чтобы жил воздержно. Он вложил воздержание для деторождения, а не для блуда и прелюбодейства. Дал ум

не для того, чтобы ты хулил, не для того, чтобы поносил Его, но чтобы хвалил. Дал и деньги, чтобы употребляли их как должно, дал и силу, дабы и ее употребляли как должно. Дал искусства для поддержания жизни, а не для того, чтобы мы уклонялись от духовных занятий, для того, чтобы изучали искусства не пустые, но необходимые, для того, чтобы друг другу служили, а не козни строили друг против друга. Дал кров, но для того, чтобы он защищал только от дождя, а не для того, чтобы был украшаем золотом, а бедняк погибал бы с голоду. Дал одежды для того, чтобы мы прикрывались ими, а не тщеславились, не для того, чтобы на них много было золота, а Христос умирал бы нагой. Дал дом не для того, чтобы ты жил в нем один, но чтобы принимал и других. Дал землю не для того, чтобы ты, отделив себе большую ее часть, блага Божии тратил на блудниц, плясунов, актеров, флейтчиков и арфистов, но на алчущих и нуждающихся. Дал тебе море, чтобы ты плавал, чтобы не утруждался от путешествия, а не для того, чтобы ты исследовал глубины его и извлекал оттуда камни и т.п. (1)

* * *

Чтобы усилить в нас любовь к благам духовным, Бог устроил так, чтобы мирские блага исчезали еще прежде смерти своего обладателя. В самом деле, не тогда, как скончается обладатель их, не тогда только и они кончаются, напротив, вянут и умирают еще при жизни его, чтобы скоротечность их отвела от этой страшной заразы и самых страстных и безумных искателей их, открывая природу этих благ и научая опытом, что они бессильнее тени, и через это искореняя в людях самому любовь к ним. Например, богатство не только исчезает с кончиной богатого, но оставляет его и при жизни, молодость убегает от обладающего ею не только тогда, когда он скончается, но и когда еще дышит: она кончается на пути зрелого возраста и уступает старости. Равно и красота и благообразие еще при жизни женщины кончается и переходит в безобразие, слава и могущество — тоже, почести и власть — однодневны и кратковременны, умирают скорее людей, обладающих ими, словом, мы видим, что и земные блага ежедневно гибнут так же, как и тела человеческие. А это для того,

чтобы мы, пренебрегая настоящим, прилеплялись к будущему и искали наслаждения в последнем, чтобы, ходя по земле, сердцем жили на небесах (6).

БЛАГОДАРЕНИЕ

Будем благодарить Бога во всех случаях, ибо в этом и состоит благодарение. Благодарить в счастье — легко, здесь сущность дела побуждает к тому, достойно удивления то, если мы благодарим, находясь в крайних обстоятельствах. Если мы за то благодарим, за что другие богохульствуют, от чего приходят в отчаяние, — смотри, какое здесь любомудрие: во-первых, ты возвеселил Бога, во-вторых, посрамил диавола, в-третьих, показал, что случившееся ничто. В то самое время, когда ты благодаришь, и Бог отъемлет печаль, и диавол отступает. Если ты приходишь в отчаяние, то диавол, как достигший того, чего хотел, стал возле тебя, а Бог, как оскорбленный хулой, оставляет тебя и увеличивает твоё бедствие. Если же ты благодаришь, то диавол, как не получивший никакого успеха, отступает, а Бог, как принявший честь, в возмездие награждает тебя большей честью. И не может

быть, чтобы человек, благодарящий в несчастье, страдал. Душа его радуется, делая благое, в то же время совесть веселится, — она услаждается своими похвалами, а душе веселящейся нельзя быть печальной... Нет ничего святее того языка, который в несчастьях благодарит Бога. Он поистине ничем не отличается от языка мучеников и получает такой же венец, как и те. Ибо и у него стоит палач, принуждающий отринуть Бога богохульством, стоит диавол, терзающий мучительными мыслями, помрачающий душу скорбью. Итак, кто перенес скорбь и благодарил Бога, тот получил венец мученический. Если, например, болеет дитя, а мать благодарит Бога, это венец ей. Не хуже ли всякой пытки скорбь ее? Однако же она не заставила ее сказать жестокое слово. Умирает дитя, — мать опять благодарит Бога. Она дочерью Авраама сделалась. Хотя она не заклала дитяти своей рукой, но радовалась над закланной жертвой, а это все равно: она не скорбела, когда брали у нее дар Божий (1).

* * *

Бог не требует от нас чего-нибудь тяжкого и трудного, но

только того, чтобы мы признавали Его благодеяния и возносили Ему благодарность за них, не потому, впрочем, чтобы Он нуждался в этом, — ибо Он ни в чем не имеет нужды, — а для того, чтобы мы научились через это привлекать к себе Подателя благ и не были непризнательны, но являли бы добродетель, достойную благодеяний и такой заботливости его о нас. Ибо этим-то мы и расположим его еще к большему о нас попечению. Не будем же беспечны, но каждый из вас ежечасно, сколько может, да размышляет не только об общих благодеяниях, но и о частных, ему самому оказанных Богом, не только об известных и явных всем, но и о ведомых ему одному и неизвестных другим. Через это он в состоянии будет возносить Господу непрестанное благодарение. Это самая великая жертва, это совершенное приношение, это будет для нас источником дерзновения перед Богом, и вот как. Кто постоянно содержит в уме и верно сознает свое ничтожество, а с другой стороны, помышляет о неизреченном и безмерном человеколюбии Божию, — как Он устроит дела наши, взирая не на то, чего заслуживают наши грехи, но на

свою благодать, — тот смиряется душой (1).

* * *

Бог ежедневно устроит для нашего спасения много такого, что известно Ему одному. Он благодетельствует роду нашему по благодати Своей, не нуждаясь ни в прославлении от нас, ни в каком-нибудь другом возмездии, и поэтому очень многое оставляет скрытым от нас, а если иногда и открывает, то и это делает для нас, чтобы мы, проникнувшись чувством благодарности, сподобились еще большей помощи Его. Будем же благодарить Его не только за то, что знаем, но и за то, чего не знаем, потому что Он благодетельствует нам не только когда мы желаем того, но и когда не желаем. Зная это, и Павел внушал благодарить всегда и за все (см.: Еф. 5, 20) (2).

* * *

Мы, хотя бы умерли тысячу раз, хотя бы совершили всякую добродетель, и тогда не воздали бы должного Богу за дарованные нам от Него блага. Посмотри: не имея никакой нужды в нас, но будучи самодоволен, Он привел нас из небытия в бытие, вдохнул [в нас] душу, какой [не дал]

ни одному из животных земных, насадил рай, распростер небо, под ним положил землю, зажег блестящие светила, землю украсил озерами, источниками, реками, цветами и растениями, а на небе поставил хор разнообразных звезд; сделал для нас ночь полезной не меньше дня... Представь себе только разные роды растений плодородных, бесплодных, растущих в пустынях, в местах обитаемых, на горах, на равнинах; посмотри на разнообразие в семенах, в травах, в цветах, в животных земных, в земноводных, в морских; вспомни, что все видимое создано для нас — небо, земля, море и все, что в них. Как если бы кто построил себе блестящий дворец, украшенный множеством золота и сияющий ярким блеском камней, так и Бог, создав мир, ввел в него человека, чтобы он царствовал над всем. И еще более удивительно то, что кровлю этого здания [Бог] устроил не из камней, но составил ее из другого драгоценнейшего вещества, и зажег огонь не на золотом светильнике, но, спустив светила сверху, повелел им протекать по кровле этого здания, чтобы мы получали не только пользу, но и великое удовольствие, а землю распростер в виде

богатой трапезы. Все это Бог дал человеку, еще не сделавшему ничего доброго. Хотя человек после такого дара оказался неблагодарным своему Благодетелю, однако Бог не лишил его чести, а только изгнал из рая и этим наказал, чтобы воспрепятствовать дальнейшему возрастанию неблагодарности и удержать его от стремления к худшему (2).

* * *

Бог не требует от нас чего-нибудь тяжкого и трудного, но только того, чтобы признавали Его благодеяния и возносили Ему благодарность за них, не потому, впрочем, чтобы Он нуждался в этом, — ибо Он ни в чем не имеет нужды, а для того, чтобы мы научились через это привлекать к себе Подателя благ и не были непризнательны, но являли бы добродетель, достойную благодеяний и такой заботливости Его о нас. Ибо этим-то мы и расположим Его к еще большему о нас попечению (2).

* * *

Таков обычай у Бога. Если мы со своей стороны сделаем что-либо (доброе), хоть малое и незначительное, но лишь только сделаем, Он всегда дарует нам богатые

милости. А чтобы удостовериться в крайней скудости (приношений) человеческих и в щедродательности Господа твоего, подумай вот о чем. Пусть мы решимся что-либо принести Ему, но что можем представить, кроме словесной благодарности? А Его милости к нам совершаются на деле. Как же сравнивать дела со словами? Господь наш, не имея ни в чем нужды, не требует ничего нашего, кроме только слов, да и словесной благодарности требует не потому, чтобы Сам нуждался в ней, но чтобы научить нас быть признательными к Подателю благ. Вот почему и Павел говорил: *благодарни бывайте** (Кол. 3, 15). Ничего, в самом деле, так не требует от нас Господь, как этой добродетели. Не будем же непризнательны и, получая благодеяния на деле, не поленимся возносить Господу благодарение на словах, потому что польза от этого обращается к нам же. Если мы бываем благодарны за прежние (милости Божии), то этим приобретаем себе надежное средство получить еще большие. Только, прошу, будем, если возможно, каждый день и час раз-

мышлять не об общих только благодеяниях, которые Создатель всяческих явил всему роду человеческому, но и о частных, оказываемых каждому из нас.

Мы должны благодарить и за те благодеяния, которые получаем, сами того не ведая. Заботясь о нашем спасении, Господь являет нам много таких благодеяний, о которых мы и не знаем, — часто избавляет нас и от опасностей, и оказывает нам другие милости. Он — источник человеколюбия, никогда не перестающий изливать Свои потоки на род человеческий. Итак, если мы будем размышлять об этом и постараемся возносить к Господу благодарения за прежние милости, и располагать себя к признательности за последующие, чтобы не оказаться недостойными благодеяний Его, то будем в состоянии и жизнь вести лучшую, и уберечься от греха. Память о милостях Божиих будет для нас достаточным наставником добродетельной жизни и не позволит нам впасть в беспечность и самозабвение и предаться греху. Действительно, внимательная и бдительная душа выказывает признательность не только тогда, когда дела текут благоприятно, нет, пусть последует

* В синодальном переводе: будьте дружелюбны.

и неблагоприятная перемена обстоятельств, и тогда она возносит к Богу такую же благодарность. От этой перемены она не ослабевает, но тем более укрепляется, помышляя о неизреченной попечительности Господа и о том, что Он, будучи пребогат и всемогущ, может явить Свою (о нас) заботливость даже и в неблагоприятных обстоятельствах, хотя мы и не в состоянии ясно понять это.

Итак, предоставляя всем обстоятельствам, касающимся нас, идти как угодно, станем со своей стороны заботиться только о том, чтобы непрестанно благодарить Бога за все. Мы для того ведь и созданы разумными и столь возвышены над бессловесными, чтобы возносили к Создателю всяческих непрестанные хвалы и славословия. Он для того вдохнул в нас душу и даровал нам язык, чтобы мы, чувствуя Его благодеяния к нам, и признавали власть Его над нами, и выказывали свою признательность, и, по силам своим, возносили к Господу благодарность. Если подобные нам люди, оказав нам какое-нибудь, часто и маловажное, благодеяние, требуют за это от нас благодарности, не ради нашей, впрочем, признательности, но чтобы

и самим прославиться через это, то тем более мы должны так поступать по отношению к человеколюбивому Богу, Который хочет этого единственно для нашей пользы. Благодарность, приносимая людям за их благодеяния, умножает славу самих благодетелей, но когда мы возносим благодарность к человеколюбивому Богу, то умножаем свою собственную славу, потому что Он требует от нас благодарности не потому, чтобы нуждался в нашем прославлении, но чтобы вся польза обратилась на нас же и мы сделались достойными больших милостей Его. Правда, мы не в состоянии достойно возблагодарить Его: да и как бы мы могли, имея такую слабую природу? И что я говорю о человеческой природе? Даже бестелесные и невидимые силы — и Начала, и Власти, и Херувимы, и Серафимы не могут достойно возблагодарить и прославить Его. Однако же наш долг приносить посильную благодарность и непрестанно прославлять Господа нашего и словами, и добродетельной жизнью. Это-то и есть самое лучшее прославление, когда мы возносим славословие бесчисленными устами (8).

БЛАГОДАТЬ

Ты при крещении получил благодать Божию и стал причастником Духа, если и не столько, чтобы творить чудеса, то сколько нужно иметь для правильной и благоустроенной жизни. Таким образом, наше развращение происходит единственно от нашей беспечности...

Итак, хотя благодать ныне сократилась, однако это несколько не может повредить нам, но не послужит и к нашему оправданию, когда мы будем давать отчет в делах... Если апостолы сделали столь дивными не по собственному своему изволению, а только по благодати Христовой, то что препятствует и всем сделаться такими же? Благодать, если бы наперед не требовала зависящего от нас, вдруг излилась бы в души всех, потому что у Бога нет лицеприятия, а так как она требует и зависящего от нас, то за одними следует и пребывает в них, от других удаляется, к иным же и вовсе не приходит. А что еще прежде, нежели блаженный [Павел] совершил что-либо дивное, Бог, узнав сначала его расположение, уже дал ему благодать, узнай из того, что Он говорит об нем: *он есть Мой из-*

бранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое перед народами и царями и сынами Израилевыми (Деян. 9, 15)... Другого Павла, по благодати и чудесам, конечно, уже не будет никогда, но по строгой жизни может быть таким каждый желающий, а если нет таких, то единственно потому, что не хотят (2).

* * *

Предстоит священник, низводя не огонь, но Святого Духа, совершает продолжительное моление не о том, чтобы огонь ниспал свыше и попалил предложенное, но чтобы благодать, низойдя на Жертву, воспламенила через нее души всех и сделала их светлейшими очищенного огнем серебра. Кто же, кроме человека совершенно иступленного или безумного, может презирать такое страшнейшее Таинство [Причащение]? Или ты не знаешь, что души человеческие никогда не могли бы перенести огня этой Жертвы, но все совершенно погибли бы, если бы не было великой помощи Божественной благодати (2).

* * *

Все, прибегающие [к Спасителю], пользуются даром и

спасаются благодатью, а те, которые хотят оправдаться законом, лишаются и благодати. Стараюсь спастись собственными силами, они не могут и воспользоваться царским человеколюбием, и привлекают на себя проклятие закона, *ибо делами закона не оправдается никакая плоть* (Гал. 2, 16)... ибо усиливающийся спастись делами закона не имеет никакого общения с благодатью. То же самое разумел Павел, когда говорил: *если по благодати, то не по делам; иначе благодать не была бы уже благодатью. А если по делам, то это уже не благодать; иначе дело не есть уже дело* (Рим. 11, 6). И опять: *если законом оправдание, то Христос напрасно умер* (Гал. 2, 21). И еще: *вы, оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати* (Гал. 5, 4). Ты умер для закона, сделался мертвым и уже не находишься под игом и неволей его (2).

* * *

Но как мы можем привлечь к себе помощь Духа и расположить Его пребывать в нас? Добрыми делами и хорошей жизнью. Как свет светильника поддерживается елеем, с уничтожением которого и он прекращается и исче-

зает, так точно и благодать Духа: когда есть у нас добрые дела и душа орошается великой милостью, пребывает в нас, как огонь, поддерживаемый елеем, а без нее отступает и удаляется — как это и случилось с пятью девами (6).

БЛАГОДЕНСТВИЕ

Из грешников, которые не терпят здесь никакого бедствия, более несчастными я считаю тех, которые кроме того, что не наказываются здесь, наслаждаются еще весельем и счастьем. Как то, что грешники не несут наказания за грехи здесь, приготовляет им тягчайшее наказание там, так то, что они еще наслаждаются благополучием, весельем и богатством, бывает для них поводом и причиной большего наказания и мучения там. Когда мы, несмотря на грехи наши, пользуемся милостью от Бога, то это самое наиболее может ввергнуть нас в сильнейший огонь. Если испытывающий на себе только долготерпение [Божие], но не воспользовавшийся им как должно подвергнется тягчайшему наказанию, то кто избавит его от такого наказания, если он, несмотря на это, пребудет в нечес-

тии? А что пользующиеся здесь долготерпением [Божиим] собирают себе полное наказание там, если не покаются, об этом послушай, что говорит Павел: *неужели думаешь ты, человек, что избежишь суда Божия, осуждая делающих такие дела и (сам) делая то же? Или пренебрегаешь богатство благодати, кротости и долготерпения Божия, не разумея, что благодать Божия ведет тебя к покаянию? Но, по упорству твоему и нераскаянному сердцу, ты сам себе собираешь гнев на день гнева и откровения праведного суда от Бога* (Рим. 2, 3–5). Итак, когда мы увидим, что некоторые обладают богатством, живут в роскоши, намащаются благовониями, проводят дни в пьянстве, пользуются великой властью и славой, великим блеском и знатностью и, несмотря на грехи свои, не терпят никакого бедствия, то будем плакать и сожалеть о них особенно потому самому, что они, согрешая, не наказываются. Как, видя кого-нибудь одержимым водяной болезнью или расстройством печени или страждущим какой-либо заразой и со всех сторон множеством ран и при всем том предающимся пьянству и веселью и таким образом усилива-

ющим свою болезнь, ты не только не удивляешься ему и не считаешь его счастливым от веселья, но по этому самому особенно и называешь его несчастным, так рассуждай и о душе. Когда ты увидишь, что человек живет в нечестии и, однако, наслаждается великим благоденствием и не терпит никакого бедствия, то потому более и пожалей его, что он, подвергшись болезни и самой тяжелой заразе, усиливает болезнь, от веселья и неумеренности делаясь худшим, ибо не наказание есть зло, но грех. Он удаляет нас от Бога, а наказание приводит к Богу и прекращает гнев Его (3).

* * *

Кто, живя в благоденствии, всегда готов быть бедным, тот не скоро сделается бедным, а в чем не хотел ты вразумиться ожиданием, то хорошо узнаешь на опыте. Итак, живя в богатстве — ожидай бедности, наслаждаясь благоденствием — жди голода, пользуясь славой — жди бесславия, наслаждаясь здоровьем — жди болезни... Если ты будешь держаться таких мыслей, то ни блага не могут произвести в тебе надменности, ни скорби — унижить тебя. Если ты не очень

будешь занят настоящими бла-
гами, то не станешь огорчаться и
лишением их. Если ты приучишь
душу свою к ожиданию против-
ного, то противное большей час-
тью и не случится с тобой, а если
и случится, то не сильно тронет
тебя (7).

* * *

Тот, кто делает здесь что-ли-
бо худое, да сверх того еще не
потерпел за это наказания, на-
слаждается и честью со стороны
людей, отойдет (отсюда), имея по-
честь величайшим отягчающим
наказание обстоятельством. Вот
почему и тот богач был жестоко
палим огнем, терпя наказания не
из-за одной только жестокости,
которую он проявил в отноше-
нии к Лазарю, но и из-за благо-
денствия, постоянно наслажда-
ясь которым, при столь великой
жестокости, он, однако, и благо-
даря ему не сделался лучшим (7).

БЛАГОРАЗУМИЕ

Душа благоразумная видит,
что должно делать, не имея нуж-
ды во многих пособиях, а нера-
зумная и бесчувственная, хотя
бы имела множество руководи-
телей, предавшись страстям, ос-
тается слепой. Это можно видеть

везде, не только в настоящем де-
ле [веры], но и в других. Сколько
таких людей, которые не слыха-
ли о законах и, однако, проводи-
ли жизнь, сообразную с ними?
А другие от первого возраста до
глубокой старости изучали зако-
ны и, однако, непрестанно нару-
шали их. Так бывало и в древно-
сти. Иудеи, видевшие множество
знамений и чудес, не сделались
лучшими. А ниневитяне, услы-
шав только воззвание, перемене-
лись и воздержались от пороков.
Это можно видеть не только на
людях высших, но и на низших.
Какого учения не удостоился
Иуда? И однако сделался преда-
телем. Какое наставление слы-
шал разбойник? И однако на кре-
сте исповедал Господа и провоз-
вестил Царство Его (2).

БЛИЖНИЙ

Для чего совершилось явле-
ние Сына Божия во плоти? Для
того ли, чтобы мы терзали и сне-
дали друг друга? Заповеди Хри-
стовы, которые во всем совершен-
нее повелений закона, особенно
требуют от нас любви. В законе
говорится: *люби ближнего твое-
го, как самого себя* (Лев. 19, 18), а
в Новом Завете повелевается и
умирать за ближнего. Послушай,

что говорит сам Христос: *некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым. По случаю один священник шел тою дорогою и, увидев его, прошел мимо. Также и левит, быв на том месте, подошел, посмотрел и прошел мимо. Самарянин же некто, проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился и, подойдя, перевязал ему раны, возливая масло и вино; и, посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем; а на другой день, отъезжая, вынул два динария, дал содержателю гостиницы и сказал ему: позаботься о нем; и если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе. Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам? Он сказал: оказавший ему милость. Тогда Иисус сказал ему: иди, и ты поступай так же* (Лк. 10, 30–37). О чудо! Не священника, не левита назвал Он ближним, но того, кто, по учению, был отвержен от иудеев, т.е. самарянина, чуждого, во многом богохульствовавшего, этого одного Он назвал ближним, потому что он оказался милостивым. Таковы слова

Сына Божия, то же показал Он и делами Своими, когда пришел в мир и принял смерть не за друзьями только и близких к Себе, но и за врагов, за мучителей, за обманщиков, за ненавидевших, за распявших Его, о которых Он прежде сотворения мира знал, что они будут такими, и которых предвидя сотворил, победив предведение благостью, и за них Он пролил собственную кровь, за них принял смерть (2).

БЛУД

Блуд и прелюбодеяние оттого и происходит, что юношам дают свободу. Если бы он имел разумную жену, то стал бы заботиться о доме, о славе и чести (1).

* * *

Как свинья, извалявшаяся в грязи, куда бы ни вошла, все исполняет зловония и чувство обоняния поражает отвратительным запахом, так и блуд, ибо зло это омывается с трудом. Когда же творят это некоторые, имеющие жен, — то как велико бывает распутство? Апостол Павел говорит: *воля Божия есть освящение ваше, чтобы вы воздерживались от блуда; чтобы каждый из вас умел соблюдать свой сосуд в*

святости и чести, а не в страсти похотения, как и язычники, не знающие Бога; чтобы вы ни в чем не поступали с братом своим противозаконно и корыстолобиво (1 Фес. 4, 3–6)... Не узнавший блуда, не будет знать и прелюбодеяния, а осквернившийся с блудницами скоро дойдет и до этого и будет творить блуд если не с замужними женами, то с отпущенными* (1).

* * *

Одежду, которую носит раб, конечно, ты не согласишься когда-либо надеть, гнушаясь ею по причине нечистоты, но лучше согласишься быть нагим, нежели употреблять ее, а тело нечистое и скверное, которым пользуется не только раб твой, но и другие без числа, ты будешь употреблять во зло и не будешь им гнушаться? Вам стыдно стало слышать это. Стыдитесь дел, а не слов. Я умалчиваю о всем прочем, о развращении и нечистоте нравов и о прочем, что есть рабского и низкого в жизни. Скажи мне, не к одной ли и той же ходишь и ты, и раб твой? И если

бы только раб! Но — и палач. Ты не решился бы взять палача за руку, между тем ту, которая была с ним одно тело, обнимаешь и лобызаешь, — и не трепещешь? Не боишься? Не стыдишься? Не краснеешь? Не смущаешься? Говорил я вашим отцам, что скорее надобно вас женить, впрочем, и вы не изъяты от наказания. Ибо если бы не было много других юношей, целомудренно живущих и прежде и ныне, то, может быть, нашлось бы для вас какое-нибудь оправдание, но так как они существуют, то как можете сказать, что мы не были в силах подавить пламя вожделения? Видишь, что другие всю жизнь хранят целомудрие и живут в чистоте, а ты до юношеских лет не хочешь потерпеть? Видишь, что другие тысячекратно побеждали похоть, а ты и однажды не устоял?.. Не молодость тому причиной, ибо тогда все юноши были бы невоздержанны, но мы сами себя повергаем на костер (1).

* * *

Упоение есть не что иное, как потеря здравых понятий, умоиступление, расстройство душевного здоровья. Итак, не только о том, кто выпил много вина, но

* Отпущенная — жена, получившая разводное письмо и отпущенная мужем, — разведенная. (Примеч. ред.)

и о том, кто питает в душе дурную страсть, можно сказать, что он сильно опьянен. Опьянен, например, тот, кто любит чужую жену и живет с блудницами. Как выпивший много вина и обессиленный им произносит неприличные слова и видит одно вместо другого, так и объятый нечистой похотью, как бы вином каким, не произносит ни одного здравого слова, а [говорит] только срамные, развратные, низкие и смеша достойные [слова] и видит одно вместо другого: слеп ко всему, что перед глазами, а везде только и видит ту, к которой питает страсть, и подобно помешанному и безумному в собраниях и на пиршествах, во всякое время, на всяком месте, о чем бы кто ни говорил ему, не слышит, кажется, ничего, но о ней только и думает, о грехе только и мечтает, все подозревает, всего боится и ничем не лучше какого-нибудь животного, пораженного стрелой (2).

БОГАТСТВО

Любовь к богатству превратила и ниспровергла все и истребила истинный страх Божий. Как тиран разрушает крепость, так и она ниспровергла души людей.

И потому мы не печемся ни о спасении детей, ни о своем собственном, заботясь только о том, чтобы сделаться богатыми и оставить богатство своим наследникам, а они своим, и так далее, и таким образом мы только передаем свое имущество другим, а не обладаем им сами. Отсюда происходит безумие, от этого люди свободные делаются хуже рабов (1).

* * *

Человек, слишком занятый делами настоящей жизни, не может надлежащим образом усвоить предметов небесных, но по необходимости заботясь о тех, лишается этих. *Не можете*, сказано, *служить Богу и маммоне* (Лк. 16, 13). Следуя одному, по необходимости надо оставить другого... Те, которые посмеваются над страстью к богатству, те-то наиболее и любят Бога, как должно. Напротив, те, которые высоко ценят богатство как первое благо, слабейшую имеют любовь к Богу. Ибо душа, быв однажды пленена любостыжанием, уже не легко и не удобно может удерживаться, чтобы не сделать или не сказать чего-либо такого, что прогневляет Бога, так как она делается уже работой другого

господина, и притом такого, который повелевает ей все, противное Богу. Итак, встрезвитесь и пробудитесь и, размыслив о том, какого господина мы рабы, возлюбим только Его власть; возрыдаем и оплачем прежнее время, в которое мы работали маммоне; свергнем однажды навсегда ее тяжкое, несносное иго и будем постоянно носить иго Христова, легкое и отрадное, ибо Христос не повелевает ничего такого, что внушает маммона. Она повелевает быть врагами всем, а Христос, напротив, всех ласкать и любить. Она, привязав нас к праху и пыли (таково — золото), не дает нисколько, даже ночью, вздохнуть свободно, а Христос освобождает нас от этой излишней и неразумной заботы, повелевает собирать сокровища на небесах, — не неправдой в отношении к другим, а собственной правдой. Маммона после стольких трудов и скорбей не может даже остаться с нами, когда мы там будем терпеть наказания и злострадать за исполнение ее внушений, она даже увеличит для нас пламя, а Христос, даже когда повелевает дать ближнему чащу холодной воды, не попустит нас и за то лишиться награды и возмездия, но воздаст с великой

щедростью... Весьма многие из тех, которые там будут наказаны, будут терпеть наказание именно за то, что служили деньгам, любили золото и не помогали нуждающимся. Чтобы не потерпеть и нам того же, будем расточать сокровища бедным, освободим свою душу и от здешних зловредных попечений, и от будущих, за то уготованных мучений (1).

* * *

Если гордящийся действительными преимуществами жалок и несчастен и теряет награду за все свои совершенства, то не смешнее ли всех надмевающийся ничтожными благами, тенью и цветом травы (такова слава этого века), — так как он поступает подобно тому, как если бы бедняк, нищий, постоянно удручаемый голодом, случайно в одну ночь увидел приятный сон и тем стал бы тщеславиться. Жалкий и несчастный! Душу твою снедает жесточайшая болезнь, и ты, убогий крайним убожеством, мечтаешь, что у тебя столько и столько-то талантов золота и множество прислуги? Да это — не твое. А если не веришь моим словам, то убедись опытами бывших прежде богачей. Если же ты

так упоен, что не вразумляешься приключениями других, то подожди немного, — и ты узнаешь собственным опытом, что нет для тебя никакой пользы от этих благ, когда при последнем издыхании, не будучи властен ни в одном часе, ни в одной минуте, ты невольно оставишь их окружающим тебя людям и, что нередко случается, людям таким, которым ты и не хотел бы оставить. Многие даже не имели возможности распорядиться о них, а отходили нечаянно, еще желая наслаждаться ими, но им уже не было это позволено и, быв увлекаемы, отходя из мира невольно, по необходимости оставляли свои блага тем, кому бы и не хотели. Чтобы и с нами того не случилось, мы, пока живы и здоровы, предпошлем их в свой (небесный) град. Только таким образом мы будем иметь возможность насладиться ими, а иначе никак; таким образом мы положим их в надежном и безопасном месте. Ничто, ничто не может их отсюда исхитить: ни смерть, ни доверительные свидетельства, ни наследники, ни клеветы и наветы. Но кто сколько принес с собой, отходя отсюда, тем всем и будет наслаждаться непрерывно. А найдется ли такой несчастный,

который бы не захотел вечно утешаться своим стяжанием? Перенесем же свое богатство и положим его там. Для этого перенесения нам не нужно ни ослов, ни верблюдов, ни колесниц, ни кораблей: и от этих хлопот избавил нас Бог, — а нужны будут нам только бедные, хромые, слепые, недужные. Им-то поручен этот перевоз, они-то пересылают богатство на небо, они-то владетелей богатства вводят в наследие вечных благ, которого да достигнем и все мы (1).

* * *

Богатством мы тогда особенно обилуем, когда презираем его и ищем богатства только от Бога... Когда уже безопасны будут для нас и богатство и слава, тогда Бог и подаст нам их в изобилии. Но этот дар бывает безопасен тогда, когда не овладевает нами, не покоряет нас себе, не обладает нами, как рабами, но остается в нашей власти, как у господ и свободных. Для того-то Бог и не позволяет нам любить богатство и славу, чтобы они не овладевали нами. А когда мы достигнем такого совершенства, то Он и подаст нам их с великой щедростью... Кто счастливее того, кто ничего не имеет и всем

владеет? Ибо когда мы... не будем покоряться владычеству их [богатства и славы], тогда и будем ими обладать, тогда их и получим (1).

* * *

Если бы кто построил тебе дом там, где тебе не жить, — то не счел ли бы ты этого бесполезным? Как же ты желаешь быть богатым здесь, откуда еще до наступающего вечера можешь не один раз отойти? Разве не знаешь, что мы подобно странникам и пришельцам пребываем здесь на чужой стороне? Разве не знаешь, что пришельцев изгоняют, когда они не ждут того и не надеются? Такой участи подлежим и все мы на земле, поэтому что ни готовим здесь, здесь же и оставляем. Господь не позволяет нам при отшествии отсюда брать с собой: настроим ли домов или накупим полей, рабов, сосудов, или чего другого тому подобного. И не только не позволяет, отходя отсюда, брать это с собой, но не дает за то и платы. Ибо наперед сказал тебе: не собирай и не трать чужого, но собирай и трать только свое. Для чего же ты, оставив свое, трудишься над чужим и тратишь чужое, чтобы погубить и труд и

награду и после подвергнуться вечному наказанию? Не делай этого... Но поскольку мы пришельцы по естеству, то будем пришельцами и по произволению, чтобы там не быть пришельцами презренными и отверженными. Если пожелаем сделаться здешними гражданами, то не будем гражданами ни здесь, ни там. Если же здесь останемся пришельцами и будем жить, как свойственно жить пришельцам, то получим права граждан и здесь и там. Ибо праведник, даже ничего не имея, и здесь располагает всем как своим и, перейдя на небо, узрит вечные свои кровы; здесь не потерпит он никакой неприятности, ибо кто может сделать странником того, для кого вся земля отечество, а достигнув своего отечества, он получит истинное богатство. Итак, чтобы нам воспользоваться и теми и другими благами — как настоящими, так и будущими, будем употреблять настоящие как должно и таким образом будем и гражданами небесными, и получим великую свободу (1).

* * *

Презрение богатства делает людей искусными, ведет к прославлению Бога, воспламеняет

любовь, делает нас великодушными, ставляет иереями на священство, приносящее великую награду (1).

* * *

Хотя бы велики и драгоценны были богатства, но если человек не способен распоряжаться ими добродетельно, то все погибнет и исчезнет вместе с ним и причинит владельцу крайний вред, а если душа его будет благородна и любомудра, то хотя бы у него не было собрано ничего, он будет в состоянии свободно распоряжаться имуществом всех (1).

* * *

Если будем переносить все с благодарностью, то получим то же, [что и Иов]; а если не получим, то нас ожидает бóльшая награда. Так было с этим адамантовым мужем. Когда он мужественно перенес все, тогда Бог дал ему и богатство. Когда он доказал диаволу, что не из-за этого он служит Богу, тогда Бог дал ему и это. Так поступает Бог: когда видит, что мы не привязываемся к благам житейским, тогда и дает их нам; когда видит, что мы предпочитаем им блага духовные, тогда и дает нам и блага вещественные, впрочем, не

прежде дает их, чтобы мы не забыли о духовных. Таким образом, Он, щадя нас, не дает нам благ вещественных, чтобы хоть против воли отклонить нас от них. Нет, скажешь, напротив, когда я получу их, тогда удовлетворюсь и тем более стану благодарить Бога. Лжешь ты, человек. Тогда особенно ты и будешь лениться. Почему же, скажешь, Он многим дает. Но откуда видно, что Он дает? Кто же, скажешь, дает другой? Собственное их любостяжание, грабительство. А почему Он попускает это? Потому же, почему попускает убийство, воровство, насилие. А что, скажешь, думать о тех, кто получает наследство от родителей, несмотря на то что они сами исполнены бесчисленных пороков? Как Бог попускает им пользоваться богатством? Так же, как Он попускает ворам, убийцам и другим злодеям. Ныне время не суда, а благоустроения жизни... Они подвергнутся большему наказанию, если, наслаждаясь всеми благами, не сделаются от этого лучше. Не все будут наказаны одинаково, но оставшиеся злыми, несмотря на благодеяния, будут мучиться больше, а жившие в бедности — меньше... Итак, когда ты увидишь, что молодой

человек без трудов получил отцовское наследство и остался злым, то будь уверен, что ему готовится наказание сильнейшее и мучение жесточайшее (1).

* * *

Все здешнее нисколько не лучше сновидений. Ибо как работающие в рудопромыслах или несущие какое-либо другое, еще тягчайшее наказание, когда, уснув после многих трудов и самой горькой жизни, во сне увидят себя в удовольствии и богатстве, проснувшись, нисколько не рады бывают своим снам, так то же самое было и с тем богачом, который, пользуясь богатством в настоящей жизни как бы во сне, по отшествии отсюда потерпел тяжкое наказание (2).

* * *

Если ты желаешь, чтобы имущество твое было в безопасности и даже умножилось, я покажу тебе и способ к этому и место, куда невозможно проникнуть никому из людей злонамеренных. Какое же это место? Небо... Если ты сложишь это имущество там, то получишь от него большую прибыль, ибо все насаждаемое нами на Небесах, приносит бóльший и лучший плод, такой,

какой свойственно приносить растениям небесным... Пока ты будешь держать имущество при себе, то, может быть, найдутся люди, которые присвоят его себе, а если переложить его на Небо, то будешь вести жизнь безопасную, спокойную и безмятежную, наслаждаясь благодушием вместе с благочестием. Подлинно, весьма безрассудно, что желая купить поле, ищут земли плодородной, а когда предлагается вместо земли Небо и можно приобрести место там, остаются на земле и терпят на ней горести, потому что надежды [земные] часто обманывают нас (2).

* * *

Кто владеет богатством, тому нелегко вырваться из оков его: такое множество недугов объемлет его душу, т.е. страстей, которые, как густое и темное облако заграждая взоры ума, не позволяют взирать на небо, но заставляют преклоняться вниз и смотреть в землю. Нет, нет ничего другого, что столь препятствовало бы шествию на небеса, как богатство и происходящие от богатства беды. Не мое это слово, но приговор, произнесенный Самим Христом, Который сказал: *удобнее верблюду пройти сквозь*

игольные уши, нежели богачу войти в Царство Божие (Мф. 19, 24) (3).

* * *

Презирай имеющееся богатство, чтобы, если некогда оно и отойдет, тебе не предаваться скорби. Трать его на нужное, когда имеешь его, чтобы когда лишишься, тебе иметь двоякую пользу, — уготованную тебе награду за прекрасную трату и происходящее от презрениялюбомудрие, которое бывает полезно во время лишения богатства. Для того оно и называется имуществом, чтобы мы употребляли его на нужное, а не зарывали, для того оно называется стяжанием, чтобы мы владели им, а не были его владением. Ты — господин большого богатства? Не будь же рабом того, чего владыкой сделал тебя Бог, а не бываешь рабом тогда, когда тратишь его на должное, а не зарываешь. Нет ничего непостояннее богатства, нет ничего изменчивее благосостояния. Итак, поскольку обладание им непрочно и часто оно улетает от нас быстрее всякой птицы и убегает неблагодарнее всякого беглого раба, то чтобы нам, приобретя на непрочное богатство прочные блага, наследовать уго-

тованное на небесах сокровище, которого да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа (5).

* * *

Если ты богат, — подумай, что отдашь отчет: на блудниц истратил ты деньги или на бедных, на тунеядцев и льстецов или на нуждающихся, на распутство или на человеколюбие, на удовольствие, лакомство и пьянство или на вспоможение несчастным? И не в одной только трате потребуют у тебя отчета, но и в приобретении имущества: праведными ли трудами собрал ты его или хищением и лихоимством, получив ли родительское наследство или разорил дома сирот и расхитил имущества вдовиц? Как мы у своих слуг требуем отчета не только в расходе денег, но и в приходе, допрашивая: откуда, и от кого, и как, и сколько получили они денег, — так и Бог требует от нас отчета не только в употреблении, но и в приобретении (6).

* * *

Чем ты превозносишься? Богатством? Шелковыми одеждами? А того не подумаешь, что

они — пряди червей и изобретения иноплеменников, что их употребляют и блудницы, и развратники, и расхитители гробниц, и разбойники? Познай истинное богатство и оставь эту надменную и пустую гордость... Я говорю это для обвинения не богатых, а худо пользующихся богатством. Богатство не зло, если мы захотим пользоваться им как должно, а зло — гордость и тщеславие. Если бы богатство было злом, то мы все не молились бы войти в недра Авраама, который имел триста восемнадцать рабов, рожденных в его доме. Богатство, следовательно, — не зло, а зло — незаконное употребление его. Как прежде, говоря о пьянстве, я не вино осуждал, потому что *всякое творение Божие хорошо, и ничто не предосудительно, если принимается с благодарением* (1 Тим. 4, 4), — так и теперь я не богатых обвиняю и не богатство осуждаю, а худое употребление богатства, истрачиваемого на распутство. Потому оно и называется богатством, чтобы мы распоряжались им, а не оно нами, потому оно и называется стяжанием, чтобы мы владели им, а не оно нами. Для чего же раба ты делаешь своим господином (6)?

Ни богатство — не зло, но зло — худое употребление богатства, ни бедность — не добро, но доброе пользование бедностью — добро. Богач, живший при Лазаре, наказан не за то, что был богат, но за то, что был жесток и бесчеловечен... Если ты употребляешь богатство на дела человеколюбия, то этот предмет послужил для тебя поводом к добру, а если — на хищение, любостяжание и обиды, то ты обратил употребление его к противоположному, но не богатство причина этого, а тот, кто употребил богатство в обиду ближним... Богатство хорошо, но не вообще, а для того, кому оно не служит в грех (6).

Богатство — беглый раб, переходящий от одного к другому. И если бы оно только переходило, но не убивало, если бы перебегало, но не губило! А оно и оставляет без своего заступления, и предаёт мечу, и ввергает в пропасть, как злой предатель, причем и враждует особенно против тех, которые любят его. [Богатство] — это неблагодарный раб, неутолимый човекоубийца, неукротимый зверь, скала обрыва-

стая со всех сторон, подводный камень, непрерывно обуреваемый волнами, море, вздымаемое бесчисленными ветрами, свирепый тиран, властелин жесточе всякого варвара, враг непримиримый, неприятель неумолимый, не прекращающий никогда своей вражды к тем, которые владеют им (7).

* * *

[Перед плаванием] когда ты соберешь богатства больше потребности, то и слабый напор ветра, и случайное стечение неожиданных обстоятельств потопляет корабль вместе с людьми, если же ты будешь собирать столько, сколько требует нужда, то, хотя бы восстала сильная буря, ты удобно пройдешь через волны. Итак, не желай большего, чтобы не лишиться всего, и не собирай больше нужного, чтобы не потерять и нужного. Не преступай установленных пределов, чтобы вместе с тем не остаться без всякого имущества, но отсекай излишнее, чтобы тебе быть богатым в необходимом. Не видишь ли, что и земледельцы обрезают виноград, чтобы вся сила растения обнаруживалась не в листьях и ветвях, а в корне? То же делай и ты: отсекай листья и все

попечение направляй к принесению плодов. Если же ты пренебрегаешь этим во время благоденствия, то ожидай несчастья, во время тишины жди бури, во время здоровья ожидай болезни, во время богатства думай о бедности и нищете. *Во время сытости*, сказано в Писании, *вспоминай о времени голода, и во дни богатства — о бедности и нужде* (Сир. 18, 25). Если ты будешь так настроен, то и богатством станешь распоряжаться со здоровой рассудительностью, и приключившуюся бедность будешь переносить с непоколебимым мужеством. Зло, неожиданно случившееся, возмущает и тревожит нас, а ожидаемое, случившись, причиняет невеликое смущение. Таким образом, ты получишь два блага: во-первых, ты не опьянеешь и не обезумеешь от благоденствия, и, во-вторых, не будешь смущаться и тревожиться при перемене на противное, особенно если всегда будешь ожидать противного. Здесь ожидание заменит опыт. Например, ты богат? Каждый день жди бедности. Для чего и почему? Потому что это ожидание может быть для тебя особенно полезно. Кто ожидает бедности, тот и при богатстве не надмевается, не предается

изнеженности и рассеянности, не домогается чужого, потому что страх ожидания, как бы некоторый наставник, вразумляет, удерживает помыслы и не позволяется развиваться худым росткам от сребролюбия, страхом противного, как будто серпом, останавливая их и отсекая (7).

* * *

А почему, скажи мне, вождельно богатство? Потому что оно для многих, зараженных этой жестокой болезнью, кажется драгоценнее и здоровья, и жизни, и народной похвалы, и доброго мнения, и отечества, и домашних, и друзей, и родных, и всего прочего. До самых облаков достигает пламя этого костра, и сушу и море обнял огонь этой печи. Никто не тушит этого пламени, а раздувают все, как те, которые уже пленены, так и те, которые еще не пленены, чтобы быть плененными. Каждый может видеть, как все: и мужчина и женщина, и раб и свободный, и богатый и бедный, — каждый по своим силам день и ночь несут бремя, доставляющее великую пищу этому огню, бремя не дров и хвороста (не таков этот пламень), но душ и тел, неправды и беззакония. Именно этим обыкновенно

поддерживается такой пламень. Богатые никогда не оставляют этой безумной страсти, хотя бы овладели всей вселенной. И бедные стараются сравняться с ними, и какое-то неисцелимое соревнование, необузданное бешенство и неизлечимая болезнь объемлет души всех. Всякую другую любовь преодолела эта любовь и изгнала вон из души. Несмотря ни на дружбу, ни на родство, — что я говорю: дружбу и родство? — даже на жену и детей, любезнее которых ничего не может быть для мужей, но все брошено и попрано, потому что эта жестокая и бесчеловечная владычица овладела душами всех плененных. Подлинно она, как бесчеловечная владычица, как жестокая госпожа, как свирепый варвар, как всенародная и жадная блудница, срамит, терзает и бесчисленным подвергает опасностям и мучениям тех, которые отдались ей в рабство (7).

* * *

Но богатство, скажешь, доставляет уважение имеющим его и удобство мстить врагам. Итак, потому богатство кажется любезным и вождельным для вас, что оно питает в нас сильнейшие страсти, приводит в действие

гнев, поднимает славолубие до высочайшей степени, надмевает и доводит до безумия? Но потому особенно и нужно, не оглядываясь, бежать от него, что оно вселяет в ум наш некоторых диких и свирепых зверей, лишает истинного уважения у всех, а составляет обманутым иного рода уважение, подкрашенное только его красками, и заставляет считать это уважение истинным. Хотя оно по свойству своему не таково, а только по виду кажется таким... Ты хочешь отомстить оскорбившим тебя? Но поэтому особенно и нужно избегать богатства. Оно обыкновенно заставляет тебя поднимать меч против себя самого, подвергает тебя строжайшему суду в будущем и приговаривает невыносимое наказание. Мщение есть столь великое зло, что и Божие человеколюбие прекращалось от него и уже данное прощение в бесчисленных грехах через него отменялось. Так, тот, которому прощено было десять тысяч талантов и за простую просьбу дарована была столь великая милость, когда стал требовать от подобного себе раба сто динариев, т.е. стал требовать наказания за проступки в отношении к нему, то жестокостью к своему товарищу про-

изнес приговор против себя самого (7).

* * *

Как бывает с волнами морскими, что они то поднимаются на несказанную высоту, то вдруг опять падают, так точно мы видим, что люди, нерадящие о добродетели и преданные пороку, то высоко умствуют, поднимают брови и успевают в делах настоящей жизни, то вдруг уничижаются и приходят в крайнюю бедность. На них-то указывая, и блаженный пророк Давид говорил: *не бойся, когда разбогатеет человек, или когда увеличится слава дома его, — ибо при смерти он ничего не возьмет и не сойдет с ним слава его* (Пс. 48, 17–18). И хорошо сказал: *не бойся*. Пусть, говорит, не смущают тебя избыток его богатства и блеск славы. Спустя немного ты увидишь его лежащим на земле, неподвижным, мертвым трупом, сделавшимся пищей червей, лишенным всего этого (богатства и славы) и не могущим ничего взять с собой, но все оставившим здесь. Не смущайся же, смотря на настоящее, и не ублажай того, кто в скором времени должен лишиться всего этого. Таково ведь настоящее счастье и таково свойство

богатства: оно не сопутствует отходящим отсюда; оставив здесь все свое богатство, отходят они нагими и ничего неимущими, неся с собой одно нечестье и скопленное ими из-за богатства бремя грехов (8).

БОГОХУЛЬСТВО

Ничто так не оскорбляет Бога, как то, когда хулятся имя Его. И иудеев Он за это непрестанно обличал: *яко Мое имя оскверняется* (Ис. 48, 11); и еще: *вы хулите его* (Мал. 1, 12); и еще: *всякий день имя Мое бесславится* (Ис. 52, 5); и таково было Его попечение, чтобы этого не было, что Он часто спасал и недостойных, чтобы того не случилось. *Я поступил*, говорит Он, *ради имени Моего, чтоб оно не хулилось пред народами* (Иез. 20, 9); и еще: *не для вас Я сделаю это, дом Израилев, а ради святого имени Моего, которое вы обеславили у народов, куда пришли* (Иез. 36, 22). И Павел желал быть отлученным [от Христа] для славы Божией, и сам Моисей просил изгладить его из книги для славы имени Божия, а вы не только не хотите ничего потерпеть, чтобы устранить богохульство,

но делаете все, чем еще умножаете его и увеличиваете каждый день. Кто же оправдает вас? Кто простит вас? Никто. А такое попечение Бога и святых о том, чтобы не хулилось имя Его, оказывается не потому, чтобы Бог имел нужду в прославлении от нас (ибо Он вседозволен и совершен), но потому, что от такой хулы происходит великий вред для людей. Когда перед ними хулятся имя Божие и слава Его, то оно уже не приносит им никакой пользы (2).

* * *

Богу никто не может ни порицанием повредить, ни славословием доставить большую славу, но Он всегда остается в своей славе, не возвеличиваясь от славословий и не умаляясь от хулений; и те из людей, которые прославляют Его по достоинству, — впрочем, никто не может прославлять Его по достоинству, а только по своей силе, — получают себе пользу от этого славословия. Те же, которые хулят и унижают Его, вредят собственному спасению. Изречение: *кто бросает камень вверх, бросает его на свою голову* (Сир. 27, 28), сказано о богохульниках (2).

* * *

Сколько огорчений встречается каждый день! Какова же должна быть душа, чтобы не роптать и не унывать, но благодарить, прославлять и почитать поклонением Того, Кто попускает такие искушения? Сколько неожиданностей, сколько стеснительных обстоятельств! Между тем надо подавлять лукавые помыслы и не позволять языку произносить что-нибудь неуместное, как и блаженный Иов, претерпевая бесчисленные скорби, не переставал благодарить Бога. А есть такие, которые если потерпят в чем-нибудь неудачу, или услышат злословие от кого-либо, или подвергнутся болезни, например, ног или головы, или какой-нибудь другой, тотчас начинают богохульствовать и таким образом тяжесть болезни несут, а пользы от нее лишаются. Что делаешь ты, человек, произнося хулу на своего Благотелья, Спасителя, Заступника и Промыслителя? Или не чувствуешь, что ты несешься к пропасти и ввергаешь себя в бездну крайней погибели? Неужели ты облегчишь свое страдание, если будешь богохульствовать? Нет, ты только увеличиваешь его и делаешь свое мучение более тяжким.

Для того диавол и наводит бесчисленные бедствия, чтобы низринуть тебя в эту бездну, и если видит, что ты богохульствуешь, то немедленно умножает и усиливает горести, чтобы мучимый ими, ты опять возроптал. А если видит, что ты переносишь мужественно, и чем более усиливается страдание, тем более благодаришь Бога, то он тотчас отступает, как уже нападающий тщетно и напрасно. Как пес, стоя у стола и видя, что человек, вкушающий пищу, часто бросает ему что-нибудь из лежащего на столе, остается тут безотлучно, если же, постояв раз и два, не получит ничего, то отходит прочь, как приставший тщетно и напрасно, так и диавол постоянно стоит перед нами с открытой пастью: если бросишь ему, как псу, богохульное слово, то он, схватив его, опять приступит. Если же всегда будешь благодарить Бога, то уморишь его голодом и скоро отгонишь и заставишь отбежать. Но ты не можешь молчать, страдая от горести? И я не запрещаю тебе говорить, но вместо хулы — благодарение, вместо ропота — благословение. Исповедуйся Господу, громко восклицай — молясь, громко восклицай — прославляя Бога.

От этого у тебя и страдание облегчится, так как диавол отбежит вследствие благодарения, а помощь Божия приблизится. Если ты будешь богохульствовать, то и помощь Божию отстранишь, и диавола усилишь против себя, и себя подвергнешь большим страданиям. Если же будешь благодарить, то и козни лукавого демона отразишь, и привлечешь к себе помощь Бога-промыслителя. Часто язык по привычке порывается произнести худое слово, но когда он будет порываться, то прежде нежели он произнесет такое слово, прикуси его крепко зубами. Лучше ему теперь истечь кровью, нежели тогда, почувствовав нужду в капле воды, не получить этого утешения, лучше ему потерпеть временную боль, нежели тогда подвергнуться наказанию вечным мучением, подобно как и язык того богача, опаленный огнем, не получил никакой прохлады. Бог заповедал тебе любить твоих врагов, а ты отвращаешься и от любящего тебя Бога? Заповедал превозносить поносящих, благословлять клянущих, а ты злословишь Благодетеля и Покровителя, не потерпев ничего худого? Разве Он не мог отворотить искушения? Но он по-

пустил для того, чтобы ты сделался опытнее. Но вот, говоришь ты, я падаю и гибну. Не от свойства искушения, а от собственной твоей беспечности. Что легче, скажи мне, хула или благодарение? Та не делает ли слышащих ее врагами тебе и неприятелями, не ввергает ли в уныние и не причиняет ли потом великой скорби? А это не доставляет ли тебе бесчисленных венцов за любоумудрие, бесчисленных знаков удивления от всех и великих наград от Бога? Почему же ты, оставляя полезное, удобное и приятное, вместо этого гонишься за тем, что вредит, печалит и мучит? Кроме того, если бы причиной богохульства была тяжесть искушения и бедности, то всем бедным надлежало бы богохульствовать, а между тем многие из живущих в крайней бедности постоянно благодарят Бога, а другие, наслаждаясь богатством и весельем, не перестают богохульствовать. Таким образом, не существо вещей, а наше произволение бывает виной того и другого (3).

БОДРСТВОВАНИЕ

Плывущим на корабле не угрожает никакая опасность, хотя бы они все спали, а бодрствовал

только один кормчий, так как его бодрствование и искусство без всего прочего достаточны для безопасности плавания. Здесь же не так, но хотя бы проповедующий непрестанно бодрствовал, если слушающие не окажут такого же бодрствования, то наша речь как бы погрузится в море и погибнет, не встретив души, которая приняла бы ее. Будем же бодрствовать, будем внимательны: наше плавание имеет в виду важнейшие предметы, мы плывем не за золотом, серебром и другими погибающими вещами, но за будущей жизнью и небесными сокровищами, и здесь гораздо больше путей, нежели на море и на земле, так что если кто-то не умеет верно находить их, он подвергнется жесточайшему кораблекрушению. Итак, все вы, плывущие с нами, оказывайте не беспечность сидящих на корабле, но неусыпность и заботливость кормчих... Если же они, плавая за земными вещами по вещественному морю, постоянно сохраняют такую бодрость души, то тем более нам нужно находиться в таком настроении, потому что здесь и больше опасности для беспечных, и больше безопасности для бодрствующих. Ладья у нас построена не из досок, но

составлена из Божественных Писаний, не звезды сверху руководят ею, но Солнце правды направляет наше плавание, и мы сидим при руле, ожидая не дуновений ветра, но тихого веяния Духа (2).

* * *

Человеку бодрствующему, внимательному и имеющему пламенную любовь к Богу ничто никогда не может препятствовать беседовать с Господом... Где душа бодрствующая, там ум окрыляется и освобождается, так сказать, от уз тела, взлетает к предмету любви и, презирая землю и становясь выше всего видимого, стремится к Нему (6).

БОЛЕЗНИ

Если ты, возлюбленный, подвергнешься болезни, горячке или ранам и боль будет заставлять тебя сказать какую-нибудь хулу, но ты воздержишься, будешь благодарить и славить Бога, то получишь награду. И для чего роптать, скажи мне, и произносить богохульные слова? Разве боль делается от этого легче для тебя? Даже если бы она и делалась легче, и тогда не следовало бы решаться на это и терять спасение души, заботясь доставить

облегчение своему телу. Между тем боль от этого не только не облегчается, но еще становится тяжелее. Ибо диавол, видя, что он получил некоторый успех, доводя тебя до ропота, разжигает болезнь, чтобы ты исполнил его желание. Таким образом, если бы даже, как я сказал, боль и облегчилась, не должно делать этого. Если же ты не получаешь никакой пользы, то для чего губишь сам себя? Но ты не можешь молчать? В таком случае благодарите Бога, прославляйте Того, Который искушает тебя. Вместо ропота произноси славословие. Тогда и награда твоя великая, и боль сделается легче...

Итак, мужественно переноси все случающееся, это для тебя — мученический подвиг. Ибо не только то составляет мученичество, когда кто получает приказание принести жертву и не приносит ее, и даже решается лучше подвергнуться терзаниям, нежели исполнить это, но и то делает мучеником, когда кто-либо, не смотря на боль, принуждающую роптать, решается терпеть и не говорить ничего непристойного. Так Иов не за то увенчан, что получил повеление принести жертву и не принес ее, но за то, что мужественно перенес скорби (1).

* * *

Если [Христос] прославляет тех, которые напоили Его, одели и напитали, тем более тех, которые ради Него решили потерпеть мучения. Не все равно, дать ли хлеб и одежду или вытерпеть продолжительную болезнь? Нет, последнее гораздо труднее первого, а чем больше труд, тем блистательнее будет и венец. Об этом будем и сами размышлять, и здоровые и больные, и с другими говорить, и как увидим себя когда-либо в тяжелой горячке, скажем себе вот что: «А что если бы кто взвел на нас обвинение, затем повлекли бы нас в суд, а там схватили бы и начали бить по бокам, не пришлось ли бы нам и поневоле вытерпеть все, и притом без всякой пользы и награды?» Так будем рассуждать и теперь, будем притом представлять себе и награду за терпение, которая может ободрить и впавшую [в уныние] душу. Но если горячка жестока? Так сопоставь с этой горячкой огонь гееннский, которого ты, наверно, избежешь, если решишь терпеливо вынести эту болезнь. Вспомни об апостолах, сколько они страдали, вспомни о праведниках, как они постоянно были в скорбях. Вспомни о блаженном Тимофее, — он

никогда не имел покоя от болезни, но жил в постоянном недуге. На это-то указывая, Павел говорил: *употребляй немного вина, ради желудка твоего и чаштых твоих недугов* (1 Тим. 5, 23). Если же такой праведник и святой, которому вверено было управление вселенной, который воскрешал мертвых, изгонял демонов и исцелял других от бесчисленных болезней, если он страдал так тяжко, то какое извинение будешь иметь ты, который и в кратковременных болезнях смущаешься и ропщешь? Не слышал ли ты, как Писание говорит, что *Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает* (Евр. 12, 6)? Как многие и сколько раз хотели получить мученический венец? Вот это [терпение в болезни] настоящий мученический венец! Мучеником бывает не тот только, кто, получив повеление [от мучителя] принести жертву [языческим богам], порешил лучше умереть, чем принести эту жертву, нет, мученичество, очевидно, есть и то, когда человек вообще соблюдает [ради Христа] что-либо такое, чем может навлечь на себя смерть... Если отвергнешь волхования,

чары и ворожбы и умрешь от болезни, будешь совершенный мученик, потому что, когда обещали тебе выздоровление посредством нечестия, ты порешил лучше умереть с благочестием... Это сказано нами к тем, которые хвалятся и говорят, что демоны исцеляют (2).

* * *

Для стяжания славы нет ничего равного терпению, проявляющемуся при болезнях. Подлинно, эта добродетель — царица благ по преимуществу и вершина венцов. Подобно тому как оно царствует над остальными добродетелями, так точно и в нем самом в особенности этот вид блистательнее прочих... Ни потеря имущества, — даже если бы кто-нибудь лишился всего, что имел, — ни лишение чести, ни изгнание из отечества и отведение в чужую страну, ни мучение трудом и работой, ни жизнь в темнице, ни пребывание в узах, ни порицания, бранные речи и насмешки, — не сочти, в самом деле, мужественного перенесения всего этого даже и за малый вид терпения, а что это так, показывает Иеремия, столь великий и славный муж, который немало был

смущаем этим искушением (см.: Иер. 15), — ни это все, ни потеря детей, даже если бы они были похищены все разом, ни непрерывно наступающие враги, никакое другое подобного рода бедствие, даже и самая вершина того, что считается печальным, — смерть, до такой степени страшная и ужасная, — не так тяжела, как телесный недуг... Чем больше усиливаются мучения, тем больше увеличиваются и венцы; чем больше обжигают золото, тем чище оно становится... Для тех, кто благородно переносит что-нибудь, это, действительно, столь великое благо, что Бог, если найдет кого согрешившим весьма тяжко, освобождает от тяжело-го бремени грехов, а если найдет украшенного добродетелями и праведного, то и для того делается прибавка не малого, но даже и очень великого дерзновения перед Ним. Так страдания плоти служат и блестящим венцом для праведных, сияющим гораздо светлее солнца, и величайшей очистительной жертвой для согрешивших... Не желай смерти и не пренебрегай заботами о своем теле, потому что и это не бесполезно. Потому и Павел советует Тимофею тщательно заботиться о себе (7).

БРАК

Апостол Павел, предписывая коринфянам закон о браке, присовокупил: *жене муж должную любовь да воздает* (1 Кор. 7, 3). Что хочет он выразить этими словами? Неужели то, чтобы он сберегал ей денежные доходы, чтобы хранил в целости приданое, чтобы доставлял драгоценные одежды, или роскошнейший стол, или блистательные издержки, или большой ряд слуг?.. Нет, говорит апостол, ничего такого я не разумею, но говорю о целомудрии и чистоте. Тело мужа уже не принадлежит мужу, но жене. Пусть же он хранит в целости собственность ее, пусть не уменьшает и не повреждает ее, ибо и из слуг тот называется преданным, который, приняв имущество господ, ничего не тратит из него. Поэтому, так как тело мужа есть собственность жены, то пусть муж будет верен в отношении к этому залогу. А то, что он действительно разумел это, когда сказал: *любовь да воздает*, для того он присовокупил: *жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена* (1 Кор. 7, 4). Итак, когда ты видишь блудницу, соблазняющую,

увлекающую, жаждущую твоего тела, то скажи ей: это тело не мое, но принадлежит моей жене, я не смею злоупотреблять им и отдать его другой женщине. Так пусть поступает и жена. В этом между ними совершенное равенство, хотя в других отношениях Павел отдает большое преимущество мужу и говорит так: *так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя; а жена да боится своего мужа* (Еф. 5, 33); и еще: *муж есть глава жены; и еще: жены, повинуйтесь своим мужьям* (Еф. 5, 23, 22); также в Ветхом Завете сказано: *к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою* (Быт. 3, 16). Как же здесь он [Павел] определил равную взаимность подчинения и господства? Ибо сказать: *жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена*, значит определить некоторое полное равенство. Как муж есть господин ее тела, так и жена — госпожа его тела. Почему же он определил такое равенство? Потому что когда дело идет о целомудрии и чистоте, то муж не имеет никакого преимущества перед женой, но подобно ей наказывается, если нарушает законы брака, и весьма спра-

ведливо. Ибо не для того пришла к тебе жена, оставила отца и мать и весь дом, чтобы подвергаться оскорблению, чтобы ты принимал вместо нее низкую служанку, чтобы делал ей множество неприятностей; ты взял в ней спутницу, подругу жизни, свободную и равночестную. Подлинно, не безрассудно ли, получив приданое, показывать всю благорасположенность и нисколько не уменьшать его, а то, что драгоценнее всякого приданного, целомудрие и чистоту и тело свое, которое есть собственность жены, растлевать и осквернять? Если ты истратишь приданое, то отвечаешь перед тестем, а если потеряешь целомудрие, то дашь отчет Богу, который установил брак и вручил тебе жену (1).

* * *

Чтобы отсечь самые корни зла, пусть те, которые имеют детей, находящихся в юношеском возрасте, и намереваются ввести их в мирскую жизнь, скорее соединяют их узами брака, потому что еще в юности возмущают их страстные желания. До времени брака воздерживайте их увещаниями, угрозами, страхом, обещаниями и другими бесчисленными

средствами, а когда наступит пора брака, пусть никто не медлит связывать детей своих узами брака... Итак, когда сын возрастет, то прежде чем вступить в воинское звание или другой род жизни, позаботься об его супружестве. И если он будет знать, что ты скоро приведешь ему невесту и что уже немного остается времени до брака, то в состоянии будет терпеливо переносить пламя страсти... И так как никто не заботится о том, каким бы образом сына сделать целомудренным и скромным, а все с неистовством прилепляются к золоту, ради которого никто и не имеет попечения о целомудрии, то умоляю вас прежде всего заботиться об их душах. Если вступит в брак с невестой непорочной, если будет знать только ее тело, то и любовь будет пламеннее, и больше будет страха Божия, и брак будет подлинно честный, связывая тела чистые и нескверные, и рождаемые будут исполнены всякого благословения. И будут угождать друг другу женами и невеста, ибо будут незнакомы с привычками посторонних людей, будут взаимно подчиняться друг другу. А кто с юных лет начал вести жизнь распутную и ознакомился с обычаями

блудниц, тот в первый и второй вечер будет любоваться своею женою, а после скоро обратится к прежнему распутству, к чрезмерному и бесчинному смеху, будет искать речей, исполненных бесстыдства, телодвижений страстных и всякой другой мерзости, о которой нам и говорить неприлично. Жена же благородная не допустит этого и не позволит осквернять себя. Она вышла замуж для сожительства и для деторождения, а не для распутства и смеха, для того, чтобы беречь дом, научить и мужа быть честным, а не для того, чтобы воспламенять в нем сладострастие (1).

* * *

У нас жена справедливо подчинена мужу потому, что равенчество могло бы произвести вражду, и потому, что вначале от жены произошло обольщение. Она подчинена не тотчас по сотворении. Когда Бог привел ее к мужу, она не слышала от Бога ничего такого, и муж ничего подобного не выразил ей, а сказал, что она кость от костей его и плоть от плоти его, а о власти же и подчинении ничего не говорил. Но когда она злоупотребила своей властью, сделавшись из помощницы обольстительницей, и по-

губила все, тогда справедливо услышала слова: *к мужу твоему влечение твое* (Быт. 3, 16). Так как этот грех мог возбудить вражду в нашем роде, ибо после такого события не послужило бы к миру то, что жена произошла от мужа, напротив, то самое, что, произойдя от него, она не пощадила собственного члена, еще более раздражало бы мужа, — то Бог, видя злобу диавола, оградил их этим словом как бы стеной, уничтожил таким определением вражду, которая должна была произойти после обольщения, поставив как бы оплот против естественной страсти — происходящего от греха злопамятства... Следовательно, власть мужа над женой естественна... Ты, жена, не ожидай доброты от мужа, чтобы после того показать и свою: в этом не будет ничего важного. И ты, муж, не ожидай благонравия от жены, чтобы после того и самому быть любомудрым: это уже не будет подвигом, но каждый пусть первый исполняет свои обязанности... Купец не спускает в море корабля и не принимается за торговлю прежде, нежели заключит со своим товарищем условий, которые обеспечили бы взаимное их спокойствие. Так и мы будем принимать все меры,

чтобы внутри своего корабля сохранять мир с сообщницей нашего житейского поприща, тогда и все прочее будет у нас спокойно и мы безопасно переплывем море настоящей жизни. Об этом мы должны печься более, нежели о доме, рабах, деньгах, полях и даже делах гражданских. Всего драгоценнее должно быть для нас то, чтобы не иметь вражды и распри со своей сожительницей, ибо и все прочее пойдет у нас хорошо, и в делах духовных мы будем иметь благоуспешность, когда станем с единомыслием нести бремя настоящей жизни в браке (1).

* * *

Брак считается делом честным и у нас, и у язычников; и действительно, он есть дело честное. Но сколько к нему примешалось злоупотребления по неразумию людей, и при совершении браков делается так много смешного. Многие, следуя обычаю и жертвуя ему умом своим, даже не замечают нелепости всего этого, но еще обращаются к другим за наставлениями... Так как брак есть дело честное, служащее к продолжению человеческого рода и доставляющее много благ, то лукавый, снедаясь

завистью и зная, что брак предохраняет от прелюбодеяния, водит другими путями то же прелюбодеяние (1).

* * *

Нет, поистине нет ничего драгоценнее, как быть любимым женой и любить. *Жена и муж, согласно живущие между собою* (Сир. 25, 2), говорит премудрый, поставляя это в число блаженств, ибо в этом все богатство, все счастье жизни, а без этого все прочее бесполезно в браке, все неустроенно и исполнено неприятностей и огорчений (1).

* * *

Девство я считаю гораздо досточтимее брака, и однако через это я не поставляю брака в числе худых дел, но даже очень хвалю его. Он есть пристань целомудрия для желающих хорошо пользоваться им, не позволяя неистовствовать природе. Выставляя законное совокупление как оплот и таким образом удерживая волны похоти, он поставляет и сохраняет нас в великом спокойствии... Запрещаю я блуд и прелюбодеяние, но брак никогда. И дерзающих на первое я наказываю и отлучаю от церковного общества, а избравших послед-

нее, если они соблюдают целомудрие, я непрестанно хвалю (2).

* * *

Брак есть добро, потому что сохраняет мужа в целомудрии и не допускает погибнуть уклоняющемуся в прелюбодеяние. Поэтому не оуждай брака. Он приносит большую пользу, не дозволяя членам Христовым сделаться членами блудницы, не попуская святому храму быть оскверненным и нечистым. Он есть добро, потому что укрепляет и исправляет готового пасть. Но на что он тому, кто стоит твердо и не нуждается в его помощи? Здесь он уже не полезен и не необходим, но даже служит препятствием для добродетели не только тем, что причиняет много неудобств, но и тем, что уменьшает большую часть похвал (2).

* * *

Заслуживает исследования и следующее: если *брак честен и ложе непорочно* (Евр. 13, 4), то почему [апостол] не допускает их во время поста и молитвы? Потому, что весьма странно было бы: если даже иудеи, у которых все имело отпечаток плотский, которым позволялось даже иметь

по две жены, одних изгонять, а других брать, так предохраняли себя в этом деле, что, приговорясь слушать Слово Божие, воздерживались от законного соития, притом не один день, и не два, а несколько дней (см.: Исх. 19), то было бы странно, если бы мы, получившие такую благодать, принявшие Духа, умершие и спогребшиеся Христу, удостоившиеся усыновления, возведенные в такую почесть, после столь многих и столь великих благ не прилагали усердия одинакового с этими детьми. Если же кто-то стал бы опять спрашивать, почему сам Моисей отклонял иудеев от брачного общения, я сказал бы, что брак хотя и честен, но может достигать только того, что не оскверняет живущего в нем, а сообщать еще святость один он не в состоянии, — это уже дело не его силы, но девства... Тот, кто молится и постится как следует, должен отказаться от всякой житейской похоти, от всякой заботы и рассеянности и, вполне сосредоточившись в самом себе во всех отношениях, в таком состоянии приступать к Богу. Поэтому пост и есть добро, что он устраняет заботы души и, прекращая угнетающую ум дремоту, обращает все помыслы

к ней самой. На это и Павел намекает, когда отклоняет от совокупления, и употребляет выражение весьма точное. Он не сказал: да не оскверняетесь, но: *для упражнения в посте и молитве* (1 Кор. 7, 5); так как сообщение с женой ведет не к нечистоте, но к неупражнению [в посте и молитве].

Если теперь после такой предосторожности диавол старается препятствовать нам во время молитвы, то, застигнув душу расслабленной и изнеженной от пристрастия к жене, чего не делает он, развлекая туда и сюда наши мысленные очи? Чтобы нам не потерпеть этого и не обращаться к Богу с напрасной молитвой, особенно когда мы стараемся преклонить Его на милость к нам, апостол и повелевает удаляться тогда от [брачного] ложа.

...Ни слуга не станет раздражать господина, ни подданный царя так, как мы ежедневно прогневаем Бога. Объясняя это, и Христос назвал грехи по отношению к ближнему динариями, а грехи по отношению к Богу — *десятью тысячами талантов* (Мф. 18, 23–35). Потому, когда мы в молитвах прибегаем к Нему с намерением утишить такой гнев и умиловить его, так

прогневаемого нами каждый день, [апостол] справедливо отклоняет нас от упомянутого наслаждения и как бы так говорит: «Возлюбленные, речь идет у нас о душе, опасность предстоит крайняя, нужно трепетать, страшиться и сокрушаться; мы приступаем к грозному Владыке, многократно оскорбленному нами, имеющему против нас великие обвинения и за великие грехи. Теперь не время объятий или наслаждений, но слез и горьких стенаний, коленопреклонения, тщательного исповедания, прилежного сокрушения, многих молитв». Благо будет тому, кто, с таким усердием приступив и припадая к Богу, смягчит гнев Его не потому, что Господь наш жесток и непреклонен, — напротив, Он очень кроток и человеколюбив, — но чрезмерность наших грехов не попускает даже и благому, кроткому и многомилостивому скоро прощать нас. Поэтому и говорит [апостол]: *упражняйтесь в посте и молитве* (2).

* * *

Если же кто-то хочет яснее знать, что значит, *имея жену, не иметь ее*, то пусть посмотрит на неимеющих ничего и распяв-

шихся [для мира], как они живут. Как же они живут? Они не нуждаются покупать ни множества служанок, ни золотых вещей и ожерелий, ни светлых и больших домов, ни такого-то и такого-то количества десятин земли, но, оставив все это, заботятся только об одной одежде и пище своей. И имеющий жену может вести себя согласно такому любомудрию. *Не уклоняйтесь друг от друга* (1 Кор. 7, 5) сказано только о совокуплении. В этом он [апостол Павел] повелевает следовать друг за другом и не оставляет им власти над собой, а в чем должно держаться другого любомудрия, — например, в одежде, в пище и во всем прочем, — в том один не подчинен другому, но мужьям можно, — хотя бы жена и не хотела, — отказаться от всякой роскоши и удручающего множества забот. И жене также нет никакой необходимости против воли украшаться и заботиться об излишнем. Это и справедливо, потому что та похоть естественна и поэтому простибельна и один [из супругов] не властен лишать в этом другого без его воли, а страсть к роскоши, расточительности и бесполезным заботам не зависит от природы, но проис-

ходит от беспечности и высокомерия. Поэтому [апостол] и не повелевает вступившим в брак подчиняться друг другу в этих делах, как в тех. Таким образом, *имея жену, не иметь ее*, означает то, чтобы мы не принимали на себя излишних забот, происходящих от капризов и изнеженности жен, но прилагали столько забот, сколько требуется для одной преданной нам души и притом расположенной жить в браке мудро и скромно (2).

* * *

Брак называется браком не по [телесному] соитию — иначе и прелюбодеяние было бы браком, — но потому, что вступающая в брак привязывается к одному мужу и этим благородная и целомудренная женщина отличается от распутной. Если она постоянно будет довольствоваться одним мужем, то брак справедливо будет называться этим именем, но если она вместо одного вводит многих мужей в дом свой, то хотя и не смею назвать это прелюбодеянием, однако сказал бы, что она много уступает той, которая кроме одного не знала другого мужа. Та вняла словам Господа: *оставит человек отца и мать и прилепится к жене*

своей, и будут два одною плотью (Мф. 19, 5); прилепилась к мужу, как к собственной своей плоти, и не забыла однажды данной ей главы. А эта не считает собственной плотью ни первого, ни второго мужа, ибо первый изгнан вторым, а второй первым; и она уже не может хорошо помнить первого мужа, привязавшись после него к другому, и на последнего не может смотреть с надлежащей любовью, так как ум ее обращается и к покойному* (2).

* * *

Когда мы в брак вступаем, то и это должны делать для Бога, имея в виду не то, чтобы получить богатое имение, но чтобы найти в жене благородство души, не множество денег и знаменитость предков, но добродетель и кротость нравов. Мы должны брать спутницу в жизни, а не участницу в пиршествах (2).

* * *

А о чем вы писали ко мне, то хорошо человеку не касаться женщины. Но, во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа

* Здесь речь идет о вдовах.

(1 Кор. 7, 1, 2). Павел преподает закон о браках, и не стыдится, не уклоняется — и совершенно справедливо. Если Господь его почтил брак и не постыдился, но украсил это дело и присутствием своим и даром — ведь Он принес и дары больше всех, превратив воду в вино, — то как стал бы стыдиться раб, преподавая закон о браке? Не брак — порочное дело, но порочно прелюбодеяние, порочное дело — блуд, а брак есть врачество, истребляющее блуд. Не будем же бесчестить его диавольскими торжествами, но как поступили жители Каны Галилейской, так пусть поступают и ныне вступающие в брак: пусть они имеют среди себя Христа...

Две цели, для которых установлен брак: чтобы мы жили целомудренно и чтобы делались отцами, — но главнейшая их этих двух целей — целомудрие. После того как появилась похоть, введен и брак, пресекающий неумеренность и побуждающий довольствоваться одной женой. А рождение детей, конечно, происходит не от брака, но от слов, сказанных Богом: *плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю* (Быт. 1, 28). Это доказывают те, которые, вступив в брак,

не делались отцами. Таким образом, главная цель брака — целомудрие, особенно теперь, когда вся вселенная наполнилась нашим родом. Вначале желательно было иметь детей, чтобы каждому оставить память и остаток после своей жизни. Когда еще не было надежды на воскресение, но господствовала смерть, и умиравшие думали, что после здешней жизни они погибают, тогда Бог давал утешение в детях, чтобы оставались одушевленные образы отошедших, чтобы сохранился род наш и умиравшие и близкие к ним имели величайшее утешение в их потомках... Когда же наконец воскресение стало при дверях и нет никакого страха смерти, но мы идем к другой жизни лучшей, нежели настоящая, то и забота о том сделалась излишней. Если же ты желаешь детей, то можешь приобрести лучших и полезнейших теперь, когда введено некоторое духовное чревоношение, лучшее рождение и полезнейшие питатели старости. Следовательно, некоторым образом — одна цель брака, чтобы не предаваться блудодеянию, и для этого введено такое врачество. Если же ты намереваешься и в браке предаваться блудодеянию, то

излишне было тебе и вступать в брак, бесполезно и напрасно, и не только напрасно и бесполезно, но и вредно, потому что не одинаковое дело — предаваться блуду, не имя жены, или в браке опять делать то же самое. Последнее уже не блуд, а прелюбодеяние (6).

* * *

Немаловажное дело — брак благоустроенный; равно как для тех, которые живут в нем ненадлежащим образом, он бывает причиной множества несчастий. Жена как бывает помощницей, так часто бывает и вредительницей. Брак есть как пристань, так и кораблекрушение не по своему свойству, но по расположению худо живущих в нем. Кто соблюдает его должным образом по законам, тот после дел на торжище и всех разнообразных зол находит некоторое утешение и отраду в своем доме и в своей жене, а кто принимает на себя это дело необдуманно и как случилось, тот хотя бы на торжище наслаждался великим миром, по прибытии домой встречает скалы и подводные камни. Поэтому... необходимо со вниманием слушать сказанное и, кто намеревается вступить в брак, делать

это согласно с законами Павла, или, лучше, с законами Христа (6).

БРАТЬЯ

Не хочу оставить вас, братья (1 Кор. 10, 1). Учеников он [апостол Павел] назвал братьями, не по достоинству их, но по любви к ним называя их этим именем. Он знал, хорошо знал, что нет ничего равного ей [любви] и что высочайший вид достоинства есть тот, который выражает любовь. Этому прежде всего будем подражать и мы. Хотя бы иные были гораздо ниже нас, будем называть их почтительным именем — не только свободных, но и рабов, не только богатых, но и бедных. И Павел почтил таким названием не только богатых между коринфянами, не только свободных, знатных и славных, но и простых людей, и рабов, и всех вообще, потому что *нет раба, ни свободного... во Христе Иисусе*, нет ни варвара, ни скифа, ни мудрого, ни немудрого, но уничтожено всякое неравенство житейского достоинства (Гал. 3, 28). И что удивительного, если Павел так называет подобных себе рабов, когда и Владыка его так назвал род наш, сказав:

возвещу имя Твое братьям моим, среди церкви воспою Тебя (Пс. 21, 23). И не только назвал Он нас братьями, но и Сам благоволил сделаться нашим братом, облекшись нашей плотью и сделавшись причастником одного с нами естества. Этому самому удивляясь, Павел говорил: не Ангелов восприимлет Он, но восприимлет семя Авраамово. Посему Он должен был во всем уподобиться братьям; и еще: как дети причастны плоти и

крови, то и Он также восприимал оные (Евр. 2, 14, 16–17).

Слыша все это, исторгнем из души нашей высокомерие, гордость и всякую надменность и с великим тщанием будем стараться называть ближних именами почтительными и уважительными. Хотя это дело кажется маловажным и ничтожным, однако оно бывает причиной многих благ, равно как противное тому часто производило много несогласий, ссор и вражды (6).

ВДОВА

Если все мы почитаем и уважаем тех жен, которые живут воздержанно еще при жизни своих мужей, то как не почитать и не хвалить тех, которые и по смерти своих мужей оказывают прежнее к ним благорасположение (2)?

* * *

Ты, вдова, может быть, хочешь слышать слова [умершего] мужа и наслаждаться дружбой с ним, желаешь по-прежнему общаться с ним и пользоваться бывшей при нем славой, блеском, почетом и спокойствием, и потеря всего этого смущает и омрачает тебя? Любовь к нему ты можешь сохранять и теперь так же, как и прежде. Сила любви такова, что она объемлет, совокупляет и соединяет не только тех, которые находятся при нас или близко к нам и которых мы видим, но и тех, которые удалены от нас. Ни продолжительность времени, ни дальность расстояния и ничто

другое не может прервать и прекратить душевную дружбу. Если же ты желаешь и видеть его лицом к лицу... то соблюди ложе его недоступным для другого мужа, постарайся сравняться с ним по жизни, и ты, конечно, отойдешь отсюда в один и тот же с ним лик и будешь жить вместе с ним не пять лет, не двадцать или сто, как здесь, даже не тысячу или две, не десять тысяч или несколько десятитысячелетий, но беспредельные и бесконечные века. Наследование теми местами упокоения получается не по телесному родству, но по одинаковому образу жизни (2).

* * *

Вдова, только поначалу став ниже девственницы, при конце опять равняется и делается одинаковой с нею, а второй брак ниже девства с той и другой стороны. Кроме того, та, которая легко переносит вдовство, конечно, часто воздерживается и при жизни мужа, а та, которая считает это состояние невыносимым,

готова жить не только с двумя или тремя, но и с гораздо большим числом мужей, и только с наступлением старости едва делается воздержанной. Поэтому как первый брак есть доказательство великой честности и целомудрия, так второй есть знак — не скажу сладострастия, нет, — но души слабой и весьма плотской, привязанной к земле и неспособной никогда помыслить ничего великого и высокого. Если же кто-то скажет, что доброе дело остается добрым, случится ли оно однажды или дважды или несколько раз (ибо оно будет одинаково добрым, а кто часто делает добро, тот по справедливости более восхваляется, так что если и брак есть дело доброе, то часто пользующийся им похвальнее и почтеннее того, кто пользуется им редко), то мы ответим, что такое умствование может увлечь простодушных, но рассудительные легко могут понять его лживость. Брак называется браком не по [телесному] соитию — иначе и прелюбодеяние было бы браком, — но потому, что вступающая в брак привязывается к одному мужу, и этим благородная и целомудренная женщина отличается от распутной. Если она постоянно будет удовлетво-

ваться одним мужем, то брак справедливо будет называться этим именем, но если она вместе одного вводит многих мужей в дом свой, то хотя и не смею называть это прелюбодеянием, однако сказал бы, что она много уступает той, которая кроме одного не знала другого мужа (2).

* * *

Жена связана законом, доколе жив муж ее (1 Кор. 7, 39). *И кто женится на разведенной, тот прелюбодействует* (Мф. 5, 32). Когда же, скажешь, можно будет ей вступить во второй брак? Когда она освободится от цепей, когда умрет муж. Объясняя это, апостол не прибавил так: когда скончается муж ее, она свободна выйти за кого захочет, но: *если же муж ее умрет* (χοιμήθῃ, упокоится), — как бы утешая ее во вдовстве и внушая оставаться при прежнем и не соединяться со вторым супругом. Не умер муж твой, а спит. Кто не ожидает спящего? Поэтому он и говорит: *если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого хочет* (1 Кор. 7, 39), не сказал: пусть вступает в брак, чтобы не показалось, будто он заставляет и принуждает; он и не препятствует желающей вступить во второй брак, и не застав-

ляет нежелающую, но сказал закон такой: *свободна выйти, за кого хочет* (6).

* * *

Название вдовства, по-видимому, есть название несчастья, но на самом деле оно не таково, а есть достоинство, честь и величайшая слава, — не позор, а венец. Хотя вдова не имеет сожителем своим мужа, но она имеет Христа, отстраняющего все приходящие бедствия. При случающихся обидах вдове достаточно войти, преклонить колено, тяжело вздохнуть и пролить слезы, чтобы отстранить всякий навет обидчиков. Оружие вдовы — это слезы, воздыхания и непрестанные молитвы, этим она может отразить не только обиду человеческую, но и нападения бесовские. Вдова освободилась от дел житейских и уже идет к небу, и то усердие и служение, которое она оказывала мужу, может употребить на дела духовные. Если же скажешь, что в древности вдовство было несчастьем, я скажу на это, что и смерть была проклятьем, но стала честью и достоинством для тех, которые переносят пришествие ее благородно.

Ты желаешь знать, что такое вдова? Как она почтенна перед

Богом и угодна Ему, и есть величайшая защитница, как она, появившись, избавляет и примиряет с Богом осужденных, отвергнутых, не имеющих дерзновения, ненавистных Ему и лишенных всякого оправдания, и не только приносит им прощение и избавление от наказания, но и великое дерзновение и блеск, и делает их чище солнечных лучей, хотя бы они были отверженнее всех людей? Послушай самого Бога, который говорит иудеям: *когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои; и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу: ваши руки полны крови* (Ис. 1, 15). И однако с этими преступными, человекоубийцами, непрямодушными, бесчестными Он обещает примириться, если они станут помогать переносящим несправедливость вдовицам. После того как сказал: *закрываю очи Мои и не слышу*, Он говорит: *защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите — и рассудим... Если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю* (Ис. 1, 17–18). Видишь, какую силу имеет вдовица, где она оказывает свое заступление не перед начальником и царем земным, но перед самим Царем небесным?

Какой она может прекратить гнев, — примирить Владыку с неизлечимо больными, избавить от невыносимого наказания, душу, покрытую грязью грехов, омыть от этой нечистоты и довести до высшей чистоты? Поэтому не будем презирать вдовствующей жены, но будем оказывать ей всякое попечение. Истинная вдовица есть наша заступница (6).

* * *

Павел предоставил второй брак, сказав так: *Жена связана законом, доколе жив муж ее; если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого хочет, только в Господе. Но она блаженнее, если останется так* (1 Кор. 7, 39–40). Как прекрасен брак, а лучше девство, так прекрасен и второй брак, а лучше его первый и единственный. Итак, мы не отвергаем второго брака и не законополагаем этого, но увещеваем, если кто может быть целомудренным, оставаться при первом. Увещеваем и советуем это и для самой безопасности дома; второй брак часто бывает началом и предлогом раздора и ежедневных суматох. Часто муж, сидя за столом и вспомнив о первой жене при второй, тихо прослезится; а эта

тотчас свирепеет и приступает. Подобно дикому зверю требует от него удовлетворения за нежность к той; и если он захочет хвалить скончавшуюся, то основание похвал делается предлогом для суматохи и раздора. Мы и с врагами скончавшимися примиряемся, и после их жизни прекращаем вражду к ним, а у женщин все напротив. Ту, которой она не видала, которой не слышала, от которой не потерпела ничего ужасного, она ненавидит и отвращается, и сама смерть не погашает ненависти.

Но беда не ограничивается этим, а хотя бы родились дети от второй жены хотя бы нет, опять суматоха и раздор. Если они не родились, то она больше мучается и за это смотрит на детей первой жены, как на врагов, причинивших ей величайшую несправедливость, при жизни их яснее чувствуя собственное бездетство. Если же они рождаются, то опять не меньше беда. Часто муж, нежно расположенный к отошедшей, обнимает ее детей, любя и вместе сожалея о сиротстве их; а эта всюду желает отдать предпочтение своим детям, а тех не желает поставить даже в ряд братьев, но отверженных домочадцев; все это может низвергнуть дом и сде-

лать для женившегося жизнь не в жизнь (6).

ВЕЛИКОДУШИЕ

Малодушному и богатство не может принести пользы, великодушному и бедность никогда не повредит (1).

* * *

Великодушный и богатый душевным расположением, хотя бы он был беднее всех людей деньгами, может всех превзойти и страннолюбием, и милостыней, и остальным всяким благорасположением, а мелочный и бедный душевным расположением и пресмыкающийся по земле, хотя бы он был достаточнее всех, бывает беднее и недостаточнее всех, поэтому он и медлит и уклоняется от всего такого. Как бедному бедность не может быть препятствием к милостыне по причине его душевного богатства, так богатому достаток нисколько не может содействовать благорасположению по причине его душевной бедности (6).

ВЕРА

Правая вера при порочной жизни не принесет нам никакой

пользы. Это показывают и Христос, и Павел, которые преимущественно заботились о доброй жизни. Христос учит: *не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное*, и далее: *многие рекнут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали?.. И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие* (Мф. 7, 21–23). В самом деле, люди невнимательные к себе самим легко впадают в пороки, хотя веру имеют правую. А Павел в своем Послании к Евреям так говорит и убеждает: *старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа* (Евр. 12, 14) (1).

* * *

Почему же они [иудеи] не веруют, имея у себя эти книги [святые книги]? Потому же, почему они не веровали, видя чудеса Его. Но это вина не того, кому не веруют, а тех, которые среди дня ничего не видят. Так Бог создал и видимый мир, этот прекрасно настроенный орган, повсюду провозглашающий и прославляющий Создателя, однако есть люди, из которых одни считают все образовавшимся

само собой, другие считают все видимое существующим от вечности, иные приписывают сотворение и сохранение его демонам, или случаю и судьбе, естественному развитию, влиянию звезд и т.п. Но в этом не виновен Создатель, а достойны осуждения те, которые при таких врачествах страждут крайними болезнями. Душа благоразумная видит, что должно делать, не имея нужды во многих пособиях, а неразумная и бесчувственная, хотя бы имела множество руководителей, предавшись страстям, остается слепой. Это можно видеть везде, не только в настоящем деле [веры], но и в других (2).

* * *

Он [богатый] просит послать Лазаря в дом отца его, где открыто было ему место подвигов и поприще добродетелей, пусть, говорит, увидят Лазаря увенчанным те, которые видели его подвизавшимся, свидетели его бедности, голода и множества бедствий, пусть будут теперь свидетелями происшедшей с ним перемены, его чести и славы, дабы они, вразумившись тем и другим и узнав, что дела наши не окончатся с настоящей жизнью, приготовились так, чтобы могли

избежать будущего наказания и мучений. Что же Авраам? *У них есть Моисей и пророки*, говорит он, *пусть слушают их* (Лк. 16, 29). Ты, говорит, не столько печешься о своих братьях, сколько создавший их Бог, он приставил к ним множество учителей, которые убеждают, советуют, внушают. Что же опять богатый? *Нет, отче Аврааме, но если кто из мертвых придет к ним*, повесят ему (Лк. 16, 30). Это — слова народной толпы. Где теперь те, которые говорят: кто приходил оттуда? Кто воскресал из мертвых? Кто сказал о том, что в аде? Сколько такого и тому подобного говорил самому себе богатый, когда веселился. Не без причины он просил, чтобы восстал кто-либо из мертвых, но потому, что сам, слушая Писания, пренебрегал ими, насмехался и считал сказанное в них баснями, и как сам относился к ним, так думал и о братьях. И они, говорит он, рассуждают так же. Но если кто из мертвых придет, они не будут не веровать ему, не станут насмехаться, но скорее внемлют словам его. Что же Авраам? *Если Моисея и пророков не слушают, то если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят* (Лк. 16, 31). А истину того, что не слуша-

ющий Писаний не послушает и воскресших из мертвых, доказали иудеи: так как они не слушали Моисея и пророков, то не уверовали и тогда, когда видели мертвых воскресшими, но то искали убить Лазаря, то нападали на апостолов, хотя многие воскресли из мертвых во время крестной смерти [Христовой] (3).

* * *

Павел сказал, что Бог *поставил одних Апостолами, других пророками... доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия... дабы мы не были более младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения* (Еф. 4, 11–14). Видишь действие веры, как она, как некоторый надежный якорь, устраняет колебание? Об этом он же пишет в Послании к Евреям, выражаясь о вере так: *которая для души есть как бы якорь безопасный и крепкий и входит во внутреннейшее за завесу* (Евр. 6, 19). Дабы ты, услышав об якоре, не подумал, что он влечет вниз, апостол показывает, что необыкновенное свойство этого якоря то, что он влечет не вниз, но возносит ум вверх, поднимает к небу и вводит *во внутреннейшее за*

завесу. Завесой он назвал здесь небо. Почему и для чего? Потому что как завеса отделяла святое святых от внешней части скинии, так точно и это небо, подобно завесе распростертое среди создания, отделяет от внешней части скинии, т.е. от этого видимого мира, святое святых, т.е. горнее и высшее, *куда предтечу за нас вошел Иисус* (Евр. 6, 20).

Смысл слов его следующий: вера, говорит он, возвышает нашу душу туда, не допуская ее угнетаться никаким из настоящих бедствий, но облегчая труды надеждой будущего. Подлинно, кто взирает на будущее, надеется на небесное и устремляет туда умственные очи, тот не чувствует скорби от настоящих бедствий, как не чувствовал и Павел и, объясняя причину такого любомудрия, говорил: *ибо кратко-временное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу* (2 Кор. 4, 17). Как и каким образом? *Когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое* очами веры (2 Кор. 4, 18). Как очи телесные не видят ничего умственного, так очи веры не видят ничего чувственного. Но о какой вере говорит здесь Павел? Название веры имеет двоякое значение. Верой

называется та, которой некогда апостолы совершали знамения и о которой Христос сказал: *если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет* (Мф. 17, 20). Также, когда ученики не могли избавить лунатика от беса и хотели узнать причину этого, то Он указывает им ее в недостатке веры, сказав: *по неверию вашему* (Мф. 17, 20) И Павел об этой же вере говорит: *если имею... всю веру, так что могу и горы переставлять* (1 Кор. 13, 2). Равным образом, когда Петр, идя пешком по морю, начал утопать, то Христос укорил его за недостаток этой же веры, сказав: *маловерный! зачем ты усомнился* (Мф. 14, 31)? Итак, верой называется та, которая совершает знамения и чудеса. Верой же называется и та, которая руководит к познанию Бога, по которой каждый из нас есть верный. О ней говорит апостол в Послании к Римлянам: *благодарю Бога моего через Иисуса Христа за всех вас, что вера ваша возvesщается во всем мире* (Рим. 1, 8); также к Фессалоникийцам: *от вас пронеслось слово Господне не только в Македонии и Ахаии, но и во всяком месте прошла слава о вере вашей к Богу* (1 Фес. 1, 8).

На какую веру он указывает здесь? Очевидно, на веру познавательную, как показывают дальнейшие слова: *веруем, потому и говорим*. Чему веруем? *Что Воскресивший Господа Иисуса воскресит через Иисуса и нас силой своею* (2 Кор. 4, 13–14). Но почему он называет ее *духом веры* и включает в число дарований? Если вера есть дарование и только дар Духа, а не наша заслуга, то и неверующие не будут наказаны и верующие не удостоятся похвалы, потому что таково свойство дарований: за них не получают венцов и наград, так как дарование не есть заслуга получивших его, а дар щедрости подателя. Поэтому Господь повелел и ученикам не радоваться тому, что они изгоняли бесов, и лишил Царства Небесного тех, которые Его именем *пророчествовали... и многие чудеса творили* (Мф. 7, 22), так как собственными заслугами они не могли похвалиться, а хотели спастись одними только дарованиями.

Итак, если и вера есть нечто такое, если в ней мы ничего не привносим от себя, но все принадлежит благодати Духа, которая и внедряет ее в наши души, и мы не получим за это никакой награды, то как же апостол

говорит: *сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению* (Рим. 10, 10). Значит, вера есть также доброе дело уверовавшего. Как и в другом месте он выражает то же самое, когда говорит: *а не делающему, но верующему в Того, Кто оправдывает нечестивого, вера его вменяется в праведность* (Рим. 4, 4), если все принадлежит благодати Духа. Как и патриарха Авраама он увенчал за нее бесчисленными похвалами, — за то, что тот, презрев все настоящее, поверил с надеждой сверх надежды (см.: Рим. 4, 18). Итак, для чего же апостол называет ее Духом веры? Он хочет показать, что вначале уверовать и покориться призыву зависит от нашего благорасположения, а после того, как вера уже внедрена, мы имеем нужду в помощи Святого Духа для того, чтобы она пребывала постоянно непоколебимой и неизменной. Ни Бог, ни благодать Духа не предваряет нашего расположения, но хотя призывает, однако ожидает, чтобы мы пришли добровольно и по собственному желанию, а потом, когда мы уже пришли, тогда подает от Себя всякую помощь. Так как диавол после того, как мы приступили к вере, тотчас

приходит, желая вырвать этот добрый корень и спеша посеять плевелы и повредить истинные и чистые семена, то мы имеем тогда нужду в помощи Духа, чтобы Он своим великим попечением и промыслением со всех сторон ограждал новонасажденное растение веры. Поэтому апостол в Послании к Фессалоникийцам говорит: *Духа не угашайте* (1 Фес. 5, 19), внушая, что по пришествии благодати Духа мы будем недоступными для лукавого беса и всех ухищрений его, потому что... никто не может соблюсти веру свою безопасной и твердой, как только Духом Святым (6).

* * *

Будем удерживать в себе огонь Духа щедродательностью и обильной милостыней, дабы нам не потерпеть кораблекрушения в вере. Вера имеет нужду в помощи и присутствии Духа, чтобы ей оставаться непоколебимой, а помощь Духа обыкновенно подается за чистую жизнь и доброе поведение. Поэтому, если мы желаем иметь твердую веру, то должны вести чистую жизнь, которая и располагает Духа пребывать в нас и поддерживать силу веры. Невозможно, подлинно

невозможно, чтобы проводящий нечистую жизнь не колебался в вере (6).

ВЕСЕЛЬЕ

[Господь] не только увещевает и советует воздерживаться от веселья, но и наказывает и карает живущего в веселье, ибо повествование о богатом и Лазаре и о судьбе того и другого указывает не на что иное, как именно на это... Некоторый человек, говорит Он, был богат, жил весьма порочно, не испытывал никакого несчастья, но все притекало к нему, как бы из источников. Что с ним не случилось ничего неожиданного, никакого повода к унынию, никакой житейской неприятности, на это указывают слова: *каждый день пиришествовал блистательно* (Лк. 16, 19). А что он жил порочно, это видно и из постигшей его кончины и еще прежде кончины из оказанного им презрения к бедному... Итак, первый порок богатого — жестокость и бесчеловечие в высшей степени. Ибо не все равно — не помогать нуждающимся тому, кто живет в бедности, или пренебрегать другими, измождаемыми голодом, тому, кто наслаждается таким

весельем... Хочешь ли, я покажу тебе, в чем состоял и другой порок его? В том, что он каждый день веселился без опасения. Ибо и это крайнее зло, не только теперь, когда требуется от нас такое любомудрие, но и прежде — в Ветхом Завете, когда такое любомудрие еще не было открыто. Послушай, что говорит пророк. Горе вам, потому что *лежите на ложах из слоновой кости и нежитесь на постелях ваших, едите лучших оводов из стада и тельцов с тучного пастбища, поете под звуки гуслей, думая, что владеете музыкальным оружием, как Давид, пьете из чаш вино, мажетесь наилучшими мастями* (Ам. 6, 4–6) (3).

ВЗГЛЯД

Глаз для того и создан, чтобы мы, видя им творения Божии, прославляли их Создателя. Следовательно, дело глаза — видеть, а видеть худо зависит от управляющего им разума. Господь устроил члены (нашего тела) так, чтобы они были полезны нам к деланию добра, а управление ими предоставил бестелесному существу, то есть душе. Итак, когда душа предается нерадению и ослабит бразды, то, как возница,

не умеющий сдерживать беспорядочные порывы коней, опустив бразды, подвергает опасности и коней, везущих колесницу, и самого себя, так и воля наша, когда не умеет по надлежащему пользоваться членами, дав свободу беспорядочным вожделением, губит сама себя. Поэтому-то Господь наш Иисус Христос, зная слабость нашей природы и беспечность воли, дал закон, запрещающий и возбраняющий излишние взгляды, чтобы издали еще погасить загорающийся в нас пламень, и сказал: *всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем* (Мф. 5, 28). Для того, говорит, запрещаю необузданный взгляд, чтобы предохранить от незаконного дела. Не думай, что только совокупление составляет грех, осуждению подлежит сама мысль (8).

ВЛАСТЬ

Будем заботиться не о том, чтобы достигнуть могущества, почестей и власти, но о том, чтобы отличиться добродетелью и любомудрием. Ибо власть побуждает делать многое, Богу неугодное, и надобно иметь душу самую мужественную, чтобы пользо-

ваться властью как следует. Тот, кто лишен власти, волей-неволей любомудрствует, а обличенный ею терпит то же, что и человек, который, живя с хорошей и красивой девицей, обязался никогда не посмотреть на нее с вожделением. Такова власть! Она многих сделала обидчиками даже против воли их, у многих возбуждала гнев, сняла узду с языка и отворила двери уст, как бы ветром раздувая душу и как ладью погружая ее в самую глубину зол. Итак, что же ты дивишься человеку, находящемуся в такой опасности, и называешь его счастливым? Какое безумие! Вместе со сказанным ранее представь еще и то, сколько врагов и клеветников, сколько ласкателей как бы держат его в осаде. Такое ли состояние, скажи мне, назвать блаженным? И кто назовет! Но такой человек в славе у народа, скажешь ты. Что ж? Народ не Бог, которому он должен дать отчет. Поэтому, говоря о народе, ты упоминаешь только о новых отмелях, подводных камнях, скалах и утесах. Ибо уважение народное чем более знаменитым делает, тем с большими соединено опасностями, заботами и печалью. Такой человек, имея столь жестокого господина [народ],

отнюдь не может отдохнуть или приостановиться... Такой, имея тысячи заслуг, с трудом входит в Царство. Ибо ничто столько не унижает, как слава народная, делающая боязливými, подлыми льстецами и лицемерами... Ничто, истинно ничто так не делает людей законопреступными и бессмысленными, как желание славы народной. Равно ничто так не делает славными и мужественными, как презрение к ней. Поэтому надо иметь чрезвычайно мужественную душу тому, кто хочет противостать такой буре и силе ветра. Ибо любящий славу во время благоденствия представляет себя выше всех, во время злополучия желает сам себя зарыть в землю (1).

* * *

Не говори мне, что такой-то восседает на колеснице, высоко поднимает брови и окружен толпой телохранителей... Нет, покажи мне отличие начальника не в этом, но в его состоянии по душе, то есть управляет ли он своими страстями, побеждает ли недуги [сердца]: например, обуздывает ли пристрастие к деньгам, укрощает ли ненасытимую любовь плотскую, не сохнет ли от зависти, не возмущается ли

сильной страстью тщеславия, не боится ли и не трепещет ли бедности или неблагоприятной перемены, не умирает ли от этого страха. Такого покажи мне начальника: вот это — власть. Но если он, управляя людьми, сам раболепствует страстям, о таком я скажу, что это раб больше всех людей... А кто сбросил с себя эту власть, не увлекается злыми пожеланиями и не страшится, не трепещет безрассудно нищеты и бесславия и прочих неприятностей настоящей жизни, того, хоть он одет в рубище, сидит в тюрьме и закован в цепи, назову начальником, и свободным, и царственнее царей.

Такая власть не покупается за деньги и не имеет завистников, ее не знают ни язык злоречивого, ни глаз зложелателя, ни ухищрения коварных, нет, живя как бы в неприступном убежище любомудрия, она всегда остается неодолимой и не уступает не только другим обстоятельствам, но и самой смерти. Это доказывают мученики: тела их разрушились и обратились в прах и пыль, но власть каждый день живет и действует: прогоняет демонов, искореняет недуги, возбуждает целые города и ведет сюда [в церковь] народ. Сила этой власти

не только при жизни обладающих ею, но и по смерти такова, что не по принуждению, а по доброй воле и с охотой все идут сюда и нисколько не утомляются продолжительностью (путешествия и службы)* (1).

* * *

Когда кто-то сделает нас властными над кем-либо, то этой честью он налагает на нас сильнейшее обязательство заботиться о нем [подчиненном]; потому что одно то, что вся судьба того человека находится в наших руках, достаточно для нашего предостережения, и мы нескоро решились бы покинуть того, кто вверен нам. Если же он [облекший нас властью] потом станет еще гневаться и негодовать более самих обижаемых и являться строгим карателем, то этим еще более побудит нас [к исполнению долга]. То же сделал и Бог (2).

Поистине царь есть тот, кто побеждает гнев и зависть и сладострастие, подчиняет все законам Божиим, сохраняет ум свой свободным и не позволяет возобладать душой страсти к удовольствиям. Такого мужа я же-

лал бы видеть начальствующим над народами, и землей, и морем, и городами, и областями, и войсками, потому что тот, кто подчинил душевные страсти разуму, тот легко управлял бы и людьми согласно с божественными законами, так что он был бы вместо отца для подчиненных, обращаясь с городами со всякой кротостью. А кто по-видимому начальствует над людьми, но раболепствует гневу, и честолюбию, и удовольствиям, тот, во-первых, может быть смешным для подчиненных, потому что хотя носит венец, украшенный драгоценными камнями и золотом, но сам не увенчан смиренномудрием, и хотя все тело его блестит багрянцей*, но душа его остается неукрашенной. Потом он не будет знать, как распорядиться с властью, потому что неспособный управлять самим собой как может подчинять законам других (2)?

ВОЗДАНИЕ

Не будем думать, будто дела наши ограничиваются пределами настоящей жизни, но станем

* Здесь речь идет о поклонении мощам святых. (Примеч. ред.)

* Багряница — порфира, багряный широкий плащ владетельных особ. (Примеч. ред.)

верить, что будет непременно суд и воздаяние за все, что мы здесь делаем. Это так ясно и очевидно для всех, что и иудеи, и язычники, и еретики, и все вообще люди согласны в этом. Ибо хотя и не все мыслят как должно о воскресении, но что касается до суда, наказания и тамошних судилищ, все согласны в том, что есть там воздаяние за здешние дела. Если бы этого не было, то для чего бы Бог распростер столь великое небо, подостлал землю, расширил море, разлил воздух, явил такую промыслительность, если бы Он не до конца хотел иметь о нас попечение? — Не видишь ли, сколь многие из живых добродетельно претерпели многочисленные бедствия и отошли, не получив ничего доброго, а другие, напротив, жили весьма нечестиво, похищали чужое имущество, грабили и притесняли вдов и сирот, наслаждались богатством, роскошью и бесчисленными благами и отошли, не потерпев ни малейшего зла? Итак, когда же и первые получают награду за добродетель и последнее понесут наказание за нечестие, если дела наши оканчиваются со здешней жизнью? Если Бог существует, как и действительно существует, то всякий

скажет, что Он праведен, если же праведен, то надобно согласиться, что тем и другим воздаст по достоинству. Если же Бог имеет воздать тем и другим по достоинству, а здесь никто из них не получил: тот — наказания за грехи, а этот — награды за добродетель, то ясно, что будет еще время, когда и тот и другой получат должное воздаяние (1).

* * *

Поскольку за все есть воздаяние, за все есть возмездие, хотя бы кто был убийца, хотя бы нечестивец, хотя бы корыстолюбец, но сделал что-нибудь доброе, будет ему воздаяние за это доброе. Из-за грехов, которые он сделал, доброе не останется без награды. И опять, хотя бы кто-то совершил тысячу добрых дел, но сделал также что-нибудь худое, будет ему воздаяние за это худое. Удержи это, соблюди твердо и непоколебимо: нет и праведника без греха, нет и грешника без добродетели... Грешник получает за добрые свои дела соответствующее воздаяние, как бы ни было маловажно его добро, и праведник восприимлет за грех свой соразмерное осуждение, хотя бы сделал он и неважное зло. Что же бывает и что делает Бог? Он

определил страдать за грех либо в настоящей жизни, либо в будущем веке. Итак, если кто-то праведен, но сделает что-нибудь худое и за это будет страдать здесь и подвергнется наказанию, ты не смущайся, но подумай про себя и скажи: праведник этот, видно, когда-нибудь сделал какой-либо малый грех и воспримлет здесь, чтобы там не быть наказанным. Опять, если увидишь грешника, грабителя, корыстолюбца, делающего множество зла и, однако, благоденствующего, подумай, что, видно, он сделал когда-нибудь нечто доброе и воспримлет здесь добро, чтобы там не требовал награды... Итак, когда увидишь, что праведник наказывается здесь, почитай его блаженным и говори: этот праведник или сделал грех и наказывается за него и отходит туда чистым, или наказывается сверх меры грехов его, и это вменяется ему в прибавок к праведности (1).

* * *

Великое воздаяние уготовано делающим добро, но оно бывает больше и обильнее, когда делающие это добро подвергаются еще опасностям и великому бесчестию. Пусть доброе дело будет

одинаково как у того, кто сделал его без труда, так и у того, кто совершил его с трудами, но почесть и венцы будут не одинаковы (2).

* * *

После того как нам открыто Царствие Небесное и обещано воздаяние в будущей жизни, уже непристойно исследовать, почему [на земле] праведные живут в скорбях, а порочные в спокойствии. Если там каждого ожидает воздаяние по заслугам, то для чего возмущаться здешними обстоятельствами, счастливыми или несчастными? Здешними бедствиями Бог укрепляет покорных Ему, как мужественных борцов, а более слабых, нерадивых и неспособных переносить ничего тяжелого предварительно располагает к готовности на добрые дела. Часто случается и обратное этому: то, что многие праведные живут в спокойствии и чести, а порочные в бесчестии и крайних бедствиях. Этим для нас прежде всего опровергается предшествующее положение, что праведные терпят бедствия, а нечестивые блаженствуют. Если же оно еще нуждается в объяснении, то скажу, что Бог устроит наше благо не одинаковым

образом, но, как неистощимый в средствах, пролагает нам многие пути ко спасению. Так как многие не хотят принять учения в будущей жизни и воскресении, то Он еще здесь являет в малом виде образ [будущего] суда, когда наказывает злых и награждает добрых. Вполне это совершится на том суде, но отчасти совершается ныне и здесь, чтобы те, которые ввиду такой отдаленности суда предались греху, вразумились по крайней мере событиями настоящего времени. Если бы здесь вовсе никто из злых не наказывался и никто из добрых не получал награды, то многие из неверующих учению о воскресении уклонялись бы от добродетели, как от причины зла, а ко греху прилеплялись бы, как к причине добра; с другой стороны, если бы здесь все получали воздаяние по заслугам, то некоторые подумали бы, что учение о суде излишне и ложно. Итак, чтобы это учение не подверглось сомнению и чтобы большинство невежественного народа по беспечности не сделалось хуже, Бог еще здесь наказывает многих из грешников и награждает некоторых из праведников. Тем, что Он поступает так не со всеми, Он подтверждает учение о суде, а

тем, что наказывает некоторых еще прежде суда, пробуждает спящих глубоким сном. В виду наказания порочных многие исправляются, боясь, чтобы и им не потерпеть того же самого, а вследствие того, что здесь не все получают воздаяние по заслугам, многие невольно приходят к мысли, что оно отложено до некоторого другого времени. Правосудный Бог, конечно, не допустил бы, чтобы столь многие злые умирали не наказанными, а добрые терпели бесчисленные бедствия, если бы Он не приготовил для тех и других иного состояния в будущем веке. Поэтому Он и наказывает и награждает не всех, а только некоторых. Как, например, царя персидского и Езекию, хотя много было таких нечестивых, как тот ассириянин, и добродетельных, подобно Езекии, но Бог не со всеми поступил так, как с ними. Причина в том, как я сказал, что еще не пришло время суда. И что это учение не мое, послушай самого Того, Кто будет нас судить. Когда пришли к Нему и рассказали о смерти задавленных башней и о безумии Пилата, которое он выказал в отношении к умершим, смешав кровь их с жертвами, тогда что Христос

говорит? *Думаете ли вы, что эти Галилеяне были грешнее всех Галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете. Или думаете ли, что те восемнадцать человек, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех, живущих в Иерусалиме? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете* (Лк. 13, 2–5). В этом причина замедления. Бог для того не вдруг наказывает всех, достойных наказания, чтобы через несчастья одних все прочие сделались лучшими (2).

* * *

Так бывает, что иной неводержан, но иногда милостив, или бесчеловечен, но целомудрен, или же неводержан и жесток, однако сделал когда-нибудь в жизни хоть одно доброе дело. То же, наоборот, надо думать и о людях добрых. Как самые нечестивые иногда делают что-нибудь доброе, так и честные и добродетельные нередко в чем-нибудь погрешают, ибо *кто может сказать*, говорит премудрый: «*я очистил мое сердце, я чист от греха моего?*» (Притч. 20, 9). Поэтому, так как вероятно, что и

богач, хотя дошел до крайнего нечестия, делал что-нибудь доброе, и Лазарь, хотя достиг верха добродетели, погрешал в чем-нибудь неважном, то посмотри, как на то и другое указал патриарх [Авраам] словами: *ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь — злое* (Лк. 16, 25). Смысл слов такой: если ты сделал что-нибудь доброе и тебе за это следовала награда, то ты все уже получил в том мире, живя в веселье и в богатстве, наслаждаясь великим благоденствием и благополучием. И Лазарь, если делал что-нибудь худое, то получил все, пострадав от бедности, голода и крайних бедствий, и каждый из вас пришел сюда обнаженным — он от грехов, а ты от дел правды, поэтому здесь он имеет чистое утешение, а ты терпишь безотрадную муку. Подлинно, если добрые дела наши малочисленны и незначительны, а грехов великое и невыразимое бремя и при этом еще будем здесь наслаждаться благополучием и не потерпим никакого бедствия, то отойдем отсюда совершенно обнаженными и отчужденными от награды и за добрые дела, как уже восприявшие все здесь. Равно как если наши добродетели велики и многочисленны, а грехи

малочисленны и незначительны, между тем мы потерпим какое-либо бедствие, то, сложив с себя здесь и эти немногие грехи, мы там получим чистое и совершенное воздаяние за добрые дела. Итак, когда ты увидишь, что кто-либо, проводя жизнь в нечестии, не терпит здесь никакого бедствия, не ублажай его, но плачь и сожалея о нем как о человеке, который там подвергнется всем бедствиям, как и этот богач. Напротив, когда увидишь, что кто-либо печется о добродетели и терпит бесчисленные искушения, ублажи его и подражай ему, потому что ему и здесь разрешаются все грехи, и там уготовляются многие награды за терпение, как было и с этим Лазарем (3).

ВОЗДЕРЖАНИЕ

Христос повелел через Павла, чтобы жена не отлучалась мужа и чтобы не лишали друг друга, разве по согласию. Но некоторые по любви к воздержанию оставили мужей своих, как будто бы это было дело благочестия, ввергли себя в прелюбодеяние. Итак, подумай, какое это несчастье, что столько труда понесшие обвиняются, как будто учинившие

великое зло и как сами подвергаются крайнему наказанию, так и сожительствовавших с ними повергают в бездну погибели. А иные, воздерживаясь по заповеди поста от пищи, мало-помалу дошли до того, что гнушаются пищей, а это готовит им тяжкую казнь (1).

ВОСКРЕСЕНИЕ

Частое собеседование и непрестанное памятование о воскресении и суде приносят нам великую пользу. Захотим ли мы неправедно обогатиться или похитить что-нибудь или сделать другой какой бесчестный поступок, тотчас приведем себе на мысль тот день, вообразим то судилище, и эта мысль сильнее всякой узды сдержит дурное наше стремление. Будем постоянно говорить и себе и другим: есть воскресение, и страшное судилище ожидает нас. Если кого-либо увидим тщеславящимся и надмевающимся настоящими благами, скажем ему то же самое и объявим, что все это останется здесь. Если опять увидим другого удрученным скорбями и унывающим, выскажем и ему то же самое, указывая на то, что скорбям будет конец... И подлинно, есть

воскресение, и воскресение у дверей, не далеко, но близко. *Еще немного, очень немного, и Грядущий придет и не умедлит* (Евр. 10, 37)... Не будем же прогневлять Бога сверх худых дел еще и неверием слову воскресения. Как во всем прочем Христос был начатком для нас, так и в этом. Потому Он называется и перворожденным из мертвых. А если бы не было воскресения, то как бы Он мог быть перворожденным, когда Никто из мертвых не последует за Ним? Если бы не было воскресения, то как бы могла сохраниться правда Божия, когда столько злых людей благоденствуют и столько добрых страдают и в страдании оканчивают жизнь? Где все эти люди получают по своим достоинствам, если нет воскресения? Никто из живущих праведно не сомневается в воскресении, но все они каждый день молятся, произнося это святое изречение: *да придет Царствие Твое*. Кто же не верует в воскресение? — Люди, идущие оскверненными путями и проводящие нечистую жизнь, как говорит пророк: *во всякое время пути его нечисты, отстраняются суды Твои от лица его* (Пс. 9, 26). Ибо подлинно, невозможно человеку вести жизнь

чистую, когда он не верует в воскресение. А кто не знает за собой ничего худого, те и говорят, и желают, и веруют, что получат воздаяние (1).

* * *

Многие мертвые воскресали и прежде Христа. Но так, как Он, не воскрес ни один. Все другие воскресавшие опять возвращались в землю и, освободившись на время от владычества смерти, опять подвергались ее власти. А тело Господа по воскресении не возвратилось в землю, но вознеслось на небеса, разрушило всю власть врага, воскресило вместе с собой всю вселенную и ныне сидит на царском престоле. Представляя все это и объясняя, что никакой ум не может постигнуть столь многих и столь великих чудес, а одна только вера может познать и ясно представить их, Павел сказал: *через веру... познать Его, и силу воскресения Его* (Фил. 3, 10). Если ум не может постигнуть и простого воскресения (так как оно выше человеческой природы и порядка вещей), то какой ум в состоянии будет постигнуть воскресение, столь отличающееся от других воскресений? Никакой, но нам нужна одна вера, которой

мы могли бы убедиться, что умершее тело и воскресло, и перешло в жизнь бессмертную, не имеющую ни предела, ни конца (2).

* * *

Обещал Он воскресение тел, нетление, сретение Его на воздухе, восхищение на облаках, и это доказал на деле. Как и каким способом? Тем, что, умерев, воскрес, для того и был Он вместе с ними (учениками) в продолжение сорока дней, чтобы удостоверить их и вразумить, каковы будут наши тела по воскресении. Опять, сказав через Павла: *восхищены будем на облаках в сретение Его на воздухе* (1 Фес. 4, 17), он и это доказал делами. По воскресении, когда благоволил взойти на небо, Он в присутствии учеников *поднялся в глазах их, и облако взяло Его* (Деян. 1, 9). Значит, и наше тело будет подобно Его телу, потому что из одного с ним вещества, так как что с главою. То и с телом, что с началом, то и с концом. Это желая показать яснее, и Павел сказал: *уничтоженное тело наше преобразит так, что оно будет подобно славному телу Его* (Флп. 3, 21). Итак, если наше тело будет подобно (телу Иисуса Христа), то и пойдет тем же путем,

и так же поднимется на облаках. Этого ожидай и ты в воскресение. Так как слово о царствии было темно для слушавших Его тогда, потому Он, взойдя на гору, преобразился перед учениками Своими (см. Мф. 17, 1–2), чтобы открыть им будущую славу и как бы в зеркале и хоть неявно показать, каково будет наше тело. Но тогда явилось (тело) в одеждах, а в воскресение не так. Тело наше уже не будет нуждаться ни в одеждах, ни в покрове, ни в доме, ни в другом чем-либо подобном. Если Адам до преступления не стыдился своей наготы, потому что облечен был славой, — тем более наши тела, перейдя в высшее и лучшее состояние, не будут ни в чем этом нуждаться. Поэтому-то и сам Господь, когда воскрес, то тело воскресил нагим, окруженным несказанной славой и блаженством (6).

ВОСПИТАНИЕ

Если бы отцы тщательно воспитывали детей своих, то не нужно было бы ни законов, ни судилищ, ни наказаний, ни мучений и публичных убийств. *Закон, говорит апостол, положен не для праведника* (1 Тим. 1, 9). Но так

как мы не заботимся о них, то и подвергаем их великим бедствиям, и предаем в руки палачей, и часто ввергаем в пропасть. *Поблажающий сыну своему будет перевязывать раны его* (Сир. 30, 7). Что значит *поблажающий*? Милующий, жалеющий, служащий чрезмерно. А он имеет нужду в строгости, наблюдении и страхе. Говорю это не с тем, чтобы мы были жестокими к детям, но чтобы мы не казались им презренными. Если жена должна бояться мужа, то гораздо более сын — отца. Не говори мне, что невозможно обуздать юность. Если Павел требует этого от вдовой женщины, то гораздо больше от мужей... Но все пороки происходят от нашей беспечности, оттого что мы не с самого начала и не с раннего возраста руководим детей к благочестию. О том, чтобы они получили внешнее образование, мы заботимся, тратим деньги, просим друзей и много ходим туда и сюда. О том же, чтобы они были угодны Царю Ангелов — не оказываем никакого попечения. На зрелища ходить мы часто им позволяем, а в церковь — не заставляем никогда; если же однажды или дважды дитя придет туда, то остается там напрасно, без пользы и для

забавы. Нет, не так должно быть. Как, посылая в училище, мы требуем от них отчета в науках, так и в церковь посылая или, лучше, приводя их, ибо не другим вверять их, но самим с ними надобно приходить сюда и требовать, чтобы они помнили слышанное и преподаваемое здесь. Таким образом для нас было бы легко и удобно исправление детей. Если бы и дома они постоянно слышали от нас беседы о любомудрии и советы о том, что должно делать, и здешнее присоединилось бы у них к тамошнему, тогда скоро они явили бы нам зрелые плоды добрых семян... Однако, зная это, мы о маловажном много заботимся, а на важнейшее не хотим обратить внимания... Следовало бы [видя согрешающего сына] сокрушаться и плакать, или лучше не плакать только, но и удерживать, обуздывать, советовать, убеждать, устрашать, укорять, прогонять эту болезнь всеми способами врачевания и подражать той вдове, о которой говорил Павел: *если она воспитала детей* (1 Тим. 5, 10). Ибо не к ней только, но и ко всем он обращает эти слова и всех увещевает так: *воспитывайте детей в учении и наставлении Господнем* (Еф. 6, 4).

Это первое и величайшее из благ (1).

* * *

Излишне было бы убеждать вас к внимательному слушанию Слова, а нужно только внушить вам, чтобы вы всегда сохраняли в себе такое усердие и не только бы здесь его показывали, но чтобы и дома находясь, муж с женой, отец с детьми беседовали об этом... Никто не говори мне, что нам не нужно занимать этим детей. Не только должно этим занимать, но об этом только одном и надобно бы вам заботиться. Однако, ради немощи вашей, я уже не говорю этого, я не отвожу детей от посторонних занятий, так же как и вас не отвлекаю от общественных дел. Я считаю только справедливым, чтобы из семи дней один посвящен был общему нашему Господу... Ибо как это несообразно — рабам своим приказывать, чтобы они все время служили нам, а нам самим не уделить и малейшего времени для Господа, и притом тогда как наше служение не приносит Ему ничего (ибо Бог ни в чем не нуждается), и только нам же самим обращается в пользу! Когда вы водите детей на зрелища, то не находите препятствия к этому

ни в науках, ни в другом чем-нибудь. А когда надобно собрать и получить какую-нибудь духовную пользу, вы это дело называете бездельным. Как же вы не прогневаете Бога, когда во всем другом упражняете своих детей и на то находите время, а занимать их делом Божиим считаете тягостным и неблагоприятным для детей. Нет, не так, братия! Этот-то возраст преимущественно и нуждается в таких уроках. Возраст нежный, — он скоро усваивает себе то, что ему говорят, и как печать на воске, в душе детей отпечатлевается то, что они слышат. А между тем и жизнь их тогда уже начинает склоняться или к пороку или к добродетели. Поэтому, если в самом начале и, так сказать, в преддверии отклонить их от порока и направить на лучший путь, то на будущее время это уже обратится им в навык и как бы в природу, и они уже не так удобно по своему произволу будут уклоняться к худшему, потому что навык будет привлекать их к делам добрым. Тогда и для нас они будут достопочтеннее самих стариков, и для гражданских дел будут полезнее, обнаруживая в юности свойства старцев (1).

* * *

Наставляйте детей своих в наставлении и поучении Господнем с великим тщанием. Юность неукротима и имеет нужду во многих наставниках, учителях, руководителях, надсмотрщиках, воспитателях. И только при таких условиях возможно обуздать ее. Что конь необузданный, что зверь неукротимый, то же самое есть и юность. Поэтому если вначале и с первого возраста поставим для нее надлежащие пределы, то впоследствии не будем иметь нужды в великих усилиях. Напротив, потом привычка обратится для них в закон. Не позволим им делать того, что приятно и вместе вредно, не будем угождать им, потому что они дети, но преимущественно будем их сохранять в целомудрии... Нам вверен важный залог — дети. Будем поэтому заботиться о них и употребим все меры, чтобы лукавый не похитил их у нас. Между тем теперь у нас все происходит наоборот... И погонщика ослов и мулов, и надзирателя, и поверенного мы отыскиваем самого искусного, но на то, что для нас всего дороже, именно на то, чтобы поручить сына человеку, который бы мог сохранить его в целомудрии, не обращаем

внимания, несмотря на то что это стяжание ценнее всех прочих и ради него приходят остальные блага. Об имуществе для них [детей] мы заботимся, а о них самих — нет. Видишь, какое безумие овладело нами? Прежде образуй душу сына твоего, а стяжания он уже после получит. Если душа у него нехороша, то он не будет иметь ни малейшей пользы от денег, и наоборот, если ей дано правильное образование, то бедность нисколько не повредит ему. Хочешь ли оставить его богатым? Научи его быть добродетельным. Ибо таким образом он может и состояние умножить, если же и не умножит, то, по крайней мере, он ничем не будет хуже людей зажиточных. Между тем, ежели он будет злой, то хотя бы ему были оставлены тобой бесчисленные сокровища, ты не оставил хранителя им, а сделал его несчастнее тех, которые впали в самую крайнюю бедность. Ибо для детей, не получивших правильного образования, бедность лучше богатства, потому что первая, даже помимо их воли, удерживает их в пределах добродетели, между тем последнее, хотя бы даже кто и желал этого, не позволяет вести жизни целомудренной, но увлекает,

ниспровергает и вводит в бесчисленное множество преступлений. Вы, матери, больше всего смотрите за дочерьми: попечение это для вас не трудно. Наблюдайте за тем, чтобы они сидели дома, а прежде всего учите их быть благочестивыми, скромными, презирать деньги и не слишком заботиться о нарядах (1).

* * *

Нерадение о детях больше всех грехов и доходит до самого верха нечестия... Был у иудеев один священник, человек скромный и кроткий, имя ему было Илий. Этот Илий делается отцом двух сыновей. Видя, что они предаются нечестию, он не удерживал их и не останавливал, или вернее — он удерживал и останавливал, но делал это не с надлежащим усердием. А проступки этих сыновей состояли в любодеянии и чревоугодии. Они, говорится [в Писании], ели священные мяса прежде их освящения, прежде возношения жертвы Богу (см.: 1 Цар. 2, 15–16). Слыша об этом, отец не наказывал их, а пытался словом и убеждением отклонить их от этого нечестия и постоянно говорил им такие слова: *Нет, дети мои, нехороша молва, которую я слышу о вас,*

не делайте так, ибо не хороша молва, которую я слышу; вы развращаете народ Господень; если согрешит человек против человека, то помолятся о нем Богу; если же человек согрешит против Господа, то кто будет ходатаем о нем (1 Цар. 2, 24–25)? Очень сильные и поразительные слова, достаточные для вразумления того, у кого есть ум! Он выставлял на вид грех, показывал его ужас, объявлял и угрожающее за него тяжкое и страшное осуждение; однако же, так как не все сделал, что следовало, то и сам погиб вместе с ними. Следовало бы и усилить угрозы, и прогнать их с глаз своих, и наказать бичами, и быть гораздо более строгим и суровым. А так как он ничего этого не сделал, то разгневал Бога и против себя и против них, и, оказав неуместное снисхождение к своим детям, вместе с детьми погубил и свое спасение... Что же Он говорит Самуилу? (Илий) *знал, как сыновья его нечествуют, и не обуздывал их* (1 Цар. 3, 13); не то, чтобы не вразумлял: он и вразумлял, но Бог говорит, что это еще не вразумление, и отверг его, потому что оно было без силы и настойчивости. Так, если и мы хоть печемся о детях, но не

столько, сколько нужно, то и наше попечение не есть попечение, как и Илиево вразумление. Ска-
зав о преступлении, [Господь] с великим гневом налагает и наказание: *клянусь дому Илии, что вина дома Илиева не загладится ни жертвами, ни приношениями хлебными вовек* (1 Цар. 3, 14). Видишь, какое сильное негодование и наказание без надежды на пощаду? Неизбежно, говорит, должно ему погибнуть, и не только ему и сыновьям его, но вместе с ним и всему дому, и не будет никакого врачества, которое бы исцелило эту рану. Между тем Бог ни за что другое, кроме беспечности о детях, не мог тогда винить этого старца, дивного во всем другом, которого все любомудрие можно видеть не только из других, но и из обстоятельств угрожавшего ему несчастья. Так, во-первых, когда он услышал обо всем этом и увидел себя на пути к крайнему наказанию, то не стал роптать и негодовать, не сказал ничего такого, что обыкновенно говорят люди: «Разве я властен в чужой воле? За свои грехи я должен нести наказание, а дети сами в возрасте, сами только и должны бы быть наказаны». Ничего такого он и не сказал, и не подумал,

но, как благонамеренный раб, только то и знающий, чтобы благодушно переносить все от господина, хотя бы и неприятное, произнес такие, преисполненные любомудрия, слова: *Он — Господь; что Ему угодно, то да сотворит* (1 Цар. 3, 18)... Если же священника, — престарелого, знаменитого, двадцать лет безукоризненно начальствовавшего над еврейским народом, жившего во времена, не требовавшие великой строгости, ни одно из этих обстоятельств не могло извинить, но он погиб ужасно и бедственно за то, что не заботился о детях с полным вниманием, и грех этой слабости, как сильная и великая волна, превысил все прочее и закрыл все добрые дела его, то какое осуждение постигнет нас, которые живем во времена, требующие гораздо большего любомудрия, но не имеем и его добродетели, и не только сами не имеем попечения о детях, но и против желающих делать это строим козни и восстаем, и относимся к детям своим хуже всякого варвара?.. Ибо жестокость варваров доводит только до рабства, до опустошения и пленения отечества, и вообще до бедствий телесных, а вы поработаете саму душу и,

связав ее, как какую-нибудь пленницу, передаете таким образом лукавым и свирепым демонам, их страстям. Именно это, а не другое что делаете вы, когда и сами не внушаете [детям] ничего духовного, и другим делать это не позволяете. Пусть никто не говорит мне, что многие, больше Илия нерадевшие о своих детях, не потерпели ничего такого, что Илий: нет, многократно терпели, и многие, и более того тяжело, и за такой же грех. Ибо откуда преждевременные смерти? Откуда тяжкие и продолжительные болезни и у нас, и у наших детей? Откуда потери, откуда несчастья, откуда огорчения, откуда бесчисленное множество зол? Не от небрежения ли о порочных детях? Что это не вымысел, достаточно могут свидетельствовать и бедствия этого старца, но я скажу вам еще слово об этом одного из наших мудрецов. Он, рассуждая о детях, говорит так: *не желай множества негодных детей и не радуйся о сыновьях нечестивых. Когда они умножаются, не радуйся о них, если нет в них страха Господня. Не надейся на их жизнь и не опирайся на их множество* (Сир. 16, 1), ты зарыдаешь плачем преждевременным,

и неожиданно узнаешь о их гибели (2).

* * *

Нельзя сказать и того, будто у Него немного попечения об этом деле: нет, Он имеет великое промышление о воспитании детей. Для того Он и вложил такое влечение в природу родителей, чтобы поставить их как бы в неизбежную необходимость заботиться о детях. А впоследствии в своих изречениях Он преподавал нам и законы касательно попечения о них и, учреждая праздники, повелел объяснять детям причину их. Так, сказав о Пасхе, Он присовокупил: *и объяви в день тот сыну твоему, говоря: это ради того, что Господь (Бог) сделал со мною, когда я вышел из Египта* (Исх. 13, 8). То же самое и в законе, потому что, сказав о перворожденных, опять присовокупляет: *и когда после спросит тебя сын твой, говоря: что это? то скажи ему: рукою крепкою вывел нас Господь из Египта, из дома рабства, ибо когда фараон упорствовал отпустить нас, Господь умертвил всех первенцев в земле Египетской...* (Исх. 13, 14–15). Всем этим он внушает вести детей к богопознанию. И самим детям

он заповедует многое относительно их родителей, награждая послушных, а неблагодарных наказывая, и таким образом делая их еще более любезными для родителей (2).

* * *

Дабы родители, получив повеление воспитывать детей, не пренебрегали Его повелениями, Он присоединил естественную необходимость. А чтобы эта связь не была ослабляема оскорблениями со стороны детей и не расторглась, Он оградил ее наказаниями и от Себя и от самих родителей, таким образом и детей весьма строго подчиняя [родителям], и в родителях возбуждая любовь [к детям]... Он не только детей злых в отношении к родителям наказывает, а к добрым благоволяет, но точно так же поступает и с родителями, тяжело наказывая нерадящих о детях, а попечительных удостаивая почестей и похвал (2).

* * *

Горе, сказано [в Писании], *вам, смеющиеся ныне* (Лк. 6, 25), — а вы подаете детям множество поводов к смеху. *Горе вам, богатые* (Лк. 6, 24), — а вы предпринимаете все меры, чтобы они разбо-

гатели. *Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо* (Лк. 6, 26), — а вы часто тратите целые имущества для людской славы. Еще: *поносящий брата своего подлежит геенне огненной* (Мф. 5, 22), — а вы считаете слабыми и трусливыми тех, кто молчаливо переносит обиды от других. Христос повелевает воздерживаться от ссоры и тяжбы, а вы постоянно занимаете детей этими злыми делами. Он повелел во многих случаях вырывать око, если оно причиняет вред (см.: Мф. 5, 29), а вы с теми особенно и вступаете в дружбу, кто может дать денег, хотя бы учил крайнему разврату. Он не позволил отвергать жену, кроме одной только вины — прелюбодеяния (см.: Мф. 5, 32), а вы, когда можно получить деньги, позволяете пренебрегать и этой заповедью. Клятву Он запретил совершено (см. Мф. 5, 34), а вы даже смеетесь, когда видите, что это соблюдается. *Любящий душу свою*, говорит [Господь], *погубит ее* (Ин. 12, 25), а вы всячески вовлекаете их в эту любовь. *Если не будете*, говорит Он, *прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших* (Мф. 6, 15), а вы даже укоряете детей, когда они

не хотят мстить обидевшим и стараетесь скорее доставить им возможность сделать это. Христос сказал, что любящие славу, постятся ли, молятся ли, подают ли милостыню, все это делают без пользы (см.: Мф. 6, 1), а вы всячески стараетесь, чтобы ваши дети достигли ее. Но для чего перечислять все, если уже и сказанные пороки, не только все вместе, но и каждый сам по себе, достаточны для приготовления тысячи геенн? А вы, собрав их все вместе и возложив [на детей] эту невыносимую тяжесть грехов, с ней ведете их в огненную реку; как же они могут спаситься, принося столько пищи для огня? И не только то ужасно, что вы внушаете противное заповедям Христовым, но и то еще, что прикрываете порочность благозвучными наименованиями, называя постоянное пребывание на конских ристалищах и в театрах светскостью, обладание богатством свободой, славолубие великодушием, дерзость откровенностью, расточительность человеколюбием, несправедливость мужеством. Потом, как будто мало этого обмана, вы и добродетели называете противоположными наименованиями: скромность неучтивостью, кротость

трусостью, справедливость слабостью, смирение раболепством, незлобие бессилием, как будто опасаясь, чтобы дети, услышав от других истинное название этих [добродетелей и пороков], не удалились от заразы. Ибо название пороков прямыми и подлинными их наименованиями немало способствует к отвращению от них: оно может так сильно поражать грешников, что часто многие, отличающиеся бесчестнейшими делами, не переносят равнодушно, когда их называют тем, что они есть на самом деле, но приходят в сильный гнев и зверское раздражение, как будто терпят что-нибудь ужасное (2).

* * *

Часто многие из отцов делают все и принимают все меры, чтобы у сына был хороший конь, великолепный дом или дорогое поместье, а о том, чтобы у него была хорошая душа и благочестивое настроение, нисколько не заботятся. Это и расстраивает всю вселенную, — то, что мы нерадим о своих детях, заботимся об их богатстве, а душой их пренебрегаем, допуская крайне безумное дело. Хотя бы велики и драгоценны были богатства, но если человек не способен распоря-

жаться ими добродетельно, то все погибнет и исчезнет вместе с ним и причинит владельцу крайний вред, а если душа его будет благородна и любомудра, то хотя бы у него не было собрано ничего, он будет в состоянии свободно распоряжаться имуществом всех, итак, нужно смотреть не на то, чтобы сделать детей богатыми серебром и золотом и тому подобным, но чтобы они были богаче всех благочестием, любомудрием и другими добродетелями, чтобы они не нуждались во многом, чтобы не увлекались житейскими предметами и пожеланиями. Нужно тщательно смотреть и за входами их и выходами, и за поведением и знакомствами, в той уверенности, что за небрежение об этом мы не получим прощения от Бога. Если мы отдадим отчет в попечении о других, так как *никто*, говорит апостол, *не ищи своего, но каждый пользы другого* (1 Кор. 10, 24); — но не тем ли более в попечении о детях? Не поселил ли Я, скажет Бог, сына твоего с тобой с самого начала? Не приставил ли тебя к нему учителем, руководителем, попечителем и начальником? Не отдал ли в твои руки всю власть над ним? В нежном возрасте об-разовывать его и настраивать

повелел Я, какое же ты можешь иметь оправдание, если пренебрегаешь его неповиновением? Что скажешь ты? То ли, что он необуздан и упрям? Но это надлежало предвидеть вначале, когда он был способен к обузданию и весьма молод, и обуздывать его тщательно, приучать к должному, исправлять, наказывать душевные болезни его. Когда возделывание более удобно, тогда и нужно исторгать терние, когда при нежности возраста оно легче может быть вырвано, когда страсти, составленные в пренебрежении и возросшие, не сделались неудобоисправимыми. Потому и говорит премудрый: *с юности нагибай шею их* (Сир. 7, 25), когда воспитание может быть удобнее. И не только Бог повелевает, но и Сам содействует тебе в этом деле. Как и каким образом? *Кто злословит отца своего, или свою мать*, говорит Он, *того должно предать смерти* (Исх. 21, 17). Видишь, какой внушил Он детям страх? Каким оградил опасением? Как сделал твою власть сильной? Какое же можем мы сказать оправдание, если Он сам не щадит даже их жизни, когда они оскорбляют нас, а мы даже не хотим выразить им неудовольствия, когда

они оскорбляют Бога?.. Ты видишь, что он оскорбляет Создателя, и не негодуешь, и не утращаешь, и не наказываешь, притом зная, что Бог запретил это не потому, будто бы Ему был какой-нибудь вред от оскорбления, — так как Божество недоступно для вреда, — но для спасения его же самого? Ибо кто неблагодарен и бесчувствен по отношению к Богу, тот гораздо более неистовым может быть в отношении к родителю и к собственной своей душе.

...Дети, хорошо настроенные в отношении к Богу, будут честными и отличными и в отношении к настоящей жизни. Человека, живущего добродетельно и скромно, все уважают и почитают, хотя бы он был беднее всех, а порочного и развратного все отверщаются и ненавидят, хотя бы он владел великим богатством. И не только от других людей такой сын будет пользоваться уважением, но и для тебя — родителя — будет более любезным, представляя кроме природы еще другое, не меньшее побуждение к любви — добродетель; и не только более любезным, но и более полезным для тебя, угождая тебе, услуживая, поддерживая в старости. Как неблагодарные

в отношении к Богу презирают и родителей, так благоговейные перед Создателем оказывают и родителям великое почтение... Что действительно нерадящие о детях, хотя бы они во всем другом были исправны и умеренны, за этот грех подвергнутся крайнему наказанию, в доказательство я расскажу тебе одно древнее событие. У иудеев был один священник, во всем прочем исправный и умеренный, по имени Илий. У этого Илия были два сына, предававшиеся крайнему нечестию. Он не удерживал и не останавливал их, или лучше, хотя и удерживал и останавливал, но не с надлежащей тщательностью и силой. Тогда как следовало сечь их, выгонять их из отеческого дома, употреблять все способы исправления, он только увещевал и советовал, говоря так: *нет, дети мои... не делайте так, ибо не хороша молва, которую я слышу* (1 Цар. 2, 24). Что говоришь ты? Они оскорбили Господа, а ты называешь их чадами? Они не признают Создателя, а ты признаешь родство с ними? Потому и говорится, что он не вразумлял их, ибо вразумление состоит в том, если мы не просто советуем, но если наносим рану сильную, решительную

и такую, какой требует болезненная гнилость. Недостаточно только сказать или предложить увещание, но надо внушить и великий страх, чтобы пресечь беспечность юности. Итак, когда он хотя увещевал, но не вразумлял, как должно было, Бог предал их врагам, во время сражения они пали, и сам он, не перенеся вести об этом, упав, разбился и умер. Видишь ли, как справедливо я сказал, что отцы бывают и детоубийцами, не принимая сильных мер в отношении к беспечным детям своим и не требуя от них благоговения к Богу? Таким образом Илий сделался детоубийцей. Ибо хотя сыновей его умертвили враги, но виновником убийства был он, лишивший их помощи Божией своим нерадением о них и оставивший их без защитными и открытыми для желающих умертвить их. И не только их, но вместе с ними он погубил и себя самого.

...Прошу и умоляю иметь великое попечение о своих детях и постоянно заботиться о спасении души их. Ты — учитель всего дома, и тебе Бог непрестанно представляет и жену и сыновей... Представляй, что у тебя в доме золотые статуи — дети, каждый день исправляй и осматривай

их тщательно, и всеми мерами украшай и устрояй их душу, подражай блаженному Иову, который, опасаясь даже за мысленные грехи их, приносил за них жертвы и великое имел о них попечение (Иов 1, 5) (6).

ВРАГИ

Если я скажу, что они [святые] любили ближних, то не скажу ничего важного, они любили врагов так, как другой не мог бы любить близких к себе. Кто из нас решился бы идти в геенну за близких к себе, имея возможность войти в Царство? Никто. Но Павел решился на это за врагов, бросавших в него камнями и бичевавших его... И еще прежде него блаженный Моисей за врагов, хотевших побить его камнями, желал быть изглаженным из книги Божией (см.: Исх. 32, 32). Также Давид, видя гибель врагов своих, говорил: *вот, я согрешил, я (пастырь) поступил беззаконно; а эти овцы, что сделали они* (2 Цар. 24, 17)? И имея Саула в руках своих, не хотел умертвить его, но оставил в живых, тогда как сам подвергался опасности. Если же так было в Ветхом Завете, то можем ли получить прощение мы, живущие

в Новом, и не достигшие даже той меры любви, какой достигли они?.. *Любите*, — говорит Господь, — *врагов ваших*, и будете подобными Отцу вашему, который на небесах (Мф. 5, 44, 48). Люби же врага, не ему ты через это благодетельствуешь, а себе самому. Как? Делая это, ты уподобляешься Богу. Тот, если будет любим тобою, получит небольшую пользу, — он будет любим подобным себе рабом, а ты, если будешь любить подобного себе раба, то получишь великую пользу, — ты сделаешься подобным Богу... Но что, скажешь, если он зол? Тем большая готовится тебе награда, и за самую злость его ты должен быть благодарным, если он, несмотря на множество благодеяний, остается злым; ибо если бы он не был весьма злым, то тебе не была бы уготована великая награда. Таким образом, сама причина нелюбви, возражение твое, что он зол, должно быть побуждением к любви. Если не будет противника, то не будет и случая к получению венцов (1).

* * *

Будем кроткими к нашим врагам. Не будем ни говорить, ни делать худого врагам, но будем даже благодетельствовать им по

силам. Через это мы сделаем больше добра самим себе, нежели им. *Ибо если вы будете прощать людям согрешения их*, — сказал Господь, — *то простит и вам Отец ваш Небесный* (Мф. 6, 14). Прости грехи раба, чтобы тебе получить прощение грехов от Господа. Если он сильно оскорбил тебя, то чем больше ты простишь, тем большее и сам получишь прощение. Потому мы и научены говорить: *остави нам, яко и мы оставляем* (Мф. 6, 12), чтобы мы знали, что мера прощения первоначально зависит от нас. Таким образом, чем больше зла сделает нам враг, тем больше окажет благодеяний. Поспешим же и постараемся примириться с обидевшими нас, справедливо ли или несправедливо они гnevаются. Если ты примиришься здесь, то избавишься от суда там, если же вражда останется, между тем наступившая смерть прекратит ненависть, то там необходимо постигнет тебя суд. Как многие из людей, ссорящихся друг с другом, если решают ссору между собой дружелюбно вне судилища, то избавляются от убытка, страха и многих опасностей, полагая конец ссоре по желанию обеих сторон, если же обращаются к судье, то бывает

часто и трата денег, и наказание, и нескончаемая остается вражда, так точно и здесь, если мы прекратим вражду в настоящей жизни, то избавимся от всякого наказания, если же, оставшись врагами, придем на то страшное судилище, то непременно подвергнемся крайнему осуждению по определению Судии и получим неизбежное наказание оба, и несправедливо гневающийся — за то, что несправедливо гневается, и справедливо гневающийся — за то, что злопамятствовал, хотя и по справедливости. Ибо, хотя бы мы и несправедливо терпели зло, нужно давать прощение обидевшим. Посмотри, как Господь располагает и побуждает несправедливо обидевших мириться с обиженными. *Если, — говорит Он, — ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примиришься с братом твоим* (Мф. 5, 23–24)... Чего другие едва достигают посредством поста, воздыханий, молитв, вретнища, пепла и многократного раскаяния, т.е. заглаживания грехов своих, того нам можно легко достигнуть без вретнища, пепла и

поста, если только мы истребим из души гнев и будем искренно прощать обидевших нас (1).

* * *

Какого прощения достойны будем мы, которые во вражде и ссорах бываем подобны диким зверям, называем врагов наших злодеями, проклятыми? Простительно ли даже, что имеем врагов? Разве ты не знаешь, что воздающий честь другому воздает честь самому себе? А мы бесчестим самих себя. Ты обвиняешь другого, что он оскорбил тебя, но для чего сам предаешься обвинению? Для чего сам наносишь себе рану? Будь бесстрастен, будь неуязвим, желая уязвить другого, не причиняй зла самому себе... Но как можно, скажешь, терпеть, когда меня оскорбляют? Как невозможно, скажи мне. Разве слова наносят вам раны? Или делают шрамы на теле? Какой же нам от них вред? Нет, если захотим, мы можем терпеть. Положим себе законом не оскорблять, и перенесем. Скажем самим себе: это происходит не от вражды, а от немощи, и точно это происходит от немощи, когда нет мысли о вражде или злонамеренности, тогда оскорбляемый хотя бы потерпел

тысячи оскорблений, может удержаться. Если мы будем представлять только это, т.е. что это происходит от немощи, то перенесем все, оскорбителю простим и сами постараемся не предаваться тому же... Оскорбляющий наносит тебе оскорбления невольно и не по своему желанию, но по принуждению страсти, удержись же. Не видишь ли беснующихся? Как они подвергаются этому не столько от вражды, сколько от немощи, так и в нас огорчение происходит не столько от свойства оскорблений, сколько от нас самих. Ибо почему мы переносим те же самые оскорбления от беснующихся? Мы переносим также, когда оскорбляющие суть или наши друзья, или высшие. Не безрассудно ли в этих трех случаях, т.е. от друзей, от беснующихся и от высших, переносить оскорбления, а от равных и низших не переносить? Я многократно говорил, что это лишь мгновенный порыв: воздержимся немного, и пройдет все. Чем кто более оскорбляет, тот тем более слаб. Знаешь ли, когда надобно оскорбляться? Когда оскорбляемый нами молчит, ибо тогда он силен, а мы слабы. Если же бывает наоборот, то нужно даже радоваться, тогда ты

достоин венца, достоин провозглашения. Не выходя на место борьбы, не подвергаясь неприятным действиям солнца, жара и пыли, не сходясь и не схватываясь с противником, но только пожелав, сидя или стоя, ты можешь получить великий венец и не просто великий, но гораздо больший, чем те борцы, ибо не все равно — низвергнуть противоборствующего врага или притупить стрелы гнева. Ты победил, не схватываясь с противником, низложил возбуждающуюся в тебе страсть, умертвил свирепого зверя, обуздал неистовый порыв, как доблестный пастырь, тогда как предстояла тебе внутренняя брань, домашняя война. Как враги, обложившие город и осаждающие его извне, когда возбуждают в нем междоусобную брань, тогда и одерживают победу, так и оскорбляющий, если не возбудит в нас самих страсти, не в состоянии будет преодолеть нас, если мы сами не воспламенимся, то он не будет иметь никакой силы (1).

* * *

Христос заповедал не то, чтобы не иметь врагов, — это не в нашей власти, — но не ненавидеть их; в этом мы властны...

Быть ненавидимыми напрасно — зависит не от нашей воли, но от ненавидящих. Так, злые люди обыкновенно ненавидят добрых без причины и напрасно. Так и Христа ненавидели напрасно, как Он Сам говорил: *возненавидели Меня напрасно* (Ин. 15, 25). И апостолы имели врагов — лжеапостолов, и пророки — лжепророков. Не о том нужно заботиться, чтобы не иметь врагов, но чтобы не иметь их справедливо или по своей воле, чтобы нам, хотя бы мы тысячекратно были ненавидимы, самим не ненавидеть и не отвращаться от других; ибо в этом и состоит вражда — в ненависти и отвращении. Когда я бываю ненавидим, а сам не ненавижу, тогда другой имеет меня врагом, а не я его. Если я молюсь за него, если желаю благодетельствовать ему, то как я могу считать его врагом? Потому и Павел говорит: *если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми* (Рим. 12, 18)...

Что же нужно с нашей стороны? Например, тебя такой-то ненавидит и обижает? Ты люби его и благодетельствуй ему. Тебя он бесчестит и поносит? Ты благословляй и хвали его. Но он и после этого не прекращает вражды своей? В таком случае он достав-

ляет тебе большую награду. Ибо злые люди чем упорнее продолжают вражду, несмотря на наше расположение к ним, тем славнейшие награды готовят нам и тем слабейшими делают самих себя. Кто ненавидит и не прекращает вражды, тот мучится, истощается, проводит жизнь в постоянной войне, а кто выше этих стрел, тот стоит вдали от треволнений, доставляет себе, а не врагу величайшую пользу и, стараясь примириться с ним и не враждовать, избавляет себя от войны и ссоры. Итак, будем избегать вражды с другими и исторгнем корень ее — тщеславие и сребролюбие. Ибо всякая вражда происходит или из пристрастия к деньгам, или из тщеславия. Если же будем выше этих страстей, то будем выше и вражды. Оскорбил ли тебя кто-нибудь, переноси мужественно: не тебя он оскорбил, а самого себя. Ударил ли тебя кто-нибудь, не простирай на него десницы своей: он в то же время ударил себя самого, поразив тебя рукой, а себя гневом Божиим (1).

* * *

Кроткое обращение наше с врагом может сделать его из волка овцой, печь гнева его обильно

наполнить росой, бурю превратить в тишину и совершенно погасить пламя ярости. Кроткие слова наши, проникая в душу его, не только изгонят гнев, но расположат принять в себя благодушие и сострадательность. Как ночью мы часто не узнаем и друга даже вблизи, а днем узнаем его и издали, так бывает обыкновенно и во вражде. Пока есть между нами неприязнь, то и голос слышится нам иначе, и на лицо смотрим мы с расстроенной мыслью; а как отложим гнев, то и голос, прежде ненавистный и противный, кажется нам мягким и весьма приятным, и лицо, противное и неприятное, является милым и любезным. То же бывает и в непогоду. Сгущение облаков не дает открываться красоте неба, и тогда, хотя бы зрение у нас было самое острое, мы не можем усмотреть горней светлости. Когда же теплота лучей солнечных, проникнув сквозь облака и расторгнув их, покажет солнце, тогда выказывает она снова и красоту неба. Так бывает и с нами в минуты гнева: вражда, как густое облако, став у нас перед глазами и ушами, делает то, что иными кажутся нам и голоса, и лица, но когда кто полюбомуудрию отложит вражду и

рассеет облако скорби, то и видеть, и слушать все будет беспристрастно.

Итак, когда ты будешь иметь врага у себя в руках, не о том заботься, как бы отомстить ему и, осыпав бесчисленными ругательствами, выставить его на позор, но о том, как бы уврачевать его, как бы возвратить к кротости, и до тех пор не переставай делать и говорить все, пока не победишь кротостью жестокость его. Ибо ничего нет могущественнее кротости. Указывая на это, некто сказал: *мягкий язык переламывает кость* (Притч. 25, 16). Что тверже кости? Однако же, хотя бы кто был также тверд и жесток, и его легко победит тот, кто будет обращаться с ним кротко... Отсюда ясно, что ты более, чем сам враг твой, властен и раздражить, и укротить его. В самом деле, от нас, а не от тех, кто гневается на нас, зависит и погасить пламень их гнева, и раздуть его сильнее... *Если подуешь на искру огня, сказано, она разгорится в пламень, а если плюнешь на нее, угаснет*: то и другое в твоей власти, *то и другое выходит из уст твоих* (Сир. 28, 14). Так и с враждой ближнего, если ты будешь говорить с ним дерзко и надменно, то зажжешь в нем огонь,

раздуешь угли, а если кротко и ласково, то потушишь весь гнев прежде, чем поднимется пламя... Когда увидишь врага или придет тебе на ум, сколько ты слышал или потерпел неприятностей, старайся забыть все это; если же и вспомнишь, приписывай это диаволу, а сам припоминай то, что (враг) сказал или сделал тебе когда-нибудь доброго. Если на этом будешь останавливаться воспоминанием, то скоро прекратишь вражду. А если вознамеришься и обличить врага, и рассчитаться с ним, так наперед выбрось страсть и погаси (свой) гнев, а потом уже рассчитывайся и обличай: тогда легко можешь победить его. Ибо в гневе мы не можем ни сказать, ни выслушать что-нибудь здоровое, а освободясь от этой страсти, и сами не выпустим обидного слова, и не послышится нам, будто другие говорят что-нибудь такое; потому что обыкновенно раздражаемся мы не от самих слов, но оттого, что уже объаты мы враждой. Так часто, когда те же самые оскорбительные слова говорят нам или друзья в шутку и в веселом расположении духа, или малые дети, мы не только не чувствуем ничего неприятного и не сердимся, но еще улыбаемся и

заливаемся смехом: это оттого, что мы слушаем не с расстроенным духом, не с объатой гневом душой. Стало быть, и в отношении к врагам: если ты погасишь гнев, если отбросишь вражду, то ни одно из слов не может огорчить тебя. И что говорю: ни одно из слов? Ни одно из дел (1).

* * *

Если кто-либо впадет в страсть гнева, тому апостол предлагает врачество: *гневайся*, говорит, *не согрешайте* на долгое время: *солнце да не зайдет во гневе вашем* (Еф. 4, 26). Ты не можешь удержаться от гнева? Гневайся час, два, три, но да не зайдет солнце, оставив нас врагами... Ибо когда ты не обуздывал своей вражды в первый и в последующий день, то часто продолжал ее целый год, и наконец она сама собой усиливалась так, что уже не нуждалась ни в чем возбуждении. Она заставляет слова, которые говорят в одном смысле, принимать в другом, заставляет подозревать движения и все, что ни есть, перетолковывать в худую сторону: и тем ожесточает и раздражает человека, делая его хуже бесноватых, так что он не хочет ни назвать, ни слышать имени того, против кого

враждует, но всегда называет его бранными словами. Как же мы смягчим свой гнев? Как погасим этот пламень? Если подумаем о своих собственных грехах и о том, насколько мы виновны перед Богом; если подумаем, что мы мстим не врагу, но самим себе; если подумаем, что враждой мы доставляем радость диаволу, этому врагу, этому истинному врагу нашему, ради которого мы наносим обиду своему ближнему. Ты не можешь не злопамятствовать, не враждовать? Будь врагом, но враждуй против диавола, а не против своего ближнего. Для того и дал нам Бог в оружие гнев, чтобы мы не собственные тела поражали мечом, но чтобы вонзали его острие в грудь диавола (1).

ВРЕД

Если кто терпит вред и обиды, тот непременно терпит сам от себя, а не от других, хотя бы много было людей, обижающих и притесняющих его. А если кто не терпит сам от себя, то хотя бы нападали на него вообще жители всей земли и моря, они не могут причинить ни малого вреда бдительному о Господе и внимательному. Будем же, увещаю

вас, бдеть и бодрствовать всегда и станем мужественно переносить все скорби, дабы получить нам вечные и нетленные блага во Христе Иисусе (7).

ВЫСОКОМЕРИЕ

Как морские разбойники, когда увидят корабль, наполненный многими товарами и везущий несказанное богатство, тогда-то особенно и употребляют всю хитрость, чтобы потопить весь груз и пловцов лишить всего и сделать нищими, так точно и диавол, когда увидит, что собрано много духовного богатства, что [у человека] усердие пламенно, ум бодр и богатство увеличивается с каждым днем, мучится и скрежещет зубами и, подобно разбойнику, ходит взад и вперед, выдумывая тысячу хитростей, чтобы как-нибудь подступить к нам, обнажить и ограбить нас и похитить все наше духовное богатство. Это лукавое существо употребляет многообразные козни: когда не может прямо увлечь нас ко злу и уловить обманом, — он ведь не делает насилия, не принуждает, нет, а только обольщает, и как увидит, что мы беспечны, то и полагает нам преткновения, — так, когда не ус-

пеет он явно грехами повредить нашему спасению, тогда часто самими добродетелями, какие мы совершаем, тайно обольстив нас, погубляет все наше богатство... Когда увидит он, что мы, например, убегаем невождержания и любим целомудрие, также отвращаемся корыстолюбия, ненавидим неправду, пренебрегаем удовольствиями, а посвятили себя посту и молитвам и заботимся о милостыне, тогда уже вымышляет другую хитрость, посредством которой он мог бы погубить все наше богатство и сделать бесплодными столь многочисленные добродетели наши. Тем, которые с великим трудом успели уже преодолеть его козни, он внушает высоко думать о своих добродетелях и искать славы у людей, чтобы через это лишить их истинной славы. Ибо кто совершает духовные подвиги и ищет человеческой славы, тот уже получает себе награду и в Боге уже не имеет должника. Получив похвалу от тех, от кого искал он славы, он лишил уже себя похвалы, обещанной Господом, так как временную славу от подобных ему людей предпочел похвале от Творца Вселенной. И Сам Господь прежде всего так учил и о молитве, и о

милостыне, и о посте: *а ты, когда постишься, говорит Он, помажь голову твою и умой лице твое, чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцом твоим, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно* (Мф. 6, 17–18). И еще: *когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою* (Мф. 6, 2). Видишь, как ищущий здешней славы лишается тамошней и как, напротив, творящий добродетель по этой заповеди и старающийся скрывать ее от людей, явно получит от Господа награду в тот страшный день. Ибо *Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно*, то есть не думай о том, что ни один человек не похвалил тебя и что ты тайно творишь добродетель. Нет, размышляй о том, что немного спустя щедрость Господа будет так велика, что Он прославит, и увенчает, и наградит тебя за подвиги добродетели не тайно, не сокровенно, но перед всем человеческим родом, начиная от Адама до скончания мира. Какого же извинения будут заслуживать те, которые хотя и подъяли

труд добродетели, но из-за временной, ничтожной и суетной славы от подобных себе людей лишили себя славы небесной?

Итак, будем осторожны и, если успеем совершить какое-либо духовное дело, постараемся всячески скрывать его от всех в клети души нашей, чтобы получить нам похвалу от неусыпающего Ока и чтобы из-за славы человеческой и из-за похвал, часто льстивых, не сделаться недостойными славы от Господа. Ибо равно пагубно и вредно для нашего спасения как совершение дел духовных ради славы человеческой, так и высокое мнение о совершенных нами добродетелях. Поэтому надобно быть бдительным и осторожным и постоянно пользоваться пособиями Божественного Писания, чтобы не отдаться в плен этим пагубным страстям (славолюбию и высокомерию). Ибо пусть кто-либо совершит бесчисленные подвиги и сотворит всякую добродетель, но если он станет высоко думать о себе, то будет самый жалкий и несчастный человек. Это известно нам из того, что случилось с фарисеем, который так величался перед мытарем и вдруг стал ниже мытаря, который, своим языком рассыпав все богатство

своих добродетелей, сам обнажил себя и лишил всего и потерпел странное и необычайное кораблекрушение: войдя уже в самую пристань, он потопил весь груз свой... Потому-то и Христос такую дал заповедь ученикам своим: *когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие* (Лк. 17, 10), дабы через это предохранить их и удалить от этой пагубной страсти... Верующему, сказано, *похвала не от людей, но от Бога* (Рим. 2, 29). И чем больше станем мы преуспевать в добродетели, тем более постараемся смирить себя и быть скромными. Ибо, хотя бы мы взошли на самый верх добродетелей, но если добросовестно сравним свои добрые дела с благодеяниями Божьими, то ясно увидим, что наши добродетели не равняются и малейшей части того, что сделано для нас Богом. Этим-то и прославился каждый из святых... Послушай учителя вселенной, как он, по совершении таких добродетелей, после такого о нем свидетельства свыше: *он есть*, сказано, *Мой избранный сосуд* (Деян. 9, 15), — не забывает о своих согрешениях, но постоянно носит их в уме, как он не позволяет себе забывать даже и о том, в чем, как

он совершенно был уверен, получил уже прощение в крещении, но вопиет и говорит: *я наименьший из Апостолов, и недостойн называться Апостолом* (1 Кор. 15, 9). Потом, чтобы мы познали всю глубину его смиренного мудрия, присовокупил: *потому что гнал церковь Божию*. Что делаешь, Павел? Господь по своему милосердию простил и загладил все грехи твои, а ты еще помнишь о них? Так, говорит, я знаю и уверен, что Господь разрешил меня (от грехов), но когда подумаю о делах своих и посмотрю на бездну человеколюбия Божия, тогда вполне удостоверяюсь, что благодатью и человеколюбием Его я то, что есть. Ибо, сказав: *недостойн называться Апостолом, потому что гнал Церковь Божию*, он присовокупил: *благодатию Божиею есмь то, что есмь* (1 Кор. 15, 10). То есть хотя я со своей стороны выказал так много злости, но его неизреченная благодать и милосердие даровали мне прощение. Видел ты душу, сокрушенную и постоянно памятную о своих грехах, содеянных еще до крещения? Этому-то станем и мы подражать и, ежедневно припоминая о грехах, сделанных нами после крещения, будем по-

стоянно содержать их в уме и никогда не попустим себе забыть о них. Это будет довольно сильной уздой, чтобы смирить и укротить нас. И что говорю я о Павле, столь великом и высоком муже? Хочешь ли видеть, как и ветхозаветные более всего прославились этим же самым, тем то есть, что по совершении бесчисленных подвигов и имея уже неизреченное дерзновение (перед Богом) они смирялись? Послушай, как патриарх уже после собеседования с Богом, после данного ему обетования говорил о себе: *я прах и пепел* (Быт. 18, 27) (1).

* * *

Нет ничего хуже высокомерия. Оно лишает нас самого обыкновенного благоразумия, выставляет глупцами и совсем делает безумными. Ибо если бы кто, будучи не выше трех локтей, усиливался быть выше гор и считал бы себя таковым, если бы он стал вытягиваться, как будто бы был выше вершин холмов, то мы не стали бы искать другого доказательства в подтверждение его безумия. Так, когда ты увидишь надменного человека, который считает себя лучшим всех и за бесчестие ставит жить вместе с

простыми людьми, не ищи другого доказательства в подтверждение его безумия. Такой более достоин посмеяния, нежели глупые от природы, потому что сам добровольно навлек на себя болезнь эту. И не потому только он достоин сожаления, но и потому, что впадает в бездну зла, не чувствуя того. Ибо как может он сознать грехи свои должным образом? Как почувствует свои преступления? Дьявол, связав его, как непотребного раба и пленника, носится с ним, мучает его всячески и подвергает бесчисленным поруганиям. Он до такого безумия доводит таких людей, что, следуя его внушениям, они начинают гордиться перед детьми и женами своими, даже перед предками или же, напротив, надмеваться знаменитостью этих последних. А что может быть безумнее, когда гордятся совсем противными вещами: одни тем, что имели бедных отцов, дедов и прадедов, а другие тем, что имели славных и знаменитых предков?..

Мы не должны этим гордиться. Ибо, скажи мне, что такое род? Не что другое, как одно пустое имя: вы это узнаете в последний день (1).

* * *

Представь в уме две колесницы, из которых в одну запряги праведность и высокомерие, а в другую грех со смирennemудрием, и ты увидишь, что колесница греха опередит праведность, не собственной силой, но силой, сопряженного с ним смирennemудрия, а колесница праведности отстанет, не по немощи праведности, но по тяжести и громадности высокомерия. Как смирennemудрие своей превосходной высотой преодолевает тяжесть греха и быстро восходит на небо, так высокомерие по своей великой тяжести и громадности может пересилить и превыспреннюю праведность и легко увлечь ее вниз. А что первая колесница бывает быстрее последней, вспомни о фарисее и мытаре. Фарисей впряг вместе праведность и высокомерие и говорил так: *Боже! Благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь* (Лк. 18, 11). О безумие! Его высокомерие не удовлетворялось сравнением со всем родом человеческим, но с великим неистовством напало и на близстоящего мытаря. Что же

тот? Он не восстал против поношения, не оскорбился укоризной, но великодушно перенес сказанное, и стрела врага сделалась для него врачевством и исцелением, поношение — похвалой, укоризна — венцом. Так велико благо — смиренномудрие, так полезно — не оскорбляться злословиями других и не раздражаться обидами ближних! Можно и от них получить себе великое и важное благо, как и было с мытарем. Претерпев поношение, он очистился от грехов и, сказав: *будь милостив ко мне грешнику, пошел оправданным в дом свой более, нежели тот* (Лк. 18. 13–14). Слова оказались выше дел, изречениями побеждены деяния. Фарисей выставлял на вид праведность, пост и десятины, а мытарь произнес простые слова и избавился от грехов, потому что Бог не слова только слышал, но видел и душевное расположение, с которым они были произнесены, нашел его уничиженным и сокрушенным и помиловал по Своему человеколюбию. Впрочем, это я говорю не для того, чтобы мы грешили, но чтобы были смиренномудрыми (2).

ВЫСОКОУМИЕ

Быть глупым по природе не составляет вины, а сделаться глупым от злоупотребления ума — неизвинительно и влечет за собой большое наказание. Таковы те, которые по причине своей мудрости много о себе думают и впадают в крайнее высокоумие. Ибо ничто не делает столь глупым, как высокоумие. За это и пророк называет варвара глупцом... А чтобы ты мог заключить об его глупости из собственных речей его, послушай, что говорит он: *выше звезд Божиих вознесу престол мой... буду подобен Всевышнему* (Ис. 14, 13–14)... Высокоумие, которое не наблюдает умеренности и состоит в превозношении ума (почему и называется высокоумием), делает и глупцами и тщеславными. И если начало премудрости есть страх Господень, то начало глупости есть неведение Господа. Итак, если ведение Бога есть мудрость, а неведение — глупость, — неведение же происходит от гордости, так как начало гордости есть неведение Господа, — то следует, что гордость есть крайняя глупость... Как скоро человек

потеряет меру благоразумия, по причине душевного расслабления делается он вместе и робким и дерзким. Как тело, по нарушении в нем равновесия жизненных соков сделавшись расстроенным, подвергается всяким болезням, так и душа, когда утратит свою возвышенность и смиренномудрие, приобретя некоторый навык, приходит в болезненное состояние, делается и робкой и дерзкой и безумной, даже перестает узнавать сама себя. А кто не знает себя, как мо-

жет знать, что выше? Как одержимый помешательством ума, когда не узнает себя, не знает и того, что у него под ногами, и как глаз, когда сам слеп, омрачает все тело, так бывает и с высокоумием. Поэтому высокоумные несчастнее и помешанных в уме, и глупых по природе. Они возбуждают смех, подобно последним, и отвратительны, подобно первым. И хотя столь же расстроены в уме, как помешанные, однако не возбуждают столько сожаления (1).

ГЛУПОСТЬ

И смиренномудрие, и милостыня, и все подобное есть мудрость. Следовательно, противное этому будет глупость. А от глупости происходит жестокость. Отсюда часто всякий грех называется безумием. *Безумный сказал в сердце своем: «нет Бога»* (Пс. 13, 1). И опять: *воссмердели и согноли раны мои от безумия моего* (Пс. 37, 6). Скажи мне, что несмысленнее того человека, который возлагает на себя дорогие одежды, а братьев своих, не имеющих одеяния, презирает; кормит собак, а на образ Божий в алчущем ближнем смотрит с презрением; совершенно убежден в ничтожестве земных вещей, а привязан к ним, будто к нетленным? Но как нет ничего несмысленнее этого человека, так нет ничего мудрее подвижника добродетели (1).

* * *

Быть глупым по природе не составляет вины, а сделаться глупым

от злоупотребления ума — неизвинительно и влечет за собой большое наказание. Таковы те, которые по причине своей мудрости много о себе думают и впадают в крайнее высокоумие. Ибо ничто не делает столь глупым, как высокоумие... Высокоумие, которое не наблюдает умеренности и состоит в превозношении ума (почему и называется высокоумием), делает и глупцами и тщеславными. И если начало премудрости есть страх Господень, то начало глупости есть неведение Господа. Итак, если ведение Бога есть мудрость, а неведение — глупость, неведение же происходит от гордости, так как начало гордости есть неведение Господа, то следует, что гордость есть крайняя глупость (1).

ГНЕВ

Гнев есть зверь, зверь жестокий и лютый. Чтобы укротить его, будем припевать себе стихи из Божественного Писания и

говорить: *самое движение гнева есть падение для человека* (Сир. 1, 22); и еще: *муж ярый не благообразен* (Притч. 11, 25). Подлинно нет ничего безобразнее гневного лица, если же — лица, то тем более — души. Как тогда, когда разрывают грязь, обыкновенно бывает зловоние, так и тогда, когда душа возмущается гневом, появляется великое безобразие. Но не могу, скажешь, вынести поношения от врагов. Отчего же, скажи? Если враг сказал правду, то еще прежде его тебе самому следовало бы укорить себя, и ты должен благодарить его за обличение, если же ложь, то не обращай на то внимания. Он назвал тебя нищим, — посмейся этому. Назвал низким или бессмысленным, — пожалей о нем. Ибо кто скажет брату своему: *безумный, подлежит геенне огненной* (Мф. 5, 22). Итак, когда кто станет поносить тебя, помысли о том наказании, которому он подлежит, — и не только не будешь гневаться, но и прольешь слезы. Никто не сердится на одержимых лихорадкой или горячкой, но все жалеют о подобных людях и плачут. А такова и душа разгневанная. Если же хочешь и отомстить, смолчи, — и тем нанесешь врагу смертельный

удар. Если же будешь отвечать на укоризну укоризной, то возгнетешь огонь. Но присутствующие, скажешь, будут обвинять в малодушии, если стану молчать. Не в малодушии будут обвинять, а подивятся любомудрию...

Между гневом и беснованием нет никакого различия: гнев есть то же беснование, только временное, или даже он хуже беснования. Бесноватый может еще получить прощение, а гневающийся подвергнется тысяче мучений, как добровольно стремящийся в бездну погибели. Да и прежде будущей геенны он уже здесь терпит наказание, так как во всю ночь и во весь день носит в помыслах души своей непрестанное смятение и незатихающую бурю. Итак, дабы избавиться от наказания в жизни настоящей и мучения в будущей, отринем эту страсть и будем выказывать всякую кротость и уступчивость (1).

* * *

Чем кто более оскорбляет, тот тем более слаб. Знаешь ли, когда надобно оскорбляться? Когда оскорбляемый нами молчит, ибо тогда он силен, а мы слабы. Если же бывает наоборот, то нужно

даже радоваться, тогда ты достоин венца, достоин провозглашения. Не выходя на место борьбы, не подвергаясь неприятным действиям солнца, жара и пыли, не сходясь и не схватываясь с противником, но только пожелав, сидя или стоя, ты можешь получить великий венец, и не просто великий, но гораздо больший, чем те борцы, ибо не все равно — низвергнуть противоборствующего врага или притупить стрелы гнева. Ты победил, не схватываясь с противником, низложил возбуждающуюся в тебе страсть, умертвил свирепого зверя, обуздал неистовый порыв, как доблестный пастырь, тогда как предстояла тебе внутренняя брань, домашняя война. Как враги, обложившие город и осаждающие его извне, когда возбуждают в нем междоусобную брань, тогда и одерживают победу, так и оскорбляющий, если не возбудит в нас самих страсти, не в состоянии будет преодолеть нас; если мы сами не воспламенимся, то он не будет иметь никакой силы. Пусть же искра гнева хранится в нас и воспламеняется лишь благовременно, не против нас самих, не для того, чтобы причинить нам множество зол. Не видите ли, как в домах

огонь содержится в определенном месте и не разбрасывается везде, и на сене, и на одеждах, и где случится, чтобы он не воспламенился от дуновения ветра... Точно так же будем поступать и с гневом: пусть он не сопровождает все наши помыслы, но хранится в глубине души, чтобы не возбуждал его ветер от слов противника, но это возбуждение он получал от нас, а мы возбуждали бы его умеренно и безопасно. Когда он возбуждается извне, то не знает меры и может пожечь все... Будем же воспламенять его в нас только для того, чтобы он светил, — ибо гнев издает свет, если он возбуждается, когда следует, — будем употреблять этот светильник против тех, которые обижают других, и против дьявола. Пусть не везде полагается и не везде разбрасывается эта искра, но хранится у нас под пеплом, будем содержать ее в помыслах смиренных. Не всегда она бывает нам нужна, а только тогда, когда надобно что-нибудь исправить и умягчить, когда надобно преодолеть упорство или вразумить чью-либо душу (1).

* * *

Итак, чем оправдаешься в том, что не владеешь природой?

Какое можешь представить благородное извинение в том, что из льва делаешь человека, а о себе не заботишься, когда из человека делаешься львом, ему сообщаясь свойства выше его природы, а в себе не сохраняешь и естественных? Диких зверей стараешься довести до одинакового с нами благородства, а себя самого низвергаешь с царского престола и доходишь до зверского неистовства? Представь себе, что и гнев есть зверь, и сколько другие стараются над обучением львов, столько покажи старания над собой и необузданный гнев свой сделай тихим и кротким, ибо гнев имеет столь страшные зубы и когти, что истребит все, если не укротишь его. Даже лев и ехидна не могут терзать внутренностей с такой жестокостью, как гнев непрестанно терзает железными когтями. Он не только вредит телу, но расстраивает само душевное здоровье, поедая, терзая, раздробляя всю силу ее [души] и делая ее ни к чему не способной. У кого внутри завелись черви, тот не может дышать, когда все внутренности его изъедены. Как же мы можем породить что-нибудь благородное, нося внутри себя этого змия (я разумею гнев), снедающего

внутренности наши? Каким образом избавимся от этой язвы? Если будем употреблять Питие, которое может умертвить внутренних червей и змей. Но какое питие, спросишь, имеет такую силу? Честная Кровь Христова, если с упованием приемлется. Она может уврачевать всякую болезнь. А вместе с этим внимательное слушание Божественных Писаний и присоединяемая к этому милостыня. Всеми этими средствами могут быть умерщвлены страсти, расслабляющие нашу душу. И тогда только будем жить, а теперь мы ничем не лучше мертвых (1).

* * *

Если кто-то терпит обиду от кого-нибудь, пусть не вечно гневается, а лучше пусть не гневается и временно. Ибо апостол не позволяет нам продолжать гнева более одного дня. *Солнце*, говорит он, *да не зайдет во гнев* *вашем* (Еф. 4, 26). И справедливо, ибо надо желать, чтобы и в такое короткое время не случилось ничего неприятного. А если еще и ночь застигнет нас во гнев, то дело будет для нас еще хуже, потому что от одного воспоминания о нем возродится в нас безмерный огонь, и мы на свободе

с большим огорчением для себя будем размышлять о нем. Поэтому прежде, нежели к погибели нашей настанет покой ночи и мы возождем в себе сильнейший огонь, апостол и повелевает предупреждать и отвращать опасность. Ибо страсть гнева сильна, сильнее всякого пламени. Потому и нужно с большой поспешностью предупреждать силу огня и не допускать его до воспламенения. А болезнь эта бывает причиной многих зол. Она ниспровергает целые дома, разрывает давнее содружество, в короткое и скорое время производит самые неутешительные случаи. *Движение гнева*, сказано, *есть падение для человека* (Сир. 1, 22). Итак, не оставим этого зверя без обуздания, но набросим на него со всех сторон крепкую узду — страх будущего суда. Если тебя оскорбит друг или огорчит кто-нибудь из ближних, помысли тогда о согрешениях своих против Бога и о том, что своей кротостью в отношении к ним ты умилиловишь для себя более и тот [будущий] суд, — сказано: *прощайте, и прощены будете* (Лук. 6, 37), и гнев тотчас отбежит от тебя. При этом обрати внимание также и на то, когда ты, придя в ярость, удержи-

вал себя и когда был увлечен страстью. Сравни то и другое время, — получишь и отсюда значительное исправление. Скажи: когда ты хвалишь себя, тогда ли, когда был побежден гневом, или тогда, когда победил? Не тогда ли именно, когда побеждены мы и наиболее обвиняем себя и стыдимся, хотя бы и никто нас не обличал, и приходим к раскаянию в своих словах и делах? А когда преодолеваем гнев, не торжествуем ли тогда и не хвалимся ли, как победители? Ибо победа над гневом состоит не в том, чтобы воздавать за обиду тем же (это не победа, а совершенное поражение), но в том, чтобы с кротостью переносить оскорбления и поношения. Не делать, а терпеть зло — вот истинное преимущество. Итак, не говори во гневе: «Вот я восстану, вот и я нападу на него». Не сопротивляйся и тем, которые убеждают тебя укротить гнев, не говори им: «Не потерплю, чтобы такой-то насмехался надо мной». Да он никогда и не насмехается над тобой, разве когда ты сам на него вооружишься. А если он и тогда посмеется над тобой, то разве только в безумии сделает это. Ты же, побеждая, не ищи славы у безумных, но признавай

достаточным для себя иметь славу у людей разумных... Воззри тотчас к Богу, и Он тебя восхвалит...

Хочешь ли узнать, какое великое зло — гнев? Стань на площади, когда там ссорятся другие. В себе самом тебе нельзя так видеть это безобразие, потому что разум во гневе помрачается и сознание теряется, как у пьяных. Но когда ты очистишься от этой страсти, тогда наблюдай в других себя самого, так как в это время у тебя рассудок не поврежден. Итак, вот смотри на окружающие толпы, а среди них на бесчинствующих в раздражении людей, подобных беснующимся. Когда ярость, возгоревшись в груди, восстанет и ожесточится, тогда огнем дышат уста, огонь выпускают глаза, все лицо вздувается, руки бесчинно протягиваются, смешно прыгают ноги и насакивают на удерживающих. Ничем не отличаются раздраженные от сумасшедших, все делая без сознания, и даже не отличаются от диких ослов, когда бьют и кусают друг друга. Поистине, безобразен человек раздраженный. Потом, когда после этого, столь смешного зрелища, они возвратятся домой и придут в себя, то возы-

меют еще большую скорбь и страх, представляя себе, кто присутствовал при их ссоре. Ибо, как безумные, прежде не видя присутствующих, потом, когда приходят в сознание, рассуждают, друзья ли были зрителями их или враги и неприятели. Ибо равно боятся они тех и других: первых — потому что они будут укорять их и увеличат стыд, а вторых — потому что они будут радоваться их посрамлению. А если им случилось еще нанести друг другу раны, тогда тягчайший бывает страх, чтобы не случилось чего-нибудь еще хуже с раненым, чтобы, например, болезнь от ран не принесла ему смерти или чтобы поднявшаяся неизлечимая опухоль не подвергла его жизнь опасности. «И что мне была за надобность ссориться? Что за брань и ссоры? Пропадай они совсем». И вот они проклинаят все те случайные обстоятельства, которые послужили поводом к ссоре. А глупейшие из них обвиняют в происшествии и лукавых демонов и злой час. Но не от злого часа это происходит, потому что и не бывает никогда злого часа, и не от злого демона это происходит, а от злобы увлеченных гневом. Они-то сами и демонов привлекают,

и всякое зло на себя наводят. Но сердце, скажет кто-нибудь, от оскорблений возмущается и терзается. Знаю это и я. Поэтому-то и превозношу тех, которые укрощают этого ужасного зверя. Ибо если желаем, то можем отразить от себя эту страсть. Почему мы не подвергаемся этой страсти, когда укоряют нас начальствующие? Не потому ли, что в нас возникает страх, равносильный этой страсти, который поражает нас и не допускает даже зародиться в нас гневу? Почему и рабы, получая от нас тысячи укоризн, все это переносят в молчании? Не потому ли, что и на них лежат те же узы? Так и ты помысли о страхе Божиим, о том, что Сам Бог тогда уничижает тебя, повелевая тебе молчать, и ты все будешь переносить кротко. Скажи нападающему на тебя: что я могу тебе сделать? Некто иной удерживает мою руку и язык мой. И эта мысль побудит и тебя, и его к благоразумию (1).

* * *

Как болезнь желтуха не может обнаружиться, если желчь не разольется и не выступит из своих пределов, так и гнев не сделается неумеренным, если

не разорвется сердце. И как ты, видя страждущего желтухой, хотя бы он сделал тебе тысячи зол, не пожелаешь взять на себя болезнь его, так поступай и с гневом. Не соревнуй, не подражай злобе, но жалея того, кто не обуздывает в себе этого зверя, и прежде всех повреждает и погубляет самого себя. А что действительно такие люди вредят самим себе, это можно слышать от многих, которые, стараясь прекратить вражду, убеждают враждующих так: пощади самого себя, ты вредишь самому себе. Такова злоба, она вредит только тому, кто питает ее, и низвращает все (1).

* * *

Если ты говоришь и правду, но с гневом, то все погубил, будешь ли ты обличать, или разумлять, или делать что-нибудь другое. Будем чистыми от гнева. Дух Святой не обитает там, где гнев. Гневливый подлежит проклятию, и невозможно быть чему-нибудь доброму там, откуда происходит гнев... Если душа хочет сказать или принять что-нибудь любознательное, то наперед должна быть в тихой пристани. Не замечаешь ли, как мы, когда хотим рассуждать о чем-нибудь

нужном, избираем места, удаленные от шума, где спокойствие и тишина, чтобы нам не развлекаться? Если же внешний шум развлекает нас, то тем более внутреннее смятение. Станет ли кто молиться, он молится напрасно, если делает это во гневе и раздражении; станет ли говорить, будет смешным; станет ли молчать, опять же; будет ли есть, и тогда повредит себе; будет ли сидеть или стоять, ходить или спать, ему и во сне представляется то же самое. И что у таких людей не беспорядочно? Глаза отвратительны, рот искривлен, члены тела напряжены и трясутся, язык не обуздан и не щадит никого, рассудок помешан, одежда в непристойном виде. Во всем великое безобразие!.. Правда, неистовствующий бывает одержим гневом на время. Но что может быть хуже этого? И еще не стыдятся оправдываться: я не признавал, говорят, что сказал. Почему же не признавал этого ты, существо разумное, имеющее рассудок? Почему ты действуешь подобно неразумным животным, как бы дикий конь, увлеченный гневом и яростью? Это оправдание достойно осуждения. Желательно, чтобы ты

знал, что говорил. Это — слова гнева, скажешь, а не мои? Как — гнева? Гнев не имеет силы, если не получит ее от тебя...

Гнев не позволяет видеть, но будто во время ночной битвы, закрыв все: и глаза и уши, — ведет туда, куда хочет. Избавим же себя от этого демона, сокрушим его, когда он нападет на нас, положим на перси* знамение креста, как бы узду на него. Гнев есть бесстыдный пес, но пусть он научится слушать закон (1).

* * *

Что значит изречение: *гневающийся на брата своего напрасно* (Мф. 5, 22)? То же, что и: не мсти за себя и не воздавай злом за зло. Если видишь другого погибающим, подай ему руку помощи; гнев не будет иметь места, когда ты будешь свободен от пристрастия к себе самому... Умоляю, будем употреблять это орудие [гнев] в свое время. Для гнева не время, когда мы должны помочь самим себе, а тогда в особенности должно употреблять его, чтобы спасти других (1).

* Перси — грудь, передняя часть тела от шеи до живота. (Примеч. ред.)

* * *

Если кто-либо впадет в страсть гнева, тому апостол предлагает врачевство: *гневаясь, говорит, не согрешайте*, не на долгое время: *солнце да не зайдет во гнев вашем* (Еф. 4, 26). Ты не можешь удержаться от гнева? Гневайся час, два, три, но да не зайдет солнце, оставив нас врагами... Как же мы смягчим свой гнев? Как погасим этот пламень? Если подумаем о своих собственных грехах и о том, сколь мы виновны перед Богом; если подумаем, что мы мстим не врагу, но самим себе; если подумаем, что враждой мы доставляем радость диаволу, этому врагу, этому истинному врагу нашему, ради которого мы наносим обиду своему ближнему. Ты не можешь не злопамятствовать, не враждовать? Будь врагом, но враждуй против диавола, а не против своего ближнего. Для того и дал нам Бог в оружие гнев, чтобы мы не собственные тела поражали мечом, но чтобы вонзали его острие в грудь диавола (1).

* * *

Не гневайся, говорит Он, на брата твоего напрасно. А это гораздо легче, нежели терпеть на-

прасный гнев от другого. Там уже готово вещество для огня, а здесь ты сам зажигаешь пламя, когда нет и вещества для него. Между тем не все равно — терпеть ли и не воспламеняться, когда другой подносит свечу, или оставаться спокойным и невозмутимым, когда никто не возмущает. Кто вытерпит в первом случае, тот представит доказательство величайшего любоумудрия, но кто сделает последнее, тот заслужит удивления... Кто же может сказать о своей жизни, что она чиста от безрассудного и напрасного злоречия и гнева (2)

* * *

Ничто так не помрачает чистоту души и ясность мыслей, как гнев необузданный и выражающийся с великой силой. *Гнев губит и разумных*, говорит Премудрый (Притч. 15, 1). Помраченное им око души, как бы в ночном сражении, не может отличать друзей от неприятелей и честных от бесчестных, но относится ко всем одинаково, и хотя бы предстояло потерпеть какой-нибудь вред, скоро решается на все, чтобы доставить удовольствие душе, ибо пылкость гнева заключает в себе некоторое

удовольствие и даже сильнее всякого удовольствия овладевает душой, извращая все ее здоровое состояние. Он производит гордость, несправедливые вражды, безрассудную ненависть, часто принуждает без разбора и без причины наносить оскорбления и заставляет говорить и делать много другого подобного, так как душа увлекается сильным напором страсти и не может собраться со своими силами, чтобы противостоять стремлению (2).

* * *

Сильна эта страсть [гнев], часто даже внимательных увлекает в самую бездну погибели (6).

ГНЕВ БОЖИЙ

Удостоившись быть сынами, братьями и сонаследниками Божьими, мы ничем не отличаемся от врагов Его, оскорбляющих Его. Какое после этого будет нам утешение? Он призвал нас на небо, а мы сами себя ввергли в геенну. Клятва и ложь, воровство и прелюбодеяние распространились на земле. Одни убийство присоединяют к убийству, другие делают дела хуже кровопролития... Будем плакать теперь и мы о себе самих... Но, мо-

жет быть, некоторые отворачиваются и смеются. Поэтому еще более и нужно усилить плачь: мы так безумны и бесчувственны, что не понимаем своего безумия и смеемся над тем, о чем следует рыдать. *Открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков* (Рим. 1, 18). *Бог явно придет... огонь пред Ним возгорится и вокруг Его сильная буря* (Пс. 49, 3). *Огонь пред Ним пройдет и попалит вокруг врагов Его* (Пс. 96, 3)... Но никто не думает об этом. Хуже басней считают и презирают столь страшные и ужасные предметы... Вокруг нас ежедневные войны, потопления, бесчисленные несчастья, и гнев Божий со всех сторон окружает нас. А мы остаемся так спокойны, как будто мы делаем угодное Богу: все мы простираем руки на любостяжание, и никто на помощь ближним; все на хищение, и никто на помощь; каждый старается увеличить свое состояние, и никто помочь нуждающемуся; каждый всячески заботится, как собрать больше денег, и никто, как бы спасти свою душу; все боятся одного, как бы не сделаться бедными, а как бы не попасть в геенну, о том никто не беспокоится (1).

ГОРДОСТЬ

Один мудрый муж сказал: *начало гордости — удаление человека от Господа* (Сир. 10, 14). Дьявол, не бывший прежде дьяволом, не был бы низвержен и не стал бы дьяволом, если бы не заболел этой самой болезнью. Она лишила его прежнего достоинства, она низвела его в геенну, она послужила для него причиной всех зол. Порок этот может сам по себе повредить всякую добродетель души — милостыню ли, молитву ли, пост или что-либо другое. Ибо сказано, что высокое у людей не чисто пред Господом. Не блуд только и не прелюбодеяние оскверняют тех, которые предаются ему, но и гордость, и даже гораздо больше. Почему? Потому что блуд хотя и не простительное зло, по крайней мере, иной человек может сослаться на пожелание, а высокомерие не имеет никакой причины, никакого предлога, под которым заслуживало бы хоть тень извинения; оно есть не что иное, как развращение души и самая тяжкая болезнь, происходящая не от чего другого, как только от безрассудства. Подлинно, нет безрассуднее человека высокомерного, хотя бы получил

он обширное внешнее образование, хотя бы поставлен был на высшей ступени власти, хотя бы имел у себя все, что для людей кажется завидным. Ибо если гордящийся действительными преимуществами жалок и несчастен и теряет награду за все свои совершенства, то не смешнее ли всех надмевающийся ничтожными благами, тенью и цветом травы (такова слава этого века), — так как он поступает подобно тому, как если бы бедняк, нищий, постоянно удручаемый голодом, случайно в одну ночь увидел приятный сон и тем стал бы тщеславиться? Жалкий и несчастный! Душу твою снедает жесточайшая болезнь, и ты, убогий крайним убожеством, мечтаешь, что у тебя столько и столько-то талантов золота и множество прислуги? Да это — не твое. А если не веришь моим словам, то убедись опытами бывших прежде богачей. Если же ты так споен, что не вразумляешься приключениями других, то подожди немного, — и ты узнаешь собственным опытом, что нет для тебя никакой пользы от этих благ, когда, при последнем издыхании, не будучи властен ни в одном часе, ни в одной минуте,

ты невольно оставишь их окружающим тебя людям, и, что нередко случается, людям таким, которым ты и не хотел бы оставить (1).

* * *

Через гордость первозданный человек лишился блаженного состояния, через нее и обольстивший его диавол ниспал с высоты своего достоинства. Это гнусное существо, узнав, что грех этот может низвергнуть и с самых небес, избрало этот путь, чтобы лишить Адама столь великой чести, надмив его обещанием равенства с Богом, он таким образом ниспроверг и низринул Адама в самую глубину ада. Подлинно, ничто так не отчуждает от человеколюбия Божия и не подвергает огню гееннскому, как преобладание высокомерия. Когда оно в нас есть, то вся наша жизнь делается нечистой, хотя бы мы подвизались в целомудрии, девстве, постничестве, молитвах, милостыне и других добродетелях. *Мерзость пред Господом всякий надменный сердцем* (Притч. 16, 5). Итак, если хотим быть чистыми и свободными от наказания, уготованного диаволу, обуздаем в себе надменность духа, отсечем вы-

сокомерие. А что гордые необходимо подвергнутся одному наказанию с диаволом, послушайте, что говорит об этом Павел: *не должен быть из новообращенных, чтобы не возгордился и не подпал осуждению с диаволом* (1 Тим. 3, 6)... Избежим [мы беды этой], если будем размышлять о своей природе, о множестве согрешений, о великости будущих мучений, о том, что все кажущееся здесь блистательным — временно, ничем не лучше травы и увядает скорее весенних цветов (1).

* * *

Хотя бы мы взошли на самую вершину добродетели, будем считать себя последними из всех, научившись, что гордость может низвергнуть невнимательного и с самих небес, а смирennemудрие может из самой бездны грехов поднять на высоту умеющего быть умеренным. Это [смирение] поставило мытаря впереди фарисея, а та — горворю о безумии и гордости — превзошла силу бестелесного диавола. Смирennemудрие же и сознание собственных грехов ввело в рай разбойника прежде апостолов. Если же признающие свои грехи доставляют себе

такое дерзновение, то сознающие в себе много доброго и, однако, смиряющие свою душу каких не приготовят себе венцов? Если грех, будучи соединен со смиренномудрием, совершает течение с такой легкостью, что превосходит и упреждает праведность, соединенную с гордостью, то, если ты свяжешь его с праведностью, куда не достигнет он, сколько не пройдет небес? Он конечно предстанет пред самым престол Божий, среди Ангелов, с великим дерзновением. Опять, если гордость, будучи сопряжена с праведностью, избытком и тяжестью своего зла была в состоянии низложить ее дерзновение, то, будучи соединена с грехом, в какую геенну не может она низвергнуть одержимого ею?

Говорю это не для того, чтобы мы не заботились о праведности, но чтобы избегали гордости; не для того, чтобы мы грешили, но чтобы были умеренны (6).

ГРЕХ

Частое воспоминание грехов и обвинение себя в них немало способствуют к уменьшению великости их. Есть и другой путь, еще более верный, когда мы не

помним зла ни о ком, кто согрешил против нас, когда прощаем всякому сделанные против нас проступки. Хочешь ли знать еще и третий путь? Послушай, что говорит Даниил: *искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным* (Дан. 4, 24). Есть и еще кроме этого путь — частое упражнение в молитвах, постоянное прилежание в молениях к Богу. Приносит нам немало утешения и оставление грехов также и пост; когда он соединяется с любовью к ближним, угашает и силу гнева Божия. *Вода угасит пламень огня, и милостыня очистит грехи* (Сир. 3, 30). Итак, будем ходить по всем этим путям. Если будем всегда держаться их и на них обращать свое внимание, то не только очистим прошедшие преступления, но и на будущее время много приобретем для себя пользы: не дадим диаволу возможности нападать на нас, да и сами не впадем в беспечность житейскую (1).

* * *

Грех есть великий бес. Бесноватый возбуждает сострадание, а грешник — ненависть; тот заслуживает прощение, а этот не имеет оправдания (1).

* * *

Итак, надобно отражать зло вначале, даже если первые преступления на себе только и оставались, и тогда нельзя пренебрегать ими, но в самом деле они доходят до большего, когда душа вознерадит. Потому все надлежит употреблять для того, чтобы истреблять грехи в самом начале. Несмотря на то что грех в самом себе мал, но помни, что он бывает корнем великого зла, когда вознерадят о нем... Не столько требуют тщания и трудов большие грехи, сколько малые и незначительные. Ибо тех отвращаться составляет само свойство греха, а малые, потому что малы, располагают нас к лени, не позволяют мужественно восстать на истребление их. Поэтому они скоро делаются великими, коли мы спим... Так в Иуде родилось великое зло. Если бы он не думал, что неважное дело — красть имущество бедных, то не впал бы и в грех предательства. Так же, если бы иудеям не представлялось маловажным то, что они пленены тщеславием, то, конечно, не дошли бы они до убийства Христа. И всякое зло так обыкновенно совершается. Всякий не скоро и не вдруг впадает

в нечестие. Ибо есть в душе нашей некоторый стыд греха, одолеть который, чтобы вдруг прийти до бесстыдства, нельзя... Так возшло и идолопоклонство, когда люди стали выше меры чтить живых и умерших. Так стали поклоняться изваянным. Так усилилось блудодейство и другие пороки. Смотри: один временно посмеялся, другой укорил, иной отринул страх, говоря, что в этом нет ничего страшного. Ибо что за важное дело посмеяться? Что от этого может произойти? А от этого происходит пустая говорливость, отсюда срамословие и бесчестные поступки. Еще на иного жалуются, что он поносит ближнего, насмехается, злословит. Но тот презирает это и говорит, что злословить другого ничего еще не значит. Напротив, от этого родилась ненависть безмерная, непримиримая вражда, бесконечные укоризны, а от укоризн драки, а от драк часто и убийство.

Итак, от малого лукавый демон доводит до большого, а от великого доводит до отчаяния, изобретая таким образом другой способ, не менее пагубный. Ибо не столько погубляет грех, сколько отчаяние (1).

* * *

Грех есть варвар, который, пленив душу однажды, не щадит ее, но мучит ее на погибель подпавших власти его. Подлинно, ничто так не безрассудно, ничто так не бессмысленно, глупо и нагло, как грех. Куда он ни вторгается, все извращает, расстраивает и губит. Он безобразен на вид, несносен и отвратителен. Если бы какой-либо живописец захотел изобразить его, то, мне кажется, не погрешил бы, изобразив его в виде жены звероподобной, варварской, дышащей огнем, безобразной и черной, как внешние поэты изображают Сцилл*. Ибо грех тысячью рук обхватывает наши мысли, вторгается неожиданно и терзает все подобно псам, кусающим внезапно. Впрочем, для чего нам живописное изображение, когда мы можем представить самих людей, подобных ему (1)?

* * *

Когда мы помыслим о множестве прежних грехов своих, тог-

* Внешние поэты — поэты светские, нецерковные. Сцилла и Харибда — в греческой мифологии два чудовища, жившие по обеим сторонам узкого пролива и губившие проплывающих между ними мореходов. (Примеч. ред.)

да познаем чрезмерность милости Божией, тогда преклоним голову, тогда смиримся, потому что чем более тяжки грехи, в которых мы виновны, тем более мы будем сокрушаться. Так Павел вспоминал и о прежних грехах своих, а мы не хотим вспоминать и о сделанных нами после крещения, угрожающих опасностью и подвергающих нас ответственности за них. Но если когда и придет у нас мысль о каком-либо таком грехе, мы тотчас устраняем ее и не хотим опечалить душу воспоминанием [о нем] и на краткое время. А от этой бесполезной нежности происходит для нас множество зол, потому что, находясь в таком состоянии самодовольства и изнеженности, мы не можем и исповедаться в прежних грехах своих (как это возможно, когда мы приучаем себя не допускать и воспоминания о них?), и легко впадаем в последующие. Если у нас всегда живо это памятование и душу беспокоит страх, то с удобством можно искоренить изнеженность ее и беспечность (2).

* * *

Почему мы оплакиваем наказываемых, а не согрешающих?

Не так тяжело наказание, как тяжёлый грех, потому что грех есть причина наказания. Итак, когда ты увидишь какого-нибудь человека, имеющего гниющую рану, у которого из тела выходят черви и гной и который оставляет без внимания эту язву и гниение, а — другого такого, который, страдая тем же, пользуется помощью врачей, допускает прижигания и отсечения и пьёт горькие лекарства, то которого из них ты будешь оплакивать, скажи мне, — того ли, который болен и не лечится, или того, который болен и лечится?.. Перенесись мыслью от тел к душам, от болезней к грехам, от горечи лекарств к наказаниям и суду Божию, ибо наказание от Бога есть то же, что и лекарство от врача. Отсечение и прижигание, как огонь, через многократное прижигают рану и останавливают её развитие, как железо, отсекают гнилость, причиняя боль, но доставляя пользу. Так и голод, и моровые язвы, и все кажущиеся бедствия посылаются на душу вместо железа и огня, чтобы остановить, как это бывает с телами, развитие её болезней и сделать её лучшей (3).

* * *

Всегда говорю и не перестану повторять, что весьма полезно и нужно нам постоянно помнить все наши поступки. Ничто не может сделать душу такой любознательной, и смиренной, и кроткой, как постоянное памятование о грехах. Поэтому и Павел помнил грехи, сделанные им не только после купели, но и до крещения, хотя они и были уже изглажены совершенно. Если же он помнил грехи, сделанные до крещения, тем более нам должно помнить сделанные нами после крещения. Памятуя об них, мы не только изгладим их, но и будем ко всем людям снисходительнее, а Богу послушим с большим усердием, из памятования о грехах познавая несказанное Его человеколюбие (6).

* * *

Гораздо лучше вовсе не грешить, но немаловажно для спасения и то, чтобы согрешивший сокрушался, осуждал душу свою и с великим тщанием наказывал совесть свою; такое осуждение есть часть оправдания и конечно ведет к тому, чтобы боль-

ше не грешить. Поэтому и Павел, произведя печаль в грешниках, радовался: не тому, что опечалил их, но что посредством печали исправил их. *Радуюсь не потому, говорил он, что вы опечалились, но что вы опечалились к покаянию... Ибо печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению* (2 Кор. 7, 9–10). Поэтому о своих ли или о чужих грехах вы скорбели тогда, вы достойны бесчисленных похвал. Кто скорбит о чужих, тот показывает апостольское сострадание и подражает тому святому, который говорит: *кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся* (2 Кор. 11. 29)? А кто терзается за свои грехи, тот избавляется от наказания за дела, уже совершенные, и в будущем становится безопаснее посредством этой скорби. Вот почему и я, видя поникших головой, вздыхающих и ударяющих себя по лицу, радовался, представляя плоды этой печали (6).

* * *

Признание в грехах весьма много способствует их исправлению, равно отрицание греха

после совершения его составляет тягчайший из грехов...

Таков грех: пока он еще не совершен и не приведен в дело, он помрачает мысль и обольщает разум, а когда будет совершен, то открывает нам свою гнусность, и вот кратковременное и безрассудное удовольствие причиняет нам постоянную скорбь, лишает спокойствия совести и покрывает своего пленника стыдом. Человеколюбивый Господь поставил над нами такого судию с тем, чтобы он никогда не молчал, но будучи неразлучен с нами, непрестанно вопиял и наказывал за преступления. В этом всякий может убедиться опытом. Так блудник, или прелюбодей, или другой подобный грешник не может быть спокойным, хотя бы от всех скрыл (свое преступление). Имея такого строго судию, пугается и намеков, трепещет самой тени, боится и знающих и незнающих (о его поступке), и таким образом носит у себя в душе постоянную бурю и непрерывное волнение. У такого человека и сон не сладок, но полон страха и боязни, ему и пища не вкусна, и сообщество друзей не может развлечь его и освободить от внутренней борьбы. Нося в себе

как будто палача, который терзает и бичует его непрестанно, так он ходит после такого худого дела, терпя, хотя этого никто не знает, невыносимые муки и будучи сам своим судьей и обвинителем.

Но если сделавший такой грех решится как следует воспользоваться помощью совес-

ти, принести раскаяние в своих делах и показать рану Врачу, который исцеляет не укоряя, принять от него врачество и наедине, без всяких свидетелей открыть Ему и исповедать все подробно, то он скоро исправит грехи свои, потому что признание в грехах заглаживает их (8).

ДАРЫ БОГУ

Будем заботиться не о том одном, чтобы принести в дар золотые сосуды, но о том, чтобы принести от праведных трудов. Ибо дороже золота приобретенное без любостыжательности. Церковь не на то, чтобы в ней плавить золото, ковать серебро, она есть торжественное собрание Ангелов. Поэтому мы требуем в дар ваши души, ибо для душ принимает Бог и прочие дары. Не серебряная была тогда трапеза, и не из золотого сосуда Христос давал пить Кровь Свою ученикам. Однако же там все было драгоценно, все возбуждало благоговение, потому что все исполнено было Духа. Хочешь ли почитать Тело Христово? Не презирай, когда видишь Христа нагим. И что пользы, если здесь почтишь Его шелковыми покровами, а вне храма оставишь терпеть и холод и наготу? Изрекший: *сие есть Тело Мое* (Мф. 26, 26), и утвердивший это словом, сказал также: вы видели Меня алчущего и не напита-

ли; и далее: *так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне* (Мф. 25, 45). Для этого таинственного Тела нужны не покровы, а чистая душа; уды же Христовы, то есть нищие, имеют великую нужду в нашем попечении. Научимся быть любомудрыми и почитать Христа, как Сам Он того хочет. Почитаемому приятнее всего та честь, которой он сам желает, а не та, которую мы признаем лучшей. И Петр думал почитать Господа, не допуская Его умыть ноги, однако же это было не почитание, а нечто тому противное. Поэтому и ты почитай Его той честью, какую Сам Он заповедал, то есть истощай богатство свое на бедных. Богу нужны не золотые сосуды, но золотые души.

Говоря это, не запрещаю делать богатые вклады, требую только, чтобы вы вместе с вкладами и даже прежде них творили милостыню. Хотя Бог приемлет и вклады, но гораздо лучше милостыню. Там один приносящий получает пользу, а здесь и приемлющий.

Там дар бывает иногда поводом к тщеславию, а здесь все делается по одному милосердию и человеколюбию. Что пользы, если трапеза Христова полна золотых сосудов, а Сам Христос томится голодом? Сперва напитай Его алчущего, а потом остальное употреби на украшение трапезы Его. Ты делаешь золотую чашу и не даешь чаши студеной воды! Что пользы устроить для трапезы златотканые покровы, а Христу не дать и нужного для прикрытия? Какой плод от этого? Скажи, например, ты видишь человека, не имеющего у себя необходимой пищи, и вместо того, чтобы утолить его голод, только стол обкладываешь серебром, поблагодарит ли он тебя за это или, скорее, огорчится? И еще, ты видишь человека, покрытого рубищем и окостеневшего от холода, и вместо того, чтобы дать ему одежду, ставишь золотые столбы, говоря, что делаешь это в честь его. Не скажет ли он, что над ним насмехаешься, и не почтет ли этого крайней обидой? То же представь и о Христе, когда Он, как бесприютный странник, ходит и просит крова, а ты вместо того, чтобы принять Его, украшаешь пол, стены, верхи столбов, привязываешь к

лампадам серебряные цепи, а на Христа, связанного в темнице, и взглянуть не хочешь. Говоря это, не запрещаю и в том быть щедрым, но советую также не оставлять другого или даже предпочитать последнее. За неисполнение первого никто никогда не был осужден, а за неисполнение последнего угрожает геенна, и огонь неугасимый, и мучение вместе с демонами. Итак, украшая дом Божий, не презирай скорбящего брата, ибо сей храм превосходнее первого. Те утвари могут похитить и неверные цари, и тираны, и разбойники, а что сделаешь для брата алчущего и странного и нагого, того похитить не может сам диавол, оно сбережется в неприступном хранилище.

Поэтому, прочитав все узаконения о милостыне, данные и в Новом и в Ветхом Завете, употребим все старание на исполнение их. Это и грехи очищает, ибо сказано: *подавайте лучше милостыню из того, что у вас есть, тогда все будет у вас чисто* (Лк. 11, 41). Это важнее жертв: *милости хочу, а не жертвы* (Ос. 6, 6). Это отверзает небеса: *молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом* (Деян. 10, 4). Это нужнее девства.

Как одни были изгнаны из брачного чертога, так другие введены были в него! Зная все это, будем сеять щедро, дабы с большим изобилием пожать и получить будущие блага (1).

ДЕВСТВО

Будем же заботиться о той красоте [душевной], а не об этой [внешней], будем ее приобретать, чтобы нам войти в брачный чертог с горящими светильниками. Не девам только это заповедано, но душам девственным, ибо если бы это было заповедано просто девам, то другие пять не были бы отвергнуты. Следовательно, это относится ко всем, кто девствен душой, кто чужд житейских попечений, ибо эти попечения развращают души. Потому, если мы останемся чистыми, то войдем туда и будем приняты. *Потому что я обручил вас*, говорит апостол, *единому мужу, чтобы представить Христу чистой девой* (2 Кор. 11, 2). Не девам сказал он это, а целому обществу Церкви. Нерасплетенная душой есть дева, хотя бы она и имела мужа, она девственна истинной, чудной девственностью, ибо само телесное девство есть последствие и тень

этой девственности, а она есть истинное девство. Будем же приобретать ее, и мы тогда будем в состоянии взирать на Жениха со светлым лицом, войти с горящими светильниками, если у нас не оскудеет этот елей... а этот елей есть человеколюбие (1).

* * *

Предложил [Господь] совет и о девстве, говоря: *кто может вместить, да вместит* (Мф. 19, 12). Так как оно после преслушания [первозданных] отлетело и удалилось из рая, то Он, сойдя с неба, опять приводит его, возвращая, как будто беглеца, в прежнее отечество, и освобождая из дальней ссылки. Придя [на землю], Он сам родился от Девы и переменил законы природы, таким образом в самом начале [своей земной жизни] почтил девство, являя Матерь свою Девою (1).

* * *

Если бы само сожителство женщин с мужчинами и мужчин с женщинами освобождало от забот, то Павел, призывая к воздержанию, не сказал бы: *я хочу, чтобы вы были без забот*

(1 Кор. 7, 32), как бы желая и этим побудить нас к тому. Чего хотите вы, говорит он, — спокойствия и свободы? А разве вы не видите, что от сожительства с мужчинами происходит противное, — рабство, и труды, и многие беды? Поэтому многие, лишившись мужей, часто и не вступали снова в брак, чтобы не быть опять под игом рабства. Вообще, хотя бы тебе пришлось жить в бедности и оставаться без всяких покровителей, ты води жизнь добродетельную и не имей ничего общего с мужчиной, но входи в общение с женщинами, живущими благопристойно, и не потеряешь венца своего и будешь наслаждаться полной безопасностью* (2).

* * *

Красоту девства иудеи презирают, и это нисколько не удивительно, если они не почтили Самого Христа, родившегося от Девы, а язычники восхищаются и поражаются ею, но ревнует о ней одна только Церковь Божия (2).

* В этой беседе Иоанн Златоуст обращается к вдовам. (Примеч. ред.)

* * *

Но может быть, кто-нибудь скажет: если *хорошо человеку не касаться женщины* (1 Кор. 7, 1), то для чего установился в жизни брак? Какая будет нам нужда в женщине, если она не будет приносить нам пользы ни в браке, ни в деторождении? И что воспрепятствует уничтожению всего рода человеческого, когда смерть каждодневно убавляет и поражает его, а это учение не позволяет восстанавливать других на место падших? Если бы мы все стали ревновать об этом благе и не прикасались бы к женщинам, то исчезло бы все: и города и дома, и нивы и искусства, и животные и растения, — как с падением военачальника необходимо расстраивается весь порядок войска, так и с уничтожением от безбрачия царствующего над всем земным человека ничто остальное не останется в прежнем устройстве и порядке, и таким образом эта добрая заповедь исполнит вселенную бесчисленных зол. Если бы так говорили только враги и неверные, то я признал бы слова их маловажными, но так как и многие, с виду принадлежащие к Церкви, говорят это, с од-

ной стороны, по слабости воли оставив девственные подвиги, а с другой — желая охудением и пренебрежением девства прикрыть свое нерадение, чтобы иметь повод уклоняться от этих подвигов не по небрежности, а по здравому суждению ума, то мы теперь, оставив врагов (*Душевный человек не принимает того, что от Духа Божию, потому что почитает это безумием* (1 Кор. 2, 14).), научим выдающих себя за наших тому и другому, т.е. что девство не только не излишне, но и очень полезно и необходимо, и что такое суждение не останется для них безнаказанным, но навлечет на них столько бед, сколько подвизающиеся в девстве получают наград и похвал. Когда сотворен был весь этот мир и устроено все необходимое для нашего наслаждения и употребления, то Бог создал человека, для которого и сотворил мир. Первозданный [человек] жил в раю, а о браке и речи не было. Понадобился ему помощник, — и он явился, и при этом брак еще не представлялся необходимым. Его не было бы и до сих пор, и люди оставались бы без него, живя в раю, как на небе, и наслаждаясь беседой с Богом.

Плотская похоть, зачатие, болезни чадородия и всякая вообще тленность не имели бы доступа к их душе, но, подобно светлому ручью, текущему из чистого источника, люди пребывали бы в том жилище, украшаясь девством. На всей земле не было тогда людей, чего теперь боятся те попечители вселенной, которые тщательно заботятся о чужих делах, а не хотят помышлять о своих, которые опасаются, как бы не прекратился весь род человеческий, а нерадят каждый о собственной душе так, как бы о чужой, хотя о ней потребуется от них точный отчет даже в малейших предметах, между тем как за уменьшение людей они не будут подлежать ни малейшей ответственности. Не было тогда ни городов, ни искусств, ни домов, о чем вы также немало заботитесь; не было тогда ничего этого, однако ничто не возмущало и не извращало той жизни блаженной и гораздо лучшей, чем настоящая. Когда же [первозданные люди] преслушались Бога и сделались золой и пеплом, то вместе с той блаженной жизнью утратили и красоту девства; и оно, вместе с Богом, оставило их и удалилось. Пока они не были уловлены диаволом и

почитали своего Владыку, до тех пор и девство продолжало украшать их более, нежели царей украшают диадема и золотые одежды; а когда они, сделавшись пленниками, сняли с себя это царское одеяние и сложили это небесное украшение и приняли смертное тление, проклятие, скорбь и многотрудную жизнь, тогда вместе с этим произошел и брак — эта смертная и рабская одежда. *Женатый*, говорит [апостол], *заботится о мирском* (1 Кор. 7, 33). Видишь ли, откуда получил свое начало брак и отчего он оказался необходимым? От преслушания, от проклятия, от смерти. Где смерть, там и брак; не будь первой, не было бы и последнего. Но девство не имеет такой связи [со смертью], оно всегда полезно, всегда прекрасно и блаженно, и прежде смерти и после смерти, и прежде брака и после брака. Какой брак, скажи мне, породил Адама, какие болезни чадородия произвели Еву? Ты ничего не можешь сказать на это. Для чего же напрасно боишься и опасаться, как бы с прекращением брака не прекратился и род человеческий? Тьмы тем Ангелов служат Богу и тысячи тысяч Архангелов предстоят Ему, и

ни один из них не произошел по преемству, от родов, болезней чадородия и зачатия. Таким образом, Бог тем более мог бы без брака создать людей, как создал Он и первых, от которых произошли все люди (2).

* * *

Ты слышал, что девство есть название многих трудов и подвигов, но не бойся, оно не есть повеление и не вводится как обязательная заповедь, но тем, которые принимают его на себя добровольно и по избранию, оно воздает собственными благами, возлагая на голову их блестящий и доброцветный венец. Тех же, которые отказываются и не желают принять его, оно не наказывает и не принуждает к тому против воли (2).

* * *

Девство — дело доброе и вышеестественное, но и это доброе, великое и вышеестественное дело, не будучи соединено с человеколюбием, не может ввести даже в преддверье брачного чертога. Посмотри на могущество человеколюбия и силу милостыни. Девство без милосты-

ни не могло довести даже до преддверия брачного чертога, а милостыня без девства привела питомцев своих с великой славой в царство, уготованное *прежде сложения мира*. Те за то, что не оказывали щедрой милостыни, услышали: *уйдите от меня, не знаю вас* (Мф. 25, 12, 41); а эти, напоившие жаждущего и напивавшие алчущего Христа, хотя и не отличались девством, услышали: *приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира* (Мф. 25, 34), и весьма справедливо, потому что девственник и постник полезен только себе самому, а милостивый есть общая пристань буруеваемых, избавляет ближних от бедности и удовлетворяет нуждам других. Из добрых же дел те обыкновенно ценятся выше, которые служат на пользу другим.

Дабы ты убедился, что этого рода заповеди преимущественно перед всеми другими угодны Богу, Христос, беседуя о посте и девстве, упомянул о Царстве Небесном, а заповедуя о милостыне и человеколюбии и о том, чтобы мы питали в себе милосердие, указал на награду гораздо выше Царства Небесного: *да будете сынами Отца вашего*

Небесного (Мф. 5, 45). В самом деле, те заповеди особенно делают людей подобными Богу, — насколько людям возможно быть подобными Богу, — которые служат к общей пользе... Велико достоинство девства, и поэтому я желаю, чтобы оно было соблюдено, но достоинство девства состоит не только в воздержании от брака, а в человеколюбии, братолюбии и сострадании. Что пользы в девстве с жестокостью? Что пользы в целомудрии с бесчеловечием? Ты не увлеклась телесной похотью, но увлеклась страстью к деньгам; ты не прельстилась наружностью человека, но прельстилась красотой золота; ты победила сильнейшего противника, но меньший и слабейший преодолел тебя и победил. Поэтому твоё поражение сделалось постыднейшим, поэтому ты и не получила прощения, как преодолевшая такое насилие и укротившая саму природу, но предавшаяся сребролюбию, которое часто и рабы и варвары могли побеждать без труда (6).

* * *

Адам познал Еву, жену свою (Быт. 4, 1). Замечай, когда это случилось. После преслушания,

после изгнания из рая, — тогда начинается супружеское житие. До преслушания (первые люди) жили, как ангелы, и не было (речи о) сожитии. И как это могло быть, когда они свободны были от телесных потребностей? Таким образом, вначале жизнь была девственная. Когда же по беспечности (первых людей) явилось преслушание и вошел (в мир) грех, девство отлетело от них, так как они сделались недостойными столь великого блага, а вместо того вступил в силу закон супружества. Подумай же, как велико достоинство девства, как высоко и важно это состояние, как оно превышает человеческую природу и требует помощи свыше. Что решившиеся избрать девство и будучи в теле живут подобно бестелесным силам, послушай слова Христа, сказанные саддукеям. Возбудив вопрос о воскресении и желая знать (мнение Иисуса Христа), они сказали: «Учитель! Было у нас семь братьев: первый, женившись, умер бездетным и оставил жену свою брату своему, и второй умер и, не имея семени, оставил жену свою брату своему, подобно и третий, и четвертый, и пятый, и шестой, и седьмой. Итак, в вос-

кресении которого из семи будет она женой! Ведь все имели ее» (Мф. 22, 24-28. Мк. 12, 19-23. Лк. 20, 28-33)? Что же отвечал им Христос? *Заблуждаетесь, не зная Писаний, ни силы Божией, ибо в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии.* Видишь, как избравшие из любви ко Христу жребий девства, живя на земле и будучи облечены телом, подражают ангельской жизни? Поэтому сколько велик и высок этот подвиг, столько же велики и даже еще более велики венцы, и награды, и блага, обещанные тем, кто вместе с девством подвизается и в прочих добродетелях (8).

ДЕЛА

Разве не помните, что нам должно отдать отчет в словах и помышлениях, а мы не заботимся даже о делах! *Кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею* (Мф. 5, 28); а люди, которые должны отдать отчет за каждый нескромный взгляд, не сомневаются согнивать в самом этом грехе. *Кто же скажет брату своему: ...безумный, подлежит геенне огненной* (Мф. 5, 22); а мы не перестаем срамить братьев своих

бесчисленными оскорблениями и различными клеветами. Любящий любящего ничем не лучше язычника (см.: Мф. 5, 46–47), а мы ненавидим и любящих. Как же мы получим прощение, когда, будучи обязаны превышать пределы, предписанные древним, проводим свою жизнь даже ниже этих пределов?... С воплями и рыданиями, скрежеща зубами и терзаясь, мы неизбежно будем ввергнуты в непроницаемую тьму, в место неотвратимых мучений и невыносимых казней... никто тогда не избавит тебя от мучений, заслуженных собственными твоими делами. Таково тамошнее судилище: оно судит по одним делам, а иначе спастись там невозможно... Говорю это для того, чтобы мы, питая в себе тщетные и холодные надежды и надеясь на того или другого, не стали нерадеть о собственной добродетели (1).

* * *

Молитва есть великое и спасительное благо и ограждение душ наших, но она бывает великим благом тогда, когда мы делаем достойное ее, когда не делаем самих себя недостойными ее. Поэтому, когда ты придешь

к священнику и он скажет тебе: да помилует тебя Бог, чадо, — ты не полагайся только на слова, но приложи и дела, совершай и дела, достойные милости. Бог благословит тебя, чадо, если ты будешь делать достойное благословения, благословит, если ты будешь милостив к ближнему, ибо чего мы хотим получить от Бога, то должны прежде дать ближнему, а если мы лишаем этого ближних, то как хотим получить то же от Бога? *Блаженны милостивые*, говорит Он, *ибо они помилованы будут* (Мф. 5, 7), ибо если таких людей милуют и люди, то тем более — Бог, а немилосердных не помилует: *суд без милости не оказавшему милости* (Иак. 2, 13). Милосердие есть доброе дело, почему же ты не оказываешь его другому? Ты хочешь получить прощение во грехах своих, почему же сам не прощаешь согрешившему? Ты приступаешь к Богу, испрашивая Царствия Небесного, а сам не подаешь серебра просящему! Потому мы и не получаем милости, что сами не милуем (1).

* * *

Добрые дела суть как бы крепкие латы, которые не попускают

острой и губительной стреле сделать свое дело, но, будучи сами рассечены ею, защищают тело от великой опасности. Поэтому отходящий туда со множеством и добрых и злых дел получит некоторое облегчение и в наказании и тамошних муках, а кто, не имея добрых дел, принесет только злые, тот и сказать нельзя, сколько пострадает, подвергшись вечному наказанию. Там будут сопоставлены злые дела с добрыми, и если последние перетянут на весах, то совершившему их немало послужат ко спасению, и вред от совершения злых дел не будет иметь такой силы, чтобы сдвинуть его с прежнего места; но если первые перевесят, то увлекут его в гееннский огонь, потому что добрые дела не так многочисленны, чтобы могли устоять против сильного перевеса злых. И это внушает нам не только наше рассуждение, но и Слово Божие. Ибо сам [Господь] говорит: *воздаст каждому по делам его* (Мф. 16, 27). Не только в геенне, но и в самом Царстве находится множество различий: *в доме Отца Моего*, говорит Господь, *обителей много* (Ин. 14, 2); и: *иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд* (1 Кор. 15, 41).

И удивительно ли, что (апостол), сделав различие между этими (светилами), говорит, что и там будет такое же различие, как между одной звездой и другой? Зная все это, не перестанем совершать добрые дела, не откажемся от трудов, и если не будем в состоянии стать наряду с солнцем или луной, то не будем пренебрегать местом со звездами. Если мы по крайней мере такую покажем добродетель, то и тогда можем быть на небе. Если не будем ни золотом, ни драгоценным камнем, то, по крайней мере, удержим качество серебра, и останемся на своем основании. Только бы нам опять не дойти до качества того вещества, которое легко сжигает огонь, и чтобы, не будучи в состоянии совершить великих дел, мы не оказались и без малых: это — крайнее безумие, чего да не будет с нами. Как вещественное богатство умножается тем, что любители его не пренебрегают и малейшими прибылями, так же и с духовным. Нелепо было бы ввиду того, что Судия не оставляет без награды и чаши холодной воды, нам потому только, что не имеем весьма великих дел, не заботиться и о совершении малых.

Напротив, кто не пренебрегает меньшими делами, тот покажет великую ревность и о величайших, а кто пренебрегает первыми, тот оставит и последние. Чтобы не было этого, Христос и за первые назначил великие награды. Что может быть легче, чем посещать болящих? Однако и за это Он воздаст великую награду (2).

* * *

Одно слушание без исполнения на деле не принесет никакой пользы, об этом послушай блаженного Павла, который говорит: *не слушатели закона праведны пред Богом, но исполнители закона оправданы будут* (Рим. 2, 13). И Христос в своей проповеди сказал: *Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного* (Мф. 7, 21). Итак, возлюбленные, зная, что нам не будет никакой пользы от слушания, если не последует за ним исполнение на деле, будем не только слушателями, но и исполнителями, чтобы дела, соответствующие словам, послужили основанием одушевленного слова (8).

* * *

Богу угодно, чтобы христианин не о себе только заботился, но и назидал других, не только учением, но и жизнью и обхождением. Ничто так не приводит на путь истины, как непорочная жизнь, потому что люди смотрят не столько на слова, сколько на дела наши. И чтобы тебе увериться, что это так (Ведь сколько бы мы ни любомудествовали на словах и разглагольствовали о терпении, но если, когда наступит время, не покажем терпения на деле, не столько принесет пользы слово, сколько повредит дело. Напротив, если и прежде и после слов представим доказательство на деле, то явимся достойными веры, внушая другим то, что сами исполняем на деле, — как и Христос таковых ублажил, говоря: *блажен... кто сотворит и научит* (Мф. 5, 19).), — смотри, как Он поставил наперед дело, а потом — учение. Если предшествует дело, то хотя за ним и не следует учение, сами дела гораздо яснее слов поучают тех, кто смотрит на нас. Итак, будем всегда стараться учить прежде делами, а потом уже словами, чтобы и нам не услышать от Павла: *как же ты,*

уча другого, не учишь себя самого (Рим. 2, 21)? И когда желаем внушить кому, чтобы он сделал что-либо необходимое, прежде постараясь сами сделать это, чтобы смелее преподавать учение (8).

ДЕНЬГИ

Расточительный не есть человек великодушный. Почему? Потому что кто предан тысяче страстей, тот может ли быть велик душою? Он таков не оттого, что презирает деньги, но оттого, что покоряется другим страстям, подобно как человек, принужденный разбойниками повиноваться им, не может быть свободным. Не от презрения к деньгам происходит расточительность, но от неумения распоряжаться ими. Ибо если бы можно было и удержать их, и предаваться удовольствиям, то он, конечно, сделал бы это. Кто употребляет деньги на что следует, тот великодушен: поистине велика душа та, которая и не раболепствует страсти, и почитает деньги за ничто. Также бережливость есть добродетель; эта добродетель свойственна тому, кто употребляет деньги на что следует, а не просто без разбора.

Скупость же — не добродетель. Тот издерживает все на нужное, а этот и при самой настоящей нужде не касается своего имущества. Бережливый — брат великодушного. Таким образом, поставим вместе великодушно-го с бережливым, а расточительного со скупым, ибо последние оба страдают малодушием, а первые оба отличаются великодушием. Подлинно, великодушным мы должны назвать не того, кто тратит деньги безрас-судно, но кто употребляет их на нужное; равно как скупым и сребролюбивым — не бережли-вого, но того, кто не употребляет денег и на нужное. Сколько имущества расточал богач, облачавшийся в порфиру и виссон*? Но он не был великоду-шен, потому что душа его была одержима жестокостью и тыся-чами вожделений, а такая душа может ли быть великой? Вели-кодушен был Авраам, который на принятие странников упо-реблял все свое имущество, за-калал тельцов и, когда нужно было, не щадил не только иму-щества, но и самой души своей.

* Порфира — пурпурная мантия монар-ха. Виссон — вид ткани, тонкий лен вос-точного происхождения. (Примеч. ред.)

Итак, если мы видим, что кто-нибудь prepares роскошную трапезу, насыщает блудниц и тунеядцев, то не будем называть его великодушным, но весьма малодушным... ибо чем больше он тратит, тем больше показывает владычество над ним страстей. Если бы они не столько имели над ним силы, то он не столько бы и тратил. Напротив, если мы видим, что кто-нибудь никому из подобных людей ничего не уделяет, но питает бедных и помогает нуждающимся, и сам довольствуется трапезой нероскошной, того мы должны назвать великодушным, ибо поистине великой душе свойственно не думать о собственном удовольствии, а заботиться о других (1).

* * *

Будем презирать деньги и славу. Освободившийся от этих страстей свободнее всех людей и богаче самого облеченного в багряницу. Не видишь ли, сколько бывает зла из-за денег? Не говорю, сколько от любостяжания, а сколько от пристрастия к деньгам? Так, например, кто-нибудь потерял деньги, — и вот он живет жизнью, которая несноснее

самой смерти. О чем, человек, скорбишь ты? О чем плачешь? О том ли, что Бог освободил тебя от лишней заботы (1)?

ДЕРЗНОВЕНИЕ

Ничто так не отгоняет беспечности и рассеянности, как скорбь и печаль; она отовсюду сосредоточивает душу и обращает ее к самой себе. Кто так скорбит и молится, тот после молитвы может испытать в своей душе великое удовольствие. Как сгустившиеся облака сначала делают воздух мрачным, а, испустив обильный дождь и излив всю влагу, оставляют воздух чистым и светлым, так точно и печаль, пока скопляется внутри, помрачает наш ум, а когда разрешится словами молитвы и соединенными с ней слезами и выйдет изнутри вон, то оставляет в душе великую ясность, так как в душу молящегося входит, как некоторый луч, помощь Божия. Между тем какая у многих холодная отговорка? Я не имею дерзновения, говорят они, я стыжусь и не могу открыть уста. Это — сатанинская стыдливость, это — прикрытие беспечности. Этим диавол хочет затворить для тебя двери, ведущие

к Богу. Ты не имеешь дерзновения? Но великое дерзновение, великая польза в том и состоит, чтобы считать себя не имеющим дерзновения, равно как стыд и крайняя опасность — считать себя имеющим дерзновение. Если ты имеешь много заслуг и не знаешь за собой ничего худого, но считаешь себя имеющим дерзновение, то всегда молитва твоя не действительна. Если же ты носишь в совести великое бремя грехов и при этом признаешь себя последним из всех, то ты будешь иметь великое дерзновение перед Богом, хотя еще нет смиренномудрия в том, чтобы грешник считал себя грешником. Смиренномудрие состоит в том, чтобы, сознавая за собой много великого, ничего великого о себе не думать (2).

* * *

Кто думает, что он имеет дерзновение, тот потерял дерзновение подобно фарисею, а кто считает себя отверженным и презренным, тот особенно и будет услышан подобно мытарю. Посмотри, сколько ты имеешь примеров: хананеянку, мытаря, разбойника на кресте, упомянутого в притче друга, просивше-

го трех хлебов и получившего не столько за дружбу, сколько за неотступную просьбу. Если бы каждый из них сказал: я грешник, я стыжусь, и потому я не должен приступать, то не имел бы никакого успеха. Но так как каждый из них взирал не на множество грехов своих, но на богатство Божия человеколюбия, то получил дерзновение, осмелился и, будучи грешником, просил не по достоинству своему, и каждый успел в том, чего желал (6).

ДИАВОЛ

Если же кто скажет: почему Бог не уничтожил древнего искушителя, то и здесь Он поступил так, заботясь о нас. Если бы лукавый овладевал нами насильно, то этот вопрос имел бы некоторую основательность. Но так как он не имеет такой силы, а только старается склонить нас (между тем как мы можем и не склоняться), то для чего же устранять повод к заслугам и отвергать средство к достижению венцов? Притом, если бы Бог, зная, что диавол неодолим и может всех покорить себе, оставил его в мире, и тогда не следовало бы предлагать подобного вопро-

са: и тогда мы сами были бы виновны, если бы он одолевал и побеждал тех, которые не противятся ему, но подчиняются добровольно. Однако сказанного было бы недостаточно для тех, кто не хочет вразумиться. А если много есть таких, которые уже преодолели силу диавола, и много еще будет таких, которые преодолеют, — для чего же имеющих прославиться и одержать блистательную победу лишать этой чести? Бог для того оставил диавола, чтобы и те, которые уже побеждены были им, низложили его самого, а это для диавола тяжелее всякого наказания и может довести его до конечного осуждения. Но, скажет кто-нибудь, не все могут преодолеть его. Что же из этого? Гораздо справедливее, чтобы доблестные имели повод к обнаружению своей доброй воли, а недоблестные наказывались за собственное нерадение, нежели чтобы первые терпели вред за вторых. Теперь порочный если и терпит вред, то потому, что его побеждает не враг, а его собственное нерадение, как это доказывается тем, что многие побеждают диавола. Тогда же добродетельные потерпели бы вред за порочных, потому что

из-за них не имели бы повода показать свое мужество... Диавол зол для себя, а не для нас. Мы же, если захотим, можем приобрести через него много и добра, конечно, против его воли и желания; в этом и открывается особенное чудо и превосходство человеколюбия Божия. То, что люди делаются лучшими, само по себе уже терзает и мучит диавола, а когда мы будем достигать этого через него же, то он не в состоянии будет и перенести такого посрамления. Но как это достигается через него? Когда мы, страшаясь его жестокости, постоянных наветов и непрерывных козней, будем отгонять от себя тяжкий сон, бодрствовать и всегда помнить о Господе... Кто видит наступающего врага, тот скорее прибегает и прилепляется к могущему помочь... Когда лукавый устрашает и смущает нас, тогда мы вразумляемся, тогда познаем самих себя, тогда с великим усердием прибегаем к Богу (2).

* * *

Вор не приходит туда, где хворост, сено и дрова, но туда, где лежит золото, или серебро, или жемчуг. Так и диавол не

входит туда, где прелюбодей, или богохульник, или хищник, или корыстолюбец, но туда, где провождающие пустынную жизнь (7).

* * *

Много у него (диавола) козней, т.е. способов, которыми он старается уловлять беспечных, поэтому надо тщательно узнавать их, чтобы избегнуть сетей его и не дать ему никакого (к нам) доступа, нужно тщательно оберегать и язык, и охранять глаза, и соблюдать мысль в чистоте, и постоянно быть готовыми к борьбе, как будто бы напал на нас какой-нибудь дикий зверь и угрожал нам гибелью (8).

ДОБРО

Как поношение ближних обращается наперед на самих поносителей, так и добро, сделанное ближним, доставляет наперед радость самим делающим. Делающий добро и зло непременно сам первый испытывает то и другое: как вода, истекающая из источника, горькая и вкусная, и наполняет сосуды проходящих, и не уменьшает производящего

ее источника, так точно зло и добро, от кого происходит, того и радует или губит. Это бывает здесь, а какое будет там добро или зло, кто может выразить словом (1).

* * *

В нас лежит естественный закон знания добра и зла. Что Бог при самом сотворении человека создал его знающим то и другое, это показывают люди. Так, все мы, когда грешим, стыдимся и подчиненных. Часто господин, идя к развратной женщине и увидев кого-нибудь из скромных слуг, застыдившись, сходит с этой негодной дороги. Опять, когда другие бранят нас худыми словами, мы называем это обидой и сделавших ее влечем в суд, хотя и сами терпим от этого неприятности. Так знаем мы, что такое порок и что — добродетель. Это самое и Христос, показывая и объясняя, что Он заповедует не что-либо новое или превышающее нашу природу, но то, что искони уже вложил в нашу совесть по изречении многих тех блаженств сказал так: *как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними* (Мф. 7, 12). Не

нужно, говорит, множества слов, ни пространных законов, ни разнообразного наставления: воля твоя да будет законом. Хочешь получать благодеяния? Облагодетельствуй другого. Хочешь, чтобы тебя миловали? Помилуй ближнего. Хочешь, чтобы тебя хвалили? Похвали другого. Хочешь, чтобы тебя любили? Полюби сам. Хочешь пользоваться первенством? Уступи его прежде другому. Сам будь судьей, будь законодателем твоей жизни. И опять: *что ненавистно тебе самому, того не делай никому* (Тов. 4, 15). Не любишь терпеть обиды? Не обижай другого. Не любишь, чтобы тебе завидовали? И сам не завидуй другому. Не любишь, чтобы тебя обманывали? И сам не обманывай другого. Да и во всех вообще случаях станем только держаться этих двух изречений и не будем иметь нужды еще в другом наставлении. Ибо знание добродетели вложил Бог в нашу природу, но приведение в дело и исполнение предоставил нашей свободе (1).

* * *

Надо воздавать похвалу и удивляться тем, которые преус-

певают в добре, а не тем, которые [только] избегают зла; для последних довольно и той чести, если они не терпят ничего худого. Поэтому и Господь наш угрожал геенной тому, кто без причины и напрасно будет гневаться на брата своего и назовет его уродом (см.: Мф. 5, 22), но не обещал Царствия Небесного тем, которые не гnevаются напрасно и воздерживаются от злословия, а потребовал еще другого, большего и важнейшего, сказав: *любите врагов ваших* (Мф. 5, 44). И желая показать, как маловажно, незначительно и недостойно никакой чести только воздерживаться от ненависти к братьям, Он, заповедав нечто гораздо большее, т.е. любить их и быть в дружестве с ними, сказал, что и этого недостаточно для того, чтобы нам удостоиться какой-нибудь чести, ибо как это возможно, когда мы в этом отношении несколько не превосходим язычников? Поэтому у нас должно быть приложено к этому нечто другое, более важное, если мы желаем требовать награды. Если, говорит [Христос], Я не осуждаю на геенну тебя, воздерживающегося от злословия и гнева на брата, то по одному этому ты не

считай себя достойным венцов, потому что Я требую не такой только меры благорасположения, но, хотя бы ты к незлословию прибавил, что и любишь его, ты еще возвращаешься долу и ставишь себя в ряду мытарей. Если же ты желаешь быть совершенным и достойным небес, то не останавливайся только на этом, но взойди выше и усвой себе помысел, превосходящий саму природу, то есть — любовь к врагам (2).

ДОБРОДЕТЕЛЬ

Добродетельный, будет ли он раб или господин, блаженнее всех. Никто не сделает ему зла, хотя бы со всей вселенной стекались все для того, чтобы вооружиться и воевать против него. Лукавый и злой человек хотя бы был царем и украшен бесчисленными венцами, может потерпеть от всякого величайшие несчастья. Так бесильна злоба! Так сильна добродетель (1)!

* * *

Я не предлагаю вам ничего неудобноисполнимого. Не говорю — не женись, не говорю —

оставь город и устранись от дел общественных, но увещаю, чтобы ты, оставаясь при них, украшался добродетелью. Я желал бы даже, чтобы живущие в городах больше отличались доброй жизнью, нежели удалившиеся в горы. Почему? Потому что из этого произошла бы весьма великая польза. *Зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике* (Мф. 5, 15). Потому-то желал бы я, чтобы все свечи поставлены были на подсвечниках, чтобы разливался от них великий свет. Зажжем и мы огонь этого света и сделаем так, чтобы сидящие во тьме избавились от заблуждения. Не говори мне: я имею жену и детей, управляю домом и не могу этого исполнить. Если бы ты ничего этого не имел, но оставался беспечным, то никакой не получил бы от того пользы, а если и при всем этом будешь тщателен, то обогатишься добродетелью. Ибо всего нужнее одно: утверждение духа в добрых расположениях, тогда ни возраст, ни бедность, ни богатство, ни множество дел и ничто другое не может быть нам препятствием. Потому что и старики, и юноши, и женатые, и обязанные воспитывать детей, и ремесленники,

и воины успевали исполнять все повеленное. Даниил был юноша, Иосиф был рабом, Акила был ремесленником... другой был стражем темничным, иной сотником, как Корнилий, другой имел слабое здоровье, как Тимофей, иной даже бежал от господина, как Онисим, — и однако же никто из них не был удержан никаким препятствием, но все они вели достославную жизнь: и мужи и жены, и юноши и старики, и рабы и свободные, и воины и простолюдины. Итак, не будем прикрываться бесполезными и пустыми извинениями, но утвердим в себе доброе намерение. Тогда, какое бы ни было наше звание, мы, без сомнения, сохраним добродетель и сподобимся грядущих благ (1).

* * *

Великое дело — жизнь добродетельная. Как бы кто ни был груб, хотя бы не хотел явно согласиться с учением, но и он склонится на вашу сторону, похвалит и подивится. А каким образом, спросишь, достигнуть превосходной жизни? Не иначе как силой Божией. Отчего же и язычники бывают такими [добродетельными]? Если и бывают

такими, то одни по природе, другие из тщеславия. Хотите ли знать, как важна жизнь [добродетельная] и какую она заключает в себе силу убеждения? Многие из еретиков, хоть и подерживали самое нелепое учение, имели такую силу, что многие люди из благоговения к их жизни даже и не исследовали их учения, а другие, и осуждая их учение, уважали их за жизнь... То и ослабляет важность нашей веры, то и извращает все, что никто нисколько не думает о жизни. Это унижает веру. Мы говорим, что Христос есть Бог, предлагаем множество и других догматов, между прочим, говорим и то, что Он заповедал всем жить праведно, но на самом деле это у немногих. Порочная жизнь унижает догматы о воскресении, о бессмертии души, о суде и принимает много противного, судьбу, необходимость, неверие в промысел (1).

* * *

Это со стороны Бога величайшее благодеяние, что Он нашу совесть и волю расположил любить добродетель, а против греха враждовать еще до совершения его на деле. Знание о том и о

другом положено в совести всех людей, и мы не нуждаемся ни в каком учителе, чтобы узнать о них, но само исполнение предоставлено уже свободе, старательности и трудам нашим (1).

* * *

Я утверждаю, что все способны к добродетели, ибо кто чего не может сделать, тот не может и в случае необходимости, если же кто в случае необходимости может, а без нее не делает, тот не делает по произволению. Например, летать и подниматься к небу человеческому телу трудно и даже невозможно, поэтому если бы какой-нибудь царь повелел делать это, угрожал смертью и говорил: тех, которые не летают, повелеваю сечь, жечь или подвергать чему-нибудь подобному, то послушался ли бы кто его? Нет, потому что это невозможно для нашей природы. А если бы то же сделано было касательно целомудрия и приказано было невоздержных наказывать, жечь, сечь, подвергать бесчисленным мучениям, то не стали ли бы повиноваться приказаниям многие? Нет, скажешь, потому что и теперь существует закон, повелевающий

не прелюбодействовать, но не все повинуются. Не потому, что закон бессилен, но потому, что многие надеются укрыться. Если бы при том, кто покушается на прелюбодеяние, присутствовали законодатель и судья, то страх был бы в силах прогнать похоть... Итак, не будем говорить, что такой-то добр по природе, а такой-то зол по природе. Ибо если бы кто-то был добр по природе, то никогда не мог бы сделаться злым, а если бы был зол по природе, то никогда не сделался бы добрым. Между тем мы видим быстрые перемены: люди впадают то в то, то в другое и переходят от одного к другому. Это можно видеть не только в Писаниях, где, например, мытари становятся апостолами, ученики предателями, блудницы целомудренными, разбойники добрыми, волхвы поклонниками, нечестивые благочестивыми, как в Новом, так и в Ветхом Завете, но и каждый день можно видеть множество подобных случаев... Итак, из того, что мы делаем между собой и что делают с нами судьи, из того, что мы написали законы и осуждаем сами себя, хотя бы не было против нас никакого обвинителя, из того, что от нераде-

ния становимся хуже, а от страха лучше, из того, что видим других добродетельными и восходящими на высоту любомудрия, очевидно, что в нас находится возможность добродетели (1).

* * *

Добродетель прежде получения наград бывает себе самой наградой. Подобно тому, как бывает в теле... что тот, кто здоров, обладает крепким телом и свободен от всякой болезни, в силу этого и без веселья уже веселится, в здоровье находя радость, и ни перемены в воздухе, ни зной, ни холод, ни скудость стола, ни что-нибудь другое в этом роде не может опечалить его, так как здоровье в состоянии отстранить от него происходящий от всего этого вред, так точно случается обыкновенно и в отношении к душе... Не только в Царстве Небесном назначена награда за добродетель, но и в самом страдании, потому что и потерпеть что-нибудь за истину величайшая награда (7).

* * *

Ничего нет равного добродетели! Она и в будущем веке ис-

хитит нас из геенны и откроет путь в Царство Небесное, и в настоящей жизни ставит выше всех, все и напрасно злоумышляющих на нас, делает сильнее не только людей, но и самих демонов и врага нашего спасения, то есть дьявола. Итак, что может сравниться с нею, когда она исполнителей своих делает выше не только злокозненных людей, но и демонов? А добродетель состоит в том, чтобы презирать все людское, ежечасно помышлять о будущем, не прилепляться ни к чему настоящему, но знать, что все человеческое есть тень и сон и даже ничтожнее этого. Добродетель состоит в том, чтобы по отношению к вещам этой жизни быть как бы мертвым, также и по отношению к вредному для спасения души быть бездейственным, как бы мертвым, но жить и действовать только для духовного, как и Павел сказал: *и уже не я живу, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20). Поэтому и мы станем делать все так, как прилично облекшимся во Христа, и не будем оскорблять Духа Святого. Когда возмутит нас страсть, или нечистая похоть, или гнев, или ярость, или зависть, тогда подумаем, кто живет в нас, и прогоним

далеко всякий такой помысел. Устыдимся преизобильной благодати, данной нам от Бога, и обуздаем все плотские страсти, чтоб после надлежащих подвигов в краткой и скоротечной этой жизни удостоиться нам великих венцов (8).

ДОГМАТЫ

Будем стараться хранить в душах своих здравые догматы, а вместе с тем и вести правильную жизнь, чтобы и жизнь свидетельствовала о догматах, и догматы сообщали жизни твердость. Как в том случае, если мы, содержа правые догматы, станем жить небрежно, не будет нам пользы, так и тогда, когда, живя хорошо, будем нерадеть о правых догматах, не можем ничего приобрести для своего спасения. Если хотим мы избавиться и геенны и получить царство, то должны украшаться тем и другим — и правотой догматов, и строгостью жизни. В самом деле, что пользы, скажи мне, если дерево и поднялось высоко, и покрылось листьями, но плода не приносит? Так и христианину не принесут никакой пользы правые догматы, если он небрежет о своей жизни (8).

ДРУЗЬЯ

Как тела часто погибают от заразы испорченного воздуха, так точно и душа часто терпит вред от общения с людьми порочными; и как здоровый глаз, взирая на больного, поражается, и страждущий чесоткой сообщает свою болезнь и здоровым, так точно случается часто и с душой от общения с людьми порочными. Потому и Христос заповедал не только избегать таких людей, но и отвергать их: *Если же, — говорит Он, — правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя* (Мф. 5, 29), — разумея в этой заповеди не глаз, — ибо что худого может сделать глаз, когда душа находится в здоровом состоянии? — но друзей, близких к нам и сделавшихся как бы нашими членами, повелевая не дорожить и их дружбой, чтобы безопасней совершать свое спасение. Потому и пророк говорит: *Не сидел я в собрании суетном и к нарушителям закона не войду* (Пс. 25, 4). И Иеремия ублажает того, кто *сидит уединенно и молчит* (Пл. Иер. 3, 28). Также и в Притчах много говорится об этом и убедительно внушается всем, что нужно не

только уклоняться, но и бежать от людей, советующих злое, и не общаться с ними. Ибо если предметы вещественные часто повреждаются у нас от прикосновения к чему-нибудь худому, то не тем ли более существа свободные?.. Поэтому не будем считать маловажным вредом общение с вредными людьми, но прежде всего другого станем избегать таких людей, хотя бы это были жены, хотя бы друзья, и кто бы то ни был. Оно погубляло и великих мужей, каковы Соломон и Самсон, оно развратило и целый народ иудейский. Обыкновенно не столько причиняют вред дикие звери, сколько порочные люди. Те явно производят свои ядовитые действия, а эти нечувствительно и неслышно каждый день распространяют заразу, мало-помалу ослабляя силу добродетели... А ты, когда намереваешься поселиться в городе, то стараешься узнать все о тамошнем климате, не вреден ли, не сыр ли, не сух ли он. Когда же дело касается души, то несколько не стараешься узнать тех, которые войдут в общение с ней, но просто и без разбора уверяешь ее всем. Какое же, скажи мне, можешь ты получить прощение, оказывая такое к ней презре-

ние? Почему, думаешь ты, сделались дивными и славными мужи, обитающие в пустынях? Не потому ли, что они убегают от шума и торжищ и поселились вдали от дыма, поднимающегося среди хлопот житейских? Подражай им и ты, стараясь найти пустыню среди города. А каким образом это возможно? Если ты будешь убегать людей порочных, если будешь следовать добродетельным. Таким образом ты достигнешь большей безопасности, нежели обитающие в пустынях, не только в удалении от людей вредных, но и в общении с полезными. Ибо если ты будешь убегать людей порочных и следовать добродетельным, то приобретешь двоякую пользу: и умножишь дела добродетельные, и сократишь дела порочные (1).

* * *

Если дружба с кем-нибудь вредит и влечет к участию в нечестии, то хотя бы то были родители, удались от них, хотя бы то был глаз, исторгни его. *Если*, говорит Господь, *глаз твой соблазняет тебя, вырви его* (Мф. 5, 29). Он говорит не о теле: как это может быть? Если бы Он говорил о телесной природе, то вина

падала бы на Создателя природы, притом надо было бы исторгнуть не один глаз, потому что если останется левый, то он также может соблазнять владеющего им. Но чтобы ты знал, что здесь речь не о глазе, Господь прибавил: *правый*, указывая на то, что хотя бы кто был для тебя так дорог, как правый глаз, вырви его и расторгни свою дружбу с ним, если он соблазняет тебя. Что пользы иметь глаз, если погибнет целое тело? Итак, если дружба, как я сказал, причиняет вред, то будем избегать ее и удаляться, а если она нисколько не вредит нашему благочестию, то будем привлекать и привязывать к себе друзей. Если же сам ты не приносишь пользы другу, а от него получаешь вред, то предпочитай оставаться невинным в разлуке с ним и избегай дружеских связей. Если они вредят, — только избегай, а не ссорься и не враждуй. Так увещевает и Павел следующими словами: *если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми* (Рим. 12, 18) (2).

* * *

Не столько умножение имущества, не столько оружие и

стены, окопы и другие бесчисленные средства могут обезопасить нас, сколько искренняя дружба. Это — стена, это — крепость, это — богатство, это — утешение, это будет способствовать нам и настоящую жизнь проводить в душевном спокойствии, и доставит будущую жизнь. Итак... будем делать все и принимать все меры, чтобы нам примириться с настоящими врагами и не приобретать новых врагов, а друзей настоящих сделать более надежными. Начало и конец всякой добродетели — любовь (2).

* * *

Нужно ли приобрести друзей? Приобретай для Бога. Нужно приобрести врагов? Приобретай для Бога. Но как можно приобретать друзей и врагов для Бога? Если будем искать дружбы не с тем, чтобы достать денег, участвовать в трапезе, найти покровительство человеческое, но будем искать и делать своими друзьями таких людей, которые могут всегда вразумлять нашу душу, давать надлежащие советы, укорять за грехи, обличать за проступки, восстанавливать после падения и при помощи советов

и молитв приводить нас к Богу. Также можно и врагов приобретать для Бога. Если ты видишь человека распутного, негодного, порочного, зараженного нечистыми мнениями, угрожающего причинить тебе падение и вред, то отойди, отбеги от него, как повелел и Христос, сказав: *если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя* (Мф. 5, 29), повелевая и таких друзей, которые дороги для нас, как глаза, и необходимы в делах житейских, устранять и отвергать, если они вредят спасению нашей души (2).

ДУХОВНЫЕ БЛАГА

Блага мирские имеют много завистников, а духовные чем большему числу людей достаются, тем обильнее оказываются. В этом можно убедиться и из настоящего слова. Если это слово, которое передаю всем, удержу я у себя, то буду беднее, а когда сообщаю всем, то, как бы бросая семена в чистую землю, умножаю тем свое достояние, увеличиваю богатство: вас всех делаю богаче, да и сам от этого не делаюсь беднее, напротив, еще гораздо богаче. Не так с деньгами, а совершенно наоборот. Ес-

ли бы у меня в кладовой было золото и я захотел раздавать его всем, мое богатство, умаляясь через эту раздачу, не могло бы оставаться в прежнем своем количестве.

Итак, когда духовные блага так превосходны, когда получить их весьма легко, так как они желающим даются даром, то возлюбим их более, а тени бросим и не будем бежать к стремнинам и подводным камням. Чтобы усилить в нас эту любовь [к благам духовным], Бог устроил так, чтобы мирские блага исчезали еще прежде смерти своего обладателя (1).

* * *

Что для тела пища, то для души изучение божественных вещей, ибо *не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих* (Мф. 4, 4). Поэтому те, которые не участвуют в этой трапезе, обыкновенно испытывают голод. Послушай, как Бог угрожает этим голодом и ставит наряду с наказанием и мучением: *пошлю на землю голод, говорит Он, не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних* (Ам. 8, 11). Не безумно

ли для избежания телесного голода делать все и принимать все меры, а душевный голод добровольно навлекать на себя, тогда как он тем тяжелее, чем больший от него бывает вред? Нет, прошу и убеждаю вас, не будем так худо относиться к самим себе, но будем предпочитать пребывание здесь [в храме] всем занятиям и заботам. Столько ли, скажи мне, ты приобретешь, оставляя собрание, сколько потеряешь и для себя и для всего дома? Хотя бы ты мог найти целое сокровище золотое и ради него оставил это собрание, и тогда ты потеряешь больше, и настолько больше, насколько духовные блага выше вещественных. Последние, хотя бы они были многочисленны и стекались со всех сторон, не будут сопровождать нас в будущую жизнь, не переселятся с нами на небо и не предстанут перед страшным престолом, но часто еще прежде нашей смерти оставляют нас и исчезают, если же и останутся до конца, то при смерти непременно отнимутся. А духовное сокровище есть приобретение необъемлемое, оно повсюду следует за нами и на пути и при отшествии нашем и представляет нам великое дерзновение перед престолом Божиим (2).

* * *

Когда духовные блага так превосходны, когда получить их весьма легко, так как они желающим сообщаются даром, то возлюбим их более всего, а тени бросим, и не будем бежать к стремнинам и подводным камням. Чтобы усилить в нас эту любовь к благам духовным, Бог устроил так, чтобы мирские блага исчезали еще прежде смерти своего обладателя (6).

* * *

Таково духовное: будучи раздаваемо, оно еще более умножается, и чем большему числу сообщается, тем более оно увеличивается, так что и отдающий не чувствует никакой утраты, напротив, у него еще умножается имущество, и получающие становятся более богатыми (8).

ДУША

Мы много заботимся о теле, а о душе нисколько. Мы поступаем подобно человеку, который, видя, что дом его обветшал и стены готовы разрушиться, вместо того, чтоб поддержать их, обновит кругом его большую ограду;

или подобно тому, кто, не заботясь об исцелении своего больного тела, готовит для него дорогие одежды; или во время болезни госпожи заботится о рабынях, о их занятии, о сосудах и о прочих домашних принадлежностях, оставив ее страдать и плакать... А душа наша страдает от жестокой болезни, предается гневу, злословию, безрассудным желаниям, тщеславию, возмущению, прилеплена к земле и терзается столь многими зверями, а мы, не заботясь об избавлении ее от страстей, печемся о доме и о рабах. Если откуда-то тайно убежит медведица, то мы запираем дома, прячемся, чтобы не встретиться с ней, а теперь несмотря на то, что не один зверь, но многие, т.е. нечистые помыслы, терзают душу нашу, мы даже и не чувствуем этого... И в душу — это место совета, эти царские чертоги, это судилище — вторгаются звери и производят крик и шум около самого ума и престола царского. От этого все приходит в беспорядок, повсюду возмущение, и внутри и вне нас, так что мы ничем не отличаемся от города, который привели в возмущение нашедшие на него варвары (1).

* * *

Не только телесные, но и душевные раны, будучи оставлены без внимания, причиняют смерть. Между тем мы дошли до такого безумия, что о первых очень заботимся, а этими пренебрегаем. И хотя многие телесные раны часто бывают неизлечимы, однако мы не отчаиваемся и, слыша часто от врачей, что такую-то болезнь невозможно истребить лекарствами, мы настойчиво просим придумать хоть малое какое-либо облегчение, а о душах, в которых нет никакой неизлечимой болезни — так как они не подлежат естественной необходимости, — о них так нерадим и отчаиваемся, как будто болезни их — чужие для нас. Где само свойство болезни должно бы повергать нас в безнадежность, там мы, как имеющие большие надежды, заботимся о здоровье, а где нет ничего, почему бы следовало отчаиваться, там, как отчаявшиеся, отступаем и предаемся беспечности. Настолько-то более мы заботимся о теле, нежели о душе! Поэтому и тела сохранить не можем. Ведь кто нерадит о главном, а всю заботу обращает на низшее, тот разрушает и губит то и другое, а

кто соблюдает порядок, охраняя и сберегая главнейшее, тот, хотя бы не заботился о второстепенном, спасает и это через хранение первого, что и Христос объяснил нам словами: *не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить, а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне* (Мф. 10, 28) (2).

* * *

То, что душа существует в нашем теле, мы знаем, а как она существует, этого не знаем. Познание о ней Бог скрыл от нас для того, чтобы сильнее заградить нам уста, удержать нас и заставить оставаться внизу, а не любопытствовать и не исследовать того, что выше нас (2).

* * *

Все идут широким путем, все увлекаются настоящими предметами и нисколько не думают о будущих, непрестанно стремятся к телесным удовольствиям, а души свои оставляют истощаться голодом и, получая каждый день бесчисленное множество ран, нисколько не чувствуют бедст-

венного состояния, в каком они находятся. В случае телесных болезней ходят к врачам и приглашают их к себе в дом, дают им весьма большие награды, показывают великое терпение и переносят болезненное врачевание, чтобы возвратить здоровье телу, а когда страдает душа, то совершенно не заботятся и не стараются возвратить ей вождевленное здоровье, хотя хорошо знают, что тело смертно и тленно и подобно весенним цветам, — потому что оно, подобно им, увядает, засыхает и предается тлению, — между тем как о душе знают, что она почтена бессмертием и сотворена по образу Божию и что ей вверены бразды управления этим животным [телом]. Подлинно, что возница для колесницы, или кормчий для корабля, или музыкант для музыкального орудия — тем же Создатель поставил душу для этого земного сосуда. Она держит бразды, движет рулем, ударяет в струны, и когда делает это хорошо, что производит согласнейшие звуки добродетели, а когда или слишком ослабляет звуки, или напрягает их больше надлежащего, то нарушает и искусство и благозвучие. Такой-то душой пренебрегают многие из

людей, не устаивая ее даже и малейшего попечения, а все время своей жизни тратят на заботы о теле (6).

* * *

Как тело ежедневно нуждается в телесной пище, чтобы не впасть в совершенное расслабление и бездеятельность, так и душа требует духовной пищи и наилучшего управления, чтобы, утвердившись в навыке к добру, ей быть наконец неуловимой кознями лукавого. Итак, будем ежедневно исследовать силу ее (души), и не перестанем испытывать самих себя, будем требовать у себя отчета и в том, что в нас входит, и в том, что выходит, — что мы сказали полезного, и какое произнесли слово праздное, а также что полезного ввели в душу через слух и что внесли в нее, могущее повредить ей (8).

* * *

Кто действительно смиряет себя, тот никогда не допустит себя до раздражения, не разгневается на ближнего, потому что душа его смирилась и занята тем, что касается ее самой. Что

может быть блаженнее души, настроенной таким образом! Такой (человек) всегда сидит в пристани, безопасной от всякой бури, и наслаждается тишиной мыслей. Поэтому и Христос сказал: *найдете покой душам вашим* (Мф. 11, 29). Но как укротивший эти страсти наслаждается великим спокойствием, так, напротив, ленивый и беспечный, не умеющий надлежащим образом обуздывать рождающиеся в нем страсти, находится в постоянном волнении, ведет домашнюю брань, и хотя нет никого, возмущается и терпит великую бурю. Когда же поднимутся волны и наступит буря злых духов, часто погружается в бездну, потому что корабль его тонет от неопытности кормчего. Поэтому нужно бодрствовать, трезвиться и иметь непрестанное и неусыпное попечение о спасении души (8).

* * *

И создал, сказано, Господь Бог человека из праха земного и вдунул в лицо его дыхание жизни; и стал человек душою живою (Быт. 2, 7)... Человеколюбию Божию угодно было этого, созданного из земли, сделать причастным

разумного существа души, через что животное это явилось превосходным и совершенным. *И дунул, говорит, в лицо его дыхание жизни*, то есть вдуновение сообщило созданному из земли жизненную силу, и так образовалось существо души. Поэтому (Моисей) и прибавил: *и стал человек душою живою*; созданный из персти*, приняв вдуновение дыхания жизни, *стал душою живою*. Что значит: *душою живою*? Душой действующей, которая имеет члены тела, как орудия своих действий, покорные ее воле. Не знаю, как мы извратили порядок, и зло усилилось до того, что мы заставляем душу следовать пожеланиям плоти, и ту, которая, как госпожа, должна и председательствовать и повелевать, низведя с престола, принуждаем повиноваться прихотям плоти, забывая ее благородство и преимущество (перед плотью). В самом деле, подумай о порядке создания (человека) и размысли, что такое был он прежде вдуновения Господня, которое стало для него дыханием жизни, — *и стал душою живою*? Он был просто истуканом бездуш-

ным, бездейственным и ни к чему не годным, так что все столько возвышающее его преимущество состоит в том Божьем в него вдуновении. Чтобы ты уразумел это не из того, что совершилось тогда, а из того, что и ныне происходит каждый день, подумай, каким некрасивым и неприятным является это тело по исходе из него души. И что говорю: некрасивым и неприятным? Как оно страшно, зловонно и безобразно, между тем как прежде, когда управляла им душа, было светло, приятно, весьма благообразно, проникнуто было разумом и обладало большой способностью к деланию добрых дел. Размышляя обо всем этом и представляя благородство нашей души, не будем делать ничего, не достойного ее, не будем осквернять ее непристойными делами, поработая ее плоти и оказываясь столь бесчувственными и несправедливыми в отношении к той, которая имеет такое благородство и удостое на такого преимущества. Через ее существо мы, облеченные плотью, если захотим, можем при содействии Божией благодати, соревновать бестелесным силам и, находясь на земле, жить и действовать как бы на небе и до-

* Персть — земля, прах. (Примеч. ред.)

стигнуть не меньшего сравнительно с ними, а может быть, в чем-либо и большего (8).

* * *

Для чего не столько же, как о теле видимом, заботимся и о душе бестелесной и невидимой, тогда как попечение о ней не только удобно и легко, но и не требует издержек и никакого труда? Так, что касается попечений о теле и врачевания болезней телесных, то здесь необходимо тратить много и денег — частью на врачей, частью на все другие потребности, то есть на пищу и одежду, — не говорю уже о том, что очень многие с великой неумеренностью издерживают их и сверх нужды. А по отношению к душе ничего такого не нужно, но если, как телу каждый день доставляешь пищу и тратишь на него деньги, захочешь не попускать и душе гибнуть от голода, а будешь давать ей соответствующую пищу, то есть наставление из Писания и из духовного поучения (*Не хлебом одним, сказано, будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих* (Мф. 4, 4).), — то распорядишься наилучшим образом и окажешь должное вни-

мание к тому, что есть у нас драгоценнейшего. Поэтому как телу ты доставляешь различные одежды, соображаясь с различными временами года и разнообразием одежд, так не попускай и душе ходить нагой, без добрых дел, одень и ее приличной одеждой: через это тотчас восстановишь ее и приведешь опять в естественное состояние здоровья. Что же это за одежда души? Милостыня и щедрость к бедным — вот прекраснейшее одеяние души, вот светлая одежда ее. А если хочешь не только доставить ей одеяние, но и украсить ее, подобно телу, то присоедини пособие, состоящее в молитве и исповедании грехов и не переставай омыwać лицо ее непрерывными слезами. Как лицо телесное ты каждодневно омываешь со всем тщанием, чтобы не видно было на нем никакой обезображивающей его нечистоты, так же старайся поступать и с душой: и ее каждый день омывай, проливая горячие слезы. Этой (слезной) водой смывая с себя нечистоту, душа становится все светлее. И так как весьма многие жены, по великой изнеженности пренебрегая заповедь апостольскую, повелевающую не украшать себя ни плетением

(волос), ни золотом, ни жемчугом, ни многоценной одеждой (см. 1 Тим. 2, 9), украшаются с великой роскошью, да и не одни жены, но и изнеженные мужи доводят себя до слабости жен, надевая на руки перстни и украшаясь множеством дорогих камней, чего надлежало бы им стыдиться и краснеть, то пусть и эти, и те, послушав наши слова, обратят лучше эти драгоценности, приносящие много вреда и мужам и женам, на украшение души и ее ими украсят. Надетые на тело, даже красивое, они делают его безобразным; напротив, возложенные на душу, даже безобразную, доставляют ей великую красоту. Но

как, скажешь, возможно возложить эти драгоценности на душу? Опять руками бедных. Они, принимая (подавая), сообщают душе (подающего) красоту. Им отдай свои драгоценности и рассыпь в их утробы, а они доставят такую красоту твоей душе, что ты видом своим привлечешь к себе самого истинного Жениха и приобретешь бесчисленные блага: привлекая к себе Господа этой красотой, будешь иметь источник всех благ и обладать несказанным богатством. Итак, если мы хотим быть любезными Господу, то, оставив попечение об украшении тела, будем каждый день заботиться о красоте души (8).

ЕРЕТИКИ

Итак, не будем сердиться и гневно относиться к ним [еретикам], но будем кротко беседовать с ними, ибо нет ничего сильнее скромности и кротости. Поэтому и Павел повелел тщательно придерживаться этого, сказав: *рабу же Господа не должно ссориться, но быть привет-*

ливым ко всем, учительным, незлобивым, с кротостью наставляя противников (2 Тим. 2, 24). Не сказал: к братьям только, но: *ко всем*. И еще: *кротость ваша да будет известна*, — не сказал: братьям, но — *всем человекам* (Флп. 4, 5). Ибо что пользы, говорит [Господь], *если вы будете любить любящих вас* (Мф. 5, 46) (2).

ЖЕЛАНИЯ

Из пожеланий одни необходимы, другие естественны, а иные ни то, ни другое. Так, все те желания, от неудовлетворения которых гибнет животное, естественны и необходимы, как, например, желание пищи, питья и сна. Вожделение плотское естественно, но не необходимо, так как многие преодолели его и, однако же, не погибли. А желание богатства не естественно, не необходимо, а излишне: если мы захотим, то и не подчинимся ему. Ведь Христос, беседуя о девстве, сказал: *кто может вместить, да вместит* (Мф. 19, 12), а о богатстве говорит не так: *кто не отречется от всего, что имеет, не может быть Моим учеником* (Лк. 14, 33). Что легко, к тому увещевает, а что превосходит силы многих, то оставляет на произвол... Кто пленен страстью особенно сильной, тот понесет не столь большое наказание, а кто уловлен страстью слабой, тот лишится всякого оправда-

ния. И в самом деле, что мы будем отвечать, когда Господь скажет: вы видели Меня алчущим и не напитали (см.: Мф. 25, 42)? Какое будем иметь оправдание? Сошлемся, конечно, на бедность? Но мы не беднее той вдовицы, которая, положив две лепты, превзошла всех (1).

* * *

[Господь] говорит: *Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем* (Мф. 5, 27–28); т.е. кто привык засматриваться на телесную красоту, уловлять прелестные взоры, этим зрелищем питать свою душу и не сводить глаз с миловидных лиц, тот уже прелюбодействует. Иисус Христос пришел избавить от злых дел не только тело, но еще более душу. Ибо так как благодать Духа Святого мы принимаем в сердце, то Спаситель его сперва

и очищает. Скажешь, как возможно освободиться от пожелания? Если только захотим, то очень возможно даже умертвить его и сделать недействительным. Притом Иисус запрещает здесь не всякое пожелание, но пожелание, рождающееся в нас от воззрения на женщин. Ибо любящий смотреть на красивые лица преимущественно этим разжигает в себе пламя страсти и душу делает пленницей, а после этого скоро приступает и к совершению пожелания... т.е. сам воспламеняет в себе пожелание [тот], кто без всякого принуждения вовлечет этого зверя в спокойное свое сердце, это уже происходит не от природы, но от нерадения.

...Но великий ли грех, скажешь ты, если я посмотрю и пожелаю, но ничего худого не сделаю? Через это-то ты и сравнишься с прелюбодеями. Так определил Законодатель, и ты не должен более любопытствовать. Когда однажды, дважды или трижды посмотришь так, как говоришь, то, быть может, еще в состоянии будешь преодолеть страсть, но если непрестанно будешь это делать и зажжешь пламень, то непременно будешь побежден. Ибо ты не выше природы человеческой (1).

ЖЕНА

Всякий человек обыкновенно гордится перед теми, которые нуждаются в нем, а когда видит не имеющих в нем нужды, тогда умеряет гордость свою и говорит с ними, как с равными. Так и муж, если увидит, что ты ничего не требуешь от него, что ты не дорожишь его подарками, то, хотя бы он был крайне высокомерен, будет уважать тебя гораздо более, нежели видя тебя одетую в золотые одежды, и ты уже не будешь больше его рабой. Ибо в ком мы имеем нужду, тому по необходимости подчиняемся, если же воздержим себя, то будем не подвластны ему, но он поймет, что мы по страху Божию оказываем ему некоторое повиновение, а не за подарки его. Между тем теперь он поступает как оказавший нам великие благодеяния и, какой бы чести ни удостоивался от нас, думает, что еще не вся честь воздана ему, а тогда, если он удостоится хоть малой чести, будет благодарен, не станет упрекать и сам не будет вынужден предаваться любостыжанию для тебя. Что может быть безрассуднее, чем собирать золотые украшения для того, чтобы показывать их?..

Жене мужа богатого мы не столько удивляемся тогда, когда она одета в золотые и шелковые одежды, — это обыкновенно для всех, — сколько тогда, когда она будет одета в одежду простую и неизысканную... Тогда она превзойдет всех, и даже самую жену царскую, ибо она одна при великом богатстве избрет свойственное бедным. Но, скажешь, я не буду нравиться мужу? Не мужу ты хочешь нравиться, а множеству беднейших жен, или лучше сказать, не нравиться, а унижать их и оскорблять и тем увеличивать бедность их... ибо как только ты переступаешь порог спальни, тотчас снимаешь все: и одежды, и золотые украшения, и драгоценные камни, — и дома, конечно, не носишь их. Если же в самом деле ты хочешь нравиться мужу, то можешь нравиться скромностью, кротостью, честностью. И поверь мне, жена, как бы муж твой ни был низок и невосдержан, гораздо более удержит его твоя скромность, честность, простота, бережливость, умеренность. Мужа развратного не удержишь, хоть бы ты придумывала тысячи подобных украшений, это знают те, которые имели таких мужей. И как бы ты ни на-

ряжала себя, твой развратный муж уйдет к другой, а целомудренному и скромному угодишь не этим, но совершенно противным, этим только оскорбишь его, внушив ему подозрение своей привязанностью к нарядам. Если муж по скромности и благоразумию и не скажет этого, то осудит тебя тайно и от огорчения и досады не удержится. Таким образом, не лишаешь ли ты себя всякого удовольствия, возбуждая против себя ненависть?..

Я говорю это... чтобы вы поступали так добровольно для вас самих, а не для них [мужей], не с тем, чтобы их избавить от досады, но чтобы вас отклонить от житейских прихотей. Ты желаешь казаться красивой? И я желаю этого, но только той красотой, которой желает Царь Небесный. Кого ты желаешь иметь любящим тебя — Бога или людей?.. Любящими тебя будут развратные люди, ибо не добрый человек тот, кто любит замужнюю женщину (1).

* * *

У нас жена справедливо подчинена мужу потому, что равенство могло бы произвести вражду, и потому, что вначале от жены

произошло обольщение. Она подчинена не тотчас по сотворении, когда Бог привел ее к мужу, она не слышала от Бога ничего такого, и муж ничего подобного не выразил ей, а сказал, что она кость от костей его и плоть от плоти его, а о власти же и подчинении ничего не говорил, но когда она злоупотребила своею властью, сделавшись из помощницы обольстительницей, и погубила все, тогда справедливо услышала слова: *к мужу твоему влечение твое* (Быт. 3, 16). Так как этот грех мог возбудить вражду в нашем роде, ибо после такого события не послужило бы к миру то, что жена произошла от мужа, напротив, то самое, что, произойдя от него, она не пощадила собственного члена, еще более раздражало бы мужа, — то Бог, видя злобу диавола, оградил их этим словом как бы стеной, уничтожил таким определением вражду, которая должна была произойти после обольщения, поставив как бы оплот против естественной страсти — происходящего от греха злосмыслия... Следовательно, власть мужа над женой естественна. И прежние жены называли мужей своих господами и уступали им первенство... Постарайся

со всяким благоразумием исполнять свои обязанности в отношении к мужу. И мужу твоему, когда увещаю его любить и уважать тебя, я не позволяю указывать на заповедь, данную жене, а требую от него исполнения предписанного ему. Потому и ты старайся исполнять свои обязанности и оказывай покорность своему мужу. Если хочешь повиноваться мужу для Бога, то не представляй мне его обязанностей, но тщательно исполняй те, которые Законодатель возложил на тебя. В том особенно и состоит повиновение Богу, чтобы не нарушать закона даже в том случае, если сама ты терпишь противное. Кто любит любящего его, тот не делает ничего важного, а кто любит ненавидящего его, тот преимущественно достоин венцов. Так размышляй и ты, если будешь сносить жестокость мужа, то получишь светлый венец, а если имеешь тихого и кроткого, то за что Бог будет награждать тебя? Говорю это не для того, чтобы подать мужьям повод к жестокостям, но чтобы убедить жен сносить и жестоких мужей... Так, когда жена бывает готова сносить гневливого мужа, тогда и муж не станет оскорблять гневливой жены, тогда во

всем будет у них мир, подобный пристани, не возмущаемой волнами. Так и было у древних: каждый исполнял свое, не указывая на обязанности ближнего. Смотри: Авраам... велел же не идти в дальний путь, и она не воспротивилась этому, но повиновалась. Потом, после многочисленных бедствий, усилий и трудов, сделавшись господином всего, он уступил первенство Лоту, и Сарра не только не огорчилась этим, но даже не открыла уст и не сказала ничего такого, что многие жены говорят ныне, когда видят, что мужья их при подобных разделах получают меньше других, особенно низших себя; порицают их, называют и глупыми, и бессмысленными, и робкими, и беспечными, и ленивыми. Она же не сказала и не подумала ничего такого, но осталась довольна всем, что он сделал... Затем, оставаясь неплодной, она не скорбит и не плачет, подобно другим таким женам, но проливает слезы он, — впрочем, не перед женой, а перед Богом. И затем, что оба они соблюдают должное, он не презирает Сарры за ее неплодство и не укоряет ее, и она со своей стороны старается найти для него некоторое утешение в бесчадии

посредством рабыни... ныне это не дозволяется, а тогда не запрещалось. Поэтому, когда жена предложила это, он послушался и поступил так из угождения ей. А посмотри, скажешь, как он потом по ее же требованию изгнал служанку. Но этим я и хочу доказать, что как он во всем слушался ее, так и она его...

Поэтому ты, жена, не ожидай доброты от мужа, чтобы после того показать и свою: в этом не будет ничего важного. И ты, муж, не ожидай благонравия от жены, чтобы после того и самому быть любомудрым: это уже не будет подвигом, но каждый, как я сказал, пусть первый исполняет свои обязанности. Ибо если и посторонним, ударяющим по одной ланите, нужно обращать другую, то тем более должно сносить жестокость мужа. Говорю это не для того, чтобы муж бил жену, — нет, это крайнее унижение не для той, которую бьют, а для того, кто бьет, — но если по каким-нибудь обстоятельствам ты, жена, сочеталась с таким мужем, то не предавайся скорби, представляя ожидающую тебя за это награду и добрую славу еще в настоящей жизни (1).

* * *

Жена благочестивая и разумная, скорее всего может образовать мужа и настроить его душу по своему желанию. Ибо ни друзей, ни учителей, ни начальников не послушает он так, как свою супругу, когда она увещавает и дает советы. Это увещание доставляет ему и некоторое удовольствие, потому что он очень любит эту советницу. И я мог бы указать на многих суровых и неукротимых мужей, которые смягчены таким образом. Ибо жена участвует с мужем и в трапезе, и в ложе, и в рождении детей, и в делах явных и тайных... она во всем ему предана и соединена с ним так, как тело соединено с головой. И если она будет разумна и рачительна, то всех других превзойдет и победит в попечении о своем супруге.

Поэтому убеждаю вас, жены, считайте это обязанностью и давайте мужьям надлежащие советы. Женщина имеет великую силу как для добродетели, так и для порока. Она погубила Авессалома, она погубила Амнона, она намеревалась погубить Иова, но она же избавила Навала от смерти, она спасла целый народ.

Так, Деввора и Юдифь выказали доблести мужей-военачальников. Таковы же были и многие другие жены. Поэтому и Павел говорит: *почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа* (1 Кор. 7, 16)? И мы знаем, что в те времена Персиды, Мариам и Прискилла приняли на себя подвиги апостольские. Этим-то женам и вы должны ревностно подражать и не словами только, но и делами наставлять своего супруга. Как же мы можем учить его делами? Ты научишь его, когда он увидит, что ты не злонравна, не роскошна, не любишь украшений, не требуешь излишних денежных доходов, но довольствуешься тем, что есть, потому что в этом случае он непременно послушает и твоих советов. Если же ты на словах будешь любомудрствовать, а на деле станешь поступать напротив, то он обвинит тебя в великом пустословии. А когда вместе со словами ты представишь ему наставление и делами, тогда он и похвалит тебя и скорее послушает. Так будет, например, когда ты не станешь искать ни золота, ни жемчуга, ни драгоценных одежд, но вместо этого будешь искать скромности, целомудрия, любезности и, поступая так сама,

будешь требовать того же и от него. Если же надо что-нибудь делать для угождения мужу, то нужно душу украшать, а не тело наряжать и погублять. Не столько золото, которым ты украшаешься, сделает тебя любезной и приятной для него, сколько целомудрие и ласковость к нему, и готовность умереть за своего супруга. Это по преимуществу пленяет мужей... То украшение [внешнее] неприятно мужу, потому что приводит в стесненное положение его имение и требует больших издержек и забот, а это, о котором сказано выше, привяжет мужа к жене. Ибо ласковость, дружба и любовь ни забот не приносят, ни издержек не требуют, но доставляют все противоположное. Притом тот наряд от привычки делается приторным, а украшение души цветет каждый день и возжигает сильнейший пламень любви. Итак, если хочешь нравиться мужу, украшай душу целомудрием, благочестием, попечением о доме. Эта красота и более пленяет, и никогда не прекращается. Ни старость не разрушает этой красоты, ни болезнь не уничтожает. Красоту телесную и время продолжительное разрушает, и болезнь истребляет, и

губит многое другое, а что украшает душу, то выше всего этого. Кроме того, та красота и зависть возбуждает, и ревность разжигает, а эта чиста от такой болезни и свободна от всякого тщеславия. Таким образом, и в доме все будет идти лучше, и доходы будут изобильнее, когда золото не будет лежать вокруг твоего тела, не будет связывать твоих рук, но будет употребляться на необходимые нужды, как, например, на содержание слуг, на необходимое попечение о детях и на другие действительные потребности. Но если ты будешь поступать не так, если тело будет украшено золотом, а необходимые нужды будут со всех сторон перед глазами и стеснять сердце, то какая тебе прибыль? Какая польза? Печаль сердца не позволяет замечать того, чем обыкновенно пленяются глаза... Если бы кто увидел женщину, даже лучше всех украшенную, он не может находить в этом удовольствия, когда у него душа болеет. Ибо кто хочет находить удовольствие, тому наперед нужно быть веселым и иметь расположение к радости. Между тем если золото все растрачено на украшение женина тела, а в доме обитает скудость,

то для супруга нет никакого удовольствия. Итак, если желаете нравиться мужьям, приводите их в приятное расположение духа, а приведет их в это расположение, когда отвергнете наряды и украшения. Все это, по-видимому, имеет для него некоторую приятность во время брачного торжества, но в последствии, с течением времени, теряет свою цену... Или ты хочешь нравиться лицам посторонним и от них получать похвалы (1)?

* * *

Апостол Павел говорит, что жена *спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием* (1 Тим. 2, 15). Он говорит о воспитании, что отцы и матери могут пожать плоды добродетели своих детей, когда хорошо воспитают их. В том немалая, но весьма великая будет состоять для них награда, что они воспитали рабоворцев Христу. Впрочем, каким образом спасется жена, если она сама будет бесчестна и исполнена бесчисленных пороков? Неужели воспитание детей принесет ей какую-либо пользу? Не будет ли вероятным, что

она воспитает их подобными себе? О добродетельной матери говорит он это, а не о всякой, что она получит великую награду и воздаяние (1).

* * *

Что домашние бедствия суть плоды грехов и что исполнителями наказания грешнику Бог назначает домашних его, об этом свидетельствует Божественное Писание, которого нет ничего достовернее. С тобой ведет войну жена, при входе твоём встречает тебя, как дикий зверь, изошряет язык свой, как меч? Прискорбно, что помощница сделалась противницей, но исследуй самого себя, не замышлял ли ты в юности чего-нибудь против какой-нибудь женщины, и вот оскорбление женщины отмщается женщиной и чужую рану врачует собственная жена твоя. Хотя сама действующая не знает этого, но знает врач — Бог. Он действует на тебя ею, как железом, и как железо не знает того, что делает, но врач знает совершаемое железом врачевание, так и здесь, хотя жена поражающая и муж поражаемый не знают причины поражения, но Бог, как врач, знает, что полезно.

А что злая жена есть бич за грехи, об этом свидетельствует Божественное Писание: оно говорит, что злая жена дается грешному мужу (см.: Сир. 26, 3). Она дается ему, как горькое лекарство, истребляющее греховные соки (1).

* * *

Не будем искать брачного союза с богатыми, чтобы множество богатства не породило в жене высокомерия, чтобы высокомерие не было причиной развращения. Не видишь ли, что сотворил Бог, как он подчинил жену мужу?.. Надо искать не богатой жены, а того, чтобы иметь в ней сообщницу жизни для рождения детей. Не для того Бог даровал человеку жену, чтобы она принесла деньги, но чтобы была ему помощницей. Жена, приносящая деньги, бывает коварна, становится госпожой вместо жены (1).

* * *

Так, если кто имеет жену неверующую... то не принуждается прогонять ее. *Если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то*

он не должен оставлять ее (1 Кор. 7, 12), а если — распутную и прелюбодейку, то ему не возбраняется прогнать ее: *кто разводится, говорит Иисус Христос, с женою своею, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать* (Мф. 5, 32). Следовательно, за любодеяние можно отпускать жену. Видишь человеколюбие и попечительность Божию? Если, говорит, жена твоя неверующая, не прогоняй, а если прелюбодейка, то не возбраняю сделать это. Если она, говорит, оскорбит Меня, не прогоняй, а если обесчестит тебя, никто не мешает прогнать. Такой-то Бог удостоил нас чести, а мы неужели не почитим Его и столько же [сколько Он почтил нас], но дозволим своим женам оскорблять Его, зная притом, что нас постигнет величайшее мучение и казнь, если пренебрежем спасением жен? Для того-то Он и сделал тебя главой жены, для того-то и Павел повелел: *если же они [жены] хотят чему научиться, пусть спрашивают о том дома у мужей своих* (1 Кор. 14. 35), чтобы ты, как учитель, попечитель, предстоятель, возбуждал ее к благочестию. А вы, когда время собрания призывает в церковь, не

пробуждаете [жен] от беспечности (2).

* * *

Поэтому и теперь я буду беседовать с вами о том же предмете, чтобы желающие вступить в брак приступали к этому делу с великой осмотрительностью. Если мы, намереваясь купить дом или рабов, исследуем и разведываем и о продавцах, и о прежних владельцах, так и касательно самих продаваемых — об устройстве одних, о телесном состоянии и душевном настроении других, — то гораздо больше намеревающимся выбрать жен должно иметь такую же и еще большую осмотрительность. Ведь худой дом можно опять продать, и раба, оказавшегося негодным, можно опять отдать продавшему, а взявшему жену нельзя опять отдать ее давшим, но совершенно необходимо иметь ее при себе до конца или, отвергнув ее за пороки, сделаться виновным в прелюбодеянии по законам Божиим. Итак, когда ты намереваешься взять жену, то прочитай не внешние только законы, но еще прежде них законы, находящиеся у нас, потому что по этим, а не по тем будет

судить тебя Бог... Поэтому увещаю и советую тем, которые намереваются взять жен, обратиться к блаженному Павлу, прочитать написанные им законы о браках и, узнав наперед, что повелевает он делать, когда случится жена злобная, коварная, преданная пьянству, злословная, безумная или имеющая какой-нибудь другой подобный недостаток, потом и рассуждать о браке. Если ты увидишь, что он предоставляет тебе власть отвергать одну жену, когда найдешь в ней один из этих недостатков, и брать другую, то благодумствуй, избавившись от всякой опасности; а если он не позволяет этого, не повелевает жену, имеющую все прочие недостатки, кроме прелюбодеяния, любить и держать в своем доме, то охраняй себя так, чтобы быть готовым переносить всю злобу жены. Если же это тяжело и трудно, то сделай все и прими все меры, чтобы взять жену добрую, благонравную и послушную. Зная, что должно быть одно из двух: или, взяв дурную жену, переносить ее злобу, или, не желая этого и отвергнув ее, быть виновным в прелюбодеянии. *Кто разводится с женою своею*, говорит

Господь, *кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто же нитится на разведенной, тот прелюбодействует* (Мф. 5, 32). Обсудив это хорошо прежде брака и узнав эти законы, будем всячески стараться, чтобы вначале брать жену с добрым настроением и соответствующую нашим нравам; взяв такую, мы получим не только ту пользу, что никогда не отвергнем ее, но и будем любить ее с великой силой — так, как повелел Павел. Он, сказав: *мужья, любите своих жен*, не остановился только на этом, но показал нам и меру любви: *как и Христос возлюбил Церковь* (Еф. 5, 25). А как, скажи мне, Христос возлюбил Церковь? Так, что предал Себя за нее. Поэтому, хотя бы надлежало умереть за жену, не отказывайся. Если Господь так возлюбил рабу, что предал за нее Себя самого, то тем более тебе должно так любить подобную тебе рабу...

Как в телах наших, когда случится болезнь, мы не отсекаем члена, но истребляем болезнь, так будем поступать и с женой. Если будет в ней какой-нибудь порок, то не жену отвергай, но истребляй этот порок. Жену мож-

но исправить, а поврежденный член часто невозможно излечить; и однако мы, зная, что повреждение его неисцельно, не смотря на то не отсекаем его. Часто многие, имея кривую голень, хромую ногу, сухую омертвевшую руку или ослепший глаз, ни глаза не вырывают, ни ноги не отсекают, ни руки не отрезают, но, видя, что для тела нет от них никакой пользы, а, напротив, причиняется великое безобразие для прочих членов, продолжают иметь их по связи с прочими членами. Поэтому не безрассудно ли: там, где исправление невозможно и пользы нет никакой, оказывать такую попечительность, а где добрые надежды и удобное исправление, там не употреблять врачевания? Поврежденное от природы восстановить невозможно, а волю развращенную исправить можно. Если же скажешь, что жена твоя больна неисцельно и, несмотря на великую попечительность твою, не оставляет своего нрава, и тогда не должно отвергать ее, потому что и член больной неисцельно не отсекается. А она — член твой: *будут*, сказал Господь, *два одна плоть* (Быт. 2, 24). Притом от попечения о члене нам не будет ника-

кой пользы, если он останется больным неисцельно, а за жену, если она остается неисцельно больной, предстоит нам великая награда за то, что мы учим, руководим ее. Хотя бы она не получила никакой пользы от нашего наставления, мы получим от Бога великую награду за терпение, за то, что по страху перед Ним мы оказывали такое терпение, кротко переносили злобу ее и держали ее, как член свой. Жена — необходимый член наш, и потому особенно должно любить ее. Этому научая, и Павел говорил: *так должны мужья любить своих жен, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя. Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как и Христос Церковь, потому что мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его* (Еф. 5, 28-30) (6).

* * *

Так как наша жизнь состоит из дел двоякого рода, общественных и частных, то Бог, отделив одни от других, предоставил жене попечение о доме, а мужьям — все дела гражданские, дела на площади, судебные, сове-

щательные, военные и все прочее. Жена не может ни бросать копье, ни пускать стрелу, но может взять прялку, ткать по основе и все прочие домашние дела хорошо исправлять. Она не может подавать мнение в совете, но может подавать мнение дома, и часто те из домашних дел, о которых рассуждает муж, она понимает лучше его. Она не может хорошо исправлять общественные дела, но может хорошо воспитывать детей, а это — главное из приобретений, может замечать худые дела служанок, доставлять все прочие удобства супругу и освобождать его от всякой подобной заботы в доме: о сокровищах, о шерстяных изделиях, о приготовлении обеда, о благообразии одежд, — заботясь обо всем таком, за что приниматься мужу и неприлично, и неудобно, хотя бы он употреблял много усилий. Подлинно, и то — дело промышленности и премудрости Божией, что полезный в важнейших делах бывает несведущим и бесполезным в менее важных, чтобы необходимо было и занятие жены. Если бы Он создал мужа способным к тому и другому, то женский пол был бы в презрении, с другой стороны, если бы жене предоставил

большее и полезнейшее, то жены стали бы надмеваться великой гордостью. Поэтому Он и не дал того и другого одному, чтобы другой пол не был унижен и не казался лишним, и не предоставил того и другого обоим равно, чтобы опять от равенства не произошло какой-нибудь борьбы и состязания, когда жены стали бы домогаться одинаковой чести с мужьями, но, промышляя о мире и вместе соблюдая свойственное каждому достоинство, Он разделил нашу жизнь на две части так, что необходимейшее и полезнейшее предоставил мужу, а меньшее и низшее — жене (6).

ЖИЗНЬ ЗЕМНАЯ

Ныне живем мы в этом мире, как дитя в утробе, терпя стеснение и не будучи в состоянии видеть блеск и свободу грядущего века; когда же наступит время рождения и настоящая жизнь всех воспринятых ею людей изведет на день суда, тогда недоношенные существа из мрака перейдут в мрак и из скорби в тягчайшую скорбь, а совершенные и сохранившие черты царского образа предстанут Царю и

вступят в то служение, которым служат Богу всех Ангелы и Архангелы (2).

* * *

Что в мире представляется тебе всего блаженнее и возжеленнее? Конечно, скажешь ты, власть, богатство, слава у людей. Но что жальче этого, если сравнить со свободой христиан? Властитель находится в зависимости от ярости народной и бессмысленных прихотей толпы, также страха со стороны сильнейших властителей и забот о подчиненных. Притом, вчера он властитель, а сегодня простолудин, так как настоящая жизнь нисколько не отличается от сцены. Как здесь один исполняет роль царя, другой — полководца, иной — воина, а по наступлении вечера — и царь не царь, и властитель не властитель, и полководец не полководец, так и в тот день не по лицу, а по делам каждый получит достойное воздаяние. Но разве драгоценна слава, которая пропадает, как цвет травный? Так же и богатство, которого владельцы называются жалкими (2).

* * *

Вся настоящая жизнь поистине есть время плача и слез. Такое несчастье постигло всю вселенную, такие бедствия объяли всех людей, что если кто-то захочет распознать их в точности, если только возможна такая точность, то не перестанет скорбеть и плакать: так все извратилось и расстроилось, а добродетели и следа нет нигде! А еще тяжелее то, что мы и сами не чувствуем и другим не даем чувствовать постигших нас бедствий, но стали похожи на человека, тело которого извне цветет, а внутри разрушается сильным огнем. И по этой бесчувственности мы несколько не отличаемся от умалишенных, которые без опасения и говорят и делают много опасного и непристойного, и не только не стыдятся, но еще хвалятся этим и считают себя здоровее здоровых. Так и мы, делая все, свойственное больным, не знаем и того, что мы больны. Между тем, если в теле нашем случится хоть малая болезнь, мы и приглашаем врачей, и тратим деньги, и обнаруживаем терпение, и не перестаем делать все, пока не прекратим болезнь, а о душе, которая плот-

скими страстями ежедневно поражается, терзается, сжигается, низвергается в пропасть и всячески губится, несколько не заботимся. Причина же этого то, что болезнь объяла всех. Поэтому как больные телом, если не случится быть при них кому-либо из здоровых, беспрепятственно могут все подвергнуться крайней опасности оттого, что некому отклонить их от безрассудных желаний, так и у нас, оттого что нет никого совершенно здорового в вере, но все больны, — одни больше, другие меньше, — никто не в состоянии пособить лежащим. Так, если бы кто со стороны пришел к нам и хорошо узнал и заповеди Христовы, и расстройство нашей жизни, то не знаю, каких бы еще мог он представить себе других врагов Христа хуже нас, потому что мы идем такой дорогой, как будто решились идти против заповедей Его (2).

* * *

Кто прельщается настоящим, тот никогда не удостоится созерцать будущее, а кто пренебрегает здешним и считает его не лучше тени и сновидения, тот скоро получит великие и духовные

блага... Душа, не приучившаяся пренебрегать маловажным и житейским, не в состоянии будет созерцать небесное, равно как и созерцающая последнее не может не посмеиваться первому (2).

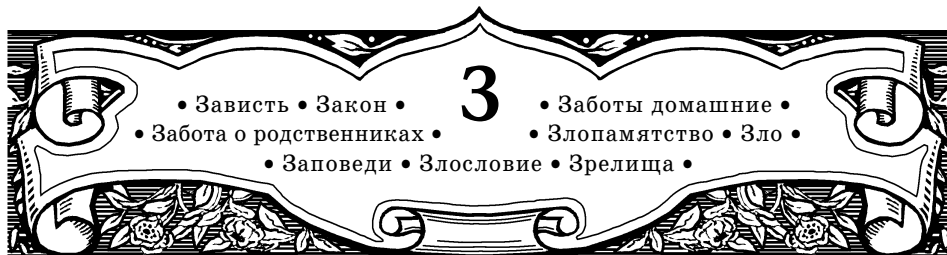
* * *

Бог создал два века, один настоящий, другой будущий, один чувственный, другой духовный, один доставляющий телесное успокоение, другой — не телесное, один на опыте, другой в надеждах, одному повелел быть поприщем, другому — местом награды, первому в удел назначил борьбу, труды и подвиги, другому — венцы, награды и воздаяния, один сделал морем, другой пристанью, один — кратким, другой — нестареющим и бесконечным (6).

* * *

Все в этой жизни — и радостное, и печальное — есть только путь, и то и другое одинаково проходит, ничего нет в ней твердого и постоянного, но, подобно всему в природе, и радости ее и горе являются и исчезают. Как странники или путешественники, идут ли луговой поляной или дикими пропастями, ни там не закрепляют себе навек радости, ни отсюда не выносят на всю жизнь печали, потому что они странники, а не местные жители, они только проходят через то и через другое и стремятся к своему отечеству, — так прошу и вас ни светлой стороной настоящей жизни не увлекаться, ни в горестях ее не погружаться с головой, а смотреть всегда на то только, каким бы образом с полным дерзновением явиться в общее всем нам отечество (7).

ЗАБОТА О РОДСТВЕННИКАХ

Блаженный Павел... говорит: *если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры* (1 Тим. 5, 8). Промышление [попечение] разумеется всякое: и о душе, и о теле, ибо последнее есть тоже промышление. Тот, кто не печется о своих, особенно о домашних, то есть принадлежащих к его роду, *хуже неверного* (1 Тм. 5, 8). Это говорит и Исаия, глава пророков: *от единокровного твоего не укрывайся* (Ис. 58, 7). Каким образом может быть милостивым к посторонним тот, кто презирует людей одного с собой рода и свойственников своих? Разве не называют все тщеславием то, когда кто-то, благодетельствуя чужим, презирует и не щадит своих? Или, с другой стороны, если, наставляя первых, он оставляет в заблуждении последних, несмотря на то что благоволит последним было бы для него и удобнее и справедливее?

Без сомнения. Ибо разве не скажут тогда, что можно ли назвать милостивыми христиан, когда презируют они своих. И неверного такой, говорит апостол, *горший есть*. Почему? Потому что этот последний, если презирует чужих, то по крайней мере не презирует близких себе. Сказанное апостолом имеет такой смысл: кто нерадит о своих, тот нарушает и закон Божий, и закон природы. Если же непекущийся о присных отказался от веры и стал хуже неверного, то куда должен быть отнесен и где займет место тот, кто обижает присных* своих? Но каким образом он отказался от веры? *Они говорят, что знают Бога, а делами отрекаются* (Тит. 1, 16). Между тем что заповедует Бог, в которого веруют? Не презирать тех, которые связаны с нами племенным родством. Каким же образом может веровать отрицающий это? Подумаем, сколько нас таких, которые,

* Присный — всегдашний, вечный, сущий. (Примеч. ред.)

сберегая деньги, презирают ближних. Бог для того и учредил родственные связи, чтобы мы имели больше случаев благотворить друг другу (1).

ЗАБОТЫ ДОМАШНИЕ

Хочешь, я изобразю домашние заботы: о жене, о детях, о слугах? Худо взять бедную жену, худо и богатую: первое вредит имуществу, а последнее — власти и свободе мужа. Прискорбно иметь детей, а еще прискорбнее — не иметь: если последнее, то напрасно было жениться, а если первое, то подвергнешься горькой неволе. Заболело дитя — страх немалый, умерло преждевременно — плач неутешный, и во всяком возрасте о них различные заботы, и страхи, и многие труды. Нужно ли говорить о неисправности слуг (2)?

ЗАВИСТЬ

Лукавый демон и враг рода нашего, как увидел, что первозданный [человек] проводит в раю безболезненную жизнь и, обличенный плотью, живет на земле, как Ангел, решил соблазнить и увлечь его к падению

обещанием еще больших благ, а таким образом лишил его и того, чем он уже обладал. Вот что значит не оставаться в своих пределах, но искать бóльшего. На это-то указывая, премудрый и сказал: *завистью диавола вошла в мир смерть* (Прем. 2, 24).

* * *

Нет зла хуже зависти! Завистливый мучит и терзает себя прежде того, кому завидует, и никогда не оставляет своего греха, но всегда остается в нем... Завистливый радуется злу ближнего. Когда случится с ближним что-либо неприятное, тогда он покоен и весел, почитая чужие несчастья своим счастьем, а благополучие других своим злополучием, и ищет не того, что ему могло бы быть приятно, но того, что ближнего может опечалить. Такие люди не достойны ли того, чтобы побить их камнями и замучить, как бешеных собак, как злобных демонов, как фурий? Как жуки питаются навозом, так и они, будучи некоторым образом общими врагами и противниками природы, находят для себя пищу в несчастьях других. Другие жалеют и бессловесных закалаемых, а ты

неистовствуешь, дрожишь и бледнеешь, видя человека благополучным. Есть ли что хуже этого бешенства! Блудники и мытари (уверовав в Спасителя) могли войти в Царствие Божие, а завистники, находившиеся внутри его, выгнаны... Первые, освободившись от своего зла получили то, чего никогда и не ожидали, последние лишились и тех благ, какие имели. Да и совершенно справедливо. Ибо зависть человека превращает в дьявола и делает его лютым демоном. От нее произошло первое убийство, от нее презрена природа, от нее осквернена земля. От нее после разверзшейся землей поглощены живые Дафан, Корей и Авирон и погиб весь тот народ. Но, может быть, кто-нибудь скажет: легко порицать зависть. Надо сказать, как избавиться от этой болезни, как же мы можем освободиться от этого порока? Когда подумаем, что входить в Царствие Небесное не позволено как блуднику, так и завистнику, и притом гораздо более последнему, нежели первому. А ныне зависть не считают и пороком, потому и не заботятся избавиться от нее. Но если откроется, что она зло, то ско-

рее оставим ее. Итак, плачь и стенай, рыдай и моли Бога, знай, что ты в тяжком грехе, и покайся. Если так поступишь, то вскоре исцелишься от недуга. Кто же не знает, скажет иной, что зависть есть порок? Правда, всякий знает это, но не всякий эту страсть ставит наряду с блудом и прелюбодеянием. Осуждал ли кто себя когда-нибудь за то, что предавался жестокой зависти, умолял ли когда Бога, чтобы Он помиловал за этот недуг? Никто никогда. Напротив, обладающий гнуснейшей из всех страстью если постился и дал нищему мелкую монету, то думает, что он ничего худого не сделал, хотя бы тысячекратно завидовал. От чего сделался таким преступником Каин, от чего Исав, от чего дети Лавановы, от чего сыны Иакова, от чего Корей, Дафан и Авирон с соумышленниками, от чего Мариам, от чего Аарон, от чего сам дьявол?

Вместе с тем представь и то, что ты не тому наносишь вред, кому завидуешь, но себя поражаешь мечом. Ибо какое зло причинил Авелю Каин? Ускорил ему против воли вход в Царствие, а себя подверг бесчисленным бедствиям. Какой вред нанес

Иакову Исав? Тот не обогатился ли и не наслаждался ли бесчисленными благами, а этот после злоумышления своего не принужден ли выйти из дома родительского и скитаться в стране чужой? Что худого сделали Иосифу сыновья Иакова, хотя едва не пролили крови? Не претерпели ли они голода и не были в крайнем бедствии тогда, как он сделался царем всего Египта? Чем более завидуешь, тем большие блага доставляешь тому, кому завидуешь. Ибо Бог за всем смотрит и когда видит обиженным необижающего, то его более возвышает и прославляет, а тебя наказывает. Если Он не оставляет без наказания тех, кто радуется несчастьем своих врагов, ибо сказано: *не радуйся, когда упадет враг твой, и да не веселится сердце твое, когда он споткнется. Иначе увидит Господь, и неужгодно будет это в очах Его* (Притч. 24, 17); то тем более не оставит без наказания завидующих не причинившим им никакого вреда. Итак, отсечем от себя зверя многоглавого, ибо много видов зависти. Если любящий любящего его не имеет никакого преимущества перед мытарем, то где станет ненавидящий ничем не обидевшего его (1)?

* * *

Ничто так не разделяет и не расторгает тела Церкви, как ненависть и зависть, эта тяжкая болезнь, недостойная прощения и в некотором отношении худшая самого корня зол. Сребролюбец радуется тогда, когда сам получает, а завистливый радуется не тогда, когда сам получает, а когда не получает другой, считает благополучием для себя не собственное благоденствие, а несчастье других, есть как бы общий враг человеческой природы и мучитель Христовых членов. Что же может быть безумнее? Бес завидует людям, а отнюдь не другому бесу, а ты, человек, завидуешь человеку, восстаешь против единоплеменного и однородного тебе, чего не делает и бес! Какое будет прощение, какое оправдание, когда ты, видя брата своего благоденствующим, дрожишь и бледнеешь, тогда как надлежало бы хвалиться, радоваться и восхищаться? Если же ты хочешь соревновать ему, я не запрещаю, соревнуй, но так, чтобы тебе сделаться подобным ему в доброй славе, не с тем, чтобы унижить его, но чтобы и тебе достигнуть той же высоты и явить такие же добродетели. Вот доб-

рое соревнование: подражать, а не враждовать, не скорбеть о совершенствах другого, а сокрушаться о собственных недостатках. Но зависть поступает наоборот: не заботясь о своих недостатках, она мучится совершенствами других. Не столько бедный огорчается своей бедностью, сколько завистливый благополучием ближнего — что может быть гнуснее этого? Поэтому он, как я выше сказал, гнуснее корыстолюбивого. Этот радуется, когда сам получает, а тот веселится, когда другой не получает. Итак, увещаю вас, оставьте этот злой путь и обратитесь к ревности доброй... Кто ревнует такой ревностью... тот сокрушается не тогда, когда видит другого приобретшим добрую славу, но когда видит собственные недостатки. А завистливый не так, он сокрушается, когда видит преуспевание другого, и подобно какому-нибудь трутню, повреждающему чужие труды, сам отнюдь не старается встать, а огорчается, когда видит другого стоящим, и употребляет все меры к тому, чтобы низвергнуть и его. Чему же можно уподобить эту страсть? Она, мне кажется, подобна ленивому и утучневшему ослу, который, будучи за-

пряжен вместе с быстрым конем, и сам не хочет встать, и коня тяжестью своего тела старается повергнуть. Так и завистливый нисколько не думает и не старается о том, чтобы восстать от этого глубокого сна, а употребляет все меры к тому, чтобы запнуть и низвергнуть другого, парящего к небу, делаясь верным подражателем диавола. Ибо и диавол, видя человека в раю, старался не себя исправить, а его лишить рая, и после, видя его, пребывающим на небе, и других, стремящихся туда же, он также старается низвергнуть тех, которые спешат туда и таким образом уготовляет себе самому жесточайшую печь. Так бывает и всегда: кому завидуют, тот, если будет бдителен, еще более прославится, а завидующий навлекает на себя самого больше зол. Так прославился Иосиф; так Аарон священник: козни завидующих произвели то, что Сам Бог раз и два изрек о нем определение свое и прозяб* жезл его; так Иаков достиг великого благоденствия и всего прочего. Так завистники сами себя подвергали бесчисленным

* Прозябать — здесь: расти, прорастать. (Примеч. ред.)

бедствиям! Зная все это, будем избегать зависти. И чему, скажи мне, ты завидуешь? Тому ли, что брат твой получил духовное дарование? Но от кого он получил, скажи мне, не от Бога ли? Значит, ты враждуешь против Того, Кто даровал ему... Будем же избегать этой страсти, не станем завидовать, но будем молиться о самих завидующих и употреблять все меры к тому, чтобы истребить в них эту страсть. Не станем поступать подобно тем неразумным, которые, желая наказать других, употребляют к тому все меры и возжигают пламень в самих себе. Напротив, будем проливать слезы и оплакивать их. Они вредят сами себе, нося в себе червя, который непрестанно пожирает их сердце, и открывая источник яда, горчайший всякой желчи (1).

* * *

Если видя, что другой благоденствует, не позавидуешь ему, но за это, как бы за собственное благо, возблагодаришь Бога, сделавшего брата твоего столь славным, то за эту радость ты получишь великую награду. Что может быть, скажи мне, горест-

нее состояния завистливых людей, которые, имея возможность радоваться и получать возмездие за свою радость, вместо этого предаются скорби о благополучии других и с такой скорбью еще навлекают на себя наказание от Бога и невыносимые мучения (2)?

* * *

Плакать с плачущими не трудно, а радоваться с радующимися не очень легко: мы легче сострадаем находящимся в несчастьях, нежели сорадуемся благоденствующим. Там само свойство несчастья достаточно для того, чтобы подвинуть к состраданию и камень, а здесь, при благосостоянии, зависть и недоброжелательство не позволяют не очень любознательному быть участником в удовольствии. Подлинно, как любовь соединяет и связывает разделенное, так зависть разделяет соединенное. Поэтому, прошу, будем стараться сорадоваться благоденствующим, чтобы очистить свою душу от зависти и недоброжелательства, — ничто так не отгоняет эту тяжкую и трудно излечимую болезнь, как сорадование живущим добродетельно. Послушай, как Па-

вел высок в том и другом отношении: *кто изнемогает, говорит он, с кем бы я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся* (2 Кор. 11, 29)? Не сказал: и я не печалюсь, но и я не изнемогал, желая словом изнемогать представить нам напряженность своей скорби. И еще в другом Послании: *вы стали царствовать без нас*, говорит. *О, если бы вы и в самом деле царствовали, чтобы и нам с вами царствовать* (1 Кор. 4, 8). И еще: *теперь мы живы, когда вы стоите в Господе* (1 Фес. 3, 8). Смотри, как возжеленно было для него благоденствие братий: он даже не считал себя живущим, если они не спасаются (5).

ЗАКОН

Все, прибегающие [к Спасителю], пользуются даром и спасаются благодатью, а те, которые хотят оправдаться законом, лишаются и благодати. Стараясь спастись собственными силами, они не могут и воспользоваться царским человеколюбием, и привлекают на себя проклятие закона, *ибо делами закона не оправдается никакая плоть* (Гал. 2, 16)... ибо усиливающийся спастись делами закона не име-

ет никакого общения с благодатью. То же самое разумел Павел, когда говорил: *если по благодати, то не по делам; иначе благодать не была бы уже благодатью. А если по делам, то это уже не благодать; иначе дело не есть уже дело* (Рим. 11, 6). И опять: *если законом оправдание, то Христос напрасно умер* (Гал. 2, 21). И еще: *вы, оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати* (Гал. 5, 4). Ты умер для закона, сделался мертвым, и уже не находишься под игом и неволей его... Мы говорим это не с тем, чтобы обвинять закон, нет, но чтобы показать преизобильное богатство благодати Христовой. Закон не противоречит Христу, да и как это может быть, когда он дан Им и к Нему руководит нас? Но говорить обо всем этом мы вынуждаемся неуместной ревностью тех, которые пользуются законом не так, как должно. Они-то и оскорбляют закон, когда то повелевают отстать от него и приступить ко Христу, то снова держатся его. Согласен и я и никогда не буду отрицать, что закон принесет очень много пользы нашему роду, но ты, держась его не вовремя, не даешь обнаружиться его

великой пользе. Как для воспитателя самой великой похвалой бывает то, что воспитанный им юноша уже не имеет нужды в его надзоре для сохранения целомудрия, потому что уже довольно укрепился в этой добродетели, так и для закона величайшей похвалой является то, что мы уже не имеем нужды в его помощи. Ибо этим-то самым мы и обязаны закону, что душа наша сделалась довольно способной к принятию высшего любомудрия. Значит, кто доселе остается при законе и ничего не может видеть больше того, что там написано, тот не получил от него большой пользы, а я, который оставил его и возвысился до высочайших догматов Христовых, могу восхвалять его особенно за то, что он сделал меня способным возвыситься над мелочностью написанного в нем и взойти на высоту учения, преподанного нам Христом. Закон много принес пользы нашей природе, если только приблизил нас ко Христу, а если нет, то повредил еще тем, что, привязав нас к меньшему, лишил большего и доселе держит в бесчисленных греховных ранах (2).

ЗАПОВЕДИ

Скажем о важности заповедей, о том, какой высокий полет Он указал нам, как, выводя почти из пределов природы человеческой, повелел всем переселиться на небо. В самом деле, тогда как закон повелевает *глаз за глаз* (Исх. 21, 24), Он говорит: *кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую* (Мф. 5, 39). Не сказал: только перенеси обиду благодушно и с кротостью, но поди еще дальше в любомудрии, будь готов терпеть больше, нежели сколько хочется обидчику. Великостью своего терпения победи дерзкую наглость его, пусть он удивится необычайной кротости твоей и с тем отойдет прочь. И далее говорит: *молитесь за обижающих вас и гонящих вас, молитесь за врагов ваших, благотворите ненавидящим вас* (см.: Мф. 5, 44). Предложил совет и о девстве, говоря: *кто может вместить, да вместит* (Мф. 19, 12)... Итак, поскольку Он, придя, предписывал такие заповеди и требовал высокой жизни, то и награды давал соразмерные трудам и даже большие и высшие. Но и эти награды были невидимы,

только в надеждах, в вере и ожидании будущего. Итак, поскольку заповеди трудны и возвышенны, воздаяния и награды — в вере, смотри, что Он делает, как облегчает подвиг, как помогает в борьбе... Во-первых, тем, что Сам исполнил заповеди, а во-вторых, тем, что показал и положил перед глазами награды. Ибо одну часть Его учения составляли заповеди, а другую — награды. Заповедь: *молитесь за обижающих вас и гонящих вас* (Мф. 5, 44), а награда: *да будете сынами Отца вашего Небесного* (Мф. 5, 45). Опять: *блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах* (Мф. 5, 11-12). Видишь, одно — заповедь, а другое — награда. Опять: *если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах* (Мф. 19, 21). Видишь иную заповедь и награду? Одно повелел им делать, а другое сам приготовил, и это было наградой и возмездием. И опять: *всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер — это*

заповедь; получит во сто крат и наследует жизнь вечную (Мф. 19, 29), — это награда и венец.

Итак, поскольку заповеди были важны, а награды за них невидимы, вот что Он сделал: Сам выполнил их на деле и венцы полагает нам перед глазами. Кому велят идти по непроложенной дороге, тот скорее и охотнее пойдет по ней, если увидит, что кто-нибудь пошел впереди его. Так и в отношении к заповедям: легко следуют им те, которые видят идущих впереди них. Итак, чтобы природе нашей легче было следовать, Он, приняв нашу плоть и природу, таким образом, пошел в ней и выполнил заповеди на деле. Ибо заповедь *кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую* Он сам исполнил, когда слугитель архиерейский ударил Его по щеке. Он не отомстил ему, но перенес с такой кротостью, что сказал: *если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня* (Ин. 18, 23)?.. Когда Он хотел научит нестяжательности, смотри, как Сам показывает ее на деле, говоря: *лисицы имеют норы и птицы небесные —*

гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову (Мф. 8, 20). Видишь, какая крайняя нестяжательность? Не было у Него ни стола, ни светильника, ни дома, ни стула, ни другого чего такого.

Учил Он благодушно переносить злословие, и показал это на деле. Так, когда называли Его бесноватым и самарянином, Он, хоть и мог погубить и отомстить им за обиду, не сделал, однако же, этого, Он еще оказал им добро и изгнал из них демонов. Сказав: *молитесь за обижающих вас*, Сам исполнил это, когда взошел на крест. Ибо когда Его распяли и пригвоздили, Он, висая на кресте, сказал: *прости им, ибо не знают, что делают* (Лк. 23, 34). Говорил же это не потому, чтобы Сам не мог отпустить, но чтобы научить нас молиться за врагов... Он хотел учить, а учащий вводит свое учение не только словами, но и делами своими... Так, Он умыл ноги ученикам не потому, чтобы был меньше их, нет, Он, будучи Бог и Господь, только снизошел до такого смирения. Поэтому и говорил: *научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем* (Мф. 11, 29) (1).

* * *

Есть люди, которые... обвиняют Бога и говорят: для чего Он дал людям заповедь, когда знал, что они согрешат? И это — слова диавола и измышления ума нечестивого. Бог, дав заповедь, показал большее попечение [о людях], нежели когда бы Он не дал ее. Это видно из следующего. Положим, что Адам, воля которого была так беспечна, как показали последствия, не получил бы никакой заповеди и продолжал наслаждаться блаженством: к худшему или к лучшему повела бы его беспечность и изнеженность от этих наслаждений? Для всякого очевидно, что он, ничем не озабоченный, дошел бы до крайней степени зла. Если он, еще неуверенный в бессмертии, только с сомнительной надеждой на него, дошел до такой гордости и безумия, что надеялся сделаться богом, хотя и видел, что обещавший ему это ни в каком отношении не заслуживает доверия, то до какого безумия не дошел бы он, если бы несомненно обладал бессмертием? Какого бы не сделал греха? Стал ли бы когда-нибудь повиноваться Богу?.. Если

бы к человеку, не получившему заповеди, диавол приступил с советом отступить от Бога, то легко склонил бы его в этом, потому что кто по получении заповеди презрел Давшего ее, тот, если вовсе ничего не слышал от Него, скоро позабыл бы даже то, что он находится под властью Господа. Поэтому Бог своей заповедью заранее научил его, что он имеет Господа, Которому во всем должен повиноваться. Но, скажут, какая польза произошла от этого? Если бы даже никакой пользы не было, и это следовало бы ставить в вину не Богу, преподавшему наставление, а человеку, который не внял этому прекрасному внушению. Между тем дарование заповеди не осталось бесполезным и после ее нарушения: и то, что первые люди скрылись, и исповедали грех, и старались сложить вину преступления муж на жену, а жена на змия, — все это показывает, что они убоялись, вострепетали и признали над собой власть Божию. А как полезно было от сатанинской надежды быть богами перейти к такому страху, это понятно для всякого. Тот, кто мечтал о равенстве с Богом, так смирил и

уничтожил себя, что боится наказания и мучения и признается в грехе своем! Не бессознательно грешить, а скоро замечать и сознавать грех свой есть дело весьма важное, — начало и путь, ведущий к исправлению и перемене к лучшему (2).

* * *

Поскольку заповеди были важны, а награды за исполнение их невидимы, — вот что Он делает: Сам выполняет их на деле и венцы полагает нам перед глазами. Кому велят идти по непробитой дороге, тот скорее и охотнее пойдет по ней, если увидит, что кто-нибудь пошел впереди его. Так и в отношении заповедей, легко следуют те, которые видят идущих впереди их. Итак, чтобы природе нашей легче было следовать, Он, приняв нашу плоть и природу, пошел в ней и выполнил заповеди на деле (6).

ЗЛО

Нет, истинно нет ни одного зла, которое останавливалось бы на одном претерпевающем, а не обращалось и на причиняющего

зло. Так, например, завистливый строит козни другому, но наперед сам вкушает плоды злобы, терзаясь, изнуряясь и подвергаясь всеобщей ненависти. Любостязательный лишает имущества других, но вместе с тем лишает и себя самого любви, или лучше, заслуживает всеобщее порицание. Хорошая слава гораздо лучше богатства, ее лишиться нелегко, а потерять богатство легко, или лучше сказать, когда его нет, то неимущий не терпит никакого вреда, а когда ее [любви] нет, то человек подвергается осуждению и осмеянию, делается врагом и ненавистным для всех. Также гневливый наперед наказывает себя, терзаясь в себе самом, а потом уже того [терзая], на кого гневается. Подобным образом и злоречивый наперед посрамляет себя самого, а потом уже того, о ком говорит худо, или даже не может сделать с ним и этого, но сам заслуживает название человека дурного и ненавистного, а того делает еще более любимым. Ибо если тот, о ком он говорит худо, не воздаст ему тем же, но хвалит и превозносит его, то воздаст похвалу не ему, а себе самому (1).

* * *

В нас лежит естественный закон знания добра и зла. Что Бог при самом сотворении человека создал его знающим то и другое, это показывают люди. Так, все мы, когда грешим, стыдимся и подчиненных. Часто господин, идучи к развратной женщине и увидев кого-нибудь из скромных слуг, застыдившись, сходит с этой негодной дороги. Опять, когда другие бранят нас худыми словами, мы называем это обидой и сделавших ее влечем в суд, хотя и сами терпим от этого неприятности. Так знаем мы, что такое порок и что — добродетель... *Что ненавистно тебе самому, того не делай никому* (Тов. 4, 15). Не любишь терпеть обиды? Не обижай другого. Не любишь, чтобы тебе завидовали? И сам не завидуй другому. Не любишь, чтобы тебя обманывали? И сам не обманывай другого (1).

* * *

Никто не соблазняется тем, что такой-то любомудрствует и презирает настоящее, но тем, что такой-то богатеет, роскоше-

ствует, предан корыстолюбию и хищничеству, что он при своей злобе и бесчисленных пороках блистает и благоденствует. На это ропщут и жалуются неверующие в Бога, этим многие соблазняются, тогда как по поводу живущих скромно не только не скажут ни одного такого слова, но и стали бы осуждать самих себя, если бы склонялись роптать на промысел Божий. Если бы все или хотя бы большая часть людей захотели так жить, то никто и не подумал бы о подобных речах и не возникло бы главного из этих зол — исследования о том, откуда зло. Если бы зло не существовало и не обнаруживалось, то кто стал бы отыскивать причину зла и этим изысканием производить бесчисленные ереси? Так и Маркион, и Манес, и Валентин, и большая часть язычников отсюда получили начало. Но если бы все любомудствовали, то не было бы такого изыскания, напротив, если не из чего другого, то из этого наилучшего образа жизни все узнали бы, что мы живем под властью Царя — Бога — и что Он распоряжается и управляет нашими делами по Своей премудрости и разуму, это, ко-

нечно, совершается и теперь, но нелегко усматривается вследствие великой мглы, которая распространилась по всей вселенной, а если бы этого не было, то промысел Божий открылся бы перед всеми, как в светлый полдень и в ясную погоду (2).

ЗЛОПАМЯТСТВО

Бог ничего, ничего так не ненавидит и не отвращается, как человека злопамятного и постоянно питающего в душе своей вражду к ближним. Так гублен этот грех, что отвращает от нас и Божие человеколюбие!.. Господь сказал: *если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный* (Мф. 6, 14)... Не будем никогда злопамятствовать и питать вражду к тем, кто сделал нам неприятность или другую какую-нибудь обиду, но, представляя себе, какое благодеяние и дерзновение перед Господом они доставляют нам, а больше всего то, что примирение с оскорбившими нас заглаживает наши грехи, поспешим и не замедлим [примириться с врагами] и, размышляя о происходящей от этого пользе, покажем

такое благорасположение к врагам, как если бы они были истинными нашими благодетелями... Итак, держа это в своих мыслях, будем побеждать привычку [помнить зло] и с благоговейным расположением исполнять заповеди Иисуса Христа (1).

* * *

Не погрешит, кто назовет этот грех [злопамятство] тягчайшим всякого греха: другие грехи все были прощены, а этот не только не мог быть прощен, но возобновил опять и другие грехи, которые были уже изглажены совсем (см.: Мф. 18, 23-35). Таким образом, злопамятство есть двойное зло, потому что никакого не имеет извинения перед Богом, да и другие грехи наши, хоть они и прощены будут, опять возобновляет и ставит против нас. Ничего так не ненавидит и не отвращается Бог, как человека злопамятного и закосневшего в гневе (6).

* * *

Взирай на учителя твоего, блаженного Павла, который... взывает посредством посланий,

когда видит одержимых гневом и злопамятством и терзаемых какой-нибудь страстью: *если враг твой голоден, накорми его* (Рим. 12, 20). И как учитель говорит юноше: если сделаешь то и то, тогда одолеешь противника, — так и он прибавляет: *делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья*. Но между тем, как я читаю эту заповедь, представляется вопрос, который, по-видимому, рождается из нее и многим подает повод говорить против Павла, который я и хочу предложить вам сегодня... Павел, говорят, отклоняя от гнева и убеждая быть кроткими и добрыми к ближним, еще более раздражает их и располагает к гневу. В самом деле, в словах: *если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его*, содержится заповедь прекрасная, исполненная любомудрия и полезная как для делающего, так и для получающего это, но следующие затем слова приводят в великое недоумение и, по-видимому, не согласны с мыслью, выраженной в первых. В чем же это? В том, что он говорит: *делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья*. Этими словами, говорят, он причиняет вред и делающему, и получаю-

щему благодеяние, обжигая голову последнего и налагая на нее горящих угольев. В самом деле, может ли быть столько добра от питания и напоения, сколько зла от наложения кучи угольев? Таким образом и получающему благодеяние, говорят, он делает зло, подвергая его бóльшему наказанию, а с другой стороны, и оказывающему благодеяние причиняет вред, потому что и последний какую может получить пользу от благодеяния врагам, если будет делать это в надежде навлечь на них наказание? Кто питает и поит врага для того, чтобы собрать горящие уголья на голову его, тот не может быть человеколюбивым и добрым, но бесчеловечен и жесток, — посредством малого благодеяния причиняя невыразимое мучение. Что, в самом деле, может быть жесточе питающего для того, чтобы собрать горящие уголья на голову питаемого? Таково возражение. Теперь надо предложить и разрешение...

Хорошо знал этот великий и доблестный муж, что тяжелое и трудное дело — скоро примириться с врагом, тяжелое и трудное не по своему свойству, но по нашему нерадению. Притом он

заповедал не только примириться, но и напитать, что гораздо тяжелее первого: если некоторые, только видя своих оскорбителей, ожесточаются, то как они решились бы напитать их алчущих? Но что я говорю: видя? Если кто-то напомним о них и произнесет одно только имя их, то растравляет рану в душе нашей и усиливает раздражение. Поэтому-то Павел, зная все это и желая неудобоисполнимое и трудное сделать удобным и легким, расположить того, кто не хочет даже видеть своего врага, сделать его благодетелем, прибавил *горящие уголья*, чтобы он, побуждаясь надеждой наказания, решился на благодеяние оскорбившему его. Как рыбак, закрыв уду со всех сторон приманкой, бросает ее рыбам, чтобы они, прибегая к обычной пище, удобнее были пойманы и удержаны, так точно и Павел, желая расположить обиженного делать благодеяние обидевшему, предлагает не пустую уду лобомудрия, но, закрыв ее горячими угольями, как бы некоторой приманкой, надеждой наказания склоняет оскорбленного к благодеянию оскорбителю. А когда тот уже склонился, то удерживает его и не допускает удалиться.

Так как само свойство дела связывает его к врагу и как бы так говорит ему: если ты не желаешь по благочестию напитать обидчика, то напитай по крайней мере в надежде наказания. Он знает, что если тот приступит к такому благодеянию, то будет начат и продолжится путь к примирению. Никто, ведь никто не может иметь врагом того, которого он питает и поит, хотя бы вначале он и делал это в надежде наказания. Время в своем течении ослабляет и силу гнева. И как если бы рыбак пустую уду бросил, не поймал бы рыбы, но, закрыв ее, незаметным образом внедряет уду в уста приближающегося животного, так и Павел, если бы не предложил надежду наказания, не убедил бы обиженных приступить к благодеянию обидевшим. Поэтому, желая тех самых, которые уклоняются, негодуют и раздражаются при одном взгляде на врагов склонить к величайшим благодеяниям для них, он предложил *горящие уголья* — не для того, чтобы подвергнуть тех неизбежному наказанию, но чтобы, убедив обиженных надеждой наказания, оказывать благодеяния врагам, убедить их с течением времени оставить и весь свой гнев.

Так он утишил оскорбленного. Посмотри же, как он примиряет и оскорбившего с обиженным. Во-первых, самым способом благодеяния, потому что никто не может быть так низок и бесчувствен, чтобы, получая питье и пищу, не захотел быть рабом и другом того, кто делает это для него, а во-вторых, — страхом наказания. С виду только к питающему обращает он слова: *делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья*, — но преимущественно они направлены против оскорбителя, чтобы по страху наказания он не остался навсегда врагом, но зная, что пища и питье весьма много могут повредить ему, если он останется постоянно при своей вражде, прекратил бы гнев. Таким образом, он в состоянии будет погасить горящие уголья. Так наказание и предстоящее мучение располагают оскорбленного благотворить оскорбившему и оскорбителя устрашают, исправляют и заставляют примириться с тем, кто питает и поит его. Следовательно, двойными узами он соединяет обоих их между собой, — узами благодеяния и наказания. Трудно начать и сделать приступ к примирению, а когда он сделан каким бы то

ни было образом, тогда все последующее будет легко и удобно. Хотя бы оскорбленный сначала питал своего врага в надежде наказания ему, но через само питание сделавшись его другом, он может отвергнуть желание наказания, потому что, сделавшись другом, он уже не станет питать примирившегося с ним в таком ожидании. Также и обидчик, видя, что обиженный вознамерился питать и поить его, поэтому самому и по страху предстоящего ему наказания оставит всякую вражду, хотя бы он был тысячекратно жесток, как железо и адамант, стыдясь благорасположенности питающего и опасаясь предстоящего ему наказания, если и по принятии пищи он останется врагом.

Поэтому-то апостол и не оставался здесь в своем увещании, но когда уничтожил гнев того и другого, тогда исправляет и расположение их и говорит: *не будь побежден злом* (Рим. 12, 21). Если, говорит, ты остаешься злопамятным и мстительным, то по виду ты побеждаешь его, а между тем сам побеждаешься злом, т.е. гневом, так что если хочешь победить, то примиришься и не мсти. Блистательная победа та, когда ты побеждаешь

зло добром, т.е. незлопамятством, оставив гнев и злопамятство (6).

ЗЛОСЛОВИЕ

Научим свой язык носить узду и не произносить просто все, что есть в душе, не порицать братьев, не угрызать и не пожирать друг друга. Гораздо хуже кусающих тело те, которые делают это словами. Первые кусают зубами тело, а последний угрызает словами душу, наносит рану неисцельную... Язык есть меч изощренный, но им мы не должны ранить других, а должны вырезывать собственные гнилые язвы... Когда нужно было ему [апостолу Павлу] порицать самого себя, он порицал беспощадно, когда видел, что кто-нибудь осуждал чужие пороки, то смотри, с какой строгостью заграждал ему уста: *не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения* (1 Кор. 4, 5). Предоставь суд Тому, Кто знает тайны сердечные. Хотя бы ты, по твоему мнению, точно знал дела ближнего, суд твой ошибочен: *кто из человеков знает*, говорит апостол,

что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем (1 Кор. 2, 11)? Сколь многие из презируемых и неважных просияют светлее солнца? Сколь многие из великих и славных окажутся прахом и гробом повапленным*?.. Порицающий других оскорбляет Господа, а порицающий самого себя умилоствует Его и располагает к себе: это порицание делает праведника еще праведнее, а грешника избавляет от осуждения, делает достойным прощения. Зная это, будем заботиться не о чужих, а о своих пороках; будем испытывать свою совесть, вспоминать всю свою жизнь, исследовать каждый из наших грехов и не будем не только порицать других, но и слушать порицающих. Ибо и за это положено осуждение и величайшее наказание. *Не внимай*, говорит Писание, *пустому слуху* (Исх. 23, 1). Не сказано: слуху пустому не верь, но и *не внимай* ему, загради свои уши, прегради вход порицанию, покажи, что и ты не меньше чувствуешь неприязни и отвращения к порицателю, как и тот, кого он порицает.

Подражай пророку, который говорит: *тайно клеветующего на ближнего своего, сего я изгонял* (Пс. 100, 5). Не сказал: я не верил, или не принимал слов его, но и прогонял его как врага и противника.

Но есть люди, которые, утешая себя суетным утешением, говорят: «Господи! Не поставь мне этого в грех, потому что я должен отвечать на слышанное». К чему это оправдание? К чему такое извинение? Молчи, и ты будешь избавлен от обвинений, не говори ничего, и ты будешь свободен от опасения... Не за слышание только ты будешь отвечать, но и порицание вменится тебе, ибо если ты, услышав, не молчишь, то будешь отвечать не за слышание только, но и за порицание. *От слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься* (Мф. 12, 37). Я говорю и объявляю это, боясь не за тех, которых порицают, а за тех, которые порицают. Ибо тот, кого порицают, не терпит никакого оскорбления или вреда, напротив, если ложно то, что говорят о нем, он получит еще награду, а если справедливо, и тогда он не терпит никакого вреда от твоего порицания. Там Судия приговорит его не по тво-

* Повапленный — раскрашенный снаружи. (Примеч. ред.)

ему пустословию. И, если можно сказать нечто удивительное, великодушно переносящий порицание получит даже величайшую пользу, подобно как и мытарь, а порицающий, хотя бы и справедливо порицал ближнего, весьма много вредит себе. Не нужно и доказывать того, что он погиб, если клеветает, но совершенно очевидно и то, что, хотя бы он говорил и правду, он сам себе prepares строжайший суд, разглашая несчастья ближнего, делаясь причиной соблазнов, открывая всем то, что надлежало бы скрывать, и проповедуя о грехах ближнего. Ибо если соблазнивший одного понесет неизбежное наказание, то соблазняющий многих худой молвой какому не подвергнется наказанию? И фарисей не лгал, а говорил правду, называя мытаря мытарем, однако был осужден. Итак, зная это, возлюбленные, будем избегать порицания. Нет греха тяжелее, а вместе и легче этого греха, потому что он совершается быстрее всякого беззакония и скоро увлекает человека невнимательного. Другие грехи требуют и времени, и издержек, и ожидания, и помощников, и часто от продолжительности времени не исполня-

ются. Например, решился ли кто убить, решился ли похитить или отнять, ему предстоит много хлопот, и от медленности часто он теряет свой гнев, отказывается от порочного стремления, оставляет гибельную мысль, не прибавляет к своему желанию самого дела. А при порицании не так, но если мы не очень бдительны, то легко увлекаемся. Не нужно нам ни времени, ни ожидания, ни издержек и никаких хлопот, чтобы сказать худое; довольно только решиться, и желание тотчас переходит в дело, потому что здесь требуется к услугам только язык... Будем с великим тщанием избегать этой болезни, будем прикрывать чужие пороки, а не разглашать, будем увещивать согрешающих, как и Господь говорит: *если же согрешишь против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобой и им одним* (Мф. 18, 15). Негласность обличений делает более легким врачевание. Не будем терзать, не будем разъедать чужих ран, не будем подражать мухам, но будем соревновать пчелам. Мухи садятся на раны и разъедают их, а пчелы летают по цветам... Будем же заставлять свою душу летать по лугу добродетелей святых и непрестанно

распространять благоухание их подвигов, а ран ближнего не будем разъедать. И если увидим людей, делающих это, будем заграждать им уста, удерживая их страхом наказания и напоминая им о сродстве их с братьями (1).

* * *

И малые грехи суть нечистота и скверна, как, например, злословие, поношение, ложь, — или лучше сказать, и эти грехи не малы, но весьма велики, — так велики, что они лишают Царствия Небесного. Как и каким образом? *Кто же скажет брату своему*, говорит Господь, *безумный, подлежит геенне огненной* (Мф. 5, 22). Если же так виновен называющий брата своего безумным, — что кажется незначительнее всего и свойственно детской беседе, — то называющий его злонравным, злодеем, завистником и осыпающий другими бесчисленными злословиями, какому не предан будет суду и наказанию? Что может быть ужаснее этого? Но внимайте, прошу вас, словам моим. Если сделавший это *одному из сих братьев меньших*, сделал

самому Господу, и не сделавший *одному из сих меньших*, не сделал Ему самому (см.: Мф. 25, 40, 45), то не то же ли самое бывает и со злословием и поношением? Злословящий брата своего злословит Бога, и воздающий честь брату воздает честь Богу.

Будем же приучать язык свой говорить доброе: *удержи*, говорит псалмопевец, *язык твой от зла и уста твои от лукавых слов* (Пс. 33, 14). Бог не для того нам дал его, чтобы мы злословили, чтобы поносили, чтобы клеветали друг на друга, но чтобы прославляли Бога, чтобы говорили то, что дает благодать слушающим, что служит к назиданию, к пользе. Ты сказал о ком-либо что-нибудь худое, какую же ты получаешь пользу, причиняя вред вместе с ним и себе самому? Ибо ты заслуживаешь название поносителя. Нет, истинно нет ни одного зла, которое останавливалось бы на одном претерпевавшем, а не обращалось и на причиняющего зло... Злоречивый наперед посрамляет себя самого, а потом уже того, о ком говорит худо, или даже не может сделать с ним и этого, но сам заслуживает название человека дурного и нена-

вистного, а того делает еще более любимым. Ибо если тот, о ком он говорит худо, не воздает ему тем же, но хвалит и превозносит его, то воздает похвалу не ему, а себе самому. Как поношение ближних обращается наперед, как я прежде сказал, на самих поносителей, так и добро, сделанное ближним, доставляет наперед радость самим делающим (1).

* * *

Не говори: неважно, если я произнесу дурное слово, если оскорблю того или другого. Поэтому-то это и великое зло, что ты считаешь его ничтожным. Ибо зло, которое почитают ничтожным, легко оставляют в пренебрежении. А оставленное в пренебрежении, оно усилится, усилившись же, становится неизлечимым... Когда ты называешь Бога Отцом, то имей в мыслях не только то, что, оскорбляя брата, ты поступаешь не достойно этого благородства, но и то, что ты имеешь это благородство по благодати Божией. Не посрамляй же своего благородства, которое сам ты получил по милость, жестоким обращением со

своими братьями. Называешь Бога своим Отцом и оскорбляешь своего ближнего? Это не свойственно сыну Божию!..

Помысли, какие слова произносили уста твои, какой они удостоиваются Трапезы: помысли, к чему они прикасаются, что вкушают, какую принимают пищу. Ты думаешь, что, злословя своего брата, ты не делаешь важного преступления? Как же в таком случае ты называешь его братом? А если он тебе — не брат, то как же ты говоришь: Отче наш (1)?

ЗРЕЛИЩА

Наслаждающемуся слушанием Священного Писания не должно приобщаться трапезы бесовской... Ты стоял здесь [в храме], слушая и внимая учению Духа, и после этого идешь слушать блудных женщин, произносящих речи постыдные, а еще постыднейшие дела представляющих на зрелище... Как же ты можешь вполне очиститься, оскверняемый такой грязью? Но для чего изображать по частям весь срам, какой там бывает. Все там — смех, все — стыд, там ругательство, насмешки,

выходки, все — разврат, все — пагуба... Никто из наслаждающихся здешней трапезой да не растлевают души своей теми пагубными зрелищами. Все, что там ни говорится и ни делается, есть сатанинская гордыня... К нам пришел посланник с небя, посланный от самого Бога для того, чтобы сказать нам о

некоторых необходимых предметах. А вы, оставив слушать то, что он хочет нам передать и для чего уполномочен к нам, сидите, слушая лицедеев. Каких достойно это молний, каких громов! Но как не должно приобщаться трапезе бесовской, так не должно принимать участия в слушании бесовском (1).

ИМЯ БОЖИЕ

Ешь ли, пьешь ли, женишься ли, отправляешься ли в путь, — все делай во имя Божие, т.е. призывая Бога на помощь. Берись за дело, прежде всего помолившись Богу. Хочешь ли что произнести? Предпоставь это... ибо где имя Господа, там все благополучно... Да не будет ничего мирского, ничего житейского; все совершай во имя Господне, и все у тебя будет благоуспешно. Что ни запечатлеешь именем Божиим, все выйдет счастливо. Если оно изгоняет демонов, устраняет болезни, то тем более облегчает совершение дел... кто делает это, тот помощником имеет Бога, без которого не дерзал ничего делать: так как чествуемый призыванием Бог воздает честь дарованием благополучного хода делам. Призывай Сына, благодари Отца; ибо, призывая Сына, ты призываешь и Отца и, благодаря Отца, благодаришь и Сына. Будем учиться исполнять это не одними слова-

ми, но и делами. Этому имени нет ничего равного, оно всегда дивно. *Имя твое*, — говорит, — *как разлитое миро* (Песн. 1, 2). И кто произносит его, тот вдруг исполняется благоухания. *Никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым* (1 Кор. 12, 3). Столь многое совершается этим именем! Если слова: во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, ты произнес с верой, то ты все совершил... Если бы ты пел это с верой, то прогонял бы и болезни, и демонов. А если бы и не прогнал болезни, то не оттого, что оно слабо, а оттого, что болезнь полезна. Этим именем превращена вселенная, разрушено тиранство, попран диавол, отверзлись небеса. Но что я говорю — небеса? Этим именем возрождены мы и, если не оставляем его, то просияем. Оно рождает и мучеников и исповедников. Его должны мы держать, как великий дар, чтобы жить в славе, благоугождать Богу и сподобиться благ, обещанных любящим Его (1).

* * *

Мы презрели Бога, возненавидели благое Имя, попрали Христа, оставили стыд, — никто не вспоминает с уважением имени Божия. Ведь если ты кого любишь, ты встаешь при его имени, а Бога часто призываешь так, как бы он был ничто. Призывай Его, когда благотворишь врагу, призывай Его для спасения твоей души. Тогда Он приблизится к тебе, тогда ты вознесешь Его, а теперь ты прогневлишь его. Призывай Его, как призывал Стефан. Что говорил он? *Господи! не вмени им греха сего* (Деян. 7, 60). Призывай Его, как призывала жена Елканова, со слезами, с плачем, с молитвою. Этого я не запрещаю, напротив, к этому особенно побуждаю. Призывай Его, как призывал Моисей, когда взывал, молясь за тех, которые гнали его. Ведь если бы ты безрассудно стал упоминать о каком-нибудь почтенном человеке, это было бы для него поношением, а упоминая в своих речах о Боге не только безрассудно, но и неуместно, считаешь это за ничто? Какого же не достоин ты наказания! Я не запрещаю иметь Бога непрестанно в мыслях, — на-

против, об этом и прошу, и этого желаю, но не против воли Его, а для того, чтобы хвалить и почитать Его. Это доставило бы нам великие блага, если бы мы призывали Его только тогда, когда нужно, и в тех обстоятельствах, в которых нужно. Почему, скажи мне, при апостолах было столько чудес, а в наше время их нет, хотя Бог тот же и имя Его то же?

Это потому, что оно не одинаково употребляется нами... Они призывали его только в тех случаях, о которых я сказал, а мы призываем не в этих, но в других (1).

ИСКУССТВО

Господь дал искусства для поддержания жизни, а не для того, чтобы мы уклонялись от духовных занятий; для того, чтобы изучали искусства не пустые, но необходимые, для того, чтобы друг другу служили, а не козни строили друг против друга (1).

ИСКУШЕНИЕ

Хорошо говорил этот блаженный [апостол Павел] в Послании: *любящим Бога... все содействует ко благу* (Рим. 8, 28). Это изречение будем и мы, увещаю

вас, иметь начертанным в душе нашей и не будем сетовать, когда подвергнемся в этой жизни каким-нибудь прискорбным обстоятельствам, или телесным болезням, или каким-либо другим печальным случаям, но, руководясь великим любомудрием, будем противиться всякому искушению, зная, что если мы будем внимательны, то можем получать пользу от всего и еще больше от искушений, чем от благоприятных обстоятельств. Не будем никогда падать духом, представляя, сколько пользы от терпения, равно не будем питать ненависти и к тем, которые подвергают нас искушениям, потому что хотя они делают это, имея собственную цель, но общий Владыка попускает это, желая, чтобы мы и через это приобретали духовные блага и получили награду за терпение. Итак, если мы будем в состоянии с благодарностью переносить приключающиеся бедствия, то изгладим немалую часть грехов наших (6).

оно сделалось чистейшим, так точно и Бог попускает душам людей искушаться бедствиями до тех пор, пока не сделаются они чистыми и светлыми, пока от этого искушения не приобретут великой пользы. Так и это есть величайший вид благодеяния.

Итак, не будем смущаться и падать духом, когда постигают нас искушения. Если художник золотых вещей знает, сколько времени нужно держать золото в печи и когда вынимать его оттуда, и не допускает оставаться ему в огне до того, чтобы оно испортилось и перегорело, — тем более знает это Бог, и когда Он видит, что мы сделались более чистыми, то избавляет от искушений, чтобы от избытка бедствий мы не преткнулись и не пали. Не будем же роптать и малодушествовать, если случится что-нибудь неожиданное, но предоставим Знающему это с точностью очищать нашу душу, пока Он хочет, потому что Он делает это с пользой и ко благу искушаемых (6).

* * *

ИСПОВЕДЬ

Как художник золотых вещей, бросая в горнило золото, оставляет его плавиться в огне до тех пор, пока не увидит, что

Почему, скажи мне, ты стыдишься и краснеешь сказать грехи? Разве ты сказываешь человеку, который станет упрекать

тебя? Разве исповедуешься перед сорабом, который разгласит твои дела? Господу, промыслителю, человеколюбцу, врачу показываешь ты рану. Разве Он, который знает наши дела еще до совершения их, не будет знать, если ты не скажешь? Разве грех от обличения его делается тяжелее? Напротив, легче. И Бог требует от тебя признания не для того, чтобы наказать, но чтобы простить, не для того, чтобы Ему узнать грех твой: разве Он и без этого не знает? — но для того, чтобы ты узнал, какой долг Он прощает тебе. Хочет Он показать тебе великость своей благодати для того, чтобы ты непрестанно благодарил Его, чтобы был медлительнее на грех, ревностнее к добродетели. Если же ты не скажешь о великости долга, то не узнаешь и превосходства благодати. Я не заставляю тебя, говорит Он, выйти на середину зрелища и окружить себя множеством свидетелей. Мне одному, наедине, скажи грех, чтобы Я уврачевал рану и избавил тебя от болезни (1).

* * *

Объявляй грех свой не только как осуждающий самого себя,

но и как долженствующий оправдаться посредством покаяния. Тогда ты и будешь в состоянии побудить исповедующуюся душу не впадать более в те же грехи. Ибо сильно осуждать себя и называть грешником есть дело общее, так сказать и неверным. Многие и из действующих на сцене, как мужчины, так и женщины, наиболее отличающиеся бесстыдством, называют себя окаянными, хоть не с надлежащей целью. Поэтому я и не называю это исповеданием, потому что они объявляют грехи свои не с душевным сокрушением, не с горьким плачем и не с переменой жизни (2).

* * *

Если мытарь, человек отличавшийся крайним нечестием, приобрел такое благоволение Божие не смиренномудрием, а только раскаянием, объявлением грехов своих и исповеданием того, чем он был, то какую великую помощь получают от Бога те, которые совершили много добрых дел и ничего великого о себе не думают? Поэтому прошу, убеждаю и умоляю вас — непрестанно исповедовать свои грехи перед Богом. Я не выставлю

тебя на вид перед подобными тебе рабами и не принуждаю открывать грехи людям; раскрой совесть свою перед Богом, покажи Ему свои раны и проси у Него врачевства, покажи Тому, Который не укоряет, а врачует. Он видит все, хотя бы ты и умолчал. Скажи же, чтобы тебе получить пользу, скажи, чтобы, сложив с себя здесь все грехи, отойти туда чистым и безгрешным и избавиться от будущего невыносимого их обнаружения (2).

* * *

Мы имеем человеколюбивого, кроткого и попечительного Владыку, Который, зная немощь нашей природы, когда мы, по безопасности преткнувшись, впадем в какой-нибудь грех, требует от нас только того, чтобы мы не отчаивались, но отстали от греха и поспешили к исповеданию. И если мы сделаем это, он обещает нам скорое помилование, ибо Сам Он говорит: *разве упавши не встанут и, сокрутившись с дороги, не возвращаются* (Иер. 8, 4)? Итак, зная это, не будем невнимательными к человеколюбивому Владыке, но преодолеем вредные

привычки и не будем ходить пространными вратами и широким путем (3).

* * *

Быть может, ты стыдишься и краснеешь перед мыслью высказать прегрешения? Но если бы даже надлежало говорить об этом и обнаруживать при людях, то и при таких условиях не должно было бы стыдиться: впадать в грех — стыд, а не признаться в допущенном грехе. Теперь же и нет надобности исповедоваться в присутствии свидетелей. Перед размышлениями совести пусть происходит исследование содеянных грехов, судилище пусть будет без свидетелей. Бог один только да видит тебя — исповедующегося, — Бог, не порицающий грехи, но разрешающий их из-за исповедания. Но даже и при таких условиях ты медлишь и отговариваешься? Знаю и я, что совесть не выносит воспоминания о собственных прегрешениях, так что если только придем к воспоминанию о допущенных нами прегрешениях, то ум прыгает, как какой-то неукротимый молодой и непокорный конь. Но удержи его, обуздай, погладь

рукой, сделай его кротким, убедить, что если теперь он не исповедуется, то будет исповедоваться там, где — большее наказание, где — большее бесчестие. Здесь судилище без свидетелей, и ты — согрешивший — ведешь суд с собой самим, там же все грехи будут приведены в середину зрелища вселенной, если наперед не изгладим их здесь. Ты стыдишься сознаться в прегрешениях? Стыдись делать грехи. Мы же всякий раз, как делаем их, отваживаемся безрассудно и бесстыдно, а когда нужно бывает сознаться, тогда стыдимся и медлим, между тем как должно было бы делать это с готовностью. Порицать за грехи не стыд, но — справедливость и добродетель, если бы не было справедливостью и добродетелью, то Бог не назначил бы за это награды (5).

* * *

Во внешних судилищах за сознанием следует наказание. Поэтому и псалом, предусматривая это самое, чтобы кто-либо, боясь наказания после исповедания, не стал отрицать своих грехов, говорит: *исповедайтесь Господу,*

*ибо Он благ, ибо во век милость Его** (Пс. 105, 1). Ужели Он не знает твоих прегрешений, если ты не сознаешься? Итак, какого ты достигаешь успеха через то, что не исповедуешься? Ужели ты можешь остаться скрытым? Хотя бы ты не сказал, Он знает, если же ты скажешь, Он забывает, потому что вот Я — Бог, *изглаживаю преступление твои... и грехов твоих не помяну* (Ис. 43, 25). Видишь ли? Я не помяну, говорит, так как это свойственно человеколюбию, ты же вспомни, чтобы получить случай к исправлению. Услышав это, Павел сам непрерывно вспоминал о тех грехах, о которых Бог не помнил, — вспоминал, так именно говоря: *...Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый*** (1 Тим. 1, 15). Не сказал: *был*, но: *есмь*. Возымело место прощение грехов от Бога, а воспоминание о прощенных грехах не помрачалось у Павла. Что Господь изгладил, это он сам обнаруживал. Вы слышали

* Исповедайтесь Господеви, яко благ, яко в век милость Его (церковнослав.).

** Христос прииде в мир грешники спасти, от нихже первый есмь аз (церковнослав.)

пророка, говорящего: *не помяну*. Ты же — помни. Бог называет его *сосудом избранным* (Деян. 9, 15), а он называет себя первым из грешников. Если же он не забывал о прощенных прегрешениях, то поразмысли, как он помнил о Божиих благодеяниях. И зачем я говорю о том, что память о грехах не посрамляет? Не столько славными делает нас память о добрых поступках, как воспоминание о грехах; лучше же сказать, воспоминание о добрых поступках не только не делает славными, но даже исполняет стыда и осуждения, память же о грехах преисполняет нас дерзновением и великой праведностью. Кто говорит это? Фарисей и мытарь. Один, объявив добрые поступки, возвратился, став ниже мытаря. Видишь, какой вред — вспоминать о добрых поступках, и какая польза не предать забвению прегрешения? И весьма естественно, потому что кто помнит о добрых поступках, тот увлекается высокомерием, презирает остальных людей, что именно и случилось с фарисеем, который не дошел бы до столь великого тщеславия, не сказал бы: *я не таков, как прочие люди* (Лк. 18, 11), если бы не помнил о своем посте и десятине.

Память же о грехах укрощает ум, убеждает быть смиренномудрым и через смиренномудрие привлекает Божие благоволение (5).

* * *

Тотчас после того, как встали с постели, прежде чем пойдем на рынок или займемся каким-либо частным или общественным делом, призвав слугу, требуем отчет в истраченном, чтобы знать, что истрачено дурно, а что на должное и как много осталось. И если мы узнаем, что оставшегося — немного, то всячески придумываем средства к доходам, чтобы не быть незаметно истребленными голодом. Итак, станем делать это и в отношении к нашим делам. Призвав нашу совесть, дадим ей отчет в словах, делах, в помышлениях, исследуем, что истрачено на должное, а что — к нашему вреду, какое слово истрачено дурно, на поношения, на сквернословие, на оскорбления, какая мысль побудила глаз к распутству, какой помысел ко вреду нашему перешел в дело, осуществленный или с помощью рук, или — языка, или — глаз, и постараемся отстать от неуместной траты, а вместо того,

что однажды истрачено дурно, постарайтесь сберечь другие доходы. Вместо слов, произнесенных безрассудно, будем произносить молитвы, вместо взоров, ставших нецеломудренными, прибегнем к милостыням, постоим. Если мы намерены тратить неразумно, ничего не сберегая, не собирая себе добра, то, впад в крайнюю бедность, незаметно стяжаем себе наказание вечным огнем. Итак, мы имеем обыкновение давать отчет в деньгах около рассвета. А в делах, в том, что совершено нами после того, как настал день, и во всем сказанном потребуем от себя отчетов после ужина и после наступления вечера, лежа на постели, когда никто не беспокоит, когда никто не тревожит. И если увидим, что в чем-либо согрешили, то накажем совесть, сделаем выговор уму, уязвим рассудок так сильно, чтобы более мы уже не дерзнули, встав, привести себя к той же самой бездне греха, помня о вечерней ране.

...Многое по наступлении дня делаем не так, как желаем: и друзья раздражают, и слуги приводят в неистовство, и жена огорчает, и дитя печаливает, и множество житейских и обще-

ственных дел окружает нас, — и не можем тогда понимать даже и того, каким образом обманываем себя. Но, освободившись от всего этого, и вечером оставшись наедине с самими собой, и наслаждаясь большим спокойствием, устроим на ложе судилище, чтобы с помощью такого суда умиловать Бога. Если же ежедневно будем грешить и ранить нашу душу, никогда не вникая в это, то подобно тому, как получающие непрерывные раны, а потом не радеющие о них, приобретают себе лихорадки и навлекают невыносимую смерть, — так, конечно, и мы вследствие этого непрерывного бесчувствия навлекаем на себя неминуемое наказание. Я знаю, что сказанное — тягостно, но оно приносит большую выгоду... Итак, зная, что Бог все движет и делает, чтобы освободить нас от наказания и мучения, будем доставлять Ему многочисленные случаи к этому: исповедуясь, раскаиваясь, плача, молясь, прекращая гнев на ближних, улучшая бедность близких, бодрствуя в молитвах, обнаруживая смиренномудрие, непрестанно помня о грехах.

Не достаточно сказать, что я — грешник, но должно вспомнить о самих грехах, о каждом в отдельности. Подобно тому как огонь, попавший в терновник, легко уничтожает его, так помышление, постоянно направленное на допущенные грехи, легко уничтожает их и потопляет (5).

* * *

Если мы в настоящей жизни успеем омыть грехи исповедью

и получить прощение от Господа, то отойдем туда чистыми от грехов и найдем себе великое дерзновение. Но невозможно найти на том свете какое-либо утешение тому, кто в настоящей жизни не омыл грехов, потому что *в аду*, сказано, *кто исповедает Тебя* (Пс. 6, 6)? И справедливо: здешняя жизнь есть время подвигов, трудов и борьбы, а та — время венцов, наград и воздаяний (8).

КЛЕВЕТА

Не клевети, чтобы тебе не осквернить самого себя. Не пришешивай навоза с грязью и глиной, но сплетай венцы из роз, фиалок и других цветов. Не носи помета во рту, подобно жукам, — ибо так делают клеветники, сами первые испытывая зловоние, — но держись цветов, подобно пчелам, и составляй соты, как они, и будь со всеми дружелюбен. От клеветника все отвращаются как от издающего зловоние и питающегося бедствиями других, как пиявка кровью и жук навозом, а человека, имеющего уста добротечивые, все принимают как общего сочлена, как родного брата, как сына, как отца. Но что я говорю о настоящем и о мнениях людей? Представь тот страшный день, неподкупный суд и то, что, говоря ложь, ты прибавляешь новые грехи к грехам своим (1).

КЛЯТВА

Христос положил закон, чтобы никто не клялся... И в самом деле, как не стыдно, что христиане только еще учатся тому, что не должно клясться! Подчинимся, однако, этой необходимости, чтобы не подвергнуться еще большему стыду. Так станем же сегодня говорить вам из Ветхого Завета. Что же говорит он? — *Не приучай уст твоих к клятве и не обращай в привычку употреблять в клятве имя Святого. Ибо как раб, постоянно подвергающийся наказанию, не избавляется от ран, так и клянущийся* (Сир. 23, 8-10).

Заметь благоразумие этого мудреца. Не сказал он: заклинаю, не обучай мысли своей, но уст своих, — ибо он знал, что здесь все зависит от уст и что это зло легко исправляется. Это наконец обращается в невольную привычку... так точно и уста говорят не от души, но по привыч-

ке, и все зло заключается в языке... Не клятвопреступление осуждается здесь, но клятва, и за нее полагается наказание. Следовательно, клясться — грех. Такова поистине душа клянущегося: много на ней ран, много язв... Мы презрели Бога, возненавидели благое Имя, попрали Христа, оставили стыд — никто не вспоминает с уважением имени Божия. Ведь если ты кого любишь, ты встаешь при его имени, а Бога часто призываете так, как бы Он был ничто. Призывай Его, когда благотворишь врагу, призывай Его для спасения твоей души. Тогда Он приблизится к тебе, тогда ты возвеселишь Его, а теперь ты прогневлишь Его. Призывай Его, как призывал Стефан. Что говорил он? *Господи! не вмени им греха сего...* (Деян. 7, 60)

Если же тебе не верят и ты поэтому клянешься, то скажи: поверь, и даже, если хочешь, клянись самим собой. Я говорю это не потому, чтобы хотел давать законы, противные закону Христову, — отнюдь нет, ибо сказано: *да будет слово ваше: да, да; нет, нет* (Мф. 5, 37); но по снисхождению к вам, чтобы больше побудить вас к этому и отвлечь

от той ужасной привычки. Сколько людей, снискавших себе славу в других делах, погибло от этой привычки! Хотите ли знать, почему древним позволялось клясться? (Нарушать клятву и им было не позволено.) Это потому, что они клялись идолами. Не стыдно ли вам оставаться при тех же законах, какими водились люди немощные?.. Если так велика сила привычки, то перемени эту привычку на другую... Пусть многие следят за нашими словами, пусть исследуют и исправляют их. Нет стыда в том, когда нас другие исправляют, напротив, стыдно удалять от себя тех, кто исправляет нас, и делать это во вред собственному спасению. Ведь если ты наденешь платье наизнанку, ты позволяешь и слуге поправить его и не стыдишься того, что он учит тебя, хотя это и очень стыдно, а здесь ты причиняешь вред душе своей и стыдишься (1).

КОРЫСТОЛЮБИЕ

Кого же наперед изобразить нам? Не корыстолюбца ли и грабителя? Подлинно, что может быть бесстыднее глаз его? Кто

бессовестнее его и подобнее псам? Не так нагло приступает пес, как он, когда похищает имущество других. Что сквернее рук его? Что гнуснее уст его, которые пожирают все и не насыщаются? Не принимай лица и глаз его за человеческие, не так смотрят человеческие глаза. Он не смотрит на людей как на людей, не смотрит на небо как на небо, не устремляет взоров ко Господу, но во всем видит деньги. Человеческие глаза, видя удрученных бедностью, обыкновенно проливают слезы, а глаза грабителя, видя бедных, выражают зверство. Человеческие глаза не смотрят на чужое как на свое, но и на свое смотрят как на чужое, не желают принадлежащего другим, но еще другим раздают свое, а глаза корыстолюбца не успокаиваются до тех пор, пока не похитят у других всего. Человеческие глаза не могут видеть своего тела обнаженным, ибо оно для них свое и тогда, когда принадлежит другим; а глаза корыстолюбца не насыщаются, пока не обнажат кого-либо совершенно и скроют всего у себя дома, или, лучше сказать, не насыщаются никогда. Поэтому руки таких людей можно назвать не только

зверскими, но еще гораздо свирепейшими и опаснейшими, чем у зверей. Медведи и волки, насытившись, отступают от пищи, а те не насыщаются никогда. Между тем Бог дал нам руки для того, чтобы мы помогали другим, а не вредили им. У людей корыстолюбивых и уста суть уста зверские или еще хуже их: они произносят слова, которые своей ядовитостью гораздо скорее, нежели зубы зверей, причиняют смерть. И если бы исчислять все, то ясно видно было бы, как бесчеловечие делает людей зверями. А кто посмотрит на душу таких людей, тот назовет их не только зверями, но даже демонами. Ибо они исполнены крайней жестокости и вражды к ближним: нет в них ни желания Царствия, ни страха геенны, ни стыда перед людьми, ни милосердия, ни сострадания, но бесстыдство, наглость и презрение ко всему будущему. Обещания Божии о будущих мучениях кажутся им басней, угрозы — посмешищем. Такова душа корыстолюбца!.. Притом демон враждует против человека, а не против подобных ему демонов, а корыстолюбец старается всячески причинить зло и ближнему, и родному, не

стыдясь самой природы... По- стараемся же быть людьми. Будем взирать на небо, *облекшись в образ Создавшего нас* (Кол. 3, 10) (1).

КРАСОТА

От чего же рождается эта [плотская] любовь? От красоты лица, скажешь ты, то есть когда красива и благовидна будет та, которая уязвляет тебя. Но если бы красота лица привлекала к любви, то такую-то девицу любили бы все. Если же не все любят ее, то и любовь эта зависит не от естества и не от красоты лица, а от бесстыдных глаз. Ибо когда ты, пристально смотря на нее, чрезмерно удивляешься ей и разжигаешься в сердце своем, то ты уже уязвлен. Да кто может, ты скажешь, при взгляде на красивую женщину не похвалить ее? Ибо не в нашей воле состоит удивляться чему-либо, а потому любовь не от нас зависит. Не спеши, человек. Для чего ты все смешиваешь и, обходя по распутьям, не хочешь узнать настоящего корня этого зла? Я много знаю таких, которые удивляются и хвалят, а между тем не любят. Как же возможно удивляться красоте и не лю-

бить? Не возмущайся, я об этом и хочу теперь говорить; потерпи и послушай, как Моисей удивляется сыну Иаковлеву, говоря: *Иосиф же был красив станом и красив лицом* (Быт. 39, 6). Но неужели говоривший так вместе с тем и любил? Совсем нет... Страсть эта происходит не просто от красоты только телесной и благовидности, а от расслабления и заблуждения души. Много было и таких, которые, пройдя мимо славящихся красотой женщин, предавались безобразным. Отсюда ясно, что любовь зависит не от красоты лица. В противном случае они избрали бы красивых, а не безобразных... Если ты при взгляде на благовидную женщину, почувствуешь страсть к ней, то больше не смотри на нее — и освободишься от страсти. Да я не могу, ты скажешь, не смотреть на нее, будучи влеком страстью. Займись другими полезными предметами, занимающими душу: читай книги, заботься о своих нуждах, ходатайствуй, защищай обижаемых, молись, размышляй о будущем веке, — к этим предметам устремляй душу твою... Кроме этого представляй себе и то, что видимое тобой есть не более, как влага, кровь и гной

согнившей пищи. А светлый цвет лица, скажешь ты? Правда. Но нет ничего светлее цветов земных, а и они увядают и согнивают. Потому и здесь смотри не на цвет, но далее проникай мыслью и, оставив без внимания красоту кожи, размышляй о том, что под кожей кроется. И у страждущих водяной болезнью тело светло и снаружи не имеет ничего безобразного, но, отвращаясь внутри его скрывающейся гнилости, мы не можем обольщаться красотой лица таких людей. А нежный и резвый глаз, красиво расположенная бровь, черные ресницы, кроткая зеница ока, веселый взгляд? Но знай опять, что и это все не что иное, как нервы, жилы, перепонки и артерии. И на этот красивый глаз смотри как на больной, состарившийся, иссохший от печали или пылающий гневом, тогда он представится тебе безобразным. Вся прелесть его пропадет для тебя и тотчас исчезнет. Вместо этого устремляй лучше мысль твою к истинной красоте. Но я не вижу, скажешь ты, красоты душевной? Напрасно. Если захочешь, увидишь... Можно тебе видеть красоту душевную без помощи глаз. Не воображал ли ты себе какого-ни-

будь красивого лица и не ощущал ли от этого в душе движение? Таким же образом воображай себе и красоту души и наслаждайся ее благообразием. Ты скажешь, я не могу видеть бесплотного. Но умом мы еще лучше созерцаем бесплотное, нежели тела. Таким образом мы удивляемся и Ангелам, и Архангелам, хотя их и не видим, также и добрым нравам, и душевным добродетелям. Итак, когда увидишь кроткого и благоустроенного человека, то подивись лучше ему, нежели красивому лицу, и если заметишь, что кто-нибудь без огорчения переносит напрасные обиды, то с удивлением вместе и возлюби его, хотя бы он был и старец. Ибо красота души такого свойства, что и в старости имеет многих любителей, потому что никогда не увядает и всегда цветет. Итак, чтобы и нам стяжать такую красоту, станем ловить и любить тех, которые имеют ее (1).

* * *

Ты желаешь казаться красивой? И я желаю этого, но только той красотой, которой желает Царь Небесный. Кого ты желаешь иметь любящим тебя — Бо-

га или людей? Если ты будешь прекрасна этой красотой, то Бог *возжелает красоты твоей* (Пс. 44, 12), а если — тою без этой, то Он отвернется от тебя, а любящими тебя будут развратные люди, ибо не добрый человек тот, кто любит замужнюю женщину. Так рассуждай и о внешних украшениях. То украшение, украшение душевное, привлекает Бога, а это, украшение телесное, — людей развратных. Я забочусь о вас, о том, чтобы вы были прекрасными, истинно прекрасными и истинно славными... Красота телесная от всего повреждается, и если даже хорошо сохраняется, если ни болезнь, ни заботы не искажают ее, — что, впрочем, невозможно, — и тогда она не сохраняется и двадцати лет. А красота душевная всегда цветет, никогда не увядает, она не боится никакой перемены, ни наступившая старость не наводит морщин, ни приключившаяся болезнь не заставляет увядать, ни беспокойная забота не вредит ей, но она выше этого. Напротив, красота телесная не успеет появиться, как уже исчезает... Люди благонравные не удивляются ей, а удивляются только невоздержные. Будем же заботиться о той

красоте, а не об этой; будем ее приобретать, чтобы нам войти в брачный чертог с горящими светильниками (1).

* * *

Облекись в целомудрие, в смирение. Все это дороже золота, все это и красивую делает еще благообразнее, и некрасивую благообразной; ибо кто взглянет в лицо, выражающее доброту, тот произнесет свое мнение от любви, а злое, хотя бы оно было и красиво, никто не может назвать прекрасным (1).

* * *

Телесную красоту Бог заключил в пределах природы, но красота души как несравненно лучшая телесного благообразия свободна от такой необходимости и подчиненности и вполне зависит от нас и от воли Божией. Человеколюбивый Владыка наш и тем особенно почтил род наш, что менее важное и мало полезное для нас, потеря чего безразлична, подчинил естественной необходимости, а распорядителями истинно доброго сделал нас самих. Если бы Он сделал нас властными и в телесной красоте,

то мы и лишнюю заботу получили бы, и все время тратили бы на бесполезное и весьма вознерадели бы о душе. Если и теперь, когда не дано нам такой власти, мы делаем все и употребляем все усилия к тому и, не имея силы на самом деле, позволяем украшать себя цветами, красками, укладкой волос, убранством одежд, расписыванием глаз и множеством других хитростей придумываем себе такую красоту, то стали ли бы мы прилагать какое-нибудь попечение о душе и о высоких предметах, когда бы имели возможность придавать телу действительно прекрасный вид? Может быть, если бы это было нашим делом, у нас и не было бы никакого другого дела, но все время мы проводили бы в том, чтобы рабу украшать бесчисленными прикрасами, а госпожу ее, хуже всякого невольника, оставлять в безобразии и пренебрежении. Поэтому Бог, освободив нас от этой пагубной заботы, вложил в нас способность к лучшему делу, так что не имеющий возможности сделать тело из безобразного красивым может душу свою, хотя бы она низошла до крайнего безобразия, возвести на самый верх красоты и таким образом сделать ее досто-

любезной и привлекательной, возжеленной не только для добрых людей, но и для Самого Царя и Бога всех (2).

* * *

Пребывание здесь [в храме] есть источник всех благ. Выходя отсюда, и муж для жены кажется почтеннее, и жена для мужа милее, так как жену делает любезной не благообразие тела, но добродетель души, не притирания и подкрашивания, не золото и драгоценные одежды, но целомудрие, кротость и постоянный страх Божий. Эта духовная красота нигде так успешно не развивается, как в этом дивном и божественном месте, где апостолы и пророки смывают, исправляют, стирают старость греха, наводят цвет юности, уничтожают всякое пятно, всякий порок, всякую скверну нашей души. Постараемся же, и мужи, и жены, вселить в себя эту красоту. Телесную красоту и болезнь сушит, и продолжительность времени портит, и старость погашает, а наступившая смерть совершенно уничтожает. Напротив, душевную красоту не может разрушить ни время, ни болезнь, ни старость, ни смерть, и

ничто подобное, но она постоянно остается цветущей. Красота телесная часто возбуждает невоздержание в тех, кто взирает на нее, а красота душевная располагает Самого Бога любить ее (2).

* * *

Есть душа, есть тело, — две сущности: есть красота телесная и есть красота душевная. Что такое красота телесная? Густые брови, веселый взгляд, румяные щеки, розовые губы, высокая шея, волнистые волосы, длинные пальцы, стройный рост, цветущая белизна. Эта телесная красота бывает от природы или от воли? Известно, что от природы. Послушай мнений философов: эта красота, красота лица, глаз, волос, чела, бывает от природы или от воли? Очевидно, от природы. Безобразная, хотя бы и употребляла бесчисленное множество украшений, не может сделаться красивой телом, потому что природные свойства постоянны, определены, неизменны. Красивая всегда остается красивой, хотя бы и не употребляла никакого украшения, а безобразная не может сделать себя красивой, равно как красивая — безобразной. Почему? Потому

что эти свойства от природы. Видишь ли телесную красоту? Обратимся внутрь души. Перед ней тело — раба перед госпожой. Посмотри на эту красоту или, лучше, послушай о ней. Потому что ты не можешь видеть ее — она невидима. Послушай же об этой красоте. Итак, что такое красота душевная? Целомудрие, скромность, милосердие, любовь, дружелюбие, доброжелательство, повиновение Богу, исполнение закона, правда, сокрушение сердца. Это — красоты души. Они — не от природы, а от воли. Неимеющий их может приобрести, а имеющий, если будет нерадив, теряет их. Как о теле я говорил, что безобразная не может сделаться красивой, так о душе скажу противное: безобразная душа может сделаться благообразной (7).

КРЕСТ

Никто не стыдись достопоклоняемых знаков нашего спасения, которыми мы живем, и начала всех благ, которыми существуем. Но как венец будем носить крест Христов, ибо через него совершается все, что для нас нужно: нужно ли родиться — предлагается нам крест; хотим

ли напитаться таинственной этой пищей, нужно ли принять рукоположение или другое что сделать — везде предстоит нам этот знак победы. Потому-то мы начертываем его и на домах, и на стенах, и на дверях, и на челе, и на сердце. Ибо крест есть знамение нашего спасения, общей свободы и милосердия нашего Владыки, Который *как овца, веден был на заклание* (Ис. 53, 7). Поэтому когда знаменуешься крестом, то представляй всю знаменательность креста, погашай гнев и все прочие страсти. Когда знаменуешься крестом, пусть на челе твоём выражается живое упование, а душа твоя делается свободной. Без сомнения, вам известно, что доставляет нам свободу. Потому апостол Павел, склоняя нас к этому, — я разумею свободу нам приличную, — упомянув о Кресте и Крови Господней, убеждает такими словами: *вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков* (1 Кор. 7, 23). Помышляй, говорит, о дорогой цене, какая заплачена за тебя, и не будешь рабом ни одного человека, а под дорогой ценой он разумеет крест. И не просто перстом должно его изображать, но должны этому предшествовать сер-

дечное расположение и полная вера. Если так изобразишь его на лице твоём, то ни один из нечистых духов не сможет приблизиться к тебе, видя тот меч, которым он уязвлен, видя то оружие, от которого получил смертельную рану. Если и мы с трепетом взираем на те места, где казнят преступников, то представь, как ужасаются диавол и демоны, видя оружие, которым Христос разрушил всю силу их и отсек главу змия. Итак, не стыдись столь великого блага, да не постыдит и тебя Христос, когда придет во Славе своей, и когда это знамение явится перед Ним светлейшим самих лучей солнечных, тогда крест этот самым явлением своим как бы скажет в оправдание Господа перед целой вселенной и во свидетельство, что с его стороны все сделано, что только было нужно. Это знамение и в прежние, и в нынешние времена отверзало двери запертые, отнимало силу у вредоносных веществ, делало недействительным яд и врачевало смертоносные раны от зверей. Ибо если оно отверзло врата ада, вы, отворило твердь небесную, вновь открыло вход в рай и сокрушило крепость диавола, то что удивительного, если оно по-

беждает силу ядовитых веществ, зверей и всего тому подобного?

Итак, напечатлей крест в уме твоём и обыми спасительное знамение душ наших. Этот самый крест и преобразовал вселенную, изгнал заблуждение, ввел истину, землю обратил в небо, людей сделал Ангелами. Когда при нас крест, тогда демоны уже не страшны и не опасны; смерть уже не смерть, а сон. Крестом все враждебное нам низложено и попорано (1).

* * *

В древности иных преступников сжигали, других побивали камнями, иных другим каким-либо способом наказания лишали жизни, но распятый и повешенный на древе [креста] страдал не только оттого, что наказывался с таким мучением, но и оттого, что подвергался проклятию: *ибо проклят пред Богом всякий повешенный на древе* (Втор. 21, 23). Но этот проклятый, поносный знак крайнего мучения ныне стал вожделенным и достолюбезным. Не столько царский венец украшает голову, сколько крест, драгоценнейший всего мира. Изображение креста, некогда для всех страшное, те-

перь столь любезно всем, что найдешь его везде: у начальников и подчиненных, у жен и мужей, у дев и замужних, у рабов и свободных, — все непрестанно полагают знамение креста на благороднейшей части своего тела и носят каждодневно это знамение изображенным на челе своем, как на столпе. Оно блистает на священной трапезе, при рукоположении священников и вместе с Телом Христовым на Тайной вечери, всюду можно видеть его возносящимся: на домах, на торжищах, в пустынях, на дорогах, на горах, в пещерах, на холмах, на море, на кораблях, на островах, на ложах, на одеждах, на оружии, в чертогах, на пиршествах, на золотых и серебряных сосудах, на драгоценных камнях, на стенных картинах, на теле больных животных, на теле одержимых демонами, на войне, в мире, днем и ночью, в пиршественных собраниях и в кельях подвижников. Так для всех стал вожделенен этот дивных дар, исполненный неизреченной благодати! Уже никто не стыдится и не закрывается при мысли, что крест есть знак проклятой смерти. Напротив, все мы почитаем его украшением для себя более венцов и диадем и

многих ожерелий из драгоценных камней. Так он стал не только не страшен, но и вожделенен, любезен и досточтим для всех и блистает изображаемый повсюду: на стенах домов, на кровлях, на книгах, в городах, в селах, в необитаемых и обитаемых местах (2).

КРЕЩЕНИЕ

Как скоро мы крещаемся, то душа наша, очищенная Духом, делается светлее солнца, и мы не только бываем способны смотреть на славу Божию, но еще и сами получаем от нее некоторое сияние. Как чистое серебро, лежащее против солнечных лучей, и само испускает лучи не только от собственного естества, но и от блеска солнечного, так и душа, очищенная Духом Божиим и сделавшаяся блистательнее серебра, и в себя принимает луч от славы Духа, и от себя отражает луч той же славы...

Но мы слишком скоро погубляем в себе все духовное и привязываемся к одному чувственному. Эта неизреченная страшная слава остается в нас не более, как на один или два дня, а потом мы опять погашаем ее, обуреваемся житейскими делами и гус-

тотой страстных облаков затеняя это сияние. Ибо житейские дела действительно суть бури и еще жесточе самих бурь (1).

КРОТОСТЬ

Кротость есть признак великой силы. Чтобы быть кротким, для этого нужно иметь благородную, мужественную и весьма высокую душу. Неужели ты думаешь, что мало нужно силы [душевной], чтобы получать оскорбления и не возмущаться? Не погрешит тот, кто назовет такое расположение к ближним даже мужеством, ибо кто был столь силен, что преодолел и другую (т.е. здесь две страсти: страх и гнев), если ты победишь гнев, то, без сомнения, преодолеешь и страх, гнев же ты победишь, если будешь кроток, а если преодолеешь страх, то окажешь мужество (1).

* * *

Научимся уступчивости и кротости у Спасителя: *научитесь от Меня*, — говорит Он, — *ибо Я кроток и смирен сердцем* (Мф. 11, 29), — и отвергнем всякую гневливость. Восстанет ли кто против нас — мы да будем

смиренны. Станет ли кто поступать с нами нагло — мы да будем услужливы. Будет ли кто язвить и терзать нас насмешками и ругательствами — не будем отвечать тем же, чтобы мщением за себя не погубить себя (1).

* * *

Итак, когда ты будешь иметь врага у себя в руках, не о том забойся, как бы отомстить ему и, осыпав бесчисленными ругательствами, выставить его на позор, но о том, как бы утешить его, как бы возвратить к кротости, и до тех пор не переставай делать и говорить все, пока не победишь кротостью жестокость его. Ибо ничего нет могущественнее кротости. Указывая на это, некто сказал: *мягкий язык переламывает кость* (Притч. 25, 16). Что тверже кости? Однако же, хотя бы кто был также тверд и жесток, и его легко победит тот, кто будет обращаться с ним кротко (1).

* * *

Пусть не истощается кротость твоя, но сам гнев пусть хранит и питает ее, а он сохранит и в со-

вершенной безопасности будет пасти ее тогда, когда будет истреблять нечистые и порочные помыслы, когда будет отовсюду отгонять диавола. Так кротость соблюдается тогда, когда мы не помышляем ничего худого против ближнего, так мы делаемся достойными уважения, когда не позволяем себе поступать бесстыдно... Хочешь ли знать, когда истощается кротость? Когда сокрушают ее порочные помыслы (1).

* * *

Раб Христов более познается по кротости своего нрава, нежели по имени, которое дали ему родители. Бог любит род человеческий не столько за девство, за пост, за презрение богатства, за готовность простирать руку помощи нуждающимся, сколько за кротость и скромность нравов, так как и сама готовность помогать нуждающимся происходит во всех, любящих Христа, не от чего иного, как от их доброты. И как потоки из родников, так попечительность о бедных истекает из кротости нравов. Ибо всякий смиренный и кроткий легко склоняется к человеколюбию и не может

оставить без внимания находящих в бедности, считая бедность других собственным несчастьем. Зависть хуже всего, а человек добрый и кроткий не допускает в душу свою этой злой болезни, но, видя своих братьев благоденствующими, он сорадуется и соутешается, считая благоденствие других собственным благоденствием, и, почитая все общим у друзей, сорадуется им в счастье и сострадает в несчастьях. Таковы дары кротости, такова жизнь живущих в смирении. Кроткий есть отец сирот, защитник вдовиц, покровитель бедности, помощник притесняемых, всегда защищающий справедливое. И для сына бывает достопочтенным отец, ведущий жизнь кроткую, и сын для отца, и раб для господина, и господин не другим чем-нибудь приобретает себе благорасположение слуг своих. Ибо когда они видят, что он находит удовольствие в смирении и со всеми обращается кротко, то всема уважают его и удивляются ему, считая владельца своего более отцом, нежели господином. Кроткий любезен тем, которые видят его, любезен и тем, которые знают о нем по слуху, и нет никого, кто, слушая похвалы

кроткому человеку, не пожелал бы видеть его, приветствовать и непрестанно смотреть на него, считая как бы выгодой для себя его дружбу. И если какие-нибудь люди ссорятся между собой за имущество, то прибегают к человеку доброму и кроткому в надежде, что всякая ссора и несогласие тотчас прекратятся от его доброты. Подлинно, когда случится людям враждовать между собой, то кротость судьи располагает быть кроткими и тех, которые легко приходят в негодование и гнев. Другие же, стараясь явиться примирителями враждующих, не могут внушить к себе такого уважения. Так, по моему мнению, в каждом деле убедительный советник есть тот, кто первый исполняет действия, которые он советует. Поэтому когда учитель кротости первый является исполняющим свои советы, то он, как только явится, тотчас укрощает неистовых, и не нужно ему ни убеждений, ни слов, но еще прежде произнесения каких-нибудь выражений он уже водворяет мир. Как луч солнца, являясь, тотчас прогоняет тьму, так и человек добрый и кроткий скоро превращает смятение и ссору в мир и тишину (1).

* * *

Нет ничего сильнее скромности и кротости. Поэтому и Павел повелел тщательно придерживаться этого, сказав: *рабу же Господа не должно ссориться, но быть приветливым ко всем, учительным, незлобивым, с кротостью наставлять про-*

тивников (2 Тим. 2, 24). Не сказал «к братьям только», но *ко всем*. И еще: *кротость ваша да будет известна*, — не сказал «братьям», но — *всем* *человекам* (Флп. 4, 5). Ибо что пользы, говорит [Господь], *если вы будете любить любящих вас* (Мф. 5, 46) (2).

ЛЕНОСТЬ

Кто хочет ничего не делать, а всегда спать, тому, конечно, кажется трудным и есть и пить. Напротив, люди бдительные и бодрые не уклоняются и от весьма дивных и трудных дел, но приступают к ним с большей смелостью, чем беспечные и сонливые к весьма легким. Нет, точно нет ничего легкого, чего бы великая лень не представила нам весьма тяжелым и трудным, равно как нет ничего трудного и тяжелого, чего бы усердие и ревность не сделали весьма легким (2).

ЛИХОИМСТВО

Выражение «лихоимец есть идолослужитель» не преувеличено... Лихоимец отдаляется от Бога подобно идолослужителю. И чтобы ты не подумал, что это сказано просто, — есть Христово изречение, которое говорит: *не можете служить Богу и маммоне* (Мф. 6, 24). Те, которые работают маммоне, удалили се-

бя от служения Богу, те же, которые отреклись Его владычества и служат бездушному золоту, явно суть идолослужители. Но я не делал, говорит [лихоимец], идола, не ставил жертвенника, не приносил в жертву овец, не возливал вина, но ходил в церковь, и руки воздевал к Единородному Сыну Божию, и в Таинствах участвую, и имею общение в молитве и во всем другом, что прилично христианину. Каким же образом я поклоняюсь, говорит, идолам? Это-то и удивительно, что ты, испытав и вкусив Божия человеколюбия и увидев, что благ Господь, оставил Благое и принял на себя владычество жестокого тирана. Говоришь, будто не работаешь ему, а на самом деле подверг самого себя жестокому и невыносимому игу сребролюбия. Но лихоимец не есть, говорят, идолослужитель. А что такое идолослужитель? Разве не тот, кто поклоняется страстям вместо того, чтобы владеть страстью?.. Не поклоняюсь, говоришь. Поче-

му? Потому что себя не сгибаешь? Но ты гораздо более воздаешь поклонения делами и поступками, потому что такое поклонение важное... Ты не закалаешь овец, но зато — людей и души разумные, иные — голодом, другие — клеветой. Ничего нет неистовее подобной жертвы. Кто видел, чтобы души закалались когда? Проклят жертвенник любостяжания! Если придешь к жертвеннику идолов, заметишь от него запах крови козьей и крови быков; если же подойдешь к жертвеннику любостяжания, заметишь тяжелый запах человеческой крови (1).

ЛИЦЕМЕРИЕ

Мы и не помышляем внимательно о грехах своих, и не исследуем благодеяний Божиих, и не смотрим на совершивших величайшие подвиги. Мы потому забываем о добрых делах, что и благополучием пользуемся умеренно и, называя себя часто грешниками, говорим это неискренне. Это видно из того, что, когда услышим такое название от других, мы сердимся и раздражаемся и называем это обидой. Так во всем у нас лицемерие, и мы не подражаем мытарю, ко-

торый, когда другой укорял его во множестве грехов, перенес эти укоризны и получил плод от дел своих — *пошел оправданным более* фарисея (Лк. 18, 14), а мы не знаем даже, что такое исповедание, хотя исполнены бесчисленных грехов (2).

ЛУКАВСТВО

Кто проще Давида? Кто лукавее Саула? А между тем, кто остался победителем? Что же сказать об Иосифе? Не в простоте ли сердца пришел он к госпоже своей, а та не имела ли коварного намерения? И, однако, скажи мне, потерпел ли он какой-либо вред? Кто проще Авеля? Кто коварнее Каина?.. Таким образом, если простой человек и получит рану, то получит не от себя, а от другого, лукавый же наносит удар прежде всего себе и больше никому, так что он враг самому себе. Душа такого человека всегда исполнена печали, мысли его всегда угрюмы. Если он должен выслушать или сказать что-нибудь, то все делает с нареканиями, все обвиняет. Дружба и согласие далеки от таких людей, у них ссоры, вражда и неприятности, такие люди и себя подозревают. Им

даже сон неприятен, равно как и ничто другое. Если же они имеют жену — о! тогда они все враги и неприятели: бесконечная ревность, постоянный страх (1)!

ЛЮБОВЬ

Нет блага, которое не происходило бы от любви. Будем же укреплять любовь друг к другу, ибо *любовь есть исполнение закона* (Рим. 13, 10). Не нужно нам ни трудов, ни подвигов, если мы любим друг друга, это путь, который сам собой ведет к добродетели. Как на большой дороге: кто найдет ее начало, тот идет по ней, не нуждаясь в проводнике, — так и в любви: улови только ее начало, и тогда она поведет и направит тебя. *Любовь, — говорит апостол, — долготерпит, милосердствует, не мыслит зла* (1 Кор. 13, 4) (1).

* * *

Любовь есть глава, корень, источник и мать всех благ... без нее все прочее не приносит нам никакой пользы, она есть знак учеников Господа, отличительное свойство рабов Божиих,

признак апостолов. *По тому узнают все, — говорит Господь, — что вы мои ученики* (Ин. 13, 35). Что же, скажи мне, значит *по тому*? По воскрешению ли мертвых, или по очищению прокаженных, или по изгнанию бесов? Нет, говорит Он и, умалчивая обо всем этом, присовокупляет: *по тому узнаю все, что вы мои ученики, если будете иметь любовь между собою*. Такие дела суть дары одной вышней благодати, а любовь есть добродетель, зависящая и от человеческого усердия. Человека доблестного обыкновенно отличают не столько дары, посылаемые свыше, сколько заслуги собственных его трудов. Поэтому Христос и говорит, что Его ученики узнаются не по знамениям, а по любви. Когда есть любовь, то стяжавший ее не имеет недостатка ни в какой части любомудрия, но обладает всецелой, всесовершенной и полной добродетелью, равно как без нее он лишается всех благ. Поэтому и Павел восхваляет и превозносит ее, или, вернее сказать, сколько бы он ни говорил, никогда не в состоянии вполне выразить ее достоинства.

Что может сравниться с той, которая заключает в себе проро-

ков и весь закон и без которой ни вера, ни знание, ни ведение Тайн, ни само мученичество и ничто другое не может спасти того, кто достиг всего этого? *Если, — говорит апостол, — отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы* (1 Кор. 13, 3). И еще в другом месте объясняя, что любовь больше всего и есть глава всех благ, он сказал: *хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится... пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше* (1 Кор. 13, 8, 13) (2).

* * *

Знаешь ли ты, какова сила любви? Христос, не упоминая о всех чудесах, которые были совершены апостолами, сказал: *по тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою* (Ин. 13, 35), а Павел говорит, что *любовь есть исполнение закона* (Рим. 13, 19) и что без нее и дарования не приносят никакой пользы (1 Кор. 13, 1–2). Это-то превосходное сокровище — отличительное свойство учеников Христовых (2).

* * *

Ничто не больше любви и не равно ей, даже само мученичество, которое есть верховное из всех благ, а каким образом, послушай. Любовь и без мученичества делает учениками Христа, а мученичество без любви не могло бы сделать этого. Откуда это видно? Из самих слов Христа. Он говорил ученикам: *по тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою* (Ин. 13, 35). Вот, любовь без мученичества делает учениками. А что мученичество без любви не только не делает учениками, но и не приносит никакой пользы тому, кто терпит, послушай Павла, который говорит: *если отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы* (1 Кор. 13, 3) (5).

* * *

Питомец любви Павел сказал: *не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви* (Рим. 13, 8). Этот только долг всегда дается и никогда не выплачивается. Здесь постоянно быть в долгу хорошо и достойно. В рассуждении долга мы хвалим тех, кто ничего не

должен, а в отношении к любви одобряем и почитаем всегдашних должников, и что там служит признаком бессовестности, то здесь — признак добросовестности, то есть никогда не выплачивать долга любви (6).

ЛЮБОВЬ БОЖИЯ К ЛЮДЯМ

Какое слово, какой ум может представить то блаженство [после смерти], то добро, удовольствие, славу, радость, веселье, светлость: *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9). Не сказано просто, что эти блага превосходны, но что никто никогда не может и представить себе того, *что приготовил Бог любящим Его*. В самом деле, каковы должны быть те блага, которые приготовил и устроил сам Бог? Если, сотворив нас, Он тотчас, когда мы еще ничего не сделали, столько даровал нам: и рай, и общение с Ним Самим, обещал бессмертие, жизнь блаженную и свободную от забот, — то чего Он не дарует тем, которые столько делали, трудились и терпели для Него? Единородного Своего Сына Он

не пощадил для нас, Истинного Сына Своего предал за нас на смерть. Если же Он удостоил нас таких благ, когда мы были Его врагами, то чего не удостоит, когда мы сделаемся Его друзьями?.. Он беспредельно богат и безгранично желает и старается сделать нас Своими друзьями, но мы несколько не стараемся об этом... Мы для собственной нашей пользы едва ли пожертвуем малой частью золота, а Он за нас отдал Сына Своего. Будем же употреблять, как должно, любовь Божию, будем пользоваться дружеским Его расположением к нам (1).

* * *

Господь по человеколюбию Своему не одинаковой степени добродетели требует от нас, но и первых приемлет, и вторых не отвергает, и третьим дает место. По милосердию Своему Он не один только указал путь и не сказал, что тот будет отчужден, кто не принесет сторичного плода, но спасется и тот, кто принесет плод в шестьдесят крат, и даже кто в тридцать. Это для того он сказал, чтобы облегчить нам путь ко спасению. Итак, не можешь переносить трудного

состояния девства, вступи в брак и живи целомудренно. Не можешь совершенно расстаться с богатством, уделяй часть от имени твоего (1).

* * *

Многие говорят: если бы Бог любил бедных, то Он не попустил бы им быть бедными, — и другие, видя кого-нибудь страждущим продолжительной немощью и болезнью, говорят: где же милостыни Его, где добрые дела Его?.. Если и человек здравомыслящий не может ненавидеть добрых и любить злых, то как ты осмеливаешься говорить это о Господе, будто Бог ненавидит бедных, хотя бы они были добродетельными, и любит богатых, хотя бы они были порочными?.. Дабы тебе не грешить таким образом, узнай, что Бог любит и что ненавидит. Кого же любит Он? Того, кто исполняет заповеди Его. *И Я возлюблю его*, — говорит Он, — *и явлюсь ему Сам* (Ин. 14, 21), — не богатого, не здорового, но повинующегося Моим повелениям. А кого ненавидит Он и отвращается? Того, кто не исполняет заповедей Его. Итак, когда ты увидишь кого-нибудь, не исполняющего запо-

ведей Его, то хотя бы он был здоровым, хотя бы окружен был богатством, полагай его в числе ненавидимых Богом. А добродетельного, хотя бы ты видел его в болезни или бедности, полагай в числе любимых Им. Ибо не к тем любовь Его, а к этим. Не видишь ли ты и в житейских делах, что любимые царями особенно и прежде всех подвергаются опасностям в сражениях, получают раны, посылаются в поход? Не слышал ли ты, что *Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает* (Евр. 12, 6)? Но многие, скажешь, соблазняются, видя это. Так, но не по вине добродетельных, а по собственному невежеству. Не здесь воздание за труды наши, но здесь подвиги, а награды и венцы — после... Для чего Он установил таким образом? По снисхождению к роду человеческому. Труды Он назначил здесь, где жизнь краткая, а венцы сохранил для будущего, где жизнь нестареющая и бессмертная. Эти труды скоро оканчиваются и проходят, а то остается вечным и никогда не будет иметь конца. С другой стороны, через это Он упражняет души в любви к добродетели. Ибо когда душа избирает добродетель

несмотря на трудности и еще не получая награды, то оказывает расположение и великое усердие к ней; и когда она убегает порока несмотря на его удовольствия, еще не подвергаясь наказанию, то научается ненавидеть его и отвращаться (1).

* * *

Таково человеколюбие Божие! Никогда Он не отвергает искреннего раскаяния, но хотя бы кто дошел до самой крайней порочности, а потом решился бы возвратиться опять оттуда на путь добродетели, и такого Он принимает и приближает к Себе и делает все, чтобы привести его в прежнее состояние. И еще более человеколюбия вот в чем: если кто окажет не полное раскаяние, то и краткого и малого Он не отвергает, даже и за него назначает великую награду. Это видно из слов пророка Исаяи, которые он сказал о народе иудейском: *за грех корыстолюбия его Я гневался и поражал его, скрывал лицо и не годовал; но он, отворотившись, пошел по пути своего сердца. Я видел пути его, и исцелю его, и буду водить его и утешать его* (Ис. 57, 17–18) (2).

* * *

Хотя бы мы тысячу раз согрешили и отступили от Него, Он никогда не перестанет устроить наше спасение, и если мы обратимся, то спасемся; если же будем упорствовать во зле, то по крайней мере ясно будет, что Бог делает все, от Него зависящее. Так и изгнание из рая, и удаление от древа жизни, и осуждение на смерть кажется делом наказующего и отмщающего, но на самом деле есть не меньше прежнего дело Промышляющего [о человеке] (2).

* * *

Всю благодать Господа к нам ни познать, ни изъяснить невозможно; я же скажу главное из того, что мы знаем. После такого преслушания, после столь многих грехов, когда сила греха овладела всей вселенной, когда роду человеческому надлежало потерпеть самое жестокое наказание, совершенно погибнуть и самому имени его изгладиться, тогда Бог и оказал нам величайшее благодеяние: Он предал на смерть Единородного Своего Сына за врагов, отступивших, отворотившихся и ненавидевших Его, и через Него примирил нас

с Собой и обещал даровать нам Царство Небесное, жизнь вечную и бесчисленные блага... Что может сравниться с этой попечительностью, человеколюбием, благостью?.. И кротчайший Давид, рассуждая о человеколюбии Его, говорит: *сколь высоко небо над землею, (столь же великую) милость Свою Господь мощно явил на боящихся его. Насколько отстоит восток от запада, (настолько) Он удалил от нас беззакония наши. Как отец милует сынов, так Господь помиловал боящихся Его* (Пс. 102, 11–13), и даже еще больше, чем отец, но мы не знаем другого лучшего примера высочайшей любви. Выше этого пример представил Исайя, указав на мать, которая гораздо больше отца бывает привязана к детям. Он говорит так: *забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? Но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя,* — глаголет Господь (Ис. 49, 15), показывая этим, что милосердие Божие выше естественной привязанности... Это сказано применительно к твоему пониманию. Между тем, у Кого премудрость и благость беспредельны, у Того и человеколюбие таково же. Ес-

ли же мы не замечаем Его человеколюбия в каждом событии, то и это знак Его беспредельности. Бог ежедневно устраивает для нашего спасения много такого, что известно Ему Одному. Он благодетельствует роду нашему по благодати Своей, не нуждаясь ни в прославлении от нас, ни в каком-нибудь другом возмездии, и поэтому очень многое оставляет сокрытым от нас, а если иногда и открывает, то и это делает для нас, чтобы мы, проникнувшись чувством благодарности, сподобились еще большей помощи Его... А что Бог печется не только о всех вообще, но и о каждом в отдельности, это можно слышать от Него Самого, когда Он говорит так: *нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих* (Мф. 18, 14), разумея верующих в Него. Он желает, чтобы и неверующие в Него все спаслись, исправившись и уверовав в Него, как и Павел говорит: *хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины* (1 Тим. 2, 4); и Сам Он говорил иудеям: *Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию* (Мф. 9, 13); и еще: *милости хочу, а не жертвы* (Мф. 9, 13; Ос. 6, 6). Даже когда люди и

при такой попечительности о них не захотят исправиться и познать истину, и тогда Он не оставляет их, но так как они добровольно сами лишают себя небесной жизни, то Он доставляет им, по крайней мере, все необходимое для настоящей жизни: повелевает солнцу сиять на злых и добрых, посылает дождь на праведных и неправедных и подает все прочее для продолжения настоящей жизни. Если же Он так промышляет о врагах Своих, то оставит ли когда без попечения верующих в Него и угождающих Ему по силам своим? Нет, нет, о них Он более всех печется: *у вас и волосы, — говорит Он, — на голове все сочтены* (Лк. 7, 7) (2).

* * *

Ты не можешь и помыслить, сколько Он готов дать тебе. Не стыдись же, не красней или, лучше, стыдись грехов, только не отчаивайся, не оставляй молитвы, но, хоть ты и грешник, приступи, чтобы примирить с собой Владыку, чтобы дать Ему случай показать Свое человеколюбие в прощении твоих грехов. Стало быть, если побоишься приступить, помешаешь Его благодати, преградишь путь щед-

ротам Его милосердия, это зависит только от тебя (6).

* * *

Если Он (Господь) оказал такое человеколюбие ниневитянам за то, что они совершили трехдневное покаяние, тем более не презрит на нас, если только мы покажем искреннее раскаяние и, отстав от греха, вступим на путь добродетели. Так и о них, то есть ниневитянах, божественное Писание свидетельствует: увидел Бог, что обратился всякий от пути своего лукавого (см.: Иона 3, 10). Итак, если Он увидит, что и мы обратились к добродетели, и уклонились от греха, и ревнуем о совершении добрых дел, то примет и наше обращение и, освободив нас от бремени грехов, подаст нам дары Свои. Не столько мы сами желаем освобождения от грехов и ищем спасения, сколько Он спешит и ускоряет даровать нам и избавление от грехов, и блаженство спасения (8).

ЛЮБОВЬ К БЛИЖНИМ

Пусть каждый размыслит с самим собой, как он поступает в отношении к самому себе, также пусть поступает и в отношении

к ближнему. Никто не завидует себе, желает себе всех благ, предпочитает себя всему, старается делать все в свою пользу. Если таким же образом мы будем расположены и к другим, то прекратятся все бедствия, не будет ни вражды, ни любостязания... Но возможно ли, скажешь, любить ближнего как себя самого? Если бы этого не исполняли другие, то ты справедливо мог бы думать, что это невозможно; если же исполняли, то очевидно, что у нас нет этого по нашему нерадению. С другой стороны, Христос не заповедует ничего невозможного, так что многие даже превзошли Его заповеди. Кто же исполнил это? Павел, Петр, весь сонм святых. Впрочем, если я скажу, что они любили ближних, то не скажу ничего важного, они любили врагов так, как другой не мог бы любить близких к себе. Кто из нас решился бы идти в геенну за близких к себе, имея возможность войти в Царство? Никто. Но Павел решился на это за врагов, бросавших в него камнями и бичевавших его... И еще прежде него блаженный Моисей за врагов, хотевших побить его камнями, желал быть изглаженным из книги Божией

(см.: Исх. 32, 32). Также Давид, видя гибель врагов своих, говорил: *вот, я согрешил, я (пастырь) поступил беззаконно; а эти овцы, что сделали они* (2 Цар. 24, 17)? И, имея Саула в руках своих, не хотел умертвить его, но оставил в живых, тогда как сам подвергался опасности. Если же так было в Ветхом Завете, то можем ли получить прощение мы, живущие в Новом и не достигшие даже той меры любви, какой достигли они?.. *Любите*, — говорит Господь, — *врагов ваших*, и будете подобными Отцу вашему, Который на небесах (Мф. 5, 44, 48). Люби же врага, не ему ты через это благодетельствуешь, а себе самому. Как? Делая это, ты уподобляешься Богу. Тот, если будет любим тобою, получит небольшую пользу — он будет любим подобным себе рабом, а ты, если будешь любить подобного себе раба, то получишь великую пользу — ты сделаешься подобным Богу... Но что, скажешь, если он зол? Тем большая готовится тебе награда, и за самую злость его ты должен быть благодарным, если он, несмотря на множество благодетелей, остается злым; ибо если бы он не был весьма злым, то тебе не была бы

уготована великая награда. Таким образом, сама причина не любви, возражение твое, что он зол, должно быть побуждением к любви. Если не будет противника, то не будет и случая к получению венцов (1).

* * *

Мы должны славить Христа за первое основание любви к ближнему. Но мы видим, что многие имеют другие побуждения к любви: один любит потому, что его самого любят, другой — потому, что его уважают, иной — потому, что ближний в некотором житейском деле был для него полезен, а четвертый — почему-нибудь другому. Но трудно найти такого, который бы любил ближнего искренно и как должно — для Христа. Ибо многие соединены друг с другом только житейскими делами. Павел не так любил, он любил для Христа, и хотя не был любим так, как сам любил, не ослаблял любви своей, а дал ей укорениться в себе. Но нынешняя любовь не такова. Исследуя все, мы найдем у многих в любви более поэтического, нежели истинного... Весьма многие соединены между собой житей-

скими видами. Это открывается из причин, производящих вражду. Так как они соединены между собой преходящими выгодами, то поэтому любовь их не имеет ни пламенности, ни постоянства; напротив, каждая обида, или потеря денег, или зависть, или любовь к тщеславию, или что-нибудь другое подобное легко разрушает их любовь, ибо она не имеет духовного корня. Если бы был такой корень, то ничто бы житейское не могло разрушить духовного. Любовь, имеющая основанием Христа, тверда, постоянна, непобедима, ничто ее расторгнуть не может: ни клеветы, ни опасности, ни смерть, ни что-либо подобное. Кто таким образом любит, хотя бы претерпевал тысячи поражений за эту любовь, не оставит ее. Ибо кто любит за то, что его любят, тот — случись с ним неприятность — прервет любовь свою, а кто соединен той любовью, никогда не оставит ее. Поэтому Павел и сказал: *любовь никогда не перестает* (1 Кор. 13, 8). Что ты скажешь мне в защиту свою: тебя обидел тот, который был почтен тобою? Или благодетельствованный тобой хотел убить тебя? Но если ты любишь для Христа, то и это располагает те-

бя к большей любви. Что у других служит к разрушению любви, здесь то же самое служит к утверждению ее. Почему же? Во-первых, потому, что таковой бывает для тебя виновником наград; во-вторых, потому что он имеет нужду в большей помощи и заботливости о нем. Потому, кто так любит, тот не разбирает ни рода, ни отечества, ни богатства, ни взаимной любви к себе, ни чего-либо другого, но, хотя бы его ненавидели, обижали, умерщвляли, не перестает любить, имея достаточную причину к любви — Христа. На Него неуклонно взирая, он пребывает тверд. Ибо и Христос таким же образом любил врагов неблагодарных, обидчиков, поносителей, ненавистников, не хотевших смотреть на Него, предпочитавших Ему дерево и камни, — любил их высочайшей любовью, подобной которой найти нельзя. Он говорит: *нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15, 13). Смотри, как Он заботится и о тех, которые распяли Его и которые столь неистовствовали над Ним! Так говорил Он к Отцу о них: *прости им, ибо не знают, что делают* (Лк. 23, 34), и после этого послал еще к ним учени-

ков. Так поревнуем и мы этой любви и будем взирать на нее, чтобы сделаться подражателями Христу (1).

* * *

Мы дадим страшный ответ и в том, что теперь кажется мало-важным, ибо Судия с одинаковой строгостью требует от нас [попечения о спасении] и нашем, и наших ближних. Поэтому Павел везде убеждает: *никто не ищи своего, но каждый пользы другого* (1 Кор. 10, 24); поэтому он и коринфян сильно порицает за то, что они не попеклись и не позаботились о впадшем в прелюбодеяние, но оставили без внимания опасную рану его (см.: 1 Кор. 5, 1–2); и в Послании к галатам говорит: *братия! если и впадет человек в какое согрешение, вы, духовные, исправляйте такового* (Гал. 6, 1). А еще прежде их он убеждает к тому же самому и фессалоникийцев, говоря: *увещивайте друг друга и назидайте один другого, как вы и делаете* (1 Фес. 5, 11)... Чтобы кто-нибудь не сказал: «Что мне заботиться еще о других? — погибающий пусть погибает, а спасающийся пусть спасается. Это нисколько меня не касается, мне

повелено смотреть за собой», — чтобы кто-нибудь не сказал этого, Павел, желая истребить такую зверскую и бесчеловечную мысль, противопоставил ей такие законы, повелевая оставлять без внимания многое из своего, чтобы устраивать дела ближних, и требует во всем такой строгости жизни. Так и в Послании к Римлянам он заповедует иметь великое попечение об этом долге, поставляя сильных как бы отцами для немощных и убеждая заботиться об их спасении (см. Рим. 15, 1). Но здесь он говорит это в виде увещания и совета, а в другом месте потрясает души слушающих с великой силой, когда говорит, что нерадящие о спасении братий грешат против самого Христа и разрушают здание Божие (см. 1 Кор. 8, 12)... Таким образом, хотя бы у нас все было хорошо устроено в нашей жизни, нет нам никакой пользы, потому что и того греха довольно, чтобы ввергнуть нас в гееннскую пучину. Если и тех, которые не хотели помогать ближнему в телесных нуждах, не спасет никакое объяснение, так что, хотя бы они и подвиг девства совершили, будут все-таки извержены из брачного чертога, то опустивший гораздо

важнейшее (потому что попечение о душе гораздо важнее) не потерпит ли по справедливости все бедствия? Бог создал человека не для того, чтобы он приносил пользу только себе самому, но и многим другим. Поэтому Павел и называет верующих *светилами* (Фил. 2, 15), выражая, что они должны быть полезны и другим, ибо светило не было бы и светилом, если бы освещало только себя. Поэтому он нерадящих о ближних называет худшими даже язычников в следующих словах: *если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного* (1 Тим. 5, 8) (2).

* * *

Блаженный Павел, выражая силу человеческой ревности и то, что мы можем достигать до самого неба... говорит: *подражайте Богу, как чада возлюбленные* (Еф. 5, 1). Потом, желая показать, что ничто столько не составляет этого подражания, как общепользная жизнь и старание быть полезным для каждого, он присовокупляет: *живите в любви* (Еф. 5, 2)... Все прочие [добродетели] ниже ее, и все

имеют отношение к одному человеку, например, борьба с похотью, война с чревом, сопротивление сребролюбию, сражение с гневом, а любовь — это общее у нас с Богом. Поэтому и Христос говорил: *молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете подобными Отцу вашему, иже еси на небесех* (Мф. 5, 44). И Павел, признавая это главным из благ, совершал его с великим усердием. Подлинно, никто так не любил врагов, никто так не благодетельствовал строившим ему козни, никто так не страдал за оскорбителей своих (5).

* * *

В самом деле, можно дружески полюбить людей, которые далеко от нас и которых мы никогда не видали. Такова сила любви: она не задерживается дальностью расстояния, не слабеет от долговременности, не побеждается наведением искушений, но, побеждая все это, становится выше всего и востекает на высоту недостижимую (7).

ЛЮБОВЬ К БОГУ

Люди не столько привлекаются благодеяниями, сколько

вразумляются страхом. Но дивные и великие мужи и други Божии ни в чем этом не нуждаются. Таков, например, был Павел: он не думал ни о Царстве, ни о геенне. Вот это значит любить Христа, это значит не быть наемником, не смотреть на благочестивую жизнь как на промысел и на торговлю, а быть истинно добродетельным и делать все из одной любви к Богу. Каких же достойны мы слез, когда на нас лежит такой великий долг, а мы не стараемся и как купцы приобрести Царство Небесное (1)!

* * *

Если плотская любовь так порабощает душу, что отвлекает ее от всего и подчиняет влиянию одной возлюбленной, то чего не сделает любовь ко Христу и страх быть отлученным от Него?.. Если любовь человеческая часто побуждала решаться на смерть, то чего не сделает любовь Христова? Какой не облегчит трудности? Так и ему [Павлу] все было легко, потому что он взирал только на возлюбленного [Христа] и для Него все терпеть считал выше всякого удовольствия и наслаждения,

что и действительно так... И что я говорю о горестях настоящей жизни? Любовь Христова так одушевила его, что если бы ему предстояло терпеть для Христа и вечные наказания, он никогда не отказался бы и от этого, потому что он служил Христу не так, как мы, наемники, — страшась геенны и желая Царствия. Быв объят какой-то другой, несравненно лучшей и блаженнейшей любовью, он и терпел и делал все не для чего иного, как для того, чтобы только удовлетворить любви, которую питал ко Христу и которая так овладела умом его, что он охотно расстался бы и с тем, что для него было дороже всего, т.е. пребыванием со Христом, для чего он пренебрегал и геенной, и Царством Небесным. Решившись для Христа встретить и с великой готовностью принять как одно из возжеленнейших благ даже и это невыразимое отлучение [от Христа за израильтян. (Рим. 9, 3)]...

После речи о бедствиях в этом мире, сказав: *кто отлучит нас от любви Христовой? Скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч* (Рим. 8, 35), и, перечислив все, что на земле, он восходит на Небо и, желая по-

казать, что пренебрегать для Христа здешними наказаниями не великое дело, прибавил: *ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем* (Рим. 8, 38–39). Смысл слов его такой: не только люди не будут в состоянии отвлечь меня от этой любви, но и Ангелы, и даже если соберутся вместе все небесные силы, и они не будут в состоянии сделать этого. Что я говорю? Даже если бы надлежало для Христа лишиться Царствия или низринуться в геенну, и это мне не страшно... Так говорил он не потому, что Ангелы станут усиливаться отлучить его от Христа, но он на словах предполагает то, чего и быть никогда не может, чтобы изобразить и объяснить всем свою великую любовь. Таково свойство любящих: они не могут молчать о своей любви, но обнаруживают свой пламень перед всеми ближними, непрерывной беседой о превосходстве любви успокаивая свою душу. Так поступил и блаженный [Павел], обняв словом все, что есть и что будет, что случается и чего никогда не слу-

чится, видимое и невидимое. Всякое наказание и всякую отраду он, как будто этого ему было недостаточно для выражения своего чувства, предположив и выразив словом столько же других несуществующих предметов... таким образом показал, что из всего сказанного ничто не может отлучить его от *любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем*. На такую высоту поднял свою любовь [Павел], а мы, получившие повеление подражать ему, не переносим благодушно и здешних скорбей, но сетуем и ропщем не менее одержимых горячкой (2).

ЛЮБОПЫТСТВО

Пекущихся о вере и жизни найдется немного, а гораздо более таких, которые исследуют и изыскивают то, чего найти невозможно и изыскание чего оскорбляет Бога. Когда мы усиливаемся познать то, чего Бог не хотел открыть нам, то мы и не узнаем этого (ибо как можно узнать, если это не угодно Богу?) и за любопытство свое только подвергнемся опасности. Между тем и при таком положении дела кто со властью станет угрожать уста исследующим недо-

ступные предметы, тот навлет на себя упрек в гордости и невежестве (2).

ЛЮБОСТЯЖАНИЕ

Душа, быв однажды пленена любостяжанием, уже нелегко и неудобно может удерживаться, чтобы не сделать или не сказать чего-либо такого, что прогневляет Бога, так как она делается уже рабой другого господина, и притом такого, который повелевает ей все, противное Богу (1).

* * *

Любостяжание есть старая закваска, и куда оно ни попадет, в какой дом ни вторгнется, делает его нечистым. Хотя бы ты немного приобрел неправедно, заквасил этим все свое состояние. Поэтому часто немного, приобретенное бесчестно, ниспровергало многое, накопленное честно. Ибо нет ничего опаснее любостяжания: хотя бы ты к своему казнохранилищу приделывал ключи, запоры, напрасно будешь делать все, если заключил внутри любостяжания, этого злейшего разбойника, который может отнять у тебя все. Как же, скажешь, многие

любостязатели не подвергаются этому? Непременно подвергнуться, хоть и не вдруг, а если избегнут теперь, то тем страшнее будет тогда: они соблюдаются для большего наказания. При том если они сами избегнут, то наследники их испытают заслуженное ими. Но, скажешь, справедливо ли это? Весьма справедливо. Получивший наследство, приобретенное несправедливо, хоть сам и не похищал, но владеет чужой собственностью, знает это хорошо и потому справедливо может пострадать. Ибо если бы ты взял что-нибудь от грабителя, а потом ограбленный пришел бы к тебе и стал требовать свое обратно, то мог ли бы ты оправдываться тем, что не ты ограбил его? Отнюдь нет. Что отвечал бы ты, скажи мне, против обвинения? Что другой отнял? Но ты владеешь. Что другой ограбил? Но ты пользуешься. Это известно и из законов внешних, которые, не касаясь похитителей и грабителей, повелевают взыскивать с тех, у кого кто найдет свою собственность. Итак, если ты знаешь обиженных, то вознагради их и сделай так, как сделал Закхей, с великим избытком (см. Лк. 19, 8), а если не знаешь, то я укажу тебе другой

путь и не лишу тебя врачевства: раздай все бедным и таким образом исправишь зло. Если же иные передали такое имущество детям и внукам, то они испытали вместо одного другое зло. Но что я говорю о том, что бывает здесь? Не будет ли говорено об этом в тот день, когда предстанут обнаженными те и другие, и ограбленные, и грабители, или, лучше сказать, неодинаково обнаженными. От имущества они будут одинаково обнажены, но одни из них будут покрыты грехами, нажитыми с имуществом... Что ты скажешь Судие? Теперь ты можешь обмануть суд человеческий, а тогда этого суда уже не будет. Или, лучше, не можешь и теперь, ибо и теперь тот суд в своей силе. Бог видит все совершающееся и *близок* к обиженным, даже и не *призывающим* Его (Пс. 144, 18). Обиженный, хотя бы он был и недостойн того, чтобы мстить за него, непременно имеет Бога мстителем за себя, потому что причиненное ему зло неужгодно Богу. Как же, скажешь, такой-то нечестивец благоденствует? Но не надолго. Послушай, что говорит пророк: *не ревнуй лукавым... ибо они, как трава, скоро засохнут* (Пс. 36, 1–2) (1).

* * *

И что подлинно чудно и удивительно, некоторые [иудеи] в то время [в пустыне в Египте] старались собирать [манны] больше надлежащего, и такое любостяжание не приносило им никакой пользы. Пока они соблюдали надлежащую меру, манна оставалась манной, а когда старались собирать больше, то лю-

бостяжание обращало манну в червей; и хотя они делали это не в ущерб другим, — потому что, не похищая пищу у ближнего, они собирали больше, — однако были осуждены за то, что желали большего. Хотя они несколько не вредили ближнему, но весьма много вредили себе самим, таким способом собирания приучаясь к любостяжанию (6).

МАЛОВЕРИЕ

Что же касается до заповеди *не заботьтесь о завтрашнем дне* (Мф. 6, 34), то я не знаю никого, кто бы слушался и повиновался ей по маловерию нашему. Поэтому от стыда пройду молчанием эту заповедь. Хотя надлежало бы верить Христу и тогда, как Он просто объявляет, но теперь мы не верим Ему, когда Он представил и неопровержимые доказательства и привел примеры, именно: птиц и травы; напротив, подобно язычникам и даже с бóльшим, нежели они, малодушием, терзаемся попечением [о земном], и о чем даже не получили повеления молиться, на то истощаем всю свою заботливость (2).

МАЛОДУШИЕ

Итак, что такое кротость и что малодушие? Когда мы, видя других оскорбленными, не защищаем их, а молчим, это — малодушие; когда же сами, по-

лучая оскорбления, терпим, это — кротость (1).

* * *

Малодушие бывает причиной гибели, подобно беспечности. Малодушен непереносящий обид, малодушен непереносящий искушений; именно он и есть посеянный на камне (1).

МАТЬ

Апостол Павел говорит, что жена *спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием* (1 Тим. 2, 15). Он говорит о воспитании, что отцы и матери могут пожать плоды добродетели своих детей, когда хорошо воспитают их. В том немалая, но весьма великая будет состоять для них награда, что они воспитали ратоборцев Христу. Впрочем, каким образом спасется жена, если она сама будет бесчестна и исполнена бесчисленных пороков? Неужели воспитание детей

принесет ей какую-либо пользу? Не будет ли вероятным, что она воспитает их подобными себе? О добродетельной матери говорит он это, а не о всякой, что она получит великую награду и воздаяние. Слушайте это, отцы и матери: воспитание детей для вас не останется без награды. Подлинно, немаловажное дело посвятить Богу детей, данных от Бога. Если они [родители] твердые опоры и основания положат под здание, то будут иметь великую награду, а за нерадение подвергнутся наказанию (1).

* * *

Не родить только дело матери: это зависит от природы, но воспитывать — дело матери, потому что это зависит от воли. А чтобы ты убедился, что не рождение делает матерью, но хорошее воспитание их [детей], послушай Павла, который удостоивает венца вдову не за рождение, а за воспитание детей. Сказав: *вдовица должна быть избираема не менее, как шестидесятилетняя... известная по добрым делам*, он указал потом на главное из добрых дел: *если она воспитала детей* (1 Тим. 5, 9–10). Не сказал: если она роди-

ла детей, но *если она воспитала детей* (5).

МЕСТЬ

Слез достойны не те, которые терпят обиду, но те, которые причиняют ее. Лихоимец, клеветник и всякий, делающий какое-либо другое зло, вредят гораздо больше самим себе, а нам приносят величайшую пользу, если мы не отмщаем за себя. Положим, например, такой-то ограбил тебя, а ты за обиду возблагодарил и прославил Бога. Через это благодарение ты приобрел себе бесчисленные награды, равно как тот приготовил себе неизреченный огонь. Если же кто скажет: что ж, если я не мог отомстить обидевшему меня, потому что я слабее его? — то я отвечу вот что: ты мог сердиться и гневаться, потому что это в нашей власти, мог желать зла опечалившему тебя, тысячекратно проклинать его и всюду бесславить. Следовательно, кто этого не сделал, тот получит награду и за то, что не мстил, ибо очевидно, он не стал бы мстить и в том случае, если бы мог это сделать. Ведь обиженный, если он малодушен, пользуется всяким оружием: мстит обидевшему

проклятиями, ругательствами, наветами. Итак, ты не только не делай этого, но и молись за него, а если ты не только не сделаешь этого, но и станешь молиться за него, то будешь подобен Богу. *Молитесь за обижающих вас... да будете сынами Отца вашего Небесного* (Мф. 5, 44). Видишь, какую великую пользу получаем мы от обид, причиняемых нам другими? Ничем так не услаждается Бог, как тем, когда мы не воздаем злом за зло... нам заповедано воздавать противным — благодеяниями, молитвами. Поэтому и Христос воздал Иуде, хотевшему предать Его, благодеяниями: умыл ему ноги, обличал его тайно, укорял с кротостью, служил, удостоил его трапезы и целования, — и хотя Иуда и от этого не сделался лучше, однако же Он не переставал делать свое (1).

* * *

Апостол говорит: *будьте долготерпеливы ко всем. Смотрите, чтобы кто кому не воздавал злом за зло; но всегда ищите добра и друг другу и всем* (1 Фес. 5, 14-15). Если не должно воздавать злом за зло, то тем более — злом за добро, тем более

не воздавать злом, когда наперед не сделано зла. Но такой-то, говоришь, человек злой; он оскорбил меня и много причинил обид. — Ты хочешь мстить ему? Не мсти! Оставь его без наказания и делай ему добро. В том-то и состоит высшее любомудрие, чтобы не только не платить злом за зло, но добром! Ибо поистине это такое мщение, которое приносит и вред другому, и пользу тебе или даже великую пользу и ему, если он захочет. И не только платить добром за зло, но и радоваться в скорбях заповедует апостол: *всегда радуйтесь* (1 Фес. 5, 16)... Именно когда мы имеем такую душу, что никому не мстим, но всем благодетельствуем; тогда каким образом, скажи мне, может проникнуть в нее жало скорби? Каким образом вообще может быть опечален тот, кто столько радуется в злострадании, что причинившему зло платит благодеяниями? Но как это возможно, говорят? — Возможно, если захотим. Апостол показал далее и путь к этому: *не престанно молитесь. За все благодарите: ибо такова о вас воля Божия* (1 Фес. 5, 17). Всегда благодарить есть свойство души любомудрствующей. Ты потер-

пел какое-нибудь зло? Но если хочешь, оно вовсе не будет злом. Возблагодари Бога, и зло обратится в добро. Скажи и ты подобно Иову: *да будет имя Господне благословенно* (Иов 1, 21). Ибо скажи мне, что такое потерпел ты? Тебя постигла болезнь? Но в этом нет ничего необыкновенного, ибо тело наше смертно и подвержено болезням. У тебя случился недостаток в деньгах? Но их можно и приобрести и потерять, и они остаются здесь. Против тебя злоумышляют и клеветуют враги? Но виновники этого не нам причиняют обиду, а самим себе. *Душа согрешающая*, сказано, *она умрет* (Иез. 18, 20). А согрешил не тот, кто потерпел зло, но тот, кто причинил зло. Следовательно, должно не мстить умершему, а должно молиться за него, чтобы исхитить его у смерти. Не видите ли, что пчела, ужалив, умирает? Через это насекомое Бог учит нас тому, чтобы мы не оскорбляли ближних, потому что в таком случае сами наперед подвергаемся смерти. Уязвляя их, мы, может быть, причиняем им некоторую боль, но сами, подобно этому насекомому, уже не останемся живы (1).

* * *

Мщение есть столь великое зло, что и Божие человеколюбие прекращалось от него и уже данное прощение в бесчисленных грехах через него отменялось. Так, тот, которому прощено было десять тысяч талантов и за простую просьбу дарована была столь великая милость, когда стал требовать от подобного себе раба сто динариев, т.е. стал требовать наказания за проступки в отношении к нему, то жестокостью к своему товарищу произнес приговор против себя самого, и не за другое что-нибудь, а только за это он и предан был мучителям, и был наказан, и должен был уплатить множество талантов, и никакого не получил прощения и оправдания, но потерпел жесточайшие мучения, и повелено было взыскать с него весь долг, который прежде человеколюбие Божие простило ему (7).

МИЛОСЕРДИЕ

Он [Господь] сделал тебя участником Своих благ, не только не получив ничего Сам от тебя, но еще предупредив тебя этим неизреченным благодеянием.

Итак, не великое ли безумие получать такие дары и между тем самому быть нечувствительным и не воздавать взаимно за благодеяние, и притом меньшим за большее? Он сделал тебя наследником Неба, а ты не хочешь пожертвовать для Него и земным. Он примирил тебя с Отцом несмотря на то, что ты не только не сделал ничего доброго, но даже был врагом, а ты не хочешь воздать другу и благодетелю, тогда как, не говоря о Царствии и о всем прочем, ты обязан воздать Ему благодарность за то самое, что можешь дать. Когда рабы приглашают господ на пир, делают это не с тем, чтобы доставить им удовольствие, но чтобы самим получать от них. Но здесь, напротив, не слуга пригласил своего господина, но Господь призвал слугу к трапезе Своей. А ты неужели не хочешь пригласить Его и после этого? Он прежде ввел тебя в дом Свой, а ты не хочешь сделать этого и после? Он прикрыл твою наготу, а ты и после этого не хочешь дать Ему приюта, как страннику? Он прежде утолил жажду твою из Своего сосуда, а ты не хочешь дать Ему и капли холодной воды? Он тебя напоил дарами Духа Святого, а ты не хочешь уто-

лить и телесной Его жажды? Тебя напоил Духом тогда, как ты был достоин наказания, а ты презираешь Его, когда Он жаждет, хотя на все это ты должен был употребить Его же дары? Ужели ты считаешь маловажным держать ту чашу, которую будет подносить к устам и из которой будет пить Христос? Ужели ты не знаешь, что один только Священник имеет право предлагать чашу крови? Но Я на это не смотрю строго, говорит Христос, а принимаю и у тебя, хотя бы ты был мирянин, Я не отвергну тебя и не требую того, что Я Сам тебе дал. Ибо Я требую не крови, но студеной воды. Представь, кому ты предлагаешь питье, представь и трепещи. Пойми, что ты сам делаешься священником Христа, когда руками своими подаешь не тело, но хлеб, не кровь, но чашу холодной воды. Он облек тебя одеждой спасения и облек Сам, и ты сделай то же, хотя через раба. Он прославил тебя на Небесах, а ты по крайней мере защити Его от страха, наготы и бесславия. Он удостоил тебя сожителства с Ангелами, а ты прими Его только под кров твой, по крайней мере, дай Ему приют как бы рабу своему. Я не пренебрегаю прию-

том этим, говорит Христос, хотя Сам Я отверз для тебя целое Небо. Я освободил тебя от тягчайшего плена, но не требую того же от тебя и не говорю: освободи Меня; для Моего утешения довольно, если ты только обратишь на Меня внимание тогда, как Я нахожусь в узах. Я воскресил тебя из мертвых и не требую, чтобы и ты сделал то же, но говорю: посети Меня только во время Моей болезни. Итак, каких адских мучений не достойны мы, если при столь великих благодеяниях, изливаемых на нас, и при столь легких требованиях от нас не исполняем последних? Будучи нечувствительнее камня, мы по всей справедливости пойдем в огонь, уготованный диаволу и ангелам его. Итак, зная, что мы получили, что надеемся получить и то, что требуется с нашей стороны, не будем привязываться к вещам временным. Будем снисходительны и милосердны, чтобы нам не подвергнуться тяжкому наказанию (1).

* * *

Христос не удовлетворился смертью и Крестом, но соблаговолил стать нищим, бесприют-

ным, нагим, быть заключенным в темницу, терпеть болезни, только бы тебя через это привлечь к Себе. Ежели не вознаграждаешь Меня за то, что Я страдал за тебя, говорит Он, то сжался над Моей нищетой. Если не хочешь сжалиться над нищетой, тронься Моей болезнью, умиلسердись, видя узы. Если же и это не преклонит тебя к человеколюбию, обрати внимание на легкость просьбы. Прошу не чего-либо дорогого, но куска хлеба, приюта, одного утешительного слова. А если и при всем этом остаешься непреклонным, то сделайся добрее хоть ради Царства, ради наград, обещанных тебе Мною. Но ты и их не уважаешь? Так преклонись к жалости хоть по естественному чувству, видя Меня нагим, и вспомни о той наготы, какую Я терпел за тебя на Кресте... И тогда нуждался Я для тебя, и теперь для тебя же нуждаюсь, только бы ты, тронувшись тем или другим, захотел оказать какое-нибудь милосердие... Хотя ты обязан Мне воздаянием за бесчисленные благодеяния, но Я не прошу у тебя, как у должника, а венчаю тебя как за дар и за эти малости дарю тебе Царство. Не говорю: избавь Меня от нищеты или обогати

Меня, хотя и для тебя обнищал Я, но прошу хлеба, одежды, не-большого утешения в голоде. Когда нахожусь в темнице, не принуждаю снять с Меня узы, вывести Меня из темницы, но домогаюсь одного только, чтобы ты навестил связанного за тебя, и это принимаю за большую милость, за это одно дарю тебе Небо. Хотя Я избавил тебя от самых тяжких уз, но Сам довольствуюсь и тем, что захочешь посетить Меня связанного. Конечно, и без этого могу увенчать тебя, однако хочу быть должником твоим, хочу, чтобы венец доставил тебе и некоторое дерзновение. Поэтому хотя Сам Себя могу пропитать, однако хожу и прошу, стою у дверей твоих и протираю руку. Для тебя самого хочу, чтобы ты накормил Меня. Поскольку сильно люблю тебя, то и желаю вкусить что-нибудь с твоего стола, как водится у друзей. И хваюсь тем перед лицом целой вселенной, во услышание всех, возвещаю о тебе каждый раз, всем показываю накормившего Меня (1).

* * *

Милосердие и сострадание — вот чем мы можем уподобиться

Богу, а когда мы не имеем этого, то не имеем ничего. Не сказал Господь: если станете поститься, то будете подобны Отцу вашему. Не сказал: если станете соблюдать девство или если станете молиться, то будете подобны Отцу вашему. Все это не относится к Богу, и Бог не делает ничего такого. Но что? *Будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд* (Лк. 6, 36). Это — дело Божие. Если же ты не имеешь этого, то что же и имеешь? *Милости хочу*, — говорит Он, — *а не жертвы* (Ос. 6, 6) (1).

* * *

Милосердие без девства возводило имеющих его на небо, а девство без милосердия не в силах было сделать это. Если же такова сила этой добродетели, то со всем усердием будем внимать беседе о ней (6).

МИЛОСТЫНЯ

Апостол Павел в Послании к Коринфянам, намереваясь излагать учение нравственное, переходит к главнейшему из благ, именно говорит о милостыне: *при сборе же для святых посту-*

пайте так, как я установил в церквах Галатийских. В первый день недели каждый из вас пусть отлагает у себя и сберегает, сколько позволит ему состояние (1 Кор. 16, 1–2). Не сказал: пусть приносят в церковь, дабы им не стыдно было принести малое, но пусть, сберегая мало-помалу, увеличивает приношение и потом покажет его, когда я приду, а до того времени, говорит, отлагай у себя и дом свой делай церковью, ковчегом, сокровищницей, будь стражем священного имущества, самопоставленным домостроителем бедных: человеколюбие дает тебе это священное право...

Устроим в своем доме ковчег для бедных, который пусть находится около того места, где ты становишься на молитву. И всякий раз, как приступаешь к молитве, наперед положи милостыню и потом воссылай молитву. Как ты не начинаешь молитвы, не умыв рук, также не начинай ее без милостыни. Положить милостыню не меньше значит, как повесить Евангелие близ своей кровати, ибо если ты, повесив Евангелие, сам ничего не будешь делать, то не получишь столько пользы, а устроив такой ковчег, ты име-

ешь оружие против диавола, окрыляешь свою молитву, освящаешь свой дом, сохраняя в нем царское брашно. Пусть стоит этот ковчег у твоей кровати, и ночь твоя будет без метахий, только не полагай в него ничего от неправедных стяжаний: дело твое есть милостыня, а милостыня не может происходить от жестокосердия. Хотите ли, я укажу вам и источники, откуда заимствовать такие приношения, дабы таким образом сделать их легкими? Ремесленник, — например, сапожник, кожевенник, медник или какой-нибудь иной художник, — продав что-нибудь из произведений своего искусства, пусть приносит начаток цены Богу. Пусть отлагает некоторую часть в тот ковчег и этой малой частью поделится с Богом. Не большого требую, но столько, сколько приносили сыны иудейские, исполненные бесчисленных зол, столько же будем отлагать и мы, чающие неба. Впрочем, не поставлю этого законом, не запрещаю отлагать и больше, но только прошу отлагать не менее десятой части. То же самое делайте не только при продаже, но и при покупке... Не говорю о ростовщиках, равно и воинах, которые

притесняют других и обогащаются от чужих несчастий, а говорю о людях, собирающих имущество трудами праведными. Если мы утвердимся в такой привычке, то потом совесть будет укорять нас, как скоро мы не станем исполнять этого правила; сами испытаем, что это дело нетрудное, перейдем мало-помалу к высшим добродетелям и, научившись презирать богатство и исторгнув в себе корень зол, проведем спокойно жизнь настоящую и достигнем жизни будущей (1).

* * *

Нужно великое милосердие. Оно в особенности делает сильным врачевство покаяния. Как во врачебных средствах лекарство хотя много трав содержит в себе, но главную — одну, так и в покаянии подобной многоцелебной травой бывает милосердие, и даже от него зависит все. Ибо послушай, что говорит Божественное Писание: *подавайте лучше милостыню из того, что у вас есть, тогда все будет у вас чисто* (Лк. 11, 41); и еще: *искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным* (Дан. 4, 24); и еще: *вода*

угасит пламень огня, и милостыня очистит грехи (Сир. 3, 30) (1).

* * *

Милостыня есть великое благо и Божий дар, и подавание милостыни уподобляет нас по возможности Самому Богу. Это наипаче* и делает человека человеком. Потому некто, представляя образец человека, сказал между прочим: великое дело человек и драгоценное — человек милостивый. Благодать эта важнее дара воскрешать мертвых. Ибо напитать алчущего Христа гораздо важнее, чем именем Иисусовым воскрешать мертвых. Там ты благодетельствуешь Христу, а здесь — Он тебе. И награда тому, кто сам делает добро, а не тому, кто принимает от другого добро. При совершении чудес ты делаешься должником Богу, а в деле милостыни ты одолжаешь Бога. А творим мы милостыню, когда подаем ее охотно, щедро, когда думаем, что не даем, но сами принимаем, когда признаем ее для себя благодеянием и приобретением, а не потерей. Если же иначе подаем, то милостыня не благодать.

* Наипаче — особенно. (Примеч. ред.)

Оказывающий другому милость должен радоваться, а не печалиться. С чем сообразно, если, облегчая скорбь другого, сам скорбишь? Тогда твое подаяние уже не милостыня. Ибо если печалишься о том, что избавил другого от печали, то подаешь пример крайней жестокости и бесчеловечия. Лучше не подавать, нежели так подавать. И действительно — о чем ты печалишься? О том ли, что уменьшается у тебя золото? Если так рассуждаешь, то совершенно не давай. Если не веришь, что отлагается тебе на небе великое сокровище, то не удей. Но ты хочешь воздаяния здесь? Для чего? Пусть милостыня будет милостыней, а не куплей. Правда, многие получили воздание и здесь, но это не значит, что они будут иметь больше тех, кто здесь не получил. Напротив, некоторые из них получили вознаграждение здесь как немощнейшие, потому что еще несильно возжелали будущих благ. Как люди жадные, незнающие приличия и раболепствующие чреву, быв призваны на царскую трапезу и не дожидаясь надлежащего времени, подобно малым детям, лишают себя истинного удовольствия, когда хватают вперед и наполняют

чрево худшими яствами, так и те, которые ищут награды здесь и получают ее, уменьшают будущую свою награду. Давая в заем, ты желаешь обратно получить отданное по прошествии долгого времени, а не вскоре, чтобы таким замедлением увеличилась лихва. А в деле милостыни тотчас требуешь воздаяния, и хотя знаешь, что не здесь, а там будешь жить вечно, что не здесь будешь судим, а там отдашь отчет. Если бы кто построил тебе дом там, где тебе не жить, то не счел ли бы ты этого бесполезным: как же ты желаешь быть богатым здесь, откуда еще до наступающего вечера можешь не один раз отойти? Разве не знаешь, что мы, подобно странникам и пришельцам, пребываем здесь на чужой стороне (1)?

* * *

Хочешь ли почитать Тело Христово? Не презирай, когда видишь Христа нагим. И что пользы, если здесь почтишь Его шелковыми покровами, а вне храма оставишь терпеть и холод, и наготу? Изрекший: *сие есть Тело Мое* (Мф. 26, 26), и утвердивший это словом, сказал также: вы видели Меня алчущего

и не напители; и далее: *так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне* (Мф. 25, 45). Для этого таинственного Тела нужны не покровы, а чистая душа; уды же Христовы, то есть нищие, имеют великую нужду в нашем попечении. Научимся быть любознательными и почитать Христа, как Сам Он того хочет. Почитаемому приятнее всего та честь, которой он сам желает, а не та, которую мы признаем лучшей. И Петр думал почтить Господа, не допуская Его умыть ноги, однако же это было не почтение, а нечто тому противное. Поэтому и ты почитай Его той честью, какую Сам Он заповедал, то есть истощай богатство свое на бедных. Богу нужны не золотые сосуды, но золотые души.

Говоря это, не запрещаю делать богатые вклады, требую только, чтобы вы вместе с вкладыями и даже прежде них творили милостыню. Хотя Бог приемлет и вклады, но гораздо лучше милостыню. Там один приносящий получает пользу, а здесь и приемлющий. Там дар бывает иногда поводом к тщеславию, а здесь все делается по одному милосердию и человеколюбию. Что пользы, если трапеза Христова полна

золотых сосудов, а Сам Христос томится голодом? Сперва напитай Его алчущего, а потом остальное употреби на украшение трапезы Его. Ты делаешь золотую чашу и не даешь чаши студеной воды! Что пользы устроить для трапезы златотканые покровы, а Христу не дать и нужного для прикрытия? Какой плод от этого? Скажи, например, ты видишь человека, не имеющего у себя необходимой пищи, и вместо того, чтобы утолить его голод, только стол обкладываешь серебром, поблагодарит ли он тебя за это или, скорее, огорчится? И еще, ты видишь человека, покрытого рубищем и окостеневшего от холода, и вместо того, чтобы дать ему одежду, ставишь золотые столбы, говоря, что делаешь это в честь его. Не скажет ли он, что над ним насмехается, и не почтет ли это крайней обидой? То же представь и о Христе, когда Он, как бесприютный странник, ходит и просит крова, а ты вместо того, чтобы принять Его, украшаешь пол, стены, верхи столбов, привязываешь к лампадам серебряные цепи, а на Христа, связанного в темнице, и взглянуть не хочешь. Говоря это, не запрещаю и в том быть щедрым, но

советую также не оставлять другого или даже и предпочитать последнее. За неисполнение первого никто никогда не был осужден, а за неисполнение последнего угрожает геенна, и огонь неугасимый, и мучение вместе с демонами. Итак, украшая дом Божий, не презирай скорбящего брата, ибо сей храм превосходнее первого. Те утвари могут похитить и неверные цари, и тираны, и разбойники, а что делаешь для брата алчущего и странного и нагого, того похитить не может сам диавол, оно сбережется в неприступном хранилище.

Поэтому, прочитав все узаконения о милостыне, данные и в Новом, и в Ветхом Завете, употребим все старание на исполнение их. Это и грехи очищает, ибо сказано: *подавайте лучше милостыню из того, что у вас есть, тогда все будет у вас чисто* (Лк. 11, 41). Это важнее жертв: *милости хочу, а не жертвы* (Ос. 6, 6). Это отверзает небеса: *молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом* (Деян. 10, 4). Это нужнее девства. Как одни были изгнаны из брачного чертога, так другие введены были в него! Зная все это, будем сеять щедро, да-

бы с большим изобилием пожать и получить будущие блага (1).

* * *

Апостол Павел, обличая коринфян, что они оставляют бедных голодными, когда сами общаются Святых Таин, стараясь пристыдить их и сделать кроткими, обращает речь к важнейшему предмету: *ибо я, говорит, от Самого Господа принял то, что и вам передал, что Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и, возблагодарив, преломил и сказал: примите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое; сие творите в Мое воспоминание* (1 Кор. 11, 23–24)... Господь твой, говорит, удостоил всех одной и той же Трапезы, и притом самой страшной и много превосходящей достоинство всех, а ты считаешь других недостойными твоей трапезы, маловажной и незначительной, и тогда как они не получают от тебя ничего из благ духовных, отнимаешь у них и телесные, хотя и они не твои... Для чего он напоминает нам об этом времени, об этой вечери и предательстве? Не просто и не без причины, но дабы сильнее тронуть и самым временем. Ибо

всякий, хотя бы кто-либо был даже камнем, представив, как в эту ночь Господь скорбел с учениками, как был предан, связан, веден и осужден, как терпел все прочее, делается мягче воска, отрешится от земли и всей здешней суеты. Для того апостол и напоминает нам обо всем этом, пристыжает нас... и говорит: Господь твой предал Себя Самого за тебя, а ты не хочешь уделить и хлеба брату для самого же себя (1)?

* * *

Для чего я напрасно предлагаю свои увещания людям, которые не хотят отказаться от привязанности к деньгам, считают их как бы бессмертными, и если подадут только малое из многого, то думают, что уже исполнили все? Нет, это не милостыня. Милостыня — подаяние той вдовы, которая пожертвовала *все пропитание свое* (Мк. 12, 44). Если же ты не хочешь подать столько, сколько эта вдова, то отдай, по крайней мере, все лишнее: пусть будет у тебя всего достаточно, но без излишества. Но никто не подает даже и лишнего, а пока ты имеешь множество слуг и шел-

ковые одежды, то все это лишнее (1).

* * *

Милостивый не облекается в подир, не носит позвонков*, не возлагает на себя венца, но облечен в одежду человеколюбия, которая святее священнической одежды, помазан елеем, который составлен не из чувственного вещества, но возделан Духом Святым, имеет венец, сплетенный из щедрот, как сказано в Писании: *венчает тебя милостью и щедротами* (Пс. 102, 4)... Достоинно удивления, что тогда двойные двери и покровы делали Святилище безлюдным, а ныне, принося жертву среди народа, можно приносить ее, как бы вступив во Святая Святых и еще более страшное Святилище. Если ты делаешь это не на показ людям, то хотя бы вся вселенная видела, никто не видал... Такая жертва человеколюбия превосходнее всех других. Итак, когда видишь кого-то из верных бедного, представляй, что видишь жертвенник. Когда видишь такого нищего, не

* Подир — риза ветхозаветных священников. Позвонки — колокольчики, которые носили ветхозаветные священники на своей одежде. (Примеч. ред.)

только не оскорбляй, но и почти, и если видишь, что другой его оскорбляет, останови, защити (1).

* * *

Бог воздаст каждому по делам его, и через них только можно и спастись, и подвергнуться мучению. *Приобретайте себе друзей богатством неправедным* (Лк. 16, 9). Будем же повиноваться, ибо это заповедь Господня, будем избытки богатства своего разделять нуждающимся, будем совершать милостыню, пока она в нашей власти, это и означает *приобретать друзей богатством*. Будем расточать богатство на бедных, дабы истощить тамошний огонь, дабы погасить его, дабы там иметь дерзновение. Там не они [друзья] примут нас, но дела наши. Не просто одно только приобретение друзей может спасти нас, как это видно из самого прибавления. Ибо почему Господь не сказал: приобретайте себе друзей, да примут вас в вечные кровы, — но присоветовал и то, каким образом сделать это. Сказав *богатством неправедным*, Он выразил, что надо приобретать друзей посредством имущества и внушил, что одна только дружба не за-

щитит нас, если мы не будем иметь добрых дел, если не расточим праведно богатства, собранного неправедно. Такая заповедь о милостыне относится не только к богатым, но и к бедным, хотя бы кто питался, прося милостыни у других, и к нему относится эта заповедь. Ибо нет, истинно нет ни одного человека настолько бедного, хотя бы он был крайне беден, чтобы у него не нашлось даже *две лепты* (Мк. 12, 42). Следовательно, можно и дающему малое из малого превзойти имеющих много и дающих много, как и было с упомянутой вдовой. Ибо величие милостыни измеряется не мерой подаваемого, но произволением и усердием подающих. Так везде нужно произволение, везде нужна любовь к Богу. Если мы будем делать все по ее побуждению, то хотя бы мы давали немного, имея немного, — Бог не отвратит лица Своего, но примет и малое как великое и необыкновенное. Ибо Он смотрит на произволение, а не на то, что дается (1).

* * *

Милостыня есть превосходнейшая художница и покровительница упражняющихся в ней,

ибо она любезна Богу и находится близ Него, легко испрашивая милость тем, кому хочет, только бы мы не оскорбляли ее, а она оскорбляется тогда, когда мы делаем ее из похищенного имущества. Если же она чиста, то доставляет великое дерзновение воссылающим ее к Богу. Сила ее такова, что она умоляет даже за падших и согрешивших. Она разрешает узы, разгоняет мрак, погашает пламень, умерщвляет червя, избавляет от скрежета зубов. Для нее беспрепятственно отверзаются врата небесные... Когда мы подвергаемся суду, она внезапно прилетает, является, избавляет нас от наказания, осеняя своими крыльями. Богу она угодна больше жертвы, о ней Он часто беседует, так она любезна Ему!.. Ничто столько не отличает христианина, как милостыня, ничему столько не удивляются неверные и все, как делам милосердия... Послушай пророка, который говорит: *я же — как маслина плодовая в доме Божием* (Пс. 51, 10). Будем подобны маслине, оградимся со всех сторон заповедями, ибо недостаточно быть только маслиной, но надобно быть и плодовой. Есть люди, которые подают милостыню мало: или во весь

год однажды, или один раз в каждую неделю, или только при случае. Они — маслины, но неплодовые, и даже сухие. Как подающие милостыню, они — маслины, а как подающие не щедро, они — маслины неплодовые. Будем же плодовые. Я часто говорил и теперь повторяю: важность милостыни измеряется не количеством подаваемого, но расположением подающего (1).

* * *

Кто постигнет его [нищего] бедствие, тот, конечно, тотчас окажет ему милость. Когда ты увидишь нищего, то не отворачивайся от него, но тотчас помысли, каков был бы ты сам, если бы был на его месте. Чего хотел бы ты получить от всех?.. Представь, что и он свободен так же, как ты, имеет одинаковую с тобой благородную природу и все у него общее с тобой, и между тем его, который нисколько не хуже тебя, ты часто не равняешь даже со своими собаками: эти вполне насыщаются хлебом, а тот нередко засыпает голодным, так что свободный становится ниже твоих рабов... Вот сильная

стужа. Нищий лежит на помосте, одетый в рубище, умирая от холода, скрежеща зубами, и видом и одеждой возбуждая сострадание, но ты, одетый тепло и опьяневший, проходишь мимо, не обращая на него внимания. Как же ты желаешь, чтобы Бог избавил тебя, когда ты находишься в опасности?.. И вот что странно: нередко тело мертвое, безжизненное, уже не чувствующее почестей, ты прикрываешь множеством разнообразных и позлащенных одежд, а тело страждущее, болезненное, мучимое и изнуряемое голодом и стужей, ты презираешь, более угождая тщеславию, нежели страху Божию. И если бы только это! Но тотчас начинаются еще укоришны на подходящего бедняка. Почему, говоришь ты, он не работает? Зачем ест хлеб, не трудясь? Но ты сам, скажи мне, своими ли трудами приобрел то, что имеешь? Не отцовское ли получил наследство? А если бы ты и трудился, то неужели поэтому ты можешь укорять другого? Разве ты не слышал слов Павла? *Вы же, — говорит он, — не унывайте, делая добро; и говорит это после того, как сказал: если кто не хочет трудиться, тот и не ешь* (1 Фес. 3, 13, 10).

Но он, говоришь ты, обманщик? Что говоришь ты, человек? Из-за одного хлеба и одежды ты называешь его обманщиком? Но он тотчас продаст ее [одежду], говоришь ты. А ты сам хорошо ли распоряжаешься всем своим имуществом? Как, неужели все нищие сделались такими от праздности? Неужели никто от кораблекрушений, никто от судилищ, никто от воров, никто от несчастий, никто от болезней, никто от каких-нибудь других обстоятельств? Между тем мы, слыша бедного, жалующегося на подобные несчастья, вызывающего громким голосом, устремляющего взоры на небо, с открытой головой, с распущенными волосами, одетого в рубище, тотчас называем его обманщиком, плутом, лицемером. Не стыдно ли тебе? Кого ты называешь обманщиком? Если не хочешь ничего дать, то по крайней мере не поноси человека. Но, говоришь ты, он имеет средства и притворяется. Это служит к осуждению тебя, а не его. Он знает, что имеет дело с людьми жестокосердными, скорее со зверями, нежели с людьми, — что сколько бы он ни произносил жалобных воплей, никого не тронет, потому и принужден принимать

на себя вид, еще более жалкий, чтобы приклонить твою душу. Когда мы увидим, что какой-нибудь подходит к нам в опрятной одежде, то говорим: он обманщик, он подходит в таком виде, чтобы показать, что он из благородных, а когда увидим кого-нибудь в противной одежде, то укоряем и его. Что же им делать? О, жестокость! О, бесчувственность! Для чего, говоришь ты, они обнажают изуверченные члены? Для тебя. Если бы мы были сострадательны, то им не нужно было бы прибегать к таким средствам, если бы они могли трогать с первого взгляда, то не ухищрялись бы таким образом. Какой несчастный захотел бы так вопить, принимать на себя отвратительный вид, вместе с обнаженной женой рыдать перед всеми, вместе с детьми посыпать себя пеплом? Что может быть хуже такой крайности? Но и за это мы не только не оказываем им сострадания, но еще осуждаем их... Но, говоришь ты, я часто подавал. А ты разве не каждый день принимаешь пищу? Разве ты отталкиваешь своих детей, хотя они и часто просят тебя? О, бесстыдство! Ты называешь нищего бесстыдным? Сам, похищая чужое, ты

не считаешь себя бесстыдным, а просящий хлеба бесстыден?.. Не видишь ли ты увечных старцев? Но — о, злословие! — этот, говорите вы, дает в долг по стольку-то червонцев, а тот по стольку-то и между тем просит милостыню. Вы рассказываете басни и сказки малых детей, которые они часто слышат от своих нянек; я не думаю, не верю, не может быть. Такой-то дает деньги в рост, а сам при своем достатке просит милостыню? Для чего же, скажи мне? Что может быть постыднее прошения милостыни? Лучше умереть, нежели просить милостыню. Но доколе мы будем жестокосердыми? Как, неужели все они дают деньги в рост? Неужели все обманщики? Неужели нет ни одного действительно нищего? Есть, говоришь ты, и много. Почему же ты не оказываешь помощи им, если ты точно знаешь жизнь их? Нет, это — предлог и отговорка. Всякому *просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся* (Мф. 5, 42)... Мы не поставлены быть судьями жизни других, иначе мы никому не подадим милостыни. Когда ты молишься Богу, то не говоришь ли: *не помяни грехов моих* (Пс. 24, 7)?

Так и о нищем, хотя бы он был великий грешник, думай то же и не поминай грехов его. Ныне время человеколюбия, а не строгость суда, милости, а не осуждения. Он хочет есть. Если желаешь — дай ему, если же не желаешь — откажи, не исследуя, почему он беден и несчастен. Для чего ты и сам не подаешь ему и желающих подать отклоняешь? Ибо когда кто-нибудь услышит от тебя, что этот нищий — обманщик, лицемер, ростовщик, то не подаст ни ему, ни другим, подумав, что они все таковы. Известно, как легко мы верим худому, и как нелегко — хорошему. Мы должны быть не просто милосердны, а как *Отец наш Небесный* (Мф. 5, 48). Он питает и блудников, и прелюбодеев, и обманщиков, и вообще всякого рода злодеев. В настоящем мире необходимо быть и такого рода многим. Он же всех питает, всех одевает, и никто никогда не умирал с голоду, разве только по собственной воле. Так и мы должны быть милосердны. Если кто просит у тебя и находится в нужде, помоги ему. Но мы ныне дошли до такого безумия, что поступаем так не только с нищими, ходящими по переулкам, но и с монашес-

твующими: он, говорим, обманщик (1)!

* * *

Теперь у нас сугубый голод... [голод] насыщения посредством милостыни. Ныне и мы, и бедные терпим голод, они — нуждаясь в необходимой пище, а мы — лишаясь милости Божией. Не может быть ничего необходимого такого насыщения. Здесь не бывает зла, происходящего от пресыщения, здесь избыток пищи не выходит вон...

Итак, приведем в действие ныне все роды милостыни. Можешь деньгами? Не медли. Можешь ходатайствовать? Не говори, что у тебя нет денег, это ничего не значит. Весьма много значит и то, если только будешь расположен, как бы ты подавал деньги. Можешь услугой? Сделай и это. Например, ты врач по званию? Позаботься о больных, и это много значит. Можешь советом? Это гораздо важнее всего: совет тем лучше и выше всего, чем большую он приносит пользу. Ибо им ты избавляешь не от голода, но от лютой смерти. Им и апостолы были особенно богаты, поэтому раздаяние потребностей они вверили

низшим, а сами пребывали в служении слову (см. Деян. 6, 1-4). Или, думаешь ты, невелика будет милостыня, если душу, предавшуюся унынию, находящуюся в крайней опасности, одержимую пламенем страсти, освободишь от этой болезни? Например, ты видишь друга, одержимого сребролюбием? Окажи милость этому человеку. Он хочет удавиться? Угаси пламень его. А что, если он не послушается? Ты делай свое дело и не ленись. Видишь связанного узами? — Ибо сребролюбие поистине есть узы. — Приди к нему, посети его, утешь, постарайся освободить от уз. Если не согласится, сам будет виноват. Видишь нагого и странника? — Ибо поистине есть нагой и странник для неба непекущийся о добродетельной жизни. — Возьми его в дом свой, одень в одежды добродетели, сделай гражданином неба. А что, скажешь, если я сам наг? Одень наперед себя самого; если знаешь, что ты наг, то, конечно, знаешь и то, что ты должен одеться (1).

* * *

В притче о десяти девах... когда надлежало прийти жениху,

то неразумные говорят мудрым: *дайте нам вашего масла*, а последние отвечают им: *чтобы не случилось недостатка и у нас и у вас, пойдите лучше к продающим и купите себе* (Мф. 25, 8-9). Не об елее и огне говорит здесь Писание, но о девстве и человеколюбии, означая девство под видом огня, а милостыню под видом елея и показывая, что девство имеет великую нужду в человеколюбии, без которого невозможно спастись. Кто же те, которые продают этот елей? Кто иной, как не бедные? Они не столько получают, сколько сами дают. Считай же милостыню не за расход, а за приход, не за ущерб, а за приобретение, потому что через нее ты больше получаешь, нежели даешь. Ты даешь хлеб, а получаешь жизнь вечную, даешь одежду, а получаешь одеяние бессмертия, даешь пристанище под своим кровом, а получаешь Царство Небесное, даешь блага погибающие, а получаешь блага постоянно пребывающие. Но, скажешь, как я могу подавать милостыню, когда я беден? Тогда особенно и можешь ты подавать милостыню, когда ты беден. Богатый, опьяненный обилием богатства, пламенеющий жесточайшей горячкой и одер-

жимый ненасытной страстью, желает увеличить свое имущество, а бедный, не зараженный этой болезнью и свободный от этого недуга, легче сделает подаяние из того, что у него есть. Милостыня зависит не от количества имущества, но от степени душевного расположения. Так, вдовица отдала две лепты и превзошла пресыщенных богатством, и другая вдовица, имевшая только горсть муки и немного елея, приняла к себе [пророка], имевшего небесную душу. Ни для одной из них бедность не была препятствием. Итак, не ссылайся на бесполезные и напрасные предлоги. Бог требует не изобилия приношения, но богатства душевного расположения, которое выражается не мерой подаваемого, но усердием подающих (2).

* * *

Не уделять из своего имущества есть также хищение... Я представляю вам из Божественных Писаний свидетельство о том, что не только похищать чужое, но и не уделять из своего другим означает хищение, и любо-
стяжание, и отнятие. Какое же это свидетельство? Укоряя иу-

деев, Бог через пророка говорит: земля принесла плоды свои, и вы не внесли десятин, но похищенное у бедного в домах ваших (см. Мал. 3, 10). Так как вы, говорит, не дали обыкновенных приношений, то похитили собственность бедного. Этими словами Он внушает богатым, что они владеют собственностью бедных, хотя бы получили отцовское наследство, хотя бы собрали богатство каким-либо другим способом. И еще в другом месте говорит: *живота нищего не лиши** (Сир. 4, 1), а лишующий отнимает чужое, потому что отнятием называется то, когда мы берем и удерживаем у себя чужое. Итак, из этого мы научаемся, что когда мы не подаем милостыни, то будем наказаны наравне с похитителями. Это имущества Господни, откуда бы мы их ни собрали, и если мы уделим из них бедным, то приобретем великое богатство. Бог попустил тебе иметь больше других не для того, чтобы ты тратил на блудодеяние, и пьянство, и пресыщение, и дорогие одежды, и на другие предметы роскоши, но для того, чтобы ты

* В синодальном переводе: не отказывай в пропитании нищему.

уделял нуждающимся. Как казнохранитель, получивший царские деньги, если не раздаст их кому приказано, а истратит на собственную прихоть, подвергается наказанию и погибели, так и богач есть как бы приемщик денег, следующих к раздаче бедным, получивший повеление разделить их нуждающимся из его сослужителей, поэтому если он истратит на себя сколько-нибудь сверх необходимой нужды, то подвергнется там жесточайшей ответственности, потому что имущество его принадлежит не ему собственнo, но его сослужителям.

Будем же беречь имущество как чужое, чтобы оно стало нашим. Как же нам сберечь его как чужое? Если будем тратить его не на излишние надобности и не на свои только, но и уделять в руки бедным, если ты богат, но тратишь сверх нужды, то ты дашь отчет во вверенных тебе деньгах. Это бывает и в домах вельмож: многие вверяют свои сокровища слугам своим, а получившие берегут вверенное им и не злоупотребляют сокровищами, но раздают их, кому и когда прикажет господин. Так поступай и ты, ибо не для того ты получил и принял больше других,

чтобы исстрачивать одному, но чтобы и для других ты был хорошим домоправителем (3).

* * *

Авраам не расспрашивал проходивших, кто они и откуда, как мы ныне делаем, но просто принимал всех проходивших, потому что оказывающий благотворительность должен не жизнь бедного исследовать, но помочь бедности удовлетворить нужде. Одно оправдание у бедного — недостаток и нужда, ничего больше не спрашивай у него, но если он, хотя бы был порочнее всех, нуждается в необходимой пище, то утоли голод его. Так поступать повелел и Христос: *да будете*, — говорил Он, — *сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных* (Мф. 5, 45). Милосердный есть пристань для нуждающихся, а пристань принимает всех, потерпевших кораблекрушение, и спасает от опасностей: злые ли, или добрые, или кто бы ни были те, которые находятся в опасности, — она принимает их в свои объятия. Так и ты, видя человека, под-

вергшегося на земле кораблекрушению бедности, не осуждай и не требуй отчета, но избавь от несчастья. Для чего ты навлекаешь на себя труды? Бог освободил тебя от всякой заботы и беспокойства. Сколько стали бы многие говорить и негодовать, если бы Бог повелел сперва с точностью разведывать жизнь, разузнавать поведение и поступки каждого и потом уже подавать милостыню? А теперь мы освобождены от всякого такого затруднения. Для чего же мы сами навлекаем на себе излишние заботы? Иное — судья, иное — податель милостыни. Милостыня потому так и называется, что мы подаем ее и недостойным. Так поступать увещевает и Павел: *делая добро, да не унываем... будем делать добро всем, а наипаче своим по вере* (Гал. 6, 9–10). Если мы станем расспрашивать и разведывать о недостойных, то и достойные не скоро попадутся нам, а если будем подавать и недостойным, то и достойные и подобные всем им попадут в наши руки, как и случилось с блаженным Авраамом, который, не расспрашивая и не разведывая о проходящих, сподобился принять некогда и Ангелов... Достоинство бедного со-

ставляет одна нужда, кто бы когда ни пришел к нам с ней, не станем ничего исследовать, потому что мы подаем не нраву, а человеку, и жалеем его не за добродетель, а за несчастье, чтобы и самим нам привлечь на себя великую милость от Господа, чтобы и самим нам, недостойным, сподобиться его человеколюбия (3).

* * *

[Апостол Павел] сказал: *при сборе же для святых поступайте так, как я установил в церквах Галатийских* (1 Кор. 16, 1)... Смотри на мудрость апостола, как благовременно он коснулся этого предмета. Наперед напомнил о будущем суде и страшном том судилище, о славе, которой облекутся праведные, и о вечной жизни, а потом уже предлагает слово и о бедных, чтобы слушатель, одушевившись приятными надеждами и сделавшись благорасположеннее, принял это наставление с большим усердием, когда в нем будет жив страх суда и душа станет услаждаться ожиданием будущих благ. В самом деле, кто в состоянии Любомудствовать о воскресении и весь перенесся

в будущую жизнь, тот почтет за ничто все настоящее: и богатство, и обилие, и золото, и серебро, и драгоценные одежды, и удовольствия, и роскошный стол, и все прочее, подобное этому, а кто считает все это за ничто, тот весьма легко примет на себя попечение о бедных. Поэтому и Павел, приготовив наперед ум коринфян рассуждением о воскресении, предложил потом и увещание.

И не сказал о милостыне к бедным или к нищим, но *для святых*, научая этим слушателей почитать и бедных, когда они благочестивы, и презирать богатых, когда они небрегут о добродетели... С этим он и коринфянам тайно внушал не высокоумствовать и не гордиться получением такого повеления, как будто бы они подавали людям низким и презренным, но твердо знать и уверять себя, что, удостаиваясь иметь общение в скорбях бедных, они получают величайшую почесть (6).

* * *

Земледелец, когда бросает семена в землю и на это издерживает все свое достояние, не печалится, не скорбит и эту трату

считает не потерей, но выгодой и прибылью, хотя надежда его и не несомненна. Не странно ли, что ты, который сеешь не с такой, но с гораздо более верной надеждой, и можешь вручить серебро самому Христу, — уклоняешься, медлишь и ссылаешься на бедность? Разве Бог не мог повелеть земле, чтобы она произрастила чистое золото? Кто сказал: *да произрастит земля зелень, траву сеющую семя* (Быт. 1. 11), и тотчас представил эту зелень во всей красе, тот мог повелеть, чтобы и источники и реки текли везде золотом. Но Он не хотел этого, а оставил многих жить в бедности: и для их, и для твоей пользы. Бедность более способствует добродетели, нежели богатство, и за кем есть грехи, те могут находить немалое утешение в пособии нуждающимся. Сам Бог так печется об этом, что когда Он пришел и облекся плотью и жил с людьми, то не отрекся и не почел за стыд Самому заботиться о бедных. Он умножал хлебы, одним повелением творил все, что хотел, мог и в одну минуту представить тысячи соколовиц и, однако, не сделал этого, но повелел ученикам своим иметь ящик, носить, что туда

опускали, и из этих денег помогать бедным. Когда Он прикровенно говорил Иуде о предательстве, ученики, не понимая, о чем шла речь, подумали, что Он велел Иуде подать что-нибудь бедным, потому что тот, сказано, *имел при себе денежный ящик и носил, что туда опускали* (Ин. 12, 6). Бог много печется об оказании милосердия не только с Его стороны нам, но и с нашей стороны подобным нам. Он и в Ветхом, и в Новом Завете дает множество законов об этом, повелевая быть милосердным всячески — и словами, и деньгами, и делами... Не будем же нерадеть об этом деле, потому что через него мы приносим величайшую пользу не бедным, а себе, и больше получаем, нежели даем (6).

* * *

Если мы станем исследовать образ жизни [нуждающихся], то не окажем милости ни одному человеку, но из-за такой неуместной пытливости останемся бесплодными, никому не подадим помощи и будем трудиться без всякой пользы и напрасно. Поэтому прошу вас, оставив неуместную пытливость, подавай-

те [милостыню] всем нуждающимся и делайте это с великой щедростью, чтобы и нам самим удостоиться в тот день [будущего суда] великой милости и снисхождения от Бога (6).

* * *

Будем прилагать великое усердие к милостыне, потому что иначе невозможно достигнуть Царства Небесного. Если девство без милостыни не могло привести в Царство, то какое другое доброе дело может или будет в состоянии сделать это без нее? Нет, никакое. Итак, всей душой и всеми силами будем подливать елей в светильники, и пусть это делается щедро и постоянно, чтобы свет всегда был ясный и обильный. Ты смотри не на бедного, который принимает, но на Бога, который воздает, не на того, кто получает серебро, но на того, кто делается должником твоим. Для того один принимает, а другой платит, чтобы, с одной стороны, бедность и несчастье принимающего расположили тебя к милости и состраданию, а с другой — богатство имеющего отдать, ручающегося за уплату с великой прибавкой, внушало надежду на некоторую выгоду и располагало

к милостыне с большей щедростью. Кто, скажи мне, имея в виду получить во сто раз более и будучи совершенно уверен в уплате, не отдаст всего?

Не будем же беречь деньги или, лучше, будем деньги беречь, потому что кто бережет свое имущество, тот полагает его в эту неприкосновенную сокровищницу, недоступную ни для разбойников, ни для слуг, ни для злых завистников и ни для каких козней. Если же ты, слыша и это, не решаешься отдать что-нибудь из своего имущества и ни стократное получение, ни несчастье бедного и ничто другое не может склонить тебя, то вспомни о своих грехах, войди в сознание своей греховности, исследуй всю свою жизнь, смотри тщательно все свои грехопадения, и тогда, хотя бы ты был бесчеловечнейшим из всех людей, постоянно чувствуя страх за свои согрешения и надеясь милостыней заслужить себе их прощение, ты отдашь и само тело твое, не только деньги. Если страдающие ранами, желая избавиться от болезней телесных, не жалеют никакого имущества и готовы отдать даже самую одежду, чтобы избавиться от своей болезни, то тем более мы, желая

избавиться милостыней от болезни душевной и от тяжких ран греховных, должны оказывать ее со всем усердием. При этом в болезнях, бросая серебро, нельзя вдруг исцелиться от боли, но часто нужно испытать и рассечение, и прижигание, и горькие лекарства, и голод, и холод, и другие тягчайшие предписания, а здесь не так, но достаточно отдать серебро в руки бедных — и все грехи тотчас омоются без боли и труда. Врач, исцеляющий душу, не имеет нужды ни в приемах, ни в орудиях, ни в железе, ни в огне, но Ему довольно сделать только мановение — и все грехи исчезают из нашей души и обращаются в ничто.

Не видишь ли, какие суровые подвиги переносят монахи, возлюбившие уединенную жизнь и удалившиеся на вершины гор? Имея постелью землю, одеваясь во власяницу, облагая все тело веригами и заключив себя в хижине, они постоянно борются с голодом, живут в слезах и невыносимых бодрствованиях, чтобы омыть хоть малую часть своих прегрешений, а тебе можно без всяких подобных суровых подвигов этим легким и удобным способом доказать свое благоче-

стие. Что за труд, скажи мне, пользуясь имуществом, употреблять излишнее сверх нужды на бедных? Если бы даже не было положено награды, если бы даже не было назначено воздаяния, то само свойство дела не в состоянии ли убедить самых упорных употреблять избытки на утешение нуждающихся? А когда за милостыню есть такие венцы, такие награды, такое прощение грехов, то какое, скажи мне, будут иметь оправдание те, которые жалеют денег и потопляют душу свою во грехах? Если же тебя ничто другое не располагает и не побуждает к состраданию и милостыне, то вспомни о неизвестности кончины и представь, что если ты не дашь бедным, то с наступлением смерти невольно оставишь все другим, и потому будь человеколюбивым теперь. Подлинно, было бы крайне безумно не давать добровольно другим нуждающимся из того, чего мы должны будем лишиться невольно, тогда как притом мы можем получить такие блага за эту щедрость. *Ныне ваш избыток в восполнение их недостатка*, — говорит апостол, — *а после их избыток в восполнение вашего недостатка* (2 Кор. 8, 14). Что значат эти слова?

Ты получаешь больше, нежели даешь: даешь чувственное, а получаешь умственное и духовное; даешь серебро, а получаешь отпущение грехов; ты избавляешь бедного от голода, а он избавляет тебя от гнева Божия. Это — некоторая мена и торговля, приносящая прибыток гораздо больше расхода и выгоду значительнее. Расход состоит в деньгах, а прибыток не в деньгах только, но и в отпущении грехов, в дерзновении перед Богом, в Царстве Небесном и в наслаждении такими благами, что *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку* (1 Кор. 2, 9). Поэтому не нелепо ли, — тогда как купцы не жалеют ничего из своего имущества, имея в виду не какую-нибудь необыкновенную прибыль, но подобную истраченной сумме, — мы, имея в виду затленные и преходящие блага приобрести не преходящие и нетленные, но нетленные и бессмертные, не оказываем такой же попечительности о своем имуществе, как и они (6)?

* * *

Когда творишь милостыню, не испытывай жизни бедного и

не требуй от него отчета в его нравах. Милостыня милостыней потому и называется, чтобы мы подавали и недостойным. Милующий не исправного, а согрешившего милует, исправный достоин похвал и венцов, а грешник — милости и снисхождения. Таким образом, мы и в этом будем подражать Богу, если будем подавать и порочным. Подумай, сколько живет во вселенной злословцев, преступников, волшебников, исполненных всякого зла, но и их Бог питает каждый день, научая нас простирать благотворительность на всех. А мы поступаем совершенно напротив. Мы отвращаемся не только от злых или дурных людей, но когда подойдет к нам человек здоровый, подвергшийся бедности или по справедливости, или по свободе, или, может быть, и по лени — допущу и это, — то мы, осыпав его порицаниями, бесчестиями и бесчисленными шутками, отсылаем его с пустыми руками, понося здоровье, укоряя леность, требуя отчета. Неужели на это ты поставлен, человек, чтобы неодуманно обвинять и укорять нуждающихся? Бог повелел милловать и исправлять их бедность, а не требовать отчета и прези-

рать. Или ты хочешь исправить их образ жизни, отвлечь от лени и на дело подвигнуть ленивца? Ты наперед подай и тогда укоряй, чтобы строгость не навлекла на тебя подозрения в жестокости, но чтобы тебе получить славу человека попечительного. Кто не подает, а только укоряет, от того бедный отвращается, того ненавидит, на того даже смотреть не хотел бы, и весьма справедливо, так как он думает, что укоризны происходят не от попечительности, а от нежелания подать, как действительно и бывает. А кто укоряет после подаяния, тот делает свое увещание удобоприемлемым, потому что высказывает порицание не по бесчеловечию, а из попечительности (6).

* * *

Я, говорят, воспитываю детей, забочусь о доме, кормлю жену, имею много необходимых расходов, поэтому я не в состоянии подавать милостыню приходящим ко мне. Что говоришь ты? Ты воспитываешь детей и поэтому не подаешь милостыни приходящим к тебе? Но для них-то тебе и должно подавать милостыню бедным, для этих самых

детей и для покровительства им, чтобы небольшими деньгами тебе умиловать Бога, который дал их тебе, чтобы оставить им предстателя в Нем и после твоей смерти, чтобы привлечь на них благоволение свыше этими деньгами, издерживаемыми для Бога. Не видишь ли, как многие часто вносят в свои завещания людей богатых и сильных, не имеющих с ними никакого родства, и делают их сонаследниками своих детей единственно для того, чтобы пожертвованием небольших денег доставить своим детям обеспечение, и притом не зная, как после смерти их будут расположены сделавшиеся участниками в наследстве? А ты, зная человеколюбие, благость и справедливость своего Владыки, не сделаешь Его участником в твоём завещании? Не сделаешь Его сонаследником детей твоих?.. Это — величайшее наследство, это — богатство, это — обеспечение. Введи Его в участники наследства здесь, чтобы Он ввел тебя и твоих детей в наследство там. Вот наследник благородный, человеколюбивый, благой, сильный, богатый, так что ни в чем невозможно подозревать обещание Его. Потому милостыня

и называется сеянием, что она есть не расход, а прибыль (6).

* * *

Приобретайте себе друзей, говорит Он, *богатством неправедным* (Лк. 16, 9). Посмотри, каково человеколюбие Владыки, какова благость и справедливость. Он не напрасно высказал такое прибавление. Так как у многих богачей богатство собрано грабежом и жадностью, то Он говорит: это дурно, и не следовало тебе так собирать деньги, но так как ты уже собрал, то отстань от грабежа и жадности и воспользуйся для должного своими деньгами. Не то я говорю, чтобы ты, грабя, оказывал милостыню, но чтобы ты, прекратив жадность, воспользовался богатством для милостыни и человеколюбия. Кто не удерживается от грабежа, тот не может совершать и милостыни, но хотя бы он отдавал множество денег в руки нуждающихся, деньги других, грабя и жадничая, он будет сочтен Богом наравне с человекоубийцами. Поэтому нужно наперед отстать от жадности и тогда подавать милостыню бедным. Велика сила милостыни... Бедные — врачи наших душ,

благодетели, предстатели, потому что ты не столько даешь им, сколько получаешь: даешь серебро, а получаешь Царство Небесное, облегчаешь бедность и примиряешь себя с Владыкой. Видишь ли, что воздаяние неравномерно? То — на земле, а это — на небе, то гибнет, а это остается, то — тленное, а это — выше всякого тления. Для того отцы наши и поставили бедных перед дверями молитвенных домов, чтобы один вид бедных мог даже в самом нерадивом и бесчеловечном пробудить воспоминание о милостыне. Когда здесь стоит сонм стариков, согбенных, набросивших на себя рубища, иссохших, загрязненных, с палками, с трудом могущих держаться, часто и слепых, и изуверченных всем телом, то кто будет таким каменным, таким адамантиновым, чтобы устоять против этой старости, немощи, увечья, бедности, жалкой одежды и вообще всего, преклоняющего его к состраданию, и остаться неподдающимся на все это? Поэтому они и стоят перед нашими дверями, видом своим сильнее всякого слова склоняя и призывая входящих к человеколюбию. Как в преддвериях молитвенных домов обыкновенно устаи-

ваются умывальницы, чтобы идущие молиться Богу сначала омыли руки и тогда простирали их на молитву, так и бедных отцы поставили перед дверями подобно источникам и умывальницам, чтобы мы, как умываем руки водой, так, очистив наперед душу человеколюбием, потом приступали к молитве... Ты на торжище приобрел себе много дурного: враг огорчил тебя, судья принудил тебя сделать что-нибудь ненадлежащее, извергал часто неуместные слова, друг склонил тебя сделать что-нибудь греховное и ты во многом другом провинился, в чем легко провиниться человеку, обращающемуся на торжище, председателю в судилищах, участвующему в городских делах, — во всем этом ты приходишь просить у Бога прощения и защиты. Брось же серебро в руки бедных и оботри эти нечистоты, чтобы с дерзновением ты воззвал к Тому, кто может отпустить тебе грехи. Если ты поставишь себе в обычай никогда не приступать к этому священному преддверью без милостыни, то волею или неволею никогда не опустишь этого доброго дела: такова привычка! (6)

* * *

Будем прилагать великое усердие к милостыне и не станем говорить, что такой-то порочен и недостоин благодеяний, такой-то ничтожен, такой-то презретен. Ты смотри не на достоинство нуждающегося в помощи, а только на нужду. Хотя бы он был ничтожен, низок и презретен, Христос вменяет тебе это в награду так, как бы Он сам через него получал благодеяния...

Когда не подаем бедным, мы даем обманщикам. Часто воры или коварные слуги, взяв, уходят, или теряем по другим обстоятельствам, а если и избегнем всего этого, то пришедшая смерть уносит человека нагим. Итак, чтобы этого не было, будем как взявшие наперед давать просящему Христу и откладывая в нерасхищаемую сокровищницу, чтобы нам быть уверенными и в сбережении, и в доходе. Он не только тщательно сохраняет то, что взял, но и опять отдаст тебе это с очень многим прибавлением. Не будем думать, что у нас уменьшится имущество, когда мы подаем милостыню. Оно не уменьшается, но возрастает, не издерживается, но умножается. Происходящее есть некоторый

оборот и сеяние, или — лучше — оно выгоднее и безопаснее того и другого. Торговля подвергается и ветрам, и морским волнам, и многим кораблекрушениям, а семена — и засухам, и проливным дождям, и другим неровностям воздуха. Деньги же, повергаемые в руки Христовы, выше всякого замысла. Никто не может исхитить из рук взявшего данное однажды, но оно там остается, производя многие и неизреченные плоды и принося нам в свое время богатую жатву (6).

* * *

Нам надлежало бы творить милостыню уже потому, что она — прекрасное дело, и из сострадания к нашим братьям, а не ради обещанных Владыкой наград. Но так как мы не в состоянии мыслить возвышенно, то будем творить милостыню хоть из-за награды, отнюдь, впрочем, не ища славы от людей, чтобы нам сверх растраты денег не лишиться и награды (8).

МИРОТВОРЦЫ

Если какие-нибудь люди ссорятся между собой за имущество, то прибегают к человеку доброму

и кроткому в надежде, что всякая ссора и несогласие тотчас прекратятся от его доброты. Подлинно, когда случится людям враждовать между собой, то кротость судьи располагает быть кроткими и тех, которые легко приходят в негодование и гнев. Другие же, стараясь явиться примирителями враждующих, не могут внушить к себе такого уважения. Так, по моему мнению, в каждом деле убедительный советник есть тот, кто первый исполняет действия, которые он советует. Поэтому когда учитель кротости первый является исполняющим свои советы, то он, как только явится, тотчас укрощает неистовых, и не нужно ему ни убеждений, ни слов, но еще прежде произнесения каких-нибудь выражений он уже водворяет мир. Как луч солнца, являясь, тотчас прогоняет тьму, так и человек добрый и кроткий скоро превращает смятение и ссору в мир и тишину. Здесь нужно заметить, что Христос об одних только мирных по образу жизни говорит, что они *будут наречены сынами Божиими* (Мф. 5, 9). Почему же одним миротворцам (кротким) Он усвоил свое собственное название? Потому, что один только тот,

кто становится для других виновником дружбы и мира, по возможности подражает Сыну Божию. Ибо как Он, Бог и Господь всех, явившись нам в Божественной Своей плоти, примирил с людьми святых Ангелов, которые были как бы враждебны им, так и человек добрый братьев, родственников и близких, враждующих между собой, убеждает повиноваться законам Божиим и, оставив вражду, любить друг друга по заповеди Божьей (1).

МНОГОГЛАГОЛАНЬЕ

Запрещая многоглаголанье, Господь внушает то, что молящиеся не должны просить скоропреходящего и погибающего: ни красоты телесной, которая увядает от времени, изглаживается от болезни, исчезает при смерти, потому что такова телесная красота, она — кратковременный цвет, недолго являющийся весной юности и скоро увядающий от времени, а если кто захочет исследовать сам сущность ее, то будет в состоянии тем более презирать ее, так как она есть не что иное, как влага, кровь, сок и жидкость съеденной пищи, через которую и глаза, и ще-

ки, и нос, и брови, и уста, и все тело получает полноту, если же прекратится прилив этот, то совершенно исчезнет и благообразие лица; ни денежного богатства, которое, подобно речным водам, притекает и утекает, переходит то к одному, то к другому, убеждает от тех, кто удерживает его, и не остается у тех, кто любит его, подвергается бесчисленному множеству бедствий от моли, от разбойников, от клеветников, от пожаров, от кораблекрушений, от нападений врагов, от восстаний народа, от злобы рабов, от потери записей, от приращений и умножений и от прочих зол, которые у любящих богатство происходят от любостяжания; ни почетной власти, которую также сопровождает множество скорбей, изнурительные заботы, частые бессонницы, козни завистников, враждебные замыслы ненавистников, красноречие ритор, благовидными словами утаивающее истину и подвергающее судей великой опасности. Есть, действительно есть многоглаголивые пустословы, которые просят у Всевышнего Бога таких и подобных предметов и нисколько не ценят благ истинных. Врача не учат больные употреблению лекарств, а толь-

ко принимают предлагаемое им, хотя бы и болезнен был способ врачевания; и кормчему мореплаватели не приказывают держать руль и направлять судно именно так, а не иначе, но, сидя на скамьях, они доверяют его знанию не только во время благоприятного плавания, но и тогда, когда подвергаются крайней опасности. Одному Богу, Который точно знает, что можно дать нам с пользой, люди не здравомысляще не хотят предать себя, но просят у Него вредного как полезного, поступая подобно тому больному, который просит врача дать ему не то, что искореняет болезнь, а то, чем питается вещество, производящее болезнь (6).

МНОГОЗАБОТЛИВОСТЬ (ЖИТЕЙСКИЕ ДЕЛА)

Разве вы не видите, какое расстояние между небом и землей, какая предстоит нам брань, как склонен человек ко злу, как окружает нас грех и какие составляем сети? Для чего же мы навлекаем на себя столько забот, кроме естественных, причиняем себе так много беспокойств и возлагаем на себя столь великие бремена? Разве не довольно нам забот о чреве, об одежде и о доме?

Разве не довольно попечений о вещах необходимых? Между тем Христос удаляет от нас и эти заботы: *Не заботьтесь*, — говорит Он, — *для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться* (Мф. 6, 25). Если же не должно печься о необходимой пище и одежде и даже о наступающем дне, то будут ли когда-нибудь в состоянии воспрянуть те, которые налагают на себя столь великое бремя и под ним погребают себя? Разве вы не слышали, что говорит Павел: *Никакой воин не связывает себя делами житейскими, чтобы угодить военачальнику* (2 Тим. 2, 4)? А мы предаемся роскоши, объединению и пьянству, сильно трудимся над предметами посторонними, а касательно предметов небесных оказываемся слабыми (1).

* * *

Житейские дела суть бури, и еще жесточе самих бурь. Хотя от них не происходит ни стужи, ни дождя, ни грязи, ни глубокого озера, но зато, что всего хуже, от этих дел образуется геенна со всеми ее мучениями. И как во время сильной стужи все члены цепенеют и замирают, так и ду-

ша, оледеневшая от холода греховного, не может отправлять дел своих, будучи скована, как морозом, совестью (1).

МОЛИТВА

Будем всегда молиться Богу. Будь ты хоть на торговой площади, можешь обратиться в себя и петь Богу, не будучи никем слышим, ибо и Моисей там молился и был услышан... Ибо не мешает и во время пути молиться сердцем... Если мы будем так поступать, то там, где призывается Христос, не найдется ничего мерзкого, ничего нечистого. Ешь ли, пьешь ли, женишься ли, отправляешься ли в путь — все делай во имя Божие, т.е. призывая Бога на помощь (1).

* * *

Великие блага происходят от двух добродетелей: от молитвы и поста. Ибо тот, кто молится как должно, и притом постится, немногого требует, а кто требует немногого, тот не будет сребролюбив, а кто не сребролюбив, тот любит подавать милостыню... Кто молится с постом, тот имеет два крыла, легчайшие самого ветра. Ибо таковой не

дремлет, не говорит много, не зевает и не расслабевает на молитве, как это бывает со многими, но он быстрее огня и выше земли, потому-то таковой особенно является врагом и ратоборцем против демонов, так как нет сильнее человека, искренне молящегося. Если жена могла преклонить жестокого начальника, который ни Бога не боялся, ни людей не стыдился, то тем более может преклонить Бога тот, кто непрестанно предстоит пред Ним, укрощает чрево и отвергает утехы. Если слабо у тебя тело, чтобы поститься беспрестанно, то оно неслабо для молитвы и для пренебрежения удовольствиями чрева (1).

* * *

Не для того дана ночь, чтобы мы во всю нее спали и бездействовали. Свидетели тому ремесленники, погонщики мулов, торговцы, Церковь Божия, встающая среди ночи. Восстань и ты. Посмотри на хор звезд, на глубокую тишину, на великое безмолвие и удивляйся делам Господа твоего. Тогда душа бывает чище, легче и бодрее, бывает особенно способна воспарять и возвышаться. Сам мрак и со-

вершенное безмолвие располагают к умилению. Если взглянешь на небо, испещренное звездами как бы бесчисленным множеством глаз, то получишь совершенное удовольствие, помыслив тотчас о Создателе...

Говорю это мужам и женам. Преклони колена, воздыхай, моли Господа твоего быть милосердивым к тебе: Он особенно преклоняется на милость ночными молитвами, когда ты время отдохновения делаешь временем плача. Вспомни о царе, как он говорит: *утрудился я от воздыханий моих, каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими орошаю постель мою* (Пс. 6, 7). Какие бы ты ни имел удовольствия, не будешь иметь более, чем он, как бы ты ни был богат, не будешь богаче Давида. Но он же в другом месте говорит: *в полночь я вставал славить Тебя за праведные суды Твои* (Пс. 118, 62). Тогда не беспокоит тщеславие, ибо как это возможно, когда все спят и не видят? Тогда не нападают лень и беспечность, ибо как это возможно, когда столь многое возбуждает душу? После таких всенощных бдений бывают и сон приятный, и видения чудные. Это делай и ты, муж, а не одна только жена. Пусть дом

сделается Церковью, составленной из мужей и жен. Не считай препятствием этому то, что ты муж только один и что она жена только одна. *Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мф. 18, 20). А где присутствует Христос, там великое множество. Где Христос, там необходимо бывают и Ангелы, и Архангелы, и прочие Силы. Потому вы не одни, когда с вами Господь всех... Если у тебя есть дети, то подними и детей, и пусть во время ночи весь дом сделается Церковью. Если же они малолетние и не могут переносить бодрствования, то пусть совершат или выслушают по крайней мере одну молитву или две и успокоятся; только ты встань, только ты себе обрати это в привычку. Нет ничего прекраснее жилища, в котором совершаются такие молитвы. Послушай, что говорит пророк: *вспоминал я о Тебе на постели моей, в утренние часы размышлял о Тебе* (Пс. 62, 7). Но, скажешь, я утомился в продолжение дня и не могу. Это — отговорка и предлог, ибо сколько бы ты ни трудился, не потрудишься более ковача меди, который опускает столь тяжелый молот с великой высоты на уголья и по всему те-

лу пропитывается дымом, и однако, проводит в этом большую часть ночи. И вы, жены, знаете, когда вам бывает нужно идти в поле или придти в ночное собрание, как там проводят целую ночь без сна. Так и у тебя пусть будет духовная ковальня*, чтобы устроить не котлы и сковороды, но душу твою, которая лучше всякого произведения из меди и золота. Ее, устаревшую от грехов, ввергни в горнило покаяния, ударяй ее с великой высоты молотом, т.е. исповеданием грехов, воспламени огонь Духа. Твое художество гораздо лучше. Ты устроишь не золотые сосуды, но душу, драгоценнейшую всего золота, подобно как ковач меди свое произведение. Ты не вещественный приготавлиешь сосуд, но освобождаешь душу от всякого житейского попечения. Пусть предстоит пред тобой светильник, не этот сгорающий, но тот, который имел у себя пророк, как он говорит: *светильник ногам моим — закон Твой* (Пс. 118, 105). Воспламени душу молитвой. Если увидишь, что она имеет довольно огня, то вынь ее из этого горнила и устрой ее, как хочешь. По-

* Ковальня — кузница. (Примеч. ред.)

верь мне, не столько огонь истребляет ржавчину металла, сколько ночная молитва — ржавчину грехов наших (1).

* * *

Когда я говорю кому-нибудь: проси Бога, молись Ему, прибегай к Нему с молитвой, то мне отвечают: я просил однажды, дважды, трижды, десять, двадцать раз и еще не получил. Не переставай просить, пока не получишь, конец молитвы — получение просимого. Тогда перестань, когда получишь, или лучше и тогда не переставай, но и тогда пребывай в молитве. Если ты не получил, то молись, чтобы получить; если же ты получил, то благодари за то, что получил. Многие приходят в церковь, произносят тысячи стихов молитвы и выходят, не зная, что говорили они; уста их движутся, а слух не слышит. Ты сам не слышишь своей молитвы, как же хочешь, чтобы Бог услышал твою молитву? Ты говоришь: я преклонял колена, — но ум твой блуждал вне, тело твоё было внутри церкви, а мысль твоя вне, уста произносили молитву, а ум исчислял доходы, договоры, условия, поля, владения,

общества друзей. Дьявол зол, он знает, что во время молитвы мы делаем великие успехи, поэтому тогда он и нападает на нас. Часто, лежа спокойно на постели, мы ни о чем не мыслим, а когда приходим молиться, то являются тысячи помыслов, чтобы мы вышли без пользы.

Итак... зная, что это бывает во время молитв, подражай хананеянке... Ты не имеешь бесноватой дочери, но ты имеешь грешную душу. Что сказала хананеянка? *Помилуй меня... дочь моя жестоко беснуется* (Мф. 15, 22). Так и ты скажи: *помилуй меня, душа моя жестоко беснуется*. Грех есть великий бес. Бесноватый возбуждает сострадание, а грешник — ненависть; тот заслуживает прощение, а этот не имеет оправдания. *Помилуй меня*: краткое слово, но оно нашло море человеколюбия, потому что где милость, там все блага. Даже когда ты будешь вне церкви, взывай и говори: *помилуй меня*; говори, хотя не двигая уст, но взывая умом: Бог слышит и тех, которые молчат. Для этого требуется не место, а прежде всего душевное настроение. Иеремия был в грязной яме и привлек к себе Бога, Даниил был во рве львином и благорасположил к

себе Бога, три отрока были в печи и, прославляя, умилировали Бога, разбойник был пригвожден ко кресту, и крест не воспрепятствовал ему, но отверз рай, Иов сидел на гноище и пользовался милостью Божией, Иона был во чреве кита, и Бог внимал ему. Будешь ли ты в умывальнице — молись; будешь ли в дороге или на постели и где бы ты ни был — молись. Ты — храм Божий, не ищи же места, нужно только душевное расположение. Хотя бы стоял пред судьей — молись, когда гневается судия — молись. Некогда впереди было море, позади египтяне, а посередине Моисей; великое было затруднение для молитвы, но велика была и широта молитвы. Сзади гнались египтяне, впереди было море, а посередине нужно было молиться. Моисей ничего не произносил, но Бог говорит ему: *что ты вопиешь ко Мне* (Исх. 14, 15)? Уста его не говорили, но ум взывал. Так и ты, когда стоишь пред судьей гневным, беспощадным, угрожающим величайшими наказаниями, или перед другими палачами, делающими то же самое, то молись Богу; и в то время, когда ты будешь молиться, волны утихнут. Судия против тебя? Ты прибе-

гай к Богу. Начальник нападает на тебя? Ты призывай Господа. Разве Он человек, чтобы тебе искать Его в каком-нибудь месте? Бог всегда близко. Если ты хочешь просить человека, то сначала спрашиваешь, что он делает, не спит ли, не занят ли, и слуга не отвечает тебе. А у Бога нет ничего такого. Куда бы ты ни ушел и стал призывать Его, Он слышит: ни занятия, ни посредник, ни слуга не отделяют Его от тебя. Скажи: *помилуй меня*, — и Бог тотчас делается присущим. *Тогда ты воззовешь*, — говорит пророк, — *и Он скажет: вот Я* (Ис. 58, 9). О слово, исполненное благодати! Он не ожидает окончания молитвы, еще прежде нежели окончишь молитву, ты уже получаешь дар. *Помилуй меня*. Будем же подражать той хананейке. *Помилуй меня... дочь моя жестоко беснуется*, — говорит она. Господь же говорит ей: *о, женщина! велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему. И исцелилась дочь ее*. Когда? *В тот час* (Мф. 15, 28); не в то время, когда мать ее пришла домой, но еще прежде, нежели пришла. Она пришла найти ее беснующейся и нашла здоровой, исцеленной (1).

* * *

Будем всегда прибегать к Богу и у Него просить всего. Ничего нет равного молитве: она и невозможное делает возможным, трудное — легким, неудобное — удобным. Ее совершал и блаженный Давид, потому и говорил: *семикратно днем я хвалил Тебя за праведные суды Твои* (Пс. 118, 164). Если же царь, обремененный бесчисленными заботами и развлекаемый со всех сторон, столько раз в день молился Богу, то какое оправдание или прощение можем получить мы, которые имеем столько праздного времени и не молимся Ему непрестанно, и притом тогда, как можем получить столь великую пользу? Ибо невозможно, чтобы человек, молящийся с должным усердием и призывающий Бога непрестанно, впал когда в грех... Кто воспламенил свой ум, возбудил душу, переселился на небо и таким образом Господа назвал своим. Кто, вспомнив о своих грехах, беседует с Ним о прощении их и молит Его быть милостивым и кротким, тот, упражняясь в такой беседе, отлагает всякое житейское попечение, окрыляется и становится выше страстей че-

ловеческих. Врага ли увидит он после молитвы, уже не будет смотреть на него как на врага; красивую ли женщину — не соблазнится при виде ее, потому что пламень, возожженный молитвой, еще остается внутри его и отгоняет всякую негодную мысль. Но поскольку нам как людям свойственно и впасть в беспечность, то, как пройдет час другой и третий после молитвы, и ты увидишь, что возбужденный в тебе жар готов мало-помалу охладеть, беги тотчас опять на молитву и согрей охладевшую свою душу. И если будешь делать это в продолжение всего дня, разогревая частым повторением молитв самые промежутки между ними, то не дашь диаволу доступа и входа к твоим мыслям. Как поступаем мы, готовясь обедать и пить, именно когда увидим, что нагретая вода остыла, то ставим ее опять на очаг, чтобы она поскорее нагрелась, так будем поступать и здесь: на молитву, как бы на горячие уголья, будем полагать уста свои и таким образом опять воспламенять душу свою к благоговению. Станем также подражать домостроителям. И они, когда надо строить здание из кирпича, по непрочности этого

материала связывают эту постройку длинными бревнами и кладут их не на большом, а на малом друг от друга расстоянии, чтобы от частой кладки этих бревен связность кирпичей сделать крепче. Это сделай и ты: перелагай все житейские дела свои частыми молитвами, как бы связями их бревен, и таким образом со всех сторон огради жизнь свою. Если будешь так поступать, то хотя бы подули бесчисленные ветры, хотя бы напали искушения, скорби, какие-либо горькие мысли или какое бы то ни было несчастье, не могут они уронить этого дома, скрепленного так частыми молитвами.

Но как возможно, скажешь, человеку светскому, привязанному к судилищу, молиться по три часа в день и приходить в церковь? Возможно, и весьма легко. Если же и нельзя прийти в церковь, так можно и привязанному к судилищу помолиться, стоя там, перед дверями, потому что для этого не столько нужно слово, сколько мысль, не столько простираение рук, сколько напряжение души, не столько известное положение тела, сколько расположение духа. И Анна [мать Самуила] была услышана не потому, что

испускала громкий и сильный голос, но потому, что крепко вопияла внутренне, сердцем. *И не было слышно голоса ее*, — говорит Писание (1 Цар. 1, 13), но Бог услышал ее. Это часто делали и многие другие: тогда как начальник внутри [судилища] кричал, грозил, напрягался, бесновался, они, стоя перед дверьми, оградив себя [крестным знаменем] и произнеся умом краткую молитву, входили в судилище и изменяли судию, укрощали его и из свирепого делали кротким. И ни место, ни время, ни молчание не было для них препятствием к такой молитве. Так и ты сделай: стеной горько, вспомни о грехах своих, воззри на небо, скажи умом: *помилуй мя, Боже*, — и кончена молитва твоя. Кто сказал *помилуй*, тот сделал исповедь и сознал грехи свои, потому что желать помилования свойственно согрешившим. Кто сказал *помилуй мя*, тот получил Царствие Небесное, потому что Бог кого помилует, того не только освобождает от наказания, но и удостоивает будущих благ. Не станем же говорить в свое оправдание, что дом молитвы не близко: благодать Духа нас самих сделала храмами Божиими, если только мы бдительны,

стало быть, [молиться] для нас по всему весьма легко. Наше богослужение не таково, каково было прежде у иудеев, имевшее много чувственного и требовавшее множества обрядов. Там молящемуся надлежало и войти в храм, и купить горлицу, и принести дрова и огонь, и взять нож, и стать перед жертвенником, и исполнить множество других постановлений. Здесь же не нужно ничего такого, но где бы ты ни был, везде с тобой и жертвенник, и нож, и жертва, потому что ты сам и жрец, и жертвенник, и жертва. Где бы ты ни был, везде можешь поставить жертвенник, покажи только добрую волю, и не помешает тебе место, не воспрепятствует и время; нет, хоть ты и не преклонишь колен, не станешь бить себя в грудь и не прострешь рук к небу, а только покажешь горячую душу, так сделаешь все [нужное] для молитвы. Можно и жене, сидя за прялкой или занимаясь тканьем, воззреть умом на небо и призвать Бога пламенно, можно и мужу, выходя на площадь или идучи по делу, совершать усердные молитвы, другому, и сидя в мастерской и шивая кожи, можно вознести душу к Господу; можно слуге, и

покупая, и поднимаясь вверх, и сходя вниз, и занимаясь на кухне, совершать искреннюю и усердную молитву. Бог не гнушается местом, Он требует только одного пламенного сердца и целомудренной души. А чтобы увериться тебе, что для молитвы требуется не известное положение тела, место или время, но мысль доблестная и добрая, послушай, как Павел, лежа в темнице распростертый, а не стоя прямо (потому что не позволяла ему этого колода, в которую забиты были ноги его), как он, помолившись с усердием лежа, потряс темницу и поколебал ее основание, устрасил темничного стража и затем привел его к святому Таинству. Опять Езекия, не стоя прямо и не преклонив колена, но лежа на постели по причине болезни и обратившись к стене, как с жаром и целомудренной душой призвал Бога, так и отменил произнесенный уже приговор и привлек к себе великое благоволение Божие и получил прежнее здоровье. И это случалось не только со святыми и великими мужами, но и с порочными. Так разбойник, и не стоя в доме молитвы, ни преклонив колена, но распростерт будучи на кресте,

немногими словами приобрел Царствие Небесное. Иной в тине и во рве, другой во рве и со зверями, иной даже в чреве китовом, призвав Бога, прекращал все бедственные обстоятельства и привлекал к себе вышнее благоволение. Говорю это, чтобы убедить вас чаще приходить в церковь и дома молиться в тишине в свободное время, и преклоняя колена, и воздевая руки. Если же в какое-либо время или в каком-либо месте будете находиться среди множества других людей, и тогда не надобно составлять обычных молитв, но таким же образом... молитесь и призывайте Бога в надежде получить не меньшую пользу и от такой молитвы (1).

* * *

Во время поста молитвы совершаются с особенным вниманием, потому что тогда душа бывает легче, ничем не отягчается и не подавляется губительным бременем удовольствий. Молитва — великое оружие, великая защита, великое сокровище, великая пристань, безопасное убежище. Только бы мы приступали к Господу с бодрой душой и собранными мыс-

лями, не давая никакого доступа врагу нашего спасения. Так как он знает, что в это время мы можем, беседуя о необходимом для нас и исповедуя свои грехи и показав раны Врачу, получить совершенное исцеление, то в это-то время особенно нападет и употребляет все усилия, чтобы низложить и повергнуть нас в беспечность... Постараемся особенно в это время отгонять его так, как будто бы мы видели его присутствующим и стоящим перед нашими глазами, постараемся удалить от себя всякий помысел, смущающий душу нашу, напрягать все свои силы и творить усердную молитву так, чтобы не только язык произносил слова, но и душа вместе со словами восходила к Богу. Ибо если язык и произносит слова, а душа скитается вне, помышляя о домашних делах, мечтая о том, что бывает на торжище, то нам не будет никакой пользы, а может быть, будет еще и большее осуждение... Поэтому и апостол Павел писал: *всякою молитвою и прошением молитесь во всякое время духом* (Еф. 6, 18), то есть не только языком и с постоянным бдением, но и самой душой: *духом*. Ваши прошения, говорит, да бу-

дут духовны, да бодрствует ваш ум, ваша душа да внимает словам. Просите того, что прилично просить от Бога, чтобы получить вам и просимое. И при этом ведите себя внимательно, трезвясь и бодрствуя душой, не выказывая небрежности, не носясь умом туда и сюда...

Великое дело — молитва. Если кто-либо, разговаривая с добродетельным человеком, получает от того немалую пользу, то каких благ не получит удостоившийся беседовать с Богом? Потому что молитва есть беседа с Богом. И чтобы тебе удостовериться в этом, послушай, что говорит пророк: *да будет усладительна Ему молитвенная беседа моя* (Пс. 103, 34), то есть да будет приятна Богу беседа моя. Разве не может Он и прежде нашего прошения подать нам? Но Он потому ожидает [нашего прошения], чтобы иметь случай праведно удостоить нас Своего промышления. Итак, получим ли просимое или не получим, будем прилежать к молитве и благодарить не только тогда, когда получаем, но и когда не получаем, потому что и неполучение, когда бывает по воле Божией, не менее благотворно, чем получение. Ибо мы не знаем, что нам

полезно в той мере, в какой Он это знает. Следовательно, получим или не получим, мы должны благодарить. И что удивляешься, что мы не знаем, что полезно для нас? И Павел, муж столь великий и высокий, удостоившийся таких неизреченных [откровений], не знал, что он просил бесполезного ему. Видя себя окруженным бедствиями и непрестанными искушениями, он молился об избавлении от них, и не однажды, не дважды, но многократно: *трижды молил я Господа* (2 Кор. 12, 8), т.е. трижды он молил и не получил. Посмотрим же, как он это перенес. Возроптал ли, впал ли в уныние, отчаялся ли? Нет, но что он говорит? *Господь сказал мне: «довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи»* (2 Кор. 12, 9). Бог не только не освободил его от постигших его бед, но и попустил ему оставаться в них. Пусть так. Но откуда известно, что он не роптал на это? Слушай, что сам Павел говорил, когда узнал, что так угодно Богу: *и потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами*; не только, говорит, не ищу уже освободиться от этих бед, но еще с великим удовольствием хвалюсь ими...

Послушай, что еще говорит он: *мы не знаем, о чем молиться, как должно* (Рим. 8, 26), то есть мы как люди не можем знать все обстоятельно. Итак, все нужно предоставить Создателю естества нашего и принимать с весельем и великой радостью все, что не определит Он, и смотреть не на то, чем кажутся нам происшествия, а на то, что так угодно Богу. Ибо Он, лучше нас зная, что нам полезно, знает и то, как устроить наше спасение.

Итак, единственным делом с нашей стороны да будет постоянно пребывать в молитве и не роптать на нескорое исполнение прошений, но показывать великое терпение. Бог медлит исполнить наши прошения не потому, чтобы отвергал их, но потому, что хочет научить нас усердию и постоянно привлекает нас к Себе... Зная это, не будем никогда отчаиваться и не перестанем приступать к Богу и возносить к Нему усердные молитвы. Ибо, если усердная просьба женщины подействовала на жестокого бесчеловечного и не боявшегося Бога судью и заставила его оказать ей защиту (см.: Лк. 18, 2–7), мы ли, если только захотим подражать этой женщине, не расположим ока-

зать нам помощь нашего милосердного и человеколюбивого Господа, Который по благоутробию Своему хочет устроить наше спасение? Итак, научимся неотступно и постоянно прилежаться к молитве, и днем и ночью, и особенно ночью, когда никто не смущает, когда ум спокоен, когда великая тишина и нет никакого волнения в доме, потому что никто не препятствует нам заняться молитвой и не отвлекает от нее, когда возбужденная душа может обстоятельно высказать все Врачу душ (1).

* * *

Хотя бы мы и ничего не получили от Него, одно продолжительное собеседование с Ним не следует ли считать стоящим бесчисленных благ? Но постоянная молитва, говоришь ты, трудное дело. А какое из добрых дел, скажи мне, не трудно (1)?

* * *

Постоянно будем прибегать в молитве к Богу и просить Его о помощи. Ибо часто, чего мы не можем исполнить собственными усилиями, того легко можем достигнуть посредством мо-

литв, молитв постоянных. Подлинно, нужно молиться всегда и непрестанно, и в скорби, и в радости, и в благоденствии: в радости и благоденствии о том, чтобы они оставались ненарушимыми и неизменными и никогда не прекращались, а в скорби и несчастьи о том, чтобы увидеть какую-нибудь благоприятную перемену и чтобы они сменились утешительным спокойствием. Находишься ты в спокойствии? Тогда проси Бога, чтобы это спокойствие оставалось у тебя твердым. Видишь наступающую бурю? Усердно моли Бога пронести это волнение и водворить после бури тишину. Услышан ты? Благодарим за то, что ты услышан. Не услышан? Имей терпение, чтобы ты был услышан. Хотя Бог иногда и медлит подаванием, но делает это не по ненависти и отвращению, а желая медленностью подавания более удержать тебя при Себе, как поступают и чадолюбивые отцы: и они медленностью подавания мудро стараются долее удержать при себе нерадивейших детей. Не нужно тебе ни посредников перед Богом, ни долгого странствования, ни угождения другим, но хотя бы ты был одиноким и беззащитным,

ты сам собой, умоляя Бога, конечно, получишь просимое. Он обыкновенно склоняется не столько тогда, когда другие умоляют Его за нас, сколько тогда, как мы сами молимся, хотя бы мы обременены были множеством зол. Ибо если между людьми, когда мы сильно оскорбим кого-нибудь, но и утром, и в полдень, и вечером будем являться к оскорбленным нами, неотступностью и постоянным присутствием в глазах их легко можем прекратить их вражду, то тем более это может быть в отношении к Богу.

Но ты недостойн? Сделайся достойным посредством неотступности. А что действительно и недостойный может сделаться достойным посредством неотступности, что Бог скорее склоняется тогда, когда мы сами умоляем Его, нежели когда через других, и что часто Он медлит подаванием не для того, чтобы привести нас в отчаяние и отпустить с пустыми руками, а чтобы сделать виновником больших для нас благ: эти три истины я постараюсь объяснить вам. Подошла ко Христу хананеянка, умоляя его о своей бесноватой дочери и взывая с великой силой, говорила: *помилуй меня, Господи, сын Давидов, дочь моя*

жестокое беснуется (Мф. 15, 22). Вот — женщина иноплеменная, иноземная и не принадлежащая к иудейскому гражданству. Что она иное, как не пес, и не была ли недостойна получить просимое? *Нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам* (Мф. 15, 26). Однако и она сделалась достойной посредством неотступности, ибо и ее, бывшую псом, Он не только возвел в благородство детей, но и отпустил со многими похвалами, сказав: *о, женщина! велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему* (Мф. 15, 28). Когда же Христос говорит: *велика вера*, то не ищи никакого другого доказательства величия души этой женщины. Видишь ли, как женщина недостойная сделалась достойной посредством неотступности? Хочешь ли знать и то, что мы более получаем успеха, умоляя Бога сами собой, нежели через других? Когда она взывала, ученики, подойдя, говорят: *отпусти ее, потому что кричит за нами*. Христос же говорит им: *Я послан только к погибшим овцам дома Израилева*. А когда она сама подошла, продолжая взывать, и сказала: *так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их*,

то Он даровал ей благодать, сказав: *да будет тебе по желанию твоему*. Видишь ли, как Он тогда, как ученики просили, отказал, а когда она сама просила дара, взывая, то склонился на просьбу? Им Он говорит: *Я послан только к погибшим овцам дома Израилева*; а ей сказал: *велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему*. Также прежде, в начале прошения, Он ничего не отвечал, а после того, как она однажды, и дважды, и трижды приступила, Он даровал благодать, научая нас этим окончанием, что Он медлил подаянием не для того, чтобы отвергнуть ее, но чтобы показать всем нам терпение женщины. Если бы Он медлил для того, чтобы отвергнуть ее, то не дал бы и в последствии, а так как Он желал показать все ее любомудрие, то Он и молчал. Ибо если бы Он дал тотчас и в самом начале, то мы не узнали бы мужества этой женщины. *Отпусти ее*, — говорят ученики, — *потому что кричит за нами*. Что же Христос? Вы слышите голос, а Я вижу душу. Я знаю, что она имеет сказать. Я не хочу оставить неизвестным скрытое в ее душе сокровище, но ожидаю и молчу, чтобы открыть его, представить и сделать известным для всех.

Итак, зная все это, хотя бы мы были грешны и недостойны получения [просимого], не будем отчаиваться, будучи уверены, что посредством постоянства душевного мы можем сделаться достойными просимого. И хотя бы мы были незащитны и одиноки, не будем унывать, зная, что великое ходатайство то, чтобы самому приступить к Богу с великим усердием. И если Он медлит и откладывает подаяние, не будем падать духом, будучи убеждены, что это промедление и отсрочка есть знак Его попечения и человеколюбия. Если с таким убеждением, с душой скорбящей и пламенной и с желанием добрым и таким, с каким приступила хананеянка, будем приступать к Нему и мы, то хотя бы мы были псами, хотя бы сделали что-нибудь дурное, мы очистимся от своих пороков и получим такое дерзновение, что в состоянии будем ходатайствовать и за других; подобно как и эта хананеянка не только сама получила дерзновение и много похвал, но могла и дочь свою избавить от невыносимых страданий. Ибо нет, подлинно нет ничего сильнее пламенной и искренней молитвы. Она освобождает и от настоящих бедствий,

избавляет и от будущих мучений. Чтобы нам легко провести и настоящую жизнь, и в будущую отойти с дерзновением, будем непрестанно совершать молитву с великим усердием и ревностью (1).

* * *

Все мы молимся, но не все перед Богом. У кого в то время, как тело лежит на земле и уста бессмысленно произносят слова, душа блуждает везде: дома и на площади, — такой может ли сказать о себе, что молится перед Богом? Перед Господом молится тот, кто вполне собрал душу свою и не имеет ничего общего с землей, но переселился на само Небо и изгнал из души всякий человеческий помысел, как сделала Анна, о которой говорит Писание: *она долго молилась пред Господом, Илий смотрел на уста ее* (1 Цар. 1, 12). Здесь писатель показывает в этой жене две добродетели — постоянство в молитве и бдительность души: первое — словом *долго*, последнюю — прибавлением *пред Господом*. Ибо она, всю себя собрав и напрягая ум, призывала Бога скорбной душой. Как же говорит [Писание], что она

долго молилась, тогда как молитва ее была кратка? Ибо она не распространялась в словах и не долго продолжала молитву, но сказала немногие и простые слова: Господи Всемогуций Боже Саваоф! если Ты призришь на скорбь рабы Твоей и вспомнишь обо мне, и не забудешь рабы Твоей и дашь рабе Твоей дитя мужеского пола, то я отдам его Господу в дар на все дни жизни его, и вина и сикера не будет он пить, и бритва не коснется головы его (1 Цар. 1, 11). Какое тут множество слов? Что же писатель выразил словом *долго*? То, что она постоянно повторяла одно и то же и не переставала в течение долгого времени произносить одни и те же слова. Так молиться повелел и Христос в Евангелии, сказав ученикам своим, чтобы они не молились и не говорили лишнего, как язычники. Он показал нам и меру молитвы, внушая, что молящийся может быть услышан не за множество слов, но за бдительность души (см. Мф. 6). Но, скажет кто-нибудь, если должно молиться немного, то почему Он сказал им притчу, внушающую, что должно молиться непрестанно, — притчу о том,

что была одна вдовица, которая частым приходом своим и непрестанным повторением просьбы преклонила на милость жестокого и бесчеловечного судью, не имевшего ни страха Божия, ни стыда человеческого (см.: Лк. 18, 3)? Почему и Павел увещевает... *непрестанно молитесь* (1 Фес. 5, 17)? А говорить недолго и молиться непрестанно — это противоречит одно другому. Нисколько не противоречит, напротив, одно с другим весьма согласно. И Христос, и Павел заповедали творить краткие, но частые молитвы с небольшими промежутками. Если ты будешь распространяться в словах, то нередко станешь делать это без внимания и дашь диаволу большую свободу подойти к тебе, низложить и отвлечь мысль твою от того, что говорить. Но если будешь творить молитвы частые, таким учащением [молитв] занимая всякое время, легко можешь быть бдительным и сами молитвы станешь творить с полным вниманием (1).

* * *

Вы находитесь в беспрестанных заботах и развлекаетесь житейскими делами, потому вспо-

минайте о Боге по крайней мере на ложе, размышляйте о Нем в утреннее время. Если мы будем заниматься этим поутру, то без всякой опасности будем выходить на дела свои; если благоговением и молитвой наперед умилюстивим Бога, то и после не встретим никакого врага, а если встретишь, то посмеешься ему, имея в защиту свою милостивого Бога. Торжище — это война, ежедневные дела — это сражение, волнение и буря. Поэтому нам нужно оружие, а молитва есть великое оружие; нужны попутные ветры, нужно быть сведущим во всем, дабы провести время дня без кораблекрушений и ран; много подводных камней встречается ежедневно, и часто наш корабль разбивается и утопает. Поэтому нам нужно молиться, особенно утром и ночью. Если тот, кто намеревается ратоборствовать перед людьми, много заботится о себе, то гораздо более следует постоянно печься и заботиться нам, которых вся жизнь есть борьба. Итак, пусть будет у нас каждая ночь всеобщим бдением, будем стараться, чтобы нам, выйдя днем, не подвергнуться осмеянию (1).

* * *

Молитва есть оружие великое, сокровище неоскудевающее, богатство никогда неистощаемое, пристань безмятежная, основание спокойствия; молитва есть корень, источник и мать бесчисленных благ и могущественнее царской власти. Бывает иногда, что облеченный диадемой страдает горячкой и лежит на постели в воспалении, а около него стоят врачи, копьеносцы, слуги, военачальники. Но ни искусство врачей, ни присутствие друзей, ни услужливость рабов, ни множество лекарств, ни драгоценность убранства, ни изобилие богатства и ни что другое человеческое не может облегчить постигшей его болезни. Если же войдет кто-нибудь, имеющий дерзновение перед Богом, и только коснется его тела и вознесет о нем чистую молитву, то вся болезнь исчезает и таким образом, чего не могли сделать богатство, множество прислужников, опытное искусство и величие царской власти, то часто могла совершать молитва одного бедного и нищего. Впрочем, я говорю о молитве не пустой и рассеянной, но возносимой с усердием из души

скорбящей и сердца сокрушенного. Такая молитва восходит к небу, как вода: пока течет по ровной местности и имеет большой простор — не поднимается кверху, а когда руки водопроводчиков снизу задержат и стеснят ее, то она быстрее всякой стрелы устремляется в высоту. Так точно и душа человеческая: пока пользуется большой свободой — развлекается и рассеивается, а когда низменные обстоятельства стеснят ее, то она, выдержав хорошее испытание, возносит горé чистые и усердные молитвы. А чтобы тебе убедиться, что молитвы, совершаемые в скорби, скорее могут быть услышаны Богом, послушай, что говорит пророк: *ко Господу в скорби моей я воззвал, и Он услышал меня* (Пс. 119, 1). Возбудим же свою совесть, опечалим душу памятью о грехах, опечалим не для того, чтобы стеснить ее, а для содействия тому, чтобы она была услышана, чтобы она трезвилась, бодрствовала и достигала до самых небес. Ничто так не отгоняет беспечности и рассеянности, как скорбь и печаль; она отовсюду сосредоточивает душу и обращает ее к самой себе. Кто так скорбит и молится, тот после молитвы мо-

жет испытать в своей душе великое удовольствие. Как сгустившиеся облака сначала делают воздух мрачным, а испустив обильный дождь и излив всю влагу, оставляют воздух чистым и светлым, так точно и печаль, пока скопляется внутри, помрачает наш ум, а когда разрешится словами молитвы и соединенными с ней слезами и выйдет изнутри вон, то оставляет в душе великую ясность, так как в душу молящегося входит, как некоторый луч, помощь Божия...

Сила молитвы погашала силу огня, обуздывала ярость львов, останавливала войны, прекращала сражения, утишала бури, прогоняла демонов, отверзала врата неба, расторгала узы смерти, отгоняла болезни, отражала злобу, укрепляла колеблющиеся города; и свыше посылаемые удары, и человеческие козни, и все вообще бедствия отклоняла молитва (2).

* * *

Нет ничего сильнее молитвы и даже ничего равного ей. Не столько блистателен царь, одетый в багряницу, сколько молящийся, украшающийся беседой

с Богом. Как тот, кто в присутствии войска и военачальников, многих вельмож и градоначальников, приблизившись к царю и вступив наедине в беседу с ним, обращает на себя взоры всех и от этого становится более достойным, так точно бывает и с молящимися. Подумай, сколь важное дела в присутствии Ангелов, Архангелов, Серафимов, Херувимов и всех прочих Сил простому человеку приступать с великим дерзновением и беседовать с Царем этих Сил, с какой это может сравниться честью? И не только честь, но и величайшую пользу доставляет нам молитва еще прежде, нежели мы получим то, чего просим. Как только кто-нибудь поднимет руки к небу и призовет Бога, он тотчас отрешается от всех дел человеческих и обращается мыслью к будущей жизни, представляет небесные блага и во время молитвы не думает о здешней жизни, если молится усердно. Воспламенится ли в нем гнев, он легко укрощается, возгорится ли похоть, она потухает, станет ли терзать его зависть, она весьма легко прогоняется, и в душе молящегося совершается то же, что, по словам пророка, бывает в природе при восходе солн-

ца. Что же говорит он? *Ты простираешь тьму и настает ночь, во время коей ходят все звери лесные, молодые львы, рыкающие о добыче, чтобы выпросить у Бога пищи себе. Взошло солнце, и они собрались и легли в своих логовищах* (Пс. 103, 20–22). Как при появлении солнечных лучей все звери обращаются в бегство и прячутся в свои норы, так точно, когда молитва засияет, как луч, от наших уст и языка, ум наш просвещается, а все безумные и зверские страсти прогоняются, обращаются в бегство и скрываются в свои убежища, если только мы молимся усердно, с напряженной душой и бодрым умом. Хотя бы тогда присутствовал диавол, он обращается в бегство, хотя бы демон, он удаляется. Когда господин беседует с рабом, то никто из других рабов и даже никто из имеющих перед ним дерзновение не посмеет подойти и помешать их беседе, тем более демоны как оскорбившие Бога и не имеющие перед Ним дерзновения не могут беспокоить нас, беседующих с Богом с надлежащим усердием. Молитва есть пристань для обуреваемых, якорь для колеблемых волнами, трость немощных, сокровище бедных,

твердыня богатых, истребительница болезней, хранительница здоровья, молитва соблюдает наши блага неизменными и скоро устраняет всякое зло. Если нас постигнет искушение, она легко прогоняет его, если случится потеря имущества или что-нибудь другое, причиняющее скорбь нашей душе, она скоро устраняет все это. Молитва прогоняет всякую скорбь, доставляет благодушие, способствует постоянному удовольствию, она есть мать любомудрия. Кто может усердно молиться, тот богаче всех, хотя бы он был беднее всех, напротив, кто не прибегает к молитве, тот, хотя бы сидел на царском престоле, беднее всех (2).

* * *

Кому все изменило, того могла спасти сила молитвы. Так молитва, скажут, столько сильна, что может освободить от казни и мучения того, кто оскорбил Господа бесчисленными делами и поступками? Да, столько может она, человек! Впрочем, все это совершает она не одна, но имеет величайшего сподобника и помощника в человеколюбии — Бога, приемлющего молитву (6).

* * *

Молитва есть огонь, особенно когда она воссылается трезвенной и бодрствующей душой, но этот огонь нуждается и в елее, чтобы достигнуть до самых небесных сводов, а елей для этого огня есть не что иное, как милостыня. Подливай же этот елей щедро, чтобы, ободряясь правым делом, ты мог совершать молитвы с большим дерзновением и большим усердием. Как незнющие за собой ничего доброго не могут и молиться с дерзновением, так сделавшие что-нибудь правое и после праведного дела приступающие к молитве, ободряясь воспоминанием о сделанном добре, возносят молитву с большим усердием. Поэтому, дабы наша молитва сделалась сильнее и от того, что наша душа во время молитвы будет ободряться воспоминанием о добрых делах, будем приходить на молитву с милостыней (6).

* * *

Часто чего мы не в силах совершить собственным старанием, легко можем исполнить посредством молитв, — молитв постоянных. Подлинно, нужно

молиться всегда и непрестанно: в скорби, в спокойствии, в бедствиях, в благах. В спокойствии и многих благах о том, чтобы они оставались неподвижными и неизменными и никогда не прекращались, а в скорби и во многих бедствиях о том, чтобы увидеть какую-нибудь полезную перемену и чтобы они сменились в тишину утешения. В тишине ты? Тогда проси Бога, чтобы эта тишина оставалась у тебя твердой. Наступившую бурю ты увидел? Напряженно проси Бога пронести это волнение и водворить после бури тишину. Услышан ты? Благодари за то, что ты услышан. Не услышан? Имей терпение, чтобы ты был услышан, потому что хотя Бог иногда и отсрочивает подавание, но делает это не по ненависти и отвращению, а желая медленностью подавания постоянно удерживать тебя при Себе... У тебя нет нужды в посредниках к Богу ни во многом обращении и в лести другим, но, хотя бы ты был одиноким и без предстателя, ты сам собой, призвав Бога, устроишь все вполне. Он обыкновенно склоняется не столько тогда, когда другие призывают Его за нас, сколько тогда, когда мы сами просим, хотя бы мы ис-

полнены были множеством зол. Если между людьми, когда мы много оскорбим кого-нибудь, но и утром, и в полдень, и вечером будем являться к опечаленным нами, неотступностью и постоянным присутствием в глазах их легко прекращаем их вражду, то тем более это может быть в отношении к Богу (6).

* * *

Молитва, совершаемая с усердием, есть свет для ума и души, свет неугасаемый и постоянный. Поэтому диавол влагает тысячи нечистых помыслов в наши умы, и о чем мы никогда не думали, то, собрав, во время молитвы вливает в наши души... Пока диавол нападает извне, мы будем в состоянии противиться, когда же откроем ему двери души и примем врага внутрь, то уже не сможем нимало противиться ему, но со всех сторон помрачив нашу память, как бы дымящийся светильник, он оставит только уста — произносить пустые слова (6).

* * *

Многие, повергаясь ниц, ударяя челом в землю, проливая

горячие слезы, горько из глубины вздыхая, простирая руки и показывая всю ревность, употребляют эту горячность и усердие против собственного спасения. Они молят Бога не о своих грехах и просят не о прощении своих прегрешений, но всю эту ревность возбуждают в себе против врагов, делая то же, как если бы кто, изострив меч, не против неприятелей употребил это оружие, но поразил им собственную шею. Так и они возносят молитвы не об отпущении собственных грехов, а о наказании врагов. Это и значит направлять меч против самих себя (6).

* * *

Не переставай просить, брат, пока не получишь. Конец молитвы — получение просимого. Тогда перестань, когда получишь, или лучше и тогда не переставай, но и тогда пребывай в молитве. Если ты не получил, то молись, чтобы получить, если же ты получил, то благодари за то, что получил. Многие приходят в церковь, произносят тысячи стихов молитвы и выходят, не зная, что говорили они. Уста их движутся, а слух не слышит. Ты сам не слышишь своей мо-

литвы, как же хочешь, чтобы Бог услышал твою молитву? Ты говоришь: я преклонял колена, — но ум твой блуждал вне, тело твоё было внутри церкви, а мысль твоя вне, уста произносили молитву, а ум исчислял доходы, договоры, условия, поля, владения, собрания друзей. Дьявол зол. Он знает, что во время молитвы мы делаем великие успехи, потому тогда он и нападает на нас. Часто, лежа спокойно в постели, мы ни о чем не мыслим, а когда приходим молиться, то являются тысячи помыслов, чтобы мы вышли без пользы... Даже когда ты будешь вне церкви, взывай и говори: *помилуй мя*. Говори, хотя не двигая уст, но взывая умом: Бог слышит и тех, которые молчат. Для этого требуется не место, а прежде всего настроение (7).

МОНАСТЫРИ

Что же, скажут, разве остающиеся дома не могут совершать те добродетели, неисполнение которых приносит наказание? Хотел бы и я не меньше, а гораздо больше вас, и часто молил, чтобы миновалась надобность в монастырях и такой бы настал

добрый порядок в городах, чтобы никому никогда не нужно было убегать в пустыню. Но так как все пошло вверх дном и города, где судилища и законы, полны великого беззакония и неправды, а пустыня произрастает обильный плод любомудрия, то справедливость требует, чтобы вы винули не тех, которые желающих спастись исторгают из этой бури и волнения и руководят к тихой пристани, но тех, которые каждый город делают столь недоступным и непригодным для любомудрия, что желающие спастись принуждены бывают убегать в пустыни (2).

МОНАХ

Когда ты увидишь богатого, украшенного одеждой, убранного золотом, везомого на колесницах, выступающего в блистательных выходах, не ублажай этого человека, потому что богатство временно и кажущееся прекрасным истлевает с этой жизнью. А видя монаха, идущего одиноким, смиренным и кротким, спокойным и тихим, соревнуй этому мужу, окажись подражателем его любомудрия, молись о том, чтобы сделаться подоб-

ным праведнику, ибо *просите*, говорит Писание, *и дано будет вам* (Мф. 7, 7). Это поистине прекрасно, и спасительно, и благонадежно (2).

МОЩИ СВЯТЫХ

Каждый день будем приходить к нему [святому Игнатию Богоносцу, его мощам] для получения от него духовных плодов. Может, поистине может приходящий сюда с верой получить великие блага, потому что не только тела, но и сами гробницы святых исполнены духовной благодати. Если при Елисее случилось, что мертвый, прикоснувшись только к гробнице его, расторг узы смерти и снова возвратился к жизни, то гораздо более ныне, когда благодать обильнее, когда действие Духа сильнее, прикасающийся к этой гробнице с верой может получить от нее великую силу. Поэтому Бог и оставил нам мощи святых, желая привести нас к одинаковой с ними ревности и дать нам надежное прибежище и утешение в бедствиях, постоянно постигающих нас. Итак, убеждаю всех вас, находится ли кто в унынии, или в болезнях, или в скорбях, или в каком-нибудь другом

житейском несчастье, или в глубине грехов, пусть с верой приходит сюда, и он избавится от всего этого и возвратится с великой радостью, получив облегчение совести от одного созерцания. Или, лучше, не одним только находящимся в несчастьях необходимо приходить сюда, но хотя бы кто находился в радости, в славе, во власти или имел великое дерзновение перед Богом, и тот пусть не пренебрегает этой пользой. Он, придя сюда и увидев этого святого, сделает свои блага непоколебимыми, воспоминанием об его подвигах научив душу свою умерять себя и не допустив совести своей превозноситься своими делами. А немалое дело для находящихся в счастье не гордиться своим благоденствием, но уметь скромно пользоваться счастьем. Таким образом для всех это сокровище полезно, это прибежище благопотребно: для падших — чтобы им избавиться от искушений, для благоденствующих — чтобы блага их остались прочными, для недужных — чтобы им возвратить себе здоровье, и для здоровых — чтобы им не впасть в болезнь. Помышляя о всем этом, будем предпочитать пребывание здесь

всякой радости и всякому удовольствию, чтобы, и радуясь и вместе получая пользу, мы смогли там сделаться сожителями и сообщниками этим святым (5).

* * *

Я называю тела святых источниками, и корнями, и миром духовным. Почему? Потому что каждый из упомянутых предметов не удерживает собственной доброты в себе только, но распространяет ее на далекое расстояние. Например, источники дают много воды и не удерживают ее в своих недрах, но, производя длинные реки, соединяются с морем, и длиной их, как протянутой рукой, берутся за морские воды. Также корень растения скрывается внизу, в недрах земли, но не удерживает всей силы своей в глубине, и особенно таково свойство виноградных лоз, вьющихся по деревьям. Когда они распространяют свои ветви по высоким стволам, то простирают вьющиеся по этим подпоркам отрасли на далекое расстояние, образуя густотой своих листьев какую-то длинную кровлю. Таково свойство и мира: часто оно лежит в

каморке, но благоухание его, распространяясь через окна на улицы, переулки и площади, и ходящим вне дает знать о скрывающемся внутри доброте ароматов. Если же источник, и корень, и растения, и ароматы по природе своей имеют такую силу, то гораздо более тела святых (5).

* * *

Свет святых мучеников озарил наш город блистательнее всякой молнии. Подлинно, они светлее тысячи солнц и блистательнее великих светил, от них земля сегодня великолепнее небеса. Не говори мне о прахе, не представляй пепла и истлевших от времени костей их, но открой очи веры и посмотри на присущую им силу Божию, на облекшую их благодать Духа, на окружающую их славу небесного света. Не такие лучи падают на землю с солнечного круга, какое сияние и блеск исходит из этих тел, ослепляя даже взоры диавола. Как предводители разбойников и расхитители гробниц, увидев лежащее где-нибудь царское оружие: латы, щит и шлем, — все сияющее золотом, тотчас отскакива-

ют прочь и не смеют ни приблизиться, ни прикоснуться к ним, имея в виду великую опасность, если осмелятся сделать что-нибудь подобное, так точно и бесы, эти истинные предводители разбойников, где увидят лежащие тела мучеников, тотчас отскакивают прочь и обращаются в бегство. Они смотрят не на смертную их природу, но на неизреченное величие Христа, Который действовал в них. Подлинно, в эти оружия облакался не Ангел, не Архангел и не другая какие-либо сотворенная сила, но Сам Владыка Ангелов. И как Павел восклицал: *вы ищите доказательства на то, Христос ли говорит во мне* (2 Кор. 13, 3), так и они могут восклицать и говорить: или ищите доказательства на то, что в нас подвизался Христос? Драгоценны эти тела, потому что они приняли раны за своего Господа, потому что они носят язвы за Христа. И как царский венец, украшенный со всех сторон различными камнями, производит разнообразный блеск, так точно и тела святых мучеников, усеянные язвами за Христа, как дорогими камнями, являются драгоценнее и великолепнее всякой царской диадемы (5).

МУДРОСТЬ

И смиренномудрие, и милосердие, и все подобное есть мудрость. Следовательно, противное этому будет глупость. А от глупости происходит жестокость. Отсюда часто всякий грех называется безумием. *Безумный сказал в сердце своем: «нет Бога»* (Пс. 13, 1). И опять: *восмердели и согноли раны мои от безумия моего* (Пс. 37, 6). Скажи мне, что несмысленнее того человека, который возлагает на себя дорогие одежды, а братьев своих, не имеющих одеяния, презирает; кормит собак, а на образ Божий в алчущем ближнем смотрит с презрением; совершенно убежден в ничтожестве земных вещей, а привязан к ним, будто к нетленным? Но как нет ничего несмысленнее этого человека, так нет ничего мудрее подвижника добродетели. Посмотри, как он мудр: уделяет из своего имущества, является милосердным, человеколюбивым; он уразумел общность естества, уразумел значение денег, то есть что они ничего не стоят, что более нужно беречь свои тела, чем деньги. Потому кто презирает почести, тот и любомудр, ибо он

знает дела человеческие, а в знании-то дел божеских и человеческих и состоит любомудрие. Итак, зная, какие дела Божии, а какие — человеческие, он от одних воздерживается, а другие совершает. Знает он это и за все благодарит Бога: настоящую жизнь он вменяет ни во что и потому как не радуется в счастии, так не скорбит и в несчастии. И не ожидай другого учителя: есть у тебя Слово Божие, никто не научит тебя так, как оно (1).

* * *

Павел говорил: *я приходил возвещать вам свидетельство Божие не в превосходстве слова или мудрости* (1 Кор. 2, 1), и: *Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых* (1 Кор. 1, 27). Сказал не просто *немудрое*, но *немудрое мира*. А конечно, *немудрое мира* не есть немудрое и перед Богом, напротив, многие из кажущихся здесь [в мире] безумными перед Богом умнее всех других, точно так, как и многие из живущих здесь в бедности перед Богом богаче всех... Итак, немудрыми мира [Павел] называет тех, которые не имеют

изошренного языка, не обладают светской ученостью, лишены красноречия. И этих-то людей *Бог избрал*, говорит, *чтобы посрамить мудрых...* Чего эти мудрые по гордости и высокомерию не могли найти, потому что уклонились от учения Духа и совершенно предалися своим умствованиям, то самые бедные и презренные люди, лишенные всякого мирского образования, узнали с совершенной точностью, потому что доверились небесному наставлению. Но [апостол] не останавливается на этом в осуждении мирской мудрости, нет, он прибавляет еще другое сильнейшее осуждение, говоря: *мудрость мира сего есть безумие пред Богом* (1 Кор. 3, 19). И, преподавая слушателям наставление, опять с совершенным презрением [к земной] мудрости и с силой говорил им: *если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым* (1 Кор. 3, 18), и опять: *ибо написано: погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну* (1 Кор. 1, 19), и опять: *Господь знает умствования мудрецов, что они суетны* (1 Кор. 3, 20) (6).

МУЖ

Муж, не ожидай благонавия от жены, чтобы после того и самому быть любомудрым: это уже не будет подвигом... Вам, мужья, скажу: никакой проступок не должен вынуждать вас бить свою жену... Крайне незаконно сообщницу жизни, издавна разделяющую твои нужды, позорить, как рабыню. Такой муж, если только можно назвать его мужем, а не зверем, по моему мнению, равен отцеубийце и матереубийце. Ибо если нам заповедано оставлять ради жены отца и мать, не в оскорбление им, но в исполнение закона Божия, и для самих родителей это столь возжеленно, что они, будучи оставляемы, радуются и совершают брачное соединение детей с великим усердием, то не крайнее ли безумие оскорблять ту, для которой Бог повелел оставлять родителей? И безумие ли только? А бесчестие? Кто, скажи мне, может перенести его? Какое слово может выразить его, когда крики и вопли разносятся по улицам, когда соседи и прохожие стекаются к дому совершающего столь гнусное дело, как будто какой-нибудь

зверь сокрушает все, находящееся внутри? Лучше если бы земля поглотила такого безумца, нежели после того ему опять показаться на торжище. Жена, скажешь ты, поступает дерзко? Но вспомни, что она — жена, слабый сосуд, а ты — муж. Ты для того и поставлен над нею начальником и главой, чтобы сносить слабость подчиненной. Старайся сделать свое правление славным, а славным оно будет тогда, когда ты не будешь бесчестить подчиненной... Подумай, что после Бога от нее ты получил детей, сделался отцом и потому будь кроток в отношении к ней.

Не видишь, как земледельцы удобряют всеми способами землю, принявшую семена, хотя бы она имела тысячи недостатков, хотя была бы, например, неплодоносна, произращала дурные травы, подвергалась наводнениям по свойству местоположения? Так же поступай и ты: тогда ты же первый насладишься и плодами, и спокойствием. Жена есть пристань и важнейшее врачевство от душевного расстройства. Если эту пристань ты будешь соблюдать свободной от ветров и волнения, то найдешь в ней великое спокойствие, возвратив-

шись с торжища, а если будешь возмущать и волновать ее, то уготовляешь сам себе опаснейшее кораблекрушение... Если случится в доме что-нибудь прискорбное по ее вине, то утешай ее, а не увеличивай скорби. Хотя бы ты лишился всего имущества, это не будет прискорбнее неприязни с сожительницей. Какую бы ты ни представил вину, ничто не будет несноснее раздора с женой. Поэтому пусть любовь к ней будет для тебя драгоценнее всего. Если велено носить тяготы друг друга, то тем более сносить недостатки жены. Если она бедна — не укоряй ее; если неразумна — не осуждай ее, а лучше постарайся научить ее, ибо она — член твой, вы — одна плоть. Но, скажешь, она болтлива, склонна к пьянству, гневлива? В таком случае должно не гневаться, а скорбеть, молиться Богу, увещевать, вразумлять ее и делать все, чтобы истребить страсть ее. Если же будешь бить и мучить ее, то не исцелишь ее болезни. Грубость исправляется кротостью, а не ответной грубостью. Вместе с тем не забудь и о награде от Бога. Ибо если ты, имея возможность отвергнуть ее, не сделаешь этого по страху Божию, но станешь сносить недо-

статки ее из уважения к закону, возбранившему отвергать жену, то сколь ни велика была бы болезнь ее, ты получишь неизреченную награду и еще прежде награды получишь великую пользу, сделав ее более благопорной и себя приучив к большей в отношении к ней кротости. Рассказывают, что один из философов [Сократ], имея жену злую, болтливую и склонную к пьянству, на вопрос, для чего он терпит ее, отвечал, что она служит для него домашним училищем и упражнением любомудрия. Упражняясь ежедневно с нею, я делаюсь более кротким и с другими. Вы пришли в восторг? А мне весьма прискорбно, что язычники превосходят любомудрием нас, которым заповедано подражать Ангелам или, лучше, заповедано подражать в кротости самому Богу. Названный философ по этой причине не изгонял своей злой жены, а некоторые говорят, что по этой причине он и женился на ней. Но так как многие из людей не столь благоразумны, то я советую наперед всячески стараться избирать жену благонравную и исполненную всякой добродетели. Если же случится сделать ошибку и ввести в дом свой не-

весту недобрую и даже негодную, тогда подражать этому философу, всеми мерами исправлять ее и считать это дело важнее всего. Купец не спускает в море корабля и не принимается за торговлю прежде, нежели заключит со своим товарищем условия, которые обеспечили бы взаимное их спокойствие. Так и мы будем принимать все меры, чтобы внутри своего корабля сохранять мир с сообщницей нашего житейского поприща, тогда и все прочее будет у нас спокойно и мы безопасно переплывем море настоящей жизни. Об этом мы должны печься более, нежели о доме, рабах, деньгах, полях и даже делах гражданских. Всего драгоценнее должно быть для нас то, чтобы не иметь вражды и распри со своей сожительницей, ибо и все прочее пойдет у нас хорошо и в делах духовных мы будем иметь благоуспешность, когда станем с единомыслием нести бремя настоящей жизни (1).

* * *

Пусть для жены не будет ничего драгоценнее ее мужа, а для мужа ничего возделеннее его жены. В том состоит крепость жизни всех нас, чтобы жена была

единодушна с мужем. Этим поддерживается все в мире. Как при потрясении основания ниспровергается все здание, так и при супружеских раздорах разрушается вся наша жизнь. Смотри: мир состоит из городов, города — из домов, дома — из мужей и жен. Поэтому когда настает вражда между мужьями и женами, то входит война в дома, а когда они мятутся, тогда беспокойны бывают и города. Когда же города приходят в смятение, то по необходимости и вся вселенная наполняется смятением, войной и раздорами. Поэтому Бог особенно промышляет об этом, потому Он и не позволяет отвергать жену, разве только в случае прелюбодеяния. А что, скажешь, если она сварлива, если небрежлива и расточительна, если имеет и множество других недостатков? Переноси все мужественно и не отвергай ее за эти недостатки, но исправляй недостатки. Для того ты и занимаешь место головы, чтобы ты умел врачевать тело (6).

МУЗЫКА

От мирских песней может произойти вред, гибель и много других зол: ибо все то, что есть в

них дурного и безнравственного, проникая в душу, расслабляет ее и развращает. Напротив, духовные песни доставляют великую пользу, великое назидание, великое освящение и служат руководством ко всякому добродетели, потому что и слова их очищают душу, и Дух Святой скоро нисходит в душу, поющую эти песни. А что действительно поющие их с разумением призывают на себя благодать Духа, о том послушай, как говорить Павел: *не упивайтесь вином, от которого бывает распутство; но исполняйтесь духом, назидая самих себя псалмами и славословиями и песнопениями духовными, поя и воспевая в сердцах ваших Господу* (Еф. 5, 18–19) (1).

МУЧЕНИЧЕСТВО

Ты не имеешь ничего, совершенно беден, слаб телом и даже ходить не можешь? Переноси все это с благодарностью — и получишь великую награду. Такова была добродетель Лазаря. Он никому не помогал деньгами: как он мог делать это, не имея сам необходимой пищи? Он не ходил в темницу: как он мог делать это, будучи не в силах сам

подняться? Он не посещал больного: как он мог делать это, будучи сам облизываем псами? Но и без этого он приобрел награду за добродетель мужественным перенесением всего, — тем, что, видя жестокого и бесчеловечного в чести и роскоши, а себя в таких бедствиях, не произнес ни одного непристойного слова. Поэтому он и наследовал лоно Авраамово, хотя был ничем не лучше мертвого. Бездейственно лежа тогда пред вратами богача, увенчан вместе с Патриархом, совершившим так много добрых дел, прославлен и помещен в лоне Его тот, кто не раздавал милостыни, не подавал руки обижаемому, не принимал странников, не мог сделать ничего другого подобного, но только за все благодарил Бога и получил светлый венец терпения. Подлинно, великое дело — благодарность, любомудрие, терпение среди таких страданий, это — высшая добродетель... Немалое дело — обуздать страждущую душу так, чтобы она ни в чем не согрешила. Это равно мученичеству.

Так, если и ты, возлюбленный, подвергнешься болезни, горячке или ранам и боль будет заставлять тебя сказать какую-нибудь хулу, но ты воздержишься, бу-

дешь благодарить и славить Бога, то получишь такую же награду. И для чего роптать, скажи мне, и произносить богохульные слова? Разве боль сделается от этого легче для тебя? Даже если бы она и делалась легче, и тогда не следовало бы решаться на это и терять спасение души, заботясь доставить облегчение своему телу. Между тем боль от этого не только не облегчается, но еще становится тяжелее. Ибо диавол, видя, что он получил некоторый успех, доведя тебя до ропота, усиливает огонь печи, разжигает болезнь, чтобы ты исполнил его желание. Таким образом, если бы даже, как я сказал, боль и облегчилась, не должно делать этого. Если же ты не получаешь никакой пользы, то для чего губишь сам себя? Но ты не можешь молчать? В таком случае благодари Бога, прославляй Его, Который искушает тебя в этой печи. Вместо ропота произноси славословие. Тогда и награда твоя великая, и боль сделается легче...

Итак, мужественно переноси все случающееся, это для тебя мученический подвиг. Ибо не только то составляет мученичество, когда кто получает приказание принести жертву и не

приносит ее и даже решается лучше подвергнуться терзаниям, нежели исполнить это, но и то делает мучеником, когда кто, несмотря на боль, принуждающую роптать, решается терпеть и не говорить ничего непристойного. Так Иов не за то увенчан, что получил повеление принести жертву и не принес ее, но за то, что мужественно перенес скорби (1).

* * *

Не удивляйтесь, однако, что... я назвал этого святого [Евстафия] мучеником. Он своей смертью окончил жизнь, как же он мученик? Я часто говорил вашей любви, что мучеником делает не одна только смерть, но и душевное расположение. Не за конец дела, но и за намерение

часто сплетается венец мученичества. И не я, но Павел дает такое определение мученичеству, говоря именно так: *я каждый день умираю* (1 Кор. 15, 31). Как ты умираешь каждый день? Как возможно одному смертному телу принять множество смертей? Расположением, говорит, и готовностью к смерти. Так судит и Бог, и Авраам не окровавил меча, не обагрил жертвенника, не заклал Исаака, однако совершил жертвоприношение. Кто говорит это? Сам принявший жертву: *не пожалел*, — говорит Он, — *сына твоего, единственного твоего, для Меня* (Быт. 22, 12). Между тем Авраам взял его живым и возвратил здоровым, как же *не пожалел*? А так, что о таких жертвах я сужу, говорит Господь, не по концу дел, но по расположению решающихся (5).

НАГРАДА

Когда злой навык или страсть к любостязанию будет сильно обольщать тебя, вооружи себя против нее такой мыслью: презрев временное удовольствие, я получу великую награду. Скажи душе своей: ты скорбишь о том, что я лишаю тебя удовольствий, но радуйся, потому что этим я готовлю для тебя Небо; ты трудишься не для человека, но для Бога, потерпи же немного, и ты увидишь, сколь великая произойдет от этого польза, пребудь твердой в жизни настоящей, и ты получишь неизреченную свободу. Если таким образом будем беседовать с душой и представлять не одну тягость добродетели, но и венец ее, то скоро отвлечем ее от всякого зла. Дьявол обещает нам удовольствие временное, а скорбь уготовляет нескончаемую и, несмотря на это, преодолевает нас и побеждает, а Бог, напротив, требует от нас труда временного и обещает сладость и пользу вечную. Вме-

сто всех иных побуждений для нас и мысли о цели трудов довольно одной той твердой уверенности, что все это мы переносим для Бога. Если тот, кто имеет царя должником своим, почитает себя счастливым и безопасным на всю жизнь, то представь, сколь счастлив должен быть тот, кто своими добрыми делами, и малыми, и великими, сделал должником своим человеколюбивого Бога, всегда живущего (1)!

* * *

Смотри не на труд только, но и на награду. Многие добрые дела кажутся нам такими трудными потому, что, обращая постоянно внимание на трудность и тяжесть их, мы не представляем в уме уготованных за них наград. Не так должно поступать, но принимать во внимание все вместе, с трудами и награды, и тогда труды покажутся нам легкими, как и действительно они легки (2).

* * *

Это лучший способ и удобнейший путь к добродетели — взирать не на труды только, но и на награды после трудов, впрочем, и не на них только самих по себе. Так, когда ты намереваешься подать милостыню, то обращай внимание не на издержки денежные, а на приобретение правды: *расточил: дал нищим, правда его пребывает в век века* (Пс. 111, 9). Не смотри на оскудение богатства, но взирай на умножение сокровища. Когда постишься, то думай не об изнурении от поста, но о легкости, происходящей от этого изнурения. Когда бодрствуешь в молитве, то помышляй не об усталости, причиняемой бодрствованием, а о дерзновении, доставляемом молитвой. Так делают и воины: они смотрят не на раны, а на награды, не на поражения, а на победы, не на падающих мертвыми, а на увенчиваемых героев. Так и кормчие прежде волн видят пристани, прежде кораблекрушений — торговые выгоды, прежде бедствий на море — благополучие после мореплавания. Так делай и ты: представь, сколь великое дело — среди глубокой ночи, когда спят все

люди, звери и скот, когда господствует глубочайшая тишина, тебе одному бодрствовать и дерзновенно беседовать с общим всех Владыкой. Сладок сон? Но нет ничего слаще молитвы. Беседуя с Богом наедине, когда никто не беспокоит тебя и не отвлекает тебя от молитвы, ты можешь во многом иметь успех, само время — союзник твой для получения того, чего желаешь (5).

НАДЕЖДА

Диавол для того и ввергает нас в помыслы отчаянья, чтобы истребить надежду на Бога — этот безопасный якорь, эту опору нашей жизни, этого руководителя на пути, ведущем к Небу, это спасение погибающих душ. *Ибо мы, — говорит [апостол], — спасены в надежде* (Рим. 8, 24). Ибо она, как некая крепкая цепь, свешенная с Неба, поддерживает наши души, мало-помалу поднимая на высоту тех, которые крепко держатся за нее, и вознося нас превыше бури житейских зол. Поэтому, если кто-либо ослабевает и опустит из рук этот священный якорь, тот сейчас же упадет и погибнет в бездне порока. Зная это, лукавый, как только заметит, что

сами тяготимся сознанием злых дел, приходит и сам еще налагает на нас помысел отчаяния, который тяжелее свинца. И если мы примем его, то, увлекаемые тяжестью и оторванные от той цепи, неизбежно тотчас низринемся во глубину зол (2).

НАКАЗАНИЕ

Как же Бог благ, как человеколюбив, если Он наказывает?.. Бог остается благим и наказывая грешников... Он сотворил небо, землю, море и все существующее для нас. Не есть ли это, скажи мне, дело Его благодати? Много можно было бы сказать об этом, но для краткости скажем, что Он *повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных* (Мф. 5, 45)... Так некогда спросил я одного маркионита: неужели это не дело благодати? Он ответил мне: если бы Бог не требовал отчета за грехи, то это было бы делом благодати, а так как Он требует отчета — то не дело благодати... Я решительно доказываю, что если бы Бог не требовал отчета, то Он не был бы благ, и потому Он и требует отчета, что благ. Ибо, скажи мне,

если бы Он не требовал от нас отчета, то могла ли бы продолжаться жизнь человеческая? Тогда не обратились ли бы мы в диких зверей? Если и теперь, когда тяготеют над нами страх суда и наказания, мы превзошли рыб, пожирая друг друга, и превзошли львов и волков, грабя друг друга, то какого смятения и расстройства не исполнилась бы жизнь наша, если бы Он не требовал от нас отчета и мы были бы убеждены в этом? Что был бы баснословный лабиринт в сравнении с беспорядками в нашем мире? Не увидел ли бы ты бесчисленного множества бесчинств и несправедливостей? Кто стал бы уважать отца? Кто не оскорблял бы своей матери? Кто не был бы предан всяким удовольствиям и всяким порокам?.. Если бы кто-то, имея сыновей, позволил им делать все и не наказывал их, то скажи мне, кого они не сделали бы хуже? Итак, если между людьми наказание есть дело благодати, а безнаказанность — жестокости, то неужели не так у Бога? Следовательно, потому Он и уготовал геенну, что Он благ. Хотите ли, я покажу вам благодать Божию и с другой стороны? Кроме всего сказанного, страх наказания не

позволяет и добрым сделаться злыми. Если бы все ожидали одного и того же, то все сделались бы злыми, а теперь добрые и в этом находят немалое утешение. Послушай, что говорит пророк: *возвеселится праведник, когда увидит отмщение; руки свои омоем в крови грешника* (Пс. 57, 11); не радуясь этому, нет, но страшась, чтобы самому не потерпеть того же, он будет заботиться о чистоте своей жизни. Таким образом, требование отчета есть дело великого попечения о нас Божия. Так, скажешь, но следовало бы только угрожать, а не наказывать. Нет, если и тогда, когда Он полагает наказание, ты говоришь, что это одна угроза, и потому становишься более беспечным, то до какой не дошел бы ты беспечности, если бы это действительно было бы только угрозой? Если бы ниневитяне знали, что назначенное им наказание было одной угрозой, то не раскаялись бы, но так как они раскаялись, то угроза и осталась только угрозой. Хочешь ли и ты, чтобы назначенные грешникам наказания были только угрозой? Это зависит от тебя самого: исправься — и они останутся только угрозой (1).

* * *

Не за все грехи одинаково наказывает Бог, но есть многие и различные наказания, смотря по времени, по лицам, по достоинствам, по разуму и по многим другим обстоятельствам. Чтобы яснее были слова мои, укажем здесь на один грех — блуд. Смотри, сколь многообразные наказания представляю я не от себя самого, но из Божественных Писаний. Кто любодействовал прежде закона, тот иначе и наказывается. Это показывает Павел: *те, которые, не имея закона, согрешили, вне закона и погибнут* (Рим. 2, 12). Кто любодействовал после закона, тот жесточайшее потерпит наказание: *а те, которые под законом согрешили, по закону осудятся*. Если кто сделал блуд, будучи священником, то этот самый сан увеличит жестокость его наказания. Потому-то другие девы за любодеяние были убиваемы, а дочери священников сжигались, чем законодатель весьма ясно показывает, какая казнь угрожает священнику за такой грех. Если дочь подвергается большему наказанию потому, что она дочь священника, то гораздо более сам священник. Если

какая-либо женщина сделала блуд по насилию, то она свободна от наказания. Если сделала блуд женщина богатая и женщина бедная, то и здесь опять различие. Совершил ли кто блуд по пришествии Христовом и умрет, не приняв крещения, жесточайшему тот подвергнется наказанию, нежели все прежде упомянутые. Сделал ли кто блуд после омытия Божественным крещением, здесь уже не остается никакого утешения во грехе. Показывая это самое, Павел сказал: *если отвергшийся закона Моисеева, при двух или трех свидетелях, без милосердия наказывается смертью, то сколь тяжчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь завета, которой освящен, и Духа благодати оскорбляет* (Евр. 10, 28–29). Если сделал блуд какой-либо священник ныне, это особенно уже есть верх всех зол. Видишь ли, сколь различен один и тот же грех? Иное — грех, учиненный прежде закона, иное — после закона, иное — сделанный священником, иное — богатой и бедной женщиной, иное грех, учиненный оглашенной и верной, иное — женщи-

ной из рода священнического. Также великое различие происходит и от знания: *тот, который знал волю господина своего, и не был готов, и не делал по воле его, бит будет много* (Лк. 12, 47). И грех, сделанный после таких и столь многих примеров, получит большее наказание... Также и те, которые грешат, живя в роскоши, получают жесточайшее наказание, как видно из истории о богаче и Лазаре. Увеличивается еще тяжесть греха и от места, на что Сам Христос указывает, говоря: *между храмом и жертвенником* (Мф. 23, 35). И от качества самих преступлений: *не спускают вору, если он крадет, чтобы насытить душу свою, когда он голоден* (Притч. 6, 30). И опять: *и взяла сыновей твоих и дочерей твоих, которых ты родила Мне, и приносила в жертву на съедение им. Мало ли тебе было блудодействовать* (Иез. 16, 20)? Также от лиц: *если согрешит человек против человека, то помолятся о нем Богу, если же человек согрешит против Господа, то кто будет ходатаяем о нем* (1 Цар. 2, 25)?.. Видишь совершенную точность и то, что не все за одни и те же грехи получают равное наказание? И мы, если не воспользуемся

долготерпением Божиим, повергнемся большому наказанию; это показывает Павел в следующих словах: *по упорству твоему и нераскаянному сердцу, ты сам себе собираешь гнев* (Рим. 2, 5) (1).

* * *

Скажи мне, кто не называет брата глупцом? А это подвергает огню геенскому. Кто не смотрел на женщину похотливыми глазами? А это уже совершенное любодеяние, любодей же неизбежно впадает в ту же геенну. Кто не клялся? А это, конечно, от лукавого, а что от лукавого, то, несомненно, заслуживает наказания. Кто не завидовал когда-нибудь другу? А это делает нас худшими язычников и мытарей, а что худшим их не избежать наказания, это для всякого очевидно. Кто совсем изгнал из сердца гнев и простил грехи всем, против него погрешившим? А что непростивший будет неизбежно предан мучениям, этому не станет противоречить никто из слышавших Христа. Кто не служит маммоне? А кто стал служить ей, тот необходимо уже отказался от служения Христу, от-

рекшийся же от этого, необходимо отрекся и от собственного спасения. Кто не злословил тайно? А таких и Ветхий Завет повелевает убивать, лишать жизни. Чем же утешаемся мы в своем несчастном положении? Тем, что все, как бы по уговору какому, низринулись в бездну порока. Но это самое и есть важнейшее доказательство усиления болезни, когда нам доставляет утешение в несчастье то, что должно быть причиной большей скорби. Многочисленность сообщников в грехах, конечно, не освобождает нас от виновности и наказания. Если же кто пришел уже в отчаяние от сказанного, тот пусть подождет немного, и тогда впадет в большее отчаяние, когда мы скажем о гораздо более тяжком, например, о клятвoprеступлениях. Поистине, если клясться — дело диавольское, то какому наказанию повергнет нас преступление клятв? Если название [брата] глупцом навлекает геенну, то чего не сделает опозорение брата, часто ничем не обидевшего нас, бесчисленными поносными речами? Если одно злопамятование достойно наказания, то какого мучения заслуживает мстительность (2)?

* * *

Почему же, скажут, не здесь все наказываются? Потому что Бог назначил день, в который будет Он судить вселенную, но этот день еще не пришел. С другой стороны, если бы было так, то весь род наш давно бы уже прекратился и исчез. Но чтобы и этого не случилось и от замедления суда многие не сделались беспечнее, Бог, избирая некоторых виновных во грехах и наказывая здесь, через них и прочим показывает меру угрожающих им наказаний, чтобы они знали, что если они здесь и не терпят наказания, то, без сомнения, понесут более тяжкое по отшествии туда (2).

* * *

Чтобы в людях, проникнутых сокрушением по любви к Богу, истребить страх будущего наказания и сделать их менее тщательными в повиновении заповеди, [диавол] предложил успокоение в мысли о преувеличении, которая в настоящей жизни способна обмануть беспечные души, но будет изобличена в день Суда, когда от этого не будет никакой пользы. Что пользы, ска-

жи мне, теперь обманутым узнать этот обман тогда, когда и покаяние нисколько не будет полезно, именно при воскресении? Не станем же тщетно обманывать себя, не будем лжеумствовать назло себе и навлекать на себя еще другое наказание — за неверие. Жесточайшему наказанию подвергает нас не только неисполнение заповедей Христовых, но и неверие им. А неверие происходит от нерадения об исполнении заповедей. Именно когда мы не хотим приобрести себе спокойствие повиновением [воле Божией] и исполнять заповеданное нам, то, стараясь отвлечь ум от страха за будущее и отогнать великий страх угрожающих наказаний, мы, подавляемые и терзаемые совестью, ввергаем себя в другую пропасть — не верим этим наказаниям. Как одержимые сильной горячкой, если и бросаются в холодную воду, не ослабляют удушающего их жара, но еще более прибавляют себе огня, так и мы, уязвляемые сознанием своих грехов, заставляем себя погружаться в бездну [мысли о] преувеличении, чтобы потом безбоязненно предаваться всем грехам (2).

* * *

Сетующему должно сетовать не о том, что он наказывается, но о грехах, которыми он оскорбляет Бога. Грехи удаляют нас от Бога и делают врагами Его, наказания же примиряют Его с нами и делают милостивым и близким к нам (2).

* * *

Я могу указать на многих, дошедших до крайней степени зла, потому что на них было наложено наказание, соответствующее их грехам. Определять наказание по мере грехов должно не просто, но соображаясь с расположением грешников, чтобы... стараясь поднять падшего, не причинить еще большего падения. Немошные и расслабленные и наиболее преданные удовольствиям мира, и притом превозносящиеся своим происхождением и властью, если будут отклоняемы от грехов своих постепенно и мало-помалу, могут хотя и не совершенно, то по крайней мере отчасти освободиться от обладающих ими пороков, а если кто-то вдруг предложит им вразумление, тот лишит их и малейшего исправ-

ления. Душа, если принуждением хоть раз будет приведена в стыд, впадает в нечувствительность и после того уже не слушается и кротких слов, не преклоняется и угрозами, не трогается и благодеяниями, но бывает гораздо хуже того города, о котором, порицая, пророк, говорил: *у тебя был лоб блудницы, — ты отбросила стыд* (Иер. 3, 3). Поэтому пастырю надо иметь много благоразумия и много очей, чтобы со всех сторон наблюдать состояние души. Как многие приходят в ожесточение и предаются отчаянию в своем спасении потому, что не могут переносить жестокого врачевания, так, напротив, есть и такие, которые, не получив наказания, соответственного грехам, предаются беспечности, становятся гораздо хуже и решаются грешить еще больше (2).

* * *

Почему, скажешь, одни наказываются здесь, другие там, а не все здесь? Потому что, если бы так было, мы все погибли бы, так как все мы подлежим наказанию. С другой стороны, если бы никто не наказывался здесь, очень многие сделали бы еще

небрежнее, а многие сказали бы, что нет и провидения, ибо если и теперь так многие богохульствуют, хотя и видят, что многие из порочных наказываются, то чего они не сказали бы, если бы и этого не было? До какого зла не дошли бы тогда? Поэтому Бог одних здесь наказывает, а других не наказывает, наказывает некоторых, отсекая их грехи и облегчая для них тамошнее наказание или совершенно освобождая их от него и наказанием их вразумляя живущих в нечестии, а других, напротив, не наказывает, чтобы они, если будут внимательны к самим себе, покаядившись и устыдившись долготерпения Божия, избавились и от здешнего наказания, и от тамошнего мучения, а если пребудут в нечестии, не вразумляясь долготерпением Божиим, то подверглись бы большему наказанию за свою крайнюю небрежность. Если же кто из считающих себя сведущими станет говорить, что наказываемые терпят несправедливость (потому что они могли бы покаяться), то мы скажем, что если бы Бог предвидел их раскаянье, то и не наказал бы их. Если Он терпит тех, о которых знает, что они останутся неисправимыми,

то тем более тех, о которых бы знал, что они употребят во благо Его долготерпение, пощадил бы в настоящей жизни, чтобы они отсрочкой времени воспользовались для покаяния. Между тем, поражая их ранее, Он и для них облегчает тамошнее наказание, и других вразумляет их наказаниями. А для чего Он это делает не со всеми грешниками? Для того чтобы остающиеся [в живых] вразумились страхом и наказаниями других и, восхвалив долготерпение Божие и устыдившись Его снисхождения, оставили нечестие. Но они, скажешь, ничего такого не делают? В этом уже виновен не Бог, а беспечность тех, которые не захотели воспользоваться такими пособиями к своему спасению... Когда увидишь, что некоторые или погибли при кораблекрушении, или задавлены зданием, или истреблены пожаром, или потонули в реке, или другим каким-нибудь насильственным образом окончили жизнь, между тем как другие, грешившие подобно им или еще хуже, ничего такого не потерпели, не смущайся и не говори: почему согрешившие одинаково не пострадали одинаково? Но рассуждай так, что Бог одному

попустил быть убитым и задавленным, чтобы облегчить ему тамошнее наказание или совсем освободить от него, а другому не попустил потерпеть ничего такого, чтобы он, вразумившись наказанием первого, сделался благонравнее. Если же он будет оставаться в тех же грехах, то по собственному своей беспечности навлечет на себя неизменное наказание, и Бог не будет виной этого невыносимого мучения. Опять, если увидишь, что праведник скорбит или терпит все вышесказанное, не падай духом: эти бедствия служат ему к получению светлейших венцов. И вообще всякое наказание, если оно постигает грешников, облегчает тяжесть грехов, а если праведников, то делает душу их более светлой, и для тех и других бывает величайшая польза от скорби, только бы мы переносили ее с благодарностью, ибо это и требуется от нас (3).

* * *

Многие из людей не верят в геенну, не признают будущего наказания и думают, что Бог угрожает червем неумирающим, огнем неугасающим, тьмой крошечной только для страха и

вразумления, но и они не могут не верить прошедшему. О бывшем кто может сказать, что его не было? Тому, что еще не открылось и не осуществилось на деле, многие не верят, но никто, даже самый недобросовестный и бесчестный, хотя бы и захотел, не может не верить тому, что уже было и исполнилось. Поэтому апостол [Павел] желает убедить их [коринфян] в правосудии Божиим посредством того, что весьма известно, что уже исполнилось и от чего осталось много следов, и как бы так говорит: если ты думаешь, что нет ни геенны, ни наказания, ни мучений и что Бог только угрожает этим, то, размыслив о прошедшем, поверь и будущему. Если Один и тот же Бог управляет и прошедшим, и настоящим, и в Ветхом Завете, и при благодати, как и действительно Он Один и тот же, то на каком основании Он, подвергнув наказанию и мучению тех грешников, нас, согрешающих так же и еще гораздо хуже тех, оставит без наказания? Я спрашиваю: блудодействовали иудеи и не были ли наказаны? Роптали и не получали ли наказания? Совершенно необходимо признать это. Как же Наказавший тех оставит не на-

казанным тебя, дерзающего делать то же самое? Это было бы неосновательно. Но ты не подвергаешься наказанию здесь? Потому особенно и верь в геенну и будущее наказание, что ты не подвергаешься наказанию здесь. Если бы не имело быть никакого наказания после настоящей жизни, то ты, согрешивший одинаково с прежними, не оставался бы ненаказанным (6).

* * *

Будучи Создателем всего, Он и благость Свою простирает на все Свои создания, всячески показывая нам, сколь великое имеет Он попечение о человеческом роде и что искони и изначала все делал для нашего спасения. Итак, бьет ли Он, наказывает ли, то и другое делает по одной и той же благости. Наказания насылает Он не по страсти и гневу, но из желания пресечь нечестие, чтобы оно не распространилось очень далеко. Он навел потоп по заботливости о предавшихся столь великому нечестию. Какая же, скажешь, заботливость в том, что все погибли под водой? Не говори необдуманно, человек, но благопокорным умом принимай со-

деваемое Господом, и тогда познаешь, сколько попечительности даже и в этом. Отторгнуть от греха неисправимых грешников, каждодневно причиняющих себе новые раны и делающих язвы свои неисцельными, — не значило ли это показать величайшую попечительность? Да и сам образ наказания не преисполнен ли человеколюбия? В самом деле, люди, которым и без того надлежало бы отдать долг природе, лишаются жизни в наказание, но так легко, что и не чувствуют этого, и наказание терпят без боли и мук: какую это обнаруживает мудрость и благость! Притом если мы благочестивым умом рассмотрим последствия события, то есть что оно не только было благодетельно для наказанных, но и последующим поколениям принесло два величайших блага (внушив им не предаваться тем же беззакониям и, смотря на такой пример, сделаться целомудреннее), то какую благодарность мы должны воздавать Богу за то, что и потомки вразумлены наказанием этих людей и опасением подвергнуться той же участи, и закваска всякого нечестия и порока истреблена, и не осталось им (потомкам) ни

одного учителя на грех и зло? Видишь, как и сами наказания, Богом насылаемые, являются более благодеяниями и особенно доказывают Его попечительность о роде человеческом? И если кто захочет проследить этот предмет с самого начала (бытия человеческого), то найдет, что Бог с этой самой целью насылал на грешников все наказания. Так и Адама, когда он преступил, Бог изгнал из рая не для того только, чтобы наказать, но и чтобы сделать ему благодеяние. Какое же, скажешь, благодеяние — лишиться жизни райской? Не поверхностно смотри на события и не спешно суди о делах Божиих, но проникай в глубину великой благодати Его и найдешь, что все делается Им для этой цели. Скажи мне, до чего не дошел бы Адам, если бы и по преступлении наслаждался теми же благами? Если уже он после столь многих обетованных дозволил себе увлечься обманом змия и принял злой совет диавола, который надмил его надеждой быть равным Богу и повергнул в грех преслушания, то, когда бы он и по совершении этого греха остался в том же достоинстве и жилище, не тем ли более почел бы злого это-

го демона заслуживающим большей веры, нежели Создателя всяческих, и еще не более ли надлежащего возмечтал бы о себе самом? Такова уж человеческая природа: когда она, совершая грехи, не бывает обуздываема, но пользуется свободой, то идет все далее и низвергается в пропасть. Впрочем, могу и иначе доказать, что Бог и повелел Адаму выйти из рая и подвергнул его наказанию смерти, желая показать Свое человеколюбие. Изгнанием из рая и поселением вблизи его Он сделал его благо-разумнее и осторожнее на будущее время, опытом убедив его в коварстве обольстителя. А наказанию смерти подвергнул его для того, чтобы он, сделавшись через преслушание повинным греху, не грешил в бесконечность (8).

НАСМЕШКИ

Многие беспечные люди, не перенося насмешек и поношения и предпочитая славу человеческую славе истинной и вечной, увлекаются и приобщаются нечестию других людей. Только душа доблестная и твердая умом может противостоять сияющим-ся совратить ее и ничего не дать

в угодность людям, но устремлять взор к тому недремлющему Оку и от него только ожидать благоволения, а на людей не смотреть и не дорожить их похвалой и порицанием, но оставлять их без внимания, как тень и сновидение. И теперь часто многие, не перенося насмешек со стороны десяти, двадцати или меньше лиц, претыкаются и падают: *есть стыд, ведущий ко греху* (Сир. 4, 25). Немаловажное дело не обращать внимания на тех, которые злословят, насмеваются и издеваются...

Потому и Христос, научая нас не гоняться за славой человеческой, после многого другого сказал наконец и следующее: *горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо* (Лк. 6, 26)... Добродетельному человеку, идущему тесным и скорбным путем и исполняющему заповеди Христовы, невозможно заслужить от всех людей похвалу и удивление, потому что велика сила зла и вражда к добродетели. Поэтому Господь, зная, что человеку, строго подвизающемуся в добродетели и от Него Одного ожидающему похвалы, невозможно пользоваться похвалой и доброй славой от всех людей, называет несчастными тех, которые

из-за похвалы людской небрегут о добродетели. Похвала от всех может служить величайшим доказательством того, что (хвалимые) не много заботятся о добродетели, да и как будут все хвалить добродетельного, если он станет исхищать обижаемых от обижающих, терпящих зло от желающих делать зло (8)?

НАСТАВЛЕНИЕ

Как те из одежд, которые были погружены в краску только однажды, имеют непрочный цвет, а те, которые красильщики неоднократно и часто погружали в краску, сохраняют свой цвет неизменным, так бывает и с нашими душами: если мы часто слышим одни и те же слова, то, приняв наставление, как бы какую окраску, не скоро забудем его. Не будем же слушать невнимательно (2).

НАЧАЛЬНИК

Не богатые только да бедные, но и начальники с судьями истязуются [перед Богом] с великой строгостью: не извратили ли они правду, не произнесли ли приговора над подсудимыми по пристрастию или по ненависти,

не дали, уступив лести, неправедного решения или по злопаметству не сделали ли зла невинным (6)?

* * *

Бывает у начальников ужасная болезнь — желание, чтобы преемники их власти были худыми и порочными. Если сами они были благородны, то думают сделаться более блестящими, если преемники их власти не будут такими же; а если они порочны и развратны, то думают, что зло последующего начальника будет защитой собственной их порочности (6).

* * *

Покажи мне отличие начальника в его состоянии по душе, то есть управляет ли он своими страстями, побеждает ли недуги сердца. Например, обуздывает ли пристрастие к деньгам, укрощает ли ненасытную любовь плотскую, не сохнет ли от зависти, не возмущается ли сильной страстью тщеславия, не боится ли и не трепещет ли бедности или неблагоприятной перемены, не умирает ли от этого страха. Такого покажи мне началь-

ника; вот это — власть. Но если он, управляя людьми, сам работает страстям, о таком я скажу, что это раб более всех людей. У кого внутри гнездится горячка, о том, хоть внешний вид тела и нисколько не показывает этой болезни, врачи, однако же, наверное говорят, что он одержим сильной горячкой, тогда как простые люди этого не знают. Так и я о человеке, у которого душа в рабстве и в плену у страстей, несмотря на то, что внешний вид его ничего такого не показывает, а показывает противное, скажу, что он более всех раб, потому что в нем глубоко гнездится греховная горячка и насильственная власть страстей утвердилась в самой душе. А кто сбросил с себя эту власть, не увлекается злыми пожеланиями и не страшится, не трепещет безрассудно нищеты и беславия и прочих тягостей настоящей жизни, того, хоть он одет в рубище, сидит в тюрьме и закован в цепи, назову начальником, и свободным, и царственнее царей (6).

НЕНАВИСТЬ

Христос заповедал не то, чтобы не иметь врагов, — это не в

нашей власти — но не ненавидеть их; в этом мы властны... Быть ненавидимыми напрасно зависит не от нашей воли, но от ненавидящих. Так злые люди обыкновенно ненавидят добрых без причины и напрасно. Так и Христа ненавидели напрасно, как Он Сам говорил: *возненавидели Меня напрасно* (Ин. 15, 25). И апостолы имели врагов — лжеапостолов и пророки — лжепророков. Не о том нужно заботиться, чтобы не иметь врагов, но чтобы не иметь их справедливо или по своей воле, чтобы нам, хотя бы мы тысячекратно были ненавидимы, самим не ненавидеть и не отвращаться от других, ибо в этом и состоит вражда — в ненависти и отвращении. Когда я бываю ненавидим, а сам не ненавижу, тогда другой имеет меня врагом, а не я его. Если я молюсь за него, если желаю благодетельствовать ему, то как я могу считать его врагом? Потому и Павел говорит: *если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми* (Рим. 12, 18)...

Что же нужно с нашей стороны? Например, тебя такой-то ненавидит и обижает? Ты люби его и благодетельствуй ему. Тебя он бесчестит и поносит? Ты

благословляй и хвали его. Но он и после этого не прекращает вражды своей? В таком случае он доставляет тебе большую награду. Ибо злые люди чем упорнее продолжают вражду, несмотря на наше расположение к ним, тем славнейшие награды готовят нам и тем слабейшими делают самих себя. Кто ненавидит и не прекращает вражды, тот мучится, истощается, проводит жизнь в постоянной войне, а кто выше этих стрел, тот стоит вдали от треволнений, доставляет себе, а не врагу, величайшую пользу и, стараясь примириться с ним и не враждовать, избавляет себя от войны и ссоры. Итак, будем избегать вражды с другими и исторгнем корень ее — тщеславие и сребролюбие. Ибо всякая вражда происходит или из страстия к деньгам, или из тщеславия. Если же будем выше этих страстей, то будем выше и вражды. Оскорбил ли тебя кто-нибудь, переноси мужественно: не тебя он оскорбил, а самого себя. Ударил ли тебя кто-нибудь, не простирай на него десницы своей: он в то же время ударил себя самого, поразив тебя рукой, а себя гневом Божиим (1).

* * *

Не испытавший в себе вражды, не испытывает и печали, но наслаждается радостью и другими бесчисленными благами. Ненавидя других, мы сами себя наказываем, равно как, любя других, благодетельствуем себе... Итак, не будем питать ненависти ни к кому, чтобы и самим заслужить любовь от Бога, и тогда, хотя бы мы десятью тысячами талантов были должны, Он умиласердится над нами и помилует нас (1).

НЕСТЯЖАТЕЛЬНОСТЬ

Нестяжательность приближает к Небесам, освобождая нас не только от страха, забот и опасностей, но и от прочих неудобств. Тот, кто не имеет ничего, презирает все, как бы обладая всем, и имеет великое дерзновение перед начальствующими, властителями и даже самым украшенным диадемою*. Кто презирает богатство, тот, простираясь далее, будет легко презирать и смерть, а, став выше этого, он

будет дерзновенно говорить со всеми, не опасаясь и не страшась никого. А тот, кто занят богатством, есть раб не только богатства, но и славы, и почестей настоящей жизни, и всего вообще житейского. Поэтому Павел и назвал сребролюбие корнем всех зол (см.: 1 Тим. 6, 10) (2).

НЕСЧАСТЬЯ

Таково свойство несчастий: они обыкновенно усиливают дружбу; это видно из того, что они легко могут прекращать и вражду. И нет человека столь жестокого и бесчувственного, который, видя врага своего в несчастье, мог бы еще питать к нему ненависть. Если же мы жалеем даже врагов и поступаем с ними как с друзьями, когда видим их претерпевающими какое-либо несчастье, то подумай, что должен был чувствовать я, видя в тяжких муках уныния того, кто для меня любезнее всех и кем я дорожу как своей головой... Многие из кажущихся несчастий представляются великими и невыносимыми, пока не будут хорошо рассмотрены, а кто рассмотрит их разумно, тот найдет, что они гораздо легче, чем о них думали (2).

* Здесь имеется в виду царь. (Примеч. ред.)

* * *

Почему же, скажешь ты, некоторые, прежде нежели достигнут того возраста, когда могут различать доброе от злого, уже несут наказание, как великие преступники? На это не одна причина, но много различных. Это может происходить и от неводержанности родителей, и от нерадения воспитателей, и от перемен в воздухе, и от множества других подобных обстоятельств. Притом о многих из них Бог знает, что они будут порочными, и потому наперед связывает их наказаниями, как бы какими путами. Разве не видишь, что и из нищих многие, будучи сами в прискорбном положении, совершают множество преступлений не от горя и не от голода, но единственно по своей порочности? Однажды я слышал от некоторых людей, что нищие, схватив благородную и красивую женщину, обесчестили ее в пустынном месте. Какая нужда, какое горе побудило их к такому делу? Какого же преступления не совершили бы они, если бы несчастья не сдерживали их, как цепи? А кто мог бы переносить неистовство и необуздан-

ность заключенных в темнице? Не лучше их ведут себя и одержимые демоном. Не о том я говорю, что они делают во время припадков беснования, но о том, что бывает по прекращении этих припадков: они предаются обжорству, и воруют, и пьянствуют, и совершают еще гораздо гнуснейшие дела. Поэтому, как судья многих преступников оставляет на жительство в темнице на долгое время, — а часто они оканчивают там жизнь, — когда же захочет предостеречь народ, то берет одного или двух из них, садится на возвышенном месте и при всех предстоящих приказывает вести преступника на смерть, не считая нужным делать то же со всеми преступниками, для устрашения прочих. Так и для Бога, когда Он благоволит вразумлять нас, не нужны все злые, но Он берет некоторых из них, о которых знает, что они неисправимы, и над ними являет Свою силу и гнев и через это совершает много полезного. Этим он злых располагает оставить, если Они захотят, свое нечестие, и добрых делает более внимательными, и показывает Свое долготерпение, и для всех подтверждает, как я выше сказал,

учение о Воскресении. Но какая польза от этого, скажешь ты, тем, которые весь первый возраст свой провели в несчастьях и умерли прежде, нежели успели различать добро и зло? Но какой же и вред, скажи мне, терпят они, когда еще не сознают своего несчастья и не умеют ни печалиться, ни радоваться? И не только этим я разрешаю предложенный вопрос, но и тем, что подобными несчастьями вразумляются и родители, и братья, и родственники; и немалое бывает приобретение, если из того, от чего один не терпит никакого вреда, другой получает величайшую пользу. Впрочем, на это, может быть, есть и другая какая-нибудь тайная причина, известная одному только нашему Создателю (2).

* * *

Проходя и увидев одного слепого, Он сделал брение*, помазал этим брением слепые глаза и сказал ему: *пойди, умойся в купальне Силоам* (Ин. 9, 7)...

* Брение — распущенная глина, грязь. Сделать брение означает взять сухую глину и увлажнить ее. (Примеч. ред.)

О блаженная слепота! Глаза, которых слепой не получил от природы, он получил от благодати, и не столько потерпел вреда от промедления [в получении глаз], сколько получил пользы от способа создания их. Что может быть удивительнее тех глаз, которые создать удостоили непорочные и святые руки? И что случилось с бесплодной женой, то произошло и здесь. Как она не потерпела никакого вреда от долгого бесплодия, но сделалась более славной, получив сына не по законам природы, а по законам благодати (см.: Быт 16, 1; Лк. 1, 7), так точно и слепой не потерпел никакого вреда от предшествовавшей слепоты, но и получил отсюда величайшую пользу, удостоившись сначала узреть Солнце правды, а потом — солнце видимое.

Это я говорю для того, чтобы мы не огорчались, когда увидим себя или других в несчастьях. Если мы будем с благодарностью и мужеством переносить все случающееся, то всякое несчастье непременно будет иметь благой для нас конец и сопровождаться многими благами (2).

НОВЫЙ ГОД

Происходящие сегодня дьявольские всенощные гулянья, шутки, бранные крики, ночные пляски и смешные забавы хуже всякого неприятеля пленили наш город. И тогда, как должно было бы сокрушаться, плакать, стыдиться, как согрешившим, так и несогрешившим, одним — смотря на свой грех, а другим — смотря на бесчиние братий, наш город веселится, красуется, увенчивается, площадь, как любящая наряды и роскошная женщина, сегодня заботливо украшается, облакаясь в золотые и драгоценные одежды, обувь и прочее тому подобное. Всякий мастеровой, выставляя напоказ свои работы, старается перещеголять своего товарища... Если ты хочешь украшать, то украшай не мастерскую, но твою душу, не площадь, но ум, чтобы Ангелы дивились, и Архангелы одобряли твое дело, и Владыка Ангелов наградил тебя Своими дарами, а хвастовство, совершающееся

ныне, возбуждает и смех, и зависть... А более всего при- скорбны состязания, которые происходят в гостиницах и пре- исполнены распутства и вели- кого нечестия: нечестия пото- му, что занимающиеся ими замечают дни, гадают и дума- ют, что если первый день этого месяца они проведут в удоволь- ствии и веселии, то и во весь год будет то же, а распутства потому, что на самом рассвете и женщи- ны, и мужчины, наполнив ста- каны и чаши вином, напивают- ся с великой неумеренностью... Крайне безумно по одному счаст- ливому дню ожидать того же на весь год; и не только от безу- мия, но и от дьявольского влия- ния происходит та мысль, будто в делах нашей жизни надобно полагаться не на собственную ревность и деятельность, а на дневные обращения времени. Сча- стлив для тебя будет год во всем не тогда, как ты будешь пьянст- вовать в первый день, но если и в первый, и в каждый день бу- дешь делать угодное Богу (2).

ОБИДЫ

Апостол говорит: *будьте долготерпеливы ко всем. Смотрите, чтобы кто кому не воздавал злом за зло; но всегда ищите добра и друг другу и всем* (1 Фес. 5, 14–15). Если не должно воздавать злом за зло, то тем более — злом за добро, тем более не воздавать злом, когда наперед не сделано зла... *Душа согрешающая, сказано, она умрет* (Иез. 18,20)... Не видите ли, что пчела, ужалив, умирает? Через это насекомое Бог учит нас тому, чтобы мы не оскорбляли ближних, потому что в таком случае сами наперед повергаемся смерти. Уязвляя их, мы, может быть, причиняем им некоторую боль; но сами, подобно этому насекомому, уже не останемся живы...

Подлинно, одним только лютейшим зверям свойственно наперед наносить обиду, когда еще никто не обижал; или, вернее, это даже и зверям несвойственно, потому что и они, если ты позволишь им обитать в пустыне и

нападением не доведешь их до крайности, никогда не причинят вреда, не придут, не укусят, но отойдут своим путем. А ты, будучи человеком, существом разумным, будучи почтен такой властью, честью и славой, даже зверям не подражаешь в обращении с соплеменными тебе, но обижаешь и снедаешь брата? Чем же ты можешь оправдаться? Не слышишь ли, что говорит Павел: *для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? Для чего бы вам лучше не терпеть лишения? Но вы сами обижаете и отнимаете, и притом у братьев* (1 Кор. 6, 7–8). Видишь ли, что злополучие состоит в делании зла, а благополучие — в перенесении зла (1)?

* * *

Ты обижен ближним? Будь снисходителен к нему, не питай ненависти, плачь и рыдай, а не презирай его, ибо не ты прогневал Бога, но он, а ты, перенеся обиду, поступишь добродетель-

но. Припомни, что и Христос, идя на крестную смерть, о Себе радовался, а о распинателях Своих плакал, подобным образом и нам надлежит поступать. Чем более нас обижают, тем более мы должны оплакивать обидевших нас, ибо для нас от этого происходит великое благо, для них же, напротив, великое зло. Но ближний тебя обидел при всех и даже ударил? Он при всех и обесчестил, и посрамил самого себя, и тысячу обвинителей вооружил против себя, тебе же, напротив, приготовил многие венцы. Но он оклеветал тебя перед другими? Что тебе и до этого, когда Сам Бог будет рассматривать твое дело, а не те, которые слышали клевету. Он сам сделался причиной своего наказания и подвергается ответственности не только за свои поступки, но и за то, что судил о тебе, оклеветав тебя перед людьми, сам он сделался виновным перед Богом. Если же это для тебя неудовлетворительно, то вспомни, что и Сам Бог был оклеветан и от сатаны, и от людей, и притом перед теми, которых Он наипаче любил. То же самое испытал и Единородный Сын Его... И не только оклеветал Его злой демон, но даже успел клевету свою

выдать за истину, и оклеветал не в маловажном чем-нибудь, но в величайших преступлениях, ибо называл Его и беснующимся, и лстецом, и противником Богу. Но ты, оказав благодеяния ближнему, терпишь от него обиду? Тем более плачь и болезнуй о причинившем тебе зло, а о себе радуйся, ибо ты уподобился Богу, повелевающему *солнцу Своему восходить над злыми и добрыми* (Мф. 5, 45). Но если подражание Богу превосходит твои силы (хотя для ревностного и это нетрудно), то мы укажем тебе пример для подражания в подобных тебе рабах. Посмотри на Иосифа: он хотя претерпел бесчисленные бедствия от своих братьев, однако ж облагодетельствовал их; посмотри на Моисея, который после бесчисленных против него злоумышлений иудеев молился за них... посмотри на Стефана, который, будучи побиваем камнями, молился об отпущении греха этого убийцам (1).

* * *

Когда ты скорбишь и огорчаешься обидой, я желал бы показать тебе душу торжествующего победу обидчика: она подобна

пеплу! Таково свойство греха: пока он совершается, он доставляет некоторое удовольствие, а когда совершится, то легкое удовольствие проходит и наступает скорбь. То же испытываем и мы, когда наносим кому-нибудь обиду: после сами осуждаем себя. Когда мы удовлетворяем своему корыстолюбию, тогда радуемся, а после совесть угрызает нас... Не огорчайся, но еще молись за обидевшего тебя — это принесет пользу тебе самому. Он взял твое имущество, взял и грехи, как случилось с Нееманом и Гиезием (см. 4 Цар. 5, 27). Какого не отдал бы ты богатства, чтобы тебе отпущены были грехи? Это может быть и теперь: если будешь терпеть и не станешь проклинать, то получишь блистательный венец (1).

* * *

Господь говорит: *кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся* (Мф. 5, 39–42).

Что можно сказать на это? Относительно всего здесь сказанного остается только плакать и закрываться [от стыда]: так мы уклонились в совершенно противоположную сторону, употребляя все время на суды и неприязни, на распри и ссоры, не перенося ни малейшего оскорбления ни на деле, ни на словах, но раздражаясь и за мелочи. Если бы ты мог указать на таких людей, которые, истратив много на бедных, после сами по бедности подвергаются презрению и терпят множество бедствий, то таких насчитал бы немного и даже весьма мало. Но и между ними ты не указал бы нам такого любомудрого, какой изображен здесь: эта последняя [предписываемая Христом] жизнь гораздо духовнее, чем первая, потому что не все равно дать ли добровольно, или перенести, когда все отнимают у тебя. Что говорю: перенести? Сказанное Христом включает в себе гораздо больше этого. Слово Его так воспрещает обиженным гневаться на обидевших, что должно не только не скорбеть о том, что уже взято, но и отдавать добровольно то, что осталось, и показывать готовность терпеть зло более, нежели сколько есть страсти у вра-

гов делать нам зло. Так, когда желающий обижать найдет, что обижаемый готов потерпеть более, нежели сколько ему хотелось, и, удовлетворив своей страсти, увидит, что оскорбленный с преизбытком выказывает свое великодушие, то отойдет прочь, побежденный и посрамленный превосходством терпения. И хотя бы он был зверь и даже свирепее его, сделается потом скромнее, ясно увидев из сравнения и свою злость, и его добродетель (2).

ОБЛИЧЕНИЕ

Название пороков прямыми и подлинными их наименованиями немало способствует к отвращению от них: оно может так сильно поражать грешников, что часто многие, отличающиеся бесчестнейшими делами, не переносят равнодушно, когда их называют тем, что они есть на самом деле, но приходят в сильный гнев и зверское раздражение, как будто терпят что-нибудь ужасное (2).

Дорожа мнением многих, мы, будучи худыми, пока думаем, что нас не знают, стараемся быть лучшими, а когда сделаемся всем известными и потеряем одобре-

ние, происходящее от неизвестности, то становимся более бесстыдными и нерадивыми. И как раны, открытые и часто подвергающиеся влиянию холодного воздуха, делаются более жестокими, так и душа согрешившая становится более бесстыдной, если перед многими обличается в том, в чем она согрешила... Без свидетелей пусть будет обличение, чтобы легко было изменение к лучшему. Таким образом, великое благо делать увещание не всенародное. Довольно совети, довольно этого неподкупного судии (6).

ОБРАЗОВАНИЕ

Когда отцы убеждают детей заниматься науками, то в их разговоре с детьми не слышно ничего другого, кроме таких слов: «Такой-то человек низкий и из низкого состояния, усовершенствовавшись в красноречии, получил весьма высокую должность, приобрел большое богатство, взял богатую жену, построил великолепный дом, стал для всех страшен и знаменит». Другой говорит: «Такой-то, изучив итальянский язык, блистает при дворе и всем там распоряжается». Иной опять указывает на другого, и все —

на прославившихся на земле, а о небесном никто ни разу не вспоминает, если же иной попытается напомнить, то он прогоняется как человек, который все расстраивает (2).

* * *

Если сила убеждения заключается в красноречии и, однако, философы не убеждают ни одного тирана, а люди некнижные и простые обращают всю вселенную, то, очевидно, торжество мудрости принадлежит простым и некнижным, а не изучившим то и другое искусство. Так, истинная мудрость и истинное образование есть не что иное, как страх Божий. И пусть никто не думает, будто я узаконяю, чтобы дети оставались невеждами, нет, если кто-то поручится насчет самого необходимого, я не стану препятствовать, чтобы у них было в избытке и это искусство. Как тогда, когда колеблются основания и весь дом со всем зданием находится в опасности упасть, было бы крайне бессмысленно и безумно бежать к красильщикам, а не к строителям, так и тогда, когда стены стоят твердо и крепко, было бы неуместным упрямством пре-

пятствовать желающему покрасить их...

Пусть будут нам предложены на выбор два дела: или пусть сын, посещая училища, старается изучать науки, или пусть в пустыне [печется] о душе. В чем лучше, скажи мне, успевать? Если бы возможно было в том и другом, то этого и я желаю, но если одно из двух останется недостижимым, то лучше избрать превосходнейшее (2).

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Не преданность любомудрию, а нелюбомудрие погубило и разрушило все. Кто, скажи мне, расстраивает настоящее положение дел: те ли, которые живут воздержанно и скромно, или те, которые выдумывают новые и незаконные способы наслаждения? Те ли, которые стараются захватить себе все чужое, или те, которые довольствуются своим?... Человеколюбивые и кроткие и не имущие похвалы от народа или те, которые требуют ее от единоплеменников более всего должного?... Те ли, которые стараются повиноваться, или те, которые стремятся к власти или начальству и для этого готовы

сделать и перенести все? Те ли, которые считают себя лучше всех и поэтому думают, что им можно говорить и делать все, или те, которые ставят себя в числе последних и этим укрощают безумное своеволие страстей? Те ли, которые строят великолепные дома и предлагают роскошные трапезы, или те, которые не ищут ничего, кроме необходимого пропитания и жилища? Те ли, которые прирезавают себе тысячи десятин земли, или те, которые не считают для себя нужным приобретение и одного холма? Те ли, которые прилагают проценты к процентам и гонятся путем неправды за всяким прибытком, или те, которые раздирают несправедливые записи и из своей собственности помогают нуждающимся? Те ли, которые признают немощь человеческой природы, или те, которые не хотят и знать этого, но от чрезмерной гордости даже перестали считать себя людьми? Те ли, которые питают блудниц и оскверняют чужие браки, или те, которые воздерживаются и от своей жены? Первые не то же ли в общественной жизни, что опухоли на теле и бурные ветры на море, своей неводержанностью потопляющие тех, которые сами по

себе могли бы спастись? А последние, как яркие светила среди глубокого мрака, не призывают ли бедствующих среди моря к своей безопасности и, возжегши вдали на высоте светильники любомудрия, не руководят ли таким образом желающих в спокойную пристань? Не от первых ли возмущения, и войны, и ссоры, и разрушения городов, и угнетения, и порабощения, и пленения, и убийства, и бесчисленные бедствия в жизни, не только наносимые людям от людей, но и все [посылаемые] с неба...

Так они извращают общественную жизнь и губят общее благо. Они причиняют бесчисленные бедствия и другим, беспокоя ищущих спокойствия, развлекаая и возмущая их со всех сторон. Для них и суды, и законы, и взыскания, и различные роды наказаний. Как в доме, где много больных, а здоровых мало, можно найти много и лекарств, и приходящих врачей, так и во вселенной нет народа, нет города, где бы не было много и законов, много и начальников, много и наказаний, потому что лекарства сами по себе не могут восставить больного, а нужны еще те, которые бы прилагали их: таковы судьи, заставляющие

этих больных волей или неволей принимать врачевание. Однако и при этом болезнь так усилилась, что превзошла само искусство врачей и вошла в самих судей, и теперь происходит то же, как если бы кто-то, страдая горячкой, водянкой и множеством других жесточайших болезней и не одолевая собственных недугов, стал усиливаться избавлять других, одержимых теми же недугами (2).

ОДЕЖДА

Одежды должны быть у нас необходимые, а не излишние... Блаженный Павел так увещевает жен украшать себя: *не плетением волос, не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою* (1 Тим. 2, 9)... Одежда должна быть такова, чтобы только прикрывала, ибо для того Бог и дал нам ее, чтобы мы прикрывали наготу... Не к одним только женам я обращаю свое слово, но и к мужам. Все, что мы имеем кроме этого, есть лишнее. Одни только нищие не имеют лишнего, но и те, может быть, по необходимости, так что если бы можно было, то и они не отказались бы... Пусть наряжается актриса или танцовщица, ей хочется привлечь

к себе всех. А посвятившая себя благочестию не так должна украшаться. У нее есть другое украшение, гораздо лучшее... Скажи мне, если бы блудница, оставив золотые украшения и одежды, смех, шуточные и непристойные выражения, оделась в простую одежду и украсила себя неизысканно, если бы она вышла и стала говорить благочестивые речи, беседовать о целомудрии и не произносить ничего непристойного, то не встали ли бы все, не нарушилось ли бы зрелище, не выгнали ли бы ее вон как неумеющую применяться к народу и говорящую о том, что чуждо этому сатанинскому зрелищу? Так если и ты, одевшись в свойственные ей одежды, войдешь на зрелище небесное, то зрители изгонят тебя вон. Там нужны не эти золотые одежды, а другие. Какие же? Те, о которых говорит пророк: *одета она золотою бахромою, преукрашенная* (Пс. 44, 14). Не тело нужно делать белым и блестящим, но украшать душу, ибо она подвизается и берется (1).

* * *

Когда у какой-либо жены есть одежда, истканная из золо-

та, то она часто вытрясает ее, завертывает в полотно, тщательно сохраняет, дрожит над нею и не пользуется ею. Можно подумать, что она умерла, или овдовела, или, если не случилось ничего такого, боится, чтобы от частого употребления не лишиться ее. Если другой не лишает, она сама лишает себя по скупости... Если бы кто-нибудь осмотрел дома, то нашел бы, что самые дорогие одежды и самые превосходнейшие вещи берегутся так, как будто бы они были живыми властителями. Жена не употребляет их часто, но боится и дрожит, предохраняет их от моли и других истачивающих платье насекомых, обкладывает большую часть их миром и ароматами и не всех удостаивает взглянуть на них. Не справедливо ли, скажи мне, Павел назвал любостяжание идолослужением? Какую честь язычники оказывают идолам, такую же эти люди — одеждам и золотым вещам (1).

* * *

Одежды даны нам не для того, чтобы мы украшали себя, но чтобы прикрывали стыд наготы, не для того, чтобы мы обле-

кались в то, что может посрамить нас хуже наготы. Поэтому и Бог одел Адама и жену его в *одежды кожаные* (Быт 3, 21), хотя Он мог бы, если бы хотел, одеть их в прекрасные одежды, но Он издревле и через это внушает нам, что теперь время не роскоши, а воздыхания и сокрушения. Если же сама нужда в одеянии есть стыд и срам и происходит от греха, то для чего ты увеличиваешь этот знак осуждения? Не достаточным ли доказательством нашего падения служит сама нужда в одеянии? Для чего же ты делаешь это унижение еще большим? Для чего увеличиваешь осуждение, умножая эту нужду? Следовало бы плакать и воздыхать и изнурять само тело, по учению Павла (см. 1 Кор. 9, 27), а мы стараемся украшать покровы его... Ты превосходишь и зрелищных женщин изысканностью одежд, прельщая ими рассеянных юношей. Не такого украшения и убранства твоего желает Жених, но Он заповедал, чтобы все прославление Его было в душе твоей, а ты, пренебрегая этим, разнообразно украшаешь грязь и пепел и привлекаешь невоздержанных любителей и, так сказать, делаешь прелюбодеяниями всех, вззирающих на тебя (2).

* * *

Как можно смотреть и ходить для Бога? Когда ты не стремишься к нечестию, не занимаешься чужой красотой, когда, видя идущую навстречу женщину, удерживаешь свое зрение, ограждаешь лицо свое страхом Божиим, то ты сделаешь это для Бога. Также когда мы одеваемся не в дорогие и изнеживающие нас одежды, но в такие, которые могут только прикрыть нас. Можно распространить это правило и на обувь. Многие дошли до такой изнеженности и роскоши, что даже обувь свою украшают и всячески испещряют не менее, чем другие — лицо. Это — знак нечистой и развращенной души. Хотя это кажется маловажным, однако как в мужчинах, так и в женщинах это есть знак и доказательство великого невоздержания. Итак, и обувь можно употреблять для Бога, если всегда будем удовлетворять только нужде и ее ставить мерой при пользовании вещами. А что и походкой, и одеянием можно прославлять Бога, о том, послушай, что говорит мудрый муж: *одежда и осклябление зубов и походка человека показывают свойство его*

(Сир. 19, 27). Если мы в одежде будем соблюдать приличие и строгость и во всем показывать великую скромность, то и неверный, и невоздержный, и буйный, как бы он ни был бесчувствен, при первой встрече с таким человеком будет удивляться ему (2).

* * *

Пусть об этом послушают богатые, которые украшаются тканями червей и одеваются в шелк, и пусть знают они, как человеколюбивый Владыка с самого начала вразумлял человеческую природу. Так как первозданный (человек) преступлением заповеди заслужил осуждение на смерть, между тем нужно было облечь его одеждой, которая бы прикрывала его стыд, то (Бог) сотворил им кожаные ризы, научая этим нас избегать изнеженной и роскошной жизни, не искать жизни праздной и беспечной, но более любить суровую. Но, может быть, богатые, негодуя на эти слова, скажут: так что же? Ты велишь нам одеваться в кожаные одежды? Не говорю этого, потому что и первые люди не навсегда получили те ризы; человеколюбивый Владыка к прежним благодеяниям

всегда прибавляет другие. Так как первые люди, лишившись бесстрастия и ангельской жизни, подвергли себя телесным нуждам, то Бог впоследствии устроил так, чтобы одежда для людей была приготовляема из овечьей шерсти, впрочем, не для чего иного, как только для того, чтобы она служила покровом и чтобы это разумное существо не жило, подобно бессловесным, в наготе и бесстыдстве. Итак, употребление одежд пусть непрестанно напоминает нам о потерянных благах и о том наказании, которое постигло человеческий род за преслушание. После этого пусть отвечают нам те, которые так увлеклись блеском, что даже и понятия не имеют об одеждах из овечьей шерсти, но облакаются в шелковые и дошли до такого безумия, что вплетают еще и золото в одежды, — особенно же такую роскошь видим мы у женского пола. Для чего ты, скажи мне, украшаешь тело и любишься такой одеждой, а о том не думаешь, что этот покров изобретен вместо величайшего наказания за преступление? Почему не слушаешь блаженного Павла, который говорит: *имея пропитание и одежду, будем довольны тем* (1 Тим. 6, 8)? Видишь,

что надо заботиться только о том, чтобы тело не было нагим, чтобы оно было только прикрыто, и отнюдь не заботиться о разнообразии одеяния (8).

ОСУЖДЕНИЕ

Никто не старается угождать Богу, а только злословим то того, то другого и говорим: такой-то не достоин быть в клире, такой-то живет нечестиво. Тогда как нам следовало бы оплакивать собственные пороки, мы осуждаем других, между тем как не должны делать этого и в том случае, если бы мы были чисты от грехов: *кто отличает тебя?* — говорит апостол. — *Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил* (1 Кор. 4, 7)? Как же ты осуждаешь брата своего, будучи сам исполнен бесчисленного множества зол? Когда ты скажешь: такой-то человек злой, вредный, порочный, — тогда обрати внимание на себя самого, разбери тщательно свои дела, и ты раскаешься в словах своих (1).

* * *

Не судите, да не судимы будете (Мф. 7, 1)... Если бы мы не

сделали даже никакого другого греха, то уже этот один может свести нас в преисподнюю геенну: так мы строго осуждаем чужие грехи, а у себя не видим бревен (см. Мф. 7, 3). Так мы трагит всю свою жизнь на разве- дывание и осуждение чужих дел! И не скоро найдешь и между мирянами, и между монаха- ми, и клириками такого, кто был бы свободен от этого греха несмотря на относящуюся к не- му такую угрозу: *каким судом судите, таким будете судимы* (Мф. 7, 2). И, однако, несмотря на то, что этот грех подвергает такому наказанию, а несколько не доставляет удовольствия, мы все бежим на зло, как будто ста- раясь и соревнуя войти в геен- скую печь не одной, а многими дорогами. Мы одинаково грешим не только в отношении к более трудным, но и в отношении к легчайшим [заповедям], нару- шая равно и эти и те, и преступ- лением легчайших доказываем, что мы и труднейших не испол- няем по своему небрежению, а не по трудности самих запове- дей. Так, скажи мне, какой труд в том, чтобы не разведывать о чужих делах и не осуждать гре- хов ближнего? Напротив, труд нужен на то, чтобы разведывать

и судить о других. Кто же, ус- лышав это, поверит когда-либо нам, что мы дошли до наруше- ния [заповедей] по беспечности, а не с намерением и не по жела- нию? Когда то, что [Господь] по- велевает делать, легко и удобно для желающих [исполнять], на- против, то, что Он воспрещает, более тяжело и трудно, а мы, опуская повеленное, делаем за- прещенное, не могут ли враги сказать, что мы грешим по же- ланию сопротивляться Ему (5)?

* * *

В тот день [будущего суда] Бог будет судить нас не только за то, в чем мы грешили, но и за то, в чем осуждали других, и часто грех, легкий по своему свойству, делается тяжким и непроститель- ным оттого, что согрешающий осуждает другого. Согрешил кто- нибудь и строго осудил другого, совершившего тот же грех, за это в тот день он подвергнется нака- занию не такому, какого требу- ет свойство греха его, но больше, чем двойному и тройному, — по- тому что Бог назначит ему нака- зание не сообразно с тем, в чем он сам согрешил, но за то, что строго осудил другого, который согрешил в том же... Фарисей,

хотя сам ни в чем не согрешил, жил праведно и мог указать много своих добрых дел, когда осудил мытаря, хищника, корыстолюбца и беззаконнейшего человека, подвергся такому осуждению, что его ожидает наказание большее, чем какое следовало этому. Если же он, сам не согрешив ни в чем, но простым словом осудив другого грешника, который своими беззакониями был известен всем, подвергся такому наказанию, то мы, много согрешая каждый день и между тем осуждая жизнь других, которая при том никому неизвестна и не открыта, представь, какому подвергнемся наказанию, как лишимся всякого прощения. *Каким судом судите, — сказал Господь, — таким будете судимы* (Мф. 7, 2) (6).

ОТДЫХ

Как тело, изнуренное постом, нуждается в некотором отдыхе, чтобы могло потом с живой ревностью опять выступить на подвиги поста, так и душа требует отдохновения и успокоения. Не всегда нужно напрягать ее, не всегда и послаблять ей, но иногда делать одно, а иногда другое, и таким образом управлять и состоянием души, и вожделения-

ми плоти. Всегдашний напряженный труд производит изнурение и изнеможение, а постоянное послабление ведет к беспечности. Это бывает, как всякому известно, и с душой, и с телом. Поэтому мера во всем — прекрасное дело. Этому учит нас Бог и Своими творениями, которые Он создал для нашего существования. Чтобы в этом увериться вам, возьмем в рассмотрение день и ночь, то есть свет и мрак. Назначив человеку день для делания, а мрак ночи для успокоения и отдохновения от трудов, (Бог) обоим им положил меру и пределы, чтобы все мы могли получать от них пользу (8).

ОТЕЦ

Родить сына мало для того, чтобы родивший уже и научил полезному рожденного им. Рождение, конечно, много содействует любви к рожденному, но чтобы точно знать, что полезно ему, для этого недостаточно только родить и любить. Если бы это так было, то ни один человек не должен бы видеть лучше отца, что полезно его сыну, так как никто другой не может любить сына больше отца. Между тем и сами отцы делами своими

показывают свое невежество в этом, когда сами ведут детей к учителям, поручают их воспитателям, со многими советуются, озабочиваясь избранием рода жизни, какому надобно посвятить сына. И удивительно еще не это, но то, что родители при таком совещании о своих детях часто отвергают свое собственное мнение и останавливаются на чужом (2).

* * *

Тот, кто в отношении к другим столь тих и кроток, что никому не подает повода к неудовольствию, тем более будет оказывать великое почтение отцу и станет угождать ему гораздо более теперь, чем когда бы достиг мирской власти. Облеченный великой властью, неизвестно, не стал ли бы он презирать и отца (2).

* * *

Так как мы бываем и худы и хороши по свободной воле, то какое благовидное оправдание может представить допустивший до развращения и порочности [сына], любимого им больше все-

го? То ли, что не хотел сделать его честным? Но ни один отец не скажет этого, потому что сама природа настоятельно и непрерывно побуждает его к тому. Или то, что не мог? Но и этого нельзя сказать, потому что многое — и то, что он взял сына [на свое попечение] еще в нежном возрасте, и то, что ему первому и одному только вручена власть над ним, и то, что он постоянно имел его при себе, — делает для него воспитание легким и очень удобным. Таким образом, развращение детей происходит не от чего другого, как от безумной привязанности [отцов] к житейскому: обращая внимание только на это одно и ничего не желая считать выше этого, они необходимо уже нерадят о детях с их душой. О таких отцах я сказал бы (и никто пусть не приписывает этих слов гневу), что они хуже даже детоубийц. Те отделяют тело от души, а эти то́ и другую вместе ввергают в огонь геенский; той смерти подвергнутся неизбежно по естественной необходимости, а этой можно было бы и избежать, если бы не довела до нее беспечность отцов. Притом смерть телесную сможет уничтожить воскресение,

как скоро наступит оно, а погибели души ничто уже не вознаграждает; за ней следует уже не спасение, а необходимость вечно страдать... Не так жестоко изострить меч, взять его в правую руку и вонзить в самое горло сына, как погубить и развратить душу, потому что ничего равного ей нет у нас (2).

* * *

Может быть, вы хотите видеть детей от детей? Как же это, когда вы сами еще не сделались [истинными] отцами? Не рождение делает таким отцом: с этим согласятся и сами родители, которые, видя детей своих дошедшими до крайней порочности, отвергают и чуждаются их как бы не своих, и ни природа, ни рождение и ничто другое тому подобное не может удерживать их от этого. Пусть же они и не считаются отцами тех, которые далеки от любомудрия, но когда родят их таким образом, тогда пусть и ожидают себе внуков, потому что тогда только и смогут они увидеть их. Дети их суть те, *которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились* (Ин. 1, 13) (2).

* * *

Если ты прекрасно возрастишь сына своего, то и он — своего собственного сына, а этот — своего сына; и как бы некоторая лента и ряд лучшей жизни все пойдет вперед, получив начало и корень от тебя и принося тебе плоды попечения о потомках. Если бы отцы тщательно воспитывали своих собственных детей, то не нужно было бы ни законов, ни судилищ, ни мщений и наказаний... Но так как мы не заботимся о них, то и подвергаем их большому злу, и предаем в руки палачей, и постоянно толкаем в пропасть (6).

ОТЧАЯНЬЕ

Не столько погубляет грех, сколько отчаянье. Согрешивший, если протрезвится, покаянием скоро исправляет свой проступок, а кто отчаивается и не кается, тот потому и остается без исправления, что не употребил врачевства покаяния (1).

* * *

Не отчаивайся в перемене на лучшее. Если диавол был силен настолько, что низринул тебя с

вершины и высоты добродетели до крайностей порока, то гораздо более силен будет Бог опять возвести тебя в прежнюю свободу и сделать не только таким же, но и гораздо блаженнейшим прежнего. Только не унывай, не теряй добрых надежд, не впадай в страсть нечестивых. В отчаянье обыкновенно ввергает не многочисленность грехов, но нечестивое состояние души... Только таким людям свойственна эта страсть, когда они приходят в глубину зол. Она-то не допускает их воспрянуть и опять взойти туда, откуда ниспали... Мужественной душе свойственно не упадать и не отчаиваться перед множеством постигающих бедствий и после многократных и безуспешных молитв не отступать, но ожидать *дондеже ущедрит ны*, как говорит блаженный Давид.

Диавол для того и ввергает нас в помыслы отчаянья, чтобы истребить надежду на Бога — этот безопасный якорь, эту опору нашей жизни, этого руководителя на пути, ведущем к Небу, это спасение погибающих душ. *Ибо мы*, — говорит [апостол], — *спасены в надежде* (Рим. 8, 24). Ибо она, как некая крепкая цепь, свешенная с Неба, поддер-

живает наши души, мало-помалу поднимая на высоту тех, которые крепко держатся за нее, и вознося нас превыше бури житейских зол. Поэтому, если кто-либо ослабевает и опустит из рук этот священный якорь, тот сейчас же упадет и погибнет в бездне порока. Зная это, лукавый, как только заметит, что мы сами тяготимся сознанием злых дел, приходит и сам еще налагает на нас помысл отчаяния, который тяжелее свинца. И если мы примем его, то, увлекаемые тяжестью и оторванные от той цепи, неизбежно тотчас низринемся во глубину зол...

Не говори мне, что так бывает лишь с невеликими грешниками; нет, пусть даже человек будет исполнен всякого порока и сделает все, что затворяет для него вход в Царствие, и притом не из неверных от начала, но из верных и благоугождавших прежде Богу, пусть такой делается впоследствии блудником, прелюбодеем, сластолюбцем, хищником, пьяницей, мужеложником, сквернословцем и т. п., — и такого я не похваляю, если он будет отчаиваться в себе, хотя бы он до самой глубокой старости провел такую несказанно порочную жизнь (2).

* * *

Начнем же, наконец, возвращение, поспешим во град небесный, в котором мы вписаны, в котором и обитать надлежит нам. Отчаянье гибельно не только потому, что затворяет нам врата этого града и приводит к великой беспечности и небрежению, но и потому, что ввергает в сатанинское безумие, ибо и диавол сделался таким не от чего-либо другого, как от того, что сперва отчаялся, а потом от отчаяния впал в безумие. Так и душа, однажды отчаявшись в своем спасе-

нии, уже не чувствует потом, как она стремится в пропасть, решаясь и говорить, и делать все против своего спасения. Как сумасшедшие, раз лишившись здравого состояния, ничего не боятся и ничего не стыдятся, но безбоязненно отваживаются на все, хотя бы пришлось им попасть в огонь, или в море, или в пропасть, так и объятые безумием отчаяния неудержимо устремляются на всякое зло и, если смерть не постигнет их и не удержит от этого безумия и стремления, причиняют себе множество бед (2).

ПАДЕНИЕ

Нам всегда нужно иметь бод-
рость и великое усердие, и если
так настроим совесть свою, что
возненавидим прежнюю пороч-
ную жизнь и изберем противо-
положный путь с такой силой,
какой хочет и требует Бог, то от
времени ничего не потеряем,
так как многие, бывшие послед-
ними, опередили первых. Тяж-
ко не падение, а то, чтобы, упав,
лежать и уже не вставать, то,
чтобы, произвольно делая зло и
пребывая в беспечности, по-
мыслами отчаяния прикрывать
слабость воли. Таким людям и
пророк, недоумевая, говорит:
*разве упавши не встанут и, со-
вертившись с дороги, не возвра-
щаются* (Иер. 8, 4)? Если же ты
спросишь нас о тех, которые по-
сле уверования опять пали, то
все сказанное относится и к
ним, ибо кто пал, тот был преж-
де в числе стоявших, а не лежа-
щих, иначе как бы он и пал?
И еще будет сказано отчасти
притчами, а отчасти яснейши-

ми делами и словами. Так овца,
которая отделилась от девяно-
ста девяти и потом опять была
приведена назад, изображает
нам не иное что, как отпадение
и возвращение верных, потому
что она была овца, и притом не
другого какого-нибудь стада, но
из числа прочих овец, и прежде
паслась пастырем и заблуди-
лась не обычным образом, но в
горах и стремнинах, т.е. на пу-
ти каком-то далеком и весьма
уклонившемся от прямой доро-
ги. Но пастырь оставил ли ее
блуждать? Никак. Он привел ее
назад, не пригнав и не бив, но
взяв на рамена* свои. Ибо как
лучшие врачи с великим попе-
чением возвращают здоровье
одержимым продолжительной
болезнью, не только врачуя их по
правилам врачевания, но иногда
и доставляя им удовольствие,
так и Бог весьма испорченных
людей обращает к добродетели
не вдруг и насильственно, но ти-
хо и мало-помалу, и всегда по-

* Рамена — плечи. (Примеч. ред.)

могая им, чтобы не приключилось еще большего отчуждения и продолжительнейшего заблуждения. На это указывает притча о блудном сыне. Он также был не чужой, но сын и брат благонаправленного сына, и низринул не в маловажный порок, а в самую, можно сказать, крайнюю порочность: богатый, свободный и благородный сделался несчастнее рабов и чужих людей и наемников. И, однако, он опять возвратился в первобытное состояние и получил прежнюю честь. А если бы он отчаялся в своей жизни и, пав духом от постигших его бед, остался на чужбине, то не получил бы того, что получил, а, изнуренный голодом, погиб бы самой жалкой смертью. А так как он раскаялся и не впал в отчаянье, то после такого растления опять является в прежнем благообразии, облачается в прекрасную одежду и получает больше непадшего брата... Такова была сила покаяния! (2)

* * *

Остается еще один вопрос: почему те, которые прежде искушения жили праведно, после искушений пали? Но кто верно знает живущих праведно, кро-

ме того, *Кто создал особо сердца их и вникает во все дела их* (Пс. 32, 15)? Многие из тех, которые кажутся добродетельными, часто оказываются порочнее всех. Это обнаруживалось и в настоящей жизни, но только относительно некоторых, по какому-нибудь случаю и по какой-нибудь необходимости. Когда же сядет судить [Господь]... тогда всех увидишь открыто такими, каковы они действительно, и ни волка не скроет овечья кожа, ни окраска гроба внутренней его нечистоты, потому что *нет твари, сокроенной от Него, но все обнажено и открыто перед очами Его* (Евр. 4, 13). Это и Павел, объясняя коринфянам, говорил: *не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения* (1 Кор. 4, 5). Впрочем, оставив лицемеров, скажем о живущих праведно. Откуда известно, что они, имея многие добродетели, не пренебрегли главной из них — смирением? Поэтому Бог и отступил от них, чтобы они знали, что добрые дела совершали они не собственной силой, но благодатью Божией. Если же кто-то скажет, что лучше гордиться делая

добро, нежели смиряться согрешая, тот совсем не понимает ни вреда от гордости, ни пользы от смирения... Делаящий добро с гордостью, если только можно так делать добро, скоро дойдет до крайней гибели. Кто допустил себя до падения и падением научился смирению, тот скоро, если захочет, восстанет и исправится, но кто делает кажущееся добро с гордостью и не терпит ничего неприятного, тот никогда не почувствует своей греховности, но еще увеличит зло и незаметно для себя самого отойдет отсюда без добрых дел, как тот фарисей, который вошел в храм, думая о себе, что он богат всякой добродетелью, а вышел, узнав, что он беднее даже мытаря (Лк. 18, 10). Есть и другой вид зла, имеющий великую силу упразднить добро, собранное с великими усилиями и трудами, — это ветер тщеславия. Оно действительно, как ворвавшийся ветер, развеивает все сокровища добродетели. Вот открылась нам и вторая причина падения живущих праведно, как ты сказал. Многие, кажущиеся нам перенесшими и переносящими великие труды для добродетели, за то, что делали все ра-

ди чести у людей, а не у Бога, и попущены впасть в искушение, чтобы они, лишившись людской славы, для которой терпели все лишения, и узнав, что она в сущности нисколько не лучше цвета травного, прилепились наконец к одному Богу и делали все для Него (2).

ПАМЯТЬ

Созидавшие вавилонский столб говорили: *построим себе город и башню... и сделаем себе имя* (Быт. 11, 4). Да заслужим, говорят, вечную память. Много и теперь есть таких, которые подражают этим людям и хотят такими же делами оставить по себе память. И если спросить кого бы то ни было из них, для чего он так трудится и беспокоится и тратит много денег попусту, они ничего не скажут, кроме следующих слов: чтобы всегда помнили о нас, чтобы говорили: это дом такого-то, это поле такого-то. Но это значит заслужить себе не память, а скорее осуждение, потому что к этим словам тотчас же прибавляются еще и другие, самые укоризненные слова: такого-то лихоимца, хищника, притеснителя вдов и сирот... Если

же ты подлинно ищешь памяти, так я покажу тебе путь, которым можешь ты достигнуть всегдашнего о тебе воспомина-ния... Если богатство свое раздашь в руки нищих... Такая память бессмертна, такая память будет для тебя виновницей тысячи сокровищ, такая память облегчит тебя от тяжести грехов (1).

ПЕЧАЛЬ

Ничто так не отгоняет беспечности и рассеянности, как скорбь и печаль; она отовсюду сосредоточивает душу и обращает ее к самой себе. Кто так скорбит и молится, тот после молитвы может испытать в своей душе великое удовольствие. Как сгустившиеся облака сначала делают воздух мрачным, а, испустив обильный дождь и излив всю влагу, оставляют воздух чистым и светлым, так точно и печаль, пока скопляется внутри, помрачает наш ум, а когда разрешится словами молитвы и соединенными с ней слезами и выйдет изнутри вон, то оставляет в душе великую ясность, так как в душу молящегося входит, как некоторый луч, помощь Божия (2).

ПИСАНИЕ СВЯЩЕННОЕ

От чтения Божественного Писания можно получать немалую и не незначительную пользу. Оно предлагается всем беспрепятственно, и всякий желающий может извлекать из него свойственное удручающей его страсти врачевство и получать скорое исцеление, только бы не отвергал целительного врачевства, но принимал с благодарностью (1).

* * *

Чаще приходите сюда [в храм], внимательно слушайте чтение Божественного Писания, и не только когда бываете здесь, но и дома берите в руки Священные Книги и с усердием извлекайте из них пользу для себя. Ибо великая происходит от них польза: во-первых, от чтения их образуется язык; потом и душа окрыляется и делается возвышенной, будучи озаряема светом Солнца правды, освобождаясь в это время от нечистоты порочных помыслов и наслаждаясь великим миром и спокойствием. Что телесная пища для поддержания наших сил, то же и

чтение Писания для души. Оно есть духовная пища, которая укрепляет ум и делает душу сильной, твердой и мудрой, не позволяет ей увлекаться неразумными страстями, напротив, еще облегчает полет ее и возносит ее, так сказать, на самое небо. Не будем же, прошу, не радеть о такой пользе, но станем и дома заниматься внимательным чтением Божественного Писания и, придя сюда, не тратить время на пустые и бесполезные разговоры, но для чего пришли, на то и обращать все наше внимание и слушать читаемое, чтобы выйти отсюда с каким-нибудь приобретением (1).

* * *

Послушайте все вы, люди мирские и пекущиеся о жене и детях, как и вам внушает апостол больше читать Писание, и не просто как случится, а с великим старанием: *Слово Христово*, — говорит он, — *да вселяется в вас обильно, со всякою премудростью; научайте и врачуйте друг друга псалмами, славословием и духовными песнями, во благодати воспевая в сердцах ваших Господу* (Кол. 3, 16). Как богатый деньгами мо-

жет переносить убыток и неудачу, так и имеющий достаточные познания о догматах любомудрия легко перенесет не только бедность, но и все несчастья. И последний еще легче, чем первый, потому что там, когда оказывается убыток, богатый необходимо скудеет, и это делается известным для других, и если он терпит это часто, то уже нелегко ему бывает переносить свои потери, а здесь не так, ибо, когда нам случается переносить, чего бы мы и не хотели, мы не теряем здравого рассудка, но сохраняем его постоянно...

Не ожидай другого учителя: есть у тебя Слово Божие, никто не научит тебя так, как оно. Ведь другой учитель иногда многое скрывает то из тщеславия, то из зависти. Послушайте, прошу вас, все, привязанные к этой жизни, приобретайте книги — врачевство души. Если не хотите ничего другого, приобретите по крайней мере Новый Завет, Деяния апостолов, Евангелие — постоянных наших наставников. Постигнет ли тебя скорбь, приникай к ним, как к сосуду, наполненному целебным веществом. Случится ли утрата, смерть, потеря близких — оттуда почерпай утеше-

ние в своем несчастьи. Или лучше — не только приникай к ним, но принимай их внутрь и храни в своем уме. От незнания Писания — всякое зло. Мы выходим на войну без оружия — и как нам спастись? Легко спастись с Писаниями, а без них невозможно (1).

* * *

Если мы будем постоянно упражняться в чтении и слушании Священного Писания, то будем в состоянии достигнуть своего спасения, узнаем и правые догматы, и жизнь добродетельную. Хотя бы кто-то был крайне упрям, и непреклонен, и ленив, хотя бы прежде он не приобрел никакой выгоды [от чтения Священного Писания], при всем том в настоящее время соберет плод и получит какую-нибудь пользу, хотя и не такую, чтобы мог ее чувствовать, но все же получит. Если тот, кто приходит в мироварницу и сидит там, невольно проникается благоуханием, то гораздо более тот, кто ходит в церковь. Как от бездействия рождается лень, так и от упражнения появляется усердие. Поэтому хотя бы ты был исполнен бесчисленным мно-

жеством грехов, хотя бы ты был нечист, не убегай здешнего соборания. Но, скажешь, что же если я слушаю, но не исполняю? Немалое приобретение и признать себя достойным сожаления. Не бесполезен и этот страх, не бесплодна и эта боязнь. Если только будешь сокрушаться о том, что, слушая, не исполняешь, то непременно придешь когда-нибудь и к исполнению. Кто беседует с Богом и слушает беседу Божию, тому невозможно не получить никакой пользы. Ведь мы тотчас же поправляем на себе одежду и умываем руки, как только хотим взять Библию. Видишь, какое благоговение еще прежде чтения? Если же мы со вниманием и читать будем, то приобретем великую пользу. В самом деле, если бы это чтение не приводило душу в благоговение, мы не стали бы умывать рук... Потом, сев слушать, человек часто вздыхает и осуждает свою настоящую жизнь. Итак, будем внимать Писаниям... по крайней мере, Евангелие да будет для нас предметом особенного внимания, да будет всегда в наших руках. Ведь только откроешь эту книгу, тотчас увидишь перед глазами имя Христово (1).

* * *

Невозможно, чтобы наслаждающиеся слушанием Божественного Писания и внимающие такому поучению отходили отсюда [из церкви], не получив какого-либо истинного великого блага, будет ли участником в этой трапезе муж, или жена, или юноша. Если мы, приучая зверей к нашим словам, таким образом укрощаем их, то не гораздо ли более через это духовное учение мы можем исправлять людей, когда там и здесь есть великое различие и между врачевствами и между врачуемыми? Ибо и грубость в нас не такова, как в зверях: у них она зависит от природы, а у нас — от произвола; да и сила слов не одинакова: там она происходит от человеческой мысли, а здесь — от силы благодати Духа. Итак, кто отчаивается в себе самом, тот пусть помыслит об укрощенных зверях, и он никогда не впадет в отчаяние. Пусть всегда приходит он в эту врачевницу, пусть постоянно слушает законы Духа и, возвращаясь домой, слышанное записывает в своем уме. Таким образом он будет в доброй надежде и в безопасности, на самом опыте чувствуя успех. И диавол,

как скоро увидит, что в душе [человека] написан закон Божий, а сердце сделалось скрижалями этого закона, уже не будет более приступать. Ибо, где будут царские письма, не на столпе медном начертанные, но в боголюбивом сердце Духом Святым напечатленные и благодатью блистающие, туда он не сможет даже и заглянуть, а далеко отбежит. Для него и для помыслов, им влагаемых, ничто так не страшно, как мысль, занятая предметами божественными, душа, постоянно прилежащая к этому источнику. Такую-то душу не может ни опечалить что-либо в настоящем, хотя бы было что-нибудь и неприятное, ни возгордить и надмнить что-либо благоприятное, но среди бурь и волнений она будет наслаждаться тишиной (1).

* * *

Я всегда внушаю и не перестану внушать, чтобы вы не только здесь внимали тому, что говорится, но и дома постоянно занимались чтением Божественных Писаний. Это я всегда внушал и тем, которые частным образом бывают вместе со мной. Никто пусть не говорит мне

этих холодных и достойных всякого осуждения слов: я привязан к судилищу, занимаюсь делами общественными, упражняюсь в ремесле, имею жену, воспитываю детей, управляю домом, я человек мирской — не мое дело читать Писания, но тех, которые отказались от мира, поселились на вершинах гор и ведут такую жизнь постоянно. Что говоришь ты, человек, будто не твое дело заниматься Писаниями, — вследствие того, что ты развлекаешься бесчисленными заботами? Нет, это твое дело больше, нежели их, потому что они не столько имеют нужду в помощи Божественных Писаний, сколько обращающиеся среди множества дел. Монахи, удалившись от торжища и от смятений торжища, устроив кельи в пустыне и не имея ни с кем никакого общения, но любознательствуя беспрестанно в своей мирной тишине, как бы сидя в пристани, наслаждаются великой безопасностью, а мы, волнуемые как бы среди моря и впадающие во множество грехов, всегда нуждаемся в постоянном и непрерывном утешении от Писаний. Те сидят вдали от борьбы, отчего и немного получают ран, а ты

постоянно находишься в боевом строю и получаешь непрерывные удары, поэтому и больше нуждаешься во врачевствах. И жена раздражает тебя, и сын огорчает, и слуга приводит в гнев, и враг строит козни, и друг завидует, и сосед клеветает, и сослуживец подставляет ногу, нередко и суд угрожает, и бедность печаливает, и небрежность домочадцев заставляет плакать, и счастье надмевает, и несчастье повергает в уныние, и со всех сторон окружают нас многие случаи и поводы то ко гневу, то к заботам, то к унынию и печали, то к тщеславию и гордости, и отовсюду несутся бесчисленные стрелы. Поэтому нам постоянно нужно всеоружие Писаний... И много есть обстоятельств, которые осаждают нашу душу, поэтому нам нужны божественные врачевства, чтобы мы могли и врачевать раны, уже полученные, и предотвращать еще не полученные, но угрожающие, издали обессиливая и отражая дьявольские стрелы постоянным чтением Божественных Писаний. Ибо невозможно, невозможно спастись никому, кто не упражняется постоянно в духовном чтении, но и то еще хорошо, если мы, пользуясь непрестанно

этим врачевством, успеем спастись когда-нибудь. Если же, получая каждый день раны, мы не будем пользоваться никаким врачевством, то какая нам надежда на спасение...

Как хранящиеся где-нибудь царские оружия, хотя бы и никто не пользовался ими, доставляют великую защиту живущим в том месте, потому что ни разбойники, ни подкапыватели стен, ни другие какие-либо злодеи не осмеливаются напасть на этот дом, так, где есть духовные книги, оттуда прогоняется всякая сила дьявольская и живущим там бывает великое назидание в добродетели. Даже один вид таких книг делает нас более воздержанными от греха. Если мы и дерзаем на что-нибудь запрещенное и сделаем себя нечистыми, то, возвратившись домой и взглянув на эти книги, мы более осуждаем себя в совести и делаемся менее склонными к повторению тех же грехов. А если, напротив, будем жить благочестиво, то получим оттуда еще большую пользу. Как только кто касается Евангелия, то тотчас благоустраивает ум свой и при одном только взгляде на него отрешается от житейского. Если же присоединится и вни-

мательное чтение, то душа, как бы вступая в таинственное святилище, очищается и делается лучше, так как с ней беседует Бог через эти Писания. А что, скажут, если мы не понимаем содержащегося в них? Даже если ты и не понимаешь содержащегося в них, от самого чтения бывает великое освящение. Впрочем, невозможно, чтобы ты одинаково не понимал всего. Благодать Духа для того именно и устроила, что эти книги сложили мытари, рыбаки, скинотворцы, пастыри овец и коз, люди простые и неученые, чтобы никто из простых людей не мог прибегать к такой отговорке, чтобы всем было удобопонятно то, что говорится, чтобы и ремесленник, и слуга, и вдовая женщина, и необразованнейший из всех людей получали пользу и назидание от слушания, ибо не для суетной славы, как внешние [мудрецы], но для спасения слушателей сложили все это те, которые в начале удостоились благодати Духа.

Внешние философы, и ритори, и писатели, искавшие не общей пользы, но имевшие в виду только возбудить удивление к самим себе, если и говорили что-нибудь полезное, прикрыва-

ли это как будто каким-то мраком, обычной неясностью. Но апостолы и пророки делали все напротив: они преподали учение ясное и понятное для всех, как общие учителя вселенной, чтобы каждый и сам собой при одном чтении мог понять сказанное. Предвозвещая это, и пророк говорил: *все сыновья твои будут научены Господом* (Ис. 54, 13), *и уже не будут учить друга друга, брат — брата и говорить: «познайте Господа», ибо все сами будут знать Меня, от малого до большого* (Иер. 31, 34)... И для кого неясно все, что заключается в Евангелиях? Кто, слыша, что *блаженны кроткие, блаженны милостивые, блаженны чистые сердцем* (Мф. 5, 5, 7, 8) и подобное этому, будет нуждаться в учителе, чтобы сколько-нибудь понять сказанное? А обстоятельства знамений и чудес и исторических повествований не всякому ли понятны и ясны? Вышесказанное есть только предлог, отговорка и прикрытие лени. Ты не понимаешь того, что содержится? Но как и понять тебе, когда ты не хочешь даже просто взглянуть в книгу? Возьми в руки книгу, прочитай всю историю, понятное удержи в памяти, а неясное и непонят-

ное прочитай несколько раз. Если же и при частом чтении не в состоянии будешь понять того, о чем говорится, ступай к мудрейшему, поди к учителю, снесись с ним о сказанном, покажи великое усердие, и Бог, видя, что ты употребляешь такое старание, не презрит твоей неусыпной заботливости, если человек не изъяснит тебе искомого, то Он Сам, несомненно, откроет... Великая защита от грехов — чтение Писаний, а незнание Писаний — великая стремнина и глубокая пропасть, великая потеря для спасения — не знать ничего из божественных постановлений. Это незнание породило ереси, оно привело и к развратной жизни, оно перевернуло все вверх дном, ибо невозможно, невозможно, чтобы без плода остался тот, кто постоянно с усердием занимается чтением [Писаний] (3).

* * *

Виноградник, раз обобранный, остается без плода, с одними листьями, но не так бывает с духовным виноградником Божественных Писаний, но хотя бы мы взяли все, что видим, в нем остается еще больше... Никто не

будет в состоянии исчерпать все его богатство. Таково свойство этого богатства: чем более станешь проникать в глубину, тем более будут истекать божественные мысли, — это источник неиссякающий (3).

* * *

Не довольно того, чтобы только проследить Божественные слова, нет, требуется еще доказательство от дел. Как на арфе ударяет по струнам игрок искусный, ударяет и неискусный, но один наводит на слушателя скуку, другой увеселяет и восхищает его: пальцы одинаковы и струны одни, да не одно искусство, — так и в отношении к Божественному Писанию: многие, конечно, узнают Божии слова, но не все получают пользу, не все приносят плод. Причина в том, что они не углубляются в сказанное и без искусства касаются арфы. Действительно, что в игре на арфе искусство, то в отношении к Божиим законам доказательство от дел (6).

* * *

Приятен луг, приятен сад, но гораздо приятнее чтение Боже-

ственных Писаний. Там — увядающие цветы, а здесь — цветущие мысли. Там — дыхание зефира, а здесь — веяние Духа. Там служит оградой терновник, а здесь охраняет промысел Божий. Там — пение кузнециков, а здесь — речи пророков. Там — удовольствие от зрения, а здесь — польза от чтения. Сад — в одном каком-либо месте, а Писания — по всей вселенной, сад подчинен переменам времен года, а Писания и зимой и летом украшены листьями, обременены плодами. Будем же прилежны в чтении Писаний. Если ты внимаешь Писанию, то оно удаляет от тебя уныние, доставляет удовольствие, истребляет злобу, укореняет добродетель, не допускает бедствовать в вихре забот, подобно обуреваемым волнами. Море бушует, а ты плывешь в тишине: у тебя кормчим чтение Писания, а этого каната не рассторагает искушение обстоятельств (7).

ПИЩА

Ты же, возлюбленный, когда сядешь за трапезу, вспомни, что после трапезы тебе должно молиться, и затем умеренно наполняй чрево, чтобы, обременив се-

бя, не сделаться бессильным преклонить колени и помолиться Богу. Не видите ли, что подъяремные животные от яслей выступают в дорогу, несут тяжести и исполняют свою службу? А ты после трапезы бываешь неспособен и негоден ни к какому делу, не будешь ли ты хуже и самих ослов? Почему? Потому, что тогда особенно и должно не спать и бодрствовать, ибо время после трапезы есть время благодарения, а благодарящему должно не пьянствовать, но не спать и бодрствовать. Будем же от трапезы обращаться не на ложе, но на молитву, чтобы нам не быть бессмысленнее бессловесных...

Приучимся употреблять пищи столько, сколько необходимо только для поддержания жизни, а не для пресыщения и отягощения. Ибо мы не для того родились и живем, чтобы есть и пить, но для того едим, чтобы жить. Не жизнь для пищи, но пища для жизни дарована от начала. А мы как будто для ядения пришли в мир, так все проживаем на это (3).

* * *

Существам, происшедшим из нее [земли] и облеченным зем-

ным телом, нужна соответственная пища: *хлеб наш насущный даждь нам днесь* (Мф. 6, 11). Он повелел просить хлеба насущного не для объядения, а для питания, восполняющего истраченное в теле и отклоняющего смерть от голода, — не роскошных столов, не разнообразных яств, произведений поваров, изобретений хлебопек, вкусных вин и прочего тому подобного, что услаждает язык, но обременяет желудок, помрачает ум, помогает телу восставать на душу и делает этого жеребенка непослушным возницею. Не этого просить научает нас заповедь, но хлеба насущного, т.е. обращающегося в существо тела и могущего поддержать его. Притом и его заповедано нам просить не на великое число лет, а столько, сколько нужно нам на настоящий день. *Не заботьтесь*, — говорит Господь, — *о завтрашнем дне* (Мф. 6, 34) (6).

* * *

Не для того мы явились в эту жизнь, чтобы только есть и пить. Не жизнь создана для пищи и питья, но для жизни пища и питье. Так не станем же извращать этого порядка и не будем

так угождать чреву и плотским удовольствиям, как будто бы мы для этого и созданы, но, размышляя о происходящем для нас вреде от этого угождения, станем укрощать движения плоти, не поленимся и не попустим ей восставать на душу (8).

ПОКАЯНИЕ

Мы не должны презирать никого и никого из согрешающих. Равно и, согрешая, сами не должны предаваться отчаянью, но не должны оставаться и в беспечности, напротив, сердечно да сокрушаемся о своих беззакониях, не на словах только раскаиваясь в них. Ибо я знаю многих, которые хотя говорят, что они оплакивают свои грехи, а ничего важного не делают. Правда, они постятся и носят грубые одежды, но в то же время имеют жадность к деньгам гораздо большую, нежели корчемники, предаются сильнейшему гневу, нежели сами звери, более находят удовольствия в злословии, нежели другие в похвале. Это не составляет покаяния, это призрак только и тень покаяния, а не само покаяние. Потому и этим грешникам прилично сказать: смотрите, *что-*

бы не сделал нам ущерба сатана, ибо нам не безызвестны его умыслы (2 Кор. 2, 11). Ибо одних он погубляет через грехи, других через покаяние, и этих еще и другим образом, когда не дает им воспользоваться плодами покаяния. Когда сатана не находит случая открыто погубить кого-либо, он подходит к нему другим путем, побуждая человека усугубить труды, не давая ему воспользоваться плодами трудов своих и стараясь уверить его, что он все необходимое уже сделал и потому может себя освободить от всего другого... Женщины преимущественно подвержены этой болезни. Правда, нельзя осуждать того, что и они делают ныне, как то: постятся, повергаются на землю, посыпают пеплом главы свои. Но все эти дела не принесут никакой пользы, если при них не будет других, более важных. Бог показал, как Он прощает грехи. Для чего же вы, оставив указанный путь, пролагаете себе другой? Согрешили некогда ниневитяне и сделали то же, что и вы теперь делаете. Но посмотрим, что послужило к их спасению... На душевные язвы свои они возложили строгий пост, одежды из вретипа посы-

пали пеплом, смочили горькими слезами, повергались на землю и вместе с этим переменили и образ своей жизни. Посмотрим же, какое из перечисленных лекарств уврачевало их... Узнаем об этом, ежели, придя к Врачу, спросим Его Самого... *Увидел Бог, — говорит пророк, — дела их, что они обратились от злого пути своего, и пожалел Бог о бедствии, о котором сказал, что наведет на них, и не навел* (Иона 3, 10). Не сказал: видел Бог пост ниневитян, вретипа и пепел. Я говорю это не с тем, чтобы отвергать пост, — да не будет, — но чтобы убедить вас делать то, что лучше поста: воздерживаться от всякого зла. Согрешил также и Давид, но посмотрим, как и он каялся. Три дня он сидел во прахе. Впрочем, он сделал это не для заглаждения греха своего, но молясь о больном детище, не истрезвившись еще от упоения страстью. Грех же свой очистил он иначе, именно: самоуничижением, сокрушением сердечным, скорбью душевной, строгим воздержанием от подобных грехов, непрестанным памятованием сделанного греха, благодушным перенесением всех скорбей, пощадой своих недоброжелателей,

наконец, тем, что не только сам не мстил врагам, поносившим его, но не позволял мстить и другим за него, когда они хотели... Это особенно очищало грехи его. Ибо в этом состоит исповедание, это есть покаяние. Напротив, если постимся только напоказ, то от этого не только не получим никакой пользы, но еще потерпим вред. Итак, смири сердце твое и ты, чтобы умилоствовать к себе Бога. Ибо *близок Господь к сокрушенным сердцем* (Пс. 33, 19). Видишь, как жившие в светлых чертогах переносили бесчестие, как они, поносимые и от последних из рабов своих, не прекословили, но равнодушно терпели поношения за бесчестие, которым покрыл их грех. Так поступай и ты. Если поносит тебя кто — не ожесточайся, но плачь и стенай не о том, что тебя поносят, но о грехе, который подверг тебя такому бесчестию. Когда согрешишь, плачь и стенай не о том, что будешь наказан, ибо это ничего не значит, но о том, что ты оскорбил своего Владыку, Который столь кроток, столько тебя любит, столько заботится о твоём спасении, что и Сына Своего предал за тебя. Вот о чем ты должен плакать и стенать, и плакать

непрестанно. Ибо в этом состоит исповедание. Не будь же ныне весел, завтра печален, потом опять весел. Напротив, непрестанно плачь и сокрушайся. Ибо *блаженны*, — говорит Господь, — *плачущие* (Мф. 5, 4), — т.е. те, которые непрестанно это делают. Непрестанно и ты делай это, всегда внимай себе и сокрушай сердце твое, как бы кто сокрушался и скорбел о потере любимейшего сына своего... Прости обиды тем, которые погрешили против тебя. Ибо и за это также обещано прощение грехов... *прощайте, и прощены будете* (Лк. 6, 37). Есть еще и другой способ... осуждение себя в своих беззакониях: *говори ты, чтоб оправдаться* (Ис. 43, 26). Также благодарное чувство, с которым переносим скорби, заглаживает грехи наши, более же всего милостыня... Неотступным молением упоминаемая в Евангелии вдова умилиствовала жестокого и немилосердного судью (см.: Лк. 18, 5). Ежели вдова умилиствовала неправосудного Судью, то не тем ли легче тебе умилизовать судью кроткого и милосердного? Кроме этих способов... — заступление обидимых. Ибо Сам Господь говорит: *защищайте сироту, вступайтесь за вдову*.

Тогда придите — и рассудим... Если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю (Ис. 1, 17–18) (1).

* * *

Покаяние имеет великую силу, оно может человека, сильно погрузившегося в грехи, если он захочет, освободить от бремени грехов и, когда он находится в опасности, поставить в безопасности, хотя бы он достиг самой глубины зла. Это можно видеть из многих мест Писания. *Разве упавши не встанут*, — говорит пророк, — *и, сокрушившись с дороги, не возвращаются* (Иер. 8, 4)? Оно [покаяние] может, если мы захотим, опять изобразить в нас Христа, ибо послушай, что говорит Павел: *дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос* (Гал. 4, 19)! Только мы должны приступить к покаянию. Посмотри на человеколюбие Божие: нас следовало бы наказать всеми родами наказания еще с самого начала за то, что, приняв закон естественный и получив тысячи благ, мы не познали Господа и вели жизнь нечистую, но Он не только не наказал нас, а еще даро-

вал нам бесчисленные блага, как будто бы мы совершили великие подвиги. Потом опять мы отпали, но Он и после того не наказывает нас, а даровал врачевство покаяния, которое может уничтожить и изгладить все грехи наши, только если мы знаем, в чем состоит это врачевство и как им нужно пользоваться. В чем же состоит врачевство покаяния и как оно употребляется? Во-первых, оно состоит из сознания своих грехов и исповедания их. *Беззаконие мое*, — говорит пророк, — *я сознал и греха моего я не скрыл, сказал: «исповедуюсь Господу в беззаконии моем»*, и Ты простил нечестие сердца моего (Пс. 31, 5); и еще: *говори ты, чтоб оправдаться* (Ис. 43, 26)... Во-вторых, покаяние состоит из великого смиренномудрия, оно есть как бы золотая цепь, которая, если взять ее за начало, следует вся. Так точно если ты будешь исповедовать грехи, как должно исповедовать, то душа смирится, ибо совесть, терзая ее, делает смиренной. Со смиренномудрием должно соединиться и нечто другое, дабы оно было таково, о каком молится блаженный Давид, когда говорит: *сердце чистое создай во мне, Боже* (Пс. 50, 12); и

еще: *сердца сокрушенного и смиренного Бог не уничтожит* (Пс. 50, 19). Ибо сердце сокрушенное не возмущается, не оскорбляет других, но всегда готово терпеть страдания, а само не восстает ни на кого... После смиренномудрия нужны непрестанные молитвы и обильные слезы днем и ночью... После молитв столь усиленных нужно великое милосердие. Оно в особенности делает сильным врачевство покаяния. Как во врачебных средствах, хотя лекарство много трав содержит в себе, но главную — одну, так и в покаянии подобной многоцелебной травой бывает милосердие, и даже от него зависит все. Ибо послушай, что говорит Божественное Писание: *подавайте лучше милостыню из того, что у вас есть, тогда все будет у вас чисто* (Лк. 11, 41); и еще: *искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным* (Дан. 4, 24); и еще: *вода угасит пламень огня, и милостыня очистит грехи* (Сир. 3, 30). Далее, нужно не гневаться, не памятозлобствовать и прощать все грехи их [людей]; *человек питает гнев к человеку*, говорит премудрый, — *а у Господа просит прощения* (Сир. 28, 3); *если вы будете прощать*

людям согрешения их, — говорит Господь, — *то простит и вам Отец ваш Небесный* (Мф. 6, 14). Также нужно отклонять братию от заблуждений... Еще нужно искреннее обращение со священниками; *и если кто*, — говорит апостол, — *соделал грехи, простятся ему* (Иак. 5, 15). Нужно защищать обижаемых, не гневаться, переносить все кротко.

...Если бы мы исполняли это, то все было бы сделано. Как вошедший в дверь уже находится внутри, так точно и помышляющий о собственных согрешениях. Ибо кто ежедневно помышляет о них, тот непременно достигнет и до их исцеления, а кто только говорит: я грешен, но не представляет себе грехов своих порознь и не припоминает: в том-то и в том-то я согрешил, — тот никогда не перестанет грешить. Он часто будет исповедоваться, но никогда не будет думать о своем исправлении. Нужно только начать, а все прочее непременно последует за тем, если только будет сделан приступ; ибо во всем трудны только начало и приступ. Итак, положим основание, и все будет легко и удобно. Начнем покаяние, увещаю вас, один с

усильных молитв, другой с обильных слез, третий с сердечного сокрушения... Все же вообще начнем с милосердия, с оставления ближним согрешений их, с забвения обид, с воздержания от злопамятства и мстительности, смиряя таким образом души свои. Если бы мы постоянно вспоминали о грехах своих, тогда ничто из предметов внешних не могло бы возгордить нас: ни богатство, ни могущество, ни власть, ни слава, — но если бы даже мы сидели на царском сиделище, и тогда плакали бы горько (1).

* * *

Не будем, братия, пренебрегать нашим спасением и отчаиваться, но обратимся к Врачу, Который может уврачевать нас одним хотением, ибо Он всемогущ. Смотри, как Он уврачевал Павла, как Матфея. Один из них был хулитель, а другой — мытарь. Но хулитель не остался хулителем, а сделался апостолом. И похититель не остался похитителем, а сделался евангелистом. Я упоминаю о прежних пороках их и о последующих добродетелях для того, чтобы ты знал, какова польза покая-

ния, дабы тебе никогда не отчаиваться в своем спасении. Учителя наши прежде известны были по грехам, а впоследствии прославились праведностью: мытарь и богохульник — крайние степени нечестия... Нет такого порока, который не изглаживался бы покаянием. Для того Христос и избрал крайние степени нечестия, чтобы никто при конце не мог чем-нибудь оправдаться.

Не говори мне: я погиб, что мне остается делать? Не говори мне: я согрешил, что мне делать? У тебя есть Врач, Который выше болезни; у тебя есть Врач, Который побеждает силу болезни; у тебя есть Врач, Который лечит одним мановением; у тебя есть Врач, Который исцеляет одним хотением, Который и может и хочет врачевать. Если Он произвел тебя из небытия, то тем более может исправить тебя, существующего и поврежденного... Ты не можешь сказать, каким образом ты создан? Точно так же не можешь сказать, каким образом истребляются грехи. Если огонь, падая в терние, истребляет его, то тем удобнее воля Божия истребляет и с корнем исторгает наши прегрешения и грешника делает подобным безгреш-

ному. Не спрашивай, как это бывает, не исследуй, как это совершается, но веруй чуду. Ты скажешь: я согрешил много и грехи мои велики, — но кто же без греха? Ты скажешь: я согрешил тяжело, больше и хуже всех людей?.. Признайся, что ты согрешил, и это послужит началом твоего исправления. Сетуй, умились, проливай слезы. Разве что другое пролила блудница? Ничего другого, кроме слез раскаянья, и пришла к Источнику (1).

* * *

Много согрешили мы, знаю это и я. Все мы находимся в епитимиях, однако же не оставлены без надежды на помилование, не лишены покаяния, потому что стоим еще на поприще борьбы и находимся в подвигах покаяния. Старец ты и достиг крайнего предела жизни? Не думай, однако же, будто отнято у тебя покаяние, не отчаивайся в своем спасении, но подумай о разбойнике, который на кресте спасен. Что короче того часа, в который он получил венец? Однако же и этого часа достаточно было ему для спасения. Юноша ты? Не полагайся на юность и

не думай, что у тебя впереди довольно времени для жизни, ибо *день Господень так придет, как тать ночью* (1 Фес. 5, 2). Для того Бог и сделал неизвестной нашу кончину, чтобы мы сделали известной свою заботливость и осмотрительность. Не видишь ли, сколько каждый день похищается преждевременной смертью? Поэтому и увещевает некто: *не медли обратиться к Господу, и не откладывай со дня на день* (Сир. 5, 8), чтобы, когда будешь медлить, не погибнуть тебе. Старец да последует тому увещанию, а юноша этому внушению. Но ты в безопасности, ты богат и изобилуешь деньгами, с тобой не бывает никакой неприятности? Но послушай, что говорит Павел: *когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба* (1 Фес. 5, 3). Дела весьма переменчивы, мы не властны в смерти, будем властны в добродетели: человеколюбив Господь наш Христос!

Хотите, скажу и о путях покаяния? Они многочисленны, разнообразны и различны, и все ведут к Небу. Первый путь покаяния есть осуждение грехов: *говори ты, чтоб оправдаться* (Ис. 43, 26). Поэтому и пророк го-

ворил: *скажал: «исповедуюсь Господу в беззаконии моем», и Ты простил нечестие сердца моего* (Пс. 31, 5). Итак, осуди и ты грехи свои: этого достаточно для Господа к твоему оправданию, потому что осудивший грехи свои не так скоро решится опять впасть в них. Пробуди внутри у себя обличителя — твою совесть, дабы там — на судилище Господнем — не иметь тебе обличителя. Вот один путь покаяния, прекраснейший! Есть и другой, не хуже этого, состоящий в том, чтобы не злопамятствовать на врагов, воздерживаться от гнева, прощать грехи сорабам, потому что в таком случае простятся и нам наши грехи против Господа. Вот и второе средство очиститься от грехов! *Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный* (Мф. 6, 14). Хочешь знать и третий путь покаяния? Это пламенная и усердная молитва, возносимая притом от самой глубины сердца. Не видел ли ты, как та вдовица умилила жестокого судию (см. Лк., 18, 3)? А у тебя Владыка кроткий, снисходительный и человеколюбивый. Она просила на врагов, а ты просишь не на врагов, но о своем

спасении. Если же хочешь знать и четвертый путь, то назову милостыню: она имеет великую и несказанную силу. И Навуходоносор, который сделал всякого рода грех и совершил всякое нечестие, Даниил говорит: *царь, да будет благоугоден тебе совет мой: искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным* (Дан. 4, 24). Что может сравниться с этим человеколюбием? После бесчисленных грехов, после стольких беззаконий грешнику обещается прощение, если он будет человеколюбив к своим сорабам. Также скромность и смиренномудрие не менее всех сказанных средств заглаживает грехи: свидетель тому мытарь, который не мог указать на свои добрые дела, но вместо всех выставляет смирение и слагает с себя тяжкое бремя грехов (см.: Лк. 18, 13) (1).

* * *

Геенна приготовлена не для нас, но для него [дьявола] и ангелов его, а царство для нас уготовано еще до создания мира. Не сделаем же себя недостойными входа в чертог: пока мы пребываем здесь, то хотя бы совер-

шили множество грехов, есть возможность омыть все, раскаявшись в грехах, но когда отойдем туда, то хотя бы оказали самое сильное раскаяние, никакой уже не будет пользы, и сколько бы ни скрежетали зубами, ни сокрушались и ни молились тысячекратно, никто и с конца перста не подаст капли нам, объатым пламенем, но мы услышим то же, что и известный богач: *что между нами и вами утверждена великая пропасть* (Лк. 16, 26). Покаемся же здесь, увещаю, и познаем Господа своего, как познать надлежит. Тогда только должно будет отринуть надежду на покаяние, когда мы будем во аде, потому что там только бессильно и бесполезно это врачевство, а пока мы здесь, оно, если и в самой старости будет употреблено, оказывает великую силу. Поэтому и дьявол употребляет все усилия, чтобы вкоренить в нас помысел отчаяния, ибо знает, что, если мы и немного покаемся, это будет для нас не бесплодно. Но как подавшего чашу холодной воды ожидает воздаяние, так и покающийся в злых делах своих, хотя бы и не оказал покаяния, соразмерного с грехами, и за это получит воздаяние. Никакое

добро, хотя бы и маловажное, не будет пренебрежено Праведным Судией. Если грехи будут исследоваться с такой строгостью, что мы понесем наказание и за слова, и за желания, то гораздо более добрые дела, малы ли будут или велики, вменяются нам в то время (2).

* * *

Диавол, зная, что сделавшие много зла, когда начнут каяться, делают это с великой ревностью как сознающие свои согрешения, опасается и боится, чтобы они не начали этого дела, потому что, начав его, они бывают уже неудержимы и, воспламенившись покаянием, как бы огнем, делают свои души чище чистого золота, увлекаемые совестью и воспоминанием о прежних грехах, как бы сильным ветром, в пристань добродетели. И в этом-то их преимущество перед теми, которые никогда не падали, т.е. они проявляют сильнейшую ревность, если только, как я сказал, положат начало. Правда, трудно и тяжело сделать усилие, чтобы подойти ко входу и, достигнув преддверия покаяния, оттолкнуть и низринуть врага, который тут сильно ды-

шит и налегает. А после того и он, будучи однажды побежден и пав там, где был силен, не оказывает такого неистовства, и мы, уже имея больше ревности, весьма удобно совершим этот добрый подвиг. Начнем же, наконец, возвращение, поспешим во град небесный, в котором мы вписаны, в котором и обитать надлежит нам. Отчаянье губительно не только потому, что затворяет нам врата этого града и приводит к великой беспечности и небрежению, но и потому, что ввергает в сатанинское безумие, ибо и диавол сделался таким не от чего-либо другого, как от того, что сперва отчаялся, а потом от отчаяния впал в безумие. Так и душа, однажды отчаявшись в своем спасении, уже не чувствует потом, как она стремится в пропасть, решаясь и говорить, и делать все против своего спасения. Как сумасшедшие, раз лишившись здравого состояния, ничего не боятся и ничего не стыдятся, но безбоязненно отваживаются на все, хотя бы пришлось им попасть в огонь, или в море, или в пропасть, так и объятые безумием отчаяния неудержимо устремляются на всякое зло и, если смерть не постигнет их и не удержит от этого безу-

мия и стремления, причиняют себе множество бед. Поэтому умоляю, пока ты не слишком погрузился в это опьянение, отрезвись и пробудись, отстань от сатанинского упоения, если невозможно вдруг, то постепенно и понемногу. Мне кажется, что легче было бы, сразу оторвавшись от всех задерживающих путь, перейти в училище покаяния (2).

* * *

В тот страшный день и на том нелицеприятном судилище каждый из нас сознается в своих грехах, имея перед своими глазами те ужасные наказания и неизбежные муки, но не получит от того никакой пользы, пропустив время. Покаяние имеет место и несказанную силу, пока еще не определено наказание (на последнем Суде). Поэтому умоляю, пока это дивное лекарство может быть действительным, воспользуемся им, и пока мы еще в настоящей жизни, примем врачевство покаяния, зная наверное, что нам не будет никакой пользы от раскаяния тогда, как закроется зрелище и окончится время подвигов (8).

ПОКОЙ

От всех почти монахов, если пригласишь их на какое-либо дело, тотчас услышишь прежде всего вопросы в таких словах: можно ли им найти покой, может ли приглашающий успокоить их. Постоянно повторяется слово «покой». Что говоришь ты, человек? Тебе повелено идти тесным путем, а ты спрашиваешь о покое? Тебе заповедано входить узкими вратами, а ты ищешь широких?.. Расскажу о самом себе. Когда я недавно решил, оставив город, уйти в кельи монахов, то много раздумывал и беспокоился о том, откуда мне будет доставляемо необходимое и можно ли будет есть хлеб, испеченный в тот же день, не заставят ли меня употреблять одно и то же масло и в светильнике и в пище, не принудят ли питаться жалкими овощами, не отправят ли на тяжелую работу, приказав, например, рубить или носить дрова, таскать воду и исполнять все прочие такие службы? И вообще у меня было много заботы о [своем] покое. Между тем люди, принимающие на себя должности начальников и управление общественными делами, нисколько не заботятся

об этом [покое], но только о том, будет ли дело иметь пользу, пользу временную, и если могут надеяться на это, то уже не думают ни о трудах, ни об опасностях, ни о бесславии, ни об унижительных работах, ни о дальних путешествиях, ни о жизни на чужбине, ни об огорчениях, ни о муках, ни о перемене обстоятельств, ни о возможности совершенного неисполнения надежд, ни о безвременной смерти, ни о разлуке с родными, ни об одиночестве жены и детей, ни о другой какой неприятности, но, упоенные страстью к деньгам, переносят все, посредством чего только надеются удовлетворить ее. А мы, которым уготованы не деньги и не земля, но небеса и такие небесные блага, что *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку* (1 Кор. 2. 9), — мы спрашиваем о покое!.. Объятому желанием небесного не должно, не говорю искать покоя [телесного], но и наслаждаться им, когда он имеется (2).

ПОМОЩЬ БОЖИЯ

Не говори мне о тяжести трудов и подвигов. Бог облегчил для нас подвиг добродетели не од-

ной только надеждой на будущие блага, но и другим способом, т.е. всегдашним Своим содействием и помощью. Тебе стоит только показать хоть малое усердие, и тогда все прочее последует само собой. Ибо Он для того требует от тебя хоть малых трудов, чтобы и тебе вменена была победа. Как царь повелевает сыну своему стоять в строю, пускать стрелы и быть на виду для того, чтобы ему приписать победу, а между тем сам управляет ходом сражения, так и Бог поступает в войне нашей против диавола. Он требует от тебя только того, чтобы ты решительно объявил себя врагом диавола, — и если ты это сделаешь, то всю войну Он Сам уже окончит. Воспламеняется ли в тебе гнев или ненасытное желание богатства, появляется ли другая какая-либо мучительная страсть, — Он, как скоро увидит тебя ополчающимся и готовым на брань, тотчас делает все легким и поставляет тебя выше этого пламени, подобно тому как и отроки в печи вавилонской, которые ничего более не показали, кроме готовности терпеть. Чтобы и нам здесь утушить горящую печь беспорядочного удовольствия, а там из-

бежать геенны, будем ежедневно того только желать, о том стараться и печься, чтобы усердием к добру и непрестанными молитвами привлечь к себе Божие благоволение. Таким образом, все то, что теперь кажется нам несносным, будет совершенно удобно, легко и возделенно. Потому что пока мы увлекаемся страстями, добродетель почитаем трудной, неудобной и неприступной, а порок любезным и приятным, но как скоро хоть несколько станем избегать грехов, то порок будет нам казаться гнусным и безобразным, а добродетель легкой, удобной и любезной (1).

ПОМЫСЛЫ

Мы подлежим взысканию даже за помыслы. Это самое показывая, и Павел говорил: *не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения* (1 Кор. 4, 5)... Не коварно ли и злонамеренно говорил ты с братом, не хвалил ли его устами и языком, а в сердце не пожелал ли зла и не позавидовал ли ему? На это же самое указывая, т.е. что мы подвергнемся суду не за

одни дела, но и за помыслы, Христос сказал: *всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем* (Мф. 5, 28). Хотя грех не вышел еще в дело, а остается пока в сердце, но и при этом не может остаться без вины тот, кто смотрит на красоту женскую для того, чтобы возжечь похоть блудную (6).

ПОРИЦАНИЕ

Будешь ли хвалить кого-либо или порицать, делай то и другое согласно с волей Божией. Можно и порицать во славу Божию. Как? Мы часто досаждем на слуг наших, каким же образом можно порицать их для Бога? Если ты видишь, что слуга или друг или кто-то другой из близких к тебе пьянствует, крадет, ходит на зрелища, нерадит о своей душе, клянется, преступает клятвы, лжет, то вознегодуй, накажи, вразуми, исправь его — и все это ты сделаешь для Бога. А ныне многие поступают наоборот и с друзьями, и со слугами своими. Когда кто-то согрешит против них самих, тогда они делают жестокими и неумолимыми судьями, а когда оскорбляет Бога и губит свою душу, то они не

обращают на это никакого внимания (2).

ПОРОК

Не будем, братия, пренебрегать нашим спасением и отчаиваться, но обратимся к Врачу, Который может у врачевать нас одним хотением, ибо Он всемогущ. Смотри, как Он у врачевал Павла, как Матфея. Один из них был хулителю, а другой — мытарь. Но хулителю не остался хулителем, а сделался апостолом. И похитителю не остался похитителем, а сделался евангелистом. Я упоминаю о прежних пороках их и о последующих добродетелях для того, чтобы ты знал, какова польза покаяния, дабы тебе никогда не отчаиваться в своем спасении. Учителя наши прежде известны были по грехам, а впоследствии прославились праведностью: мытарь и богохульник — крайние степени нечестия... Что такое звание мытаря? Бесстыдный порок, ничем не оправдываемое воровство, хуже грабительства. Грабитель, по крайней мере, стыдится, когда ворует, а этот похищает с дерзостью. И такой мытарь вдруг сделался евангелистом... Он был во глубине не-

честия и взошел на высоту добродетели. Итак, пусть никто не отчаивается в своем спасении. Порок не в нашей природе, мы награждены волей и свободой. Ты — мытарь? Можешь сделаться евангелистом. Ты — богохульник? Можешь сделаться апостолом. Ты — разбойник? Можешь приобрести рай. Ты — волхв? Можешь поклониться Владыке. Нет такого порока, который не изглаживался бы покаянием. Для того Христос и избрал крайние степени нечестия, чтобы никто при конце не мог чем-нибудь оправдываться (1).

* * *

Порочная жизнь унижает догматы о воскресении, о бессмертии души, о суде и принимает много противного: судьбу, необходимость, неверие в промысел. Душа, погрязшая в пороках, старается изобретать для себя подобного рода утешения, чтобы не скорбеть при мысли, что есть суд и что нас ожидает воздаяние за добро и зло. Такая жизнь производит бесчисленное множество зол, делает людей зверями и даже бессмысленнее зверей, ибо что есть в каждой породе зверей порознь, то она часто соединяет

в одном человеке... Для того дьявол ввел судьбу, для того внушил, что мир существует без промысла, для того предположил, что существа бывают добры или злы по природе и что есть зло безначальное и вещественное, чтобы развратить нашу жизнь. Ибо кто таков по жизни, тот не может ни отказаться от неправого учения, ни пребывать в здоровой вере, но принимает все это по необходимости. Я не думаю, чтобы можно было из живущих порочно найти хоть одного человека, который бы не держался сатанинских мыслей, что есть судьба, что все происходит случайно и устраивается без порядка и рассуждения. Поэтому, увещаю вас, будем печься о добродетельной жизни, чтобы не принять и неправого учения. Каин в наказание должен был стенать и трястись (см.: Быт. 4, 12). Таковы все люди порочные, сознающие за собой множество зол: они часто пробуждаются от сна, с беспокойными мыслями, со смущенными глазами; все возбуждает в них подозрение, все приводит их в ужас. Душа их исполнена тяжкого предчувствия и боязни, смущается и изнывает от страха и ужаса. Ничего не может быть бессильнее,

ничего безумнее такой души. Как беснующиеся неспособны владеть собой, так и она [душа] собой не владеет. Как она может придти в сознание, подвергшись такому омрачению, между тем как если бы она любила тишину и спокойствие, то могла бы познать свое благородство? Но когда ее возмущает и устрашает все: и сновидения, и слова, и действительные явления и подозрения, — то как она может придти в самосознание, находясь в таком беспокойном и расстроенном состоянии? Отвергнем же этот страх, расторгнем эти узы. Ибо если бы и не было в будущем никакого наказания, то не хуже ли это всякого наказания — постоянно находиться в страхе, никогда не иметь дерзновения, никогда не чувствовать отрады? Помня все это, верно будем сохранять спокойствие и печься о добродетели (1).

* * *

Чем бывает болезнь в теле, лихорадка или водянка или что-нибудь другое в этом роде, чем бывает ржавчина на железе, моль на шерсти, червь на дереве и черви на рогах, тем же является и порок в отношении к

душе. Он делает ее рабской и несвободной. Да что я говорю: рабской и несвободной? Он делает ее душой бессловесных, превращая одну душу в волка, другую в душу собаки, иную — змеи, иную — ехидны, иную в душу другого зверя. Это разъясняют пророки и всем поставляют в известность происходящую вследствие порока перемену: один из них говорил: *немые псы, не могущие лаять* (Ис. 56, 10), сравнивая испорченных и тайно злоумышляющих людей с бешеными собаками, потому что последние, когда приходят в бешенство, нападают не с лаем, а подступают молча, причиняя укушенным больше вреда, чем лающие. Другой опять называл известных людей воронами (Иер. 3, 2). Иной говорил: *человек, будучи в чести, не уразумел (сего), сравнился с несмысленными скотами и уподобился им* (Пс. 48, 13). Превосходнейший же из пророков, сын неплодной, стоя подле Иордана, некоторых назвал и змеями, и порождениями ехидн. Что же может быть равным этому наказанию, когда происшедший по образу Божию и вкусивший столь великой чести, когда разумное и кротчайшее животное впадает в такое зверство (7)?

ПОСТ

Посмотри теперь на благотворные действия поста. Великий Моисей, проведя сорок дней в посте, удостоился получить скрижали Закона; когда же, сойдя с горы, увидел он беззаконие народа, то бросил эти скрижали, полученные с таким усилием, и разбил, почитая несообразным сообщить заповеди Господни народу, пьянствующему и почитающему беззаконие. Потому чудный этот пророк должен был поститься еще сорок дней, чтобы удостоиться опять получить свыше и принести народу скрижали, разбитые за его беззаконие (см.: Исх. 24–34). И великий Илия постился столько же дней, и вот он избег владычества смерти, вознеся на огненной колеснице как бы на небо, а до ныне еще не испытал смерти (см.: 3 Цар. 19, 8). И муж желаний [Данииил] уже после того, как провел в посте много дней, удостоился чудного видения; он же укротил и ярость львов и превратил ее в кротость овец, не переменив, впрочем, природы их, но изменив расположение, между тем как зверскость их оставалась та же (см.: Дан. 10, 3). И ниневи-тяне постом отклонили опре-

деление Господне, заставив поститься вместе с людьми и бессловесных животных, и таким образом, отстав все от злых дел, расположили к человеколюбию Владыку вселенной (см.: Иона 3, 7–8). Но для чего мне еще обращаться к рабам (можем ведь насчитать множество и других, которые прославились постом и в Ветхом, и в Новом Завете), когда можно указать на всеобщего нашего Владыку? Ибо и Сам Господь наш Иисус Христос после уже сорокадневного поста вступил в борьбу с диаволом и собою подал всем нам пример, чтобы и мы вооружились постом и, укрепившись им, вступали в борьбу с диаволом (см.: Мф. 4, 2). Но здесь, может быть, кто-нибудь — человек с острым и живым умом — спросит: почему Владыка постится столько же дней, сколько и рабы, а не больше их? Это сделано не без причины и не без цели, но премудро и по неизреченному Его человеколюбию, чтобы не подумали, будто Он явился на земле призрочно и не принял на Себя плоти или не имел природы человеческой, для этого Он постился столько же дней, а не больше, и таким образом заграждает бесстыдные уста охотникам до споров...

Поэтому прошу... чтобы, зная пользу от поста, вы не лишились ее по нерадению и при его наступлении не печалились, но радовались и веселились: потому что, как говорит блаженный Павел, *если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется* (2 Кор. 4, 16). В самом деле, пост есть пища для души, и как телесная пища утучняет тело, так и пост укрепляет душу, сообщает ей легкий полет, делает ее способной подниматься на высоту и помышлять о горнем и поставляет выше удовольствий и приятностей настоящей жизни. Как легкие суда скорее переплывают моря, а обремененные большим грузом утопают, так и пост, делая ум наш более легким, способствует ему быстро переплывать море настоящей жизни, стремиться к небу и к предметам небесным и не уважать настоящее, но считать ничтожнее тени и сонных грез (1).

* * *

Великие блага происходят от двух добродетелей: от молитвы и поста. Ибо тот, кто молится как должно, и притом постится, не многого требует, а кто требует

не многого, тот не будет сребролюбив, а кто не сребролюбив, тот любит подавать милостыню. Кто постится, тот становится легким и окрыляется и бодрым духом молится, угашает злые пожелания, умилоствует Бога и смиряет надменный свой дух. Потому-то апостолы всегда почти постились. Кто молится с постом, тот имеет два крыла, легчайшие самого ветра. Ибо таковой не дремлет, не говорит много, не зевает и не расслабевает на молитве, как то со многими бывает, но он быстрее огня и выше земли, потому-то таковой особенно является врагом и ратоборцем против демонов, так как нет сильнее человека, искренне молящегося. Если жена могла преклонить жестокого начальника, который ни Бога не боялся, ни людей не стыдился, то тем более может преклонить Бога тот, кто непрестанно предстоит пред Ним, укрощает чрево и отвергает утехы. Если слабо у тебя тело, чтобы поститься беспрестанно, то оно не слабо для молитвы и для пренебрежения удовольствиями чрева. Если ты не можешь поститься, то по крайней мере можешь не роскошествовать, а это не маловажно и не далеко от поще-

ния и может укротить неистовство диавола. Ибо ничто так не любезно демону, как роскошь и пьянство — источники и мать всех зол (1).

* * *

Общий всех нас Господь, как чадолюбивый отец, желая очистить нас от грехов, сделанных нами в какое бы то ни было время, и даровал нам врачевство в святом посте. Итак, никто не скорби, никто не являйся печальным, но ликуй, радуйся и прославляй Попечителя душ наших, открывшего нам этот прекрасный путь, и с великим весельем принимай его наступление! Да постыдятся эллины, да посрамятся иудеи, видя, с какой радостной готовностью мы приветствуем его наступление, и да познают самым делом, какое различие между нами и ими. Пусть они называют праздниками и торжествами пьянство, всякого рода необузданность и бесстыдства, которые обыкновенно при этом они производят. Церковь же Божия вопреки им да называет праздником пост, презрение (удовольствий) чрева и следующие затем всякого рода добродетели. И это есть ис-

тинный праздник, где спасение душ, где мир и согласие, откуда изгнана всякая житейская пышность, где нет ни крика, ни шума, ни беганья поваров, ни заклания животных, но вместо всего этого господствует совершенное спокойствие, тишина, любовь, радость, мир, кротость и бесчисленные блага (8).

* * *

Желаю, чтобы вы, очистив свою душу и распростившись с забавами и всяким невоздержанием, приняли с распростертыми объятьями мать всех благ и учительницу целомудрия и всякой добродетели, т.е. пост, — так, чтобы и вы наслаждались большим удовольствием, и он (пост) доставил вам надлежащее и соответственное вам врачество. И врачи, когда намереваются дать лекарство желающим очистить у себя гнилые и испортившиеся соки, приказывают воздерживаться от обыкновенной пищи, чтобы она не мешала лекарству подействовать и оказать свою силу, тем более мы, готовясь принять это духовное врачество, т.е. пользу, происходящую от поста, должны воздержанием очистить свой ум и

облегчить душу, чтобы она, погрязши в невоздержании, не сделала для нас пост бесполезным и бесплодным (8).

* * *

Как невоздержность в пище бывает причиной и источником бесчисленных зол для рода человеческого, так пост и презрение (удовольствий) чрева всегда были для нас причиной несказанных благ. Сотворив в начале человека и зная, что это врачество весьма нужно ему для душевного спасения, Бог тотчас же и в самом начале дал первозданному следующую заповедь: *от всякого дерева в саду ты будешь есть; а от дерева познания добра и зла, не ешь от него* (Быт. 2, 16–17). Слова «это вкушай, а этого не вкушай» заключали некоторый вид поста. Но человек вместо того, чтобы соблюсти заповедь, преступил ее. Поддавшись чревоугодию, он оказал преслушание и осужден был на смерть (8).

* * *

Постящемуся более всего нужно обуздывать гнев, приучаться к кротости и снисходительности,

иметь сокрушенное сердце, изгонять нечистые пожелания представлением того неусыпающего огня и нелицеприятного суда, быть выше денежных расчетов, в милостыне показывать великую щедрость, изгонять из души всякую злобу на ближнего...

Видишь, в чем состоит истинный пост. Такой-то пост будем совершать, не полагая его, подобно многим, в том только, чтобы пробыть без пищи до вечера. Не это главное, но то, чтобы с воздержанием от брашен соединили мы и воздержание от вредного (для души) и показали великое попечение о совершении духовных дел. Постящемуся надлежит быть спокойным, тихим, кротким, смиренным, презирающим славу настоящей жизни. Как презрел он душу свою, так должен презреть и суетную славу и взирать только на Того, Кто испытует сердца и утробы, с великим усердием творить молитвы и исповедания пред Богом и, сколько возможно, помогать себе милостыней (8).

* * *

Кроме воздержания от пищи есть много путей, могущих отворять нам двери дерзновения пе-

ред Богом. Кто вкушает пищу и не может поститься, тот пусть подает обильнейшую милостыню, пусть творит усердные молитвы, пусть оказывает напряженную ревность к слушанию слова Божия — здесь нисколько не препятствует нам телесная слабость, — пусть примиряется с врагами, пусть изгоняет из души своей всякое памятозлобие. Если он будет исполнять это, то совершит истинный пост, такой, какого именно и требует от нас Господь. Ведь и само воздержание от пищи Он заповедует для того, чтобы мы, обуздывая вожделения плоти, делали ее послушной в исполнении заповедей. А если мы решимся не принимать помощи от поста из-за слабости телесной и будем предаваться большей беспечности, то, сами не ведая того, причиним себе величайший вред. Если и при посте оказывается у нас недостаток вышесказанных добрых дел, то тем более покажем мы нерадения, когда не будем пользоваться врачевством поста... Пост смиряет тело и обуздывает беспорядочные вожделения, душу же просветляет, окрыляет, делает легкой и парящей горé... Итак, и постящийся благодарит Бога за то, что имел

довольно сил понести постный труд, и ядущий также благодарит Бога, потому что это нисколько не повредит ему в спасении души, если он захочет. Человеколюбивый Бог открыл нам неисчислимое множество путей, которыми мы, если только захотим, можем достигнуть самого высокого дерзновения (перед Богом) (8).

ПОТЕРЯ ИМУЩЕСТВА

Неумеренность в скорби причиняет великий вред. О чем, например, скорбишь ты? О том, что потерял имущество? Но представь тех, которые не имеют даже насущного хлеба, и ты тотчас получишь утешение. И при каждом бедствии не печалься о том, что случилось, а благодари за то, чего не случилось. Ты владел имуществом и лишился его? Не плачь о потере, а благодари за то время, в которое пользовался им. Скажи с Иовом: *неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать* (Иов 2, 10)? Вместе с тем подумай и о том, что хотя ты потерял имущество, но тело твое пока еще здорово и при бедности ты еще не страдаешь

расстройством тела. Или тело твое тоже потерпело расстройство? И это не край бедствий человеческих, но еще ты находишься пока в середине их. Многие при бедности и телесном расстройстве бывают еще одержимы бесом и скитаются в пустынях, иные терпят другие тягостнейшие бедствия. Не дай Бог нам терпеть все, что можно терпеть! Таким образом, помышляя всегда об этом, представляй тех, которые терпят тягчайшие бедствия, и не скорби ни о чем подобном. Когда согрешишь, тогда только сокрушайся, тогда плачь, этого я не запрещаю, а, напротив, требую; впрочем, и тогда с умеренностью, помня, что есть обращение, есть примирение. Но ты видишь других в роскоши, в светлых одеждах и в великолепии, а себя в бедности? Не на это только смотри, но и на происходящие от нее [роскоши] неприятности. Богатство имеет только наружность светлую, а внутри исполнено мрака, а бедность — напротив. Если бы открылась перед тобой совесть каждого, то в душе бедного ты увидел бы великое спокойствие и безопасность, а в душе богатого — смятение, смущение, волнение. Ты скорбишь, видя богатого, а

он гораздо больше тебя скорбит, видя того, кто богаче его; насколько ты боишься его, настолько же он боится другого, и в этом отношении он ничем не лучше тебя. Видя начальника, ты скорбишь, что ты человек частный и подчиненный? Но подумай о том дне, когда все переменится, и еще прежде того дня представь смятения, опасности, труды, ласкательства, бессонницы и все другие неприятности его. Впрочем, все это мы говорим тем, которые не знаютлюбомудрия; если бы ты знал его, то мы могли бы утешить тебя другими вышшими побуждениями, но теперь пока нужно представлять тебе побуждения низшие. Итак, когда ты видишь богатого, то представь и того, кто богаче его, и увидишь, что он в таком же положении, как и ты. Затем представь того, кто беднее тебя, и то, сколько людей засыпают голодными, теряют отеческие имения, живут в темнице и каждый день желают смерти. Ни бедность не рождает печали, ни богатство удовольствия, но то и другое зависит обыкновенно от нашего рассуждения. Начнем снизу и посмотрим. Мусорщик скорбит и сетует, что не свободен от своего,

по-видимому, тягостного и бесчестного занятия, но если освободишь его от этого и доставишь ему достаток в предметах необходимых, он опять станет скорбеть о том, что не имеет более необходимого. Если доставишь ему больше, он захочет иметь вдвое и потому будет печалиться не менее прежнего. Если дашь ему вдвое или втрое, он опять будет скорбеть, что не имеет гражданского звания, если доставишь ему и это, он будет почитать себя несчастным, что не принадлежит к первым гражданам, получив и это достоинство, будет сетовать о том, что он не начальник. Когда сделается начальником — о том, что не над целым народом, когда над целым народом — о том, что не над многими народами, когда над многими народами — о том, что не над всеми, когда сделается главным правителем, станет опять скорбеть, что он не царь. Если сделается царем — о том, что не один, если будет один — о том, что он не царствует также над варварами и над всей вселенной, если бы над всей вселенной — о том, почему и не над другим миром? Таким образом, замыслы его, простираясь в бес-

конечность, никогда не позволят ему быть довольным.

Видишь ли, что, сделав даже царем человека низкого и бедного, не избавишь его от скорби, не исправишь наперед его души, преданной любостязанию? Теперь изображу тебе противоположное и покажу, что благо-разумный человек, хотя бы ты низверг его с высоты вниз, не предастся скорби и печали. Будем, если угодно, нисходить по той же лестнице. Низведи мысленно правителя с седалища и лиши его этого звания: он несколько не будет скорбеть, если захочет представлять сказанное мной, потому что будет представлять не то, чего лишился, а то, что еще остается у него, именно: честь, свойственную власти. Если отнимешь и ее, он будет представлять себе людей частных, никогда не достигавших такой власти, и найдет достаточное утешение в своем богатстве. Если лишишь его и этого, он будет смотреть на тех, которые имеют немного, если отнимешь и немного и оставишь ему только необходимое пропитание, он будет представлять себе тех, которые и того не имеют, но не престанно терпят голод и живут

в темнице. Если ввергнешь его и в это жилище, он будет представлять себе одержимых не-исцелимыми болезнями и невыносимыми страданиями и увидит, что он сам гораздо в лучшем состоянии. Как тот, занимающийся очищением мусора, даже сделавшись царем, не найдет спокойствия, так этот, даже сделавшись узником, никогда не будет испытывать скорби. Следовательно, не от богатства зависит удовольствие и не от бедности скорбь, а от наших помыслов, от того, что душевные очи наши нечисты и на чем ни останавливаются, не успокаиваются, а стремятся в бесконечность. Как здоровое тело, хотя бы питалось одним хлебом, не подвергается болезням и полнеет, а больное, хотя бы наслаждалось роскошной и разнообразной пищей, тем более слабеет, так обыкновенно бывает и с душой. Малодушные и в диадеме, и в неизреченных почестях не могут благодушествовать, а любомудрые и в узах, и в оковах, и в бедности наслаждаются чистым удовольствием. Поэтому, представляя себе это, будем постоянно взирать на тех, которые ниже нас. Есть и другое утешение, но только

свойственное любомудрым и превышающее понятие многих: и богатство ничто, и бедность ничто, и бесчестие ничто, и честь ничто, что все это кратковременно и различается одно от другого одним только названием. Кроме того, есть еще иное, большее, состоящее в том, чтобы представлять себе будущие страдания и блага, страдания истинные и блага истинные и отсюда получать утешение... Итак, представляя все это, будем всячески благоустраивать себя и никогда не станем скорбеть о вещах случайных. Если бы мы увидели богатых на картине, то, конечно, не стали бы называть их блаженными, равно и бедных, изображенных там же, не стали бы называть несчастными и жалкими. Между тем они гораздо долговечнее наших богачей, ибо на картине богатый остается гораздо долее, нежели в действительности: первый часто остается в таком виде до ста лет, а последний, иногда не насладившись даже один год своим богатством, вдруг лишается всего. Поэтому будем отовсюду ограждать душевное спокойствие от безрассудной скорби, чтобы нам и настоящую жизнь провести с

удовольствием и сподобиться будущих благ (1).

* * *

Будем презирать деньги и славу. Освободившийся от этих страстей свободнее всех людей и богаче самого облеченного в багряницу. Не видишь ли, сколько бывает зла из-за денег? Не говорю, сколько от любостяжания, а сколько от пристрастия к деньгам? Так, например, кто-нибудь потерял деньги, — и вот он живет жизнью, которая несноснее самой смерти. О чем, человек, скорбишь ты? О чем плачешь? О том ли, что Бог освободил тебя от лишней заботы? О том ли, что ты не сидишь больше в страхе и трепете? Если кто-нибудь привяжет тебя к сокровищу и прикажет сидеть там постоянно и бодрствовать над чужим имуществом, то ты сетуешь и негодуешь, но когда ты сам привязал себя к нему несноснейшими узами, то почему скорбишь, быв освобожден от такого рабства? Подлинно, эти горести и эти радости — следствие предрасудка. Мы должны хранить имущество так, как будто оно у нас чужое... Научимся же нахо-

дить свою пользу, научимся терпеть потери: это достойно христианина... От нас требуется только одно — за все благодарить Бога, и мы будем иметь все в изобилии. Например, ты потерял тысячу литр золота? Тотчас благодари Бога, и в этом обращении к Нему и благодарности ты уже приобретаешь сто тысяч. За что, скажи мне, ты ублажаешь Иова: за то ли, что он имел столько верблюдов, стад и рабочего скота, или за изреченные им слова: *Господь дал, Господь и взял* (Иов 1, 21)? И диавол вредит нам не для того, чтобы только отнять у нас имущество, — он знает, что оно ничто, — но чтобы через это заставить нас сказать что-нибудь богохульное. Так и блаженного Иова он хотел сделать не только бедным, но и богохульником. Когда он лишил его всего, то, смотри, что говорит ему через жену: *похули Бога и умри* (Иов 2, 9). Но, лукавый, ты уже лишил его всего! Не того, говорит, я домогался. Того, для чего я все делал, я еще не достиг, я старался лишить его помощи Божией, для того и имущества лишил его. Вот чего я хочу, а то ничего не значит, если этого не

будет, то он не только не потерпит никакого вреда, но еще получит пользу (1).

ПОХВАЛА

Эти упреки происходят от доброго, а не от злого расположения, а я могу сказать о себе, что люблю любящего меня не тогда только, как он хвалит, но и когда упрекает меня и исправляет. Хвалить без разбора все, доброе и худое, свойственно не другу, но льстецу и насмешнику. Напротив, хвалить за доброе дело и упрекать за проступок — вот долг друга и доброжелателя. Без разбора хвалить все и прославлять за все свойственно не другу, но обманщику... Не люблю врага и тогда, как он хвалит [меня], люблю друга и когда он упрекает. Тот, хоть и целует меня, противен, этот, хоть уязвляет меня, любезен: поцелуй того подозрителен, рана от этого есть признак заботливости [его обо мне]. Поэтому некто говорит: *искренни укоризны от любящего, и лживы поцелуи ненавидящего* (Притч. 27, 6). Что говоришь? Укоризны лучше поцелуев? Да, говорит, потому что смотрю не на качество того, что делается, но

на расположение делающих... Облобызал Господа Иуда (см Мф. 26, 49), но его лобзание проникнуто было предательством, в его устах скрывался яд, его язык полон был лукавства. Уязвил Павел коринфского развратника, но за то и спас. А как, скажешь, уязвил? Предав его сатане: *предать, говорит, сатане во измождение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа* (1 Кор. 5, 5) (6).

ПОХОТЬ

Похоть естества есть огонь, огонь неугасимый и постоянный, есть пес бешеный и неистовый, хотя бы тысячи раз ты отгонял его, он тысячи раз нападает и не отстает. Жесток пламень угольев, но этот — пламень похоти — еще хуже. Мы никогда не имеем перемирия в этой войне, никогда не имеем отдыха в настоящей жизни, но борьба постоянная, чтобы и венец был светел. Поэтому Павел всегда и вооружает нас, так как всегда время войны, так как враг всегда бодрствует. Хочешь знать, что похоть жжет не меньше огня? Послушай Соломона, который говорит: *может ли кто ходить по горящим*

угольям, чтобы не обжечь ног своих? То же бывает и с тем, кто входит к жене ближнего своего, кто прикоснется к ней, не останется без вины (Притч. 6, 28–29). Видишь, что похоть по естеству своему соперничает с естеством огня? Как невозможно прикасающемуся к огню не получить ожога, так взгляд на красивые лица быстрее огня охватывает неводержную на взгляды душу, и чем служит для огня горючее какое-нибудь вещество, тем красота телесная для глаз людей похотливых. Поэтому не должно давать огню похоти пищи — внешнего созерцания, но всячески прикрывать его и погашать благочестивыми мыслями, обуздывая дальнейшее распространение пламени и не позволяя ему сокрушать твердость нашего духа (5).

ПРАВЕДНИКИ

Великая слава ожидает праведников, такая, какой невозможно изобразить словом. Ибо они, восприняв нетленные тела по воскресении, прославятся и будут царствовать вместе со Христом (1).

* * *

Из всех людей, сколько ни есть их, одни — грешники, иные — праведники. Примечай притом разность и между праведниками. Один праведен, а другой еще праведнее. Выше стоит этот, а иной и его превосходит. И как есть многие звезды, и солнце, и луна, так есть разность и в праведниках. Иная слава солнца, иная — луны, иная слава звезд (см.: 1 Кор. 15, 41), потому что некоторые превосходят в славе, а другие уступают... Пусть и праведен кто-либо, но хотя бы он был тысячу раз праведен и возшел до самого верха, так что отрешился от грехов, не может быть чист от греха; хотя бы он был тысячу раз праведен — но он человек... Невозможно, значит, человеку быть безгрешным. Что ты говоришь: такой-то праведен, милосерд, нищелюбив? Но и он имеет какой-нибудь недостаток: либо обижает, либо тщеславится, либо другое что-нибудь такое делает, нет нужды все исчислять. Иной милосерд, но часто не целомудрен, а иной целомудрен, но не милосерд. Этот славится одной добродетелью, а тот — другой.

Пусть кто-то праведен, так, он праведен и имеет все добродетели, но из-за этой праведности он возгордился, а гордость и повредила его праведности... Итак, не может человек быть праведным во всех отношениях до такой степени, чтобы чист был от греха (1).

ПРАЗДНИКИ

Вчера день мучеников и сегодня день мучеников. О, если бы и всегда нам совершать день мучеников! Если помешавшиеся на зрелищах и глазающие на конские ристалища никогда не насыщаются этими непристойными зрелищами, то гораздо более нам должно иметь ненасытимое расположение к праздникам святых. Там — диавольское торжество, а здесь — христианский праздник. Там скачут бесы, а здесь ликуют Ангелы. Там — погибель душ, а здесь — спасение всех собирающихся. Однако и там есть некоторое удовольствие? Но не такое, какое здесь. Что за удовольствие смотреть на коней, бегающих тщетно и напрасно? А здесь ты видишь не запряжки бессловесных, но бесчисленные колесницы мучеников и Бога, стоящего на этих

колесницах и устремляющего путь к небу (5).

ПРАЗДНОСТЬ

Не стыдись никто из занимающихся ремеслами, но да постыдятся те, которые напрасно едят хлеб и живут в праздности, которые имеют множество служителей и требуют беспрестанных услуг. Принимать пищу всегда после труда — род любознательности: души таких людей бывают чище, мысли — основательнее. Человек праздный и говорит много пустого, и делает много пустого, и целый день не занимается ничем, предаваясь неге. А тот, кто занят работой, не скоро допустит что-нибудь излишнее ни в делах, ни в словах, ни в помышлениях, ибо душа его совершенно предана трудолюбивой жизни. Не будем же презирать тех, которые питаются от трудов рук своих, но будем еще более ублажать их за это. Какой, скажи мне, достоин ты благодати, если, получив наследство от отца, живешь, ничего не делая, и расточаешь его попустому? Разве ты не знаешь, что мы не все отдадим одинаковый отчет, но получившие здесь больше благ отдадут отчет трудней-

ший, а удрученные трудами, бедностью или чем-нибудь подобным — легчайший? Это видно из притчи о Лазаре и богаче. Ты, не употребивший свободного времени ни на что дельное, справедливо будешь осужден, а бедный, при трудах своих употребивший остающееся время на дела достойные, получит великие венцы (1).

* * *

Не станем без разбора считать богатых счастливыми, а бедных унижать, не станем стыдиться ремесел и будем считать бесчестьем не работу, но праздность и безделье. Если бы работа была бесчестьем, то не занимался бы ею Павел и не хвалился бы особенно ею, говоря так: *ибо если я благовествую, то нечем мне хвалиться... За что же мне награда? За то, что, проповедуя Евангелие, благовествую о Христе безмездно* (1 Кор. 9, 16, 18). Если бы ремесло было бесчестьем, то он не повелел бы, чтобы неработающие и не ели (см.: 1 Фес. 3, 10). Только грех служит к бесчестью, а его обыкновенно порождает праздность и не один только и два или три, но всякий вообще порок. Поэтому и некто

премудрый, показывая, что праздность научает всякому злу, и беседуя о слугах, говорит: *употребляй его на работу, чтоб он не оставался в праздности* (Сир. 33, 28). Что узда для коня, то работа для нашей природы. Если бы праздность была добром, то все произращала бы земля незасеянная и невозделанная, но она не производит ничего такого. Некогда Бог повелел ей произвести все без возделания. Но теперь не делает так, а заповедал людям и запрягать волов, и влачить плуг, и проводить борозду, и бросать семена, и многими другими способами ухаживать и за виноградной лозой, и за деревьями, и за семенами, чтобы занятие работой отклоняло душу работающих от всякого зла. Вначале, чтобы показать Свою силу, Он устроил так, что все произошло без наших трудов: *да произрастит земля зелень, траву сеющую семя* (Быт. 1, 11), — сказал Он, и тотчас все зацвело, но после не так, но повелел, чтобы земля произращала при помощи и наших трудов, дабы ты знал, что Он ввел труд для нашей пользы и нашего блага. Хотя наказанием и мучением кажутся слова: *в поте лица твоего будешь есть хлеб*

(Быт. 3, 19), но на самом деле они — некоторое внушение и вразумление и врачество против ран, происшедших от греха. Поэтому и Павел непрестанно работал, не только днем, но даже и ночью. Это возвещает он, когда говорит: *ночью и днем работая, чтобы не отяготить кого из вас* (1 Фес. 2, 9). И не для удовольствия только и душевного отдыха он занимался работой, как делают многие из братий, но прилагал такое усердие к труду, что мог помогать и другим. *Нуждам моим, —* говорит он, *— и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии* (Деян. 20, 34). Человек, повелевавший бесам, бывший учителем вселенной, которому вверено было попечение о всех живущих на земле, который с великим усердием заботился о всех Церквах, находящихся под солнцем, о племенах, народах и городах, работал день и ночь и нисколько не отдыхал от этих трудов, а мы, не имеющие и малейшей части забот его или даже не могущие и представить их в уме своем, проводим жизнь постоянно в праздности. Какое же будем мы иметь оправдание, скажи мне, или какой прощение? Оттого всякого рода зло вошло в жизнь, что многие

считают величайшим достоинством не заниматься своими ремеслами и крайним позором показаться сведущими в чем-нибудь подобном. А Павел не стыдился в одно и то же время держать нож в руках и сшивать кожи и беседовать с людьми, находящимися в почестях, но даже хвалился этим, когда приходили к нему тысячи славных и знаменитых людей (6).

* * *

Нет, подлинно нет ничего в мире, что не портилось бы от бездействия. Так, вода стоячая загнивает, а текучая и всюду разливающаяся сохраняет свою доброту; и железо, лежащее без движения, становится слабее и хуже и точится большой ржавчиной, а находящееся в деле становится гораздо полезнее и красивее, блистая нисколько не хуже всякого серебра; и земля, остающаяся в покое, как всякий может видеть, не произращает ничего хорошего, но дурные травы и терния, и волчцы, и бесплодные деревья, а получающая возделывание обильно производит питательные плоды. Вообще сказать, всякое существо от бездействия портится, а от свой-

ственной ему деятельности становится полезнейшим. Итак, зная все это, сколько вреда от праздности и сколько пользы от деятельности, будем первой избегать, а последней держаться (6).

ПРЕЛЮБОДЕЯНИЕ

Послушай, что говорит Павел о прелюбодеянии: *непокорный не человеку, но Богу, Который и дал нам Духа Своего Святого* (1 Фес. 4, 8). Видишь ли, как слово Божие внушает, что прелюбодеяние состоит не только в том, когда имеющий жену совершает блуд с женщиной замужней, но и с какой бы ни было блудницей? Как о женщине, имеющей мужа, мы говорим, что она прелюбодействует, со слугой ли грешит она, или с кем бы ни было; так и о муже мы должны сказать, что он прелюбодействует, когда, имея сам жену, распутствует с рабыней ли, или с какой бы то ни было общественной блудницей. Не будем же пренебрегать своим спасением и отдавать душу свою диаволу через этот грех. Отсюда происходит множество бедствий, разрушающих дома, и множество раздоров; от этого иссякает любовь и уничтожается благо-

расположение. Как невозможно, чтобы человек целомудренный презирал свою жену и когда-нибудь пренебрег ею, так невозможно, чтобы человек развратный и беспутный любил свою жену, хотя бы она была прекраснее всех. От целомудрия рождается любовь, а от любви — бесчисленное множество благ. Итак, считай прочих женщин как бы каменными, зная, что, если ты после брака посмотришь похотливыми глазами на другую женщину, хотя бы общественную, хотя бы замужнюю, ты делаешься виновным в грехе прелюбодеяния. Каждый день повторяй себе эти слова, и если увидишь, что в тебе возбуждается похоть к другой женщине и затем твоя жена от этого кажется тебе неприятной, то войди во внутреннюю комнату и, раскрыв эту книгу, взяв в посредники Павла и непрестанно повторяя эти слова, погаси пламень. Таким образом, и жена опять будет для тебя возделенной, потому что такое пожелание не станет истреблять твоего благорасположения к ней, и не только жена будет более возделенной, но и ты сам окажешься гораздо почтенней и благородней. Нет, подлинно нет ничего постыднее челове-

ка, который блудодействует после брака. Он чувствует стыд не только перед тестем и друзьями и встречными, но даже перед рабами. И не только это зло постигает его, но и сам дом кажется ему несноснее всякой темницы, тогда как он имеет перед глазами возлюбленную и постоянно мечтает о блуднице (1).

* * *

Представь, какую жизнь ведут те, которые подозревают своих жен, как неприятна им пища, неприятно питье. Им кажется, что стол их наполнен отравами, и как от заразы, бегут они от своего дома, исполненного бесчисленных зол. Нет у них сна, не приносит им спокойствия ни ночь, ни общество друзей, ни лучи солнца, но сам свет считают они несносным для себя не только тогда, когда видят, что жена предается прелюбодеянию, но даже если подозревают ее в этом. Подумай же, что и жена терпит то же самое, когда слышит от кого-нибудь или только подозревает, что ты предал себя блудной женщине. Представляя это, не только избегай прелюбодеяния, но не подавай повода и к подозрениям, а

если жена будет подозревать несправедливо, то успокой ее и разуверь. Не по вражде или гордости она делает это, но от заботливости и от того, что очень боится за свою собственность. Твое тело... ее собственность, и собственность, драгоценнейшая всякого имущества. Не обижай же ее в важнейшем предмете и не наноси ей смертельной раны. Если презираешь ее, то побойся Бога, Мстителя за такие дела, Который угрожает невыносимыми наказаниями за такие грехи. Ибо о тех, которые осмеливаются делать это, Он говорит: *червь их не умирает и огонь не угасает* (Мк. 9, 48). Если же не очень устрашает тебя будущее, то побойся по крайней мере настоящего: многие из тех, которые прилепляются к блудницам, и здесь погибают, пострадав от козней распутных женщин. Ибо они, стараясь друг перед другом отклонить человека от сожительства, соединенной с ним браком, и вполне подчинить его своей любви, прибегали к волшебствам, составляли чары и употребляли много обаяний; потом, подвергнув его таким образом тяжелой болезни, предав тлению и продолжительному гниению и навлекши на него

тысячи зол, лишали настоящей жизни. Если ты, человек, не страшишься геенны, то побойся их обаяний... Не говорю уже о потере имущества, о ежедневных подозрениях, надменности, наглости, оскорблении, которое блудницы делают глупцам: это горше тысячи смертей. От жены часто ты не переносишь и одного тяжелого слова, а перед блудницей, когда она даже бьет тебя, благоговеешь. И ты не стыдишься, не краснеешь, не желаешь, чтобы перед тобой разверзлась земля? Как можешь ты войти в церковь и воздеть руки к небу? Как призовешь Бога устами, которыми ты целовал блудницу?... Хотя бы ты и укрылся от своей обиженной жены, но никогда не укроешься от недремлющего Ока. Так и тому прелюбодее, который говорил: *вокруг меня тьма, и стены закрывают меня... чего мне бояться*, — Премудрый отвечал: *очи Господни в десять тысяч крат светлее солнца и взирают на все пути человеческие* (Сир. 23, 25–28). Поэтому и сказал Павел: *во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа. Муж оказывай жене должное благорасположение, подобно и жена*

мужу (1 Кор. 7, 2–3). *Мед источают уста чужой жены, и мягчелея речь ее; но последствия от нее горькие, как полынь, остры, как меч обоюдоострый* (Притч. 5, 3–4). Поцелуй блудницы заключает в себе яд, яд тайный и скрытый. Зачем же ты гоняешься за удовольствием, которое ведет к осуждению, производит гибель, наносит неизлечимую рану, тогда как можно получать удовольствие, не подвергаясь никакому злу? Со свободной женой и удовольствие, и безопасность, и покой, и честь, и красота, и добрая совесть, а там — великая горечь, великий вред, постоянное осуждение. Хотя бы никто из людей не видел, совесть никогда не перестанет осуждать тебя, но куда бы ты ни пошел, этот обвинитель будет следовать за тобой, осуждая и громко вызывая против тебя. Таким образом, кто ищет удовольствия, тот особенно пусть избегает общения с блудницами, потому что нет ничего горше этой привычки, ничего неприятнее этого общения, ничего порочнее этих нравов. *Источник твой да будет благословен, — и утешайся женою юности твоей... любовью ее услаждайся постоянно* (Притч. 5, 18–19). Имея чис-

тый источник воды, для чего ты прибегаешь к болоту, наполненному грязью, пахнущему геенной и невыразимым наказанием? Какое ты будешь иметь оправдание, какое прощение? Если предающиеся блуду прежде брака осуждаются и наказываются подобно тому человеку, который был одет в грязные одежды, то тем более — после брака. Ибо здесь бывает двойное и тройное преступление, как потому, что они, наслаждаясь удовольствием, устремились к такому распутству, так и потому, что это дело не только блуд, но признается и прелюбодеянием, это тяжелее всякого греха (1).

* * *

Как свинья, извалявшаяся в грязи, куда бы ни вошла, все исполняет зловония и чувство обоняния поражает отвратительным запахом, так и блуд — ибо зло это омывается с трудом. Когда же творят это некоторые, имеющие жен, то как велико бывает распутство? Апостол Павел говорит: *воля Божия есть освящение ваше, чтобы вы воздерживались от блуда; чтобы каждый из вас умел соблюдать свой сосуд в святости и*

чести, а не в страсти похотения, как и язычники, не знающие Бога; чтобы вы ни в чем не поступали с братом своим противозаконно и корыстолюбиво (1 Фес. 4, 3–6). Хорошо сказал апостол: *не преступати**, ибо каждому Бог дал жену и положил пределы природы, именно: совокупление с одной. Поэтому совокупление с другой есть уже преступление и разбой и лихоимство, даже ужаснее всякого разбоя. Мы не столько скорбим тогда, когда похищают у нас деньги, сколько тогда, когда окрадывают брак. Называешь братом и причиняешь обиду в том, в чем не должно? Здесь апостол говорит о прелюбодеянии, а выше говорил о всяком блуде. Не подумай, говорит, что я говорю это только о братьях, нет, любодествовать не должно ни с чужими женами, ни с незамужними. И вообще не должно иметь жен общими: *потому что Господь — мститель за все это, как и прежде мы говорили вам и свидетельствовали* (1 Фес. 4, 6). Делая это, мы не останемся без наказания и не испытаем тако-

го удовольствия, которое бы равнялось ожидающему нас мучению. Ибо призвал нас Бог не к нечистоте, но к святости. *Итак непокорный непокорен не человеку, но Богу, Который и дал нам Духа Своего Святого* (1 Фес. 4, 7–8). Таким образом, говорит, одинаковое совершаешь преступление, когда растлишь царицу или же рабу твою замужнюю. Почему? Потому что Бог мстит не за лица, тобою оскорбленные, но за Себя, а ты одинаково оскорбил Бога. Ибо то и другое есть прелюбодеяние, так как то и другое есть брак. Хотя ты и не прелюбодействуешь, а блудодействуешь, хотя блудница и не имеет мужа, однако же Бог отмстит, поскольку Он мстит за Себя. Делая это, ты оказываешь презрение не столько к мужу, сколько к Богу. Это видно из того, что от мужа, по крайней мере, скрываешь это, а о Боге, который видит, и не думаешь. Скажи мне, если бы царь удостоил кого-либо багряницы и многих иных почестей, а тот, получив приказание жить сообразно с саном, пошел и осквернился с какой-либо женщиной, кого бы он оскорбил: женщину или царя, удостоившего его награды? Оскорбил бы, конечно,

* В церковнославянском переводе: и еже не преступати и лихоимствовати в вещи брата своего.

и ее, но не настолько. Поэтому умоляю, будем хранить себя от этого греха. Ибо подобно тому, как мы наказываем жен, когда они, живя с нами, отдают себя другим, так и мы сами будем наказаны, если не по законам римским, то от Бога, потому что и это есть прелюбодеяние. Ибо прелюбодеяние бывает не только тогда, когда прелюбодействует связанная браком с другим, но и тогда, когда прелюбодействует женившийся... Не то только прелюбодеяние, когда растлеваем замужнюю женщину, но и то также есть прелюбодеяние, когда сами, будучи женаты, совершаем блуд с отпущенной* и свободной. Ибо что следует из того, что прелюбодействующая не сопряжена с мужем? Ты сопряжен, ты закон преступил, ты обидел свою плоть. Ибо за что, скажи мне, наказываешь ты жену свою, когда она сотворит блуд со свободным и не имеющим жены мужчиной? За прелюбодеяние, ибо хотя соблудивший с нею не имел жены, но она замужняя. Но так как и ты женат, то и твой поступок есть прелюбодеяние. *Кто разводится с же-*

ною своею, — говорит Господь, — кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует (Мф. 5, 32). Если женившийся на отпущенной прелюбодействует, то не тем ли паче виновен в прелюбодеянии тот, кто согрешает с нею, имея свою жену (1)?

* * *

Павел в своем Послании к евреям так говорит и убеждает: *старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа* (Евр. 12, 14). Святостью он называет целомудрие, по которому каждый должен довольствоваться своей женой и не падать с другой. Ибо кто не довольствуется, тот не может спастись, но неизбежно погибнет, хотя бы имел тысячи добродетелей. В самом деле, блуднику невозможно войти в Царство Небесное, а тут уже не блуд, но гораздо более — прелюбодеяние. Как жена, которая связана с мужем, если будет еще в связи с другим, уже прелюбодействует, так точно и муж, связанный с женой, если будет иметь еще другую, прелюбодействует. А такой человек не наследует

* Отпущенная — разведенная. (Примеч. ред.)

Царства Небесного, но будет ввержен в геенну... Для того нет никакого извинения, кто при своей жене бесчинствует еще с другой, ибо это уже невоздержание. Если многие и от своей жены воздерживаются, когда наступает время поста или время молитвы, то какой огонь собирает себе тот, кто не довольствуется даже своей женой, но имеет еще связь и с другою? Если отпустившему и отвергшему от себя свою жену не позволяется сопрягаться с другой, ибо это — прелюбодеяние, то какой грех делает тот, кто, имея в своем доме жену, приводит еще другую? Пусть же никто не позволяет оставаться такому недугу в своей душе, но пусть всякий с корнем исторгает его. Прелюбодей не столько вредит жене своей, сколько самому себе. Ибо этот грех столь тяжок и непростителен, что если жена оставит мужа, даже идолопоклонника, против его воли, то Бог ее наказывает. Видишь, какое это зло? Если какая-нибудь верная жена, — говорит Павел, — *имеет мужа неверующего, и он согласен жить с нею, не должна оставлять его* (1 Кор. 7, 13). Но о блуднице не то сказано: *кто*

разводится с женою своею, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать (Мф. 5, 32). Если через сожитие муж и жена составляют одно тело, то и живущий с блудницей необходимо становится одним с нею телом. Как же после этого честная жена, будучи членом Христовым, примет такого мужа? Или каким образом она соединит с собой член блудницы? И смотри, какая особенность! Сожительствующая неверному не становится оттого нечистой: *неверующий муж освящается женою верующею* (1 Кор. 7, 14). Но о блуднице не то сказано: *отниму ли члены у Христа, чтобы сделать их членами блудницы* (1 Кор. 6, 15)? Там освящение пребывает и не отнимается, несмотря на соительство с неверным, а здесь оно удаляется. Подлинно, тяжкий грех — прелюбодеяние. Тяжкий грех и готовит нескончаемое наказание! Да и здесь оно навлекает бесчисленные бедствия. В самом деле, такой человек принужден бывает вести жизнь тяжкую и горестную, и его состояние ничем не лучше состояния осужденных на казнь, когда он тайком входит в чужой дом со страхом и вели-

ким трепетом и всех равнó опа-
сается: и рабов, и свободных.
Поэтому умоляю вас, потщи-
тесь освободиться от этой болез-
ни. Если же не послушаетесь,
то не входите в эти священные
преддверья. Овцам, покрытым
язвами и зараженным болез-
нью, не следует пастись вместе с
овцами здоровыми, но их нуж-
но отгонять от стада, пока не ос-
вободятся от своей болезни. Мы
сделались членами Христовы-
ми, не будем же членами блуд-
ницы! Здесь не блудилище, но
церковь; и если ты имеешь члены
блудодеицы, то не стой в церк-
ви, чтобы не бесчестить этого
места. Если бы даже не было ге-
енны, если бы даже не было на-
казания, — и в этом случае, как
ты после тех договоров и брач-
ных светильников, после этого
законного ложа, после чадоро-
дия, после такого общения —
как ты можешь позволить себе
прилепляться к другой? Как не
стыдишься и не краснеешь?
Разве не знаешь, что многие
осуждают даже и тех, которые
вводят к себе другую жену по
смерти своей жены, хотя это де-
ло и не заслуживает наказания?
А ты еще при жизни своей же-
ны берешь себе другую (1)!

* * *

Если же ты намереваешься и
после брака предаваться блудо-
деянию, то излишне было тебе и
вступать в брак, бесполезно и
напрасно, и не только напрасно
и бесполезно, но и вредно, пото-
му что не одинаковое дело пре-
даваться блуду, не имея жены,
или после брака опять делать то
же самое. Последнее уже не блуд,
а прелюбодеяние.

Знаем, что многие называют
прелюбодеянием только то, ког-
да кто развращает замужнюю
женщину, но что касается до ме-
ня, то с общественной ли блуд-
ницей, или с рабой, или с ка-
кой-нибудь другой женщиной,
не имеющей мужа, соединяется
беззаконно и распутно человек,
имеющий жену, это я называю
прелюбодеянием. Вина прелю-
бодеяния зависит не только от
тех, которым наносится позор,
но и от тех, которые наносят
его. Не говори мне теперь о
внешних законах, которые жен
прелюбодействующих влекут в
судилище и подвергают наказа-
ниям, а мужей, которые имеют
жен и развратничают со слу-
жанками, оставляют без нака-
зания. Я прочитаю тебе закон

Божий, который равно укоряет и жену и мужа и называет это дело прелюбодеянием. Сказав: *каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа*, — апостол присовокупил: *муж оказывай жене должное благорасположение* (1 Кор. 7, 2-3)*... Поэтому так как тело мужа есть собственность жены, то пусть муж будет верен в отношении к этому залогу. А что он действительно разумел это, когда сказал: *любовь да воздает*, для того он присовокупил: *жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена* (1 Кор. 7, 4) (6).

* * *

Какое могут иметь оправдание как те, которые берут жен при жизни мужей их, так и те, которые ходят к общественным блудницам? Ведь и это другой вид прелюбодеяния: имея дома жену, входить в общение с блудницами. Как жена, имеющая мужа, отдавая себя рабу или кому-нибудь свободному, не имеющему жены, делается виновной перед законами в прелюбодеянии, так

если и муж, имеющий жену, грешит хотя бы с общественной блудницей, хотя бы с другой женщиной, не имеющей мужа, то это дело признается прелюбодеянием. Итак, будем убежать и этого вида прелюбодеяния. Ведь что мы можем сказать, на что сошлемся, решаясь на такие дела?.. Естественное пожелание? Но перед нами стоит данная нам жена и лишает нас этого оправдания. Для того и установлен брак, чтобы ты не блудодействовал. Или, лучше, не только жена, но и многие другие, имеющие одно и то же с нами естество, лишают нас этого оправдания. Когда подобный тебе раб, одаренный таким же телом, имеющий такое же пожелание, побуждаемый такой же потребностью, не смотрит ни на какую другую женщину, но остается довольным одной своей женой, то каким оправданием может быть для тебя ссылка на пожелание? Но что я говорю об имеющих жен? Представь себе людей, постоянно живущих в девстве, совершенно не причастных браку и оказывающих великое целомудрие. Если же другие без брака остаются целомудренными, то какое можешь получить прощение ты, блудодействуя в браке (6)?

* Жене муж должную любовь да воздает (церковнослав.).

* * *

Прелюбодей, хотя и находит, по-видимому, удовольствие, еще прежде наказания (за свой поступок) терпит казнь в самом прелюбодеянии, делая душу худшей и более дурной (7).

ПРЕСЫЩЕНИЕ

Для чего же, скажи мне, утучняешь тело? Неужели мы принесем тебя в жертву или предложим на трапезу? Хорошо откармливать птиц или, лучше сказать, и их нехорошо: когда утучнеют, употребление их в пищу уже не бывает для нас здоровым. Так велико зло — пресыщение, что оно вредно и бессловесным. Ничто настолько не противно и не вредно телу, как пресыщение, ничто настолько не разрушает, не обременяет и не повреждает его, как неумеренное употребление пищи... Для того ли дана тебе гортань, чтобы ты до самых уст наполнял ее вином и другими вредными веществами? Не для того, человек, но чтобы, во-первых, славословить Бога, воссылать к Нему молитвы, читать Божественные законы; во-вторых, подавать советы, полезные ближним. А ты, как будто толь-

ко для обжорства получив гортань, не даешь ей ни малейшего времени для священного занятия, а во всю жизнь употребляешь ее на постыдную работу. Такие люди поступают подобно тому, кто, взяв арфу, имеющую золотые струны и хорошо настроенную, вместо того чтобы ударять в нее и извлекать гармоничные звуки, завалит ее навозом и всякой дрянью. Навозом я называю не пищу, но пресыщение и великую неумеренность: то, что сверх меры, не питает уже, но вредит. Одно чрево дано только для принятия пищи, а уста, гортань и язык даны и для других, более необходимых занятий, да и чрево дано не просто для принятия пищи, но для принятия пищи умеренной (1).

ПРИВЫЧКА

Привычка сильна, способна одолевать и увлекать душу, особенно когда ей содействует удовольствие, а та, к которой мы стремимся и стараемся достигнуть, требует от нас много трудов. Поэтому и Бог, когда надлежало потомкам евреев оставить старую привычку ко злу, т.е. египетскую, взяв их одних в пустыню и удалив от развратителей как

можно дальше, исправлял души их в пустыне, как бы в каком монастыре, употребляя все способы врачевания, и более тяжелые — и более приятные, и не опуская совершенно ничего, что только могло послужить к их исцелению. Однако и при этом они не избегали порочности, но, получая манну, требовали луку и чесноку и всякой мерзости египетской. Такое дело — привычка (2).

ПРИМИРЕНИЕ

Сколько зла происходит от раздражения и гнева! И что особенно тяжело, когда мы находимся во вражде, то не хотим сами положить начало примирению, но ожидаем других, каждый стыдится прийти к другому и примириться, разойтись и разделиться не стыдится, напротив, сам полагает начало этому злу, а придти и соединить разделившееся стыдится подобно тому, как если бы кто отрезать член не усомнился, а срastить его стыдился... Не сам ли ты нанес великую обиду и был причиной вражды? Справедливость требует, чтобы сам же ты первый пришел и примирился, будучи причиной вражды. Или

ты обижен, и тот был причиной вражды? И в этом случае следует начать примирение тебе, чтобы тебе больше удивлялись, чтобы тебе иметь первенство как в одном, так и в другом: как не ты был причиной вражды, так и не тебе быть и причиной ее продолжения. Может быть, и тот, осознав вину свою, устыдится и раззумится. Он высокомерен? Тем более не медли придти к нему. Он страдает двумя болезнями: гордостью и гневом. Сам ты высказал причину, почему ты первый должен придти к нему: ты здоров, ты можешь видеть, а он во тьме, ибо таковы гнев и гордость. Ты свободен от них и здоров, придти же к нему, как врач к больному. Говорит ли кто-нибудь из врачей: такой-то болен, поэтому я не пойду к нему? Напротив, тогда врачи и идут к больному, когда видят, что он сам не может к ним придти, о тех, которые могут придти сами, они менее заботятся, как о больных неопасно, о лежащих же — напротив. А не тяжелее ли всякой болезни гордость и гнев? Не подобны ли этот — сильной горячке, а та — развившейся опухоли? Представь, как ково страдать горячкой и опухолью. Иди же, угаси его огонь,

ты можешь сделать это при помощи Божьей, останови его опухоль как бы примочкой. Но что, скажешь, если от того самого он еще более возгордится? Тебе нет до этого нужды, ты делаешь свое дело, а он пусть отвечает сам за себя, только бы нас не упрекала совесть, что это произошло от опущения с нашей стороны чего-нибудь должного. Накорми врага твоего, говорит апостол: *ибо делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья* (Рим. 12, 20). Впрочем, и при этом он повелевает идти, примириться и благодетельствовать врагу не с тем, чтобы собрать на него горящие уголья, но чтобы он, зная это, исправился, чтобы трепетал этих знаков любви больше, чем обид. Ибо для враждующего не столько опасен враг, причиняющий ему зло, сколько благодетель, делающий ему добро, потому что первый вредит хоть немного и себе, и ему, а последний собирает уголья горящие на главу его. Поэтому, скажешь, и не должно делать ему добра, чтобы не собрать на него угольев? Но разве ты хочешь собрать их на собственную голову? Это и происходит от памятозлобия. А что если я еще более усилю вражду? Нет, в этом виновен

будешь не ты, а он, если он подобен зверю, если и тогда как бы благодетельствуешь, оказываешь ему честь и желаешь примириться, он упорно будет продолжать вражду, то он сам на себя собирает огонь, сам сжигает свою голову, а ты нисколько не виновен. Не представляй себя человеколюбивее Бога, иначе испытываешь множество зол, или, вернее, хотя бы ты и захотел, ты не можешь достигнуть этого... Павел говорит все это для того, чтобы побудить тебя прекратить вражду хотя бы надеждой на наказание врага. Мы столь жестоки, что не иначе хотели бы примириться с врагом, как в надежде навлечь на него какое-нибудь наказание, поэтому он и дает нам, как какому-то зверю, эту приманку. Но апостолам Господь не сказал этого, а сказал: *да будете подобны Отцу вашему, иже есть на небесах* (ср. Мф. 5, 45). С другой стороны, и невозможно, чтобы благодетельствующий и получающий благодеяния оказались врагами, потому апостол и дал такую заповедь... Положим, что ты не насыщаешь врага для того, чтобы не собрать на него горящих угольев, следовательно, ты щадишь его? любишь его? благодетельствуешь с

этой целью? Бог знает, точно ли с этой целью, как говоришь, может быть, ты хитришь перед нами и играешь словами. Ты заботишься о враге? Боишься, чтобы он не подвергся наказанию? Следовательно, ты погасил свой гнев, ибо кто питает такую любовь, что презирает собственную пользу для блага другого, тот не имеет вражды. Так мог бы ты сказать. Но до каких пор мы будем шутить в предметах нешуточных и непростительных? Потому увещаю вас, братья... прошу и умоляю, оставив эти предлоги, не будем невнимательными к законам Божиим и непослушными Его заповедям (1).

* * *

Не будем никогда злопамятствовать и питать вражду к тем, кто сделал нам неприятность или другую какую-нибудь обиду, но, представляя себе, какое благодеяние и дерзновение перед Господом они доставляют нам, а больше всего то, что примирение с оскорбившими нас заглаживает наши грехи, поспешим и не замедлим [примириться с врагами] и, размышляя о происходящей от этого

пользе, покажем такое благо расположение к врагам, как если бы они были истинными нашими благодетелями... Каждый из нас, у кого только есть враг, постарайся ласковым своим обращением примирить его с собой. И никто не говори мне: «Я раз и два просил его, но он не согласился примириться». Нет, если мы искренно хотим примириться, то не отступим от врага, пока не победим его своими усиленными просьбами, пока не привлечем к себе и не заставим прекратить вражду против нас. Ибо разве ему через это мы оказываем какую-либо милость? Нет, на нас самих переходят плоды доброго дела: мы этим привлекаем на себя благоволение Божие, приобретаем себе прощение грехов, получаем великое дерзновение перед Господом... Знаю, что нелегко и неприятно пойти к тому, кто враждует и злобствует против нас, стать и начать разговаривать с ним. Но если ты размыслишь о высоком достоинстве этой заповеди, о великости награды и о том, что польза от этого доброго дела обращается не на него, а на тебя, то все покажется тебе легким и удобным (1).

* * *

Бог сказал: *если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой* (Мф. 5, 23–24). А мы приступаем к алтарям, враждуя друг против друга и явно, и тайно. Бог столько печется о нашем примирении, что допускает и жертвоприношению своему оставаться несовершенным, и службе прерваться, только бы мы прекратили вражду друг к другу и гнев. А мы так мало обращаем на это внимания, что на гибель себе питаем вражду в продолжение многих дней. Христос наказывает не только злопамятных, но и тех, которые, освободившись от этой страсти, небрегут об оскорбленных [ими] братьях. Так как помнить зло свойственно обиженным, а тот, кто обижает, может и не предаваться этой страсти, поэтому [Христос] и повелевает последнему идти к первому, показывая, что большему против первого наказанию подлежит тот, кто дал корень греху. А мы

и этим не вразумляемся, но оскорбляем братьев и за малости, потом, как будто бы не было ничего худого, оставляем без внимания и забываем обиженных нами и даем вражде продолжаться долгое время, не сознавая, что понесем тем большее наказание, чем больше дней попустим продолжаться неприязни — как за это самое, так и потому, что и примирение потом становится для нас более затруднительным. Как тогда, когда дружба связывает нас, ничто не может легко произвести разрыва [между нами] и даже быть принято с доверием, так тогда, когда вражда овладевает нашими душами, желающие поссорить нас большей частью легко и удобно успевают в этом, потому что мы тогда доброму не верим, а верим только худому. Поэтому [Господь] повелевает нам, оставив дар перед алтарем, наперед примириться с братом, дабы мы знали, что, если в это время не следует отлагать примирения, тем более в другие времена. А мы внешние признаки удерживаем, от самой же истины удалились: перед принесением дара приветствуем друг друга, но делаем это большей частью только языком и

устаи. Но Господь хочет не этого, а того, чтобы мы давали ближнему лобзание от души и приветствие от сердца. Это и есть истинное приветствие, а то — ложь и притворство, и кто так целует [ближнего], тот скорее прогневает, чем умилистит Бога. Он требует от нас искренней и крепкой дружбы, а не такой, которая имеет у нас часто вид и призрак [дружбы], а силу вовсе утратила, что само и служит доказательством господствующих у нас беззаконий (2).

* * *

Прекратим вражду между собой, и пусть никто не остается врагом ближнего долее одного дня, но до наступления ночи пусть укрощает гнев, чтобы, оставшись наедине и тщательно припоминая сделанное и сказанное по вражде, не сделать прекращение ее более трудным и примирение более неудобным. Вывихнутые кости нашего тела, если тотчас вправлены, без большого затруднения занимают свое место, если же они долгое время останутся вне своего места, то с трудом вправляются и принимают прежнее положение, и вправ-

ленные требуют продолжительного времени для того, чтобы твердо установиться, укрепиться и не сдвигаться. Так точно и мы, если тотчас станем мириться с врагами, то можем сделать это удобно и без большого труда войти в прежнюю дружбу, а если пройдет много времени, то, как бы ослепленные враждой, мы будем стыдиться, смущаться и иметь нужду в других, которые бы не только примирили нас, но и по примирении тщательно наблюдали за нами, пока мы достигнем прежней откровенности. Я не говорю уже о насмешках и стыде, ибо какого порицания не заслуживает то, чтобы нуждаться в других, которые помирили бы нас с нашими ближними? От медленности и отлагательства происходит не только это зло, но и то, что несуществующие грехи после кажутся нам грехами, о чем бы ни стал говорить враг, все мы принимаем с подозрением: и движения его, и взгляды, и голос, и походку; и показываясь нам, он воспламеняет нашу раздраженную душу, и не показываясь, также огорчает нас. Обыкновенно не только вид оскорбивших, но и воспоминание о них постоянно раздражает нас; и если услышим, что другой го-

ворит что-нибудь о них, мы со своей стороны возвышаем голос и вообще всю жизнь проводим в унынии и огорчении, причиняя больше зла самим себе, нежели врагам, и имея в душе постоянную борьбу. Итак, возлюбленные, зная все это, будем всячески стараться не иметь ни с кем вражды, а если случится какая-нибудь неприязнь, то будем примиряться в тот же день, потому что если она продолжится на второй и третий день, то скоро третий сделается четвертым, четвертый — пятым, а этот опять породит нам еще больше дней неприязни, и чем дольше мы будем откладывать примирение, тем больше будем стыдиться. Но тебе стыдно придти и поцеловаться с оскорбителем? Нет, это — хвала, это — венец, это — слава, это — польза и сокровище, исполненное бесчисленных благ, и сам враг одобрит тебя, и все присутствующие похвалят, а если и осудят люди, то Бог непременно увенчает тебя. Если же ты будешь ждать, чтобы враг наперед пришел и попросил прощения, то ты не получишь такой пользы: он предвосхитит награду и приобретет себе все благословение, а когда ты сам придешь, то не останешься

ниже его, но победишь гнев, преодолеешь страсть, обнаружишь великое любомудрие, послушавшись Бога, и сделаешь более приятной последующую жизнь, избавившись от хлопот и тревоги (2).

ПРИЧАСТИЕ

Сколько многие говорят: желал бы я видеть лицо Христа, образ, одежду... Вот ты видишь Его, прикасаешься к Нему, вкушаешь Его. Ты желаешь видеть одежду Его, а Он дает тебе не только видеть Себя, но и касаться, и вкушать, и принимать внутрь. Итак, никто не должен приступать к Святым Тайнам с небрежением, никто с малодушием, но все с пламенной любовью, все с горячим усердием и бодростью. Ибо если иудеи ели агнца с готовностью, стоя и имея сапоги на ногах и жезлы в руках, то гораздо более тебе должно бодрствовать. Ибо они готовились идти в Палестину, потому и имели вид путешественников, а ты готовишься идти на небо.

Потому должно всегда бодрствовать. Ибо немалое предлежит наказание тем, которые недостойно приобщаются. Подумай, сколь много ты негодуешь на

предателя и на тех, кто распял Христа. Итак, берегись, чтоб и тебе не сделаться виновным против Тела и Крови Христовой. Они умертвили всесвятое Тело, а ты принимаешь Его нечистой душой после стольких благодеяний. Ибо не довольно было для Него того, что Он сделался человеком, был заушен* и умерщвлен, но Он еще сообщает Себя нам, и не только верой, но и самым делом соделывает нас Своим телом. Сколь же чист должен быть тот, кто наслаждается этой жертвой? Сколь чище всех лучей солнечных должны быть рука, раздробляющая эту плоть, уста, наполняемые духовным огнем, язык, обгаряемый страшной Кровью? Помысли, какой чести ты удостоен? Какой наслаждаешься трапезой? На что с трепетом взирают Ангелы и не смеют воззреть без страха по причине сияния, отсюда исходящего, тем мы питаемся, с тем сообщаемся и делаемся одним телом и одной плотью со Христом. *Кто поведает могущество Господне, во всеуслышание возвестит все хвалы Его* (Пс. 105, 2)? Какой па-

стырь питает овец собственными членами? Но что я говорю — пастырь? Часто бывают такие матери, которые новорожденных младенцев отдают другим кормилицам. Но Христос не потерпел этого. Он питает нас собственной Кровью и через это соединяет нас с Собой. Размысли потом, что Он родился от нашего естества. Но ты скажешь: это не ко всем относится. Напротив, ко всем. Ибо если Он пришел к нашему естеству, то очевидно, что пришел ко всем, а если ко всем, то и к каждому порознь. Почему же, ты скажешь, не все получили от него пользу? Это зависит не от Того, Который благоволит совершить это дело для всех, но от тех, которые не восхотели. Ибо с каждым верующим Он соединяется посредством Таин, и Сам питает тех, которых родил, а не поручает кому-либо другому, и этим опять уверяет тебя в том, что Он принял твою плоть. Итак, удостоившись такой любви и чести, не будем предаваться беспечности. Не видите ли, с какой готовностью младенцы берут сосцы? С каким стремлением прижимают к ним уста свои? С таким же расположением и мы должны при-

* Заушать — бить рукой по щеке. (Примеч. ред.)

ступать к этой Трапезе и к со-
сцу духовной чаши, или, луч-
ше сказать, мы с бóльшим еще
желанием должны привлекать
к себе, подобно грудным младен-
цам, благодать Духа. Одна толь-
ко у нас должна быть скорбь —
та, что мы не приобщились этой
пищи. Действие этого Таинства
совершается не человеческой
силой. Тот, Кто совершил эти
действия на известной Вечери,
и ныне совершает их. Мы [свя-
щенники] занимаем место слу-
жителей, а освящает и претво-
ряет дары Сам Христос. Да не
будет здесь ни одного Иуды, ни
одного сребролюбца. Если кто не
ученик Христов, то пусть такой
удалится: Трапеза не допускает
тех, кто не из числа учеников.
Ибо *совершу пасху*, — говорит
Христос, — *с учениками Мои-
ми* (Мф. 26, 18). Эта Трапеза есть
та же самая, которую предло-
жил Христос, и ничем не менее
той. Нельзя сказать, что ту уст-
раивает Христос, а эту — человек,
но ту и другую Сам Христос. Это
место есть та самая горница, где
Он был с учениками. Отсюда они
вышли на гору Елеонскую. Вый-
дем и мы на то место, где про-
стерты руки нищих, ибо это ме-
сто есть гора Елеонская (1).

* * *

Нам предложено ныне Тело
Христово, дабы мы ели и насы-
тились. Итак, приступим с ве-
рой, приступим все немощные.
Приступить же с верой значит
не только принять предложен-
ное, но прикоснуться к нему с
чистым сердцем, с таким распо-
ложением, как бы приступали
к самому Христу. Итак, веруй-
те, что ныне совершается та же
Вечеря, на которой Сам Он воз-
лежал. Ибо ничем не отлична
одна от другой. Нельзя сказать,
что эту совершает человек, а ту
совершал Христос; напротив,
ту и другую совершает Сам Он.
Поэтому, когда видишь, что
священник преподает тебе Да-
ры, представляй, что не свя-
щенник делает это, но Христос
простирает к тебе руку. Как при
крещении не священник крес-
тит тебя, но Бог невидимой си-
лой держит главу твою, и ни
Ангел, ни Архангел, ни другой
кто не смеет приступить и кос-
нуться, так и в Причащении.
Если Один Бог возрождает, то
Ему Одному принадлежит дар.
Не видишь ли, что у нас желаю-
щие кого-либо усыновить не ра-
бам вверяют это дело, а сами

являются в суд? Так и Бог не Ангелам вверил дар, но Сам присутствует, повелевает и говорит: *отцом себе не называйте никого на земле* (Мф. 23, 9). Этим не запрещается тебе почитать родителей, не повелевается им предпочитать Создавшего тебя и принявшего в число детей Своих. А кто дал тебе большее, т.е. предложил Самого Себя, Тот тем паче не почтет недостойным Своего величия и преподать тебе Свое тело... Христос дал нам в пищу святую плоть Свою, Самого Себя предложил в жертву, какое же будем иметь оправдание, когда, принимая такую пищу, так грешим? Вкушая Агнца, делаемся волками! Снедая Овча, бываем хищны, как львы! Таинство это требует, чтобы мы совершенно были чисты не только от хищения, но и от малой вражды. Оно есть Таинство мира и не позволяет гоняться за богатством. Если Господь не пощадил для нас Самого Себя, то чего будем достойны мы, когда, сберегая богатство, не побережем души своей, за которую Он не пощадил Себя? Для иудеев учредил Бог праздники, дабы они ежегодно вспоминали о Его благодеяниях, а тебе, так сказать, каждый день напоминает о них

через эти Таинства. Итак, не стыдись креста. В нем заключены наша слава, наши Таинства, этим даром мы украшаемся, им хвалимся. Сказав, что Бог простер небо и землю, расширил море, послал пророков и Ангелов, я не выражу всей Его благодати. Верх благодеяний Его состоит в том, что не пощадил Сына Своего для спасения отложившихся от Него рабов. Итак, ни Иуда, ни Симон не должны приступать к этой трапезе, ибо оба они погибли от сребролюбия. Будем и мы избегать этой пропасти, не почтем достаточным для спасения, если, ограбив вдов и сирот, принесем золотой и украшенный драгоценными камнями сосуд для святой трапезы. Если ты хочешь почтить жертву, то принеси душу свою, за которую принесена жертва, душу свою сделай золотой. Если же она хуже свинца и глины, а сосуд золотой, какая тебе из этого польза?.. Не серебряная была тогда трапеза, и не из золотого сосуда Христос давал пить Кровь Свою ученикам. Однако же там все было драгоценно, все возбуждало благоговение, потому что все исполнено было Духа. Хочешь ли почтить Тело Христово? Не презирай, когда видишь Христа на-

гим. И что пользы, если здесь почтишь Его шелковыми покровами, а вне храма оставишь терпеть и холод, и наготу? Изрекший: *сие есть Тело Мое* (Мф. 26, 26), и утвердивший это словом, сказал также: вы видели Меня алчущего и не напители; и далее: *так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне* (Мф. 25, 45). Для этого таинственного Тела нужны не покровы, а чистая душа; уды же Христовы, то есть нищие, имеют великую нужду в нашем попечении. Научимся быть любомудрыми и почитать Христа, как Сам Он того хочет (1).

* * *

Апостол Павел, обличая коринфян, что они оставляют бедных голодными, когда сами приобщаются Святых Таин, стараясь пристыдить их и сделать кроткими, обращает речь к важнейшему предмету: *ибо я, говорит, от Самого Господа принял то, что и вам передал, что Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и, возблагодарив, преломил и сказал: примите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое; сие твори-*

те в Мое воспоминание (1 Кор. 11, 23–24)... Господь твой, говорит, удостоил всех одной и той же Трапезы, и притом самой страшной и много превосходящей достоинство всех, а ты считаешь других недостойными твоей трапезы, маловажной и незначительной, и тогда как они не получают от тебя ничего из благодуховных, отнимаешь у них и телесные, хотя и они не твои... Для чего он напоминает нам об этом времени, об этой Вечери и предательстве? Не просто и не без причины, но дабы сильнее тронуть и самым временем. Ибо всякий, хотя бы кто был даже камнем, представив, как в эту ночь Господь скорбел с учениками, как был предан, связан, веден и осужден, как терпел все прочее, сделается мягче воска, отрешится от земли и всей здешней суеты. Для того апостол и напоминает нам обо всем этом, пристыжает нас... и говорит: Господь твой предал Себя Самого за тебя, а ты не хочешь уделить и хлеба брату для самого же себя?

Но почему Павел говорит, что он принял это от Господа, между тем как сам не был вместе с Ним, а находился тогда в числе Его гонителей? Дабы ты уразумел,

что та Вечеря не заключала в себе ничего большего в сравнении с последующими, ибо и ныне тот же Господь все совершает и преподает, как и тогда... Если ты приступаешь [к Причащению] для благодарения, не посрамляй брата своего, не презирай алчущего, не упивайся, не оскорбляй Церкви. Ты приступаешь, чтобы благодарить за те блага, которые получил: воздавай же и со своей стороны и не отделяйся от ближнего... Как Христос, сказав о хлебе и о чаше: *сие творите в Мое воспоминание*, открыл нам причину установления Таинства, а между прочим внушил, что эта причина достаточна для возбуждения в нас благоговения, — ибо когда ты представишь, что потерпел для тебя Господь твой, то сделаешься любомудреннее, — так и Павел говорит здесь: *всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете*. Такова эта Вечеря! Далее внушает, что она пребудет до скончания века словами: *доколе Он придет. Кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней* (1 Кор. 11, 26–27). Почему? Потому что проливает Кровь и

производит заклятие, а не жертву приносит. Как тогда пронзавшие Господа пронзали не для того, чтобы пить, но чтобы пролить Кровь Его, так поступает и тот, кто приобщается недостойно и не получает никакой пользы... И подлинно, не недостойно ли приступает тот, кто презирает алчущего и кроме того, что презирает, еще посрамляет его?..

Приобщившись такой Трапезы, тебе следовало бы сделаться смиреннее всех и уподобиться Ангелам, а ты сделался жестокосерднее всех: ты вкусил Крови Господней и не признаешь своего брата. Достоин ли ты прощения?

Все мы, которые здесь приступаем к священной Трапезе вместе с бедными, а, выйдя отсюда, не хотим и смотреть на них, но, предаваясь сами пьянству, алчущих оставляем без внимания... Когда же, скажешь, это делается? Всегда, особенно же в праздники, когда особенно следовало бы не делать этого. Тогда-то, после Причащения, тотчас и начинается пьянство и пренебрежение бедных, тогда-то, после принятия Крови Господней, когда тебе следовало бы соблюдать пост и воздержание, ты и предаешься пьянству и бесчинию. Скушав

за обедом что-нибудь приятное, ты остерегаешься, чтобы другим дурным кушаньем не испортить прежнего, а приняв Духа, предаешься сатанинским удовольствиям. Вспомни, что делали апостолы, причастившись священной Вечери. Не к молитвам ли и песнопениям обратились они, не к священному ли бдению, не к учению ли продолжительному и исполненному великого любомудрия? Ибо великие и дивные тайны Господь преподал и объяснил им тогда, когда Иуда пошел призвать будущих Его распинателей. Также и три тысячи верующих, сподобившись Причащения, не пребывали ли постоянно в молитвах и учении, а не в пьянстве и бесчинии? А ты, если прежде Причащения постишься, чтобы сколько-нибудь оказаться достойным Причащения, то после Причащения, когда надлежало бы усилить воздержание, погубляешь все. Но не одно и то же поститься прежде или после; должно быть воздержным и в то и в другое время, но особенно после принятия Жениха: прежде — для того, чтобы сделаться достойным принятия, а после — для того, чтобы не оказаться недостойным полученных даров. Неужели

же, скажешь, должно поститься после Причащения? Я не говорю этого и не принуждаю. Хорошо делать и так, но я не требую этого, а увещаю не предаваться безмерному пресыщению. Ибо если вообще никогда не должно пресыщаться, как внушает Павел в словах: *сластолюбивая заживо умерла* (1 Тим. 5, 6), то тем более угрожает смерть пресыщающимся после Причащения. Если для жены пресыщение есть смерть, то тем более для мужа, если оно пагубно во всякое время, то тем более после Причащения Таин. А ты, приняв Хлеб жизни, совершаешь дела смерти и не трепещешь? Или не знаешь, сколько зол происходит от пресыщения? Неуместный смех, непристойные речи, пагубные шутки, бесполезное пустословие и многое другое, о чем и говорить неприлично. Все это делаешь ты после того, как причастился Трапезы Христовой, в тот самый день, в который удостоился прикоснуться языком своим к плоти Его. Поэтому, дабы этого не было, пусть каждый соблюдает в чистоте руку свою, язык и уста, которые послужили преддверием при вшествии Христа, и, предложив свою чувственную трапезу, обращает

мысли свои к той духовной трапезе, к Вечери Господней, к бдению учеников в ту священную ночь... Непрестанно следует молиться, а не пьянствовать, особенно же в праздник. Праздник не для того, чтобы нам бесчинствовать и умножать грехи свои, но чтобы очистить и те, какие есть у нас. Знаю, что говорю это напрасно, но не перестану говорить (1).

* * *

Ныне многие из верующих дошли до такого безумия и пренебрежения, что, преисполняясь множеством грехов и нисколько не заботясь о себе, нерадиво и как случится приступают в праздники к этой Трапезе, а того не знают, что время приобщения определяется не праздником и торжеством, но чистой совестью и безукоризненной жизнью. Как человеку, не сознающему за собой ничего худого, можно приобщаться каждый день, так, напротив, погрязшему во грехах и нераскаившемуся не безопасно приступать к этой трапезе и в праздник. То, что мы приступаем лишь однажды в год, не освобождает нас от вины, если приступаем недостойно, напротив,

то самое и служит к большему осуждению, что мы, и приступая однажды в год, не приступаем чистыми. Поэтому увещаю всех вас приступать к Божественным Таинствам не по поводу праздника только, но если вы пожелаете приобщиться этого святого приношения, то за несколько дней должны очищать себя покаянием, молитвой, милостыней и занятием духовными предметами и не возвращаться назад, как *пес на свою блевотину* (2 Пет. 2, 22). Не странно ли, что о телесных вещах прилагают такое попечение: за несколько дней до наступления праздника вынимают из сундуков самое лучшее платье и приводят его в порядок, покупают обувь, делают обильнейшие запасы для стола, придумывают множество всяких приготовлений и всячески убирают и украшают самих себя, а о душе, оставленной в пренебрежении, неочищенной, оскверненной, томящейся голодом и остающейся нечистой, нисколько не заботятся, тело приводят сюда украшенным, а душу оставляют обнаженной и безобразной? Между тем тело твое видит подобный тебе раб, и тебе не будет никакого вреда, как бы оно ни

было одето, а душу видит Господь и за нерадение о ней подвергает величайшему наказанию. Разве вы не знаете, что эта Трапеза исполнена духовного огня, и как источники изобилуют естественной водой, так и она содержит в себе невыразимый пламень? Приступай же к ней не с соломой, деревом и сеном, чтобы тебе не усилить этого пламени и не сжечь приобщающейся души, но приступай с драгоценными камнями, золотом и серебром (1 Кор. 2, 22), чтобы и это вещество сделать более чистым, и выйти отсюда с великой прибылью. Если есть что-нибудь худое в душе твоей, извергни, изгони это вон из нее. Врага ли кто имеет и потерпел великие обиды? Пусть он прекратит вражду, пусть усмирит воспламененную и раздраженную душу, чтобы внутри не оставалось никакого волнения и смятения. Через приобщение ты примешь в себя Царя, а когда Царь входит в душу, тогда в ней должна быть великая тишина, великое спокойствие, глубокий мир помыслов (2).

* * *

Послушайте, что говорит Павел, обличая тех, которые недо-

стойно приобщаются к Таинствам. Сказав, что ядущий и пьющий недостойно Тело и Кровь Господа, *виновен будет против Тела и Крови Господней*, он тотчас присовокупил: *оттого многие из вас немощны и больны и немало умирает. Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы. Будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром* (1 Кор. 11, 27, 30–32). Видишь, как здешнее наказание избавляет нас от тамошнего мучения (3)?

* * *

Укоряя тех, которые недостойно приобщались Таин, он [Павел] так говорил: *кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней* (1 Кор. 11, 27). А этим говорит он следующее: как распявшие Иисуса, так и недостойно приобщающиеся Таин понесут наказание. Пусть никто не осудит это слово за преувеличение. Тело Господне есть царская одежда, а разорвавший царскую багряницу и замаравший ее нечистыми руками одинаково оскорбляют — поэтому одинаково и

наказываются. Так бывает и в отношении к Телу Христову. Иудеи растерзали Его гвоздями на кресте, а ты, живя во грехах, — нечистым языком и мыслью. Поэтому и одинаковым наказанием пригрозил тебе Павел и дальше говорит: *оттого многие из вас немощны и больны и немало умирает* (1 Кор. 11, 30) (5).

ПРИШЕСТВИЕ ВТОРОЕ

Христос опять придет и потребует отчета от рода человеческого, между прочим, и от иудеев. Об этом, посмотри, как предсказывают Давид и Малахия, последний говорит: *вот Он идет, говорит Господь Саваоф, и кто выдержит день пришествия Его, и кто устоит, когда Он явится? Ибо Он — как огонь расплавляющий и как щелок очищающий, и сядет переплавлять и очищать серебро, и очистит сынов Левия и переплавит их, как золото и как серебро* (Мал. 3, 1–3), согласно со словами Павла, который пишет так: *день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытывает* (1 Кор. 3, 13). И Давид словами: *Бог явно придет* (Пс. 49,

3), указывает также на второе пришествие Его. Первое пришествие Христа было весьма смиренное, но не таково будет второе. Страх и ужас будут сопутствовать ему, Ангелы — предшествовать, и само явление будет озарять все подобно молнии: *как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого* (Мф. 24, 27), — говорит Господь, выражая этим блеск, возвещающий сам о себе, так как он не нуждается в провозвестнике, но являет сам себя. Тоже и Давид выражает словами: *Бог явно придет*. Потом, изображая будущий суд, пророк присовокупляет: *огонь пред Ним возгорится и вокруг его сильная буря*. Сказав о наказаниях, он изображает и торжественность суда: *Он призовет небо свыше и землю рассудить народ Свой* (Пс. 49, 4), разумея под землей род человеческий (2).

ПРОМЫСЕЛ БОЖИЙ

Язва, занесенная нечестивцами, угрожает истребить во многих даже само понятие о Промысле Божиим, так она распространяется, возрастает, стремится овладеть всем, перевернула все вверх

дном и наконец восстает против самого Неба, вооружая языки людей уже не против подобных им рабов, но и против Самого Господа Вседержителя. Откуда, скажи мне, так много речей о судьбе? Отчего многие приписывают все происходящее неразумному течению звезд? Почему некоторые предпочитают счастье и случай? Отчего думают, что все делается без причины и без цели?.. Никто не соблазняется тем, что такой-то любознательствует и презирает настоящее, но тем, что такой-то богатеет, роскошествует, предан корыстолюбию и хищничеству, что он при своей злобе и бесчисленных пороках блистает и благоденствует. На это ропщут и жалуются неверующие в Бога, этим многие соблазняются, тогда как по поводу живущих скромно не только не скажут ни одного такого слова, но и стали бы осуждать самих себя, если бы склонялись роптать на Промысел Божий. Если бы все или хотя бы большая часть людей захотели так жить, то никто и не подумал бы о подобных речах, и не возникло бы главного из этих зол — исследования о том, откуда зло. Если бы зло не существовало и не обнаруживалось, то кто стал

бы отыскивать причину зла и этим изысканием производить бесчисленные ереси? Так и Маркион, и Манес, и Валентин, и большая часть язычников отсюда получили начало. Но если бы все любознательствовали, то не было бы такого изыскания, напротив, если не из чего другого, то из этого наилучшего образа жизни все узнали бы, что мы живем под властью Царя — Бога — и что Он распоряжается и управляет нашими делами по Своей премудрости и разуму. Это, конечно, совершается и теперь, но не легко усматривается вследствие великой мглы, которая распространилась по всей вселенной, а если бы этого не было, то Промысел Божий открылся бы перед всеми, как в светлый полдень и в ясную погоду (2).

ПРОСТОТА

Кто не изумится, кто не подивится человеку, простому нравом? Или кто не привяжется к тому, в ком нет ничего коварного? Кому другому, как не им, принадлежит спасение? Кому, как не им, — великие блага? Не пастухи ли первые слышали Евангелие? Не Иосиф ли, этот простой человек, — подозрение

в прелюбодеянии не устало его и не побудило сделать какое-либо зло? Не простых ли поселян избрал Господь в апостолы?.. Так, скажешь, но надобно и благоразумие. Да что же такое и простота как не благоразумие? Когда не подозреваешь ничего злого, тогда не можешь и замыслить зла. Когда ничем не огорчаешься, тогда не можешь быть и злопамятным. Обидел ли кто тебя? Ты не опечалился. Оклеветал ли? Ты ничего не потерпел. Позавидовал ли тебе? И от этого ты нисколько не пострадал. Простота есть некоторый путь к любомудрию. Никто так не прекрасен душой, как человек простой. Как по отношению к телу человек печальный, унылый и угрюмый, хотя бы он был и красив собой, теряет много красоты, а беззаботный и кротко улыбающийся увеличивает красоту, так точно и по отношению к душе. Угрюмый, хотя бы имел тысячи добрых дел, отнимает у них всю красоту, а открытый и простой — напротив. С таким человеком и сдружиться безопасно и, если он делается врагом, неопасно примириться. Не нужны для такого человека ни стражи и караулы,

ни узы и оковы. Он и сам будет пользоваться великим спокойствием, и все, живущие с ним. Что же, скажешь, если такой человек попадет в общество злых людей? Бог, повелевший нам быть простыми, прострет ему руку. Кто проще Давида? Кто лукавее Саула? А между тем, кто остался победителем?.. Таким образом, если простой человек и получит рану, то получит не от себя, а от другого, лукавый же наносит удар прежде всего себе и больше никому, так что он враг самому себе (1).

ПРОЩЕНИЕ ОБИД

Мы должны прощать другим не словами только, но от чистого сердца, чтобы не обратить против самих себя меча своим памятозлобием. Ибо оскорбивший тебя не причинит тебе зла столько, сколько ты сам себе причинишь, питая в себе гнев и подвергаясь за то осуждению от Бога. Но если ты не будешь унывать, а поступишь благоразумно, то зло обратится на главу его самого и он жестоко пострадает. Если же ты будешь оскорбляться и негодовать, то сам пострадешь, и притом не от

него, но от самого себя. Итак, не говори, что другой оскорбил тебя, и оклеветал, и причинил большое зло, ибо чем больше будешь говорить, тем больше обнаружишь его благодеяний, потому что он доставляет тебе случай освободиться от грехов, так что по мере нанесения тебе обиды становится причиной очищения грехов твоих... Итак, обрати внимание на пользу, какую ты можешь получить, перенося безропотно обиды от врагов: первая и важнейшая — отпущение грехов, вторая — терпение и великодушие, третья — кротость и человеколюбие: ибо тот, кто не гневается на оскорбляющих его, бывает очень приятен любящим его; четвертая — совершенное истребление гнева... Не испытывший в себе вражды, не испытывает и печали, но наслаждается радостью и другими бесчисленными благами... Ты обижен ближним — будь снисходителен к нему, не питай ненависти. Плачь и рыдай, а не презирай его, ибо не ты прогневал Бога, но он, а ты, перенеся обиду, поступишь добродетельно... Чем более нас обижают, тем более мы должны оплакивать обидевших

нас, ибо для нас от этого происходит великое благо, для них же, напротив, великое зло (1).

* * *

Господь сказал: *если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный* (Мф. 6, 14). Не будем же думать, будто мы, прощая ближнему, ему оказываем благодеяние или великую милость, нет, мы сами тогда получаем благодеяние, сами для себя извлекаем отсюда великую пользу. Равным образом, если мы не простим ближним, то через это им нисколько не сделаем вреда, а себе приготовим невыносимую геенскую муку. Поэтому прошу, зная это, не будем никогда злопамятствовать и питать вражду к тем, кто сделал нам неприятность или другую какую-нибудь обиду, но, представляя себе, какое благодеяние и дерзновение перед Господом они доставляют нам, а больше всего то, что примирение с оскорбившими нас заглаживает наши грехи, поспешим и не замедлим [примириться с врагами] и, размышляя о происходящей от этого пользе, покажем такое

благорасположении к врагам, как если бы они были истинными нашими благодетелями (1).

приучишься не поражаться грехами ближнего [против тебя] (6).

* * *

ПУТИ К БОГУ

[Петр] говорит: *сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз?..* Послушай, что говорит Христос, когда Петр сказал: *до семи ли раз*, и подумал о себе, будто показал великое усердие и щедрость: *не говорю тебе: до семи раз, но до седмижды десяти раз* (Мф. 18, 21–22)... И не подумай, возлюбленный, что эта заповедь тяжела. Если ты простишь согрешившему в день раз, и другой, и третий, то оскорбитель твой, хотя бы был совсем каменный, хотя бы был свирепее самих демонов, не будет столько бесчувствен, чтобы опять впасть в тот же грех, но, образумленный многократным прощением, делается лучше и скромнее. Да и ты, если будешь в состоянии столько раз оставить без внимания сделанные против тебя грехи, приобретаешь навык от одного, другого и третьего прощения, не чувствуешь уже труда от такого любомудрия: часто прощая,

Бог устроил много путей для того, чтобы обилием их сделать для нас восхождение к Нему легким. Одни из людей сияют девством, другие прославляются брачной жизнью, иные украшаются вдовством; одни отвергли все, другие — половину; те восходят праведной жизнью, эти — покаянием. Для того Бог и устроил так много путей, чтобы тебе удобно было идти. Ты не мог после бани крещения сохранить себя чистым? Можешь очистить себя покаянием, можешь богатством, милостыней. У тебя нет богатства? Можешь призреть больного, посетить заключенного, подать чашу холодной воды, принять странника под кров свой, пожертвовать две лепты, как вдовица, и плакать с плачущими, и это — милостыня. Но ты не имеешь ничего, совершенно беден, слаб телом и даже ходить не можешь? Переноси все это с благодарностью — и получишь великую награду (1).

* * *

Так как Господь наш знал, что если бы Он указал один путь, то многие были бы нерадивыми, то Он и указал разные пути. Ты не можешь идти путем девства? Иди путем единобрачия. Не можешь через единобрачие? Иди по крайней мере через второй брак. Не можешь идти путем целомудрия? Иди путем милосердия. Не можешь идти путем милосердия? Иди путем поста. Не можешь тем? Иди этим. Не можешь этим? Иди тем (7).

ПЬЯНСТВО

Что неприятнее, что гнуснее тех людей, которые, пив вино до полуночи, под утро, при восхождении солнца, испускают такой запах, как будто бы они теперь только нагрузились вином? Они кажутся и неприятными встречающимся, и презренными в глазах рабов, и смешными для всех сколько-нибудь знающих приличие, а что всего важнее, таким невоздержанием и безвременной и губительной неумеренностью навлекают на себя гнев Божий. Ибо *пьяницы*, ска-

зано, *Царства Божия не наследуют* (1 Кор. 6, 10). Что же может быть жалче этих людей, которые за краткое и губительное удовольствие извергаются из преддверий Царствия (1)?

* * *

Ничто так не любезно демон, как роскошь и пьянство — источники и мать всех зол. Этим-то диавол ввергнул некогда израильтян в идолопоклонство, этим-то возжег содомлян на беззаконные похоти!.. Это же самое и многих других погубило и предало геенне... Что отвратительнее женщины пьяной, качающейся туда и сюда? Чем немоцнее сосуд, тем жесточе сокрушение. Свободная ли то будет жена или раба, свободная бесчестит себя среди рабов, но и раба то же делает среди рабов, а таким образом делают то, что дары Божии хуляются несмысленными. И слышу, что, когда встречаются такие случаи, говорят: когда бы не было вина! О глупость, о безумие! Другие грешат, а мы презираем дар Божий. Что за сумасбродство? Ужели вино, о человек, причиной такого зла? Нет, не вино, а невоздержание

тех, которые злоупотребляют вином. Итак, лучше скажи: о, если бы не было пьянства!.. А если скажем: лучше бы не было вина, то можно и далее сказать: о, если бы не было железа, потому что есть человекоубийцы! Хорошо, если бы не было ночи, потому что есть воры; лучше, если бы не было света, потому что есть клеветники; лучше бы не было жен, потому что есть блудницы! Таким образом ты все наконец захочешь истребить.

Но ты не поступай так, ибо это сатанинский дух. Не презирай вина, но презирай пьянство. Когда пьяный придет в чувство, опиши ему все его безобразие. Скажи ему: вино дано для увеселения, а не для того, чтобы безобразить себя; дано для того, чтобы быть веселым, а не для того, чтобы быть посмешищем; дано для подкрепления здоровья, а не для расстройства, для уврачевания немощей телесных, а не для ослабления духа. Бог тебя почтил этим даром, для чего же ты неумеренным употреблением этого дара бесчестишь себя? Послушай, что говорит апостол Павел: *употребляй немного вина, ради желудка твоего и*

частых твоих недугов (1 Тим. 5, 23). Если и святой, одержимый болезнью и частыми недугами, не употреблял вина, пока не повелел ему Учитель, какого же мы достойны будем осуждения, когда мы, здоровые, упиваемся? Ему сказано: *употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов*. А из вас каждому упивающемуся скажет апостол: употребляй меньше вина, потому что от пьянства рождается блудодеяние. Если же потому не хотите воздерживаться от пьянства, то по крайней мере воздерживайтесь потому, что оно возбуждает гнусные похоти. Вино дано для веселья, ибо сказано: вино веселит сердце человека; а вы и это доброе его свойство порочите. Ибо что за радость быть не в себе, мучиться множеством болезней, видеть все кружащимся и все во мраке, подобно находящимся в горячке, иметь нужду в том, чтобы кто-нибудь намазал голову елеем? Я говорю не о всех, но для всех. Я не потому говорю, что все пьют, но потому, что непьющие не заботятся о пьющих. Поэтому я к вам особенно обращаюсь — к вам, находящиеся в здоровом состоянии! Ибо и врач,

оставляя больных, беседует с теми, которые сидят около них. Итак, к вам я простираю слово, умоляю вас, не заражайтесь этой болезнью, а тех, кто уже заразились, искищайте из беды, дабы не было между вами людей, которые хуже бессловесных. Ибо скоты не требуют ничего более того, что нужно, а эти [пьяницы] становятся бессмысленнее тех [скотов], преступая границы умеренности. И подлинно, не гораздо ли лучше таких людей осел? Не гораздо ли лучше пес? Каждое из этих животных и все прочие вообще, едят ли, пьют ли, знают пределы довольства и не простираются далее нужды. И хотя бы тысячи человек при нуждали их, никогда не дадут себе дойти до неумеренности. Итак, вы хуже бессловесных и в этом отношении. И что вы сами о себе думаете хуже, нежели о свиньях и ослах, это видно из того, что этих животных не заставляете есть сверх меры. Почему это так? Ты скажешь, что бы не нанести им вреда. А о себе ты и этой предусмотрительности не употребляешь. Итак, ты думаешь о себе хуже, нежели о скотах, и, всегда обуреваемый, не радишь о себе. И не только в

тот день, когда ты пьян, страдаешь от пьянства, но и после того дня. Как и по прошествии горячки остаются еще следы пагубного влияния ее, так и у тебя и по прошествии хмеля и в душе, и в теле свирепствует буря. Бедное тело лежит расслабленно, как корабль, разбитый бурей, а того беднее душа, ибо и в расслабленном теле воздымает бурю и возжигает похоть. Когда же, по-видимому, [пьяница] приходит в здравый смысл, тогда то особенно безумствует, воображая вино, бутылки, стаканы, чаши. Как по укрощении волнения во время бури остаются следы разрушительного действия ее, так и здесь. Как там товары, так здесь почти все доброе выбрасывается. Целомудрие ли стяжал кто-либо, стыдливость ли, кротость ли, смирение ли, — все это пьянство повергает в море нечестия. А что еще после этого делает пьянство, того нельзя ни с чем сравнить. Ибо там, по выгрузке, корабль делается легче, а здесь — новое отягощение. Ибо вместо того богатства нагружается песком, соленой водой и всякой дрянью, отчего корабль и с пловцами, и с кормчим тотчас погибает. Итак, дабы не

потерпеть нам того же, устранимся от этой бури. Нельзя пьянице видеть Царствия Небесного. *Не обманывайтесь...* — говорит апостол, — *ни пьяницы... ни хищники — Царства Божия не наследуют* (1 Кор. 6, 10). И что я говорю — Царствия Небесного? Пьяный не видит и настоящих предметов, ибо пьянство дни превращает для нас в ночи, свет — в тьму; пьяный, смотря во все глаза, не видит и того, что у него под ногами. И не это только зло рождается от пьянства, но и после пьянства подвергаются другой жесточайшей казни: безумному унынию, неистовству, расслаблению, насмешкам, поношениям. Какого же помилования ждать тем, кто убивает себя такими бедствиями? Совершенно никакого. Итак, потщимся избежать этого недуга, чтобы получить нам настоящие и будущие блага (1).

* * *

Все мы, которые здесь приступаем к Священной Трапезе вместе с бедными, а, выйдя отсюда, не хотим и смотреть на них, но, предаваясь сами пьянству, алчущих оставляем без внима-

ния... Когда же, скажешь, это делается? Всегда, особенно же в праздники, когда особенно следовало бы не делать этого. Тогда-то, после Причащения, тотчас и начинается пьянство и пренебрежение бедных, тогда-то, после принятия Крови Господней, когда тебе следовало бы соблюдать пост и воздержание, ты и предаешься пьянству и бесчинию. Скушав за обедом что-нибудь приятное, ты остерегаешься, чтобы другим дурным кушаньем не испортить прежнего, а приняв Духа, предаешься сатанинским удовольствиям. Вспомни, что делали апостолы, причастившись священной Вечери. Не к молитвам ли и песнопениям обратились они, не к священному ли бдению, не к учению ли продолжительному и исполненному великого любомудрия? Ибо великие и дивные тайны Господь преподал и объяснил им тогда, когда Иуда пошел призвать будущих Его распинателей. Также и три тысячи верующих, сподобившись Причащения, не пребывали ли постоянно в молитвах и учении, а не в пьянстве и бесчинии? А ты, если прежде Причащения постишься, чтобы сколько-нибудь оказаться

достойным Причащения, то после Причащения, когда надлежало бы усилить воздержание, погубляешь все. Но не одно и то же поститься прежде или после; должно быть воздержным и в то и в другое время, но особенно после принятия Жениха: прежде — для того, чтобы сделаться достойным принятия, а после — для того, чтобы не оказаться недостойным полученных даров (1).

* * *

Непрестанно следует молиться, а не пьянствовать, особенно же в праздник. Праздник не для того, чтобы нам бесчинствовать и умножать грехи свои, но чтобы очистить и те, какие есть у нас. Знаю, что говорю это напрасно, но не перестану говорить (1).

* * *

Хочешь стать далеко от пьянства? Избегай увеселений и роскошных столов и с корнем вырви этот порок (1).

* * *

Не вино худо, но его злоупотребление. А что не от вина про-

исходят гибельные пороки, но от развращенной воли, и что происходящую от вина пользу уничтожает неумеренность, это показывает тебе Писание, когда говорит о начале употребления вина уже после потопа, чтобы ты знал, что природа человеческая еще прежде употребления вина дошла до крайнего развращения и совершила великое множество грехов, когда еще и вино не было известно. Итак, видя употребление вина, не вину приписывай все зло, но воле, развращенной и уклонившейся к нечестию. С другой стороны, помысли и о том, какое употребление сделало полезным вино и вострепещи. При его помощи совершается благодатное Таинство нашего спасения.

Не вино, а пьянство дурное дело. Оно может притупить чувства и помрачить разум. Человека разумного и получившего владычество над всем оно делает как бы мертвым и бездейственным и заставляет лежать, как бы связанного какими-то неразрешимыми узами, или, лучше сказать, делает его хуже мертвого. Ибо этот бывает равно бездействен и по отношению к добру, и по отношению ко злу, а тот

по отношению к добру бездействен, но по отношению ко злу более прежнего деятелен и становится предметом посмеяния для всех: для жены, для детей и для рабов. Друзья, видя унижение его, закрываются и стыдятся, а враги радуются, смеются и ругаются над ним, как бы так говоря: неужели такой человек достоин жизни? Неужели он может дышать воздухом? Называют его скотиной, нечистым животным и другими еще презреннейшими именами... Предающиеся пьянству никогда не чувствуют сытости, но чем более вливают в себя вина, тем более разжигаются жаждой, так что употребление вина служит для них к увеличению жажды, но жажда, сделавшись неутолимой, повергает в самую бездну опьянения этих пленников пьянства. Пьянство есть произвольный демон, который хуже настоящего демона помрачает ум и отнимает у одержимого им всякую скромность. Видя бесноватого, мы часто жалеем о нем, соболезнуем и обнаруживаем к нему глубокое сострадание, но при виде пьяного поступаем напротив: негодуем, сердимся, произносим тысячу укоризн.

Почему и для чего? Потому что одержимый злым демоном, что ни делает, делает невольно: бьет ли он, разрывает ли одежду, или произносит какие-либо срамные слова, — все это ему прощается, но пьяный, что ни сделает, ни в чем не будет прощен. Напротив, и домашние, и друзья, и соседи, и все строго осудят его, потому что он сам по своей воле дошел до этого несчастного положения, сам предал себя во власть пьянству (1).

* * *

Радость бывает не от пьянства, но от духовной молитвы, не от вина, но от назидательного слова. Вино производит бурю, а слово — тишину, вино причиняет шум, а слово прекращает смятение, вино помрачает ум, а слово просвещает и помраченного, вино вселяет скорби, которых не было, а слово отгоняет и те, которые были... Христианину свойственно праздновать не в известные месяцы, не в первый день месяца, не в воскресные дни, но всю жизнь проводить в приличном ему праздновании. Какое же прилично ему празднование? Об этом послушаем Павла,

который говорит: *посему станем праздновать не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины* (1 Кор. 5, 8) (2).

* * *

Вы обратили ночь в день посредством священных всеобщих бдений, не обращайтесь же опять дня в ночь посредством пьянства и невождержания и блудных песен. Ты почтил мучеников своим прибытием, слушанием, усердием, почти же их и пристойным возвращением домой, чтобы кто-нибудь, увидев тебя бесчинствующим в месте пьянства, не сказал, что ты приходишь не ради мучеников, а чтобы усилить свою страсть, чтобы удовлетворить порочной похоти. Говорю это, не препятствуя веселиться, но препятствуя грешить, не препятствуя пить, а препятствуя пьянствовать. Не вино худо, но неумеренность порочна; вино есть дар Божий, а неумеренность — избрание дьявола. Итак, *служите Господу со страхом и радитесь пред Ним с трепетом* (Пс. 2, 11).

Ты хочешь насладиться весельем? Наслаждайся дома, где, если и произойдет опьянение, много прикрывающих, а не в месте пьянства, чтобы тебе не быть общим зрелищем для присутствующих и соблазном для других. Говорю это, не приказывая дома пьянствовать, но не проводить время в местах пьянства. Представь, как смешно, после такого собрания, после всеобщих бдений, после слушания Священного Писания, после общения Божественных Таин и после духовного ликования мужу или жене являться в месте пьянства и проводить там целые дни. Разве вы не знаете, какое положено наказание пьянствующим? Они извергнутся из Царства Божии, лишатся неизреченных благ и будут посланы в вечный огонь. Кто говорит это? Блаженный Павел: *ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники — Царства Божия не наследуют* (1 Кор. 6, 10). Что может быть несчастнее пьяницы, когда он за малое удовольствие лишится наслаждения таким Царством? Лучше сказать: даже и удовольствием не может воспользоваться пьяница, потому что удовольствие —

в умеренности, а в неумеренности — бесчувственность. Кто не чувствует, где он сидит или лежит, тот как может чувствовать удовольствие от питья? Кто самого солнца не может видеть от густого облака опьянения, тот как может наслаждаться радостью? Мрак его таков, что и лучи

солнечные не в состоянии разогнать у него эту тьму. Всегда, возлюбленные, пьянство — зло, но особенно в день мучеников. Здесь вместе с грехом есть и величайшее оскорбление, и глупость, и унижение божественных вещаний, поэтому может быть и двойное наказание (5).

РАДОСТЬ

Что радость не менее пагубна, чем печаль, это очевидно из ее действия на душу. Радость делает душу легкомысленной, надменной и непостоянной. Это можно видеть на древних мужах. Когда, например, Давид был добр: тогда ли, когда радовался, или когда был в тесных обстоятельствах? Иудейский народ когда был добродетелен: тогда ли, когда стонал и призывал Бога, или когда в пустыне радовался и поклонялся тельцу? Потому-то Соломон, знавший лучше всех, что такое радость, говорит: *лучше ходить в дом плача об умершем, нежели ходить в дом пира* (Еккл. 7, 2). И Христос скорбящих убажает, говоря: *блаженны плачущие* (Мф. 5, 4), а радующихся называет бедными: *горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете* (Лк. 6, 25). И весьма справедливо. Ибо душа во время забав бывает слабее и изнеженнее, а во время плача укрепляется, делается целомудренной, ос-

вобождается от всех страстей, становится возвышеннее и мужественнее (1).

* * *

Причины радости лежат не в неизменных законах природы, которых уничтожить и переменить для нас невозможно, а в свободных размышлениях нашей воли, управлять которыми для нас легко... В самом деле, причина радости обыкновенно лежит не столько в природе обстоятельств, сколько в разуме людей. Если же это так, если многие, изобилуя богатством, считают жизнь невыносимой, а другие, живя в крайней бедности, всегда остаются радостнее всех, если люди, пользующиеся охранной стражей и славой и честью, часто призывают проклятие на свою жизнь, а незнатные и рожденные от незнатных и никому не известные считают себя счастливее многих, — потому что не столько в природе обстоятельств, сколько в разуме

людей лежит причина радости, — не падай духом... (7)

РАЗВОД

А вступившим в брак не я повелеваю, а Господь: жене не разводиться с мужем, — если же разведется, то должна оставаться безбрачною, или примириться с мужем своим, — и мужу не оставлять жены своей (1 Кор. 7, 10–11). А что, если муж будет кроток, жена же своенравна, злоречива, болтлива, расточительна, — это общий всех их недуг, — и преисполнена многих других дурных качеств? Как он, несчастный, будет переносить такую каждодневную неприятность, гордость, бесстыдство? Что, если наоборот, она будет скромна и тиха, а он дерзок, подозрителен, гневлив, весьма надменен богатством или властью, будет обращаться с ней, свободной, как с рабой и будет расположен к ней несколько не лучше, чем к служанкам? Как она перенесет такое унижение и притеснение? Что, если он постоянно отворачивается от нее и делает это непрестанно? Терпи, говорит [апостол] все это рабство; ибо только тогда ты будешь свободна, когда он умрет, а при

жизни его необходимо одно из двух, — или весьма тщательно вразумлять его и исправлять или, если это невозможно, мужественно переносить непрестанную и непримиримую вражду. Выше он говорил: *не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию*; а здесь разведенной повелевает воздерживаться, хотя уже по неволе: *должна, говорит, оставаться безбрачною, или примириться с мужем своим*. Видишь, как она находится между двух бед? Она должна или терпеть насилие от похоти, или, если этого не хочет, угождать своему обидчику и быть готовой на все, чего бы он ни захотел, наносить ли побои, или осыпать злословиями, или подвергать презрению и прочее тому подобное, так как мужьями придумано много средств, когда они захотят наказать своих жен. Если же она не потерпит этого, то должна пребывать в бесплодном воздержании; бесплодном, говорю, потому что к нему не относится данное обетование, так как оно происходит не от стремления к святости, а от гнева на мужа. *Должна оставаться безбрачною, или примириться с мужем своим*. А что, скажешь, если он не захочет

помириться? У тебя есть другая возможность избавиться и освободиться. Какая же? Ожидай его смерти. Как девственнице никогда не позволительно вступать в брак, потому что Жених ее всегда жив и бессмертен, так и вступившей в брак тогда только можно [получить свободу], когда умрет ее муж. Если бы и при жизни его можно было ей переходить от него к другому, и от этого опять к иному, то для чего и браки, когда мужья стали бы безразлично пользоваться женами друг друга и все просто смешивались бы со всеми? Не исчезло ли бы и взаимное расположение, если бы сегодня один, завтра другой, а потом третий стал жить с женой кого-либо из сожителей? Справедливо Господь назвал это прелюбодеянием.

Для чего же Он позволил это иудеям? Для того, чтобы они не враждовали друг с другом, чтобы родственной кровью не наполняли своих жилищ. Что лучше было, скажи мне, для сделавшейся ненавистной — быть ли изгнанной вон, или быть убитой внутри дома? А последнее они сделали бы, если бы им не дозволено было изгонять. Поэтому [Господь] и говорит: если возне-

навидишь — отпусти (Втор. 24, 1–3). Когда же Он беседует с кроткими и такими, которым не позволяет даже гневаться, то говорит: *если же разведется, то должна оставаться безбрачною* (1 Кор. 7, 11) (2).

* * *

Жена, говорит он [апостол Павел], *связана законом*. Итак, она не должна отделяться от живого мужа, принимать другого супруга или вступать в другой брак. И заметь, с какой точностью он употребляет сами выражения. Не сказал: пусть живет вместе с мужем, пока он жив, но что? *Жена связана законом, доколе жив муж ее* (1 Кор. 7, 39), так что хотя бы он дал ей запись отпущения, хотя бы она оставила дом и ушла к другому, она связана законом, она и в таком случае — прелюбодейка. Поэтому если муж захочет отвергнуть жену или жена оставить мужа, то пусть вспомнит это изречение и представит Павла, который, осуждая ее, вещает: *жена связана законом*. Как беглые рабы, хотя оставляют господский дом, влекут за собой и свои цепи, так и жены, хотя бы оставили мужей, имеют вместо цепей закон,

который осуждает их, обвиняет в прелюбодеянии, осуждает и тех, которые берут их, и говорит: муж еще жив, и дело это есть прелюбодеяние. *Жена связана законом, доколе жив муж ее. И кто женится на разведенной, тот прелюбодействует* (Мф. 5, 32). Когда же, скажешь, можно будет ей вступить во второй брак? Когда она освободится от цепей, когда умрет муж. Объясняя это, апостол не прибавил так: когда *скончается* муж ее, она свободна выйти за кого захочет, но: *если же муж ее умрет* (χοινηθή, упокоится), — как бы утешая ее во вдовстве и внушая оставаться при прежнем и не соединяться со вторым супругом. Не умер муж твой, а спит. Кто не ожидает спящего? Поэтому он и говорит: *если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого хочет* (1 Кор. 7, 39), не сказал: пусть вступает в брак, чтобы не показалось, будто он заставляет и принуждает; он и не препятствует желающей вступить во второй брак, и не заставляет нежелающую, но сказал закон такой: *свободна выйти, за кого хочет*. Называя ее свободной после смерти мужа, он выразил, что прежде этого, при его жизни, она была рабой, а бу-

дучи рабой и подчиненной закону, хотя бы она получила тысячу раз запись отпущения, она по закону виновна в прелюбодеянии. Рабам позволительно перемениать живых господ, а жене непозволительно перемениать мужей при жизни мужа, потому что это — прелюбодеяние. Не указывай мне на законы, установленные внешними, позволяющие давать запись отпущения и разводиться. Не по этим законам будет судить тебя Бог в тот день, а по тем, которые Он сам постановил. И мирские законы позволяют это не просто и не без ограничения, но и они наказывают за это дело, так что отсюда видно, что они неблагосклонно смотрят на этот грех, потому что виновницу развода они лишают имущества и отпускают без всего, и того, кто подает повод к разводу, наказывают денежным убытком; а они, конечно, не поступали бы так, если бы одобряли это дело (6).

* * *

Послушай следующие Его слова: *кто разводится с женой своей, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на раз-*

веденной, тот прелюбодействует (Мф. 5. 32). Для того и пришел Единородный Сын Божий, для того принял вид раба, для того пролил драгоценную кровь Свою, разрушил смерть, поправ грех, даровал обильнейшую благодать Духа, чтобы возвести тебя к высшему любомудрию. Впрочем, и Моисей постановил так закон [разрешающий развод] не без причины, но будучи вынужден снизойти к немощи тех, которым он давал закон... Поэтому и иудеям, которые спрашивали и говорили: как *Моисей заповедал давать разводное письмо*, Христос, желая показать, что Моисей не в противоречие Ему написал этот закон, говорит так: *Моисей по жестокосердию вашему позволил вам разводиться с женами вашими, а сначала не было так, но Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их* (Мф. 19, 4–9). Если бы это было хорошо, говорит, то Бог не сотворил бы одного мужа и одну жену, но, сотворив одного Адама, сотворил бы двух жен, если бы хотел, чтобы можно было одну отвергнуть, а другую принять. А здесь самым способом сотворения Он постановил закон, который теперь Я предписываю. Какой же

именно? Тот, чтобы ту жену, которая сначала досталась, иметь при себе постоянно: этот закон древнее того настолько, насколько Адам древнее Моисея. Таким образом, Я теперь не ввожу нового закона и не предлагаю странного учения, но такое, которое старее и древнее Моисея...

Будем же повиноваться такому прекрасному закону и хранить себя от всякого стыда, не будем ни отвергать своих жен, ни принимать отвергнутых другими. С каким лицом ты будешь смотреть на мужа этой жены, какими глазами — на его друзей и слуг? Если по смерти супруга взявший его жену, увидев потом перед собой одно только изображение его, испытывает тяжелое и неприятное чувство, то видящий живого мужа своей сожительницы какую будет вести жизнь? Как будет входить в дом? С какими мыслями, какими глазами будет видеть в жене его свою?

Или, лучше, отпущенную никто не мог бы справедливо называть женой ни его, ни своей, потому что прелюбодейка — ничья жена. Она и в отношении к тому нарушила условия, и к тебе пришла не согласно с законами. Каким же было бы безумием —

вводить в дом то, что исполнено таких зол? Разве есть недостаток в женщинах? Для чего же, тогда как есть много таких, которых можно брать согласно с законами и с чистой совестью, мы обращаемся к запрещенным, расстраивая дома, производя междоусобные брани, навлекая на себя везде вражду, отверзая уста бесчисленному множеству осуждающих, посрамляя собственную жизнь и, что всего тяжелее, приготовляя себе неизбежное наказание в день суда?.. Там уже нельзя сослаться на светские законы, но необходимо в молчании связанными идти в гееннский огонь вместе с прелюбодеями и осквернившими чужие браки (6).

РАЗУМ

Как птичке, попавшей в сеть, нет пользы от крыльев, и напрасно и тщетно бьет она ими, так и тебе нет пользы от разума, если ты попал под власть злой похоти. Сколько бы ни бился, ты — в плену. Для того крылья у птиц, чтобы избегали сетей. Для того у людей разум, чтобы избегали грехов... Птичка, раз пойманная в сеть и из нее улетевшая, и лань, попавшая в те-

нета* и потом убежавшая, не легко попадутся в них опять, потому что опыт для той и другой бывает учителем осторожности. А мы, часто быв уловлены одним и тем же [грехом], впадаем в него же и, награжденные разумом, не подражаем предусмотрительности и осторожности бессловесных. Сколько раз, например, увидев женщину, терпели мы тысячу бед, возвращались домой с возбужденной похотью и мучились в течение многих дней. Однако не вразумляемся, но, едва улавливали прежнюю рану, и опять впадаем в тот же [грех], уловляемся той же [похотью], и за краткое удовольствие для глаз терпим постоянную и продолжительную скорбь (7).

РАЙ

Не в настоящем только веке нам обещал Господь продолжение жизни и наслаждение видимыми благами, но и после отшествия отсюда и разрушения тел, когда наши тела обратятся в прах и пепел, обещает воскресить их и водворить в большей славе.

* Тенета — сети, ловушка. (Примеч. ред.)

Тленному сему, говорит блаженный Павел, надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие (1 Кор. 15, 53). А после воскресения тел Господь обещает даровать нам наслаждения Царствия, общение со святыми, бесконечный покой и те неизреченные блага, *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку* (1 Кор. 2, 9) (1).

* * *

Представь состояние той жизни, насколько возможно представить его себе, ибо вполне изобразить ее по достоинству не в состоянии никакое слово. Но из того, что мы слышим, как бы из каких-нибудь загадок, мы можем получить некоторое неясное о ней представление. *А печаль и воздыхание*, говорит [Писание], *удалятся* (Ис. 35, 10). Что же может быть блаженнее такой жизни? Не нужно там бояться ни бедности, ни болезни, не видно ни обижающего, ни обижаемого, ни раздражающего, ни раздражаемого, ни гневающегося, ни завидующего, ни распаляемого непристойной похотью, ни заботящегося о приобретении необходимого для

жизни, ни мучимого желанием власти и господства, ибо вся буря наших страстей, затихнув, прекратится, и все будет в мире, веселье и радости, все тихо и спокойно, все день, и ясность, и свет, — свет не этот нынешний, но другой, который настолько светлее этого, насколько этот блистательнее святильничного. Свет там не помрачается ни ночью, ни от сгущения облаков, не жжет и не палит тел, потому что нет там ни ночи, ни вечера, ни холода, ни жара, ни другой какой перемены времен, но иное какое-то состояние, которое познают одни достойные. Нет там ни старости, ни бедствий старости, но все тленное отброшено, так как повсюду господствует слава нетленная. А что всего важнее, это — непрерывное наслаждение общением со Христом, вместе с Ангелами, с Архангелами, с горными силами. Посмотри теперь на небо и перейди мыслью к тому, что выше неба, представь преобразование всей твари: она уже не останется такой, но будет гораздо прекраснее и светлее, и насколько золото блестящее олова, настолько тогдашнее устройство будет лучше настоящего, как и блаженный Павел говорит, *что*

и сама тварь освобождена будет от рабства тлению (Рим. 8, 21). Ныне она, как причастная тлению, терпит многое, что свойственно терпеть таким телам, но тогда, совлекшись всего этого, она представит нам нетленное благолепие. Так как она должна принять нетленные тела, то и сама преобразится в лучшее состояние. Нигде не будет тогда раздора и борьбы, потому что велико согласие в лице святых, при всегдашнем единомыслии всех друг с другом. Не нужно там бояться ни диавола и демонских козней, ни грозы гееннской, ни смерти — ни этой нынешней, ни той, которая гораздо тяжелее этой, но всякий такой страх уничтожен. Подобно тому как царский сын, первоначально воспитываемый в уничиженном виде, под страхом и угрозами, дабы от послабления он не испортился и не сделался недостойным отцовского наследия, по достижении царского достоинства вдруг переменяет все прежнее, и в порфире и диадеме, среди множества копьеносцев председательствует с великим дерзновением, отринув от души всякое уничижение и смирение и вместо того восприняв другое: так будет тогда и со

всеми святыми. А чтобы эти слова не показались простым красноречием, взойдем мыслью на гору, где преобразился Христос, взглянем на Него блистающего, как Он воссиял, хотя и тогда Он показал нам не все еще сияние будущего века. Из самих слов евангелиста видно, что явленное тогда было только снисхождением, а не точным представлением предмета. Ибо что говорит он? *Просияло лице Его, как солнце* (Мф. 17, 2). Слава нетленных тел являет не такой свет, какой это тленное тело, и не такой, какой доступен и смертным очам, но такой, для созерцания которого нужны нетленные и бессмертные очи. А тогда на горе Он открыл лишь столько, сколько возможно было видеть без вреда очам видевших, и при всем этом они не вынесли, но пали на лица свои. Скажи мне, если бы кто, приведя тебя на какое-либо светлое место, где все сидели бы, облеченные в золотые одежды, и посреди этого собрания показал бы еще одного человека, имеющего одежды и венец на голове из одних драгоценных камней, потом обещал бы и тебя ввести в это общество, то не употреблял ли бы ты всех усилий, чтобы полу-

читать обещанное? Открой же теперь умственные очи и посмотри на то зрелище, состоящее не из простых мужей, но из тех, которые драгоценнее и золота, и дорогих камней, и лучей солнечных, и всякого видимого блеска, и не только из людей, но и из гораздо достойнейших, нежели они, — из Ангелов, Архангелов, Престолов, Господств, Начал, Властей? А о Царе и сказать нельзя, каков Он: так не доступна никакому слову и уму эта красота, доброта, светлость, слава, величие, великолепие. Таких ли благ лишить нам себя, скажи мне, для избежания маловременных тягостей (2)?

* * *

Не только в геенне, но и в самом Царстве находится множество различий: *в доме Отца Моего, говорит Господь, обителей много* (Ин. 14, 2); и: *иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд* (1 Кор. 15, 41). И удивительно ли, что (апостол), сделав различие между этими (светилами), говорит, что и там будет такое же различие, как между одной звездой и другой? Зная все это, не перестанем совершать добрые дела, не откажемся от тру-

дов, и если не будем в состоянии стать наряду с солнцем или луной, то не будем пренебрегать местом со звездами. Если мы по крайней мере такую покажем добродетель, то и тогда можем быть на небе (2).

* * *

Если здесь, где болезни, огорчения, преждевременные смерти, клевета, зависть, уныние, гнев, порочные похоти, бесчисленные козни, повседневные заботы, частые и непрерывные бедствия приносят со всех сторон множество скорбей, если здесь, по словам Павла, можно всегда радоваться тому, кто хотя немного освобождается от тревожностей житейских дел и хорошо устроит жизнь свою, то тем более можно достигнуть этого блага по отшествии туда, где нет ничего такого: ни болезней, ни страстей, ни повода к грехам, где нет слов *мое* и *твое* — этих холодных слов, которые вносят в нашу жизнь все бедствия и производят бесчисленные войны... А что там есть и город, и Церковь, и торжество, об этом послушай Павла, который говорит: *вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живого, к*

небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев (Евр. 12, 22–23). Торжеством он называет все тамошнее не только по множеству вышних сил, но и по обилию благ и непрестанной радости и веселью. Торжество обыкновенно составляет не иное что, как многочисленность собравшихся и обилие предлагаемых вещей, когда привозят и пшеницу, и ячмень, и всякого рода плоды, и стада овец, и табуны волов, и одежды, и другое подобное, и одни продают, а другие покупают. Что же из этих вещей, спросят, есть на небесах? Из этих вещей — ничего, но есть нечто гораздо более досточтимое. Не пшеница, ячмень и другие произведения, но повсюду там в великом изобилии всякие плоды Духа — любовь, радость, веселье, мир, благость и кротость, на небесах можно видеть не стада овец и табуны волов, но души совершенных праведников, душевные добродетели и нравственные совершенства, не одежды и платья, но венцы драгоценнейшие всякого золота, награды, воздаяния и бесчисленные блага, уготованные добродетельным. И сонм собравшихся там гораздо по-

чтеннее и многочисленнее. Он состоит не из городских и сельских жителей, но в одном месте мириады Ангелов, в другом — тысячи Архангелов, здесь сонмы пророков, там лики мучеников, чины апостолов, собрания праведников и различные общества всяких угодников. Поистине это дивное торжество, а что важнее всего, среди этого торжества собравшихся пребывает сам Царь всех их, о чем апостол после слов: *к тьмам Ангелов и торжествующему собору*, сказал так: *и к Судии всех Богу* (Евр. 12, 23). Кто видал когда-нибудь, чтобы царь присутствовал на торжище? Здесь этого никто никогда не видал, а пребывающие там непрестанно, сколько им возможно, видят Его самого присутствующим и украшающим светлостью Своей славы всех собравшихся. Здешние торжества часто прекращаются среди дня, а тамошнее не таково: оно не знает ни месячных оборотов, ни годовых круговращений, ни числа дней, но продолжается постоянно, и все блага его не имеют предела, не знают конца, не могут ни состариться, ни увянуть, но суть нестареющие и бессмертные. Нет нам никакого шума, как здесь, никакого смя-

тения, но совершенный порядок оттого, что все с надлежащим благочинием и стройно, как бы на какой кифаре, воспевают Владыке тех и других тварей согласную и приятнейшую всякой музыки песнь, а душа их там, как бы в каких таинственных святилищах и при божественных таинствах, совершает божественное священнодействие (2).

РАСТОЧИТЕЛЬНОСТЬ

Расточительный не есть человек великодушный. Почему? Потому что кто предан тысяче страстей, тот может ли быть велик душою? Он таков не оттого, что презирает деньги, но оттого, что покоряется другим страстям, подобно как человек, принужденный разбойниками повиноваться им, не может быть свободным. Не от презрения к деньгам происходит расточительность, но от неумения распоряжаться ими. Ибо если бы можно было и удержать их, и предаваться удовольствиям, то он, конечно, сделал бы это (1).

РЕВНОСТЬ

Если кто-то по природе ревнив или предался этой страсти

по какому-нибудь несправедливому предлогу, то, скажи мне, что может быть злосчастнее такой души? Сравнивая войну и бурю с такой семьей, ты можешь найти здесь верное пособие: все полно печали, подозрения, несогласия и смятения. Одержимый этим неистовством несколько не лучше бесноватых или больных сумасшествием: так часто он бросается, отступает и раздражается на всех, и беспрерывно вымещает свой гнев на людях, просто присутствующих и ни в чем неповинных, будет ли то раб, или сын, или кто другой. Всякое удовольствие исчезает и все наполняется унынием, скорбью и неудовольствием; остается ли он дома, идет ли на площадь, отправляется ли путешествовать, повсюду это горе сопровождает его, возбуждая и раздражая его душу хуже всякого рожна* и не давая покоя; ибо эта болезнь обыкновенно производит не только уныние, но и невыносимое раздражение. Каждое из них уже само по себе достаточно для погубления одержимого им, если же они вместе нападут на него, удручая его

* Рожон — кол, острый шест. (Примеч. ред.)

постоянно и не давая отдыха даже на короткое время, то скольких смертей это тяжелее? Назовет ли кто крайнюю бедность, неизлечимую болезнь, огонь, железо, он не укажет ничего равного этому. Только те, которые сами испытали, хорошо знают это, а никакими словами невозможно выразить чрезмерность этого горя. Когда кто-то вынуждается постоянно подозревать ту, которую любит больше всего и за которую с удовольствием готов отдать душу свою, то какое утешение может облегчить его? Нужно ли ему идти ко сну, или взяться за пищу и питье, — стол покажется ему наполненным больше ядовитыми веществами, нежели яствами; на постели же он не будет иметь покоя ни на малое время, но будет беспокоиться и вертеться, как бы на горячих углях. Ни общество друзей, ни забота о делах, ни страх опасностей, ни избыток удовольствий, ни что-либо другое не может отвлечь его от этой бури; но сильнее всех радостей и печалей эта буря овладевает его душой. Имея в виду это, Соломон говорит: *лута, как преисподняя ревность* (Песн. 8, 6); и еще: *ревность — ярость мужа, и не пощадит он в день мщениа,*

и не примет никакого выкупа и не удовольствуется, сколько бы ты ни умножал даров (Притч. 6, 34–35). Неистовство этой болезни таково, что скорбь от нее не проходит даже после отмщения причинившему ее. Часто многие, уничтожив прелюбодея, не в силах были уничтожить своего гнева и уныния, а есть и такие, которые, убив своих жен, продолжали гореть в этом огне так же или даже более. В таких бедствиях проводит жизнь муж, когда даже нет верного повода, а жалкая и несчастная жена мучится больше мужа. Когда она видит, что тот, кто должен быть утешением среди всех скорбей и от кого надлежало ожидать покровительства, относится к ней зверски и враждебнее всех, то куда она может обратиться, к кому прибегнуть, где найти избавление от зол, когда гавань для нее закрыта и полна тысячью утесов?... Душа, раз уже зараженная этой злой болезнью, легко верит всему и, равно открывая свой слух для всех, не может отличить клеветников от неклеветников, и даже ей кажутся более достоверными слова тех, которые увеличивают подозрение, нежели тех, которые стараются уничтожить его...

Пусть будет, если угодно, среди этих зол несчетное богатство, роскошный стол, толпы рабов, знатность происхождения, величие власти, большая слава, знаменитость предков, — вообще не опусти ничего из того, что по видимости делает настоящую жизнь завидной. Но тщательно собрав все, противопоставь этой печали, — и ты даже не увидишь проявления какого-либо удовольствия от всего этого, но оно исчезнет. Как обыкновенно угасает малая искра, попав в огромное море. Так бывает когда ревнует муж. Если же эта страсть овладеет женой (что бывает нередко), то ему будет легче, нежели жене, а на эту несчастную падет еще больше горя, потому что она не может пользоваться тем же оружием против подозреваемого (2).

* * *

Если муж имеет в душе только подозрительную мысль касательно ее [жены], и тогда для него вся жизнь становится не в жизнь. Страсть ревности составляет для него огонь и пламень неукротимый, выражая мучительную и непреодолимую силу которого, некто сказал: *потому*

что ревность — ярость мужа, и не пощадит он в день мщенья, не примет никакого выкупа и не удовольствуется, сколько бы ты ни умножал даров (Притч. 6, 34–35). И еще в другом месте: *люта, как преисподняя, ревность* (Песн. 8, 6). Как невозможно, говорит он, склонить ад деньгами, так и ревнивого успокоить и примирить. Многие часто отдали бы душу свою, чтобы найти прелюбодея, и охотно стали бы пить кровь человека, оскорбившего жену, и решились бы сделать и потерпеть все для этого (5).

РОДИТЕЛИ

Власть родителей над детьми имеет свое начало от самой природы. Такая честь им есть награда за болезни рождения. Поэтому и премудрый говорит: *как владыкам, послужи родившим тебя* (Сир. 3, 7); затем приводит и причину: *что можешь ты воздать им, как они тебе* (Сир. 7, 30)? Между тем что же есть такое, чего бы сын не мог воздать отцу? Значит, смысл слов такой: ты не можешь родить их, как они родили тебя. Итак, если мы в этом уступаем родителям, то возвысимся другим — уважением к

ним, не только по закону природы, но преимущественно перед природой, по страху Божию. Бог сильно желает, чтобы родители были почитаемы детьми и делающих это награждает великими благами и дарами, а преступающих этот закон наказывает великими и тяжкими несчастьями. *Кто злословит отца своего, или свою мать, того должно предать смерти* (Исх. 21, 17). А почитающим их вот что Бог говорит: *почитай отца твоего и мать твою, (чтобы тебе было хорошо и) чтобы продлились дни твои на земле* (Исх. 20, 12). Что считается величайшим благом, — счастливая старость и долгая жизнь, — то Бог назначил в награду почитающим родителей, а то, что кажется крайним несчастьем, — ранняя смерть, — то Он назначил в наказание оскорбляющим их. Таким образом, одних привлекает Он к уважению (родителей) обещанием чести, а других и против воли отводит от оскорбления страхом наказания. Ибо повелевается не просто, чтобы оскорбивший отца умирал или чтобы палачи, взяв его из судилища... отсекали ему голову, нет, сам отец вел его на середину города и признавал достой-

ным кары, без всякого доказательства, что весьма справедливо. Кто готов был употребить для сына и деньги, и жизнь, и все, что ни есть, тот никогда не сделался бы обвинителем его, если бы оскорбление не было крайне велико. Итак, отец ведет его на середину города, потом созывает весь народ и произносит обвинение. Все слышащие, взяв каждый по камню, бросают в того, кто оскорбил отца. Законодатель хочет, чтобы они были не только зрителями, но и участниками, чтобы каждый, посмотрев на правую руку свою, которой и он бросил камень в голову непочтительного сына, получил от этого достаточное вразумление к исправлению. Законодатель внушает нам здесь еще и другое: оскорбляющий родителей оскорбляет не только их, но и всех людей. Поэтому Он и приглашает всех к участию в наказании, как будто все были оскорблены... чтобы и те, у кого нет ничего общего с оскорбленными, негодовали на оскорбляющего родителей, так как оскорбление наносится общей (человеческой) природе, и такого человека, как язву каковую и общую болезнь, выгоняли бы не только из города, но и

со света. В самом деле, такой человек — общий неприятель и враг всех: и Бога, и природы, и законов, и всеобщей нашей жизни (1).

* * *

Немалая награда ожидает нас за почтение к родителям, нам заповедано чтить их, как владык (Сир. 3, 7), угождать им и словом, и делом, если это не будет во вред благочестию. *Что можешь ты*, говорится в Писании, *воздать им, как они тебе* (Сир. 7, 30) (2)?

РОСКОШЬ

Не будем, возлюбленные, предаваться сну: невозможно, совершенно невозможно беспечным сподобиться Царствия Небесного, равно и преданным роскоши и невоздержанию. Скорее, изнуряя и измождая свое тело и перенося бесчисленные труды, мы можем получить небесные блага (1).

* * *

Ничто так не любезно демону, как роскошь и пьянство — истощники и мать всех зол. Этим-

то дьявол ввергнул некогда израильтян в идолопоклонство, этим-то возжег содомлян на беззаконные похоти! Ибо говорит Писание: *вот в чем было беззаконие Содомы... в гордости, пресыщении и праздности* (Иез. 16, 49). Это же самое и многих других погубило и предало геенне, ибо какого зла не производит роскошь? Она делает людей свиньями и хуже свиней. Свинья валяется в грязи и питается калом, а сластолюбивый человек приготовляет себе стол отвратительнейший, придумывая непозволенные связи и беззаконную любовь. Такой нимало не отличается от бесноватого, он так же бесстыдствует и неистовствует. О бесноватом мы по крайней мере жалеем, а этого отвращаемся и ненавидим. Почему? Потому что он произвольно неистовствует и обращает и рот свой, и глаза, и ноздри, и все вообще в проводники смрада и нечистоты. Если же заглянуть внутрь такого человека, то увидим, что душа в нем застыла и оцепенела как бы среди зимы и мороза, и уже не может подать никакой помощи ладье по причине чрезмерной непогоды. Стыдно мне говорить, как много страдают от сластолюбия и

мужчины и женщины. Это я ставлю на их совесть, которая точнее знает все (1).

* * *

Христос назвал роскошь тернием. Она уязвляет более, нежели терние, и изнуряет душу сильнее, нежели забота, и причиняет самые мучительные болезни как телу, так и душе. Не столько мучит забота, сколько пресыщение. Если бессонница, боль в висках, тяжесть в голове и болезни в желудке мучат пресыщенного, то представь, скольких терний это страшнее! Как терние, с какой бы стороны ни брали его, кровавит руки, так и роскошь вносит язву и в ноги, и в руки, и в голову, и в глаза, и вообще во все члены, она безжизненна и бесплодна, как терние... Она преждевременно приближает к старости, притупляет чувства, омрачает мысль, ослепляет проницательный ум... причиняет множество болезней и возлагает большую тяжесть и несносное бремя. Для чего же, скажи мне, утучняешь тело? Неужели мы принесем тебя в жертву или предложим на трапезу? Хорошо откармливать птиц, или лучше

сказать, и их нехорошо: когда утучнеют, употребление их в пищу уже не бывает для нас здоровым. Так велико зло — пресыщение, что оно вредно и бессловесным (1).

* * *

Можно было бы еще показать на неприятность, и вред, и срам в тех болезнях, которые происходят [от роскоши] в душе гораздо более и хуже, чем в теле. Она делает людей изнеженными, женоподобными, дерзкими, тщеславными, невоздержными, надменными, бесстыдными, раздражительными, жестокими, подлыми, корыстолюбивыми, низкими, и вообще не способными ни к чему полезному и необходимому; умеренность же производит все противоположное этому... Кто живет умеренно, тот не боится никакой перемены, а кто роскошествует в этой невоздержной и рассеянной жизни, тот, если ему придется по какому-нибудь несчастью или принуждению подвергнуться бедности, скорее умрет, нежели вынесет такую перемену, как не приготовленный и не привыкший к этому (2).

* * *

Неужели, скажут, нет ни одного такого, который бы и здесь и там наслаждался спокойствием? Трудно это, человек, и даже невозможно. Невозможно, поистине невозможно тому, кто живет здесь в нерадении и беспечности, постоянно наслаждается всем и проводит жизнь тщетно и напрасно, удостоиться чести там. Если его не мучит бедность, то мучит похоть, и он предается ей, а в этом — немалый труд. Если не беспокоит болезнь, то разжигает гнев, а победа над гневом сопряжена с немалым огорчением. Если не нападают искушения, то непрестанно возникают лукавые помыслы. Нелегко обуздать порочную похоть, укротить тщеславие, смирить гордость, отстать от веселья, вести строгую жизнь, а кто этого и тому подобного не делает, тому невозможно спастись. А что живущие в веселье не спасутся, послушай, что говорит Павел о вдовице: *сластолюбивая заживо умерла* (1 Тим. 5, 6). Если же это сказано о жене, то тем более о муже. И что ведущему роскошную жизнь невозможно достигнуть небес, это объяснил и Хри-

стос, сказав так: *тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их* (Мф. 7, 14) (3).

РОСТОВЩИЧЕСТВО

Что может быть жесточе того, когда кто-нибудь извлекает для себя выгоду из бедности ближнего и пользуется несчастьями братьев, когда кто-нибудь, показывая вид человеколюбия, оказывает всякое бесчеловечье и, с виду простирая руку, ввергает в пропасть нуждающегося в помощи? Что делаешь ты, человек? Не для того пришел к твоим дверям бедный, чтобы ты увеличил его бедность, но чтобы ты избавил его от бедности, а ты делаешь то же, что делают примешивающие яд в лекарство. Как те, примешивая яд к обыкновенной пище, делают незаметным свой умысел, так и эти, под видом человеколюбия скрывая гибельное лихоимство, не дают заметить вред имеющим пить это смертоносное лекарство. Поэтому благовременно приложить сказанное о некотором грехе и к тем, которые отдают в рост и берут взаймы. Что же сказано об этом грехе? *Последствия*

от нее горьки, как полынь, остры, как меч обоюдоострый (Притч. 5, 3–4). То же бывает и с теми, которые берут займы. Когда нуждающийся принимает деньги, то получает некоторое малое и временное утешение, но после, когда прираще-

ние увеличится и бремя делается выше сил, то эта приятность, услаждавшая гортань, делается горче желчи и острее меча обоюдоострого, когда он вынужден будет вдруг лишиться всего отцовского достояния (6).

СВОБОДА ВОЛИ

Как же он [Иуда] сделался предателем, спросишь ты, когда призван Христом? Бог, призывая к Себе людей, не налагает необходимости и не делает насилия воле тех, которые не желают избрать добродетели, но увещевает, подает советы, все делает, всячески старается, чтобы побудить их сделаться добрыми, если же некоторые не желают быть добрыми, Он не принуждает (1).

* * *

Пусть никто не обвиняет Бога за то, что не все обращаются к Нему. Ибо не от Призывающего происходит неверие, а от неповинующихся. Но, скажешь, можно было бы привести и не желающих. Нет, Бог не делает насилия или принуждения. И кто, призывая к почестям, венцам, пиршествам и торжествам, станет влечь кого-нибудь против воли и связанного? Никто,

потому что это свойственно принуждающему. В геенну Он посылает против воли, а в Царствие призывает добровольно; в огонь ведет связанных и плачущих, а к бесчисленным благам не так. Ибо сами блага не были бы вожделенны, если бы они по свойству своему не были таковы, чтобы к ним стремились добровольно и по сознанию великого их достоинства. Почему же скажешь, не все стремятся к ним? По своей немощи (1).

* * *

Как неизлечимые раны не поддаются ни острым, ни смягчающим лекарствам, так и душа, раз сделавшись пленницей и предавшись какому-нибудь греху, если не хочет сама подумать о собственной пользе, не исправляется, сколько бы кто ни внушал ей. Она, как будто бы совсем не имея слуха, не получает от увещания никакой пользы не потому, что не может, но потому, что не хочет. Впрочем, с волей (человека)

не то, что бывает с телесными ранами. В телесной природе недуги часто бывают неизлечимы, но с волей не так: напротив, нередко и злой человек, если захочет, может перемениться и сделаться добрым, и добрый, если не будет бдителен, может развратиться. Господь всяческих, создав нашу природу свободной, хоть со Своей стороны делает все и, следуя Своему человеколюбию и зная тайны, сокрытые в глубине души, увещевает, советует и предостерегает от злого дела, но не принуждает, а предложив соответствующие врачевства, предоставляет все на волю больного (8).

* * *

Как, предавшись беспечности, мы терпим вред и от самых маловажных вещей, так если захотим быть бдительными, то хоть тысячи людей влекли бы нас к нечестию, ничто не может ослабить нашей ревности. Итак, никто не обвиняй другого и не складывай вины на других, но все приписывай своему нерадению. И что говорю на других? Никто не думай и о диаволе, будто он так силен, что может заградить путь, ведущий к добродете-

ли. Он прельщает и соблазняет нерадивых, но не препятствует и не принуждает. Это показывает опыт: когда мы решаемся быть бдительными, то выказываем такую твердость, что хотя бы многие склоняли нас на путь нечестия, мы не следуем их внушению, но бываем крепче адманта и затыкаем уши от советующих злое. А когда мы нерадивы, то хотя бы и никто не советовал и не соблазнял, мы сами собой стремимся к нечестию. Если бы это было не в нашей воле и не во власти нашей души, если бы Господь создал нашу природу не свободной, то всем людям, как имеющим одинаковую природу и одинаковые страсти, надлежало бы быть или злыми, или добродетельными. А когда мы видим, что имеющие одну с нами природу и обуреваемые такими же страстями испытывают, однако, не одно и то же, но твердым умом направляют свою природу, преодолевают беспорядочные движения, обуздывают вожеления, побеждают гнев, избегают зависти, истребляют ненависть, презирают страсть к богатству, меньше заботятся о (земной) славе, не дорожат благополучием настоящей жизни, но твердо стремятся к истинной

славе и похвалу от Бога предпочитают всему видимому, то не ясно ли, что они своими усилиями могут совершать это при помощи высшей благодати, что мы по своей беспечности губим свое спасение, сами себя лишая небесного благоволения (8)?

СВОЙСТВА БОЖИИ

Я знаю, что Бог существует везде, и то знаю, что Он везде существует всецело, но каким образом, этого не знаю. Знаю, что Он безначален, нерожден, вечен, но как, этого не знаю, потому что ум не может постигнуть, как может быть существо, не имеющее начала бытия своего ни от себя самого, ни от другого. Я знаю, что Он родил Сына, но как, этого не разумею, знаю, что Дух из Него, но как из Него, этого не постигаю, я вкушаю яства, но как они обращаются в мокроту, в кровь, в соки, в желчь, не знаю. Того, что мы каждый день видим и вкушаем, мы не разумеем, как же мы хотим исследовать существо Божие (2)?

действие. Вспомни о Петре, тень которого обнаруживала чудодейственную силу. Если бы они не носили в себе образа Небесного Царя, то и не издавали бы из себя некоего неестественного света, и одежды их не обнаруживали бы такой силы. Ибо и одежда царя страшна для злодеев. Хочешь ли видеть, как тот же образ отражался и на теле их? Воззревшие на Стефана, говорит книга Деяний, *видели лице его, как лице Ангела* (Деян. 6, 15). Но это еще ничего не значило в сравнении со славой, внутри его сияющей. Что Моисей имел на лице своем, то же самое и еще большее они носили в душе своей. Ибо слава Моисеева была чувственная, а эта невещественная. И как тела, имеющие способность принимать и отражать свет, освещаясь телами самосветящимися, и сами отражающийся в них свет разливают на другие ближайшие к ним тела, то же бывает и с верными. И когда они достигают этого, оставляют уже все земное и живут одним небесным (1).

СВЯТОСТЬ

* * *

Помысли только о Павле, и одежда которого имела чудное

Сказано блаженным Павлом: *старайтесь иметь мир со всеми*

и святость, без которой никто не увидит Господа (Евр. 12, 14). Видишь, как апостол соединяет мир со святостью? Чтобы разумели мы, что он требует не только чистоты тела, но и мира, он благовременно упомянул о том и другом, желая утвердить в нас то и другое, чтобы мы и помыслы свои удерживали, не допуская в себе никакого возмущения или смятения, а проводили жизнь спокойную и безмятежную, и чтобы со всеми другими обращались мирно, были тихи, кротки и снисходительны, так, чтобы все черты добродетели отражались на нашем лице (1).

СВЯТЫЕ

Участвуйте со мною в любви, и будем любить святого (Павла) с великой силой. Если эта любовь войдет в вашу душу и возожжет блестящий пламень, то, хотя бы она нашла в наших мыслях что-нибудь тернистое, или каменистое, сухое и бесчувственное, она одно уничтожит, а другое размягчит и сделает нашу душу некоторой широкой и тучной пашней, способной к принятию божественных семян. Не говорите мне, что Павла теперь нет, что он невидим

для наших глаз. И как можно любить того, кто невидим? Для этой любви нет никаких препятствий. Можно любить и отошедшего и незримого приветствовать, особенно когда каждый день мы видим столько и таких памятников его добродетели, — устроенные по всей земле церкви, ниспровержение нечестия, перемену порочной жизни на лучшую, уничтожение заблуждения, разрушенные жертвенники, замкнутые капища, безмолвие демонов (6).

* * *

Таков обычай святых: если они сделают что-нибудь худое, то торжественно это показывают, каждый день стонут и делают открытым для всех; если же что-нибудь благородное и великое, — то скрывают это и предают забвению (6).

СВЯЩЕНСТВО

Будем со всей почтительностью обращаться с теми, кому вверена власть действовать благодатными дарами. Подлинно велико достоинство священников! *Кому, сказано, простите грехи, тому простятся* (Ин. 20, 23). По-

тому-то и Павел говорит: *повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны* (Евр. 13, 17), и: *почитайте их преимущественно с любовью* (1 Фес. 5, 13). В самом деле, ты заботишься только о своих делах, и, если их устроишь хорошо, — не будешь отвечать за других людей. А священник хотя бы и хорошо устроил свою собственную жизнь, но если не будет с должным усердием заботиться о жизни твоей и всех других, вверенных его попечению, то вместе с порочными пойдет в геенну, и часто, невинный по своим делам, он погибает за ваши беззакония, если не исполняет надлежащим образом всего, что до него касается. Итак, зная, какая великая угрожает священникам опасность, оказывайте им великую любовь. На это указал и Павел, когда сказал: *ибо они неуспяно пекутся о душах ваших*, и не просто, но *как обязанные дать отчет* (Евр. 13, 17). Поэтому им надо оказывать великое уважение. Если же и вы вместе с другими станете оскорблять их, то и ваши дела не будут благоуспешны. Пока кормчий благоустраивает, до тех пор и плывущие на корабле безопасны, а коль скоро он от оскорблений и

враждебных действий со стороны спутников находится в гóре, то уже не может ни быть бдительным по-прежнему, ни действовать с обыкновенным своим искусством и нехотя подвергает их бесчисленным бедствиям. Так и священники, если будут пользоваться у вас надлежащей честью, в состоянии будут устроить и ваши дела как следует, а если вы будете опечаливать их, то ослабите их руки и сделаете то, что они вместе с вами легко будут увлечены волнами, хотя бы они были и весьма мужественны... Не видите ли, как все подчиняются властям мирским? Хотя подчиненные часто превосходят начальствующих и знатностью рода, и жизнью, и мудростью, однако же, из уважения к тому, кто их поставил, они не думают ни о чем этом, не чтут определение царя, каков бы ни был тот, кто получил над ними начальство. Таков-то у нас страх, когда поставляет начальника человек! Но когда рукополагает Бог — мы и презираем рукоположенного, и оскорбляем его, и преследуем бесчисленными поношениями, и, тогда как нам запрещено судить и своих братьев, изощраем язык на священников! И какое найдем

мы себе оправдание, когда в своем глазе не видим бревна, а у другого со злобным старанием замечаем и сучок? Неужели не знаешь, что, когда судишь таким образом других, приготовляешь и себе самому тягчайшее осуждение? Говорю это не потому, чтобы я одобрял недостойно проходящих служение священства, нет, — я крайне жалею о них и плачу, — тем не менее, утверждаю, что и в этом случае подчиненные, и особенно люди самые простые, не имеют права судить их. Пусть жизнь священника будет самая порочная, но если ты внимателен к самому себе, то не потерпишь никакого вреда в том, что ему вверено от Бога. Если Господь заставил говорить ослицу и через волхва даровал духовные благословения, если, таким образом, и через бессловесные уста ослицы, и через нечистый язык Валаама Он действовал для неблагодарных иудеев, то тем более для вас, если вы будете признательны, Он сделает со своей стороны все, что нужно, и ниспошлет Духа Святого, — хотя бы и крайне порочны были священники. Ведь и чистый священник не своей собственной чистотой привлекает Духа Святого, но

все совершает благодать... Все, что вверено священнику, есть единственно Божий дар, и сколько бы ни преуспевало человеческое любомудрие, оно всегда будет ниже той благодати. Говорю это не для того, чтобы мы беспечно располагали своей жизнью, но для того, чтобы вы, подчиненные, видя нерадение кого-либо из предстоятелей, не преумножали по этому поводу для самих себя зла. Но что я говорю о священниках? Ни Ангел, ни Архангел не может оказать никакого действия на то, что даруется от Бога, здесь все устрояет Отец и Сын и Святой Дух, а священник только ссужает свой язык и простирает свою руку. Да и несправедливо было бы, если бы по причине порочности другого лица терпели вред те, которые с верой приступают к символам нашего спасения (1).

* * *

Подвизающийся сам по себе приносит пользу одному себе, а польза от пастырской деятельности простирается на весь народ. Раздающий деньги нуждающимся или каким-либо образом помогающий притесняемым приносит некоторую пользу ближним,

но настолько меньше священника, насколько тело ниже души. Поэтому справедливо Господь сказал, что попечение о Его стаде есть знак любви к Нему самому (2).

* * *

Священнослужение совершается на земле, но по чиноположению небесному — и весьма справедливо, потому что ни человек, ни Ангел, ни Архангел, и ни другая какая-либо сотворенная сила, но сам Утешитель учредил это чинопоследование и людей, еще облеченных плотью, сделал представителями ангельского служения. Поэтому священнодействующему нужно быть столь чистым, как бы он стоял на самых Небесах посреди тамошних Сил. Страшны и величественны были принадлежности [богослужения] и прежде благодати, как-то: звонки, яблоки, драгоценные камни на наперснике и нарамнике, митра, кидар, подир, золотая дщица*,

Святое Святых, глубокая тишина внутри (Исх. 38). Но если кто рассмотрит свойства служения благодатного, то найдет, что те страшные и величественные принадлежности незначительны [в сравнении с последними], и здесь признает истинным сказанное о законе: *то прославленное даже не оказывается славным с сей стороны, по причине преимущественной славы последующего* (2 Кор. 3, 10).

Кто размыслит, как важно то, что человек, еще облеченный плотью и кровью, может присутствовать близ блаженного и бессмертного Естества, тот ясно увидит, какой чести удостоила священников благодать Духа. Ими совершаются эти священнодействия и другие, не менее важные для совершенства и спасения нашего. Люди, живущие на земле и еще обращающиеся на ней, поставлены распоряжаться небесным и получили власть, которой не дал Бог ни Ангелам, ни Архангелам, ибо не им сказано: *что вы свяжете на земле, то*

* Перечислены принадлежности одежды ветхозаветных первосвященников: звонки (или звонцы) — колокольчики, которые прикреплялись к одежде; наперсник — нагрудник, часть одежды или украшения на груди; нарамник — наплечник, омофор, верхнее одеяние; митра — широкая лента, облежавшая вокруг головы; кидар — наглавие, чалма или тюрбан; подир — верхняя длинная одежда, которую надевали поверх хитона. (Примеч. ред.)

будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе (Мф. 18, 18). Земные властители имеют власть связывать, но только тело, а эти узы связывают саму душу и проникают в небеса. Что священники совершают на земле, то Бог довершает на небе, и мнение рабов утверждает Владыка. Не значит ли это, что Он дал им всю небесную власть? *Кому, говорит [Господь], простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся* (Ин. 20, 23). Какая власть может быть больше этой? *Отец весь суд отдал Сыну* (Ин. 5, 22); а я вижу, что Сын весь этот суд вручил священникам. Они возведены на такую степень власти, как бы уже переселились на небеса, превзошли человеческую природу и освободились от наших страстей. Если бы царь предоставил кому-нибудь из своих подданных власть заключать в темницу и опять освобождать, кого он захочет, такой подданный у всех был бы славен и знаменит, а о том, кто получает от Бога власть настолько превосходящую этой, насколько небо превосходнее земли и души тел, некоторые думают, что он получает маловажную честь, и

будто бы возможно представить, что кто-нибудь из получивших этот дар будет не уважать его. Отвергнем такое безумие! Действительно, безумно не уважать такую власть, без которой нам невозможно получить спасения и обетованных благ. Если никто не может войти в Царствие Небесное, *если кто не родится от воды и Духа* (Ин. 3, 5), и *ядущий плоти Господа и не пьющий крови Его* лишается вечной жизни (см.: Ин. 6, 53), а все это совершается не кем иным, как только этими священными руками, т.е. руками священника, то как без посредства их можно будет кому-нибудь избежать гееннского огня или получить уготованные венцы.

Священники для нас суть те мужи, которым вручено рождение духовное и возрождение крещением, через них мы облекаемся во Христа и погребаемся вместе с Сыном Божиим и делаемся членами этой блаженной Главы. Поэтому справедливо мы должны не только страшиться их более властителей и царей, но и почитать более отцов своих: эти родили нас *от крови и от хотения плоти* (Ин. 1, 13), а те суть виновники нашего рождения от Бога, блаженного паки-

бытия*, истинной свободы и благодатного усыновления. Священники иудейские имели власть очищать тело от проказы, или лучше, не очищать, а только свидетельствовать очищенных (см.: Лев. 14); и ты знаешь, как очевидно было тогда достоинство священническое. А наши [священники] получили власть не свидетельствовать только очищение, но совершенно очищать, — не проказу телесную, но нечистоту душевную. Поэтому не уважающие их гораздо преступнее Дафана и его сообщников и достойны большего наказания, потому что эти домогались не принадлежащей им власти (см.: Чис. 16), однако имели высокое мнение о ней и доказали это тем самым, что домогались ее с великим усилием; а теперь, когда священство украсилось гораздо более и возвысилось до такой степени, не уважать его — значит отваживаться на гораздо большую дерзость, ибо не одно и то же: домогаться не принадлежащей себе чести и презирать такие блага. Последнее настолько тяжелее первого, насколько различны между собой презре-

ние и уважение. Есть ли такая несчастная душа, которая презирала бы столь великие блага? Я не могу представить ни одного такого человека, разве кто пришел в демонское неистовство. Впрочем, возвращусь опять к тому, о чем шла речь. Бог дал священникам больше силы, нежели плотским родителям, не только для наказания, но и для благодеяний; те и другие настолько различаются между собой, насколько жизнь настоящая от будущей. Одни рожают для настоящей жизни, другие для будущей, те не могут избавить детей своих от телесной смерти и даже защитить от вторгшейся болезни, а эти часто спасали страждущую и готовую погибнуть душу, то употребляя кроткое наказание, то удерживая от падения при самом начале не только учением и внушением, но и помощью молитв. Они не только возрождают нас [крещением], но имеют власть разрешать и от последующих грехов: *Болен ли кто из вас, говорится [в Писании], пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если*

* Пакибытие — воскресение, загробная жизнь. (Примеч. ред.)

он соделал грехи, простятся ему (Иак. 5, 14–15). Кроме того, плотские родители не могут оказать никакой помощи детям, когда они оскорбят кого-нибудь из знатных и сильных людей, а священники часто примиряли верующих не с вельможами и царями, но с самим Богом, разгневанным ими (2).

* * *

Священником поставлен не Ангел, но человек, рожденный от человека, дабы от безгрешного не были истребляемы грешники. Если бы священником был безгрешный Ангел, то он немедленно наказывал бы согрешающих, потому и поставлен человек, дабы он был снисходителен к подобострастному, от собственных страстей получая напоминание о соучастниках своей природы... Бог попускал и великим мужам, которым вверял множество народа, впадать в грех и даровал им прощение, чтобы они, после того вразумившись этим, сами были более человеколюбивыми (5).

* * *

Священникам, о которых говорим худо, мы несколько не

повредим не только тогда, когда говорим ложь, но когда и правду, — так и фарисей несколько не повредил мытарю, но еще принес ему пользу, хотя говорил об нем правду, а самих себя мы подвергнем крайним бедам, — так и фарисей вонзил меч в себя самого и отошел, получив смертельную рану (6).

* * *

Некогда, при возвращении кивота, когда некоторые из подчиненных, увидев его наклонившимся и готовым упасть, поправили его, то подверглись наказанию на том же самом месте, будучи поражены Господом, и упали мертвыми. Между тем они не сделали ничего худого, они не наклонили кивота, а поправили, когда он наклонился и готов был упасть. Но чтобы ты вполне убедился в достоинстве священников и в том, как непозволительно человеку подвластному и принадлежащему к числу мирян исправлять такие дела, Бог умертвил их среди множества народа, с великой силой устрашая всех прочих и внушая никогда не приближаться к недоступным предметам священства. В самом деле, если

бы каждый под предлогом исправления худо сделанного стал присвоять себе достоинство священства, то никогда не было бы недостатка в предложениях к исправлению и все перемешались бы между собой так, что мы не различили бы ни начальника, ни подчиненного. Никто пусть не думает, будто я говорю это в осуждение священников (по благодати Божией, как и вы знаете, они показывают великую честность во всем и никогда никому не подавали никакого повода к их осуждению), но говорю для того, чтобы вы знали, что если бы даже вы имели дурных отцов и тягостных учителей, и тогда не безопасно и не безвредно было бы для вас хулить их и злословить. Если о родителях телесных один мудрый говорит: *хотя бы он и оскудел разумом, имей снисхождение* (Сир. 3, 13), — так как что ты воздашь им за то, что они дали тебе? — то тем более должно соблюдать этот закон в отношении к отцам духовным, и каждому должно осматривать и разбирать свою собственную жизнь, чтобы нам не услышать в тот день: *лицемер, что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь*

(Мф. 7, 3)? Так, лицемерам свойственно перед народом и в глазах всех целовать руки священников, касаться колен их, просить помолиться за них и, имея нужду в крещении, прибегать к дверям их, а дома и на площадях этих виновников и служителей таких благ для нас осыпать бесчисленными злословиями или сочувствовать другим злословящим. Если отец действительно не хорош, то почему ты считаешь его достойным веры служителем страшных Таинств? Если же он кажется тебе достойным веры служителем Таинств, то для чего ты допускаешь, чтобы другие злословили его, не заграждаешь их уста, не выражаешь своего неудовольствия, не приходишь в негодование, чтобы получить великую награду от Бога и похвалу от самих хулителей? Ведь они, хотя бы были тысячекратно дерзкими, конечно будут хвалить и одобрять тебя за твою заботливость об отцах, напротив, если мы не будем делать этого, все станут осуждать нас, даже и сами хулители (6).

СЕТИ ДИАВОЛЬСКИЕ

Премудрый, увещевая, сказал: *знай, что ты посреди сетей*

идешь и по зубцам городских стен проходишь (Сир. 9, 18)...

Сеть прикрыта: это ведь сеть, когда смерть не является открыто и гибель не явна, но сокрыта со всех сторон... Нужна тебе великая осмотрительность и тщательная осторожность, ибо как дети прикрывают сеть землей, так и диавол — грехи житейскими удовольствиями. Но познавай и тщательно исследуй: если представится прибыль, не смотри только на прибыль, но исследуй тщательно, не скрывается ли грех и смерть в этой прибыли, и если увидишь это, беги прочь. Когда представится наслаждение и удовольствие, не смотри только на удовольствие, но тщательно разведай, не скрылось ли в глубине удовольствия какое беззаконие, и если найдешь, удались. Советует ли кто, льстит ли, услуживает ли, обещает ли почести или что-нибудь другое, все будем исследовать тщательно и осматривать со всех сторон, нет ли нам какого вреда, нет ли какой опасности от совета или почести или услуги, не будем увлекаться скоро и необдуманно. Если бы была только одна или две сети, легко было бы остерегаться, но... говорит премудрый: *посреди сетей*

идешь. Не сказал: подле сетей ходишь, но — *посреди сетей*. С обеих сторон у нас пропасти, с обеих сторон козни. Пришел иной на площадь, увидел врага и — воспламенился от одного этого взгляда, увидел друга, пользующегося уважением, и — позавидовал, увидел бедного и — презрел, возгнушался, увидел богатого и — позавидовал... увидел красивую женщину и — пленился. Видишь, сколько сетей: дома — сети, за столом — сети, в собраниях — сети. Нередко иной по доверчивости скажет необдуманно между друзьями какое-нибудь слово, которое произносить не следовало бы, и причинит такую беду, что разрушит целый дом.

Итак, будем рассматривать вещи внимательно со всех сторон. Часто и жена бывает сетью для невнимательных, часто — дети, часто — друзья, часто — соседи. Для чего же, скажете, столько сетей? Для того, чтобы мы не стремились долу, но искали горнего*. И птиц уловить нелегко, пока они летают высоко в воздухе (1).

* Стремиться долу — стремиться к благам земным, низшим; искать горнего — искать благ небесных, высших. (Примеч. ред.)

СКВЕРНОСЛОВИЕ

Смех и шуточные слова не кажутся явным грехом, а ведут к явному греху. Часто от смеха рождаются скверные слова, от скверных слов еще более скверные дела. Часто от слов и смеха ругательства и оскорбления, удары и раны, от ран и ударов смертельные поражения и убийства. Итак, если желаешь себе добра, убегай не только скверных слов и скверных дел, не только ударов, ран и убийств, но даже и безвременного смеха, даже и шуточных слов, потому что они бывают корнем последующих зол. Поэтому Павел говорит: *сквернословие и пустословие и смехотворство не приличны вам; никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших* (Еф. 5, 4; 4, 29). Потому что оно хоть само по себе и кажется незначительным, но бывает для нас причиной великих зол... Хочешь быть далеким от скверных слов? Избегай не только скверных слов, но и беспорядочного смеха и всякой похоти (1).

* * *

Уста тех людей, которые говорят срамное, пустословят, изрыгают из своей гортани слова зло-

вонные и непотребные, есть гроб, вместилище мертвых костей и тел.

Наполняй гортань свою, человек, благовонием, а не зловонием, сделай ее царской сокровищницей, а не гробом сатанинским. Если же она уже гроб, то, по крайней мере, закрой ее, чтобы не выходило из нее зловоние. Ты имеешь дурные помыслы? Не выноси их посредством слов, пусть они лежат внизу и скоро заглохнут. Мы, люди, часто питающие в себе много порочных, непристойных и постыдных помыслов, но не будем позволять этим помыслам переходить в слова, чтобы, сдавленные внизу, они ослабели и погибли (1).

СКОРБИ

Из всех недугов, обременяющих человеческую природу, нет ни одной болезни: ни душевной, ни телесной, которая не могла бы получить врачевства из Писания. Так, например, приходит ли кто сюда [в храм] удручаемый печальными обстоятельствами житейскими, от которых он предается унынию. Придя и тотчас услышав слова пророка: *Почему прискорбна ты, душа моя? И почему смущаешь меня?*

Уповай на Бога! Ибо я исповедаюсь Ему (говоря): (Ты) спасение лица моего и Бог мой (Пс. 41, 6), — он получает достаточное утешение и уходит отсюда, совершенно свободный от уныния. Другой скорбит и печалится, будучи обременен крайней бедностью и видя, как другие окружены богатством, пышностью и великолепием, но и он слышит опять слова того же пророка: *Возложи на Господа печаль твою, и Он тебя пропитает* (Пс. 54, 23), — и в другом месте: *не бойся, когда разбогатеет человек, или когда увеличится слава дома его, — ибо при смерти, он ничего не возьмет* (Пс. 48, 17–18). Иной унывает, претерпевая от других оскорбления и клеветы, и считает жизнь свою невыносимой, потому что не может ниоткуда получить человеческой помощи. Но и этот научается тем же блаженным пророком не прибегать в подобных обстоятельствах к человеческой помощи, ибо слышит слова этого пророка: *они лгали на меня, — а я молился* (Пс. 108, 4). Видишь, где он ищет помощи? Другие, говорит, строят козни, клеветы и наветы, а я прибегаю к несокрушимой стене, к благонадежному якорю, к

безмятежной пристани, — к молитве, посредством которой все трудное для меня делается легким и удобным. Иной опять терпит пренебрежение и презрение от тех, которые прежде угождали ему, оставляется друзьями, и это крайне огорчает и возмущает душу его. Но и он, если захочет прийти сюда, услышит слова того же блаженного: *Друзья мои и ближние мои напротив меня приблизились и встали, а ближайшие мои вдали от меня встали; ищущие души моей теснились, и ищущие мне зла говорили суетное и весь день помышляли о коварстве* (Пс. 37, 12–13). Видишь ли, враги Давида простирали козни свои до самой смерти и объявили ему непрерывную войну; ибо слова *весь день* означают то же, что во всю жизнь. Что же делал Давид, когда они строили такие козни против него? *Я же, — говорит он, — как глухой, не слышал, и, как немой, не открывал уст своих. — И был, как человек, не слышащий и не имеющий во устах своих ответа* (Пс. 37, 14–15). Видишь великую силу любомудрия, как он побеждал врагов противными*

* Противный — здесь: противоположный. (Примеч. ред.)

средствами? Враги строили козни, а он заграждал и слух свой, чтобы вовсе и не слышать; те ни на минуту не переставали изощрять язык и говорить напраслину и лезть, а он молчанием укрощал их неистовство. Почему же он так вел себя? Почему в то время, когда враги столько ухитрялись против него, он поступал так, как будто бы был глух и безгласен, не имел ни слуха, ни языка? Послушай, какую он сам представляет причину такоголюбомудрия своего: *Ибо на Тебя, Господи, я уповал* (Пс. 37, 16). Так как я, говорит, на Тебя возложил всю свою надежду, то насколько не забочусь о том, что делают эти [враги]. Ибо Твоя сила может рассеять все, уничтожить все их козни и хитрости, и не попустить замыслам их прийти в исполнение (1).

* * *

Радоваться в скорбях заповедует апостол: *всегда радуйтесь* (1 Фес. 5, 16). Это сказано об искушениях, которые причиняют скорбь. Послушайте все, кого постигла бедность, все, кого несчастье: такие случаи приносят радость! Именно когда мы имеем такую душу, что никому не

мстим, но всем благодетельствуем, тогда каким образом, скажи мне, может проникнуть в нее жало скорби? Каким образом вообще может быть опечален тот, кто столько радуется в злострадании, что причинившему зло платит благодарениями? Но как это возможно, говорят? — Возможно, если захотим. Апостол показал далее и путь к этому: *непрестанно молитесь. За все благодарите: ибо таково о вас воля Божия* (1 Фес. 5, 17). Всегда благодарить есть свойство души любомудрствующей. Ты потерпел какое-нибудь зло? Но если хочешь, оно вовсе не будет злом. Возблагодари Бога, и зло обратится в добро. Скажи и ты подобно Иову: *да будет имя Господне благословенно* (Иов. 1, 21). Ибо скажи мне, что такое потерпел ты? Тебя постигла болезнь? Но в этом нет ничего необыкновенного; ибо тело наше смертно и подвержено болезням. У тебя случился недостаток в деньгах? Но их можно и приобрести и потерять. И они остаются здесь. Против тебя злоумышляют и клеветают враги? Но виновники этого не нам причиняют обиду, а самим себе. *Душа согрешающая*, сказано, *она умрет* (Иез. 18,20). А согрешил

не тот, кто потерпел зло, но тот, кто причинил зло (1).

* * *

Господь познается тогда, когда творит суд. Великое дело — скорбь. Путь к Небу тесен, скорбь поставляет нас на этом тесном пути, а не терпящий скорби не может идти по нему. Кто предаётся скорби на этом тесном пути, тот получает и утешение, а кто любит широту, тот и не входит в него, или мучится, как бы вбиваемый насильно... Лишился ли ты имущества, — это много убавило широты пути твоего. Лишился ли славы, — она была также широтой. Подвергся ли клевете, верят ли тому, что говорили на тебя, но чего сам ты не сознавал за собой, — радуйся и веселись. *Блаженны вы, сказал Господь, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах* (Мф. 5. 11–12). Чему ты удивляешься, когда постигает тебя скорбь, и для чего желаешь освободиться от искушений?.. Итак, будем благодарить за все: и за утешение, и за скорбь, не станем роптать, не будем неблагодарными (1).

* * *

Где скорбь, там и утешение, а где утешение, там и благодать Божия... Тогда душа и очищается, когда терпит скорби ради Бога. Тогда она получает большую помощь, потому что имеет нужду в большем содействии от Бога и достойнее большей благодати... Скорбь искореняет высокомерие, отсекает всякое нерадение, уготовляет к терпению, обнаруживает ничтожность дел человеческих и в жизнь вводит много любомудрого. Ей уступают все страсти: зависть, ревность, похоть, пристрастие к богатству, плотская любовь, гордость, высокомерие, гнев и весь рой душевных недугов... Если кто рассмотрит настоящие наши дела, увидит, какую пользу приносят скорби. Ныне, наслаждаясь миром, мы ослабели, обленились и наполнили Церковь тысячами зол. Когда же терпели гонения, тогда были целомудреннее, благонравнее, ревностнее и усерднее как к этим собраниям, так и к слушанию [Слова Божия]. Что огонь для золота, то скорбь для души: она стирает с нее скверну, делает ее чистой, светлой и ясной. Скорбь вводит в Царство, а беспечная

жизнь в геенну, потому в Царство тесный, а в геенну пространый путь. Потому и Христос, как бы предлагая нам некое великое благо, сказал: *в мире будете иметь скорбь* (Ин. 16, 33). Итак, если ты ученик Христов, иди путем тесным и скорбным, не ропщи и не унывай (1).

* * *

Скорбь — великое дело, великое для того, чтобы человек стал доблестным и научился добродетели терпения. А что, скажет кто-нибудь, если она своей чрезмерностью поколеблет и одолеет [человека]? *Верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести* (1 Кор. 10, 13). Если наказание бывает от любви, а оставление без наказания от ненависти (см.: Евр. 12, 7-8), то невозможно, чтобы один и тот же вместе и любил и ненавидел одного и того же, наказывал и вместе оставлял его без внимания. Почему же, скажет кто-нибудь, многие пали? Потому что сами отпали от Бога, а не Им были оставлены. *Ибо вот, говорит Писание, удаляющие себя от Тебя погиб-*

нут (Пс. 72, 27). А отдаляются они тем, что не переносят вразумлений Божиих, но гnevаются и негодуют на них... Поэтому нам и заповедано терпеть и *крепить сердце* свое (Пс. 26, 14). Но ты подвергся страданиям гораздо тягчайшим? — Так и воспитатели детей не всем назначают равные и одинаковые упражнения, но слабым слабые, а сильным дают таких же сильных противников, потому что у кого противник окажется слабее его самого, тот не будет иметь надлежащего упражнения, хотя бы стал бороться с ним целый день. Почему же, скажет кто-нибудь, не всем, посвятившим себя одинаковой жизни, Бог определил одинаковый вид упражнений? И люди не все имеют нужду в одном и том же, хотя бы они были в одинаковых обстоятельствах, подобно тому, как многие больные, страдающие одинаковыми болезнями, имеют нужду не в одних и тех же лекарствах, но одни — в одних, другие — в других. Поэтому и способы страданий различны и разнообразны: один искушается продолжительной болезнью, другой — крайней бедностью, иной — обидами и оскорблениями, а иной — тем, что постоянно и непрерывно

видит смерть своих детей и родственников, тот всеобщим презрением и отвращением, а этот — обвинением в том, чего он и не знает за собой, и навлеченным на него бременем бесславия, иной иным способом, так что всего в точности и перечислить невозможно. Каждое из этих страданий в сравнении с твоим несчастьем тебе кажется легким и ничтожным, но если бы ты сам испытывал их, то узнал бы, что твое несчастье, на которое теперь сетуешь, гораздо сноснее их. Впрочем, если некоторые и меньше нас наказываются, мы не должны соблазняться этим, потому что увеличение трудов служит к увеличению наград и бывает твердым оплотом против вольных или невольных нападений: оно обуздывает гордость, прогоняет беспечность, делает нас более благоразумными и благочестивыми. Вообще, если кто захочет перечислить все, то найдет много пользы от искушений, и никто из тех, о ком много печется Бог, не бывает без печали, хотя нам это и не так представляется...

Если же некоторые не вразумились такими скорбями, то уже не по вине Пославшего наказание, но по собственному не-

радению. Если бы не было приложено к ним врачевство, то можно было бы подумать, что они погибли от невнимательности к ним, а теперь сделано немало для того, чтобы ни в чем не винить врача, а только самих больных и их невнимательность. Хотя некоторые, жившие честно до искушений, пали после того, как подверглись им, другие, предавшиеся всяким порокам, не испытали никакой скорби, а иные с первого возраста до последнего вздоха терпели бесчисленные несчастья — но ничем таким мы не должны смущаться и впадать [в отчаянье]. Если бы мы могли и обязаны были знать действия Промысла Божия и не познали их, тогда следовало бы нам унывать и смущаться, но если и тот, кто был участником неизреченных тайн и восходил на третье небо, смутился перед этой бездной и, приникнув в глубину богатства и премудрости и ведения Божия, только изумился и тотчас отступил, то для чего мы напрасно усиливаемся узнать непостижимое и исследовать неисследимое (см.: Рим. 11, 33)? Мы не станем противоречить врачу, когда он предписывает противное тому, что нам кажется полезным,

приказывает, например, охладевший член опускать в холодную воду и делает много другого, с виду странного, но заранее убедив себя, что он делает это по правилам своего искусства, охотно повинуюемся ему, хотя он часто и ошибается. Почему же мы будем исследовать [действия] Бога, Который так превосходит нас во всем, Который есть сама Премудрость и никогда не ошибается? Тому, у кого следовало бы требовать отчета, будем верить беспрекословно, а от Того, Кому одному должны верить, будем требовать оправдания и отчета в Его действиях и негодовать, что этого не знаем? Свойственно ли это душе благочестивой? Нет, не будем доходить до такого безумия, но о всем, в чем недоумеваем, будем говорить: *судьбы Твои — бездна великая* (Пс. 35, 7). Даже и то, что мы не все знаем ясно, есть дело премудрости Божией. Если бы мы повиновались Богу потому, что знали бы причины событий, то не велика была бы нам награда и наше повиновение не было бы выражением веры. Когда же мы, не зная их, с любовью покоряемся всем Его повелениям, по истинному послушанию и искренней вере, тогда

доставляем величайшую пользу душам нашим. Мы должны быть убеждены в одном только, что Богом все посылается для нашей пользы, а самого способа не исследовать, и не роптать, и не унывать, когда не знаем его (2).

* * *

Кто время трудов делает временем покоя, тот будет стонать, скрежетать зубами и терпеть крайние муки тогда, когда нужно будет успокоиться вечным покоем, а кто здесь переносит скорби благодушно, тот и здесь и там будет блистать и наслаждаться славой бессмертной и истинной. Если в житейских делах человек, делающий что-либо не благовременно, не достигает того, что имел в виду, и подвергает себя бесчисленным бедствиям, то тем более испытает это на себе тот, кто не знает установленных времен в делах духовных. Христос сказал: *в мире будете иметь скорбь* (Ин. 16, 33). Блаженный Павел сказал: *все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы* (2 Тим. 3, 12)... Что же ты сетуешь, претерпевая скорби во время скорбей? Сетовать нужно было бы в том случае, если бы

мы время, которое Христос называл бы временем скорби, делали временем наслаждения и покоя; если бы в то время, когда нам заповедано подвизаться и трудиться, мы предавались праздности; если бы мы шли по пространному пути, тогда как Он повелел идти по тесному (2).

* * *

Ты согрешил и поплакал? Этим ты загладил грех, потому что [написано]: *говори ты, чтобы оправдаться* (Ис. 43, 260). Лишь бы ты печалился и скорбел, эта скорбь ведет ко спасению не по своему свойству, но по человеколюбию Владыки. Для имеющего грехи немалым служит облегчением скорбь о самом себе, ибо *он отворотившись пошел по пути своего сердца. Я видел пути его, и исцелю его, и буду водить его и утешать его и сетующих его** (Ис. 57, 17–18). О неизреченное человеколюбие! Неизъяснимая благость! Он опечалился, и Я исцелил его! Что же особенного в том, что он опечалился? Ничего

особенного, но Я нашел в том повод исцелить печали его. Видите, как Он в краткую минуту времени все совместил (3)?

СЛАВА ИСТИННАЯ

Я не запрещаю искать славы, но славы истинной, той, которая происходит от Бога: *ему, говорит апостол, и похвала не от людей, но от Бога* (Рим. 2, 29). Будем благочестивыми втайне, не облакая себя гордостью, притворством и лицемерием, снимем с себя овчую кожу, или лучше, будем овцами. Нет ничего ничтожнее славы человеческой. Скажи мне, если бы ты увидел множество малолетних детей, т.е. грудных младенцев, то захотел ли бы себе славы от них? Так смотри и на всех людей в отношении к славе. Потому это и называется тщеславием... Слава человеческая пуста, она только подражает славе, а на самом деле не есть слава. Постоянна только одна слава — естественная, внутренняя, а эта, внешняя, часто прикрывает безобразие... Что хорошего в том, чтобы быть предметом зрелища для многих? Это — тщеславие, и больше ничего. Войди в дом, останься один, — и тотчас исчезнет все.

* В церковнославянском варианте: *видех, яко опечалися и пойде дряхл, и исцелих его.*

Ты пришел на площадь и обратил на себя внимание присутствующих? Что же еще? Ничего. Все исчезло и прошло, как рассеявшийся дым. Отчего же мы так пристрастны к вещам ничтожным? Какое безрассудство! Какое безумие! Нет, будем взирать только на то, как бы похвалил нас Бог. Если это мы будем иметь в виду, то никогда не станем искать похвалы от людей, но если даже они будут хвалить нас, станет презирать, посмеяться, гнушаться, смотреть на это так, будто мы, желая золота, получали грязь. Пусть не хвалит тебя такой-то: этим он не принесет тебе никакой пользы. А если он будет порицать, то не причинит никакого вреда. От Бога то и другое доставляет нам пользу или вред, а от людей — все это тщетно. Таким образом мы можем уподобиться Богу, Который не нуждается в славе человеческой: *не приемлю*, говорит Он, *славы от человеков* (Ин. 5, 41)... Когда ты не расположен презирать славу, то скажи самому себе: презрев ее, я сделаюсь подобным Богу, — и тотчас станешь презирать ее. Раб славы не может не быть рабом всем, и даже презреннее самих рабов. Мы не приказываем того своим ра-

бам, что она [слава] — преданным ей. Она заставляет нас и говорить и переносить постыдное и бесчестное и чем более видит нас послушными, тем более увеличивает свои требования. Итак, будем убегать этого рабства. А как, скажешь, мы можем сделать это? Если мы будем любознательно рассуждать о здешних благах, если будем сознавать, что все настоящее есть сон и тень и больше ничего, то легко преодолеем эту страсть и не будем предаваться ей ни в малых, ни в больших делах. А если будем допускать ее в малых делах, то легко подпадем под ее власть и в больших. Удалим от себя источники ее, т.е. безумие и низость души. Если таким образом мы будем иметь помыслы возвышенные, то будем в состоянии презирать честь от людей, устремлять ум свой к небу и получить тамошние блага (1).

* * *

Послушай блаженного Павла, что он говорит после столь многих и тяжких скорбей, нападений, уз и ежедневных смертей: *нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая*

откроется в нас (Рим. 8, 18). Хотя бы мы, говорит, каждый день предавали себя на смерть, — чего, впрочем, природа не приемлет, хотя воля, побеждающая природу, по благодати Господа, чтится, — все же и тогда наши страдания не равнялись бы тем благам, которые нас ожидают, и той славе, которая в нас открывается. Смотри, как велика слава, которую получают творящие добродетель: она превышает всех подвигов, какие бы кто ни совершал; пусть он достигнет самой высоты, но и тогда будет еще ниже ее. В самом деле, что может человек совершить такое, чем бы он вполне заслуживал щедродательность Господа? И если Павел, столь великий и высокий муж, говорил: *нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая открывается в нас*, если так говорил тот, который сказал о себе: *каждый день умираю* (1 Кор. 15, 31), и: *более всех потрудился* (1 Кор. 15, 10), то что скажем мы, которые не хотим подъять и малого труда ради добродетели, но всегда ищем покоя, только и смотрим, как бы избежать всякой неприятности, а между тем знаем, что невозможно достигнуть

тамошнего (вечного) покоя, если здесь не возлюбим жизнь подвижническую? В самом деле, здешние скорби располагают нас благоугождать Богу, и малые подвиги, здесь совершаемые, даруют нам великое дерзновение там, лишь бы только мы решились поступать по совету этого учителя вселенной (апостола Павла). То, что случается с нами здесь, хотя и прискорбно, однако же кратковременно, а блага, ожидающие нас там, бесконечны и вечны (8).

СЛАВОЛЮБИЕ

Потому и слабее наша любовь ко Христу, что вся наша сила истощается на любовь порочную, и мы хищники, сребролюбцы, рабы суетной славы. А что может быть маловажнее этой славы? Если сделаешься и в тысячу раз знатнее, ничем не лучше будешь людей неизвестных. Напротив, через это самое сделаешься бесчестнее. Когда те, которые охотно тебя прославляют и выставляют знаменитым, смеются над тобой за то самое, что ты желаешь от них славы, то это усердие не произведет ли противного твоему желанию? Ибо люди эти поступают как об-

личители. Кто хвалит преданного прелюбодеянию или блуду и ласкательствует ему, тот этим самым более обличает, нежели хвалит похотника. Так, если все мы хвалим пристрастного к славе, то более обличаем, нежели хвалим славолюбивого. Итак, для чего же ты много заботишься о таком деле, следствия которого всегда противны твоей цели? Если хочешь прославиться, презирай славу, и будешь славнее всех (1).

* * *

Подлинно, мирской блеск нисколько не отличается от представлений на зрелище и от красоты весенних цветов: во первых, он исчезает прежде самого появления, потом, если когда и остается на малое время, тотчас оказывается тленным. Что ничтожнее чести и славы народной? Какой она приносит плод, какую пользу? К какому приводит она благому концу? О, если бы при ней было только это горе! А теперь преданный этой жесточайшей госпоже [страсти к славе], не только не приобретает ничего хорошего, но еще принужден бывает постоянно терпеть много неприятного и

вредного. Она господствует над теми, которые предаются ей, и чем больше получает угождений от этих рабов, тем больше надмевается над ними, тем тягчайшими изнуряет их повелениями; а тем, которые отвергают и презирают ее, она не может мстить. Таким образом, она свирепее и тирана и всякого зверя, потому что от ласкового обращения часто делаются кроткими и тиран, и зверь, а эта страсть тогда особенно и свирепствует, когда ей больше повинуются и, если найдет кого послушным себе и готовым на все, то не откажется ни от каких приказаний ему. Она имеет своей соотрудницей еще и другую страсть, которую безошибочно можно назвать ее дочерью. Когда сама она, будучи воспитана и взращена, уже крепко укоренится в нас, тогда порождает гордость, которая не меньше ее самой может низвергнуть в пропасть души предавшихся ей... Тот только может сделаться знаменитым и славным, кто не домогается этого, а кто народную славу считает за нечто великое и для приобретения ее переносит и делает все, тот особенно и не достигает и не получает ее, но удостаивается всего противоположного:

осмеяния, осуждения, злословий, вражды и ненависти... Не гоняясь за людской славой, мы не только избегаем этих зол, но сверх выше сказанного приобретем то, что важнее всего, причаясь мало-помалу облегчать себя, возноситься к Небу и презирать все земное. Не ищущий почестей от людей что ни делает хорошего, делает все это спокойно, и будут ли прискорбны или благоприятны обстоятельства его жизни, не потерпит никакого вреда: первые не в состоянии поразить его и повергнуть [в уныние], а последние сделать его гордым и надменным, но среди всех перемен и замешательств сам он остается вне всякой перемены (2).

* * *

Ничего не станем делать из-за людской славы, потому что нет нам никакой пользы ни от поста, ни от молитвы, ни от милостыни, ни от других дел, если делаем это не ради Того Единого, Который знает и тайное и скрытое в глубине души нашей. Если от Него ожидаешь ты, человек, воздаяния, то для чего ищешь похвалы от ближнего? И что говорю — похвалы? Часто

он не (только не) хвалит, но еще порицает тебя. Многие так злонаправны, что и добрые дела наши толкуют превратно. Итак, для чего, скажи мне, высоко ценишь превратный суд этих людей? От неусыпающего же того ока никакое действие наше не сокрыто, и, помышляя об этом, мы должны устроить свою жизнь с такой тщательностью, как те, кому скоро предстоит дать отчет и в словах, и в делах, и в самих помышлениях своих (8).

СЛАСТОЛЮБИЕ

Свинья валяется в грязи и питается калом, а сластолюбивый человек приготовляет себе стол отвратительнейший, придумывая непозволенные связи и беззаконную любовь. Такой нимало не отличается от бесноватого, он так же бесстыдствует и неистовствует. О бесноватом мы, по крайней мере, жалеем, а этого отвращаемся и ненавидим. А почему? Потому что он произвольно неистовствует и обращает и рот свой, и глаза, и ноздри, и все вообще в проводники смрада и нечистоты. Если же заглянуть внутрь такого человека, то увидим, что душа в нем застыла и оцепенела как бы среди зимы

и мороза и уже не может подать никакой помощи ладье по причине чрезмерной непогоды. Стыдно мне говорить, как много страждут от сластолюбия и мужчины и женщины. Это я представляю на их совесть, которая точнее знает все (1).

СЛОВА

Как тот, кто ввергнул в яму различных свирепых зверей, если сверху закроет эту яму, то легко задушит их, а если оставит хоть малый выход и возможность дышать, то даст им большее послабление и не только не задушит их, но сделает еще более свирепыми, так бывает и с порочными помыслами, когда они зарождаются внутри. Если мы преграждаем им выход наружу, то скоро уничтожаем их, а если выпускаем их посредством слов, давая им перевести дыхание посредством языка, то делаем их более сильными и от занятия постыдными словами скоро впадаем в бездну непристойных дел. Поэтому пророк и назвал гортань не просто гробом, но *гробом отверстым* (Пс. 5, 10), осуждая то самое, о чем я сказал. Ибо кто произносит постыдные слова, то не себя толь-

ко срамит, но распространяет великую заразу и между ближними и обращающимися с ним. Как, открыв гробы, мы наполнили бы города заразой: так и сквернословы, открывая с бесстыдством свои уста, заражают всех общающихся с ними тягчайшей болезнью. Поэтому на уста нужно налагать дверь, и запор, и узду. Научим свой язык носить узду и не произносить просто все, что есть в душе, не порицать братьев, не угрызать и не пожирать друг друга. Гораздо хуже кусающих тело те, которые делают это словами. Первые кусают зубами тело, а последний угрызает словами душу, наносит рану неисцельную. Поэтому он подвергнется тем большему наказанию и мучению, чем тягчайшее причиняет угрызение. И не поэтому только порицатель будет лишен прощения, но и потому, что он не может представить ни справедливого, ни несправедливого предлога к своему пороку. Другие грехи хотя и неосновательные имеют причины, однако же имеют: например, блудник увлекается похотью, вор хочет избавиться от бедности, человекоубийца удовлетворяет гневу, а порицатель не может представить никакого

предлога. Приобретает ли он, скажи мне, обилие в деньгах? Какому удовлетворяет он пожеланию? У него нет никакого другого повода, кроме зависти, не имеющей ни справедливой, ни несправедливой причины. Поэтому и лишится он всякого прощения... Язык есть меч изощренный, но им мы не должны ранить других, а должны вырезывать собственные гнилые язвы (1).

* * *

Но не в одних делах, а и в словах тогда [на суде] дадим отчет. И мы, вверив слугам своим деньги, требуем у них отчета во всем, так и Бог, вверив нам [дар] слова, взыщет за его употребление. Так мы истязуемы будем и дадим строгий отчет в том, не бессмысленно ли и не попусту ли тратили слова, потому что не столько вредна пустая трата денег, сколько бессмысленное, суетное и напрасное употребление слов. Напрасная трата денег делает иногда ущерб имению, а слово, произнесенное без рассуждения, разоряет целые дома, губит и разрушает души. Ущерб имения можно опять поправить, а слово, раз вылетевшее, возвратить назад нельзя.

А что мы дадим отчет в словах, послушай, что говорит Христос: *говоря же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься* (Мф. 12, 36–37). И не только в своих словах мы дадим отчет, но и в слушании [чужих] слов, например, не внял ли ты ложному обвинению ближнего, потому что сказано: *не внимай пустому слуху* (Исх. 23, 1). Если же приемлющие пустой слух не получают извинения, то какое оправдание будут иметь те, кто клеветает и оговаривает (6)?

* * *

Павел увещевает так: *никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, а только доброе* (Еф. 4. 29). А какое, скажешь, слово *гнилое*? Если узнаешь *доброе*, то узнаешь и *гнилое*, потому что первое он выразил для различия второго. А какое слово *доброе*, об этом ты не имеешь нужды спрашивать у меня, потому что сам Павел объяснил нам его свойство. Сказав: *только благое*, он прибавил: *для назидания в вере*, выражая, что *доброе* то слово, которое назидает

ближнего. Поэтому как назидательное слово — *доброе*, так разрушающее — гнило и негодно.

Так и ты, если имеешь сказать что-нибудь такое, от чего слушающий может сделаться лучшим, то не удерживай слова во время спасения. А если не имеешь ничего такого, но только речи порочные и развратные, то молчи, чтобы не повредить ближнему. То слово гнилое, которое не назидает слушателя, но еще развращает его. Если он заботится о добродетели, то часто побуждается к гордости, если же был беззаботен, то делается еще нерадивее. Если ты имеешь сказать слово постыдное и смешное, то молчи, потому что и то слово — гнило, которое делает более рассеянным и говорящего и слушающего и в каждом воспламеняет порочные пожелания. Как для огня составляют пищу дрова и хворост, так для порочных пожеланий — слова. Поэтому не должно непременно высказывать все, что мы имеем в уме, но должно стараться удалять и из самого ума порочные пожелания и всякую постыдную мысль. Если же когда незаметным образом мы допустим у себя нечистые помыслы, то не будем никогда выводить их на-

ружу языком, но будем подавлять их молчанием. Как дикие звери и пресмыкающиеся животные, попав в яму, если найдут какой-нибудь выход наверх, то, выйдя, делают еще более свирепыми, а если останутся навсегда заключенными внизу, то непременно погибают и легко пропадают, так точно и порочные пожелания: если найдут какой-нибудь выход через наши уста и посредством слов, то усиливают внутренний пламень, а если ты заключишь их посредством молчания, то они делаются слабее и, истощаясь безмолвием, как бы голодом, скоро умирают в душе. Таким образом, если ты чувствуешь какое-нибудь постыдное пожелание, то не произноси постыдного слова: этим ты погасишь и пожелание. У тебя нечисты мысли? Пусть же, по крайней мере, будут чисты твои уста, не выноси вон этой грязи, чтобы не сделать вреда и другому и самому себе, потому что не только говорящим, но и слушающим других, когда говорят постыдное, придается много нечистоты. Поэтому прошу и советую не только не говорить таких слов, но, когда и другие говорят, воздерживаться от слушания и

постоянно прилепляться к закону Божию (6).

* * *

Будем ежедневно исследовать силу ее (души), и не перестанем испытывать самих себя, будем требовать у себя отчета и в том, что в нас входит, и в том, что выходит, — что мы сказали полезного и какое произнесли слово праздное, а также что полезного ввели в душу через слух и что внесли в нее, могущее повредить ей. Языку назначим некоторые правила и пределы, так чтобы наперед взвешивать выражения и потом уже произносить слова, а мысль приучим не вымышлять ничего вредного, а если что-нибудь подобное привзойдет извне, отвергать это, как излишнее и могущее повредить, если зародится внутри (худая мысль), тотчас прогонять ее благочестивым размышлением (8).

СЛОВО БОЖИЕ

Подумай, как земля все произвела только по слову Господа. Еще не было ни человека-делателя, ни плуга, ни рабочих волов, ни другого попечения о

ней, но лишь слышала (земля) повеление — и тотчас исполнила свою обязанность. Из этого познаем, что и теперь приносит нам плоды не рачительность земледельцев, не труд и вообще не изнурительная работа по возделыванию земли, но прежде всего этого Слово Божие, сказанное ей в начале. С другой стороны, исправляя и впоследствии неразумие людей, божественное Писание обстоятельно излагает нам все по порядку, как что было, чтобы устранить пустые толки тех, кто по своим соображениям утверждают, будто для спелости плодов требуется только действие солнца. Есть и такие, которые осмеливаются приписывать это даже некоторым звездам. Поэтому Святой Дух научает нас, что до сотворения этих стихий земля, повинувшись слову и повелению Его, произращает всякие семена, не нуждаясь ни в каком другом содействии. Для нее вместо всего довольно было одного этого слова Божия: *да произрастит земля зелень, траву сеющую семя* (Быт. 1, 11) (8).

СМЕРТЬ

Вы слышали, как внушает нам апостол Павел не скорбеть

об умерших. Если мы станем разбирать апостольское изречение, то найдем великое сокровище. *Не хочу, говорит, оставить вас, братия, в неведении об умерших**, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды. Ибо, если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним (1 Фес. 4, 13–14). Здесь наперед надобно взять во внимание и рассмотреть, почему апостол, когда говорит о Христе, называет смерть Его смертью, когда же говорит о нашей кончине, то называет ее не смертью, а *успением*... Также: *мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших* (1 Фес. 4, 15). И здесь не сказал *умерших*, но во всех трех местах смерть человека назвал *успением*. О Христе же не так: *если мы веруем, что Иисус умер*... Не просто и не без цели он употребляет эти различные выражения, но имея в виду нечто мудрое и великое. Говоря о Христе, он употребил слово *смерть*, чтобы показать действительность Его страданий, а о нас — *успение*, — чтобы

умерить нашу скорбь. Там, где уже совершилось воскресение, он смело употребил слово *смерть*, а там, где воскресение есть предмет надежды, употребляет слово *успение*, этим словом и утешая нас и укрепляя благие надежды. Ибо спящий, конечно, встанет, а смерть есть не что иное, как долгий сон. Не говори мне, что умерший и не слышит, и не говорит, и не видит, и не чувствует, ибо таково же состояние и спящего. Скажу и нечто странное. У спящего и душа как бы спит, но у умершего, напротив, бодрствует. Но умерший, говорят, гниет, и тлеет, и превращается в персть и прах. Что же из этого?.. По этому самому надобно более всего радоваться. Ибо и тот, кто хочет перестроить развалившийся и ветхий дом, наперед выводит из него живущих, потом разрушает его и снова воздвигает в лучшем виде. Выведенные не скорбят об этом, а еще радуются, ибо обращают внимание не на видимое разрушение, но воображают будущее, хотя еще и невидимое, здание. То же творит и Бог: Он разрушает наше тело и сперва изводит живущую в нем душу, как бы из некоего дома, дабы потом воздвигнуть его в лучшем

* В славянском переводе — об умерших, а в греческом подлиннике — об усопших.

виде, снова ввести в него душу с большей славой. Итак, будем обращать внимание не на разрушение, но на будущую славу.

...Если у кого-то статуя испортилась от ржавчины и от времени и многие части у нее отвалились, то владелец, разбив ее, бросает в горн и, тщательно переплавив, делает ее лучше. И как разрушение статуи в горне не есть уничтожение ее, но возобновление, так и смерть наших тел не есть уничтожение, но обновление их. Итак, когда увидишь, что тело наше как бы в горне разлагается и тлеет, то не останавливайся на этом видении, но жди обновления... Но ваятель, бросая в горн медное тело, делает статую не золотой и бессмертной, но такой же медной, а Бог, ввергая [в землю] тело перстное и смертное, делает тебе статую золотую и бессмертную, ибо земля, приняв тело тленное и смертное, возвращает его нетленным и бессмертным. Итак, видя умершего, не на то смотри, что он сомкнул глаза и лежит безгласный, но на то, как он воскреснет и получит неизъяснимую, изумительную и дивную славу, и от настоящего видения возводи помыслы к надежде будущего. Но ты следуешь

обычаям и потому скорбишь и плачешь? — Но ведь когда ты отдаешь дочь замуж, не считаешь несчастьем, если муж уходит с ней в дальнюю сторону и там живет счастливо, потому что скорбь разлуки облегчается слухом об их благополучии, а здесь, когда не человек, но сам Господь берет к себе твоего родственника, ты печалишься и сетуешь! — Как же, скажешь, возможно человеку не скорбеть? Я и не говорю этого, и запрещаю не скорбь, а чрезмерность скорби, ибо скорбеть свойственно природе, но скорбеть через меру свойственно душе безрассудной, умоисступленной и изнеженной. Поскорби, поплачь, но не ропщи, не малодушествуй, не досадуй. Возблаговари Взявшего, — и украсишь отшедшего и облечешь его в светлую погребальную одежду. Если станешь роптать, то оскорбишь и отшедшего, и прогневаешь Взявшего, и повредишь самому себе, но если будешь благодарить, то и его украсишь, и прославишь Взявшего, и сделаешь пользу самому себе. Плачь, как Господь твой плакал о Лазаре, полагая нам меру, правила и пределы скорби, которых преступить не должно.

Скорби, говорит Павел, но не как язычник, не ожидающий воскресения, не надеющийся жизни будущей... Скажи мне, почему ты плачешь так об отшедшем? Потому ли, что он был порочен? В таком случае должно благодарить, потому что положен предел его порокам. Но он был честный и добрый человек? И об этом надо радоваться, потому что он скоро восхищен, прежде нежели злоба изменила разум его, и отошел в страну, где пребывает уже в безопасности и не страшится никакой перемены. Но он был молод? И за то прославь Взавшего, что скоро призвал его к лучшей жизни. Но он был стар? И за это опять возблагодари и прославь Взавшего... Смерть есть упокоевание, освобождение от житейских трудов и забот. Итак, когда увидишь, что кто-либо из родственников твоих отошел отсюда, не ропщи, но умились сердцем, войди в себя, испытай совесть, помысли, что и тебя немного спустя ожидает такой же конец. Вразумись и убойся, видя смерть ближнего, отринь всякую беспечность, рассмотри свои дела, исправь прегрешения, измени свою жизнь на лучшее. Мы тем и отличаемся от неверую-

щих, что иначе судим о вещах... Видит мертвого он, и считает мертвым, смотрю я на умершего, и вместо смерти вижу сон...

Помысли, к кому отошел умерший, и утешься: он отошел туда, где Павел, где Петр, где весь сонм святых. Помысли, в какой славе и светлости он восстанет, помысли, что слезами и воплями ты не можешь исправить случившегося, а только крайне повредишь себе... Не имеющий надежды на тамошний суд не имеет никакого упования и не знает ни того, что есть Бог, ни того, что Он промышляет о настоящих делах, ни того, что за всем надзирает Божественное правосудие. А кто не знает и не помышляет об этом, тот бессмысленнее всякого зверя и изгнал из души своей закон, суд и правду, словом — все доброе. Ибо кто не готовится дать отчет в делах своих, тот будет уклоняться от всякой добродетели и предаваться всякому пороку. Размыслив об этом и рассудив о невежестве и безумии неверующих, с которыми мы сходимся в сетовании об умерших, будем избегать такого согласия с ними...

Итак, мы должны благодарить Бога не только за воскресение,

но и за надежду воскресения, которая может утешить и сетующую душу и убедить нас быть благодушными при разлуке с отшедшими, так как они воскреснут и соединятся с нами. Если надобно скорбеть и плакать, то, конечно, о тех, которые живут во грехах, а не о тех, которые отошли с добродетелью (1).

* * *

Будем оплакивать не умирающих, а тех, которые оканчивают жизнь во зле. Если же ты, жена, нуждаешься в защите и потому плачешь о муже, то прибегни к общему для всех Защитнику, Спасителю и Благотелю — Богу, к этой непреодолимой защите, готовой помощи, благонадежному покрову, вседущему и отовсюду нас окружающему. Но привычное обращение с ним [мужем], скажешь, возжеленно и приятно. И я знаю это, но если ты умеришь скорбь свою рассудком и размыслишь о том, Кто взял его, и что ты, перенеся великодушно, принесешь свою волю в жертву Богу, то будешь в состоянии избежать и этой волны, и то, что совершает время, совершит твое любомудрие. Если же ты будешь чрез-

мерно скорбеть, то хотя время прекратит твою скорбь, но ты не получишь никакой награды... Но, скажешь, я оплакиваю не его, а себя. И это несвойственно любящему — желать, чтобы он еще сетовал о тебе и подвергался неизвестности будущего, тогда как ему следует быть увенчанным и идти к пристанищу, или чтобы он обуревался волнами, тогда как ему можно быть в пристани. Но я не знаю, скажешь, куда отошел он. Как не знаешь, скажи мне? Он жил праведно или нет? По этому известно, куда отойдет он. По тому самому, скажешь, я и сокрушаюсь, что он умер грешником. Это одна отговорка и предлог. Если бы ты поэтому оплакивала умершего, то тебе надлежало бы исправлять и усовершенствовать его при жизни, но ты заботишься только о себе, а не о нем. Впрочем, если он умер грешником, то и в таком случае надобно радоваться, что прекратились грехи его и что он не приложил еще зла ко злу, и помогать ему сколько возможно не слезами, а молитвами, молениями, милостынями и приношениями. Ибо все это установлено не напрасно, не напрасно мы совершаем при божествен-

ных Таинствах поминовение умерших и ходатайствуем за них, умоляя подлежащего Агнца, взявшего грехи мира, но для того, чтобы им было от него некоторое утешение. Не напрасно предстоящий перед жертвенником при совершении страшных Таинств, взывает о всех во Христе усопших и память о них творящих. Если бы о них не совершалось поминовение, то и не произносились бы эти слова. Наши действия — не зрелищные представления, — да не будет, — они совершаются по устроению Духа.

Будем же помогать умершим и совершать о них поминовение. Ибо если детей Иова очищала жертва отца, то почему ты сомневаешься, что когда и мы приносим жертву за умерших, то им бывает некоторое утешение? Бог часто подает благодать одним за других. Это объяснил Павел, когда сказал: *при содействии и вашей молитвы за нас, дабы за дарованное нам, по ходатайству многих, многие возблагодарили за нас* (2 Кор. 1, 11). Не обленимся же помогать умершим и приносить за них молитвы, ибо предлежит общее очищение вселенной. Потому мы и молимся тогда с дерзновением о

всей вселенной и именуем их вместе с мучениками, исповедниками и священниками. Ибо мы все одно тело, хотя члены — одни других превосходнее. Так, отовсюду возможно снискивать им прощение: и от молитв, и от приносимых за них даров, и от призываемых вместе с ними. Почему же скорбишь, почему плачешь, когда можешь снискать прощение умершему?.. Или ты потерял сына? Не потерял, не говори так. Это сон, а не смерть, переселение, а не потеря, переход от худшего к лучшему. Не раздражай Бога, но умилоствляй Его. Если перенесешь великодушно, то отсюда будет некоторое утешение и умершему и тебе... Помышляй в себе самом, что не человек взял, но Бог, который сотворил его, который более тебя печется о нем и знает, что ему полезно, а не враг какой-нибудь или человек недоброжелательный. Вспомни, сколь многие дети, оставшись в живых, делали родителям жизнь не в жизнь. Но, скажешь, добродетельных разве ты не видишь? Вижу и их, но состояние твоего сына безопаснее, нежели их, они теперь заслуживают похвалу, но конец их неизвестен, а за него тебе уже не

надобно бояться и трепетать, чтобы чего-нибудь с ним не случилось, чтобы какая-нибудь не произошла с ним перемена. Также рассуждай и о жене доброй и домовитой и за все благодари Бога (3).

* * *

Благословен Бог: вот и жены уже забавляются смертью, и отроковицы посмеваются кончине, и девы весьма юные и не знавшие брака прыгают на самое жало ада и не терпят никакого вреда. Все эти блага получили мы ради Христа, родившегося от Девы. После того блаженного зачатия и поразительнейшего рождения расслабла смерть, сокрушилась сила диавола и сделалась наконец презренной не только для мужей, но и для жен, и не для жен только, но и для отроковиц. Как ловкий пастух, поймав льва, который пугал его скот и вредил всему стаду, выбив у него зубы, обрезав когти и обстригши гриву, делает его презренным и смешным и наконец отдает его для забавы пастушеским детям и отроковицам, — так точно и Христос, уловив смерть, которая была страшна для нашего естества и

пугала весь род наш, и рассеяв весь этот страх, отдал ее в забаву даже девам (5).

* * *

Послушай же, как относится к этому делу Павел, считает ли он смерть страшной, как они [ветхозаветные пророки], печалится ли при ее наступлении и боится ли. Напротив, он считает ее даже вожденной и потому говорит: *имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше* (1 Флп. 1, 23). Для них страшно, а для него лучше, для тех неприятно, а для него приятно и весьма естественно, потому что прежде смерть низводила в ад, а теперь смерть препровождает ко Христу. Поэтому Иаков говорит: *сведете вы седину мою с печалью во гроб* (Быт. 42, 38), а Павел говорил: *имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше*. Впрочем, он говорил это, не осуждая настоящей жизни (да не будет, остережемся, чтобы не дать места нападению еретиков) и не избегая ее, как зла, но стремясь к будущей, как к лучшей. Он не сказал: разрешиться и со Христом быть

хорошо, но — *лучше*, а лучшее бывает лучше чего-либо хорошего... И в другом месте, рассуждая об этом же самом, он говорил: *если я и соделываюсь жертвою за жертву и служение веры вашей, то радуюсь и сорадуюсь всем вам. О сем самом и вы радуйтесь и сорадуйтесь мне* (Флп. 2, 17–18). Что говоришь ты? Ты умираешь, Павел, и призываешь людей к участию в радости? Что, скажи мне, случилось с тобой? Я не умираю, говорит он, но восхожу к лучшей жизни. Как люди, получающие власть, приглашают многих участвовать в их радости, так и Павел, идя на смерть, призвал других сочувствовать ему, потому что смерть есть отдых и избавление от трудов, воздаяние за подвиги, награда за борьбу и венец. Поэтому вначале по умершим бывали рыдания и плач, а теперь — псалмы и песнопения. Так, Иакова оплакивали сорок дней, столько же дней и Моисея оплакивали, и иудеи сетовали, потому что смерть тогда была смертью, а теперь не так, но бывают песнопения, молитвы и псалмы. Все это показывает, что смерть заключает в себе удовольствие ведь псалмы — символ радости... Так как

мы исполнены радости, то и поем по умершим псалмы, которые убеждают нас не бояться смерти. *Возвратись, душа моя, в покой твой, ибо Господь благодетельствовал тебя* (Пс. 114, 6). Видишь, что смерть есть благодетяние и отдых? Вошедший в этот покой почил от дел своих, как Бог — от Своих (5).

* * *

Подлинно, весьма страшна природа смерти. Вот почему, несмотря на то, что она ежедневно нападает на наш род, она при каждом мертвце так устрашает, смущает и поражает нас, как будто бы она является тогда неожиданно. И ни врачевство со стороны времени, ни ежедневное упражнение в этом созерцании не в силах успокоить нас. Уныние и ужас этот не стареет и от времени, но постоянно остается молодым и полным сил, и (смерть) ежедневно приходит, неся страх свежий и цветущий. И это очень естественно. В самом деле, кто может не устрашиться и не впасть в робость, когда увидит, как тот, кто вчера или за несколько дней перед тем ходил, действовал, занимался множеством дел относительно

дома, жены, детей, слуг, а часто стоял и во главе целых городов, грозил, устрашал, отменял наказания, налагал их, совершал бесчисленные дела по городам и странам, — вдруг лежит безгласнее камней и ничего не чувствует в то время, как рыдает несметное число людей... Кто может не утрашиться, когда увидит, что все внезапно ушло прочь: и рассудок, и ум, и душа, и цвет лица, и движение членов, — что на смену всему тому пришло нерадостное: немота и бесчувственность, тление, сукровица, черви, пепел, прах, зловоние, совершенное уничтожение, и что все тело спешит открыть отвратительные и безобразные кости (7)?

СМИРЕНИЕ

Ничто не может так обуздывать и воздерживать нас, как смиренномудрие, когда т.е. мы бываем скромны, смиренны и никогда нисколько не мечтаем о себе. Ведая это, и Христос, когда приступал к преподаванию духовного учения, начал с увещания к смиренномудрию: *блаженны нищие духом* (Мф. 5, 3). Кто намеревается строить большой и великолепный дом, тот

полагает и основание соответственное, чтобы оно могло выдерживать тяжесть, которая впоследствии будет лежать на нем. Так и Христос, начиная возводить в душах учеников великое здание любомудрия, наперед полагает увещание к смиренномудрию как твердое и непоколебимое основание, — первую и нижнюю часть здания, зная, что, когда эта добродетель вкоренится в сердцах слушателей, то и все прочие добродетели могут уже безопасно назидаться. Следовательно, когда нет в человеке этой добродетели, тогда он напрасно, попусту и без пользы будет трудиться, хотя и совершит все прочие добродетели. Как человек, построивший дом на песке, хоть и предпринял труд, но не получил пользы, потому что не положил надежного основания, так, сколько бы кто ни сделал добра, без смиренномудрия погубит и испортит все. А смиренномудрие, разумею не то, что на словах и на языке, а то, что в сердце, от души, в совести, что видеть может один Бог, эта добродетель одна и сама по себе достаточна к умилощению Бога, что и доказал мытарь. Не имея ничего доброго и не могши похвалиться хороши-

ми делами, он сказал только: *будь милостив ко мне грешнику* (Лк. 18, 13), и вышел праведнее фарисея, между тем это были слова еще не смиренномудрия, но искреннего сознания. Смиренномудрие состоит в том, что человек, признавая в себе великие совершенства, нисколько не мечтает о себе, а сознание — в том, что человек, будучи грешником, сам исповедует это. Если же не сознавший в себе ничего доброго, исповедав то, чем он был, так преклонил Бога на милость, то каким дерзновением будут пользоваться те, которые могли бы указать на множество своих добродетелей, скрывают, однако же, все их и ставят себя в числе последних. Так сделал и Павел: будучи первым из всех праведников, он называл себя первым из грешников (см.: 1 Тим. 1, 15); и не только называл себя так, но и был убежден в этом, узнав от Учителя, что, и сделав все, мы должны называть себя рабами, ничего не стоящими (см. Лк. 17, 10).

Вот в чем состоит смиренномудрие! Подражайте Павлу вы, у которых есть добрые дела; а мытарю вы, которые обременены грехами. Будем признавать себя такими, каковы мы на де-

ле, будем ударять в грудь и заставлять душу свою нисколько не мечтать о себе. Если мы будем в таком расположении, то оно послужит у нас достаточным приношением и жертвой. Как и Давид сказал: *жертва Богу — дух сокрушенный, сердца сокрушенного и смиренного Бог не уничтожит* (Пс. 50, 19). Не сказал только *смиренного*, но еще и *сокрушенного*; а сокрушенное переломлено и уже не может, хоть и захочет, подняться вверх. Так и мы, не только смирим нашу душу, но и сокрушим; а она сокрушается, когда постоянно помнить о своих грехах. Когда так смирим ее, она, если и захочет, не будет в состоянии подняться до гордости, потому что совесть, подобно узде, будет удерживать ее от надмения, будет укрощать и умерять во всем (1).

* * *

Христос такую дал заповедь ученикам своим: *когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие* (Лк. 17, 10), дабы через это предохранить их и удалить от этой пагубной страсти [высокомерия]... Верующему, сказано, *похвала не от людей, но от*

Бога (Рим. 2, 29). И чем больше станем мы преуспевать в добродетели, тем более постараемся смирить себя и быть скромными. Ибо, хотя бы мы взошли на самый верх добродетелей, но если добросовестно сравним свои добрые дела с благодеяниями Божьими, то ясно увидим, что наши добродетели не равняются и малейшей части того, что сделано для нас Богом. Этим-то и прославился каждый из святых... Послушай учителя вселенной, эту небошествующую душу, как он по совершении таких добродетелей, после такого о нем свидетельства свыше: *он есть*, сказано, *Мой избранный сосуд* (Деян. 9, 15), — не забывает о своих согрешениях, но постоянно носит их в уме, как он не позволяет себе забывать даже и о том, в чем, как он совершенно был уверен, получил уже прощение в крещении, но вопиет и говорит: *я наименьший из Апостолов, и недостойн называться Апостолом* (1 Кор. 15, 9). Потом, чтобы мы познали всю глубину его смиренномудрия, присовокупил: *потому что гнал церковь Божию*. Что делаешь, Павел? Господь по своему милосердию простил и загладил все грехи твои, а ты еще помнишь о

них? Так, говорит, я знаю и уверен, что Господь разрешил меня (от грехов), но когда подумаю о делах своих и посмотрю на бездну человеколюбия Божия, тогда вполне удостоверяюсь, что благодатью и человеколюбием Его я то, что есмь. Ибо, сказав: *недостойн называться Апостолом, потому что гнал Церковь Божию*, он присовокупил: *благодатию Божиею есмь то, что есмь* (1 Кор. 15, 10). То есть, хотя я со своей стороны выказал так много злости, но его неизреченная благость и милосердие даровали мне прощение. Видел ты душу, сокрушенную и постоянно памятную о своих грехах, содеянных еще до крещения? Этому-то станем и мы подражать и, ежедневно припоминая о грехах, сделанных нами после крещения, будем постоянно содержать их в уме и никогда не попустим себе забыть о них. Это будет довольно сильной уздой, чтобы смирить и укротить нас. И что говорю я о Павле, столь великом и высоком муже? Хочешь ли видеть, как и ветхозаветные более всего прославились этим же самым, тем т.е., что по совершении бесчисленных подвигов и имея уже неизреченное дерзновение

(перед Богом) они смирялись? Послушай, как патриарх уже после собеседования с Богом, после данного ему обетования говорил о себе: *я прах и пепел* (Быт. 18, 27) (1).

* * *

Никогда не превозносись своим смирением. Может быть, вам кажутся смешными слова мои, что смирение превозносится, но не удивляйтесь, оно превозносится, когда бывает неискренним. Когда оно бывает для того, чтобы показаться перед людьми, а не перед Богом, когда оно имеет в виду свое прославление и тщеславие, ибо тогда оно — дело диавола. Как многие тщеславятся тем, что они нетщеславны, так превозносятся и смирением по высокомерию. Например, пришел к тебе брат или слуга, ты принял его, омыл ему ноги и тотчас же гордишься этим. Я, говоришь ты, сделал то, чего не сделал никто другой, я совершил подвиг смирения. Каким же образом можно остаться смиренномудрым? Если будем помнить заповедь Христа, который говорит: *когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не*

стоящие (Лк. 17, 10), также слова учителя вселенной, который говорит: *я не почитаю себя достигшим* (Флп. 3, 13). Кто убежден, что он не сделал ничего великого, чтобы он ни сделал, кто не считает себя достигшим конца, тот только может быть смиренным. Многие от смирения впали в гордость, да не будет этого с нами! Совершил ли ты какое-нибудь дело смирения? Не превозносись этим, иначе погубишь все. Таков был фарисей. Он стал превозноситься тем, что отдавал бедным десятину, и погубил все. Но не таков был мытарь. Послушай, что еще говорит Павел: *хотя я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь* (1 Кор. 4, 4). Видишь, как он не превозносился, но всячески уничижал и смирял себя, и притом тогда, как достиг самой высоты добродетелей? И три отрока, бывших в огне, среди пламени, что говорили? *Согрешили мы и поступили беззаконно с отцами нашими* (Дан. 3, 29). Это и значит иметь сердце сокрушенное! Поэтому они и могли сказать: *с сокрушенным сердцем и смиренным духом да будем приняты* (Дан. 3, 39). Так они были смиренны после ввержения в печь, даже больше,

нежели до ввержения! Когда они увидели совершившееся над ними чудо, то, считая себя недостойными спасения, пришли в глубокое смирение. Ибо мы тогда особенно сокрушаемся духом, когда убеждаемся, что мы получили великие благодеяния не по заслугам. Между тем какие же они получили благодеяния не по заслугам? Они допустили ввергнуть себя в печь, были отведены в плен еще в своей молодости, тогда как согрешили другие, и не роптали, не досадовали и не говорили: какая нам польза от того, что мы служим Богу? Что приобрели мы, поклоняясь Ему? Человек нечестивый сделался нашим владыкой, мы терпим мучение от идолослужителя, отведены в плен, лишены отечества, свободы и всего родного, стали пленниками и рабами и служим царю-варвару! Ничего такого они не говорили, но что? *Согрешили мы и поступили беззаконно*, говорили они и возносили молитву не за себя, а за других: *предал нас, говорили они, царю неправосудному и злейшему* (Дан. 3, 32). Также Даниил, брошенный в другой раз в ров, говорил: *вспомнил Ты обо мне, Боже* (Дан. 14, 38). Почему же Бог не помянул тебя, Дани-

ил, когда ты прославил Его перед царем и говорил: *мне тайна сия открыта не потому, чтоб я был мудрее всех живущих* (Дан. 2, 30)? Почему Он не помянул тебя тогда, когда ты ввержен был в львиный ров за неповиновение нечестивейшему повелению? По той же самой причине. Не за Него ли ты был ввержен и теперь? Так говорит он, это потому, что великий я должник перед Ним. Если же так говорил он при столь великих добродетелях своих, то что скажем мы?

Будем же смирennemудрствовать как должно, будем уничижать себя как должно, чтобы смирение не послужило нам поводом к гордости. Ты смирен и даже смиреннее всех людей? Не превозносишь же этим и не порицай других, чтобы не погубить тебе хвалы своей. Ты для того и смирennemудрствуешь, чтобы избежать высокомерия, а если через это ты впадешь в высокомерие, то лучше тебе и не быть смиренным. Ибо послушай, что говорит Павел: *грех посредством доброго причиняет мне смерть, так что грех становится крайне грешен посредством заповеди* (Рим. 7, 13). Когда придет тебе на мысль удивлять-

ся своему смирению, то представь себе Господа своего, как Он уничижил Себя, и ты не станешь больше удивляться себе самому, не станешь хвалить себя самого, но посмеешься над собой, как не сделавшим ничего. Признавай себя всегдашним должником и, чтобы ты ни сделал, приводи себе на память сказанную притчу: *кто из вас, имея раба пашущего или пасущего, по возвращении его с поля, скажет ему: пойдй скорее, садись за стол? Напротив, не скажет ли ему: приготовь мне поужинать и, подпоясавшись, служи мне* (Лук. 17, 7–8)? Благодарим ли мы рабов своих за то, что они служат нам? Никогда. Бог же воздаст благодарностью нам, которые служим не Ему, но делаем полезное для нас. Впрочем, не будем поступать и так, чтобы Он воздал нам благодарностью, чтобы Он узнал об этом, но как исполняющие долг свой. Подлинно, всякое [доброе] дело есть долг наш, и все, что мы ни делаем, есть исполнение долга (1).

* * *

Будем оказывать уважение не одним только высшим нас или

равным с нами: это не было бы смиренномудрие, ибо когда кто-то делает необходимо должное, то это уже не смиренномудрие, но долг. Истинное смиренномудрие в том, что мы уступаем тем, кто ниже нас, и оказываем предпочтение тем, кто считается хуже нас. Впрочем, если мы будем рассудительны, то не будем никого и считать ниже нас, но всем людям станем отдавать преимущество перед собой. И это говорю я не о себе самом, который погружен в бесчисленные грехи, нет; пусть кто-то сознает в себе и бесчисленные совершенства, но если только он не думает о себе, как о последнем между всеми, его совершенства не принесут ему никакой пользы. Ибо в том-то и состоит смиренномудрие, что тот, кто имеет чем превозноситься, уничижает, смиряет и ведет себя скромно. Тогда-то он восходит на истинную высоту и по обетованию Господа, который говорит: смиряющий себя вознесется (ср.: Иак. 4, 10).

Не станем никогда превозноситься над ближними, ни много думать о себе, но с великим смиренномудрием будем уступать им [людям] и поспешим уничижать себя и в поступках, и в словах; не будем враждовать

даже против тех, которые оскорбляют нас, хотя бы это были и благодетельствованные нами, в этом-то и состоит самое высокое любомудрие, не будем также раздражаться обидами, хотя бы досаждающие нам были и хуже нас, но станем укрощать гнев их своей кротостью и тихостью. Ибо нет ничего сильнее ее, нет ничего могущественнее... Христос, предлагая божественное свое учение, сказал: *научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим* (Мф. 11, 29). Действительно, ничто так не доставляет душе спокойствия и тишины, как кротость и смиренномудрие, а это благо для стяжавшего его дороже всякой диадемы, полезнее всякого блеска и славы. Ибо что может быть блаженнее человека, свободного от внутренней брани? Хотя бы мы вполне пользовались внешним миром и услужливостью, но если внутри нас от возмущения помыслов возникает шум и буря, то нет никакой пользы от внешнего спокойствия, подобно тому, как нет ничего жалче того города, который хотя и огражден бесчисленными стенами, но терпит измену от обитающих внутри

него. Итак, об этом-то прошу, позаботимся прежде всего как бы нам сделать душу свою безмятежной, привести ее в мирное состояние и быть свободными от всякого неприятного чувства, чтобы и самим нам наслаждаться совершенным спокойствием, и с ближними нашими быть в согласии (1).

* * *

Сокрушим дух наш, смирим сердце. Ибо если мы приведем себя в такое расположение, то в состоянии будем и молитвы совершать с великой бодростью, и привлечь к себе свыше великую благодать исповеданием согрешений. А чтобы увериться, что такие души угодны Владыке, послушай, как сам Он говорит: *на кого Я призрю: на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим* (Ис. 66, 2). Поэтому и Христос, беседуя с учениками, сказал: *научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим* (Мф. 11, 29). Ибо кто действительно смиряет себя, тот никогда не допустит себя до раздражения, не разгневается на ближнего, потому что душа его смирилась и

размышляет только о себе самой. А что может быть блаженнее души, настроенной таким образом. Такой (человек) всегда сидит в пристани, безопасный от всякой бури и наслаждаясь тишиной мыслей. Поэтому и Христос сказал: *и найдете покой душам вашим* (1).

* * *

Почему те, которые прежде искушения жили праведно, после искушений пали? Но кто верно знает живущих праведно, кроме того, *Кто создал особо сердца их и вникает во все дела их* (Пс. 32, 15)? Многие из тех, которые кажутся добродетельными, часто оказываются порочнее всех. Это обнаруживалось и в настоящей жизни, но только относительно некоторых, по какому-нибудь случаю и по какой-нибудь необходимости. Когда же сядет судить [Господь]... тогда всех увидишь открыто такими, каковы они действительно, и ни волка не скроет овечья кожа, ни окраска гроба внутренней его нечистоты, потому что *нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто перед очами Его* (Евр. 4, 13). Это и Павел, объясняя коринфянам,

говорил: *не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения* (1 Кор. 4, 5). Впрочем, оставив лицемеров, скажем о живущих праведно. Откуда известно, что они, имея многие добродетели, не пренебрегли главной из них — смирением? Поэтому Бог и отступил от них, чтобы они знали, что добрые дела совершали они не собственной силой, но благодатью Божией. Если же кто-то скажет, что лучше гордиться, делая добро, нежели смиряться, согрешая, тот совсем не понимает ни вреда от гордости, ни пользы от смирения... Делаящий добро с гордостью, если только можно так делать добро, скоро дойдет до крайней гибели. Кто допустил себя до падения и падением научился смирению, тот скоро, если захочет, восстанет и исправится, но кто делает кажущееся добро с гордостью и не терпит ничего неприятного, тот никогда не почувствует своей греховности, но еще увеличит зло и незаметно для себя самого отойдет отсюда без добрых дел, как тот фарисей, который вошел в храм, думая о себе, что он богат всякой добродетелью, а вышел,

узнав, что он беднее даже мытаря (Лк. 18, 10) (2).

* * *

Так увещевает и Павел следующими словами: *если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми* (Рим. 12, 18). Ты — раб Бога мира. Он, изгонявший бесов и совершавший множество добрых дел, когда называли его беснующимся, не ниспослал молнии, не поразил поносителей, не сжег языка столь бесстыдного и неблагодарного, хотя мог сделать все это, а только отклонил укоризну, сказав: *во мне беса нет; но Я чту Отца Моего, а вы бесчестите Меня* (Ин. 8, 49). А когда раб первосвященника ударил Его, что сказал Он? *Если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня* (Ин. 18, 23)? Если же владыка Ангелов отвечает и оправдывается перед рабом, то нет нужды говорить более. Храни только эти слова в уме, часто повторяй их и говори: *если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня?* Представляй себе, Кто говорит это, кому говорит и почему, и будут для тебя эти слова некоторым

божественным и непрестанным припевом, который в состоянии будет утишить всякое раздражение; представляй достоинство Оскорбленного, ничтожество оскорбившего, чрезмерность оскорбления. Раб не только поносил, но и ударил, и не просто ударил, но в ланиту*; нет ничего поноснее такого удара; однако Господь все перенес, чтобы ты наилучшим образом научился смирномудрию (2).

* * *

Если же ты носишь в совести великое бремя грехов и при этом признаешь себя последним из всех, то ты будешь иметь великое дерзновение перед Богом, хотя еще нет смирномудрия в том, чтобы грешник считал себя грешником. Смирномудрие состоит в том, чтобы, сознавая за собой много великого, ничего великого о себе не думать (2).

* * *

Хотя бы кто бесчисленное сверху построил — милостыню ли, молитвы ли, пост ли, всякую ли добродетель, но если в

* Ланита — щека. (Примеч. ред.)

основание предварительно не положил этого [смирения], то все будет строиться тщетно и напрасно и легко разрушится, подобно зданию, построенному на песке. Ничего нет, ничего из наших правых дел, что не нужно было бы в нем, нет ни одного, которое могло бы устоять без него. Укажешь ли на целомудрие, девство, презрение денег, или на что другое, — все нечисто, обременено проклятием и отвратительно, если нет смирения. Итак, будем всюду им начинать, в словах, в делах, в мыслях, и созидать все с ним (6).

СОВЕСТЬ

Душа, оледеневшая от хлада греховного, не может отправлять дел своих, будучи скована, как морозом, совестью. Ибо что для тела мороз, то для души худая совесть (1).

* * *

Он вложил в нас совесть, которая действует с любовью более, нежели отеческой. Ибо когда отец, однажды, дважды, трижды, десять раз наказав сына, увидит его неисправимым, то в отчаянии отрекается от него,

изгоняет его из дома и исключает из родства. Но не так совесть: напротив, если она скажет один, два, три и тысячу раз и ты не послушаешь, то снова будет говорить и не отстанет до последнего издыхания: и в доме, и на распутьях, и за столом, и на торжищах, а часто и в сновидениях представляет нам образы и виды сделанных нами грехов.

И посмотри на премудрость Божию. Бог не сделал обличение совести ни непрерывным (ибо мы, непрестанно быв обличаемы, не снесли бы этой тяжести), ни столь слабым, чтобы она после первого или второго увещания пришла в отчаяние. Если бы она стала угрызать нас каждый день и час, мы были бы подавлены унынием, а если бы, напомнив раз-другой, перестала обличать, мы не много получили бы пользы. Поэтому Он сделал это обличение хотя и всегдашним, но не непрерывным: всегдашним, дабы мы не впали в беспечность, но, слыша всегда ее напоминания, пребыли до самой кончины бдительными; не непрерывным и не непрекращающимся, дабы мы не упали духом, но ободрялись, получая некоторое облегчение и отраду. Как совершенная беспечность о

грехах пагубна и порождает в нас крайнее бесчувствие, так непрерывная и чрезмерная скорбь вредна. Чрезмерная скорбь, нередко отнимая естественную рассудительность, может потопить душу и сделать не способной ни к чему доброму. Поэтому Бог и устроил, чтобы обличение совести восставало на нас по временам, так как оно весьма жестоко и уязвляет грешника сильнее всякого острия. Ибо совесть сильно восстает и громко вопиет на нас не только тогда, когда мы сами грешим, но и когда другие грешат, подобно нам. Блудник, прелюбодей, тать как бы чувствует на себе удары не только когда обвиняют его самого, но и когда слышит, что других обвиняют в подобных же преступлениях, ибо укоризны, делаемые другим, служат ему напоминанием его собственных грехов. Другой обвиняется, а он, и не будучи обвиняем, терпит поражение, потому что виновен в таких же, как и тот, преступлениях...

Обличение совести есть как бы некоторый священный якорь, не дающий нам совершенно погружаться в бездну греха. Часто совесть не только в то время, когда мы грешим, но и по про-

шествии многих лет напоминает нам о прежних грехах... Ибо мы, быв искушаемы несчастьями и горестными обстоятельствами, вспоминаем о прежних грехах наших. Зная все это, мы, если сделаем что худое, не будем ожидать несчастий и злоключений, опасностей и уз, но каждый день и час будем двигать у себя это судилище и произносить на себя приговоры, постараемся всячески оправдаться перед Богом и не будем сомневаться в воскресении и суде... Если бы не подлежало нам дать отчет в грехах там, то и здесь Бог не поставил бы в нас этого судилища [совести]. Но и это самое есть доказательство Его человеколюбия. Так как Он тогда потребует от нас отчета в грехах, то поставил того неподкупного судью, чтобы он, здесь судя нас за грехи и исправляя, избавил от будущего там суда. Об этом говорит и Павел: *если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы* (1 Кор. 11, 31) от Господа. Итак, чтобы нам тогда не быть наказанными и не подпасть суду, пусть каждый войдет в свою совесть, и, исследовав жизнь и тщательно рассмотрев все грехи, пусть осудит душу, сделавшую их, пусть обуздает

помыслы, укротит, стеснит ум свой и накажет себя за грехи самоосуждением, строгим покаянием, слезами, исповедью, постом и милостыней, воздержанием и любовью, дабы, всячески отложив здесь свои грехи, мы могли отойти туда с полным дерзновением (1).

* * *

Нет между людьми ни одного судьи, столь неусыпного, как наша совесть. Внешние судьи и деньгами подкупаются, и лестью смягчаются, и от страха потворствуют, и много есть других вещей, которые извращают правоту их суда. Но судилище совести ничему такому не подчиняется: станешь ли давать деньги, будешь ли льстить, или угрожать, или другое что делать, — она произносит справедливый приговор за греховные помыслы, и сделавший грех сам осуждает себя, хотя бы никто другой не обвинял его. И это делает совесть не однажды, не дважды, но многократно и во всю жизнь, и хотя бы прошло много времени, она никогда не забывает сделанного, но сильно обличает нас и при совершении греха, и до совершения, и по со-

вершении. При самом совершении греха мы, упоенные удовольствием, бываем не так чувствительны, но когда преступление сделано и окончено, тогда то особенно за исчезнувшим удовольствием наступает чувство раскаяния, — противоположно тому, как бывает с рождающими женами. Они до рождения младенца терпят невыносимое страдание и жестокие муки, разрывающие их болями, но после рождения чувствуют облегчение, как будто вместе с плодом вышла и болезнь. Но здесь наоборот: пока мы зачинаем и рожаем беззаконные намерения, радуемся и веселимся, когда же родим злое исчадие — грех, — тогда, увидев гнусность рожденного, скорбим и мучимся сильнее, нежели рождающие (3).

* * *

Сделай так со своей совестью: посади судящий ум на престол неподкупного суждения, выведи на середину все грехи твои, приставь к проступкам грозные мысли, укроти непристойные желания, от которых произошли грехи, пусть будут они раздираемы великой силой. Если мы таким образом позаботимся

судить сами себя, то избежим и того страшного судилища. А что судящий ныне сам себя и требующий от себя строго отчета в грехах не подвергнется осуждению в будущем, об этом послушай Павла, который говорит: *если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы* (1 Кор. 11, 31) (5).

* * *

Нелицеприятный судья, то есть совесть, восстав, взывала громким голосом, упрекала их (Адама и Еву), показывала и как бы выставляла перед глазами тяжесть преступления. Для того человеколюбивый Владыка, созидая вначале человека, и вложил в него совесть, как немолчающего обличителя, который не может быть обманут или обольщен. Хотя бы учинивший грех и совершивший незаконное дело успел укрыться от всех людей, — от этого судии он скрыться не может, напротив, всегда носит внутри себя этого обличителя, который беспокоит его, мучит, карает, никогда не утихает, но нападает на него и дома, и на площади, и в собраниях, и за столом, и во время сна, и при пробуждении, требу-

ет отчета в проступках и поставляет на вид и тяжесть грехов, и угрожающее ему наказание, и, как усердный врач, не перестает прилагать свои врачевства, хотя и видит, что ее не послушают, не отступает, но продолжает постоянно заботиться.

Именно в том ее и дело, чтобы непрерывно напоминать (о грехе) и не давать ему (грешнику) дойти когда-либо до забвения о проступках его, но выставлять их на вид ему, чтобы хоть через это сделать нас не столь склонными к повторению прежних грехов. Если многие из нас не преодолевают беспечности и при таком содействии и помощи совести, имея в себе такого сильного обличителя и карателя — совесть, которая терзает сердце и поражает сильнее всякого палача, то без этой помощи мы не тотчас ли бы погибли (8)?

СОДОМСКИЙ ГРЕХ

Какая-то новая и незаконная страсть вторглась в нашу жизнь, постигла болезнь тяжкая и неисцельная, поразила язва, жесточайшая из всех язв, измышлено какое-то новое и нетерпимое беззаконие, потому что на-

рушаются не только писанные, но даже и естественные законы. Для распутства уже мало любодеяния, и как в болезнях последующее сильнейшее страдание заглушает ощущение предшествовавшей боли, так и чрезмерность этой язвы делает то, что уже не кажется нетерпимым и нетерпимое — разврат с женщиной. Хотят, кажется, иметь возможность избегать этих сетей, и женскому полу предстоит уже опасность сделаться излишним, так как его во всем заменяют отроки. И не только это ужасно, но и то, что такая мерзость совершается с полной безопасностью, и беззаконие стало законом. Никто уже не опасается и не страшится, никто не стыдится и не краснеет, но еще хвалятся этим позором, и целомудренные кажутся безумными, а обличающие — не здравомыслящими... так среди городов, как бы в великой пустыне, *мужчины на мужчинах делают срам* (Рим. 1, 27). Если же некоторые избежали этих сетей, то нелегко им избежать худой славы от таких развратников: во-первых, потому, что их весьма немного, отчего они легко затмеваются множеством порочных, во-вторых, потому, что сами ока-

янные и злые демоны, не имея возможности иначе мстить презирающим их, стараются вредить им этим способом, не имея сил нанести смертельную рану и поразить саму душу, они стараются, по крайней мере, повредить их внешнему украшению и лишить всякой доброй славы. Поэтому многие, слышал я, удивляются, как и теперь не ниспал еще другой огненный дождь, как еще не подвергся участи Содома наш город, достойный наказания тем более тяжкого, что не вразумился и бедствиями Содома. Несмотря на то что та страна уже две тысячи лет видом своим сильнее, чем голосом, взывает к [людям] всей вселенной, чтобы не дерзали на такую гнусность, они не только не воздерживаются от этого греха, но стали еще бесстыднее, как будто состязаясь с Богом и стараясь показать своими делами, что они тем более будут предаваться этим порокам, чем более Он будет угрожать им. Почему же не произошло ничего такого: грехи содомские совершаются, а содомских наказаний нет? Потому что их ожидает другой огонь, более жестокий, и наказание бесконечное... Если мы так гневаемся и негодуем, то как допустит

безнаказанно совершать такие дела Бог, Который более всего печется о человеческом роде и крайне отвращается и ненавидит порочность? Этого быть не может, нет! Он непременно наложит на них крепкую руку, нанесет нестерпимый удар и подвергнет мучениям столь жестоким, что бедствия, постигшие Содом, в сравнении с ними покажутся игрушкой. Подлинно, каких варваров, какую породу зверей не превзошли эти люди своей бесстыдной похотью? Бывает у некоторых бессловесных вождение сильное и похоть неудержимая, не отличающаяся от бешенства, но и они не знают этой страсти, а удерживаются в пределах природы и, сколько бы ни раздражались, не нарушают законов природы. А эти, одаренные разумом, сподобившиеся Божественного учения, преподающие другим, что должно делать и чего не должно, и слышавшие Писания, ниспедшие с неба, не с такой наглостью совокупляются с блудницами, как с отроками. Они с таким неистовством покушаются на все, что будто они не люди, и как будто нет промысла Божия, бодрствующего и судящего дела, но как будто бы все покрыла тьма и ни-

кто не видит и не слышит этого. А отцы растлеваемых отроков переносят это молча, не зарываются в землю вместе с детьми и не придумывают какого-либо средства против зла. Между тем, если бы надобно было от этого недуга отправить детей на чужбину, на море, на острова, на необитаемую землю, на самый отдаленный от нас край вселенной, не надлежало ли бы сделать и потерпеть все, чтобы не было таких мерзостей (2)?

СОН

Не для того дана ночь, чтобы мы во всю нее спали и бездействовали. Свидетели тому ремесленники, погонщики мулов, торговцы, Церковь Божия, встающая среди ночи. Восстань и ты. Посмотри на хор звезд, на глубокую тишину, на великое безмолвие и удивляйся делам Господа твоего. Тогда душа бывает чище, легче и бодрее, бывает особенно способна воспарять и возвышаться. Сам мрак и совершенное безмолвие располагают к умилению. Если взглянешь на небо, испещренное звездами, как бы бесчисленным множеством глаз, то получишь совершенное удовольствие, помыслив

тотчас о Создателе. Если представишь, что те, которые в течение дня шумят, смеются, играют, скачут, обижают, лихоимствуют, досаждают, делают бесчисленное множество зол, теперь нисколько не отличаются от мертвых, то познаешь все ничтожество человеческого самолюбия. Сон пришел и показал природу, как она есть. Он есть образ смерти, он есть образ кончины. Если взглянешь на улицу, не услышишь ни одного голоса. Если согласишься в доме, увидишь всех лежащими как бы во гробе. Все это может возбудить душу и привести на мысль кончину мира (1).

СОСТРАДАНИЕ

Подавать деньги могут многие, а чтобы самому служить нуждающимся и делать это с готовностью, любовью и братской расположенностью, — для этого нужна душа высокая, великая и любомудрая. Этого больше всего и требует Павел, повелевая сострадать находящимся в скорби, бедности и несчастных обстоятельствах — так, как бы мы сами находились в тех же несчастях. *Помните узников*, говорит он, *как бы и вы с ними были в узах* (Евр. 13, 3) (6).

СПАСЕНИЕ ДУШИ

Многие полагают, что для спасения им довольно той добродетели, которой они обладают, и что если они хорошо будут располагать своей жизнью, то для спасения им уже больше ничего не будет не доставать. Но они думают неправильно, как доказал это тот, который закопал один талант. Ибо он принес его не уменьшенным, но возвратил целым и таким, каким получил (1).

* * *

Где же, скажешь, человеколюбие Божие, если Он не хочет спасать злых? Часто и от многих я слышу, что Бог человеколюбив и непременно спасет всех. Не станем обольщать себя напрасно... То, что будет геенна, кажется, мы достаточно доказали, представив потоп и другие прежние бедствия и сказав, что совершивший все это не может оставить ненаказанными и нынешних грешников. Ибо если Он так наказал тех, которые грешили прежде закона, то, конечно, не оставит без наказания тех, которые при благодати совершали гораздо большие преступления (1).

* * *

К нашему спасению послужит и то, когда мы не о себе только будем заботиться, но и станем приносить пользу ближнему и руководить его на путь истины. А чтобы видел ты, какое великое благо, содеяв свое спасение, доставлять пользу и другому, послушай, что пророк говорит от лица Божия: *если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь, как Мои уста* (Иер. 15, 19). Что значит это? Кто руководит ближнего от заблуждения к истине или от зла приводит к добру, тот, говорит (Господь), уподобляется Мне, сколько это возможно человеку. И сам Он, будучи Богом, облекся в нашу плоть и сделался человеком не для чего иного, как для спасения рода человеческого... Итак, если Он — Бог и существо непостижимое — по неизреченному человеколюбию принял на Себя все это ради нас и нашего спасения, то чего не должны мы сделать для наших братьев и сочленов, чтобы исхитить их из челюстей диавола и привести на путь добродетели? Насколько душа лучше тела, настолько высших — перед подающими бедным деньги — на-

град удостоится те, кто увещаниями и частыми внушениями ведет нерадивых и заблуждающихся на прямой путь, показывая им безобразие порока и великую красоту божественной добродетели (8).

СРЕБРОЛЮБИЕ

Великое зло — сребролюбие! Оно сделало Иуду и святотатцем, и предателем. Услышьте все сребролюбцы, страждущие Иудинной болезнью, услышьте и берегитесь страсти сребролюбия! Ибо если тот, кто находился со Христом, творил чудеса, пользовался таким учением, низвергся в такую бездну оттого, что не был свободен от этой болезни, то тем более вы, не слышавшие даже Писания и всегда прилепляющиеся к настоящему, удобно можете быть уловлены этой страстью, если не будете прилагать непрестанного попечения. Иуда ежедневно находился с Тем, Кто не имел где главы приклонить, ежедневно был научаем делами и словами тому, что не должно иметь ни золота, ни серебра, ни двух одежд, — при этом не вразумился, как же ты надеешься избежать этой болезни, когда не употребляешь силь-

ного врачевания и не прилагаешь сильного старания? Ибо ужасен, ужасен этот зверь. Впрочем, если захочешь, легко победишь его. Это не есть похоть естественная: это доказывают освободившиеся от нее. Естественные пожелания для всех общи, а эта похоть происходит от одного нерадения, от него рождается, от него возрастает и, когда уловит пристрастных к ней, тогда заставляет их жить противоестественно. В самом деле, когда они не признают единоплеменников, друзей, братьев, сродников — словом, всех, а с ними вместе не знают и самих себя, то не значит ли это жить противоестественно? Отсюда видно, что противоестественно и злоба, и болезнь сребролюбия, которой подвергшись, Иуда сделался предателем... Отчего же, спросишь, он уловлен этой страстью? Оттого, что был беспечен. От беспечности происходят такие перемены, так как от ревности происходят перемены противоположные... Сколько таких, которые прежде были сребролюбцами, а теперь отвергли и свое собственное имущество? Совершенно противное случалось от беспечности. Так, Гиезий жил со святым мужем и сделался не-

честивым от болезни сребролюбия (см.: 4 Цар. 5). Ибо эта страсть есть ужаснейшая из всех страстей. От нее гробокопатели, убийцы, войны и битвы, всякое зло, как бы ты его ни называл. Сребролюбивый везде бывает худым человеком, случится ли ему начальствовать над войском или над народом. И он бывает таким не только в делах общественных, но и в семейственных. Вознамерится ли жениться, не возьмет добродетельной жены, а возьмет ту, которая всех хуже. Вздумает ли купить дом, — покупает не такой, какой приличен благородному, но такой, который может принести ему большой доход. Захочет ли купить рабов или что другое, — купит самое худое... Если даже он будет царем, то будет несчастнейшим из всех во вселенной, беднейшим из всех. Его состояние будет подобно состоянию какого-нибудь простолюдина. Он не будет блага всех почитать своими, но будет считать себя отдельным от всех и, похищая блага у всех, станет думать, что имеет меньше всех. Ибо измеряя настоящие блага желанием будущих, еще не приобретенных благ, он будет почитать первые ничтожными в сравнении с последними.

Потому-то некто сказал: нет ничего беззаконнее сребролюбивого. Ибо он и сам себя продает и делается общим врагом вселенной, когда скорбит, что земля не приносит золота вместо колосьев и что вместо рудников существуют источники, вместо драгоценных камней — горы. С негодованием взирает он на плодородие, печалится при виде общего блага, отвращается от всякого дела, через которое нельзя приобрести денег, все терпит, когда можно ему получить хоть две малые монеты, ненавидит всех, бедных и богатых: бедных за то, что они придут к нему когда-нибудь просить милостыню, богатых за то, что не имеют их богатства. Он думает, что все завладели его имуществом и что он всеми обижен, поэтому негодует на всех, не знает довольства и насыщения, есть самый несчастнейший из всех, так как свободный от сребролюбия и любящий истинную мудрость блаженнее всех (1).

* * *

Страшно, истинно страшно сребролюбие. Оно закрывает и глаза и уши, делает свирепее зверей, не позволяет думать ни

о совести, ни о дружбе, ни об общении, ни о спасении собственной души, но зараз отворачив от всего, делает пленников своими рабами, как некий жестокий тиран. И что всего хуже в этом горьком рабстве, — оно заставляет даже услаждаться собой, так что чем больше предаются ему, тем больше увеличивается удовольствие. Оттого-то преимущественно эта болезнь и бывает неизлечима, оттого-то и неукротим этот зверь. Сребролюбие сделало Гиезия из ученика и пророка прокаженным, оно погубило Ананию, оно сделало Иуду предателем, оно растлило иудейских начальников, которые принимали дары и сделались сообщниками татей. Оно породило бесчисленные войны, наполнило кровью пути, плачем и слезами — города. Оно и вечера сделало нечистыми, и трапезы — оскверненными, и сами яства исполнило беззаконий. Потому-то Павел назвал его идолослужением (см.: Еф. 5, 5), но и этим не устрасил. А почему он называет его идолослужением? Многие, имея богатство, не смеют им пользоваться, но считают его святыней и передают в целости внукам и их потомкам, не смея коснуться его,

как бы чего-нибудь посвященного Богу. А если когда и при-
нуждены бывают коснуться его,
то бывают в таком состоянии,
как будто сделали что-нибудь
непозволительное. С другой сто-
роны, как язычник оберегает
идола, так ты ограждаешь золо-
то дверями и запорами. Вместо
храма устраиваешь для него
ковчег и слагаешь его в серебря-
ные сосуды. Но ты не поклоня-
ешься золоту, как тот — своему
идолу? Тем не менее, ты пока-
зываешь в отношении к нему
великое уважение. Далее, языч-
ник скорее отдаст свои глаза и
душу, чем идола, так точно и лю-
бящий золото. Но я, скажешь,
не поклоняюсь золоту? И тот го-
ворит, что он поклоняется не
идолу, но живущему в нем
демону. Так и ты, если не по-
клоняешься золоту, то покло-
няешься демону, который втор-
гается в твою душу от взгляда
на золото и от страсти к нему.
Страсть сребролюбия хуже де-
мона, и ей многие покоряются
больше, чем иные идолам. Идо-
лов во многом не слушают, а
сребролюбие во всем повинуют-
ся и исполняют все, чтобы оно
ни приказало сделать. Что же
оно говорит? Будь, говорит, для
всех врагом и неприятелем, за-

будь природу, презирай Бога,
пожертвуй собой мне, — и во
всем ему повинуются. Истуканам приносят в жертву волов и овец, а сребролюбие говорит: принеси мне в жертву твою душу, и — это исполняют. Видишь, какие оно имеет алтари, какие принимает жертвы? *Лихоимцы*, говорит апостол, *Царства Божия не наследуют* (1 Кор. 6, 10), — но они и этого не боятся. Впрочем, эта страсть сама по себе слабее других, потому что не врожденна нам и не происходит от нашей природы. Иначе она была бы в нас с самого начала, но вначале не было золота и никто не любил золота. Если хотите, я скажу, откуда возникло это зло. Каждый, соревнуя жившим прежде него, увеличивал эту болезнь, и предшественник возбуждал [страсть к приобретению в своем преемнике] даже против его воли. Люди, как скоро видят светлые дома, множество полей, толпы слуг, серебряные сосуды, большое собрание одежд, — всячески стараются иметь еще больше, так что первые бывают причиной для вторых, а эти для последующих. Между тем если бы первые хотели жить скромно, то не были бы учителями

[сребролюбия] для других. Впрочем, и для этих последних нет оправдания, потому что есть и такие, которые презирают богатство. Да кто же, скажешь, презирает? В том-то и беда, что зло увеличилось до такой степени, что добродетель нестяжания стала, по-видимому, невозможной и что даже не верится, чтобы кто-нибудь ей следовал. Я мог бы, конечно, назвать многих [нестяжательных] и в городах и в селах, но что пользы? Ведь и от этого вы не сделаетесь лучшими. А сверх того, у нас и речь теперь не о том, чтобы вы растратили имущество. Я желал бы этого, но так как это бремя выше сил ваших, то я не принуждаю. Я только убеждаю, чтобы вы не желали чужого, чтобы уделяли и от своего. Ведь есть много таких, которые довольствуются своим, заботятся о своем и живут праведными трудами. Почему мы не ревнуем и не подражаем им (1)?

* * *

Скажи мне, кого все мы ублажаем и называем достойными: того ли, кто постоянно томится жаждой и прежде,

чем выпьет первую чашу, чувствует уже нужду в другой и в таком состоянии находится всегда, или того, кто стоит выше этой потребности, всегда свободен от жажды и никогда не чувствует нужды в таком питии? Первый не похож ли на больного горячкой, который томится самой жестокой жаждой, хотя и может черпать воду из источников, а последний не свободен ли истинной свободой, не здоров ли истинным здоровьем и не выше ли человеческой природы? Если бы кто-то, любя женщину, постоянно жил с ней, но от сожительства только бы сильнее воспламенялся к ней, а другой был бы свободен от этой безумной страсти и даже во сне не уловлялся бы похотью: кто из них для нас достойнее и блажен? Не этот ли? А кто несчастен и жалок? Не тот ли, который страдает этой тщетной любовью, ничем не угасимой и от придумываемых лекарств еще более возбуждаемой? Если же, сверх сказанного, он считает себя счастливым в болезни и сам не хочет освободиться от этой потребности, и даже оплакивает... свободных от этой страсти, в таком случае не более ли еще он несчастен и жалок, потому

что не только болен, но даже и не знает, что он болен, а поэтому и сам не хочет освободиться, и свободных от нее оплакивает? Поведем же речь о страсти к деньгам, и посмотрим, кто несчастен и жалок? Эта страсть сильнее и неистовее тех и может причинить больше скорби не потому только, что жжет сильнейшим огнем, но и потому, что не поддается никакому придумываемому облегчению и гораздо упорнее тех. Любящие вино и плотские удовольствия после наслаждения скорее почувствуют пресыщение, нежели одержимые безумным пристрастием к богатству... Богатство добродетели так велико, настолько приятнее, настолько вожаделеннее, что обладающие им никогда не захотят взять вместо него и всю землю, хотя бы она была вся золотой — с горами, с морем и с реками... Они даже не захотят взять этого вместе с ним [богатством добродетели]. Вам, если бы кто давал богатство добродетели вместе с деньгами, вы взяли бы распростертыми руками: так и вы признаете его чем-то великим и дивным. Но те не возьмут вашего при своем: так они уверены в его ничтожестве. И это опять я объясню вашими

примерами. Сколько, думаешь, денег дал бы Александр Диогену, если бы тот захотел взять? Но тот не захотел, а этот усиливался и предпринимал все, чтобы быть в состоянии когда-нибудь достигнуть богатства Диогенова (2).

* * *

Адам, в надежде на большую честь, лишился и той, какая была. Так бывает и с сребролюбцами: многие, желая большего, часто теряют и настоящее (2).

* * *

Для того мы всякий день и беседуем с вами и проповедуем вам о совершеннейшей жизни (христианской), чтобы искоренять губительные страсти: гнев, зависть, недоброжелательство. Когда эти страсти будут истреблены, тогда легче будет обуздать и страсть к деньгам. А когда ослабеет эта страсть, то с большей легкостью будут устранены суетные помыслы и постыдные пожелания: *корень всех зол есть сребролюбие* (1 Тим. 6, 10). Когда посечем корень и исторгнем его из самой глубины, то нам легче будет совладать с

ветвями. Жадность к деньгам есть, так сказать, твердыня зла и верх пороков, поэтому если мы решимся овладеть ею, то ничто уже не помешает нам освободиться от этой безумной страсти, а вместе с ней исторгнуть и истребить все губительные страсти. И не думайте, будто презирать деньги тяжкое и трудное дело. Когда я подумаю, что многие по пустому и суетному честолюбию без нужды тратят множество золота для того только, чтобы заслужить от низших и ничтожных людей одобрение, которое продолжается не далее вечера, а часто не доживает и до вечера, но еще прежде, чем окончится день, сменяется для них множеством неприятностей, а другие, обольщенные эллинским заблуждением также по страсти к людской славе и высокому мнению об ней, бросают все, что имеют, и, оставив себе только плащ и палку, так и проводят всю жизнь, решаясь переносить все трудности и бедствия такой жизни из-за одной похвалы людской, — так, когда подумаю об этом, то не знаю, какое будем иметь оправдание или извинение мы, которые не хотим ради данной от Бога заповеди, ради вечной и нескончаемой

славы пожертвовать малейшую часть (своего имения), но становимся хуже и тех людей, не думая, как велико здесь различие. Они тратят столько (имущества) для получения пустой похвалы от подобных им людей, а мы ради своего Господа, давшего нам и то, что имеем, и обещающего те неизреченные блага, часто не хотим поделиться малостью с нуждающимися. Какими же глазами мы будем смотреть на Судию, пренебрегши столь легкую заповедь? Разве я советую бросить все имение? Наслаждайся полным довольством, но когда удовлетворишь собственным потребностям, прочее, что останется в избытке и будет лежать без употребления, обрати на удовлетворение чужих нужд, раздели это томи-мым голодом и изнемогающим от холода и препроводи через их руки в свое отечество, в которое и сам ты через непродолжительное время переселишься. Эти (бедные) люди более всех помогут тебе перенести туда (твои сокровища), так что ты, когда переселишься туда, все найдешь готовым и будешь там наслаждаться еще большим изобилием, видя, что эти (твои сокровища) увеличены перенесшими

их туда, или, лучше сказать, благостью Божией... Разве человеколюбивый Господь для того дал тебе много, чтобы ты данное тебе употребил только в свою пользу, остальное же запер в сундуках и кладовых? Нет, не для этого, но для того, чтобы по апостольскому увещанию твой избыток восполнял недостатки других (2 Кор. 8, 14). Ты, может быть, пользуешься сверх надобности, тратишь много денег на увеселения, на одежду и на другие предметы роскоши, частью же и на рабов, и на животных, а бедный просит у тебя не на что-либо излишнее, но на то только, чтобы утолить свой голод и удовлетворить необходимой потребности, — иметь насущный хлеб, чтобы поддержать свою жизнь и не умереть. А ты не хочешь сделать и этого, и не думаешь, что тебя может внезапно похитить смерть, и тогда все, тобой собранное, останется здесь и, может быть, перейдет в руки твоих врагов и неприятелей, а сам ты отойдешь, взяв с собой только все грехи, с которыми собирал ты это (8).

* * *

Те, которыми овладела безумная страсть и любовь к собира-

нию богатства, истощают на это все свои силы и никогда не насыщаются, потому что сребролюбие есть ненасытное пьянство. И как пьяные чем больше вливают в себя вина, тем большей распалются жаждой, так и эти (сребролюбцы) никогда не могут остановить этой неукротимой страсти, но чем более видят возрастание своего имущества, тем сильнее разжигаются они корыстолюбием и не отстают от этой злой страсти, пока не низринутся в самую бездну зла... Если в самом деле ты ожидаешь воскресения и воздания, то для чего так заботишься о житейской славе, для чего мучишь себя каждый день, собирая денег больше, чем песку, покупая села, и дома, и бани, часто приобретая это даже грабежом и лихоимством и исполняя на себе пророческое слово: *горе вам, прибавляющие дом к дому, присоединяющие поле к полю, так что другим не остается места* (Ис. 4, 8)? Не это ли видим мы каждый день? Один говорит: «Дом такого-то отнимает у меня свет», — и выдумывает тысячу предлогов, чтобы отнять его, а другой, взяв поле у бедного, присоединяет к своему. А что особенно замечательно,

необыкновенно, странно и непростительно — иной сам живет в одном месте, часто даже не имеет возможности, если бы и хотел, перейти в другое место, или по слабости телесной, или по другим обстоятельствам, а между тем хочет всюду и во всех городах иметь памятники своего лихоимства, везде поставить вечные столпы своего нечестия, и грехи, которыми все это собрано, возлагает на свою голову, и, неся это тяжкое и неудобоносимое бремя, не чувствует его, а наслаждение собранными им сокровищами предоставляет другим, не только уже после переселения из этой жизни, но еще и прежде исхода отсюда. Если он и не лишится их против воли, то все они расточаются и разрываются по частям его домашних, а сам он не наслаждается и незначительной их частью. И что говорю: не наслаждается? Если бы он и хотел, то как достанет его, когда у него одно чрево при таком большом богатстве (8)?

СТРАДАНИЯ

Вознаграждения назначены не только за добродетели, но и за страдания, и вознагражде-

ния очень великие, и за страдания не меньше, чем за добродетели, а скорее, иногда даже бóльшие — за страдания (7).

СТРАСТИ

Каким образом избавимся от этой язвы? Если будем употреблять Питье, которое может умертвить внутренних червей и змей. Но какое питье, спросишь, имеет такую силу? Честная Кровь Христова, если с упованием приемлется. Она может уврачевать всякую болезнь. А вместе с этим внимательное слушание Божественных Писаний и присоединяемая к этому милостыня. Всеми этими средствами могут быть умерщвлены страсти, ослабляющие нашу душу. И тогда только будем жить, а теперь мы ничем не лучше мертвых. Когда живы страсти, нам невозможно жить, но необходимо должно погибнуть. Если не успеем умертвить их здесь, то они умертвят нас там. Вернее, еще здесь, прежде смерти подвергнут нас жесточайшему наказанию. Каждая из этих страстей жестока, мучительна, ненасытна и, поедая нас каждый день, ничем не удовлетворяется. Зубы их суть зубы львиные и даже

страшнее львиных. Когда лев сыт, тотчас оставляет попавшее ему тело. А страсти никогда не насыщаются и не отстают, пока уловленного ими человека не увлекут к диаволу. Такова сила страстей, что они требуют от пленников своих такого же рабства, в какое Павел предался Христу, презиравший для Него и геенну и Царство. Ибо как скоро впадет кто в плотскую любовь, сребролюбие или честолюбие, начинает уже смеяться над геенной и презирать Царство, только бы исполнять ему волю этих страстей. Итак, поверим Павлу в том, что он столько любил Христа. Когда есть люди, в такой же степени раболепствующие страстям, что же невероятного в любви Павловой? Потому и слабее наша любовь ко Христу, что вся наша сила истощается на любовь порочную, и мы хищники, сребролюбцы, рабы суетной славы (1).

* * *

Нет ничего, чему бы не вредили страсти. Как бурные ветры, нападая на тихое море, возмущают его с самого дна, так что песок смешивается с волнами, так и страсти, вторгаясь в

душу, возмущают в ней все и ослепляют мыслительную ее способность, — особенно же страсть к славе [земной, суетной] (1).

* * *

Худое, очень худое дело уступать место худым страстям. Надлежит всячески отражать их и возбранять им вход. Ибо как скоро они займут душу и ею возобладают, то, как огонь, падающий на сухие дрова, возжигают в ней страшный пламень. Поэтому молю вас, употребляйте все, чтобы заградить им вход и не давайте места какому бы то ни было злу. Не обольщайте себя тем душепагубным помыслом: что за важность в том или в этом? Отсюда-то рождаются бесчисленные роды зол. Коварный диавол употребляет большие хитрости... Он начинает действия свои с малого. Смотри: хотел он довести Саула до того, чтобы тот пошел слушать глупости чревоволшебницы. Если бы он вначале стал внушать это Саулу, то Саул, конечно, не послушал бы его, ибо как послушал бы тот, кто сам преследовал волхвования? Поэтому он неприметно и мало-помалу приводит его

к этому. Во-первых, когда преслушал Саул Самуила и в его отсутствии дерзнул принести всеожжение... Потом Бог повелел истребить амаликитян, он и этого не исполнил. Далее следовали злые умысления его против Давида. Таким образом, неприметно и мало-помалу поскальзываясь, не мог уже остановиться, пока наконец вверг себя в самую бездну погибели. Так случилось и с Каином. Дьявол не тотчас увлек его на убийство брата, да иначе и не успел бы убедить его, но, во-первых, склоняет его принести худейшее в жертву, внушая ему, что в этом нет греха; во-вторых, возжег в нем зависть, уверяя, что ничего и в этом нет; в-третьих, убедил умертвить брата и запираяться перед Богом в гнусном смертоубийстве. И не прежде [дьявол] отступил от него, чем довел до крайнего зла. Итак, надобно отражать зло вначале, даже если первые преступления на себе только и останавливались, и тогда нельзя пренебрегать ими, но в самом деле они доходят до большего, когда душа вознерадит. Потому все надлежит употреблять для того, чтобы истреблять страсти в самом начале. Не смотри на то, что грех в самом

себе мал, но помни, что он бывает корнем великого зла, когда вознерадят о нем (1).

* * *

Все его (страстного человека) желания устремлены к предметам скорогибнущим и скоропреходящим... Если нападает на него страсть сребролюбия, он не отражает ее нападения, как поступает человек, свободный от этой страсти, но делает все, как купленный раб, в угождение жестокой своей госпоже — сребролюбия. Видит ли благообразную девицу, он тотчас пленяется ею, трепещет и бежит за нею, подобно взбесившемуся псу, между тем как надлежало бы поступать наоборот. Когда увидишь благовидную женщину, не о том помышляй, как бы удовлетворить своему похотению, но как освободиться от этого похотения. Да как же это, скажешь ты, ибо любить не от меня зависит. А от кого же? От наветов дьявола? Пусть так, обвиняй в этом одного дьявола. Борись же с дьяволом и противься страсти. Но я не могу, скажешь ты. Ну, теперь и мы скажем тебе, что твоя страсть произошла от твоего нерадения и что ты

сам еще прежде, нежели получил страсть, дал доступ к себе диаволу. Но и теперь, если бы ты хотел, очень легко мог бы прогнать его от себя. Скажи мне, что заставляет прелюбоде-ев прелюбодействовать — желание ли себе бед и опасностей или любовь? Очевидно, что любовь. Что же, можно ли их за это извинить? Никак нет. Почему же? Потому что этот грех зависит от них. Но для чего мне такие умствования, скажешь ты. Я сознаю в себе желание освободиться от этой страсти, но не могу, потому что она сильно нападает на меня, терзает и жестоко меня мучит. Согласен, что ты желаешь освободиться от страсти, но не то делаешь, чем бы можно было отогнать ее. Ты делаешь то же, что делает одержимый горячкой, когда пьет холодную воду, и так же говорит: сколько я не придумываю средств избавиться от горячки, однако не только ничего не успеваю, напротив, еще более усиливаю в себе жар. Итак, рассмотри внимательнее. Желая погасить свою страсть, не делаешь ли ты чего, что более разжигает ее? Нет, скажешь ты. Скажи же, какие ты употребляешь средства для того, чтобы

погасить эту страсть? (Хотя и не все подвержены этой страсти, потому что более можно найти зараженных любовью к деньгам, нежели плотской, впрочем, и тем и другим предлагается общее врачевство. Ибо и та и другая любовь равно гнусны, последняя только сильнее и пагубнее. Но когда мы преодолеваем сильнейшую, то, очевидно, и слабейшую легко можно истребить. Но если любовь плотская сильнее, то отчего же, ты скажешь, не все бывают заражены ею, напротив, многие с большим рвением стремятся к деньгам? Это, во-первых, оттого, что последняя многим кажется безопасной, а еще оттого, что любовь плотская хотя и сильнее, но она скорее проходит. Иначе если бы она была столько же продолжительна, как и страсть к деньгам, то каждого зараженного ею приводила бы к гибели.) Итак, рассмотрим внимательно плотскую любовь и узнаем, что усиливает страсть эту. Тогда увидим, от нас ли она зависит или не от нас. Если от нас, то мы должны употребить все усилия, чтобы освободиться от нее, если же не от нас, то для чего напрасно и мучить себя? Для чего будем обвинять, а не

извинять тех, которые бывают пленены этой страстью? Итак, от чего же рождается эта любовь? От красоты лица, скажешь ты, то есть когда красива и благовидна будет та, которая уязвляет тебя. Но если бы красота лица привлекала к любви, то такую-то девицу любили бы все. Если же не все любят ее, то и любовь эта зависит не от естества и не от красоты лица, а от бесстыдных глаз. Ибо когда ты, пристально смотря на нее, чрезмерно удивляешься ей и разжигаяешься в сердце своем, то ты уже уязвлен. Да кто может, ты скажешь, при взгляде на красивую женщину не похвалить ее? Ибо не в нашей воле состоит удивляться чему-либо, а потому любовь не от нас зависит. Не спеши, человек. Для чего ты все смешиваешь и, обходя по распутьям, не хочешь узнать настоящего корня этого зла? Я много знаю таких, которые удивляются и хвалят, а между тем не любят. Как же возможно удивляться красоте и не любить? Не возмущайся, я об этом и хочу теперь говорить; потерпи и послушай, как Моисей удивляется сыну Иаковлеву, говоря: *Иосиф же был красив станом и красив лицом* (Быт. 39, 6). Но неужели говорив-

ший так вместе с тем и любил? Совсем нет. Ты скажешь, что Моисей не видал того, кого хвалил. Но мы впадаем в эту страсть не только тогда, когда смотрим на красоту, но, случается, и тогда, когда слышим о ней. Но что бы ты более не спорил с нами, я спрошу тебя: Давид не был ли благообразен и весьма добротен, особенно по красоте своих глаз? Ибо красота глаз занимает первое место в благообразии лица. Неужели поэтому кто-нибудь увлечен страстной любовью к нему? Никто. Следовательно, любовь не связана неразрывно с удивлением... Страсть эта происходит не просто от красоты телесной и благовидности, а от расслабления и заблуждения души. Много было и таких, которые, обойдя мимо славящихся красотой женщин, предавались безобразным. Отсюда ясно, что любовь зависит не от красоты лица. В противном случае они избрали бы красивых, а не безобразных. Итак, где же причина этой страсти? Если не от красоты лица эта любовь, то откуда же она происходит и где искать ее источник? От злого духа? Точно, она и от него зависит. Но мы не того доискиваемся. Посмотри лучше,

не виновны ли и мы? Действительно, она не есть только навет дьявола, но вместе с ним мы и сами еще первые виновники ее. Ибо эта страсть ни от чего так легко не рождается, как от привычки, от услужливых слов, от праздности, лени, и оттого, что у нас нет никакого дела. А привычка великую, очень великую имеет силу. Даже обращается в необходимость природы. Но если привычка рождает ее, то очевидно, что она же и погасить ее может. Многие увлеченные такой любовью освободились от нее тем, что не видели более любимых ими лиц. Сначала это покажется жестоко и очень неприятно, но со временем сделается приятным, и наконец, если только захочешь, и без труда освободишься от этой болезни. А отчего, ты скажешь, я и без привычки пленяюсь при первом взгляде? И это также происходит или от праздности телесной, или от пищи, или от беспечности о своих обязанностях, или оттого, что человек вовсе не занимается даже необходимыми для него делами. Такой человек, повсюду блуждая, как бы заблудившийся в пути, легко увлекается всяким злом, и его душу, как душу рассеян-

ного юноши, всякий, кто хочет, увлекает в рабство. Поскольку существенное свойство души — непрестанно быть в действии, то если ты прекратишь ее деятельность в добром, она, как не могущая оставаться в бездействии, по необходимости устремляется к другому роду действий. Как незасеянная и не насажденная земля и сама собою производит траву, так и душа, не упражняемая в добрых делах, а по природе своей непрестанно стремящаяся к деятельности, по необходимости предастся злым делам. И как глаза, не могущие не смотреть, необходимо смотрят на худое, когда не имеют перед собой хорошего, так и помысел, не занимаемый предметами полезными и необходимыми, по нужде останавливается на бесполезных и вредных. А что непрестанное упражнение и бодрствование могут отогнать первое нападение страсти, это известно из многих примеров. Итак, если ты при взгляде на благовидную женщину, почувствуешь страсть к ней, то больше не смотри на нее, — и освободишься от страсти. Да я не могу, ты скажешь, не смотреть на нее, будучи влечом страстью. Займись другими

полезными предметами, занимающими душу: читай книги, заботься о своих нуждах, ходатайствуй, защищай обижаемых, молись, размышляй о будущем веке, — к этим предметам устремляй душу твою. Поступая таким образом, ты освободишься не только от новой еще раны, но легко можешь излечить отвердевшую и застаревшую. Если худая молва заставляет иногда плененного этой страстью отказаться от любви, то тем более эти духовные занятия могут подавить зло, лишь бы только мы сами захотели оставить его. Но если мы всегда обращаемся и беседуем с теми, кто поражает нас стрелами этой страсти, и даже в отсутствии говорим о них сами и слушаем рассказы других, то не сами ли мы питаем болезнь свою? Как же ты хочешь погасить огонь, каждый день раздувая пламень? Все, что мы сказали о привычке, этим пусть воспользуются юноши. Что же касается до мужей и тех, которые умеют размышлять, то для них более всего в этом случае нужен страх Божий, память о геенне и желание Небесного Царствия. Ибо все это имеет особенную силу для них, чтобы погасить пламень преступной люб-

ви. Кроме этого представляй себе и то, что видимое тобой есть не более как влага, кровь и гной согнившей пищи. А светлый цвет лица, скажешь ты? Правда. Но нет ничего светлее цветов земных, а и они увядают и согнивают. Потому и здесь смотри не на цвет, но далее проникай мыслью, и, оставив без внимания красоту кожи, размышляй о том, что под кожей кроется. И у страждущих водяной болезнью тело светло и снаружи не имеет ничего безобразного, но отвращаясь внутри его скрывающейся гнилости, мы не можем обольщаться красотой лица таких людей. А нежный и резвый глаз, красиво расположенная бровь, черные ресницы, кроткая зеница ока, веселый взгляд? Но знай опять, что и это все не что иное, как нервы, жилы, перепонки и артерии. И на этот красивый глаз смотри как на больной, состарившийся, иссохший от печали или пылающий гневом, тогда он представится тебе безобразным. Вся прелесть его пропадет для тебя и тотчас исчезнет. Вместо этого устремляй лучше мысль твою к истинной красоте. Но я не вижу, скажешь ты, красоты душевной? Напрасно. Если захочешь, увидишь...

Можно тебе видеть красоту душевную без помощи глаз. Не воображал ли ты себе какого-нибудь красивого лица и не ощущал ли от этого в душе движение? Таким же образом воображай себе и красоту души и наслаждайся ее благообразием. Ты скажешь, я не могу видеть бесплотного. Но умом мы еще лучше созерцаем бесплотное, нежели тела. Таким образом мы удивляемся и Ангелам, и Архангелам, хотя их и не видим, также и добрым нравам и душевным добродетелям. Итак, когда увидишь кроткого и благоустроенного человека, то подивись лучше ему, нежели красивому лицом, и если заметишь, что кто-нибудь без огорчения переносит напрасные обиды, то с удивлением вместе и возлюби его, хотя бы он был и старец. Ибо красота души такого свойства, что и в старости имеет многих любителей, потому что никогда не увядает и всегда цветет. Итак, чтобы и нам стяжать такую красоту, станем ловить и любить тех, которые имеют ее (1).

* * *

Ныне нет гонений на христиан, зато теперь время для друго-

го рода смерти. *Умертвите*, сказано, *земные члены ваши* (Кол. 3, 5). Итак, погасим вождение, умертвим гнев, истребим зависть. Это — жертва живая. Жертва эта не оканчивается пеплом, не рассеивается в дыме, не требует ни дров, ни огня, ни ножа. Для нее огонь и нож — Дух Святой. Воспользовавшись этим ножом, отсеки от сердца все излишнее и чуждое, открой заключенный слух. Страсти и злые пожелания обыкновенно заграждают вход слову Божию. Так, усилившаяся привязанность к богатству не позволяет слушать слово о милостыне, появившаяся зависть преграждает путь учению о любви, да и всякая другая страсть, вторгаясь в душу, делает ее крайне нерадивой ко всему. Итак, истребим злые пожелания. Ведь нужно только захотеть, и все исчезнет. Не будем думать, будто сама по себе сильна любовь к богатству: вся сила заключается в нашей беспечности. Есть много людей, которые даже не знают, что такое серебро, потому-то любовь к богатству — страсть неестественная. Естественные пожелания вложены в нас с самого начала, а о золоте и серебре долгое время даже не

было известно, существуют ли они. Отчего же усилилась эта страсть? От тщеславия и крайней беспечности. Из пожеланий одни необходимы, другие естественны, а иные ни то, ни другое. Так, все те желания, от неудовлетворения которых гибнет животное, естественны и необходимы, как, например, желание пищи, питья и сна. Вождение плотское естественно, но не необходимо, так как многие преодолели его и, однако же, не погибли. А желание богатства ни естественно, ни необходимо, а излишне: если мы захотим, то и не подчинимся ему. Ведь Христос, беседуя о девстве, сказал: *кто может вместить, да вместит* (Мф. 19, 12), а о богатстве говорит не так: *кто не отречется от всего, что имеет, не может быть Моим учеником* (Лк. 14, 33). Что легко, к тому увещевает, а что превосходит силы многих, то оставляет на произвол... Кто пленен страстью особенно сильной, тот понесет не столь большое наказание, а кто уловлен страстью слабой, тот лишится всякого оправдания. И в самом деле, что мы будем отвечать, когда Господь скажет: вы видели Меня алчущим и не напитали (см.: Мф. 25, 42)? Какое будем

иметь оправдание? Сошлемся, конечно, на бедность? Но мы не беднее той вдовицы, которая, положив две лепты, превзошла всех (1).

* * *

Если он (апостол Павел), славный такими подвигами и являвшийся на земле подобным Ангелу, каждый день старался приобретать что-нибудь, ополчаться против опасностей за истину, собирать себе духовное богатство и никогда не останавливаться, то какое оправдание будем иметь мы, которые не только не совершили никаких подвигов, но обременены такими недостатками, из которых и каждый в отдельности может низринуть нас в бездну гибели, и не прилагаем никакого старания даже и о том, чтобы исправить эти недостатки? А если часто оказывается, что один и тот же имеет не один только недостаток, но весьма многие, когда он и гневлив, и необуздан и сребролюбив, и завистлив, и жесток, и однако же не старается ни исправить эти недостатки, ни обратиться к делам добродетели, то какая остается надежда на спасение? Это гово-

рю, чтобы каждый из слушающих, взяв из слов наших приличное ему врачевство, постарался, освободившись от обременяющих его страстей, возвратить себе здоровье и сделать себя способным к добродетели...

Итак, каждый из вас... старайся удалить из души своей ту страсть, о которой знает, что она тяготит его более других страстей и, действуя благочестивым размышлением, как духовным мечом, освобождай себя от этой страсти. Бог дал нам столько разума, что при нем можем, если захотим быть сколько-нибудь внимательными, одолеть каждую из возникающих в нас страстей. Для того благодать Духа и описала для нас жизнь и деятельность всех святых в божественном Писании, чтобы, узнав, как они, будучи одного с нами естества, совершили всякую добродетель, мы не ленились подвизаться в ней (8).

СТРАХ

Никто столько не страшится, как прилепившийся к житейскому. Он живет подобно Каину, трепеща каждый день от страха. Нужно ли говорить еще о его опасениях смерти в разных ее

видах, потерь, коварства и ласкательства. Он и без того боится тысячи превратностей, хотя сокровищница его полна золота, а душа не свободна от страха бедности. И это очень естественно. Ибо все его желания устремлены к предметам скорогибнущим и скоропреходящим. А потому хотя сам он и не испытал еще превратности, но видя ее на других, почитает себя уже погибшим. Оттого он весьма боязлив и малодушен. И не в одних только опасностях так он боязлив, он таков и во всех других случаях (1).

* * *

Каин в наказание должен был стенать и трястись (см.: Быт. 4, 12). Таковы все люди порочные, сознающие за собой множество зол: они часто пробуждаются от сна, с беспокойными мыслями, со смущенными глазами; все возбуждает в них подозрение, все приводит их в ужас. Душа их исполнена тяжкого предчувствия и боязни, смущается и изнывает от страха и ужаса. Ничего не может быть бессильнее, ничего безумнее такой души. Как беснующиеся неспособны владеть собой, так и она [душа]

собой не владеет. Как она может прийти в сознание, подвергшись такому омрачению, между тем как если бы она любила тишину и спокойствие, то могла бы познать свое благородство? Но когда ее возмущает и устрашает все: и сновидения, и слова, и действительные явления, и подозрения, — то как она может прийти в самосознание, находясь в таком беспокойном и расстроенном состоянии? Отвергнем же этот страх, расторгнем эти узы. Ибо если бы и не было в будущем никакого наказания, то не хуже ли это всякого наказания — постоянно находиться в страхе, никогда не иметь дерзновения, никогда не чувствовать отрады? Помня все это, верно будем сохранять спокойствие и печься о добродетели (1).

СТРАХ БОЖИЙ

Если ты будешь иметь огонь порочного пожелания, представь огонь тамошнего мучения, и твой огонь погаснет. Если ты захочешь сказать что-нибудь непристойное, представь скрежет зубов, и страх послужит для тебя уздой. Если ты пожелаешь похитить что-нибудь чужое,

припомни слова Судии: *связав ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю* (Мф. 22, 13), и ты оставишь свое намерение. Если ты жесток и немилостив, вспомни тех дев, у которых погасли светильники от недостатка елей, от чего они и лишились брачного чертога, и ты скоро будешь человеколюбивым. Если у тебя будет желание упиваться и роскошествовать, послушай богача, который говорил: *пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой*, и не получил желаемого (Лк. 16, 24), и тотчас ты оставишь свою страсть. И все другие страсти ты можешь укротить таким образом (1).

* * *

Если бы страх не был благом, то ни отцы не приставляли бы надзирателей к детям, ни законодатели начальников к городам. Что ужаснее геенны? Но нет ничего полезнее страха ее, потому что страх геенны приносит нам венец царствия. Где страх, там нет зависти, где страх, там не мучит сребролюбие, где страх, там погашен гнев, усмирена злая похоть, искоренена всякая бе-

зумная страсть. И как в доме воина, постоянно вооруженного, не посмеет появиться ни разбойник, ни вор, ни другой подобный злодей, так, когда страх объемлет души наши, ни одна из низких страстей не может легко войти в нас, но все удаляются и бегут, гонимые отовсюду силой страха. И не только эту пользу получаем мы от страха, но и другую, гораздо большую этой. Он не только отгоняет от нас злые страсти, но и вводит с великой удобностью всякую добродетель. Где страх, там и заботливость о милостыне, и усердие к молитве, и слезы теплые и непрерывные, и стенания, выражающие великое сокрушение. Ничто так не истребляет греха, а добродетели не способны расти и процветать, как непрестанный страх. Поэтому кто не живет в страхе, тому невозможно быть добродетельным, так как и живущему в страхе невозможно грешить...

Если бы страх не был благом, Христос не изрек бы много продолжительных наставлений о тамошнем наказании и мучении. Страх есть не что иное, как стена, и ограда, и столб необоримый, а нам и нужно великое ограждение, потому что отовсюду

множество засад, как премудрый, увещевая, сказал: *знай, что ты посреди сетей идешь и по зубцам городских стен проходишь* (Сир. 9, 18) (1).

* * *

Видели вы Божию силу, видели Божие человеколюбие? Силу в том, что Бог потряс вселенную, человеколюбие в том, что падающую ее остановил... Но хотя землетрясение миновало, страх пусть остается, колебание прошло, а благоговение пусть не проходит. Три дня мы молились, но не прекратим нашего усердия... Говорю это и не перестану говорить и бедным и богатым: подумайте, как велик гнев Божий, как все Ему легко и удобно, отстанем же от пороков, в краткую минуту времени Он так сокрушил душу и ум каждого и потряс основания сердца. Подумаем же, что в тот страшный день, когда будет не одна минута времени, но бесконечные веки, и потоки огня, и грозный гнев, и силы, влекущие на суд, и страшный престол, и нелицеприятное судилище, и дела каждого предстанут пред очи, и никто не будет заступником: ни сосед, ни ритор, ни сродник, ни

брат, ни отец, ни мать, ни ино-
племенник, ни кто-либо дру-
гой, — что тогда, скажи мне,
мы будем делать? Навожу на
вас страх, чтобы устроить ваше
спасение. Я сделал учение более
резким, чем железо, чтобы
каждый из вас, имеющий язву,
освободился от нее (3).

СТЫД

Не стыдись служить бедному
собственными своими руками.
Христос не стыдится протяги-
вать руку и брать через бедного,
а ты станешь стыдиться протя-
гивать руку и подавать серебро?
Не крайне ли это безумно? Одно
только постыдно — порок, жес-
токость, бесчеловечие, а благо-
расположение, и милостыня, и
человеколюбие, и служение нуж-
дающимся делает нас весьма
славными (6).

СУД СТРАШНЫЙ

Будем... избегать порока и из-
бирать добродетель, дабы нам
не посрамиться в день открове-
ния дел. *Всем нам должно
явиться пред судилище Хрис-
тово*, — говорит Павел, — *что-
бы каждому получить соот-
ветственно тому, что он*

*делал, живя в теле, доброе или
худое* (2 Кор. 5, 10). Будем же
иметь в уме это судилище и
представим, что оно теперь су-
ществует, что судия сидит и все
открывается и выставляется на
вид. Ибо нам нужно будет не
только предстать, но и открыть-
ся. Неужели вы не смущаетесь?
Неужели не трепещете? Не ре-
шаемся ли мы часто лучше умер-
еть, нежели открыть перед по-
чтенными друзьями наше тайное
преступление? Как же будем
чувствовать себя тогда, когда
грехи наши откроются перед
всеми Ангелами и всеми людь-
ми и предстанут перед нашими
глазами? *Я обличу тебя*, — го-
ворит Господь, — *и представлю
пред лицом твоим грехи твои*
(Пс. 49, 21). Если же тогда, когда
еще нет самого события, а толь-
ко оно предполагается и изобра-
жается словами, мы терзаемся
совестью, то что мы будем де-
лать, когда оно наступит, когда
будет присутствовать вся все-
ленная, и Ангелы, и Арханге-
лы, и Начала, и Власти, когда
будут непрерывно звучать тру-
бы, когда праведники будут
подняты на облаках и будет ве-
ликий плач грешников? Какой
тогда страх обнимет оставших-
ся на земле? Ибо сказано: *один*

берется, а другой оставляется... одна берется, а другая оставляется (Мф. 24, 40-41). В каком состоянии будет душа их, когда они увидят, как другие отводятся с великой честью, а они оставляются с великим стыдом? Невозможно, поверьте, невозможно выразить словом этого страдания... Если бы даже не было геенны, то каким будет наказанием быть отвергнутым от такой светлости и отойти с бесчестьем?.. Или вы думаете, малым будет наказанием — не быть поставленным наряду с другими в том сонме, не удостоиться неизреченной славы, быть удаленным и остаться далеко от того торжества и неизглаголаных благ? Но если, кроме того, будут и мрак, и скрежет зубов, и узы неразрешимые, и червь неумирающий, и огонь неугасающий, и плач, и стенание, и языки, мучимые жаром, как у богача, когда будем вопить и никто не услышит, будем стенать и плакать от страданий и никто не станет внимать, будем смотреть во все стороны и никто нисколько не утешит, то как судить о находящихся в таком состоянии? Что может быть несчастнее этих душ? Что горестнее (1)?

* * *

Тогда отверзется все небо и сойдет Единородный Сын Божий в сопровождении не двадцати и не ста, но тысячи и десятков тысяч Ангелов и Архангелов, и все будет исполнено страха и ужаса; земля разверзется, и все люди, когда-либо существовавшие, от Адама до настоящего времени, восстанут из земли и будут восхищены, а Он сам будет блистать такой славой, что солнце и луна скроют весь свет свой, который померкнет Его сиянием. Но, — как прискорбна великая наша бесчувственность! — когда ожидают такие блага, мы еще пристращаемся к благам настоящим и не разумеем злобы дьявола, который через маловажное лишает нас великого, дает грязь, чтобы отнять небо, показывает тень, чтобы удалить от истины, представляет великолепие в сновидениях, — ибо таково настоящее богатство, — чтобы, когда придет тот день, явить нас беднейшими всех. Зная это, будем избегать коварства его, будем опасаться осуждения вместе с ним, чтобы не сказали и нам Судия: *идите от Меня, проклятые, в огонь вечный,*

уготованный диаволу и ангелам его (Мф. 25, 41) (1).

* * *

Частое собеседование и непрестанное памятование о воскресении и суде приносят нам великую пользу. Захотим ли мы несправедливо обогатиться или похитить что-нибудь или сделать другой какой бесчестный поступок, тотчас приведем себе на мысль тот день, вообразим то судилище, и эта мысль сильнее всякой узды сдержит дурное наше стремление. Будем постоянно говорить и себе и другим: есть воскресение, и страшное судилище ожидает нас. Если кого-либо увидим тщеславящимся и надмевающимся настоящими благами, скажем ему то же самое и объявим, что все это останется здесь. Если опять увидим другого удрученным скорбями и унывающим, выскажем и ему то же самое, указывая на то, что скорбям будет конец. Если также увидим кого-либо преданным беспечности и разлениванию, представим ему опять то же, выставляя на вид, что нужно будет отдать отчет в беспечности. Эта речь лучше всякого лекарства может утешать душу. И под-

линно, есть воскресение, и воскресение у дверей, не далеко, но близко. *Еще немного, очень немного, и Грядущий придет и не умедлит* (Евр. 10, 37), и в другом месте: *всем нам должно явиться пред судилище Христова* (2 Кор. 5, 10), т.е. и злым, и добрым: тем, чтобы перед всеми потерпеть бесславие, этим, чтобы перед всеми оказаться еще более славными. Как здесь судьи и злых наказывают, и добрым воздают честь, открыто перед всем, так точно будет и там, чтобы для одних было больше стыда, а для других больше славы. Будем же представлять себе это каждый день. Если будем постоянно иметь это в мыслях, то ничто из вещей настоящих и преходящих не удержит нас, потому что видимое временно, а невидимое вечно... Пусть говорят это и все те, которые допускают судьбу, — и они немедленно освободятся от этой гнилой болезни. Ибо если есть воскресение и суд, то нет судьбы, сколько бы они ни спорили и ни препирались. Но я стыжусь, что учу христиан о воскресении. Кого нужно учить, что есть воскресение, и кто не вполне убежден, что все совершается не по необходимости, и не просто, и

не как-нибудь, тот очевидно не христианин... Но, быть может, кто-нибудь скажет: да когда будет кончина, когда воскресение? Вот сколько уже прошло времени, и ничего не случилось? Но будет, — поверьте. Ведь и перед потопом тоже говорили и смеялись над Ноем, но пришел потоп и всех этих не веровавших поглотил, и только его одного веровавшего оставил в живых. И при Лоте не ожидали той, свыше ниспосланной казни, пока молнии и громы не уничтожили всех. И ни тогда, ни при Ное не было никакого предварительного указания на то, что имело случиться; но беды произошли неожиданно и в то время, как все пировали, пили и упивались. Так настанет и воскресение, не с предварительными какими-либо признаками, но среди нашего благополучия. Потому Павел и говорит: *когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами постигает имеющую во чреве, и не избегнут* (1 Фес. 5, 3). Так устроил это Бог для того, чтобы мы всегда были бдительны и не предавались беспечности среди самой безопасности (1).

* * *

Послушай пророков, взывающих и говорящих об этом [о Страшном суде], как людям возможно сказать. Один говорит: *Бог явно придет, Бог наш, и не будет безмолвен: огонь пред Ним возгорится и вокруг Его сильная буря. Он призовет небо свыше и землю рассудит народ* (Пс. 49, 3, 4). И Исаия присовокупляет и само наказание нам в следующих словах: *вот, приходит день Господа лютый, с гневом и пылающею яростью, чтобы сделать землю пустынею и истребить с нее грешников ее. Звезды небесные и светила не дают от себя света; солнце меркнет при восходе своем, и луна не сияет светом своим. Я накажу мир за зло, и нечестивых — за беззакония их, и положу конец высокоумию гордых и уничижу надменность притеснителей, сделаю то, что люди будут дороже чистого золота, и мужи — дороже золота Офирского. Для сего потрясу небо, — и земля сдвинется с места своего от ярости Господа Саваофа в день пылающего гнева Его* (Ис. 13, 9–13). И еще: *окна с небесной высоты растворятся, и основания*

земли потрясутся. Земля сокрушается, земля распадается, земля сильно потрясена; шатается земля, как пьяный, и качается, как колыбель, и беззаконие ее тяготеет на ней; она упадет — и уже не встанет. И будет в тот день: посетит Господь воинство выспреннее на высоте и царей земных на земле. И будут собраны вместе, как узники, в ров и будут заключены в темницу (Ис. 24, 18–22). И Малахия согласно с этим говорит: и кто выдержит день пришествия Его, и кто устоит, когда Он явится? Ибо Он — как огонь расплавляющий и как щелок очищающий, и сядет переплавлять и очищать серебро, и очистит... как золото и как серебро (Мал. 3, 2–3). И еще: вот, придет день, пылающий, как печь; тогда все надменные и поступающие нечестиво будут как солома, и попалит их грядущий день, говорит Господь Саваоф, так что не оставит у них ни корня, ни ветвей (Мал. 4, 1)... Тогда разверзнутся все врата сводов небесных, а лучше сказать, и само небо истребится. *И небеса свернутся*, говорит [пророк], *как свиток книжный* (Ис. 34, 4), *свертываясь, как кожа или по-*

кров какой-либо палатки, чтобы измениться в лучшее. Тогда все исполнится изумления, ужаса и трепета; тогда и самих Ангелов обьет страх, и не только Ангелов, но и Архангелов, и Престолы, и Господства, и Начала, и Власти, и силы небесные, говорит [Господь], поколеблются (Мф. 24, 29), потому что от сослужителей их потребуются отчет в здешней жизни. Если тогда, когда один какой-нибудь город бывает судим земными правителями, трепещут все, даже и находящиеся вне опасности, то когда вся вселенная будет судима таким Судией, который не нуждается ни в свидетелях, ни в обличителях, но и без них обнаружит и дела, и слова, и мысли и все как на картине покажет и самим грешникам, и не знающим, — возможно ли, чтобы тогда не потряслась и не поколебалась всякая сила? Поистине, если бы и река огненная не текла, и страшные Ангелы не предстояли, а только бы из собранных людей одни получали похвалу и прославление, а другие были отгоняемы с бесчестьем, чтобы не зреть славы Божией... и это было бы единственным наказанием, то лишение таких благ не мучительнее

ли всякой геенны терзало бы души отверженные (2)?

* * *

Почему же, скажут, не здесь все наказываются? Потому что Бог назначил день, в который будет Он судить вселенную, но этот день еще не пришел (2).

* * *

Какая же надпись [шестого псалма]? *Об осьмом (дне)*, говорит [Давид]. Какой же это восьмой [день], если не тот день Господень, великий и славный, подобный пещи горящей, который заставит трепетать и горние силы (*и силы небесные*, сказано, *поколеблются*, Мф. 24, 29), и изведет огонь, предтекущий Царю [Христу]? Он назвал этот день восьмым, указывая на перемену [настоящего] состояния и на обновление жизни будущей. Настоящая жизнь не что иное, как одна седмица: начинается она первым днем, а оканчивается седьмым, и потом опять круговращается в тех же пределах, восходя к тому же началу и нисходя к концу. Поэтому никто не назвал бы дня Господня [воскресного] восьмым, но — пер-

вым, потому что круг седмицы не простирается до восьмеричного числа. Когда же все настоящее прекратится и разрушится, тогда наступит течение восьмого дня, оно не будет возвращаться к началу, но устремится в дальнейшие пространства. Итак, пророк от сильного сокрушения имел всегда в памяти у себя [последний] суд, среди такого почета и удовольствий непрестанно видел перед собой тот день, о котором мы едва вспоминаем в скорбях и, постоянно размышляя о судьбах Божиих, написал этот псалом. Что же говорит он? *Господи! не в ярости Твоей обличай меня и не во гневе Твоем наказывай меня* (Пс. 6, 2), — называя яростью и гневом великую силу наказания (он знал, что Бог свободен от всякой страсти), хотя и признавал себя достойным не мучения и наказания, но почести и венцов (2).

СУДЫ

Будем убегать внешних судилиц. *И кто захочет судиться с тобою*, говорит Господь, *и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и: мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним*

(Мф. 5, 40, 25). Впрочем, нужно ли предлагать наши убеждения? Сами, имевшие дело со внешними судилищами, постоянно говорят, что лучше обходиться без них. Но деньги, или лучше, безумная страсть к деньгам! Она низвращает и ниспровергает все... Если хочешь видеть, как Писание повелевает тебе удаляться от этой нужды, т.е. от судилищ, и для кого существуют законы, то послушай, что говорит Павел: *закон положен не для праведника, но для беззаконных и непокоривых* (1 Тим. 1, 9). Если же он говорит так о законе Моисеевом, то тем более — о законах внешних. И подлинно, когда ты сам оскорбляешь, то явно, что ты не праведник, а когда тебя оскорбляют и ты терпишь, — что особенно и свойственно праведнику, — то не имеешь нужды в законах внешних... Победа принадлежит скорее терпящему обиды, нежели не терпящему. Постараюсь объяснить вам это. Положим, что не терпящий обиды ведет противника своего в судилище и одерживает верх, но тогда-то он сам и остается побежденным. Он подвергся тому, чего не хотел: противник принудил его огорчаться и судить-

ся. Что в том, что ты одержал верх? Что в том, что обратно получил все деньги? Ты потерпел то, чего не хотел, быв принужден судиться. Если же ты перенесешь обиду, то побеждаешь: теряешь деньги, но приобретаешь победу при таком любомудрии, ибо, значит, противник не мог принудить тебя к тому, чего ты не хотел (1).

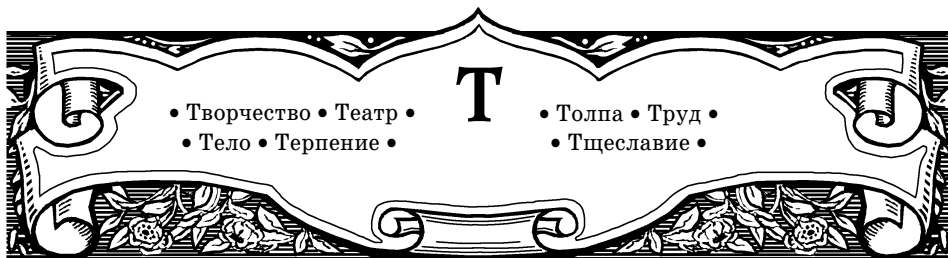
СУЕВЕРИЕ

Более всего прискорбны состызания, которые происходят в гостиницах и преисполнены распутства и великого нечестия: нечестия потому, что занимающиеся ими замечают дни, гадают и думают, что если первый день этого месяца они проведут в удовольствии и веселье, то и во весь год будет то же, а распутства потому, что на самом рассвете и женщины и мужчины, наполнив стаканы и чаши вином, напиваются с великой неумеренностью... Неужели вы не слышали слов Павла: *наблюдаете дни, месяцы, времена и годы. Боюсь за вас, не напрасно ли я трудился у вас* (Гал. 4, 10–11). Крайне безумно по одному счастливому дню ожидать того же на весь год; и не

только от безумия, но и от дьявольского влияния происходит та мысль, будто в делах нашей жизни надобно полагаться не на собственную ревность и деятельность, а на дневные обращения времени. Счастлив для тебя будет год во всем не тогда, как ты будешь пьянствовать в первый день, но если и в первый и в каждый день будешь делать угодное Богу. Дьявол, стараясь отклонить нас от подвигов добродетели и подавить душевную ревность, научил людей счастье и несчастье приписывать дням. Кто убежден, что есть дни счастливые и несчастные, тот в несчастный день не будет заниматься добрыми делами, думая, что весь его труд останется тщетным и бесполезным по роковому свойству дня; равно и в счастливый день не займется теми делами, думая, что его не-

радение нисколько не повредит ему по хорошему свойству самого дня, и таким образом он в том и другой случае будет терять свое спасение и, считая труды свои то бесполезными, то излишними, будет проводить жизнь недейтельную и порочную. Зная это, мы должны избегать козней дьявола, исторгать из души такое убеждение, не наблюдать дней, не пренебрегать одним днем и не привязываться к другому. Лукавый демон ухищряется против нас таким образом не только для того, чтобы свергнуть нас в нерадение, но чтобы и оклеветать создания Божии, и вовлечь души в нерадение и вместе в нечестие. Мы должны удаляться от этого и ясно знать, что нет зла, кроме одного греха, и нет добра, кроме одной добродетели и угождения Богу во всем (3).

ТВОРЧЕСТВО

Я сотворил, говорит Он, землю и небо. Даю и тебе творческую власть, — сотвори землю Небом, ибо ты можешь сделать это. О Боге сказано: *сотворил... и претворяет* (Ам. 5, 8), но такую же власть Он дал и людям подобно тому, как чадолюбивый отец, занимаясь живописью, не только сам упражняется в этом, но и сына хочет довести до одинакового с ним совершенства. Я сотворил, говорит Он, прекрасное тело, даю тебе власть создать нечто лучшее: сделай прекрасной душу. Я сказал: *да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя и дерево плодovitое* (Быт. 1, 11). Скажи и ты: да произрастит та же земля собственный плод и произойдет то, что по твоему желанию должно произойти. Я творю лето и мглу, утверждаю гром и создаю дух; Я создал змия, чтобы ругаться над ним, то есть диавола... Ругайся над ним и ты, если хочешь, ибо можешь связать

его, как птичку. Воссияю солнце на злых и благих, подражай и ты: раздавай свои стяжания и добрым и злым. Будучи оскорбляем, терплю и благотворю оскорбляющим Меня, подражай и ты: ибо можешь сделать это. Я благотворю не ради воздаяния, подражай и ты: делай добро не ради воздаяния и не ради награды. Я возжег светила на небе, возжги и ты светила блистательнее этих, ибо можешь сделать это: просвети заблудших. Дать познать Меня есть большее благодеяние, нежели доставить возможность видеть солнце. Ты не можешь сотворить человека, но можешь сделать его праведным и благоутонным Богу. Я сотворил существо, ты укрась намерение. Посмотри, как Я люблю тебя: Я дал тебе силу даже в более важных делах (1).

ТЕАТР

Если случайно встретившаяся на площади и одетая как по-

пало женщина своим видом может иногда уловить человека, который из любопытства по-смотрит на нее, то как могут сказать о себе, что смотрели не с вожделением те, которые входят в театры не просто и не случайно, но для этого именно и с таким рвением, что небрегут и о церкви, проводят целые дни, пригвоздившись глазами к бесчестным тем женщинам, где развратные речи, блудные песни, любострастный голос, подкрашенные брови, нарумяненные щеки, наряды, подобранные с особенным искусством, поступь, исполненная очарования, и множество приготовлено других приманок для обольщения и увлечения зрителей; где и душа зрителя в беспечности и великой рассеянности, где и само место возбуждает к любострастию, где мелодия предшествовавших и последующих песен, выигрываемых на трубах, свирелях и других подобных инструментах, очаровывает и ослабляет силу ума, подготавливает души находящихся там к обольщениям блудниц и делает их легко уловимыми. Если похоть часто, как какой-нибудь хитрый разбойник, тайно входит [в человека] и здесь, где псалмы, и

молитвы, и слушание Божественных слов, и страх Божий, и великое благоговение, то как могут быть выше этой злой похоти те, которые сидят в театре и ничего здорового не видят и не слышат, напротив, исполнены гнусности и разврата, и терпят поражение через все чувства: и через слух, и через зрение?..

Неужели не боишься ты, человек, одними и теми же глазами смотреть и на сцену в театре, где представляются гнусные драмы прелюбодеяния, и на эту священную Трапезу, где совершаются страшные Таинства? одними и теми же ушами слушать и сквернословящую блудницу, и поучающего тебя словами пророка и апостола? одним и тем же сердцем принимать и смертоносный яд, и страшную и святую жертву? Не отсюда ли развращение жизни, расстройство брачных союзов, распри и ссоры в семействах? В самом деле, когда ты, расстроившись тамошним зрелищем и сделавшись более сладострастным и похотливым и совершенным врагом целомудрия, возвратишься домой и увидишь жену, тебе уже не так приятно будет смотреть на нее, какова бы она ни была. Распалившись на зрелищах

похотью и пленяясь чужим обольстительным лицом, ты отвращаешься от целомудренной и скромной жены, подруги всей твоей жизни, оскорбляешь ее, осыпаешь тысячью упреков не потому, что бы было тебе за что винить ее, но потому, что стыдно высказать страсть и показать рану, с которой ты возвратился оттуда домой... Да и на саму церковь будешь смотреть не так приятно, и слова о целомудрии и чистоте будешь слушать с неудовольствием (1).

* * *

Когда ты войдешь в театр и сядешь там, услаждая взор свой обнаженными членами женщин, то, конечно, сначала будешь чувствовать удовольствие, но потом сильный воспламенишь в себе жар. Когда видишь женщин, являющихся как бы в образе обнаженного тела, когда зрелище и песни не что иное выражают, как только одну гнусную любовь: такая-то, говорят, полюбила такого-то и не имела успеха и удавилась, — когда предаются даже преступной любви к матерям... то как, скажи мне, можешь ты после этого быть целомудренным, когда та-

кие рассказы, такие зрелища, такие слухи обдержат твою душу (1).

* * *

На здешнем театре в самый полдень употребляются завесы, и многие лицедеи являются в чужом виде и с ласками на лице, пересказывают старую басню, повествуют о былом. Иной представляется философом, не будучи философом, иной царем, не будучи царем, но только имея вид царя, по назначению, иной — врачом, не умея управиться и с деревом, но только надев платье врача, иной рабом, будучи свободным, иной учителем, не зная и азбуки. Они кажутся тем, чем никогда не бывали, а что они суть на самом деле, тем не показываются, ибо показывается врачом тот, кто вовсе не врач, показывается философом тот, кто только на лице имеет изысканную прическу, наконец, показывается воином тот, у кого только платье воина. Но, как ни обманчив вид личины, он не обманет природу, которую извращает. Личины держатся, пока увеселяющиеся сидят в театре, но когда наступит вечер, театр закроется, и все выйдут,

тогда личины бросаются, и кто в театре представлялся царем, вне его оказывается медником. Личины сброшены, обман прошел, открылась истина, и оказывается вне театра рабом, кто внутри его представлялся свободным. Внутри театра обман, а вне истина. Настал вечер, кончилось зрелище, и — открылась истина. Так и в жизни и при кончине. Настоящее — театр, здешние вещи: богатство и бедность, власть и подчиненность и т. п., — представляется в ложном виде. Но когда окончится тот день и наступит та страшная ночь, или, лучше, день, — ночь для грешников, а день для праведников, когда закроется театр, когда личины будут сброшены, когда позван будет на суд каждый со своими делами, — не с богатством своим, не с властью, не с почестями и могуществом, но каждый с делами своими: и начальник и царь, и женщина и мужчина, когда Судия спросит нас о жизни и добрых делах, а не о пышных титулах, не об унижительной бедности, не о жестоком пренебрежении, и скажет: подай Мне дела, пусть ты и раб, только бы лучше был свободного, пусть ты и жена, только бы мужествен-

нее мужа, когда, говорю, сброшены будут личины, тогда-то обнаружится и богатый и бедный. И как здесь, по окончании театра, иной из сидевших сверху, увидев в театральном философе медника, скажет: э! не был ли этот в театре философом? А теперь вижу его медником! Этот не был ли там царем? А тут вижу в нем какого-то ничтожного человека! Этот не был ли внутри [театра] богачом, а вне вижу его нищим! Так будет и там (1).

ТЕЛО

Бог дал нам тело из земли для того, чтобы мы и его возвели на небо, а не для того, чтобы через него душу низвели в землю. Оно [тело] есть земное, но если я захочу, будет небесным (1).

* * *

Не в настоящем только веке нам обещал Господь продолжение жизни и наслаждение видимыми благами, но и после отшествия отсюда и разрушения тел, когда наши тела обратятся в прах и пепел, обещает воскресить их и водворить в большей славе. *Тленному сему*, говорит

блаженный Павел, *надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие* (1 Кор. 15, 53). А после воскресения тел Господь обещает даровать нам наслаждения Царствия, общение со святыми, бесконечный покой и такие неизреченные блага, *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку* (1 Кор. 2, 9) (1).

* * *

Что возница для колесницы, или кормчий для корабля, или музыкант для музыкального орудия — тем же Создатель поставил душу для этого земного сосуда [тела]. Она держит бразды, движет рулем, ударяет в струны, и когда делает это хорошо, что производит согласнейшие звуки добродетели, а когда или слишком ослабляет звуки, или напрягает их больше надлежащего, то нарушает и искусство и благозвучие. Такой-то душой пренебрегают многие из людей, не устаивая ее даже и малейшего попечения, а все время своей жизни тратят на заботы о теле. Одни избирают жизнь мореплавателей — и борются с волнами и ветрами, нося с собой жизнь и смерть и по-

лагая надежду спасения в многих досках; другие принимают труды земледелия, запрягая рабочих волов и возделывая землю, то сея семена и пожиная жатву, то насаждая растения и собирая с них плоды, и все время у них проходит в этих трудах; иные занимаются торговлей и для нее совершают путешествия по земле и морю, предпочитают чужую страну своей и, оставляя отечество, родных, друзей, жен и детей, для малых выгод ведут жизнь странническую. И нужно ли исчислять все занятия, которые люди изобрели для потребностей телесных, проводя в которых дни и ночи, они стараются сохранить здоровье своего тела, а между тем душу, алчущую и жаждущую, иссохшую и загрязненную и подвергшуюся бесчисленному множеству зол, оставляют без внимания? Но после многих трудов и усилий они и смертное тело не защищают от смерти, и бессмертную душу вместе со смертным телом подвергают вечным мучениям (6).

ТЕРПЕНИЕ

Будем иметь великое терпение и никогда не ослабевать и

не унывать в подвигах добродетели, будем знать, что Владыка наш, щедрый и многомилостивый, воздаст нам за малые труды великими наградами и что Он не только в будущем веке угождает для нас бессмертные блага, но и в настоящей жизни, утешая нас в немощах естества нашего, подает нам многие дары. Ибо Господь всяческих, имея попечение о наших немощах, не всегда нас и скорби терпеть попускает, чтобы не слишком отягчали они немощь нашу, напротив, сам скоро подает нам свою помощь, укрепляя наше сердце и ободряя дух. Равно и в благополучии не всегда оставляет нас, чтобы мы, сделавшись беспечными, не склонились сами ко злу. Ибо многосчастьем забываем благородство и не удерживаемся в своих пределах. Поэтому-то Он как любвеобильный Отец иногда снисходит к нам, иногда наказывает нас, чтобы таким образом упредить нас ко спасению души. Как врач, когда лечит больного, не всегда томит его скудной пищей, не всегда позволяет и наслаждаться обильно яствами, чтобы многоядение не произвело воспаления и этим не усилило болезни, а с другой стороны, чтобы постоян-

но скудная пища не ослабила его еще более, но располагает свое врачевание, соображая состояние и силы болящего... Так точно и Человеколюбец Бог, ведая, что каждому из нас полезно, иногда дозволяет нам наслаждаться благополучием, иногда же подвергает нас искушениям. Потому что если искушаются люди добродетельные, то через искушение они являются еще более светлыми и приобретают свыше большую благодать; если подобные нам грешники с благодарностью принимают наведенные на них искушения, они слагают с себя тяжкое бремя грехов и получают во многом прощение. Поэтому, умоляю вас, зная благопромыслительную премудрость Врача душ наших, не будем испытывать судеб Его. Поскольку разум наш не может постигнуть их, то тем более будем благоговеть перед Его судьбами и за все прославлять Его именно потому, что имеем такого Владыку, промысел которого не может быть объят никакой мыслью, ни вообще разумом человеческим. Притом мы и сами не так знаем, что для нас полезно, как Он знает, и не столько сами мы заботимся о себе, сколько Он печется о нашем спасении, и

все творит и совершает так, чтобы только вести нас к добродетели и исхитить из рук диавола. И когда Он видит, что счастье не может принести нам пользы, тогда, как наилучший врач, который, заметив, что кто-либо от пресыщения тучнеет, возвращает тому здоровье через воздержание, подобно тому и дивный Врач наших душ наведением хоть немногих искушений дает нам чувствовать вред, какой мы потерпели бы от благополучия, а когда видит, что здоровье довольно уже восстановлено, тогда собственной помощью избавляет нас от искушений и преизобильно являет Свое о нас промышление. Итак, если некоторые, живя добродетельно, впадают в искушения, то да не смущаются духом, а тем более да питают себя утешительными надеждами, что через искушения уготовляются для них венцы и награды. Если же и во грехах живущие подвергаются скорбям, пусть и они не отчаиваются, зная, что искушения во всякое время могут послужить к очищению грехов, если только все, случающееся с нами, мы принимаем с благодарностью. Ибо свойство признательного раба не тогда только благодарить своего Гос-

пода, когда сам наслаждается беспечальной жизнью, но и в неприятных обстоятельствах показывать то же благодушие (1).

* * *

Если [Христос] прославляет тех, которые напоили Его, одели и напитали, тем более тех, которые ради Него решили потерпеть мучения. Не все равно, дать ли хлеб и одежду или вытерпеть продолжительную болезнь? Нет, последнее гораздо труднее первого, а чем больше труд, тем блистательнее будет и венец. Об этом-то будем и сами размышлять, и здоровые и больные, и с другими говорить, и как увидим себя когда-либо в тяжелой горячке, скажем себе вот что: «А что, если бы кто взвел на нас обвинение, затем повлекли бы нас в суд, а там схватили бы и начали бить по бокам, не пришлось ли бы нам и поневоле вытерпеть все, и притом без всякой пользы и награды?» Так будем рассуждать и теперь, будем притом представлять себе и награду за терпение, которая может ободрить и впавшую [в уныние] душу. Но если горячка жестока? Так сопоставь с этой горячкой огонь гееннский, кото-

рого ты, наверно, избежнешь, если решишь терпеливо вынести эту болезнь. Вспомни об апостолах, сколько они страдали, вспомни о праведниках, как они постоянно были в скорбях. Вспомни о блаженном Тимофее, — он никогда не имел покоя от болезни, но жил в постоянном недуге. На это-то указывая, Павел говорит: *употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов* (1 Тим. 5, 23). Если же такой праведник и святой, которому вверено было управление вселенной, который воскрешал мертвых, изгонял демонов и исцелял других от бесчисленных болезней, если он страдал так тяжело, то какое извинение будешь иметь ты, который и в кратковременных болезнях смущаешься и ропщешь? Не слышал ли ты, как Писание говорит, что *Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает* (Евр. 12, 6)? Как многие и сколько раз хотели получить мученический венец? Вот это [терпение в болезни] настоящий мученический венец! Мучеником бывает не тот только, кто, получив повеление [от мучителя] принести жертву [языческим богам], порешил лучше

умереть, чем принести эту жертву, нет, мученичество очевидно есть и то, когда человек вообще соблюдает [ради Христа] что-либо такое, чем может навлечь на себя смерть (2).

* * *

Нет ничего равного терпению. Оно — царица добродетелей, основание совершенств, безмятежная пристань, мир во время войн, тишина во время бури, безопасность среди злоумышлений, оно делает обладающего им крепче адаманта. Ему не в силах повредить ни выдвигаемые оружия, ни построенные в боевом порядке войска, ни подводимые машины, ни стрелы, ни пускаемые копья, ни само полчище демонов, ни страшные полки супротивных сил, ни сам диавол, выступающий в бой со всем своим войском и хитростью (7).

* * *

Перечисляя ряд наград за скорби, он [апостол Павел] говорит, что скорбь рождает терпение — эту мать всех благ, эту необуреваемую пристань, эту основу мирной жизни, более

крепкую, чем скала, более твердую, чем алмаз, более могущественную, чем всякое оружие, более надежную, чем все крепостные стены. В свою очередь терпение при надлежащей степени развития делает своих питомцев испытанными, мужественными и решительно непобедимыми. Оно уже никогда не допустит их ни смутиться, ни поскользнуться при каком бы то ни было бедствии, но как скала, чем более бьет в нее волн, тем она делается только чище, нисколько не сдвигаясь с места, и легко разбивает напор рвущихся на нее валов, уничтожая их не нанесением, а принятием ударов, — так и муж, вышедший испытанным из школы терпения, становится выше всех козней. И, что особенно удивительно, он делается сильнее и победоноснее над злом также не деланием, а перенесением зла (7).

ТОЛПА

Если ты захочешь спросить кого-нибудь из граждан, делающих большие издержки, для чего они тратят столько золота и что значат эти расходы, то ни о чем другом от них не услышишь, как только об угожде-

нии толпе. Если же ты опять спросишь их, что такое толпа, они ответят: это нечто шумное, многомятежное, большей частью глупое, без цели носящееся туда и сюда, подобно волнам моря, составленное часто из разнообразных и противоположных мнений... Заметь же, если бы кто-то спросил его: как ты сам думаешь о толпе? Без сомнения он сказал бы, что считает толпу невежественной и бездельной. Что же? Захотел ли бы ты сделаться подобным этой толпе? — Если бы об этом опять кто-нибудь спросил его, то я не думаю, чтобы он пожелал сделаться таким же. Итак, не крайне ли смешно искать славы у тех, кому сам никогда не захотел бы сделаться подобным?

Если же ты скажешь, что в толпе много людей и что они составляют одно, то поэтому-то особенно и надобно ее презирать. Ибо если каждый из толпы сам по себе достоин презрения, то когда таких много, они заслуживают еще большее презрение. Глупость каждого из них, когда они собраны вместе, становится еще большей, увеличиваясь от многочисленности. Поэтому каждого из них порознь можно бы исправить, ес-

ли бы кто взял на себя это дело, но нелегко было бы исправить всех их вместе, — оттого что безумие их в таком случае увеличивается; они водятся обычаями животных, во всяком случае следуя один за другим во мнениях (1).

ТРУД

Какое из добрых дел, скажи мне, не трудно? Да в том-то и затруднение, что с пороком сопряжено удовольствие, а с добродетелью труд. Я думаю, многие на это ищут объяснения. Какая же тому причина? Вначале Бог даровал нам жизнь, свободную от забот и чуждую трудов, но мы не воспользовались, как должно было, этим даром, а развратились по нерадению и лишились рая. Тогда-то Бог сделал уже жизнь нашу претрудной и в оправдание свое перед родом человеческим говорит: «Я даровал вам сначала наслаждения, но вы от своеволия сделались худшими, поэтому Я определил наложить на вас труды и пот». Когда же и труды не обуздали нас, Он дал закон, содержащий в себе многие заповеди, наложив на нас, как на коней неукротимых, узды и путы,

чтобы удержать порывы, как делают укротители коней. Вот почему жизнь наша сопряжена с трудами, так как без трудов мы обыкновенно развращаемся. Природа наша не может бездействовать, а иначе легко преклоняется ко злу. Положим, например, что человеку целомудренному или отличающемуся какой-либо другой добродетелью не нужны были бы никакие подвиги, а он бы и спал и, однако же, во всем успевал. К чему бы привело такое ослабление? Не к гордости ли и высокомерию? Да для чего же, говоришь ты, со злом сопряжено великое удовольствие, а с добродетелью великий труд и тягость? Но какая же была бы тебе и благодать, или за что же бы ты получил награду, если бы это было дело нетрудное? Я и теперь могу указать многих таких, которые по природе отвращаются от смешения с женщинами и убегают, как чего-нибудь скверного, самой беседы с ними, но скажи пожалуй, называть ли их за это целомудренными и будем ли мы их увенчивать и прославлять? Нет. Ибо целомудрие есть воздержание и побеждение похотей борьбой... Почему, скажешь, не признано за лучшее, чтобы добро делалось без труда?

Такие слова свойственны животным и чревоугодникам, которые почитают богом свое чрево. Что это слова лениности, вот, суди: если бы где-нибудь были властитель и военачальник, и властитель бы спал или пиршествовал, а военачальник с великими трудами одерживал бы победы, кому из них ты вменил бы славу? Кому принадлежал бы плод радостных событий? Видишь, что душа бывает более расположена к тому, в чем более труждается. Потому Бог и соединил с добродетелью труды, желая прилепить к ней душу. Потому-то мы удивляемся добродетели, хотя сами ее и не исполняем, а порок порицаем, хотя он кажется весьма приятным... Почему мы не удивляемся людям добрым по природе, а более тем, которые таковы по свободному произволению? — Это потому, что справедливость требует предпочитать трудящегося нетрудящемуся. А почему, скажешь, мы ныне трудимся? Потому, что жизни без трудов ты не хотел вести благоразумно. Если исследовать внимательно, то ведь бездействие и без того обыкновенно развращает нас и причиняет много трудов. На-

пример, оставим в заключении какого-нибудь человека и станем только кормить его и наполнять его чрево, не позволяя ему ни ходить, ни заниматься каким-либо делом: пусть он наслаждается трапезой и ложем и постоянно пресыщается. Может ли что-либо быть несчастнее такой жизни? Но иное дело, скажешь, заниматься чем-нибудь, а иное — трудиться. Ведь можно же было тогда (в первобытном состоянии) делать без трудов? Конечно так, этого и Бог хотел, да ты сам не стерпел. Бог повелел тебе возделывать рай, назначив в этом тебе занятие, но не присоединив к этому никакого труда, а если бы и вначале у человека был труд, то после Бог не возложил бы на него труда в виде наказания. Ибо можно делать и не труждаться, как это свойственно Ангелам (1).

* * *

Не стыдись никто из занимающихся ремеслами, но да постыдятся те, которые напрасно едят хлеб и живут в праздности, которые имеют множество служителей и требуют беспрестанных услуг. Принимать пищу

всегда после труда — род любознательности: души таких людей бывают чище, мысли — основательнее. Человек праздный и говорит много пустого и делает много пустого, и целый день не занимается ничем, предаваясь себе. А тот, кто занят работой, не скоро допустит что-нибудь излишнее ни в делах, ни в словах, ни в помышлениях, ибо душа его совершенно предана трудолюбивой жизни. Не будем же презирать тех, которые питаются от трудов рук своих, но будем еще более ублажать их за это. Какой, скажи мне, достоин ты благодати, если, получив наследство от отца, живешь, ничего не делая, и расточаешь его попустому? Разве ты не знаешь, что мы не все отдадим одинаковый отчет, но получившие здесь больше благ отдадут отчет труднейший, а удрученные трудами, бедностью или чем-нибудь подобным, — легчайший? Это видно из притчи о Лазаре и богаче. Ты, не употребивший свободного времени ни на что дельное, справедливо будешь осужден, а бедный, при трудах своих употребивший остающееся время на дела достоподобные, получит великие венцы (1).

* * *

Хотя наказанием и мучением кажутся слова: *в поте лица твоего будешь есть хлеб* (Быт. 3, 19), но на самом деле они — некое внушение и вразумление и врачевство против ран, происшедших от греха. Потому и Павел непрестанно работал, не только днем, но даже и ночью. Это возвещает он, когда говорит: *ночью и днем работая, чтобы не отяготить кого из вас* (1 Фес. 2, 9). И не для удовольствия только и душевного отдыха он занимался работой, как делают многие, но прилагал такое усердие к труду, что мог помогать и другим. *Нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии* (Деян. 20, 34). Человек, повелевавший бесами, бывший учителем вселенной, которому вверено было попечение о всех живущих на земле, который с великим усердием заботился о всех церквях, находящихся под солнцем, о племенах, народах и городах, работал день и ночь и нимало не отдыхал от этих трудов. А мы, не имеющие и малейшей части забот его, или даже не могущие и представить их в уме своем,

проводим жизнь постоянно в праздности... Оттого всякого рода зло вошло в жизнь, что многие считают величайшим достоинством — не заниматься своими ремеслами и крайним позором — показаться сведущим в чем-нибудь подобном. А Павел не стыдился в одно и то же время держать нож в руках и сшивать кожи и беседовать с людьми, находящимися в почестях, но даже хвалился этим, когда приходили к нему тысячи славных и знаменитых людей; и не только не стыдился делать это, но и в своих посланиях, как бы на медном столбе, объявлял о своем ремесле... Через занятие работой мы и дурные помыслы легко исторгнем из души, и будем помогать нуждающимся, и не станем беспокоить двери других, исполним закон Христов, который говорит: *блаженнее давать, нежели принимать* (Деян. 20, 35). Для того нам и даны руки, чтобы мы и себе помогали, и увечным по телу доставляли по возможности все необходимое из нашего имущества, так что если кто-то живет в праздности, то хотя бы он и был здоров, он несчастнее одержимых горячкой... Ибо не в том только зло, что тогда как надле-

жало бы питаться собственными средствами и собственными трудами, они беспокоят дома других, но что они и сами становятся хуже всех (1).

* * *

Кто время трудов делает временем покоя, тот будет стонать, скрежетать зубами и терпеть крайние муки тогда, когда нужно будет успокоиться вечным покоем; а кто здесь переносит скорби благодушно, тот и здесь и там будет блистать и наслаждаться славой бессмертной и истинной. Если в житейских делах человек, делающий что-либо не благовременно, не достигает того, что имел в виду, и подвергает себя бесчисленным бедствиям, то тем более испытает это на себе тот, кто не знает установленных времен в делах духовных (2).

* * *

Смотри не на труд только, но и на награду. Многие добрые дела кажутся нам такими трудными потому, что, обращая постоянно внимание на трудность и тяжесть их, мы не представляем в уме уготованных за них

наград. Не так должно поступать, но принимать во внимание все вместе, с трудами и награды, и тогда труды покажутся нам легкими, как и действительно они легки (2).

* * *

И ныне и в древности от начала рода человеческого все друзья Божии наследовали жизнь печальную, трудную и исполненную бесчисленных бедствий. Не будем и мы стремиться к жизни изнеженной, рассеянной и исполненной наслаждений, но к жизни прискорбной, трудной и исполненной скорбей и несчастий. Как борец не может посредством сна, лени и наслаждений достигнуть венцов, ни воин — трофеев, ни кормчий — пристани, ни земледелец — полного гумна, так и верующий не может получить обетованных благ, проводя свою жизнь в беспечности. И не безрассудно ли было бы — во всех житейских делах полагать труды прежде удовольствия и опасности прежде безопасности, и притом когда от этих трудов ожидается небольшое и маловажное, а когда предстоит Небо, почести ангельские, жизнь бесконечная, пребывание

с Ангелами и блага, которых невозможно ни представить умом, ни выразить словами, надеяться на получение их посредством беспечности, праздности и рассеянности душевной, не устаивая их даже одинаковой с благами житейскими заботливости? Нет, увещаю, не будем так худо заботиться о себе и о своем спасении, но, взирая на этих святых, доблестных и терпеливых подвижников, которые даны нам вместо светил, станем сообразовать свою жизнь с их мужеством и терпением, чтобы по переселении отсюда молитвами их могли мы увидеть их и приветствовать, и быть помещенными в небесные их обители (5).

* * *

Так как жизнь райская доставляла человеку полное наслаждение, сообщая и удовольствие от созерцания, и приятность от вкушения, то, чтобы человек от чрезмерного покоя не развратился (*Праздность научила многому худому* (Сир. 33, 28).), Господь Бог повелел ему *возделывать его и хранить его* (Быт. 2, 15). Что же, скажут, рай нуждался в возделывании со стороны человека?

Не говорю этого, но Бог хотел, чтобы человек имел хоть малое и умеренное попечение о хранении возделывании его. Если бы он был совершенно свободен от труда, то, пользуясь совершенным покоем, тотчас бы предался беспечности, но теперь, занимаясь трудом безболезненным, чуждым страданий, мог быть целомудреннее (8).

ТЩЕСЛАВИЕ

Невозможно тому, кто раболепствует временной славе, получить славу от Бога. Поэтому-то Христос и укорял иудеев, говоря: *как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищите* (Ин. 5, 44)? Это какое-то сильное упоение, объятый страстью тщеславия человек делается неисправим. Она, отторгая от небес души своих пленников, пригвождает ее к земле, не позволяет ей воззреть к свету истинному, побеждает постоянно вращаться в тине, приставляя к ним владык, столь сильных, что они владеют ими, даже ничего не приказывая. Ибо тот, кто болен этой болезнью добровольно, хотя и никто ему не приказыва-

ет, делает все, чем только думает угодить своим владыкам. Для них он одевается в одежды нарядные и украшает лицо, заботясь в этом случае не о себе, но об угождении другим, и выводит с собой на площадь провожатых, чтобы заслужить от других удивление, и все, что ни делает, предпринимает единственно для угождения другим. Итак, есть ли болезнь душевная тягостнее этой? Человек нередко бросается в бездну, чтобы только другие удивлялись ему. Приведенные слова Христовы достаточно показывают всю мучительную силу этой страсти, но можно еще познать ее и из следующего. Если ты захочешь спросить кого-нибудь из граждан, делающих большие издержки, для чего они тратят столько золота и что значат эти расходы, то ни о чем другом от них не услышишь, как только об угождении толпе. Если же ты опять спросишь их, что такое толпа, они ответят: это нечто шумное, многомятежное, большей частью глупое, без цели носящееся туда и сюда, подобно волнам моря, составляемое часто из разнообразных и противоположных мнений. Кто имеет у себя такого владыку, не будет ли тот жалок более всяко-

го другого?... Другие страсти хотя заключают в себе большой вред, но, по крайней мере, приносят и некоторое удовольствие, хотя и временное и короткое. Так, корыстолюбец, винолюбец, женолюбец имеют некоторое свое удовольствие, хотя и со вредом, хотя и не продолжительное, но обладаемые страстью тщеславия всегда живут жизнью горькой, лишенной всякого удовольствия. Ибо они не достигают того, что так любят, — я разумею славы народной, а хотя по видимости и пользуются ею, на самом же деле не наслаждаются, потому что это все и не слава. Потому и сама страсть эта называется не славой, а тщеславием... Она тщетна и не имеет в себе ничего блистательного и славного. Как личности кажутся светлыми и приятными, а внутри пусты, поэтому хотя и представляются благообразнее телесных [естественных] лиц, однако никогда еще и ни в ком не возбуждали любви к себе. Точно так или еще более жалко слава в толпе прикрывает собой эту неудобоизлечимую и мучительную страсть. Она имеет только снаружи вид светлый, а внутри не только пуста, но и полна бесчестия и жестокого

мучения. Откуда же, скажешь, откуда рождается эта безумная и не приносящая никакого удовольствия страсть?... От души низкой и ничтожной. Ибо человек, увлекаемый славой, не способен мыслить что-либо великое и благородное; он необходимо становится постыдным, низким, бесчестным, ничтожным. Кто ничего не делает для добродетели, а только одно имеет в виду, — чтобы понравиться людям, не стоящим никакого внимания, во всяком случае следует погрешительному, блуждающему их мнению, тот может ли стоить чего-нибудь? Заметь же, если бы кто-нибудь спросил его: как ты сам думаешь о толпе? Без сомнения он сказал бы, что считает толпу невежественной и бездельной... Итак, не крайне ли смешно искать славы у тех, кому сам никогда не захотел бы сделаться подобным?..

Эта страсть все извратила, она породила любостяжание, зависть, клеветы, наветы. Она вооружает и ожесточает людей, не потерпевших никакой обиды, против тех, которые никакой обиды им не сделали. Подверженный этой болезни не знает дружбы, не помнит сожителства, нисколько не хочет никого

уважать, напротив, все доброе изверг из души, становится непостоянный, неспособный к любви, против всех вооружается. Сила гнева, хотя она и мучительна и несносна, не постоянно, однако, возмущает дух [человека], а только в то время, когда его другие раздражают. Напротив, страсть тщеславия всегда [мучит], и нет времени, в которое она могла бы оставить, потому что разум не препятствует ей и не укрощает ее. Она всегда остается [в человеке] и не только побуждает ко грехам, но, если бы мы успели сделать что-нибудь и доброе, она похищает добро из рук. А бывает и так, что она не допускает и начать доброго дела... Итак, вострезвимся, возлюбленные. Отложим эту порочную одежду, разорвем, рассечем ее, сделаемся когда-нибудь свободны истинной свободой и усвоим себе чувство достоинства, данного нам от Бога. Будем презирать славу в толпе... Всякий может видеть, что желание славы во многих отношениях есть бесславие и что истинная слава состоит в том, чтобы презирать славу [человеческую], считать ее за ничто, а все делать и говорить только в угождение Богу. Та-

ким образом возможем мы и награду получить от Того, Кто видит все наши дела в истинном их виде, если только будем довольствоваться этим одним зрителем их. Да и какая нужда нам в других глазах, когда видит наши дела именно Тот, Кто будет и судить их?.. А если бы мы захотели достигнуть славы и между людьми, то получим ее тогда, когда будем искать единой славы от Бога. Ибо сказано: *прославлю прославляющих Меня* (1 Цар. 2, 30). И как богатством мы тогда особенно обилуем, когда презираем его и ищем богатства только от Бога, так и в отношении к славе. Когда уже безопасны будут для нас и богатство и слава, тогда Бог и подаст нам их в изобилии. Но этот дар бывает безопасен тогда, когда не овладевает нами, не покоряет нас себе, не обладает нами, как рабами, но остается в нашей власти, как у господ и свободных. Для того то Бог и не позволяет нам любить богатство и славу, чтобы они не овладевали нами. А когда мы достигнем такого совершенства, то Он и подаст нам их с великой щедростью... Итак, если мы желаем получить славу, будем бегать славы (1).

* * *

Тщеславие есть страсть лю-
тая и многоглавая! Иные, увле-
каясь ею, ищут богатства, дру-
гие власти — и это бывает еще
на низшей степени ее владыче-
ства. Распространяя власть
свою дальше, оно обращает себе
в пищу и сами добродетели: ми-
лостыню, пост, молитвы и дар
учения. И сколько еще других
глав у этого зверя! Впрочем, не
удивительно, когда люди гор-
дятся богатством и властью, но
то странно и достойно оплакива-
ния, когда они сами пост и мо-
литву обращают в предмет сво-
его тщеславия. Мы не будем ос-
танавливаться здесь на одних
упреках, но покажем и способ,
как избегать этой страсти. С ко-
го же начать нам? С надмеваю-
щихся ли богатством, или одеж-
дой, или властью над другими,
или даром учения, или крепос-
тью телесной, или каким-нибудь
искусством, или красотой, или
нарядами, или жестокостью, или
человеколюбием и милостыней,
или пороками, или смертью, или
распоряжениями, долженству-
ющими совершиться после их
смерти? Ибо страсть эта, как я
уже сказал, различным образом

опутывает нас и простирается
даже за пределы нашей жизни.
Потому и говорят: такой-то
умер и завещал сделать то и то,
чтобы и по смерти удивлялись
ему. Для этой же цели один
хочет быть бедным, а другой бо-
гатым. Ибо тщеславие имеет
столь странное свойство, что и в
предметах противоположных
находит себе пищу.

...Я весьма люблю милосты-
ню, и болезную, видя, как тще-
славие портит ее и развращает,
подобно какой-нибудь корми-
лице, которая, служа царской
дочери, увлекает ее в постыд-
ные связи и которая хоть и хо-
дит за ней, но в то же время, к ее
стыду и вреду, приучает ее к
непотребным делам... Итак, об-
ратимся к тщеславным людям
этого рода и представим себе,
что кто-нибудь из них подает
милостыню щедрой рукой для
того только, чтобы выказать се-
бя перед людьми. Таким обра-
зом подающий милостыню вы-
водит ее из чертога отеческого.
Ибо Отец небесный повелевает,
чтобы даже левая рука не знала
о ней, а тщеславие выставляет
ее на показ рабам и всем встре-
чающимся на пути, хотя бы они
совсем не знали ее. Не видишь

ли ты здесь и блудницу и со-
блзнительницу ее, которая
возбуждает в ней любовь к лю-
дям непотребным и учит ее по-
казываться в таком виде, какой
им нравится? Хочешь ли ви-
деть, как тщеславие преданную
ему душу делает не только блуд-
ницей, но и доводит до безум-
ия? Посмотри ближе на ее чув-
ствования. Вот она, оставив
небо, бегаёт по распутиям и пе-
реулкам, гоняясь за рабами бег-
лыми, гнусными и безобразны-
ми, которые ненавидят ее и не
хотят даже взглянуть на нее, а
она горит к ним любовью! Что
же может быть безумнее этого?
Люди никого так не ненавидят,
как домогающихся себе от них
чести. Они сплетают на них
множество клевет. Здесь бывает
то же, как если бы кто дочь цар-
скую, девицу, низведя с царского
престола, отдали на поругание
прелюбодеям, презирающим ее.
Так поступают и люди: чем бо-
лее ты гоняешься за ними, тем
более они от тебя отворачиваются.
Напротив, когда ты будешь ис-
кать чести у Бога, то Он по мере
твоего усердия будет и привле-
кать тебя, и утешать тебя по-
хвалами, и воздаст тебе великую
награду. Но если ты хочешь и с
другой стороны видеть, сколь

бесполезна милостыня, когда
подаешь ее напоказ и из тщесла-
вия, то размысли, какая по-
стигнет тебя печаль и какая
нескончаемая скорбь будет об-
держать тебя, когда возгремит
перед тобой глас Христов: ты
погубил всю мзду свою. Тщесла-
вие и везде пагубно, но особенно
в делах человеколюбия: здесь
оно есть крайняя жестокость,
потому что извлекает себе хвалу
из чужих бедствий и почти ру-
гается над живущими в нищете.
Если исчисляешь свои благоде-
яния, значит, укоряешь облаго-
детельствованного; не гораздо
ли хуже выставлять их напоказ
перед многими? Как же нам из-
бежать этого зла? Мы избежим
его, когда научимся быть истинно
милосердными и рассмотрим,
у кого мы ищем славы. Скажи мне,
кто первый учитель милостыни?
Конечно, Тот, Кто примером Своим
научил нас этому искусству, т.е. Бог,
Который лучше всех его знает и ми-
лостям Которого нет конца. Что
же? Если бы ты учился искусст-
ву борьбы, на кого бы стал ты
смотреть или кому стал бы по-
казывать свои успехи: тем ли,
которые продают овощи и рыбу,
или учителю этого искусства,
хотя бы тех и было много, а этот

один? И если бы все прочие стали смеяться над тобой, а он хвалил, то не стал ли бы и ты сам вместе с ним смеяться над ними?.. Итак, не безрассудно ли в других искусствах смотреть только на одобрение учителя, а в делах милосердия поступать иначе, между тем как вред, отсюда происходящий, не одинаков? Если ты борешься только для того, чтобы нравиться народу, а не учителю, то вся беда только в том, что ты не по правилам борешься; а подавая милостыню, ты можешь через это и в вечной жизни сделаться подобным Богу. Будь же подобен Ему и в том, чтобы не выказывать себя. Ибо когда Он исцелял кого-либо, то говорил, чтобы никому о том не сказывали. Но ты хочешь слыть между людьми милостивым? Что за прибыль? Прибыли никакой нет, а вред бесконечный. Поскольку те самые, кого ты призываешь в свидетели, отнимают у тебя, как разбойники, сокровища небесные, или лучше сказать, не они, а мы сами разграбляем свое стяжание и расточаем свое богатство, в горних обителях хранящиеся... Чего не истребляет моль, чего не похищает тать, то разграбляет тщеславие. Вот моль,

истребляющая вечные сокровища! Вот тать, разграбляющий небесные блага! Вот похититель некрадомого богатства! Вот что губит и растлевают все доброе! Дьявол, видя, что эта страна неприступна ни для разбойников, ни для других злоумышленников и что ее сокровищ не истребляет моль, — расхищает их тщеславием.

Но ты желаешь славы? Неужели тебе не довольно славы от человеколюбца Бога, Который Сам принимает от тебя милостыню? Но ты ищешь славы от людей? Берегись, чтобы не испытать противного, чтобы люди не стали смотреть с презрением на тебя, как на человека, не милость являющего, но хвастливого и честолюбивого, который бедствия других выставляет на позорище, чтобы выказать себя. Милостыня есть тайна. Итак, запри двери, чтобы кто-нибудь не увидел того, чего показывать не должно. Главные тайны наши суть милосердие и человеколюбие Божие. Ибо Он по многой милости Своей помиловал нас непокорных... Когда по возможности своей оказываешь человеку милость, запри дверь: пусть это видит только тот, кто получает милость, —

а если можно, то лучше, чтобы и он не видал. Если же ты отворишь дверь, то обнаружишь свою тайну. Подумай, что и тот, у кого ты ищешь славы, осудит тебя. Если это друг твой, то он сам в себе подумает о тебе худо, а если враг, то он осмеет тебя, и ты испытаешь противное тому, чего желал. Тебе хочется, чтобы он сказал о тебе: вот человек милостивый. Но он этого не скажет, а назовет тебя тщеславным, и человекоугодником, и еще как-нибудь гораздо хуже. А если ты скроешь от него свое доброе дело, то он будет говорить о тебе противное этому, будет называть тебя человеколюбивым и милостивым, ибо Бог не попускает оставаться в неизвестности доброму делу. Но если ты сам скроешь его, Он обнаружит, и тогда будет больше удивления и больше пользы. Таким образом, выказывая себя, мы сами полагаем себе препятствие к приобретению славы, ибо к чему мы сильно стремимся и чего нетерпеливо желаем, к тому не допускает нас сама наша нетерпеливость, так что мы не только не получаем славы людей милостивых, но еще возбуждаем противное о себе мнение и, сверх того, терпим великий вред. Пред-

ставляя все это, будем убегать тщеславия и возлюбим одну славу Божию (1).

* * *

Есть и другой вид зла, имеющий великую силу упразднить добро, собранное с великими усилиями и трудами, — это ветер тщеславия. Оно действительно, как ворвавшийся ветер, развеивает все сокровища добродетели. Вот открылась нам и вторая причина падения живущих праведно. Многие, кажущиеся нам перенесшими и переносящими великие труды для добродетели, за то, что делали все ради чести у людей, а не у Бога, и попущены впасть в искушение, чтобы они, лишившись людской славы, для которой терпели все лишения, и узнав, что она, в сущности, насколько не лучше цвета травного, прилепились наконец к одному Богу и делали все для Него (2).

* * *

Причина всех зол — тщеславие... Если мы сколько-нибудь заботимся о своем спасении, то, пока есть еще время, отступим от греха, обратимся к добродете-

тели, отринем тщеславие. Оттого оно и называется тщетным, что пусто и не имеет в себе ничего твердого и постоянного, это только обман очей, исчезающий прежде, чем явится. Не видим ли, как часто тот, кому сегодня предшествуют ликторы и кого окружают копьеносцы, завтра оказывается в темнице вместе с преступниками? Что обманчивее этой пустой и суетной славы? Если же в настоящей жизни и не случится с ним такой перемены, так смерть непременно постигнет его и прервет его благополучие, и тот, кто сегодня важно выступал на площади, сажал (других) в тюрьму, сидел на возвышенном месте, вел себя весьма гордо и на всех людей смотрел как на тени, завтра вдруг лежит мертвый, бездыханный, полный зловония, осыпаемый

тысячью укоризн и от обиженных им, и от необиженных, но соболезнующих обиженным. Что может быть несчастнее такого человека? И все, что им собрано, часто делят между собой его враги и неприятели, а грехи, от этого накопившиеся у него, он уносит с собой и подвергается за них весьма строгому отчету. Поэтому умоляю: убегая этой суетной славы, возлюбим славу истинную и пребывающую вовеки, и пусть ни страсть к богатству не обольщает нас, ни пламя похоти не сжигает, ни зависть и ненависть не сушат, ни гнев не воспламеняет, но, все эти злые и пагубные страсти угасив росой духа, презрим настоящее, возжелаем будущего, подумаем о будущем дне (суда) и покажем великую тщательность в жизни (8).

УБИЙСТВО

Убийство бывает оправдываемо и человеколюбие осуждаемо хуже убийства, когда первое совершалось по воле Божией, а второе вопреки ей. Именно, Финеесу вменилось в правду то, что он пронзил жену блудницу вместе с блудником; а Саула святой Божий Самуил, несмотря на то что целые ночи плакал, сетовал и молился, не мог избавиться от осуждения, которое Бог произнес на него за то, что он против воли Божией пощадил иноплеменного царя, которого надлежало умертвить (2).

* * *

Человекоубийца, прежде чем увидеть судилище и заостренные мечи и дать отчет в том, на что он дерзнул, погиб уже во время самого совершения убийства, так как он делает свою душу более дурной (7).

УВЕСЕЛЕНИЯ

Пьянство и объедение, обрекая ум и утучняя тело, делает душу пленницей и стесняет ее со всех сторон и, не позволяя ей пользоваться здравым суждением ума, заставляет ее носиться по утесам и делать все ко вреду собственного своего спасения. Не будем же беспечны в устройении нашего спасения, но, зная, сколько зол проистекает от невоздержанности, постараемся избегать вредных от нее последствий. Увеселения не только воспрещены в Новом Завете, где больше уже требуется любознательная, большие предлагаются подвиги, великие труды, многочисленные награды и неизреченные венцы, но не позволялись и в Ветхом, когда люди еще сидели в тени и при свече и были вразумляемы понемногу, как дети, питаемые молоком. И чтобы не подумалось вам, будто мы так осуждаем увеселения без причины, послушайте про-

рока, который говорит: *Вы, которые день бедствия считаете далеким и приближаете торжество насилия, — вы, которые лежите на ложах из слоновой кости и нежитесь на постелях ваших, едите лучших овец из стада и тельцов с тучного пастбища, поете под звуки гуслей, думая, что владеете музыкальным орудием, как Давид, пьете из чаш вино, мажетесь наилучшими мастьями* (Ам. 6, 3–6). Видите, как осудил пророк увеселения и притом, говоря к иудеям, бесчувственным, не признательным, ежедневно предававшимся чревоугодию?.. Удовольствие кратковременно и непродолжительно, а скорбь от него постоянна и бесконечна... Таково ведь все человеческое и плотское: не успеет появиться и улетит. Таково веселье, такова слава и власть человеческая, таково богатство, таково вообще благополучие настоящей жизни; оно не имеет в себе ничего прочного, ничего постоянного, ничего твердого, но убегает скорее речных потоков и оставляет с пустыми руками и ни с чем тех, которые прилепляются к этим вещам. Но духовное не таково, напротив, прочно и непоколебимо, не подлежит переме-

нам и пребывает вечно. Как же было бы безрассудно менять непоколебимое на колеблющееся, вечное на временное, постоянно пребывающее на скоро преходящее, доставляющее великую радость в будущем веке на то, что уготовляет нам там великое мучение? Размышляя обо всем этом... и дорожа своим спасением, презрим бесплодные и гибельные увеселения, возлюбим пост и всякий другой подвиг, покажем великую перемену в жизни и каждый день будем спешить на совершение добрых дел (1).

УКРАШЕНИЯ

Предположим на словах, что роскошь допускается и что ни пророк, ни Павел не осуждают украшающихся женщин. Какая польза от множества золотых вещей? Ничего иного, кроме зависти, заботы и немалого страха, ибо владеющие ими тревожатся заботами не только тогда, когда эти вещи положены в ящичек или когда наступает ночь, но и когда надевают их в дневное время, они также испытывают беспокойство... Но пусть не будет и этого опасения, пусть устранена будет и эта

забота. Какая от этого польза? Другой, скажут, увидит и будет восхищаться. Но не той, которая украшена, а самими украшениями, ее же часто и осудит за это, как украшающуюся ими не по достоинству. Если она красива, то вредит природной красоте, ибо множество украшений не дает ей выказаться вполне, закрывая большую часть ее самой. Если же она некрасива и безобразна, то покажет себя еще более отвратительной. Безобразие, всегда являющееся в своем виде, оказывается только таким, каково оно есть, а когда его окружает блеск камней или красота какого-нибудь другого вещества, то безобразие достигает большей степени (2).

УМЕРЕННОСТЬ

Умеренность... способствует здоровью и благополучию. Если даже кто-то ищет удовольствия, то при ней он получит его больше, чем при роскоши, во-первых, оттого, что она доставляет здоровье и избавляет от всех тех болезней, из которых каждая сама по себе способна затмить и даже совершенно уничтожить всякое удовольствие, а во-вторых — от самой пищи. Каким

образом? Причиной удовольствия бывает аппетит, а аппетит возбуждается не пресыщением и избытком, но нуждой и недостатком [пищи]. Он всегда бывает не на пирах богачей, но у бедных, лучше всякого трапезника и повара прибавляя к приготовленной пище много меда. Богатые едят, не чувствуя голода, и пью, не имея жажды, и ложатся спать прежде, нежели придет к ним сильная нужда во сне. Бедные же не прежде приступают ко всему этому, как настанет потребность, чем более всего возвышается удовольствие. Почему, скажи мне, Соломон называет сон раба сладким, говоря так: *сладок сон трудящегося, мало ли, много ли он съест* (Еккл. 5, 11)? Потому ли, что ложе его мягко? Но рабы большей частью спят на земле или на соломе. Или от свободы? Но они не владеют ни малейшей частью времени. Или от досуга? Но они находятся постоянно в трудах и заботах. Что же делает для них сон приятным, как не то, что они прежде почувствуют нужду в нем и потом предаются ему? А богатые, если ночь не станет их погрузившимися в сон от опьянения, по необходимости постоянно страдают бес-

сонницей, вертятся и томятся, лежа на мягких постелях (2).

УНЫНИЕ

Как воры при наступлении ночи, погасив огонь, очень легко могут похитить имущество и умертвить владельцев его, так теперь и демон, вместо ночи и мрака наведя уныние, старается похитить все охраняющие помыслы, чтобы, напав на душу, лишенную их и беспомощную, нанести ей бесчисленные раны. Когда же некто, рассеяв этот мрак надеждой на Бога и обратившись к солнцу правды, поспешит принять лучи его в свою душу, тогда смятение от этих помыслов перейдет на самого разбойника, потому что и эти преступники, когда кто-то поймает их и внесет огонь, дрожат, робеют, смущаются. Как же, скажешь ты, освободиться от этой печали, не освободившись наперед от причиняющего ее демона? Не демон причиняет уныние, но оно делает демона сильным и внушает худые помыслы. Это может засвидетельствовать нам блаженный Павел. И он боялся не какого-нибудь демона, но чрезмерной скорби, когда писал к коринфянам, чтобы они прости-

ли наконец грешнику грех его: *дабы он не был поглощен*, говорит он, *чрезмерною печалью* (2 Кор. 2, 7). Но предположим, что демон нападет на тебя, а уныние изгнано из твоей души: какой от этого будет вред? Какое зло, большое или малое, может причинить нам демон сам по себе? Уныние же и без него может сделать много зла, и большинство из тех, которые наложили на себя петлю, или закололись мечом, или утопились в реках, или погубили себя как-нибудь иначе, увлечены были к такой насильственной смерти унынием. Если же в числе этих людей окажутся некоторые и из одержимых демоном, то и их погибель должно приписать не демону, но влиянию и силе уныния. Как же можно, скажешь ты, не унывать? Можно, если, отвергнув мнения толпы об этом предмете, будешь помышлять о горнем. Теперь твое положение кажется тебе ужасным, потому что толпа считает его таким, но если ты захочешь с точностью рассмотреть его само по себе, отрешившись от пустого и ошибочного предубеждения, то найдешь, что оно не представляет никакого повода к унынию (2).

* * *

Бог вложил уныние в нашу природу не для того, чтобы мы предавались ему неразумно, неблагоприятно и при всяких обстоятельствах, и не для того, чтобы губили самих себя, но чтобы получали от него величайшую пользу. Как же мы можем получить от него пользу? Если будем предаваться ему в надлежащее время, а время уныния не то, когда мы терпим зло, но когда делаем зло. Мы же извратили порядок и перемешали времена. Делая множество зла, мы не сокрушаемся и на короткое время, а если от кого-либо потерпим хоть малое зло, падаем духом, безумствуем, спешим отказаться и избавиться от жизни. Поэтому такое состояние [уныния] и кажется нам несносным и тяжким, равно как и гнев и похоть, на которые также жаловались те, кто пользовался ими нехорошо и не надлежащим образом. Здесь бывает то же, что и с лекарствами, которые даются врачами: и они не только не избавляют больного от мучений, но еще более усиливают болезнь, когда употребляются при болезнях, не соответ-

ствующих им и не тех, для которых они приготовлены, но при совершенно других. Точно так же действует и уныние, и это естественно. Как врачество сильное, разъедающее и, так сказать, очищающее нашу порочность, оно, когда прилагается к душе праздной, изнеженной и имеющей в себе великую тяжесть грехов, весьма много помогает принявшему его, а когда прилагается к душе деятельной, подвизающейся, трудящейся, заботливой и подвергающейся бедствиям, то не только не приносит никакой пользы, но и причиняет великий вред, ослабляя ее и делая легко поражаемой. Поэтому и Павел, обращаясь к стоявшим и подвизавшимся, говорил: *радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь* (Фил. 4, 4), а к расслабленным душой и одержимым сильной страстью писал: *вы возгордились, вместо того, чтобы лучше плакать* (1 Кор. 5, 2). Кто тучнеет туком грехов, тот пусть утончает и иссушает себя этим врачевством, а здоровому и соблюдающему себя в надлежащем благосостоянии для чего губить свое благополучие унынием? Оно — такое сильное врачество, что

когда и к нуждающимся в нем было прилагаемо дольше надлежащего времени, причиняло много зла. Опасаясь этого, и блаженный Павел повелевал устранять его тотчас после того, как оно сделает свое дело, и на это представил тоже причину, которую я высказываю теперь: *дабы он не был поглощен*, говорит он, *чрезмерною печалью* (2 Кор. 2, 7). Если же оно, приражаясь сверх меры, губит и тех, кто имеет в нем нужду, то чего не сделает оно с теми, которые совсем не имеют в нем нужды, если они предадутся ему в великой степени? Так, скажешь ты, знаю это и я, но как мне устранить и удалить уныние из души своей, — не знаю... Для освобождения от скорби немало способствует нам то, что мы не находим в ней удовольствия: кто тяготится чем-нибудь, тот скоро постарается и освободиться от этого. Но что, если он хоть и постарается, но не успеет? Пусть не перестает стараться и скоро будет иметь успех. Имей в виду, что для христианина, если он когда-нибудь скорбит, должны быть только два повода к унынию, — когда или сам он, или ближний его оскорбит Бога (2).

* * *

Подлинно, уныние есть тяжкое мучение душ, некоторая неизреченная мука и наказание, горшее всякого наказания и мучения. И в самом деле, оно подобно смертоносному червю. Касаясь не только плоти, но и самой души, оно — моль, поедающая не только кости, но и разум, постоянный палач, не ребра рассекающий, но разрушающий даже и силу души, непрерывная ночь, беспросветный мрак, буря, ураган, тайный жар, сжигающий сильнее всякого пламени, война без перемирия, болезнь, затемняющая многое из воспринимаемого зрением. И солнце, и этот светлый воздух, кажется, тяготят находящихся в таком состоянии, и сам полдень для них представляется подобным глубокой ночи. Вот почему и дивный пророк, указывая на это, говорил: *зайдет солнце* для них *в полудне* (Ам. 8, 9), не потому, что светило скрывается, и не потому, что прерывается обычный его бег, а потому, что душа, находящаяся в состоянии уныния, в самую светлую часть дня воображает себе ночь. Подлинно, не так велик мрак ночи, как велика ночь уныния, являющаяся не по закону природы, а

наступающая с помрачением мыслей, — ночь какая-то странная и невыносимая, с суровым видом, жесточайшая всякого тирана, не уступающая скоро никому, кто пытается бороться с ней, но часто удерживающая плененную душу крепче адаманта, когда последняя не обладает большой мудрость (7).

УТЕШЕНИЕ

Если несчастные получают некоторую отраду, высказывая людям свои несчастья и с прискорбием описывая постигшие их бедствия, как будто в словах своих находят некоторое облегчение, то тем более ты получишь облегчение и великое утешение, если откроешь твоему Владыке страдания души своей. Человек часто тяготится тем, кто сетует и плачет перед ним, отстраняется и отвращается от несчастного, а Бог поступает не так, но принимает и привлекает к Себе, и хотя бы ты продолжительно высказывал Ему свои несчастья, Он тогда еще более любит тебя и внимает твоим молениям. Это самое выражая, Христос говорил: *придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас* (Мф.

11, 28)... Он называется *Отцом милосердия и Богом всякого утешения* (2 Кор. 1, 3), потому что его непрестанная деятельность та, чтобы утешать и призывать скорбящих и сетующих, хотя бы у них было множество грехов. Только предадим Ему себя, только прибегнем к Нему и не будем отступать, и тогда мы на опыте познаем истину сказанного, и ничто случающееся с нами не в состоянии будет опечалить нас, если будем возносить молитву напряженную и усердную, посредством ее мы избавимся от всего, чтобы нас ни постигло. И удивительно ли, что сила молитвы может прекращать человеческие горести, если она легко погашает и истребляет сами грехи (2).

УЧЕНИЕ

Участь детей наших хуже скотов: об ослах и лошадях мы более заботимся, нежели о детях. Если кто имеет лошака, тот всячески старается найти лучшего конюха, который был бы честен, не вор, не пьяница и знал свое дело. Если же нам нужно дать наставника сыну, то мы просто без всякого выбора принимаем кого случится, хотя нет

ничего важнее этой должности. Ибо какое искусство сравнится с искусством образования души и просвещения ума юноши? Человек, знающий это искусство должен быть внимательнее всякого живописца и ваятеля. Но мы об этом нимало не стараемся, а обращаем внимание только на то, чтобы он выучился говорить. И об этом заботимся только для богатства. Ибо он учится не для того, чтобы уметь хорошо говорить, но чтобы обогащаться, так что, если бы и не умея говорить, можно было приобретать богатство, то мы не стали бы заботиться и об этом (1).

УЧИТЕЛЬ

Много и других учителей, кроме совести, приставил к нам Бог, как-то: родителей к детям, господ к рабам, мужей к женам, наставников к ученикам, законодателей и судей к подначальным и друзей к друзьям. Часто даже и от врагов мы получаем пользы не меньше, чем от друзей, когда они укоряют нас в проступках, то побуждают нас и против воли к исправлению. А столько учителей приставил к нам Бог для того, чтобы нам было легко найти и сделать по-

лезное, так как множество побуждающих нас к этому не дает нам уклониться от полезного. Если мы пренебрежем родителей, то, убоясь начальников, верно, будем скромнее; если и их презрим и будем грешить, то никак не можем избежать упрека совести; если и ее не уважим и не послушаем, то, опасаясь общего мнения, будем лучшими; если и этого не устыдимся, то врожденный страх перед законами может образумить нас и против воли. Так молодых людей берут на свое попечение и направляют учителя и отцы, а возрастных — законодатели и начальники... Но сверх всего этого учат нас и болезни и несчастные обстоятельства: и бедность удерживает, и потеря вразумляет, и опасность смиряет. Не страшит тебя ни отец, ни учитель, ни начальник, ни законодатель, ни судья? Не пристыжает тебя друг? Не уязвляет тебя враг? Не вразумляет господин, не научает муж, не исправляет тебя совесть? Так приходит телесная болезнь и нередко исправляет все, нередко и потеря делает дерзкого скромным. А еще важнее то, что великую приносят нам пользу не только наши собственные, но и чужие несчастья (1).

* * *

Для чего он [апостол Павел] упоминает о самом себе в словах: *желаю, чтобы все люди были, как и я* (1 Кор. 7, 7)?.. Не для того, чтобы превозносить самого себя; он, хотя превзошел [других] апостолов в трудах проповеди, но считал себя недостойным даже апостольского наименования... Он знал, что

ученики тогда особенно одушевляются ревностью к добру, когда имеют примеры учителей. Как тот, кто Любомудрствует только на словах, без дела, не приносит великой пользы слушателю, так, напротив, тот, кто может предложить совет, наперед исполненный им самим, этим больше всего увлекает слушателя (2).

ХВАСТЛИВОСТЬ

Благородно мыслящему человеку не должно хвалиться не только тем, чего не имеет, но и тем, что имеет (1).

ХИТРОСТЬ

Что позволительно употребить силу хитрости на добро и что даже нельзя и называть ее хитростью, а некоторой похвальной предусмотрительностью, можно было бы говорить много (2).

ХИЩЕНИЕ

Если человек, довольствующийся своим состоянием и не дающий ничего другому, не милосерд, то может ли называться милосердным тот, кто похищает чужое, хотя бы он делал бесчисленные подаяния? Если наслаждаться одному своими благами бесчеловечно, то кольми паче отнимать их у других. Если люди, не причинившие никакой

обиды другим, подвергаются наказанию только за то, что не разделяли с ними своего имущества, то кольми паче подвергнуться ему те, кто похищали чужое. Не оправдывая себя тем, что, причиняя вред одному, ты оказываешь милость другому. Тебе должно оказывать милость тому, кого ты обидел, а ты, нанося раны одним, врачуешь тех, которым не причинял никаких ран, тогда как должно бы врачевать их, или лучше, не должно бы вовсе наносить ран. Человеколюбив не тот, кто сам поражает и исцеляет пораженных им, но тот, кто врачует раны, нанесенные другими. Итак, врачуй те раны, которые ты сам нанес, а не те, которые другими причинены, или лучше, не поражай и не низлагай другого, ибо это значило бы издеваться над другими, но восставляй пораженных. Для милостыни не достаточно того, чтобы уврачевать зло, нанесенное любостыжанием. Если ты отнял у кого-то обол, то тебе мало уже обола, чтобы посредством

милостыни залечить рану, нанесенную любостязанием, но потребен талант. Потому-то пойманный вор возвращает вчетверо больше похищенного им. Но хищник хуже вора. Если же вор должен возвращать вчетверо более украденного им, то хищник вдесятеро или еще более. Впрочем, и тогда он разве только получит отпущение в своей неправде, но не насладится плодами милосердия. Потому-то Закхей сказал: *если кого чем обидел, воздам вчетверо; и: половину имения моего я отдам нищим* (Лк. 19, 8). Если во времена закона должно было вознаграждать вчетверо, то тем более в царстве благодати. Если вор обязан был это сделать, то тем более хищник, ибо этот последний кроме убытка причиняет еще обиду. Так что, хотя бы ты дал во сто крат больше, и тогда не вознаградишь всего. Видишь, что я не напрасно сказал, что если ты похитишь обол, а отдашь талант, то и тогда едва вознаградишь. Если же и поступая таким образом, ты едва можешь вознаградить вред другого, то когда ты превратишь этот порядок и, похитив все имущество у ближнего, раздашь только малую часть его, и притом не тем, у кого по-

хитил, но другим, какое ты будешь иметь тогда оправдание?.. Послушай, что говорит Писание: *что убивающий чадо пред отцом его, то приносящий жертву из имения бедных* (Сир. 34, 20)... Хищение жесточе убийства, поскольку оно медленно убивает бедного (1).

ХРАМ (ЦЕРКОВЬ)

Любящий желает видеть не только самого любимого и не только дом его, но и преддверие, и не только преддверие дома, но и саму улицу и переулок... Таковы были пророки: так как они не видели бестелесного Бога, то взирали на храм и в нем представляли себе присутствием самого Бога. *Предпочел я лучше повергаться у дома Бога моего, нежели жить в домах грешников* (Пс. 83, 11). Всякое место, всякий дом, — будет ли то судилище, или сенат, или частный дом, — в сравнении с домом Божиим есть селение грешников. Ибо хоть и там бывают молитвы и моления, но неизбежно бывают также раздоры, и ссоры, и брани, и совещания о житейских делах: а этот дом чист от всего этого. Вот почему те места — селения грешников,

а это — дом Божий. И как пристань, защищенная от ветров и волн, дает полную безопасность входящим в нее судам, так и дом Божий, как бы исторгая входящих в него из бури мирских дел, дает им стоять спокойно и безопасно и слушать слово Божие. Это место есть школа добродетели, училище любомудрия. Приди, — не только во время собрания, когда бывает чтение Писания, духовное поучение и собор честных отцов, — нет, во всякое другое время приди только в преддверие, и тотчас отложишь житейские заботы. Войди в преддверие, и как бы ветерок какой-нибудь духовный повеет на твою душу. Эта тишина внушает страх и учит любомудрию, возбуждает ум и не дает помнить о настоящем, переносит тебя с земли на небо. Если же так полезно быть здесь и без собрания, то какую пользу получают здесь присутствующие и какую потерю несут отсутствующие тогда, когда пророки вопиют со всех сторон, когда апостолы благовествуют, когда Христос стоит посреди, когда Отец одобряет происходящее здесь, когда Дух Святой общает свою радость? Хотел бы я знать, где теперь уклонивши-

еся от собрания, что удержало их и отвлекло от этой священной Трапезы, о чем у них разговор? Впрочем, я хорошо знаю это: они или разговаривают о вещах непристойных и смешных, или предались житейским заботам, а занятие тем и другим непростительно и заслуживает самого строго наказания. О первых не нужно и говорить и доказывать. Но что и те, которые ссылаются перед нами на домашние дела и говорят, будто неизбежная надобность по этим делам удерживает их, что и эти люди не могут получить прощения, так как призываются сюда только однажды в неделю, но и в это время не хотят предпочесть духовное земному, — это ясно из Евангелия. Званные на духовное брачное пиршество извинялись вот как: один купил рабочих волов, другой купил землю, третий женился, — однако они наказаны (см. Лк. 14, 18–24). Дела необходимы, но и они не извинительны, когда призывает Бог, потому что все, необходимое для нас, ниже Бога. Сперва честь Богу, а потом уже забота и о прочем. Какой слуга, скажи мне, станет заботиться о своем доме прежде, нежели исполнит господскую

службу? Так не странно ли... оказывать господам такое почтение и повиновение, а к истинному Владыке, не только нашему, но и горних сил, не иметь и такого уважения, какое оказываем подобным нам рабам? О, если бы вы могли войти в их [не присутствующих в храме] совесть... Душа, не пользующаяся духовным наставлением, произращает терния и волчцы. Ибо если и мы, каждодневно слушающие пророков и апостолов, едва удерживаем свой гнев, едва обуздываем ярость, едва укрощаем похоть, едва извергаем из себя гной зависти и, постоянно напевая своим страстям стихи из Божественного Писания, едва умиряем этих наглых зверей, то они, никогда не пользующиеся этим врачевством и не слушающие Божественного любомудрия, — они какую... могут иметь надежду на спасение?.. Как тела не пользующихся баней покрываются множеством пыли и грязи, так и душа, не пользующаяся духовным учением, покрывается великой нечистотой грехов. Здешнее [церковное] есть духовная баня, теплотой Духа очищающая всякую нечистоту: еще более огонь

Духа очищает не только нечистоту, но и сам цвет. *Если*, — говорит Бог, — *будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю* (Ис. 1, 18), пусть то есть греховная скверна так крепко вопьется в существо души, что получит уже неизменный цвет краски, и тогда Я могу перевести ее в противоположное состояние, потому что довольно Моёго манования, и все грехи истребятся (1).

* * *

Мы собрались сюда [в храм] не просто для того только, чтобы один поговорил, а другой только порукоплескал словам его и с тем все ушли бы отсюда, но чтобы и мы сказали что-нибудь полезное и потребное к вашему спасению, и вы получили плод и великую пользу от слов наших и с тем вышли отсюда. Церковь есть духовная лечебница, и все приходящие сюда должны брать здесь приличные врачевства, прилагать их к своим ранам и потом уже выходить отсюда. А что одно слушание поучений без исполнения на деле не принесет никакой пользы, об этом послушай блаженного

Павла, который говорит: *не слушатели закона праведны пред Богом, но исполнители закона оправданы будут* (Рим. 2, 13) (1).

* * *

Мы составляем одну Церковь, стройно составленные члены одной Главы; все мы — одно тело. Если один какой-нибудь член будет оставлен в пренебрежении, то все тело пренебрегается и растлевается. Так как бесчинством одного нарушается благочиние всех, то поистине страшно, что ты приходишь сюда (в храм) не на место игр или плясаний для забавы, а стоишь не благочинно. Разве ты не знаешь, что стоишь вместе с Ангелами? С ними поешь, с ними возглашаешь хвалы и одновременно смеешься, одновременно хохочешь, одновременно разговариваешь? Удивительно, как удар молнии не ниспадет не только на тебя, но и на всех нас! Ибо это достойно удара молнии... Но доколе мы будем обличать, доколе укорять? Не следует ли таких, как заразу, как развратителей, как злодеев, развращенных и исполненных бесчисленного множества зол, изгнать из Церкви (1)?

* * *

Подлинно, кто мог бы в молчании перенести такую беспечность их [тех, кто не пришел на службу в храм], или извинить и оправдать тех, которые, видев столько времени мать свою [Церковь] и насладившись в ней благами, удалились и не смогли вторично опять возвратиться, уподобились не голубице Ноевой, но ворону, и притом тогда, как зима и волнение еще продолжаются, и все более жестокая каждый день поднимается буря, а этот святой ковчег стоит посредине, и всех зовет, и привлекает к себе, и прибегающим к нему доставляет великую безопасность? Он отражает не удары воды и волн, но непрерывные восстания неразумнейших страстей, истребляет зависть, низлагает безумие. Здесь и богатый не сможет презирать бедного, слыша из Божественных Писаний, что *всякая плоть — трава, и вся красота ее, как цвет полевой* (Ис. 15, 6), и бедный, увидев другого богатым, не предастся зависти, слыша и сам слова другого пророка: *не бойся, когда разбогатеет человек или когда увеличится слава дома его, ибо при смерти*

он ничего не возьмет и не сой-дет с ним слава его (Пс. 48, 17–18)... Итак, возлюбленный, не ленись проводить здесь время, потому что если какая-нибудь скорбь возмущает тебя, здесь она прогоняется, если житейские заботы — они убегают, если безумные страсти — они погасают. А с торжища, от зрелищ и из других внешних собраний мы возвращаемся домой, обремененные множеством забот, скорбями и болезнями душевными. Если ты постоянно будешь проводить время здесь, то непременно сложишь с себя и то зло, какое ты получил извне, а если станешь уклоняться и убежать, то и те блага, какие ты приобрел от Божественных Писаний, непременно потеряешь, мало-помалу расточая свое богатство во внешних собраниях и беседах... Не так прекрасна и приятна невеста, сидящая в брачном чертоге, как дивна и славна душа, являющаяся в церкви, благоухающей духовными ароматами. Кто приходит сюда с верой и усердием, тот выходит с бесчисленными сокровищами. Как только он откроет уста, тотчас исполняет присутствующих всяким благоуханием и духовным богатством. И хотя бы по-

стигли его бесчисленные бедствия, он все перенесет легко, получив здесь от Божественных Писаний достаточное побуждение к терпению и любомудрию. И как стоящий постоянно на скале смеется над волнами, так и участвующий постоянно в [церковных] собраниях и орошаемый божественными изречениями, утвердив себя как бы на скале правильного суждения о вещах, не увлечется ничем человеческим, став выше напора житейских дел. Получив великую пользу и душевное утешение не только от поучения, но и от молитвы, и от отеческого благословения, и от общего собрания, и от любви братий, и от многого другого, он таким образом возвращается, принося домой бесчисленные блага (4).

* * *

Вне церкви стоит диавол, он не смеет войти в эту священную ограду, потому что где стадо Христово, там волк не показывается, но, боясь Пастыря, стоит вне. Когда мы выйдем отсюда, не станем тотчас отдаваться непристойным собраниям или праздным речам и бесполезным занятиям, но, пока еще держим

в памяти сказанное, поспешим домой, и каждый, сев с женой и детьми, пусть внимательно размыслит о сказанном (5).

* * *

Если при чтении царской грамоты бывает великая тишина и прекращается всякий шум и беспорядок, потому что все стоит с напряженным вниманием и желают услышать то, о чем возвещает царская грамота, а тот, кто хоть немного зашумит и прервет последовательность чтения, подвергается великой опасности, то тем более здесь (в храме) нужно стоять со страхом и трепетом, соблюдать глубокое молчание и избегать волнения мыслей, чтобы и понимать предлагаемое, и удостоиться за послушание еще больших даров от Царя небесного (8).

ХРИСТИАНИН

Верующий должен быть вииден не только по дару, но и по новой жизни. Верующий должен быть светильником для мира и солью. А если ты самому себе не светишь, не предотвращаешь собственной гнилости, то по чему нам узнать тебя? По тому ли,

что ты погружался в священные воды? Но это может довести тебя до наказания. Величие почести для нежелающих жить сообразно ей увеличивает казнь. Верующий должен блистать не тем одним, что получил от Бога, но и тем, что ему собственно принадлежит. Надо, чтобы он по всему был вииден: и по поступку, и по взору, и по виду, и по голосу. Сказал же я об этом для того, чтобы нам соблюдать благоприличие не напоказ, а для пользы тех, кто смотрит на нас. А теперь с которой стороны ни стараюсь распознать тебя, везде нахожу тебя в противоположном состоянии. Хочу ли заключить о тебе по месту, вижу тебя на конских ристалищах, на зрелищах, вижу, что ты проводишь дни в беззакониях, в худых сходбищах, на рынке, в сообществе с людьми развратными. Хочу заключать о тебе по виду твоего лица, вижу, что ты непрестанно смеешься и рассеян, подобно развратной блуднице, у которой никогда не закрывается рот. Стану ли судить о тебе по одежде, вижу, что ты наряжен ничем не лучше комедианта. Стану ли судить о тебе по спутникам твоим, вижу, что ты водишь за собой тунеядцев и

льстецов. Стану ли судить о тебе по словам, слышу, что ты не произносишь ничего здорового, дельного, полезного для нашей жизни. Буду ли судить о тебе по твоему столу, здесь открывается еще более причин к осуждению.

Итак, скажи мне, по чему могу узнать, что ты верный, когда все исчисленное мною уверяет в противном? И что говорю, верный? Даже человек ли ты, и того не могу узнать подлинно. Когда лягаешься, как осел, скачешь, как вол, ржешь на женщин, как конь, объедаешься, как медведь, утучняешь плоть, как лошак, злопамятен, как верблюд, хищен, как волк, сердит, как змея, язвителен, как скорпион, коварен, как лисица, хранишь в себе яд злобы, как аспид и ехидна, враждуешь на братьев, как лукавый демон. Как могу счесть тебя человеком, не видя в тебе признаков естества человеческого?.. А что всего хуже, находясь в столь худом состоянии, мы и не воображаем о безобразии души своей, не имеем понятия об ее гнусности. Когда сидишь у волосочесателя и стрижешь волосы, то взяв зеркало, со всем вниманием рассматриваешь прическу, спра-

шиваешь предстоящих и того, кто стриг, хорошо ли они лежат у тебя на лбу... А того, что душа наша не только безобразно, но даже зверообразна, и стала сциллой и химерой, упоминаемыми в языческом баснословии, нисколько не чувствуем, хотя есть здесь духовное зеркало, которое гораздо лучше и полезнее вещественного, ибо не только показывает безобразие, но даже, если захотим, превращает его в несравненную красоту. Зеркало же это память о добрых мужах и повествование об их блаженной жизни, чтение Писания, законы, от Бога данные. Если захочешь однажды посмотреть на изображения тех святых, увидишь гнусность своего сердца, а увидев, ни в чем другом не имеешь уже нужды, дабы избавиться от этого безобразия... Итак, никто не оставайся в образе бессловесных. Если раб не входит в дом отца, то как можешь вступить в те преддверья, будучи зверем (1)?

* * *

Что в мире представляется тебе всего блаженнее и возжеленнее? Конечно, скажешь ты, власть, богатство, слава у лю-

дей. Но что жальче этого, если сравнить со свободой христиан? Властитель находится в зависимости от ярости народной и бессмысленных прихотей толпы, также страха со стороны сильнейших властителей и забот о подчиненных. Притом, вчера он властитель, а сегодня простолюдин, так как настоящая жизнь нисколько не отличается от сцены. Как здесь один исполняет роль царя, другой — полководца, иной — воина, а по наступлении вечера и царь не царь, и властитель не властитель, и полководец не полководец, так и в тот день не по лицу, а по делам каждый получит достойное воздаяние. Но разве драгоценна слава, которая пропадает, как цвет травный? Также и богатство, которого владельцы называются жалкими... Христианин никогда не делается ни из начальника простолудином, ни из богатого бедным, ни из славного бесславным. Напротив, он богат, когда беден, и высок, когда старается быть смиренным; и власти, которую имеет он — не над людьми, но над князьями, подвластными *мироправителю тьмы* (Еф. 6, 12), никто отнять у него не может (2).

* * *

Одно у христианина несчастье — оскорбить Бога, а прочее, как-то: потерю имущества, лишение отечества, самую крайнюю опасность, он и не считает за бедствие, даже то самое, чего все страшатся — переход отсюда туда, — для него приятнее жизни. Как если бы некто, взойдя на высокую скалу, смотрел на море и на плывущих по нему, из которых одни обливаются волнами, другие ударяются о подводные камни, иные, стремясь в одну сторону, напором ветра, как узники, увлекаются в другую, многие уже погрузились в воду и вместо корабля и руля владеют только своими руками, многие несутся на одной доске или на каком-нибудь обломке корабля, а иные плывут уже мертвые, представляя многообразное многоразличное бедствие. Так и воинствующий для Христа, удалившись от бури и волн житейских, восседает на безопасном и высоком месте. Что может быть безопаснее и выше, чем иметь одну лишь заботу, *как угождать Богу* (1 Фес. 4, 1) (2)?

* * *

Христианин не имеет города на земле, но вышний Иерусалим: *вышний Иерусалим свободен*, говорит [апостол], *он — мать всем нам* (Гал. 4, 26). Христианин не имеет занятия на земле, но посвящает себя вы-

шнему образу жизни: *наше же жительство*, говорит [апостол], *на небесах* (Флп. 3, 20). Христианин имеет своими сродниками и согражданами всех святых: мы *сограждане святым*, говорит [апостол], *и свои Богу* (Еф. 2, 19) (4).

ЦЕЛИТЕЛИ

Заболело дитя? Она [мать] не сделала волшебных повязок, и это признано ее мученичеством, потому что мыслью она принесла сына в жертву. Ибо что за дело до того, что эти повязки не приносят никакой пользы, что это дело обмана и насмешки? Есть и такие, которые верят, что они полезны. Но она [мать] лучше согласилась видеть свое дитя мертвым, чем предаться идолослужению. И так как эта мать есть мученица, с собой ли она, с дитятей ли поступила так, с мужем или с кем бы то ни было из наиболее любимых, так другая есть идолослужительница, потому что она, очевидно, и жертву принесла бы идолам, если бы только могла принести, а лучше сказать, она уже сделала то, что составляет жертву. Ибо эти повязки, сколько бы ни мудрствовали употребляющие их, утверждая, что мы призываем Бога, больше ничего не делаем, и тому подобное, что старуха —

христианка и верная, все в этом — идолослужение. Ты верная? Перекрестись, скажи: вот единственное мое оружие, вот мое лекарство, другого не знаю. Скажи мне: если бы врач, придя к больному, вместо того, чтобы употребить медицинские средства, начал петь, назвали ли бы мы его врачом? Нет, потому что мы не видели бы врачебных пособий. Так и здесь ничего нет христианского. Другие еще вешают на шею названия рек и множество подобного позволяют себе. Вот я объявляю и предупреждаю всех вас: не буду больше щадить, если о ком-нибудь узнаю, что он делает повязку, или заклинание, или другое что, относящееся к этому искусству. Что же, говорит, умереть дитяти? Когда оно станет жить от этих средств, тогда оно умерло, а когда умрет без них, тогда ожило. Если бы ты увидела, что сын твой пошел к блудницам, ты скорее пожелала бы, чтобы он был погребен. Ты сказала бы: какая польза, что он живет.

Но видя, что он находится в опасности лишиться спасения, ты хочешь, чтобы он жил? Разве ты не слышала, что сказал Христос: *сберегший душу свою потеряет ее, а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее* (Мф. 10, 39). Веришь ты сказанному или оно тебе кажется басней? Скажи мне: если бы кто-нибудь сказал тебе: сведи меня в капище, и я буду жив, согласилась ли бы ты? Нет, говоришь. Почему же? Потому что он заставляет служить идолам. Но здесь, говорит, нет идолослужения, а просто — заклинание. Это сатанинская мысль, это дьявольская хитрость — скрывать заблуждение и в меде подавать яд. Когда диавол увидел, что тем способом не уверил, пошел этим путем — повязками и бабьими баснями. И вот крест пренебрегают, суеверные надписи предпочитают ему, Христа изгоняют и вводят пьяную сумасбродную старуху. Тайнство наше погрязло, а дьявольское заблуждение торжествует. Так почему же, говорит, Бог не обличит? Он часто обличал мнимую помощь от этих средств, но ты не поверил... Отчего же, говорят, нет ныне таких, которые бы воскрешали мертвых и со-

вершали исцеления? Отчего? — Не скажу пока. А отчего ныне нет таких, которые бы презирали настоящую жизнь? Отчего мы служим Богу из-за награды? Когда природа человеческая была немогущее, когда вера только насаждалась, тогда много было и таких людей. Ныне же Бог не хочет, чтобы мы зависели от этих знамений, но чтобы готовы были к смерти. Почему же ты дорожишь настоящей жизнью? Почему не смотришь на будущее? Для настоящей жизни ты решаешься на идолослужение, а для будущей и поскорбеть не хочешь. Потому что и нет ныне таких людей, что мы презираем будущую жизнь и ничего для нее не делаем, а для настоящей на все решаемся. А что сказать о другом смешном — о золе, саже, соли? И опять эта старуха тут. Подлинно, смех и стыд! От глазу, говорит, погибло дитя.

Доколе же будут продолжаться эти сатанинские дела! Как не смеяться эллинам? Как не издеваться, когда мы говорим им: велика сила крестная! Поверят ли они нам, когда видят, что мы ожидаем помощи от того, над чем они смеются? Для [лечения] Бог дал врачей и лекарства. Но что

же, если они не помогают, а дитя отходит? Куда отходит, скажи мне, бедный и несчастный ты? К демонам, что ли, отходит? К тирану какому-нибудь отходит? Не на Небо ли отходит? Не к Господу ли своему? О чем же ты скорбишь? О чем плачешь? О чем сокрушаешься? Зачем ты любишь дитя больше Господа своего? Не Он ли даровал тебе дитя? Зачем же ты столь неблагодарен, что дар любишь более, чем даровавшего?.. Плачь — я не запрещаю, но не богохульствуй — ни словом, ни делом (1).

* * *

Если же он [друг] укажет на какие-нибудь врачевания и скажет тебе, что его обещают вылечить, и поэтому-то он и ходит к ним [иудеям]: раскрой их хитрости, чары, привески, снадобья. Они не иначе и вылечивают, как этим способом, впрочем, только кажется, что вылечивают, а на самом деле и не вылечивают, — совсем нет. Я пойду еще дальше и скажу вот что: если они и точно вылечивают, то лучше умереть, нежели прибегнуть к врагам Божиим и через них получить исцеление.

Какая, в самом деле, польза вылечивать тело, когда гибнет душа? Какая выгода здесь [на земле] получить некоторое облегчение, а там быть отосланным в огонь неугасающий? А чтобы не указывали на эти исцеления, послушай, что говорит Бог: *если восстанет среди тебя пророк, или сновидец, и представит тебе знамение или чудо, и сбудется то знамение или чудо, о котором он говорил тебе, и скажет притом: «пойдем вслед богов иных, которых ты не знаешь, и будем служить им», — то не слушай слов пророка сего, или сновидца сего, ибо чрез сие искушает вас Господь, Бог ваш, чтобы узнать, любите ли вы Господа, Бога вашего, от всего сердца вашего и от всей души вашей* (Втор. 13, 1–3). Это значит, если какой пророк скажет: могу воскресить мертвеца или исцелить слепого, только послушайте меня, и поклонимся демонам, или послужим идолам, затем, если бы даже говорящий это исцелил слепого или воскресил мертвого, не слушай его и после этого. Почему? Потому что Бог, искушая тебя, попустил ему сделать это, не от того, чтобы сам Он не знал расположения души твоей, но для того, чтобы дать

тебе случай доказать, точно ли ты любишь Бога. А любящему свойственно не оставлять любимого, хотя бы старающиеся отвлекать нас от него воскрешали и мертвых. Если же Бог так говорил иудеям, тем более нам, которых Он привел к высшему любомудрию, которым отворил дверь воскресения, которым повелевает не привязываться к настоящему, но все надежды устремлять к жизни будущей.

Но что говоришь ты? Что тебя мучит и терзает болезнь телесная? Но ты еще не потерпел столько, сколько блаженный Иов, [не потерпел] даже и малейшей части [страданий] его. У него после того, как вдруг погибли стада овец и волов и все прочее [имущество], похищены были все дети, и все это случилось в один день, чтобы не только свойством искушений, но и непрерывным следованием их подавить подвижника. А после всех этих потерь он, получив неисцелимые язвы на теле, видел, как из тела его выползали черви, нагой сидел на куче навозной и представлял для всех зрелище бедственности — он был человек непорочный, справедливый и богобоязненный и удалялся от зла (Иов 1, 1). Но бедствия

не остановились и на этом, нет, присовокупились болезни дневные и ночные, и мучил его какой-то странный и необыкновенный голод. *До чего не хотела коснуться душа моя*, говорил он, *составляет отвратительную пищу мою* (Иов 6, 7). Далее ежедневные поношения, ругательства, брань, смех... И от всех этих бедствий жена обещала ему избавление, говоря так: *похули Бога и умри* (Иов 2, 9), произнеси то есть хулу на Бога и освободишься от тяготеющих над тобой бедствий. Что же? Этот совет поколебал ли святого мужа? Напротив, только более укрепил его, так что он еще укорил жену свою. Он хотел лучше скорбеть, бедствовать и терпеть бесчисленные несчастья, нежели богохульством приобрести избавление от столь многих бедствий. Так и находившийся в болезни тридцать восемь лет [расслабленный] ежегодно приходил к купели и всякий раз уходил, не получив исцеления, видел ежегодно, что другие, имея много прислужников, исцелялись, а он постоянно оставался в расслаблении за неимением, кто бы помог ему. И не смотря на это, он не прибег к волшебникам, не пошел к чаро-

деям, не навязал на себя пере-
вязок, но ожидал помощи от Бо-
га, поэтому и получил наконец
чудесное и необычайное исцеле-
ние (см.: Ин. 5, 5–9)... Чем же из-
винимся мы, если в то время,
как эти люди терпеливо пере-
несли столько несчастий, мы
либо из-за лихорадки, либо из-
за ран бежим в синагоги и при-
глашаем в свои дома чародеев и
волшебников? Не слышал ли
ты, что говорит Писание? *Сын
мой! если ты приступаешь слу-
жить Господу Богу, то приго-
товь душу твою к искушению:
управь сердце твое и будь тверд,*
в болезни и бедности на Него
уповая, *ибо золото испытыва-
ется в огне, а люди, угодные Бо-
гу, в горниле уничижения* (Сир. 2,
1–5). Если ты побьешь своего
слугу, а он, получив тридцать
или пятьдесят ударов, тотчас с
воплем потребует освобождения
или оставит тебя, своего госпо-
дина, и уйдет к другому кому-
либо из числа твоих недругов и
этим раздражит [тебя], может
ли он, скажи мне, получить
прощение? Может ли кто засту-
питься за него? Никак. Почему
же? Потому что господин имеет
право наказывать слугу, да и не
поэтому только, но и потому,
что если уж надобно было [слу-

ге] прибегнуть [к кому-нибудь],
так не к врагам, не к ненавист-
никам, но к искренним друзьям
[господина]. И ты, как уви-
дишь, что Бог наказывает тебя,
прибегай не к врагам Его, чтобы
не раздражить Его еще более,
но к друзьям Его — мученикам,
святым угодникам Его, кото-
рые имеют к Нему великое
дерзновение. Но что говорить о
слугах и господах? Сын не мо-
жет сделать этого из-за побоев
от отца и отказаться от родства
с ним. И естественные и самими
людьми установленные законы
повелевают [сыну] благодуш-
но переносить все: бьет ли его
[отец], лишает ли стола, выго-
няет ли из дому, наказывает
ли каким бы то ни было обра-
зом. И если [сын] не покоряется
и не сносит [наказания], его не
прощает никто. Нет, сколько
бы побитый сын ни жаловался,
все говорят ему такие слова:
«Тебя побил отец и господин,
который властен сделать все,
что ему угодно, и должно все пе-
реносить с кротостью». Так слу-
ги переносят от господ и сыно-
вья от отцов часто даже и тогда,
когда они наказывают их не-
справедливо, а ты не потерпишь
наказания от Бога, Который и
выше [всех] господ, и любит

тебя больше [всех] отцов, Который все предпринимает и делает не по гневу, но для [твоей] пользы? Напротив, лишь случится какая-нибудь легкая болезнь, тотчас уклоняешься от его владычества, бежишь к демонам и спешишь в синагоги?! Можешь ли получить ты прощение? Как будешь в состоянии опять призвать Его?.. Притом иудеи хотя бы, по-видимому, и прекращали горячку [в теле] своими чарами на самом-то деле они не прекращают за-то вводят в совесть другую жесточайшую горячку, так как мысль каждый день будет уязвлять тебя, совесть — мучить и говорить: «Ты поступил нечестиво, совершил беззаконие, нарушил завет со Христом, из-за легкого недуга изменил благочестию...» Какое же это здоровье, когда внутри у нас столько обвинителей? Но если потерпишь немного, если отвергнешь и с великим бесчестием выведешь из своего дома тех, кто захотел бы или наговорить тебе какое-либо чарование или обвязать тело какой-либо перевязкой, сейчас получишь росу [успокоения] от совести. Пусть горячка жжет сколько угодно: твоя душа доставит тебе прохла-

ду лучше и спасительнее всякой росы, всякой влаги. Как по принятии волшебного снадобья ты, если и выздоровеешь, будешь чувствовать себя хуже больных горячкой от мысли о грехе, так и теперь, отвергнув тех нечестивцев, хоть и будешь страдать горячкой и терпеть множество бедствий, почувствуешь себя лучше всякого здорового... Если не унесет тебя эта горячка, то унесет, конечно, другая, если не умрем теперь, умрем после. Тленное получили мы тело не для того, чтобы из-за его болезней увлекаться к нечестию, а для того, чтобы его болезнями утверждать в благочестии. Сама тленность и смертность тела послужат нам основанием славы, если только будем благоразумны, и доставят в день [судный] великое дерзновение, и не только в тот день, но и в настоящей жизни (2).

* * *

Не слышал ли ты, как Писание говорит, что *Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает* (Евр. 12, 6)? Как многие и сколько раз хотели получить мученический венец? Вот это

[терпение в болезни] настоящий мученический венец! Мучеником бывает не тот только, кто, получив повеление [от мучителя] принести жертву [языческим богам], порешил лучше умереть, чем принести эту жертву, нет, мученичество очевидно есть и то, когда человек вообще соблюдает [ради Христа] что-либо такое, чем может навлечь на себя смерть... Если отвергнешь волхвования, чары и ворожбы и умрешь от болезни, будешь совершенный мученик, потому что, когда обещали тебе выздоровление посредством нечестия, ты решил лучше умереть с благочестием. Это сказано нами к тем, которые хвалятся и говорят, что демоны исцеляют. А чтобы тебе увериться, что и это неправда, послушай, что Христос говорит о диаволе: *он был человекоубийца от начала* (Ин. 8, 44). Бог говорит: *човекоубийца*, а ты бежишь, как к врачу? Какой же, скажи мне, дашь ответ на обвинение в том, что обманам этих людей веришь более, нежели изречению Христа? Если Бог говорит, что [диавол] человекоубийца, а эти люди, вопреки Божию решению, говорят, что он может врачевать болезни, и ты принимаешь

их чары и волшебные лекарства, то таким поступком своим ты показываешь, что им веришь более, нежели Христу, хотя и не высказываешь этого словами. А если диавол — человекоубийца, то, очевидно, таковы же и служители его — демоны (2).

ЦЕЛОМУДРИЕ

Исаак на сороковом году от рождения вступил в супружество и до того времени хранил девство (см.: Быт. 25, 20), тем паче в благодатном состоянии юноши должны иметь целомудрие. Но... вы не только не хотите пеших об их целомудрии, но смотрите равнодушно, когда они бесчестят, оскверняют себя и предаются различным порокам, не зная того, что польза брака зависит от сохранения чистоты тела, без которой нет никакой пользы от брака. А у вас бывает противное. Когда дети ваши уже оскверняют себя бесчисленными пороками, тогда соединяете их узами брака, но уже тщетно и напрасно. Но вы говорите: надо ожидать того времени, когда сын сделается знаменит и прославит себя делами политическими, а о душе нима-ло не печетесь, но равнодушно

смотрите на ее падение. Оттого-то у нас во всем такое смешение, расстройство и беспорядок, что мы не заботимся о душе, пренебрегаем необходимым и все попечение обращаем на дела маловажные. Неужели ты не знаешь, что ты ничем лучше не можешь облагодетельствовать сына своего, как сохранив его от нечистоты блуда (1)?

* * *

Чтобы отсечь самые корни зла, пусть те, которые имеют детей, находящихся в юношеском возрасте, и намереваются ввести их в мирскую жизнь, скорее соединяют их узами брака, потому что еще в юности возмущают их страстные пожелания. До времени брака воздерживайте их увещаниями, угрозами, страхом, обещаниями и другими бесчисленными средствами, а когда наступит пора брака, пусть никто не медлит связывать детей своих узами брака... Итак, когда сын возрастет, то, прежде чем вступить в воинское звание или другой род жизни, позаботься об его супружестве. И если он будет знать, что ты скоро приведешь ему невесту и что уже немного

остается времени до брака, то в состоянии будет терпеливо переносить пламя страсти... И так как никто не заботится о том, каким бы образом сына сделать целомудренным и скромным, а все с неистовством прилепляются к золоту, ради которого никто и не имеет попечения о целомудрии, то умоляю вас прежде всего заботиться об их душах. Если вступит в брак с невестой непорочной, если будет знать только ее тело, то и любовь будет пламеннее, и больше будет страха Божия, и брак будет подлинно честный, связывая тела чистые и нескверные, и рождаемые будут исполнены всякого благословения. И будут угождать друг другу жених и невеста, ибо будут незнакомы с привычками посторонних людей, будут взаимно подчиняться друг другу. А кто с юных лет начал вести жизнь распутную и ознакомился с обычаями блудниц, тот в первый и второй вечер будет любоваться своею женой, а после скоро обратится к прежнему распутству (1).

* * *

Если язычники, ненавидящие Бога, часто бывают цело-

мудренными, то какой стыд и страх должен овладеть нами. Мы хуже их и потому должны стыдиться! Проводить жизнь в целомудрии легко, если захотим, если будем удаляться от того, что вредит. Если же не захотим, то и блуда нелегко избежать (1).

* * *

Юность неукротима и имеет нужду во многих наставниках, учителях, руководителях, надсмотрщиках, воспитателях. И только при таких условиях возможно обуздать ее. Что конь необузданный, что зверь неукротимый, то же самое есть и юность. Поэтому если вначале и с первого возраста поставим для нее надлежащие пределы, то впоследствии не будем иметь нужды в великих усилиях. Напротив, потом привычка обратится для них в закон. Не позволим им делать того, что приятно и вместе вредно, не будем угрожать им, потому что они дети, но преимущественно будем их сохранять в целомудрии. Ибо это угодение более всего приносит вреда юности. О целомудрии мы особенно должны заботиться, к этому мы особенно долж-

ны быть внимательны. Скоро будем брать для них жен, чтобы они, имея чистое и нерастленное тело, соединялись с невестами. Такая любовь особенно бывает пламенна. Кто был целомудренным до брака, тот тем более останется таким после брака. Напротив, кто до брака научился любодействовать, тот и после брака станет делать то же самое. Ибо сказано в Писании: *блуднику сладок всякий хлеб* (Сир. 23, 23). Для того и возлагаются на головы венцы, — в знак победы, что они, не будучи побеждены, вступают в брачный чертог, — что они не были одолены похотью. Если же кто, увлеченный сладострастием, предался блудницам, то для чего после этого он имеет и венец на голове, когда он побежден? Это им [детям] будем внушать, этим будем их вразумлять, устрашать, угрожать, делая то то́, то другое (1).

* * *

Чтобы знать, что целомудрие — добро, для этого мы не нуждаемся в чужих словах, ни в наставлении, потому что сами по природе имеем это знание, и не требуется ни трудов, ни забот,

чтобы разыскать и найти, хорошо ли и полезно ли целомудрие. Напротив, все мы общим голосом признаем это, и никто не сомневается насчет этой добродетели. Так и блуд почитаем злом, и здесь также не нужны нам ни труды, ни ученье, чтобы узнать виновность этого греха... Так, что целомудрие есть добро, мы знаем без всякого труда, это знание от природы, но соблести целомудрие мы не могли бы, если бы не употребляли усилий, не обуздывали похоти и не выносили великого труда, это уже не дано нам от природы, как знание, но требует с нашей стороны усердия и старания (1).

ЦЕРКОВЬ

Мы составляем одну Церковь, стройно составленные члены одной Главы; все мы — одно тело. Если один какой-нибудь член будет оставлен в пренебрежении, то все тело пренебрегается и растлевается (1).

* * *

Он [Христос] изрек: созижду Церковь Мою, — и это совершилось с великой легкостью.

И тогда как против нее вооружались властители, потрясали оружием воины, свирепствовали сильнее огня целые народы, противостояла привычка, восставали риторы, софисты, богатые, простые люди и начальники, слово Его, действуя сильнее огня, истребило терния, очистило нивы, посеяло евангельское учение. И между тем как из уверовавших одни были заключаемы в темницы, другие отправляемы в ссылку, иные лишаемы имущества, иные умерщвляемы и рассекаемы, сжигаемы, потопляемы и подвергаемы всякому роду мучений, поругаемы и изгоняемы отовсюду, как общие враги, являлись новые исповедники в большем числе, которые, смотря на страдания других, не только не охладели к вере, но еще охотнее и лучше стремились к этой прекрасной ловитве, и были уловляемы не принуждением, не насилием, но прибегая сами и изъявляя благодарность приведшим их ко Христу, взирая на потоки крови верующих, они становились более пламенными к вере и более смелыми, и тогда как не ученики только, но и учителя, иные были заключаемы в узы, другие изгоняемы, иные бичуе-

мы, и претерпевали другие бесчисленные мучения, число верующих умножалось и ревность их увеличивалась...

Таким образом, они повсюду устроили Церковь. Никто не мог бы построить даже одну стену из камня и извести, подвергаясь гонению и встречая препятствия, а они устроили столько церквей по всей вселенной, подвергаясь ранам, узам, гонениям, ссылкам, отнятию имений, бичеваниям, задушению, сожжению, потоплению вместе с учениками, и устроили не из камней, но из душ и волей человеческих, что гораздо труднее построения из камней (2).

* * *

Церковь есть мать своих детей, которая и их принимает, и чужим открывает недра. Общим местом зрелища был ковчег Ноев, но Церковь лучше и его. Тот принял неразумных животных и сохранил их неразумными, а эта принимает неразумных и изменяет их. Например, войдет ли сюда лисица — еретик, я делаю ее овцой, войдет ли волк, я делаю его агнцем, сколько зависит от меня. Если же он не захочет, то это нисколь-

ко не от меня, а от собственного неразумия (5).

* * *

На сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее (Мф. 16, 18). Вот стена, вот ограда, вот укрепление, вот пристань и прибежище! Несокрушимость этой стены ты можешь видеть из следующего. Христос не сказал, что только нападения людей не одолеют ее, но и самые злоухищрения ада: *врата ада*, говорит, *не одолеют ее*, — будут нападать, но не победят ее. А что значит: врата ада?.. Врата ада есть опасность, ведущая в ад. Таким образом, смысл слов Его следующий: хотя бы устремились и напали такие опасности, которые в состоянии увлечь нас в самый ад, Церковь останется непоколебимой. Он мог не допустить, чтобы Церковь испытывала бедствия: почему же допустил? Потому что гораздо важнее допустить искушения и сделать, чтобы от них не происходило никакого зла, нежели не допускать их. Поэтому Он допустил все искушения, чтобы сделать ее опытной, так как *от скорби происходит терпение, от*

терпения опытность (Рим. 5, 3–4) (6).

* * *

Не удаляйся от Церкви, потому что нет ничего сильнее Церкви. Твоя надежда — Церковь, твое спасение — Церковь, твое убежище — Церковь. Она выше неба, обширнее земли. Она никогда не стареет, но всегда цветет. Поэтому Писание, выражая твердость ее и непоколебимость, называет ее горой, за ее непорочность называет ее девой, за великолепие называет ее

царицей, за родство с Богом называет ее дочерью, за многочадие называет ее, бывшую бесплодной, рождающей семейных; множество названий, чтобы представить ее благородство! (7)

* * *

Церковь есть духовная лечебница, и приходящие сюда должны получать соответствующие врачевства, прилагать их к своим ранам и с этим уходить отсюда (8).

ЧЕЛОВЕК

Он [апостол Павел] смотрел не на то, что один был грешник и нуждался в покровительстве, но на то, что это был человек, человек — драгоценнейшее для Бога существо, за которого Отец не пощадил даже своего Единородного Сына.

Не говори мне, что такой-то беглец, разбойник, вор и исполнен бесчисленных зол, или что он нищ, и отвержен, и малоценен, и недостоин никакого слова, но ты подумай, что и за него умер Христос, и это для тебя будет достаточным основанием всячески позаботиться о нем. Подумай, каким должен быть тот, которого Христос столько почтил, что не пощадил даже своей крови. Если бы царь взялся за кого-нибудь пожертвовать собой, то мы не искали бы другого доказательства на то, что он велик и желанен царю: я не думаю, смерть достаточно показала бы любовь к нему умершего. А теперь не человек, не Ан-

гел, не Архангел, сам Владыка небес, Сам Единородный Сын Божий, облекшись плотью, предал Себя за нас. Не будем ли все делать и хлопотать, чтобы почтенные так люди вкусили у нас всякого промысления? (6)

ЧЕСТОЛЮБИЕ

Нет ничего, чему бы не вредили страсти. Как бурные ветры, нападая на тихое море, возмущают его с самого дна, так что песок смешивается с волнами, так и страсти, вторгаясь в душу, возмущают в ней все и ослепляют мыслительную ее способность, — особенно же страсть к славе (земной, суетной). Презирать богатство нетрудно для того, кто захочет, но чтобы презирать честь от людей, для этого нужно много усилия, великое любомудрие, нужна душа как бы ангельская, достигающая самой высоты небесной. Ибо нет, истинно нет другой страсти, столь же сильной и везде господствующей,

хотя в большей или в меньшей мере, но — везде. Каким же образом мы можем преодолеть ее, если не вполне, то хоть в малейшей степени? Если мы будем взирать на небо, если будем иметь Бога перед очами своими, если устремим помыслы наши выше всего земного. Когда ты желаешь славы, то представь, что ты уже получил ее, подумай о последствиях, и ты не найдешь там ничего; подумай, какой она причиняет вред, скольких и каких лишает благ, ибо для нее ты подвергаешься трудам и опасностям, а плодов и наград от нее не получишь. Вспомни, что между людьми есть весьма много злых и презирай их славу, помысли о каждом из них, кто он, и увидишь, что эта слава достойна посмеяния, узнаешь, что она есть больше стыд, нежели слава, и после того возведи ум свой к горнему зрелищу. Когда ты, делая какое-нибудь доброе дело, думаешь, что нужно показать его людям, ищешь, кого бы сделать зрителем этого дела и стараешься быть видимым, то вспомни, что тебя видит Бог, и истребишь в себе всякое подобное пожелание. Отрешись от земли и устремь взор к зрелищу небесному.

Люди если и похвалят, после будут хулить, будут завидовать, будут вредить, если даже и не сделают этого, то не принесут совершенно никакой пользы тому, кого хвалят. Но Бог не таков. Напротив, Он радуется, восхваляя наши подвиги. Ты хорошо сказал и удостоился рукоплесканий? Но что пользы отсюда? Если рукоплескавшие получили пользу, исправились, сделались лучше, отстали от прежних пророков, то поистине должно радоваться — не бывшим похвалам, но благой и чудной перемене слушателей. Если же они, постоянно воздавая похвалы, продолжая шуметь и рукоплескать, сами не получают никакой пользы от этих рукоплесканий, то следует больше скорбеть, потому что это послужит к их осуждению. Тебя прославляют за благочестие? Если ты истинно благочестив и не знаешь за собой ничего худого, то должно радоваться не тому, что тебя почитают таким, но что ты действительно таков, если же ты, не будучи таким, желаешь славы от людей, то вспомни, что не они будут судить нас в последний день, а Тот, Кто верно знает наше сокровенное. Если ты, сознавая за собой гре-

хи, всеми почитаешься чистым от грехов, то не только не должно радоваться этому, но скорбеть и горько плакать, представляя непрестанно тот день, в который откроется все, в который Бог *осветит скрытое во мраке* (1 Кор. 4, 5). Тебе воздают честь? Отвергни ее, зная, что она делает тебя должником. Никто не воздает тебе чести? Должно радоваться этому, ибо между прочим Бог поставит тебе на вид и то, что ты пользовался честью. Или ты не знаешь, что между прочими благодеяниями Бог поставляет в укоризну и это, когда говорит через пророка: *из сыновей ваших Я избирал в пророки, из юношей ваших — в назореи* (Ам. 2, 11)? Таким образом, ты получишь ту пользу, что не будешь предан большому наказанию. Кто не получает чести в настоящей жизни, но терпит презрение, не пользуется никаким уважением, но подвергается оскорблению и унижению, тот если не приобретает ничего другого, то по крайней мере не подлежит ответственности за получение чести от подобных себе рабов. Между тем он получает отсюда и другую пользу. Он делается кротким и смиренным и, хотя

бы захотел, никогда не станет превозноситься, если будет более внимателен к самому себе. Напротив, человек, пользующийся великой честью, кроме того, что делается тяжким должником, предается надменности и тщеславию и делается рабом людей, а затем, по мере умножения его власти, бывает принужден делать много, чего не хочет.

Итак, зная, что для нас лучше, не будем искать почестей и, даже когда нам предлагают их, будем отвергать, отклонять от себя и истреблять в себе такое пожелание. Говорю это и начальствующим, и подчиненным. Душа, жаждущая чести и славы, не увидит Царства Небесного. Это — не мои слова, не от себя я говорю их, а от Божественного Духа. Такие люди не увидят Царства Небесного, хотя бы они упражнялись в добродетели: *они уже получают*, говорит Господь, *награду свою* (Мф. 6, 5) (1).

ЧРЕВОУГОДИЕ

Как невоздержанность в пище бывает причиной и источником бесчисленных зол для рода человеческого, так и пост и

презрение чрева всегда были для нас причиной несказанных благ. Бог, сотворив вначале человека и зная, что это врачество весьма нужно ему для душевного спасения, тотчас же и в самом начале дал первозданному [человеку] следующую заповедь: *от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла, не ешь от него* (Быт. 2, 16–17). А слова: это ешь, а этого не ешь, — были уже образом поста. Но человек, вместо того чтобы соблюсти заповедь, преступил ее. Он поддался чревоугодию, сделал преслушание, и за то осужден был на смерть... Божественное Писание постоянно осуждает увеселения и говорит в одном месте: *и сел народ есть и пить, а после встал играть* (Исх. 32, 6), — а в другом: *утучнел Израиль, и стал упрям; утучнел, отолстел и разжирел; и оставил он Бога* (Втор. 32, 15). И жители Содомы навлекли на себя неумолимый гнев Божий, сверх прочих преступлений, и этим. Ибо вот что говорит пророк: *Вот в чем было беззаконие Содомы... в гордости, пресыщении и праздности* (Иез. 16, 49). Этот порок, в самом деле, есть как бы источник и корень всего худого (1).

ЧУДЕСА

Если услышим, что кто-либо указывает на апостолов и говорит об их подвигах, мы вместо того, чтобы тотчас заплакать о себе, что мы так отстали от них, не считаем и за грех эту [отсталость], но ведем себя так, как будто и невозможно взойти на такую высоту. А если кто-нибудь спросит о причине, мы тотчас представляем такое неразумное оправдание: то был Павел, то был Петр, то Иоанн. Что значит: то был Павел, то был Петр? Не ту же ли природу, скажи мне, имели и они? Не тем же ли, как и мы, путем пришли они в жизнь? Не тою же ли питались пищей? Не тем же ли дышали воздухом? Не теми же ли пользовались вещами? Не имели ли одни из них жен и детей, другие — и житейские ремесла, а иные даже не низвергались ли в самую бездну зла? Но они, скажет кто-нибудь, пользовались великой благодатью Божией! Так, если бы нам повелевалось воскрешать мертвых, или отверзать очи слепых, или очищать прокаженных, или исправлять хромых, или изгонять демонов и врачевать другие подобные болезни, тогда уместно

было бы такое наше оправдание. Но если теперь требуется строгость жизни и изъявление послушания [закону Христову], то как идет к этому такое оправдание? И ты при крещении получил благодать Божию и стал причастником Духа, если и не настолько, чтобы творить чудеса, то настолько, насколько нужно иметь для правильной и благоустроенной жизни. Таким образом, наше разращение происходит единственно от нашей беспечности. И Христос в тот день [суда] будет давать награды не тем, которые только творили чудеса, но тем, которые исполняли Его заповеди... И в учении о блаженствах Он нигде не упоминает о делающих чудеса, а только — о ведущих жизнь праведную.

Итак, хотя благодать ныне сократилась, однако это нисколько не может повредить нам, но не послужит и к нашему оправданию, когда мы будем давать отчет в делах. И тем блаженным [апостолам] мы удивляемся не за чудеса, потому что чудеса вполне зависели от силы Божией, но за то, что они явили жизнь ангельскую, а эта жизнь, при высшей помощи, есть дело и их собственного усердия. Это

не я теперь говорю, но сам подражатель Христов [Павел]. Когда он в послании к ученикам опровергал лжеапостолов и хотел показать различие между чистым и нечистым служением, то указал не на чудеса, но на подвиги свои... За это я удивляюсь апостолам, а без этого получившие по домостроительству [Божии] власть чудотворения не только не заслужили бы удивления, но даже сделались бы отверженными. Как показывает и Христос, когда говорит: *многие скажут мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие* (Мф. 7, 22–23)... Жизнь праведная и без чудес получит венцы и ничего тогда не потеряет, а жизнь беззаконная и с чудесами не может избежать наказания (2).

* * *

Не одно и то же — деяния и знамения, не одно и то же — деяния и чудеса, не одно и то же — деяния, чудотворения и силы,

но великая разница между теми и другими. Деяние есть дело собственного усердия, а чудо есть дар божественной благодати. Видишь ли, какое различие между деянием и чудом? Деяние есть плод человеческих трудов, а чудо есть знак божественного дарования, деяние берет свое начало от нашего произволения, а чудо имеет своим источником благодать Божию, последнее от горней помощи, а первое — от дольного расположения. Деяние слагается из того и другого, и из нашего усердия и из божественной благодати, а чудо проявляет одну только вышнюю благодать, нисколько не имея нужды в наших трудах. Деяние состоит в том, чтобы быть кротким, целомудренным, умеренным, обуздывать гнев, побеждать похоть, подавать милостыню, являть человеколюбие, упражняться во всякой добродетели, — это деяние, труд, усилие наше. А чудо состоит в том, чтобы прогонять бесов, отверзать очи слепым, очищать тела прокаженных, укреплять расслабленные члены, воскрешать мертвых и совершать другие подобные чудотворения...

Вначале и недостойным были подаваемы дарования, потому что в древности для веры нужна была эта помощь, теперь же и достойным они не даются, потому что сила веры уже не имеет нужды в такой помощи. А дабы тебе убедиться, что и те не ложно, но действительно совершали знамения, и что дарования были подаваемы и недостойным людям для того, чтобы кроме вышесказанного достигалась и другая цель: чтобы они, устыдившись дара Божия, оставили свое нечестие, — вспомни об Иуде, одном из двенадцати апостолов. Все признают, что он совершал знамения, изгонял бесов, воскрешал мертвых, очищал прокаженных, и однако он лишился Царства Небесного. Знамения не могли спасти его, потому что он был разбойник, вор и предатель Господа. Это доказывает, что знамения без доброго поведения, без жизни чистой и строгой, не могут спасти, а что добрая жизнь, не получающая утешения от знамений, и без их помощи, сама по себе, может с дерзновением вводить людей в Царство Небесное (6).

ШУТКИ

Шутливость делает душу слабой, ленивой, вялой, она возбуждает часто ссоры и порождает войны... Охотнику до шуток необходимо терпеть сильную вражду со стороны осмеиваемых им, присутствуют ли они при этом или услышат в отсутствии...

Много зол гнездится в пристрастной до шуток душе, большая рассеянность и пустота: расстраивается порядок, ослабляется благоустройство, исчезает страх, отсутствует благочестие... А многим это дело кажется добродетелью, и это достойно слез (1).

ЩЕГОЛЬСТВО

Щегольство и само по себе есть великое зло, хотя бы из-за него не происходило ничего другого и хотя бы можно было позволять его себе безопасно. Но оно располагает к тщесла-
вию и надмению, а потом из-за прикрас рождается и многое другое, — явные подозрения, неблагоприятные издержки, порицания, поводы к лихоим-
ству (1).

ЮНОСТЬ

Есть люди хуже онокентавров. Они необузданны, как звери, живущие в пустыне. Таковы бывают по большей части юноши, поскольку они, предавшись свирепым страстям, скачут и прыгают, необузданно носясь всюду и нимало не заботясь о должном. Но всему причиной их отцы, которые... на детей своих долгое время смотрят равнодушно (1).

* * *

Юность неукротима и имеет нужду во многих наставниках, учителях, руководителях, надсмотрщиках, воспитателях. И только при таких условиях возможно обуздать ее. Что конь необузданный, что зверь неукротимый, то же самое есть и юность. Поэтому если вначале и с первого возраста поставим для нее надлежащие пределы, то впоследствии не будем иметь нужды в великих усилиях. На-

против, потом привычка обратится для них в закон (1).

* * *

Когда отцы убеждают детей заниматься науками, то в их разговоре с детьми не слышно ничего другого, кроме таких слов: «Такой-то человек низкий и из низкого состояния, усовершенствовавшись в красноречии, получил весьма высокую должность, приобрел большое богатство, взял богатую жену, построил великолепный дом, стал для всех страшен и знаменит». Другой говорит: «Такой-то, изучив итальянский язык, блистает при дворе и всем там распоряжается». Иной опять указывает на другого, и все — на прославившихся на земле, а о небесном никто ни разу не вспоминает, если же иной попытается напомнить, то он прогоняется, как человек, который все расстраивает.

Итак, вы, когда напеваете это детям с самого начала, учите их не другому чему, как основанию всех пороков, вселяя в них две самые сильные страсти, то есть корыстолюбие и еще более порочную страсть — суетное тщеславие. Каждая из них и порознь может извратить все, а когда они обе вместе вторгнутся в нежную душу юноши, то, подобно соединившимся бурным потокам, извращают все доброе и наносят столько терния, столько песку, столько сору, что делают душу бесплодной и не способной ни к чему доброму. Это могут засвидетельствовать нам изречения и внешних писателей: так, из этих страстей одну, не соединенную с другой, но самому по себе, один назвал верхом, а другой главой зол. Если же одно [корыстолюбие] в отдельности есть верх и глава [зол], то когда оно соединится с другим гораздо жесточайшим и сильнее-шим, т.е. с безумным тщеслави-ем, и вместе с ним вторгнется в душу юноши, укоренится в ней и овладеет ею, то кто после в состоянии будет истребить эту болезнь, особенно когда и отцы делают и говорят все, чтобы не ослабить эти злые растения, но еще укрепить их? Кто так нера-

зумен, что не потеряет надежды на спасение воспитываемого таким образом сына? Желательно, чтобы душа, воспитанная в противоположном направлении, избегла порочности, когда же наградой за все считаются деньги и для соревнования предлагаются люди порочные, тогда какая надежда на спасение? Пристрастившиеся к деньгам неизбежно бывают завистливы, и склонны к клятвам, и вероломны, и дерзки, и злоречивы, и хищны, и бесстыдны, и наглы, и неблагодарны, и исполнены всех зол. Достоверный свидетель этого блаженный Павел сказал, что сребролюбие есть корень всякого зла в жизни (см.: 1 Тим. 6, 10), и прежде него то же изъяснил Христос, возвещая, что поработенный этой страсти не может служить Богу (см.: Мф. 6, 24). Итак, если юноша будет увлечен в это рабство с самого начала, то когда он будет в состоянии сделаться свободным, как может избавиться от потопления, если все толкают его, все погружают и усиленно подвергают необходимости потонуть? Если бы без всякого препятствия, если бы при помощи многих, подающих ему руку, он мог подняться, осмотреться и смыть с

себя пену порочности, не было ли бы это вожделенно? (2)

* * *

Юноша сам по себе недостаточно силен к подвигам добродетели, а если бы и произвел что-либо доблестное, то оно скоро, прежде нежели возрастет, загложнет от наводнения слов (2).

* * *

Лучше вооружать [сына] с юного возраста, когда он властен над собой и ничем не связан... Приступивший к любомудрию в конце своей жизни употребляет все время на то, чтобы по-сильно омыть грехи, сделанные в прежнем возрасте, и на это истощается все его усердие, но часто он не успевает и в этом, а отходит отсюда с остатками ран, а кто с юных лет вступил в подвижничество, тот не тратит времени на это и не сидит, врачую свои раны, но с самого начала уже получает награды. Для первого желательно избавиться

от всех ран, а последний с самого вступления на поприще воздвигает трофеи и присоединяет победы к победам (2).

* * *

Юность легко разжигается удовольствиями, будучи больше масла способной к воспламенению, а для подвигов целомудрия бывает весьма нежной (5).

* * *

Поразмысли, что такое молодость и цветущая пора юности. Он [Иосиф Прекрасный] был тогда в самом цветущем возрасте, когда пробуждается очень сильное пламя природы, когда поднимается большая буря страсти, когда рассудок делается более слабым. Ведь души юношей ограждают себя не очень большим благоразумием и не проявляют большого рвения к добродетели; между тем буря страстей бывает очень тяжелой, а управляющий страстями рассудок слабым (7).

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(1) Святитель Иоанн Златоуст. Избранные беседы о повседневных вопросах христианской жизни. М.: Отчий дом, 1999 г.

(2) Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, Архиепископа Константинопольского, в русском переводе. С.-Пб.

Издание Спб. Духовной Академии, 1898 г. Т. 1, кн. 1.

(3) То же. Т. 1, кн. 2.

(4) То же. Т. 2, кн. 1.

(5) То же. Т. 2, кн. 2.

(6) То же. Т. 3, кн. 1.

(7) То же. Т. 3, кн. 2.

(8) То же. Т. 4, кн. 1.

АД (ГЕЕНА).....	3
АПОСТОЛЫ.....	5
БДИТЕЛЬНОСТЬ	7
БЕДНОСТЬ	7
БЕДСТВИЯ	11
БЛАГА БУДУЩИЕ (ИСТИННЫЕ)	15
БЛАГА ЗЕМНЫЕ	18
БЛАГОДАРЕНИЕ	20
БЛАГОДАТЬ	25
БЛАГОДЕНСТВИЕ	26
БЛАГОРАЗУМИЕ	28
БЛИЖНИЙ	28
БЛУД	29
БОГАТСТВО	31
БОГОХУЛЬСТВО	42
БОДРСТВОВАНИЕ	44
БОЛЕЗНИ	45
БРАК.....	48
БРАТЯ.....	57
ВДОВА	59
ВЕЛИКОДУШИЕ	63
ВЕРА.....	63
ВЕСЕЛЬЕ.....	68
ВЗГЛЯД.....	68
ВЛАСТЬ.....	69
ВОЗДАЯНИЕ	71
ВОЗДЕРЖАНИЕ.....	76
ВОСКРЕСЕНИЕ	76

ВОСПИТАНИЕ	78
ВРАГИ.....	89
ВРЕД.....	96
ВЫСОКОМЕРИЕ.....	96
ВЫСОКОУМИЕ.....	101
ГЛУПОСТЬ	103
ГНЕВ	103
ГНЕВ БОЖИЙ	112
ГОРДОСТЬ	113
ГРЕХ	115
ДАРЫ БОГУ.....	121
ДЕВСТВО	123
ДЕЛА.....	128
ДЕНЬГИ.....	132
ДЕРЗНОВЕНИЕ	133
ДИАВОЛ	134
ДОБРО	136
ДОБРОДЕТЕЛЬ.....	138
ДОГМАТЫ	142
ДРУЗЬЯ	142
ДУХОВНЫЕ БЛАГА	145
ДУША	146
ЕРЕТИКИ	153
ЖЕЛАНИЯ	154
ЖЕНА	155
ЖИЗНЬ ЗЕМНАЯ	166
ЗАБОТА О РОДСТВЕННИКАХ.....	169
ЗАБОТЫ ДОМАШНИЕ	170
ЗАВИСТЬ	170
ЗАКОН.....	175
ЗАПОВЕДИ	176
ЗЛО	179

ЗЛОПАМЯТСТВО	181
ЗЛОСЛОВИЕ	185
ЗРЕЛИЩА	189
ИМЯ БОЖИЕ	191
ИСКУССТВО.....	192
ИСКУШЕНИЕ	192
ИСПОВЕДЬ	193
КЛЕВЕТА	200
КЛЯТВА	200
КОРЫСТОЛЮБИЕ	201
КРАСОТА.....	203
КРЕСТ	207
КРЕЩЕНИЕ.....	210
КРОТОСТЬ	210
ЛЕНОСТЬ	214
ЛИХОИМСТВО	214
ЛИЦЕМЕРИЕ	215
ЛУКАВСТВО	215
ЛЮБОВЬ	216
ЛЮБОВЬ БОЖИЯ К ЛЮДЯМ.....	218
ЛЮБОВЬ К БЛИЖНИМ	222
ЛЮБОВЬ К БОГУ	227
ЛЮБОПЫТСТВО	229
ЛЮБОСТЯЖАНИЕ	229
МАЛОВЕРИЕ	232
МАЛОДУШИЕ	232
МАТЬ	232
МЕСТЬ.....	233
МИЛОСЕРДИЕ	235
МИЛОСТЫНЯ	238
МИРОТВОРЦЫ.....	261
МНОГОГЛАГОЛАНЬЕ	262
МНОГОЗАБОТЛИВОСТЬ (ЖИТЕЙСКИЕ ДЕЛА).....	263

МОЛИТВА	264
МОНАСТЫРИ.....	284
МОНАХ	285
МОЩИ СВЯТЫХ	285
МУДРОСТЬ	288
МУЖ	289
МУЗЫКА	292
МУЧЕНИЧЕСТВО	292
 НАГРАДА	 295
НАДЕЖДА.....	296
НАКАЗАНИЕ	297
НАСМЕШКИ	306
НАСТАВЛЕНИЕ	307
НАЧАЛЬНИК.....	307
НЕНАВИСТЬ	308
НЕСТЯЖАТЕЛЬНОСТЬ.....	310
НЕСЧАСТЬЯ	310
НОВЫЙ ГОД.....	313
 ОБИДЫ	 314
ОБЛИЧЕНИЕ	317
ОБРАЗОВАНИЕ	317
ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ	318
ОДЕЖДА	320
ОСУЖДЕНИЕ.....	323
ОТДЫХ	325
ОТЕЦ	325
ОТЧАЯНЬЕ	327
 ПАДЕНИЕ	 330
ПАМЯТЬ	332
ПЕЧАЛЬ	333
ПИСАНИЕ СВЯЩЕННОЕ	333
ПИЩА.....	340
ПОКАЯНИЕ	342
ПОКОЙ	351

ПОМОЩЬ БОЖИЯ	352
ПОМЫСЛЫ	353
ПОРИЦАНИЕ.....	353
ПОРОК.....	354
ПОСТ	356
ПОТЕРЯ ИМУЩЕСТВА	361
ПОХВАЛА	365
ПОХОТЬ.....	366
ПРАВЕДНИКИ	366
ПРАЗДНИКИ	367
ПРАЗДНОСТЬ	368
ПРЕЛЮБОДЕЯНИЕ	370
ПРЕСЫЩЕНИЕ	379
ПРИВЫЧКА.....	379
ПРИМИРЕНИЕ.....	380
ПРИЧАСТИЕ	385
ПРИШЕСТВИЕ ВТОРОЕ	394
ПРОМЫСЕЛ БОЖИЙ	394
ПРОСТОТА.....	395
ПРОЩЕНИЕ ОБИД	396
ПУТИ К БОГУ.....	398
ПЬЯНСТВО	399
 РАДОСТЬ.....	 407
РАЗВОД	408
РАЗУМ	412
РАЙ.....	412
РАСТОЧИТЕЛЬНОСТЬ	417
РЕВНОСТЬ	417
РОДИТЕЛИ	419
РОСКОШЬ	421
РОСТОВЩИЧЕСТВО	423
 СВОБОДА ВОЛИ.....	 425
СВОЙСТВА БОЖИИ	427
СВЯТОСТЬ	427
СВЯТЫЕ	428

СВЯЩЕНСТВО	428
СЕТИ ДИАВОЛЬСКИЕ	435
СКВЕРНОСЛОВИЕ	437
СКОРБИ	437
СЛАВА ИСТИННАЯ	444
СЛАВОЛЮБИЕ	446
СЛАСТОЛЮБИЕ	448
СЛОВА	449
СЛОВО БОЖИЕ	452
СМЕРТЬ	452
СМИРЕНИЕ	460
СОВЕСТЬ	469
СОДОМСКИЙ ГРЕХ	472
СОН	474
СОСТРАДАНИЕ	475
СПАСЕНИЕ ДУШИ	475
СРЕБРОЛЮБИЕ	476
СТРАДАНИЯ	484
СТРАСТИ	484
СТРАХ	493
СТРАХ БОЖИЙ	494
СТЫД	496
СУД СТРАШНЫЙ	496
СУДЫ	501
СУЕВЕРИЕ	502
 ТВОРЧЕСТВО	 504
ТЕАТР	504
ТЕЛО	507
ТЕРПЕНИЕ	508
ТОЛПА	512
ТРУД	513
ТЩЕСЛАВИЕ	518
 УБИЙСТВО	 526
УВЕСЕЛЕНИЯ	526

УКРАШЕНИЯ	527
УМЕРЕННОСТЬ	528
УНЫНИЕ	529
УТЕШЕНИЕ	532
УЧЕНИЕ	532
УЧИТЕЛЬ	533
ХВАСТЛИВОСТЬ	535
ХИТРОСТЬ	535
ХИЩЕНИЕ	535
ХРАМ (ЦЕРКОВЬ)	536
ХРИСТИАНИН	541
ЦЕЛИТЕЛИ	545
ЦЕЛОМУДРИЕ	551
ЦЕРКОВЬ	554
ЧЕЛОВЕК	557
ЧЕСТОЛЮБИЕ	557
ЧРЕВОУГОДИЕ	559
ЧУДЕСА	560
ШУТКИ	563
ЩЕГОЛЬСТВО	564
ЮНОСТЬ	565
СПИСОК ИСПОЛЪЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	568

**СИМФОНИЯ
ПО ТВОРЕНИЯМ
СВЯТИТЕЛЯ ИОАННА
ЗЛАТОУСТА**

Издание 2-е

Редактор-составитель *Т.Н. Терещенко*
Технический редактор *А.Н. Ковалёва*
Корректоры *Н.Н. Сергеева, А.А. Савенко*
Компьютерная верстка *С.В. Митриковой*
Оформление *С.В. Митриковой*

Издательство «Даръ»
105264, Москва, ул. Верхняя Первомайская, д. 49а
Тел.: (495) 780-39-11 (многоканальный)

Подписано в печать 20.02.2008. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «SchoolBookC». Печать офсетная.
Усл.печ. л. 23,3. Уч.-изд. л. 27,6. Тираж 3000 экз.
Заказ №

СИМФОНІЯ
ПО ТВОРЕННЯМ
СВЯТИТЕЛЯ
Іоанна
Златоуста

★ ★

СИМФОНΙΑ
ПО ТВОРЕНИЯМ
СВЯТИТЕЛЯ
ИОАННА ЗЛАТОУСТА

МОСКВА
2008

ББК 88-372

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ
*Святейшего Патриарха Московского
и всея Руси*
АЛЕКСИЯ II

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА:

*Интернет-портал
«Православная книга России»
www.pravkniga.ru*

Симфония по творениям святителя Иоанна Златоуста. Том II. — М.: ДАРЪ, 2008. — 576 с.

ISBN 978-5-485-00228-2

Симфония по творениям свт. Иоанна Златоуста (347–407) содержит подборку наставлений и нравоучений святителя по различным проблемам духовной жизни, нравственности и веры и продолжает серию «Симфоний», в которых собраны высказывания святых отцов и учителей Церкви.

ББК 88-372

ISBN 978-5-485-00228-2

© Издательство «ДАРЪ», 2008

АД (ГЕЕННА)

Из ада никого ни выпускают, и заключенные там вечно горят в огне и претерпевают такое мучение, которого и описать невозможно. Если никакое слово не может выразить и тех лютых страданий, какие терпят люди, сжигаемые здесь, то тем более неизобразимы страдания мучимых там. Здесь, по крайней мере, все страдание оканчивается в несколько минут, а там палимый грешник вечно горит, но не сгорает (6).

Диавол для того и убеждает некоторых думать, что нет геенны, чтобы ввергнуть в геенну. Напротив, Бог угрожает геенною и ее приготовил, чтобы мы, зная о ней, так жили, чтобы не впасть в геенну. Если диавол теперь, когда есть геенна, уверяет тебя, что ее нет, то, если бы не было геенны, какая была бы нужда свидетельствовать о ней бесам, которые всего более стараются о том,

чтобы мы и не подозревали ничего подобного, чтобы, не страшась ее, стали беспечнее, и впали с нами в геенский огонь? Но почему же, спросишь, они свидетельствовали тогда о геенне? Потому что не могли сопротивляться принуждавшей их к тому необходимости. Взяв во внимание все это, да перестанут умствующие так своими речами обольщать себя и других! Пророк говорит: *грядет Бог наш, и не в безмолвии: пред Ним огонь поядающий, и вокруг Его сильная буря* (Пс. 49, 3). *Пред Ним идет огонь и вокруг пополяет врагов Его* (Пс. 96, 3). А кто враги Божии, если не блудники, прелюбодеи, мужеложники, похотники, идолослужители, корыстолюбцы, пьяницы, клятвопреступники, ропотники, гневливые, злопамятные, гордые, высокомерные, непослушные родителям, немилосердные? Им всем в Страшный день общего воскресения повелит Судия: *идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его* (Мф. 25, 41) (9).

Спрашиваешь, где и в каком месте будет геенна? Но что тебе до этого за дело? Нужно знать, что она есть, а не то, где и в каком месте скрывается. Некоторые, применяя к геенне то, что рассказывается о какой-то войне в древности, пустословят, что она находится в долине Иосафатовой. Действительно, был такой случай, что Бог, наказывая противников своим праведным судом, совершенно истребил их — именно в долине Иосафатовой, — так что обитателям Иерусалима на семь лет хватило оружия истребленных на топливо (см. Иоиль 3, 2; Иез. 39, 9). И вот здесь-то хотят теперь поместить геенну. Но Писание этого не говорит. Ты хочешь все-таки знать: в каком месте будет геенна? По моему мнению, где-нибудь вне всего этого мира. Как царские темницы и рудокопи бывают в местах отдаленных, так и геенна будет где-нибудь вне этой вселенной. Но будем допытываться не о том, где она, но как избежать ее (9).

Для того именно Бог и создал геенну и угрожает ею, чтобы мы из страха ее старались быть лучшими и в нее не впадали. Поэтому,

кто запрещает говорить о геенне, тот не достигает ничего другого, как незаметно приготовляет самому себе, самого же себя обманывая, гибель в геенне. Не связывая же рук, подвизающихся в добродетели, не усиливай нерадения в людях, погруженных в сон. Если бы уверить людей, что нет геенны, то отстали бы они когда-нибудь от порока? И где же будет правда? Не говорю уже о грешниках и праведниках, но исключительно о грешниках. Почему один наказывается здесь, а другой не наказывается, за тот же самый, а то и тягчайший грех? Если нет геенны, ничего нельзя сказать на такую жалобу. А потому прошу вас всех оставить такую смешную, прямо сатанинскую мысль — и тем заградить уста возражающим против этого. В самых малых делах, как худых, так и добрых, будет строгое испытание. И за нескромный взгляд подвергнемся мы наказанию, и в праздном слове дадим отчет, и в смехе, и в злоречии, и в дурном помысле, и в пьянстве; а равно и в добрых делах — за чашу студенной воды, за ласковое слово, за один вздох получим награду. Сказано ведь: *и на челах людей скорбящих, воздыхающих о всех мерзостях, сделай знак* (Иез. 9, 4). Как

же смеешь ты говорить, что Бог, с такою строгостью испытующий нашу жизнь, напрасно и попусту угрожал геенной? Прошу вас, умоляю, не губите такими суетными надеждами себя и тех, которые вам доверяются (9).

АНГЕЛЫ

Прославлять Ангелов — наш долг. Они, воспевая Творца, обнаруживают милость Его и благорасположение к людям. Я говорю об Ангелах, о наших союзниках, ведущих войну против враждебных нам сил, — об Ангелах, один из которых есть Архангел Михаил, состязавшийся с дьяволом из-за тела Моисея и воевавший против вождя персов за свободу народа (см. Дан. 10, 13). Из числа их и тот, который обратил назад ослицу и удержал Валаама от странного безумия, и когда пророк этот не понимал совершавшегося, голос бессловесного образумил одаренного словом (см. Чис. 22, 27). Из числа их и тот, который обнажил меч и побудил Иисуса Навина сразиться с неприятелями. Из них также и тот, который в одну ночь поразил сто восемьдесят пять тысяч ассирян и усыпил варваров беспробудным сном смерти (см. 4 Цар. 19, 35). Из них же и тот,

который перенес по воздуху пророка Аввакума, чтобы накормить пищей пророка Даниила среди голодных львов (см. Дан. 14, 34–36). Эти вот и им подобные стоят против врагов и имеют силу также и против страданий. Таков был дивный и божественный Рафаил, внутренностями одной рыбы освободивший девицу из-под власти демона и искусно возвративший зрение слепому старику (см. Тов. 11). Нельзя умолчать и о тех, которые служили в Новом Завете; из них по большей части является Архангел Гавриил, открывший предсказание Захарии и наказавший его за неверчивость немотою, так как они не поверили тому, что бесплодная зачнет ради будущего домостроительства; он возвестил святой Марии безмужное рождение, он указал пастырям путь к пещере и показал Необъятного в яслях, Неопишемого в пеленах, воссылая с ними благозвучную песнь прославления: *слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение* (Лк. 2, 14). Другой Ангел удерживает волхвов от возвращения к Ироду; некоторые служили на земле Творцу при творении ее; иной увещает обручника Девы не отпускать, будто растленную, ту, которая была непорочна; иной

внушает ему возвратиться после бегства от избиения Иродом младенцев; хотя и во плоти видели Несозданного, но по примеру рабов служили Ему. Изумились они силе Его, вследствие которой искуситель был поражен, и сообразно свидетельству Давида, подняв Его на руках, носили так, чтобы не удариться о камни (см. Пс. 90, 12), потому что *взяли, сказано, камень, чтобы бросить на Него* (Ин. 8, 59). Некоторые стекались к страданию; другие, сидя в новом гробе после воскресения, говорили верующим женщинам: *что вы ищете живого между мертвыми?* (Лк. 24, 5). После же вознесения в качестве телохранителей сопровождали учеников, освобождая Петра от оков, облегчая для Павла опасности на суше и на море, помогая вере Корнилия, поражая хвастливого Ирода, губителя праведных. Не величайшего ли поэтому почета достойны те, которые и нашею жизнью управляют? Ведь Ангелы поставлены не только охранять народы, как гласит изречение: *когда Всевышний давал уделы народам и расселял сынов человеческих, тогда поставил пределы народов по числу сынов Израилевых* (Втор. 32, 8), но и каждому из людей назначен Ангел. Не моя это речь,

но Священного Писания. Именно когда девица Рода возвестила апостолам, что Петр, который ушел из темницы Ирода, стоит у дверей, те, не веря, говорили: *это Ангел его* (Деян. 12, 15). И Спаситель также свидетельствует об этом, говоря о малых в этой жизни: *смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного* (Мф. 18, 10). На каждую церковь назначил Христос Ангелов хранителей, как, открывая Иоанну, говорит: *Ангелу Смирнской церкви напиши... Знаю твои дела, и скорбь, и нищету (впрочем ты богат)* (Откр. 2, 8, 9)... Ангелы докладывают Судье всех, а Он повелевает им говорить всякому делающему добро: *молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом* (Деян. 10, 4) (9).

АПОСТОЛЫ

Как тот, кто изрекает видение и слово Божие, говорит не свое, так и тот, кто называет себя апостолом, преподает не свое учение, а то, какое повелел ему Пославший. Достоинство апостола (посланника) — не прибавлять ничего от самого себя. Потому и Христос говорил: *и отцом себе не*

называйте никого на земле: ибо один у вас Наставник — Христос (Мф. 23, 9–10), показывая, что начало всех наших догматов происходит свыше, от Небесного Владыки, хотя люди служат к их преподаванию (4).

Хотя же, — говорит Он, — проповедуйте, что приблизилось Царство Небесное (Мф. 10, 7). Видишь величие служения? Видишь достоинство апостолов? Им не велено говорить ни о чем чувственном, о чем говорили Моисей и прежде бывшие пророки, но повелевается говорить о предметах новых и необычайных. Те проповедовали не о Небесном Царствии, но о земле и о земных благах; а эти проповедуют о Царстве Небесном и обо всем, что там. Но не этим только апостолы превосходят пророков, но и послушанием. Они не отказываются, не уклоняются от повелений, как поступали древние; но, слыша и об опасностях, и о войнах, и о несносных бедствиях, с совершенной покорностью принимают повеления, как проповедники царствия. Но чему тут дивиться, скажешь, ежели они охотно повиновались, когда должны были проповедовать без скорби и тягости? Что ты говоришь?

Им не заповедано ничего тягостного? Разве не слышишь о темницах, о смертных приговорах, о гонениях от единоплеменников, о всеобщей ненависти? Все это, по словам Христа, вскоре должны они были испытать на себе. Он посылает их проповедниками и раздаятелями бесчисленных благ другим; а самим возвещает и предрекает несносные бедствия. Затем, чтобы их проповедь удобнее могла расположить к вере, говорит: *больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте* (Мф. 10, 8). Заметь, как Он заботится о правах их: не меньше, чем о чудесах, показывая им, что чудеса без доброй нравственности ничего не значат; говоря: *даром получили, даром давайте*, — Он смиряет их высокоумие и предостерегает от сребролюбия. И чтобы не подумали, что производимые ими чудеса — плод их добродетелей, и не возгордились тем, говорит: *даром получили, даром давайте*. Вы ничего своего не даете тем, которые принимают вас; получили вы эти дары не в награду и не за труды — это Моя благодать. Так и другим давайте, потому что нельзя найти цены, достойной этих даров. Потом, исторгая тотчас

же и самый корень зла, говорит: *не берите с собой ни золота, ни серебра, ни меди в пояса свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха* (Мф. 10, 9–10). Не сказал: не берите с собой, но хотя бы ты и в другом месте мог взять, избегай этого пагубного недуга. Через это достигал Он многого. Во-первых, удалял от учеников всякое подозрение; во-вторых, освобождал их от всякой заботы, чтобы они занимались одной проповедью; в-третьих, показывал им Свое могущество. Для того-то и говорит им после: имели ли вы в чем недостаток, когда Я посылал вас без одеяния и без обуви? И не вдруг говорит им: *не берите*; но сперва сказал: *больных исцеляйте, прокаженных очищайте*, а потом уже заповедал: *ничего не берите; даром получили, даром давайте* (Мф. 10, 9, 8), повелевая им то, что и на деле полезно, что и прилично, и возможно. Но, может быть, скажут: другие требования справедливы, но почему Он и в дороге не велел им иметь ни сумы, ни двух одежд, ни жезла, ни сапог? Потому что хотел приучить их к строгой жизни, так как и выше не позволял им заботиться даже и о следующем дне. Он готовил их быть

учителями вселенной; потому и делает их, так сказать, из людей ангелами, освобождая их от всякого житейского попечения, чтобы они заботились об одной только проповеди, — или, лучше сказать, Он освобождает их и от этой заботы, говоря: *не заботьтесь, как или что сказать* (Мф. 10, 19), и таким образом, что казалось весьма трудным и тягостным, представляет им весьма легким и удобным. Подлинно, ничто столько не служит душевному спокойствию, как свобода от забот и попечений, особенно если, освободившись от этих забот и попечений, можно не иметь ни в чем недостатка, имея помощником Бога, Который заменяет Собой все. Потом, в предупреждение вопроса: откуда же будем получать необходимое пропитание? — не говорит им: вы слышали, что Я говорил вам прежде: *взгляните на птиц небесных* (Мф. 6, 26), — каковой заповеди они еще не в состоянии были выполнить, — но выразился легче, сказав: *ибо трудящийся достоин пропитания* (Мф. 10, 10), желая показать этими словами, что им должно получать себе пропитание от учеников, чтобы они не гордились перед учениками своими тем, что, до-

ставляя им все, сами ничем от них не заимствуются, а ученики, в свою очередь, будучи презируемы ими, не отделились от них. Далее, чтобы ученики не сказали: итак, велишь жить милостивей? — и не вменили бы того себе в стыд, Христос, называя их делателями, а даваемое им — мздой, показывает, что это так должно и быть. Хотя дело ваше, — говорит Он, — состоит только в учении, но не думайте, чтобы оказываемое вами благодеяние было маловажно; ваше занятие сопряжено с великими трудами, и что дают вам поучаемые, дают не даром, но в вознаграждение: *ибо трудящийся достоин пропитания*. Это Он сказал не потому, чтобы труды апостолов того только и стоили, — совсем нет! Здесь Он давал только ученикам правило не требовать большего, а доставляющих им нужное вразумлял, что они делают это не по щедрости, но по долгу. *В какой бы город или селение ни вошли вы, навещивайтесь, кто в нем достоин, и там оставайтесь, пока не выйдете* (Мф. 10, 11). Когда Я сказал, — говорит Он, — *трудящийся достоин пропитания*, то этим не отворил дверей для вас ко всем; напротив, и в этом повелеваю вам поступать

с большой осмотрительностью, что послужит вам к приобретению и чести, и самого пропитания. В самом деле, если принимающий вас человек будет достоин, то он непременно даст вам пропитание, особенно, если вы, кроме необходимого, ничего более не потребуете. Но Христос не только повелевает искать достойных, но и не переходить из дома в дом, чтобы ни принимающего не оскорбить, ни самим не подвергнуться нареканию в чревоугодии и легкомыслии. Это-то и внушал Он словами: *там оставайтесь, пока не выйдете*. То же самое можно видеть и у других евангелистов. Видишь ли, как Он этим делает учеников достойными уважения, а приемлющих их ревностными к принятию, показав, что от этого несравненно более для них самих будет и славы, и пользы? Продолжая то же наставление, говорит: *а, входя в дом, приветствуйте его, говоря: мир дому сему; и если дом будет достоин, то мир ваш придет на него; если же не будет достоин, то мир ваш к вам возвратится* (Мф. 10, 12–13). Смотри, до каких подробностей Он доходит в Своих наставлениях, — и не без причины. Он готовил их быть подвижниками

благочестия и проповедниками вселенной; а потому, приучая к умеренности и делаая достойными любви, говорит: *а если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших; истинно говорю вам: отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому* (Мф. 10, 14–15). Не ожидайте, говорит, приветствия себе от других, потому что вы учителя, но сами прежде отдавайте честь другим. Кроме того, показывая, что их приветствие не простое слово, но благословение, говорит: если будет дом достоин, придет мир ваш на него, а если оскорбят вас, то первым наказанием будет то, что дом лишится мира, а вторым то, что подвергнется одинаковой участи с Содомом. Но скажут: какая нам польза в их казнях? Такая, что для вас найдутся дома достойных. Что же значит выражение: *отрясите прах от ног ваших*? Этим показывается или то, что апостолы ничего у них не заимствовали, или это служит свидетельством дальнего путешествия, которое апостолы предпринимали для них. Но заметь, что Господь еще не все дарования дает апостолам. Так, не

дает еще им предведения, чтобы могли узнавать, кто достоин и кто недостоин, а велит узнавать и дожидаться, что покажет опыт. Почему же Сам Он пребывал у мытаря? Потому что мытарь, переменившись, сделался достойным. Заметь еще, что Он, лишив апостолов всего, все им дал, когда позволил жить в тех домах, где принимали их наставления, ничего при себе не имея, входить в эти дома. Таким образом, и сами они освобождались от забот, и принимавших удостоверяли, что пришли к ним единственно для спасения их, как тем, что ничего с собой не приносили, так и тем, что, кроме необходимого, ничего от них не требовали, наконец, и тем, что входили не ко всем без разбора. Господь хотел, чтобы апостолы славилась не одними чудесами, но более чудес — своими добродетелями. Подлинно, ничто столько не отличает любомудрия, как то, чтобы не иметь ничего излишнего и довольствоваться как можно меньшим. Это знали и лжеапостолы. Потому Павел и говорит; *дабы они, чем хваляться, в том оказались такими же, как и мы* (2 Кор. 11, 12). Если же и на чужой стороне, отправляясь к людям незнакомым, не должно

ничего более домогаться, кроме ежедневной пищи, то не гораздо ли более, находясь дома (6)?

Нет ничего бесполезнее учителя, который любомудрствует

только на словах. Это свойственно не учителю, а лицемеру. Поэтому апостолы прежде учили жизнью, а потом словами; да им даже и не нужны были слова, потому что громко говорили их дела (10).

БЕДНОСТЬ

Они [люди], как только увидят одного богатым, а другого бедным, сейчас же вооружаются против Его Промысла. Что ты делаешь, человек? И о подобном тебе рабе судить не позволил тебе Павел, говоря так: *посему не судите никак прежде времени, пока не придет Господь* (1 Кор. 4, 5); а ты привлекаешь к суду Господа, требуешь от Него отчета в делах [Его] и не трепещешь, не страшишься? Какое же, скажи мне, получишь ты прощение, какое оправдание, когда каждый день и час видишь столько доказательств Его Промысла, а из-за кажущегося неравенства в разделении богатства и бедности осуждаешь, и притом несправедливо, порядок во вселенной? Между тем, если бы ты исследовал это самое явление с должным расположением и внимательною мыслью, то даже при полном отсутствии всяких других доказательств Божиего Промысла самое богат-

ство и бедность доказали бы его весьма ясно. В самом деле: уничтожь бедность — и ты уничтожишь весь порядок в жизни и расстроишь жизнь нашу: тогда не будет ни корабельщика, ни кормчего, ни земледельца, ни домостроителя, ни ткача, ни сапожника, ни плотника, ни кузнеца, ни кожевника, ни хлебопекаря и никого из подобных ремесленников, а без них у нас все расстроится. Теперь бедность служит для каждого из них лучшей учительницей, как бы сидя при каждом из них и даже против воли побуждая их к работе. А если бы все были богаты, то все стали бы жить в праздности, и тогда бы все расстроилось и погибло. Но, кроме сказанного, легко обратить против этих людей и то самое, что говорят они. В чем, скажи мне, обвиняешь ты Промысел Божий? В том, что один имеет больше денег, а другой меньше? А что если мы докажем, что самыми необходимыми вещами, гораздо более важными и составляющими опору нашей жизни, все

люди обладают поровну? Признаешь ли тогда Промысел Божий? [Признать это] совершенно необходимо. В самом деле, если ты обращаешь в доказательство недействительности Промысла только то, что не все поровну имеют одну вещь, то есть деньги, то когда будет доказано, что все равно пользуются не одною вещью, и притом столь маловажною, но весьма многими и гораздо важнейшими, тогда ты, очевидно, и по неволе принужден будешь этим признать Промысел Божий. Итак, поведем речь о том, что поддерживает нашу жизнь, исследуем это с точностью и посмотрим, имеет ли в этом богатый преимущество пред бедным. Богач, например, употребляет фасийское [вино] и множество других подобных напитков, искусно составленных и приготовленных с большою изысканностью. Но источники вод открыты для всех равно — и для богатых, и для бедных. Ты, может быть, усмехнулся, слыша о таком равенстве? Но рассуди, насколько вода лучше, необходимее и полезнее всякого вина, и тогда переменишь свое мнение и узнаешь истинное богатство бедных. Если уничтожить вино, от этого не будет никому большого вреда, разве только больным. Но если кто

заградит источники воды и уничтожит эту стихию, тот разрушит всю нашу жизнь и истребит все искусства; мы не будем тогда в состоянии прожить и двух дней, но тотчас все умрем смертью жалкою и самую мучительною. Итак, вещи необходимые и составляющие опору нашей жизни для бедного доступны не меньше, даже, если сказать нечто и удивительное, еще больше, чем для богатого. Известно ведь, что многие богачи, вследствие расстройства тела, происходящего у них от роскоши, большею частью не могут пить воды; а бедняк во всю жизнь свободно наслаждается этою влагою, прибегая к источникам вод как бы к источникам меда и получая оттуда истинное, чистое удовольствие. А что огонь? Не необходимее ли он бесчисленных сокровищ и всего богатства человеческого? Но и это сокровище равно открыто для употребления и богатому, и бедному. А воздух, столь необходимый для нашей жизни, а свет солнечный — разве богатым более доступны, а бедным меньше? Разве первые четырьмя, а последние только двумя глазами видят свет? Ведь этого нельзя сказать. Значит, и богатым, и бедным назначено наслаждаться этим в равной мере, или, лучше сказать,

и здесь можно найти большее преимущество на стороне бедных, благодаря тому, что у них живее чувства, острее зрение и совершеннее все силы восприятия. Потому они и получают существеннейшее удовольствие и больше радости и наслаждения от рассматривания природы. И не только в этих стихиях, но и во всем прочем, что дает нам природа, можно видеть равенство [бедных с богатыми] или, лучше, преимущество бедных [перед богатыми]. Так, сон, который приятнее, и необходимее, и полезнее всякой пищи, обыкновенно легче у бедных, чем у богатых, и не только легче, но и крепче. Эти последние, от того, что много веселятся, едят, когда нет голода, пьют, когда нет жажды, и спят, когда не хочется спать, в конце концов ни в чем не находят удовольствия, потому что приятность для нас той или другой вещи зависит не столько от ее свойства, сколько от потребности нашей в ней и ее употребления. Не так приятно пить сладкое и благовонное вино, как отрадно бывает пить воду, когда есть жажда; не так [приятно] есть сладкие пирожки, как есть, когда хочется есть; не так [приятно] спать на мягкой постели, как спать, когда клонит ко сну, и все

это бывает больше у бедных, чем у богатых. А что относится к телесному здоровью и вообще благополучию, не равно ли это принадлежит богатым и бедным? Может ли кто сказать или доказать, что одни бедные бывают больны, а богатые всегда в добром здоровье? Напротив, можно видеть, что бедные редко подвергаются неизлечимым болезням, а у богатых они поражают все тело. Подагра и головные боли, расслабление и неизлечимое расстройство нервов, злокачественные и вредные расслабления всякого рода обыкновенно всего более мучат этих людей, которые живут роскошно и намащиваются ароматами, а не тех, которые трудятся, работают и ежедневными трудами добывают себе необходимое пропитание (1).

Не бедным быть худо, но худо не хотеть быть бедным. Не считай бедность злом, и для тебя она не будет злом. Не в существе самой вещи, а только во мнении изнеженных людей лежит причина страха. Впрочем, мне было бы даже стыдно, если бы я о бедности сказал только то, что она не есть зло. Если ты внимательнее размыслишь, то найдешь ее даже

источником бесчисленных благ; и когда кто-нибудь стал бы предлагать тебе начальство, какую-нибудь гражданскую власть, богатство, удовольствия, потом предложил бы и бедность и дал свободу выбрать что тебе угодно — ты бы тотчас избрал бедность, если бы знал цену ее. Я знаю, что многие смеются над этими словами; но мы не смущаемся, вас же просим потерпеть, и вы скоро с нами согласитесь. Бедность, по моему мнению, подобна скромной, невинной, прекрасной девице, корыстолюбие же подобно жене зверонравной, чудовищной Сцилле, Гидре и другим подобным же чудовищам, вымышленным баснотворцами. Не представляй мне осуждающих бедность, но представь тех, которые чрез бедность прославились. В бедности воспитанный Илия восхищен был тем блаженным восхищением; ею Елисей прославился; в бедности были Иоанн, в бедности и все другие апостолы. С богатством же Ахаав, Иезавель, Гиезий, Иуда, Нерон и Каиафа погибли. Если угодно, посмотрим не на тех только, которые в бедности прославлялись, но рассмотрим и самую красоту этой девы. Взор ее чист, светел и покоен, тогда как глаза корыстолюбия то

исполнены злобы, то выражают пресыщение удовольствием, то делаются мутными от невозддержания. Не таков взор бедности: он кроток, ясен, приветлив, ласков, приятен, ни к кому не выражает ни ненависти, ни отвращения. Где деньги, там случай к вражде и бесчисленным распрям; равным образом уста корыстолюбия исполнены обид, тщеславия, чрезмерной гордости, проклятий и лести. А у бедности и уста, и язык здравы, исполнены всегда благодарности, благоговения, слов кротких, ласковых, покорных, одобрений и похвал. Хочешь ли ты узнать и стройность ее стана? Она несравненно выше и величественнее богатства. А если многие бегают ее, то не удивляйся: безумные бегают и других добродетелей. Но скажешь: бедного обижает богатый? Опять говоришь в похвалу бедности. Кто блажен, скажи мне, — тот ли, который обижает, или тот, которого обижают? Очевидно, блажен обижаемый. Но обижать заставляет сребролюбие, сносить же обиды — бедность. Бедный, говоришь ты, томится голодом? И Павел алкал и не имел, чем утолить голода. Бедный не имеет спокойного пристанища? И Сын человеческий не имел, где главу

приклонить. Видишь ли ты, как далеко простирается достоинство бедности, где она поставляет тебя, каким уподобляет мужам и как делает тебя подражателям самого Господа? Если бы иметь золото было благо, то Христос, Который дал ученикам Своим неизреченные блага, дал бы им и его. Он не только не дал им его, но запретил и иметь. Вот почему и Петр не только не стыдится бедности, но даже и хвалится ею, говоря: *серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе* (Деян. 3, 6). Кто из нас не хотел бы сказать таких слов? Конечно, все бы — может быть, скажет кто-нибудь. Так пренебреги же серебром, пренебреги золотом. Но получу ли я силу Петра, говоришь ты, когда пренебрегу богатством? Скажи, что сделало Петра блаженным: то ли, что он исцелил хромого? Совсем нет, а то, что он не имел богатства и чрез то достиг неба. Многие из творивших чудеса низвергнуты в геенну, напротив, презревшие богатство, получили Царство Небесное (7).

Не будем считать бедность за какое-либо зло. Бедность научает нас и мудрости, и терпению, и всякому любомудрию. Ведь и

Лазарь жил в бедности и, однако ж, был увенчан; и Иаков желал иметь только хлеб; и Иосиф находился в крайней бедности и был не только рабом, но и узником, и, однако же, поэтому мы еще более удивляемся ему. Мы не столько восхваляем его в том случае, когда он раздавал пшеницу, сколько в том, когда находился в темнице, — не столько тогда, когда был в оковах, не тогда, когда восседал на троне, а когда подвергался козням и был продан. Итак, представляя себе все это и помышляя о венцах, сплетаемых этими подвигами, будем удивляться не богатству и почестям, не удовольствиям и владычеству, а бедности, оковам, узам и терпению ради добродетели. Конец первых исполнен смятения и беспокойства, и обладание ими соединено с настоящею только жизнью; а плод последних — небо и небесные блага, [которых] *не видел глаз, не слышало ухо* (1 Кор. 2, 9) (9).

Вследствие бедности вам не следует считать себя несчастными, так как она дает нам возможность более удобно подавать милостыню. Кто имеет у себя много, тот удерживается и высокоме-

рием, и желанием приобрести больше, а кто имеет у себя мало, тот освобожден от мучительства обеих этих страстей, потому находит и больше случаев делать добро. Он без труда идет в темницу, посещает больных, подает чашу холодной воды, а богач, надменный своим богатством, не допустит себя до этого. Итак, не сетуй на нищету, потому что нищета дает тебе большую возможность приобрести небо. Хотя бы ты и ничего не имел, но у тебя есть сострадательное сердце, и за это тебе готова награда. Потому и Павел повелел: *плачьте с плачущими* (Рим. 12, 15) и с узниками обращаться так, как бы и мы были с ними *...в узах* (Евр. 13, 3). Иметь многих сострадающих составляет некоторое утешение не только плачущим, но и находящимся в других затруднительных обстоятельствах; иногда одно слово может укрепить удрученного не меньше, чем деньги. И Бог повелел давать деньги нуждающимся не для того только, чтобы помогать им в нищете, но и для того, чтобы научить нас состраданию к бедствиям ближнего. А сребролюбец ненавистен не только потому, что презирает живущих в скудости, но и потому, что сам привыкает к жесто-

кости и бесчеловечию, а равно презирающий деньги для бедных тем и любезен, что милосерд и человеколюбив. И Христос, когда ублажает милостивых, ублажает и хвалит не просто подающих денежную милостыню, но делающих это с добрым расположением. Итак, будем иметь такое усердие к делам милосердия, и все блага последуют за этим. Имеющий человеколюбивое и милосердное расположение, если есть у него деньги, раздаст их, если увидит кого-нибудь в несчастиях, станет плакать и проливать слезы, если встретит обижаемого, заступится, если найдет бедствующего, подаст ему руку. Имея сокровище благ — человеколюбивую и милосердную душу, он изольет из нее все нужное для братьев и получит все уготованные Богом награды. А чтобы и нам достигнуть их, прежде всего, позаботимся сделать свое сердце кротким (11).

БЕДСТВИЯ

Не будем же падать духом, когда постигают нас бедствия. Каковы бы они ни были, они — поток и мимолетное облако; какую бы ты ни назвал скорбь, она имеет конец; на какое бы ни указал бедствие, оно имеет предел.

А если бы они не имели конца, то не достало бы нашего естества. Но, скажешь, они увлекают многих? Не по собственной стремительности, а потому, что увлекаемые сами беспечны и легко претыкаются. Поэтому, чтобы нам не быть увлекаемыми и идти по самой глубине этого потока, будем осматривать местность его и держаться священного якоря, чтобы не потерпеть кораблекрушения. Так и поток воды до времени бывает страшен, а потом безмерно понижается (2).

Когда видишь умножающиеся бедствия, не унывай, но еще более ободряйся. Бог попускает им быть для того, чтобы прогнать твою беспечность, чтобы пробудить тебя от сна. Тогда все лишнее отсекается, тогда все житейское забывается, тогда человек делается более ревностным в молитве, более усердным к милостыне и к презрению чрева, и всякая страсть легче побеждается, обращаясь в бегство от скорби. Так и в начале Бог подверг нас трудам и скорбям, желая не наказать нас, хотя изрек приговор в виде наказания, но вразумить нас и сделать лучшими. Если и теперь, когда окружают нас скорби и жизнь исполнена

трудов, господствует такое нечестие, то до чего не дошло бы зло, если бы их не было? И удивительно ли, что скорбь служит благом для души, если она — благо и для тела? Пресыщать тело наслаждениями вредно. Так и бедствия, когда окружают нас со всех сторон, заставляют быть бдительными; и если мы внимательны, то не терпим от них никакого вреда. Потому и говорит некто: *знай, что ты посреди сетей идешь и по зубцам городских стен проходишь* (Сир. 9, 18). И Псалмопевец [пророк Давид] говорит: *стези мои: на пути сем, по которому я ходил, скрыли сеть мне* (Пс. 141, 3). Если кто примет эти слова в переносном смысле, то уразумеет, что так поступает диавол, не издали строя козни, но скрывая их близко. Вот почему с нашей стороны и требуется великая бдительность. Он скрывает свою сеть, в милостыне — тщеславие, в посте — гордость, скрывает не на других путях, но на тех самых, по которым мы ходим, что особенно тяжело (3).

Когда Бог намередается совершить что-нибудь необыкновенное, то Он не вдруг совершает чудо, но сначала попускает тем,

к которым оно относится, чувствовать бедствия, чтобы по избавлении от бедствий они не оказались неблагодарными. Так как многие из людей, частью по гордости, частью по беспечности, забывают бедствия по избавлении от бедствий или, не забывая, приписывают успехи самим себе, то Бог попускает им сначала потрясение от скорбей, а потом освобождает от затруднительных обстоятельств (4).

БЕСЫ

Бесы приводят к идолам, отвращают от Бога и научают не верить будущей жизни. Бес, будучи оскорблен, не станет делать добро, когда он и, не будучи оскорблен, причиняет вред даже тем, которые служат и угождают ему (6).

БЛАГА БУДУЩИЕ (ИСТИННЫЕ)

Покажем, возлюбленные, терпение, и никогда не будем отчаиваться, а станем питаться благими надеждами, зная, что ни трудность дела, ни что-либо другое человеческое не может слишком препятствовать вам, когда благодать Божия благоволит оказать нам собственную щедрость. Мановению Божью все повинуются и по-

коряется, и тогда трудное становится легким и невозможное — возможным. Только бы мы имели твердую веру в Него и, взирая на величие силы Его, становились выше всего человеческого. Тот, кто обещал в будущем неизреченные блага людям, проводящим здешнюю жизнь в добродетели. Тот не дарует ли, тем более благ временных, особенно если мы, стремясь к первым, будем менее желать последних? Именно тогда преимущественно и будем мы наслаждаться этими благами в обилии, когда решимся презирать их. Итак, зная это, будем желать благ постоянных, неизменных и нескончаемых, чтобы и настоящую жизнь провести беспечно, и тех благ достигнуть (1).

Мы не для того ведь сотворены, чтобы есть, пить и одеваться, но чтобы угодить Богу и получить будущие блага. Итак, усиленно и заботиться, и молиться о земном не должно. Потому Спаситель и сказал: *ищите же прежде Царства Божьего, и это все приложится вам* (Мф. 6, 33). И не сказал: даны будут, но — приложатся, чтобы ты знал, что настоящие блага ничего не значат в сравнении с величием будущих. Потому-то

Он и не повелевает просить настоящих благ, но просить иных благ и надеяться, что и те присоединятся к этим. Итак, ищи благ будущих — и получишь настоящие; не ищи видимых — и непременно получишь их. Да и неприлично тебе приступать к Владыке с молитвой о таковых благах. Будучи обязан прилагать все тщание и всю заботу свою о неизреченных благах, ты крайне бесчестишь себя, когда изнуряешь себя заботливыми помыслами о благах скоропреходящих (6).

БЛАГА ЗЕМНЫЕ

Не будем просить у Господа нашего ничего житейского. Он и не ожидает нашего напоминания, а хотя бы мы и не просили, сам дарует нам потребное. *Ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных* (Мф. 5, 45). Послушаем Его, когда Он, убеждая нас, говорит: *ищите же прежде Царства Божия ... и это все приложится вам* (Мф. 6, 33). Видишь ли, что Он сам готов даровать вам то, и обещает в виде прибавления даровать это? Итак, не проси, как главного, того, что должен получить в виде прибавления. Не будем

извращать порядка, но станем искать прежде то, как Он заповедал, чтобы получить и другое. Поэтому Господь и в словах молитвы, полагая для нас правила и пределы, до которых должны простираться прошения наши о житейских предметах, повелел нам говорить следующие слова, исполненные всякой мудрости: *хлеб наш насущный дай нам на сей день* (Мф. 6, 11), — то есть, дневную пищу. Об этом самом и тот праведник, хотя и не слышал еще этих слов, молился, говоря: и даст мне хлеб есть и одежду одеться. Итак, не будем просить у Него ничего другого житейского. Совершенно недостойно от столь щедрого и обладающего таким всемогуществом просить того, что разрушается вместе с настоящею жизнью и подлежит многим переменам и случайностям. А таково все человеческое: укажешь ли на богатство или власть, или славу человеческую. Будем просить непреходящего, неоскудевающего, не испытывающего перемен. И, зная благодать нашего Господа, не будем думать о настоящем, но все наши усилия и желания обратим к небесному. Если Он *повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на пра-*

ведных и неправедных, то тем более не презрит отвращающихся от зла, убегающих от неправды, но удостоит их особого промысления и во всем покажет Свое попечение. Зная это, возлюбленные, будем веровать обетованиям Божиим и не станем поступать вопреки Его заповедям. Что касается нынешних наших дел, то в них мы ничем не разнимся от неверующих. Если Он обещает будущее, а мы не хотим стремиться к этому и прилепляемся к настоящему, то какого искать еще другого доказательства, неверия, когда сами дела так ясно о том свидетельствуют? И опять, если Он заповедует не просить у Него ничего из временных и житейских благ, а искать иных, мы, напротив, обращаясь к Нему, ищем того, чего заповедал Он не искать, и не ищем того, что Он повелел искать? И поступая таким образом, столь беспечно располагая свою жизнь, прогневая кроткого и милосердного Господа, мы как бы забываем то, что сами делаем, и ищем причины гнева Его на нас, — почему Он часто оставляет нас, когда мы впадаем в различные искушения, — а не помышляем о тяжести наших прегрешений и добровольно вдаемся в самообольщение. Поэтому умоляю: отверг-

ши все это, не будем ничего предполагать собственному нашему спасению. *Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит* (Мф. 16, 26)? Излишнее богатство истощим на бедных; во всем покажем многое любомудрие презрением суетной славы, уничтожением человеческой гордости, обнаружением взаимной любви друг к другу, чтобы получить и здешние, и будущие блага (1).

Не обращай внимания на плотскую славу, но думай о будущей бедственности их; чем славнее она является теперь, тем жальче будет впоследствии, когда в один миг времени отпадет величие ее. И вот, говорят, ты презрел все блага мира. Я не презираю их так, как будто бы они — зло по своей природе. Но хотя бы они были добром, и мы пользовались бы ими хорошо, тем не менее они прейдут и не останутся навсегда (4).

Все блага настоящей жизни — и чувственные, и духовные — как начатки благ будущих. Итак, почему находишься в нерешимости и медлишь, тогда, как ты уже столько получил и столько еще

ожидаешь? Полученные тобою блага суть следующие: Он образовал тебе тело, Он вложил в тебя душу, почтил тебя одного на земле умом, дал тебе право на обладание всем видимым, сообщил тебе познание о Себе, предал за тебя Сына, даровал тебе Крещение, в котором одном исходит столько благ, предложил тебе священную трапезу, обещал тебе Царствие и блага неизреченные (7).

Что это за блага, которые непостоянны, но скоропреходящи, ничтожны, которые исчезают при первом своем появлении, а между тем приобретаются с большим трудом? И как они могут сравниться с теми благами, которые неизменяемы, не стареют, не требуют никакого труда и украшают тебя венцами еще во время подвигов твоих? Тот, кто презирает земные блага, уже в том самом находит для себя награду, что он свободен от беспокойства, ненависти, клеветы, коварства, зависти. Тот, кто ведет жизнь непорочную и честную, еще прежде отшествия из настоящей жизни увенчивается и утешается, освобождаясь от всякого бесчестия, посмеяния, опасностей, обвинения и от всех других зол. Точно также и все

другие виды добродетели здесь еще доставляют нам награду. Итак, чтобы достигнуть настоящих и будущих благ, будем убегать порока и стремиться к добродетели (7).

Нам важно то, что добродетельно; а без этого все прочее совершенно бесполезно. Оттого и происходят эти частые вопросы, что многие считают бесполезное для них полезным, а о полезном несколько не заботятся. Полезное для нас — это добродетель и любознательность. Но вы слишком далеки от них; оттого у вас и смятение помыслов, многие волны и буря, потому что, кто удаляется от горней славы и любви к небу, тот обращается к благам настоящим и делается их рабом и пленником. Отчего же, скажешь, мы стремимся к ним? Оттого, что не слишком стремимся к благам небесным. А отчего это происходит? От нерадения. А нерадение откуда? От невнимательности. А невнимательность откуда? От неразумения, оттого, что останавливаемся на благах настоящих и не хотим тщательно исследовать существо вещей. Отчего же опять это происходит? Оттого, что не читаем Писаний, не беседуем с святыми

мужами, а ищем общества людей порочных. Потому, чтобы не было этого всегда, чтобы волны, подхватывая нас одна за другою, не увлекли в море зол, не потопили и не погубили совершенно, восстанем, пока есть время, и, утвердившись на скале, т.е. на догматах и Слове Божиим, будем взирать на бурю настоящей жизни (12).

БЛАГОВОЛЕНИЕ БОЖИЕ

Слово Божие есть духовное сокровище. И как получивший из вещественного сокровища и один камень часто приобретает великое богатство — так и здесь добродетели праведных, если мы захотим быть внимательными, могут принести столь великую нам пользу, что и в нас возбудится ревность к подражанию им. А таким образом, и мы можем удостоиться такого же, как и праведники, благоволения Божия. *Бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему* (Деян. 10, 34), — так что, если захотим, ничто не воспрепятствует и нам получить такую же или еще и большую помощь свыше. Если Он увидит, что мы с своей стороны прилагаем все возможное стара-

ние и угодное Ему предпочитаем человеческому, то покажет и Сам такое о нас попечение, что мы сделаемся во всем непреодолимыми. Мы имеем врага постоянного, имеющего непримиримую к нам ненависть; потому мы должны быть неунышны, чтобы побеждать козни его и стать выше стрел его. А победить мы не иначе можем, как если добродетельною жизнью приобретем себе содействие свыше. Лучший же образ жизни есть жизнь чистая. Это есть основание и корень добродетели. Кто твердо положит такое основание, тот уже легко препобедит все прочее: не одолеет его ни страсть к богатству, ни любовь к славе, ни зависть, ни какая-либо иная страсть. Как же это — скажу. У кого совесть чиста и свободна от всякого порока, в том будет обитать сам Господь всяческих: *Блаженны, — сказано, — чистые сердцем, ибо они Бога узрят* (Мф. 5, 8). Когда же кто удостоится иметь Его в себе, будет находиться в таком состоянии, как только лишь облеченный телом, и ко всему человеческому будет показывать совершенное презрение. Все видимое явится такому человеку тенью и сном; как бы уже на небе имея пребывание, он не захочет ничего в настоящей жизни. Таков был

Павел, учитель вселенной, почему восклицал он, говоря; или *ищите доказательства на то, Христос ли говорит во мне* (2 Кор. 13, 3). И еще: *уже не я живу, но живу во мне Христос* (Гал. 2, 20). И еще: *А что ныне живу во плоти, то живу верою*. Видишь ли здесь мужа, облеченного телом, но о всем говорящего так, как будто имел жребий бесплотного существа? (1)

Просим любовь вашу так делать и располагать все дела свои, чтобы удостоиться благоволения свыше. Если будет благоволить к нам Бог — тогда все будет для нас удобно и легко, и ничто не сможет опечалить нас в настоящей жизни, хотя бы и казалось что-нибудь прискорбным. Таков преизбыток Его могущества, что Он, когда благоволит, обращает и самые печали в радости. Так и Павел среди скорбей радовался и веселился, окрыляемый ожиданием уготованных ему наград. Потому и пророк сказал: *в тесноте Ты давал мне простор* (Пс. 4, 2), вразумляя нас, что Бог, и в самых бедствиях даровал ему наслаждаться безопасностью и спокойствием. Такого имея Владыку, столь могущественного,

столь благопромыслительного и премудрого, столь человеколюбивого, приложим свое усердие и будем иметь великое попечение о добродетели, чтобы получить и настоящие, и будущие блага (1).

Где Бог благоволит, там и в огне обретается роса; а когда Бог побораёт, тогда и в удовольствии является сражение и спор. Не были ли потреблены огнем вавилоняне, стоявшие вне печи? Бог был их врагом. Не были ли три отрока ввержены в печь горящую, и огонь нисколько не повредил им? Бог был их другом. Тем, кому Бог не благоволит, не бывает ничего доброго; напротив, кому Он благоволит, тем не бывает ничего злого. Итак, зачем ты совершаешь такое длинное путешествие, выдумываешь столько средств и усовершенствований, бегаешь туда и сюда, одного просишь, другому обещаешь тленную награду, иных делаешь посредниками, когда тебе нужно было сделать краткий путь — примириться с Богом? Если Бог тебе не благоволит, то все труды бесполезны; а если Он милостиво воззрит на тебя, то даже враги станут друзьями (4).

БЛАГОДАРЕНИЕ

То особенно и свойственно душе благодарной и любомудрой, чтобы благодарить Бога и в скорбных обстоятельствах, прославлять Его за все — не только за благодеяния, но и за наказания. Этим заслуживается большая награда. Принося благодарность за благодеяния, ты отдаешь долг; а, принося благодарность за бедствия, ты делаешь Бога должником своим. Кто наслаждается благодеянием и чувствует благодарность, тот исполняет должное, а кто терпит бедствия и прославляет Бога, тот приготовляет себе воздаяние. За такую благодарность Бог дарует много других благ и там, и здесь, так что для нас бывают нечувствительными и сами бедствия. Никто не скорбит о том, за что благодарит Бога. Таким образом, отсюда мы можем получить еще другую пользу — избавиться от скорби. Если ты лишишься имущества и будешь благодарить, то потеря не может огорчить тебя столько, сколько радует чувство благодарности. Это — тяжкий удар для дьявола; это делает душу любомудрою; это научает нас истинному суждению о вещах настоящих (2).

Ничто так не угодно Богу, как то, чтобы быть благодарным Ему не только в счастье, но и в несчастье. Это особенно и есть жертва; это — величайшее приношение! Так прославился Иов, так — Павел, так — Иаков, так — каждый из праведников, воздавая признательность и благодарность Богу, особенно в трудных обстоятельствах (2).

Павел во всех посланиях своих благодарит за блага всей вселенной. Так и мы станем непрестанно благодарить Бога за свои и за чужие, за малые и за великие блага. Хотя бы дар был и мал, но он становится велик потому, что дарован Богом, или, лучше, — нет малого ни одного из Его даров, не потому только, что они от Него сообщаются, но и по самому своему свойству, и, не говоря уже о всех прочих благодеяниях Божиих, которые своим множеством превосходят самый песок, — что может сравниться с домостроительством спасения нашего? За нас — врагов Своих — Бог предал Того, Который был для Него всего драгоценнее, единородного Сына Своего, и не только предал, но после предания предложил

еще нам Его в пищу. Он все сам для нас сделал: и даровал нам Сына Своего, и сделал нас благодарными за то (чрез Таинство Евхаристии). Так как человек бывает большею частью неблагодарен, то Бог все относящееся до нас принимает на Себя и совершает. И как иудеям о Своих благодеяниях Он напоминал чрез места, времена и празднества, так точно сделал и здесь, посредством жертвы внушая нам непрестанное памятование о Своих благодеяниях. Таким образом, никто столько не старается сделать нас совершенными, великими и во всем благопризательными, как сотворивший нас Бог. Потому-то Он благодетельствует часто и против воли, и еще чаще — без ведома нашего. Если же это тебе кажется удивительным, то я покажу тебе, как это сбылось не над кем-либо неизвестным, но над блаженным Павлом. Этот блаженный муж, премного бедствуя и страдая, часто просил Бога удалить от него искушения; однако же, Бог взирал не на прошения его, а на пользу, и показывая это, говорил: *довольно для тебя благогати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи* (2 Кор. 12, 9). Господь, прежде нежели открыл ему причину, благодетельствовал

ему, несмотря на то, что апостол этого не хотел и не знал. Итак, велико ли его требование, когда Он повелевает нам быть благодарными за такое Его о нас попечение? Будем же Ему покорны и всегда будем соблюдать это повеление. Иудеев ничто столько не губило, как их неблагодарность; и ничто другое, как эта именно неблагодарность, повергала их столь многим и частым казням, а что всего важнее, она же еще прежде этих казней растлила их душу: *надежда неблагодарного*, — говорит Премудрый, — *растет, как зимний иней* (Прем. 16, 29). Неблагодарность так же делает душу нечувственной и мертвенною, как холод тело. Это происходит от гордости и от того, что почитают себя достойными благодеяния. Смиранный же будет благодарить Бога не за блага только, но и за то, что считается противным; и что бы он ни терпел, он не будет думать, что потерпел незаслуженно. Так и мы, чем более преуспеем в добродетели, тем более станем смирять самих себя, потому что и это составляет великую добродетель (6).

Прежде всего, благодарю Бога моего через Иисуса Христа за

всех вас, что вера ваша возвещается во всем мире (Рим. 1, 8). Начало приличное блаженной душе и достаточное для того, чтобы научить всех посвящать Богу начатки добрых дел и слов и благодарить Его не только за свои успехи в добре, но и за успехи других, потому что это делает душу чистой от зависти и недоброжелательства и привлекает на благодарных большее благоволение Божие. Потому Павел и в другом месте говорит: *благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, благословивший нас во Христе всяким духовным благословением* (Еф. 1, 3).

Благодарить же должны не только богатые, но и бедные, не здоровые только, но и больные, не одни благоденствующие, но и терпящие напасти. Нет ничего удивительного в благодарении тогда, когда дела наши направляются попутным ветром; но когда бывает сильная буря, корабль опрокидывается и находится в опасности, тогда благодарность служит большим доказательством терпения и признательности. За такую благодарность и Иов был увенчан, заградил бесстыдные уста дьявола и ясно доказал, что в дни благополучия был благодарным не из выгод, но вследствие сильной

любви своей к Богу. Смотри также, за что благодарит Павел, — не за земное и погибающее, как-то: власть, могущество и славу (ведь это и не стоит ни одного слова), но за блага истинные, веру и дерзновение. И с каким расположением он благодарит! Не сказал: *Бога*, но: *Бога моего*. Это делают и пророки, присваивая себе общее всем. И что удивительного, если (так поступают) пророки? Сам Бог всегда явно делает это в отношении рабов Своих, называя Себя, в частности, Богом Авраама, Исаака и Иакова (11).

Лишает ли нас Бог имущества, Он берет Свое; лишает ли тебя чести, славы, тела, души, или сына твоего, Он берет не твоего сына, а Своего раба, — не ты ведь, а Он сотворил его; ты только содействовал появлению его, а все сделал Бог. Будем же благодарны, что мы удостоились содействовать делу Его. Но что? Ты хотел бы навсегда удержать? Это свойственно неблагодарному и незнакомому, что у него все чужое, а не свое. Как расстающиеся благодушно знают, что находящееся у них не принадлежит им, так скорбящие [при лишении] присвоят себе принадлежащее Царю. Если

мы сами — не свои, то как прочее — наше? Мы в двух отношениях принадлежим Богу — и по сотворению, и по вере. Так Давид говорит: *состав мой от Тебя произошел* (Пс. 38, 7). Также Павел: *ибо мы Им живем и движемся и существуем* (Деян. 17, 28); и, рассуждая о вере, говорит: *и вы не свои, ибо вы куплены [дорогою] ценою* (1 Кор. 6, 19–20). Все — Божие. Потому, когда Он требует и хочет взять обратно, то не будем противоречить, подобно неблагодарным рабам, и присвоить себе принадлежащее Владыке. Душа твоя — не твоя: как же имущество — твое (12)?

БЛАГОДАТЬ

Господь всяческих, как увидит готовность вашей души, то и нам ниспошлет обильнейшие дарования для вашего назидания, и вам подаст большее разумение, чтобы вы могли понимать наставления. Благодать Духа обильна и, изливаясь на всех, не терпит оттого никакого в себе уменьшения, а еще более умножается в самом разделении между многими, и чем больше тех, которые приобщаются благодати, тем обильнее становятся и дары ее (1).

Вы видели, как важна душевная признательность, видели и человеколюбие Господа, как Он не презирает никого, но хотя бы в женщине, хотя бы в бедном человеке, в ком только находит бодрствующую и пламенеющую душу, немедленно сообщает ему благодать Свою. Поэтому, убеждаяю, будем мы с полным вниманием принимать внушения Духа, потому что не нам принадлежит излагаемое нами учение и язык наш не от себя говорит то, что мы говорим, но через нас действует человеколюбие Господа для пользы вашей и для созидания Церкви Божией (1).

Стол, начинающийся и оканчивающийся молитвой, никогда не оскудеет, но обильнее источника принесет нам все блага. Не будем же пренебрегать такой пользой. Странно, что слуги наши, получив от нас что-нибудь со стола, благодарят нас и отходят с добрым словом, — а мы, наслаждаясь столь великими благами, не воздаем Богу и такой чести, и это — когда мы должны получить великое благословение, потому что, где молитва и благодарение, туда приходит благодать Святого Духа,

оттуда прогоняются демоны и все вражеские силы отступают и обращаются в бегство. Кто намеревается обратиться к молитве, тот и во время стола не осмеливается сказать что-либо неприличное, а если и скажет, тотчас раскаивается. Итак, должно и при начале, и при конце [стола] благодарить Бога, в особенности потому, как я выше сказал, что, если мы приобретем этот навык, то не легко впадем в пьянство. А если и случится когда-нибудь встать [из-за стола] во хмелю и опьянении, и тогда не оставляй своей привычки, но и с тяжелой головой, шатаясь и падая, будем молиться и не изменим своему обычаю. Если сегодня ты так помолишься, то завтра исправишь погрешность, сделанную накануне (1).

Избирать лучшее, желать, стараться, предпринимать всякий труд — это зависит от нашей воли, а доводить свои желания до конца, не допускать падений и достигать успеха в делах — это зависит от вышней благодати. Бог разделил с нами добродетель, не все предоставил нам, чтобы мы не возгордились, и не все взял на Себя, чтобы мы не впали в беспечность, но, оставив немного

нашим трудам, большую часть совершает Сам. А что действительно, если бы все зависело от нас, тогда многие возгордились бы и предались высокомерию, послушаем, что говорил фарисей, в какую впал он гордость, как превозносился и ставил себя выше всей вселенной (см. Лк. 18, 10–14). Потому Бог сделал, что не все зависит от нас, но предоставил нечто и нам, чтобы иметь благовидный повод справедливо увенчать нас. То же Он объяснил и тою притчею, в которой говорит, что господин, нашедши людей в одиннадцатый час, послал их работать в винограднике (см. Мф. 20). Что могли они сделать в одиннадцатом часу? Но для Бога достаточно было и этого краткого времени, чтобы дать им полную награду (4).

Нет, подлинно нет ни одного греха, который бы не покорился и не был побежден силой покаяния или, справедливее, благодатью Христовой. Лишь только мы успеем обратиться, Он уже нам помогает. И если хочешь быть добрым, никто не препятствует — или, лучше, дьявол хотя и старается препятствовать, но не может, когда сам ты избираешь лучшее,

и таким образом самого Бога делаешь своим защитником. Но если ты не захочешь и воспротивишься Богу, то как Он будет твоим заступником? Он хочет, чтобы ты получил спасение не по принуждению и насилию, но по свободной воле. Если и ты, имея слугу, который тебя ненавидит, отвращается и часто от тебя бежит, не захотел бы держать его, несмотря на то, что ты имеешь нужду в его служении, то тем более Бог, Который все делает не по Своей какой-либо надобности, но для твоего спасения, не захочет тебя насильно удерживать. Напротив, лишь только изъявишь расположение, то никогда тебя не захочет оставить, что бы дьявол ни замыслил против тебя. Итак, мы сами бываем виновниками собственной своей гибели, потому что не приступаем к Богу, не молимся Ему, не призываем Его подобающим образом. А если и приступаем, то делаем это так, как бы не думали получить — не с подобающей верой все делаем, не с усиленным молением, а нерадиво и беспечно. Между тем Бог хочет, чтобы мы Его просили, и если ты просишь, являет тебе великую милость. Это единственный Должник, Который, когда мы просим Его, оказывает нам милость и дает

то, чего мы не давали Ему в заем. Если Он усмотрит, что проситель неотступен, то дает и то, чего не получил от нас (6).

Если будем похищать и лихоимствовать, если станем оказывать несправедливости и обиды и не будем творить милостыни, то не только лишимся возможности придти туда, но и потерпим то же, что случилось с девами. А они не могли войти туда, где был Жених, но удалились, потому что угасли их светильники, то есть оставила их благодать. Действительно, этот огонь, который мы получили по благодати Духа, если захотим, мы можем усилить; если же не захотим, тотчас угасим его. А когда он угаснет, в наших душах не останется ничего, кроме тьмы. Как с возжжением светильника появляется большой свет, так с его погашением не остается ничего, кроме мрака. Поэтому сказано: *Духа не угашайте* (1 Фес. 5, 19). Угасает же тогда, когда не имеет елєя, когда подвергается какому-либо сильному напору ветра, когда подавляется и стесняется (от этого именно и гаснет огонь); подавляется же житейскими заботами и угасает от злых пожеланий. Но при этом ничто так не угашает

огонь Духа, как бесчеловечие, жестокость и хищничество. Если мы, не имея елей, нальем еще холодную воду (а это и есть лихоимство, охлаждающее унынием души обижаемых), то как тогда он может загореться? И вот мы отойдем отсюда, неся с собою золу и пепел, окруженные великим дымом, который будет обличать нас в том, что мы угасили свои светильники. Где дым, там необходимо допустить угасший огонь. Но не дай Бог никому услышать этот глас: *не знаю вас* (Мф. 25, 12). А когда можно услышать его, как не тогда, когда, видя бедного, мы остаемся в таком же расположении духа, как если бы не видели? Если мы не хотим знать Христа, когда Он алчет, то не узнает и Он нас, когда мы будем нуждаться в Его милости. И справедливо: кто презирает несчастного и не подает своего, тот не должен надеяться получить что-либо из того, что не его. Потому, умоляю вас, будем всячески стараться и заботиться, чтобы не оскудел у нас елей, чтобы наши светильники были украшены и мы могли вместе с Женихом войти в брачный чертог (8).

Невозможно, поистине невозможно сподобиться благодати

тому, кто не бодрствует. Разве не знаешь, что говорит Илия своему ученику? *Если увидишь, как я буду взят от тебя, то будет тебе так* (4 Цар. 2, 10), — то есть, будет тебе то, чего ты просишь. И Христос всегда говорил приходящим к Нему: веруешь ли? — потому что, если мы не освоимся с тем, что даруется, то не будем сильно чувствовать и благодетия. Так и на Павла не тотчас сошла благодать, но наперед прошло три дня, в которые он оставался слепым, томился страхом и приготавливался. Как те, которые окрашивают багряницу, сначала некоторыми другими веществами готовят материю, назначаемую для окраски, чтобы цвет вышел не линяющий, так и Бог сначала приготавливает бодрственную душу и тогда уже изливает благодать (10).

Нет никакой для нас пользы, если мы, будучи в мире хотя бы со всеми, будем во вражде с Богом; и опять нет для нас никакого вреда, если мы, будучи в несогласии хотя бы со всеми, будем в мире с Богом. Точно также нет никакой пользы, если мы у всех заслуживаем одобрение, а Господа оскорбляем; и нет никакой опасности,

если все отвращаются и ненавидят нас, а Бог приемлет и любит. Истинная благодать, истинный мир — от Бога. Кто имеет благодать у Бога, тот не боится никого, хотя бы терпел множество зол, не только человека, но — самого дьявола. А кто оскорбил Бога, тот боится всех, хотя, по-видимому, находится в безопасности (12).

БЛАГОДЕЯНИЯ БОЖИИ

Исчисляй все благодеяния Божии, оказанные тебе в течение всей твоей жизни, и, конечно, ты найдешь их много не только в целой жизни, но и в одном дне. И если бы Бог захотел представить нам все благодеяния, которые мы, не сознавая и не разумея, получаем от Него каждый день, то мы не могли бы и перечислить их. Сколько бесов носится в этом воздухе! Сколько противных нам сил! Если бы только Бог позволил им показать нам свои страшные и отвратительные лица, то не пришли ли бы мы в ужас, не погибли ли бы, не уничтожились ли бы? Размышляя о всем этом, равно и о грехах своих, которые мы совершаем сознательно или по неведению, — и то ведь не малое благодеяние, что Бог не каждый день

наказывает нас за наши согрешения, — мы можем питать в себе любовь к Богу. В самом деле, когда ты подумаешь, сколько каждый день ты грешишь, сколько каждый день получаешь благодеяний, каким пользуешься долготерпением, какою снисходительностью, когда подумаешь, что, если бы Бог каждый день наказывал, ты не прожил бы и краткого времени, — по словам пророка: *если беззакония будешь усматривать, Господи, Господи, кто устоит?* (Пс. 129, 3), — то воздашь Ему благодарность и не будешь роптать ни на что, случающееся с тобою; напротив, увидишь, что если бы ты потерпел бесчисленное множество зол, и тогда еще не понес бы достойного наказания (2).

Устраивая различным образом наше спасение, Бог посылает то благодеяния, то наказания, и первые чаще, нежели последние, потому что первых только и желает. И геенною Он угрожает не для того, чтобы ввергнуть нас в нее, но чтобы не ввергнуть; ее Он приготовил для дьявола: *идите*, — говорит, — *в огонь вечный, уготованный дьяволу* (Мф. 25, 41), а для людей приготовил царствие, внушая, что Он не хочет ввергать

человека в геенну. *Щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив. Благ Господь ко всем, и щедроты Его на всех делах Его* (Пс. 144, 8–9). Видишь ли, как и пророк [Давид] останавливается на благодеяниях Божиих и о них более распространяет речь? Он ясно знал, что в этом особенно состоит богатство Божие. Невозможно было бы нам и спастись, если бы не велико было человеколюбие Его; невозможно было бы нам существовать, не пользуясь великою Его благостью. Поэтому и Сам Он сказал: *Изглажу беззакония твои во грехах твоих защищаю тебя* (Ис. 44, 22). *Щедр и милостив Господь*. Посмотри, как пророк показывает неизреченное Его человеколюбие. Бог не только милует согрешающих, но являет и другой немалый вид человеколюбия — долготерпение, чтобы грешники пришли в раскаяние и при человеколюбии Божиим достигали спасения и собственным старанием, получая, таким образом, дерзновение пред Ним своими подвигами. Он не только *милостив*, но и *многомилостив*, говорит пророк, выражая, что великое милосердие Его не может быть измерено, но превосходит всякое слово (3).

Как скоро Бог усматривает нас недостойными благодеяний, удерживает их, чтобы они не сделали нас беспечными. Если же мы хотя несколько обратимся, т.е. настолько, насколько нужно для того, чтобы узнать, что мы согрешили, — тогда весьма богатые и обильные изливает на нас милости. И, чем больше ты приемлешь от Него, тем более Он радуется и более обильные готовит нам новые благодеяния. Спасение наше и щедрые дары просящим Он считает Своим богатством. Так говорит об этом и Павел: *богатый для всех, призывающих Его* (Рим. 10, 12). Но когда мы не молим, тогда гневается; когда не просим, тогда отвращается. Для того Он и обнищал, чтобы нас сделать богатыми; для того все претерпел, чтобы нас побудить к молитвам. Итак, не будем отчаиваться. Но, имея такие побуждения, такие добрые надежды, если и каждодневно согрешаем, будем приступать с прошением, молением и требованием отпущения грехов (6).

Какие же благодеяния Божии? Он даровал нам бытие и сотворил для нас все видимое: небо, море, землю, воздух и все в них

содержащееся: животных, растения, семена; но невозможно исчислить всех Божиих дел по причине беспредельного их множества! Из всех тварей, населяющих землю, в нас только одних вдохнул душу живую; насадил рай, дал помощницу, поставил владыками над всеми бессловесными, увенчал славою и честью. Потом, когда человек оказался неблагодарным к своему Благодетелю, Он удостоил его еще большего благодеяния. В самом деле, смотри не на то только, что Бог изгнал человека из рая, но обрати внимание и на ту пользу, которая произошла отсюда. По изгнании из рая Он оказывал людям бесчисленные благодеяния, совершил различные строения спасения и, наконец, послал едиnorodного Сына Своего к облагодетельствованным Им и ненавидящим Его, отверз нам небо, отпер двери рая, и нас, врагов Своих неблагодарных, соделал сынами. Потому прилично теперь сказать: *О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия!* (Рим. 11, 33). Он дал нам Крещение во оставление грехов, освободил от наказания, сделал наследниками Царствия, обещал бесчисленные блага добродетельно живущим, простер к нам Свою руку и излил Духа в сердца наши.

Итак, что же после таких бесчисленных Божиих благодеяний? Какое мы должны иметь расположение к Нему? Воздали ли бы мы не только достойную, но даже самоналейшую часть долга и тогда, когда бы каждый день умирали за Того, Который столько возлюбил нас? Нимало. И это самое обращалось бы в нашу пользу. Но такие ли мы имеем к Нему расположения, какие должно иметь? Мы каждодневно нарушаем Его законы (7).

Размыслив о благодеяниях Божиих, касающихся всех вообще и столь обильных, что невозможно и исчислить их, и за все это воздав Ему благодарность, будем все представлять то, что Он сделал для каждого из нас, и размышлять о том каждый день. Это имеет великую силу. Потому каждый из нас пусть помыслит сам о себе и тщательно припомнит, когда он, подвергшись опасности, избег от рук врагов, и пусть содержит благодеяния Божии как бы написанными в книге; например: не отправлялся ли он когда-нибудь в путь неблагоприятно и избегнул опасности; не имел ли когда-нибудь дела с негодными людьми и вышел победителем; не впадал

ли когда-нибудь в болезнь и сверх всякого чаяния выздоравливал. Это много содействует к примирению нас с Богом. Если Мардохею добрые дела его, когда они были вспомнаны царем, столько принесли пользы, что он опять достиг прежнего величия (см. Есф. 6, 1–12), то тем более [получим пользы] мы, если будем припоминать и тщательно наблюдать, в чем мы согрешили против Бога и какие блага Он даровал нам; тогда мы и будем благодарны и оставим все [греховное]. Но никто не воспоминает ни о чем подобном, а как о грехах мы говорим, что мы грешны, не исследуя, в чем именно, так и о благодеяниях Божиих говорим, что Он благодетельствует нам, не исследуя, где именно, в чем и в какое время. Отныне же будем более внимательны. Если кто может припомнить и давние [благодеяния Божии], пусть тщательно размышляет о всем и найдет в этом великое сокровище. Это полезно нам и для того, чтобы не впадать в отчаяние. Если мы увидим, что Он многократно благодетельствовал нам, то не станем отчаиваться и считать себя отверженными, но будем иметь великий залог попечения Его о нас при мысли, что, и согрешая, мы

не подвергаемся наказанию, но еще пользуемся Его благодеяниями (10).

БЛИЖНИЙ

Мой ближний — не столько тот, кто близок ко мне по родству, сколько тот, кто признает со мною того же отца и имеет общение в той же трапезе; эта связь крепче родства, равно как и несходство нравов ведет к отчуждению гораздо более, нежели различие по происхождению. Не на то смотри, что мы живем под одним небом и в одной вселенной; а ищу другого общения, которое выше неба; там наше отечество и жизнь. *Жизнь ваша, — говорит апостол, — сокрыта со Христом в Боге* (Кол. 3, 3). Не на земле мы живем, но переселились в высшее жилище. У нас другой свет истинный, другое отечество, другие сограждане и сродники. Потому и Павел говорит: *не чужие и не пришельцы, но сограждане святым* (Еф. 2, 19). Как же, скажешь, Христос назвал ближним самарянина, хотя великое различие [между ним и истинно верующим]? Но и не по естественному родству. Так, когда нужно оказать благодеяние, то пусть всякий человек будет ближним твоим; а когда дело касается

истины, то различай своего от чужого. Если бы даже твой брат, родной по отцу и матери, не имел с тобою общения в законе истины, то он должен быть для тебя более чужим, чем скиф; и напротив, если скиф или савромат содержит правые догматы и верует в то же, во что веруешь и ты, то он должен быть к тебе ближе и роднее единокровного брата; и варвара от не-варвара мы отличаем не по языку, не по происхождению, но по мыслям и душе. Тот преимущественно и есть человек, кто содержит правое учение веры и ведет любую жизнь (3).

БЛУД

Ты был привязан к блуднице? Ты впал в блуд? Хочешь покаяться? Не прилагай греха к греху и не говори мне: как я могу жить без блуда? Я скажу тебе, как ты можешь. Тебя сжигает страсть? Но ты имеешь жену, а если не имеешь, возьми, чтобы пользоваться удовольствием с безопасностью. Но я не могу воздержаться? А это уже распущенность. И если я укажу тебе на другого, который не имеет жены, но соблюдает целомудрие, какое ты представишь оправдание или извинение? Тот в море не терпит

крушения, а ты в пристани подвергаешься падению? Имеешь жену и блудишь, даже больше — прелюбодействуешь? Но, спрашиваете, как мне избавиться от этой раны? В этом тебе поможет жена. Поможет жена? Именно. Послушай, что говорит блаженный Павел: *во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа. Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена* (1 Кор. 7, 2, 4). Итак, если позовет тебя блудница, примени к себе это наставление и скажи: *муж не властен над своим телом, но жена*; напиши эти слова в своем сердце и скажи блуднице: что зовешь меня? Это не мое тело, а моей жены; я не смею продать чужого. Я не смею тратить ее приданое, не смею распорядиться ее имуществом, не могу осквернить принадлежащего ей тела. Так ли? Не могу. Скажи блуднице: что зовешь меня? Не подходи к нему: это не мое, чужое. Ведь это тело не принадлежит блуднице? Я не принимаю тела блудницы: это тело моей жены. Побойся Христа и скажи, что тела наши — члены Христовы. Пусть слышат это и жены; пусть они поймут, к чему призывает их Христос, конечно, с соблюдением

святости, и пусть говорят: *жена не властна над своим телом, но муж*. Вникни, какая мудрость заключается в этих словах Павла. Ввиду того, что многие воздерживаются и имеют чистых и целомудренных жен, притом воздерживаются сверх должного, так что воздержание делается поводом к прелюбодеянию, ввиду этого он говорит: каждый пусть пользуется своей женой. И он не стыдится, но входит и садится на ложе днем и ночью, обнимает мужа и жену, и соединяет их друг с другом, и громко взывает: *не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию* (1 Кор. 7, 5). Ты соблюдаешь воздержание и не хочешь спать с мужем твоим, и он не пользуется тобою? Тогда он уходит из дому и грешит, и в конце концов его грех имеет своей причиной твое воздержание. Пусть же лучше он спит с тобою, чем с блудницей. Сожитие с тобою не запрещено, а сожитие с блудницей запрещено. Если с тобою он будет спать, нет никакой вины; если же с блудницей, тогда ты погубила собственное тело. Итак, садится [апостол] почти на брачное ложе и взывает: *не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию*. Для того ты [жена] и имеешь мужа, для того ты [муж] и имеешь жену, чтобы

соблюдать целомудрие. Ты хочешь иметь воздержание? Убеди к тому и мужа твоего, чтобы было два венца — целомудрие и согласие, но чтобы не было целомудрия и сражения, чтобы не было мира и войны. Ведь если ты воздерживаешься, а муж распаляется страстью, и между тем прелюбодеяние запрещено апостолом, значит, он должен терпеть бурю и волнение. *Но не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию*. И, конечно, где мир, там все блага; где мир, там и целомудрие сияет; где согласие, там и воздержание увенчивается; а где война, там и целомудрие подрывается. *Но не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию*. Всякого распорядителя брака превосходит Павел, невестоводитель вселенной. Поэтому он и не стыдится говорить: *брак у всех да будет честен и ложе непорочно* (Евр. 13, 4). Ведь и Сам Владыка его пришел на брак, воздавая честь браку Своим присутствием, и даже принес дары, превратив воду в вино. Итак, подвизайся [в воздержании], сколько хочешь; когда же ослабеешь, пользуйся общением [брачным], чтобы не искушал вас сатана. Вот три образа жизни: девство, брак, блуд. Брак — в середине, блуд — внизу, девство — вверху.

Девство увенчивается, брак со-
размерно похваляется, блуд осуж-
дается и наказывается. Итак, со-
блюдай меру в своем воздержании,
смотря по тому, насколько ты
можешь обуздать немощь своей
плоти. Не стремись превзойти эту
меру, чтобы не ниспасть ниже
всякой меры. Как желающий ны-
рять настолько уходит в воду, на-
сколько только может войти, но,
когда входит, смотрит, как далеко
ему придется возвращаться, так
и ты будь целомудрен настолько,
сколько можешь снести, чтобы не
потерпеть падения чрез меру (3).

Если какая-либо женщина сде-
лала блуд по принуждению, то
она свободна от наказания. Если
сделала блуд женщина богатая и
женщина бедная, то и здесь опять
различие. Это открывается из то-
го, что мы выше сказали о Давиде.
Любодействовал ли кто по при-
шествии Христовом и умрет, не
приняв Крещения, — подвергнет-
ся более жестокому наказанию,
чем все прежде упомянутые. Сде-
лал ли кто блуд после омытия бо-
жественным Крещением — здесь
уже не остается никакого утеше-
ния в грехе. И показывая именно
это, Павел сказал: *если отверг-*
шийся закона Моисеева, при двух

или трех свидетелях, без мило-
сердия наказывается смертью,
то сколь тягчайшему, думаете,
наказанию повинен будет тот,
кто попирает Сына Божия и не
почитает за святыню ровь за-
вета, которой освящен, и Духа
благодати оскорбляет (Евр. 10,
28–29)? Если сделал блуд какой-
либо священник ныне, это особен-
но уже верх всех зол. Видишь ли,
сколько различий у одного и того
же греха? Иное — грех, совершен-
ный прежде закона, иное — после
закона, иное — сделанный священ-
ником, иное — богатой и бедной
женщиной, иное — грех учинен-
ный оглашенной и верной, иное —
женщиной из рода священничес-
кого. Также великое различие
происходит и от разумения: *кото-*
рый знал волю господина своего,
и не был готов, и не делал по во-
ле его, бит будет много (Лк. 12, 47).
И грех, сделанный после таких и
столь многих примеров, получа-
ет большее наказание. Поэтому
Христос сказал: *видев это, не*
раскаялись после (Мф. 21, 32), хотя
и много были врачуемы (7).

Кто дает блудницам, тот дела-
ется смешным и зазорным; он
будет иметь много ссор, а удо-
вольствие краткое, лучше же

сказать — даже и краткого не получит. Сколько бы ни давал он отверженным женщинам, они ничуть не будут благодарны ему: *чужой дом — просверленный сосуд* (Притч. 23, 27). Притом же этот род бесстыден, и Соломон любовь такой женщины уподобил аду. Она тогда только успокаивается, когда увидит своего любовника ничего уже не имеющим. Лучше же сказать — она и тогда не успокаивается, но еще больше величается, попирает лежащего, предает его великому осмеянию и столько делает ему зла, что и описать нельзя (9).

БОГАТСТВО

Мы научимся никогда не пренебрегать дарами Божиими и за малое что-либо и ничтожное не терять великого. Для чего, скажи мне, когда нам уготовано Царство Небесное и неизреченные блага, для чего мы увлекаемся страстью к богатству и временное, часто и до вечера у нас не остающееся, предпочитаем нескончаемому и вечному? И что может быть хуже этого безумия, когда через привязанность к временным благам мы и будущих лишаемся, да и настоящими не можем беспорочно наслаждаться? Что

пользы, скажи мне, в большом имуществе? Или вы не знаете, что умножение богатства ничего больше не приносит нам, кроме умножения забот, беспокойств и бессонницы? Не видите ли, что те в особенности бывают, так сказать, рабами всего, которые окружены большими благами и каждый день они самых теней боятся? Отсюда-то происходят коварства, клеветы, сильная зависть и тысячи других зол. И часто видишь, что тот, у кого лежат тысячи талантов золота, считает счастливым работника, снискивающего себе пропитание трудами рук. Какое же удовольствие, какая польза, когда и этими благами мы не наслаждаемся, а через пристрастие к ним лишаемся высших благ? И что я говорю: высших благ, — когда, кроме бедствий, постигающих нас здесь, и лишения благ, уготованных там, мы еще посылаемся в самую геенну? Не говорю уже о тысячах грехов, порождаемых богатством, — обманах, злобе, хищничестве, любостыжании. А хотя бы кто и свободен был от всех таких грехов, что, однако же, трудно, но, если он, имея много богатства, скапливает, деньги и употребляет его для собственного только наслаждения, а не оказывает щедрости нуждающимся, — огонь

геенны и его постигнет. Об этом ясно учит нас притча в Евангелии, когда одних представляет одесную, а других ошуюю и говорит, что первым уготовано Царствие Небесное за попечение о нуждающихся: *придите*, сказано там, *благословенные Отца моего, наследуйте уготованное вам царство от сложения мира* (Мф. 25, 34). Почему же и за что? *Ибо Я алкал и вы дали Мне есть* (Мф. 25, 35). А последним уготован вечный огонь. Идите, сказано, *от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его* (Мф. 25, 41). Велика важность этого изречения! Господь и Творец говорит: *ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть* (Мф. 25, 42). Какую душу не подвигнет это, хотя бы то была душа каменная? Господь твой ходит алчущим, а ты живешь в роскоши! И не это одно страшно, а и то еще, что, живя сам в роскоши, ты дерзаешь презирать Его, притом тогда, как Он просит не многого чего-либо, а только одного хлеба, чтобы утолить голод. Он ходит, цепenea от холода; а ты, одетый в шелковые ткани, не обращаешь на Него внимания, не показываешь никакого сострадания, но без всякого милосердия проходишь мимо. Какого извинения может это заслуживать? —

Будем же заботиться не о том, чтобы собрать каким бы то ни было образом богатства больше всех, но будем обращать внимание на то, чтобы и тем, что имеем, хорошо распоряжаться. Облегчим убожество нуждающихся, чтобы не лишиться и тех благ, которые всегда пребывают и не подвержены никаким переменам (1).

Не будем заботиться о том, чтобы собирать богатство и оставить его детям; будем научать их добродетели и испрашивать им благословение от Бога; вот это, именно это — величайшее сокровище, неизреченное, неоскудевающее богатство, с каждым днем приносящее все большее богатство. Нет ничего равного добродетели, нет ничего могущественнее ее. Хотя бы ты указал мне на царство и на облеченного диадемой, но если только он не имеет добродетели, он будет несчастнее убогого, одетого в рубище. Какую может принести ему пользу диадема или порфира, когда его губит собственная беспечность? Разве Господь взирает на различие внешних достоинств? Или преклоняется перед знаменитостью лиц? Одно здесь требуется — подвигами добродетели

отверзать двери дерзновения к Нему, так что не стяжавший этим путем дерзновения будет оставаться среди отверженных и лишенных всякой надежды [спасения]. Будем все иметь это в виду и так наставлять наших детей, чтобы предпочитали добродетель всему другому, а обилие богатства считали за ничто. Оно, оно-то часто и бывает препятствием к добродетели, когда юноша не умеет надлежащим образом пользоваться богатством. Как малые дети, когда берут в руки ножи или мечи, часто по неумению надлежащим образом пользоваться подвергают самих себя явной опасности, почему матери и не позволяют им безбоязненно касаться их, — так и молодые люди, когда получают большое богатство, вследствие того, что не хотят надлежащим образом пользоваться им, сами себя низвергают в явную опасность, собирая себе через это богатство бремя грехов. Отсюда рождаются роскошь, неуместные удовольствия и бесчисленное множество зол. Не говорю, что это происходит прямо от богатства, а от неумения получивших его пользоваться им, как должно. Потому-то и премудрый сказал: *хорошо богатство, в котором нет греха* (Сир. 13, 30). Хотя и Ав-

раам был богат, и Иов был богат, однако они не только не потерпели никакого вреда от своего богатства, но еще более прославились. Ради чего и почему? Потому что не для своего только наслаждения пользовались богатством, но для утешения других, помогая бедным в их нуждах и отверзая свой дом для всякого странника. Вот послушай, что говорит один из них: *странник не ночевал на улице; двери мои я отворял прохожему* (Иов 31, 32). И *отказывали я нуждающимся в их просьбе и томил ли глаза вдовы?* (Иов 31, 16). Да и не только оказывали пособие неимущим из своего богатства, но и заботились о них через свое покровительство. *Я был, — говорит, — глазами слепому и ногами хромоту... и из зубов беззаконника исторгал похищенное* (Иов 29, 15, 17). Видишь ли, что он и об обижаемых заботится и служит всем вместо увечных членов? Этому праведнику всем нужно подражать — праведнику, прежде закона и прежде благодати показавшему столь великое любомудрие, и притом не имевшему ни наставника, ни добродетельных предков, а собственными усилиями и здравым смыслом пришедшему к такой доброй жизни. Каждый из нас имеет лежащее в самой природе

познание о добродетели; и если кто не хочет по небрежности погубить благородство своей природы, то никогда не лишится этого (1).

В одном отношении живущие в роскоши несчастнее даже нищих; этого не станут отвергать и богатые. Часто богач, лежащий на мягкой постели, окруженный слугами и служанками и от всех принимающий множество услуг, услышав, как бедный кричит на улице и просит хлеба, заплачет, застонет и пожелает лучше быть таким же, только бы здоровым, чем богатым и больным. И не только в здоровье, но и в чадородии богатый также не имеет никакого преимущества пред бедным. Одинаково и у богатых, и у бедных бывает и много детей, и ни одного. А вернее сказать, и здесь богатый уступает бедному. Бедняк, если и не будет отцом, не чувствует большой скорби, а богач — чем более умножается его имущество, тем более терзается неимением детей и ни в чем не находит удовольствия от того, что не имеет наследника. Наследство бедного, если он умрет бездетным, не возбуждая спора по своей маловажности, переходит к его

друзьям и родственникам. А наследство богача, привлекая к себе взоры всех, часто переходит в руки врагов покойного, и так как он еще при жизни своей видит это на других, то и ведет жизнь, ужаснейшую всякой смерти, ожидая, что и с ним будет то же самое. А смерть, не равно ли [постигает тех и других]? Не умирают ли преждевременною смертью как богатые, так и бедные? И по смерти, не одинаково ли и у тех, и у других тело разрушается, обращается в прах и пепел и зарождает в себе червей? Не одинаково, скажешь, погребение? Но какая от того польза? Надевая на [умершего] богача много драгоценных и позлащенных одежд, ты ничего другого не доставляешь ему, как только больше ненависти и осуждения; открываешь против покойного уста всех, навлекаешь на него тысячу проклятий и зажигаешь сильнейшую брань за корыстолюбие, потому что каждый разрывается, задыхается и проклиная умершего за то, что он и после смерти не оставил безумной страсти к деньгам. И зло не в этом только, но и в том еще, что это открывает глаза грабителям, и таким образом большая пышность становится поводом к большому его [богатого] бесчестию.

Тела бедняка никто не решится обобрать: малоценность одежды служит стражею тела его. А у гробов богачей и запоры, и ограды, и двери, и стражи, и все напрасно и без пользы, потому что жадность к деньгам побуждает на все отваживаться привыкших к подобным злодеяниям. Стало быть, чем больше оказывают покойному почестей, тем больше готовят ему оскорблений: кто получил небогатые похороны, тот лежит с честью, а погребенный великолепно обнажается и терпит бесчестие. Но если и ничего такого не случится — и тогда он не выиграет ничего, разве только доставит обильнейшую пищу червю и произведет больше гнилости. Так это ли, скажи мне, достойно ублажения? И кто так жалок и несчастен, что из-за этого станет завидовать человеку? Впрочем, если не только это, но и все прочее разберем подробно и исследуем с точностью, найдем, что бедные имеют гораздо больше преимуществ перед богатыми. Рассматривая все это со вниманием и исследуя все прочее: *дай [наставление]*, — сказано, — *мудрому, и он будет еще мудрее* (Притч. 9, 9); и постоянно помня, что и множество денег не доставляет богачам ничего больше, кроме забот и беспокойств,

кроме страхов и опасностей, будем думать, что мы имеем отнюдь не меньше, чем богатые. В самом деле, будем только бдительны, и мы будем иметь гораздо больше, чем они, как в вещах божественных, так и во всем настоящем. Удовольствие и безопасность, добрую славу и телесное здоровье, чистоту души, благие надежды и нерасположение к греху найдешь больше у бедных, чем у богатых. Итак, не станем роптать, подобно рабам неблагодарным, и обвинять Господа, но будем благодарить [Его] за все и почитать злом только одно — грех, и добром — правду. При таком образе мыслей ни болезнь, ни бедность, ни бесчестие и никакое другое мнимое бедствие не постигнет нас, но, получив от всего чистое удовольствие [в настоящей жизни], мы удостоимся и благ будущих (1).

Послушайте вы, которые ленитесь подавать милостыню, послушайте вы, которые уменьшаете свое богатство сбережением его. Послушайте вы, которые находитесь в положении несколько не лучшим обогащающихся во сне. Подлинно, все настоящее несколько не лучше сновидения.

Как те, которые грезят во сне, будто они обладают богатством, хотя бы казались обладателями царских сокровищ, с наступлением дня бывают беднее всех, так и тот, кто из настоящей жизни не может ничего принести туда, будет беднее всех, хотя бы здесь обладал всем, — потому что он богат только во сне. Поэтому, если ты хочешь показать мне человека богатого, то покажи тогда, когда наступит день, в который мы отойдем в отечество; а теперь я не могу отличить богатого от бедного, потому что здесь в этих вещах нет истины, а чаще — только приятные и благозвучные названия. Как слепых многие называют многовидящими, но предмет не соответствует имени, а напротив, они-то и суть ничего не видящие, так и название богатых здесь приписывается, по моему мнению, тем, которые ничего не приобрели себе там. Кто богат здесь, о том особенно я думаю, что он беден, потому что, если бы он не был очень бедным, то не был бы очень богатым. Как слепого, если бы он не был совершенно слепым, не называли бы многовидящим, так точно нужно рассуждать и здесь. Итак, оставив обольстительные названия, будем искать истинных вещей. Вещи

состоят не в названиях, но от свойств вещей происходят названия, сообразные с их качествами. Такого-то называют богатым; но на самом деле он не богат. Как не богат, когда у него много и серебра, и золота, и драгоценных камней, и золотых одежд, и все прочее у него в изобилии? Не богат потому, что не золото, не одежды, не деньги, но милостыня делает человека богатым. А все это — трава, хворост и солома. Какая, скажи мне, одежда может там прикрыть того, кто будет стоять нагим пред Страшным Судилищем? Страшась этого, и Павел говорит: *только бы нам и одетым не оказаться нагими* (2 Кор. 5, 3). Какие деньги могут выкупить того, кто находится в такой опасности? Какие слуги могут защитить обреченного на такое наказание господина? Какие дома? Какие драгоценные камни? Какие бани могут смыть нечистоту, происходящую от грехов? Доколе вы будете обольщать себя? Доколе вы будете взирать не на истину вещей, а увлекаться сновидениями, тогда как суд уже близок и при дверях (2)?

Богатство состоит не в том, чтобы богатеть, а в том, чтобы не желать богатства. Поняли ли ска-

занное вам? Кто желает богатеть, тот имеет нужду в имуществе, в деньгах; а кто не желает богатеть, тот всегда в довольстве. *Не бойся, когда разбогатеет человек или когда увеличится слава дома его* (Пс. 48, 17). Почему же, скажи мне, *не бойся*? Так как богатых боятся, то пророк описывает жизнь их. Почему ты боишься человека, который обильно украшен листьями, а не имеет плода? Почему боишься человека, который проводит горькую жизнь? Почему боишься человека, который сам всегда находится в страхе? Почему боишься человека, который находится в постоянном трепете? Раб твой не боится тебя, когда ты в отсутствии; а богатый носит своего господина внутри себя; куда бы он ни пошел, любостяжание следует за ним и делает врагами всех — и родных, и домашних, и друзей, и завистников, и благодетелей. Во всех оно возбуждает отвращение. Тогда как бедный проводит жизнь, не боясь никого, потому что богат только любомудрием и терпением, богатый, который предан корыстолюбию, бывает ненавидим всеми и в общественных собраниях ходит, как общий враг, которому льстят в лицо, а внутренне ненавидят его (3).

Богатство для многих кажется добром, но на самом деле оно не прямо добро, если кто не будет пользоваться им, как должно. Если бы богатство было прямо добром, то и владеющие им должны бы быть добрыми; но если не все богатые добродетельны, а только те, которые хорошо пользуются богатством, то очевидно, что богатство само по себе есть не прямо добро, но некоторое средство к добродетели, занимающее среднее место. Посмотри: в теле бывают свойства, по которым и называются те, кто имеет их; например, белизна есть не сущность, но свойство и случайная принадлежность сущности; и кому она принадлежит, того мы называем белым. Также болезнь есть некоторое свойство и случайная принадлежность; и кому принадлежит она, того мы называем больным. Потому, если бы и богатство было добродетелью, то владеющий богатством должен бы быть и называться добродетельным; если же богатый не всегда бывает добродетельным, то и богатство не есть добродетель или прямо добро, а бывает таким по душевному настроению того, кто пользуется им. Также, если бы бедность была злом, то все бедные

должны бы быть злыми; если же многие из бедных достигли небес, то, следовательно, бедность — не зло (4).

Ты пользуешься многою пищею, а тот погибает от голода; ты одеваешься в тонкие полотна, а он ходит постыдно нагим. Почему Бог повелевает, чтобы ты не презирал ближних по крови? Потому что и они имеют право приобретать блага от богатого родителя. Однако многие глупцы мучаются при этом, рассуждая так: почему тот богат, а мы бедны? Те изобилуют благами, а мы — притеснениями? Почему, подобно тому, как Он сделал общим для всех солнце и не сделал света малым для бедняков и великим для богача, почему таким же образом Он не сделал всех благ общими? Но Бог сделал богатства также общими, потому что Он повелел богачам выдавать от них беднякам. Если бы Он не сделал богатства общими, то Он не дал бы такого повеления. Если бы то, что необходимо для нашей жизни, Бог не сделал общим, то человеческий род был бы погублен и уничтожен. Если же бы Он даровал каждому богатство, то этим самым Он отнял бы средства к добродетели,

а потому Он распределял блага всем не поровну для того, чтобы грехи, которые происходят от любви к богатству, не распространились на всех и не повреждали всех. Если бы Он не сделал солнца общим, а только для некоторых, подобно тому, как богатства, то многие ходили бы во тьме. Но Бог дал богатство богачу затем, чтобы он утешал скорби бедности (4).

Не потому только, говорит Он [Христос], вредно для вас богатство, что оно вооружает против вас разбойников и совершенно помрачает ум ваш, но преимущественно потому, что оно, делая вас пленниками бездушного богатства, удаляет вас от служения Богу и таким образом вредит вам и тем, что делает вас рабами вещей, над которыми вы должны господствовать, и тем, что не позволяет служить Богу, Которому всего более вы должны служить. Как прежде показал Он двоякий вред для собирающих богатство на земле — и тот, что собирают богатство там, где тля тлит, и тот, что не собирают его там, где стража самая безопасная, так и теперь показывает двоякий вред — и тот, что богатство удаляет нас от Бога,

и тот, что оно поработщает маммоне. Впрочем, не тотчас выставляет это на вид, но наперед высказывает общие мысли, говоря таким образом: *никто не может служить двум господам* (Мф. 6, 24). Здесь под двумя господами разумеет Он господ, приказывающих совсем противное один другому: иначе они не были бы и двоими. Ведь у множества веровавших *было одно сердце и одна душа* (Деян. 4, 32). Хотя верные были разделены телом, но помыслом были одно. Потом, усиливая сказанное, Спаситель говорит: тот не только служить не будет, но еще возненавидит и отворачится. *Или одного будет ненавидеть*, — говорит Он, — *а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть* (Мф. 6, 24). В двух этих изречениях Спаситель, кажется, выражает одну и ту же мысль; но не без причины говорит Он так, а с тем намерением, чтобы показать, как удобно перемениться на лучшее. Чтобы ты не говорил: я однажды и навсегда поработщен богатством, угнетен им — Он показывает, что возможно и перемениться, возможно перейти как на ту, так и на другую сторону. Итак, высказав общую мысль, чтобы заставить самого слушателя быть беспри-

страстным судьей слов Его и произнести суд на основании самого дела, Христос как скоро увидел, что слушатель соглашается с Его словами, тотчас открывает Свою мысль: *не можете*, — говорит, — *служить Богу и маммоне* (Мф. 6, 24). Помыслим и ужаснемся, что заставили мы сказать Христа — сравнить богатство с Богом! Если же и представить это ужасно, то не гораздо ли ужаснее на самом деле работать богатству и его самовластное владычество предпочитать страху Божию? (6).

Не столько имеют препятствий на пути к спасению те, которые владеют немногим, сколько те, которые погружены в бездну богатства, — потому что страсть к богатству тогда бывает сильнее. И я никогда не перестану повторять, что приращение богатства более и более возжигает пламя страсти и делает богачей беднее прежнего: возбуждая в них беспрестанно новые пожелания, заставляет через то сознавать всю свою нищету (7).

Скажи же теперь ты: какое удовольствие получаешь от богатства? Ты скажешь: меня считают

богатым. Но какое удовольствие считаться богатым? Ведь имя богатого составляет предмет зависти; а богатство — одно имя, не имеющее ничего существенно-го. Но богатый таким мнением о себе услаждается? Услаждается тем, о чем бы надлежало скорбеть. Почему же, ты скажешь, скорбеть? Потому что это делает его ни к чему не годным, малодушным, немужественным в путешествиях и в смерти. Предпочитая богатство всему, он любит более деньги, нежели свет солнечный. Его не веселит ни небо, потому что оно не приносит ему золота, ни солнце, потому что оно не испускает золотых лучей. Но есть такие, ты скажешь, которые наслаждаются имуществом, удовлетворяя прихотям и чреву, предаваясь пьянству и употребляя на это огромные издержки. Ты указываешь мне на богачей, которые еще хуже тех, так как они-то более всего и не наслаждаются своим богатством. Богач, о котором я говорил, будучи предан одной страсти, по крайней мере, свободен от других пороков; а эти хуже его, потому что, кроме той страсти, поработаются еще множеству других: служат каждый день, как лютым владыкам, чреву, сладострастию, пьянству

и другим видам невозддержания; содержат блудниц, делают великолепные пиры, покупают себе тунеядцев, льстецов, унижаются до противоестественного вожделения и этим причиняют душе и телу бесчисленные болезни. Они тратят свое богатство не на нужное, но на то, что вредит телу, а вместе с ним развращает и душу, и поступают точно так же, как если бы кто, украшая тело свое, думал, что он тратит имущество для своей пользы. Таким образом, только тот один получает удовольствие от своего богатства и бывает господином его, кто пользуется им надлежащим образом... Что за наслаждение там, где стеснение, вражда и возмущение свирепее всякой морской бури? Если богатство достается глупым, то оно делает их еще глупее; если распутному, то распутнее (7).

Пристрастие к богатству хуже всякого тиранства: удовольствия не доставляет никакого, а порождает заботы, зависть, коварство, ненависть, наговоры и бесчисленные препятствия к добродетели — беспечность, распутство, любостяжание, пьянство. А это и свободных делает рабами и даже хуже рабов: рабами не людей, но

ужаснейшей из страстей и болезней души. Такой человек решается на многое, что противно и Богу и людям, из опасения, чтобы кто не исторг его из-под этого владычества. Горькое рабство, диавольское владычество! В особенности пагубно то, что, находясь в столь несчастном положении, мы веселы духом, лобызаем свои оковы и, обитая в темнице, исполненной мрака, не желаем выйти на свет, но привязываемся к злу, и улаждаемся болезнью. Потому-то не можем и освободиться и находимся в худшем состоянии, чем те, которые работают в рудниках, потому что подвергаемся трудам и бедствиям, но не пользуемся плодами. Хуже же всего то, что, если бы кто и захотел избавить нас от этого тяжкого плена, мы не только не позволяем, но еще гневаемся и негодуем и, таким образом, являемся ничем не лучше безумных, и даже гораздо несчастнее всех их — потому что не хотим и расстаться со своим безумием. Ужели для того явился ты на этот свет, человек? Ужели для этого родился человеком, чтобы только разрабатывать рудники и собирать золото? Не для этого создал тебя [Господь] по образу Своему, но чтобы ты угождал Ему. Чтобы достиг будущих благ и ли-

ковал с Ангелами. Зачем же ты лишаешь себя такого сообщества и нисходишь до последней степени бесславия и унижения (8)?

Скажи мне, почему ты стоишь, с изумлением смотря на богатство и готовый лететь к нему? Что ты видишь в нем удивительного и достойного остановить на себе взоры твои? Кони ли, украшенные золотом, и слуги-варвары или евнухи, дорогие одежды, а в них сладострастная душа, поднятые вверх брови, беготня и волнение? Но неужели все это достойно удивления? Чем эти люди отличаются от нищих, которые пляшут на рынке и играют на свирели? Они, одержимые сильным голодом добродетели, пляшут свою пляску, которая смешнее пляски нищих, когда бегают и кружатся то по роскошным обедам, то по домам непотребных женщин, то в толпе льстецов и тунеядцев. Хотя они и в золото одеты, но особенно жалки потому, что заботятся больше всего о том, что не имеет для них никакого значения. Не смотри на одежды, но раскрой их душу и взглядишь, не полна ли она бесчисленных ран, не одета ли в рубище, не одинока ли она и не беззащитна ли? Какая

польза в этом безумном пристрастии к внешнему? Гораздо лучше быть бедным, но жить добродетельно, чем быть царем, но порочным. Бедный сам по себе наслаждается всяким душевным удовольствием и вследствие внутреннего богатства не чувствует наружной бедности. А царь, наслаждаясь тем, что ему вовсе неприлично, наказывается в том, что в особенности ему должно быть свойственно, и мучится в душе помыслами и совестью, преследующими его и среди удовольствий. Зная это, отвергнем золотые одежды и усвоим себе добродетель и удовольствие, происходящее от добродетели (11).

Рабство богатства тяжелее всякого мучения, о чем хорошо знают все те, которые удостоились освободиться от него. Потому, чтобы и вам узнать эту прекрасную свободу, разорвите узы, бегите от сестей; пусть у вас в доме хранится не золото, но то, что дороже бесчисленных богатств, — милостыня и человеколюбие. Это дает нам дерзновение пред Богом, а золото покрывает нас великим стыдом и много содействует диаволу влиять на нас. Но зачем же ты вооружаешь своего врага и делаешь его

более сильным? Вооружи против него свою десницу, всю красоту собери в свою душу, все богатство свое сложи в уме, пусть небо, а не кивот и дом хранит твое золото, а мы облечемся во все свое, потому что мы сами гораздо лучше стен и важнее основания дома. К чему нам, забывши о самих себе, все свое попечение обращать на то, чего, уходя отсюда, нельзя взять с собою, а часто нельзя удерживать и оставаясь в здешней жизни, тогда как представляется возможность обогатиться так, что не только здесь, но и там окажемся всех достаточнее? Кто носит в душе и поля, и дома, и золото, тот, куда бы ни явился, приходит со всем этим богатством. Но как, спросишь, это возможно? Возможно с большим удобством. Если ты руками нищих перенесешь это на небо, то все сложишь в свою душу, так что, хотя бы и смерть пришла к тебе, никто не отнимет у тебя этого, но ты и в будущую жизнь переселишься с богатством. Таким сокровищем владела Тавифа, которую прославили не дом, не стены, не камни, не колонны, но прикрытые ею тела вдовиц, пролитые слезы, убежавшая от нее смерть и возвратившаяся жизнь. Станем и мы готовить себе такие хранилища, станем и

мы строить себе такие дома. В этом мы будем иметь сотрудином Бога и сами будем Его сотрудиниками (11).

Богатство — это узы, тяжкие узы для неумеющих пользоваться им, это жестокий бесчеловечный тиран, направляющий все к гибели раболепствующих ему. Но, если мы захотим, то можем низвергнуть с престола тяжелую власть этого тирана и заставить его повиноваться нам, а не повелевать нами. Каким же образом? Если будем разделять свое богатство всем. Доколе оно находится наедине с нами, то, как бы какой разбойник в пустыне, причиняет всякого рода зло; а когда мы выводим его в общество людей, то оно уже не может повелевать нами, потому что тогда все со всех сторон обуздывают его.

Не то я говорю, чтобы иметь богатство было грешно, грех — не разделять его бедным и худо пользоваться им. Бог не сотворил ничего худого, но *все хорошо весьма* (Быт. 1, 31); следовательно, и богатство — добро, но тогда, когда оно не завладевает имеющими его, когда оно избавляет ближних от бедности. Как свет не был бы добром, если бы не прогонял

мрака, но еще увеличивал его, так и богатство я не назову добром, если оно не избавляет от бедности, но умножает бедность. Богат тот, кто не нуждается брать у других, но сам помогает другим; а кто старается брать у других, тот не богат, но беден. Таким образом, не богатство есть зло, а бедственное настроение души, обращающее богатство в бедность. Такие люди несчастнее просящих [милостыню] в переулках, слепых и увечных; облекаясь в шелковые и светлые одежды, они презреннее одетых в рубища; выступая гордо на торжище, они беднее скитающихся по перекресткам, входящих во дворы и там вопиющих и просящих помощи. Эти последние прославляют Бога и изрекают слова милости и великого любомудрия; потому мы и оказываем им сострадание, простираем руку [помощи] и никогда не осуждаем. А недобрые богачи изрыгают слова жестокости и бесчеловечия, любостяжания и сатанинских похотей; потому они для всех ненавистны и смешны. Посмотри, что у всех людей считается постыдным — от богатых ли брать или от бедных? Конечно, от бедных. А это и делают богатые, которые никогда не пойдут к более богатым. Бедные же берут от

богатых; нищий не станет просить у нищего, но у того, кто достаточнее его, а богатый требует от бедного. Притом, скажи мне, что почтеннее — брать ли от дающих добровольно и расположенных к тому или требовать и вынуждать нежелающих? Конечно, не вынуждать нежелающих. А богатые поступают напротив. Бедные получают от дающих добровольно и расположенных к тому, богатые же от нежелающих и противящихся, а это и есть доказательство большой бедности [их самих]. Если и на обед никто не решится идти, когда приглашающий не будет иметь расположения к приглашаемому, то хорошо ли брать имущество другого с принуждением? Не потому ли мы отворачиваемся и убегаем от лающих псов, что они неотступно нападают на нас? То же делают и богатые. Разве почетнее, когда к потере имущества присоединяется еще страх? Это хуже всего. Потому употребляющий все меры к приобретению имущества не смешнее ли всех? Из страха мы часто и псам бросаем все, что имеем в руках. Притом что постыднее, скажи мне, просить ли одетому в рубище или облеченному в шелковые одежды? Когда какой-нибудь богач держит у себя престарелых

бедных, чтобы овладеть их имуществом, тогда как у них еще есть дети, то достоин ли он прощения? Если хотите, обратим внимание на самые слова, какие произносит богач, требуя себе чего-нибудь, и какие — бедные. Что же говорит бедный? Подающий милостыню, говорит он, никогда не оскудеет, потому что подает из Божиего достояния; Бог человеколюбив и воздаст больше. Все это — слова любу мудрия, вразумления и совета; они внушают тебе взирать на Владыку и избавляют тебя от страха будущей бедности; вообще много назидательного всякий может заметить в словах нищих. А каковы речи богатых? Свойственные свиньям, собакам, волкам и другим животным. Одни из них рассуждают о трапезах, о блюдах, о сластях, о винах, о благоволениях, об одеждах и всякого рода излишествах; другие — о процентах и закладах, о составлении заемных писем и уплате несчетного множества долгов, получивших начало еще при отцах и дедах, об отнятии у одного — дома, у другого — поля, у иного — слуги и всего его имущества. Что сказать о духовных завещаниях, писанных не чернилами, а кровью? Представив неизбежную опасность или сделав какие-нибудь

обольстительные обещания тем, у кого видят несколько имущества, они убеждают устранить всех прямых наследников, часто угнетаемых бедностью, и вместо того вписать их самих. Не хуже ли это всякого неистовства и свирепости диких зверей? Потому, увещаваю вас, будем убегать всякого такого богатства, покрытого стыдом и убийствами, а приобретать богатство духовное, искать сокровищ небесных. Кто имеет эти сокровища, тот только богат, тот достаточен, тот владеет всеми здешними и тамошними благами. Кто хочет быть бедным по слову Божию, для того бывают открыты двери всех — потому что человеку, не ищущему никаких стяжаний для Бога, всякий уделит от своего; а кто хочет получить несправедливо хотя немного, для того бывают заключены двери всех (12).

Не будем избегать бедности и удивляться богатству, но будем устроить душу свою так, чтобы она была готова ко всему. Кто строит дом, тот заботится не о том, чтобы на него не лился дождь и не падали [солнечные] лучи — это и невозможно, — но чтобы он мог вынести все. И кто строит

корабль, тот заботится и старается не о том, чтобы его не поражали волны и не касалась морская буря — это и невозможно, — но чтобы стены корабля были способны вынести все. И кто укрепляет тело, тот также старается не о том, чтобы не было воздушных перемен, но чтобы тело легко переносило все это. Точно так будем поступать и с душой, будем стараться не о том, чтобы избегать бедности или сделаться богатыми, но чтобы принимать то и другое безопасно для себя самих. Не заботясь о них, будем уготовлять душу пригодной и к богатству, и к бедности. Ведь хотя бы и не случилось ничего свойственного людям — что бывает слишком редко, — и в таком случае не ищущий богатства и умеющий легко переносить все гораздо лучше, чем живущий всегда в богатстве. Почему? Во-первых, такой [человек] имеет опору спокойствия внутри себя, а не вне; как воин, полагающийся на крепость тела и воинское искусство, лучше того, который надеется только на силу оружия, так и огражденный добродетелью лучше того, кто надеется на деньги. Во-вторых, богатый, хотя бы и не впал в бедность, не может быть спокойным, потому что богатство причиняет

много бурь и беспокойств. А добродетель, напротив, доставляет только радость и спокойствие; она делает человека недоступным для коварных врагов, богатство же, напротив, делает его доступным и удобопреклонным. Из животных олени и зайцы легче всех могут быть уловляемы по своей природной боязливости, а кабан, бык и лев не легко попадают в руки охотников; то же можно видеть на богатых и на живущих в добровольной бедности: последний подобен льву и быку, а первый — оленю и зайцу. Кого, в самом деле, не боится богатый? Уж не разбойников ли? Не влассителей ли? Не завистников ли? Не клеветников ли? Но что я говорю о разбойниках и клеветниках, когда он с подозрением смотрит на самих домашних? И что я говорю [о том времени], когда он еще жив? Даже и по смерти он не свободен от козней хищников; и самая смерть не может доставить ему безопасности, но и мертвого его грабят злодеи. Так опасно богатство! Не только подкапываются жилища, но разрываются и могилы и гробницы. Что же может быть хуже того, если самая смерть не доставляет ему безопасности, но, даже лишившись жизни, не-

счастное тело его не освобождается от житейских зол, если злодеи восстают даже против пыли и праха — и притом с большей жестокостью, нежели при его жизни? Тогда, входя в кладовую и разламывая сундуки, они, по крайней мере, не касались тела и не брали столько, чтобы обнажить самое тело; а теперь нечистые руки гробокопателей не воздерживаются и от этого, но сдвигают с места [и тело], переворачивают его и посмеиваются над ним с великой жестокостью. Когда оно бывает предано земле, то они, лишив его и покрова земли, и одежд, оставляют его брошенным в таком виде. Кто же враждебнее богатства, которое при жизни губит душу, а по смерти подвергает поруганию тело и не дает ему покоя в земле, чего не лишены даже осужденные и тяжкие преступники? И с преступниками, наказав их смертью, законодатели ничего более не делают; а их богатство и по смерти подвергает жесточайшему наказанию — быть обнаженными и лишенными погребения: ужасное и жалкое зрелище! Подлинно, участь их тяжелее участи тех, которые подвергаются тому же по определению и гневу судей; последние, пробыв непогребенными

один или два дня, предаются земле; а первые, когда бывают преданы земле, тогда именно и обнажаются и подвергаются поруганию. Если воры уходят, не взяв самого гроба, то и этим он обязан не богатству, а бедности; она сохраняет его, так что, если бы мы и гроб покрыли богатством или устроили бы его не из камня, а из золота, то лишились бы и его. Так неверно богатство! Оно не столько принадлежит имеющим его, сколько занимающимся хищничеством. Потому напрасно было бы доказывать, что невозможно удержать богатство, тогда как имеющие его не находят безопасности даже в день смерти. С умершим кто не примиряется, хотя бы то был зверь, демон или кто бы ни был? Достаточно одного взгляда на умершего, чтобы тронуться человеку железному и безжалостному; когда кто смотрит на мертвого, хотя бы в нем видел врага и неприятеля, то плачет вместе с ближайшими его друзьями; гнев погасает вместе с жизнью и вместе его является соболезнавание; при выносе и погребении никто не различит врага и неврага: так все почитают общую природу и установленные для нее законы! Но богатство, будучи чуждо этого,

внушает гнев против имеющих его и делает врагами умершего людей, нисколько не обиженных им, потому что обнажать мертвое тело свойственно жестоким врагам и неприятелям. Природа примиряет с ним тогда и врагов, а богатство вооружает против него и тех, которые не могут ни в чем обвинить его и терзают тело, совершенно уединенное. Многое здесь могло бы склонить на милость, и то самое, что оно мертво, неподвижно, готово обратиться в землю и тление и беспомощно; но ничто подобное не трогает злодеев, преданных преступной страсти. Страсть корыстолюбия, как бы какой жестокий тиран, настоятельно требует от них исполнения своих бесчеловечных повелений и, обращая их в зверей, ведет к гробницам. Нападая на умерших как дикие звери, они не отказались бы и от тел, если бы [телесные] члены могли принести им пользу. Такие-то плоды мы получаем от богатства: по смерти подвергаемся поруганию и лишаемся могилы, которой удостоиваются даже тяжкие преступники! Неужели после этого, скажи мне, мы будем еще любить такого врага? Нет, братии, нет, увещаю вас, побежим от него, не оглядываясь назад; если

оно и само придет в наши руки, не будем удерживать его у себя, но свяжем его руками бедных; эти узы гораздо лучше могут удержать его; из этих хранилищ оно никогда не убежит, и неверное делается наконец верным, тихим и кротким чрез подавание милостыни. Итак, когда оно придет к нам, будем употреблять его на это дело; если же не придет, не будем искать, изнурять себя и считать блаженными имеющих его. Какое это блаженство? Разве назовешь блаженными занимающихся борьбой с дикими зверями за то, что такие борцы, заключив у себя дорогостоящих животных, стерегут их, между тем как сами не смеют приступить и прикоснуться к ним, боятся их и трепещут. Нечто подобное испытывают и богатые, заключив богатство в своих хранилищах, как дикого зверя. и каждый день получая от него тысячи ран, только не так, как от зверей. Звери, когда бывают выпущены, тогда и причиняют вред встречающимся с ними; а богатство, когда бывает заперто и хранимо, тогда и погубляет приобретших и хранящих его. Сделаем же этого дикого зверя кротким. А он будет кроток, когда мы не станем запираť его, но будем передавать его в руки всех нуждающихся (12).

БОГОХУЛЬСТВО

Богохульство не унижает величия Божия и потому не должно побуждать тебя к ярости. Кто богохульствует, тот наносит раны самому себе. Итак, тебе должно вздыхать и плакать, потому что эта болезнь достойна слез, и человека, зараженного ею, не иначе можно исцелить, как кротостью. Кротость сильнее всякого насилия. Посмотри, с какою кротостью сам Бог как в Ветхом, так и в Новом Завете вызывает к оскорбившим Его. Там Он говорит: *Народ Мой! что сделал Я тебе?* (Мих. 6, 3). А здесь: *Савл, Савл! что ты гонишь Меня?* (Деян. 9, 4). Равно и Павел повелевает наставлять противников с кротостью. И сам Христос, когда приступали к Нему ученики, прося у Него позволения низвести огонь с неба, сделал им сильный упрек говоря: *не знаете, какого вы духа* (Лк. 9, 55)! (6)

БОЛЕЗНИ

Что же, скажешь ты, неужели все болезни от грехов? Не все, но большая часть. Некоторые бывают и от беспечности. Чревоугодие, пьянство и бездействие также производят болезни. Одно только надобно всегда соблюдать, чтобы

всякий удар переносить с благодарностью. Бывают болезни и за грехи; так видим в Книгах Царств, что некто страдал болезнью ног именно по этой причине. Случаются болезни и для испытания нашего в добре, как Бог говорит Иову: *ты хочешь обвинить Меня, чтобы оправдать себя?* (Иов 40, 3). Но почему этим расслабленным Христос выставляет на вид их грехи? И тому, о котором упоминает Матфей, Он говорит: *держай, чадо! прощаются тебе грехи твои* (Мф. 9, 2), и этому: *вот, ты выздоровел; не греши больше* (Ин. 5, 14). Знаю, что некоторые говорят в осуждение этого расслабленного, будто он был после в числе обвинителей Иисуса Христа, и потому-то услышал от Него такие слова, но что сказать о том, который, по свидетельству Матфея, услышал почти те же самые слова? И ему сказано: *прощаются тебе грехи твои*; но услышал он это не по той же причине, как можно яснее видеть из последующего. Евангелист говорит, что после исцеления *Иисус встретил его в храме* (Ин. 5, 14), — а это знак великого благочестия: он не ходил на торжище и гульбища, не предавался объедению и беспечности, а проводил время в храме; хотя должен был терпеть

там насилие и гонение от всех, но это нисколько не побудило его удалиться от храма. Итак, Христос, встретив его после разговора с иудеями, не сделал никакого намека на что-либо подобное; если бы Он хотел обличить его, то сказал бы ему: ты опять принимаешься за прежнее и после исцеления не сделался лучшим? Но ничего такого Он не сказал, а только предостерегает его на будущее время.

Почему же, исцеляя хромых и увечных, Он не напоминал им об этом? Мне кажется, что болезни у расслабленных происходили от грехов, а у прочих — от естественной немощи. Если же это не так, то через них и то, что сказано им, сказано было и другим. Так как эта болезнь тяжелее всех других, то через большую врачуются и меньшие. Как, исцелив некоего другого, Христос повелел ему воздать славу Богу, внушая это не ему одному, а через него и всем другим, так и здесь через расслабленных увещевает и всех прочих и внушает то же, что им сказал. К этому надобно и то сказать, что Он видел в душе расслабленного великое терпение и потому дает ему наставление как человеку, могущему принять увещание, ограждая его здоровье и

благодеем и страхом будущих зол (8).

Будем употреблять все меры, чтобы не отпасть от Бога, и постараемся иметь попечение о своей душе и любовь друг к другу; не будем отторгать от себя своих членов — это свойственно беснующимся и умалишенным, — но чем в худшем найдем их положении, тем большую покажем об них заботливость. Ведь мы часто видим людей, одержимых упорными и неисцелимыми телесными недугами, и, однако же, не перестаем прилагать к ним врачевства. Что, например, хуже подагры? Что — хирагры? Но разве мы отсекаем из-за этого члены? Вовсе нет. Напротив, употребляем все меры, чтобы получить хоть какое-нибудь облегчение, если уж нет возможности укрывать болезнь. Так же будем поступать и со своими братьями: хотя бы они страдали неисцелимыми болезнями, будем неотступно заботиться об их исцелении и носить тяготы друг друга. Через это мы исполним и закон Христов и достигнем обетованных благ (8).

Если ты желаешь лучше постоянно жить в пороке, чем один

день подвергаться наказанию, то это нисколько не удивительно: это признак твоего несовершенного образа мыслей, твоего опьянения и неисцелимой болезни, — так как и малые дети, когда увидят, что врач намеревается прижечь или надрезать [больное место], бросаются и бегут прочь, кричат и вырываются и предпочитают лучше страдать от постоянного гниения тела, нежели перенести временную боль, а после этого наслаждаться здоровьем. А люди, имеющие ум, знают, что болезнь тяжелее надреза, а равно и быть порочным хуже, чем подвергнуться наказанию, так как от одного возможно вылечиться и быть здоровым, а от другого можно погибнуть или остаться в постоянном недуге. Но всякому известно, что здоровье лучше болезни. Потому и о разбойниках должно плакать не тогда, когда им ломают ребра, но тогда, когда они подламывают стены и убивают. Если душа превосходнее тела, как и действительно она превосходнее, то более справедливо стенать и плакать, когда она погибает, если же она не чувствует этого, то тем более должно скорбеть о ней. Так и предающихся необузданной любви следует жалеть больше, чем сильно страдающих горячкою,

а пьяниц — больше, чем подвергаемых мучению. Но если все это вреднее, то почему, спросишь, мы больше избираем это? Потому что многим из людей, по пословице, нравится худшее и они предпочитают его, миновав лучшее. Это можно наблюдать при выборе пищи и рода деятельности, в склонностях житейских и в наслаждениях, в удовольствиях, в выборе жен, домов, рабов, угодий и всего прочего. Скажи мне, что доставляет больше удовольствия — сообщение с женщинами или мужчинами? С женщинами или с лошадьми? Однако же мы найдем много таких, которые избегают женщин, а имеют соитие с бессловесными и наносят поругание мужчинам, несмотря на то, что сообразное с природою приятнее противоестественного (11).

БРАК

Надо призвать священников и молитвами и благословениями утвердить в сожительстве единомыслие, чтобы тем и любовь жёниха усиливалась, и целомудрие невесты укреплялось, чтобы все способствовало к водворению в их доме добродетели, а дьявольские козни уничтожались, и супруги в веселье провели жизнь,

соединяемые помощью Божией (1).

Видишь ли, с каким благочинием в древности совершались браки? Послушайте вы, пристрастившиеся к сатанинским забавам и с самого начала опозоривающие честность брака: были ли тогда свирели, были ли кимвалы, были ли пляски бесовские? Скажи мне: зачем ты тотчас вводишь в дом такой срам и созываешь лицедеёв и плясунов? Чтобы эту безвременную роскошь и целомудрые девицы оскорблять и юношу сделать бесстыднее? И без таких распалений трудно этому возрасту спокойно выдерживать бурю страстей. А когда такие предметы чрез зрение и чрез слух еще более увеличивают костер и еще больший пламень производят в горниле страстей, как не потонуть тогда юношеской душе! Оттого во всем такое повреждение и растление, что при вступлении в сожительство с самого начала подрывается целомудрие; и часто с самого первого дня и юноша, смотря [на девицу] невоздержными очами, уже уязвлен в душе своей сатанинскою стрелою, и девица чрез слух и зрение делается пленницею [страсти]. И с того же

дня раны, более и более увеличиваясь, производят зло. И, во-первых, подрывается единомыслие между супругами и оскудевает их взаимная любовь. Когда муж обращается сердцем к другой, то, разделяясь в душе и управляемый уже самим дьяволом, наполняет свой дом всякою скорбью. А если и жена увлечется подобною же страстью, то все, так сказать, до самого дна перевертывается: скрывая друга от друга, один подзревает жену, другая — мужа; там, где надлежало быть согласию и единению, люди, которые должны быть плоть едина — *будут*, — сказано, — *два одною плотью* (Мф. 19, 5) — доходят до такого разъединения между собою, как будто бы уже совсем разведены были. Привзошедший к ним дьявол производит в них такую пагубу, что у них каждый день — война и сражения и никогда нет покоя от бед. А что сказать о презрении к ним со стороны слуг, о посмеянии от соседей, о явном позоре? Как если кормчие враждуют между собою, то и плывущие на корабле подвергаются опасностям, и самый корабль вместе с людьми должен потонуть, так равно и здесь, если муж и жена враждуют между собою, то, естественно, и все домашние

бедствуют. Поэтому умоляю вас: предвидя все это, не следуйте принятым обычаям. Знаю, что многие, ссылаясь на эти обычаи, не хотят и слушать наших слов; несмотря на то, мы обязаны сказать, что полезно и что может избавить от будущих наказаний. Где столь великий вред для души, для чего тут указываешь ты мне на обычаи? Вот и я предлагаю тебе обычай, гораздо лучший, соблюдавшийся в древности, когда люди еще не имели таких понятий [как ныне] о благочестии. Не подумай, однако же, что я говорю здесь о праведном Иакове — нет, но представь себе, что Лаван, человек еще преданный идолопоклонству, не имевший никакого понятия о благочестии, обнаружил в себе такую мудрость. Такое хорошее дело [свт. Златоуст разумеет здесь благочиние при бракосочетании Иакова с Лиею] принадлежало не тому, кто вступал в брак с девицею, но отцу, выдававшему девицу в замужество. Поэтому я и заговорил об этом, направляя свою речь не столько против женихов, сколько против родителей жениха и невесты. Не безрассудно ли, что мы, пользующиеся столь великим человеколюбием Божиим, удостоенные страшных и неизреченных Та-

инств, в этом отношении хуже Лавана, еще поклонявшегося идолам? Или не слышишь слов Павла, что брак есть Таинство — есть образ той любви, которую Христос показал к Церкви (см. Еф. 5, 32)? Не будем же срамить самих себя, не будем нарушать досточтимости брака. Если что придумано хорошо и полезно, то, хотя бы и обыкновения не было, пусть делается; а если то, что вами делается, вредно и губительно, хотя и обычай таков, надобно отвергнуть. Ведь если мы это допустим, тогда и вор, и злободей, и всякий другой злодей будет ссылаться на обычай; но от этого не будет ему никакой пользы, ни прощения, а будет тяжкое осуждение за то, что не мог преодолеть худого обычая. Если захотим трезвиться и иметь большую заботливость о своем спасении, то можем отстать и от худого обычая и обратиться к обычаями добрым: таким образом, и потомкам своим мы дадим немалое побуждение подражать нам в этом, да и сами себе за их доброе поведение получим награду. Кто показал начало доброго пути, тот становится виновником и того, что другие делают [по его примеру], и потому получает двойную награду, — и за то, что сам делает, и за то, что других привел к луч-

шему образу мыслей. Не говорите мне при этом те пустые и смешные слова, будто это есть нечто законное и потому должно быть соблюдаемо. Не это делает союз супружеский законным, а сожитие, сообразное законам Божиим, целомудренное и честное, когда сожительствующие соединены между собою единомыслием. Так понимают это и [внешние гражданские] законы; спроси людей, занимающихся изучением их, и они скажут, что супружество составляет не иное что, как близость или приязнь. Не будем же преступать законов Божеских вместе с человеческими и предпочитать им законы бесовские и такой пагубный обычай, потому, что это узаконение того, который всегда радуется нашей гибели. И что может быть нелепее этого обычая, когда муж и жена выслушивают от слуг и ничтожных людей неуместные шутки и разные насмешки и никто не может запретить этого, когда всякому желающему позволено без страха говорить все до самого вечера, забрасывать шутками жениха и невесту? Если бы в другое время вздумал кто издеваться, поносить, то его — в суд, с него пеня, ему беда; а тогда, когда особенно должно соблюдать благоговение,

особенную благопристойность, скромность, тогда все наполняется бесстыдством, так что можно подумать, что всем этим управляет диавол. Но не огорчайтесь, прошу вас: не без причины я вошел в это рассуждение, а потому, что забочусь о вас, о вашем спасении, о вашей благонравии и желаю, чтобы вы, показав перемену к лучшему, первыми положили начало добрым обычаям (1).

Обыкновенно, ничто так не укрощает юного возраста, как венец целомудрия, и то, чтобы вступать в брак чистому от всякого распутства. И жены будут им любезны, когда душа их наперед не узнает блуда и не будет растлена, когда юноша будет знать одну ту женщину, с которой он вступил в брак. Тогда и любовь бывает пламеннее, и расположение искреннее, и дружба надежнее, когда юноши вступают в брак с соблюдением этого [правила]. А то, что делается ныне, не брак, это просто денежная сделка, торговля. Если юноша и прежде брака растлился, и после брака опять будет смотреть на чужую жену, то, скажи мне, что пользы от брака? Тягчайшее наказание, непростительный грех, если, имея

дома у себя жену, [муж] оскверняет себя с блудницами и творит прелюбодеяние: после жены, хотя бы с женатым распутствовала и не блудница, его действие есть прелюбодеяние. А это бывает: и после брака бегают к любовницам, потому что прежде брака не соблюдали целомудрия. Отсюда — распри, ругательства, разорение домов и ежедневные ссоры; оттого любовь к жене ослабевает и прекращается, истощаясь в обществе блудниц. А если научится целомудрию, то жену свою будет считать милее всех, станет смотреть на нее с великой любовью и иметь с ней большое согласие, а с миром и согласием войдут в тот дом все блага. Итак, чтобы нам и здешнее устроить хорошо и с этим вместе получить Царство Небесное, будем заботиться и о себе самих, и о детях, особенно по отношению к этой заповеди, чтобы не прийти нам на тот духовный брак в нечистых одеждах, но с большим дерзновением насладиться честью, уготованной там достойным (1).

Соломон знал различие между грехами; он, сравнивая воровство с прелюбодеянием, говорит так: *не спускают вору, если он крадет,*

чтобы насытить душу свою, когда он голоден. то же прелюбодействует с женщиною, у того нет ума; тот губит душу свою, кто делает это (Притч. 6, 30, 32). И то и другое, говорит, есть грех; но один грех меньше, другой больше; тот находит предлог в бедности, а этот не имеет никакого оправдания. И этот, скажешь, вынуждается естественною потребностью? Но не допускает этого данная человеку жена; она лишает его оправдания. Для того и учрежден брак и законное пользование, чтобы муж не мог говорить ничего подобного. Для того и дана ему помощница жена, чтобы обуздывать беснующуюся природу, чтобы укрощать волны похоти. Потому как кормчий, допустивший кораблекрушение в пристани, не может иметь никакого оправдания, — так и человек, достигший безопасности чрез брак и оскорбляющий чужие браки, или похотливо взирающий на какую-нибудь жену, не может иметь никакого оправдания ни пред людьми, ни пред Богом, хотя бы он тысячу раз ссылался на естественное удовольствие. Впрочем, какое может быть удовольствие там, где — страх, беспокойство, опасность и ожидание столь многих бедствий, где предстоят

судилища, следствия, гнев судьи, меч, палач, пропасть и казнь? Такой человек трепещет и боится всего: теней, стен и самых камней, как будто они издают звук; он подозревает и опасается всех — слуг, соседей, друзей, врагов, знающих все и не знающих ничего (4).

Какая жена употребила старание на то, чтоб сделать мужа лучшим? Какой муж имел попечение об исправлении жены? Нет ни одного. Напротив, у жены только и заботы, что о золотых украшениях, одежде и других нарядах и также об умножении имущества; а муж занят, кроме этих, еще многими и другими попечениями — и все житейскими. Кто, намереваясь вступить в брак, старался узнать нрав и поведение девицы? Никто. Напротив, всякий тотчас расспрашивает о деньгах, об имении, о том, сколько всякого рода домашних вещей, — все равно, как бы хотел купить что-нибудь или заключить какой-нибудь обыкновенный торговый договор. По этой причине и брак называют этим именем. Слышал я, как многие говорят: такой-то сделал договор с такою-то, т.е. женился. Так ругаются над дарами Божиими: женятся и выходят

замуж, как будто продают и покупают что-нибудь. А письменные условия по бракам заключаются с гораздо большею осторожностью, чем по делам купли и продажи. Посмотрите, как древние вступали в брак, и подражайте им. Как же они вступали? Они искали в невесте доброго поведения, и нравов, и совершенства душевного, а потому не имели нужды в письменных договорах, в обеспечении посредством бумаги и чернил. Вместо всего им достаточно было душевных свойств невесты. Итак, умоляю и вас искать не денег и богатства, но доброго поведения и кротости (7).

БРАТЬЯ

Он брат твой, имеет одинаковую с тобой природу; вы живете под властью одного Господа, а нередко приобщаетесь одной и той же трапезы, разумею — духовной и страшной, — и ты говоришь: у меня ничего нет с ним общего, и без милосердия бежишь от него прочь, не хочешь подать руки падшему? Иудеям закон повелевал не оставлять без помощи падшего скота, даже принадлежащего врагам их. А ты, видя брата своего, изъязвленного дьяволом

и падшего не на землю, а в глубину греха, не извлекаешь его отсюда своими наставлениями, не делаешь ему со своей стороны никаких внушений, не заботишься и других, если возможно, взять с собой на помощь, чтобы избавить из челюстей зверя собственный член твой и возвратить ему принадлежащее достоинство, чтобы и сам ты, когда случится тебе пасть в сети лукавого демона, мог иметь людей, готовых помочь тебе и освободить от рук дьявола. Так, Павел, желая возбудить галатов к попечению о своих членах, говорит: *наблюдая каждый за собой, чтобы не быть искушенным* (Гал. 6, 1). Как бы так говорит он: если ты без сострадания и милосердия будешь проходить мимо брата, то, может быть, когда сам падешь, другой точно так же пройдет мимо тебя. Если же ты не хочешь быть оставленным без внимания, когда бы случилось тебе пасть, то и сам не пренебрегай падшими, но оказывай им всякую любовь, и почитай за величайшее благо возможность спасти брата. Ни в чем не может быть столько добродетели, как в этом деле. Ведь если только ты подумаешь, что тот, кого ты пренебрегаешь и оставляешь без внимания, удостоен от Господа твоего

такой чести, что для него не отрекся Он излить даже кровь Свою, как и Павел говорит: *от знания твоего погибнет немощный брат, за которого умер Христос* (1 Кор. 8, 11), то как после этого не скроешься сам (от стыда) в землю? Если для него Христос излил даже кровь Свою, что же особенного сделаешь ты, когда покажешь к нему свою благосклонность, словесным увещанием восставишь павшего и душу его, потопляемую, а может быть, уже и потонувшую, возведешь из глубины зла, поможешь ей увидеть свет добродетели и не устремляться опять к мраку греховному (1)?

И что братья враждуют против братьев также за грехи, о том свидетельствует Книга Судей. Когда некоторые из колена Вениаминова соблудили с наложницей путешественника и она, не перенесши безмерной обиды, умерла, одиннадцать колен начали войну против одного; но так как одиннадцать колен отступили от Бога и прелюбодейно обратились к идолам, то все одиннадцать были побеждены одним коленом — и притом многократно были побеждаемы им одним, между тем как над ним одержали только одну по-

беду, — и братья воевали с братьями, потому что Бог за грехи их разрушал средостение греха (см. Суд. 19 и 20). Когда одно колено соблудило с женщиной, а одиннадцать колен прелюбодейно обращались с идолами, то и те, и другие были истреблены Богом, как написано: *Ты истребляешь всякого отступающего от Тебя* (Пс. 72, 27). Таким образом, братья воевали с братьями за грехи. Когда братья нападают на тебя, то не столько сетуй на них, сколько смотри на самого себя и тщательно исследуй, за какие грехи братья сделались твоими врагами. Впрочем, не все за грехи терпят нападения от братьев. Так, Иосиф терпел нападения от братьев, но совсем не за грехи (2).

Не будем отказываться для братьев наших ни от каких, по-видимому, унижительных и трудных дел. Но хотя бы нам надлежало послужить человеку незнатному и бедному, хотя бы это сопряжено было с великими трудами, хотя бы надлежало перейти для этого горы и стремнины — все это мы должны переносить для спасения брата. Бог столько печется о душе, что не пощадил и Сына Своего. Потому умоляю

вас, будем с самого утра, как скоро выйдем из дома своего, стремиться к одной этой цели и прежде всего будем заботиться о том, чтобы избавить от опасности брата. Я говорю здесь не столько об опасности телесной — это почти нельзя и назвать опасностью, — сколько о душевной, которой подвергает людей дьявол. Купец для умножения богатства переплывает море, и художник для увеличения своего имущества делает все. Так и мы должны заботиться не только о своем спасении; иначе и сами не получим спасения. Воин, который во время сражения старается только о том, чтобы спасти себя самого бегством, вместе с собою губит и других; напротив, мужественный, сражаясь для защиты других, вместе с другими спасает и самого себя. А так как и наша жизнь есть также война, и притом жесточайшая из всех войн — время сражения и битвы, — то будем вступать в сражение так, как повелел Царь наш, с готовностью поражать, убивать и проливать кровь врагов наших, заботясь о спасении всех, укрепляя стоящих и поднимая падших. Многие из собратий наших в этом сражении лежат в ранах, истекают кровью, и нет человека, который бы помог им; ни народ,

ни священники, ни другой кто, ни покровитель, ни друг, ни брат не заботятся о них, но каждый печется только о себе самом. Через это-то мы и унижаем достоинство своих подвигов, потому что величайшее дерзновение [к Богу] и похвала принадлежит тому, кто печется не о своей пользе. Оттого-то мы бываем слабы и удобно побеждаемся как от людей, так и от дьявола, что ищем только своего и не укрепляем друг друга, не ограждаем любовью о Боге, но отыскиваем иные случаи для дружества: одни в родстве, другие в товариществе, третьи в знакомстве, иные в соседстве, — и всякие другие узы гораздо более утверждают нас в дружестве, нежели благочестие, тогда как оно одно должно связывать нас узами дружества (7).

Не видите ли вы в воинских лагерях, что воины, по заключении мира, сложив с себя оружие, без всякого прикрытия и защиты входят в неприятельский стан? А когда они защищены оружием, везде стражи, дозоры, ночи без сна и постоянно горят костры, то это уже не мир, а война. Это можно наблюдать и среди нас: мы друг друга остерегаемся и опасаемся,

каждый с соседом перешептывается на ухо, а как скоро увидим, что подходит посторонний, замолчим и все на виду прикроем: это свойственно не людям доверчивым, но чрезмерно осторожным. Но, скажешь, мы делаем это не затем, чтобы обидеть, а затем, чтобы не подвергнуться обиде. Потому-то я и скорблю, что, живя среди братьев, мы во избежание обиды нуждаемся в охране, зажигаем так много огней и расставляем стражу и дозоры. А причина этого — частая ложь, частые обманы, общий недостаток любви и непримиримая вражда. Вследствие этого, конечно, и случается видеть, что многие доверяют больше язычникам, нежели христианам. Какого стыда, конечно, заслуживает это, скольких слез, скольких стенаний! Что же мне делать? — говоришь ты, — этот человек груб и несносен. А где твое любомудрие? Где апостольские уставы, повелевающие нам носить бремена друг друга? Если не умеешь обходиться с братом, то как можешь хорошо жить с чужим? Если не умеешь устроиться с собственным своим членом, то как ты можешь привлечь к себе и приспособить постороннего? Но что же я буду делать? Я вижу крайнее неудобство проливать

слезы, так как, по примеру пророка, испустил бы обильные источники из очей, видя на этом поле тысячи браней, которые ужаснее виденных пророком. Он, видя вторжение варваров, говорил: *скорблю в глубине сердца моего* (Иер. 4, 19), а я вижу, что подчиненные одному военачальнику восстают друг на друга, грызут и терзают члены друг друга, одни из-за денег, другие из-за славы, иные просто без всякой причины смеются и издеваются друг над другом, наносят друг другу тысячи ран, вижу и мертвых, более обезображенных, чем на войне, вижу, что осталось одно пустое имя братства, и не могу придумать, как достойно оплакать такое печальное зрелище. Итак, устыдитесь, устыдитесь этой трапезы, которой все мы приобщаемся; устыдитесь Христа, за нас закланного, и жертвы, здесь предложенной. Даже разбойники, принимая участие в пище, перестают уже быть разбойниками для тех, кого они делают своими сотрапезниками: трапеза перемещает их нравы и делает смиреннее овец тех, которые в другое время лютее зверей. А мы, участвуя в этой трапезе, приобщаясь этого брашна, вооружаемся друг против друга, тогда как следовало бы

делать это против дьявола, враждующего со всеми нами. Потому, конечно, мы с каждым днем становимся слабее, а он сильнее. Мы не вместе друг с другом ополчаемся на него, но вместе с ним встаем друг на друга и пользуемся им, как вождем, в этих бранях, тогда как всем нам надлежало бы против него одного сражаться; взамен этого мы, оставив его в покое, обращаем стрелы против братьев. Какие стрелы? — спрашиваешь. Стрелы языка и уст. Ведь не только стрелы и копья, но и слова наносят раны, которые даже гораздо болезненнее нанесенных стрелами. Как мы можем прекратить эту борьбу? — спросишь. Если поймешь, что, говоря худо оброте, ты источаешь из уст своих грязь, если будешь представлять, что клеветнешь на того, кто составляет один из членов Христовых, что поедает собственную плоть свою, что Страшный тот и нелицеприятный Суд делаешь для себя еще более строгим, что стрела твоя убивает не пораженного ею, но тебя, пустившего ее. Но он обидел в чем-нибудь и сделал зло? Поскорби, но не говори худо; заплачь, но не ради своей обиды, а вследствие гибели обидчика, как и Владыка твой плакал об Иуде не потому, что сам был рас-

пинаем, но потому, что Иуда предал Его. Он оскорбил тебя и укорил? Помолись Богу, чтобы Он скорее над ним умилился. Он брат твой, разрешил те же самые болезни рождения, он твой сочлен, призван к одной с тобой трапезе. Но он очень часто нападает на меня, говоришь ты. Значит, тебе высшая и большая награда, и в этом случае тебе особенно и справедливо отложить свой гнев, так как он получил смертельный удар, его поразил дьявол.

Итак, не наноси ему ран и ты, не падай с ним и сам: пока стоишь, ты можешь спасти и его, а если нанесением обиды ниспровергаешь и себя самого, кто потом поднимет вас? Тот, раненный [поднимет]? Но он лежит и не сможет. Или ты, с ним вместе павший? Но как ты, неспособный подать руку помощи самому себе, можешь другому? Итак, стой мужественно и, держа перед собой щит, своим долготерпением извлеки из битвы своего мертвого брата. Его уязвил гнев? Но не уязвляй и ты, а прежде всего извлеки стрелу. Если мы так станем обходиться друг с другом, то скоро все сделаемся здоровыми, а если станем вооружаться друг против друга, то, наконец, не нужно

будет и дьявола для нашей гибели. Всякая война тяжела, особенно же война междоусобная. Но эта борьба тяжелее и междоусобной, насколько важные права христианского общества, а лучше сказать, права и самого нашего родства. Некогда брат убил Авеля и пролил родственную кровь, но это убийство незаконнее того, насколько важнее наше родство и насколько ужаснее эта смерть. Каин поразил тело, а ты изострил меч против души. Но ты первый потерпел зло? Не терпеть, но причинять зло — вот что значит подвергнуться злу. Смотри же: Каин умертвил, Авель умерщвлен, но кто оказался мертвым? Тот ли, который вопиет по смерти и о котором сказано: *голос крови брата твоего вопиет ко Мне* (Быт. 4, 10), или тот, который в жизни трепетал и боялся? Конечно, Каин, который жалок более всякого мертвеца. Видишь ли, насколько лучше подвергнуться обиде, хотя бы [обида] простиралась и до убийства? Пойми, что гораздо хуже делать неправду, хотя бы кто-нибудь дошел и до убийства. Каин поразил и убил брата, но последний увенчан, а первый наказан; Авель был не-

справедливо истреблен и умерщвлен, но он, умирая, обвинял, одерживал верх и смирял, а оставшийся в живых молчал, покрывался стыдом, побуждался и делал все вопреки своему желанию. Он убил брата, так как видел, что он любим, надеясь лишить его и любви, но лишь увеличил к нему любовь, и Бог по смерти его больше искал его, говоря: *где Авель, брат твой?* (Быт. 4, 9). Ты не потушил любви завистью, но сильнее воспламенил ее; не умалил честь убийством, но увеличил ее. Прежде сам Бог подчинял тебе брата, но, так как ты умертвил его, он по смерти будет твоим судьей: такова у Меня любовь к нему. Итак, кто из них был осужден: наказывающий или наказанный? Тот ли, кто получил от Бога столь великую честь, или тот, кто был предан новому и необыкновенному мучению? Ты не убоился его живого, говорит [Бог], потому убойся мертвого; ты не трепетал, намереваясь приблизить меч, потому, пролив кровь, ты будешь объят непрерывным страхом; при жизни он был твоим рабом, и ты не терпел его, за то по смерти он сделался грозным для тебя господином (11).

ВДОВА

Если какая-нибудь жена лишилась мужа и еще не рассудила в самой себе и не решила, остаться ли ей во вдовстве или вступить во второй брак, — такой, говорит он [Павел], я внушаю, что лучше оставаться так; если же она не может переносить этого бремени, то пусть вступает в брак; но те, которые уже определили себя, и записались в звание вдовиц, и заключили завет с Богом, уже не властны, говорит, вступать во второй брак. Потому, писал о них в Послании к Тимофею, он говорит так: *молодых же вдовиц не принимай, ибо они, впадая в роскошь в противность Христу, желают вступить в брак. Они подлежат осуждению, потому что отвергли прежнюю веру* (1 Тим. 5, 11–12). Видишь ли, как здесь он укоряет и наказывает их и признает достойными суда и осуждения за то, что они нарушали завет с Богом и изменяли обету (4)?

Вдовая женщина должна быть, по апостолу Павлу, такова: она воспитывает детей, служит нуждам святых, оказывает услуги странным и не предается на волю своих страстей (см. 1 Тим. 5, 10). После смерти мужа своего она, говорит апостол, облечена во вдовью одежду и, предаваясь скорби, пред всеми должна обнаруживать соответственные нравы. Невоздержная же вдовица — дикий зверь; обходя дома, она распространяет неприличные слова: «Я — бедная, беззащитная вдова: много богатств было у меня и в поле, и дома, много было и скота, и одежд, но супруг мой, будучи неопытен в мирских делах, все растратил; мое приданое было очень обильно, но что ни говорила я ему, он не слушал. Конечно, я не могла идти против него и против воли помогала ему в растрате имения; и вот — он оставил меня без всего». Так, кого при жизни обнимала и ласкала, того по смерти отдала на посмеяние друзьям и знакомым.

Такая вдовица после смерти мужа своего озирается туда и сюда и ищет, где бы найти ей тайного любовника, и под предлогом молитвы или заботы о своем доме она многим причиняет соблазн; совершая же незаконные дела и во чреве зачиная, она старается это скрыть и тысячи способов употребляет, чтобы произвести у себя выкидыш, прибегая к помощи яда или к содействию других развращенных жен. В ее сердце нет страха пред Богом, все видящим, и, совершая грех, она не стыдится, но плода этого греха стыдится и избегает (5).

Защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите — и рассудим, говорит Господь (Ис. 1, 17–18). В Писании часто говорится таким образом о вдовах и сиротах; а мы о том и не думаем. Между тем, представь, какая награда! *Если будут грехи ваши, — сказано, — как багряное, — как снег убелю; если будут красны, как пурпур, — как волну убелю* (Ис. 1, 18). Вдовицы беззащитны, а потому [Господь] много о них и заботится. Они, конечно, могли бы вступить и во второй брак, но из страха Божия они переносят скорби вдовства. Подадим же им

руку помощи все мы: и мужи, и жены, чтобы и нам самим когда-нибудь не подвергнуться тяжелой участи вдовства или, если подвергнемся ей, — иметь полное право ожидать и себе человеколюбия. Немалую имеют силу слезы вдовицы: они могут отверзть самое небо. Не будем же обижать их, не станем увеличивать их несчастья, но будем оказывать им всевозможную помощь. Если будем поступать таким образом, то доставим себе совершенную безопасность и в настоящей жизни, и в будущем веке. Не только здесь, но и там они послужат для нас защитой; за оказанные им благодеяния они избавят нас от большей части наших грехов и дадут нам возможность с дерзновением предстать пред судилищем Христовым (9).

ВЕЛИЧИЕ БОГА

Не исследуй, как и каким способом: величие его [Бога] беспредельно. Потому он [пророк Давид] и сказал: и величию Его нет предела (см. Пс. 144, 3). Как беспредельно Его величие, так беспредельна и мудрость. Потому сказав: *Велик Господь наш, он и присовокупил: и разум Его непостижим* (Пс. 146, 5).

И знание Его удивительно, почему пророк и говорит: *дивно ведение Твое для меня: мощно! Не могу (постигнуть) его* (Пс. 138, 6), и судьбы Его неисследимы, почему он и говорит: *истина Твоя до облаков* (Пс. 35, 6). Итак, если Бог и велик, и силен, и премудр, то не исследуй, как это будет (3).

Величие Божие для нечестивых неведомо, а для благочестивых ведомо. Но как от того, что слепые не знают света, слава солнца не уменьшается, так точно и ввиду того, что нечестивые отрицают могущество Бога, не следует умалять в своем представлении Его силу благочестивым, которых Он называет богами, поскольку праведники поставляются богами для нечестивых, почему Бог и говорит, например, Моисею: *Я поставил тебя Богом фараону* (Исх. 7, 1). *В руке Его все концы земли, и вершины гор Его же* (Пс. 94, 4). Назвав Бога великим, пророк [Давид], естественно, говорит о величии — не как оно есть, а как мы в состоянии постичь его из видимых созданий. Псалмопевец говорит в этом случае согласно с пророком Исаией: *Он есть Тот, Который восседает над кругом земли* (Ис. 40, 22), и

еще: *взвесил на весах горы и на чашах весовых холмы?* (Ис. 40, 12). *Ибо Его — море, и Он сотворил его, и сушу руки Его создали* (Пс. 94, 5). Назвав стихии, пророк указал, естественно, и на то, что содержится в стихиях. Поэтому, путешествуем ли мы по морю, возделываем ли землю, — зная, кем они созданы и кому принадлежат, — будем благодарить Бога за то, что Он произвел на нашу пользу такие блага, славословя Его не словами только, но и делами (3).

Скажи же мне, человек, чем ты был прежде своего зачатия в утробе матери? Ничем, конечно. Итак, Бог, сотворивший тебя из ничего, не удобнее ли может воссоздать тебя из чего-нибудь? Поверь мне, легче будет обновить уже прежде бывшее Тому, Кто мог сотворить и то, чего не было. Кто повелел тебе в утробе твоей матери произрасти из капли безобразной жидкости и облечься нервами, жилами и костями, Тот, поверь мне, в состоянии будет родить тебя снова из утробы земной. Но ты боишься, что иссохшие твои кости не смогут облечься прежнею плотью? Не суди, не суди о величии Божиим

по собственной своей немощи. Бог, Творец всех вещей, одевающий деревья листьями и луга цветами, может немедленно облечь и твои кости в определенное время весны при воскресении. Сомневался в этом самом некогда и пророк Иезекииль и на вопрос Господа, оживут ли сухие кости, которые представились ему рассеянными по полю, отвечал: *Господи Боже! Ты знаешь это* (Иез. 37, 3). Но когда он увидел, как кости по Божию повелению и его собственному пророчеству пошли к своим местам и суставам, когда увидел, что сухие кости стали облекаться нервами, связываться жилами, покрываться плотью, одеваться кожей, то после этого изрек пророчество о духе, и пришедший дух каждого вошел в лежащие на земле тела; они воскресли и тотчас встали. Убежденный таким образом в воскресении, пророк описал это видение, чтобы познание о таком предмете дошло до потомков. Поэтому справедливо взывает Исаия: *оживут мертвецы Твои, восстанут мертвые тела! Воспряните и торжествуйте, поверженные в прахе: ибо роса Твоя — роса растений, и земля извергнет мертвецов* (Ис. 26, 19). Подлинно, как семена, увлажненные росой,

прозябают и возрастают, так возрастут и кости верующих от росы Духа (5).

ВЕРА

Будем же держаться благочестия, будем соблюдать веру непоколебимою. Верьте истине и не противоречьте истине. Не искажай веры, не исследуй Божественного естества, не подвергай смертным суждениям бессмертного достоинства. Опасен путь умствований; безопасно и твердо разумение исповедания веры. Истинная мудрость есть вера. Послушай, что говорит Божественное слово: *да хотя бы кто и совершен был между сынами человеческими, без Твоей премудрости он будет признан за ничто* (Прем. 9, 6). Избегай исследований и не предпочитай слов вере. Имей своим учителем Павла, признавай своим руководителем Петра, подражай вере их. Послушай Петра, который говорит: *Ты — Христос, Сын Бога Живаго* (Мф. 16, 16). Последуй Павлу, который ясно прославляет Сына Божия и в одном месте говорит, что Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в

Сыне, Которого поставил наследником всего, чрез Которого и веки сотворил. Сей, будучи сияние славы и образ ипостаси Его и держа все словом силы Своей, совершив Собою очищение грехов наших, воссел одесную (престола) величия на высоте (Евр. 1, 1–3); а опять в другом месте, говоря об иудеях, проповедует: *их и отцы, и от них Христос по плоти, суший над всем Бог, благословенный во веки, аминь* (Рим. 9, 5) (5).

Когда земной царь пригласит кого-нибудь в свой дворец или на пиршество, то, как ты думаешь, приглашенный не поспешит ли с благодарностью? Гораздо с большим усердием должно стремиться к Небесному Царю, Который сделает тех, кого примет, не только участниками пиршества, но даже и общниками царствования, как написано: *если мы с Ним умерли, то с Ним и оживем; если терпим, то с Ним и царствовать будем* (2 Тим. 2, 11–12). И не то я говорю, чтобы иной наложил на себя руки или умертвил сам себя вопреки воле Творца Бога, или изгнал душу из временного ее жилища — своего тела, но хочу сказать то, чтобы каждый,

когда позовут туда его самого или ближнего, с радостью и веселием и сам шел, и других идущих приветствовал. В том и состоит сущность христианской веры, чтобы ожидать истинной жизни по смерти, надеяться на возвращение после исхода (5).

Великое благо — вера, великое благо и виновница многих благ, так что люди во имя Божие могут совершать дела Божии. *Если вы будете иметь веру, —* говорит [Христос], *— скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет* (Мф. 17, 20); и опять: *верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит* (Ин. 14, 12). Какие же, скажешь, дела большие? Дела, совершенные учениками впоследствии, когда даже тень Петра воскресила мертвого. Через это еще более проповедовалась и сила Христова. В самом деле, не столько удивительно то, что Он при жизни своей чудодействовал, сколько то, что по смерти Его другие могли Его именем совершать большие чудеса: это служило несомненным доказательством Его воскресения. Если бы даже Он всем явился — и это не возбудило бы такой веры, потому

что видевшие могли бы еще сказать, что это был призрак. Но кто видит, что одним именем Его совершаются знамения гораздо большие, нежели какие Он сам творил, обращаясь с людьми, тот не может не уверовать, если только он не крайне бесчувствен. Итак, великое благо — вера, когда она бывает от горячего сердца, от многой любви и пламенной души. Она делает нас мудрецами; она прикрывает ничтожество человеческое и, оставляя умствования земные, любомудрствует о вещах небесных — даже более: чего мудрость человеческая обрести не может, то она с избытком постигает и совершает. Будем же держаться веры и не станем вверять наших дел умствованиям. Отчего, в самом деле, скажи мне, язычники не могли ничего обрести? Не знали ли они всей внешней мудрости? Почему же они не могли превзойти рыбарей, скинотворцев и неученых? Не потому ли, что они все предоставляли своим умствованиям, а эти последние — вере? Так, по этой причине последние превзошли Платона, Пифагора и всех вообще людей заблуждавшихся, победили сведущих в астрологии и математике, геометрии и арифметике и изучивших всякую науку и сделались

настолько лучше их, насколько истинные и действительные мудрецы лучше людей от природы глупых и безумных. В самом деле, смотри: эти сказали, что душа бессмертна, или, лучше, не только сказали, но и убедили в этом; а те первоначально даже не знали, что такое душа, и когда узнали и отличили ее от тела, опять стали страдать тем же незнанием. Так, одни говорили, что она бестелесна; другие — что она есть тело и вместе с телом разрушается. Равным образом о небе те говорили, что оно одушевлено и есть Бог, а рыбаки и научили, и убедили, что оно есть творение и произведение Божие. Впрочем, в том нет ничего удивительного, что язычники руководились умствованиями, но вот что достойно слез — что люди, представляющие себя верующими, и они оказываются душевными. Оттого-то и они впали в заблуждения. Так, одни из них говорили, что знают Бога так, как Он знает Сам Себя, чего не смел сказать даже никто из язычников. Другие говорили, что Бог не может рождать бесстрастно, и не предоставляли Ему никакого преимущества пред людьми. Иные же утверждают, что ни хорошая жизнь, ни доброе поведение не приносят никакой пользы.... А что

правая вера при порочной жизни не приносит никакой пользы, это показывают и Христос, и Павел, которые преимущественно заботились о доброй жизни. Так, Христос учит: *не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное* (Мф. 7, 21); и далее: *многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие* (Мф. 7, 22–23). В самом деле, люди невнимательные к себе самим легко впадают в пороки, хотя имеют правую веру (8).

Никогда не будем испытывать Бога относительно причины событий, но без исследования и излишней пытливости станем принимать все, что бы Он ни повелел, хотя бы Его повеление и казалось несообразным с точки зрения человеческих размышлений. Скажи мне, в самом деле, что может представляться более несообразным, как то, чтобы сам отец умертвил единственного и возлюбленного своего сына? Однако же, праведник, получив такое приказание, не стал рассуж-

дать об этом, а принял повеление только по достоинству приказавшего и повиновался. Но другой, получив от Бога повеление бить пророка и считая его несообразным, задумался над этим делом, а не просто послушался, и за это был наказан смертно, а бывший угодил Богу (см. 3 Цар. 20, 35). И Саул, против воли Божьей спасший жизнь людям, был низложен с престола и подвергся жестокому наказанию. Можно найти и многие другие примеры, которые все научают нас никогда не изведывать причины повелений Божиих, а только не противиться и повиноваться им. Если же опасно любопытствовать относительно того, что Бог повелел, и если испытующих ожидает крайнее наказание, то какое оправдание некогда будут иметь те, которые судят о предметах более непостижимых и страшных, например: каким образом Отец родил Сына? Какова Его сущность? Итак, зная это, со всем благоволением примем мать всех благ — веру, чтобы нам, как плывущим в спокойной гавани, соблюсти правильное учение (11).

Кто, видя небеса отверстые, Христа грядущего на облаках и

все воинство горних сил вокруг Него, текущие реки огненные и всех предстоящих Ему с трепетом, не поклонится Ему и не признает Его Богом? Но, скажи мне, заменит ли это поклонение и признание для язычника веру? Нет. Почему? Потому, что это — не вера, это — следствие необходимости величественного зрелища; не собственное решение, но величие созерцаемого увлекает в этом случае душу. Следовательно, чем яснее и разительнее знамения, тем менее бывает вера, потому знамения теперь и не совершаются. Чтобы убедиться в истине этого, послушай, что говорит Христос Фоме: *блаженны невидевшие и уверовавшие* (Ин. 20, 29). Следовательно, чем очевиднее знамение, тем менее достоинство веры. То же самое было бы, если бы и теперь совершались знамения. Что тогда [по пришествии Христовом] мы уже не будем познавать Его верою, это объяснил Павел в словах: *ибо мы ходим верою, а не видением* (2 Кор. 5, 7). Как тогда вера не вменится тебе по причине очевидности предмета, так и теперь она не вменялась бы, если бы совершались такие же знамения, какие были прежде. Ведь вера бывает тогда, когда принимаем то, чего никаким образом,

никакими рассуждениями невозможно постигнуть. Так, Бог угрожает геенной, но она невидима; если бы она была видима, то опять было бы то же (12).

ВЕСЕЛЬЕ

Если тот, кто надеется получить наследство или достигнуть высокой власти, не только во время получения, но еще прежде действительного получения оживляется надеждою и во все это время приходит в восторг от ожидания, то представь, в каком состоянии должен быть тот, кто ожидает Царства вечного и бессмертного и благ таких, *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку* (1 Кор. 2, 9). Поэтому он и говорит: *Ты исполнил сердце мое весельем* (Пс. 4, 8). Это было действие величайшего Промышления Божия, что Он еще тогда приготовил и сообщал такое благо. Если же люди более грубые, плотские и привязанные к земле не внемлют этому, то уже не от Обещавшего, а от их невежества происходит недовольство и смущение. И не сказал просто: *Ты исполнил весельем*, но: *сердце мое*, выражая, что веселье его происходило не от внешних предметов, не от рабов, не от

золота и серебра, не от одежд, не от роскошного стола, не от величия власти, не от великолепия жилища. Это — веселье не сердца, но одних только глаз. Многие из приобретших эти блага даже считают жизнь не в жизнь, носят в душе своей печь огорчений, истощаясь от множества забот и терзаясь непрестанным страхом. А мое, говорит он, веселье не в этом, а в разумном сердце, бестелесной душе, помышляющей о бестелесном. Если радуют тебя блага настоящие, то и из них уразумей Промышление Божие; но тем более научайся из благ будущих, чем они превосходнее, постояннее и неизменнее. Если то, что ты пользуешься богатством и благополучием, убеждает тебя в существовании Промысла Божия, то тем более богатство небесное пусть приводит тебя к такому убеждению. А если ты скажешь: почему те блага только в надежде и неизвестны? — то я скажу, что мы, верующие, считаем эти ожидаемые блага более известными, нежели блага видимые: таково убеждение веры. Если же ты еще скажешь: почему мы не получаем воздаяния здесь? — то я скажу, что здесь время трудов и подвигов, а там — венцов и наград. И это было делом Промыш-

ления Божия, что труды и подвиги определены для настоящей жизни, краткой и скоропреходящей, а награды и венцы отложены до жизни бессмертной и нестареющей (2).

ВЛАСТЬ

Как же Павел говорит, что *нет власти не от Бога* (Рим. 13, 1)? Это значит, что Бог поставил ее для нашей пользы. Грех сделал нужною власть, а Бог употребил ее в нашу пользу. Как лекарства нужны бывают для ран, употребление же лекарств зависит от мудрости врачей, так и потребность рабства вызвана грехом, надлежащее же удовлетворение ее — дело премудрости Божией (1).

Хочу сказать вам еще о другом виде власти, который имеет свое основание не в грехе, а в самой природе. Какой же это род власти? Власть родителей над детьми. Эта честь есть награда за болезни рождения. Поэтому и премудрый говорит: *Как владыкам, послужит родившим его* (Сир. 3, 7); затем приводит и причину: *Что можешь ты воздать им, как они тебе?* (Сир. 7, 30). Что же, однако, есть такого, чего бы сын не мог

воздать отцу? Ни о чем ином говорит, как о следующем: как они родили тебя, ты не можешь родить их. Поэтому, если в этом мы ниже их, то превзойдем в другом отношении посредством уважения к ним, не только по закону природы, но преимущественно пред природою, по [чувству] страха Божия. Воля Божия решительно требует, чтобы родители были почитаемы детьми, и исполняющих это награждает великими благами и дарами, а нарушающих этот закон наказывает великими и тяжкими несчастьями. *Кто злословит отца своего, или свою мать, того должно предать смерти* (Исх. 21, 17). А почитающим их говорит следующее: *Почитай отца твоего и мать твою, чтобы процвели дни твои на земле* (Исх. 20, 12). Что считается величайшим благом, т.е. счастливая старость и долгая жизнь, это [Бог] назначил в награду почитающим их, а что кажется крайним несчастьем, то есть ранняя смерть, это он назначил в наказание оскорбляющим их. Одних Он привлекает к любви заповедью о почитании (родителей), а других, хотя бы они и не хотели, отклоняет от оскорбления страхом наказания (1).

Будем заботиться не о том, чтобы достигнуть могущества, почестей и власти, но о том, чтобы отличиться добродетелью и любомудрием. Власть побуждает делать многое, Богу неугодное, и надобно иметь очень мужественную душу, чтобы пользоваться властью, как следует. Тот, кто лишен власти, волею и неволею любомудрствует; а облеченный ею терпит то же, что и человек, который, живя с хорошою и красивою девицею, обязался никогда не посмотреть на нее с вожделением. Такова власть! Вот почему она даже против воли делает многих обидчиками, у многих возбуждает гнев, снимает узду с языка и отворяет двери уст, как бы ветром раздувая душу и как ладью погружая ее в самую глубину зол. Итак, что же ты дивишься человеку, находящемуся в такой опасности, и называешь его счастливым? Какое безумие! Кроме того, подумай еще и о том, сколько врагов и клеветников, сколько ласкателей как бы держат его в осаде. Такое ли состояние, скажи мне, можно назвать блаженным? И кто назовет? Но такой человек в славе у народа, скажешь ты? Что ж? Народ — не Бог, Которому он должен дать отчет. Поэтому,

указывая на народ, ты говоришь только о новых отмелях, подводных камнях, скалах и утесах. Уважение народное, чем более оно делает знаменитым, тем с большими соединено опасностями, заботами и печальми. Такой человек, имея столь жестокого господина, совсем не может отдохнуть или приостановиться. Что я говорю — приостановиться или отдохнуть? Такой, имея и тысячи заслуг, с трудом входит в царство. Поистине, ничто столько не унижает людей, как слава народная, делающая их боязливými, подлыми, льстецами и лицемерами. Почему, например, фарисеи называли Христа беснующимся? Не потому ли, что желали народной славы? Почему народ произносил правильное об Нем мнение? Не потому ли, что Он не страдал этой болезнью? Ничто, истинно ничто так не делает людей законопреступными и бессмысленными, как желание славы народной. Равным образом ничто так не делает славными и мужественными, как презрение ее. Потому и надобно иметь чрезвычайно мужественную душу тому, кто хочет противостоять такой буре, силе ветра. Любящий славу, когда он находится в счастливых обстоятельствах, ставит себя превыше всех, а когда

в несчастных, то готов сам себя зарыть в землю. Это для него и геенна, и царство, когда он поглощен этой страстью (6).

ВОЗДАНИЕ

Мы не должны думать, что то же будет и в грядущем веке, то есть, что добродетельные люди, имеющие дерзновение перед Богом, в состоянии будут освободить от будущих наказаний близких к ним людей, которые живут здесь в беспечности. Поэтому-то Писание и приводит в пример праведников с целью навести на нас страх и научить нас полагать надежду спасения после благодати свыше, в собственных добрых делах, но не рассчитывать на добродетели предков или на что-либо другое, если сами остаемся во зле. Если имеем предков добродетельных, то надо стараться о том, чтобы подражать их добродетелям. А если бы случилось противное и мы происходили бы от порочных предков, то не опасаться от того для себя самих какого-либо вреда, а только самим надобно упражняться в подвигах добродетели — тогда и не будет нам от того никакого вреда. Каждый или увенчивается, или осуждается, смотря по тому, что сам

сделал, как и блаженный Павел говорит: *каждому получить соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое* (2 Кор. 5, 10), и опять: *Который воздаст каждому по делам его* (Рим. 2, 6). Зная все это и оставив всякую беспечность, посвятим все свои силы добродетели, пока еще находимся на поприще, пока еще не кончилось зрелище; позаботимся о нашем спасении, чтобы, совершив подвиг добродетели в это краткое время, получить на то награду в бесконечном веке (1).

Убеждаю вас, с душевною щедростью отдадим нуждающимся то, что есть, что даровал нам Господь, то самое, что Он нам дал, отдадим Ему обратно, чтобы таким образом снова получить свое с большим приращением. Он так щедродателен, что, принимая от нас Свои же дары, не считает, что получает Свою собственность, но обещает возвратить нам их еще с большею щедростью, если только мы захотим проявить свою готовность и будем так раздавать свое добро бедным, как бы передавали его Самому Богу, зная, что десница Божия возвратит нам не только полученное от нас, но дарует еще в большей мере, — так

как она всегда и во всем являет свою щедрость. И что я говорю: воздаст снова еще в большей мере! Рука та воздает не только это, но вместе с этим дарует и Царство Небесное, прославляет, увенчивает, дает бесчисленные блага, если мы пожертвуем хотя нечто небольшое из того, что дано нам ею. Да и тяжкого ли или обременительного чего-нибудь требует от нас Господь? Он хочет, чтобы мы избыток сверх необходимого сделали для себя пригодным, чтобы мы сами хорошо распределили то, что понапрасну и без нужды лежит в наших кладовых, дабы это послужило поводом для Него к дарованию нам светлого венца. Он поспешает Сам и понуждает нас, и все делает и направляет к тому, чтобы удостоить нас обещанных Им самим благ (1).

Если мы кротко и терпеливо будем переносить обиды от кого бы то ни было, то тем более великой и щедрой помощи удостоимся свыше. Поэтому не будем противоборствовать старающимся вредить нам, а будем великодушно переносить, зная, что Господь всяческих не презрит нас, если только мы со своей стороны окажем благомыслие: *Мне*, — говорит

Он, — *отмщение: Я воздам, говорит Господь* (Рим. 12, 19) (1).

Да слышат нынешние люди, какие преимущества в древности давались служителям идолов, и да научатся хотя такую же честь оказывать тем, кому вверено служение Богу всяческих. Если древние, заблуждаясь и совершая служение идолам, думали, что они воздают особенное почтение идолам, когда такой чести удостоивают служителей их, то какого осуждения заслуживают те, которые ныне не имеют попечения о служителях Божиих? Разве не знаете, что эта честь переходит к Господу всяческих? Итак, не смотри на того, кто принимает честь. Не ради его самого ты должен делать то, что требуется от тебя, но ради Того, Кому он служит, — чтобы ты мог получить от Него щедрое воздаяние. Поэтому-то и сказал Господь: сделавший одному из сих — для Меня сделал, и: *кто принимает пророка, во имя пророка, получит награду пророка* (Мф. 10, 41). Разве Господь ниспосылает тебе Свои воздаяния соразмерно с достоинством или слабостью служителей Своих? Он награждает тебя или осуждает сообразно с твоим расположением.

И как честь, воздаваемая через них, подает нам великое дерзновение (потому что Он усваивает Себе то, что делается для Его служителей), так и презрение их низведет свыше великое наказание. Господь усваивает Себе как воздаваемую [т.е., Его служителям] честь, так и презрение. Зная это, никогда не будем пренебрегать попечением об иереях Божиих. Говорю это я, не столько о них заботясь, сколько о вашей любви, желая, чтобы вы через все приобретали себе благо. Даешь ли ты столько, сколько получаешь от Господа? Какое ты служение оказываешь? Однако и за это незначительное и ограничивающееся настоящей жизнью служение ты можешь получить нетленные награды и неизреченные блага. Размышляя об этом, будем внимательны к этим служениям, рассчитывая не издержки, но те пользу и прибыль, какие можем через это приобрести. Если мы, видя когонибудь близкого к человеку, облеченному мирским величием, стараемся оказывать ему всевозможные услуги, зная, что честь, воздаваемая ему, переходит к его покровителю, и что он, сделавши это известным своему покровителю, может, таким образом, еще более расположить его в вашу

пользу, то тем более так будет у Господа всяческих. Если кто окажет какое-либо человеколюбие и сострадание прохожему человеку или поверженному на распутье, то Господь, усваивая Себе это, обещает ввести сделавших им что-либо доброе в Царство Небесное и изречь: *придите, благовословенные Отца Моего, ибо алкал Я, и вы дали Мне есть* (Мф. 25, 34–35). Тем более тот, кто оказывает свои услуги подвижающимся ради Господа и облеченным священным саном, получит не только такое же воздаяние, но и гораздо большее, так как человеколюбивый Господь всегда с большим избытком вознаграждает за сделанное нами. Итак, не будем хуже неверных, которые, еще находясь в заблуждении относительно идолов, оказывали такое попечение об их служителях. Но сколь великое различие находится между заблуждением и истиной, между служителями идолов и служителями Божиими, такое же различие покажем и в самом почтении, дабы получить свыше тем большее воздаяние. *И жил Израиль в земле Египетской, и плодился, и весьма умножился* (Быт. 47, 27). Таково было обетование Божие Иакову: *там произведу от тебя народ великий. И жил Иаков в*

земле Египетской семнадцать лет; и было дней Иакова, годов жизни его, сто сорок семь лет (Быт. 47, 28). Бог определил столько времени для жизни Иакова, чтобы он оставил эту жизнь, получив достаточное утешение за те бедствия, которые претерпевал во все продолжение жизни. (1).

Уделяйте от имени своего нуждающимся и таким образом умножайте свое богатство, потому что *благотворящий бедному дает займы Господу*, говорит [Премудрый] (Притч. 19, 17). Если же ты не хочешь терпеть и ожидать времени воздаяния, то вспомни о тех, которые дают займы деньги людям. Они не тотчас берут проценты, но стараются как можно долее держать капитал в руках должника, только бы верно было возвращение и надежен взявший займы. Пусть будет то же и здесь: оставь свое в руках Божиих, чтобы Он воздал тебе многократную награду. Не старайся получить все здесь; если ты все получишь здесь, то какое воздаяние получишь там? Потому и Бог соблюдает награды там, что настоящая жизнь скоропреходяща. Правда, Он подает и здесь: *ищите*, — говорит, — *Царства*

Божия, и это все приложится вам (Мф. 6, 33): но мы будем взирать туда и не будем спешить получать воздаяние за все, чтобы не уменьшить нашей награды, но ожидать того времени. Тамошние проценты не таковы, как здесь, но какие свойственно получать от Бога (12).

Бог потому и заповедал нам призывать на вечера и пиршества хромых, увечных и не имеющих возможности воздать нам со своей стороны (см. Лк. 14, 13), что такие благодеяния преимущественно и в собственном смысле совершаются для Бога. Если ты принимаешь у себя человека великого и знатного, то твое пожертвование не есть чистая милостыня, но часто примешиваются к тому и тщеславие, надежда получить что-нибудь и прославиться чрез него пред другими. Я мог бы указать на многих, которые для того благодетельствуют известнейшим из святых, чтобы чрез них получить большую доверенность в глазах начальников и чрез то привести в лучшее состояние свои обстоятельства и семейные дела, и даже испрашивают себе у святых многих подобных милостей,

что и уменьшает цену их благодеяний, совершаемых с такой целью. Но для чего говорить о святых? Вообще, кто ищет от Бога воздаяний за труды свои здесь и делает добро для настоящего, тот уменьшает свою награду; а кто всех венцов ожидает там, тот гораздо более достоин воздаяния, подобно Лазарю, который получил все блага там, подобно трем отрокам, которые, готовясь быть вверженными в печь, говорили: *Бог наш, Которому мы служим, силен спасти нас. Если же и не будет того, то да будет известно тебе, царь, что мы богам твоим служить не будем и золотому истукану, которого ты поставил, не поклонимся* (Дан. 3, 17–18), — подобно Аврааму, который возвел на гору сына своего и хотел заклать его, делая это не для какой-нибудь награды, но поставляя величайшей и единственной для себя наградой повиноваться Владыке. Будем и мы подражать им. Если мы станем делать все с таким расположением, то получим в воздаяние изобильные блага и удостоимся блистательных венцов (12).

Не удивляйся, когда видишь, что праведный муж, совершаю-

щий великие подвиги, терпит множество бедствий; надлежало бы дивиться противному, т.е. если бы диавол, будучи часто поражаем, оставался в покое и кротко переносил [наносимые ему] раны. Неудивительно, если змий, получая непрестанные удары, свирепеет и бросается на ударяющего. А диавол, пресмыкаясь, свирепствует против всех злее всякого змия и нападает, выставив жало, подобно скорпиону. Это не должно смущать нас; возвращающемуся с войны после сражения и победы необходимо быть в крови, а нередко и иметь раны. Поэтому и ты, когда видишь, что кто-нибудь подает милостыню и совершает множество других добрых дел и таким образом сокрушает силу диавола, а между тем подвергается искушениям и бедствиям, не смущайся этим; потому он и подвергается искушениям, что сильно поражает диавола. Но для чего, скажешь, Бог попускает это? Для того чтобы он удостоился больших венцов, а диавол получил сильнейшее поражение. Подлинно, когда он, делая добро и испытывая зло, за все благодарит Бога, тогда диавол и поражается. Великое [дело] быть милосердным и добродетельным тогда, как обстоятельства

благоприятны; но гораздо важнее не отступать от доброй деятельности и во время бедствий. В последнем случае человек действует собственно для Бога. Итак, возлюбленные, будем ли мы находиться в опасности или терпеть что-нибудь прискорбное, станем тем с большим усердием совершать подвиги добродетели, потому что еще не время воздаяния. Не будем искать венцов здесь, чтобы во время [раздаяния] венцов нам не уменьшить своей награды. Как у художников работающие на собственном иждивении получают большую плату, а проживающие на счет нанявшего их получают плату гораздо меньшую, так и из святых, кто совершает много добра и терпит много зла, тот получает полную награду и гораздо большее воздаяние — не только за добро, которое он сделал, но и за зло, которое он претерпел; а кто наслаждается здесь, живя в удовольствиях и роскоши, тот получает там не столь светлые венцы. Потому не будем искать воздаяния здесь, но особенно тогда и будем радоваться, когда мы, делая добро, терпим зло, потому что там Бог готовит нам награду не только за добрые дела, но и за претерпеваемые искушения (12).

ВОЗДЕРЖАНИЕ

Прекрасное, конечно, дело одобрять и хвалить воздержание, но обладать им — еще прекраснее. И, без сомнения, немало побуждаются к воздержанию те, кто много говорит о нем и слушает. По этой-то причине Богу и было благоугодно прославление добродетелей святых мужей в Священном Писании, чтобы все люди склонялись к подражанию им и чтобы, тщательно идя по их стопам, они вели воздержную жизнь. Если во время состязаний в гимнастических училищах многие при виде увенчанных атлетов воспаляются, раздеваются и переносят много усиленных и напряженных трудов, чтобы заслужить венки из ветвей маслины или лавра, то с какою, следовательно, стремительностью мы должны напряженно заботиться о воздержании при виде других, уже увенчанных от Бога, — чтобы и нам заслужить добрыми спасительными делами это украшение — небесные венцы. Как же не тягостно и как же не заслуживает великого гнева то обстоятельство, что атлетов приманивают лист лавра или оливы и слава этой преходящей жизни, а нас нимало не побуждают дары Христовы к

тому, чтобы оставить всякую похоть и вожделения предпочитать страх Божий? Далее, не одни только люди, видим мы, подражают себе подобным, но также и неразумные существа. Часто голубки при виде отлетающей одной из них тотчас следуют за нею все, и благородный жеребенок, резвящийся в конском табуне, увлекает за собою весь табун. И между вами, как бы в стаде Христовом, находится прекрасная молодая отрасль — воздержаннейший Иосиф, своею небесною резвостью призывающий нас — сорабов — к подражанию ему. Итак, восплещем вместе с прекрасным юношей духовный танец, восхваляя его воздержание не одними только словами, но и чрез подражание его делам. Он был рачительным и постоянным стражем воздержания, хотя мог отдавать повеления самой царице и в пышности и роскоши проводить богатую и полную удовольствий жизнь. Хотя мог быть господином таких и столь великих благ, однако, обсудив, что богатство, могущество и слава проходят вместе с настоящей жизнью и что выгода от них — только временная, а что нет никакого конца у одной только добродетели, он поэтому набросил на удовольствия как бы

некоторую узду — страх Христов. Богатство же, пышность и обещание своей госпожи он осмеял, считая страдания в темнице более приятными, чем жизнь в прекрасных чертогах, — хотя для тех, кто отменно благообразен телом, властвовать над удовольствием и трудно. Он же представил такой образец воздержания, что красотою своей души затемнил красоту своего тела, что ввиду благообразия его тела он должен быть уподоблен некоторой прекрасной звезде, а ввиду прелести его души должен быть уподоблен Ангелам. Нам же надлежит удивляться не только воздержанию юноши, но и тем опасностям, каким он из-за того подвергался, считая дело служения удовольствием более тяжким и более страшным, чем какова даже смерть. Ему будет удивляться тот, кто тщательно исследует его добродетель и кто взвесит то, в какие времена он сохранил чистою свою душу. Он сохранил свободу ума прежде явления на землю Господа и Творца вселенной. Он воспитывался в доме нечестивых; многие склоняли его к очень дурным делам, у него не было учителя воздержания. Все были рабами удовольствия — потворствовали своему чреву, не делали ничего

благочестивого, ничего святого; однако, живя среди столь многих и таковых нечестивцев, когда увидел возлежавшую — невоздержную свою госпожу, то не оказался предателем небесных сокровищ, но сохранил храм Святого Духа неопустошенным, предпочитая умереть, чем служить удовольствиям. Он еще не слышал слов Павла, что тела наши *суть члены Христовы* (1 Кор. 6, 15); но прежде чем услышал божественный голос, он, уча нас в церквах, как нам надлежит бороться и сохранять неповрежденною душу, явил себя не уступающим по своему значению тем, кто были почтены небесными обещаниями. Если я, — может сказать Иосиф, — живший до Рождества Христова и не слышавший возвышенного апостола Павла, восклицавшего, что тела — *суть члены Христовы*, думал, что Божиим рабам приличествует повелевать удовольствием, и не оказался расточителем воздержания, хотя пред моими глазами было приготовлено много опасностей, то в какой степени надлежит вам жить в воздержании со страхом и трепетом, чтобы не оказаться недостойными почести и чтобы *члены Христовы* не сделались членами блудодейцы! Это слово может оградить

воздержанием всякую душу; это слово легко тушит и пылающие вожделения. Падающий в огонь дождь так легко не подавляет пламени, как заставляет увядать дурные вожделения, допущенные в душу. Такие же речи нам может говорить и великий Иов, который не только был тщательным блюстителем воздержания, но даже положил для своих глаз закон, по которому они не должны были смотреть на лицо девицы, из боязни, чтобы сверкающая красота как-нибудь не обольстила его ума (см. Иов 31, 1). Кто не удивился бы и не пришел бы в изумление при виде того, что этот муж, поистине храбро боровшийся с дьяволом и разрушавший все хитрые замыслы лукавого, бежит от лица молодой женщины и отводит глаза от созерцания красивой девицы? Видя приступающего дьявола, он не убежал, но, полагаясь на свои силы, остался на месте, как лев; при виде же девицы он не остановился и не мешкал, чтобы рассмотреть ее красоту, но немедленно ушел. Без сомнения, он думал, что в борьбе с демонами нужен мужественный и отважный дух, а в деле заботы о воздержании победа уступается не вследствие общения человека с девицами, но вследствие удаления от них.

Итак, кто дает обещание девства, тот получит советы от воздержнейшего из всех людей, который и сам еще до воплощения Христа был столь рачительным блюстителем воздержания. Не следует с пренебрежением слушать о том, что и до воплощения Христа являлись праведники, представлявшие такой образец воздержания. Ведь тогда не было налицо того, что с такою силою побуждало бы к этой добродетели и даже девам не вменялось в преступление их нерадение о сохранении воздержания. Как же это так? Да ведь по этой причине высочайший Бог, Творец вселенной, и принял наш образ, чтобы свести с неба целомудрие Ангелов. Итак, если и после такой чести люди предаются чувственным удовольствиям, то невозможно и выразить величины их безрассудства, в силу которого, делая члены Христовы членами блудницы, они ослабляют проявление милосердия Божия к ним и, насколько от них зависит, делают его бесполезным для них. Демоны слушают и страшатся, так как Бог не допускает им соединяться с Собою, а нас соединяет с Собою. И после этого некоторые из верных дерзают разрывать связь со Христом и соединяться с блудницами? Не столь велико

зло упасть с неба в грязь, сколь велико зло, сделавшись членом Христовым, лишиться божественной почести и стать членом блудодейцы. Поэтому, когда порочное вожделение воспаляет душу, тотчас вспоминай о Христе, помышляй о том, что пред тобою стоит Павел, увещающий тебя, и говорит: *разве не знаете, что тела ваши суть члены Христовы? Итак отниму ли члены у Христа, чтобы сделать их членами блудницы?* (1 Кор. 6, 15). Если ты приведешь себе на память эти слова, то сейчас же увидишь, как убежит от тебя похоть. Если целомудренная и благонравная госпожа одним своим видом тотчас делает целомудренными своих служанок, преданных постыдной страсти, то что удивительного, если воспоминание о Христе немедленно умерщвляет беспокоящую тебя похоть? Всегда имей пред своими глазами крест блистающий, и ты за это время уйдешь чистым от грехов. Как облачный столп — образ нашего креста — покрывал народ еврейский, чтобы он не потерпел какого-либо зла от египтян (см. Исх. 13, 21), так и крест пред нашими глазами, созерцаемый нами, тотчас отгоняет всякую злую похоть. Ведь он — спасение нашей души и спасительное про-

тивоядие от гнусных вожделений. В самом деле, немощи тела исцеляются искусством врачей, а больную душу немедленно излечивают Христовы изречения. Поэтому и тех людей, которые согрешили и еще служат удовольствиям плоти, просим и умоляем пробудиться и образумиться, чтобы им не оказаться совсем во власти страстей, не быть унесенными их натиском и добровольно не подпасть горькому рабству, но чтобы противостать в воинском строю, укрепить свой ум страхом Христовым и выгнать из крепости жестокую владычицу, так чтобы по удалении всякого порока и множества грехов мы могли со святою и чистою душою приступить к божественным и страшным Таинствам великого Бога и Спасителя Иисуса Христа (5).

Жена не должна, говорит [апостол Павел], воздерживаться против воли мужа, и муж [не должен воздерживаться] против воли жены. Почему? Потому, что от такого воздержания происходит великое зло; от этого часто бывали прелюбодеяния, блудодеяния и домашнее расстройство. Ведь если иные, имея своих жен, предаются прелюбодеянию, то тем

более [будут предаваться ему], когда лишены будут этого утешения. Хорошо сказал: не лишайте себя; то, что здесь назвал лишением, выше назвал долгом, чтобы показать, как велика их взаимная зависимость: воздерживаться одному против воли другого значит лишать, а по воле — нет. Так, если ты возьмешь у меня что-нибудь с моего согласия, это не будет для меня лишением; лишает тот, кто берет против воли и насильно. Это делают многие жены, совершая большой грех против справедливости и тем подавая мужьям повод к распутству и все приводя в расстройство. Всему должно предпочитать единодушие, оно всего важнее. Если хочешь, докажем это опытом. Пусть будет жена и муж и пусть жена воздерживается, тогда как муж этого не хочет. Что произойдет? Не станет ли он тогда предаваться прелюбодеянию или, если не станет прелюбодействовать, не будет ли скорбеть, беспокоиться, разжигаться, ссориться и причинять жене множество неприятностей? Какая польза от поста и воздержания, когда нарушается любовь? Никакой. Сколько неизбежно произойдет отсюда огорчений, сколько хлопот, сколько раздоров (12)!

ВОЛЯ

Все зависит от твоей воли. Так, к чему во всей природе служат снег, огонь и буря, к тому же в теле служат мокрота, кровь и желчь. Поэтому нужно умерять их с величайшим благоразумием, чтобы получить от них какую-нибудь пользу, а не вред. Но что я говорю о теле, когда и душа имеет такие принадлежности, которые делаются болезнями, если допустишь их дойти до неумеренности, а когда умеряются, то служат в пользу? Так гнев, если будешь пользоваться им, как должно, служит спасительным врачевством, а если неумеренно, то бывает причиною гибели. И похоть, управляемая с умеренностью, делает тебя отцом, так как она бывает полезною для рождения детей; а если не умеряется, то часто ввергает тебя в блуд и прелюбодеяние. Итак, не слагай вины на посторонние предметы, но всегда обвиняй свою волю. Если ты будешь оставлять ее в пренебрежении, то потерпишь вред и от себя самого, погибнешь и от собственного тела; а если будешь благоустраивать ее, то не испытаешь ничего худого и неприятного ни от бесов, ни от диавола, а не только от зверей (3).

От невежества душа делается робкою и боязливою, точно так же, как от знания небесных догматов — великою и возвышенною. Лишенная всякого попечения, она бывает как-то робка — не по естеству, а по свободному произволению. Когда я вижу, что человек мужественный, бывший некогда смелым, становится робким, я уже не считаю этого состояния естественным, потому что все естественное неизменно. Равным образом, когда вижу, что люди робкие вдруг делаются смелыми, я опять думаю то же самое, — все приписываю свободному произволению. Так, и ученики были весьма робки, доколе не узнали того, что следовало, и не сподобились дара Святого Духа; а впоследствии сделались неустрашимее львов (9).

Бог, имея возможность взять у тебя все против твоей воли, не хочет делать этого без твоей воли, чтобы ты заслужил награду. Например, Он может взять твою душу без твоей воли, но хочет, чтобы ты отдал ее по своей воле, говоря с Павлом: *я каждый день умираю* (1 Кор. 15, 31). Он может лишить тебя почестей без твоей

воли и сделать тебя уничиженным, но хочет, чтобы это было по твоей воле, чтобы ты получил воздаяние. Он может сделать тебя бедным против твоей воли, но хочет, чтобы ты сделался таким добровольно, чтобы даровать тебе венцы. Видишь ли Божие человеколюбие и наше ослепление (12)?

Когда голод принуждает тебя искать пищи, ты не ожидаешь, чтобы пища пришла к тебе сама собой, но употребляешь все меры к отысканию пищи; также в случае жажды, холода и всех подобных обстоятельств ты бываешь деятелен и готов позаботиться о теле. Поступай также и по отношению к Царствию Небесному, и непременно достигнешь его. Для того Бог и сотворил тебя со свободной волей, чтобы ты впоследствии не обвинял Бога, как бы связавшего тебя необходимостью. А ты тем именно и недоволен, что составляет честь твою? Я слышал многих, говоривших: для чего Бог сотворил меня самовластным в добродетели? Но как возвести на небо тебя, дремлющего, спящего, преданного порокам, роскоши и чревоугодия? Ты и там не отстал бы от пороков. Если и теперь, когда положена угроза,

ты не перестаешь грешить, то тогда, когда бы Он предназначил тебе в награду небо, оставил ли бы ты свою беспечность и не сделался ли бы гораздо хуже (12)?

ВОСКРЕСЕНИЕ

И изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло — в воскресение осуждения (Ин. 5, 29). Вот и различие между воскресшими! Воскреснуть должно, конечно, всякому вообще телу человеческому; но добрый воскреснет для жизни, а злой воскреснет для казни, как написано: *не устоят нечестивые на суде, и грешники — в собрание праведных* (Пс. 1, 5). Поэтому, чтобы нам воскреснуть не для осуждения, перестанем скорбеть о смерти, а примем на себя печаль раскаяния, позаботимся о добрых делах и о лучшей жизни, будем думать о прахе и умерших для того, чтобы помнить, что и мы смертны, и чтобы при таком воспоминании нам не пренебрегать своим спасением, пока есть время, пока еще возможно, то есть или приносить лучшие плоды, или исправляться, если мы согрешили по неведению, чтобы нам, если день смерти застигнет нас нечаянно, не пришлось искать времени для

покаяния и не находить его, просить милости и возможности загладить грехи и не получить желаемого (5).

Будем постоянно говорить и себе, и другим: есть воскресение, и нас ожидает Страшное Судилище. Если кого-либо увидим тщеславящимся и надмевающимся настоящими благами, скажем ему то же самое и объявим, что все это останется здесь. Если опять увидим другого удрученным скорбями и унывающим, выскажем и ему то же самое, указывая на то, что скорбям будет конец. Если также увидим кого-либо преданным беспечности и лености, представим ему опять то же, выставляя на вид, что нужно будет отдать отчет в беспечности. Эта речь лучше всякого лекарства может уврачевать душу. И подлинно, есть воскресение, и воскресение у дверей, не далеко, но близко. *Еще немного*, — говорит Павел, — *и Грядущий придет и не умедлит* (Евр. 10, 37), и в другом месте: *всем нам должно явиться пред судилище Христово* (2 Кор. 5, 10), т.е. и злым, и добрым, — тем, чтобы пред всеми потерпеть бесславие, этим, чтобы пред всеми оказаться еще более славными. Как здесь

судьи и злых наказывают, и добрым воздают честь открыто пред всеми, так точно будет и там, чтобы для одних было больше стыда, а для других больше славы. Будем же представлять себе это каждый день. Если будем иметь это в мыслях, то ничто из вещей настоящих и преходящих не удержит нас, потому что видимое временно, а невидимое вечно. Будем же непрестанно говорить и себе, и другим: есть воскресение, и Суд, и отчет в делах. Пусть говорят и все те, которые допускают судьбу, — и они немедленно освободятся от этой гнилой болезни. Ведь если есть воскресение и Суд, то нет судьбы, сколько бы они ни спорили и ни препирались. Но я стыжусь, что учу христиан о воскресении. Кого нужно учить, что есть воскресение, и кто не вполне убежден, что все совершается не по необходимости и не просто и не как-нибудь, тот, очевидно, не христианин. Поэтому я прошу и умоляю: очистим себя от всякого зла и сделаем все, чтобы получить прощение и оправдание в тот день. Но, быть может, кто-нибудь скажет: да когда будет кончина, когда воскресение? Вот сколько уже прошло времени — и ничего такого не случилось? Но будет, — поверьте.

Ведь и пред потопом то же говорили и смеялись над Ноем; но пришел потоп, и всех этих неверовавших поглотил, и только его одного веровавшего оставил в живых. И при Лоте не ожидали той свыше ниспосланной казни, пока ниспавшие молнии и громы не уничтожили всех. И ни тогда, ни при Ное не было никакого предварительного указания на то, что имело случиться, но беды пришли неожиданно в то время, как все пировали, пили и упивались. Так настанет и воскресение, не с предварительными какими-либо признаками, но среди нашего благополучия. Потому Павел и говорит: *когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами [постигает] имеющую во чреве, и не избегнут* (1 Фес. 5, 3). Так устроил это Бог для того, чтобы мы всегда были бдительны и не предавались беспечности среди самой безопасности.

Что ты говоришь? Не ожидаешь воскресения и Суда? Это исповедуют и демоны — а ты не исповедуешь? *Пришел Ты сюда, — говорят они, — прежде времени мучить нас* (Мф. 8, 29). Если же говорят, чтоб будет мучение, то знают, конечно, будет и Суд, и отчет,

и наказание. Не будем же прогневать Бога сверх худых дел еще и неверием слову о воскресении. Как во всем прочем Христос был начатком для нас, так и в этом. Потому Он называется и перворожденным из мертвых. А если бы не было воскресения, то как бы Он мог быть перворожденным, когда никто из мертвых не последует за Ним? Если бы не было воскресения, то как бы могла сохраниться правда Божия, когда столько злых людей благоденствуют и столько добрых страдают и в страдании оканчивают жизнь? Где все эти люди получают по своим достоинствам, если нет воскресения? Никто из живущих праведно не сомневается в воскресении, но каждый день молятся. Произнося это святое изречение: *да приидет Царствие Твое* (Мф. 6, 10), кто же не верует в воскресение? Люди, идущие оскверненными путями и проводящие нечистую жизнь, как говорит пророк: *Во всякое время пути его гибельны; суды Твои далеки для него* (Пс. 9, 26). Подлинно, невозможно человеку вести жизнь чистую, когда он не верует в воскресение. А кто не знает за собою ничего худого, те и говорят, и желают, и веруют, что получают воздаяние. Не будем же прогнев-

лять Бога, но послушаем Христа, Который говорит: *бойтесь Того, то может и душу и тело погубить в геенне* (Мф. 10, 28). Боязнь эта делает нас лучшими, и таким образом, мы, избавившись от этой гибели, удостоимся Царства Небесного (8).

Какое же будут иметь оправдание не верующие в воскресение, когда оно ежедневно представляется в семенах, и в растениях, и при нашем рождении? Ведь прежде нужно истлеть семени, и потом уже бывает рождение. Впрочем, говоря вообще — где действует Бог, там нет нужды в умствованиях. Каким образом Он сотворил нас из ничего? Это я говорю христианам, которые говорят о себе, что веруют Писанию. Но я скажу нечто и на основании умствований человеческих. Одни из людей живут порочно, другие добродетельно; но из числа порочных многие доживают до глубокой старости, наслаждаясь счастьем, а с людьми добродетельными бывает противное. Когда же каждый из них получит по заслугам? В какое время? Это так, говорят, но не будет воскресения тел. А разве они не слышат, что сказал Павел: *тленному сему надлежит*

облечься в нетление (1 Кор. 15, 53)? Здесь речь не о душе, потому что душа не подлежит тлению. Да и восстание свойственно тому, что пало, а пало тело. И почему ты не хочешь [допустить] воскресения тел? Разве это невозможно для Бога? Но говорить так — дело крайнего безумия. Или неприлично? Почему же неприлично, чтобы существо тленное, участвовавшее в труде и смерти, приняло участие и в венцах? Если бы было неприлично, то оно не было бы сотворено в начале и Христос не принял бы на Себя плоти. А что Он и принял, и воскресил ее — послушай, как Он говорит: вложи персты и посмотри, ибо дух костей и жил не имеет (см. Ин. 20, 27; Лк. 24, 39). Зачем также Он воскресил Лазаря, если лучше воскреснуть без тела? Зачем поставляет это в ряду чудес и благодеяний? Да зачем и вообще дал пищу? Нет, возлюбленные, не обольщайтесь еретиками. Есть, подлинно, и воскресение есть, и Суд; отвергают их только те, которые не хотят дать отчета в своих делах. И притом воскресение должно быть такое же, каково было и воскресение Христово, — потому что Христос есть *начаток, первенец из мертвых* (Кол. 1, 18). Но если воскресение состоит

в очищении души и освобождении от грехов, а Христос не согрешил, то как мы избавились от клятвы? Да и как Он говорит: *идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего* (Ин. 14, 30)? Ведь это значит, что Он безгрешен. Итак, по их мнению, Христос или не воскрес, или, если воскрес, то до воскресения согрешил. Но Он и воскрес, и греха не сотворил; следовательно, воскрес телом (8).

Не сомневайтесь в истине воскресения; иначе вы будете весьма далеки от надежды [благ] будущих. И чем выражают свою мудрость или, лучше, свое безумие возражатели? Как, говорят они, воскреснет тело, когда оно смешается с землей, обратится в прах и рассеется по разным местам? Для тебя это кажется непостижимым, но не для недремлющего Ока: для Него все ясно. Ты не видишь отдельно того, что смешано, а Оно видит все; ты не знаешь и того, что в сердце ближнего, а Оно знает все. Если же ты не веруешь воскресению потому, что не знаешь, как Бог совершит воскресение, то, значит, не веруешь и тому, что Он знает сердечные помышления, которые также невидимы. Вещество тела и по

разрушении остается видимым, а помышления невидимы. Потому Видящий невидимое со всей ясностью неужели не видит видимого и не может легко восстановить состава телесного? Очевидно, может. Итак, не сомневайся в [истине] воскресения; это [сомнение] — внушение диавольское. Дьявол старается внушать это не только для того, чтобы не верили воскресению, но чтобы прекратились и погибли и дела добродетели. В самом деле, человек, не ожидающий воскресения и предстоящего отчета в делах своих, едва ли будет добродетелен, а не упражняющийся в добродетели не станет верить и воскресению; то и другое взаимно подкрепляется: порок неверием и неверие пороком. Обремененная грехами совесть, страшись и трепеща пред будущим воздаянием и не желая находить утешение в перемене к лучшему, старается успокоить себя неверием. Если ты будешь утверждать, что нет ни воскресения, ни Суда, он скажет: следовательно, и я не буду отдавать отчета в грехах своих. Но что говорит Христос? *Заблуждаетесь, не зная Писаний, ни силы Божией* (Мф. 22, 29). Бог не совершил бы таких дел, если бы не хотел воскресить нас, но (предположил)

разрушить и обратить в ничто; не распростер бы неба, не основал бы земли, не создал бы и всего прочего только для одной настоящей кратковременной жизни. Если же Он сделал столько для настоящей жизни, то чего не делает для будущей (12)?

ВРАГИ

Для многих невыносимее всех смертей кажется то, когда враги распространяют об них худые слухи и навлекают на них подозрение. Рассмотрим и это. О тебе кто-нибудь сказал худое, назвал тебя блудником и прелюбодеем? Если это правда, исправься; если ложь, посмейся над этим; если сознаешь за собой то, что сказано, вразумись; если не сознаешь, оставь без внимания; лучше же [сказать], не только посмейся и оставь без внимания, но и радуйся и веселись, по слову Господа, повелевающего так делать: *когда будут поносить вас, — говорит Он, — и всячески неправедно злословить за Меня, радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах* (Мф. 5, 11–12); и еще: *возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь, когда пронесут имя ваше, как бесчестное* (Лк. 6, 22–23). Если [враг] и правду ска-

жет, а ты перенесешь его слова с кротостью, не будешь мстить ему и поносить его, но горько восстенаешь и осудишь свои грехи, — и тогда ты получишь награду не меньше первой. Постараюсь и это подтвердить вам из Писания, чтобы вы узнали, что, сколько вреда делают нам друзья, когда хвалят и ласкают нас, столько же пользы приносят враги, говоря о нас дурно, хотя и справедливо, если только мы захотим надлежащим образом воспользоваться их порицаниями. Ведь друзья из любви часто и льстят нам; а враги обличают наши грехи. По самолюбию мы не видим своих недостатков, а они по вражде смотрят за нами внимательнее и своим злословием ставят нас в необходимость исправиться; и вот вражда их становится для нас источником величайшей пользы, потому что, вразумляемые ими, мы не только познаем свои грехи, но и отстаем от них. В самом деле, если враг укорил тебя в грехе, который ты сознаешь за собой, и ты, услышав это, не ответил ему оскорблением, но горько восстенал и помолился Богу, тем самым ты уже и сложил с себя весь грех. Что же может быть лучше? (1).

Ты, молясь за врага, благодетельствуешь ему словами, а Бог благодетельствует ему весьма великими и чудными делами, освещая его солнцем и ежегодно посылая дожди в определенное время. И при всем том я допускаю твое богоравенство, какое только возможно для человека. Итак, не питай ненависти к человеку, делающему тебе зло, когда ты через него приобретаешь такие блага и достигаешь столь великой чести. Не кляни обижающего тебя, иначе ты оскорбление претерпишь, а плода лишишься, — понесешь вред, а награды не получишь. А это крайне безумно — претерпевши труднейшее, не перенести легчайшего. Но как это возможно, скажешь ты? Ты видишь, что Бог для тебя сделался человеком, что Он так уничижил Себя и так много пострадал за тебя, и еще ли спрашиваешь и недоумеваешь, как можешь ты прощать обиды равным себе? Не слышишь ли, что говорит Он на Кресте: *прости им, ибо не знают, что делают* (Лк. 23, 34)? Не слышишь ли, что говорит Павел: *восшедший на небо и сидящий одесную Бога, Он и ходатайствует за нас* (Рим. 8, 34)? Не видишь ли, что Он и после

распятия и вознесения на небо послал к умертвившим Его иудеям апостолов, принесших им бесчисленные блага и вместе потерпевших от них бесчисленное множество зол? Но ты весьма много обижен? Что же такое потерпел ты, что было бы подобно страданию твоего Владыки, Который после оказанных Им бесчисленных благодеяний был связан, претерпел заушения, бичевания, оплевания от рабов и, наконец, претерпел смерть — и смерть поноснейшую из всех смертей? Если же ты и много обижен, то потому-то самому и должен еще более благодетельствовать, чтобы и для себя самого получить блистательнейший венец, и брата избавить от крайне жестокой болезни. Когда больные, находящиеся в сумасшествии, наносят удары и обиды врачам своим, то последнее в это-то время особенно и жалеют о них и стараются об их излечении, зная, что дерзость их происходит от чрезмерной болезни. Подобным образом и ты имей такое же расположение духа к злоумышляющим против тебя и таким же образом поступай с обижающими тебя, потому что они совсем больные и делают все совершенно невольно. Итак, освободи врага своего от тяжелой его

гордости, заставь его бросить гнев и избавь от лютого демона — ярости. Видя беснующихся, мы проливаем слезы, а не думаем сами подобно им бесноваться. Будем поступать также и с гневающимися, потому что и они подобны бесноватым или даже несчастнее их, потому что хотя они и беснуются, но еще не лишились ума. Потому-то и бешенство их непростительно (6).

ВЫСОКОМЕРИЕ

Что постыднее надменности и высокомерия? Именно тогда-то ты и унижаешься, человек, тогда-то покрываешься и стыдом и бесчестьем, когда выжидаешь, чтобы ближний твой первый заговорил с тобой. Что хуже этой надменности? Что смешнее этого высокомерия и тщеславия? Если ты заговоришь первым, то и Бог, что важнее всего, одобрит тебя, и люди похвалят, и ты получишь полную награду за это приветствие [врагу]. Но если ты выжидаешь, чтобы он наперед почтил тебя, а потом уже и ты почтишь его, то ничего особенного не сделаешь, потому что, кто предупредил почтить тебя, тот предвосхитит и всю награду за состоявшееся между вами примирение.

Итак, не будем выжидать, чтобы другие почтили нас первыми; напротив, будем мы спешить делать честь ближним своим и всегда первые обращаться к ним с приветствием; не станем думать, будто пустое и низкое дело быть ласковым и приветливым. Пренебрежение этого дела расторгло многие дружеские связи, породило много вражды, тогда как тщательное исполнение его не раз прекращало продолжительные

ссоры и укрепляло существовавшие дружеские связи. Не пренебрегай же, возлюбленный, заботой об этом; но если случится нам встретиться с кем бы то ни было, первые обласкаем их и приветствиями, и всем прочим. Если же другой предупредит тебя, тем большую окажи ему честь со своей стороны. Это заповедал Павел, сказав так: *почитайте один другого высшим себя* (Флп. 2, 3) (1).

ГАДАТЕЛИ

Добровольно не решайтесь прибегать к гадалкам, но если бы вас привлекали к тому другие — и тогда не соглашайтесь. Когда возникала война или постигало какое-либо бедствие, был обычай спрашивать у гадалок о будущем. Человеческая природа всегда желает, ищет и употребляет тщательные усилия знать невидимое, особенно желает наперед знать о своих несчастьях, чтобы вследствие неожиданности не впасть в замешательство. Итак, послушай, что он [Исайя] говорит: Я, говорит, наперед предсказал вам имеющие быть знамения и чудеса, чтобы вы не нуждались в других предсказаниях, хотя бы вас привлекали и обманывали. Поэтому, если вы будете внимать совету других, то вы будете недостойны расположения и милости Божией, вы, приготовляющие для самих себя бедствия. Какое утешение получишь ты, о, человек, от заклинателей, когда по-

стигнут бедствия? Если ради потерянного богатства ты тратишь еще другие деньги, вопрошая прорицателей, то что пользы тебе, если найдешь блага? Вместе с богатством ты будешь отведен в рабство, погубишь и душу свою, и никто не поможет тебе. Но должно сказать, что такое гадатель: это — злой демон, который говорит из чрева женщин и этим странным действием старается ложное сделать достоверным; говорит же он не естественным образом, а из живота, и этим людей невежественных повергает в изумление, показывая, что он говорит истину... Акила называет их авграми и издающими голос; Симмах — предсказателями, которые шепчут и шипят; Феодотийон — писклявыми вещунами, то есть подобными цыплятам. А мне кажется, что здесь означает также некромантия и что этим странным голосом дьявол повергает людей в изумление, как объясняли и другие переводчики. Демоны обыкновенно щебечут и

издают голоса птиц, — что LXX толковников назвали *τιττες* (τῖττες) (κηνολογία), — чтобы отовсюду необычными кликами утверждать ложь. Хотя демон владеет искусством убеждать [людей], что он может вызывать души умерших, но мы утверждаем, что душа по выходе их тела вступает в некоторое жилище и пребывает там — выйти оттуда она не может. Демон старается показать, что она не только обитает в костях [умерших людей], но ходит туда и сюда, блуждая понапрасну, что она не подчинена какой-либо власти, ни даже божественному промыслу и не будет подвержена какому-либо наказанию за содеянные преступления. Таким образом, он делает то, что многие верят, будто после смерти души постоянно блуждают. Но это — басни детей и старух, и остерегайтесь верить им, когда вас привлекают такими вымыслами. Волшебница (аэндорская) некогда по Божию дозволению показала Саулу Самуила для того, чтобы изобразить ему воскресение, хотя это не было воскресением, и чтобы на основании этого он веровал, что Бог есть Владыка живых и мертвых. Хотя виденный им не был Самуилом, однако он не осмелился отвести его от Бога. Те,

которые так говорят или делают, далеки от Бога, подобно тому, как и Саул, который был наказан. Отступив от Бога, он вопрошал прорицательницу, и это ему не принесло никакой пользы, но он был подвержен тяжчайшему наказанию: раньше времени пришла его злая кончина. Смотри, как он осмеивает их: *спрашивают ли*, — говорит, — *мертвых о живых?* (Ис. 8, 19). Мертвыми он называет или демонов, или самих умерших. И этого более, чем достаточно, для открытия лжи. Если и живые ничего не знают, то тем больше следует это сказать об умерших и погребенных в земле, которые не знают даже того, что знаем мы (4).

ГНЕВ

Подлинно, гневный безумствует не меньше самих беснующихся. Посмотри, как этот демон, вошедши, делает безумными, подобно беснующимся, и побуждает их делать все вопреки очевидности; они и не видят ничего здраво и не делают ничего, как следует, но все делают, как люди с поврежденными чувствами, потерявшие и самую способность рассуждать. Так, и гневом воспламененные не узнают присутствующих, не помнят ни родства, ни дружбы, ни

приличия, ни достоинства и вообще ничего не принимают в соображение, но совершенно увлекаемые гневом, несутся в бездну. Что может быть жалче их, когда побежденные и поработанные страстью, они доходят даже до убийства? Поэтому блаженный Павел, желая исторгнуть самый корень зла, пишет такое увещание: *всякое раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены от вас* (Еф. 4, 31). Не только, говорит, не хочу я, чтоб вы гневались и приходили в ярость, но не хочу и того, чтобы вы говорили что-либо ближнему с криком, — разумея здесь тот крик, который происходит от гнева. Когда внутри возбуждается страсть и надмевается сердце, то уже и язык не может произносить слова тихо, а, обнаруживая расположение духа, побуждается говорить ближнему с криком. Итак, этот блаженный, желая, чтобы слушающие его жили в постоянном мире, говорит: *и гнев*, то есть всякое огорчение, от какой бы причины оно ни происходило, *и ярость*, и всякий крик *да будут удалены от вас*. Потом, желая иссушить самый корень зла и сделать его бесплодным, говорит: *со всякою злобою*. Кто живет в таком расположении духа, тот

всегда находится в пристани, свободный от земных волнений, не боится ни бури, ни кораблекрушения, но, как бы плавая во время тишины или оставаясь в безопасной пристани, проводит настоящую жизнь вне всякого волнения, и, мало того, он еще prepares себе наслаждение бесконечными и неизреченными благами (1).

Когда увидишь врага или придет тебе на ум, сколько ты слышал или потерпел неприятностей, старайся забыть все это; если же и вспомнишь, приписывай это дьяволу, а сам припоминай то, что [враг] сказал или сделал тебе когда-либо доброго. Если на этом будешь останавливаться воспоминанием, то скоро прекратишь вражду. А если вознамеришься и обличить врага, и рассчитаться с ним, то наперед подави страсть и погаси гнев, а потом уже рассчитывайся и обличай: тогда легко можешь победить его. В гневе мы не можем ни сказать, ни выслушать что-нибудь здоровое, а освободившись от этой страсти, и сами не выпустим обидного слова, и не послышится нам, будто другие говорят что-нибудь такое, — потому что обыкновенно

мы раздражаемся не столько от самого свойства слов, сколько от того, что уже до этого были объаты враждой. Так часто, когда те же самые оскорбительные слова говорят нам или друзья в шутку и в веселом расположении духа, или малые дети, мы не только не чувствуем ничего неприятного и не сердимся, но еще улыбаемся и заливаемся смехом: это оттого, что мы слушаем не с расстроенным духом, не с объатой гневом душой. Стало быть, и в отношении к врагам, если ты погасишь гнев и отбросишь вражду, то никакое слово не сможет огорчить тебя (1).

Представь себе, если хочешь, что гнев есть зверь, и сколько другие стараются над обучением львов, столько покажи старания над собою, и необузданный ум свой сделай тихим и кротким; ведь гнев имеет столь страшные зубы и когти, что истребит все, если не укротишь его. Даже лев и ехидна не могут терзать внутренностей с такою жестокостью, как гнев непрестанно терзает железными когтями. Он не только вредит телу, но расстраивает самое здравие души, поедая, терзая, раздробляя всю силу ее и делая ее ни к чему

не способною. У кого внутри завелись черви, тот не может дышать, потому что все внутренности его изъедены. Как же мы можем породить что-нибудь благородное, нося внутри себя такого змия — разумею гнев, снедающего внутренности наши? Каким образом избавимся от этой язвы? Если будем употреблять питье, которое может умертвить внутренних червей и змей. Но какое питье, спросишь, имеет такую силу? Честная Кровь Христова, если с упованием приемлется. Она может у врачевать всякую болезнь. Затем, внимательное слушание Божественных Писаний и присоединяемая к тому милостыня. Всеми этими средствами могут быть умерщвлены страсти, расслабляющие нашу душу. И тогда только будем жить, а теперь мы ничем не лучше мертвых (6).

Нет ничего хуже гнева, возлюбленный; нет ничего хуже неуместной раздражительности. Гнев не терпит дальнего отлагательства, это — бурная страсть. Часто случается, что в гневе иной скажет такое слово, для вознаграждения которого нужна целая жизнь; или совершит такое дело, которое ниспровергнет всю

его жизнь. Ведь то-то и ужасно, что в короткое время, чрез один поступок, чрез одно даже слово [эта страсть] часто лишает нас вечных благ и делает напрасными бесчисленные труды. Поэтому умоляю вас, употребите все меры к тому, чтобы обуздывать этого зверя (10).

Дух Святой не обитает там, где гнев. Гневливый подлежит проклятию. И невозможно быть чему-нибудь здоровому там, откуда происходит гнев. Как во время бури на море происходит великое смятение и сильный крик и никто тогда не имеет времени заниматься рассуждениями, так и во гневе. Если же душа хочет сказать или усвоить что-нибудь любомудрое, то наперед должна быть в [тихой] пристани. Не замечаешь ли, как мы, когда хотим рассуждать о чем-нибудь необходимом, избираем места, удаленные от шума, где спокойствие и тишина, чтобы нам не развлекаться? Если же внешний шум развлекает нас, то тем более внутреннее смятение. И станет ли кто молиться, он молится напрасно, если делает это во гневе и раздражении; станет ли говорить, будет смешным; станет ли молчать, опять то же; будет

ли есть — и тогда повредит себе; будет ли пить или не будет, будет ли сидеть или стоять, ходить или спать, ему и во сне представляется подобное же. И что у таких [людей] не беспорядочно? Глаза — отвратительны; рот — искривлен; члены тела напряжены и трясутся; язык необуздан и не щадит никого; рассудок помешан; одежда в непристойном виде: [во всем] великое безобразие! Посмотри на глаза беснующихся, пьяных и неистовствующих [от гнева]: чем они отличаются друг от друга? Не всюду ли безумие? Но ведь это бывает всегда только на время? Правда, неистовствующий бывает одержим [гневом] на время. Но что может быть хуже этого? И еще не стыдятся оправдываться: я не сознавал, говорят, что сказал. Почему же не признавал этого ты, существо разумное, имеющее рассудок? Почему ты действуешь подобно неразумным животным, как бы дикий конь, увлеченный гневом и яростью? Это — оправдание, достойное осуждения. Желательно, чтобы ты знал, что говорил. Это — слова гнева, скажешь, а не мои. Как — гнева? Гнев не имеет силы, если не получит ее от тебя. Это подобно тому, как если бы кто сказал: это — раны руки [моей], а не мои.

Где, кажется, больше всего нужен гнев, как не на войне и во время битвы? Но и там, если что будет делаться с гневом, то все будет испорчено и погублено. Воюющим в особенности и не следует гневаться, нападающим в особенности и не нужно раздражаться. Но, скажешь, как же иначе можно сражаться? Разумно, спокойно. Сражение есть стояние одной стороны против другой. Разве ты не видишь, что и сами войны подчинены закону, порядку и времени? А гнев есть не что иное, как безумное раздражение; безумный же не может сделать ничего разумного (10).

Гнев — это огонь, это сильный пламень, требующий [горючего] вещества; не давай пищи огню, и скоро прекратишь зло. Гнев не имеет силы сам по себе, если кто-либо другой не будет поддерживать его. Ничто не может оправдать тебя. Тот одержим неистовством и не знает, что делает; а если ты, взирая на него, впадаешь в то же и не умудряешься его примером, то можешь ли получить прощение? Если бы кто, находясь на пиршестве, увидел другого в преддверии в пьяном и безобразном виде, а потом и сам впал в то

же, не будет ли это непростительно тем более, что он упился после того? Так и здесь. Не будем думать, будто можно сказать в оправдание: не я начал; это служит к нашему же обвинению, что мы, видя его, не умудрились; это подобно тому, как если бы кто сказал: убил не я первый. Потому-то ты и достоин наказания, что, видя и пример, не удержал себя.

Если бы ты видел, как пьяный блюет, мучится, терзается, выпучивает глаза, наполняет стол нечистотою, и все убегают от него, а потом сам впал в то же, то не тем ли более ты был бы отвратителен? Таков и гневающийся. Он напрягает жилы более блюющего, распаляет глаза, терзается внутренностями, изрыгает слова гораздо сквернее той пищи, говорит все как бы непереваренное и ничего дельного, — потому что гнев препятствует, — и как там часто избыток мокрот, раздражая желудок, совершенно истощает его, так и здесь избыток жара, возмущая душу, не позволяет скрывать того, о чем лучше бы молчать, и гневающийся говорит все, что следует и чего не следует, посрамляя не слушающих, но самого себя. И как мы убегаем от блюющих, так и от гневающихся. Что мы делаем тогда? Посыпем пепел на их

блевотину, тихонько подзовем псов, чтобы они съели изbleванное. Знаю, что вы слушаете с отвращением; но мне хочется, чтобы вы чувствовали то же, когда видите и то состояние, а не услаждались им. Гневливый нечистее пса, возвращающегося на свою блевотину (см. 2 Петр. 2, 22): если бы он, изbleвав однажды, перестал, то не был бы подобен ему; если же опять изbleвывает то же, то очевидно, что он пожрал изbleванное. Но что сквернее этого? Что нечистее уст, пожирающих такую пищу? Притом первое есть дело природы, а последнее — нет; или, лучше, и то, и другое противно природе. Как? Так; гневаться всуе (см. Мф. 5, 22) несвойственно природе, но противно ей; потому он и не говорит ничего, как человек, но иное, как зверь, иное, как беснующийся. Как телесная болезнь противна природе, так и это. А то, что это противно природе, [видно из того], что, если он долго останется в таком состоянии, то мало-помалу погибнет; а оставаясь долго в том, что свойственно природе, не погибнет. Я желал бы лучше разделять трапезу с человеком, питающимся грязью, нежели с произносящим такие слова. Не видите ли, как свиньи пожирают кал? Так и эти. Что в

самом деле срамнее слов, которые произносят гневливые? Они как бы стараются не сказать ничего здравого, ничего чистого, но что только есть постыдного, что только есть безобразного, то и стараются сказать и сделать; и что всего хуже, посрамляя более самих себя, думают, будто посрамляют других; а что они посрамляют самих себя, видно из вышесказанного (10).

Когда или служанка зажигает светильник, или повар разводит огонь, то строго им внушается, чтобы делали это не на ветру, не близ деревянных вещей и не в темноте, а когда наступает ночь, то мы тушим огонь, опасаясь, чтобы во время нашего сна, когда некому смотреть за ним, он как-нибудь не разгорелся и не сжег всех. Точно также будем поступать и с гневом: пусть он не сопровождает все наши помыслы, но хранится в глубине души, чтобы не возбуждал его ветер от слов противника, но чтобы это возбуждение он получал от нас, а мы умели бы возбуждать его умеренно и безопасно. Когда он возбуждается извне, то не знает меры и может пожечь все; он часто может возбуждаться и во

время нашего сна и пожечь все. Будем же воспламенять его в нас только для того, чтобы он светил, — ведь гнев издает свет, если он возбуждается, когда следует, — будем употреблять этот светильник против тех, которые обижают других, и против дьявола. Пусть не везде полагается и не везде разбрасывается эта искра, но хранится у нас под пеплом; будем содержать ее в помыслах смиренных. Не всегда она бывает нам нужна — только тогда, когда надобно что-нибудь исправить и умягчить, когда надобно преодолеть упорство или вразумить чью-либо душу (10).

ГНЕВ БОЖИЙ

Бог, когда о Нем говорится, что Он гневается, гневается не для отмщения за Себя самого, но для исправления нас. Будем же и мы подражать Ему: мстить, таким образом, есть дело божественное, а мстить иначе — дело человеческое. Впрочем, Бог не тем только отличается от нас, что Он гневается справедливо, но и тем, что в Боге гнев не есть какое-нибудь страстное раздражение. Итак, не будем и мы гневаться напрасно. Гнев внедрен в нас не с тем, чтобы мы грешили, но чтобы останавли-

вали и других согрешающих, не с тем, чтобы он сделался в нас страстью и болезнью, но чтобы служил врачеством от страстей (2).

Гнев у Бога — не страсть, а угроза, служащая к нашей пользе. Поэтому, если мы обращаемся, то и Он отвращается от гнева и успокаивается, более всего ценя наше спасение; потому Он и находит много путей к нему, измышляет многие способы достижения его, за что справедливо и называется Богом спасений. *Неужели вечно будешь гневаться на нас, прострешь гнев Твой от рода в род?* (Пс. 84, 6). Страшен и теперь гнев Божий на людей; но так как в настоящей жизни Бог большею частью обнаруживает долготерпение, то будущий гнев, естественно, еще страшнее (3).

Всякий человек сильный, всякий властитель, всякий военачальник, всякий обладающий богатством, всякое, так сказать, великолепие и могущество человеческое тогда [на Страшном суде] уничтожится и прекратится, и ничто не поможет им избежать гнева Божиего: ни сила

телесная, ни опытность в войне, ни изобилие богатства, ни покровительство власти, ни множество войска и ничто другое подобное (4).

Скажи мне: если бы твой раб, претерпевая много зла от своих товарищей, не обращал никакого внимания на других, а заботился бы только о том, чтобы не прогневать господина, то не мог ли бы он этим одним утолить гнев твой? Напротив, если бы он несколько не заботился о проступках своих пред тобой, а заботился бы только об отношениях своих к товарищам, то не подверг ли бы ты его еще большему наказанию? Так поступает и Бог: когда мы пренебрегаем гневом Его, тогда Он являет на нас сильнейший гнев; а когда бываем внимательны, тогда смягчает или, лучше, прекращает гнев свой. Он желает, чтобы мы сами себя наказывали за грехи, и тогда Он уже не наказывает. Для того Он и угрожает наказанием, чтобы страхом истребить в нас нерадение; и когда мы страшимся одной угрозы, то Он уже не попускает нам испытать ее на самом деле (12).

ГОРДОСТЬ

Что гордость ненавистна и самому Богу, послушай, что говорит Писание: *Бог гордым противится, а смиренным дает благодать* (Иак. 4, 6). И в другом месте: *гордость ненавистна и Господу и людям, и преступна против обоих* (Сир. 10, 7). И: *что гордится земля и пепел?* (Сир. 10, 9). И во многих местах ты найдешь, что гордость мерзка и весьма ненавистна. Так и здесь говорит [пророк Давид]: *со смотрящим гордо и с ненасытным сердцем — с сим я не ел* (Пс. 100, 5), так как гордость в высшей степени вредна и пагубна не только для того, кто усвоил себе ее, но и для того, кто не надолго разделяет ее. Жадного, насытого сердцем пророк поставил рядом с гордым, так как душевное расположение обоих одно и то же — и возносящегося над ближним, и жадного по отношению к ближнему. Итак, хорошо, братие, нам отложить гордость и приобрести смирение, чтобы услышать не: *возвышающий сам себя, унижен будет*, но: *унижающий себя возвысится* (Лк. 18, 14). Хорошо укрепиться вместе с тем и в воздержности и умеренности, чтобы жадностью сердца не отогнать от себя правды и не

услышать тогда: *за множество беззаконий твоих открыт подол у тебя, обнажены пяты твои* (Иер. 13, 22). Будем же избегать поведения, свойственного людям гордым и жадным, чтобы вследствие привычки к общению с ними не усвоить себе и их пороков (3).

Таково зло — гордость; она в каждом производит то, что он не знает самого себя, и после многих трудов уничтожает все сокровище добродетели. Прочие грехи обыкновенно происходят от нашей беспечности; а она зарождается в нас, когда мы поступаем правильно. Обыкновенно ничто так не производит гордости, как добрая совесть, если мы не будем внимательны. Потому и Христос, зная, что эта страсть приходит к нам после добрых дел, говорил ученикам: *когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать* (Лк. 17, 10). Когда будет приступать к вам этот зверь, тогда этими словами, говорит, заprite от него двери. Не сказал: когда исполните все, тогда вы ничего не стоите; но сами вы говорите: *мы рабы ничего не стоящие, потому что*

сделали, что должны были сделать; говори, не бойся, не по твоему суду произношу Я приговор. Если ты сам назовешь себя непотребным, то Я увенчаю тебя, как благопотребного. Так и в другом месте Бог говорит: *говори ты, чтоб оправдаться* (Ис. 43, 26). В судилищах внешних после обвинения и признания в преступлениях назначается смерть; а в судилище божественном после признания — венец. Потому и Соломон говорил: *не оправдывай себя пред Господом* (Сир. 7, 5) (4).

Ты праведен? Не унижай брата своего. Ты украшаешься добрыми делами? Не поноси ближнего и удержишь от похвалы себе. Насколько ты высок, настолько смирай себя. Слушай внимательно слова мои, возлюбленный. Праведник должен бояться гордости больше, нежели грешник, — это я и вчера говорил и сегодня повторяю для тех, которые вчера не были, — потому что грешник по необходимости имеет смиренную совесть, а праведник может гордиться своими добрыми делами. Как между мореплавателями имеющие пустой корабль не боятся шайки разбойников, потому что они не нападают на пустой

корабль, а имеющие корабль, наполненный грузом, боятся разбойников, потому что разбойник обыкновенно является там, где золото, где серебро, где драгоценные камни, — так и диавол не скоро нападает на грешника, но на праведника, где много богатства. Гордость часто происходит от наветов диавола; потому нужно бодрствовать. Насколько ты высок, настолько смирай себя. Когда восходишь на высоту, тогда тебе нужно остерегаться, чтобы не упасть. Потому и Господь наш говорит: *и вы, когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать* (Лк. 17, 10). Что ты много думаешь о себе, будучи человеком, сродным земле, единосущным с пеплом, и по природе, и по мыслям, и по произволению в делах? Сегодня ты богат, завтра беден; сегодня здоров, завтра болен; сегодня весел, завтра печален; сегодня в славе, завтра в бесчестии; сегодня молод, завтра стар. Прочно ли что-нибудь человеческое и не течет ли оно подобно речным потокам? Оно лишь только явилось и уже оставляет нас быстрее тени. Что же превозносишься ты, человек, дым, суета? *Человек подобен суете: дни его, как тень,*

проходят (Пс. 143, 4). *Засыхает трава, увядает цвет* (Ис. 40, 7). Говорю это не для того, чтобы унижить существо человека, но чтобы обуздать гордость. Великое создание — человек, и почтенное существо — муж милосердый (4).

Гордый обыкновенно почитает себя выше всех и не признает никого равным себе, и какой бы он ни пользовался честью, всегда желает и домогается большей; думает, что он еще ничего не получал; презирует людей и ищет от них почтения. Что может быть безрасуднее этого? Это что-то загадочное: человек ищет себе почтения от тех, которых почитает за ничто. Видишь ли, как желающий вознестись ниспадает и пресмыкается долу? А что он всех людей почитает за ничто в сравнении с собой, он сам это ясно обнаруживает: таково именно свойство надменности. Итак, для чего же ты прибегаешь к тому, который ничего не стоит? Для чего ищешь от него чести? Для чего имеешь при себе такое множество людей? Вот низкий, который и стоит на низком месте! (7)

Бог ничего так не отвращается, как гордости. Потому-то он еще

изначала так все устроил, чтобы истребить в нас эту страсть. Для этого мы сделались смертными, живем в печали и сетовании; для этого жизнь наша проходит в труде и изнурении, обременена непрерывной работой. Первый человек впал в грех от гордости, возжелав быть равным Богу, и за то не удержал и того, что имел, но лишился и того. Таковы плоды гордости! Она не только не доставляет нам никакой пользы, но лишает и того, что имеем. Напротив, смиренномудрие не только не отнимает у нас того, что имеем, но еще доставляет и то, чего не имеем. Итак, возревнуем об этой добродетели, потщимся стяжать ее, чтобы нам насладиться и в этой жизни честью и приобрести будущую славу (7).

Христианину следует удаляться как от гордости, так и от лести, востности и неблагородного образа мыслей. Кто говорит, например, что имущество он не вменяет ни во что и все настоящее считает тенью, сновидением и детскими игрушками, того мы не обвиняем в гордости — иначе мы должны были бы обвинять в гордости и Соломона, который, любомудрствуя об этом, говорит: *суета*

сует, — все суета! (Еккл. 1, 2). Но не будем называть любомудрие именем гордости. Презирать блга настоящие — это не гордость, а великодушие, хотя не отвергают их и цари, и начальники, и вельможи. Бедный по любомудрию часто презирает их; но мы не назовем его за это гордым; подобно как человека, слишком привязанного к ним, не назовем умеренным и смиренномудрым, а слабым, малодушным и пристрастным. Сына, который бы не думал о принадлежащем отцу его, а занимался свойственным рабу, мы не назвали бы смиренномудрым, а осудили бы как человека с неблагородными и рабскими чувствами: а того, который бы презирал рабское и дорожил отеческим, мы превознесли бы похвалами. Считать себя лучше подобных себе людей — это гордость, а проносить истинное суждение о вещах — это не гордость, но любомудрие (12).

ГРЕХ

Таков грех. Когда он уже совершен на самом деле, тогда и обнаруживает величайшее свое безрассудство. Как пьющий, когда упивается крепким вином, нисколько не чувствует вреда от

вина, а уже после самым опытом познает, как оно губительно, так и грех: пока еще не сделан, он помрачает рассудок, и подобно густому облаку затемняет смысл, а потом восстает совесть и сильнее всякого обличителя терзает мысль, обнаруживая гнусность поступка (1).

Грех есть властелин жестокий, дающий нечестивые приказания, подвергающий бесчестию повинующихся ему. Поэтому, увещаю вас, будем с великой ревностью убегать власти его, будем бороться с ним, никогда не станем мириться с ним и, освободившись от него, будем пребывать в этой свободе. Если иудеи, освободившись от иноплемеников, были утешены, то тем более мы, освободившись от греха, должны радоваться, и восхищаться, и хранить вечно эту радость, а не нарушать и не осквернять ее, снова предаваясь тем же порокам (2).

Не почитай себя безопасным, если не скорбишь о грехах своих; но о том-то особенно и стенай, что не чувствуешь сокрушения о своих беззакониях. Твое спокойствие происходит не оттого, чтобы

грех не угрызал, но от бесчувствия души, преданной греху. Представь себе, как терзаются чувствующие тяжесть грехов своих, как горько вопиют они, — горестнее, нежели те, кого режут или жгут! Что делают они, как страдают, сколько проливают слез, сколько выпускают стонаний, чтобы освободиться от мучений совести? Этого они не стали бы делать, если бы сильно не страдали душой. Всего лучше совсем не грешить, а если кто согрешил, то нужно чувствовать свой грех и исправляться. Если же этого не будет, то, как мы станем умолять Бога и просить отпущения грехов, когда самим себе не даем в них никакого отчета? Когда сам ты, согрешивший, не хочешь знать и того, что согрешил, то о прощении каких грехов будешь просить Бога? О тех, которых не знаешь? И как ты можешь познать величие благодеяния? Итак, исповедуй все грехи твои подробно, чтобы узнать, сколь велик долг, который тебе прощается, и, таким образом, возбудишь в себе благодарность к своему Благодетелю. Оскорбив человека, ты упрашиваешь и друзей, и соседей, и самих привратников, тратишь деньги, теряешь много дней, ходя к нему и умоляя о прощении. И, хотя бы оскорб-

ленный отогнал тебя однажды, и в другой раз, и тысячу раз, ты не отстаешь, но тем с большей ревностью усугубляешь свои моления. А, раздражив Бога всяческих, мы небрежем о том, остаемся холодными, роскошествуем, упиваемся и делаем все то, к чему привыкли: когда же мы Его умилюем?.. Напротив, продолжая так жить, не раздражаем ли Его еще более? И действительно, нераскаянность в грехах гораздо более возбуждает Его гнев и негодование, нежели самый грех. Нам надлежало бы скрыться под землей, не видеть солнца и даже не пользоваться воздухом за то, что, имея столь милостивого Владыку, мы раздражаем Его и, раздражая, даже не раскаиваемся в том. Он и в гневе Своем не только не имеет к нам ненависти и отвращения, но и гневается для того, чтобы хотя бы таким образом привлечь нас к Себе; ведь если бы Он, будучи оскорбляем, воздавал тебе одними благодеяниями, то ты еще более стал бы презирать Его. Чтобы этого не случилось, Он на время отвращает от тебя лицо Свое, чтобы соединить тебя с Собой навеки. Итак, одушевившись надеждой на его человеколюбие, принесем усердное покаяние прежде, нежели настанет день, в

который самое покаяние не принесет нам никакой пользы (6).

Если демон мучится, когда его изгонят из тела, то гораздо больше мучится, когда видит душу, освобожденную от греха. Подлинно, грех есть главная сила демонская, по причине греха умер Христос, чтобы разрушить его, грехом введена смерть, чрез грех все превращено. Если ты истребил в себе грех, ты подрезал жилы дьяволу, стер главу его, разрушил всю его силу, рассыпал воинство, сотворил чудо, всех чудес большее (7).

Тяжкое зло — грех, зло и пагуба для души; а слишком усиливаясь, это зло часто касается и тела. Мы остаемся бесчувственными, когда в нас сильно страждет душа, а когда тело получает хотя малое повреждение, то употребляем все усилия, чтобы излечить его от недуга, потому что чувствуем боль. Поэтому-то Бог часто наказывает тело за грехи души, чтобы от наказания низшей части и высшая получила какое-нибудь врачевание. Так, у коринфян Павел исправил блудника, удержав болезнь души казнью

тела; он прекратил зло, поразив тело, — подобно тому, как хороший врач, если водяная болезнь или боль в печени не уступает внутренним лекарствам, делает прижигания снаружи. Так и Христос поступил с расслабленным. Вот как Он сам выражает это, когда говорит: *вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже* (Ин. 5, 14). Чему же мы отсюда научаемся? Во-первых, что болезнь произошла у него от грехов; во-вторых, что учение о геенне справедливо; и в-третьих, что наказание в ней будет продолжительно, бесконечно. Где же те, которые говорят: я в один час совершил убийство, я краткое время прелюбодействовал, и неужели буду наказываться вечно? Вот и расслабленный не столько лет грешил, сколько терпел наказание, и почти целую жизнь человеческую провел в непрерывном мучении. Грехи судятся не по времени, а по самому существу преступлений. При этом надобно принять во внимание и то, что, хотя бы мы претерпевали тяжкое наказание за прежние свои грехи, но, если снова впадем в те же пороки, то подвергнемся снова и еще тягчайшему наказанию — и это совершенно справедливо (8).

От греха не столько получаем мы удовольствия, сколько скорби: тут и совесть вопиет, и посторонние люди осуждают, и Бог прогневляется, и геенна угрожает поглотить нас, и мысли не могут успокоиться. Тяжел, поистине тяжел и невыносим грех — тяжелее всякого свинца. Кто сознает его за собою, тот отнюдь не может смотреть прямо, хотя бы был и очень нечувствителен. Так Ахаав — хотя был крайне нечестив, но, почувствовав грех, ходил с поникшею головою, сокрушался и скорбел. Потому-то он и вретище возложил на себя, и проливал источники слез. Если и мы будем это делать, если будем плакать, как Ахаав, и сложим с себя грехи, как Закхей, то и мы получим прощение (9).

Тело, получив хотя малую рану от меча, портится; здание, расщелившись хотя немного, разрушается; и ветвь, отломившись от корня хотя немного, делается негодной. Таким образом, это малое есть уже не малое, но почти все. Потому, когда мы погрешим в чем-нибудь малом или почувствуем леность, не будем презирать этого малого, потому что,

будучи оставлено в небрежении, оно скоро делается великим. Так, одежда, если начнет раздираться и будет оставлена в небрежении, вся раздирается; и кровля, если обнажится от нескольких черепиц и будет оставлена в небрежении, разрушает весь дом. Итак, представляя себе это, никогда не будем пренебрегать малыми грехами, чтобы не впасть в великие; если же по небрежению впадем даже в бездну зол, то и тогда не будем отчаиваться, чтобы не потерять ясности ума. Оттуда уже не легко выйти тому, кто не бодрствует над собою тщательно, не только по причине глубины этой бездны, но и по самому положению. Грех — это бездна, которая увлекает в глубину и гнетет. Как упавшие в колодезь не скоро могут выйти оттуда и имеют нужду в других, которые бы вытащили их, так точно и тот, кто впал в глубину грехов. Спустим же к ним вервие и извлечем их оттуда; или лучше сказать, не в других только здесь нужда, но и

в нас самих, чтобы и сами мы препоясали себя и поднялись не настолько, насколько ниспали, но, если хотим, и гораздо выше. Сам Бог — помощник, потому что Он не хочет смерти грешника, но *чтобы он обратился и был жив* (Иез. 18, 23). Итак, никто не отчаивайся, никто не подвергайся этой болезни нечестивых, которым этот грех свойствен: когда достигнет, сказано, нечестивый до глубины зол, нерадит (12).

Ничто так не безрассудно, ничто так не бессмысленно, глупо и нагло, как грех. Куда он ни вторгнется, все низвращает, расстраивает и губит; он безобразен на вид, несносен и отвратителен. Если бы какой живописец захотел изобразить его, то, мне кажется, не погрешил бы, изобразив его в виде женщины звероподобной, варварской, дышащей огнем, безобразной и черной, как внешние [языческие] поэты изображают Сцилл (12).

ДАРЫ БОЖИИ

Не проси у Бога того, что получается от дьявола. Богу свойственно давать сердце сокрушенное и смиренное, трезвенное, целомудренное и воздержное, кающееся и умиленное. Вот дары Божии, потому что в них мы имеем наибольшую нужду (6).

Постоянное пользование каким-нибудь видом удовольствия притупляет его приятность и злоупотребление наслаждением делает его со временем нечувствительным. Таким образом, нужно подумать и о том, чтобы слишком большая доступность не обесценивала удовольствия: вдвойне приятно наслаждаться тем, что дается с трудом и не часто. Так и Создатель наш устроил, что непостоянство жизни заставляет нас ценить Его дары, пребывающие постоянно. Не замечаешь ли, что и солнце после ночи является более светлым, и бодрствование приятнее

после сна, и здоровьем мы дорожим в особенности тогда, когда испытываем противоположное ему состояние (9)?

Ты пресыщаешься, утучняешь себя, продолжаешь упиваться до глубокой ночи, нежишься на мягких коврах и не думаешь отдавать отчета в таком беззаконном употреблении даров Божиих, — ведь вино не для того, чтобы мы упивались; пища не для того, чтобы мы пресыщались; яства не для того, чтобы мы расторгали ими свое чрево, а от бедного, несчастного, который ничем не лучше мертвеца, ты требуешь строгого отчета, и не боишься грозного и Страшного Суда Христова? (12)

ДЕВСТВО

Он [Христос] превознес девство, когда сказал: *есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного; и: кто может вместить, да вмес-*

тит (Мф. 19, 12). Кроме того, Ему известно было и высокое мнение многих о девстве. Оно и по природе своей — великое дело, что видно из того, что как в Ветхом Завете оно не было хранимо даже святыми и великими мужами, так и в Новом не поставлено в необходимый закон. Христос не дал о нем заповеди, а предоставил его произволению слушающих. Поэтому и Павел говорит: *относительно девства я не имею повеления Господня* (1 Кор. 7, 25). Я хвалю того, кто хранит девство, но не принуждаю того, кто не хочет быть девственником, и совета не делаю законом (7).

ДЕЛА

Смотри, возлюбленный, не подобны ли морю человеческие дела, не сплетается ли с его смятением наша жизнь, не обуреваемся ли мы на суше больше, чем на море, не нападаем ли мы друг на друга сильнее ветров, не наталкивают ли нас друг на друга деньги, как буря, не носимся ли мы в морской бездне туда и сюда? Один захватил поле другого, этот увел слуг того, один судится с соседом из-за воды, иной враждует с сожителем из-за воздуха. Одни позорят друг друга из-за пяди земли,

другие притесняют друг друга из-за дома; этот стремится взять то, чего не давал, тот идет в суд, чтобы не отдавать того, что взял. Один с жадностью требует лишнего, другой усиливается отнять и сам капитал. Этот скорбит от недостатка, а тот угнетается изобилием; кто не имеет, терпит унижение, а кто имеет, служит предметом зависти. Кто облечен властью, тот возбуждает против себя гнев; кто управляет, того ненавидят; кто принадлежит к числу знати, против того вооружаются. Войны постоянны, зависть непрерывна, жадность тиранствует, корыстолюбие преобладает, ложь превозносится, взаимное доверие утрачено, истина оставила землю, дружба только за трапезой. Все погубили свою силу; земля, наконец, не в состоянии сносить зло; воздух осквернен до самого эфира. Из-за денег жизнь делается не в жизнь; за деньги мы готовы продать даже свободные стихии; на дорогах воздвигаются заставы, земли разделяются по жребию, воды — в распоряжении господ, воздух — на откуп; десятинники, сборщики податей и откупщики захватили города; богатые истаевают от забот; ростовщики сгорают от беспокойства; грабители расстраивают жизнь;

любосяжатели развращают суды; купцы извлекают выгоду из бедствий; доносчики продают ложь. Обманивая друг друга, мы разрушили святость клятвы; знаем Бога только для того, чтобы клясться (3).

Везде нужны нам дела, а не уверения на словах, потому что говорить и обещать всякому легко, а сделать не так легко. К чему я это сказал? К тому, что теперь много людей, которые говорят, что они боятся Бога и любят Его, а делами показывают противное. Но Бог требует любви, являемой в делах. Потому-то и ученикам говорил: *если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди* (9).

Как терние, с какой бы стороны не коснулись его, уязвляет касающегося, так и житейские дела, с какой стороны не приступишь к ним, всегда наводят печаль на того, что связывает себя ими и заботится о них. Но духовные дела не таковы; напротив, они похожи на драгоценный камень, который, как ни повернешь его, — отовсюду увеселяет зрение. Например, сотворил ли кто милостыню? Он не только питается надеждою на

будущее, но наслаждается и здешними благами: он ничего не опасается и все делает с великим дерзновением. Преодолеет ли кто злое вожеление? Еще прежде наступления царствия он уже здесь получает плод, слыша похвалу и одобрение от всех, а прежде всего от собственной совести. Да таково и каждое доброе дело, между тем как дела злые еще прежде геенны, уже здесь мучат совесть. Если ты грешишь, то, подумаешь ли о будущем, — поражаешься страхом и трепетом, хотя никто не наказывает тебя; подумаешь ли о настоящем, — имеешь много врагов и живешь в подозрении, и не можешь даже прямо и посмотреть на обидевших тебя, лучше же сказать, и на тех, которые не обидели (9).

Любомудрствовать на словах легко; научи меня своею жизнью — вот самый лучший способ учения. Ты говоришь, что надобно быть умеренным, ведешь об этом длинную речь и витийствуешь, разглагольствуя неудержимо. Но гораздо лучше тебя тот, — все скажут, — кто учит меня этому делами. Обыкновенно не столько внедряются в душу наставления словами, сколько делами: и если

ты не имеешь дел, то, разглагольствуя, не только не приносишь пользы, но больше причиняешь вред; лучше бы молчать. Почему? Потому что предлагаешь мне дело невозможное. Если ты, который говоришь так много, — рассуждаю я, — не исполняешь этого, то тем больше я достоин извинения, который ничего не говорю. Потому-то и сказал пророк: *грешнику же сказал Бог: зачем ты проповедуешь уставы Мои* (Пс. 49, 16)? Гораздо больше вреда в том, когда кто, хорошо поучая словами, опровергает свое учение делами. Это стало виною множества зол в церквах (10).

Как жизнь наша поддерживает-ся пищей, а пища создает жизнь, так, если имеем добрые дела, будем иметь и Духа, а если имеем Духа, будем иметь и добрые дела. Равно и наоборот, если не имеем добрых дел, Дух улетает от нас, а если лишимся Духа, то будем хромы и на добрые дела. Как скоро отступит от нас Святой Дух, приходит к нам дух нечистый, как это и случилось с Саулом. И что из того, если он не мучит нас, как Саула? Он давит нас иначе — худыми делами. Потому нам нужны гусли Давида, чтобы для

души воспевать Божественные песни, то есть и песни Давида, и песни добрых дел. А если будем делать только одно из двух и, слушая песнопения, будем противоборствовать псалмопевцу своими делами, как некогда Саул, то самое врачевство обратится нам в осуждение и безумие делается более опасным. Прежде чем мы стали слушать, злой демон боится, чтобы мы, послушав песнопения, не исправились, а когда, выслушав, остаемся все теми же, это освобождает его от страха. Потому воспоем песнь дел, чтобы изгнать из себя грех, который лютее демона. Ведь демон не всецело лишает нас неба, но иногда человеку бдительному даже содействует, а грех решительно отлучает от Небесного Царства. Грех есть добровольный демон, самовольное безумие, а потому никто о нем не жалеет, никто его не извиняет. Итак, для души, лежащей в грехе, будем воспевать песни, заимствуя их как из остального Писания, так и у блаженного Давида. Пусть поют уста, пусть поучается ум (11).

Ты, когда занимаешься с шутами и танцовщицами, проводишь все время на зрелищах, не

ссылаешься ни на необходимые дела по военной службе, ни на страх пред начальниками; а когда мы приглашаем в церковь, тогда — бесчисленные препятствия. Что же ты скажешь в тот день, когда увидишь пламя, огненные реки и неразрешимые узы и услышишь скрежет зубов? Кто поможет тебе в тот день, когда увидишь ремесленника, праведно проведшего жизнь свою, наслаждающимся великой славой, а себя, который ныне украшаешься нежными одеждами и дышишь благовониями, невыразимо страждущим? Какая польза будет тебе от богатства и изобилия и какой вред ремесленнику от бедности? Потому, чтобы нам не потерпеть этого, устрасимся сказанного и приложим всякое старание к совершению дел необходимых. Таким образом, умиловив Бога за прежние грехи свои и присоединив добрые дела в будущем, мы сможем получить Царствие небесное (12).

Если бы ты захотел исследовать все дела Божии, то чем Бог был бы больше человека? Даже и дела многих людей мы не исследуем. Если же мы поступаем так по отношению к людям и не ис-

следуем дел их, то тем более не должно исследовать премудрость Божию и требовать от нее отчета; и, во-первых, потому, что Возвествивший достоин веры; во-вторых, потому, что самые дела Его недоступны суждениям разума. Бог не так немощен, чтобы производить только то, что может быть постигнуто твоим слабым разумом. Если ты не понимаешь дел художника, то тем более — высочайшего Художника, Бога (12).

ДЕНЬГИ

Много ныне богачей, которые денег не желают презирать, а душу презирают. Я удивляюсь, когда вижу, как часто они просят у Бога милости, а сами к себе немилосердны, не щадят души своей, как будто она — враг их. Не будем шутить, возлюбленные, не будем издеваться и обольщать себя, прося себе у Бога милости, а сами предпочитая этой милости деньги, пресыщение и все прочее. Если бы кто предложил тебе на суд дело какого-нибудь человека и сказал бы, что он, подвергаясь смертным опасностям и будучи в состоянии небольшим количеством денег освободить себя от погибели, решил лучше умереть, нежели потерять сколько-нибудь

из своего имущества, то ты, конечно, признал бы его не достойным никакой милости или прощения. Так суди и о себе самом: и мы делаем то же, пренебрегаем своим спасением, а дорожим деньгами. Как же ты можешь испросить милость у Бога, когда не щадишь сам себя и предпочитаешь деньги душе? Крайне удивляюсь, какое обольщение скрывается в деньгах или, лучше, не в деньгах, а в душах обольщаемых. А есть, действительно есть, люди, которые смеются над этим обольщением. В самом деле, что в деньгах может обольщать нас? Не вещество ли они и бездушное, и тленное? Не обманчиво ли обладание ими? Не сопряжено ли со страхом и опасностями, с убийствами и кознями, с враждой и ненавистью, с леностью и многими пороками? Не прах ли они и пепел? Какое безумие! Какая болезнь! Но, скажешь, не осуждать только нужно зараженных болезнью, а истреблять эту страсть. Как же иначе истреблять ее, если не доказывая, что она порочна и исполнена бесчисленных зол? Впрочем, не легко убедить пристрастившегося к этим детским игрушкам. Ему надобно указать на другую, противоположную красоту. Но, как больной, он еще не может

видеть красоты бестелесной. Поэтому представим красоту телесную и скажем ему: вообрази себе луга и на них цветы, которые прекраснее всякого золота, приятнее и светлее всяких драгоценных камней; вообрази прозрачные струи потоков и рек, которые тихо, подобно елею, протекают по земле; обратись к небу и посмотри на красоту солнца, благолепие луны, сияние звезд. Но что же из этого? Мы не можем, скажешь, пользоваться ими так, как деньгами? Напротив — более, нежели деньгами, потому что и употребление их необходимее, и наслаждение надежнее; тебе не нужно опасаться, чтобы кто не похитил их, подобно как деньги, но можно всегда быть уверенным в них, притом без забот и беспокойств (12).

ДЕТИ

Будем иметь попечение о детях, будем так же воспитывать их, как во всем прочем, так и в отношении целомудрия. Ничто у юношей не требует такого старания и забот, как целомудрие и чистота, потому что эта особенно страсть обуревают этот возраст. Что делаем мы относительно светильников, то же будем соблюдать и по отношению к детям. Часто

случается, что, когда служанка зажжет огонь, мы велим ей не подносить светильника туда, где лежит тростник, или сено, или что-нибудь подобное, чтобы незаметно для нас не упала в это вещество искра и не сожгла всего дома. Так же будем заботиться и о детях и не станем обращать их взоры туда, где бесчестные служанки, нескромные девицы и распутные рабыни; а если есть у нас такая служанка, или соседка, или вообще другая какая этого рода девица, то прикажем и подтвердим им, чтобы они и не являлись на глаза и не вступали в разговор с юношами, чтобы попавшая отсюда искра не воспламенила всей души дитяти и не причинила безутешного горя. Будем удалять детей не только от зрелищ, но и от слушания соблазнительных и развратных песен, чтобы ими не прельстилась душа их. Не будем водить их в театры, на пиры и попойки. Но станем беречь юношей еще более чем дев, скрываемых во внутренних покоях (1).

Во всяком несчастье станем прибегать к Богу. Если нет у нас детей, будем просить их у Него. А если получим, будем воспитывать их с большой заботливостью

и удалять юношей от всякого зла, особенно же от любострастия. Искушения этого греха сильны и ничто так не волнует этот возраст, как эта страсть. Поэтому оградим их отовсюду советами, увещаниями, страхом и угрозами. Если они одолеют эту страсть, то не скоро поддадутся и другой, — напротив, будут выше и страсти к деньгам, победят и пьянство, и всячески постараются избегать бесчинства и порочных обществ; будут и родителям любезнее, и приятнее всем людям. В самом деле, кто не будет уважать скромного юношу? Кто не обнимет и не облобызает обуздавшего нечистые пожелания? Кто из самых богатых не согласится с великим удовольствием отдать за него свою дочь, хотя бы он был беднее всех? Как никто не будет столь жалок и глуп, чтобы решиться иметь зятем расточительного и развратного человека, хотя бы он был богаче всех, так никто не будет и столь безрассуден, чтобы отвергнуть и обесславить скромного и целомудренного. Итак, чтобы дети наши были и у людей в уважении, и Богу любезны, будем украшать их душу и вводить их целомудренными в брачную жизнь. Тогда потекут к ним и все земные блага, как из источников,

и от Бога получают они милость, так что наслаждаются и настоящей, и будущей славой (1).

Не допустим войти и поселиться в душах юношей низким и грубым пожеланиям и всякому распутству. Такие помыслы свирепее разбойников, отнимая у детей свободу, делая их рабами безумных страстей, поражая их со всех сторон и нанося душе их множество ран. Поэтому каждодневно будем заботиться об этом и, пользуясь словом, как бичом, будем изгонять все такие страсти из их души, чтобы дети были в состоянии вместе с нами принять участие в высшей жизни и совершить всякое в ней служение. Не видите ли, как живущие в городах, лишь отнимут детей своих от груди, тотчас заставляют их носить масличные ветви, делают их судьями состязаний, начальниками этих состязаний и хоров? Так будем делать и мы: с раннего возраста будем вводить их в жизнь небесную, потому что эта земная жизнь требует только трат, а пользы никакой не приносит (1).

Когда дети ваши уже оскверняют себя бесчисленными пороками,

тогда соединяете их узами брака; но уже тщетно и напрасно. Но вы говорите: надобно подождать времени, когда сын станет знаменитым и прославит себя делами государственными, а о душе нимало не печетесь, но равнодушно смотрите на ее падение; от того-то у нас во всем такое смешение, расстройство и беспорядок, что мы не заботимся о душе, пренебрегаем необходимым и все попечение обращаем на дела маловажные. Неужели ты не знаешь, что ты ничем лучше не можешь благодетельствовать сына своего, как сохранив его от нечистоты блуда? Ведь ничего нет драгоценнее души: *какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит* (Мф. 16, 26)? Но любовь к богатству превратила и ниспровергла все и истребила истинный страх Божий. Как тиран разрушает крепость, так и она ниспровергла души людей. Потому-то мы и не печемся ни о спасении детей, ни о своем собственном, заботясь только о том, чтобы сделаться богатыми и оставить богатство своим наследникам, а те своим, и так далее; и таким образом мы только передаем свое имущество другим, а не обладаем им сами. Вот откуда происходит безумие; вот отчего люди

свободные делаются хуже рабов. В самом деле, мы наказываем рабов, если не для них, то, по крайней мере, для самих себя; а свободные не пользуются и таким попечением и оказываются у нас хуже даже рабов. И что я говорю о рабах? Участь детей наших хуже даже скотов; об ослах и лошадях мы более заботимся, нежели о детях. Если кто имеет лошака, то всячески старается найти лучшего конюха, который бы был честен, не вор, не пьяница, и знал свое дело. Если же нам нужно дать наставника сыну, то мы просто, без всякого выбора, берем, кого случится. А между тем нет ничего труднее искусства воспитывать. В самом деле, какое искусство сравнится с искусством образования души и просвещения ума юноши? Человек, знающий это искусство, должен быть внимательнее всякого живописца и ваятеля. Но мы об этом нимало не заботимся, а обращаем внимание только на то, чтобы ученик выучился говорить. Да и об этом заботимся только для богатства. Он учится говорить не для того, чтобы уметь хорошо говорить, но чтобы обогащаться, так что если бы, и не умея говорить, можно было приобретать богатство, то мы не стали бы заботиться и об этом.

Видишь ли, какую силу имеет над нами страсть к деньгам? Как она все покорила под власть свою и связала нас, точно невольников и скотов, и влечет куда хочет? Но что нам пользы от таковых обличений? Мы вооружаемся против этой страсти словами, а она побеждает нас делами. Впрочем, не перестанем хоть и так — словами уст наших — поражать ее. Если от этого будет какая польза, то она будет простираться и на нас, и на вас. Если же вы не оставите прежних пороков, по крайней мере, мы со своей стороны сделали все (7).

Душа дитяти чиста от всех страстей; дитя не помнит обид и к обидевшим подбегает как к друзьям, как бы ничего не бывало; сколько бы мать ни наказывала свое дитя, оно всегда, однако же, ищет ее и более всех любит ее. Представь ему царицу в диадеме: оно не предпочтет ее матери, облеченной в рубище, но еще более будет желать видеть последнюю в рубище, нежели царицу в богатой одежде. Свое оно различает от чужого не по бедности или богатству, но по любви. Дитя ничего более не требует, кроме необходимого, и коль скоро насытится

молоком, оставляет сосцы. Дитя не печалится, как мы, о потере денег и тому подобном; равно как не радуется, подобно нам, о таких скоропреходящих вещах; дитя не пристрастно к красоте телесной. Вот почему Христос и сказал: *таковых есть Царство Небесное* (Мф. 19, 14), чтобы мы по свободной воле делали то, что дети делают по природе (7).

Малые дети не ищут действительно великого, а обыкновенно удивляются ничего не стоящему. Так, они с радостью смотрят на колесницы, коней, возничего и колеса, когда все это сделано из глины; а если видят действительно царя, сидящего на золотой колеснице, и запряженных белых лошаков, и великую пышность, — не обращают и внимания. Или еще: получив куклу, сделанную из того же вещества и представляющую невесту, они наряжают ее; а на невест настоящих и блистающих красотой и не взглянут. Так поступают они и во многих других случаях. Этому же ныне подвержены многие и из взрослых. Слыша о небесном, они не обращают и внимания, а ко всему бренному пристрастны, как дети, — изумляются земному богат-

ству, высоко ценят и славу, и наслаждение в настоящей жизни, хотя все это — такие же детские [игрушки], как и те, а небесное доставляет жизнь, и славу, и успокоение. И как дети, лишаясь игрушек, плачут, а небесного и пожелать не умеют, так точно и многие из тех, которых считают мужами. Поэтому-то сказано: *не будьте дети умом* (1 Кор. 14, 20). Ты любишь, скажи мне, богатство? Зачем же ты любишь не богатство пребывающее, а детские игрушки? Ведь, если бы ты увидел, что кто-нибудь дорожит свинцовой монетой и наклоняется, чтобы поднять ее, — не заключил ли бы ты о его большой бедности? А ты собираешь вещи еще более ничтожные и считаешь себя в числе богатых! Есть ли в этом какой-нибудь смысл (9)?

Если желаешь оставить детям своим большое богатство, оставь им Промысел Божий. Тот, Кто без всякого твоего участия дал тебе душу, образовал тело и даровал жизнь, когда увидит, что ты обнаруживаешь столь великую преданность и поручаешь Ему и детей, и им принадлежащее, неужели не отверзет для них всего Своего богатства? Если Илия,

прокормленный малым количеством муки, когда увидел, что та женщина предпочитает его детям, явил в хижине вдовицы гумно и точило, то подумай, какую милость покажет Владыка Илии. Потому станем заботиться не о том, чтобы детей оставить богатыми, но о том, чтобы сделать их добродетельными. Если они станут надеяться на богатство, то не будут заботиться ни о чем другом, как имеющие возможность прикрыть порочность нравов обилием денег; а когда увидят, что они лишены этой опоры, то сделают все, чтобы посредством добродетели найти себе большее утешение в вечности. Итак, не оставляя богатства, чтобы оставить добродетель. Ведь крайне безрассудно при жизни своей не делать детей господами того, что имеем, а по смерти давать легкомыслию молодости полную свободу. Когда мы живы, то можем требовать у них и отчета и, если они дурно пользуются настоящим, можем вразумлять и обуздывать их, а по смерти своей, если мы вместе с нашим отсутствием и их молодостью предоставим им и свободное пользование богатством, то ввергнем этих несчастных и жалких в величайшую бездну, подложив огонь к огню и подлив масла в

раскаленную печь. Таким образом, если желаешь оставить детей подлинно богатыми, то оставь должником их Бога и Ему вручи свое завещание. Если они сами получают богатство, то не будут знать, кому отдать его, а встретятся со многими — и клеветниками, и людьми бесчестными, если же ты заранее отдашь его взаймы Богу, то сокровище останется, конечно, неприкосновенным и возвращение его состоится с большой легкостью. Бог милостив, возвращает нам то, что должен, и взирает на Своих заимодавцев приятнее, нежели на тех, которые ничего не давали Ему взаймы, и, кому больше всего должен, того особенно и любит (11).

ДИАВОЛ

Душа наша избавилась, как птица из сети птицеловов: сеть порвалась, и мы избавились (Пс. 123, 7) ... Пророк [Давид] показывает, как Бог избавил от него [дьявола], как разрушил козни его. Это произошло с того времени, когда Христос сказал ученикам: *даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью* (Лк. 10, 19). Теперь уже не открытая борьба и не равный бой; но дьявол лежит, повергнутый

на землю, а ты стоишь прямо и поражаешь сверху; он обессилен, а ты крепок. Почему же он часто одерживает над нами победу? По нашему малодушию, по беспечности спящих. Если ты захочешь противостоять ему, то он не посмеет идти против тебя. Если же он побеждает тебя спящего, то это происходит не от его силы, а от твоего малодушия. Кто, даже из самых слабых, не победит спящего? Но теперь крепкий связан, сосуды его расхищены (см. Мф. 12, 29), сила его сокрушена, убежище его разрушено, мечи у него отняты. Чего же хочешь более? Почему боишься его? Почему страшишься? Тебе повелено попить его, обессиленного: почему же ты трепещешь, скажи мне, почему колеблешься? Разве не понимаешь, какого имеешь ты Помощника? Ведь не только враг сделался слабее, но и помощь тебе стала больше. Волнения плоти усмирены, бремя греха свергнуто, ты получил благодать Духа, силу помазания: как закон, ослабленный плотию, был бессилен, то Бог послал Сына Своего в подобии плоти греховной в жертву за грех и осудил грех во плоти, чтобы оправдание закона исполнилось в нас, живущих не во плоти (Рим. 8, 3–4). Он сделал плоть

покорною, даровал тебе оружие — броню правды, препоясание истины, шлем спасения, щит веры, меч Духа; дал тебе залог — плотью Своею питает тебя, кровью Своею напояет тебя; вручил тебе крест, как копье, копье никогда несокрушимое; связал диавола и поверг его на землю. Итак, ты безответен, если бываешь побеждаем; не имеешь оправдания, если терпишь поражение, потому что имеешь бесчисленные средства к победе. *Сеть порвалась, и мы избавились. Помощь наша в имени Господа, сотворившего небо и землю* (Пс. 123, 7). Видишь ли, какой у тебя Вождь, какой Царь? Создатель всего, словом Своим произведши такие существа, столь огромные, столь великие. Не падай же духом, стой мужественно; ничто не препятствует тебе воздвигать славный трофей (2).

Диавол существовал не с самого начала, но был создан Ангелом; назвался же диаволом тогда, когда оклеветал Бога пред людьми, а людей пред Богом, когда стал вооружать Владыку против слуги и слугу против Владыки. Если к нам приступает диавол и говорит, например, так: сколько бедствий в мире! Где же Бог? Почему Он не

управляет миром? — то, конечно, это он клеветает нам на Создателя: именно это дело свойственно дьяволу изначала. Он клеветает Адаму на Бога, говоря: *но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги* (Быт. 3, 5). Из зависти, говорит, запретил вам Бог есть (5).

Дьявол много обещает нам, но не с тем, чтобы дать, а чтобы у нас взять. Обещает доставить богатство посредством хищения с тем, чтобы отнять у нас Царствие и правду; расстилает по земле сокровища, как бы тенета и сети, для того, чтобы лишить и этих сокровищ, и небесных; хочет обогатить нас здесь, чтобы мы не имели богатства там. Когда же не может лишить нас небесного наследия посредством богатства, то избирает для того другой путь — путь бедности, как поступил он с Иовом. Когда он увидел, что богатство не причинило никакого вреда Иову, то связал сети из бедности, надеясь таким образом одержать над ним победу. Что может быть безумнее этого? Кто умел благоразумно пользоваться богатством, тот тем более будет мужественно переносить бед-

ность. Кто не имел пристрастия к богатству, когда обладал им, тот не станет искать, когда его и не будет, как и действительно не искал его блаженный Иов, напротив, в бедности он сделался еще славнее. Злой демон хотя и мог лишить его богатства, но любви к Богу не только не лишил, но даже еще более усилил ее и, отняв у него все, сделал то, что Иов обогатился еще большими благами, так что дьявол не знал даже, что еще и предпринять. Чем более он поражал его, тем более видел в нем сил. А когда, испытав все средства, не получил никакого успеха, то прибег, наконец, к древнему оружию — к жене, и, надев на себя личину сострадания, весьма живо и трогательно изображает его несчастья и, как бы радея об избавлении его от бедствий, подает гибельный совет. Но этим он не победил Иова; этот удивительный муж приметил хитрость его, и с великим благоразумием заградил уста жене, которая по внушению дьявола предлагала совет. Так и мы должны поступать. Хотя бы в лице брата, или искреннего друга, или жены, или кого-нибудь из самых близких к нам людей, дьявол внушал нам что-либо неподобающее, мы не по лицу должны судить о словах и принимать

советы, но и по губительному совету должны заключать о том, кто предлагает совет, и отвращаться от него. Дьявол ведь и ныне часто поступает подобным образом: принимает личину сострадания, и, притворяясь доброжелательным, подает нам советы пагубнее и вреднее всякого яда. Его дело — льстить нам к вреду нашему, а дело Божие — наказывать нас, для нашего блага (6).

Коварный диавол употребляет большие [хитрости, и насилие, и] послабление к погибели человека, и начинает действия свои с малого. Смотри: хотел он довести Саула до того, чтобы тот пошел слушать болтовню чревоушательницы. Если бы он в начале стал внушать это Саулу, то Саул, конечно, не послушал бы его. Как, в самом деле, послушал бы тот, кто сам преследовал волхвования? Поэтому он неприметно и мало-помалу приводит его к тому. И, во-первых, когда не послушал Саул Самуила и в отсутствие его дерзнул принести всесожжение, то, будучи обвиняем, говорит, что большая нужда настояла со стороны врагов; и в то время, как должен был рыдать, оставался спокоен, как бы ничего не сделал.

Потом Бог повелел истребить амаликитян, но он и этого не исполнил. Далее следовали злые умыслы его против Давида, — и, таким образом, неприметно и мало-помалу поскальзываясь, он не мог уже остановиться, пока, наконец, не вверг себя в самую бездну погибели. Так случилось и с Каином. Дьявол не тотчас увлек его на убийство брата, так как он и не успел бы убедить его; но, во-первых, склоняет его принести в жертву худшее, внушая ему, что в этом нет греха; во-вторых, возжег в нем ненависть и зависть, уверяя, что ничего и в этом нет; в-третьих, убедил умертвить брата и запирается перед Богом в гнусном смертоубийстве; и не прежде отступил от него, пока не довел до крайнего зла. Итак, надобно отражать зло в начале; даже и в том случае, если бы первые преступления и не влекли за собой дальнейших, и тогда нельзя пренебрегать ими; между тем они доходят и до большего, когда душа вознерадит (7).

Когда кто-нибудь обидит тебя, ты смотри не на него, но на диавола, который побуждает его к тому; на диавола изливай весь свой гнев, а о нем даже жалея, так как

он находится под влиянием диавола. Если ложь — от диавола (см. Ин. 8, 44), то тем более от него же безрассудный гнев. Равным образом, когда увидишь издевающегося над тобою, помышляй, что это диавол побуждает его, потому что насмешки — не христианское дело (9).

Не давай ему [диаволу] снисхождения, как и Бог Израилю, потому что он жестоковыен; не делай ему уступки: он влечет тебя ко греху. Но ты будь впереди врага твоего и скажи ему: *отойди от Меня, сатана, потому что ты думаешь не о том, что Божие, но что человеческое* (Мк. 8, 33). Удаляйся от него, как Илия убежал от Иезавели, спеши к почести высшего звания. Не допускай его догнать тебя, как слуги Авессалома не могли догнать Иоанфана и Ахимааса, священников Господа, бежавших [к Давиду], не допускай схватить тебя, как слуги царя иерихонского не могли схватить соглядатаев, но если возможно, обмани его, как Раав блудница обманула сыщиков. Пусть не удастся ему подчинить тебя себе, как фараон не мог подчинить себе Моисея и Аарона, но ты перехитри его, как волхвы —

Ирода. Не ослабевай в борьбе с ним: ведь ты имеешь распорядителем Бога, а врачам Христа. Не бойся: имеешь ведь умастителем Духа Святого, помазавшего тебя миром из таинственного рога Самуилова. Не бойся жажды: у тебя есть при себе в тычке вода упокоения — Крещения, чтобы, подвигаясь вперед, то есть проповедью Иониною, ты мог восстановить свои силы. Опрокинь его тираническую колесницу. Брось его в яму, которую он сам вырыл; брось его туда на самое дно. Воскликни словами псалма: *Из глубины взываю к Тебе, Господи. Господи! услышь голос мой* (Пс. 129, 1–2). Сбрось его в глубину, уцелев сам от его пагубы. Воздень в высоту преподобные твои руки к Царю, прими от Него пальмовый венок, как некогда отроки, и потрясши им, поклонись Ему, потому что пал Вил, сокрушился Дагон (см. Ис. 46, 1). *Благодарение Богу, даровавшему нам победу Господом нашим Иисусом Христом!* (1 Кор. 15, 57). Такою вот победою ты мог бы открыть себе доступ в рай, как во всенародную купальню, где четыре источника с обильною точно в купальне водою, и почитать в месте злачнее, где так кстати были бы слова: *Он покоит меня на злачных пажитях и водит*

меня к водам тихим (Пс. 22, 2). И похваляясь всем этим, ты мог бы сказать: *подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды* (2 Тим. 4, 7–8) (9).

Как хорошо, что божественное Писание всеми способами отвлекает нас от греха: *О, если бы вы ныне послушали гласа Его: не ожесточите сердца вашего, как в Мериве, как в день искушения в пустыне* (Пс. 94, 7–8), и: *наставляйте друг друга каждый день, чтобы кто из вас не ожесточился, обольстившись грехом* (Евр. 3, 13). Тут часто строит свои козни диавол. Когда он замечает, что душа начинает чувствовать грехи и думать о последствиях наказания, то наводит такого рода мысли: я еще очень молод, придет время для раскаяния, а ныне я пока воспользуюсь тем, что есть, пока еще повладею предметом спора; от этого-то я как-нибудь защищусь, но покончу сначала с наслаждением и удовольствием, а потом успею покаяться. Приходит опять завтрашний день, и он опять совершенно опутывает тебя этими же самыми дьявольскими рассуждениями: опять указывает на

будущее, а от настоящего отвлекает; и так каждый день — сегодня удерживая тебя в удовольствиях, а надежды на раскаяние относя на завтра, он заставляет тебя без пользы тратить свою жизнь день за днем на служение греху (9).

Нам нужны щит веры, шлем спасения и меч духовный, чтобы не только не потерпеть нам зла, но, если дьявол захочет напасть на нас, отсечь ему голову; нам нужны непрестанные молитвы, чтобы попать его ногами. Диавол бесстыден и нагл; к тому же нападает снизу, однако, и таким способом побеждает. А причина этого та, что мы сами не стараемся оказаться выше его ударов: ведь он не может подняться высоко, но пресмыкается по земле, и потому змей есть его образ. А если Бог такое указал ему место в начале, тем более таков он ныне. Если же ты не знаешь, что значит нападать снизу, я попытаюсь объяснить тебе способ такой борьбы. Итак, что значит нападать снизу? Одолевать посредством земных вещей, посредством удовольствий, богатства и всего житейского. Потому, если дьявол увидит, что кто-нибудь парит к небу, то,

во-первых, он не может наско-
чить на него, а во-вторых, если и
решается, то быстро сам упадет:
ведь он не имеет ног — не бойся,
не имеет и крыльев — не стра-
шись, он ползает только по земле
и пресмыкается среди земных дел.
Пусть же у тебя не будет ничего
общего с землей, тогда тебе не
потребуется и труда. Дьявол не
умеет сражаться открыто, но, как
змей, скрывается в терниях, час-
то таясь в прелести богатства. Ес-
ли ты посечешь это терние, то он,
тотчас придя в робость, убежит,
а если ты умеешь заговорить его
божественными заклинаниями,
то тотчас ранишь его. Есть у нас
духовные заклинания — имя Гос-
пода нашего Иисуса Христа и
сила Креста. Это заклинание не
только изгоняет дракона из его
логовища и ввергает в огонь, но
даже исцеляет раны (11).

ДОБРОДЕТЕЛЬ

Итак, возлюбленный, когда уви-
дишь человека, по наружности
одетого в бедную одежду, а внут-
ри облеченного добродетелью,
не уничижай его за наружность,
но наблюдай душевное его богат-
ство и внутренний свет, и тогда
увидишь в нем отовсюду блиста-
ющую добродетель (1).

Навуходоносор, ввергнув в печь
трех отроков и узнав на самом
деле добродетель этих пленных
юношей, начал прославлять их и
превозносить повсюду на собст-
венном языке (см. Дан. 3, 28). В том-
то и открывается особенно величие
силы Божией, что она заставляет
проповедовать о рабах Божиих
самых врагов их. И тот, кто в яр-
ости повелел разжечь печь, когда
увидел, что добродетель отроков
при помощи свыше победила и
силу огня, внезапно переменял
мысли и воскликнул: *рабы Бога
Всевышнего!* Посмотри, как он
прославляет не их только, но и
Господа всяческих. *Рабы Бога
Всевышнего*, — говорит он, —
выйдите (Дан. 3, 93). Что с тобою
сделалось? Не ты ли предал их
казни? Не ты ли приказал раз-
жечь печь до такой степени? Да,
говорит он; но теперь я вижу див-
ные и чудные дела. Эта стихия,
как бы забыв свою силу, как бы
связанная какими-то узами, пока-
зала такую покорность им, что не
коснулась даже волос их. А отсю-
да должно разуметь, что это со-
бытие — выше сил человеческой
природы, что какая-то неизречен-
ная и божественная сила здесь
действует и оказывает столь вели-
кое промышление об этих отроках.

Видишь ли человеколюбие Божие — как Бог не оставляя рабов Своих, хотя попустил им быть вверженными в печь, но желая и их еще более прославить, и Свое всемогущество показать, смягчил душу мучителя и явил столь великое долготерпение? Конечно, не столь чудно было бы, если бы Он с самого начала не допустил их быть вверженными в печь, как теперь дивно и чудно то, что Он даже и среди огня не попустил их потерпеть ничего неприятного. Так-то Бог, когда хочет, и находящихся среди тяжких бедствий еще более возвеличивает, и страждущих делает сильнее тех, которые причиняют им страдания. Так было и с апостолами (см. Деян. 4. 16). Те, которые, захватив их в свою власть, осыпали их угрозами, и как бы скрежеща на них зубами, говорили друг другу: *что нам делать с этими людьми?* — те держали их у себя в руках, но ни на что не отваживались. Столь сильна добродетель, и столь бессильна злоба; первая — и среди страданий побеждает, а последняя — и в том, что делает, показывает только собственное бессилие. Зная это, возлюбленные, будем иметь все попечение о добродетели и убегать зла. Таким образом, получим и помощь свыше, и до-

стигнем будущих благ, которых да сподобимся все мы (1).

Такова сила добродетели, что и чрез самые гонения она достигает большей славы. Подлинно, нет ничего сильнее, нет ничего могущественнее добродетели, — не потому, чтобы она сама по себе имела такую силу, а потому, что приобретший ее пользуется и вышнюю помощью. А с такою помощью и с таким содействием он сильнее всех, он непобедим, он неуловим не только для наветов людских, но и козней бесовских. Зная это, будем избегать не злостраданий, а злодеяний. Злые дела и составляют действительное злострадание. Кто умышляет сделать зло ближнему, тот ему нисколько не вредит; а если и вредит сколько-нибудь, то в настоящей только жизни, а себе готовит казни нескончаемые, муки невыносимые. И нам нельзя избежать их иначе, как если будем располагать себя к готовности переносить зло, и, по учению Господа, будем молиться за тех, кто делает нам зло (1).

Добродетель не подвергается рабству и ничто не может

преодолеть ее: ни рабство, ни плен, ни бедность, ни болезнь, ни сама смерть, которая сильнее всего. Доказательством служат все те, которые перенесли все это и сделались от того более славными. Какой вред потерпел Иосиф от рабства (ничто не препятствует опять указать на того же мужа), какой от заключения, какой от уз, какой от клеветы, какой от козней, какой от жизни в чужой земле? Какой вред потерпел Иов от истребления волов и стад, от насильственной и преждевременной смерти детей, от поражения тела, от скопища червей, от невыносимой скорби, от сидения на гноище, от наветов жены, от укори́з друзей, от порицания рабов? Какой вред потерпел Лазарь от того, что лежал при воротах, был облизываем языками собак, от постоянного голода, от презрения богача, от ран, от невыносимой боли, от недостатка покровителей, от презрения со стороны тех, которые могли бы подать ему помощь? Или какой вред потерпел Павел от множества темниц, истязаний, смертей, потоплений и прочих искушений, которых невозможно исчислить словом? Размышляя обо всем этом, будем избегать порока и следовать добродетели; будем молиться, чтобы

нам не впасть в искушение; а если когда впадем, то не будем падать духом и унывать, потому что это — оружие добродетели для тех, которые пользуются им, как должно (4).

Обитающий с добродетелью в лесах будет жить безопаснее, чем в городе; напротив, предавшийся неправым действиям, хотя бы был окружен тысячью стен, ничем не отличается от безоружного и незащищенного. Великое благо добродетель, сохраняемая со всяким попечением; но великое зло — грех, т.е. предание себя растлению. *Мудрость делает мудрого сильнее десяти властителей, которые в городе* (Еккл. 7, 19). *Отойди от человека глупого, у которого ты не замечаешь разумных уст* (Притч. 14, 7). Облечемся же в эти доспехи: нет ничего крепче этого вооружения, никогда не оставляющего нас безоружными и незащищенными (4).

Ничто так не распространяет славы о человеке, как блеск добродетели, хотя бы этот человек и старался всеми мерами скрыть его. Он как бы окружен солнечным лучом и светит яснее самого

луча, простирая свое сияние не на землю только, но и на самое небо (6).

Будем упражняться в добродетели; она составляет великое богатство и великое чудо. Она доставляет истинную свободу, являет ее и в самом рабстве, не освобождая от рабства, но самих рабов делая почтеннее свободных; а это гораздо важнее, чем дать самую свободу. Она не делает бедного богатым, но и в самой бедности делает его достаточнее богатого (6).

Скажешь, я желал бы лучше быть добрым по необходимости и не получать никаких наград, нежели быть злым по свободному решению и терпеть наказания и мучения. Но невозможно быть добрым по необходимости. Если же ты не знаешь, что должно делать, заяви, и тогда мы скажем, что следует сказать; а если знаешь, что воздержание есть зло, то почему не убегаешь зла? Не могу, говоришь ты. Но другие люди, совершившие такие великие подвиги, осудят тебя и заградят тебе уста с великой силою. Ты, может быть, и жену имея, не соблюдаешь

целомудрие; а другой, и не имея жены, хранит совершенную чистоту. Какое же ты имеешь оправдание, не соблюдая меры, тогда как другой восходит выше заповеданного? Но я, говоришь, не таков по своей телесной природе или по расположению. Да — потому, что не хочешь, а не потому, что не можешь. Я утверждаю, что все способны к добродетели; кто чего не может сделать, тот не сможет и в случае необходимости; если же кто в случае необходимости может, а без нее не делает, тот не делает по свободному решению. Например: летать и подниматься к небу человеческому телу трудно и даже невозможно; потому если бы какой-нибудь царь повелел делать это, угрожал смертью [не повинующимся] и говорил: тех, которые не летают, повелеваю сечь, жечь, или подвергать чему-нибудь подобному, то послушался ли бы кто его? Нет, потому что это невозможно для нашей природы. А если бы тоже сделано было касательно целомудрия и приказано было воздержных наказывать, жечь, сечь, подвергать бесчисленным мучениям, то не стали бы многие повиноваться приказаниям? Нет, скажешь, потому что и теперь существует закон, повелевающий

не прелюбодействовать, и не все повинуются. Но не потому, что закон бессилен, а потому, что многие надеются укрыться. Если бы при тех, кто склоняется на прелюбодеяние, присутствовали законодатель и судья, то страх был бы силен прогнать похоть. Если даже я представлю другую меньшую необходимость, например, возьму и уведу его от любимой женщины и, связав, запру где-нибудь, то и тогда он в состоянии будет перенести и не потерпит ничего худого. Итак, не будем говорить, что такой-то добр по природе и такой-то зол по природе. Если бы кто был добр по природе, то никогда не мог бы сделаться злым; а если бы был зол по природе, то никогда не сделался бы добрым. Между тем мы видим быстрые перемены: люди впадают то в то, то в другое состояние, и переходят от одного к другому. Это можно видеть не только в Писаниях, где, например, мытари становятся апостолами, ученики предателями, блудницы целомудренными, разбойники добрыми, волхвы поклонниками, нечестивые благочестивыми, как в Новом, так и в Ветхом завете, но и каждый день можно видеть множество подобных случаев. Если бы [добро и зло] были естественны, то таких

перемен не было бы. Так, мы чувствительны по природе и при всем старании никогда не сделаемся нечувствительными. Что свойственно природе, то не выйдет из природы. Никто, имеющий нужду в сне, не перестанет спать: никто, подвергающийся тлению, не избавится от тления; никто алчущий не достигнет того, чтобы никогда не алкать. Потому это и не ставится в вину, и мы сами за это не укоряем себя. Никто в укор другому не говорит: о, тленный, о, чувствующий! — но всегда на вид обвиняемым мы поставим или прелюбодеяние или блуд или что-нибудь подобное и за это приводим их к судьям, которые осуждают и наказывают, а за противное тому награждают. Итак, и из того, что мы делаем между собой и что делают с нами судьи, и из того, что мы написали законы и осуждаем сами себя, хотя бы не было против нас никакого обвинителя, и из того, что от нераскаяния становимся хуже, а от страха лучше, и из того, что видим других добродетельными и восходящими на высоту любомудрия, — очевидно, что в нас находится возможность добродетели. Для чего же многие из нас понапрасну обольщают себя холодными извинениями и предложениями,

не только не заслуживающими прощения, но и навлекающими тяжкое наказание, тогда как следовало бы заботиться о добродетели, имея пред глазами тот страшный день, и, потерпев немного, достигать неувядаемых венцов? Эти извинения не принесут нам никакой пользы; рабы, нам подобные и успевшие в противном, осудят всех согрешающих, жестокого — милостивый, злого — добрый, дерзкого — кроткий, завистливого — дружелюбный, тщеславного — любомудрый, нерадивого — усердный, развратного — целомудренный. Так совершит Бог суд над нами, разделив нас на две части, и одних удостоит похвалы, а других наказания (12).

Будем соблюдать непорочность жизни и обильно возжигать огонь добродетели, потому что *вы*, — говорит [апостол Павел], — *сияете, как светила в мире* (Флп. 2, 15). Каждый из нас получил от Бога возможность приносить большую пользу, нежели солнце, большую, нежели небо, земля и море, настолько большую, насколько духовное выше чувственного. Потому, взирая на круг солнца и удивляясь красоте, веществу и блеску этого

светила, будем вместе с тем представлять, что в нас есть свет высший и лучший, равно как может быть и мрак густейший, если мы не будем внимательны. Глубокая ночь объемлет всю вселенную. Разгоним же и уничтожим ее (12).

Добродетель нам естественнее, а порок противоестественнее, подобно как болезнь и здоровье. Так, Бог дал нам глаза не для того, чтобы мы смотрели с любопытством, но чтобы, удивляясь созданиям, поклонялись Создателю. Что действительно таково назначение глаз, это видно из опыта: красоту солнца и неба мы видим чрез неизмеримое пространство, а красоты женской никто не мог бы увидеть на таком расстоянии. Не очевидно ли, что глаза наши созданы более для первого? Также Бог дал нам слух не для того, чтобы нам воспринимать хульные речи, но чтобы слышать спасительные догматы. Потому-то, когда он воспринимает что-нибудь непристойное, тогда душа и самое тело содрогаются. *Пустословие много клянущихся*, — говорит [Премудрый], — *поднимет дыбом волосы* (Сир. 27, 14). Также, услышав что-нибудь грубое и жесткое, мы огорчаемся, а услышав что-нибудь

нежное и человеколюбивое, восхищаемся и радуемся. И уста наши, когда произносят срамные слова, то заставляют нас стыдиться и закрываться; а когда слова благопристойные, то они текут спокойно и свободно; никто не станет стыдиться естественного, а стыдятся того, что неестественно. Руки также, когда похищают, то скрываются и ищут защиты, а когда подают милостыню, тогда выставляются на вид. Итак, если мы захотим, то все будет много располагать нас к добродетели. Если же укажешь мне на удовольствие, проистекающее от порока, то заметь, что еще большее удовольствие мы получаем от добродетели. Иметь добрую совесть, быть у всех в уважении, питать в себе сладостные надежды — это всего приятнее для того, кто понимает сущность удовольствия; а противное тому для понимающего сущность неудовольствия всего мучительнее, как-то: быть у всех в презрении, осуждать самому себя, трепетать и страшиться будущего и настоящего (12).

В удовольствии живет только добродетельный; он истинно богат и истинно свободен. Если же кто, согласившись приписать доб-

родетели безмятежность, спокойствие, свободу от опасений, от всякого страха и всякого подозрения, не согласится только приписать ей удовольствия, тот мне кажется весьма смешным. В чем же другом и состоит удовольствие, как не в том, чтобы быть свободным от опасений, страха и огорчений и ничему не раболепствовать? Кто живет в удовольствии, скажи мне, тот ли, кто неистовствует, мятется, терзается множеством страстей и не владеет сам собой, или тот, кто свободен от всех этих волнений и пребывает в любомудрии, как в пристани? Не явно ли, что последний? Но это свойственно одной добродетели. Порок только носит имя удовольствия, а на самом деле лишен его; прежде, чем он выполнен, он — неистовство, а не удовольствие; а когда выполнен, то [и неистовство] внезапно исчезает. Если же ни в начале, ни впоследствии не видно в пороке удовольствия, то где же оно и когда? Чтобы ты лучше понял слова мои, объясним это примером. Положим, что кто-нибудь влюбился в красивую и милую женщину; доколе не будет удовлетворена страсть его, он бывает подобен беснующемуся и безумным; а когда удовлетворена, то исчезает и похоть. Если же

ни в начале он не чувствует удовольствия — потому что находится в состоянии безумия, — ни впоследствии — потому что удовлетворением страсти прекращается пожелание, — то где же это удовольствие? Напротив, наши удовольствия не таковы: они и в начале чужды всякого смятения, и до конца сохраняются в своей силе, или, лучше, у нас нет и конца удовольствию; блага наши не имеют предела, и удовольствие наше не исчезает никогда. Итак, представляя себе все это и желая получить удовольствие, будем любить добродетель (12).

ДОМ

Не видите ли, как богатые люди после обеда приглашают певцов и флейтистов? Они свой дом делают театром — ты сделай свой дом небом; а сделаешь это не тогда, когда переменишь стены или переставишь основание, а когда призовешь к своей трапезе самого Владыку Небесного. Бог не презирает такие вечера. Где духовное учение, там и смиренномудрие, и честность, и скромность; где муж, и жена, и дети в согласии и любви соединены узами добродетели, там посреди Христос. Он ищет не золотой крыши, не блес-

тящих колонн и не красивых мраморов, а красоты души, духовного благолепия, трапезы, обильной праведностью и имеющей плоды милостыни. Когда Он увидит такую трапезу, тотчас приходит и принимает участие в собрании. Он сам сказал: вы видели Меня алчущим, и напители (см. Мф. 25, 35). Итак, когда услышишь, что внизу громко кричит нищий и затем дашь просящему что-нибудь из того, что находится на столе, то в лице раба ты пригласил Господа к своей трапезе, всецело исполнил ее благословений и этим начатком положил весьма важное основание к тому, чтобы твои житницы наполнились множеством благ (1).

Все, что бывает в мире, и делается, и производится, имеет установителя и совершителя, и только мир не имеет управителя? Если нет Бога, что ты делаешь в его владениях? Ты остаешься в доме Божиим и не признаешь его хозяина? Или будь благодарен за жилище, или уходи из дома. Зачем и дом позоришь, отрывая худу (3)?

Блаженны живущие в доме Твоем: они непрестанно будут

восхвалять Тебя (Пс. 83, 5). Дом Божий — закон; здесь Бог обитает как в Своем жилище и чрез него является тем, кто исполняет заповеди. Живущие здесь блаженны, во-первых, потому, что живут с Богом, затем и потому, что место это недоступно для злобы и что в нем имеется точное знание настоящего и ясное предвидение и созерцание будущего. Потому-то живущие там во веки веков восхвалят Бога, предвосхищая уже жизнь Ангелов, непрестанно восхваляющих Творца, и с настоящим словословием соединяя будущее (3).

Христос никогда не входил в блистательный дом, но был в доме мытаря, начальника мытарей и рыбака, оставив царские палаты и тех, которые облекались в дорогие одежды. Итак, если и ты желаешь призвать Его в свой дом, то укрась последний милостынями, молитвами, всенощными бдениями и усердным молением. Это и составляет украшение для Царя Христа, а внешняя пышность есть украшение для маммоны, врага Христова. Итак, никто пусть не стыдится иметь бедный дом, если в нем есть такие украшения; равно никто из богатых пусть не гордится великолепным

домом, напротив, пусть стыдится, и, оставив его, пусть поревнует о первом, чтобы и на земле принять Христа, и на небе удостоиться вечных селений (7).

Если теперь для того, чтобы иметь светлые и со здоровым воздухом дома, мы тратим множество денег, подвергаясь тяжким трудам при постройках, то подумай, не должны ли мы пожертвовать и самыми телами, чтобы создать себе светлые обители там, где тот неизреченный свет? Здесь споры и раздоры по поводу границ и стен; там нет ничего подобного; нет ни зависти, ни клеветы; никто не станет спорить с нами из-за границ. Притом этот дом непременно нужно будет покинуть, а тот останется при нас навсегда. Этот со временем неизбежно подвергается гниению и многочисленным повреждениям — тот не стареется никогда. Этого бедный не может построить — тот можно построить и на две лепты, как вдовица. Поэтому крайне прискорбно мне, что при стольких предстоящих нам благах мы беспечны и нерадивы. Чтобы иметь блистательные дома здесь, о том мы всячески стараемся; а чтобы на небесах устроить себе хотя малое приста-

нище, о том не заботимся, не помышляем. Скажи мне: здесь где желал бы ты иметь себе дом? В пустыне или в одном из небольших городов? Не думаю, без сомнения — в столицах и в больших городах, где больше блеска. Но я веду тебя в такой город, которого строитель и художник — Бог. Там, умоляю, устрояй и созидай себе дом — с меньшими издержками и с меньшим трудом. Этот дом создается руками нищих, и он есть наилучшее здание; а те, которые строятся теперь, — дело крайнего безумия. Если бы кто повел тебя в Персию с тем, чтобы посмотреть на эту страну и потом возвратиться, а между тем стал бы советовать строить там дома: не назвал ли бы ты его крайне безумным за то, что он советует тебе тратить по пустому? Как же ты делаешь то же самое на земле, которую скоро потом покинешь? Да я, говоришь ты, оставлю все детям. Но ведь и они оставят скоро после тебя, а нередко и прежде тебя; точно также и их потомки. Таким образом, и это бывает для тебя поводом к скорби, когда ты не видишь после себя наследников. Но там нет нужды опасаться ничего подобного; там приобретение остается постоянным и для тебя, и для

детей, и для внуков, если они будут подражать той же добродетели. Тем зданием заведует сам Христос; строящему его нет нужды ни поставлять надсмотрщиков, ни заботиться, ни беспокоиться. Когда дело принимает на Себя Бог, к чему тогда заботы? Он Сам все собирает и воздвигает жилище. И не это только удивительно, но и то, что Он создает его так, как нравится тебе, или даже лучше, чем как тебе нравится и как ты желаешь, потому что Он наилучший художник и весьма заботится о твоих выгодах. Хотя бы ты был нищим и пожелал создать такой дом, это не породит против тебя зависти, не возбудит клеветы, потому что не видит его никто из тех, кому знакома зависть, а видят Ангелы, умеющие только радоваться твоему благополучию. Никто не станет захватывать границ твоего дома, потому что там нет ни одного соседа, страждущего такою болезнью. Твоими соседями там будут святые, Петр и Павел, все пророки, мученики, сонм Ангелов и Архангелов. Ради всего этого раздадим наше имение нищим, чтобы наследовать те обители (8).

Представим два дома: один наполненный отправляющими

брачное пиршество, и другой — сетующими. Войдем мысленно в тот и другой и посмотрим, который из них лучше. Дом сетования окажется исполненным любомудрия, а дом брака — бесчиния; смотри, здесь в самом деле: нескромные речи, беспорядочный смех, еще более беспорядочные движения, одежда и походка, исполненные бесстыдства, действия, отличающиеся безумием и непристойностью; вообще здесь нет ничего, кроме смешного и достойного осмеяния. Говорю не о браке, — да не будет! — но о том, что бывает на браке. Здесь извращается природа человеческая; присутствующие обращаются из людей в бессловесных животных; одни ржут, подобно коням, другие бьют ногами, подобно ослам, все в беспорядке, все в смятении; нет ничего благопристойного, ничего благородного; здесь великое торжество для диавола — кимвалы, флейты, песни, исполненные прелюбодеяния и разврата. Не так бывает в жилище сетования — все там бывает благопристойно; там глубокое молчание, совершенная тишина, великое сокрушение; нет ничего непристойного, ничего бесчинного. Если же кто станет говорить, то все слова его звучат, как исполненные любомудрия; и,

что достойно удивления, в таком случае бывают любомудрыми не только мужи, но и слуги, и жены. Таково свойство скорби. Стараются утешить сетующего, высказывают множество мыслей, исполненных любомудрия. Тотчас начинаются молитвы, чтобы скорбь не выходила из пределов; с готовностью утешают страждущих; исчисляют множество примеров подобных же сетующих (10).

ДРУЗЬЯ

Любовь лучше власти и всякого богатства; она дороже здоровья и самого света; она — основание благодушия. Доколе мы будем ограничивать любовь одним или двумя? Возьми себе урок и из противного. Пусть кто-нибудь не имеет ни одного друга (что служит знаком крайнего неразумия, потому что только глупый скажет: нет у меня друга): какова будет жизнь его? Хотя бы он был чрезвычайно богат, хотя бы в довольстве и роскоши, хотя бы приобрел бесчисленные блага — он бывает одинок и беспомощен. Между друзьями же не так; но хотя бы они были и бедны — они бывают богаче богатых. Чего кто-нибудь не посмеет сказать сам за себя, то скажет за него друг; чего не

может доставить сам себе, того достигнет чрез другого и даже гораздо более того. Таким образом, дружба будет для нас основанием всякого удовольствия и всякой безопасности. В самом деле, невозможно потерпеть какое-либо зло тому, кто охраняется столькими оруженосцами. И царские телохранители не так бдительны, как эти: те охраняют по нужде и страху, а эти по доброжелательству и любви; любовь же гораздо сильнее страха. Притом царь боится своих стражей, а человек, имеющий друзей, больше надеется на них, чем на себя, и при них не боится никого из злоумышляющих. Будем же приобретать этот товар — бедный, чтобы иметь утешение в бедности, богатый, чтобы в безопасности владеть богатством, начальник, чтобы безопасно начальствовать, подчиненный, чтобы иметь благосклонных начальников. Это — повод к снисходительности, это — основание кротости. Ведь и между зверьми те особенно жестоки и неукротимы, которые не живут стадами. Потому-то мы и живем в городах, и имеем площади, чтобы обращаться друг с другом. Это и Павел повелел, говоря: *не будем оставлять собрания своего* (Евр. 10, 25); нет ничего хуже одиночества,

необщительности и недоступности. Что же, скажешь, монахи и те, которые заняли вершины гор? И они не без друзей. Они удалились от шума городского, не имеют многих товарищей, единоклубных с ними и искренно привязанных друг к другу. Для того они и удалились от мира, чтобы достигнуть этого. Так как препирательство о делах производит многие распри, то они, удалясь от мира, с великим усердием упражняются в любви. Что же, скажешь, если кто будет один? Ужели и он имеет бесчисленных друзей? Я желал бы, конечно, видеть, если возможно, чтобы [отшельники] и жили вместе; но и теперь да будет непоколебима дружба. Ведь не место делает друзьями. И у них есть много почитателей; но их не почитали бы, если бы не любили. Да и они, с своей стороны, молятся о всей вселенной, а это служит величайшим доказательством дружества. Потому-то и в таинствах мы лобзаем друг друга, чтобы нам — многим — быть едиными, и о непосвященных совершаем общие молитвы, молимся о больных, о плодах вселенной, о земле и море. Видишь ли всю силу любви в молитвах, в Таинствах, в увещаниях? Она — причина всех благ (9).

Позаботься приобрести себе друзей прежде домашних своих, прежде всего прочего. Если миротворцы есть сыны Божиим (Мф. 5, 9), то не тем ли более приобретающий друзей? Если только примиряющий называется сыном Божиим, то делающий примиряющихся друзьями чего не удостоится? Будем совершать эту куплю, враждующих между собою делать друзьями, соединять тех, которые ни враги, ни друзья между собою, а прежде всех — нас самих (10).

ДУХОВНЫЕ БЛАГА

Когда есть блага духовные, не бывает никакого вреда от неимения благ телесных. А если нет их, то какая нам останется надежда, какое утешение? Потому о них всегда нужно молить Бога и их просить. О них молиться научил нас и Христос. И если мы внимем в ту молитву, то не найдем в ней ничего плотского, но все духовное. Даже и то небольшое чувственное, о чем мы просим в ней, становится от образа прошения духовным. Уже и одно наставление не просить ничего более, как только хлеба *насущного*, то есть ежедневного, было бы знаком ума

духовного и любомудренного. Но смотри, что предшествует этому: *да святится имя Твое; да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе* (Мф. 6, 9–10). Затем, сказав о том чувственном, Он тотчас уклонился и опять пришел к учению духовному, говоря: *прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим* (Мф. 6, 12). Ничего [не сказал] о начальстве, ничего о богатстве, ничего о славе, ничего о власти, но включил в молитву все, что клонится к пользе души, — ничего земного, но все небесное. Итак, если нам заповедано воздерживаться от вещей житейских и настоящих, то как будем мы несчастны и жалки, когда станем просить у Бога того, что Он заповедал нам отвергать, если и имеем, чтобы избавить нас от забот, а чего повелел просить, о том не будем иметь никакого попечения, или даже не будем и желать того? Подлинно это значит пустословить. Потому-то, хотя мы и молимся, но не получаем успеха. Как же, скажешь, богатеют люди злые? Как неправедные, преступные, хищники, лихоимцы? Не Бог дарует им это, нет. Но как же Бог попускает? Как попускал некогда и богачу, соблюдая его для большего наказания. Вот послу-

шай, что сказано ему: *чадо! ты получил уже доброе твое, а Лазарь — злое; ныне же он утешается, а ты страдаешь* (Лк. 16, 25). Итак, чтобы и нам не услышать этого голоса, нам, которые суетно и безрассудно проводят жизнь в роскоши и прилагают грехи ко грехам, станем заботиться о приобретении истинного богатства и совершенного любомудрия (8).

Какая, в самом деле, польза от наслаждения земного? Сегодня оно есть, а завтра — прах рассеянный; сегодня — огонь пылающий, а завтра — пепел остывший. Но не таковы блага духовные: они всегда сияют и цветут и с каждым днем становятся прекраснее. То богатство никогда не гибнет, никогда не переводится, никогда не истощается, никогда не подвергает беспокойству, зависти или порицанию, не губит тела, не растлевает души, не возбуждает зависти, не навлекает ненависти, между тем как все это соединено с богатством. Та слава не доводит до безумия, не рождает надменности, никогда не перестает и не помрачается. Покой и наслаждение на небесах также непрерывны, всегда неизменны и бессмертны: нельзя найти для них ни предела,

ни конца. Возжелаем же, убеждаю вас, этой жизни. Если будем ее желать, то не поставим ни во что блага настоящие, но станем презирать их, смеяться над ними. Все, что имеет конец, не очень вожделенно. Все, что прекращается, что сегодня есть и чего завтра нет, хотя бы то было что-нибудь и очень великое, — все это кажется слишком малым и не стоящим внимания. Итак, будем любить не скоротечные, не преходящие и утекающие блага, но блага постоянные и неизменные (8).

ДУША

Вспомним, наконец, свое достоинство и подумаем о своем спасении, приложим всякое старание, чтобы не тело только наше было здорово, но чтобы и душа исцелилась от разнообразных ее недугов. И недуги души нам еще удобнее укрывать, чем болезни тела, если только мы захотим быть воздержанными и бодрствовать. Так, если нас возмущает какая-нибудь страсть, но мы благочестивым умом представим себе будущий день Страшного Суда и будем иметь в виду не настоящие удовольствия, но последующие за ними мучения, то страсть тотчас отступит от нашей души и оставит

ее. Не будем же беспечны, но, зная, что нам предстоит подвиг и борьба и что нам нужно быть готовыми на брань, постоянно будем сохранять свой дух крепким и бодрым, чтобы, пользуясь помощью свыше, могли мы стереть главу лукавого зверя, т.е. я разумею — наветника против нашего спасения. Сам Господь обещал нам это, говоря: *се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью* (Лк. 10, 19). (1)

Будем приобретать себе праведность милостынею, чтобы и о нас достойно могло быть сказано: они расточили, дали убогим — и правда их пребывает во век века. Поелику сказано: *расточил, роздал*, — то, чтобы ты не подумал, будто расточенное погибает, тотчас и прибавлено: *правда его пребывает во веки*, — то есть после расточения временных сокровищ остается правда нерасточимая, простирающаяся на всю вечность и никогда не оканчивающаяся. А вместе с милосердием, приложим усердное попечение и о других добродетелях — укротим страсти плотские, изгоним из души своей всякое пожелание непотребное, всякое злое помышление, гнев, ярость, зависть и

украсим всем благообразие души, чтобы, приобретши светлую и блистающую душевную красоту, привлечь к себе Владыку Небесного, и Он благоволил сотворить в нас обитель Себе: а Он, где только узрит душу благообразную, немедленно туда приходит (1).

Существо разрушается не все; благороднейшая и существеннейшая часть его — душа — остается навсегда бессмертной, не подвергаясь ни одному из этих бедствий, тление же касается только низшей части его. Это обстоятельство служит нам к большей чести; ведь мы не просто и не без всякой причины подвергаемся старости и болезням, но справедливо и для нашей пользы: справедливо потому, что мы впали в грех; для нашей пользы — чтобы посредством этих нужд и страданий искоренить гордость, исходящую у нас от беспечности. Следовательно, Бог попустил это не с тем, чтобы унижить нас: если бы Он хотел унижить, то не оставил бы нашу душу бессмертной. Но и не по бессилию сотворил Он наше тело таким: если бы Он был бессилен, то не мог бы и небо, звезды и состав земли поддерживать столь долгое время. А для того,

чтобы сделать нас лучшими, и благоразумнейшими, и более покорными Ему, от чего зависит все наше спасение. Потому Он не создал неба подверженным старости и другим каким-нибудь подобным слабостям, что, лишенное свободного произволения и души, оно не может ни грешить, ни исправляться; почему не имеет нужды и в исправлении. А вам, одаренным разумом и душой, необходимы были производимые этими страданиями скромность и смирение, так как и в начале первый человек прежде всего впал в гордость. Иначе, если бы небо создано было подобно нашим телам и так же старелось, многие увидели бы в этом большое бессилие Создателя как не могущего сохранить одно существо в течение многих веков; между тем теперь, когда Его создания пребывают столько времени, отнять у них самый повод [к этому] (1).

Когда душа избирает добродетель, несмотря на трудности и еще не получая награды, то оказывает расположение и великое усердие к ней; и когда она убегает порока, несмотря на его удовольствия и еще не подвергаясь наказанию, то научается ненавидеть

его и отвращаться. Таким образом, она приобретает навык — отвращаться от порока и любить добродетель (2).

Такова душа, зараженная гордостью. Однажды оставив попечение о своем спасении, она никогда не перестает безумствовать, но, передав бразды своего спасения безумным пожеланиям, носится везде. Как необузданный конь, сбросив узду с своих уст и свергнув всадника с своего хребта, несется быстрее всякого ветра и бывает неприступным для встречающихся, когда все разбегаются и никто не осмеливается удержать его, так и душа, отвергнув обуздывающий ее страх Божий и отбросив управляющий ею разум, бегаёт по странам нечестия до тех пор, пока, стремясь в бездну погибели, не свергнет в пропасть собственное спасение. Потому, нужно постоянно удерживать ее и как бы некоторою уздою благочестивыми помыслами обуздывать безумное ее стремление (4).

Большая часть грехов у нас порождается чувствами души. Наша душа, как бы девица в каком-нибудь чертоге, спокойно пребывает

в центре сердца, а за нею, подобно служанкам, ухаживают пять чувств. Какие чувства? Зрение, вкус, обоняние, слух и осязание. И вот, если никакое чувство не портится и не заблуждается, то и душа сохраняет свою чистоту и невинность; если же случится, что зрение, оставшись без кормчего, уязвится видом юношеской красоты и сильный порыв страсти посредством глаз проникнет в сердце, тотчас душа, объятая бурей похоти, утопает во грехе, ее целомудрие терпит крушение со всеми его последствиями (5).

Когда душа находится в состоянии бесчувственности и развращения и одержима недугом зависти, тогда она не убеждается никаким чудом. Напротив, когда душа благопризнательна, тогда она принимает все с верою, даже и в чудесах не имеет особенной нужды (6).

Не столько тогда открывается мужественная и твердая душа, когда кто-либо без падений пробегает путь (потому что таковой имеет спутником своим благу надежду, возбуждающую, ободряющую, укрепляющую и делающую

его ревностнейшим), сколько тогда, когда кто-либо после бесчисленных венцов, многих трофеев и побед, претерпевая крайний урон, опять может вступить на прежние пути (6).

Душе, отделившейся от тела, уже невозможно блуждать здесь, потому что *души праведных в руке Божией* (Прем. 3, 1). Если же души праведных в руке Божией, то и души детей, так как они не сделались еще злыми. Да и души грешников тотчас удаляются отсюда. Это видно из притчи о Лазаре и богаче. И в другом месте Христос говорит: *в эту ночь душу твою возьмут у тебя* (Лк. 12, 20). Да и быть не может, чтобы душа, вышедшая из тела, блуждала здесь. И это вполне сообразно с разумом. В самом деле, если мы, ходя по земле знакомой и известной нам и будучи облечены телом, когда совершаем путь в странах чужих, не знаем без руководителя, какой надобно идти дорогой, то каким образом душа, отделившаяся от тела и отрешившаяся от всех земных связей, может знать без путевода, куда ей должно идти? Также и из многих других доказательств всякий может легко увидеть, что душа,

вышедшая из тела, не может уже здесь оставаться. Так, Стефан сказал: *прими дух мой* (Деян. 7, 59); и Павел говорит: *разрешиться и быть с Христом, потому что это несравненно лучше* (Флп. 1, 23). Также о патриархе Писание говорит: *и приложился к народу своему, и умер в старости доброй* (Быт. 25, 8). А что и души грешников по смерти не могут здесь пребывать, послушай богача, который много о том просил и не получил желаемого. Если бы это возможно было, то он сам пришел бы и возвестил о происходящем там. Отсюда видно, что души по отшествии отсюда уводятся в некую страну и, уже не имея возможности возвратиться оттуда, ожидают страшного того дня (6).

Все прекрасное зависит от души. Если душа радуется, то розы рассыпает по ланитам; если печалится, то, отъемля всю красоту у тела, все облекает в черную одежду. И если постоянно находится в радостном состоянии, то и тело бывает в безболезненном состоянии; если же находится в печали, то и тело становится слабее и бессильнее паутины. Если рассердится, то и телу дает отвратительный и безобразный вид;

если покажет ясный взор, то и телу дает приятный вид. Если бывает объята завистью, то и на тело разливает бледность и томность. Если исполнена бывает любовью, то и телу сообщает особенное пригожество. Таким-то образом многие жены, не будучи пригожи лицом, особенную приятность получают от души; напротив, другие, блистая внешней красотой, всю ее портят тем, что не имеют привлекательности душевной. Представь, как румянится белое лицо и какую производит приятность разнообразием цвета, когда краска стыдливости разливается по нему. Вот потому, в ком бесстыдна душа, у того и самый вид отвратительнее вида всякого зверя; напротив, стыдливая душа и самый вид делает кротким и любезным. Подлинно, нет ничего прекраснее и любезнее доброй души. Любовь к телесной красоте смешана с огорчением; напротив, любовь к красоте душевной соединена с чистым, не возмущаемым удовольствием. Итак, для чего ты, минуя царя, дивишься глашатаю. Для чего, оставив самого мудреца, с изумлением смотришь на истолкователя его? Видишь привлекательный внешний взор — постарайся узнать внутренний; и, если последний

некрасив, презри и внешний. Если ты увидишь безобразную женщину в прекрасной маске, конечно, не пленишься ей; наоборот, не захочешь, чтобы благовидная и красивая прикрывала себя маской, но пожелаешь, чтобы маска была снята, чтобы ты мог ее видеть в естественной красоте ее. Так поступай и по отношению к душе: ее наперед старайся узнать. Тело как маска прикрывает ее, и каково есть, таким всегда и остается; а душа, хотя бы была и безобразна, скоро может сделаться прекрасной; хотя бы имела око безобразное, свирепое, суровое — оно может сделаться красивым, миловидным, ясным, ласковым, привлекательным (6).

Каково, по твоему мнению, состояние человека раздражительного и человека незлобивого и кроткого? Не правда ли, что душа последнего похожа на некоторое уединенное место, где царствует великая тишина, а душа первого — на шумную площадь, где страшный крик, где погонщики верблюдов, лошаков, ослов кричат изо всей силы на проходящих, чтобы их не задавить? Или еще, не походит ли душа последнего на средину городов, где

сильный шум то с той стороны от серебрянников, то с другой — от медников и где одни обижают, а другие терпят обиду? А душа первого похожа на некоторую вершину горы, где веет легкий ветер и куда падает чистый луч [солнца], откуда льются прозрачные струи потоков и где встречаешь множество прелестных цветов, как на весенних лугах и в садах, красующихся растениями, цветами и струящимися ручейками. Если здесь и бывает какой звук, то это — звук приятный, доставляющий большое удовольствие тому, кто его слышит. Здесь или певчие птицы сидят вверху на ветвях деревьев, и кузнечики, соловьи и ласточки стройно воспевают какой-то один концерт; или тихий ветер, слегка касаясь ветвей деревьев, часто производит звуки, похожие на звук флейты или на крик лебедя; или луг, покрытый розами и лилиями, которым склоняются друг к другу и отливают синевой, представляет как бы синее море в минуту легкого волнения. Одним словом, здесь всякому можно найти много подобий: когда посмотришь на розы, — подумаешь, что видишь радугу; а посмотришь на фиалки, — подумаешь, что видишь волнующееся море; посмотришь же на лилии, —

подумаешь, что видишь небо. И не зрением только наслаждаешься здесь при виде такого зрелища, но и самим телом. Здесь человек по преимуществу находит для себя отраду и отдых, так что скорее считает себя на небе, чем на земле (10).

Невозможно, подлинно невозможно видеть, чтобы и тело изнемогало от времени так, как портится и ослабевает душа от множества грехов. Она впадает в крайнюю болтливость, говорит невнятно, как старики или безумные, страдает притуплением внешних чувств, поражением членов тела, забывчивостью и гноечением из глаз, становится отвратительною для людей и вполне пригодной для дьявола. Таковы души грешников. Но не таковы души праведников, а юны и бодры, пребывают всегда в полном расцвете возраста, всегда готовы

ко всякой борьбе и брани; души же грешников, когда подвергаются и слабому нападению, обыкновенно тотчас падают и погибают. Это выразил пророк, сказав, что *они — как прах, возметаемый ветром* (Пс. 1, 4), так непостоянны и подвержены всякому нападению живущие во грехах. Они не видят хорошо, не слышат правильно, говорят нераздельно, постоянно заикаются, рот их всегда полон слюны и хорошо бы — только слюны, это было бы не так отвратительно, но они испускают речи зловоннее всякой грязи, а хуже всего то, что они оказываются не в силах выплюнуть слюну таких речей, но с большим бесстыдством вытаскивают ее рукою и снова растирают ее, так как она сделалась густой и трудноразделимой. Вероятно, вы чувствуете отвращение, слыша мое описание, тем отвратительнее самый предмет. Если неприятно это видеть в теле, то гораздо неприятнее в душе (11).

ЕРЕТИКИ

И пророки, и сам Господь, и блаженные апостолы вполне справедливо называли их [еретиков] волками, и не только волками, но и заразой, и нечестивыми, и противниками, врагами, коварными, хулителями, лицемерами, ворами, разбойниками, гнусными, лжепророками и лжеучителями, вождя-

ми слепыми, бродягами, злыми, антихристами, соблазном, сынами лукавого, плевелами, безбожными, духоборцами, хулителями Духа благодати, коим не отпустится ни в этом веке, ни в будущем. *И через них путь истины будет в поношении* (2 Петр. 2, 2). В довершение всего они — дети лукавого дьявола, как говорит Богослов: *дети диавола* (1 Ин. 3, 10) (9).

ЖЕЛАНИЯ

Не озабочивайся многим, чтобы не погнаться за тем, чего нельзя достигнуть, не заразиться неизлечимой болезнью и от того не сделаться несчастнее всех. Скажи мне, кто более мучится и терзается: тот ли, кто желает дорогих кушаний и напитков и не в состоянии удовлетворить своего желания, или тот, кто не имеет такого желания? Очевидно, тот, который сильно желает и не может получить желаемого. Состояние желающего и не получающего, жаждущего и не утоляющего своей жажды так мучительно, что и Христос, желая дать нам понятие о геенне, изображает ее точно так же, представляя в ней богатого среди пламени; последний, желая капли воды и не получая ее, жестоко мучился. Итак, кто презирает богатство, тот только подавляет в себе страсть к нему; напротив, кто желает обогатиться и умножить свое имение, тот еще более воспламеняет ее и никогда не в

силах подавить. Последний, хотя бы собрал бесчисленное богатство, желает получить еще столько же; хотя бы удалось ему и это получить, и тогда он пожелает иметь еще вдвое более; и таким образом, более и более желая, он впадает в некоторый новый, ужасный и никогда не излечимый род сумасшествия, которое заставляет его желать, чтобы и горы, и земля, и море, и вообще все претворилось для него в золото. Итак, знай, что не умножением богатства, но истреблением в себе страсти к нему прекращается зло. В самом деле: если бы тебе пришла когда-нибудь глупая страсть летать по воздуху, то как бы ты истребил ее? Устройством ли крыльев и других потребных к тому орудий или путем рассуждения, что желание это невыполнимо и что не следует даже и пытаться его исполнить. Очевидно, последним способом. Но летать, скажешь, невозможно. Но еще более невозможно положить предел страсти любостыжания; легче для людей

летать, нежели умножением богатства прекратить страсть к нему. Если ты желаешь возможного, то можешь утешаться надеждой, что некогда это получишь; если же невозможного, то ты об одном только должен стараться, т.е. об истреблении такого желания, потому что иным образом нельзя доставить душе спокойствие. Итак, чтобы не напрасно нам беспокоиться, для этого, отвергнув постоянно терзающую нас и никогда не успокаивающуюся любовь к богатству, устремимся к другой, которая и гораздо легче может сделать нас блаженными, и возжелаем небесных сокровищ. Здесь труд не велик, а польза бесчисленная: никогда не может лишиться благ небесных тот, кто всегда бодрствует, трезвится и презирает земные блага, напротив, тот, кто порабощен и совершенно предан этим последним, необходимо лишится первых (7).

Приступающие к божественной проповеди и внимательные к вере должны выказывать расположение жаждущих и возжигать в себе такое же, как у них, желание. Чрез это они будут в состоянии вернее удерживать в себе про-

поведуемое. Жаждущие, взяв чашу, выпивают ее с великою охотой и тогда только успокаиваются. Так и те, которые слушают божественные слова, если будут принимать их с жаждою, никогда не отстанут от них прежде, нежели совершенно насытятся. А что всегда должно жаждать и алкать, об этом сказано: *блаженны алчущие и жаждущие правды* (Мф. 5, 6). И здесь Христос говорит: *кто жаждет, иди ко Мне и пей* (Ин. 7, 37). Эти слова означают: Я никого не влеку принуждением и насильем; но кто имеет великое усердие, кто пламенеет желанием, того Я призываю (8).

Из пожеланий одни необходимы, другие естественны, а иные ни то, ни другое. Так все те желания, от неудовлетворения которым гибнет животное, естественны и необходимы, как, например, — желание пищи, питья и сна. Вождение плотское естественно, но не необходимо, так как многие преодолели его и однако ж не погибли. А желание богатства ни естественно, ни необходимо, а излишне: если мы захотим, то и не подчинимся ему. Ведь и Христос, беседуя о девстве, сказал: *кто может вместить, да вместит*

(Мф. 19, 12), а о богатстве не так, — а как? *Кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником* (Лк. 14, 33) (9).

ЖЕНА

Многие ныне ведут войну в домах своих: один встречается войну от жены, другой осаждается сыном, иной терпит неприятности от брата, иной от слуги, — и каждый мучится, досаждает, сражается, причиняет войну и поражается войною; но никто не думает, рассуждая сам в себе, что, если бы он не посеял грехов, то не выросли бы в доме его терния и волчцы, если бы не подложил искр греховных, то не воспламенился бы дом его. А что домашние бедствия суть плоды грехов и что исполнителями наказания грешнику Бог назначает домашних его, об этом свидетельствует Божественное Писание, которого нет ничего достовернее. С тобою ведет войну жена, при входе твоём встречается тебя, как дикий зверь, изощряет язык свой, как меч? Прискорбно, конечно, что помощница сделалась противницею; однако исследуй самого себя, не замышлял ли ты в юности чего-нибудь против какой-нибудь женщины, и вот оскорбление жен-

щины отмщается женщиною, и чужую рану врачует собственная жена твоя. Хотя сама действующая не знает этого, но знает врач — Бог. Он действует на тебя ею как железом, и как железо не знает того, что делает, а знает совершающий железом врачевание — врач, так и здесь, хотя жена поражающая и муж поражаемый не знают причины поражения, но Бог, как врач, знает, что полезно. А что злая жена есть бич за грехи, об этом свидетельствует Божественное Писание; оно говорит, что грешному мужу дастся злая жена (см. Сир. гл. 25 и 26). Она дастся ему, как горькое лекарство, истребляющее греховные соки (2).

Жена, всегда находящаяся при своём законном муже, никогда не подвергнется гибели, не потерпит падения, не впадет в прелюбодеяние, если же она удаляется от мужа, то хотя бы среди Ангелов жила, легко подвергается соблазнам. Где, в самом деле, предаются своим грязным делам жены, удаляющиеся от законных мужей, как не у гробов мучеников, под предлогом молитвы устраивая здесь свидания с нарушителями брака и оскорбляя тем самых мучеников? А часто они

даже и клянутся именем мучеников в верности своим незаконным делам (3).

Когда мы беседуем со многими и говорим: почему ты не хорошо живешь, почему не ведешь строгой жизни? — то отвечают: как я могу, если не оставлю жены, если не оставлю детей? Почему же? Разве брак служит препятствием? Жена дана тебе помощницею, а не вредительницею. Разве не имел жены пророк? И, однако, брак не был препятствием для Духа; он и жил с женою и был пророком. Разве не имел жены Моисей? И, однако, он и рассекал камни, и изменял воздух, и беседовал с Богом, и умиловлял божественный гнев. Разве не имел жены Авраам? И, однако, он стал отцом народов и Церкви; он имел сына Исаака, который также был для него поводом к добрым делам. Не вознес ли он [в жертву] сына, плод брака? Не был ли он и отцом и боголюбцем? Не оказался ли священником, принесшим в жертву собственную утробу, — священником и отцом? Не показал ли в себе природу побеждаемую и благочестие побеждающее, естественную привязанность покоряемую и благочестивые действия

покоряющие, отца устранимого и боголюбца увенчиваемого? Не видишь ли ты его всецело и любящим сына, и любящим Бога? И препятствовал ли ему брак? А что мать Маккавеев? Не была ли она женою? Не присоединила ли семерых сыновей к лику святых? Не видела ли их мучениками? Не стояла ли она при этом непоколебимая, как гора? Не стояла ли она, перенося мученичество с каждым из них и как мать мучеников не вытерпела ли седмикратное мученичество? Ведь когда они были подвергаемы пыткам, она сама принимала удар. Не без боли она принимала это, потому что была мать, и терзание природы оказывало свою силу; и, однако, она не была побеждена. Было море и волны, и, однако, как бушующее море укрощается, так и возмущаемая природа была покоряема страхом Божиим. Как она намастила их? Как воспитала их? Как представляла Богу сем храмов, статуй золотых или, лучше, драгоценнейших золота? (4)

Женам следовало бы быть любомудрее мужей, так как они по большей части привязаны к занятиям домашним. Оттого именно и Иаков был кротким, что жил

дома и был свободен от внешних тревог; не без причины же Писание заметило о нем, как о живущем *в шатрах* (Быт. 25, 27). Но и в доме, скажешь, много беспокойства. Это оттого, что ты сама того хочешь и сама себя окружаешь множеством забот. Муж, обращаясь на торжищах и в судилищах, очевидно, обуревается внешними хлопотами, как бы некоторыми волнами; а жена, сидя дома, как бы в некоем училище любомудрия, и сосредоточив в себе свои мысли, имеет возможность заниматься и молитвою, и чтением, и другими делами любомудрия. И как живущие в пустынях не имеют никого, кто бы беспокоил их, так и жена, находясь всегда дома, постоянно может наслаждаться тишиною. Если же иногда представится ей необходимость и выйти, то и тогда нет для нее повода к беспокойству. В самом деле, женщине нужно бывает выходить или для того, чтобы придти сюда, или когда надобно омыть мело в бане; затем большую часть времени она сидит дома. Поэтому она может и сама любомудрствовать, и, принимая растревоженного мужа, утешать и успокаивать его, разгонять излишние и тяжелые его мысли и, таким образом, снова отпускать его уже без тех неприятностей,

какие он принес с собою с торжища, но с добрым расположением, которое приобрел дома. Подлинно, жена благочестивая и разумная скорее всего может образовать мужа и настроить его душу по своему желанию. Ни друзей, ни учителей, ни начальников не послушает он так, как свою супругу, когда она увещевает и дает советы. Это увещание доставляет ему и некоторое удовольствие, потому что он очень любит эту советницу. И я мог бы указать на многих суровых и неукротимых мужей, которые смягчены таким образом. Жена участвует с мужем и в трапезе, и в ложе, и в рождении детей, и в делах явных и тайных, во входах и выходах, и в весьма многом другом; она во всем ему предана и соединена с ним так, как тело соединено с головою. И если она будет разумна и рачительна, то всех других превзойдет и победит в попечении о своем супруге.

Поэтому убеждаю: считайте это обязанностью и давайте надлежащие советы. Женщина имеет великую силу как для добродетели, так и для порока. Она погубила Авессалома; она — Амнона; она намеревалась — Иова; но она же избавила Навала от смерти; она спасла целый народ. Так, Деввора

и Иудифь выказали доблести мужей — военачальников. Таковы же и многие другие жены. Поэтому и Павел говорит: *почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа* (1 Кор. 7, 16)? И мы знаем, что в те времена Персида, Мариам и Прискилла приняли на себя подвиги апостольские. Этим-то женам и вы должны ревностно подражать, и не словами только, но и делами наставлять своего супруга. Как же мы можем учить его делами? Когда он увидит, что ты не злонравна, не расточительна, не любишь украшений, не требуешь излишних денежных доходов, но довольствуешься тем, что есть: в этом случае он непременно послушает и твоих советов. Если ты на словах будешь богоугодничать, а на деле станешь поступать напротив, то он обвинит тебя в великом пустословии. А когда вместе с словами ты представишь ему наставление делами, тогда он похвалит тебя и скорее послушает. Так будет, например, когда ты не станешь искать ни золота, ни жемчуга, ни драгоценных одежд, но вместо этого скромности, целомудрия, благодушия, и, поступая так сама, будешь требовать того же и от него. Если же надобно что-нибудь делать для угождения мужу, то нужно душу украшать,

а не тело наряжать и погублять. Не столько золото, которым ты украшаешься, делает тебя любезною и приятною для него, сколько — целомудрие и ласковость к нему и готовность умереть за своего супруга. Это по преимуществу пленяет мужей. То украшение неприятно мужу, потому что приводит в стесненное положение его имение и требует больших издержек и забот; а это, о котором сказано выше, привяжет мужа к жене. Ласковость, дружба и любовь ни забот не приносят, ни издержек не требуют, но все противоположное. Притом тот наряд от привычки делается приторным; а украшение души цветет каждый день и возжигает сильнейший пламень. Итак, если хочешь нравиться мужу, украшай душу целомудрием, благочестием, попечением о доме. Эта красота и более пленяет, и никогда не прекращается. Ни старость не разрушает этой красоты, ни болезнь не уничтожает. Красоту телесную и время продолжительное разрушает, и болезнь истребляет, и многое другое, а что украшает душу, то выше всего этого. Кроме того, та красота и возбуждает зависть и возжигает ревность; а эта чиста от такой болезни и свободна от всякого тщеславия.

Таким образом, и в доме все будет идти лучше, и доходы будут изобильнее, когда золото не будет лежать вокруг твоего тела, не будет связывать твоих рук, но будет употребляться на необходимые нужды, как, например, на содержание слуг, на необходимое попечение о детях и на другие действительные потребности. Но если не так, если будет со всех сторон лежать пред глазами и стеснять сердце, то какая прибыль? Какая польза? Печаль сердца не позволяет замечать того, чем пленяются глаза. Ведь вы знаете, верно знаете, что, если бы кто увидел женщину, даже лучше всех украшенную, он не может находить в том удовольствия, когда у него душа болеет. Кто хочет находить удовольствие, тому наперед нужно быть веселым и иметь расположение к радости. Между тем, если золото все растрчено на украшение женина тела, а в доме обитает скудость, то для супруга нет никакого удовольствия. Итак, если желаете нравиться мужьям, приводите их в приятное расположение духа, а приведете их в это расположение, когда отвергнете наряды и украшения. Все это, по-видимому, имеет для него некоторую приятность во время бракосочетания; но впоследствии, с

течением времени теряет свою цену. Если от привычки мы не очень удивляемся небу, которое так прекрасно, и солнцу, которое так блистательно, что ты не можешь сравнить с ним ни одного тела, то каким образом будем дивиться украшенному телу? Это говорю я, желая, чтобы вы украшались истинною красотою, которую заповедал Павел: *не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою, но добрыми делами, как прилично женам, посвящающим себя благочестию* (1 Тим. 2, 9–10). Или ты хочешь нравиться лицам посторонним и от них получать похвалы? Но это желание отнюдь не жены целомудренной. Впрочем, если хочешь, то и они будут очень любить тебя и хвалить за целомудрие. В самом деле, ту [любящую наряды] не похвалит ни один скромный и порядочный человек; похвалят разве люди распутные, или, лучше сказать, и они не похвалят, а напротив, станут говорить о ней худо, когда заметят, что ее бесстыдство возбуждает в них вожделение. А эту [целомудренную] и те, и другие, и все похвалят, так как не только не получают от нее никакого вреда, а, напротив, еще наставление в любомудрии. И от людей ей будет великая похвала и от Бога великая награда (8).

Из всех зол злейшее — злая жена! Если она бедна, злоба ее доставит ей богатство. А если богатство уже в ее распоряжении, оно удваивает ее злобу; нестерпимое животное, неизлечимая болезнь, неукротимый зверь — вот что она тогда. Я знаю, что аспидов можно приручить лаской, а львы, тигры и леопарды укрощаются и делаются ручными. А злая жена неукротима; притесняемая, она неистовствует, ласкаемая — надмеается. Если ее муж — начальник, она день и ночь нашептывает ему про убийства и козни, как Иродиада Ироду; если муж ее беден, она возбуждает его к зависти и ссорам; наконец, если она сделается вдовою, тогда уж сама принимается всех бесчестить. Страх Господень не обуздывает ее языка; она не боится ни Бога, ни будущего Суда, законов любви не признает. Даже предать на смерть собственного мужа для злой жены ничего не значит. В самом деле, праведного Иова его жена побуждала ускорить свою кончину богохульством. *Похули Бога, — говорила она, — и умри* (Иов 2, 9). О, злое существо! О, нечестивое желание! Не тронулась жалостью при виде страданий человека, у которого все тело ки-

шело червями и, словно горячими углями, было осыпано гнойными струпами; не смягчилась при виде мук и предсмертного томления, с конвульсиями и прерывающим дыханием; не прониклась состраданием, видя обнаженным и лежащим в навозе того, кто некогда выступал в царской багрянице; не вспомнила ни своих прежних отношений к нему, ни того, сколько добра и славы получила она чрез него. А вместо всего этого — *похули Бога и умри*. Вот благодарность жены! Вот пластырь, смягчающий боль! Вот закон супружеской любви! Говорил ли он когда-нибудь, когда тебе случилось болеть, такие слова? Не старался ли, напротив, молитвами и благодеяниями смягчить твою болезнь? А ты, не довольствуясь постигшим его временным наказанием, хочешь навлечь на него и вечное, побуждая его к богохульству? Не знаешь разве, что *всякий грех и хула простятся человеку, а хула на Духа не простится человеку ни в сем веке, ни в будущем* (Мф. 12, 31–32)? Хочешь видеть и другую супругу такой же злобы? Вспомни Далилу. Сильнейшего Сампсона она остригла, связала и предала иноплеменникам. Своего собственного мужа, разделявшего с нею ложе, она

обольщала, обманывала, усыпляла своими ласками и своим лицемерием. Вчера любила, а сегодня обманула; вчера ублажала любовью, а сегодня погубила обманом. А разве он не был красив? Да кто в то время был красивее его, носившего на голове семь завитков, образ седмеричной благодати? Или разве он не был силен? Но кто же был сильнее его, когда он и страшного льва задушил на пути своими руками, и тысячу иноплеменников избил одною ослиною челюстью? Или он не был свят? Настолько был свят, что когда однажды, томясь жаждою и не находя воды для ее утоления, помолился Богу, то по его молитве из мертвой ослиной челюсти, бывшей в руках у него, истекла вода, и утолена была его жажда. И столь прекрасного, столь сильного и столь святого мужа его собственная жена, связав, как врага, предала иноплеменникам. Но как же женщина могла одолеть столь сильного мужа? Она воспользовалась его добротою, ночью выведала от него его силы и затем нагого связала его крепкими ремнями. Не даром Премудрость возвещает тебе: *от лежащей на лоне твоем стереги двери уст твоих* (Мих. 7, 5). Какой, скажи мне, зверь и когда замышляет что-либо по-

добное на своего самца? Какая змея ищет погубить своего супруга? Какая львица готовит смерть своему самцу? Видишь, как истинны слова Премудрости: *нет головы ядовитее головы змеиной, и нет ярости сильнее ярости женской* (Сир. 25, 17)? Одним словом, кто имеет злую жену, пусть так и знает, что это ему награда за беззакония. Это опять подтверждается Премудростью: *жена злая мужу беззаконному дана будет за его злые дела* (9).

Нет ничего срамнее жены сластолюбивой, нет ничего отвратительнее жены, преданной пьянству; цвет лица ее увядает, ясность и кротость глаз помрачаются, как бы от какого облака, закрывающего лучи солнечные. Это — дело, свойственное не свободному человеку, но рабу, и крайне неблагородное. Как неприятна жена, дышащая зловонным и испортившимся вином, отрывающая испарения гнилого мяса, отягченная так, что не может встать, раскрасневшаяся больше надлежащего, беспрестанно зевающая и дремлющая! Не такова жена, воздерживающаяся от сластолюбия: она почтенна, целомудренна и благообразна, так как доброе

расположение души придает много красоты и телу (10).

Жена есть пристань и важнейшее лекарство для [ищущих] благодущия. Если эту пристань ты будешь соблюдать свободной от ветров и волнения, то найдешь в ней великое спокойствие, возвратившись с торжища: а если будешь возмущать и волновать ее, то уготовишь сам себе опаснейшее кораблекрушение. Итак, пусть не будет этого, а пусть будет то, о чем я говорю. Если случится в доме что-нибудь прискорбное по ее вине, то утешай ее, а не увеличивай скорби, хотя бы ты лишился всего имущества, это не будет прискорбнее неприязни с сожительницей; какую бы ты ни представил вину, ничто не будет несноснее раздора с женой. Поэтому пусть любовь к ней будет для тебя драгоценнее всего. Если должно носить тяготы друг друга, то тем более — жены. Если она бедна, не укоряй; если неразумна, не осуждай, а лучше постарайся научить ее; ведь она — член твой; вы — одна плоть. Но, скажешь, она болтлива, склонна к пьянству, гневлива? В таком случае должно не гневаться, а скорбеть, молиться Богу, увещевать,

вразумлять ее и делать все, чтобы истребить ее страсть. Если же будешь бить и мучить ее, то не исцелишь ее болезни; грубость исправляется кротостью, а не взаимной грубостью. Вместе с тем не забудь и о награде от Бога. Если ты, имея возможность отвергнуть ее, не сделаешь этого по страху Божию, но станешь сносить недостатки ее из уважения к закону, возбранившему отвергать жену, как ни велика была бы болезнь ее, ты получишь неизреченную награду, и еще прежде награды — великую пользу, сделав ее более благопокорной, приучив и себя к большей в отношении к ней кротости.

Рассказывают, что один из внешних философов [Сократ], имея жену злую, болтливую и склонную к пьянству, на вопрос, для чего он терпит ее, отвечал, что она служит для него домашним училищем и упражнением любомудрия: я, говорил он, упражняюсь ежедневно с нею, делаюсь более кротким и с другими. Вы пришли в восторг? А мне весьма прискорбно, что язычники любомудрием превосходят нас, которым заповедано подражать Ангелам или, лучше, заповедано подражать в кротости самому Богу. Сказанный философ по этой причине не изго-

нял своей злой жены, а некоторые говорят, что по этой причине он и женился на ней. Но, так как многие из людей не бывают настолько благоразумны, то я советую наперед всячески стараться о том, чтобы избирать жену благонравную и исполненную всякой добродетели; если же случится сделать ошибку и ввести в дом свой невесту недобрую и даже негодную, тогда подражать этому философу, всеми мерами исправлять ее и считать это дело важнее всего. Купец не спускает в море корабля и не принимается за торговлю прежде, нежели заключит со своим товарищем условия, которые обеспечили бы взаимное их спокойствие. Так и мы будем принимать все меры, чтобы внутри своего корабля сохранять всяческий мир с сообщницей житейского поприща; тогда и все прочее будет у нас спокойно, и мы безопасно переплывем море настоящей жизни. Об этом мы должны заботиться более, нежели о доме, рабах, деньгах, полях и даже делах гражданских; всего драгоценнее должно быть для нас то, чтобы не иметь вражды и распри с своей сожительницей; тогда и все прочее пойдет у нас хорошо, и в делах духовных мы будем иметь большую

благоуспешность, с единомыслием неся бремя настоящей жизни (12).

ЖИЗНЬ ЗЕМНАЯ

Никто из живущих в этой жизни не живет вечно, кроме только тех, которые живут всегда славной жизнью. И грешники живут, но живут в наказании, мучении и скрежете зубов; а те — во свете и славе, занимаясь вместе с бесплотными силами возношением таинственных песнопений Богу. Итак, чтобы и нам наслаждаться этою радостью, будем вести такую жизнь, чтобы достигнуть того состояния, которого не может представить ни слово, ни ум и ничто другое, но которого блаженство можно познать только самым опытом (2).

Желай жизни не безопасной, бездейственной и безбедной, но колеблющейся от опасностей. Не одинаково ведь можно показать свое искусство, оставаясь спокойно в пристани или переплывая волнующееся море. Один делается ленивым, беспечным и слабым; а другой, испытав много подводных камней, много скал, много бурных ветров и других морских

опасностей и перенесши все это, делает свою душу более крепкою. Ты введен в настоящую жизнь не для того, чтобы бездействовать, лениться, не терпеть никаких бедствий, но чтобы чрез страдания сделаться славным. Не будем же искать покоя или роскошной жизни; желание этого прилично не мужественному человеку, а червю, более животному неразумному, нежели имеющему разум. Ты молишь усердно, чтобы не впасть в искушение, но когда впадешь, то не скорби, не смущайся, не унывай, а употребляй все силы, чтобы сделаться славным. Не видишь ли, как мужественнейшие из воинов, слыша призывающую трубу, взирают на трофеи, на победы, на венцы, на доблестных предков? Так и ты при звуке духовной трубы встань и будь мужественнее льва, иди и на огонь, и на железо. Сами стихии стыдятся истинно мужественных людей. И звери боятся таких храбрых мужей; хотя бы они расвирепели от голода или от своих природных свойств, они забывают все, увидев праведника, и удерживают ярость свою. Итак, ограждай себя этим оружием — и ты не будешь бояться даже огня, хотя бы ты видел пламя, восходящее до неба (2).

Жизнь наша — не игра или, лучше сказать, настоящая жизнь — игра, но будущая — не игра. А может быть, и не игра только, но и хуже того. Не смехом оканчивается, но и большой причиняет вред тем, которые не хотят тщательно благоустроить самих себя (6).

Что же составляет жизнь нашу? Явление ли чудес или заботливость о благоустройстве поведения? Очевидно, что последнее. Чудотворения же и начало отсюда заимствуют, и конец свой здесь же имеют. Кто ведет превосходную жизнь, тот привлекает к себе и благодать чудотворения. А приемлющий благодать приемлет для того, чтобы исправлять жизнь других. И Христос творил чудеса Свои для того, чтобы через них, являсь достойным веры и привлекая к Себе людей, ввести в мир добродетель. Об этом-то преимущественно Он и заботится. Вот почему Он и не довольствуется одними чудесами, но то угрожает геенною, то обещает Царствие, то предписывает чудные Свои законы и употребляет все способы к тому, чтобы сделать нас равными Ангелам. Но что говорить

о Христе? Он ли один все творит с такою целью? Скажи мне сам ты: если бы дали тебе на выбор — или воскрешать мертвых во имя Его, или умереть за имя Его, что бы ты охотнее избрал? Не последнее ли без всякого сомнения? Но первое было бы чудо, а последнее есть дело. И если бы предложили тебе — или траву превращать в золото, или иметь такую силу воли, чтобы всякое богатство попирать, как траву, не избрал ли бы ты скорее последнее? И весьма справедливо. Таким выбором ты больше привлечешь к себе людей. Увидев траву, превращаемую в золото, они сами пожелают иметь такую же силу, подобно Симону; а через то увеличится их любостыжательность. Напротив, если бы видели, что все попирают и презирают золото, как траву, то давно бы избавились от этой болезни. Итак, видишь ли, что жизнь может приносить больше пользы? Жизнью же называю не то, когда ты постишься, когда подстилаешь вретище и пепел, но то, когда ты пренебрегаешь богатством, как пренебрегать им должно, когда избыточествуешь в любви, даешь хлеб свой алчущему, сдерживаешь гнев, отвергаешь тщеславие, истребляешь в себе зависть (7).

Умоляю вас, постараемся исправлять все недостатки и подавлять страсти, возрастающие у нас соответственно каждому возрасту. Если же в каждую часть жизни нашей мы будем проплывать мимо трудов добродетели, везде претерпевая кораблекрушения, то, достигнув пристанища без духовных сокровищ, подвергнемся крайнему бедствию. Настоящая жизнь есть обширное море. И как в море различные заливы имеют различные бури, например, Эгейское море опасно по причине ветров, Этрурский пролив — по причине узкого места, Харибда, близ Ливии — по причине мелей, Пропонтида, у Эвксинского понта — по причине быстроты и стремительности вод, часть моря близ Гадир — по причине пустых, непроходимых и неизвестных мест, и другие части моря опасны по другим причинам, так бывает и в нашей жизни. Первым морем можно назвать детский возраст, который подвержен многим волнениям по причине неразумия, легкомыслия и непостоянства. Поэтому и приставляем мы к детям воспитателей и учителей и попечением восполняем недостатки природы, подобно тому, как на море они восполняются

искусством кормчего. За этим возрастом следует море юности, где дуют сильные ветры, как на Эгейском море, — потому что тогда усиливается в нас похоть. Этот возраст особенно неспособен для исправления, не только потому, что подвержен сильнейшим волнениям, но и потому, что проступки не изобличаются, тогда не бывает уже учителя и воспитателя. Когда же ветры дуют сильнее, а между тем кормчий слаб, и никто не подает помощи, то представь, как опасна буря! Далее наступает возраст мужеский, в котором предстоят человеку дела хозяйственные, жена, брак, деторождение, управление домом и великое множество забот. Тогда же особенно усиливается сребролюбие и зависть. Итак, если мы в каждом возрасте будем терпеть кораблекрушение, то как же пройдем мы настоящую жизнь? Как избежим будущего наказания? Если в первом возрасте не научимся ничему разумному, в юности не будем жить воздержно, сделавшись мужами не победим сребролюбия, то придя в старость, как бы на некоторое дно корабля, и ослабив ладью души всеми этими язвами, по разрушении досок ладьи достигнем пристани с множеством сора вместо духовных

сокровищ и возбудим в дьяволе смех, а себе причиним плач и доставим нестерпимые мучения (7).

Доколе будем мы жить суетно и напрасно? Если здесь данное нам время мы проведем без пользы, то, отошедши отсюда, подвергнемся тяжкому наказанию за неосмотрительную трату. Бог даровал нам эту настоящую жизнь и вдохнул в нас разумную душу не для того, чтобы мы пользовались только этой временной жизнью, но чтобы все получили и будущую жизнь. Неразумным животным предоставлена только настоящая жизнь, а мы для того и имеем бессмертную душу, чтобы готовиться к тамошней жизни, чтобы просиять там, чтобы ликовать с Ангелами, чтобы Царю предстоять всегда — в бесконечные веки. Для того и душа наша бессмертна, и тело будет возвращено нам. Если же ты, когда перед тобой небесное, привязан к земле, — подумай какую обиду наносишь ты своему Благодетелю. Он предлагает тебе небесное, а ты, не обращая на это внимания, предпочитаешь землю? Пренебрегаемый, Он угрожал тебе и геенной, чтобы ты узнал отсюда, каких ты лишаешься благ (9).

Настоящая жизнь есть время борьбы; следовательно, нужно бороться, здесь война и брань. На войне никто не ищет покоя, на войне никто не думает об удовольствиях, никто не заботится об имуществе, никто не беспокоится о жене; но печется только об одном, как бы одолеть врагов. Так будем поступать и мы. И если мы победим и возвратимся с трофеями, то Бог подаст нам все. Об одном только нам надобно стараться, как бы одолеть диавола; а лучше сказать, и это не есть дело наших усилий, но все — благодати Божией. Об одном только нам надобно стараться, чтобы приобрести благодать Его, чтобы стяжать себе помощь Его. *Если Бог за нас, кто против нас?* — говорится (Рим. 8, 31). Об одном только будем стараться, чтобы Он не стал врагом нашим, чтобы Он не отвернулся от нас (10).

Великое дело — жизнь, возлюбленные; как бы кто ни был груб, хотя бы не хотел явно согласиться с учением, но и он склонится на вашу сторону, похвалит и похвалится. А каким образом, скажете, достигнуть превосходной жизни? Не иначе, как силою Божиею.

Что же, когда и эллины бывают такими? Если и бывают такими, то одни по природе, другие из тщеславия. Хотите ли знать, как важна жизнь и какую она заключает в себе силу убеждения? Многие из еретиков, хотя содержали самое развращенное учение, имели такую силу, что многие люди из благоговения к их жизни даже и не исследовали их учения; а другие, и, осуждая их учение, уважали их за жизнь; это не хорошо, но так было. То и ослабляет важность нашей веры, то и извращает все, что никто нисколько не думает о жизни, это унижает веру. Мы говорим, что Христос есть Бог, предлагаем множество и других догматов, между прочим, говорим и то, что Он заповедал всем жить праведно; но на самом деле это у немногих. Порочная жизнь унижает догматы о воскресении, о бессмертии души, о Суде и принимает много противного, судьбу, необходимость, неверие в Промысел. Душа, погрязшая в многочисленных пороках, старается изобретать для себя подобного рода утешения, чтобы не скорбеть при мысли, что есть Суд и что нас ожидает воздаяние за добро и зло.

Такая жизнь производит бесчисленное множество зол, делает

людей зверями и даже бессмысленнее зверей; что есть в каждой породе зверей порознь, то она часто соединяет в одном человеке и извращает все. Для того диавол ввел судьбу, для того внушил, что мир существует без Промысла, для того предположил, что существа бывают добры или злы по природе и что есть зло безначальное и вещественное, для того он делает все, чтобы развратить нашу жизнь. Кто таков именно по жизни, тот не может ни отказаться от развращенного учения, ни пребывать в здоровой вере, но принимает все это по большой необходимости. Я не думаю, чтобы можно было из живущих порочно найти хотя одного человека, который бы не держался какой-либо из многочисленных сатанинских мыслей, что есть судьба, что все происходит случайно и устрояется без порядка и рассуждения. Потому, увещаю вас, будем пещись о добродетельной жизни, чтобы не принять дурного учения (10).

Будем непрестанно умерщвлять тело в делах его. Я говорю это не о сущности тела — да не будет, — а о склонностях к порочным делам. Не терпеть ничего человеческого и не служить удовольствиям — в этом тоже состоит жизнь, а лучше сказать, это и есть единственная жизнь. А тот, кто покорился удовольствиям, не может уже и жить, вследствие возникающих отсюда беспокойств, страхов, опасностей и бесчисленного роя страстей. Придет ли ему мысль о смерти, он уже прежде смерти умер от страха; представится ли ему в уме болезнь, обида, бедность или что-нибудь другое из неожиданного, он уже погиб и уничтожен. Что может быть несчастнее такой жизни? Но не таков живущий Духом: он стоит выше и страхов, и скорби, и опасностей, и всякой перемены, потому что ничего не терпит, но — что гораздо важнее — презирает все, что бы ни случилось (11).

ЗАВИСТЬ

Как червь, зарождающийся в дереве, прежде всего поедает самое дерево, так и зависть прежде всего сокрушает самую душу, породившую ее в себе. А тому, кому завидует, делает не то, чего желал бы ему, а совсем противоположное. В делах зависти ты смотри не на начало, а на конец и прими во внимание то, как самая злоба завидующих доставляет только большую славу тем, которые подвергаются их зависти, потому что страдающие от зависти преклоняют Бога к себе на помощь и пользуются содействием свыше, а завидующий, будучи лишен благодати Божией, легко впадает в руки всем. Порабощаемый прежде всяких внешних врагов собственной страстью, он как бы сокрушает сам себя и, как бы пожираемый невидимыми зубами и таким образом истощаясь сам в себе, так сказать, погружается в бездну. Зная это, будем, убеждаю вас, убегать этой пагубной страсти и

всеми силами исторгать ее из души своей. Это губительнейшая из всех страстей и вредит самому спасению нашему; это изобретение самого дьявола. Потому и Премудрый говорит: *Завистью дьявола вошла в мир смерть* (Прем. 2, 24). Что значит: *завистью дьявола вошла в мир смерть*? Это значит: когда тот злой зверь увидел первозданного человека бессмертным, то по злобе своей увлек его к преступлению заповеди и таким образом сделал то, что человек подвергся наказанию смерти. Итак, зависть произвела обольщение, обольщение — преступление, преступление — смерть. Потому сказано: *Завистью дьявола вошла в мир смерть*. Видишь ли, какое зло от этой страсти? Возвеличенного бессмертием она подвергла смерти. Но тогда как враг нашего спасения, побуждаемый собственной завистью, был причиной того, что первый человек, созданный бессмертным, подвергся осуждению смерти, — благопечительный и человеколюбивый

Господь собственною смертию опять даровал нам бессмертие, так что мы приобрели еще больше, нежели сколько потеряли. Дьявол лишил нас рая, а Господь возвел на небо; тот был причиною осуждения нашего на смерть, а Этот даровал нам бессмертие; тот лишил нас райского блаженства, а Этот уготовал нам Царствие Небесное. Видишь ли премудрость твоего Господа, как он те самые оружия, которые завистью дьявола направлены были против вашего спасения, обратил на его же главу? Притом Господь, не только удостоил нас больших благ [чем в раю], но и самого дьявола предал во власть нашу, сказав: *се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов* (Лк. 10, 19). Итак, размышляя обо всем этом, исторгнем зависть из нашей души и будем стараться о приобретении благоволения Божия. Оно — наше оружие непобедимое; оно — наше самое великое могущество; при его помощи и Измаил, хотя был еще юн и находился в пустыне и в крайне затруднительных обстоятельствах, возвеличился и имел в потомстве многочисленный народ — потому что *Бог был с отроком*, говорит Писание (Быт. 21, 20) (1).

О, зависть, сестра лицемерия, виновница коварства, сеятельница убийства, змеиное семя, губительный цвет. Что сквернее зависти? Ничто. И саму смерть что породило? Ничто другое, кроме зависти, как свидетельствует и Писание, говоря, что *Бог не сотворил смерти и не радуется гибели живущих, но завистью дьявола вошла в мир смерть* (Прем. 1, 13; 2, 24). Мне кажется, возлюбленные, что зависть есть изобретение змия и что невозможно иметь зависть откуда-либо иначе, как если только змей порождает ее, тайно вползши в кого-либо и извергнув яд из своего сердца в сердце принявшего его. Таким образом, завистник стоит в ряду со змием и имеет ту же силу. Ты видел завистливого? Видел змея? Свое он говорит тебе, как друг, а твое принимает от тебя, как враг твой. Приходит змей к Еве, как друг, чаруя ее сладкими словами, но уловляя ее горькими мыслями; на устах неся мед, а в сердце скрывая меч; в одну сторону скрывая голову и в другую виляя тебе хвостом. Приходит к Авелю Каин, как друг; говорит мирно, а думает враждебно; коварством дышали его уста, а зависть скрывалась в его

сердце. Приходит к тебе завистник; он говорит приятное тебе, обращаясь к тебе с льстивыми словами и вкрадчивым смехом, он заставляет твое лицо просветлеть; он раскрывает твое сердце, чтобы опустошить сокровенные его тайники. В беседе он выведает твои тайны и разнесет их повсюду. Если ты обманываешь его, он не переносит этого: перестает смеяться, улыбка исчезает с его лица, он стоит с видом сурового обвинителя и не двигается, пока не заметит твоего смущения, и тогда начинает смеяться. Если на пиру что-нибудь говорится против тебя, он жадно прислушивается. Хорошо. Если же что-нибудь говорится в твою пользу, он, вставляя различные слова, отравляет внимание слушателей, чтобы сказанное о тебе не принесло тебе пользы и в твоём отсутствии. Что хуже завистника? Ничто. К каким зверям причислить его? Если сравнить его со львом или барсом, ты найдешь в завистнике больше зла, потому что всякое животное любит подобных себе, а завистник брата своего ненавидит и его убивает. Вороны питали Илию на горе, а братья пожрали Иосифа, из зависти продали его. Змей при зависти обольстил Еву, и Каин по

зависти убил Авеля. Кит в глубине моря дал приют Ионе, а Саул при зависти преследовал Давида. Львы устыдились Даниила, а иудеи из зависти распяли Христа. Ядовитые змеи укрощаются лаской, а завистники, получая благодеяния, еще более разжигаются. ... Помолитесь и вы, преследуемые завистью, чтобы не потерпеть вам от завистников чего-нибудь худшего и самим не впасть в тот же недуг, потому что *кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть* (1 Кор. 10, 12). Помолитесь и вы, завидующие, чтобы, извергнувши змеиный яд, вам сподобиться небесного хлеба во свидетельстве чистой совести (3).

Такова-то зависть! Нет зла хуже ее. Блудник, например, по крайней мере получает некоторое удовольствие, и в короткое время совершает свой грех; а завистливый мучит и терзает себя прежде того, кому завидует, и никогда не оставляет своего греха, но всегда остается в нем. Свинья любит валяться в грязи, демоны — вредить нам; так и завистливый радуется несчастью ближнего. Когда случится с ближним что-либо неприятное, тогда он покоен и весел,

почитая чужие несчастья своим счастьем, а благополучие других своим злополучием и ищет не того, что ему могло бы быть приятно, но того, что ближнего может опечалить. Такие люди не достойны ли того, чтобы побить их камнями и замучить, как бешеных собак, как злобных демонов, как самих фурий? Как жуки питаются навозом, так и они, будучи некоторым образом общими врагами и противниками природы, находят для себя пищу в несчастьях других. Другие жалеют и бессловесное животное, когда его убивают, а ты неистовствуешь, дрожишь и бледнеешь, видя человека благополучным. Может ли быть что хуже такого бешенства? Вот почему блудники и мытари могли войти в Царствие Божие, а завистники, находившиеся внутри его, выгнаны, по словам Спасителя: *а сыны царства извержены будут* (Мф. 8, 12). Первые, освободившись от своих пороков, получили то, чего никогда и не ожидали; последние лишились и тех благ, какие имели. Да и совершенно справедливо. Зависть превращает человека в дьявола и делает его лютым демоном. От нее произошло первое убийство, от нее презрена природа, от нее осквернена земля, от нее впоследствии раз-

верзшеюся землею поглощены живые Дафан, Корей и Авирон и погиб весь тот народ. Но, может быть, кто-нибудь скажет: порицать зависть легко, а надобно позаботиться о том, как избавиться от этой болезни. Как же можем мы освободиться от этого порока? Когда помыслим, что входить в Церковь не позволено как блуднику, так и завистнику, и притом гораздо более последнему, нежели первому. А ныне зависть не считают и пороком, почему и не заботятся избавиться от нее; но если откроется, что она зло, то легко оставим ее. Итак, плачь и стенай, рыдай и моли Бога; научись относиться к ней, как к тяжкому греху, и каяться в нем. Если так поступишь, то вскоре исцелишься от этого недуга. Но кто ж не знает, скажешь, что зависть есть порок? Правда, всякий знает это, но не всякий ставит эту страсть наряду с блудом и прелюбодеянием. Осуждал ли кто себя когда-нибудь за то, что предавался жестокой зависти, умолял ли когда Бога, чтобы помиловал его за этот недуг? Никто никогда. Напротив, обладаемый гнуснейшею из всех страстью, если постился и дал нищему мелкую монету, то думает, что он ничего худого не сделал, хотя бы тысячекратно

завидовал. Отчего сделался таким преступником Каин, отчего Исав, отчего дети Лавановы, отчего сыны Иакова, отчего Корей, Дафан и Авирон с соумышленниками, отчего Мариам, отчего Аарон, отчего сам дьявол? Вместе с тем представь и то, что ты не тому наносишь вред, кому завидуешь, а поражаешь мечом себя самого. В самом деле, какое зло причинил Авелю Каин? Ему против воли ускорил вход в Царствие, а себя подверг бесчисленным бедствиям. Какой вред нанес Иакову Исав? Тот не обогатился ли и не наслаждался ли бесчисленными благами, а этот после злоумышления своего не принужден ли был выйти из дома родительского и скитаться в стране чужой? Что худого сделали Иосифу сыновья Иаковлевы, хотя едва не пролили крови? Не претерпели ли они голода и не были ли в крайнем бедствии, тогда как тот сделался царем всего Египта? Чем больше завидуешь, тем большие блага доставляешь тому, кому завидуешь. Бог за всем смотрит, и когда видит обиженным не обижающего, то его еще более возвышает и прославляет, а тебя наказывает. Если Он не оставляет без наказания тех, которые радуются несчастью своих врагов, как-то сказано:

не радуйся, когда упадет враг твой ... увидит Господь, и не угодно будет это в очах Его (Притч. 24, 17–18), то тем более не оставит без наказания завидующих не причинившим им никакого вреда. Итак, отсечем от себя зверя многоглавого: много ведь видов зависти. Если любящий любящего его не имеет никакого преимущества пред мытарем, то где станет ненавидящий ничем не обидевшего его? Как избежит геенны, сделавшись хуже язычников? Жестоко болезную о том, что мы, обязанные подражать Ангелам и даже Владыке Ангелов, ревнуем дьяволу. Много зависти есть ведь и в церкви, и более в нас, нежели в управляемых нами, — почему и мы сами имеем нужду в увещании. За что, скажи мне, завидуешь ты ближнему? За то ли, что его уважают и хорошо говорят об нем? Но ты не представляешь себе, сколько зла приносят почести беспечным? Таких людей они доводят до тщеславия, до гордости, до надменности, до высокоумия, делают нерадивейшими, а сверх этих зол еще и скоро они увядают и, что всего хуже, — происходящее от них зло навсегда остается, а удовольствие, лишь только появится, как и отлетает. Итак, из-за этого ты

завидуешь, скажи мне?... Достоин ли это зависти? Напротив, не достоин ли рыданий и слез? Это для всякого очевидно. Завидуя имеющему такую славу, ты поступаешь подобно тому, кто, увидев связанного, наказываемого бичами и влекомого бесчисленными зверями, завидует его ранам и язвам (6).

Нет ничего хуже зависти. Чтобы погубить другого, [завистливый] губит и себя самого. Глаз завистливого снедается печалью. Завистливый живет в непрерывной смерти, всех считает своими врагами, даже и тех, которые ничем его не обидели. Он скорбит о том, что воздается честь Богу; радуется тому, чему радуется диавол. Приобрел ли кто почтение у людей? Это не честь: не завидуй. Почтен ли кто у Бога? Поревнуй ему и будь подобен. Но ты не хочешь? Зачем же еще и губишь себя? Зачем бросаешь и то, что имеешь? Ты не можешь сравняться с ним и сделать что-нибудь доброе? Для чего же еще предпринимаешь и худое? Если ты не можешь разделять с ним труды его, ты должен, по крайней мере, радоваться вместе с ним, чтобы получить пользу от этого сорадования. Ведь часто достаточно бывает и одного

намерения, чтобы получить великое добро. Вот, Иезекииль говорит, что моавитяне за то были наказаны, что радовались [несчастьем] израильтян (см. Иез. 35, 12); а были и такие, которые спаслись потому, что воздыхали о бедствиях других. Если же есть некоторое утешение для тех, которые воздыхают о чужих бедствиях, то гораздо более [утешения] для тех, которые радуются почестям других. Бог обвинил моавитян за то, что они радовались [несчастьем] израильтян. И хотя сам же Он наказывал их, однако же Он не хочет, чтобы мы радовались наказанию других даже и тогда, когда Он сам наказывает, — потому что и Сам неохотно наказывает. Если же должно соболезновать о наказываемых, то тем более не должно завидовать тем, кому воздается честь. Чрез это именно погибли Корей и Дафан; кому они завидовали, тех сделали более славными, а на себя навлекли наказание. Зависть есть зверь ядовитый, зверь нечистый, зло произволения, не заслуживающее прощения, порок, которому нет оправдания, причина и мать всех зол (8).

Зависть — страшное зло и полна лицемерия. Она наполнила

вселенную бесчисленными бедствиями. От этой болезни судилища наполнены подсудимыми. От нее страсть к славе и стяжанию; от нее властолюбие и гордость. Отсюда на путях преступные разбойники и на морях грабители. Отсюда убийства во вселенной; отсюда разделение нашего рода. Какое ни увидишь зло, знай, что оно от зависти. Она вторглась и в церкви. Она издавна была причиной множества зол. Она породила сребролюбие. Эта болезнь извратила все и растлила правду. *Подарки, — сказано, — ослепляют глаза мудрых и, как бы узда в устах, отверщают обличения* (Сир. 20, 29). Она и свободных делает рабами. Об ней мы каждый день беседуем, но нет никакой пользы. Мы бываем хуже зверей, грабим сирот, обираем вдовиц, обижаем бедных, прилагаем к горю горе (8).

Многие подвергаются опасности вместе с находящимися в опасностях, но, когда другие успевают в делах, они терзаются. Такова сила зависти. Хотя там нужны труды и пот, а здесь одно доброе желание и расположение, однако многие, перенеся более тяжелое, не совершили более легкого, но томятся и сами себя губят, когда

увидят, что другие преуспевают и что всей церкви оказана услуга или словом, или иным чем-либо. Что может быть хуже такого человека? Он противится уже не брату, но воле Божией. Помыслив об этом, уничтожь недуг свой и, по крайней мере, избавь самого себя от множества зол, если не желаешь избавить и ближнего. Для чего ты ведешь борьбу со своими мыслями? Зачем наполняешь душу смятением, воздвигаешь бурю, все ниспровергаешь? Находясь в таком состоянии, как ты можешь просить себе отпущения грехов? Если Бог не отпускает грехов тем, которые не прощают сделанных против них грехов, то какое прощение Он даст тем, которые мыслят зло на людей, нисколько их не обидевших? Это — доказательство крайней злобы; таковые вместе с дьяволом враждуют на церковь, а может быть, они и гораздо хуже самого дьявола. Ведь от дьявола можно остеречься, а такие люди, нося личину дружбы, тайно возжигают огонь, сами же себя ввергая в печь первыми и страдая болезнью, которая не только не может вызвать сожаления, но и возбуждает сильный смех. Скажи мне: почему ты бледнеешь, трепещешь и сделался крайне робок? Какое случилось несчастье?

Не то ли, что брат твой богат, знаменит и пользуется почетом? Значит, тебе нужно бы украсить себя венком, радоваться и прославлять Бога, что твой сочлен стал знатен и славен, а ты скорбишь о том, что Бог прославляется. Видишь ли, куда направляется вражда? Ты скажешь: не Бог прославляется, а прославляется брат. Но через него слава восходит к Богу, а следовательно — и вражда твоя. Но не то печалит меня, говоришь ты, а я желал бы, чтобы Бог прославлялся через меня. Так радуйся успехам брата и вот — Бог прославляется и через тебя, и все скажут: благословен Бог, имеющий таковых рабов, свободных от всякой зависти, взаимно радующихся счастьем друг друга. И что мне сказать о брате? Если он и был твоим недругом и врагом, а Бог через него прославился, то потому самому он должен сделаться твоим другом. А ты друга делаешь врагом, когда он получает почести и прославляет Бога. Если бы кто-нибудь излечил твое страждущее тело, то хотя бы он был и враг твой, не стал ли бы ты считать его между первыми своими друзьями? А украшающего Тело Христово, то есть церковь, и своего друга ты считаешь врагом? И как ты можешь иным спо-

собом доказать свою вражду к Христу? Потому, хотя бы кто и творил чудеса, хотя бы соблюдал девство и пост и спал на земле, хотя бы сравнился и с Ангелами в добродетели, но если имеет этот недостаток — будет нечестивее всех и беззаконнее даже прелюбодее, блудника, разбойника и гробокопателя. И чтобы кто-нибудь не обвинил меня в преувеличении речи, я охотно спрошу вас о следующем: если бы кто-нибудь, взяв огонь и заступ, стал разорять и сжигать этот дом [Божий] и разрушать вот этот жертвенник, то каждый из присутствующих разве не стал бы бросать в него камнями как в человека нечестивого и беззаконного? Так что же? А если кто приносит пламя более губительное, чем этот огонь, — я говорю о зависти, которая разоряет не каменные здания и разрушает не золотой престол, но ниспровергает и губит то, что гораздо ценнее и стен, и престола, здание учителей, то может ли он заслуживать какого-либо снисхождения? Пусть никто не говорит мне, что покушающийся на преступление часто не имеет сил исполнить его: дела оцениваются по расположению; так, Саул умертвил уже Давида, хотя и не осуществил этого на деле. Скажи мне,

неужели ты не понимаешь, что, враждуя с пастырем, ты злоумышляешь и на овец Христа, на тех овец, за которых Христос пролил кровь Свою и нам повелел все делать и терпеть? Неужели ты не приводишь себе на память, что твой Владыка искал твоей славы, а не Своей, ты же ищешь не Его славы, а своей? Конечно, если бы ты искал Его славы, то ты достиг бы и своей, а выискивая своей прежде Его, никогда не достигнешь и этой. Итак, какое же будет врачевание от этого? Будем молиться все вместе и вознесем один голос за них, как за одержимых бесом. Ведь они находятся в положении даже более жалком, потому что безумие их произвольно, и болезнь эта имеет нужду в молитве, притом в молитве mnogой. Если не любящий брата, хотя бы расточил имение и просиял в мученичестве, ни в чем не достигнет успеха, то пойми, какого наказания может заслуживать тот, кто враждует на человека, ничем его не обидевшего? Такой хуже и язычника. Если любовь к любящим нас не дает нам никакого преимущества перед ними (язычниками), то, скажи мне, где займет место завидующий любящим? Завидовать хуже, чем ссориться. Ссорящийся, как скоро

будет устранена причина ссоры, обыкновенно прекращает вражду; но завистник никогда не может сделаться другом. Первый ведет борьбу открытую, а второй — тайную; тот иногда может представить благовидный предлог к ссоре, а этот не может ни на что указать, кроме своего безумия и сатанинского настроения. Итак, чему можно уподобить таковую душу? Какой ехидне? Какому аспиду? Какому червю? Какому ядовитому насекомому? Ведь нет ничего нечестивее и злее такой души. Это, именно это (зависть) ниспровергло церкви, породило ереси, вооружило братскую руку, побудило обагрить десницу в крови праведника, попрало законы природы, отверзло двери смерти, привело в исполнение древние проклятия, заставило того несчастного (Каина) забыть муки рождения, своих родителей и всех других, привело его в такое неистовство и ввергло в такое бешенство, что, когда Бог призывал его и говорил: *он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним* (Быт. 4, 7), то он не тронулся и этим. Хотя бы Бог и простил ему вину и подчинил брата, однако эта рана настолько неизлечима, что, если бы были приложены и бесчисленные лекарства, она все-таки

будет обильно источать свой гной. Почему же ты скорбишь, несчастнейший из всех? Неужели потому, что честь воздана Богу? Но это — сатанинское настроение. Или потому, что брат превзошел тебя славой? Но тебе возможно опять опередить его. Таким образом, если желаешь побудить, то не убивай и не истребляй, но оставь жить, чтобы у тебя сохранился повод к состязаниям, и побуди живого, тогда и у тебя будет светлый венец; а если ты убьешь, то на самого себя произнесешь приговор, который постыднее поражения. Но ничего этого не признает зависть. Ради чего же ты стремишься к славе в такой пустоте? Вот и они [Каин с Авелем] тогда одни только населяли землю, однако это не удержало Каина и он, все исторгнув из души своей, стал рядом с дьяволом и ополчился, именно дьявол был тогда вождем Каина. Так как ему недостаточно было того, что человек сделался смертным, то он самым родом смерти постарался увеличить несчастье и внушил Каину сделаться братоубийцей; он, никогда не насыщающийся нашими бедствиями, спешил, нетерпеливо желал видеть исполнение своего дела. Подобно тому, как если кто-нибудь, имея врага своего в

узах и увидев, что над ним произнесен уже приговор, спешит, прежде чем он вышел из города, увидеть его умерщвленным и внутри города и не может переждать надлежащего времени, так спешил тогда и дьявол. Хотя он и услышал, что человек должен возвратиться в землю, но он весьма сильно желал увидеть нечто большее — чтобы сын умер прежде отца, брат убил брата и смерть была преждевременная и насильственная. Видишь ли, к чему послужила зависть, как она исполнила ненасытное желание дьявола и предложила ему такую снедь, какую только он желал увидеть. Итак, будем избегать этого недуга. Ведь тем, которые не освободились от этой болезни, невозможно совсем избежать того огня, уготованного дьяволу (11).

ЗАКОН

Человек до вкушения от дерева знал добро и зло, а не по вкушении получил это знание; объяснял то, почему [так] называется дерево познания добра и зла и как Писание имеет обычай называть время и место по тому событию, которое совершилось в этом месте и в это время. Сегодня следует уяснить самую заповедь, которой

[Бог] воспретил вкушение от дерева. В чем она состоит? *И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть* (Быт. 2, 16). Это — божественный закон; будем же внимательны. Если, читая царские грамоты, люди заставляют всех собравшихся вставать, то тем более мы, готовясь читать не человеческие законы, а божественные, должны подняться умом и внимательно слушать, что говорится. Знаю, что некоторые винят законодателя и говорят, что закон был причиной падения. Поэтому наперед нужно обратиться к этому и самым делом показать, что [Бог] дал закон не по ненависти к человеку и не по желанию нанести оскорбление нашей природе, а по любви и попечительности. Что Он дал его нам в пособие, послушай, что говорит Исаия: *Обращайтесь к закону и откровению* (Ис. 8, 20). А кто ненавидит, тот не помогает. Опять, пророк взывает: *Слово Твое — светильник ног моей и свет стезе моей* (Пс. 118, 105). А ненавидящий не прогоняет мрака светильником и не направляет блуждающего на путь посредством света. Еще Соломон говорит: *светильник заповедь закона, и свет, и жизнь, и назидательные поучения* (см. Притч. 6, 23).

Вот (закон) не только помощь, не только светильник, но и свет, и жизнь. А (делать) это свойственно не тому, кто ненавидит и желает погубить, а тому, кто подает руку и помогает. Поэтому и Павел, обличая Иудея и показывая, сколько пользы принес закон, и что он для нашей природы служит успокоением, а не отягощением, сказал: *вот, ты называешься Иудеем, и успокаиваешь себя законом* (Рим. 2, 17). Видишь ли, что Бог дал закон не для отягощения, но для успокоения нашей природы? Хочешь ли узнать, что — и ради чести? Вполне достаточно и это [сказанное] может свидетельствовать о чести и попечении, однако я сделаю это ясным и посредством других свидетельств. *Хвали, говорит Давид, Иерусалим, Господа; хвали, Сион, Бога твоего, ибо Он укрепляет веревы ворот твоих, благословляет сынов твоих среди тебя; утверждает в пределах твоих мир; туком пшеницы насыщает тебя* (Пс. 147, 1–3). Потом сказав и о благодеянии, которое оказывает Бог через прочее творение, указал на особенное и важнейшее [благодеяние], говоря так: *возвестил слово Свое Иакову, уставы Свои и суды Свои Израилю. Не сделал Он того никакому другому народу,*

и судов Его они не знают (Пс. 147, 8–9). Смотри, сколько перечислил благ: безопасность города: *укрепляет, говорит, верей ворот твоих*, — удаление войны: *утверждает в пределах твоих мир*, — изобилие необходимого для жизни: *туком пшеницы насыщает тебя*. Однако на дарование закона он указал как на драгоценнейшее из всего. Желая показать, что получение закона и познание судебных Божиих есть дар гораздо важнейший, нежели безопасность, мир, отсутствие войн, добродетель и многочадие, и изобилие необходимого для жизни, он, поставив этот дар после всего как венец и совокупность благ, присовокупил: *не сделал Он того никакому другому народу*. Так, т.е. как? Изобилием и другими выше исчисленными благами часто наслаждались и многие, но не о вышесказанном, говорит, а о законе я сказал, что не сделал Он того никакому другому народу. Поэтому и прибавил: *и судов Его они не знают*. Ты видишь, что закон важнее всех исчисленных благ (1).

Закон дан Богом, потому что Он есть Царь царствующих и Господь господствующих. Закон

обязателен вообще для всех людей: для начальников и подчиненных, для рабов и господ, для богатых и бедных. Название «закон» (νόμος) произошло от слова — νέμειν — «разделять», «назначать». От всех людей требуется законом: *не прелюбодействуй, не кради, не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего, не желай дома ближнего твоего, почитай отца твоего и мать твою* (Исх. 20, 12–17). То же самое называется заповедью, потому что заповедует нам Бог делать добро и уклоняться от зла; оправданиями и судами — потому что праведники, соблюдающие заповеди, оправдываются пред Богом, а грешники, престапующие их, осуждаются. А откровением называется потому, что Бог чрез Свои Божественные Писания убеждает сохранять все заповеди Его. *Они не делают беззакония, ходят путями Его* (Пс. 118, 3) (3).

Видишь ли славу закона? Истинная слава его в том, когда он может руководить тебя ко Христу, а руководит он тогда, когда разъясняет, что сам он упразднится. Следовательно, и отсюда наносится еретикам смертельная рана. Если бы закон был противен и

враждебен Христу и не Им дан, то Павлу не следовало бы называть славою закона то, что он может научить приступающих к нему, что чрез Христа он упраздняется. С другой стороны, если бы закон был худ, то не следовало бы снимать с него покрывало, но надлежало бы оставаться ему прикровенным и после благодати. Если благодать делает приступающих к ней более проницательными в деле разумения закона, так что отсюда они получают начала и все побуждения к вере во Христа, то какое кто-либо мог бы привести лучшее доказательство сродства закона с благодатью, как не то, что Христос открывает очи приступающих к Нему, чтобы они могли видеть руководство закона, а закон, открывшись и сделавшись ясным, возможен с большою легкостью руководить разумеющих дела Христовы? Так, это показывает, что ни Христос не враждует против закона, ни закон против Иисуса, но совсем напротив: закон предуготовляет людей к этому великому любомудрию, а Христос принимает их оттуда и возводит на верх совершенства (4).

Как глаз при самом освещении светом получает пользу, так и

душа при самом повиновении закону получает величайшие плоды, очищается, освобождается от порока и восходит к самой добродетели; напротив того, преступающие закон еще прежде наказания получают наказание в самом преступлении, находясь в положении более жалком, нежели сидя во тьме, испытывая страх, терпеть и угрызения совести, и в самый полдень боясь и страшась всех знающих и ничего не знающих (4).

Полагать законы есть дело более прочего необходимое, и это отличает нас от лишенных разума. Что пользы иметь дар слова, когда мы лишены правильного разума? Страсти, которым мы подвергаемся, делают ум пустым, и потому происходит то, что способность говорить, которою нам следовало отличаться среди прочих, мы изменяем в болтливый нрав неразумных животных. Но у тех гнев тотчас успокаивается, у нас же упорствует ненависть. У них не бывает зависти, у нас же она всегда воспламенена. Таким образом, законодатель и закон — это первая и великая помощь. Потому иноплеменники, а также завоеватели городов считали законодателей большими благодетелями, чем

своих родителей. Это справедливо и заслуженно, так как последние дают жизнь, а те учат, как проводить честную жизнь, — вследствие чего происходят защита и твердость. Не стены, не войска, но справедливые законы делают государство безопасными (4).

Закон, данный через Моисея, есть совокупность разнообразных и необходимых учений, общепользное собрание всего хорошего в жизни, таинственное подражание порядкам небесной жизни, светильники и подсвечники, огонь и свет, отблеск горяго света. Закон, данный через Моисея, есть прообраз благочестия, пособие в добром порядке жизни, сдержка для первого греха, намек на будущую истину. Закон, данный через Моисея, есть наказание египетского заблуждения, написанное перстом Божиим, потому что иначе бы высокая рука сохранялась. Закон, данный через Моисея, наставник благочестия, путеводитель к справедливости, просвещение слепых, воспитатель неразумных младенцев, оковы для дурно поступающих, узда для жестоковийных, принудительное иго для зложелательствующих. Закон, данный через Моисея, воспитание

мудрых, упражнение в делах необходимых, училище для познания мира, предводительное наставление, преходящая тайна. Закон, данный через Моисея, есть символическое, состоящее из намеков, сокращение будущей благодати, возвещающее образами исполнение будущей истины, жертвами — [святую] жертву, кровью — кровь, агнцем — Агнца, голубем — голубя с небес, жертвенниками — Первосвященника, храмом — дом Божества, огнем жертвенным — весь вообще свет, свыше озаряющий мир (9).

ЗАПОВЕДИ

Он [Бог] сам сказал: *на кого Я призрю: на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим* (Ис. 66, 2). Видишь, что Он сам указывает нам все духовные украшения, могущие сделать светлым душевное благообразие! На *сокрушенного духом*, — говорит, — *на смиренного*, а затем присовокупляет и то, отчего все другие добродетели происходят: *и на трепещущего пред словом Моим*. Что это значит: *Трепещущего пред словом Моим*? Значит — такого человека, который в самых делах своих показывает повиновение заповедям

Божиим, как и в другом месте сказано: *Блажен человек, который всегда пребывает в благоговении* (Притч. 28, 14). И мы, когда видим, что слуга наш исполняет наши приказания с великим тщанием, со страхом и трепетом, оказываем ему более благоволения и благорасположения, а гораздо более окажет нам милости благий Господь наш. Поэтому Он и сказал: *Призрю: на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим*. Итак, будем трепетать слов Его и со всяким страхом исполнять их. А слова Его — это заповеди, данные нам от Него. Зная, что Ему угодно, что приятно, то и будем делать; и постараемся быть такими, оказывать послушание безмолвное, кротость, смирение, с великим благоговением и страхом исполняя все Его заповеди, чтобы Он, Владыка всяческих, приняв доброе расположение наших намерений и будучи доволен нашим послушанием, благоволил призреть на нас. Если Он благоволит сделать это, то приведет нас в состояние совершенной безопасности. *Призрю*, — говорит Он, — то есть, удостою своего попечения, простру руку, во всем помогу, в изобилии изолью щедроты Свои. Будем же, умоляю, делать все

это, чтобы воззрел Владыка и на нас, — чтобы могли мы и настоящую жизнь провести беспечно, и будущих благ достигнуть (1).

Чтобы тебе не грешить, узнай, что Бог любит и что ненавидит. Кого же любит Он? Того, кто исполняет заповеди Его. *Я возлюблю его*, — говорит Он, — *и Мы придем к нему* (Ин. 16, 21, 23), — не богатого, не здорового, но повинующегося моим повелениям. А кого ненавидит Он и отвергается? Того, кто не исполняет заповедей Его. Итак, когда ты увидишь кого-нибудь не исполняющего заповедей Его, то, хотя бы он был здоровым, хотя бы окружен был богатством, считай его в числе ненавидимых Богом; а добродетельного, хотя бы ты видел его в болезни или бедности, считай в числе любимых Им. Не к тем — любовь Его, а к этим (2).

Не будем думать, что заповедей [Божиих] невозможно исполнить; и ныне многие исполняют их. Если же ты этого не знаешь, то ничего нет удивительного. И Илия думал, что остался только он один, но услышал от Господа: *Я оставил между Израильтянами*

семь тысяч мужей (3 Цар. 19, 18). Отсюда видно, что и ныне есть много таких, которые ведут жизнь апостольскую, подобно как и тогда три тысячи и пять тысяч уверовавших. Если же мы не верим этому, то не оттого, что нет добродетельных, но оттого, что мы сами слишком мало делаем. Предавшийся пьянству не легко может поверить тому, что есть какой-либо человек, который не пьет даже воды, хотя и это многие из монахов исполняют на наших глазах. Похотливый не вдруг поверит, что легко можно сохранять девство; хищник не скоро поверит, что есть такие, которые охотно отдают и свое; так и те люди, которые каждодневно изнуряют себя бесчисленными заботами, не скоро примут учение о том, что можно быть свободным от житейских забот. А что многие исполнили это учение, мы можем доказать примером тех, которые так любомудрствуют и в наше время. Но на первый раз для нас достаточно будет, если вы научитесь не лихоимствовать, почитать добром милостыню и узнаете, что должно уделять от своих имуществ неимущим. Если, возлюбленный, ты исполнишь это, то скоро будешь в состоянии исполнить и то. Итак, прежде оставим

ненужную пышность, станем держаться умеренности и все, что думаем получать, научимся приобретать праведными трудами. Так и блаженный Иоанн, когда беседовал с собирающими пошлины и воинами, заповедовал довольствоваться жалованьем. Он, хотя желал возвести их к другой, гораздо высшей мудрости, но поскольку они к тому были еще неспособны, то предлагает низшую заповедь. Если бы он стал внушать высшие заповеди, то они не только не стали бы внимать им, но не исполнили бы и низших. Поэтому и мы занимаем вас истинами низшими; мы ведь знаем, что бремя нелюбостязания превосходит силы ваши и сколько отстоит небо от земли, столько от вас — такое любомудрие. Итак, по крайней мере, сохраним последние заповеди. Немалый и это урок (6).

Есть ли в заповедях что-нибудь трудное, превышающее нашу природу? Нет, мы не найдем в них ничего такого; даже еще найдем противное. Они настолько же легки, насколько порок труден. В самом деле, что может быть труднее — давать в займы, заботиться о прибыли, заключать сделки, требовать поручительства,

страшиться и трепетать за заклады, за отданные в рост деньги, за расписки, за барыши, за выполнение обещаний? Таково-то все житейское! Самая, по-видимому, изысканная предусмотрительность во всем ненадежна и непрочна. Напротив того, быть милостивым легко и освобождает от всех забот (7).

Бог обещает нам Царство, и мы пренебрегаем Его; диавол готовит нам геенну, и мы чтим его! То — Бог, а это — диавол! Но посмотрим на самую разность их заповедей. Ведь, если бы даже ничего этого не было, если бы, то есть то не был Бог, а это — диавол, если бы первый не уготовлял нам Царства, а последний — геенны, — самого свойства их заповедей не довольно ли было бы для того, чтобы побудить нас быть в союзе с первым? Что же заповедует тот и другой? Один — то, что покрывает нас стыдом, а другой — то, что делает нас славными; один — то, что подвергает бесчисленным бедствиям и бесславию, другой — то, что доставляет великую отраду. В самом деле, посмотрим: один говорит: *научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете по-*

кой душам вашим (Мф. 11, 29); а другой говорит: будь жесток и суров, гневлив и раздражителен, будь лучше зверем, чем человеком. Посмотрим же, что полезнее, что благотворнее. Но не это только (имей в виду), а помысли о том, что один из них диавол. Тогда в особенности обнаружится то (что полезнее), да и торжество будет больше. Ведь не тот заботлив, кто дает повеления легкие, а кто заповедует полезное. И отцы дают приказания тягостные, равно как и господа своим слугам; но потому-то именно одни из них — отцы, а другие — господа; а поработители и губители заповедуют все противное (10).

Если бы Бог заповедал что-либо трудное и невозможное, то иной мог бы сослаться на трудность Его заповедей; если же Он заповедует весьма легкое, то что мы можем сказать, не заботясь и об этом? Разве ты не можешь поститься и сохранять девство? Можешь, если захочешь, в чем облачают нас те, которые исполняли это; но Бог не употребил против нас всей строгости, не повелел и не заповедал этого, а предоставил воле слушателей; ты можешь быть целомудренным и в браке,

можешь воздерживаться и от пьянства. Разве ты не можешь раздать всего имущества? Можешь, как показывают сделавшие это, но Бог не заповедал и этого, а повелел не похищать чужого и из имущества своего уделять нуждающимся. Если кто скажет, что он не может довольствоваться одной женой, тот обольщает и обманывает себя, в чем обличают его те, которые сохраняют целомудрие и без жены. Разве ты не можешь незлословить, не можешь не клясться? Напротив, труднее делать это, нежели не делать. Какое же мы имеем оправдание, когда не исполняем столь легкого и удобного? Не можем представить никакого (12).

ЗЛО

Что человека нельзя обвинять в том, что зависит от природы, тому никто не будет противоречить. Следовательно, когда ты обвиняешь кого-то, то показываешь этим, что его преступление зависит не от природы, а от собственной воли. Если мы тем, что не обвиняем других в преступлениях, показываем, что их преступления зависят от природы, то очевидно, что если в чем порицаем других, этим даем знать, что их

преступление зависит от свободы. Итак, не представляй превратных умствований и хитросплетений, которые слабее паутинной тенеты, а отвечай мне опять на вопрос: всех ли людей Бог сотворил? Конечно. Почему же не все равно добродетельны и порочны? Откуда добрые, хорошие, смиренные? Откуда порочные и нечестивые? Если это зависит не от воли, а от природы, то почему одни добродетельны, а другие порочны? Если все от природы злы, то никому нельзя было бы быть добрым; если ж от природы все добры, то никто не может быть злым. Если у всех людей одинакова природа, то все они, в силу этого, должны быть одинаковы — или все добры, или все злы. Если же мы скажем, что одни добры от природы, а другие злы, то эти свойства их должны бы быть неизменными, так как природные свойства не изменяются. Например, посмотри: все мы смертны, подвержены страстям, и никто не может освободиться от них, хотя бы употреблял тысячу усилий. Между тем мы видим, что многие из добрых делаются злыми и из злых — добрыми: одни по нерадению, другие по великому тщанию; из чего особенно и видно, что быть добрым или злым — не

зависит от природы. Что дано природою, то не изменяется, не приобретается посредством старания. Как для того, чтоб видеть или слышать, нам не нужно трудиться, так и для приобретения добродетели нам не было бы нужды употреблять усилия, если бы она дана была в самой природе. Да для чего и Бог сотворил бы злых, когда мог всех сотворить добрыми? Итак, откуда же зло? Спроси самого себя; мое дело только показать, что оно ни от природы, ни от Бога. Итак, скажешь, само собою явилось? Ни в каком случае. Что же, или оно нерожденно? Замолчи, о, человек! Беги от такого безумия, и не воздавай злу одинаковой чести с Богом, и притом высочайшей. Ведь, если зло нерожденно, то, значит, оно могущественно, и нельзя ни отвратить, ни уничтожить его: всякому известно, что нерожденное не может погибнуть. Отчего же так много добрых, когда зло имеет такую силу? Как рожденные могут быть сильнее нерожденного? Ты скажешь: Бог некогда уничтожит зло. Но каким образом Он уничтожит зло, если оно, подобно Ему, безначально, могущественно и вечно? — скажет кто-либо? О, злоба дьявольская! Сколько она избрела зла! До какого богохульства

довела человека! Под каким благочестивым предлогом измыслила новое нечестивое учение! Желая показать, что зло не от Бога происходит, люди ввели новое нечестивое учение, признав зло нерожденным. Итак, откуда же происходит зло? От хотения и нехотения. Но откуда происходит самое хотение и нехотение? От нас самих. Предлагать такой вопрос — значит то же, что спрашивать: отчего человек видит и не видит? Если бы я отвечал тебе: оттого, что он открывает и закрывает глаза свои, ты бы снова спросил меня: а отчего он открывает и закрывает глаза свои? И потом, когда бы я сказал тебе, что это зависит от нас самих и от нашего хотения, ты бы опять стал искать новой причины. Зло не иное что есть, как неповиновение Богу. Откуда же, скажешь ты, это неповиновение произошло в человеке? Но скажи мне: трудно ли было произойти ему? Я не говорю того, что трудно, спрашиваю только, отчего человек захотел не повиноваться Богу? От беспечности. Имея власть повиноваться и не повиноваться Богу, он избрал последнее. Если ты и после этого сомневаешься и недоумеваешь, то я предложу тебе вопрос не трудный и не запутанный, но

простой и ясный: не случилось ли с тобою, что иногда ты поступал худо, а иногда хорошо? Например, побеждал какую-либо страсть и снова подвергался ей, предавался пьянству и удерживался от него, гневался и укрощал гнев, презирал бедного и не презирал его, прелюбодействовал и снова делался целомудренным? Итак, скажи мне: откуда все это? Отчего? Если ты мне не скажешь, то я скажу тебе: это оттого, что сперва ты старался [о добродетели] и был ревностен, а потом ослабел и сделался беспечен. Людям отчаянным и совершенно предавшимся злу, бесчувственным и безумным, которые не хотят даже и слышать о том, что может исправить их, я не буду и говорить о любомудрии; а тем, которые поступают то так, то иначе, скажу с удовольствием. Ты похитил как-нибудь имущество, тебе не принадлежащее, а после, побуждаемый милосердием, уделил бедному и от собственных твоих благ: откуда произошла в тебе такая перемена? Не очевидно ли, что от твоей воли и расположения? Это так очевидно, что всякий легко согласится с этим. Поэтому прошу вас быть тщательными и держаться добродетели, и тогда вы не будете предлагать подобных вопросов.

Если мы захотим, то зло будет существовать только по одному имени. Итак, не спрашивай, откуда происходит зло, и не предавайся сомнению; но, узнав, что оно происходит от одной беспечности, удаляйся его. Если же кто скажет тебе, что зло не от нас самих происходит, то когда ты увидишь, что он гневается на раба, сердится на жену, обвиняет сына и осуждает тех, которые причиняют другим обиды, скажи ему: как же ты говорил, что зло происходит не от нас самих? Если оно не от нас, то для чего же ты обвиняешь других? Спроси также его: добровольно ли ты порицаешь и поносишь других? Если не добровольно, то никто не должен на тебя гневаться; если же добровольно, то значит, зло происходит от тебя и от твоей беспечности. Далее: веришь ли ты, что есть люди добрые? Если нет добрых, то откуда ты взял самое это название? Откуда твои похвалы? Если же есть добрые, то очевидно, что они могут порицать злых. Если же злой делается злым не добровольно, и не сам по себе, то несправедливо поступят добрые, упрекая злых, и сами сделаются чрез то злыми. В самом деле, что может быть хуже, как обвинять невинного? Если же добрые, и упрекая злых, остаются

добрыми, и это служит сильнейшим доказательством их доброты даже для людей безрассудных, то и отсюда очевидно, что никто никогда не был злым по необходимости. Если ты и после этого будешь спрашивать, откуда происходит зло, то я скажу тебе: от беспечности, от праздности, от обращения с злыми и от презрения к добродетели. Отсюда происходит и зло, и то, что некоторые спрашивают, откуда происходит зло. Из людей добродетельных, возлюбивших жизнь смиренную и целомудренную, никто не спрашивает об этом; одни только держащие делать зло и желающие посредством этого учения ввести некоторую пагубную беспечность сплетают паутинные тенета. Но мы разорвем эти паутины не словами только, но и самими делами. Зло существует не по необходимости. Если бы оно было необходимо, то Христос не сказал бы: *горе тому человеку, через которого соблазн приходит* (Мф. 18, 7). Он называет несчастными тех только, которые делают зло по своей воле (7).

Нужно употреблять все средства, чтобы истреблять пороки в самом начале. Не смотри на то,

что грех сам по себе мал, но помни, что он бывает корнем великого зла, когда вознерадят о нем. Сказать ли тебе достойное удивления? Не столько требуют тщания и трудов большие грехи, сколько, напротив, малые и незначительные. Отвращаться первых заставляет самое свойство греха; а малые по тому самому, что малы, располагают нас к лени и не позволяют мужественно восстать на истребление их. А потому они скоро и делаются великими, если мы спим. Так обычно бывает и с телом. Так и в Иуде родилось это великое зло. Если бы он не думал, что будто бы неважное дело — красть имущество бедных, то, конечно, не впал бы и в грех предательства. Также если бы иудеям не представлялось мало-важным то, что они пленены тщеславием, то, конечно, не дошли бы до христоубийства. Да и всякое зло обыкновенно совершается так. Ведь никто не впадает в нечестие скоро и вдруг. В душе нашей, несомненно, есть некоторый прирожденный стыд греха и уважение к добру, и невозможно ей вдруг дойти до такого бесстыдства, чтобы отринуть все сразу, напротив, она нисходит до крайней гибели неприметно, мало-помалу, когда вознерадит.

Так вошло в мир и идолопоклонство, когда стали выше меры чтить людей, как живых, так и умерших. Так же стали покланяться изваянным. Так, наконец, усилилось блудодейство и другие пороки. Смотри также: один безвременно посмеялся, другой укорил; иной отринул страх, говоря: это ничего. Что за важность — посмеяться? Что от этого может произойти? От этого происходят пустые разговоры, отсюда срамословие, а потом позорные поступки. Еще иной, когда его упрекают, что он поносит ближнего, насмехается и злословит, презирает это и говорит, что злословить другого ничего еще не значит. На самом же деле отсюда рождается безмерная ненависть, непримиримая вражда, бесконечные укоризны, а от укоризн — драки, а от драк часто и убийство (7).

ЗЛОПАМЯТСТВО

Для чего же нам подражать людям неистовым, пожирающим друг друга и враждующим против собственной плоти? Послушай, как сильно сказано о том и в ветхом завете: *на пути правды — жизнь, и на стезе ее нет смерти* (Притч. 12, 28). *Человек питает гнев к человеку, а у Господа про-*

сит прощения (Сир. 29, 3). Но Бог позволил мстить: *глаз за глаз, зуб за зуб* (Исх. 21, 24): почему же в таком случае Он ставит это в вину? Потому, что Он позволил это не для того, чтобы мы в самом деле так поступали по отношению друг к другу, а чтобы из страха наказания и не осмеливались на обиды. Притом же такое мщение свойственно гневу кратковременному, а злопамятность свойственна душе обътой злостью. Тебе причинили зло? Но оно отнюдь не так велико, как то, которое ты сам себе причиняешь злопамятством. Кроме того, человеку доброду и невозможно нанести никакого вреда. Представим себе, что кто-нибудь, имея детей и жену, ведет жизнь совершенную; пусть будет у него много и случаев получить вред; пусть обладает он громадными богатствами, властью, множеством друзей, наслаждается почестями и, однако, ведет жизнь совершенную (это должно прибавить) — и представим, что его постигают бедствия. Пусть, например, какой-нибудь злой человек причинил ущерб его имуществу: но что это значит для того, кто ни во что вменяет имение? Пусть убил детей его: но что значит это для того, кто уверен в воскресении мертвых? Пусть

умертвил жену его: но что значит это для того, кто научился не плакать об умерших? Пусть обещистил его: но что значит это для того, кто все настоящее представляет цветом травным? Пусть изранил он, если хочешь, даже тело его, и ввергнул его в темницу: но что и это значит для того, кто знает, что *если внешний наш человек и тлеет, то внутренний ... обновляется* (2 Кор. 4, 16), и что *от скорби происходит терпение* (Рим. 5, 3)? Я уверен, что такой человек не потерпит никакого вреда, а напротив, как пред этим объяснено, получит пользу: он обновится и сделается искусным. Итак, не будем мучить себя обидами других, причиняя тем сами себе вред и расслабляя свои душевные силы. Мучение происходит не столько от злобы ближних наших, сколько от нашего малодушия. Поэтому-то, если кто обидит нас, мы плачем и предаемся унынию; если похитит у нас что-нибудь, мы испытываем то же самое, подобно малым детям, которых сверстники их, более резвые, раздражают, смущая не чем-нибудь важным, а пустяками, и если увидят, что те на них гневаются, то не перестают им досаждать, а если увидят, что смеются, то от них отступают. Но мы бес-

смысленнее и детей — плачем о том, чему бы должны смеяться. Поэтому умоляю вас, оставим такие детские чувства; будем стремиться к небесному. Христос хочет, чтобы мы были мужами, и мужами совершенными. То же заповедал и Павел, говоря: *братия! не будьте дети умом: на злое будьте младенцы* (1 Кор. 14, 20). Итак, будем младенцами на злое и, избегая греха, будем держаться добродетели (7).

Хотя бы ты был грешник, с дерзновением проси у Него прощения грехов, если можешь представить с своей стороны это доброе дело; и хотя бы ты был праведник, но если не имеешь непамятозлобия, то не получишь никакой пользы. Человек, простивший своему ближнему, не может не получить совершенного прощения [от Бога], потому что Бог несравненно человеколюбивее нас; это известно каждому. Что же ты говоришь? Если можешь сказать [пред Богом]: я был обижен, но обуздал гнев, преодолел бурный порыв его по заповеди Твоей, то не простит ли и Он тебе? Без сомнения, простит. Очистим же душу свою от памятозлобия; этого довольно будет,

чтобы и нам быть услышанными; будем молиться со вниманием и великим усердием (10).

ЗЛОСЛОВИЕ

Поистине злословие уязвляет гораздо более, нежели самые дела. В опасностях есть много такого, что облегчает скорбь, например, когда все поощряют, многие одобряют, хвалят и прославляют. Но здесь, в злословии, отнимается и самое утешение. Переносить злословие не считается за великий подвиг, хотя на самом деле злословие уязвляет подвижника более чем самые опасности. Многие налагают на себя руки, не в силах будучи перенести худой о себе молвы. И что удивляться на других, когда эта-то именно причина более всего побудила удавиться того бесстыдного и гнусного предателя, который совершенно потерял стыд ко всему. И Иов — этот адамант, тверже самого камня, — когда потерял свое имущество, претерпел несносные мучения, лишился вдруг всех детей, когда увидел тело свое преисполненное червями, укоряющую жену, то все легко переносил. Когда же увидел друзей, которые его порицали, ругались над ним и, злословя его, говорили,

что он терпит это за грехи свои и несет наказание за пороки свои, тогда и этот мужественный и великий подвижник поколебался и пришел в смятение (6).

Пусть кто-нибудь нас злословит, мы не тогда должны скорбеть, когда слышим это злословие, но тогда, когда оно справедливо. Если мы будем жить в нечестии, то хотя бы никто нас не злословил, мы всех несчастнее; напротив, если мы будем жить добродетельно, то хотя бы вся вселенная говорила о нас худое — и тогда мы будем счастливее всех и привлечем к себе всех желающих спастись, потому что они будут обращать внимание не на злословия нечестивых, но на добродетельную жизнь. Подлинно, голос добродетели громче всякой трубы, и жизнь чистая светлее самого солнца, хотя бы злословящих было неисчислимое множество. Итак, если мы будем иметь все упомянутые добродетели: если будем кроткими, смиренными, милостивыми, чистыми, миротворцами, не будем отвечать на оскорбления оскорблением, а, напротив, принимать их даже с радостью, то мы всех взирающих на нас привлечем этим не менее, как и чудесами, и

все охотно устремятся к нам, хотя бы кто был неукротим подобно зверю, хотя бы кто был лукав, подобно злему духу, — словом, как бы кто ни был худ. Если же явятся и злословящие, не беспокойся этим; не смущайся, что тебя злословят перед людьми, но рассмотри совесть злословящих — и ты увидишь, что они рукоплещут тебе, удивляются и внутренне осыпают бесчисленными похвалами. Так, обрати внимание, с какой похвалой говорил Навуходоносор о тех отроках, которые были в печи, несмотря на то, что был их врагом и гонителем. Так как он увидел их мужество, то хвалит их, и прославляет, и за то именно, что они не покорились ему и остались верны закону Божию (см. Дан. 3). Так-то дьявол, когда видит, что нисколько не успевает, уходит, наконец, боясь, чтобы не доставить нам своими кознями большей славы. А когда он удалится, и напускаемая им тьма рассеивается, тогда всякий, как бы ни был развращен и нечестив, познает добродетель. Если же и люди не поймут тебя, то будешь иметь у Бога похвалу и большую славу. Итак, не скорби и не малодушествуй. И апостолы были *для одних запахом смертоносным на смерть, а для других запахом*

живительным на жизнь (2 Кор. 2, 16). Если ты не подал никакого повода к злословию, то ты свободен от всякого обвинения; напротив, ты сделался даже счастливейшим человеком. Пусть же сияет твоя жизнь, и не обращай никакого внимания на тех, кто злословит тебя; невозможно ведь, совершенно невозможно, чтобы добродетельные не имели у себя многих врагов. Но от них ничего не потерпит добродетельный человек; напротив, он через это еще более прославится. Итак, размышляя об этом, будем иметь в виду одно — вести жизнь свою добродетельно. Ведя так жизнь, мы и сидящих во тьме будем руководить к небесной жизни. Такова сила этого света, что он не только здесь сияет, но и освещает путь идущим туда (6).

Не злословимым надобно страшиться и трепетать, а злословящим, потому что не злословимые должны будут оправдываться в том, что о них разносимы были недобрые слухи, но злословящие дадут ответ в том, что они говорили о других худо. На них-то падет вся беда. Итак, терпящим от злых слухов не о чем заботиться, потому что не потребуется

от них ответа в том, что другие говорили о них худо, но говорившим худо надобно страшиться и трепетать, потому что они за свое злоязычие потребованы будут к суду. Поистине, это дьявольская сеть, это такой грех, который никакого не приносит удовольствия, а только один вред. Поистине, злое сокровище копит в душе своей злоязычник. Если одержимый дурными мокротами сам больше всех терпит от них и впадает в болезнь, то тем более скапливающий внутри себя злобу, которая горче всякой желчи, потерпит жесточайший вред и причинит себе лютую болезнь. Если изрыгаемые им слова так много огорчают других, то еще гораздо большую скорбь причинят они душе, породившей их. Умышляющий зло прежде всех убивает самого себя, точно так же, как раздувающий огонь нередко сам сгорает, и бьющий по алмазу причиняет вред самому себе, и наступающий на острые гвозди наносит сам себе кровавую рану (6).

Будем же иметь язык, изрекающий доброе, чтобы снискать любовь и благорасположенность. Но зло дошло до того, что многие

хвалятся тем, чего надлежало бы стыдиться. Многие произносят такую угрозу: ты не устоишь, говорят, против языка моего. Такие слова свойственны женщине пьяной и беспорядочной, старухе непотребной, которую преследуют на торжище. Нет ничего постыднее этих слов; нет ничего недостойнее мужа, ничего женоподобнее, как в языке полагать свою силу и хвалиться злословием, подобно действующим на зрелищах, подобно шутам, тунеядцам и льстецам. Более свиньи, нежели люди, — те, которые этим хвалятся. Тебе надлежало бы скрыть это от самого себя, и если бы кто другой сказал тебе об этом, надлежало бы бежать от слов его, как враждебных и недостойных мужа; а ты сам делаешься провозвестником укоризн. Но ты нисколько не повредишь слушающему от тебя злое. Потому, увещаваю, уразумев, как велико это зло, которым многие даже хвалятся, опомнимся, исправим преданных этому безумию, изгоним из города такие общества, благоустроим наш язык и воздержим его от всякого злословия, чтобы, очистившись от грехов, мы могли приобрести благоволение свыше и сподобиться человеколюбия Божия (10).

ЗЛЫЕ ЛЮДИ

Не будем же бояться людей злых, но жалеть о них. Тогда действительно они были страшны, когда не был еще открыт высокий путь, ведущий к любомудрию; а теперь, когда нам открыты небеса и люди делаются ангелами, они уже не страшны. Так зверь, с великою стремительностью бросающийся на острие копья, по видимому, угрожает опасностью тому, кто держит копье, но наносит самому себе тягчайшую рану; и тот, кто прет *против рожна* (Деян. 9, 5), также обагрывает кровью свои ноги. Такова добродетель — рожен и меч изощренный, а все злые люди хуже и безумнее диких зверей. Когда они нападают на добрых, то гораздо больше причиняют зла себе; добрым они причиняют убыток в деньгах, или здоровье, а сами наносят существенный вред душе своей. Если бы потеря имущества причиняла вред нашей собственной добродетели, то Павел не заповедал бы терпеть обиды, а не обижать (см. 1 Кор. 6, 7). Если бы терпение обид было злом, то Законоположник добра не заповедал бы зла. Впрочем, хотя это действительно так, не следует предавать себя людям злым и иметь общение с ними, но

убегать и уклоняться от их общества; а когда они нападают, то мужественно встречать их. Потому нам и заповедано молиться, чтобы не впасть в искушение. Потому и пророк [Давид], сказав: *удали меня, Господи, от человека лукавого, прибавляет: от мужа неправедного избавь меня* (Пс. 139, 1), разумея опять порок вообще, потому что он говорит здесь о неправде не только в отношении к имуществу, но ко всему. Пророк просит избавить его, чтобы не пасть, или чтобы самому не сделаться таким же. Притом просит не просто, но сделав должное и со своей стороны (3).

Таков злой человек: чем больше получает он благоденствий, тем больше разжигается завистью. Сила благоденствия является пищей для злобы благодетельствуемого человека. *Удали меня, Господи, от человека лукавого* (Пс. 139, 1), — не от бесов. Бесы прогоняются знаменiem креста, а злой человек противоборствует самому Господу; Павел одним словом изгонял бесов, а злобы Александра ковача победить не мог: *Александр медник*, — говорит он, — *много сделал мне зла. Да воздаст ему Господь по делам его!* (2 Тим. 4, 14). *Удали*

меня, Господи, от человека лукавого, — не от человека доброго. *Добрый человек из доброго сокровища выносит доброе, а злой человек из злого сокровища выносит злое* (Мф. 12, 35), и из своего сердца, как бы от корня какого, каждый из них возвращает свое, добрый — доброту, а лукавый — лукавство (3).

Если человек не изменяет нравов своей жизни, то он ничем не отличается от диких зверей. Мы иногда называем дикими зверями людей неправых и злых, думая, что недостаточно их называть только зверями, и для того, чтобы показать совершенно жестокое умственное настроение их, мы называем их дикими зверями; кроме того, если мы думаем, что недостаточно даже и этого, то мы называем их демонами — и демонами злыми и вредными. Того, что человек одарен телом, еще не достаточно для обнаружения меры его человечности; но нужно, чтобы душа его открыла, что он действительно человек. Тело образовано для того, чтобы быть служителем и рабом души. Но когда ум принимает нравы зверей, то что пользы от цитры, когда бывает болен сам цитрист? У Навухо-

доносора было некогда тело человека, но пища, образ жизни и остальные нравы звериные. И сколько есть подобных ему по нравам! О, если бы они, удалившись, питались вместе со зверями травами, а не терзали тел людей, не пили их крови и не расхищали имущества и достояния других, так как даже и у зверей нет такого нрава, чтобы один зверь терзал другого (4).

Тебе бы надлежало порицать злых за то, что они, имея возможность не быть такими, сделались злыми; а ты, оставив это, слишком много испытываешь и исследуешь судьбы Божии, хотя и знаешь, что никто не бывает злым по необходимости. Ты скажешь: надлежало бы рождаться одним только добрым — и не было бы нужды ни в геенне, ни в наказании, ни в мучении, и не было бы даже зла; злым же надлежало бы или не рождаться, или, если родились, тотчас умирать. Прежде всего, должно указать тебе на следующее апостольское изречение: *а ты кто, человек, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему его: «зачем ты меня так сделал?»* (Рим. 9, 20). Если же ты требуешь доказательств разума,

я скажу, что добрые заслуживают большего удивления, когда находятся среди злых, потому что тогда-то особенно открывается в них терпение и великое любомудрие. Ты же, говоря вышеупомянутые слова, уничтожаешь случай для борьбы и подвигов. Что ж, скажешь ты; для того, чтобы одни сделались добрыми, наказываются другие? Нет, не для этого, а за свои злодеяния. Они сделались злыми не потому, что родились, но вследствие своего нерадения; поэтому и подвергаются наказанию. Как не быть достойными наказания тем, которые имеют таких учителей добродетели и не получают от них никакой пользы? Как благие и добрые вдвойне достойны чести за то, что и были добры и нисколько не заразились от злых, так и злые достойны двойного наказания — и за то, что были злы, имея возможность стать добрыми (что и доказывают те, которые сделались добрыми), и за то, что не получили никакой пользы от добрых (7).

Не надобно, возлюбленные, входить в состязания с злыми людьми, но научимся, если только это не повредит нашей добродетели, уступать место их злым

наветам. Таким образом укрощается всякая дерзость. Как стрелы, попадая во что-нибудь упругое, твердое и противодействующее, с большей силой отскакивают назад — на пустивших их; когда же стремительность их полета не встречает противодействия, то скоро теряет силу и прекращается, — так бывает и с дерзкими людьми. Когда мы идем наперекор им, они еще более свирепеют; когда же уступаем им и отстаем от них, тем легко укрощаем их неистовство (8).

Если нужно отсекают член, который, будучи соединен с нами, вредит нам, то не гораздо ли более должно удаляться от друзей, когда связь с ними ведет не к добру. Итак, не всегда хорошо согласие, как и не всегда худо несогласие.

Я говорю это для того, чтобы мы избегали людей злых и искали добрых. Если мы отсекаем сгнившие и неизлечимые члены, опасаясь, чтобы все тело не подверглось той же заразе, и делаем это не из пренебрежения к ним, а из желания предохранить прочие части тела, то тем более должно поступать так по отношению к людям, общество которых зловредно

для нас. Если мы можем и их исправить и сами не потерпеть вреда, то должны употребить на то все старание. Если же и они не исправятся, и мы получим вред, в таком случае необходимо их отвергнуть и бросить. От этого и они сами часто получают гораздо более пользы. Потому-то и Павел убеждал таким образом: *извергните развращенного из среды вас, и: дабы изъят был из среды вас сдлавший такое дело* (1 Кор. 5, 13, 2). Пагубно, истинно пагубно обращение с злыми людьми. Не так скоро пристаёт зараза и короста губит подвергшихся этой болезни, как злые нравы людей порочных. *Худые сообщества развращают добрые нравы* (1 Кор. 15, 33). И пророк также говорит: *бегите из среды их и удалитесь* (Иер. 51, 6). Пусть же никто не имеет порочного друга. Если мы отказываемся и от детей порочных и не уважаем ни природы, ни ее законов, ни ее связей, то тем более должны убегать порочных друзей и знакомых. Пусть мы и не получим от них никакого вреда, но все же не в состоянии будем избежать худой молвы. Посторонние не всматриваются в нашу жизнь, но судят нас по нашему обществу. Заповедую это и женам, и девам. Сказано

ведь: *пекитесь о добром* не только пред Богом, но и *перед человеками* (Рим. 12, 17). Будем же всячески стараться, чтобы не соблазнить ближнего. Хотя бы жизнь наша была самая праведная, но если она служит соблазном для других — теряет всю цену. Но как возможно, чтобы праведная жизнь соблазняла? [Это бывает], когда сообщество с другими людьми навлекает на нее худую молву. Когда мы, надеясь на себя, обращаемся с людьми порочными, то, если сами и не терпим вреда, соблазняем других. Говорю это и мужам, и женам, и девам, предоставляя их совести узнать в точности, сколько отсюда рождается зол. Пусть я не подозреваю ничего худого, а равно и никто другой из более совершенных; но простодушнейший брат терпит вред от твоего совершенства. А надобно обращать внимание и на его немощь. Но если и он не потерпит вреда, то потерпит язычник. А Павел заповедал: *не подавайте соблазна ни Иудеям, ни Еллинам, ни церкви Божией* (1 Кор. 10, 32). Я не подозреваю ничего худого о деве, потому что люблю девство, а любовь не мыслит зла. Я крайне люблю такой образ жизни и не могу подумать ничего дурного. Но чем мы убедим

внешних? А надобно и о них иметь попечение. Будем же вести себя так, чтобы никто даже из неверных не мог найти повода справедливо упрекать нас. Как те, которые ведут жизнь праведную, прославляют Бога, так, напротив, живущие худо подают повод к хуле на Него. Но не дай Бог, чтобы между нами были такие, а да светятся дела наши так, чтобы прославлялся Отец наш (8).

Когда мы, живя добродетельно, подвергаемся преследованию людей злых и за привязанность к добродетели терпим от них осмеяние, — не будем печалиться и скорбеть. Таково уже свойство добродетели, что она, обыкновенно, в людях злых возбуждает к себе ненависть. Завидуя тем, кто хочет жить праведно, и думая самим себе приготовить оправдание, если очернят добрую славу других, злые люди ненавидят [добрых] как идущих противоположным путем и всячески стараются обесславить их жизнь. Но не будем сокрушаться, потому что ненависть злых служит знаком добродетели. Потому-то и Христос говорит: *если бы вы были от мира, то мир любил бы свое* (Ин. 15, 19), и опять в другом

месте: горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо! (Лк. 6, 26) (9).

ЗРЕЛИЩА

Что я говорю о зрелище? Часто и на площади, встретившись с женщиною, мы смущаемся; а ты, сидя вверху, где столько побуждений к нескромности, видя блудную женщину, выходящую с обнаженною головою, с великим бесстыдством, одетую в золотые одежды, делающую нежные и обольстительные телодвижения, поющую блудные песни и развратные стихотворения, произносящую срамные слова и совершающую такие непристойности, какие ты, зритель, представив в уме своем, потупляешь взоры, — как дерзаешь сказать, что не испытываешь ничего человеческого? Разве тело твое — камень? Разве оно — железо? Я не перестану повторять тоже. Разве ты любомудреннее тех великих и доблестных мужей, которые пали только от одного такого взгляда? Не слышал ли ты, что говорит Соломон? *Может ли кто взять себе огонь в пазуху, чтобы не прогорело платье его? Может ли кто ходить по горящим угольям, чтобы не обжечь ног своих?*

(Притч. 6, 27–29). Хотя бы ты и не имел совокупления с блудницею, но ты имел с нею связь пожеланием и совершил грех волею. И не только в то время, но и тогда, когда окончится зрелище, когда она уже уйдет, в душе твоей остается ее образ, слова, одежды, взгляды, походка, стройность, ловкость, прелюбодейные члены, и ты уходишь, получив множество ран. Не отсюда ли беспорядки в доме? Не отсюда ли погибель целомудрия? Не отсюда ли расторжение браков? Не отсюда ли брани и ссоры? Не отсюда ли бессмысленные неприятности? Когда ты, занятый и плененный ею, приходишь домой, то и жена кажется тебе менее приятною, и дети — более надоедливými, и слуги — несносными, и дом — отвратительным, и обычные заботы устроено надлежащих дел кажутся тягостными, и всякий приходящий — неприятным и ненавистным (5).

Не пленяйтесь беспорядочными зрелищами, не оскверняйте своих мыслей чуждыми песнями. Ты можешь обуздать свои мысли, хотя бы привычка и увлекала тебя в ту сторону. Ты не раб, а свободный, и не насильно берут тебя в плен и порабощают, но ты сам

по своей воле продаешь себя греху (9).

Люди не могут дождаться дня, сгорая от нетерпения, и еще ночью захватывают места тьмы, чтобы непристойными зрелищами усладить взоры или посмотреть на схватки борцов с дикими зверями. И сидя там, нередко зрители — люди — выражают больше расположения к зверям, чем к подобным себе людям. Неужели тебе не жалко того несчастного, который из-за куса хлеба добровольно отдает себя на съедение зверям и в угоду ненасытимой страсти насыщает собой утробы зверей. Но у него желудок ненасытен, у тебя же ненасытны глаза. Иной выходит шутком, на позор себе самому производит ужимки, за плату выдает себя с головой на смех, не стыдится даже, если его бьют публично, сам подставляет щеки под удары, волосы сбрасывает бритвой, чтобы ни один волос не свидетельствовал против его бесстыдства. Иной посвящает себя похотливым женским пляскам, вопреки природе и с досадой на то, что родился у своих родителей не женщиной, и таким извращением природы даже гордится. Чего только не делают люди

ради своего чрева и корысти и из-за тщеславия позорными делами; о таких прилично привести свидетельство Павла: *их бог — чрево, и слава их — в сраме* (Флп. 3, 19). Не ходите же туда, не спешите делать шаги в том направлении, да и на своих пирах не допускайте непристойных увеселений (9).

Хочешь ли, сравним между собою темницы и зрелища, [эти места] одно — сетования, другое — удовольствия? Посмотрим, что происходит в каждом из них. Там [в темнице] великое любомудрие, потому что где скорбь, там непременно и любомудрие. Там человек, прежде богатый и надменный, не чуждается беседовать со всяким, кто к нему обращается; страх и скорбь, как бы какой сильнейший огонь, проникая его душу, смягчает ее грубость. Там он делается кротким и смиренным; там он постигает превратность жизни и терпеливо переносит все. На зрелище же все напротив: здесь смех, бесстыдство, бесовское веселие, бесчиние, потеря времени, бесполезное употребление целых дней, возбуждение нечистых пожеланий, упражнение порочных похотей, школа прелюбодеяния, училище разврата,

поощрение безнравственности, побуждения к смехотворству, примеры непристойности. Не такова темница: там смирение, вразумление, упражнение в любомудрии, презрение житейских благ. Все [земное] попроано и презрено, и страх бодрствует над человеком, как пестун над дитятей, направляя его ко всему должному. Но, если хочешь, посмотрим на те же места с другой стороны. Я желал бы, чтобы ты встретился с человеком, который идет со зрелища, и с другим, который выходит из темницы: ты увидел бы, как душа первого возмущена, неспокойна, поистине точно связана, и как душа последнего спокойна, свободна, возвышенна. Тот идет со зрелища ослепленный видом тамошних женщин, несет на себе оковы, которые тяжелее всяких железных, оковы тех мест, слов, действий. А выходящий из темницы, будучи свободен от всего этого, не чувствует и ничего прискорбного, сравнивая свое положение с положением других. Он будет считать за счастье, что свободен от уз, пренебрежет человеческими делами, видя, как многие богатые впадают в несчастья и, будучи прежде в великой чести и силе, содержатся там, в заключении; если он испытывает

какую-либо несправедливость, то он перенесет это терпеливо, потому что там много примеров и этого; будет вспоминать о будущем Суде и содрогаться, видя настоящие места [заключения]. И как заключенный в здешней темнице становится кротким ко всем, так и те, еще прежде Суда, еще прежде будущего дня станут кроткими и к жене, и к детям, и к слугам. Но не так [возвращающийся] со зрелища: он с неудовольствием будет смотреть на жену, будет жестоко обращаться с слугами, гневаться на детей, будет свирепым ко всем. Много зла причиняют городам зрелища, зла великого, мы даже и не знаем, насколько великого (10).

ИМЯ БОЖИЕ

Старайтесь всячески о прославлении Бога. Горе, сказано, тому рабу, которым имя Божие хулится. А когда будет горе, тогда тотчас последует всякое наказание и мучение. Напротив, блажен тот, кем имя Божие прославляется. Так не будем же жить, как во тьме, но постараемся избегать всяких грехов, а особенно тех, которые клонятся к общему вреду, потому что ими-то особенно и наносится хула Богу. Какое, в самом деле, мы получим прощение, когда, обязанные по заповеди давать другим, мы будем похищать чужое? Какая будет для нас надежда на спасение? Ты будешь наказан, если не напитаешь алчущего: какое же получишь помилование, если обнажишь одетого? Мы постоянно говорим это и не перестанем говорить. Может быть, не послушавшие сегодня послушают в следующие дни; если же некоторые и останутся непреклонными, то все же, по

крайней мере, мы будем правы на Суде, потому что исполнили свое дело. Но дай Бог, чтобы эти слова и нас не приводили в стыд, и вас не заставляли закрываться. Дай Бог всем с дерзновением стать пред Судилищем Христовым, чтобы и мы могли похвалиться вами и для своих зол найти какое-нибудь облегчение в вашем добром имени (8).

Имя Иисуса Христа страшно для демонов, страстей и болезней. Итак, станем Им украшаться, Им ограждаться. Так и Павел сделался велик, хотя он и был одинакового с нами естества, но вера сделала его совершенно иным, и таково было в нем обилие даров, что и одежды его имели великую силу. Какого же оправдания достойны мы, если тень и одежды апостолов отгоняли смерть, а у нас даже молитвы не умирят страстей? Какая причина этого? Большое различие в духе. Естественные способности у нас с

Павлом общие и равные: одинаково с нами он родился и воспитан, обитал на той же земле и дышал тем же воздухом. Но в остальном он был гораздо лучше и совершеннее нас, именно в отношении ревности, веры, любви. Станем же подражать ему, дадим возможность Христу и через нас возвещать: ведь Он желает этого более нас и потому устроил орган слова и не хочет, чтобы он оставался без пользы и без действия, но желает всегда иметь его у Себя в руках. Почему же ты не держишь его в готовности для руки художника, но ослабляешь струны, размягчаешь их роскошной жизнью и делаешь гусли для Него вовсе негодными, тогда как следовало бы натянуть и настроить струны, натереть духовной солью? Если Христос увидит, что душа наша так настроена, то извлечет из нее звуки. А когда это произойдет, ты увидишь ликующих Ангелов, Архангелов и Херувимов. Итак, сделаемся достойными пречистых рук, станем просить Господа, чтобы Он прикоснулся к сердцу нашему. Но, лучше сказать, и просьбы не нужны: сделай только сердце свое достойным такого прикосновения, и Господь первый притечет к тебе. Если Он притекает к тем, которые хотят

прибегнуть к Нему (так Он превознес похвалами Павла, не бывшего еще таковым), то чего Он не сделает, когда увидит, что ты совершенно приготовился? А как скоро Христос извлечет звуки из души нашей, то, несомненно, сойдет на нас Дух и мы будем лучше неба, имея не солнце и луну запечатленными на теле нашем, но самого Владыку солнца, луны и Ангелов, в нас поселившегося и шествующего (11).

ИСКУССТВО

Излишние искусства и не почитаю искусствами. На что, например, нужны нам искусства стряпать и приправлять кушанья? Ни на что. Напротив, они даже бесполезны, крайне вредны, потому что повреждают душу и тело, легко приучая к сластолюбию, которое есть мать всех болезней и страданий. Кроме этих искусств, я не назвал бы также искусствами живопись и умение выводить узоры, потому что они вводят только в лишние издержки, а искусства необходимые, служащие к поддержанию нашей жизни, должны доставлять и готовить нам нужное. Бог на то и дал нам мудрость, чтобы изобретать способы, как поддерживать бытие

свое; а изображать животных на стенах или на одеждах, скажи мне, полезно ли к чему-нибудь? Потому-то многое надобно бы выкинуть в ремесле сапожников и ткачей. Они многое ввели для щегольства; что было нужного, то испортили и к искусству при-мешали ухищрение. То же случилось и с зодчествами. Доколе оно строит дома, а не театры, занимается необходимым, а не излишним — я называю его искусством. Точно также и искусство ткать, доколе оно готовит нужное для одежды, а не подражает паутинам, не тратит трудов на произведения смешные и пышные без меры — называю искусством же. Не отниму этого названия и у сапожного ремесла, доколе оно занимается приготовлением обуви. Но когда оно мужчин преобразует в женщин и посредством обуви дает им вид изнеженных и слабых тогда — причисляю его к ремеслам вредным и излишним и не могу назвать уже искусством. Знаю, что, занимаясь такими предметами, для многих покажусь мелочным, но это не остановит меня. Причина всех зол именно в том и заключается, что многие считают такие грехи маловажными, а потому не обращают на них внимания. Иной скажет: какой грех

может быть маловажнее того, что человек носит красивые, светлые и обтягивающие ногу сапоги, если только можно назвать это грехом? Хотите ли, я изощрю на него язык свой и покажу всю его гнусность? Выслушаете ли меня без гнева? Впрочем, если и погневаются, мало о том забочусь. Вы ведь виновны в этом безрассудстве — вы, которые не почитаете этого греха и за грех и тем заставляете нас вооружиться обличением против такой роскоши (7).

ИСКУШЕНИЕ

Господи, избавь душу мою от уст неправедных и от языка льстивого (Пс. 119, 2). Смотри, как здесь сияет евангельская заповедь: *молитесь, чтобы не впасть в искушение* (Лк. 22, 46). Подлинно, возлюбленный, ничто не может сравниться с искушением — попасть к человеку коварному; он опаснее дикого зверя. Зверь и кажется тем, что он есть; а тот часто скрывает яд под видом кротости, чтобы и коварство было незаметным, и впадал в яму неосторожно попавший. Потому-то пророк часто молит Бога об избавлении от таких злоумышленников. Если же должно избегать людей лживых и коварных, то тем

более — развратителей, проповедующих нечестивое учение. Особенно можно назвать *уста*ми *неправедными* те, которые отклоняют от добродетели и увлекают к пороку. Поэтому пророк и просит Господа избавить от них душу его, потому что туда проникают стрелы их (2).

ИСПОВЕДЬ

Там, где дело идет о проявлениях души, не может служить препятствием ни пол, ни возраст, ни житейское отличие и ничто другое. Поэтому прошу всех вас посвящать на это служение сыновей и дочерей своих с самого раннего возраста и заготавливать для них богатство, свойственное этой жизни, не закапывая в землю золота и не собирая серебро, но слагая в душе их кротость, целомудрие, скромность и все другие добродетели. Таких свойств требует это служение. И если это богатство мы соберем и для себя, и для детей, то и в настоящей жизни насладимся великим счастьем и в будущей услышим тот блаженный голос, которым Христос прославляет всех исповедавших его. А исповедание бывает не только чрез веру, но и чрез дела; если нет этого последнего, то мы

находимся в опасности быть наказанными наравне с отвергшимися [Господа]. Ведь не один способ отречения, но много и есть различные, которые и описывает нам Павел в следующих словах: *Говорят, что знают Бога, а делами отрекаются* (Тит. 1, 16); и в другом месте: *Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного* (1 Тим. 5, 8); и еще: *бегайте любостяжание, которое есть идолослужение* (Кол. 3, 5). А если есть столько способов отречения, то очевидно, столько же, и еще больше, есть и способов исповедания. Постараемся же всеми ими исповедать [Бога], чтобы и нам получить небесную честь по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа (1).

ИСПРАВЛЕНИЕ

Помилуй нас, Господи, помилуй нас, ибо много насыщены мы уничтожением (Пс. 122, 3). Видишь ли сокрушенную душу? Они [иудеи] просят спасти их по милости и даже не по милости за служенной, а потому, что они потерпели великое наказание, как и Даниил говорит: *умалены, Господи, паче всех народов* (Дан. 3, 37). То же и они говорят в своей

молитве: мы потерпели крайнее бедствие, лишились отечества и свободы, сделались рабами ино- племенников, жили в унижении, были изнуряемы голодом, притес- нением и жаждою, подвергались оплеванию и были попираемы ногами в течение всего времени: за это прости и помилуй нас. Что значит: *премного насыщена ду- ша наша*? Сама душа наша, гово- рит, ослабела и изнурилась от великих бедствий. Многие, хотя подвергаются бедствиям, но пе- реносят их мужественно; а мы, говорит, и этого лишились; мы унываем во время бедствий, со- крушаемся. Они не пользовались надлежащим образом дарованны- ми им преимуществами; потому Бог и исправил их противным тому, как он всегда делает. Так, Адама, не употребившего на поль- зу пребывания в раю, Он испра- вил изгнанием из рая; и жену, сделавшуюся худшею от равной с мужем чести, Он сделал лучшею посредством порабощения и под- чинения. Так и этих иудеев, кото- рые от свободы и безопасности в своем отечестве сделались худши- ми, необузданными и неводерж- ными, Он исправляет противным тому. Умоляя о помиловании, они и говорят Богу: *Премного насы- щена душа наша презрением от*

благоденствующих и уничиже- нием от гордых (Пс. 122, 4) ... Так часто и случается; Бог обыкно- венно делает это, смиряя высоко- мерных и унижая гордых, чтобы отклонить их от пути, ведущего к гибели. Нет ничего хуже гор- дости. Для того и бывают иску- шения и скорби, дано смертное тело и посылаются многие несча- стные обстоятельства, для того страдания и болезни, чтобы креп- ко обуздать душу, которая легко надмевается и доходит до гор- дости. Поэтому не смущайся, воз- любленный, когда подвергаешься искушениям, но помня слова про- рока: *Благо мне, что Ты смирил меня, чтобы я научился оправ- даниям Твоим* (Пс. 118, 71), прини- май несчастье за врачество, поль- зуйся искушением надлежащим образом — и достигнешь величай- шего спокойствия (2).

Бог никого не подвергает нака- занию с гневным намерением; тогда как мы изливаем свой гнев на других, воспламеняемые гне- вом, Бог не так, но наказывает наши злые действия для исправ- ления. Почему, говорят, Бог не по- жалел фараона после обращения? Мы отвечаем: когда тот показал добродетель? Разве он, преследуя

народ после десяти казней, не пылал желанием подчинить его себе? Отсюда явно, что не Бог, а он сам был причиной своей гибели. Он [Бог] предаёт смерти подверженных неисцельной болезни, как Он сделал с содомлянами и жившими во время потопа, которые, пренебрегши спасением, погибли. Почему, скажут, Он теперь не делает этого, но щадит людей, состарившихся в пороках, даже до смерти? По справедливости, отвечаем, тогда Он быстро мстил, а теперь щадит, чтобы утвердить надежду воскресения и не сделать кого-либо праведником по необходимости. Тогда не боялись ада, и потому он внезапно подвергал их этому наказанию, теперь же не так — чтобы люди калялись ради страха будущей жизни, только изредка Он наказывает неожиданно (4).

Немалым, истинно немалым средством к исправлению служит то, чтобы, сознав все грехи свои, непрестанно представлять и размышлять о них. Кто это делает, тот в такое придет сокрушение, что признает себя недостойным и жить. А кто так рассуждает, тот будет мягче всякого воска. И не только осуждай себя за

блуд, прелюбодеяние и другие грехи, которые всеми признаются за тяжкие; но собери в уме своем и тайные наветы, клеветы, злословие, тщеславие, зависть и все тому подобное. И эти пороки немалое понесут наказание. И клеветник ввергнется в геенну; и упивающийся вином не будет иметь места в царстве небесном; и не любящий ближнего так оскорбляет Бога, что и мученичеством своим не бывает угоден Ему. И тот, кто не радит о домашних своих, отвергся веры; и тот, кто бедных презирает, в огонь ввергается. Итак, не считай эти пороки маловажными, но все собери в уме своем и напиши их как в книге. Если ты напишешь, то Бог сотрет их. Если же ты не напишешь, то Бог впишет их и потребует твоего наказания. Лучше же нам самим вписать их и видеть изглаженными Богом, нежели, забывая о них, заставлять самого Бога представить их перед глазами нашими в день Судный. Итак, чтобы этого не случилось, внимательно все разберем, и мы найдем тогда, что во многом виновны. Кто, например, чист от любостяжания? Не указывай мне на то, что ты не слишком был любостяжателем; и за малое понесешь то же самое наказание. Помышляй

об этом и раскаивайся. Кто не оскорбляет другого? А это ввергает в геенну. Кто тайно не злословил ближнего? А это лишает Царствия. Кто не надмевался? А этот более всех нечист. Кто не смотрел похотливыми очами? А этот считается наравне с блудником. Кто без причины не гневался на брата своего? А такой повинен суду. Кто не клялся? А это от лукавого. Кто не преступал клятвы? А это более, нежели от лукавого. Кто не служил маммоне? А такой отпал от законного служения Христу. Я мог бы исчислить вам много и других пороков; но и этих довольно, чтобы привести к сокрушению не окаменевшего сердцем и не дошедшего еще до бесчувственности. И если каждое из этих преступлений повергает в геенну, то чего не сделают они, когда совокупятся вместе? Каким же образом, скажешь, можно спастись? Употребляя против недугов равносильные врачевства — милосердие, молитвы, скорбь, раскаяние, смирение, сердце сокрушенное, презрение к земным благам. Бесчисленные пути Бог предложил к спасению, если только мы захотим быть внимательными. Будем же внимательны, будем всячески стараться об исцелении ран наших, творя милос-

тыню, удерживая гнев к оскорбившим нас, благодаря за все Бога, постясь по силам, молясь с искренним сердцем, приобретая друзей себе *от богатства неправедного* (Лк. 16, 9). Таким образом, мы можем получить прощение в грехах наших и удостоиться обещанных благ (6).

Худо не делать доброго в самом начале; но еще большего осуждения достоин тот, кто и после не исправляется. Это особенно делает многих нечестивыми. Я даже и теперь вижу, как то же самое случается с некоторыми по причине крайнего их жестокосердия. Но пусть никто не будет таким бесчувственным и если бы даже кто впал в величайшее нечестие, пусть и тогда не отчаивается в своем исправлении; легко выйти из самой глубокой бездны нечестия. Или вы не слышали, как одна блудница, превосходившая всех своим распутством, после превзошла всех благочестием? Не о евангельской блуднице я говорю, но о той, которая на нашем веку была в финикийском городе, самом незаконном. Эта блудница была некогда и у нас, считалась первою актрисой в театре, и имя ее повсюду было известно, и не в

нашем только городе, но даже у киликийцев и каппадокиян. Она многих разорила; многих пустила сиротами; многие даже подозревали ее в чародействе, будто она завлекала в свои сети не только красотой телесною, но и колдовством. Эта блудница прельстила даже брата царицы: так велика была ее сила! Но вдруг — не знаю каким образом, только знаю верно, — она добровольно переменялась, привлекла на себя благодать Божию, презрела все прежнее и, бросив дьявольское очарование, прибегла к небу. И хотя не было никого бесстыднее ее, когда она была на сцене, однако после она многих превзошла своим великим целомудрием, — и одетая во вретиче, она подвизалась так всю свою жизнь. И когда начальник города по наущению некоторых людей хотел возвратить ее на сцену, то посланные им воины с оружием не могли привести ее назад и взять от дев, которые приняли ее к себе. Удостоенная неизреченных тайн, явив ревность, достойную благодати, она кончила жизнь, омытая от всех грехов, и после Крещения являла уже великое благочестие. Она даже не хотела взглянуть на прежних своих приятелей, приходивших к ней, и, заключившись в уединении,

многие годы провела как бы в темнице. Так первые будут последними, и последние первыми! Так нам нужно быть всегда ревностными — и тогда ничто не воспрепятствует сделаться нам великими и дивными. Итак, никакой грешник не должен отчаиваться, равно как и добродетельный человек не должен предаваться беспечности. И пусть последний не надеется на себя, так как может случиться — и очень часто случается, что блудница предварит его. Равно и грешник пусть не отчаивается, и ему еще возможно превзойти даже первых (7).

От того происходило для нас огорчение, что многие крайне пристрастны к мнению людскому. Вот если так мы захотим любоваться мудрствовать, то ясно узнаем, что все человеческое — ничтожно. Научимся же этому и, сообразив свои недостатки, станем мало-помалу исправлять их; определи для себя исправить в настоящий месяц один недостаток, в следующий затем — другой, а еще в следующий — третий. Таким образом, восходя как бы по некоторого рода ступеням, мы достигнем неба по лестнице Иаковлевой; мне кажется, эта лестница вместе с

тем зрелищем, какое видел Иаков, между прочим, указывает и на постепенное восхождение по лестнице добродетели, по которой можно взойти от земли на небо, — не по ступеням чувственным, но через исправление и улучшение нравов (9).

Пусть многие следят за нашими словами, пусть исследуют и исправляют их. Нет стыда в том, когда нас другие исправляют; напротив, стыдно удалять от себя тех, кто исправляет нас, и делать это во вред собственному спасению. Ведь, если ты наденешь платье на изнанку, ты позволяешь и слуге поправить его и не стыдишься того, что он учит тебя,

хотя это и очень стыдно; а здесь ты причиняешь вред душе своей и стыдишься, скажи мне, когда другой вразумляет тебя. Ты терпишь раба, который наряжает тебя в одежду и надевает на тебя обувь, а того, кто украшает душу твою, не терпишь? Не крайнее ли это безумие? Пусть будет и раб учителем, пусть будут и дитя, и жена, и друг, и родственник, и сосед. Как зверь, когда его отовсюду гонят, не может убежать, так и тот, кто имеет столько стражей и столько порицателей и кого отовсюду поражают, не может не быть осторожен. В первый день это будет для него тяжело, равно и во второй, и в третий, а потом будет легче, а после четвертого дня это не будет для него и делом (10).

КЛЕВЕТА

Тот, кто слышит о себе ложную клевету, не только не терпит вреда, но еще получит величайшую награду. Не тот, кто терпит, а кто делает зло, достоин наказания; так точно не тот, кто слышит о себе, но кто произносит клевету, будет наказан, если только и слышащий не подал справедливого повода к его осуждению. Будем поэтому стараться не о том, чтобы нам не слышать о себе чего-нибудь худого, — так как это невозможно, и притом есть изречение Христово: *горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо* (Лк. 6, 26), — но чтобы нам самим не подавать к тому поводов. Кто хочет, чтобы все говорили о нем хорошо, тот часто губит свою душу, питая любовь к славе человеческой, оказывая услуги людям в том, в чем не должно, угождая в том, в чем не следует, чтобы купить себе их расположенность. С другой стороны, и тот, кто презирает всеобщую худую

молву о себе, губит самого себя. Как для добродетельного невозможно, чтобы все говорили о нем хорошо, так невозможно, чтобы все не говорили худо о том, кто во многих отношениях подает много поводов к худой о себе молве. Если же, несмотря на твое безукоризненное поведение, являются злословящие тебя, то тем большая ожидает тебя награда, как было с апостолами и другими доблестными мужами. Впрочем, нужно заметить, что, хотя бы порицали нас в таком деле, за которое совесть не укоряет нас, и тогда мы не должны презирать порицателя и причиняемый им вред, но с надлежащей осторожностью принимать все меры к уничтожению неосновательной молвы (2).

Изучим, возлюбленные, эту прекрасную науку — не только не клеветать, но даже и не слушать клеветы. Ужасное зло — клевета, беспокойный демон, никогда не

оставляющий человека в мире. Какого, в самом деле, зла не производит клевета? Из нее рождается вражда, чрез нее возникают ссоры, от нее берут начало разногласия; дурные подозрения, возбужденные ею, являются причиной бесчисленных зол; ненависть имеет ее своим источником. И какие бы кто ни вообразил себе бедствия, все они окажутся истекающими из клеветы, всех увлекающей в злобу. Клевета возбуждает человека к убийству ближнего. Клевета ожесточает душу и разрушает братское общение, недавнего друга без всякой причины делая врагом. Она, коснувшись Мариами, сестры Моисеевой, тотчас покрыла ее проказой и навлекла на нее гнев от Господа. Она разрушает целые дома и мирные города возбуждает к войне. Она разрывает узы прекрасного мира и расторгает великий союз любви. Она, отклоняя от заповедей Божиих, научает преступлению и, отвлекая от общения с Богом, удаляет от истины. Она первоначально явилась причиной гибели первозданного Адама и лишила его райской жизни и небесного блаженства, потому что она вошла в уста змия и взвела ложь на неложную благость Божию; это она сказала: подлинно

ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю? — и побудила Адама преступить заповедь и отпасть от истины; склонивши к себе бывшего собеседником Владыки, она тотчас при помощи обмана сделала его врагом и сразу удалила от благ. Итак, будем же удерживаться от клеветы, удаляясь от нее, чтобы не войти во вражду с Владыкой. Отстанем от клеветы, чтобы не сделаться несправедливыми судьями истины и не оказаться пред лицом закона ложными свидетелями. *Не злословьте друг друга, братия: кто злословит брата или судит брата своего, того злословит закон и судит закон; а если ты судишь закон, то ты не исполнитель закона, но судья. Един Законодатель и Судия, могущий спасти и погубить* (Иак. 4, 11–12). Видишь, возлюбленный, как тяжел грех клеветы? Отстанем же от нее, чтобы не навлечь на себя суда. И тех, кто желал бы клеветать, прогоним от себя, чтобы, принимая участие в чужом зле, не причинить гибели самим себе; не будем находить удовольствие в слушании клеветников, чтобы не подчинить себя диавольским внушениям. Ведь и сама клевета называется диавольской, получив самое свойственное себе

название от имени виновника; значит, занимающийся клеветой служит диаволу, занимаясь его диавольским делом. Недопускающий такого человека к себе и самого себя избавляет от этого напрасного греха и согрешающего удерживает от несправедливого обвинения против ближнего, наконец, и оклеветываемого спасает от обвинения; таким образом, гнушаясь услуг клеветника, он делается устроителем мира и учителем дружбы. Научимся же и мы, гнушаясь этого дела, говорит: *тайно клеветующего на ближнего своего — сего я изгонял* (Пс. 100, 5). А чтобы тебе убедиться, возлюбленный, что клевета нисколько не содействует истине, обрати внимание на само название ее, рассматривая в связи с ним последующее слово. Клевета есть учитель обвинения, а слово *тайно* указывает на ложь и постыдность этого дела. Когда дело касается истины, то следует обличить в лицо и со смелостью соединить мир; если же тайно, значит — ты приносишь ложное обвинение, возбуждая против ближнего злое подозрение и не будучи в состоянии обличить его в том, что ты возводишь на него. Поэтому хорошее дело — прогонять клеветника, как лжеца и вора, чтобы, как-нибудь

смутив мир своей души, не сделать ее враждебной к ближнему из-за клеветы (3).

КЛЯТВА

Отсечем от уст своих частую клятву, обуздаем язык — пусть никто не клянется Богом. Не требует это издержек, не требует труда, не требует продолжительного обучения: достаточно захотеть и — все окончено, потому что это — дело привычки. Да, прошу и умоляю, приложим к этому старание. Скажи мне: если бы я велел (вам) внести (за меня) деньги — не с готовностью ли каждый из вас принес бы по мере сил своих? Если бы вы увидели меня в крайней опасности, не отдали бы вы даже часть своего тела, если бы можно было отнять ее? И теперь я в опасности — и в большой, так что, если бы я был в темнице, или получил тысячи ударов, или находился в рудниках, — и тогда я не скорбел бы более. Прострите же руку помощи. Подумайте, как велика опасность, когда вы не можете сделать и этого крайне малого дела: называю его весьма малым по труду, какого оно требует. Что скажу тогда в ответ на обвинения? Отчего не обличил? Отчего не повелел? Отчего не

положил закона? Отчего не удержал непослушных? Недостаточно будет, если я скажу: я увещевал. А надобно было, сказано будет мне, употребить и более сильное порицание. Ведь увещевал и Илий, но не дай Бог сравнивать вас с детьми его! И он увещевал, и он говорил: *дети мои, нехороша молва, которую я слышу о вас* (1 Цар. 2, 24); а между тем Писание далее говорит, что он не вразумлял сыновей своих (см. 1 Цар. 3, 13), и говорит так потому, что он вразумлял не строго и не с укоризною. Не странно ли, что в иудейских синагогах законы имеют такую силу, хотя все заповедует тот, кто учит, а здесь мы в таком пренебрежении и презрении? Не о своей славе забочусь я (моя слава — ваша добрая жизнь); но о вашем спасении. Каждый день мы вопием, возглашаем в слух вам, и между тем, как никто не слушает, мы не выказываем никакой строгости. Боюсь, чтобы за это неуместное и большое снисхождение не дать нам ответа в день будущего Суда. Поэтому громким и ясным голосом объявляю всем и умоляю, чтобы те, которые виновны в этом преступлении и произносят слова, происходящие от неприязни (см. Мф. 5, 37) — а это и есть клятва, — не переступали за

порог церковный. Но настоящий месяц пусть будет назначен вам для исправления. Не говори мне: меня заставляет необходимость, потому что мне не верят. Оставь пока клятвы, произносимые по привычке. Знаю, что многие будут смеяться над нами, но лучше нам быть осмеянными теперь, чем плакать тогда. Да и смеяться будут люди безумные; в самом деле, скажи мне, кто с здравым умом станет смеяться над тем, что соблюдается заповедь (10)?

Авраам и бывшие с ним заключили много договоров, заклали жертвы, сделали приношения, а клятвы еще не было. Откуда же явилась клятва? Когда умножились беззакония, когда все пришло в крайний беспорядок, когда [люди] склонились к идолослужению, вот тогда-то — тогда, когда они уже оказались недостойными веры, стали призывать Бога в свидетели, представляя как бы верного поручителя в том, что говорили. Ведь клятва в этом и состоит — в поручительстве, — потому что уже не доверяют честности. Следовательно, она прежде всего служит обвинением тому, кто клянется, если ему не верят без

поручителя и притом без поручителя великого, потому что от великого недоверия происходит то, что требуют в свидетели не человека, но Бога. Во-вторых, столько же виновен бывает и тот, кто принимает клятву, если он, споря об условиях, влечет Бога в поручительство и говорит, что не поверит, если не будет иметь Его [поручительства]. Какая чрезвычайная бесчувственность! Какое поругание! Ты — червь, земля, пепел и дым, влечешь к поручительству Владыку своего и принуждаешь Его быть [поручителем]. Скажи мне: если бы в то время, как ваши слуги спорят между собою и не доверяют друг другу, один из рабов сказал, что он не поверит до тех пор, пока не будет иметь поручителем общего господина, то не получил бы он тысячи ударов и не узнал ли бы, что господином надобно пользоваться для других дел, а не для этого? Что я говорю о рабе [и господине]? Если бы даже он избрал [и другого] почтенного человека, то не счел ли бы тот такой выбор позором для себя? Но я, скажешь, не хочу. Прекрасно! В таком случае не принуждай и Бога, когда и между людьми бывает так, что, если кто скажет: я представлю такого-то в поручители, ты не

берешь на себя [этого поручительства]. Что же, скажешь, ужели мне потерять то, что я дал? Не говорю этого, но [утверждаю], что ты оскорбляешь Бога. Поэтому-то принуждающий [к клятве] еще неизбежнее, чем тот, кто клянется, подвергнется наказанию, равно как и тот, кто клянется, когда никто не требует. И — что особенно тягостно — каждый клянется из-за одного овола, из-за малой выгоды, из-за несправедливости. Это [я говорю о тех случаях], когда не будет клятвопреступления; если же последует клятвопреступление, то все окажется в крайнем беспорядке, и виною всего будет и тот, кто принял, и тот, кто дал (клятву). Но иногда бывает, скажешь, нечто неизвестное? А ты предусматривай это и не делай ничего легкомысленно; если же делаешь что-либо легкомысленно, то сам с себя и взыскивай за вред. Лучше так потерпеть вред, чем как-нибудь иначе. Скажи мне, когда ты требуешь от человека клятвы, — чего ты ожидаешь? Того ли, что он нарушит клятву? Но это крайнее безумие, потому что наказание обратится на твою голову. Лучше тебе потерять деньги, чем тому погибнуть. Для чего делаешь это во вред себе и в оскорбление Бога? Это свойственно

душе зверской и человеку нечестивому. Но я [скажешь] надеюсь, что он не нарушит клятвы? В таком случае поверь ему и без клятвы. Но многие, скажешь, без клятвы решались на обман, а после клятвы — нет. Обманываешься, человек! Кто привык красть и обижать ближнего, часто решается попрать и клятву. Кто благоговеет пред клятвою, тот тем более побоится нанести обиду. Но он сделает это по неволе? В таком случае он достоин прощения. Но что я говорю об этих клятвах, оставляя клятвы, [бывающие] на рынке? Там ты не можешь сказать ничего подобного, потому что из-за десяти оловов бывают клятвы и клятвопреступления. Так как не падает с неба молния, так как не все ниспровергается, то ты стоишь и держишь [при себе] Бога. Для чего же? Чтобы получить несколько огородной зелени, чтобы [взять] башмаки. Из-за нескольких серебряных монет ты призываешь Его во свидетельство. Но если мы не подвергаемся наказанию, то не будем думать, что и не грешим. Это происходит от человеколюбия Божия, а не от нашей добродетели. Клянись своим сыном, клянись самым собою; скажи: пусть палач приступит к бокам моим. Но ты [этого] боишься. Так

ужели Бог бесчестнее боков твоих? Ужели Он ничтожнее головы твоей? Скажи: пусть я ослепну! Но Христос так щадит нас, что запрещает нам клясться даже и собственною головою, а мы до того не щадим славы Божией, что всюду привлекаем Его. Разве не знаете, что такое — Бог и какими устами надобно призывать Его? Рассуждая о каком-нибудь добродетельном человеке, мы говорим: умой уста твои и тогда вспоминай о нем; а между тем имя досточтимое, которое выше всякого имени, — имя, чудное по всей земле, слыша которое, трепещут демоны, — мы всюду произносим безрассудно.

О, привычка! От нее-то произошло то, что [это имя] пренебрегается. Ведь, если бы ты заставил кого-нибудь поклясться святым домом, — ты, без сомнения, считал бы это за страшную клятву. А отчего это кажется столь страшным, как не оттого, что ту [клятву] мы употребляем без разбора, а эту — нет? Иначе не следовало ли содрогаться при произнесении имени Божия? У иудеев это имя было столь священо, что его писали на дощечках и никому не позволялось носить эти буквы, кроме одного только первосвященника; а мы теперь везде

произносим это имя, как обыкновенное. Если и просто называть Бога не всем дозволено, то, скажи мне, какая дерзость, какое безумие призывать Его во свидетельство? Ведь, если бы и все надлежало бросить, — не следовало ли бы охотно согласиться на то? Вот я говорю и настоятельно требую: оставьте эти клятвы, бывающие на площади, а всех, которые не слушаются, приведите ко мне. Вот в вашем присутствии я заповедую тем, которые отделены на служение молитвенным домам, внушаю им и объявляю, что никому не дозволяется клясться безрассудно, а лучше сказать — и как бы то ни было. Итак, ведите ко мне [клянущегося], кто бы он ни был, — потому что и это должно доходить до нас, как будто бы вы были малые дети. Но не дай Бог, чтобы это случилось! Стыдно, если вы еще имеете нужду чему-нибудь учиться. Осмелишься ли ты, не будучи посвящен в тайны, прикоснуться к священной трапезе? Но, что еще хуже, — ты, посвященный в тайны, дерзаешь прикасаться к священной трапезе, которой и не всем священникам позволено касаться, — и таким образом клянешься! Ты не коснешься по выходе [из дома] и головы дитяти, а касаешься трапезы — и

не трепещешь, и не боишься? Веди ко мне таких [людей]! Я произведу суд и отпущу обоих с радостью. Делайте, что хотите: я полагаю закон — отнюдь не клясться. Какая надежда спасения, когда мы все так унижаем? Ужели для того записи, для того обязательства, чтобы ты принес им в жертву свою душу? Приобретаешь ли ты столько же, сколько теряешь? Нарушишь ли клятву [тот, кого ты обязал ею]? Ты погубил и его, и себя. Не нарушил? И в этом случае ты погубил его, принудив его преступить заповедь. Удалим от души эту болезнь. Прежде всего будем гнать ее с рынка, из лавок и из всех прочих торговых заведений. Нам будет от этого больше прибыли. Не подумайте, что от нарушения божественных законов житейские дела идут лучше. Но мне, скажешь, не верят? Действительно, мне случалось иногда слышать от некоторых и это, что если я не произнесу тысячи клятв, то мне не верят. Ты сам причиной этому, потому что легкомысленно клянешься. А если бы этого не было и если бы всем было известно, что ты не клянешься, то поверь словам моим, что ты сделал бы только знак, и тебе поверили бы больше, чем тем, которые употребляют

тысячи клятв. Вот, скажи мне, кому вы больше верите: мне ли, хотя я не клянусь, или тем, которые клянутся? Но ты, — скажете вы, — начальник и епископ? Что же, если я докажу, что не поэтому только [верите мне]? Отвечайте мне со всею искренностью, прошу вас: если бы я часто и всегда клялся, помогло ли бы мое начальственное положение? Отнюдь нет. Видишь ли, что не поэтому [верите мне]? Да и какую, скажи мне, приобретаешь ты, наконец, выгоду? Павел терпел голод; решишь и ты лучше терпеть голод, чем преступить какую-либо из заповедей Божиих. Отчего ты так неверен? Ужели тогда, как ты решишься все сделать и претерпеть для того, чтобы не клясться, — Бог не вознаградит тебя? Ведь Он каждый день питает клятвопреступников и (людей) часто клянувшихся: ужели предаст голоду тебя за то, что ты послушал Его? Пусть все знают, что из собирающихся в эту церковь никто не клянется! Пусть мы будем известны и этим, а не верю только! Пусть будет это нашим отличием от язычников и от всех [людей]! Пусть примем печать с небес, чтобы нам везде являться как бы царским стадом! Пусть тотчас же узнают нас, как варваров,

по речам и языку, и пусть отличаемся этим от варваров, подобно знающим по-гречески! Скажи мне: по чему узнают так называемых попугаев? Не по тому ли, что они говорят по-человечески? Так пусть же и нас узнают по тому, что мы говорим, как апостолы, говорим, как Ангелы. Если кто скажет: поклянись, то пусть услышит, что Христос заповедал не клясться, и я не клянусь. Этого довольно, чтобы ввести всякую добродетель. Это — некоторая дверь к благочестию, путь, ведущий к благоговейному любомудрию, это — некоторого рода училище (10).

Кто клянется, тот не может не нарушать клятвы волею или неволею, а кто нарушает клятвы, тот не может спастись. Однократное нарушение клятвы может сделать все и навлечь на нас всецелое наказание (10).

КОРЫСТОЛЮБИЕ

Кто желает Царства Небесного, тот смеется над корыстолюбием. Раб Христов не будет рабом богатства, но его властелином. Богатство обыкновенно само ищет того, кто от него бежит, и убегает

от того, кто его ищет; не столько чтит ищущего его, сколько презирающего; ни над кем так не издевается, как над своими искателями, — и не только издевается над ними, но и опутывает их бесчисленными узами. Итак, освободимся хотя бы теперь от этих пагубных цепей. Зачем поработать разумную душу неразумному веществу, матери бесчисленных зол? Но не смешно ли? Мы спорим против него словами, а оно спорит против нас делами; водит нас повсюду и, к нашему бесславию, спорит с нами, как с невольниками и непотребными рабами. Что постыднее и бесчестнее этого. Если мы не преодолеваем вещества бесчувственного, то как же будем преодолевать силы бестелесные? Если не презираем низкое вещество и презренные камни, то как покорим себе начала и власти? Как будем упражняться в целомудрии? Если и блеск серебра поражает нас, то как сможем презреть красоту лица? Есть люди, которые до того преданы этой тиранической власти, что самый вид золота производит над ними особенное действие, и они для шутки говорят, что и для глаз полезно смотреть на золотую монету. Но не шути так, человек! Поистине ничто так не вредит и телесным, и

душевному очам, как эта страсть. Пагубная любовь эта погасила светильники неразумных дев и лишила их брачного чертога. Взгляд на золото, — по словам твоим, полезный для глаз, — не позволил несчастному Иуде внять гласу Господа и еще довел до того, что он удавился, разверзся посередине и, наконец, низвергся в геенну. Итак, что может быть беззаконнее этого взгляда? Что ужаснее? Не о веществе денег говорю я, но о безмерной и необузданной к ним страсти. Она-то по каплям проливает кровь человеческую, имеет смертоубийственный вид, всякого зверя лютей, так как и падших терзает, и, что еще хуже, не дает и чувствовать этих терзаний. Одержимым этой страстью надлежало бы протирать руки к мимоходящим и взывать о помощи, а они еще благодарят за эти мучения. Что может быть злосчастнее? Итак, размышляя об этом, будем убегать от этой неисцелимой болезни, будем врачевать ее угрызения и подальше уклоняться от таковой язвы, чтобы и здешнюю жизнь провести безопасно и спокойно, и будущие наследовать сокровища (6).

Как монахи, живущие в горах, не знают, что такое корыстолюбие,

так и войны, — только по противоположным причинам. Первые не знают этой страсти потому, что слишком далеки от этой болезни: а последние не чувствуют того, какое великое зло эта страсть, по той причине, что чрезмерно упиваются ею. Эта страсть до того искоренила в них добрые расположения и так возобладала над ними, что не почитается даже у этих неистовых людей и тяжким преступлением. Но не угодно ли вам, оставив воинов, посмотреть на других, более кротких? Обратимся, например, к художникам и ремесленникам. Кажется, эти люди преимущественно пред другими снискивают пропитание справедливыми трудами и собственным потом; но и они при всех трудах своих подвергаются многим порокам, когда бывают невнимательны к себе самим. К праведным трудам своим они часто присовокупляют несправедливую продажу и куплю, из корыстолюбия лгут, клянутся и нарушают клятву. Они заботятся только о настоящей жизни, прикованы к земле: все делают из корыстных видов и, желая умножить свое имение, мало пекутся о подании помощи нуждающимся. Кто может изобразить употребляемые при этом злословия, обиды, ба-

рыши, проценты, договоры, коварно заключаемые бесчестные торговые дела? Впрочем, если вам угодно, оставим и этих и перейдем к другим — более, по-видимому, справедливым. Кто же это? Это те, которые владеют поместьями и собирают богатство от плодов земли. Но можно ли найти кого несправедливее их? Если посмотрите, как они поступают с бедными, несчастными земледельцами, то увидите, что свирепость их превышает жестокосердие варваров. Тогда как земледельцы истаивают от голода, изнуряют себя всю жизнь трудами, они непрестанно налагают на них новые тяжкие оброки, определяют их к самым трудным работам и употребляют их вместо ослов и лошаков — и даже вместо камней. Не давая им ни малейшего отдыха, и во время плодородия, и во время бесплодия равно угнетают их и никакой пощады им не оказывают. Есть ли кто-нибудь несчастнее этих бедняков, которые, трудясь всю зиму, проводя ночи на холоде, под дождем, без сна, и за все это не получая никакой платы, но еще задолжав, принуждены бывают убегать от своих господ, не столько спасаясь и боясь голода и домашнего расстройства, сколько мучений, насилия,

истязаний, тюрьмы и неизбежных работ — от управителей? Что сказать о торгах, чрез них производимых, и о неправедных прибытках, отсюда получаемых? Господа, их притесняющие, наполняя свои точила и подточилия от трудов и пота их, не позволяют этим беднякам брать в свои дома ни малейшей части; но весь плод от винограда вливая в свои неправедные сосуды, бросают им за это самую малую плату. Они выдумывают новые роды процентов, недозволенные законами даже у язычников; составляют самые бесчестные долговые акты, в которых требуют не сотой части, но половины всего имения от должника; и хотя бы последний имел жену, воспитывал детей, хотя бы был человек бедный и собственными трудами собирал в свое гумно и точило, — они об этом не размышляют. Потому уместно здесь привести слова пророка: ужаснися небо, и убойся земля! (см. Иер. 2, 12) До какого неистовства дошел род человеческий! Говоря обо всем этом, я не осуждаю искусств, земледелия, воинского звания, поместьев, — но нас самих. И Корнилий был сотником, и Павел был скинотворцем, и после проповеди занимался своим ремеслом, и Давид был царем, и

Иов был господином большого имения и получал великие доходы; но все это никому из них не послужило препятствием к добродетели. Итак, рассмотрев все это и вспомнив о тьме талантов, потщимся хоть поэтому прощать ближнему малочисленные и неважные оскорбления. Мы должны дать отчет в исполнении предписанных нам заповедей; но мы не в состоянии исполнить всего, что бы мы ни делали (7).

Грех тысячью рук обхватывает наши мысли, вторгается неожиданно и терзает все, подобно псам, кусающим внезапно. Впрочем, для чего нам живописное изображение, когда мы можем представить [самих людей], подобных ему? Кого же наперед изобразить вам? Не корыстолюбца ли и грабителя? Действительно, что может быть бесстыднее глаз его? Что бессовестнее его и более похоже на псов? Не так нагло приступает пес, как он, когда похищает имущество других. Что сквернее рук его? Что гнуснее уст его, которые пожирают все и не насыщаются? Не принимай лица и глаз его за человеческие: не так глядят человеческие глаза. Он не смотрит на людей, как на людей, не смотрит

на небо, как на небо, не устремляет взоров к Господу, но во всем видит деньги. Человеческие глаза, видя удрученных бедностью, обыкновенно проливают слезы; а глаза грабителя, видя бедных, выражают зверство. Человеческие глаза не смотрят на чужое, не желают принадлежащего другим, но еще другим раздают свое, а глаза корыстолюбца не успокаиваются дотоле, пока не похитят у других всего, потому что смотрят не по-человечески, но по-зверски. Человеческие глаза не могут видеть своего тела обнаженным, — ведь для них оно свое и тогда, когда по наружности принадлежит другим, — а глаза корыстолюбца не насыщаются дотоле, пока не обнажат кого-либо совершенно и не скроют всего у себя дома, или, лучше сказать, не насыщаются никогда. Потому руки таких людей можно назвать не только зверскими, но еще гораздо свирепейшими и опаснейшими, чем у зверей. Медведи и волки, насытившись, отступают от пищи, а те не насыщаются никогда. Между тем Бог дал нам руки для того, чтобы мы помогали другим, а не вредили им. Если же мы станем употреблять их на последнее, то лучше было бы отсечь их и оставаться без них. Ты скорбишь,

когда дикий зверь растерзает овцу; а когда сам делаешь то же с своим единоплеменником, то и не считаешь этого дела ужасным? Что же ты за человек? Разве ты не знаешь, что человеческим мы называем то дело, которое исполнено милосердия и человеколюбия, а дело грубое и жестокое называем бесчеловечным? Таким образом, характер человека мы изображаем делами милосердия, а характер зверя — делами противными тому, и часто говорим: ужели он человек, а не зверь и не пес? Людям свойственно облегчать бедность, а не увеличивать ее. У людей корыстолюбивых и уста — уста зверские или еще хуже их; они произносят слова, которые своей ядовитостью гораздо скорее, нежели зубы зверей, причиняют смерть. И если бы исчислять все, то ясно видно было бы, как бесчеловечие делает людей зверями. А кто испытает душу таких людей, тот назовет их не только зверями, но даже демонами. Они исполнены крайней жестокости и вражды к ближним: нет в них ни желания Царствия, ни страха геенны, ни стыда пред людьми, ни милосердия, ни сострадания, но бесстыдство, наглость и презрение ко всему будущему; вещания Божии о [будущих] мучениях

кажутся им басней, угрозы — по-смешным. Такова душа корыстолюбца! Если же они внутри демоны, а извне звери и даже хуже зверей, то за кого, скажи мне, мы будем считать их? Что они хуже зверей, это видно из следующего: звери таковы по природе, а они, получив от природы кротость, вопреки природе стараются усвоить себе свойства зверей. Сами демоны делают своими споспешниками людей неблагонамеренных, так как если бы последнее не были их споспешниками, то большая часть их козней против нас оставалась бы без успеха; а те стараются притеснять и содействующих им в неправедных делах их. Притом демон враждует против человека, а не против подобных ему демонов; а корыстолюбец старается всячески причинить зло и ближнему, и родному, не стыдясь самой природы (12).

Если хотите, мы представим корыстолюбца, обнажим порочную страсть. Мы увидим, что он мучится страхом и не может наслаждаться чистым удовольствием. Представляя себе обиженных им и жалеющих о них и всеобщее о себе мнение, он обуревается бесчисленными волнами. И не

только это мучительно для него, но и то, что он не может наслаждаться своим любимым [предметом]. Таково именно свойство сребролюбцев: они имеют не для того, чтобы пользоваться, но чтобы не пользоваться. Если это кажется тебе загадкой, то послушай еще худшее и более странное: они не потому только лишены удовольствия, что не смеют пользоваться своим имуществом, как бы хотели, но и потому, что никогда не удовлетворяются, а томятся непрестанной жаждой. Что может быть мучительнее этого? Не таков человек праведный; он свободен от опасения, ненависти, страха и неутолимой жажды; как того все проклинают, так ему все желают добра; как тот не имеет ни одного друга, так он не имеет ни одного врага. Если же все это несомненно, то что может быть неприятнее порока и приятнее добродетели (12)?

Если ты скорбишь о том, что пользуешься ими [деньгами] вместе с другими, а не один обладаешь ими так, как деньгами, то значит ты предан не деньгам, а только корыстолюбию. Ты не стал бы любить и денег, если бы они были общими для всех. Итак, нашедши то, что ты любишь, т.е. корысто-

любие, я теперь покажу тебе, как оно тебя не любит и ненавидит, сколько изощряет против тебя мечей, сколько искапывает пропастей, сколько раскидывает сетей, сколько приготовляет стремнин, чтобы хотя таким образом погасить страсть твою. Откуда же это видно? Из войн, из того, что на дорогах, на морях, в судилищах. Ведь оно и моря наполняет кровью, и мечи судей часто обгаряет несправедливо, и вооружает производящих засады на дорогах днем и ночью, и заставляет забывать самую природу, и создает отцеубийц и матереубийц, и вводит вообще всякое зло в жизни (12).

КРАСОТА

Где те, которые превозносятся красивой наружностью? Не говори мне о красоте тела, но смотри на достоинства души. Что представляет из себя красивая женщина? Гроб разукрашенный, если она не украсила себя целомудрием. Красота телесная есть угрожающая падением путнику яма и яд, приготовленный для других людей, если она не соединена с целомудрием; с другой стороны, она увядает в болезнях и уничтожается смертью. А красота души остается бессмертной и незапят-

нанной, и тогда именно является в полном расцвете, когда умолкают страсти и для ума настает спокойствие. Итак, если ты увидишь мужчину или женщину красивых, не удивляйся. Посмотри, дубы высятся до небес, а их плод негоден для людей, но только для бессловесных; а лоза стелется по земле и приносит грозды прекрасного плода. Итак, что хочешь иметь — виноградную лозу или дуб? Конечно, лозу, потому что дуб, красуясь в высоте, своими плодами доставляет пищу только бессловесным. Что ничтожнее пчелы и что величественнее павлина? Но что лучше — пчела или павлин? Конечно, пчела. Уничтожь павлина — и ты не потеряешь ничего; уничтожь пчелу — и ты потеряешь многое (3).

Сладостна настоящая жизнь и включает в себе много приятного, но не для всех, а только для привязанных к ней. Если же кто посмотрит на небо и увидит тамошние блага, тот скоро станет пренебрегать этой жизнью и не ставить ее ни во что. Ведь и телесная красота, пока нет другой — лучшей, возбуждает удивление; а когда явится красота лучшая, прежнюю начинают пренебрегать. Так и мы,

если станем смотреть на ту красоту и созерцать благолепие тамошнего Царства, — скоро освободимся от настоящих уз, так как привязанность к настоящему действительно есть некоторого рода узы. К этому-то и приводит нас Христос, когда говорит: *любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную. Кто Мне служит, Мне да последует; и где Я, там и слуга Мой будет* (Ин. 12, 25–26) (8).

Не думай, что красота зависит только от телесного благообразия. Представь девицу благообразную, но нескромную, болтливую, сварливую, склонную к пьянству и расточительности: не безобразнее ли она всякой некрасивой. Если же она будет скромна, молчалива и стыдлива, если привыкнет говорить благоприлично и соблюдать пост, то красота ее сугуба, благообразие больше, лицо привлекательнее, исполнено целомудрия и прелести (10).

КРЕСТ

Как венец будем носить крест Христов. Через него совершается все, что для нас нужно. Нужно

ли родиться — предлагается нам крест; хотим ли напиться таинственной пищей, нужно ли принять рукоположение или другое что сделать — везде предстоит нам этот знак победы. Потому-то мы со всяким тщанием начертываем его и на домах, и на стенах, и на дверях, и на челе, и на сердце. Крест есть знамение нашего спасения, общей свободы и милосердия нашего Владыки, который как овца, веден был на заклание (Ис. 53, 7). Потому, когда знаменуешься крестом, то представляй все значение креста, погашай гнев и все прочие страсти. Когда знаменуешься крестом, пусть на челе твоём выражается живое упование, а душа твоя делается свободной. Без сомнения, вам известно, что доставляет нам свободу. Потому и Павел, склоняя нас к этому — я разумею свободу, нам приличную, — упомянув о Кресте и Крови Господней, убеждает такими словами: *вы куплены дорогой ценой; не делайтесь рабами человеков* (1 Кор. 7, 23). Помышляй, говорит, о дорогой цене, какая заплачена за тебя, и не будешь рабом ни одного человека; а под дорогой ценой он разумеет крест. Не просто перстом должно его изображать, но должны этому предшествовать сердечное

расположение и полная вера. Если так изобразишь его на лице твоём, то ни один из нечистых духов не сможет приблизиться к тебе, видя тот меч, которым он уязвлен, видя то оружие, от которого получил смертельную рану. Если и мы с трепетом взираем на те места, где казнят преступников, то представь, как ужасается дьявол, видя оружие, которым Христос разрушил всю его силу и отсек голову змея. Итак, не стыдись столь великого блага, да не постыдит и тебя Христос, когда придет в славе Своей и когда это знамение явится перед Ним, сияя светлее самых лучей солнечных. Тогда крест этот самым явлением своим как бы скажет в оправдание Господа перед целой вселенной и в свидетельство, что с Его стороны все сделано, что только было нужно. Это знамение и в прежние, и в нынешние времена отверзало заключенные двери; оно отнимало силу у вредоносных веществ, делало недействительным яд; оно врачевало смертоносные угрызания зверей. Если оно отверзло врата адовы, отворило твердь небесную, вновь открыло вход в рай и сокрушило крепость дьявола, то что удивительного, если оно побеждает силу ядовитых веществ, зверей и

всего тому подобного? Итак, запечатай крест в уме твоём и обними спасительное знамение душ наших. Этот самый крест спас и преобразовал вселенную, изгнал заблуждение, ввел истину, землю обратил в небо, людей сделал ангелами. Когда при нас крест, тогда демоны уже не страшны и не опасны; смерть уже не смерть, а сон. Крестом все враждебное нам низложено и поправлено (7).

О, божественный Крест, Ангелов неизреченное созерцание, смертных похвала, царей держава! Как с живым, я хочу беседовать с тобою, виновником радости и победным оружием нашего спасения. Тобою отверзаются заключенные двери рая, тобою сокрушается держава смерти, тобою ад лишается добычи, тобою мертвые удостаиваются жизни, тобою разбойник ликует в раю, тобою сочетаются небесные с земными, тобою — познание истины, тобою даровано Крещение возрождения, тобою людям снискано оставление грехов, тобою запечатлен дар Святого Духа, ознаменованные тобою церкви именуются домами Божиими, тобою мы сподобляемся Тела и Крови Христовых, тобою удостаиваемся быть сынами

Божиими и наследниками Царства Небесного, тобою праздники и торжества наши просветляются и облистаются. Никакой язык не мог бы изобразить все то, что Христос Бог даровал через тебя роду человеческому (9).

Если о Кресте Господнем (как орудии страданий) слышать печально и тягостно, то тот же Крест исполнен для нас светлой радости, раз он сделался для нас причиною не страданий, но освобождения от страданий. Если одно имя его служит сообразном для иудеев, а проповедь о нем оказывается для язычников безумною, то нам верующим он напоминает о нашем спасении. И если в церкви, при чтении о Кресте и воспоминании о Крестных страданиях, в народе, верующем Кресту, возбуждается негодование, соединенное с сожалением, и возникает ропот, то эти чувства относятся не к самому Кресту, а к тем, которых неверие сделало распинателями. Крест есть спасение Церкви, Крест есть похвала возложивших на него упование, Крест — избавление наше от одержавших нас зол и начаток дарованных нам благ, Крест — примирение с Богом его врагов и обращение ко Христу

грешников. Крестом избавились мы от вражды и Крестом утвердились в дружбе с Богом; Крестом освобождены мы от насилия дьявола и Крестом избавлены от смерти и гибели. Потому-то и народ сначала, слыша о Кресте, роптал, а потом, слушая о воскресении, от ропота перешел к радости, громогласно возглашая славу. Крест сочетал людей с ликом Ангелов, сделав их природу чуждою всякого тленного дела и доставив им возможность проводить нетленную жизнь. Ведь уже не людьми, но богами называются они после Креста: *Я сказал: вы — боги, и сыны Всевышнего — все вы* (Пс. 81, 6), — не рабами, но друзьями и братьями они именуются: *буду возвещать имя Твое братьям моим* (Пс. 21, 23). Видишь, какую перемену произвел Крест? Но чтобы еще яснее уразуметь силу Креста, представь себе, что было до Креста и что после Креста, — и тогда ты оценишь его силу и действие. До Креста Сын был в неизвестности, а сегодня, когда проповедуется о Кресте, и Сын именуется, и Отец через Сына познавается; до Креста совершалось поклонение дьяволу, а ныне с проповедью о Кресте дьявол низложен и демоны обращаются в бегство; до Креста мы погрязали

в блуде и распутстве, а ныне после проповеди о Кресте не только отстали от блуда, но и над браком превозносимся, а девство, которого раньше не знали, усвоаем себе и соблюдаем. Когда не раздавалось еще проповеди о Кресте, дьявол собрал иудеев против Христа; ныне проповедуется Крест — и апостолы тех же иудеев приводят ко Христу верою. До проповеди о Кресте смерть властвовала над нами; ныне Крест проповедуется — и смерть презирается, как бы ее и не существует, а вечную жизнь мы возлюбили. До Креста мы были чужды раю, а с явлением Креста тотчас же разбойник удостоен рая. О, великая сила Креста! Какие перемены произвела она в роде человеческом! От такой тьмы привел нас Крест к свету незаходимому, от смерти воззвал к жизни вечной, от тления возродил к нетлению. Очи сердца нашего уже не покрываются тьмою неведения, но Крестом открыты свету разумения; уши глухих уже не затворены более неверием, потому что глухие услышали слово Господне, и слепые прозрели, чтобы видеть славу Божию. Вот что совершено Крестом, вот что даровано нам ради Креста! В самом деле, какое добро получено нами, помимо Креста, какое из благ даровано нам

не через Крест? Через Крест научились мы благочестию и познали силу божественной природы; через Крест уразумели мы правду Божию и постигаем добродетель целомудрия; через Крест познали мы друг друга и, будучи прежде далекими, сочетались Христу и приобщились благодати Святого Духа; через Крест познали мы силу любви и не отказываемся умереть друг за друга; благодаря Кресту презрели мы все блага мира и вменили их ни во что, ожидая будущих благ и невидимое принимая как видимое. Крест проповедуется, и вера в Бога исповедуется, и истина по всей вселенной распространяется: Крест проповедуется, и мученики подвизаются и исповедничество за Христа утверждается; Крест проповедуется, и воскресение даруется, и жизнь является, и Царство Небесное удостоверяется, и неверные веруют Кресту, — достигают спасения даже и те, которым Крест казался непримиримым с жизнью. Виновником всего этого для нас является Крест, и благодаря ему же мы научились воспевать Бога. Итак, что выше Креста? Что полезнее его для наших душ? Не будем же стыдиться имени Креста, но со всею смелостью будем исповедывать его, так как через

него призваны ко спасению и приводимся к жизни вечной. Видишь, какие перемены произвел этот Крест в мире, для его спасения? Он положил конец его беззаконным делам, пресек его безбожные учения — и мир не угождает уже более дьявольским законам и не связывается узами смерти. Бог пришел на землю и посек неистовство страстей; установил Свои законы и научил нас полезному и нужному; утвердил заповедь целомудрия и искоренил сладострастие; начертал границы святости, оградил невинность законом и беззаконный блуд осудил на поправление; освятил правила воздержания и низложил господство похоти; божественным учением ниспроверг силу страстей и умалил всякий грех, порождавшийся похотью. Так как блуд есть изобретение идолов, и их коварством порождается всякая порча, то Он и посекает самый корень беззакония, чтобы положить конец потоку нечестия. Он упразднил мерзкое служение идолам, уничтожил беззаконные обычаи, рассеял все ухищрения, приманки и прикрасы нечестия; Он разоблачил обман и неправду и преградил потоки гибели; Он очистил души от укоренившихся в них терний нечестия и подобно зернам

пшеницы принес семена богочестия, чтобы заставить души наши плодоносить плоды правды; Он даровал нам изобилие в духовной пище и наполнил наши духовные житницы божественными плодами небесной мудрости; Он приобщил верных святыне Духа, и благодаря ему каждый из нас сделался сосудом божественного освящения и источником божественной красоты. Все это приобрели мы благодаря Кресту, всех этих благ удостоились ради Креста. Все это познали мы через Крест и всему этому научились благодаря ему. Но чтобы вполне оценить силу Креста и те последствия, которых он был причиной, обрати внимание на то, что совершилось у его подножия, и ты убедишься, что действительно это были дела, совершенные божественной силой. Крест водружается против Жизни, но через Крест даруется жизнь миру и смерть им умерщвляется; Крест воздвигается против Истины, но благодаря Кресту мир весь наполняется истиной; Крест готовится для уничтожения Владыки, но Владыка распростер на нем Свои руки и всех привлек к Себе. Христос висит на Кресте — и дьявол умерщвлен; Христос распростерт на Кресте — и спасительное знамение даровано всему

миру; Христос пригвожден ко Кресту — и всякая душа разрешена от уз; Христос томится на Кресте — и все создание освобождено от работы истления; Христос на Кресте испустил дух — и новое чудо явлено миру: свет солнца помирается. Для неверных в этом знамение, что на день Суда им уготовляется тьма, а для верных этим знаменуется то, что для них тьма сменяется дневным светом. Эта мысль выражается и в одном пророческом изречении, которое гласит: *и будет в тот день, говорит Господь Бог: произведу закат солнца в полдень и омрачу землю среди светлого дня. И обращу праздники ваши в сетование и все песни ваши в плач* (Ам. 8, 9–10). Видишь, возлюбленный, какой глубочайший таинственный смысл содержит в себе это пророческое слово? Оно равно применимо и к тем, и другим, т.е. как к подзаконным иудеям, так и к язычникам, вне закона творившим свои беззакония. Первые, празднуя по закону, будут проводить свои праздники в плач и место всяких песен у них заступит вопль об Иерусалиме. Служение Богу в Иерусалиме упразднится и совершение праздников в нем прекратится, когда наступит конец всему, после Пришествия Христа

и Его искупительных страданий. Потому-то и говорит Бог через пророка: *обращу праздники ваши в сетование и все песни ваши в плач*. Иудеи лишатся своего законного достояния и предадутся в рабство всякому народу за то, что не поверили божественной и необычайной проповеди Креста. Будут плакать и язычники, исповедуя свои грехи, но будут плакать плачем, достойным утешения. Сказано: *блаженны плачущие, ибо они утешатся* (Мф. 5, 4). И вот они будут оплакивать те суетные праздники и нечестивые песни, в которых выражалось их служение нечистым демонам... Так-то вот и мы с добрым плачем и сожалением об изображенных выше наших пороках припадем к Кресту, на него возлагая свои надежды, чтобы при руководстве Креста и в устремленную к небу мыслью приблизившись ко Христу Спасителю нашему, мы удостоены были пребывания вблизи Бога, в Царстве Небесном (9).

Чего не сделал Крест? Он ввел учение о бессмертии души, о воскресении тел, о презрении благ настоящих и стремлении к благам будущим; он сделал людей

Ангелами; им все и везде стали любомудрыми и способными ко всякой добродетели (12).

КРЕЩЕНИЕ

Грехи, совершаемые после [Крещения], делаются вдвое и вчетверо тяжелее. Почему? Потому что, сподобившись чести, мы являемся неблагодарными и злыми. Поэтому-то купель [Крещения] нисколько не облегчает для нас наказания. Заметь: имел ли кто тяжкие грехи (до Крещения), совершил ли, например, убийство, или прелюбодеяние, или сделал что-нибудь другое, еще более тяжкое, — все это отпускается чрез купель Крещения. В самом деле, нет, подлинно нет никакого греха и нечестия, которое бы не уступило этому дару и не было его ниже, потому что это — божественная благодать. Но, если кто опять впал в прелюбодеяние и совершил убийство, то, хотя прежнее прелюбодеяние разрешено и то убийство отпущено и уже не воспоминается, так как *дары и призвание Божие непреложны* (Рим. 11, 29), — тем не менее за эти грехи, совершенные после Крещения, мы подвергаемся такому же наказанию, как если бы и прежние были приняты во вни-

мание, и даже гораздо большему. Это уже не просто грех, но грех двойной и тройной. А что за эти грехи (ожидает) большее осуждение — послушай, что говорит Павел: *если отвергшийся закона Моисеева, при двух или трех свидетелях, без милосердия наказывается смертью, то сколь тяжчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь завета, которою освящен, и Духа благодати оскорбляет?* (Евр. 10, 28, 29).

Может быть, я многих отвлек теперь от принятия Крещения? Но я сказал это не с этою целью, а для того, чтобы принявшие [Крещение] пребывали в целомудрии и усиленно вели честную жизнь. Но я боюсь, скажет кто-нибудь? Если бы ты боялся, то принял бы и стал бы хранить. Но потому-то самому, скажешь, я и не принимаю, что боюсь [не сохранить]? А так [без Крещения] отойти не боишься? Бог, скажешь, человеколюбив? Потому-то и прими Крещение, что Он человеколюбив и помогает нам. Но ты, когда нужно бы позаботиться [о Крещении], не представляешь себе этого человеколюбия; а когда хочешь отложить его, тогда о нем вспоминаешь, между тем как это

человеколюбие имеет место в первом случае, и к нам оно будет проявлено в особенности тогда, когда и с своей стороны привнесем, что следует. Кто во всем положился на Бога, тот, если и согрешит, как то свойственно человеку после Крещения чрез покаяние сподобится человеколюбия; а кто, как бы мудрствуя о человеколюбии Божиим, отойдет [отсюда] чуждым благодати, тот подвергнется неизбежному наказанию. Зачем же ты поступаешь так против своего спасения? Невозможно, совершенно невозможно, как я, по крайней мере, думаю, чтобы человек, который отлагает [Крещение], обольщая себя такими надеждами, совершил что-нибудь возвышенное и доброе. Для чего ты принимаешь на себя такой страх и прикрываешься неизвестностью будущего? Почему не переменяешь этого страха на труд и старание, чтобы стать великим и достойным удивления? Что лучше — бояться или трудиться? Если бы кто-нибудь посадил тебя без всякого дела в разваливающемся доме и сказал: «Ожидай, что может упасть на твою голову потолок, так как он уже сгнил (может быть, он упадет, а может быть, и не упадет); если же ты не хочешь этого, то трудись и живи

в здании более безопасном», — то что бы ты предпочел? Праздность ли ту, соединенную со страхом, или этот труд, — с уверенностью в безопасности? Поступай же так точно и теперь. Неизвестное будущее — это как бы некоторый истлевший дом, всегда угрожающий падением; а этот труд, соединенный с утомлением, обещает безопасность.

Итак, не дай Бог, чтобы мы подверглись столь великому несчастью — грешить после купели. Но, если бы и случилось что-нибудь подобное, то и при таких обстоятельствах не будем отчаиваться. Бог человеколюбив и предоставил нам много путей к получению прощения и после [крещения]. И как те, которые грешат после купели, по этой самой причине наказываются больше оглашенных, так и те, которые знают, что есть врачество покаяния и не хотят им воспользоваться, подвергнутся тягчайшему наказанию, потому что чем больше умножается человеколюбие Божие, тем больше усиливается и наказание, если мы должным образом не воспользуемся им (10).

Крещение имеет силу не только заглаживать прежние согрешения,

но и защищает от будущих. И как для заглаждения прежних грехов ты принес веру, так и для того, чтобы опять не оскверняться грехами после Крещения ты должен обнаружить перемену в усердии (11).

КРОТОСТЬ

И поистине то составляет величайшую добродетель, когда не тех только мы любим и не тем только всячески угождаем, которые искренно к нам расположены, но когда и людей, желающих вредить нам, к себе привлекаем ласковостью. Нет ничего могущественнее кротости. Как вылитая вода погашает сильно горящее пламя, так и слово, сказанное с кротостью, утишает гнев, воспламененный сильнее огня в печи, — вследствие чего происходит двоякая для нас польза: этим и сами мы обнаруживаем в себе кротость, и, успокоив раздраженный дух брата, спасаем от потрясения его рассудок. Да и скажи, пожалуй: не порицаешь ли ты, не осуждаешь ли гневающегося, враждебно к тебе расположенного брата? Почему же не стараешься сам поступать иначе, а еще более раздражаешься? Ведь огня нельзя погасить огнем: это неестест-

венно. Также и гнева, ни в каком случае невозможно укротить гневом. Что для огня — вода, то для гнева кротость и ласковость. Поэтому-то и Христос сказал ученикам: *если вы будете любить любящих вас, какая вам награда?* (Мф. 5, 46) (1).

Когда будет в твоих руках враг, не о том заботься, как бы отомстить ему и, осыпав бесчисленными ругательствами, выставить его на позор, а о том, как бы утешать его, как бы возвратить к кротости; и до тех пор не переставай делать и говорить все, пока своей кротостью не победишь его жестокости. Ничего нет могущественнее кротости. Указывая на это самое, некто сказал: *мягкий язык переламывает кость* (Притч. 25, 15). Что тверже кости? Однако, хотя бы кто был так же тверд и жесток [как она], и его легко победит тот, кто будет обращаться с ним кротко. И еще: *кроткий ответ отвращает гнев* (Притч. 15, 1). Отсюда ясно, что ты более чем сам враг твой властен и раздражить, и укротить его. В самом деле, от нас, а не от тех, кто гневается [на нас], зависит и погасить пламень их гнева, и раздуть его сильнее. И это самое

объяснил опять сказавший предыдущие слова простым примером. Если, говорит, подуешь на искру огня, то возгорится пламя, а если плюнешь, то погасишь; то и другое в твоей власти: *то и другое выходит из уст твоих* (Сир. 28, 14). Так и с враждой ближнего: если ты будешь говорить с ним дерзко и надменно, то зажжешь в нем огонь, раздуешь угли, а если кротко и ласково, то потушишь весь гнев прежде, чем поднимется пламя. Не говори же: то и то потерпел я; то и то слышал. Все это от тебя зависит. От тебя зависит воспламенить или погасить гнев, точно также как зажечь или потушить искру (1).

А мы, подвергаясь оскорблениям, когда нужно извинение и примирение, часто раздуваем пламя, нападаем на оскорбивших как дикие звери, тесним их, влачим, требуем наказания за сказанные слова и тем самым, что делаем, подтверждаем возведенную на нас клевету. Если хочешь доказать поносителям, что ты не пьян, докажи это кротостью и скромностью, а не бранью и не ругательством; ведь, если ты станешь бить оскорбившего, то все примут тебя за пьяного; а если перенесешь

великодушно, то самым делом отклонишь злой навет (1).

Подлинно, ничто не бывает столько причиною вражды и раздора, как любовь к настоящим благам, пристрастие или к славе, или к богатству, или к удовольствиям. Когда же ты разорвешь все эти узы и не попустишь душе пленяться чем-нибудь подобным, тогда увидишь, откуда берет свое начало раздор, где лежит основание добродетели. Для того Христос и повелевает нам быть овцами среди волков, чтобы ты не говорил: я потерпел то и то и оттого ожесточился. Хотя бы ты потерпел бесчисленное множество обид, продолжай быть овцою — и победишь волков. Такой-то человек зол и нечестив; но ты имеешь силу, которою можешь преодолевать и злых. Что смиреннее овцы? Что свирепее волка? Однако первая преодолевает последнего, как видно на апостолах, потому что нет ничего могущественнее кротости, ничего сильнее долготерпения. Вот почему Христос и заповедует нам быть овцами среди волков. Но, сказав это и желая объяснить, каков должен быть Его ученик и что для него недостаточно этой простоты, т.е. кротости

овцы, прибавляет еще нечто другое: *будьте*, — говорит, — как голуби (Мф. 10, 16), соединяя кротость двух смиренных и незлобивых животных. Такой требует Он от нас кротости, когда мы обращаемся среди злобных! Не говори мне: он зол, я не могу сносить. Тогда особенно и нужно показывать кротость, когда мы имеем дело с злобными и враждебными; тогда и открывается ее сила, тогда и сияет ее действенность, достоинство и польза (2).

Поистине, лучше подвергнуться бесчисленным ударам молнии, нежели видеть, как кроткое лицо Господа отвращается от нас и ясное око Его не хочет взирать на нас. И действительно, если Он меня, врага Своего, при всей к Нему ненависти и отвращении от Него так возлюбил, что даже не пощадил самого Себя, но предал Себя на смерть, и если после всего этого не подам Ему и хлеба, когда Он алчет, — то какими уже глазами буду взирать на Него? Но и здесь заметь Его кротость. Он не исчисляет Своих благодеяний, не жалуется на то, что ты презрел столь великого своего благодетеля, не говорит: Я тебя привел из небытия в бытие, вдохнул в

тебя душу, поставил тебя владыкою над всем, что находится на земле; для тебя Я сотворил землю и небо, море и воздух, и все сущее; от тебя я был презрен и казался тебе ниже дьявола, но при всем том не оставил тебя: бесчисленные открыл средства для твоего спасения, восхотел сделаться рабом, был бит по ланите, оплеван, заклан, умер поноснейшею смертью; даже на небе за тебя ходатайствую, даю тебе Духа, удостоиваю тебя Царствия и предлагаю тебе такие благодеяния; восхотел быть твоим главою, женихом, ризою, домом, корнем, пищею, питием, пастырем, царем и братом; избрал тебя наследником и сонаследником Своим, из мрака привел тебя в область света. Хотя Господь мог сказать это и еще того более, но Он ничего такого не говорит (6).

Устыдимся поступать вопреки заповеди Христовой и нападать на врагов как волки. Доколе мы будем овцами, дотоле будем побеждать; хотя бы и бесчисленное множество волков нас окружало, но мы их преодолеем и победим. Если же будем волками — будем побеждены, потому что отступит от нас помощь Пастыря (Он пасет

не волков, а овец); Он оставит и удалится от тебя, потому что ты не дашь открыться Его силе. Когда ты показываешь в злостраданиях кротость, то вся победа Ему принадлежит; а когда сам нападаешь и сражаешься, помрачаешь победу (6).

Всякая добродетель хороша, но в особенности — незлобие и кротость. Она выказывает в нас людей; она отличает от зверей; она делает равными Ангелам. Поэтому и Христос часто и много говорит об этой добродетели, повелевая быть кроткими и незлобивыми. И не словами только заповедует это, но учит тому и самыми делами, то терпеливо перенося заушения, то подвергаясь поношениям и наветам, и, несмотря на то, опять обращаясь с наветниками (8).

Видишь ли, какое великое благо — кротость? Она больше жестокости уязвляет сердца наши и причиняет рану более чувствительную. Как тот, кто наносит удар телам затверделым, производит ощущение не столь сильное, а кто наперед смягчит их и сделает нежными, тот поражает сильнее, так точно и здесь — прежде на-

добно смягчить и тогда уже поразить. Смягчает же не гнев, и не сильное обвинение, и не порицания, но кротость: гнев еще увеличивает ожесточение, а кротость уничтожает. Итак, если хочешь тронуть кого-либо, обидевшего тебя, обращай к нему с большою кротостью (10).

Бьющим нас будем воздавать кротостью, молчанием, долготерпением. Это — раны более тяжкие, удар более сильный и действительный, так как тяжело поражение не тела, а души. Мы многим наносим удары; но если это делается по дружбе, то даже нравится; если же ты будешь бить кого-нибудь с гневом, то касаешься его сердца и потому причиняешь ему великое огорчение, — так мы поражаем более сердце их. Докажем же по возможности, что кротость поражает более, нежели сопротивление. Яснейшее доказательство этого было бы из дел и из опыта; но, если угодно, объясним это и словом, хотя мы уже многократно делали это. При оскорблениях мы ничем столько не огорчаемся, как мнением присутствующих; не все равно — получать ли оскорбление при всех или наедине; мы переносим легко те

оскорбления, которые наносятся нам наедине, когда нет свидетелей и никто не знает о том. Следовательно, не самое оскорбление огорчает нас, но то, что оно наносится при всех, так что, если бы кто-нибудь при всех хвалил нас, а наедине поносил, то мы еще были бы ему благодарны. Значит, огорчение зависит не от самого оскорбления, но от мнения присутствующих, пред которыми [мы не хотим] казаться достойными презрения. Теперь: что, если мнение их будет в нашу пользу? Не больше ли потерпит сам оскорбитель, если они подадут голос за нас? Кого же, скажи мне, осуждают посторонние свидетели: того ли, кто наносит оскорбление, или того, кто подвергается ему и молчит? Гнев увлекает нас в то время, когда наносится оскорбление; посмотрим же теперь, когда мы свободны от этой страсти, чтобы нам не увлекаться и тогда. Кого все мы осуждаем? Без сомнения, того, кто наносит оскорбление; если он ниже нас, мы говорим, что он беснуется; если равен, говорим: он безумствует; если выше — и тогда не одобряем. Кто, скажи мне, достоин одобрения? Тот ли, кто возмущается, неистовствует, свирепствует как дикий зверь, восставая против имеющих оди-

наковую с ним природу, или тот, кто пребывает в спокойствии, как в пристани, и сохраняет великое любомудрие? Последний не уподобляется ли Ангелу, а тот похож ли и на человека? Тот и собственного зла сдержать не может, а этот удерживает и чужое; тот и самим собою владеть не может, а этот обуздывает и другого; тот терпит кораблекрушение, а этот плывет безопасно на своем корабле при попутном ветре; он именно не позволяет ветру гнева устремляться в паруса и потопляет мысленную ладью его, но легкий и приятный ветер — дыхание незлобия — веет ему и с великим спокойствием приводит его в пристань любомудрия. Как во время крушения корабля плывущие на нем не знают, что они выбрасывают в море: свою ли собственность или вверенное им достояние других, но бросают без разбора все в нем находящееся — и драгоценное и не драгоценное; когда же буря прекратится, то, размышляя о том, что бросили, плачут и не радуются тихой погоде по причине потери выброшенного, — так точно и здесь. Когда свирепствует гнев и поднимается эта буря, не думают, что нужно выбросить и чего нет; когда же гнев прекратится, тогда,

размышляя о том, что выбросили, видят только вред и не радуются самому спокойствию, вспоминая, какими словами осрамили себя и какой великий ущерб понесли не в деньгах, но в отношении к смирению и кротости (10).

Кротость есть признак великой силы; чтобы быть кротким, для этого нужно иметь благородную, мужественную и весьма высокую душу. Неужели ты думаешь, что

мало нужно [силы душевной], чтобы получать оскорбления и не возмущаться? Не погрешит тот, кто назовет такое расположение к ближним даже мужеством; кто был столько силен, что преодолел эту страсть, тот, конечно, будет в состоянии преодолеть и другую; т.е. здесь две страсти: страх и гнев; если ты победишь гнев, то, без сомнения, [преодолеешь] и страх; гнев же ты победишь, если будешь кроток, а если преодолеешь страх, то окажешь мужество (10).

ЛЕНОСТЬ

Диавол всеми мерами старается вкратсья и, если заметит в человеке, что он мало занят или откладывает дело, производит в нем большую лень. Поэтому-то некто и советует: *не откладывай со дня на день* (Сир. 5, 8). Таким образом ты можешь в большем успеть, да и домашние дела твои будут в хорошем состоянии (7).

Не удивляюсь тем, которые пренебрегают [деньгами], но [удивляюсь] тем, которые не пренебрегают. Это — признак души, исполненной крайней лени, — души, ничем не отличающейся от мух и комаров, привязанной к земле, валяющейся в грязи, не представляющей себе ничего великого. Что ты говоришь? Хочешь наследовать жизнь вечную и говоришь: как буду презирать для нее настоящую? Ужели можно это сравнивать? Хочешь получить одежду царскую и говоришь: как

презреть рубище? Ожидаешь, что тебя введут в дом царя и говоришь: как презреть настоящую бедную хижину? Подлинно, мы виновны во всем, потому что не хотим сколько-нибудь возбудить себя. Все же, которые хотели, поступали, как должно, и делали это с большою ревностью и легкостью. Дай Бог, чтоб и вы, послушавшись нашего увещания, исправились и стали ревностными подражателями поживших добродетельно (10).

ЛОЖЬ

Как на войне для различения своих и чужих дается лозунг, так и в круговороте человеческих дел друзья Бога отличаются стоянием в правде и воздержанием от лжи, а лжецы поражаются собственным языком как мечом. Уста, не знающие лжи и клятв, скоро преклоняют Бога своей молитвой. Если слугу или друга нелживого мы уважаем и не отказываем им в их просьбах, тем более Бог из

благоволения к нелгущему доставляет ему все блага, потому что, видя язык, любящий истину, честным и незапятнанным, Он принимает его слова, как угощение на блюде. Ложь так дурна, что и сами лжецы ненавидят того, кто лжет. Как горючее вещество от дома, удаляй ложь от своих уст; как огонь в спальне, погашай на языке своемложную клятву. Если загорится дом, погибнет дерево и тело, а ложная клятва, воспламеняясь, и душу, и тело губит в геенне. Если я скажу: «не бранись», ты ссылаешься на гнев; если я скажу: «дай денег бедным», ты представляешь бедность и кормление детей. А не клясться или не лгать — это не то, что тратить деньги из кармана. Эта добродетель не требует издержек. Почему же нам не приобрести ее? Царю не так приличны порфира и венец, как христианину воздержание от лжи. За это его уважают и родственники, и друзья, и соседи, и знакомые. Такого христианина боятся бесы, а Ангелы любят его и с радостью открывают ему двери Царства Небесного (3).

Ложь бессильна и легко изображается, хотя снаружи и разрисована многообразными крас-

ками. Как те, которые покрывают смазкой стены, близкие к разрушению, чрез эту смазку не могут поправить их, так и люди, когда говорят ложь, легко изображаются (8).

ЛЮБОВЬ

До такой крайности возросла ныне людская злоба, что редко уже любят и любящих. Откуда же будет нам надежда спасения, если мы сделаемся хуже самих мытарей, как говорит Христос: *если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари* (Мф. 5, 46)? Христос желает, чтобы мы достигли самого верха добродетели, чтобы были выше мытарей; а мы стараемся быть и их ниже. И что говорю: мытарей? Мы становимся хуже и разбойников, и гробокопателей, и человекоубийц. И из них всякий любит того, кто с любовью относится к нему, а часто и подвергается опасности за любимого им. Что же может быть достойнее сожаления, когда мы, удостоенные столь великого человеколюбия Божия, оказываемся хуже людей, сделавших тысячи зол? Итак, умоляю вас: помышляя о великом наказании, о крайнем посрамлении, которые ожидают

нас там, — познаем, хотя поздно, свое достоинство, покоримся учению Христову и не только любящих нас будем любить искренно, изгнав из своего сердца всякую злобу и ненависть, но если бы кто-либо и враждебно расположен был к нам, будем стараться и тех любить. Нам невозможно иначе спастись, если не пойдем таким путем. Постараемся даже более, чем любящих нас, любить тех, как способствующих нам в достижении бесчисленных благ. Таким образом мы сможем и прощение грехов получить, и молитвы к Богу воссылать смиренным умом и сокрушенною душою. Когда душа свободна от всякой вражды и ум наслаждается спокойствием, тогда она с великою бодростью призывает Владыку и привлекает себе свыше великую помощь (1).

Любовь обыкновенно возбуждают в нас следующие три предмета: или телесная красота, или великое благодеяние, или любовь к нам другого. Каждый из этих предметов сам по себе может воспламенить в нас любовь. Хотя бы мы от какого-нибудь человека не получали никакого благодеяния, но если слышим, что он постоянно любит нас, хвалит нас и

удивляется нам, то и сами тотчас привязываемся к нему душою и любим его, как благодетеля (2).

Где любовь, там великая безопасность, великое благоволение Божие. Она — мать всех благ, она — корень и источник их, она — прекращение войн, истребление распрей. ... Действительно, как несогласие и раздор причиняют смерть и смерть преждевременную, так любовь и согласие производят мир и единомушие, а где мир и единомушие, там все в жизни безопасно и вполне надежно. Но для чего говорить о настоящем? Любовь доставляет нам небо и неизреченные блага; она — царица добродетелей (3).

Всякое доброе дело есть плод любви. Поэтому много и говорится о ней. Так Христос говорит: *потому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою* (Ин. 13, 35); и Павел взывает: *не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви* (Рим. 13, 8). Не сказал просто о любви, но повелевает быть как бы должниками в любви друг к другу. Как в отношении к телу мы должны постоянно

доставлять ему пищу — и постоянно доставляем, и этот долг простирается на всю нашу жизнь, так он учит поступать и в отношении к любви, или, лучше сказать, — еще больше, потому что она приводит к жизни вечной и постоянно остается с теми, которые имеют ее. *А теперь*, — говорит апостол, — *пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше* (1 Кор. 13, 13). Впрочем, не только словами, но и самими делами мы научаемся этой добродетели. И, во-первых, способом нашего рождения; создав одного человека, Бог повелел от него произойти всем, чтоб мы все считали друг друга как бы одним человеком и старались жить в любви друг к другу. Затем и посредством взаимных отношений Он премудро устроил необходимость для нас взаимной любви, а как — послушай. Наполнив вселенную множеством благ, Он даровал каждой стране особенные, ей свойственные роды плодов, чтобы мы, вынуждаемые необходимостью, путешествуя друг к другу, сообщая другим излишнее и получая от них недостающее нам, любили однородных с нами. То же Он сделал и с каждым человеком. Он не дал всем знать все, но одному общил способность к врачебной

науке, другому — к строительной, иному к иной, чтобы, нуждаясь друг в друге, мы любили друг друга. Также и в предметах духовных, в свою очередь, можно видеть то же самое, как говорит Павел: *одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом; иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков* (1 Кор. 12, 8–10). Но нет ничего выше любви; поэтому Он и поставил ее выше всего, сказав так: *если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто* (1 Кор. 13, 1, 2). И даже на этом он не остановился, но возвестил, что и сама смерть за благочестие не приносит никакой пользы, если не будет при этом любви. Не без причины Он сказал это о любви; он знал, хорошо знал как исполнитель заповедей Божиих, что когда твердо вкоренится любовь, тогда произрастают

плоды всяких благ. Заповеди: *не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего*, и всякая другая заповедь заключаются в этой одной, как главной: *весь закон в одном слове заключается: люби ближнего твоего, как самого себя* (Исх. 20, 13–16; Лев. 19, 18; Гал. 5, 14). Впрочем, для чего говорить о малом, умалчивая о великом? Из любви сошел к нам возлюбленный Сын Божий, стал обращаться и жить вместе с людьми, чтобы, рассеяв многобожное заблуждение и возвестив истинное познание, научить людей любви друг к другу, как свидетельствует Иоанн, когда говорит: *так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную* (Ин. 3, 16). Ею пламенея, Павел произнес небесные слова: *кто отлучит нас от любви Христовой: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч* (Рим. 8, 35)? Пререв же это как ничтожное, Он присовокупил к этому еще гораздо большее. *Ни смерть*, — говорит он, — *ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не*

может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем (Рим. 8, 38–39). Поэтому ничто не могло отлучить [от любви Божией] этого блаженного, горевшего любовью, ни небо, ни земля, ни море, ни Царство Небесное, ни адские муки; все презирал он ради Христа. Если же мы посмотрим и на остальных святых, то увидим, что все они угодили Богу любовью (5).

Ничто не может сравниться с любовью... Ныне же любовь оскудевает; осталось только имя ее, а на деле ее нет, но разделились мы между собою.

Что делать, чтобы соединиться. Ведь легко обличать, но это только половина дела: нужно еще показать, как устроить общение; нужно о том позаботиться, как нам соединить разделившиеся члены. Не о том только нужно заботиться, чтобы нам принадлежать к Единой Церкви или [содержать] один и тот же догмат; но не хорошо то, что, имея общение друг с другом во всем прочем, мы не имеем его в необходимом, и [по-видимому], находясь в мире со всеми, не соблюдаем мира между собою. Не на то смотри, что мы не ссоримся между собою каждый день,

но на то, что у нас нет истинной и искренней любви. Нам нужны обвязание и елей (см. Лк. 10, 34). Вспомним, что любовь есть признак учеников Христовых (см. Ин. 13, 35), что без нее все прочее не значит ничего, что она есть дело не трудное, если захотим [иметь ее]. Да, скажут, мы знаем это; но как достигнуть этого? Что нужно, чтобы она была у нас? Как сделать, чтобы мы любили друг друга? Наперед устраним то, что противно любви; тогда приобретем и ее. Пусть никто не помнит зла, не завидует, не радуется о зле. Это препятствует любви, а другое способствует ей. Недостаточно уничтожить препятствия; нужно иметь и то, что способствует. Действия, нарушающие любовь, а не созидające, исчисляет Сирах, именно: *поношение, гордость, обнаружение тайны и коварное злодейство* (Сир. 22, 25). Для тех [иудеев], как людей плотских, этого было достаточно; для нас же нет; не этому только учим вас, но и другому. Для нас — без любви все бесполезно. Пусть будут у тебя бесчисленные блага — какая в том польза? Пусть будет богатство, роскошь, но без любящих тебя — какая в том польза? Нет блага прекраснее этого даже в житейском отношении, и, напро-

тив, нет ничего хуже вражды. *Любовь покрывает множество грехов* (1 Петр. 4, 8); а вражда, напротив, подозревает и то, чего нет. Недостаточно только не быть врагом, нужно еще питать и любовь. Вспомни, что так повелел Христос, и этого довольно. Сама скорбь содействует любви и укрепляет ее. Но что же, скажут, теперь, когда нет скорби. Объясни, как нам стать друзьями? Но, скажи мне, разве у вас нет каких-нибудь друзей? Как вы стали друзьями? Как остаетесь ими? По крайней мере, пусть никто не враждует против другого; и это немаловажно; пусть никто не завидует; не завидующий не может быть и клеветником. Все мы живем в одной вселенной, питаемся одними и теми же плодами. Этого мало: мы сподобляемся одних и тех же Таинств, одной и той же духовной пищи. Вот побуждения к любви! Но как, скажут, нам сохранить теплоту любви? А что возбуждает любовь плотскую? Телесная красота. Сделаем же и души наши прекрасными и будем питать любовь друг к другу; ведь нужно не любить только, но и быть любимыми. Сделаем сперва это, т.е. чтобы нас любили; тогда легко будет и то. Как же сделать, чтобы нас любили? Будем

добрыми — и мы достигнем, что всегда будут любящие нас. Пусть каждый заботится не столько о приобретении имущества, или рабов, или домов, сколько о том, чтобы быть любимым, чтобы иметь доброе имя. *Доброе имя лучше большого богатства* (Притч. 22, 1). То постоянно, а это скоропреходяще; это можно приобрести, а того нельзя. Кто заслужил недоброе имя, тому трудно освободиться от него; а бедный с именем добрым скоро может сделаться богатым. Пусть один имеет тысячи талантов, а другой сто друзей: последний богаче первого. Будем же делать это не просто, но как бы совершал куплю. Как же это? *Сладкие уста умножат друзей, и доблоречивый язык умножит приязнь* (Сир. 6, 5). Будем иметь уста, исполненные хвалы, и нравы чистые. С такими свойствами нельзя скрыться.

Посмотри, какие узы любви придумали внешние [язычники]: кумовство, соседство, родство. Но у нас есть нечто больше всего этого. Это — священнейшая трапеза. Между тем многие из нас, приступающих к ней, даже не знаем друг друга. Это происходит, скажут, от многочисленности. Нет, от нашего нерадения. Три тысячи и пять тысяч верующих

было [в начале], и все они имели *душу одну* (Деян. 4, 32); а теперь и не знают друг друга, и не стыдятся этого, ссылаясь на многочисленность. Кто имеет много любящих его, тот непреодолим ни от кого, тот сильнее всякого властителя: не столько оруженосцы охраняют последнего, сколько первого — любящие его. Он и славнее того: один охраняется своими рабами, а другой людьми равными ему; одного охраняют не по своей воле и из страха, другого добровольно и без страха. Чудное бывает здесь явление: единство во множестве и множество в единстве. Как в игре на гуслях, хотя звуки различны, но симфония одна, один и музыкант, играющий на гуслях, так и здесь: гусли, это — любовь; звуки, это — происходящие от любви дружеские речи, производящие все вместе одну и ту же гармонию и симфонию; музыкант, это — сила любви; она издает сладостное пение. Я хотел бы — если это возможно — ввести тебя в такой город, где была бы одна душа; ты увидел бы, какое там согласие, сладостнейшее всяких гуслей и всякой свирели, не издающее ни одного нестройного звука. Это согласие доставляет радость Ангелам и самому Господу Ангелов,

служит приятным предметом зрелища для всех сил небесных, укрощает ярость демонов, обуздывает порывы страстей. Это согласие не только укрощает страсти, но не попускает и восставать им, и производит великое молчание. Как на зрелище все в молчании слушают хор играющих и не производят ни малейшего шума, так и у любящих друг друга, когда любовь поет песнь свою, все страсти умиряются и успокаиваются, как звери обузданные и укрощенные; а где вражда, там все напротив. Но не станем говорить теперь о вражде; будем говорить только о любви. Скажешь ли что-нибудь опрометчиво, никто не осуждает, но все извиняют; сделаешь ли что-нибудь, никто не имеет подозрения, но оказывает великое снисхождение. Все готовы подать падающему руку помощи, все охотно стараются поднять его.

Поистине, любовь есть крепкая стена, неприступная не только для людей, но и для диавола. Кто окружен множеством любящих его, тот не может впасть в опасность; нет у него поводов к гневу, но всегда он чувствует сердечное спокойствие, радость и веселие; нет поводов к зависти; нет случаев к памятозлобию. Посмотри, как легко исполняет он и духовные, и

житейские дела свои. Что может сравниться с ним? Он — как бы город, отовсюду огражденный стенами; а тот [не имеющий любви] — как бы город, ничем не огражденный. Быть виновником любви, это — великая мудрость. Уничтожь любовь — и разрушишь все, ниспровергнешь все. Если же подобие любви имеет такую силу, то какова должна быть сама истинная [любовь]? Итак, увещаваю вас, будем стараться, чтоб были любящие нас; пусть каждый упражняется в этом искусстве. Но вот, я, скажут, забочусь об этом, а тот не заботится. За то и большая награда ожидает тебя. Так, скажешь, но это трудно. Отчего, скажи мне? А я говорю и уверяю, что если только десять человек из вас соединятся и вы приметесь за это дело, подобно тому, как апостолы за дело проповеди или пророки за дело учения, если так и вы будете приобретать друзей, то получится великая награда. Устроим себе изображения царя; это — признать учеников. И не делаем ли мы более, чем если бы вложили в них силу воскрешать мертвых? Диадема и порфира — отличия царя: без них, хотя бы на нем были золотые одежды, он еще не является царем. Так и ты усвой себе этот признак — и

приобретешь любящих и для себя, и для других. Никто, будучи любим, не станет ненавидеть. Изучим же эти краски, какими пишется, из каких составляется это изображение. Будем приветливы, не станем ожидать этого со стороны ближних. Не говори: если я вижу, что другой выжидает, то [сделав это] я унижаюсь пред ним; напротив, если видишь его в таком состоянии, то сам предупреди и угаси страсть его. Ты видишь больного — для чего же усиливаешь болезнь его? О том особенно и больше всего будем стараться, чтобы честью быть *братолюбивы друг к другу* (Рим. 12, 10). Не думай, что отдавать предпочтение другому значит унижать самого себя. Предпочитая другого, ты отдаешь честь самому себе, делаясь достойным большей чести. Будем же всегда уступать первенство другим. Не будем помнить сделанного нам зла, но — только добро. Ничто так не приобретает нам любви других, как язык, исполненный благодарности, уста, готовые на похвалу, душа негорделивая, отсутствие тщеславия, презрение к почестям (10).

Любовь заключается не в пустых словах и не в простых при-

ветствиях, но в явлении и совершении дел, например, в том, чтобы избавлять от бедности, помогать больным, освобождать от опасностей, покровительствовать находящимся в затруднениях, плакать с плачущими и радоваться с радующимися. Ведь и последнее служит признаком любви; хотя и представляется маловажным радоваться с радующимися, однако же это очень великое дело и требует ума философского. Можно найти много людей, которые совершают очень трудное, но в этом оказываются слабыми. Многие плачут с плачущими, но не радуются с радующимися, а напротив, когда другие радуются, они плачут из недоброжелательства и зависти. Потому немалая заслуга — радоваться тогда, когда брат радуется, напротив — важнее как той, чтобы плакать с плачущими, так и той, чтобы помогать в бедах (11).

В любви вот что удивительно: к другим добродетелям примешивается зло, например, нестяжательный часто тем самым надмевается, красноречивый впадает в болезнь честолюбия, смиренномудрый часто тем самым превозносится в своей совести, а любовь свободна

от всякой подобной заразы: никто никогда не станет превозноситься пред любимым. Представь человека не такого, который любил бы одного, но — всех равно, и тогда увидишь достоинство любви; или, лучше, если хочешь, представь наперед одного любимого и одного любящего, любящего так, как должно любить. Он живет как бы на небе, наслаждаясь всегда спокойствием и сплетая себе тысячи венцов. Такой [человек] сохраняет душу свою чистой от ненависти и гнева, от зависти и гордости, от тщеславия и порочного пожелания, от всякой постыдной любви и всякого порока. Как никто не станет делать зла себе самому, так и он — ближнему. Такой [человек], еще находясь на земле, будет стоять наравне с [Архангелом] Гавриилом. Таков тот, кто имеет любовь! А кто творит чудеса и обладает совершенным знанием, но не имеет ее [любви], тот, хотя бы воскресил тысячи мертвых, не получит большой пользы, будучи сам далек от всех и чужд союза с подобными себе рабами. Потому и Христос знаком искренней любви к Нему поставил любовь к ближнему. Если любишь меня, Петр, говорил Он, больше, нежели они, паси овец моих (см. Ин. 21, 15–16). Видишь

ли, как Он и здесь опять выразил, что это выше мученичества? Если бы кто имел любимого сына, за которого готов был бы отдать душу, и если бы кто-нибудь, любя отца, на сына совершенно не обращал внимания, то этим он сильно огорчил бы отца, который не стал бы и смотреть на любовь к себе за презрение к сыну. Если же так бывает по отношению к отцу и сыну, то тем более по отношению к Богу и людям, потому что Бог любвеобильнее всех отцов. Потому Он, сказав: *первая и большая заповедь: возлюби Господа Бога твоего*, — продолжал: *вторая же*, — и не остановился на этом, но присовокупил: *подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя* (Мф. 22, 37–39). И заметь, как Он требует и последней [любви] почти в столь же высокой степени [как первой]. О Боге сказал: *всем сердцем твоим*; а о ближнем: *как самого себя*, что равносильно выражению: *всем сердцем твоим*. Подлинно, если бы это было исполняемо с точностью, то не было бы ни раба, ни свободного, ни начальника, ни подчиненного, ни богатого, ни бедного, ни малого, ни великого, и сам диавол не был бы известен, и не только один, но и другой, и хотя бы было их сто и даже тысячи,

сим не могли бы сделать ничего, если бы была любовь. Скорее трава может перенести силу огня, нежели диавол — пламень любви. Она крепче стены, она тверже адаманта, и, если бы ты указал на другое еще более крепкое вещество, твердость любви превзойдет все. Ее не побеждает ни богатство, ни бедность, или, лучше, не было бы ни бедности, ни излишнего богатства, если бы была любовь, а было бы только добро, истекающее из того и другого. От богатства мы имели бы довольство, от бедности беззаботность, не терпели бы ни беспокойств, неразлучных с богатством, ни опасений от бедности. Но что я говорю о пользе от любви? Представь, как прекрасна любовь сама по себе, сколько она приносит радостей, сколько доставляет душе удовольствий; это по преимуществу ей свойственно. Другие дела добродетели, например, пост, целомудрие, бдительность, сопряжены с трудом, сопровождаются недовольством, порочным пожеланием, высокомерием; любовь же, кроме пользы, доставляет еще великое удовольствие, а труда никакого, и, как добрая пчела, собирая добро отовсюду, слагает его в душе любящего. Раб ли кто, она делает рабство приятнее сво-

боды, потому что, кто любит, тот не столько радуется тогда, когда повелевает, сколько тогда, когда повинуется, хотя повелевать и приятно. Любовь изменяет самое существо вещей и неразлучно приносит с собой все блага; она нежнее всякой матери, щедрее всякой царицы; трудное она делает легким и удобным, добродетель представляет привлекательной, а порок отвратительным. Посмотри: раздавать свое, по-видимому, прискорбно, но любовь делает это приятным; брать чужое, по-видимому, приятно, но любовь не позволяет считать это приятным, а заставляет убежать, как преступного; худо говорить о других для всех кажется приятным, но любовь представляет это низким, а хорошо говорить — приятным; ничто так не приятно нам, как хвалить того, кого мы любим. Еще: гнев имеет в себе некоторую приятность, но при любви его не может быть; она совершенно уничтожает его; если любимый и оскорбит любящего, то гнева не будет, а будут слезы, увещания, просьбы: так далека [любовь] от раздражения! Когда она видит согрешающего, то плачет и скорбит, — и эта скорбь приносит ей удовольствие. Слезы и скорбь любви приятнее всякого смеха и

всякой радости; не столько чувствуют наслаждения смеющиеся, сколько плачущие о любимых. Если не веришь, то удержи их слезы, и они огорчатся, как потерпевшие что-нибудь крайне неприятное. Но, скажешь, в любви есть нечистое удовольствие. Нет, человек, оставь злоречие; ничто не исполнено такого чистого удовольствия, как истинная любовь.

Не говори мне о любви вульгарной и низкой, которая скорее болезнь, нежели любовь, но разумей любовь, которой требует Павел, которая имеет целью пользу любимых, и ты увидишь, что такие люди нежнее в любви самих отцов. Как пристрастные к деньгам не решаются издерживать их, но согласны лучше оставаться в затруднительном положении, нежели видеть их уменьшение, так и тот, кто питает к другому любовь, согласится лучше потерпеть тысячи бедствий, нежели видеть, чтобы любимый им потерпел вред. Как же, скажешь, египтянка, любя Иосифа, решилась причинить ему вред? Она любила его любовью диавольской. Напротив, Иосиф имел не такую любовь, а какой требует Павел. Вспомни, какой любви исполнены были его слова и какие предложения делала она: оскори меня, говорила

она, сделай блудницей, оскорби мужа, расстрой весь дом, лиши и себя дерзновения пред Богом. Такие слова показывают, что она не любила не только его, но и самой себя. Напротив, Иосиф любил истинно и потому отвергнул все это. Но чтобы тебе убедиться, что он заботился об ее благе, вникни в ответ его. Он не только отвергнул ее предложение, но и произнес увещание, которое могло погасить всякий пламень: *вот, господин мой, — говорил он, — не знает при мне ничего в доме* (Быт. 39, 8); тотчас же напомнил ей о муже, чтобы пристыдить ее; не сказал: муж твой, но: *господин мой*, что более могло удержать ее и заставить подумать о том, кто она и к кому питает страсть, — госпожа к рабу. Если он — господин, то ты — госпожа; стыдись же вступать в связь с рабом и подумай, чья ты жена, с кем хочешь совокупиться, к кому делаешься неблагодарной и вероломной; а я оказываю ему большее расположение. Смотри, как он превозносит его благодеяния. Она, женщина грубая и бесстыдная, не могла мыслить ни о чем высоком; потому он пристыжает ее мыслями общечеловеческими и говорит: *не знает при мне ничего*, то есть оказывает мне великие благодеяния, а потому я

не могу оскорбить своего благодетеля столь чувствительно; он сделал меня вторым господином дома, *и он не запретил мне ничего, кроме тебя* (Быт. 39, 9). Здесь он возвышает и понятия ее о себе самой, чтобы хотя таким образом привести ее в стыд и показать великое ее достоинство. Не оставливается и на этом, но присовокупляет ее название, которое могло удержать ее: *потому что*, — говорит, — *ты жена ему; как же сделаю я сие великое зло?* (Быт. 39, 9). Здесь нет мужа, говоришь ты, и он не увидит наносимой ему обиды? Но увидит Бог. Однако увещание нисколько не подействовало, и она влекла Иосифа к себе. Она делала это не потому, чтобы любила его, но желая удовлетворить своей неистовой страсти, как видно из того, что она сделала после. Она требует суда, обвиняет, лжесвидетельствует, предаст зверю невинного и ввергает его в темницу; или, лучше, она, сколько от нее зависело, уже убила его, вооружив против него таким образом судью. Что же Иосиф? Таков ли и он? Совершенно не таков. Он не противоречил и не обвинял жены. Потому, скажешь, что ему не поверили бы? Нет, он был весьма любим, как видно из того, что было не только

сначала, но и после. Если бы варвар не очень любил его, то лишил бы жизни, несмотря на то, что он молчал и не противоречил; это был египтянин, начальник и притом думавший, что обеспечено брачное его ложе — и обеспечено рабом, который столько им облагодетельствован. Но все это превозмогла любовь и благоволение, которое Бог внушил ему к Иосифу. Кроме такой любви и благоволения, он имел пред собой немаловажные доказательства [невинности Иосифа], если бы хотел выслушать оправдание, — самую одежду. Если бы насилие потерпела жена, то надлежало бы быть ее одежде разорванной и ее лицу истерзанным, а не его одежде остаться у нее. *И он, услышав*, — говорит, — *что я подняла вопль и закричала, оставил у меня одежду свою, и побежал* (Быт. 39, 15). Для чего же ты совлекла с него одежду? Что скорее могла бы сделать подвергшаяся насилию? Освободиться от нападающего. И не только отсюда, но и из нижеледующего я могу доказать расположение и любовь Иосифа. Когда он поставлен был в необходимость объявить причину своего заключения и пребывания в темнице, то и тогда не открыл приключения, — но что? *Ибо я*, — говорит, —

ничего худого не сделал, но украден из земли Евреев (Быт. 40, 15) и вообще нигде не упоминает о блуднице, не хвалится своим поступком, как сделал бы всякий другой, если не из тщеславия, то по крайней мере для того, чтобы не подумали, будто он за худое дело ввергнут в такое жилище. И если даже люди, виновные во грехе, не воздерживаются от обвинения, хотя самое то подвергает их стыду, то как не удивляться Иосифу, который, будучи чистым, не говорил о страсти жены, не объявлял греха ее и даже, когда достиг власти и сделался правителем всего Египта, не помнил зла и не мстил?

Видишь ли, как он заботился о ней, а она не любила, но неистовствовала? Да, она не любила Иосифа, а хотела только удовлетворить своему сладострастию. Самые слова ее, если внимательно рассмотреть их, исполнены гнева и великой злобы. Что говорит она? *Он привел к нам Еврея ругаться над нами* (Быт. 39, 14). Укоряет мужа за его благодеяние и показывает одежду, сделавшись свирепее всякого зверя. А Иосиф не так. Но что я говорю об его расположении к ней, когда он был таков же к братьям, которые едва не убили его, и никогда не говорил о

них ничего худого ни дома, ни на стороне? Потому-то Павел называет любовь матерью всех благ и предпочитает ее чудотворениям и прочим дарованиям. Как при золотой одежде и обуви нам нужно бывает и некоторое другое одевание, чтобы узнать царя; а когда мы видим порфиру и диадему, то не требуем никакого другого знака царского достоинства — так точно и здесь. Когда есть диадема любви, то она достаточно отличает истинного ученика Христова не только для нас, но и для неверных. *По тому, — говорит Господь, — узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою* (Ин. 13, 35). Этот знак важнее всех знамений, потому что по нему узнается ученик [Христов]. Пусть иные совершают тысячи знамений, но, если они питают вражду между собой, они будут осмеяны неверными; напротив, хотя бы они не произвели ни одного знамения, но только бы искренно любили друг друга, они будут всеми уважаемы и неукоризненны. И Павлу мы удивляемся не потому, что он воскрешал мертвых, очищал прокаженных, а потому, что говорил: *кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?* (2 Кор. 11, 29).

Хотя бы ты сравнил с этим тыся-
чи знамений, ничто не будет рав-
но; и сам он ожидал себе великой
награды не за то, что совершал
знамения, но за то, что для немощ-
ных был, как немощный: *за что
же мне награда? За то, что, про-
поведуя Евангелие, благовествую
о Христе безмездно* (1 Кор. 9, 18); и
тогда, когда говорил о своем пре-
имуществе пред апостолами, не
сказал: я больше их совершил зна-
мений, но: *я более всех их потру-
дился* (1 Кор. 15, 10). Он даже готов
был умереть с голода для спасения
учеников: *ибо для меня, — гово-
рит, — лучше умереть, нежели
чтобы кто уничтожил похвалу
мою* (1 Кор. 9, 15), — говорит не с
тем, чтобы похвалить самого се-
бя, но чтобы не подумали, что он
укоряет их. Он никогда не хва-
лится своими совершенствами,
если этого не требуют обстоятель-
ства, и, когда бывает вынужден
к тому, называет себя безумным
(см. 1 Кор. 1, 25; 2 Кор. 11, 1).

Если он и хвалится когда-ни-
будь, то немощами, страданиями
и великим участием к бедствиям
других, как и здесь говорит: кто
изнемогает, и не изнемогаю? Та-
кие слова выше самых страданий;
потому он и поставляет их после
всего, усиливая речь свою. Чего
же в сравнении с ним достойны

мы, которые не хотим презирать
денег для блага нас же самих и
подавать даже избытков своего
имущества? А он был не таков,
но отдавал и душу, и тело свое,
чтобы получили Царствие Небес-
ное те самые, которые побивали
его камнями и бичевали. Так лю-
бить, говорил он, научил меня
Христос, преподавший прекрас-
ную заповедь о любви и сам испол-
нивший ее на деле; Он, будучи
Царем всего и существом блажен-
ным, не отвратился от людей,
которых сотворил из ничего и
бесконечно облагодетельствовал,
которые оскорбляли Его и плева-
ли на Него, но сделался для них
человеком, обращался с блудни-
цами и мытарями, исцелял бесно-
ватых и обетовал небо. После все-
го этого люди, взяв Его, ударяли
по ланитам, связали, били, осме-
яли и наконец распяли; но Он и
тогда не отвратился от них и, бу-
дучи повешен на Кресте, говорил:
Отче! прости им грех их (Лк. 23,
34). Разбойника, который вначале
поносил Его, Он ввел в рай, Пав-
ла из гонителя сделал апостолом,
а ближайших и преданных Ему
учеников предал на смерть для
спасения распявших Его иудеев.
Итак, представляя себе все это,
сделанное Богом и людьми, будем
подражать делам добрым и питать

в себе любовь, превосходящую все дары (12).

Она [любовь] — великая наставница; она может и отклонить от заблуждения, и исправлять нравы, и приводить к любомудрию, и из камней делать людей. Если ты хочешь знать силу ее, то представь человека робкого, боязливого и трепещущего пред тенью, или гневливого, грубого и похожего более на зверя, нежели на человека, или похотливого, сластолюбивого и преданного всем порокам, и отдай его в руки любви, введи его в это училище, и скоро увидишь, как этот боязливый и робкий делается мужественным, великодушным и отважным на все; и, что всего удивительнее, это произойдет не потому, чтобы изменилось существо его, но потому, что любовь обнаруживает свою силу в самой робкой душе; здесь бывает то же, как если бы кто, сделав меч не из железа, а из свинца, и не изменяя существа свинца, довел его до возможности делать то же, что и железо. Смотри: Иаков был человек скромный, сидел дома, не знал трудов и опасностей, проводил жизнь спокойную и беззаботную и, как девица в тереме, так и

он большей частью оставался хранить дом свой, а от торжища, от всякого шума и всего бывающего на торжище удалялся и постоянно жил вдали от хлопот и беспокойств. Что же? Когда огонь любви воспламенил его, этого скромного и не выходившего из своего дома человека, то, смотри, как он сделался смел и трудолюбив; послушай об этом не от меня, а от самого патриарха. Укоряя тестя, он говорит: *вот, двадцать лет я был у тебя* (Быт. 31, 38). И в каком положении был он двадцать лет? *Я томился*, — присовокупляет он, — *днем от жара, а ночью от стужи, и сон мой убегал от глаз моих* (Быт. 31, 40). Таков был муж скромный, не выходивший из своего дома и проводивший прежде спокойную жизнь. А что он был робок, видно из того, что он, ожидая свидания с Исавом, смертельно боялся. Потом, смотри, как тот же боязливый сделался от любви отважнее льва: став впереди всех, как бы какой-нибудь оплот, он готов был первый встретить жестокого и дышащего, как он думал, убийством человека, и собственным телом защитить жен своих; кого боялся и страшился, с тем первый хотел ратоборствовать, потому что любовь к женам была сильнее страха. Видишь ли,

как робкий вдруг сделался от-
важным не потому, чтобы пере-
менил нрав свой, но потому, что
был укреплен любовью? Он был
робок и после, как видно из того,
что он переходил с места на мес-
то. Впрочем, пусть никто не ду-
мает, что это сказано в укоризну
праведнику; робость — не порок;
она происходит от природы, пре-
досудительно лишь делать что-
нибудь непристойное по робости.
Можно и робкому по природе
сделаться мужественным по бла-
гочестию. Каков был Моисей? Не
убоялся ли он одного египтянина,
не убежал ли и не удалился ли за
пределы [Египта]? Между тем
этот беглец, не перенесший угро-
зы одного человека, после того,
как вкусил сладость любви, смело
и без всякого принуждения готов
был погибнуть с возлюбленными:
*прости им, — говорил он, — оста-
вив грех их, а если нет, то из-
гладь и меня из книги Твоей,
в которую Ты вписал* (Исх. 32, 32).
С другой стороны, что любовь
делает жестокого кротким и не-
воздержного целомудренным, на
это нет нужды приводить и при-
меров; это всем известно. Хотя бы
кто был свирепее всякого зверя,
от любви он делается смиреннее
всякого агнца. Кто, например, был
свирепее и неистовее Саула? Но

когда дочь его отпустила врага
его, он не сказал ей даже грубого
слова; убивший за Давида почти
всех священников, узнав, как дочь
выпустила его из дома, не оскор-
бил ее даже словом, тогда как хит-
рость употреблена была против
него самого; это потому, что он
был удержан сильнейшей уздой —
любовью (к дочери). Делая крот-
кими, любовь точно также делает
людей и целомудренными; кто
любит свою жену так, как должно
любить, тот, хотя бы был крайне
сластолюбив, из любви к ней не
станет смотреть на другую: *креп-
ка, — говорит [Писание], — как
смерть, любовь* (Песн. 8, 6). Следо-
вательно, распутство происходит
не от чего иного, как от недостат-
ка любви. Итак, если любовь есть
виновница всякой добродетели,
то будем насаждать ее со всем
тщанием в душах своих, чтобы
она принесла нам многие блага и
чтобы нам постоянно собирать
обильные плоды ее, всегда цветущие
и никогда не увядающие (12).

ЛЮБОВЬ БОЖΙΑ К ЛЮДЯМ

Представляя себе человеколю-
бие нашего Господа, не будем не-
радимы, но прежде всего и более
всего позаботимся о самих себе,

очистим скверну греховную и затем уже обратимся к ходатайству святых. Впрочем, если мы захотим трезвиться и бодрствовать, то и собственные наши молитвы о себе принесут нам величайшую пользу. Человеколюбив Господь наш, и не столько внемлет, когда другие молят Его о нас, сколько, когда мы сами [молим о себе]. Обрати внимание на величие благодати Его. Он видит, что мы пали, подверглись бесчестию, не имеем никакого дерзновения [перед Ним]; но когда мы хотя немного восстаем и решаемся прибегнуть к богатству человеколюбия Его, Он тотчас внемлет прошениям нашим, простирает руку Свою к нам, долу поверженным, поднимает падших и вызывает: *разве, упав, не встанут?* (Иер. 8, 4) (1).

Прошу заметить премудрость Божию: дабы показать праведнику, что Он, Творец природы, может и невозможное делать возможным, что и в начале Он повелением Своим возбудил землю к произращению плодов, [Бог] сделал то, что праведник получил сторичный плод от посеянного им на той земле, чем и его привел в большее благосостояние, так что он ни в чем уже не нуждался, да и

тем (жителям Герар) показал самым делом, какую помощью свыше пользуется праведник. Благоискусный и премудрый [Господь] часто одними и теми же делами Своими и избранным Своим благодетельствует, и заблуждающимся еще дает средство познать силу Его Промысла. Это Он сделал впоследствии и в Египте, когда на жителей его наводил казни, а народ израильский сохранял невредимым. [Египтяне] не только в гневе Божиим на них, но и в Промышлении Божиим о тех [израильтянах], научались познавать силу Бога и Творца всяческих. Но и эти, в свою очередь, не только из промысления и попечения Божия о них, но и из самого зрелища казней, каждый день постигавших Египет, уразумевали дивную к ним любовь Божию. Так одними и теми же делами Он и Своим, и противникам являл величие Своей силы. И сами стихии оказывают с своей стороны служение и повиновение рабам [Божиим], когда Владыка благоволит к ним. Это можно видеть на опыте в жизни этого праведника [Исаака]: чего в другое время природа земли не проявляла, то теперь производит по воле Бога всяческих и такой приносит плод, что Исаак вдруг становится весьма богатым:

благословил его Господь. И стал великим человек сей и возвеличивался больше и больше до того, что стал весьма великим (Быт. 26, 13). Так как богатство у праведников состояло тогда в плодородности земли и в многочисленности стад, то и сказано: *благословил его Господь. И стал великим человек*, т.е. сделался богат, и не просто богат, но и *больше и больше до того, что стал весьма великим*. Подумай, как много значило получить сторичный плод от посеянного. Если же это кажется тебе важным, то познай ту еще большую силу человеколюбия Божия, какую впоследствии времени он показал живущим добродетельно после Его Пришествия [на землю]. Он обещает им не только здесь воздать сторицею, но и дать наслаждаться вечною жизнью и Царством Небесным. Видишь ли щедрость Владыки? Видишь ли великость благодеяния? Видишь ли, сколько даровало нам Пришествие Единородного? Какую несказанную перемену в делах [жизни нашей] произвело оно? Поэтому каждый, рассуждая об этом сам с собою и видя различие между тем, что обещал [Бог] жившим прежде благодати, и тем, что — после благодати, да прославит хотя этим беспре-

дельное человеколюбие Божие, и да не приписывает всего только перемене времен (1).

Корень всякого добра есть любовь; потому-то Он и уничтожает все, что может вредить любви, и всеми способами старается соединить нас между собой. Подлинно, совершенно никто — ни отец, ни мать, ни друг, ни другой кто-либо не любит нас столько, сколько сотворивший нас Бог. И это особенно видно как из Его ежедневных благодеяний, так и из повелений. Если же ты мне укажешь на болезни, печали и прочие бедствия жизни, то подумай, сколько ты оскорбляешь Его каждый день, — и тогда не станешь дивиться, если тебя постигнут и еще большие бедствия; напротив, ты станешь дивиться и изумляться тогда, когда тебе случится наслаждаться каким-либо благом (6).

Бог не имеет в нас никакой нужды и, однако, не перестает любить нас, а мы крайне нуждаемся в Нем, однако любви Его не принимаем, предпочитая Ему деньги, человеческую дружбу, телесный покой, власть и славу, тогда как Он ничего нам не предпочитает.

Он одного имел Сына едиnorodного и возлюбленного и Его не пощадил ради вас, а мы многое предпочитаем Ему. Итак, разве не по справедливости нам угрожают геенна и наказание, хотя бы они были вдвое, втрое, даже в тысячу раз ужаснее? Что мы можем сказать в ответ, когда повеления сатаны предпочитаем законам Христа и нерадим о своем спасении, предпочитая дела лукавства Тому, Кто все за нас претерпел? И какого извинения заслуживает все это? Какого оправдания? Никакого. Станем же, наконец, твердо, не увлекаясь по стремнинам, образумимся и, размыслив обо всем этом, воздадим Богу славу посредством дел, потому что одних слов недостаточно (11).

Исаия восхвалял Серафимов, приписывая им великую добродетель, так как они стоят близ славы Божией, а это было знаком величайшей любви. Итак, будем и мы подражать горным силам и постараемся не только стоять близ престола, но и быть обителью для Сидящего на престоле. Он возлюбил ненавидящих и не прекращает любить: *Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на*

праведных и неправедных (Мф. 5, 45). Ты же возлюби любящего, потому что и Он любит. А почему же, спросишь, этот любящий угрожал геенною, наказанием и мучением? Потому самому, что любит, так как, отсекая твое лукавство и страхом, как бы некоторою уздою, удерживая тебя от стремления к худшему, Он все делает и принимает, чтобы и приятными, и прискорбными средствами остановить тебя в стремительном падении, привести в себя самого и отвлечь от всякого порока, который ужаснее геенны (11).

ЛЮБОВЬ К БЛИЖНИМ

Любить ближнего, как самого себя. Что может быть легче этого? Ненавидеть — тяжело и сопряжено с беспокойством, а любить — легко и удобно. Подлинно, если бы Господь сказал: вы, люди, любите зверей, — такая заповедь была бы трудна; но когда он заповедал людям любить людей же, к чему и однородность, и единство происхождения, и естественное влечение служат великим побуждением, то какая может быть здесь трудность? Это бывает и у львов, и у волков, и их сродство природы располагает к взаимной приязни.

Поэтому, какое мы можем иметь оправдание, если не станем привлекать к себе любовью однородных с нами, тогда как укрощаем львов и приучаем их к своему дому (2)?

Один любит потому, что его самого любят; другой потому, что его уважают; иной потому, что ближний в некотором житейском деле был для него полезен; а четвертый почему-нибудь другому. Но трудно найти такого, который бы любил ближнего искренно и как должно — для Христа. Большинство соединены друг с другом только житейскими делами. Павел не так любил: он любил для Христа; потому-то, хотя и не был любим так, как сам любил, однако не ослаблял любви своей, а дал ей укорениться в себе. Не такова нынешняя любовь. Если мы исследуем все причины любви, то найдем, что у большинства они отличаются от указанной. И если бы кто позволил мне в этом многочисленном собрании учинить такое исследование, то я показал бы, что весьма многие соединены между собою житейскими видами. Это открывается из причин, производящих вражду. Так как они соединены между собою прехо-

дящими выгодами, то поэтому любовь их не имеет ни пламенности, ни постоянства; напротив, каждая обида, или потеря денег, или зависть, или любовь к тщеславию, или другое что подобное легко разрушает их любовь, не имеющую духовного корня. Если бы был такой корень, то ничто бы житейское не могло разрушить духовного. Любовь, имеющая основанием Христа, тверда, постоянна, непобедима; расторгнуть ее не может ничто — ни клевета, ни опасности, ни смерть, ни другое что-либо подобное. Кто таким образом любит, хотя бы претерпевал тысячу поражений за свою любовь, не оставит ее. Кто любит за то, что его любят, тот, случись с ним неприятность, прервет любовь свою; а кто соединен тою любовью, никогда не оставит ее. Потому и Павел сказал: *любовь никогда не перестает* (1 Кор. 13, 8). Что ты скажешь мне в защиту свою? Что тебя обидел тот, который был почтен тобою? Или что облагодетельствованный тобою хотел убить тебя? Но если ты любишь для Христа, то и это самое располагает тебя к большей любви. Что у других служит к разрушению любви, здесь то же самое служит к утверждению ее. Почему же? Во-первых, потому,

что таковой бывает для тебя виновником наград; во-вторых, потому, что он имеет нужду в большей помощи и заботливости о нем. Вот почему, кто так любит, тот не разбирает ни рода, ни отечества, ни богатства, ни взаимной любви к себе, ни другого чего-либо подобного. Но хотя бы его ненавидели, обижали, умерщвляли, не перестает любить, имея достаточную причину к любви — Христа. На Него неуклонно взирая, он пребывает тверд и неизменен. И Христос таким же образом любил врагов, неблагодарных, обидчиков, поносителей, ненавистников, не хотевших и смотреть на Него, предпочитавших Ему даже дерево и камни, — любил их высочайшею любовью, которой нельзя найти подобной. Он говорит: *нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15, 13). Смотри, как он заботится и о тех, которые распяли Его и которые столько оказали неистовства над Ним! Так говорил Он об них к Отцу: *прости им, ибо не знают, что делают* (Лк. 23, 34)! И впоследствии послал еще к ним учеников. Итак, поревнуем и мы этой любви, и будем взирать на нее, чтобы, сделавшись подражателями Христу, удостоиться и здешних, и будущих благ (7).

Если настоящая жизнь так вожделенна, то что сказать о той, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания? Там уже не надобно ни бояться смерти, ни опасаться потери тамошних благ. Блаженны, и преблаженны, и многократно блаженны те, которые сподобились этого блаженного жребия, напротив, несчастны, и пренесчастны, и неисчетно несчастны те, которые сами себя лишают блаженства. Да что же, скажут, может доставить нам такую жизнь? Послушай, как сам Судия беседовал об этом с одним юношей. Когда юноша спросил: *что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную* (Мф. 19, 16)? — тогда Христос, напомнив о заповедях закона, остановился на любви к ближним. И, может быть, теперь кто-нибудь из слушателей, подобно тому богачу, скажет: и мы все то сохранили: не крали, не убивали, не любодействовали. Но того еще не можешь ты сказать, что ты и ближнего возлюбил, как должно любить. Ты, например, или позабывал кому-нибудь, или позлословил, или не помог обиженному, или не поделился собственностью, а следовательно, и не возлюбил ближнего. Но Христос заповедал не это только, а и еще нечто другое.

Что же такое? *Продай, — говорит, — имение твое и раздай нищим, и следуй за Мною* (Мф. 19, 21). Последованием называет Он подражание Ему в делах. Чему же мы научаемся отсюда? Во-первых, тому, что не имеющему всего этого невозможно достигнуть преимушеств будущего жребия. Когда юноша сказал, что он сделал все, тогда Христос, как бы недо- ставало еще чего-то важного для полного совершенства, говорит ему: *если хочешь быть совершенным, продай имение твое и раздай нищим, и следуй за Мною*. Итак, во-первых, этому мы должны научиться. Во-вторых, видим, что юноша сам себя обличил в пустом самодовольстве; ведь если он жил в таком изобилии, а других, находившихся в бедности, презирал, то как же он мог сказать, что возлюбил ближнего? Значит и то [что исполнил заповеди] он говорил несправедливо. Итак, будем исполнять то и другое; постараемся расходовать наше имущество так, чтобы приобрести небо. Если иной за житейское величие часто отдает все свое имущество, величие, которое останется здесь и даже не может продолжаться немного времени, так как многие еще задолго до смерти лишались власти, другие

за нее платили иногда самую жизнь, и все же, несмотря на это, жертвуют за нее всем, — если, говорю, ради этого люди так много делают, то можно ли быть несчастнее нас, для славы нескончаемой и неотъемлемой не уделяющих даже малости, не желающих отдать и того, что через немного времени должны же будем здесь оставить? Какое безумие — не хотеть добровольно отдать и взять с собою то, чего можем лишиться против воли? Ведь если бы нас вели на смерть, а потом предложили избавиться от смерти ценою всего нашего имущества, мы, конечно, почли бы это за милость; а теперь, когда мы увлекаемся по пути в геенну и могли бы избавиться от нее, пожертвовав половину имения, мы соглашаемся лучше подвергнуться мучению и хотим удержать у себя то, что нам не принадлежит, и таким образом, теряем истинно нам принадлежащее. Какое же оправдание будем мы иметь, какое прощение, если нам проложен столь удобный путь к жизни, а мы носимся по стремнинам, идем путем бесплодным, лишая себя всего и здесь, и там, тогда как могли бы верно приобрести все и там, и здесь? (8)

ЛЮБОВЬ К БОГУ

Мы, если истинно возлюбим Господа, будем и заповеди Его исполнять и не станем делать ничего такого, что может раздражить Возлюбленного. Удостоиться любить Его искренно и как должно, это — Царство Небесное, это — вкушение блаженства, в этом — блага неисчислимы. А наша любовь к Нему будет искренна тогда, когда по любви к Нему мы будем оказывать любовь и своим ближним, — *на сих двух заповедях*, — сказал Он, — *утверждается весь закон и пророки* (Мф. 22, 40), то есть в том, чтобы возлюбить Господа Бога своего всем сердцем, всею крепостью своею, всею мыслию своею, и своего ближнего, как самого себя. Это — главная из всех добродетелей, это основание всех заповедей Божиих. С любовью к Богу сама собою соединяется и любовь к ближнему, потому что, кто любит Бога, тот не будет презирать брата своего, не будет предпочитать богатства своему сочлену, но будет делать ему всякое добро, вспоминая о Том, Кто сказал: *Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне* (Мф. 25, 40). Помышляя, что услуги,

оказанные ближнему, сам Господь всяческих усвоит Себе, он будет делать все с великим усердием, покажет в милосердии всю свою щедрость, взирая не на убожество являющегося к нему человека, а на величие Того, Кто сделанное для убогих обещает усвоить Себе самому. Не оставим же без внимания, прошу вас, этой пользы душ наших, этого врачевства для язв наших. Это врачевство окажет нам наиболее пользы: оно так закроет раны души нашей, что не останется никакого следа, никакого знака их. По отношению к телесным ранам это невозможно, потому что хотя бы тысячи лекарств, составленных врачами, приложит кто-либо к своей ране, непременно остается на теле рубец; и это так должно быть, поелику тут врачует тело. Но здесь, когда врачует душа, то всякий, если окажет собственное доброе расположение, испытывает большую перемену к лучшему, все струпы исчезают, как прах от сильного ветра. Священное Писание преисполнено такими примерами. Так, блаженный Павел из гонителя сделался апостолом и тот, кто сперва разрушал Церковь, потом стал ее невестоводителем (1).

Где представляется житейская выгода, там мы охотно решаемся терпеть все, будет ли то тяжкий труд или другое какое-либо затруднение, будет ли угрожать нам стыд или наказание, временное и даже вечное. А для своего спасения, для того, чтобы приобрести себе благоволение свыше, мы слабы, нерадивы, расслаблены. Какое будет нам снисхождение, какое для нас оправдание в такой совершенной беспечности, когда не хотим показать к Богу и такой любви, какую праведник имел к девице, и притом, когда видим столь великие благодеяния, нам оказанные и еще каждодневно ниспосылаемые? Мы так неблагодарны. Но не таков был Павел: он так пламенел духом, так горел любовью к Богу, что, выражаясь достойными своей души словами, сказал: *кто отлучит нас от любви Божией* (Рим. 8, 35)? Смотри, какая выразительность в этом изречении, какая сила господствующего чувства души, какая пламенная любовь! *Кто отлучит нас* — то есть может ли быть что-нибудь такое, что лишило бы нас любви к Богу, видимое ли что-нибудь или невидимое? (1)

Есть ли, скажи мне, в вещах человеческих что-нибудь такое, чем бы можно было хвалиться? Сила ли телесная? Но она не составляет достоинства, зависящего от нашего произволения, и потому хвалиться ею мы не можем; притом она скоро ослабевает и теряется, а нередко даже служит во вред имеющим ее и пользующимся ею не так, как должно. То же надобно сказать о красоте и благообразии, о богатстве и власти, о роскоши и о всех предметах житейских. Но похвала от Бога и любовь в Нем — вот украшение, которое лучше всего, — вот отличие, которое превосходит тысячи диадем, хотя бы удостоившийся этого находился в узах. Это украшение не уменьшается ни от болезни, ни от старости, ни от перемены обстоятельств, ни от неблагоприятных времен, ни от самой смерти, но делается тогда еще блистательнее (2).

Если пленяющиеся красотой телесною не чувствуют удовольствия ни от чего другого в жизни, но стремятся только к одному — к лицезнению любимого предмета, то любящий Бога, как должно

любить, может ли чувствовать что-нибудь приятное или при-скорбное в настоящей жизни? Не может — ничего; он выше всего этого, наслаждаясь бессмертным удовольствием, потому что таков и предмет любви его. Любящие что-нибудь другое скоро и против воли забывают любимые предметы, так как они увядают и погибают; а эта любовь беспредельна, бессмертна, доставляет высшую радость и большую пользу и тем самым еще более воодушевляет любящего, что никогда не уничтожается (2).

Пусть никто не говорит мне: как могу я любить Бога, Которого не вижу? И многих мы любим, не видя их, как, например: отсутствующих друзей, детей, родителей, родственников и домашних, и то, что мы не видим их, несколько не служит препятствием, но это самое особенно и воспаляет любовь, усиливает привязанность. Потому и Павел, говоря о Моисее, что он, оставив сокровища, богатство, царскую славу и все прочие почести египетские, решил лучше страдать с иудеями, и затем, показывая нам причину этого в том, что все это он делал для Бога,

присовокупляет: *как бы видя Невидимого* (Евр. 11, 27). Ты не видишь Бога, но видишь создание Его, видишь дела Его — небо, землю, море. А кто любит, тот, увидев произведение любимого, или обувь, или одежду, или что-нибудь другое, воспаляется любовью. Ты не видишь Бога, но видишь Его служителей и друзей, т.е. мужей святых и имеющих пред Ним дерзновение. Послужи же теперь им и будешь иметь не малое утешение для своей любви. И между людьми мы обыкновенно любим не только друзей своих, но и тех, кого они любят. Если кто из любимых нами скажет: я люблю такого-то и всякое благодеяние, оказанное ему, считаю оказанным мне самому, то мы делаем все и стараемся всячески угодить этому человеку, как будто видим в нем самого любимого. То же можно делать теперь и в отношении ко Христу. Он сказал: Я люблю бедных, и если они получают какое-нибудь благодеяние, Я воздам за то, как бы Сам получить его. Будем же делать все для облегчения их участи или, лучше, истощим на них все свое имущество, веруя, что в лице их мы питаем Бога. А что действительно, питая их, мы питаем Самого Бога, об этом,

послушай, что говорит Христос: *ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был наг, и вы одели Меня* (Мф. 25, 35–36); и много доставляет Он нам случаев к удовлетворению нашей любви (2).

Как тот, кто находится в болезни и мучениях, может воздавать благодарение Господу? Если ты любишь Его искренно. Если три отрока, вверженные в печь, и другие, находившиеся в узах и в бесчисленных иных бедствиях, не преставали благодарить, то тем более могут это делать те, которые находятся в болезнях и одержимы тяжкими недугами. Ведь нет, действительно нет ничего такого, чего бы не побудила любовь. А когда проявляется любовь Божия, то она выше всего, и ни огонь, ни меч, ни бедность, ни болезнь, ни смерть, ни все прочее не страшны для того, кто пользуется этою любовью; посмеиваясь над всем, он станет парить к небу и душевным настроением окажется несколько не ниже живущих на небе; он не посмотрит ни на что иное, ни на небо, ни на землю, ни на море, но устремлен будет к одной только красоте небесной славы; как скорби настоящей

жизни не смогут унижить его, так земные блага и удовольствия не в состоянии будут возвысить и сделать надменным. Итак, возлюбим и мы эту любовь (ведь ей нет ничего равного) и ради настоящего, и ради будущего, а лучше сказать, ради самой природы этой любви, потому что мы избавимся от наказаний и в настоящей жизни, и в будущем веке и достигнем Царства. Но и, кроме избавления от геенны и приобретения Царства, нужно упомянуть и нечто другое важное; выше всего это — любить Христа и быть от Него любимым. Если у людей взаимная любовь ценится выше всякого удовольствия, то какое слово, какая мысль может изобразить блаженство души, которая любит Бога и Ему любезна? Это блаженство познается не иначе, как только на опыте. Потому, чтобы познать опытно таковую духовную радость, блаженную жизнь и сокровище неисчислимых благ, мы, оставив все, станем искать этой любви как для собственной нашей радости, так и для славы любимого Бога (11).

Хотя к нам ближе всего душа наша, однако же, Бог ставит ее в отношении любви к Себе на втором

месте, так как желает, чтобы мы любили Его выше всякой меры. И мы, когда не сильно к кому-нибудь расположены, от того и не требуем сильной привязанности, хотя бы он был велик и знаменит; когда же кого-нибудь любим горячо и искренно, то, хотя бы любимый человек был прост и незначителен, мы взаимную его любовь считаем для себя величайшей честью. Так и Христос вменил Себе в славу не только быть нами любимым, но и перенести за нас поношение. Но то по одной только Его любви было славою, а что мы переносим ради Него, это поистине может быть названо и действительно есть слава не только по одной любви, но также по величию и достоинству Любимого нами (11).

Нужно только одно — любить Его искренно, а все остальное следует само собой. Как для любящих Бога и то, что, по-видимому, вредно, обращается в пользу, так не любящим Его вредит и полезное. Иудеям все служило во вред — и явление чудес, и правота догматов, и любомудрие учения; за одно называли они Христа беснующимся, за другое богопротивным, а за чудеса покуша-

лись убить Его. Напротив, разбойник распятый, пригвожденный, поносимый, претерпевающий бесчисленные страдания, не только не понес никакого вреда, но еще получил от этого величайшую пользу (11).

ЛЮБОВЬ К ВРАГАМ

Оказывай услуги детям врагов своих и при жизни, и по смерти их, при жизни, чтобы таким образом примириться с их отцами, по смерти, чтобы привлечь на себя великую милость от Бога, получить бесчисленные венцы и заслужить также бесчисленные благожелания от всех, не только от благодетельствованных тобой, но и от видевших это. Это защитит тебя в день Суда; благодетельствованные [тобой] враги будут для тебя сильными ходатаями на Суде; ты загладишь множество грехов и получишь награду. Хотя бы ты и без числа согрешил, но, вознося молитву, гласящую: прощайте врагам вашим, и Отец ваш простит вам согрешения ваши, с великим дерзновением получишь прощение всех своих грехов, и будешь здесь жить в доброй надежде, и пользоваться всеобщим благорасположением. В самом

деле, всякий, кто видит, что ты любишь как врагов, так и их детей, не захочет ли сделаться твоим другом и приятелем, и все за тебя и сделать, и потерпеть? Когда же ты будешь пользоваться таким благоволением Божиим, и все будут молитвенно желать тебе всяких благ, какой неприятности можешь ты тогда подвергнуться и кого не будешь ты счастливее в жизни? Этому не будем дивиться только здесь, но и, вышедши отсюда, станем это соблюдать: обойдем везде и, узнав каждый врагов своих, примирим их с собой и сделаем искренними друзьями (1).

Тебя такой-то ненавидит и обижает? Ты люби его и благодетельствуй ему. Тебя он бесчестит и поносит? Ты благословляй и хвали его. Но он и после этого не прекращает вражды своей? В таком случае он доставляет тебе большую награду. Подлинно, злые люди, чем упорнее продолжают вражду, несмотря на наше расположение к ним, тем славнее готовят нам награды и тем слабее делают самих себя. Кто ненавидит и не прекращает вражды, тот мучится, истощается, проводит жизнь в постоянной войне; а кто выше этих стрел, тот стоит

вдали от треволнений, доставляет себе, а не врагу величайшую пользу и, стараясь примириться с ним и не враждовать, избавляет себя от войны и ссоры. Итак, будем избегать вражды с другими и исторгнем корень ее — тщеславие и сребролюбие, потому что всякая вражда происходит или из пристрастия к деньгам, или из тщеславия. Если же будем выше этих страстей, то будем и выше вражды. Оскорбил ли тебя кто-нибудь — переноси мужественно; не тебя он оскорбил, а самого себя. Ударил ли тебя кто-нибудь — не поднимай десницы своей; он в то же время ударил себя самого, поразив тебя рукою, а себя гневом, и приобретши себе дурное мнение от всех. Если же это кажется тебе трудным, то представь, что кто-нибудь в бешенстве разорвал твою одежду, и скажи: кто потерпел зло — ты ли, подвергшийся этому, или он, сделавший это? Очевидно он. Хотя тут у тебя разорвана одежда, но сделавший это потерпел большее зло, чем пострадавший, потому что у кого разорвано сердце, — что производит гнев, — тот потерпел не гораздо ли больший вред, чем ты, не испытывавший ничего такого? Не говори, что одежда — твоя; он еще прежде разорвал свое собственное

сердце. Как болезнь — желтуха — не может обнаружиться, если желчь не разольется и не выступит из своих пределов, так и гнев не делается неумеренным, если не разорвется сердце. И как ты, видя страждущего желтухой, хотя бы он сделал тебе тысячи зол, не пожелаешь взять на себя болезнь его, так поступай и с гневом. Не соревнуй, не подражай злобе, но жалея того, кто не обуздывает в себе этого зверя и прежде всех вредит и губит самого себя. А что действительно такие люди вредят самим себе, это можно слышать от многих, которые, стараясь прекратить вражду, убеждают враждующих так: пощади самого себя, ты вредишь самому себе. Такова злоба: она вредит только тому, кто питает ее и извращает все. Итак, желая отомстить другим, не будем лишать сами себя тихой пристани. Если бы кто-нибудь, претерпевая кораблекрушение и утопая, стал поносить тебя, стоящего на земле, то, конечно, ты не оскорбился бы и не сошел бы с земли, чтобы утонуть вместе с ним. Так рассуждай и здесь: кто оскорбляет и поносит тебя, тот подвергается кораблекрушению или буре и утопает, попав в водоворот гнева; а ты, перенося это мужественно, оста-

ешься спокойным в пристани, на берегу. Если же ты увлечешься подражать ему, то потопишь не его, а себя самого (2).

Будем оказывать всякую любовь ко врагам. Отвергнем то смешное обыкновение, которым страдают многие неразумные люди, дожидаящиеся, чтобы встречные предупреждали их своим приветствием, и таким образом не ревнуют о том, что заключает великое блаженство, но гоняются за тем, что достойно смеха. Почему же ты не приветствуешь его прежде? Потому, скажешь ты, что он ожидает этого. Но потому-то самому и надлежало поспешить тебе, чтобы венец достался тебе. Нет, — скажешь, — я потому именно и не приветствую его, что ему сильно этого хочется. Что может быть хуже такого безумия? Так как, говоришь ты, он сильно желает доставить мне случай к награде, по тому самому я не хочу этим случаем воспользоваться. Если он тебя предупреждает своим приветствием, то ты не получишь никакой пользы, хотя после и ответишь ему тем же; если же ты поспешишь прежде выразить ему приветствие, то ты, как бы торгуясь с его гордостью,

получишь себе большую выгоду и соберешь обильный плод с его надменности. Итак, не крайне ли мы будем безумны, когда, имея случай двумя словами приобрести столь великую пользу, выпустим ее из рук и сами впадем в то же безрассудство, за которое осуждаем другого? Если ты обвиняешь его в том, что он прежде ожидает приветствия от другого, то зачем подражаешь тому, что осуждаешь сам и стараешься как доброе перенимать то, что сам называешь злом? Видишь ли, что нет ничего безумнее человека, живущего в злобе? Поэтому умоляю вас, будем избегать этой злой и достойной посмеяния привычки. Болезнь эта расторгнула бесчисленное множество дружеских союзов и произвела многие раздоры. Будем же, поэтому, приветствиями предупреждать других. Если нам заповедано терпеть и тогда, когда враги нас заушают, насильно заставляют провожать себя и обнажают, то заслужим ли мы какого-нибудь прощения, если с таким упорством будем отказываться от простого приветствия? Ты скажешь: я подвергнусь презрению и буду как оплеванный, когда окажу ему такую честь. Итак, чтобы не презирал тебя человек, ты оскорбляешь Бога?

Чтобы не презирал тебя беснующийся равный тебе раб, ты презираешь Владыку, Который столь много тебя благодетельствовал? Ежели неразумно, что презирает тебя человек равный тебе, то еще более неразумно, что ты презираешь Бога, Который сотворил тебя. Сверх того, заметь и то, что презирающий тебя тем самым доставляет тебе случай к получению большей награды, поскольку ты терпишь это для Бога, повинаясь Его законам. А с этою наградю какая честь, какие венцы сравниться могут? Я готов лучше терпеть всякие обиды и презрение — для Бога, нежели у всех царей быть в почтении, так как ничто, ничто не может сравниться с этою славою. Будем же искать этой славы так, как повелел сам Спаситель, и нимало не заботясь о суждениях человеческих, но во всем показывая истинное любоумудрие, по нему будем устроить жизнь свою (6).

ЛЮБОСТЯЖАНИЕ

Не слышишь ли, что говорит Христос: *забота века сего и обольщение богатства заглушает слово, и оно бывает бесплодно* (Мф. 13, 22), — что и назвал Он тернием? Сказав, что одно семя пало

в терние, и, изъясняя ученикам, что такое терние, Господь говорит: *забота века сего и обольщение богатства заглушает слово, и оно бывает бесплодно*. И хорошо заботы века сего уподобил Он тернию: как терние не позволяет всходить семени, — но своей густотой заглушает посев, так и житейские заботы не позволяют приносить плод духовному семени, когда оно положено в душу, а, подобно тернию, заглушают и истребляют его, не позволяя прозябать духовному сеянию. *И обольщение богатства*, говорит: хорошо приписывает Он и богатству обольщение, потому что оно, в самом деле, обман. Что пользы в таком множестве талантов, в таком избытке денег? «Да приобретение их, говорят, доставляет много удовольствия!» Какое же удовольствие? Что говорит об удовольствии? Не производит ли это особенно безвременные скорби и разнообразные неприятности? Не говорю уже об угрожающем за это наказании; и в настоящей жизни это дело [т.е. любостяжание] не может доставить никакого удовольствия, а сопровождается ежедневными тревогами и неприятностями. Не так море воздымается волнами, как такая душа обуревается помыслами и

страстями, и ко всем, своим и чужим, питает неприязнь. А если кто лишится хотя некоторой части своего богатства (а много бывает разных случаев, много коварства рабов и притеснения людей властных), вот тогда-то именно увидишь, что жизнь для них становится невыносимой. Каких же слез достойны такие люди, которые стараются все делать вопреки своей пользе и хотят собирать это к вреду своей души! (1).

Как любостяжательным мы называем того, кто хочет присвоить чужое и не довольствуется своим, так и надменным называем того, кто требует себе от ближнего больше, чем сколько ему следует, кто себя считает достойным всякой чести, а другого бесчестит. А это бывает не от чего другого, как от неправды. Что это действительно от неправды, видно из следующего. Бог создал как тебя, так и его, и все даровал тебе и ему равно и одинаково. Почему же ты отвергаешь его, лишаешь чести, которую даровал ему Бог, не допускаешь его к участию в благах, но все присвояешь себе: и не только в имуществе, но и в чести делаешь его бедным? Бог даровал обоим вам одинаковую природу,

удостоил одинаковых преимуществ, одинаково создал, — потому что слова: *сотворим человека* (Быт. 1, 26), относятся вообще ко всему роду человеческого. Почему же ты лишаешь его отцовского имущества, приводишь в крайнюю бедность и присвояешь себе принадлежащее всем?.. Так и Павел часто ставит себя на вид, не превозносясь и не надмеваясь, но, представляя себя примером для других, например, когда он говорит: *желаю, чтобы все люди были, как и я, по воздержанию* (1 Кор. 7, 7) (2).

Человек в своем беспокойстве о деньгах никогда не находит покоя. Взял это — и уже смотрит на то; овладел тем — и разевает пасть на другое. Он старается удвоить сто, к этому опять спешит скопить столько же, и никогда не перестает собирать, пока не приготовит себе конца. Одержимый жаждой любостяжания, он делается желтее самого золота, [и все] — из-за многожеланного богатства, этого неверного и непостоянного друга, коварной любви, обманщика многих господ, насмешливого любителя многих, крылатого узника, неприязненного трупа, свирепствующего в мире ветра; из-за богатства, родоначальника всякой

нелепости, изобретателя всякого зла, сотрудника душепагубного наслаждения, противника воздержания, врага целомудрия и тайного похитителя всякой добродетели. Но что я обвиняю богатство, оставив в стороне стяжателей? Оно само терпит от них, связываемое ими и содержимое в узах. Мне кажется, оно могло бы обратиться к ним со следующими словами: что вы, любостяжатели, связываете меня, богатство? Что вы на меня как на беглеца налагаете тысячи уз? Что вы обнимаете меня как друга и связываете как злодея, прямо из недр земли захватывая меня в свои руки? Если желаете сделать меня легче самого сна, допустите меня и в руки бедных. Но скажет [обличаемый]: «я собираю богатство для детей, чтобы им не пришлось испытать бедности». Хорошо же, многомечтательный богач: настоящего ты не знаешь, а о будущем заботишься; не ведаешь того, что касается тебя самого, и заботишься о детях; не знаешь, не зароят ли тебя в землю, а совещаешься о наследниках? Безумный, скажи мне, какой конец тебя ожидает, и тогда старайся обеспечить детей; скажи мне о сегодняшнем дне, и тогда я поверю тебе насчет завтрашнего. Зачем обманываешь

себя и после смерти? Зачем хочешь быть и мертвым, и осмеиваемым? Зачем ты вторгаешься в то, что свойственно делать Богу? Зачем учишь Божественный Промысел, как распорядиться данным тебе? Тебе нет никакого дела до того, что будет после тебя. Ты не можешь быть мертвым и распорядиться живыми и судить мертвых, взвешивая права каждого. Итак, зачем ты, богатый, напрасно трудишься, собирая к себе то, что принадлежит бедным, а сам не знаешь, для кого ты собираешь это? Зачем удерживаешь то, что принадлежит сиротам, почему не годишь на их просьбы, как будто теряешь что-нибудь из своего собственного? Они ищут своего, а не твоего; порученного тебе от них, а не рожденного с тобой. Отдай, что ты взял, и получи пользу, так как тебе поручено дать, а не взять. Будь удовлетворен тем, что в лице нищего сам Бог протягивает тебе руку. Посылающий дождь с неба просит у тебя медную полушку; производящий гром и молнию говорит тебе: «помилуй меня»; облагающий небо облаками просит у тебя рубища. Будь доволен тем, что бедные умоляют тебя, как Бога. Подай, сжался, помилуй, чтобы тебе быть помилрованным. А ты и бровью своей

не хочешь повести, и упрашиваемый остаешься непреклонен. Дай им то, что им же принадлежит, прежде чем получишь вразумление; подай им то, что принадлежит им и что немного спустя ты оставишь. Их отец — Царь: подай им то, что принадлежит им же, и получи от отца их беспечальную жизнь (3).

Страсть к богатству подвергает тебя жестокому наказанию не только в геенне, но еще и прежде ее, в настоящей жизни. Страсть эта разоряла многие дома, воздвигала жестокие войны и заставляла прекращать жизнь насильственной смертью. Да еще и прежде этих бедствий, она помрачает добрые качества души и часто делает человека малодушным, слабым, дерзким, обманщиком, клеветником, хищником, лихоимцем и вообще имеющим в себе все низкие качества. Но, может быть, ты, смотря на блеск серебра, на множество слуг, на великолепие зданий и на уважение к богатству в собраниях, обольщаешься всем этим? Какое же средство против этой губительной болезни? Собственное твое размышление о том, как это уязвляет твою душу, как помрачает ее и делает гнусной,

безобразной и порочной; собственное твое размышление, с какими бедствиями соединено собирание богатства, с какими трудами и опасностями должно его беречь, вернее же — что его и нельзя уберечь до конца, а если и удастся сохранить от всяких хищений, то приходит смерть и передает твое богатство часто в руки врагов, а тебя самого похищает ничего не имеющего, кроме ран и язв, полученных от богатства, с которыми душа твоя переселяется в тот мир. Итак, если ты увидишь кого-нибудь облеченного блестящей одеждой и окруженного толпой телохранителей, то раскрой его совесть, — и ты найдешь внутри его много паутины и увидишь много нечистоты. Представь Павла и Петра, представь Иоанна и Илию, и в особенности самого Сына Божиего, Который не имел, *где голову приклонить* (Лк. 9, 58). Подражай Ему и его рабам и помышляй о неизреченном богатстве. Если же ты, несколько прозрев, опять помрачишься земными благами, подобно погибающим во время кораблекрушения, то припомни изречение Христа о том, что невозможно богатому войти в Царство Небесное. Вместе с этим изречением представь и то, что и горы, и земля, и море,

словом, все, если хочешь, превратились в золото, и ты увидишь, что ничто не может сравниться с тем вредом, который отсюда для тебя проистек бы. Ты укажешь на множество десятин земли, на десять, двадцать или, пожалуй, и более домов, на столько же бань, на тысячу или вдвое больше слуг, на посеребренные и позолоченные колесницы, а я скажу вот что. Если бы каждый из обогащающихся между вами, презрев эту нищету (ведь в сравнении с тем, о чем я намерен говорить, это есть нищета), приобрел весь мир, если бы каждый из них столько же имел у себя рабов, сколько теперь находится людей на земле, море и во всем мире, если бы каждый из них имел в своем владении и землю, и море, все здания, города и народы, и если бы для них из всех источников, вместо воды, текло золото, то и этих богачей я не считал бы стоящими даже трех оболлов, — так как они лишаются Царства Небесного. Если они, желая тленных благ, мучатся, когда не получают их, то что может утешить их, когда они узнают цену будущих неизреченных благ? Совершенно ничто. Итак, помышляй не о множестве богатства, но о том вреде, которому подвергаются слишком страстившиеся к нему; они из-за

него теряют небесные блага и уподобляются тем, которые, лишившись великой чести при царском дворе, остаются с кучей навоза и даже еще гордятся этим. И подлинно, куча богатства ничем не лучше кучи навоза, даже еще хуже. Навоз годен и для земледелия, и для топления бань, и для других подобных нужд; золото же, закопанное в землю, совершенно бесполезно: да и дай Бог, чтобы оно было только бесполезно. Но оно в душе обладающего им воспламеняет как бы огненную печь, если не употребляется как должно. Каких зол оно не причиняет? Поэтому-то светские писатели и называли любостяжание верхом зла, а блаженный Павел гораздо лучше и с большей выразительностью называл корнем всех зол. Итак, размышляя обо всем этом, поревнуем тому, что достойно ревности: не желая величественных зданий или дорогих поместий, поревнуем мужам, имеющим великое дерзновение к Богу, которые приготовили себе сокровище на небесах и наслаждаются им, мужам, которые поистине богаты, так как сделались бедными для Христа (7).

Будем избегать любостяжания. Оно именно тогда довело Иуду до

неистовства; оно научает крайней жестокости и бесчеловечию тех, которыми обладает. В самом деле, если оно заставляет отказываться от собственного спасения, то тем более располагает к пренебрежению спасением других. И страсть эта настолько сильна, что иногда преодолевает над самым сильнейшим плотским вождением. Поэтому с большим стыдом упоминаю, что многие удерживались от распутства потому только, что жалели денег, а между тем не хотели жить целомудренно и честно по страху Христову. Будем же бегать любостяжания, — я не перестану никогда говорить об этом. Для чего ты, человек, собираешь золото? Зачем налагаешь на себя столь тяжкое рабство, столь трудное попечение, столь сильную заботу? Положим, что тебе принадлежало бы все золото, скрытое и в рудниках, и в царских чертогах. Обладая таким множеством золота, ты стал бы только беречь его, а не пользоваться им; если ты и теперь не пользуешься тем, что имеешь, но бережешь как чужое, то тем более стал бы поступать так, если бы имел больше. Обыкновенно сребролюбцы, чем более имеют, тем более берегут свое имение. Но, я знаю, — скажешь ты, — что это мое. Следовательно,

твое приобретение состоит только в одной мысли, а не в употреблении. Но при богатстве, — ты скажешь, — меня будут бояться другие. Напротив, чрез это ты станешь более доступным и для богатых, и для нищих, для разбойников, клеветников, рабов и вообще всех коварных людей. Если хочешь быть страшным, то уничтожай причины, по которым могут уловить и оскорблять тебя все, которые стремятся к этому. Уже ли ты не слыхал пословицы: нищего и неимущего не могут ограбить и сто человек? Бедность служит ему сильным защитником, которого не может взять и покорить даже сам царь (7).

Пристрастные к богатству часто не признают самой природы. Такой человек ни родства не знает, ни знакомства не помнит, ни возраста ни почитает, никого не имеет другом, но ко всем проявляет враждебное расположение, больше же всех — к самому себе, не потому только, что губит душу свою, но и потому, что обременяет себя бесчисленными заботами, трудами, печалью. Он решается на путешествия, подвергается неприятностям, опасностям, коз-

ням и всему подобному, лишь бы только иметь у себя корень зол и насчитать много золота. Что может быть ужаснее такой болезни! Человек, одержимый ею, отказывается и от роскоши, и от всякого удовольствия, из-за которых так много грешат люди, и лишает себя славы и чести. Любящий богатство всех подозревает и имеет множество обвинителей, завистников, клеветников и злоумышленников. Те, которые обижены им, ненавидят его, потому что потерпели от него зло; те, которые еще ничего не потерпели, вооружаются против него из опасения потерпеть и из соболезнования к потерпевшим; а наконец, и люди великие и могущественные, частью по негодованию на него из страдания к низшим, а частью и по зависти, также становятся его врагами и ненавидят его. Но что я говорю о людях? Против кого сам Бог вооружен, — какая остается тому надежда, какое утешение, какая отрада? Пристрастный к богатству никогда не будет в состоянии пользоваться им; он будет рабом и стражем его, но не господином. Стараясь всегда увеличить, он никогда не захочет тратить его, но будет изнурять себя. будет беднее всех нищих, потому

что никогда не удовлетворит своей страсти. А ведь деньги существуют не для того, чтобы беречь их, но для того, чтобы ими пользоваться. Если же мы станем зарывать их от других, то может ли быть что жалче нас, когда мы всюду бегаем и стараемся все захватить, чтобы запереть у себя в доме и изъять из общего употребления? (9)

Как при опухолях и язвах, сколько бы кто ни прилагал к ним лекарств, не остановив наперед притекающей и растрavляющей рану материи, все бывает напрасно, потому что не остановлен источник зла — так бывает и с нами: если мы не удержим рук от любостяжания и не прорвем этого нечистого потока, то, хотя бы стали давать и милостыню, все будет напрасно. Что уврачуеет милостыня, то затопит, испортит и сделает еще худшим любостяжание. Перестанем же сначала хищничать — и тогда уже станем подавать милостыню. Если же мы сами будем стремиться в пропасть, то где у нас будет возможность остановиться? Когда человека падающего один станет тянуть вверх (что делает милостыня), а другой будет увлекать вниз, то от такой борьбы не

произойдет ничего более, кроме того, что этот человек будет разорван (9).

Скажи мне, что ты станешь говорить язычнику, как скоро сам хищничаешь и лихоимствуешь? Отступи, скажешь, от идолослужения, познай Бога, не стремись к серебру и золоту. Но разве он не засмеется и не скажет в ответ: сперва научи этому самого себя; Ведь не одно и то же — идолопоклонствовать, будучи язычником, и совершать тот же самый грех, будучи христианином. И как мы будем в состоянии других отклонить от идолопоклонства, когда и сами не удалились от него? Ведь мы к себе ближе, чем к ближнему. Когда не можем убедить самих себя, как мы убедим других? Кто не правит хорошо собственным домом, тот не порадеет и о церкви. Как же может исправить других тот, кто не умеет управлять своей душой? Не говори мне, что ты не кланяешься золотому идолу, но докажи мне, что ты не делаешь того, что повелевает золото. Ведь бывают различные виды идолопоклонства: один почитает своим господином маммону, другой признает богом чрево, а

третий — грубейшую страсть. Но ты [говоришь] не приносишь им в жертву волов, как язычники? Правда. За то ты — что гораздо хуже — закалаешь им в жертву свою душу. Ты не преклоняешь перед ними колена и не кланяешься? Но ты с очень большой покорностью исполняешь все то, что прикажут тебе и чрево, и золото, и господствующая страсть. И эллины потому именно и гнусны, что обоготворили страсти, назвав вождение — Афродитой, ярость — Аресом, пьянство — Дионисом. Если ты не делаешь изваяния идолов, как язычники, за то с большим усердием подчиняешься тем же страстям, делая члены Христовы членами блудницы, оскверняя себя и прочими беззакониями. Потому прошу вас избегать идолопоклонства (так Павел называет любостяжание), поняв всю важность этого порока, — избегать любостяжания не только в деньгах, но и во всякой порочной склонности, в платье, в трапезе и во всем прочем. Ведь мы за неповиновение законам Господним подвергнемся гораздо более жестокому наказанию, как и сказано: *раб же тот, который знал волю господина своего, и не делал по воле его, бит будет много*

(Лк. 12, 47). Итак, чтобы нам избежать этого наказания и сделаться полезными для других и для самих себя, станем стремиться к добродетели, удалив из души всякий порок (11).

Мусорщик скорбит и сетует, что не свободен от своего, по-видимому, тягостного и бесчестного занятия; но, если освободишь его от этого и доставишь ему достаток в предметах необходимых, он опять станет скорбеть о том, что не имеет более, чем необходимо; если доставишь ему больше, он опять захочет иметь вдвое и потому будет печалиться не менее прежнего; если дашь ему вдвое или втрое, он вновь будет скорбеть, что он не чиновник; если доставишь ему и это, он будет почитать себя несчастным, что не принадлежит к числу сановников; получив и это достоинство, будет сетовать о том, что он не правитель; когда сделается правителем — о том, что управляет не целым народом; когда и целым народом — о том, что не многими народами; когда многими народами — о том, что не всеми; когда сделается главным правителем, станет опять скорбеть, что он не

царь; если сделается царем — о том, что он не один; если будет один — о том, что он не царствует также над варварами и над всей вселенной; если бы над всей вселенной — о том, почему и не над другим еще миром? Таким образом, замыслы его, прости-

раясь в бесконечность, никогда не позволят ему быть довольным. Видишь ли, что, сделав даже царем человека низкого и бедного, не избавишь его от скорби, если не исправишь наперед его души, преданной любостязанию? (12)

МАТЬ

Чтобы ты знал, что не рождение делает матерью и не за это положена награда, Павел, обращая слово к вдове, сказал так: *если она воспитала детей* (1 Тим. 5, 10); не сказал: *если родила детей*, но: *если воспитала*. Первое есть дело природы, последнее — дело свободного произволения. Потому и здесь, сказав: *спасется через чадородие*, не остановился на этом; но, желая показать, что не рождение, а хорошее воспитание детей доставляет нам награду, прибавил: *если пребудут в вере и любви и в святости с целомудрием* (1 Тим. 2, 15). То есть ты получишь великую награду, если рожденные тобой дети пребудут в вере и в любви и в святости. Итак, если ты расположишь их к этому, если будешь увещевать, учить, советовать, то за такое попечение назначена тебе от Бога великая награда. Так, жены да не считают чуждым для себя делом попечение о детях как женского, так и мужского пола:

[апостол] не различил здесь пола, но как там сказал просто: *если она воспитала детей*, так и здесь: *если пребудут в вере и любви и в святости*. Следовательно, нам нужно заботиться о детях того и другого пола, и особенно женам, потому что они больше сидят дома. Мужей часто отвлекают и путешествия, и судебные занятия, и гражданские дела; а жена, будучи свободна от всех таких забот, удобнее может воспитывать детей, так как имеет много досуга. Так поступали жены в древности. Действительно, эта обязанность — разумею попечение о своих детях и руководство их к любомудрию, — лежит не на мужьях только, но и на женах (1).

МЕСТЬ

Никогда не будем злоумышлять против других, памятуя, что мы изощряем чрез это меч против себя самих и наносим себе глубочайшую рану. Но тебя оскорбил кто-нибудь, и ты хочешь

ему отомстить? Не мсти. Таким только образом ты действительно будешь в состоянии отомстить. Если же будешь сам мстить, тогда не отомстишь. И не думай, что эти слова — загадка; нет, это — истина. Как и каким образом? Так, что когда ты не мстишь, тогда поставляешь Бога врагом ему (обидчику); а когда сам мстишь, тогда этого уже не бывает. *Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь* (Рим. 12, 19). Если мы имеем рабов и они, рассорившись между собою, не нам предоставят расправу и наказание, а присвоят их себе самим, то хотя бы они после тысячу раз приступали к нам, мы не только не отмщаем за них, а напротив, еще гневаемся на них, называя их бродягами и забияками. Все, говорим мы им, следовало предоставить нам; но так как ты прежде отомстил сам за себя, то уже не докучай нам. Тем более скажет это Бог, Который повелел все предоставлять Ему. Да и не стыдно ли, что мы от своих рабов требуем такого любомудрия и послушания, а Господу не предоставляем того, чего требуем себе от рабов? Это я говорю потому, что вы склонны мстить друг другу; между тем, кто истинно любомудрствует, тот не должен этого делать, а напротив, должен прощать

и оставлять грехи, хотя бы за это и не было той великой награды — отпущения собственных грехом. Если ты осуждаешь согрешившего, то зачем же, скажи мне, сам грешишь и впадаешь в то же самое? Оскорбил ли кто тебя? Не оскорбляй его взаимно — иначе сам себя оскорбишь. Ударил ли кто тебя? Не плати ему тем же, иначе между вами не будет различия. Опечалил ли кто тебя? Не огорчай его с своей стороны, потому что прибыли от этого нет никакой, между тем ты опять сделаешься подобным ему. Только тогда ты в состоянии будешь образумить его, когда перенесешь обиду спокойно и с кротостью; только чрез это ты устыдишь его и укротишь его гнев. Никто не исцеляет зла злом, но зло добром. Так любомудрствуют и некоторые из язычников. Если же у несмысленных язычников такое любомудрие, то постыдимся быть хуже их. Многие из них были обижены и переносили обиды. Многие были оклеветаны и не мстили, подвергались наветам и благодетельствовали. Но я боюсь не мало, чтобы некоторые из них не оказались выше нас по жизни и чрез то не увеличили нашего наказания. В самом деле, если мы, которые получили Духа, ожидаем Царствия,

любомуудрствуем о небесах, не боимся геенны, имеем повеление быть Ангелами, пользуемся Таинствами, — если мы не достигнем даже до их добродетели, то какое будем иметь извинение? Если нам должно превосходить иудеев, так как сказано: *если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное* (Мф. 5, 20), то тем более язычников. Если [должны мы превосходить] фарисеев, то тем более — неверных. Если же и в том случае. Когда мы не превзойдем по жизни иудеев, для нас заключено Царство Небесное, то как сподобимся достигнуть его, когда окажемся хуже и язычников? Удалим же от себя всякую раздражительность, и гнев, и ярость (8).

Подумай, какое терпит мучение человек, возмущенный душою, каждый день помышляя о том, как бы отомстить врагу? Прежде всего он мучит сам себя и томится, раздражаясь, досадуя на самого себя, разгораясь. Точно огонь постоянно горит в тебе, и, когда горячка усиливается до такой степени, ты не ослабляешь ее, думаешь, как бы причинить какое зло другому; а между тем терзаешь

самого себя, постоянно нося в себе сильный пламень, не давая успокоиться душе своей, постоянно свирепея и содержа ум свой в тревоге и смятении.

Что хуже этого неистовства — всегда мучиться, раздражаться и воспламеняться? А таковы души злопамятных. Они, как скоро увидят того, кому хотят отомстить, тотчас же выходят из себя; услышат ли голос его, падают и дрожать; лежат ли на постели, придумывают тысячи мучений, как бы поразить и растерзать своего врага; а если при этом увидят его благоденствующим, о, какое для них наказание! Прости же другому проступок его и избавь себя от мучения. Для чего ты непрестанно мучишь себя, чтобы однажды поразить и наказать его? Для чего причиняешь самому себе изнурительную болезнь? Для чего продолжаешь гнев свой, когда он готов прекратиться? Да не продолжится [гнев ваш] даже до вечера, говорит Павел (см. Еф. 4, 26); он, как бы какая тля и моль, подъедает корень нашей души. Для чего удерживать внутри себя этого дикого зверя? Лучше положить змея или ехидну на сердце, нежели гнев и памятозлобие; от тех скоро можно было бы нам освободиться, а этот остается постоянно,

вонзая свои зубы, впуская свой яд, возбуждая злые помыслы. Я делаю это, скажешь, для того, чтобы тот не стал смеяться надо мною, не стал презирать меня? Жалкий и безрассудный человек! Ты не хочешь быть посмешищем для подобного тебе раба, а подвергаешься неблагоприятию своего Владыки? Не хочешь быть в презрении у равного тебе раба, а сам презираешь Владыку? Не можешь снести презрения [от человека], а не подумаешь, что ты прогневлишь Бога, посмеваешься над Ним, пренебрегаешь Им, не оказывая Ему повиновения? А то, что он не будет смеяться над тобою, это очевидно. Если станешь мстить, то будет великий смех, великое презрение, так как это — дело малодушия; если же простишь, то — великое удивление, так как это — дело великодушия. Но тот, скажешь, не узнает этого? Пусть узнает Бог, чтобы ты имел за то большую награду. *Взаймы давайте*, — говорит Он, — *не ожидая ничего* (Лк. 6, 35).

Будем благодетельствовать тем, которые не чувствуют, что им благодетельствуют, чтобы они, воздавая нам похвалы или что другое, тем не уменьшили нашей награды. Если ничего не получим от людей, то тем больше получим

от Бога. Что смешнее, что грубее души, непрестанно гневающейся и желающей мщения? Это — женское и детское желание. Как та [гневливая жена] гневается и на бездушные вещи и, пока хотя не топнет об пол, не оставляет своего гнева, так и эти [злопамятные] желают отомстить своим оскорбителям и делаются сами достойными смеха, потому что увлекаться гневом свойственно детскому уму, а преодолевать его — возмужалому. Итак, не мы будем в посмеянии, когда окажем любомудрие, а они [оскорбители]. Не покоряться страсти — дело людей не презренных, а презренным свойственно бояться смеха других до такой степени, чтобы из-за этого решиться — покоряться собственной страсти, оскорблять Бога и мстить за себя. Это поистине достойно смеха. Будем же избегать этого. Пусть тот говорит, что он причинил нам тысячу зол, а сам ничего не потерпел [от нас], пусть говорит, что если он и еще поругается над нами, так же не потерпит ничего. Если бы он захотел хвалить нас, то не иначе стал бы проповедовать о нашей добродетели, не иные стал бы употреблять слова, как именно эти, которыми он думает унижить нас. О, если бы все говорили обо

мне, что «это — человек холодный и жалкий; все оскорбляют его, а он терпит; все нападают на него, а он не мстит за себя»! О, если бы прибавили еще, что «он даже и не может сделать этого, хотя бы и хотел», — мне похвала была бы от Бога, а не от людей! Пусть говорят что мы не мстим по трусости. Это нисколько не вредит нам; Бог видит и уготовляет нам большее сокровище. Если бы мы стали смотреть на тех людей, то лишились бы всего. Будем же смотреть не на то, что о нас говорят, а на то, что нам должно делать. Некоторые говорят: пусть не смеется надо мною, пусть не издевается. О, безумие! Никто оскорбивший меня, говоришь ты, не смеялся надо мною, т.е. я отомстил. Но потому ты и достоин посмеяния, что отомстил. Откуда явились эти слова — постыдные и гибельные, извращающие нашу жизнь и общество? Не отголосок ли сопротивления Богу. Что делает равным Богу, т.е. немстительностью, то считаешь ты смешным. Не в праве ли смеяться над нами и мы сами, и эллины, когда так говорим мы вопреки Богу?.. Мы должны стараться не мстить, а оскорбившие — признавать себя виновными. Но, может быть, это кажется смешным. Когда слыш-

ком усиливается это безумие, то люди благоразумные смеются, и среди множества неистовствующих непричастный их неистовству также кажется неистовствующим. Потому, увещаю вас, будем терпеливы и не станем выходить из себя, чтобы, очистившись от этой губительной страсти, мы могли сподобиться Царствия Небесного (10).

МИЛОСЕРДИЕ

Там, где милость и человеколюбие, не требуется строгого отчета в грехах, так как Судия по великой милости Своей и по расположению к человеколюбию многое прощает. Такой судия — Бог, готовый и расположенный постоянно миловать и давать прощение. Если Бог таков, если везде исходит великое человеколюбие Его, то несомненно, что Он спасет и народ Свой, и избавит его не только от наказания, но и от грехов. Зная это, будем и мы призывать и просить Его, и никогда не отступать, получим ли мы или не получим. Если в Его власти дать, то в Его власти и то, когда дать; Он Сам точно знает для этого время. Итак, будем просить, молить, уповать на Его милость и человеколюбие и никогда

не отчаиваться в своем спасении, но будем делать должное с нашей стороны, и тогда несомненно последует нужное с Его стороны, так как у Него неизреченная благодать и беспредельное милосердие (2).

Вместе с наказанием Бог обещает и милосердие. *Милости же Моей не отниму от них и не изменю истины Моей* (Пс. 88, 34) Бог обещает показать нам великую любовь: сначала Он наказывает нас за грехи, *ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает* (Евр. 12, 6), но потом отнюдь не признает согрешивших достойными отвержения, почему и не лишает нас милости. Как? Так, что после наказания всех милует. Но, говорит, Он не нарушит истины своей. Но чего желает истина Его? Того, чтобы верующий в Него, хотя бы и умер, жил, то есть хотя бы и согрешил, спасся покаянием (3).

Нам известно, что часто обретавшие помилование так именно обретали его: *пал к ногам его, умолял его и говорил: потерпи на мне, и все отдам тебе* (Мф. 18, 29);

и тот, кто, придя в самую ночь, просил друга своего: *если, говорю вам, он не встанет и не даст ему по дружбе с ним, то по неотступности его, встав, даст ему, сколько просит* (Лк. 11, 8); а пропавшая овца между девяносто девятью была разыскиваема, и найдена, и была дорога для пастыря. Однако должно исследовать. Если Бог милует, то почему же он не милует всех. Там, где милосердие, там не спрашивают о чести, доблести и нравственности. Если дело обстоит таким образом, должно было миловать всех, и если все исходит из милосердия Божия, то не говори: этот достоин, а тот — весьма мало. Когда допрашивает Бог, эти слова должны быть устранены; когда милосердие на лицо, оно приносит спасение, не взирая на достоинство или недостоинство. Итак, каким образом Бог говорит: *и кого помиловать — помилую, кого пожалеть — пожалею* (Исх. 33, 19)? Это чтобы сделать явным, что Он никого не милует напрасно, потому что есть достойные и недостойные. Все достойны спасения, которые желают его, но не все достойны милосердия, потому что не желают его. Через это познаются достойные и недостойные. Как, скажет иной, это сообразно?

Я говорю от Писания, а не от своего разума: один был должен десять тысяч талантов, другой — сто динариев, но тот и другой был должник. Для обоих ли их должно было найтись милосердие или нет? Конечно, скажу, и там не спрашивалось о достоинстве, потому что тот и другой были должники, но один из двух, как знаем, лишился милости даже после прощения. Сын же Божий пришел, некоторым оказывая милость, а иных призывая к ней; некоторые приблизились, иные же нет. Таким образом ясно, что Он помиловал тех не насильно или по необходимости и никого, не желающего взывать о милосердии, не принуждал к этому. У просящего о милосердии должно обнаружиться желание и охота следовать ему, чтобы таким образом он мог сознавать действия милосердия; но если он пренебрегает этим, то как он может получить спасение, превосходство воды и благодати? Но кто, скажут, до того жалок, негоден и безумен, чтобы, совершив бесчисленные беззакония, не пожелать милосердия Божия и не восхотеть спасения? Таких бесчисленное множество. Когда пришел Христос, намереваясь дать отпущение грехов, то почему не пожелали следовать

спасению иудеи, которым Он даже говорил: *сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья* (Мф. 23, 37)? Видишь ли, что они также не желали? Что легче молитвы? Но когда ты не пожелал молиться, то каким образом желаешь обрести милосердие? Итак, не пожелавший просить милости каким образом будет желать ее? Разве требуются добродетели или трудна тебе молитва, требует ли она труда, пота или бдения? Только, говорит, проси; но ты не желаешь и этого и следуешь уму Симона, который говорит: *помолитесь вы за меня Господу* (Деян. 8, 24). Сверх того, ты не знаешь, что никто, хотя бы превосходнейший тебя и более благочестивый, не может молиться за тебя лучше, чем мог бы сделать это ты сам. Даже когда ты нечист и лишен уверенности в Боге, Ему твои молитвы угодны более, чем молитвы за тебя какого-либо святого и верующего, — потому что Бог не о Своей чести заботится, отталкивая тебя и принимая молитвы того, а только того желает Бог, чтобы ты был с Ним в дружественных сношениях. Так почему Он отверг молитвы пророка Иеремии, часто молившегося за иудеев? Разве не потому, что

пророк увещевал их, чтобы они сами изливали молитвы к Богу? *Ты же не возноси за них молитвы*, — говорит, — за этот народ, а потом прибавляет: *не видишь ли, что они делают?* (Иер. 7, 16–17). Они, говорит, ни о чем не заботятся, а ты желаешь, плачешь, вопишь и взываешь. Мы также молимся вместе со святыми, но наша надежда да будет великой и в наших молитвах. Мытарь просил Бога не чрез кого-либо превосходнейшего, но сам мог столько, сколько тысяча праведных созерцателей, если бы они молились за него Богу. Не говори: я не умею молиться, я недостойн, у меня нет веры; выставя причины недостойнства и молчания, ты показываешь большую необходимость молиться. Ты недостойн, не имеешь веры? Когда ты таков, то употребляй, как лекарство против зла, молитвы. Слушай, что говорили три отрока: *и ныне мы не можем открыть уст наших; мы сдělались стыдом и поношением для рабов Твоих и чтущих Тебя* (Дан. 3, 33). Каким образом они не отверзали уст? Однако уста были отверсты, они молились и получили. И мы, подобно им, будем приступать к молитвам. То, что ты говоришь мне, что ты недостойн и не имеешь веры, скажи Господу

всяческих и скоро приобретешь веру. Совесть твоя не позволяет смотреть с уверенностью на небо? Но это послужило мытарю даже на пользу. То, что ты считаешь препятствием для твоих молитв, это освящает твои молитвы. Эти слова и такой смысл приличествуют не только преступным, но и почитающим добродетели. Авраам, когда намерен был нечто просить у Бога, говорил: я, *прах и пепел* (Быт. 18, 27); признавая свое недостойнство, он сошел до такого несовершенства природы, что мог отложить гордость ума. И Давид говорил: *я же червь, а не человек* (Пс. 21, 7). Ты часто уклонялся от Бога. Ужели по этой причине ты будешь оставаться в грехе? Не приближаясь к Богу и не моля Его, ты прибавляешь ко грехам [другие] грехи... Ужели мало милосердие Божие? Ужели твои грехи могут превзойти меру Его благодати? Как малая искра в обширнейшем море, так или даже меньше — вины и грехи человека пред милосердием Божиим. Желаешь ли ты знать могущество Его? Только по Своей воле Он сделал сынами и сонаследниками Единородного Своего отверженных мира сего, осужденных, недругов, отчужденных, лишенных надежды, безбожных (см. Еф. 2, 12).

Хочешь ли знать силу Его для искоренения грехов? *Если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю* (Ис. 1, 18). В другом же месте говорится яснее: *окропи меня иссопом, и буду чист* (Пс. 50, 9): этот [иссоп] есть цветок, который погружали в кровь, и им кропили грешников в народе. *Омой меня, и буду белее снега* (Пс. 50, 9). Если от благодати Его исходит существование душ, то тем более их чистота и освящение. Итак, никто пусть не отчаивается, считая перемену невозможной, потому что, когда ты — грешник, то это нечто неестественное. Грех есть не иное что, как только действие против воли Божией, и невозвращение к покаянию также противно Его воле. Он есть Господь всего — и свободных тварей. Он пожелал, и совершились небеса. Если Он только пожелает, то ты тотчас выйдешь святым. *Кто будет обвинять избранных Божиих? Бог оправдывает их* (Рим. 8, 33)? Не помышляй о множестве твоих грехов, но смотри на бесконечную благодать Божию. Болезни — велики, но Врач — больше; буря сильна, но кормчий — мудр; души доведены до отчаяния, но лекарства находятся наготове и после отчаяния. Нет ничего, что могло бы победить и превозмочь

Его милосердие. Он говорит: *ныне, если голос Его услышите* (Пс. 94, 7; Евр. 3, 7). Что хуже разбойника? Однако чрез одно слово в мгновение ока он вошел в рай прежде множества святых. Помышление о грехах и страх свойственны приходящему и прибегающему к милосердию Божию. Если мы находимся с Ним в дружественных отношениях, то, хотя бы весьма много согрешили против Него, однако мы ничего не боимся по любви к верному Другу. Если же мы сомневаемся полагаться на Его любовь, то это отсутствие веры будет зависеть от нас самих (4).

Не требуя помощи от других искусств, оно [милосердие] создает дома, prepares одежды, доставляет неждиваемые сокровища, делает победителями смерти, одолевает дьявола, уподобляет Богу... Спросите кого угодно из людей — чего они желают более: того ли, чтобы между ними было много мудрецов и ораторов или людей милосердых и человеколюбивых? И вы услышите, что они изберут последнее. И весьма справедливо. От уничтожения красноречия жизнь нисколько не потерпит вреда; она и до него

долгое время существовала. Но если уничтожится милосердие, то все погибнет и истребится. Как на море нельзя плыть далее берегов, так и земная жизнь не может стоять без милосердия, снисхождения и человеколюбия. Вот почему Бог не только разуму предоставил побуждать нас к милосердию, но во многих случаях самой природе нашей даровал власть преклонять нас к последнему. Так, отцы и матери оказывают милосердие детям, а дети родителям; и то бывает не только у людей, но и у всех бессловесных. Так брат оказывает милосердие брату, родственник — родственнику, ближний — ближнему, человек — человеку. Мы по самой природе имеем некоторую склонность к милосердию. Потому-то мы и скорбим об обиженных, болезнуем, смотря на убиваемых, плачем при взгляде на плачущих. Бог весьма желает, чтобы мы исполняли дела милосердия, потому и повелел природе сильнее побуждать нас к ним, показывая тем, что Ему весьма любезно милосердие. Итак, помышляя об этом, пойдем сами и поведем детей и ближних наших в училище милосердия. Человек всего более должен учиться милосердию, потому что оно-то и делает его человеком. Великое —

человек и драгоценное — человек милосердный. Кто не имеет милосердия, тот перестает быть и человеком. Оно делает мудрыми. И чему дивись ты, что милосердие служит отличительным признаком человечества? Оно есть признак божества. *Будьте милосерды*, — говорится, — *как и Отец ваш милосерд* (Лк. 6, 36). Итак, по всем этим причинам научимся быть милосердными, а особенно потому, что мы и сами имеем великую нужду в милосердии. И не будем почитать даже жизнью время, проведенное без милосердия. Я говорю о милосердии, чуждом всякого любостяжания. Если человек, довольствующийся своим состоянием и не дающий ничего другому, не есть милосерд, то может ли назваться милосердным тот, кто похищает чужое, хотя бы он делал бесчисленные подаяния? Если наслаждаться одному своими благами бесчеловечно, то еще более — отнимать их у других. Если люди, не причинившие никакой обиды другим, подвергаются наказанию только за то, что не разделяли с ними своего имущества, то еще более подвергнутся те, которые похищали чужое. Не оправдывай себя тем, что, причиняя вред одному, ты оказываешь милость другому.

Так поступать несправедливо. Тебе должно оказывать милость тому, кого ты обидел; а ты, нанося раны одним, врачуешь тех, которым не причинил никаких ран, тогда как должно бы врачевать их или, лучше, не должно бы совсем и наносить. Человеколюбив не тот, кто сам поражает и исцеляет пораженных им, но тот, кто врачует раны, нанесенные другими. Итак, врачуй те раны, которые ты сам понес, а не те, которые другими причинены; или лучше, не поражай и не низлагай другого — это значило бы издеваться над другими, — но восставляй пораженных. Уврачевать милостыней в соответствующей мере то зло, которое нанесено любостязанием, невозможно. Если ты отнял у кого обол, то тебе мало уже обол, чтобы посредством милостыни залечить рану, нанесенную любостязанием, но потребен талант. Вот почему пойманный вор возвращает вчетверо больше похищенного им. Но хищник хуже вора. Если же вор должен возвращать вчетверо более украденного им, то хищник вдесятеро или еще более; хорошо, если и при этом условии сможет он получить отпущение в своей неправде: плода же милостыни он и тогда не получит. Потому-то Закхей

и сказал: *если кого чем обидел, воздам вчетверо, и: половину имени моего я отдам нищим* (Лк. 19, 8). Если же во время закона должно было вознаграждать вчетверо, то тем более в царстве благодати. Если вор обязан это сделать, то тем более хищник; этот последний, кроме убытка, причиняет еще обиду, так что, хотя бы ты дал во сто крат больше — и тогда не заслужишь всего. Видишь ли, что я не напрасно сказал, что если ты похитишь обол, а отдашь талант, то и тогда едва вознаградишь? Если же, и поступая таким образом, ты едва можешь вознаградить вред другого, то когда ты поступишь наоборот, т.е., похитив все имущество у ближнего, раздашь только малую часть его, и притом не тем, у кого похитил, а другим — какое ты будешь иметь тогда оправдание? Какое прощение? Какую надежду спасения? Хочешь ли знать, сколь великое зло делает тот, кто оказывает такое милосердие? Послушай, что говорит Писание: *что заколающий на жертву сына пред отцем его, то приносящий жертву из имени нищих* (Сир. 34, 20). Итак, прежде, нежели выйдем из храма этого, начертаем эту угрозу в уме нашем; напишем ее на стенах, на руках, в совести и везде, чтобы,

по крайней мере, страх, усилившись в уме нашем, удерживал руки наши от ежедневных убийств. Хищение хуже убийства, поскольку оно медленно убивает бедного. Чтобы нам освободиться от этой болезни, будем размышлять о большем и сами с собою, и с другими. Таким образом, мы и к милосердию будем более склонны и получим славные награды, даруемые за него, и удостоимся вечных благ (7).

Будем воздавать своим врагам, хотя бы они причинили нам бесчисленное множество зол. Всем, что есть у нас доброго, воздадим им; не преминем оказывать и им благодеяния. Ведь если, терпя зло, можно удовлетворить ярость их, то гораздо больше — благодетельствуя им. Первое меньше последнего, потому что не все равно — благодетельствовать врагу и пожелать или быть готовым претерпеть [от него] большее зло. От последнего перейдем и к первому, что [и составляет] преимущество учеников Христовых. Они [иудеи] распяли Его, пришедшего благодетельствовать им, подвергли бичеванию учеников Его, и после всего этого Он удостоивает их такой же чести, как и учеников Своих, сообщая и

тем Свои блага наравне с этими. Будем, увещаю вас, подражать Христу; в этом должно подражать Ему; это делает [человека] равным Богу; это есть дело высшечеловеческое. Возлюбим милосердие: оно есть руководитель и учитель любомудрия. Тот, кто научился быть милосердным к несчастному, научится и не злопамятствовать; а, научившись этому, в состоянии будет и благодетельствовать врагам. Научимся сострадать несчастьям ближних — тогда научимся переносить от них и зло (10).

МИЛОСТЫНЯ

Имущество наше тогда особенно бывает нашим, когда мы им пользуемся не для самих себя, но исключительно для бедных. Как же это, сейчас скажу. Если я отдам деньги в руки бедного, то ни обманщик не нападает, ни завистливый глаз не засматривается, ни разбойник, ни тать, разломав стену, не похищает их, ни слуга, украв, не убегает, потому что эта кладовая безопасна. А если закопаешь золото дома, то ты подвергаешь его опасности и от разбойника, и от стенокопателя, и от завистника, и от обманщика, и от слуги, и от всякого вреда. Часто

бывало, что, благодаря множеству дверей и запоров уцелев от внешних нападений, [золото] не избегало рук стражей, что те, которым вверено его охранение, похищали его и убегали. Видишь, что мы тогда-то особенно бываем господами своего имущества, когда вверяем его бедным. И не ради только целости это безопаснейшее место, но и потому, что приносит большую пользу и прибыль. Если дашь займы человеку, то получишь сотую часть [разумеется, вероятно, сотая часть роста или один процент в месяц, то есть 12 процентов в год], а если через бедных дашь займы Богу, то получишь не сотую часть, а во сто раз большую. Если ты сеешь на плодородной земле, то и тогда, когда она принесет обильную жатву, получишь в десять раз более против посеянного. Но если посеешь для неба, то прибыль возрастет во сто раз и ты получишь жизнь вечную, не стареющую и бессмертную (1).

Будем творить щедрую милостыню; она — царица добродетелей; она будет с дерзновением ходатайствовать там и избавит от наказания и мучения, так что никто не остановит того, кто с нею восходит

на небо. Легки ее крылья, велика сила ее ходатайства; она достигает до самого царского престола и безопасно возносит туда своих питомцев. *Молитвы твои*, — сказал [Ангел Корнилию], — *и милостыни твои пришли на память пред Богом* (Деян. 10, 4). Почему и нам не взойти на эту высоту, отказавшись от неуместного любостяжания, от бесполезной роскоши и тщеславия? Сделаем же излишние вещи полезными для нас, раздав свое великое богатство и вручив его деснице Судии, Который может сохранить его в безопасности, и за это в день Суда будет кро́ток и милостив к нам, и хотя бы мы совершили тысячи грехов, подаст нам прощение и оправдание (3).

Когда рука выдает милостыню бедным, то уста да молчат, так чтобы мы не упускали плода и сладкое не становилось бы горьким. Зачем ты, человек, ропщешь по поводу просьб бедного? Если бы он не был бедным, то он и не просил бы, а потому тебе нужно пожалеть его, что он у тебя просит куска хлеба и одежды, побуждаемый к тому необходимостью. Но, говорят, он всегда надоедает мне: я много раз бранился и никоим образом не мог освободиться от

такой тягости. Но разве тебе неизвестно, что бедность и наглое требование желудка не избавляют от необходимости просить? Ругань не побеждает необходимости и страх не побеждает нужды, которая гложет желудок. Когда мы требуем чего-либо у Бога, то Он не гневается на нас, но гневается тогда, когда не просим. Твой Господь пылает гневом ради того, что ты ничего не просишь у Него, а ты гневаешься, когда у тебя просят (4).

Милостыня всего нужнее, в ней все заключается. Потому-то мы не без причины назвали ее сердцем добродетели. Но и самое сердце скоро умирает, если не сообщает всему духа; подобно как загнивает источник, если нет из него постоянного стока. То же случается и с богатыми, когда они удерживают у себя свое имущество. Потому-то вошло и в общую поговорку: много добра гниет у такого-то; напротив, не говорим, что у него большее изобилие, несметное сокровище. И обладающие богатством, и самое богатство подвержены гниению (7).

Милостыня ценится не по количеству подаваемого, но по оби-

лию расположения. Если и мало подающие будут наказаны, то тем более те, кто стяжал много благ, кто созидает дома в три и четыре кровли, а алчущих презирает, кто о любостязании заботится, а о милостыне нерадит (7).

Благотворительность научает тебя безвредно сберегать не только хлеб, но и все: и имущество, и душу, и тело. Но что подробно перечислять все выгоды, доставляемые этим искусством? Оно научает тебя тому, как можешь ты уподобиться Богу, а это есть первое из всех благ... Искусства оканчиваются вместе с настоящей жизнью, не действуют во время болезни художников и имеют действия преходящие, требуют труда и многого времени и других бесчисленных принадлежностей. А милостыня по окончании мира еще яснее открывается, по смерти человека наиболее просиявает и обнаруживает свои действия, и не требует ни времени, ни труда, ни чего-либо другого трудного. Она действует и во время болезни твоей, и в старости, сопутствует тебе в жизнь будущую и никогда тебя не оставляет. Она делает тебя сильнее мудрецов и ораторов; люди знаменитые по своей

мудрости и ораторству имеют у себя многих завистников, а за тех, которые прославили себя милосердием, бесчисленное множество людей приносят молитвы. Те предстоят пред судом человеческим, защищая обиженных, а часто и обижающих; а милостыня предстоит пред Судом Христа, и не только защищает, но и самого Судию преклоняет защищать подсудимого и произнести милостивый приговор о нем. Хотя бы он был виновен в бесчисленных согрешениях — она венчает его и провозглашает победителем; *подавайте лучше милостыню...* — сказано, — *тогда все будет у вас чисто* (Лк. 11, 41) (7).

Не видишь ли ты, как наделяют распутных женщин тщеславные люди в театре? А ты и половины этого, а часто и десятой доли не подаешь. Когда дьявол повелевает давать кому попало и за это между тем готовит геенну, ты даешь; а когда Христос повелевает давать нищим, обещая за это Царствие, ты не только не подаешь, но еще обижаешь. Ужели ты согласишься лучше слушать дьявола, чтобы подвергнуться мучению, нежели повиноваться Христу, чтобы получить спасение? Что мо-

жет быть хуже такого безумия? Один готовит геенну, другой — Царствие: и вы, оставив этого, бежите к тому. Когда Христос приходит к вам, вы Его отсылаете, а дьявола сами приглашаете издалека. Это похоже на то, как если бы царь, предлагая порфиру и диадему, не склонил бы нас на свою сторону; а разбойник, потрясая мечом и угрожая смертью, успел бы то сделать. Итак, размышляя об этом, возлюбленные, откроем глаза свои хотя теперь и начнем бодрствовать. Признаюсь, мне уже стыдно говорить о милостыне, так часто повторяя о ней и не видя плодов проповеди. Правда, против прежнего вижу больше плодов, но не столько, однако же, сколько бы желал (7).

Ты не для того получил имущество, чтобы роскошествовать, но чтобы творить милостыню. Это имение твое ли собственное? Оно принадлежит бедным, а тебе только вверено, хотя бы это было наследство отцовское, хотя бы было приобретено честными трудами. Неужели Бог не мог его отнять у тебя? Но Он не делает этого, доставляя тебе возможность быть щедрым по отношению к бедным. И заметь, как Христос во

всех притчах обличает тех, которые не употребили богатств своих на пропитание бедных. Так и девы не за то осуждаются, что они похищали чужое, но за то, что не уделяли от своего; и зарывший талант свой не был также лихоимцем, но только не удвоил его; и те, которые презрели алчущих, не за то наказываются, что они завладели чужим, но за то, что не расточили своего, подобно как и упомянутый раб. Пусть же заметят это те из нас, которые угождают чреву и расточают на пиршества богатство, нисколько не принадлежащее им, но бедным. Не думай, чтобы то, что по человеколюбию Божиему велено тебе раздавать как бы свою собственность, было и действительно твое. Тебе Бог дал заимообразно для того, чтобы ты мог употреблять с пользой. Итак, не почитай своим, когда даешь Ему то, что Ему же принадлежит. Ты когда кому-нибудь даешь заимообразно денег с тем, чтобы он воспользовался ими для приобретения какой-либо выгоды, никогда не скажешь, чтобы эти деньги были его. Так и Бог дал тебе богатство с тем, чтобы ты им купил небо. Не делай поэтому Его бесконечного человеколюбия основанием к проявлению твоей неблагодарности. Размысли о том,

как желательно иметь средство, которое бы после Крещения разрешило грехи наши. Если бы Господь не сказал: сотвори милостыню, то сколько бы людей сказало: о, если бы пожертвованием имущества можно было избавиться от угрожающих нам бедствий! Когда же это сделалось возможным, то, наоборот, остаются в нерадении. Но ты говоришь: я даю. И что же даешь? Ты не дал и столько, сколько та жена, которая подала только две лепты; не дал и половины того, даже и малейшей части в сравнении с ней; ты больше расточаешь на бесполезные вещи, на пиршества, на пьянство, на крайнее распутство; то приглашаешь к себе других, то тебя приглашают, то сам проживаешь, то других заставляешь проживать; и, таким образом, готовишь себе сугубое наказание: во-первых, за то, что сам делаешь, во-вторых, за то, что других заставляешь делать (7).

Ты хочешь наслаждаться славою? Подавай милостыню: тогда тебя похвалят Ангелы, тогда тебя прославит Бог. А теперь вся слава достается на долю золотых дел мастеров и ткачей; ты же остаешься без венца и нередко видишь себя обременяемою проклятиями.

Не обвешивай ты всем этим своего тела, а издержи все это на пропитание нищих, и со всех сторон будут рукоплескания, отовсюду — великая похвала. Тогда именно ты будешь этим обладать, когда будешь раздавать другим; а куда ты пользуешься одна, ты не владеешь. Дом — не надежное хранилище; верное хранилище — это руки нищих (8).

Немаловажно лекарство милостыни: его можно прилагать ко всем ранам. *Подавайте*, — сказал [Господь], — *милостыню, тогда все будет у вас чисто* (Лк. 11, 41), — милостыню, но не то, что приобретено любостыжанием потому что уделяемое от приобретенного любостыжанием не имеет значения, хотя бы ты подавал и нуждающимся. Так, истинная милостыня свободна от всякой неправды, и она-то все делает чистым. Такая милостыня лучше и поста, и лежанья на земле. Хотя эти подвиги тяжелее и труднее, но она — плодотворнее. Она просвещает душу, утучняет ее и делает благообразною и прекрасною. Не столько плод маслины оживляет силы борцов, сколько этот елей укрепляет подвижников благочестия. Будем же умащать им свои руки, чтобы

успешно поднимать их на противника. Кто старается быть милосердным к нуждающемуся, тот скоро отстанет и от любостыжания. Кто постоянно подает бедным, тот легко и от гнева отстанет, и никогда не будет высоко думать о себе. Как врач, постоянно пользующий раненых, легко смиряется, вглядываясь в человеческую природу при несчастных случаях с другими, так и мы, если решимся помогать бедным, удобно научимся любомудрствовать, не будем дивиться богатству и не станем считать настоящего чем-нибудь великим; но будем пренебрегать всем (9).

Благотворящий бедному дает взаймы Господу (Притч. 19, 17). То, что теперь ты бросаешь в руку нищего, потом найдешь в руке Судии. Если хотите избежать суда, постарайтесь теперь же расположить к себе Судию при помощи бедных. Когда ты делаешь последние распоряжения, не забудь наряду с друзьями и родными и твою расстающуюся с жизнью душу; дай ей хотя немного необходимых на дорогу средств. Пусть в твоём завещании будет упомянуто имя Судии, пусть на бумаге запечатлеется твое памятование о

бедном. Виновницей радости, а не слез достойной сделай свою кончину; без заступников не являйся к Страшному Судилищу. Насыть утробы тех, языки которых должны будут держать за тебя речь пред Господом. Через их посредство сделаем своим должником Создателя, чтобы в тот день не понести осуждения; при помощи денег приобретем себе надежных защитников. Ты в лице бедного имеешь, скажет Господь, свидетеля твоей любви ко Мне; ты знаешь, что Я усвою Себе то, что делается бедным. Я посылаю траву скотам и всем даю пищу, но когда ты даешь милостыню, Я вместе с бедным протягиваю руку и принимаю подавание. Я одеваюсь светом, как ризою (Пс. 103, 2), но как только ты оденешь нищего, Я почувствую тепло. Ты знаешь, что Я восседаю на небе с Отцом, но всякий раз когда ты отправляешься в темницу навестить заключенных, ты находишь Меня там заключенным в узы; как только ты пойдешь к больному, Я не оставляю одра. Я везде, но в особенности заступаюсь за того, кто в нужде. Что ты дашь бедному, то у Меня найдешь умноженным. Если введешь в дом твой бесприютного, вместе с ним и Меня пригласишь в дом твой, и за это тройную

награду получишь от Меня: и богатство твое Я умножу, и дом твой сохраню, и на небесах приготовлю для тебя обитель (9).

Христос не запрещает тебе подавать милостыню, но научает, как должно ее делать: *пусть левая рука твоя не знает, что делает правая* (Мф. 6, 3). Здесь, конечно, не руки Он имел в виду, но образно выразил то, что твой дурной рассудок не должен знать, что делает твоя добрая воля, чтобы он не мог бы отвратить тебя от добра. Помышления человеческие, по Божественному свидетельству, направлены ко злу. Поэтому Спаситель и говорит: пусть это желание будет у тебя настолько сильным, чтобы и сам ты не знал. Для чего? Чтобы Отец твой, видящий в тайне твою добрую, усердную готовность подавать бедным, возлюбил тебя и воздал тебе явно. Для тех, которые делают милостыню, Он учредил великое и блестящее зрелище, и чего могут желать милостивые, это им даровано в наивысшей степени. Пусть хоть тысячи людей видят вас подающими милостыню, только сами вы не обращайтесь внимания на них и не желайте от них временной славы; а если хотите, говорит, иметь

зрителей того, что вы делаете, на то есть Ангелы и Архангелы, и сам Создатель и Владыка всяческих. Если хотите людей иметь свидетелями ваших поступков и напоказ перед ними творить милостыню, тогда вы будете иметь сто или тысячу зрителей, одобряющих вас. Если же будете стараться делать ее тайно от тех, которые хвалят в настоящей жизни, и притом так тайно, что хотя бы некоторые и прославляли вас, не принимать этих похвал с удовольствием и не возноситься ими, но устраняться от них и отклонять их, тогда в тот страшный день перед лицом всей вселенной вы примете венец славы. Если ты творишь милостыню для Бога и ради того богатства, которое там у Него собирается для тебя, а не ради временной славы, тогда Бог, принимая как бы в собственные недра ваши подвиги милосердия, в присутствии всех людей, от Адама до конца века, в присутствии всех Ангелов (так как тогда будут предстоять тысячи и мириады Ангелов), своими пречистыми руками призывает вас со словами: *придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира* (Мф. 25, 34). Придите сюда, Я принял ваши труды, Я был на вашем иждивении.

Когда ты простирал руки к бедному, Я открыл Мои недра; когда ты давал хлеб твой бедняку, Я через его чрево насыщался. *Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня* (Мф. 25, 35). За это вот какой радости будете удостоены вы, милостивые! Если же напоказ перед людьми подавали вы милостыню, тогда от них получите и награду. Ведь, кажется, это так понятно: если именно напоказ хочешь ты делать, так старайся делать напоказ перед Богом: Он и увенчать имеет больше власти, и на зрелище приведет Ангелов. А кто же настолько несчастен, чтобы зная, что царь хочет прийти посмотреть его подвиги, вместо того предпочтет раскинуть свое зрелище перед толпою оборванцев и от них ожидать себе награды? Среди христиан таких не найдется: да не будет! Все, что мы, христиане, делаем, все мы делаем, имея перед глазами Христа и призывая Его имя. Ведь Он в Своем Евангелии указал нам путь спасения, чтобы мы, совершая всякую милостыню и упражняясь во всякой добродетели, все это делали во имя Его и при Его помощи (9).

Ныне вы, фарисеи, внешность чаши и блюда очищаете, а вну-

*тренность ваша исполнена хищения и лукавства (Лк. 11, 39). Как бы так говорил Он: зачем вы омываете тело водою, а недостатков души не исправляете? Осмелюсь и я сказать, возлюбленные, что никакой пользы не будет человеку от телесного омовения, если чистоте тела не отвечает чистота его души, если она не сопровождается милостыней. В самом деле, как сосуд, вымытый и изнутри, и снаружи, но не наполненный питьем, не может утолить жажды жаждущего, равно как и блюдо, — так точно и человек, хотя бы он был совершенно чист и внутри, и снаружи, не будет приятен Господу, если не напичает подобного себе. Поэтому Господь и прибавил: *подавайте лучше милостыню из того, что у вас есть, тогда все будет у вас чисто* (Лк. 11, 41). *Что у вас есть*, потому что не столь приятны Ему богатые приношения, сколько нелицемерная и искренняя жертва. Не печалься же, бедняк, что нет у тебя ни золота, ни груд серебра; бросай в сокровищницу то, что имеешь: и две лепты оправдывают. Вспомни жертву той вдовицы, которая была оправдана больше, чем богатые жертвователи. Ведь Бог, конечно, не за весом денег следит, но совесть испытывает. Милостыня*

очищает нечистоты души и уготовляет блага в награду; милостыня — насущная необходимость души, милостыня убеляет души, милостыня — ободрение души, лучшее вооружение для нее. Бросьте золото — и получите Господа; дайте серебро — и получите освящение; расточите мед — и вместе с нею утратите яд греха (9).

Для того отцы наши и поставили бедных перед дверями молитвенных домов, чтобы один вид бедных мог даже в самом нерадивом и бесчеловечном пробудить воспоминание о милостыне. Когда здесь стоит сонм стариков, согбенных, одетых в рубища, иссохших, загрязненных, с палками, с трудом могущих держаться, часто слепых и изувеченных всем телом, то кто будет таким каменным, чтобы устоять против этой старости, немощи, увечья, бедности, жалкой одежды и вообще всего, преклоняющего его к состраданию, и остаться неподдающимся на все это? Поэтому они и стоят перед нашими дверями, видом своим сильнее всякого слова склоняя и призывая входящих к человеколюбию. Как в преддвериях молитвенных домов обыкновенно устроятся умывальницы, чтобы

идущие молиться Богу сначала омыли руки и тогда уже простирали их на молитву, так и бедных отцы поставили перед дверями, подобно источникам и умывальницам, чтобы мы, как умываем руки водою, так, очистив наперед душу человеколюбием, потом приступали к молитве. Подлинно, не так вода по природе своей омывает нечистоты тела, как милостыня силою своею стирает нечистоту души. Поэтому, как не осмеливаешься ты войти на молитву с неумытыми руками, хотя и меньшая то вина, — так не входи никогда на молитву без милостыни. Притом часто, имея и чистые руки, мы не простираем их на молитву, не омыв их наперед водою: такова привычка. То же будем делать и с милостынею. Хотя бы мы и не сознавали за собою никакого значительного греха, однако будем очищать свою совесть милостынею. Ты на торжище приобрел себе много дурного: враг огорчил тебя; судья принудил тебя сделать что-нибудь ненадлежащее; ты извергал неуместные слова; друг склонил тебя сделать что-нибудь греховное, и ты во многом другом провинился, в чем легко провиниться человеку, вращающемуся на торжище, заседающему в судилищах, участ-

вующему в городских делах; во всем этом ты приходишь просить у Бога прощения и защиты. Брось же серебро в руки бедных и оботри эти нечистоты, чтобы с дерзновением ты воззвал к Тому, кто может отпустить тебе грехи. Если ты поставишь себе в обычай никогда не приступать к этому священному преддверию без милостыни, то волею или неволею никогда не опустишь этого доброго дела: такова привычка. И как ты никогда — допустим это — не позволяешь себе молиться с неумытыми руками, потому что однажды навсегда поставил это себе в привычку, так и в отношении к милостыне, если ты точно так же поставишь ее себе законом, то волею или неволею будешь исполнять его ежедневно, побуждаясь привычкою. Молитва есть огонь, особенно когда она возсылается трезвенною и бодрствующею душою; но этот огонь нуждается и в елее, чтобы достигнуть до самых небесных сводов, а елей для этого огня есть не что иное, как милостыня. Подливай же этот елей щедро, чтобы, ободряясь правым делом, ты мог совершать молитвы с большим дерзновением и большим усердием. Как не знающие за собою ничего доброго не могут и молиться с дерзновением, так

сделавшие что-нибудь правое и после праведного дела приступающие к молитве, ободряясь воспоминанием о сделанном добре, возносят молитву с большим усердием. Поэтому, чтобы наша молитва сделалась сильнее, благодаря тому, что наша душа во время молитвы будет ободряться воспоминанием о добрых делах, будем приходить на молитву с милостынею и тщательно помнить все сказанное; а больше всего другого соблюдайте в памяти то мое сравнение, по которому я сказал, что бедные, стоя перед дверями молитвенных домов, выполняют такое же назначение в отношении к душе, какое умывальница в отношении к телу (9).

Нет ничего равного милостыне; или лучше: так велика сила этой добродетели, когда она происходит из чистых сокровищниц! Как происходящее от неправедных [стяжаний] подобно источнику, изливающему нечистоты, так [происходящее] от праведных стяжаний есть как бы прозрачный и чистый поток в саду, приятный на вид, усладительный на вкус, доставляющий свежесть и прохладу во время полудня. Такова милостыня! При этом источнике растут

не тополи, не сосны и не кипарисы, но другие, гораздо лучшие этих великие произрастения: любовь Божия, похвала от людей, слава пред Богом, благорасположенность от всех, изглаждение грехов, великое дерзновение, презрение богатства, милосердие, которым питается древо любви. Обыкновенно ничто так не питает любви, как милостыня. Она простирает в высоту свои ветви. Она — источник лучше райского, не разделяющийся на четыре реки (Быт. 2, 10), но достигающей до самого неба. Она источает ту *воду, текущую в жизнь вечную* (Ин. 4, 14); смерть, коснувшись ее, исчезает, как искра в источнике: так она, где бы ни источалась, производит великие блага! Она угашает ту реку огненную, как искру; она истребляет того червя, как ничто; кто имеет ее, тот не узнает скрежета зубов (см. Мф. 25, 30). От воды ее, если и капля упадет на узы, расторгает их; а если упадет в печи, всецело погашает их.

Как райский источник не таков, чтобы то изливать потоки, то иссыхать — тогда он не был бы и источником, — но течет постоянно, так и наш [источник] пусть всегда изливает очень обильные потоки, особенно для нуждающихся в милостыне, чтобы он

оставался источником. Это составляет радость принимающему; это и есть милостыня, когда изливается поток не только обильный, но и постоянный. Если хочешь, чтобы милость Божия дождала на тебя как бы из источника, то имей и ты у себя источник. Ничто не может сравниться с ним. Если ты откроешь этот источник, то источник Божий откроется так, что превзойдет всякую бездну. Бог ожидает от нас только повода, чтобы излить блага из Своих сокровищниц. Когда [кто] тратит, когда издерживает, тогда богатеет, тогда изобилует. Велик исток этого источника; чист и прозрачен поток его. Если ты не заградишь его, то не [заградишь] и того [источника Божия]. Никакого бесплодного дерева не насаждай при нем, чтобы оно не потребило влаги его. У тебя есть имение? Не насаждай там тополей; такова роскошь: она многое истребляет, но ничего собою не доставляет, а [только] губит плод. Не насаждай ни сосны, ни липы, ни других подобных, требующих многого, но ни к чему не полезных: такова роскошь в одеждах, только приятная на вид, но не полезная ни к чему. Вырасти виноградные лозы, насади всякие деревья плодовые, какие хочешь, в руках бедных.

Нет ничего плодоноснее этой земли. Хотя не велика вместимость руки, однако насаждаемое здесь дерево достигает до самого неба и стоит твердо. Это и значит — насаждать. А насаждаемое на земле, если не теперь, то чрез сто лет погибнет. Для чего же ты насаждаешь деревья, которыми не будешь пользоваться, а прежде, нежели воспользуешься, смерть придет и похитит тебя? А это дерево, когда ты умрешь, тогда принесет тебе плод. Если насаждаешь, то насади не в ненасытной утробе, чтобы плод не был извержен вон; но насади в чреве алчущем, чтобы плод достиг неба. Утешь страждущую душу бедного, чтобы не скорбела твоя утучневшая. Не видишь ли, как деревья, напояемые чрез меру, загнивают с корня, а напояемые умеренно возрастают? Так и ты не напой чрезмерно своего чрева, чтобы не загнил корень этого дерева; напой [чрево] жаждущее, чтобы оно принесло плод. Напояемое в меру не загнивает от солнца, а неумеренно [напояемое] загнивает: таково естественное действие солнца. Неумеренность везде зло. Поэтому будем воздерживаться от нее, чтобы и нам получить то, о чем просим. Источники, говорят, посылают свое начало в местах

весьма возвышенных. Сделаемся же и мы возвышенны душою, и тотчас потечет [от нас] милостыня. Невозможно возвышенной душе не быть милостивою, и милостивой — не быть возвышенною. Итак, кто презирает имущество, тот выше *корня всех зол* (1 Тим. 6, 10). Источники по большей части находятся в пустынях; и мы изведем душу из (мирской) суеты, и потечет от нас милостыня. Источники чем более очищаются, тем более обильными становятся; так и мы чем более будем раздавать, тем более произрастет благ. Кто имеет источник, тот чужд страха; так и мы, если будем иметь источник — милостыню, не будем страшиться. И для питья, и для орошения, и для постройки зданий — для всего полезен нам этот источник. Нет ничего лучше такого питья: оно не производит опьянения. Лучше иметь такой источник, нежели источники, доставляющие золото. Душа, носящая это золото, лучше всякой земли золотиносной. Оно сопутствует нам не в это царство, но в горнее. Это золото служит украшением Церкви Божией. Из этого золота готовится меч духовный (см. Еф. 6, 17), меч, которым отсекается змий. Из этого источника происходят драгоценные

камни, украшающие голову Царя (см. Откр. 4, 3). Не будем же пренебрегать таким богатством, но будем творить милостыню щедро, чтобы нам удостоиться милости Божией (10).

Нет греха, которого бы не могла очистить, которого бы не могла истребить милостыня; всякий грех ниже ее; она есть врачество, пригодное ко всякой ране. Что хуже мытаря? Он способен на всякое нечестие; но и это все нечестие Закхей очистил (см. Лк. 19, 8, 9). Смотри, как и Христос внушает это тем, что установил: *имел при себе денежный ящик и носил, что туда опускали* (Ин. 12, 6). И Павел говорит: *только чтобы мы помнили нищих* (Гал. 2, 10). И везде в Писаниях много говорится об этом предмете. Так, [Премудрый] говорит: *богатством своим человек выкупает жизнь свою* (Притч. 13, 8). И Христос: *если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и приходи и следуй за Мною* (Мф. 19, 21). В этом, подлинно, состоит совершенство. Милостыня же совершается не только деньгами, но и делами. Так, например, можно ходатайствовать, можно подать руку помощи; часто

в делах ходатайство помогало даже больше денег.

Итак, приведем в действие в настоящем случае все роды милостыни. Можешь деньгами? Не медли. Можешь ходатайством? Не говори, что у тебя нет денег; это ничего; и то значит весьма много, будь так расположен, как бы ты подавал деньги. Можешь услугою? Сделай и это. Например: ты врач по званию? Позаботься о больных; и это много значит. Можешь советом? Это — гораздо важнее всего; совет тем лучше и выше всего, чем большую он приносит пользу: им ты избавляешь не от голода, но от лютой смерти. Им и апостолы были особенно богаты; поэтому раздачу денег они вверили низшим, а сами пребывали в служении слову (см. Деян. 6, 1–4). Или, думаешь ты, не велика будет милостыня, если душу, предавшуюся унынию, находящуюся в крайней опасности, одержимую пламенем [страсти], можешь освободить от этой болезни? Например, ты видишь друга, одержимого сребролюбием? Окажи милость этому человеку. Он хочет удавиться? Угаси пламень его. А что если он не послушается? Ты делай свое дело и не ленись. Видишь его, связанного узами (сребролюбие ведь — поистине узы)? Приди

к нему, посети его, утешь, постарайся освободить от уз. Если он не согласится, сам будет виноват (10).

МНОГОЗАБОТЛИВОСТЬ (ЖИТЕЙСКИЕ ДЕЛА)

Да не будет у нас ничего неразумного, ничего суетного. А таковы мирские дела, таковы житейские заботы. Потому-то и девы названы юродивыми, что они заботились о пустых мирских делах, собирали здесь, а не отлагали туда, куда следовало. Но я боюсь, чтобы и нам не потерпеть того же. Боюсь, чтобы и нам не прийти одетыми в нечистые одежды туда, где все имеют одеяния светлые и блистательные. Нет ничего грязнее. Ничего сквернее греха. Потому-то и пророк, изображая природу греха, взывал: *смердят, гноятся раны мои* (Пс. 37, 6). И если хочешь узнать зловоние греха, то представь его себе по совершении, в то время, когда освободишься от пожелания, когда уже не будет беспокоить тебя огонь [страсти]: тогда ты увидишь, каков грех. Представь себе гнев, когда находишься в спокойном состоянии. Представь любостяжание, когда бываешь чужд этой страсти. Нет ничего гнуснее, ничего отвратительнее хищения и любостяжания.

Мы часто говорим об этом не потому, будто хотим тревожить вас, но для того, чтобы доставить вам великую и чудную пользу. Кто не исправился, услышав однажды, может быть, исправится, услышав в другой раз, а кто пропустил в другой раз, исправится в третий (8).

Если бы кто, сев как бы на вершине зрелища, взглянул на весь мир — или, лучше, ограничимся пока, если хотите, одним нашим городом, — так, если бы кто, сев на высоком месте, мог разглядеть все человеческое, — подумай, сколько увидел бы он безрассудства, сколько пролил бы слез, каким посмеялся бы смехом, сколько почувствовал бы ненависти! Мы, действительно, поступаем так, что наши дела и смешны, и глупы, и жалки, и ненавистны. Вот один кормит собак, чтобы ловить диких зверей, а сам впадает в зверство; другой — ослов и волов, чтобы возить камни, а презирает людей, истаивающих от голода, тратит бездну золота, чтобы соорудить каменных людей, а людей настоящих, которые от бедствий сделались каменными, оставляет в небрежении. Иной собирает драгоценные камешки и с боль-

шим трудом убирает ими стены, а видя нагие члены нищих, ни сколько не трогается. Одни к своим одеждам придумывают еще одежды, а между тем другие не имеют, чем покрыть и нагого тела. В судах, опять, один пожирает другого. Иной расточает все на блудниц и тунеядцев; другой — на комедиантов и плясунов; иной — на пышные постройку, на покупку сел и домов. Опять, один вычисляет проценты, другой — проценты на проценты; иной сочиняет бумаги, наполненные многими убийствами, и даже ночью не имеет отдыха, неусыпно бодрствуя на пагубу другим. Едва настал день, один бежит на прибыль несправедливую, другой — на трату беспутную, а иные — на казнокрадство. Вообще об излишнем и запрещенном много заботы, а о необходимом нет и мысли. Судящие носят, действительно, имя судей, а поступают, как разбойники и чело-векоубийцы. Если кто рассмотрит тяжбы или завещания, тот опять и здесь найдет множество зла, — коварство, воровство, злые умыслы. И об этом все попечение, а о духовном нет и мысли. В церковь все приходят только для того, чтобы поглазеть; но от нас требуется не это — нам нужны дела и чистая душа. Если же ты весь день

истратишь на любостяжание и потом, придя [в церковь], скажешь несколько слов, то не только не умиловишь Бога, но еще более раздразишь Его. Если ты хочешь преклонить на милость твоего Господа, то покажи дела: познай множество всякого рода бедствий, призри нагих, алчущих, обижаемых. Бог открыл тебе тысячи путей к человеколюбию. Итак, не будем обманывать самих себя, живя напрасно и даром, и не будем небрежны потому, что теперь здоровы. Мы уже не раз подвергались болезни и, дойдя до крайней степени изнеможения, умирали от страха и ожидания будущего. Помышляя об этом, будем думать, что опять можем подвергнуться тому же; приобретем тот же самый страх и сделаемся лучшими — так как настоящие наши дела достойны тысячи осуждений. Заседающие в судах подобны львам и псам, а торгующие на рынках — лисицам. Да и те, которые живут, на занимаясь никакими делами, — и те пользуются свободой от дел не как должно, но губят весь досуг на театры и происходящие оттуда дурные дела. И нет никого, кто обличал бы за все это; а соревнующих и сокрушающихся, что сами не могут делать наравне с другими, —

много. Но и эти последние также подвергнутся наказанию, хотя они и не сделают худого, потому что *не только [их] делают, но и делающих одобряют* (Рим. 1, 32). Наклонности их одинаково растленны, а из слов апостола видно, что будет наказание и за сердечное расположение (9).

Когда бежит стремительный поток житейских дел, он все потопляет и гудит всякую пользу, какая и была, может быть, приобретена. Ведь если бы кто, имея рану, приложил к ней лекарство, но не привязал бы его тщательно, а позволил ему отпасть и допустил в свою язву попасть воде, и пыли, и жару, и бесчисленному множеству других вещей, которые могут растравлять его рану, — в таком случае, конечно, он не получил бы никакой пользы, но не от слабости врачебных средств, а от собственной беспечности. Так обыкновенно случается и с нами, когда мы божественным словам внимаем мало, а житейским заботам предаемся всецело и непрерывно. В этом случае всякое семя подавляется, и все делается бесплодным. Итак, чтобы этого не было, откроем, хотя немного, глаза, воззрим на небо,

посмотрим на гробницы и могилы отошедших людей. И нас ожидает тот же конец, и эта необходимость переселения часто настает для нас прежде наступления вечера. Станем же готовиться к этому отшествию. Нам нужно многое запасти на этот путь, потому что там великий жар, большой зной, совершенная пустыня. Нельзя уже там остановиться в гостинице; нельзя ничего купить, но все надобно взять с собою отсюда. Послушай, что говорят девы: *пойдите к продающим* (Мф. 25, 9); но те, которые пошли, ничего не приобрели. Послушай, что говорит Авраам: *между нами и вами утверждена великая пропасть* (Лк. 16, 26). Послушай, что говорит Иезекииль о том дне: *Ной, Даниил и Иов не спасли бы сыновей* (Иез. 14, 14, 18). Но не дай Бог нам услышать эти слова! Дай Бог, напротив, чтобы мы запаслись здесь всем нужным для вечной жизни и с дерзновением узрели Господа нашего Иисуса Христа (9).

Изнурия и измождая свое тело и перенося бесчисленные труды, мы можем получить небесные блага. Разве вы не видите, какое расстояние между небом и землей, какая предстоит брань, как скло-

нен человек ко злу, как окружает грех и какие расставляет сети? Для чего же мы навлекаем на себя столько забот, кроме естественных, причиняем себе так много беспокойств и возлагаем на себя столь великие бремена? Разве не довольно нам забот о желудке, об одежде и о доме? Разве не довольно попечений о [вещах] необходимых? Между тем Христос удаляет от нас и эти [заботы]: *не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться* (Мф. 6, 25). Если же не должно пещись о необходимой пище, и одежде, и даже о наступающем дне, то будут ли когда-нибудь в состоянии воспрянуть те, которые налагают на себя столь великое бремя и под ним погребают себя? Разве вы не слышали, что говорит Павел: *никакой воин не связывает себя делами житейскими* (2 Тим. 2, 4)? А мы предаемся роскоши, объедению и пьянству, сильно трудимся над предметами посторонними, а касательно предметов небесных оказываемся слабыми. Разве не знаете, что обещанное нам выше человеческого? Ходящий по земле не может взойти на высоты небесные; а мы даже не стараемся жить по-человечески, но стали хуже самых бессловесных. Разве

не знаете, какому предстанем мы судилищу? Разве не помните, что нам должно отдать отчет в словах и помышлениях? А мы не заботимся даже о делах! *Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, — говорит [Господь], — уже прелюбодействовал с нею в сердце своем* (Мф. 5, 28); а люди, которые должны отдать отчет даже за нескромный взгляд, не стесняются сгивать в самом этом грехе. *Кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной* (Мф. 5, 22); а мы не престаем срамить братьев своих бесчисленными оскорблениями и различными клеветами. Любящий любящего ничем не лучше язычника (см. Мф. 5, 46), а мы ненавидим и любящих. Какое же мы получим прощение, когда, будучи обязаны превышать пределы, предписанные древним, проводим свою жизнь даже ниже этих пределов? Что скажем в свое оправдание? Кто предстанет и поможет нам, когда мы подвергнемся наказанию? Никто: но с воплями и рыданиями, скрежеща зубами и терзаясь, мы неизбежно будем ввергнуты в непроницаемую тьму, в [место] неотвратимых мучений и невыносимых казней. Потому увещаваю, прошу и, касаясь колен ваших, умоляю: пока остается еще краткий срок жизни, примите с

сокрушением слова мои, обратитесь, исправьтесь, чтобы там по смерти, подобно богатому, не плакать бесполезно и не скорбеть безнадежно. Отец ли твой, или сын, или друг, или кто иной будет иметь дерзновение перед Богом, никто тогда не избавит тебя от [мучений], заслуженных собственными твоими делами. Таково тамошнее судилище: оно судит по делам только, и иначе спастись там невозможно. Говорю это не для того, чтобы опечалить или привести в отчаяние, но для того, чтобы мы, питая в себе тщетные и холодные надежды и полагаясь на того или другого, не стали нерадеть о собственной добродетели. Если мы будем беспечны, то нас не защитит никто — ни праведник, ни пророк, ни апостол; если же будем ревностны, имея достаточную защиту в собственных делах, то с дерзновением удостоимся и благ, уготованных любящим Бога (12).

МОЛИТВА

И чтобы ты знал, что, когда мы сами нерадимы, то, хотя бы праведники или пророки были нашими заступниками, нам от того не бывает никакой пользы (их добродетель обнаруживается, конечно, и в этом случае, но нам от того не

будет никакой пользы по причине собственной нашей худой жизни), вот — послушай, как Бог всяческих говорит к освященному от чрева [матери] пророку Иеремии: *ты не молись за этот народ, ибо Я не услышу тебя* (Иер. 7, 16). Заметь человеколюбие Господа: Он предупреждает об этом пророка, чтобы тот, не будучи услышан в своих молитвах, не подумал, будто это произошло от собственной его вины. Потому-то и раскрывает ему заранее нечестие народа и запрящает молиться [за него], чтобы и сам пророк знал крайнее их [иудеев] нечестие, да и они научились бы, что пророк нисколько не поможет им, если сами они не хотят делать своего дела. Зная это, возлюбленные, будем, конечно, прибегать к ходатайству святых и просить, чтобы они молились о нас, но не будем надеяться только на их ходатайство, а и сами будем надлежащим образом исполнять наши обязанности и позаботимся о своем исправлении, чтобы ходатайства [святых] за нас не лишались своей силы. (1)

Писание будет повествовать вам о неплодии Ревекки и о том, что только по молитве праведника она начала рождать детей, то

вот оно и хочет изобразить вам всю силу терпения Исаака и с точностью обозначить время, в продолжение которого он был бездетен, чтобы и мы, подражая праведнику, так же неотступны были в молитвах к Богу, когда чего-нибудь у него просим. Этот праведник, столь добродетельный и пользовавшийся таким благоволением от Бога, проявлял столь великое усердие и твердость духа, непрестанно умоляя Бога разрешить бесплодие Ревекки. Что же скажем мы, обремененные множеством грехов и не обнаруживающие в себе ни малейшей доли (добродетелей) праведника? А когда явится у нас ненадолго некоторое усердие, то мы смущаемся и отступаем от подвига, если не будем услышаны тотчас. Поэтому убеждаю вас: поучаясь событиями в жизни этого праведника, никогда не перестанем умолять Бога о снисхождении к нашим прегрешениям; покажем пламенную ревность и не будем нетерпеливы, не обленимся, если не тотчас будем услышаны. Может быть, Господь медлит, научая тем нас неослабному прилежанию [в молитве], и хочет, чтобы мы и за терпение получили награду. Он знает и время, в которое полезно нам получить желаемое. А сами мы не так знаем,

что полезно для нас, как знает это Он, ведущий самые тайные помышления каждого. Поэтому не должны мы и много испытывать, много рассуждать о том, что бывает от Бога, а за все выражать Ему нашу признательность и удивляться добродетелям праведников (1).

Научимся тому, чтобы, когда предпринимаем ли что-нибудь, беремся ли за какое-либо дело или отправляемся в путешествие, — прежде всего возносить молитвенную жертву Господу и не иначе, как испросив Его помощь, начинать предпринимаемое дело и, таким образом, подражать благочестию древних праведников. Принес, сказано, жертвы Богу отца своего Исаака, — чтобы видно было, что он шел по следам отца своего, и это обнаруживал в служении Богу, подобно Исааку. И как он сам предварительно благодарственной молитвой показал свою признательность к Богу, то тотчас же последовали и знамения Вышнего благоволения. Предусматривая дальность пути и смотря на свою старость, он боялся, чтобы внезапная смерть не лишила его радости видеть сына, и поэтому молил Господа продолжить его жизнь, чтобы он мог на-

сладиться совершенной радостью. И смотри, как благой Бог, обнадеживает праведника. Сказал Бог Израилю в видении ночном: Иаков! Иаков! Он сказал: вот я. Бог сказал: Я Бог, Бог отца твоего; не бойся идти в Египет, ибо там произведу от тебя народ великий; Я пойду с тобой в Египет, Я и выведу тебя обратно. Иосиф своей рукой закроет глаза твои. Вот как Господь обещает праведнику то, чего он желал, и даже еще больше. Щедрость Его часто превышает наши желания по свойственному Ему человеколюбию. Не бойся, говорит, идти в Египет. Так как [Израиля] устрашала дальность пути, то и говорит ему Бог: ты не смотри на немощь старости: там произведу от тебя народ великий; Я пойду с тобой в Египет. Я сам буду сопутствовать тебе и все благоустрою для тебя. Заметь [Божественное] снисхождение в словах: Я пойду с тобой в Египет. Что может быть блаженнее того, чтобы иметь самого Бога спутником? А затем последовало и утешение, в котором особенно имел нужду старец: Иосиф своей рукой закроет глаза твои. Он, возлюбленный твой, он сам приготовит тело твое к погребению и возложит руки свои на очи твои. Итак, с радостью и без всякого опасения

предпринимай путь. Теперь представь себе, с каким благодушием праведник совершал путешествие, получив из Божественного обетования такое удостоверение. *Отправился, — сказано, — Иаков и весь род его с ним, и взяли все имущество свое, и пришли в Египет* (Быт. 46, 5–6). В шестидесяти шести душах сошел Иаков в Египет; и Иосиф с сыновьями своими, бывшими у него, был девятым, так что вместе с Иосифом всех душ было семьдесят пять (см. Быт. 46, 26–27). Для чего Божественное Писание с такой точностью показало нам число лиц? Для того чтобы мы могли видеть, как исполнилось пророчество Божие Иакову: там произведу от тебя народ великий. От этих семидесяти пяти душ потомство Израиля распространилось до шести тысяч. Видишь, как не напрасно и не без цели Писание показало нам число переселившихся в Египет, но чтобы мы видели, от какого малого числа какое великое число [душ] произошло, и чтобы, смотря на это, всегда веровали обетованиям божественным. Когда подумаешь, как после смерти Иакова и Иосифа царь египетский употреблял все усилия, чтобы уменьшить их потомство и не дать ему размножиться, однако же не успел в

этом, а [род Иакова] более и более прибавлялся и увеличивался, то удивись и изумись Промыслению Божию и [знай], что не может не исполниться определенное Им, хотя бы кто придумывал тысячи препятствий (1).

Так молиться повелел Христос в Евангелии: сказав ученикам своим, чтобы они не молились подобно язычникам и не говорили лишнего (см. Мф. 6, 7), Он дал нам и образец молитвы, научая, что быть услышанным [Богом] зависит не от множества слов, а от бдительности души. Но, скажет кто-нибудь, если нужно молиться немногими словами, то, как Он в доказательство того, что нужно непрестанно молиться, сказал притчу о том, что была одна вдова, которая неотступностью просьбы и частым приходом своим смягчила жестокого и бесчеловечного судью, не имевшего ни страха Божиего, ни стыда перед людьми? (см. Лк. 18, 3 и сл.). Как и Павел увещает, говоря: *в молитве постоянны* (Рим. 12, 12) и опять: *непрестанно молитесь* (1 Фес. 5, 17). Произносить ведь немного слов и непрестанно молиться — это противоречит одно другому. Нисколько не противоречит — да не будет — напротив,

одно с другим весьма согласуется. И Христос, и Павел заповедали творить краткие и частые молитвы с небольшими промежутками. Если долго будешь произносить слова, нередко делая это без внимания, то дашь дьяволу большую свободу подойти к тебе, устроить ковы и отвлечь мысль твою от произносимых слов. А если будешь творить постоянные и частые молитвы, занимая все время частым повторением [их], то легко можешь сохранить внимание и самые молитвы будешь творить с большой бдительностью. Так поступила и она, произнося немного слов, но постоянно и многократно припадая к Богу. А когда священник заградил ей уста (таков смысл слов: *уста ее только двигались, и не было слышно голоса ее* (1 Цар. 1, 13)), то она принуждена была покориться священнику и прекратить молитву. Так загражден был у нее голос, но не заграждено стремление, напротив, тем сильнее взывало внутри сердце. Это есть в особенности молитва, когда вопли раздаются изнутри; это особенно свойственно душе страждущей — произносить молитву не напряжением голоса, а устремлением ума. Так молился и Моисей. Когда он ничего не говорил, Бог сказал

ему: *что ты вопиешь ко Мне?* (Исх. 14, 15). Люди слышат только звук голоса, а Бог прежде этого слышит внутренний вопль. Так можно быть услышанным, не произнося слов; и ходя по площади, можно молиться мысленно с великим усердием; и сидя с друзьями, и делая что бы то ни было, призывать Бога с великим воплем — разумею внутренний вопль, — не делая его известным ни для кого из присутствующих (1).

Невозможно, чтобы человек, молящийся с должным усердием и постоянно призывающий Бога, впал когда-либо в грех. А почему это так, я скажу. Кто воспламенил свой ум, возбудил душу, переселился на небо и таким образом Господа назвал своим; кто, вспоминая о своих грехах, беседует с Ним о прощении их и молит Его быть милостивым и кротким, тот, предаваясь такой беседе, отлагает всякое житейское попечение, окрыляется и становится выше страстей человеческих. Врага ли увидит он после молитвы — уже не будет смотреть на него, как на врага; красивую ли женщину — не соблазнится при виде ее, потому что пламень, возженный молитвою, еще остается внутри его и отго-

няет всякую негодную мысль. Но так как нам как людям свойственно и впасть в беспечность, то когда пройдет час, другой, третий после молитвы, и ты увидишь, что возбужденный в тебе жар готов мало-помалу охладеть, спеши тотчас опять на молитву и согрей охладевшую свою душу. И если будешь делать это в продолжение всего дня, частым повторением молитв согревая самые промежутки между ними, то не дашь диаволу доступа и входа к твоим мыслям. Когда, приступая к обеду, мы видим, что нагретая для питья вода остыла, то опять ставим ее на очаг, чтобы она поскорее нагрелась; так будем поступать и здесь: на молитву, как бы на горячие уголья, будем полагать уста свои и таким образом опять воспламенять душу свою к благоговению. Станем также подражать домостроителям. Они, когда строят [здание] из кирпича, не полагаясь на прочность этого материала, связывают постройку длинными бревнами, причем кладут их не на большом, а на малом друга от друга расстоянии, чтобы частой кладкой этих бревен сделать крепче связь между кирпичами. Так сделай и ты: перелагай все житейские дела свои частыми молитвами, как бы связями из бревен, и таким об-

разом со всех сторон огради жизнь свою. Если будешь так поступать, то, хотя бы подули бесчисленные ветры, хотя бы напали искушения, скорби, какие-либо горькие мысли или какое бы то ни было несчастье, не могут они уронить этого дома, скрепленного так частыми молитвами. Но, скажешь, возможно ли человеку светскому, занятому службой, молиться по три часа в день и приходить в церковь? Возможно, и весьма легко. А когда нельзя придти в церковь, тогда можно помолиться и не оставляя своей службы, стоя там, пред дверьми. Ведь для молитвы нужно не столько слово, сколько мысль, не столько движение рук, сколько напряжение души, не столько известное положение тела, сколько расположение духа (1).

Восстенай горько, вспомни о грехах своих, воззри на небо, скажи умом: помилуй меня, Боже, — и твоя молитва кончена. Кто сказал: помилуй, тот исповедался, сознал грехи свои, потому что желать помилования свойственно согрешившим. Кто сказал: помилуй меня, тот получил отпущение грехов, потому что помилованный не наказывается. Кто сказал: помилуй меня, тот получил

Царствие Небесное, потому что Бог, кого помилует, того не только освобождает от наказания, но и удостаивает будущих благ. Не станем же говорить в свое оправдание, что дом молитвы не близко: благодать Духа нас самих сделала храмами Божиими, если только мы бдительны; стало быть [молиться] для нас везде весьма легко. Наше богослужение не таково, каково было прежнее — у иудеев, имевшее в себе много чувственного и обставленное множеством обрядов. Там молящемуся нужно было: и прийти в храм, и купить горлицу, и принести дрова и огонь, и взять нож, и стать пред жертвенником, и исполнить множество других постановлений. Здесь же [не нужно] ничего такого, но где бы ты ни был, везде с тобою и жертвенник, и нож, и жертва, потому что ты сам и жрец, и жертвенник, и жертва. Где бы ты ни был, везде можешь поставить жертвенник, покажи только бодрую волю, и не помешает тебе ни место, ни время; нет, хоть ты и не преклонишь колена, не станешь бить себя в грудь, и не прострешь рук к небу, а только покажешь горячую душу, ты этим исполнишь все [нужное для] молитвы. Можно и жене, сидя за прялкою или занимаясь тканьем,

обращать ум к небу и призывать Бога пламенно. Можно и мужу, выходя на площадь, или, идучи по своим делам, совершать усердные молитвы. Другому, и сидя в мастерской и сшивая кожи, [можно] вознести душу к Господу. Слуге можно, и покупая, и поднимаясь вверх, и сходя вниз, и занимаясь на кухне, совершать искреннюю и усердную молитву. Бог не гнушается местом, Он требует только пламенного сердца и смиренной души. А чтобы увериться тебе, что [для молитвы] требуется не [известное] положение тела, место или время, но мысль добрая и бодрая, [послушай, как] Павел, лежа в темнице распростертый, а не стоя прямо, как он, помолившись с усердием, лежа, потряс темницу и поколебал ее основание, устрасил темничного стража и затем привел его к святому Таинству. Также Езекия, не стоя прямо и не преклонив колена, но лежа на постели по причине болезни и обратившись к стене, с жаром и смиренной душой призывал Бога и тем отменил произнесенный уже приговор и привлек к себе великое благоволение [Божие], и возвратил себе прежнее здоровье. И это случалось не только с святыми и великими мужами, но и с порочными. Так, разбойник,

и не стоя в доме молитвы, не преклонив колена, но, будучи распростерт на кресте, немногими словами приобрел Царствие Небесное. Один в тине и во рве, другой во рве и со зверями, третий даже в чреве китовом, призвав Бога, прекращали все бедственные обстоятельства и привлекли к себе вышнее благоволение. Говорю это, чтобы убедить вас чаще приходить в церковь, и дома молиться в тишине в свободное время, и, преклоняя колена и воздевая руки, если же в какое-либо время или в каком-либо месте вы будете находиться среди множества других людей, — и тогда не нужно оставлять обычных молитв, но таким же образом, как я сказал любви вашей, молитесь и призывайте Бога, в надежде получить не меньшую пользу и от такой молитвы (1).

Как дерево крепкое, весьма глубоко пустившее корни в землю и обхватившее недра ее, противостоит всякому порыву ветра, а дерево, держащееся на поверхности, колеблется при малом дуновении ветра, вырывается с корнем и падает на землю, так точно и молитвы, исходящие из недр души и имеющие корень в глубине ее,

остаются крепкими и неослабными и не колеблются, хотя бы приступали бесчисленные помыслы и все полчище дьявола; а молитвы, исходящие из рта и с языка, но не происходящие из глубины души, не могут даже взойти к Богу по беспечности молящегося, потому что малейший стук возмущает его и всякий шум отвлекает его от молитвы, уста его издают звук, но сердце пусто и ум не занят. Не так молились святые, но с такою ревностью, что преклонялось и все тело. Блаженный Илия, готовясь молиться, во-первых, искал уединения; потом, положив голову между коленами и воспламенив в себе великую горячность, таким образом совершал молитвы (см. 3 Цар. 18, 42). Если хочешь видеть и прямо стоящего на молитве, то посмотри опять на него же, когда он обратился к небу и молился с таким напряжением, что низвел огонь свыше (см. 3 Цар. 18, 36). Также, когда он хотел воскресить сына вдовы, то простерся весь и совершил это воскрешение, не рассеиваясь и не зевая, подобно нам, но воспламеняясь ревностною молитвою (2).

Сила молитвы всегда велика; но если молитва соединяется с

постом, то делает душу еще более сильною. Ныне у нас особенная чистота помыслов; ныне возбуждается ум и душа созерцает все горнее. Потому Писание и соединяет всегда молитву с постом. Как и когда? *Не уклоняйтесь*, — говорит оно, — *друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве* (1 Кор. 7, 5); и в другом месте: *сей же род изгоняется только молитвою и постом* (Мф. 17, 21); и еще в другом месте: *совершив пост и молитву и возложив на них руки* (Деян. 13, 3) (3).

Большую силу имеет, возлюбленные, молитва, делающая невозможное для людей возможным. Помолился Моисей — и иссушил море, и провел евреев как бы по цветущему лугу. Помолился Иисус Навин — и обратил вспять струи Иорданские, и исполнилось написанное: *что с тобою, море, что ты побежало? и что с тобою, Иордан, что ты возвратился вспять?* (Пс. 113, 5). Помолился Илия, вознесшийся на колеснице, и заключил облака, приносящие дождь, и опять разрешил их потом своей молитвою. Помолился тот же Илия — и бедной вдовице давал каждый день муку и елей в

меру ее веры. Помолился ученик его Елисей — и соманитянка, будучи прежде бесплодной, вопреки надеждам, родила сына. Помолился Даниил — и ниспроверг Вила, убил змея и львов научил смотреть на небо. Помолились три отрока в печи — и пышущий пламень печи был погашаем. Помолился Езекия — и, исцелив свою болезнь, отвратил смерть и на пятнадцать лет увеличил срок своей жизни. Помолился Иона — и кит сделался кротким и на три дня принял его в своем чреве, чтобы показать, что для святых и в морских безднах найдется убежище. Помолился благочестивый Товит — и от руки Ангела получил свет. Помолилась Сарра, дочь Рагуилова, в Экбатанах — и обратила в бегство демона, губителя мужей. Помолились Сила и Павел, находясь в темнице, — и земля потряслась, двери темницы раскрылись и железные цепи оков распались, и все содержимые в узах оказались свободными. Помолился Петр — и Тавифу воскресил из мертвых. Помолился тот же Петр в Риме — и низринул Симона, летавшего по воздуху, и в то же время не допустил римлян бить его. Молитва восставляет мертвых, прогоняет демонов, исцеляет болезни, разрешает смерть. О, молитва, подательница

жизни, сокровищница здоровья, цвет надежды (3).

Не откладывай молитву на воскресенье или на праздник, не выбирай для нее места. Божество не ограничивается местом: *в Его руке глубины земли* (Пс. 94, 4). Поэтому и пророк Давид, молясь каждый день и каждую ночь, не разбирал ни дня, ни места, но со слезами говорил и побуждал сам себя: *во всех местах владычества Его. Благослови, душа моя, Господа!* (Пс. 102, 22). Так и вы, возлюбленные, не ждите известного часа или дня, не стесняйтесь местом, но, как было уже сказано, на всяком месте — и дома молитесь, и в церковь придя молитесь, и где бы не пришлось молитесь, на всяком месте владычества Его. *Внимайте сему, все живущие во вселенной* (Пс. 48, 2), *богатый, равно как бедный* (Пс. 48, 2), мужчины и женщины, толпы народа, юноши и девицы, старые и молодые, цари земные и все судии земли, послушайте написанное: *время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как неимеющие* (1 Кор. 7, 29). *Отвергнув нечестие и мирские похоти, целомудренно, праведно и благочестиво жить в нынешнем веке, ожидая*

блаженного упования и явления славы великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа (Тит. 2, 12–13) (9).

Преклони колена, воздыхай, моли Господа твоего быть милословным к тебе; Он особенно преклоняется [на милость] ночными молитвами, когда ты время отдохновения делаешь временем плача. Вспомни о царе, как он говорил: *утрудился я от воздыханий моих, каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими орошаю постель мою* (Пс. 6, 7). Какие бы ты ни имел удовольствия, не будешь иметь более его; как бы ты ни был богат, не будешь богаче Давида. Но он же в другом месте говорит: *в полночь я вставал славить Тебя за праведные суды Твои* (Пс. 118, 62). Тогда не беспокоит тщеславие; да и как (может беспокоить), когда все спят и не видят? Тогда не нападают леность и беспечность; да и как [могут напасть], когда столь многое возбуждает душу? После таких всенощных бдений бывают и сон приятный, и видения чудные. Это делай и ты, муж, а не одна только жена. Пусть дом сделается Церковью, составленную из мужей и жен. Не считай препятствием

этому то, что ты муж только один и что она жена только одна. *Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мф. 18, 20). А где присутствует Христос, там великое множество; где Христос, там необходимо бывают и Ангелы, и Архангелы, и прочие силы. Поэтому вы — не одни, когда с вами Владыка всех. И еще послушай, что говорит пророк: *лучше один праведник, нежели тысяча грешников* (Сир. 16, 3). Нет ничего бессильнее многих грешников, и ничего сильнее одного, живущего по закону Божию. Если у тебя есть дети, то подними и детей, и пусть во время ночи весь дом сделается Церковью; если же они малолетни и не могут переносить бодрствования, то [пусть выслушают] по крайней мере, одну молитву или две, и успокоятся; только ты встань, только ты обрати себе это в привычку. Нет ничего прекраснее жилища, в котором совершаются такие молитвы. Послушай, что говорит пророк: *вспоминал я о Тебе на постели моей, в утренние часы размышлял о Тебе* (Пс. 62, 7). Но, скажешь, я очень утомился в продолжение дня и не могу. Это — отговорка и предлог; сколько бы ты ни трудился, не потрудишься более коваля меди, который опускает

столь тяжелый молот с великой высоты, брызжет искрами, по всему телу пропитывается дымом и, однако, проводит в этом большую часть ночи. И вы, жены, знаете, когда вам бывает нужно идти в поле или прийти в ночное собрание, — что там проводят целую ночь без сна. Так и у тебя пусть будет духовная кузница, чтобы устроить не котлы и сковороды, но душу твою, которая гораздо лучше всякого произведения из меди и золота. Ее, уставшую от грехов, ввергни в горнило покаяния; ударяй ее с великой высоты молотом, т.е. исповеданием грехов; воспламени огонь Духа. Твое искусство гораздо лучше. Ты устрояешь не золотые сосуды, но душу, драгоценнее всякого золота, подобно тому, как коваль меди свое изделие. Ты не вещественный приготавливаешь сосуд, но освобождаешь душу от всякого житейского попечения. Пусть предстоит пред тобою светильник, не этот сгорающий, но тот, который имел у себя пророк, когда он говорит: *светильник ногам моим — закон Твой* (Пс. 118, 105). Воспламени душу молитвою; если увидишь, что она имеет довольно [огня], то вынь ее [из этого горнила] и устрой ее, как хочешь. Поверь мне, не столько огонь

истребляет ржавчину [металла], сколько ночная молитва ржавчину грехов наших. Устыдимся, если не кого другого, то хотя ночных стражей. Они, повинувшись человеческому закону, обходят во время стужи, громко крича и проходя по улицам, часто под дождем и цепenea [от холода], для тебя, для твоей безопасности и для охранения твоего имущества. Тот о твоём имуществе оказывает такое попечение, а ты не [оказываешь] даже о душе своей. И притом я не заставляю тебя ходить, подобно ему, под открытым небом, ни громко кричать и надрываться; но, находясь в том же самом жилище, в той же самой спальне, преклони колена, обратись с молитвою к Господу. Для чего сам Христос на горе пробыл всю ночь (см. Лк. 16, 12)? Не для того ли, чтобы подать нам Собою пример? Тогда растения восстанавливают свои силы, т.е. во время ночи; тогда особенно и душа еще более их принимает в себя росу. Что днем пополяется солнцем, то освежается ночью. Ночные слезы лучше всякой росы нисходят и на пожелания, и на всякое пламенное разжжение, и не попускают потерпеть ничего вредного. Если она не будет питаться этою росой, то будет сжигаться во время дня (10).

МОНАХИ

Смотри, самые убежища монахов уже дают начало их благоденствию. Избегая рынков и городов, и народного шума, они предпочли жизнь в горах, которая не имеет ничего общего с настоящею жизнью, не подвержена никаким человеческим превратностям, ни печали житейской, ни горести, ни большим заботам, ни опасностям, ни коварству, ни ненависти, ни зависти, ни порочной любви, ни всему тому подобному. Здесь они размышляют уже только о Царствии Небесном, беседуя в безмолвии и глубокой тишине с лесами, горами, источниками, а наиболее всего — с Богом. Жилища их чужды всякого шума, а душа, свободная от всех страстей и болезней, тонка, легка и гораздо чище самого тонкого воздуха. Занятия у них те же, какие были вначале и до падения Адама, когда он, облеченный славою, дерзновенно беседовал с Богом и обитал в преисполненном блаженства рае. И в самом деле: жизнь монахов чем хуже жизни Адама, когда он до преслушания введен был в рай возделывать его? Адам не имел никаких житейских забот: нет их и у монахов. Адам чистою совестью беседовал с Богом: так

и монахи; более того, они имеют гораздо больше дерзновения, нежели Адам, так как больше имеют в себе благодати по дару Духа Святого. Надлежало бы вам собственными глазами видеть это; но так как вы не хотите и проводите жизнь в шуме и на торжищах, то по крайней мере, на словах опишу вам хотя одну часть их образа жизни, всей же их жизни описать невозможно. Эти светильники мира едва начинает восходить солнце или еще до рассвета встают с ложа здоровые, бодрые и свежие (потому что их не возмущает никакая печаль, ни забота, ни головная тяжесть, ни труд, ни множество дел, ни что-нибудь другое тому подобное, но они живут, как Ангелы на небе). Итак, поспешно встав с ложа, бодрые и веселые, они все вместе с светлым лицом и совестью составляют один лик и как бы едиными устами поют гимны Богу всяческих, прославляя и благодаря Его за все благодеяния, как частные, так и общие. Поэтому, если угодно, оставив Адама, спрошу вас: чем отличается от Ангелов этот лик поющих и восклицающих на земле: *слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение* (Лк. 2, 14)? И одежда у них соответ-

ственна их мужеству. Они облечены не в длинные одежды, как люди изнеженные и расслабленные, но одежды их приготовлены, как у тех блаженных Ангелов: Илии, Елисея, Иоанна и прочих апостолов, у одних из козьей, у других из верблюжьей шерсти, а некоторым довольно одной кожи, и то совсем обветшавшей. Потом, пропев свои песни, с коленопреклонением призывают прославленного ими Бога на помощь в таких делах, которые другим не скоро бы пришли на ум. Они не просят ни о чем настоящем, у них не бывает об этом слова; но просят о том, чтобы им с дерзновением стать пред страшным престолом, когда Единородный Сын Божий придет судить живых и мертвых, — чтобы никому из них не услышать того страшного голоса: *не знаю вас!* (Мф. 25, 12) и чтобы в чистоте совести и обилии добрых дел совершить настоящую трудную жизнь и благополучно переплыть это бурное море. Молитвы же их начинает отец и настоятель. Потом, как, встав, окончат эти священные и непрестанные молитвы, с восходом солнечным каждый идет к своему делу и трудами многое приобретают для бедных (7).

МУДРОСТЬ

Поистине, добродетель есть источник и корень мудрости: как всякий порок берет начало от неразумия. И надменный, и гневливый человек увлекается этими страстями по недостатку благоразумия. Поэтому и пророк говорил: *смердят, гноятся раны мои от безумия моего* (Пс. 37, 6), показывая, что всякий грех получает свое начало от неразумия. Напротив, человек добродетельный, имеющий в себе страх Божий, мудрее всех; потому и некий мудрец говорит: *начало мудрости — страх Господень* (Притч. 1, 7). Если же бояться Бога значит иметь мудрость, а порочный не имеет этого, то, без сомнения, он лишен мудрости, а лишенный истинной мудрости бессмысленнее всех. Хотя многие удивляются людям порочным потому, что они могут делать другим обиды и вред, но они не понимают, что таких людей должно считать несчастнейшими из всех, потому что, думая вредить другим, они вонзают меч в себя самих; а это и есть признак крайнего безумия, когда кто, поражая самого себя, не сознает того, но думает, что он вредит другому, между тем как закаляет сам себя. Потому и

Павел, зная, что, поражая других, мы убиваем себя самих, говорит: *для чего бы вам лучше не терпеть лишения?* (1 Кор. 6, 7). Чтобы не быть обидимым, не надобно обижать; чтобы не терпеть зла, не надобно делать зла — хотя это может показаться загадкой людям обыкновенным и не желающим любомудрствовать. Итак, зная это, будем считать несчастными и оплакивать не обижаемых и оскорбляемых, а делающих другим обиды и оскорбления. Эти-то люди наиболее страдают, потому что они вооружают против себя Бога, отверзают уста тысяче обвинителей, приобретают худую славу в этой жизни и навлекают на себя великую казнь в будущем веке. Напротив, обижаемые и все великодушно переносящие преклоняют и Бога к милосердию, и всех людей к состраданию им, к похвалам и благорасположению. Такие люди, представляя величайшее доказательство своего любомудрия, и в этой жизни приобретают великую славу, и в будущей получают вечные блага (8).

Не то должен давать дающий, что Он может дать, но то, что может воспринять получающий.

Как мать может дать простого хлеба ребенку, питающемуся молоком, но ребенок не может воспользоваться им, так и для Бога не было бы невозможным предложить высшую и сверхъестественную мудрость, но мы ею не можем воспользоваться. Пока мы живем в смертном теле, мы воспринимаем знание, соответствующее смертной природе. Поэтому Бог ничего не говорил нам соответственно Своему совершенству, но соразмерял то, что говорил, с нашей слабостью. Поэтому Спаситель говорил: *еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить* (Ин. 16, 12); и в другом месте говорит Спаситель Никодиму: *если Я сказал вам о земном, и вы не верите, — как поверите, если буду говорить вам о небесном?* (Ин. 3, 12) (9).

Кто имеет дар мудрости, тот, передавая другому, умножает это богатство, делая мудрыми многих; а кто скрывает ее в себе, тот лишает себя богатства, не принося пользы другим. Также, кто имеет другие дары, тот, врачую многих, умножает свой дар; сам не теряет от передачи и многих других исполняет духовных дарований. Это правило остается неизменным

во всех духовных [благах]. Так бывает и с Царством [Небесным]: кто делает многих своими соучастниками в Царстве, тот тем более будет пользоваться им; а кто не желает иметь участником никого, тот и сам лишится многих благ. Если чувственная мудрость не истощается, когда многие приобретают ее, и художник не теряет своего искусства, когда делает художниками многих, то тем более приобретающий Царство не уменьшает его, а напротив, тогда и будет у нас богатство больше, когда мы многих призовем к нему.

Будем же приобретать то, что не истощается, но от раздаяния умножается; будем приобретать то, против чего никто не клеветает, чему никто не завидует. Если бы было такое место, откуда бы, как из источника, непрестанно истекало золото, и тем более истекало, чем более было бы почерпаемо, а другое место было бы такое, в котором закопано какое-нибудь сокровище, то откуда ты захотел бы получать богатство? Не из первого ли?

Конечно, оттуда. Но чтобы нам не описывать этого только словами, примените сказанное к воздуху и солнцу: они поглощаются всеми и наполняют все: и, однако, остаются одинаковыми и не

уменьшаются, хотя бы пользовались ими, хотя бы не пользовались. А то, о чем я говорю, гораздо больше. Мудрость духовная не остается одинаковой, хотя бы она была раздаваема или же не раздаваема, но более умножается именно тогда, когда бывает раздаваема (12).

МУЖ

Постарайся со всяким благоразумием исполнять свои обязанности в отношении к мужу. И мужу твоему, когда увещаю его любить и уважать тебя, я не дозволяю указывать на заповедь, данную жене, а требую от него исполнения предписанного ему. Потому и ты старайся исполнять свои обязанности и оказывай покорность своему мужу. Если хочешь повиноваться мужу для Бога, то не представляй мне его обязанностей, но тщательно исполняй те, которые Законодатель возложил на тебя. В том особенно и состоит повиновение Богу, чтобы не нарушать закона, даже в том случае, если сама ты терпишь противное. Кто любит любящего его, тот не делает ничего важного; а кто любит ненавидящего его, тот преимущественно достоин венцов. Так размышляй и ты: если будешь сносить жестокого мужа,

то получишь светлый венец; а если тихого и кроткого, то за что Бог будет награждать тебя? Говорю это не для того, чтобы подать мужьям повод к жестокостям, но чтобы убедить жену сносить и жестоких мужей. Когда каждый будет стараться исполнять свои обязанности, то и ближний не замедлит сделать то же. Так, когда жена бывает готова сносить гневливого мужа, тогда и муж не станет оскорблять гневливой жены, тогда во всем будет у них мир и пристань, не возмущаемая волнами. Так и было у древних: каждый исполнял свое, не указывая на обязанности ближнего. Смотри: Авраам взял с собой племянника, и жена не укоряла его за это. Он велел ей идти в дальний путь, и она не воспротивилась этому, но повиновалась. Потом после многочисленных бедствий, усилий и трудов, сделавшись господином всего, он уступил первенство Лоту, и Сарра не только не огорчилась этим, но даже не открыла уст и не сказала ничего такого, что многие жены говорят ныне, когда видят, что мужья их при подобных разделах получают менее других, особенно низших себя, порицают их, называют и глупыми, и несмысленными, и трусами, и беспечными, и ленивыми. Она

же не сказала и не подумала ничего такого, но осталась довольна всем, что он сделал. И еще более: когда его [Лота] постигла великая опасность после того, как он сам сделал выбор и предоставил дяде худшую часть, и когда патриарх, услышав об этом, вооружил всех своих домочадцев и с ними одними пошел против целого персидского войска, она не удерживала его и не сказала, например, так: куда идешь ты, человек, ввергая сам себя в пропасть, подвергаясь таким опасностям, готовясь пролить кровь за мужа, который обидел тебя и похитил твою собственность? Если ты не думаешь о себе, то пожалей меня, оставившую дом, отечество, друзей и родных, и последовавшую за тобой в такой путь, не подвергай меня вдовству и соединенным с вдовством бедствиям. Ничего такого она не сказала, не подумала, но все перенесла молча. Затем, оставаясь неплодной, она не скорбит и не плачет, подобно другим таким женам, но проливает слезы он — впрочем не пред женой, а пред Богом. И, заметь, как каждый соблюдает должное: он не презирает Сарры за ее неплодство и не укоряет ее за это, и она с своей стороны старается найти для него некоторое утешение

в бесчадии посредством рабыни. Тогда не запрещалось это, как запрещается ныне; ныне же непозволительно ни женам делать такое угождение мужьям, ни мужьям с ведома ли или без ведома жен вступать в такие связи, хотя бы они в тысячу раз более чувствовали бесчадие; иначе им будет сказано: *червь их не умирает и огонь не угасает* (Мк. 9, 44); ныне это не дозволяется, а тогда не запрещалось. Потому и жена предложила это, и он послушался, и поступил так не ради удовольствия. А посмотри, скажешь, как он потом по ее же требованию изгнал [служанку]. Но этим я и хочу доказать, что как он во всем слушался ее, так и она его.

Притом не ограничивайся этим, но, когда говоришь так, обрати внимание и на предыдущее, на то, что служанка оскорбила ее, стала гордиться пред госпожой; а что может быть прискорбнее этого для свободной и честной жены? Потому ты, жена, не ожидай доброты от мужа, чтобы после того показать и свою, в этом не будет ничего важного; и ты, муж, не ожидай благонравия от жены, чтобы после того и самому быть любомудрым — это уже не будет подвигом; но каждый, как я сказал, пусть первый исполняет свои

обязанности. Если и посторонним, ударяющим по правой щеке, должно подставлять другую, то тем более должно сносить жестокость мужа. Говорю это не для того, чтобы муж бил жену, нет; это крайнее унижение не для той, которую бьют, а для того, кто бьет; но если по каким-нибудь обстоятельствам ты, жена, сочелась с таким мужем, то не предавайся скорби, представляя ожидающую тебя за это награду и похвалу еще в настоящей жизни. И вам, мужья, скажу: никакой проступок не должен вынуждать вас бить свою жену. Что я говорю — жену? Благородному мужу непозволительно бить даже служанку и налагать на нее руки. Если же весьма бесчестно для мужа бить рабыню, то тем бесчестнее налагать руку на свободную. Это внушают и внешние [языческие] законодатели, которые не принуждают жену жить вместе с бьющим ее мужем как с недостойным ее сожителем. Подлинно, крайне незаконно — сообщницу жизни, издавна разделяющую твои нужды, позорить, как рабыню. Такой муж, если только можно назвать его мужем, а не зверем, по моему мнению, равен отцеубийце и матереубийце. Если нам заповедано оставлять для жены

отца и мать не в оскорбление им, но в исполнение закона Божия, и для самих родителей это настолько возжеленно, что они, будучи оставляемы, радуются и совершают брачное соединение детей с великим усердием, то не крайнее ли безумие оскорблять ту, для которой Бог повелел оставлять родителей? И безумие ли только? А бесчестие, скажи мне, кто может перенести? Какое слово может изобразить это [бесчестие], когда крики и вопли разносятся по улицам, когда соседи и прохожие стекаются к дому совершающего такое гнусное дело, сокрушающего, подобно какому-то зверю, все находящееся внутри? Лучше, если бы земля поглотила такого безумца, нежели после того ему опять показаться на торжище. Жена, скажешь ты, поступает дерзко? Но вспомни, что она — жена, слабый сосуд, а ты — муж. Ты для того и поставлен над ней начальником и главой, чтобы сносить слабость подчиненной. Старайся сделать свое правление славным; а славным оно будет тогда, когда ты не будешь бесчестить подчиненной. Как царь является сам тем более достойным почтения, чем более возвышает честь [подвластного себе] начальника, а когда унижает и бесчестит его

достоинство, тогда немало уменьшает и собственную славу, так и ты, бесчестя подвластную тебе начальницу, немало унижаешь честь и своей власти. Итак, представляя все это, будь благоразумен, а вместе с тем вспоминай и о том вечере, в который отец, призвав тебя, отдал тебе дочь свою, как бы некоторый залог, и, отлучив ее от всего, от матери, от себя самого и от дома, вручил все попечение о ней твоей деснице. Подумай, что после Бога ты от нее получил детей, сделался отцом, и потому будь кроток в отношении к ней (12).

МУЧЕНИЧЕСТВО

Многие из людей бедных, видя бедствия других и сравнивая с своими, считают свои бедствия сравнительно тягчайшими, то сравнивая себя не с другими, а с самими собою, они чувствуют скорбь, конечно, тем тягчайшую,

чем более прежний опыт дает чувствовать потерю. Так и бесчадие, испытываемое с самого начала, легче бесчадия, следующего за многочиселием. Не одно и то же — не получить чего-нибудь или после получения лишиться. Итак, мужественно переноси все случающееся; это для тебя — мученический подвиг. В самом деле, не только то составляет, мученичество, когда кто получает приказание принести жертву и не приносит ее, и даже решается лучше подвергнуться терзаниям, нежели исполнить это; но и то делает мучеником, когда кто, несмотря на боль, принуждающую роптать, решается терпеть и не говорить ничего непристойного. Так, Иов не за то увенчан, что получил повеление принести жертву и не принес ее, но за то, что мужественно перенес скорби. И Павел прославлен за то, что с благодарностью переносил бичевания, скорби и все прочее (2).

НАГРАДА

Господь знает сокровеннейшие наши помышления, и когда видит, что мы желаем должного и показываем в себе здравомыслие, то простирает к нам Свою руку и награждает нас прежде трудов наших, возбуждая нас этим к большей ревности. И это можно видеть в жизни всех праведников. Зная слабость человеческой природы, Он, чтобы мы не падали духом в тяжких трудах, часто среди трудов подает нам и помощь, и награды, — и труд наш облегчая, и ревность усиливая.(1)

Будем же мы, мужи, подражать, по крайней мере, женам и не покажем себя хуже их; будем заботиться не о том только, чтобы все свое достояние тратить на собственные удовольствия, но позаботимся и о призрении нуждающихся, и это будем делать с усердием и удовольствием. Земледелец, бросая в землю семена,

делает это не со скорбью, а с радостью и весельем, и с такой уверенностью оставляет в земле свои семена, как будто видит уже самые снопы. Так и ты, возлюбленный, не смотри на то, что получает от тебя бедняга и в какие издержки тебя вводит, но представляй себе, что Иной принимает из твоих рук то, что ты делаешь для бедного, стоящего перед тобой, и этот Иной не простой какой-нибудь человек, но Владыка всяческих, Господь всех, Творец неба и земли. И твои издержки становятся приобретением и не только не уменьшают твоего имени, но еще более умножают, если только делаешь ты это с верой и радостным усердием. Скажу о самом высшем благе: кроме других приобретений от таких издержек, подается тебе и отпущение грехов: а что может сравниться с этим благом? Итак, если мы желаем обогатиться истинным богатством, а вместе с богатством получить и прощение грехов, то передадим имущество свое в руки

нуждающихся, перешлем его на небо, где ни вор, ни разбойник, ни злодейство раба, ни другое что не в состоянии повредить нашему богатству. Страна та выше всякого подобного зла. Только будем делать это не из тщеславия, но по заповедям Божиим, стараясь не от людей приобретать похвалу, а от общего всех Господа: иначе и издержки понесем, и приобретения лишимся, потому что богатство, переносимое на небо руками бедных, делаясь недоступным для всех других наветов, может быть погублено одним тщеславием. Как здесь моль и червь вредят одежде, так богатству, собранному на небе милостыней, вредит тщеславие. Потому и умоляю: не только будем творить милостыню, но и с осторожностью будем творить ее, чтобы за малое получить великие блага, за тленное — нетленное, за временное — вечное и чтобы, кроме всего этого, возмогли мы получить и отпущение грехов, и вечные неизреченные блага (1).

Мы, которые всегда живем во грехах и пороках, если когда-нибудь сделаем какое-либо и малое добро, то по примеру безрассудных рабов с большою мелочнос-

тью высчитываем и со строгой точностью определяем вознаграждение, если только дело заслуживает какой-нибудь платы. Но ты получишь большую награду, если станешь работать не в надежде на награду. Ведь говорить об этом и точно высчитывать — это занятия, свойственные больше наемнику, нежели благоразумному слуге. Должно все делать для Христа, а не для награды. Потому Он и угрожал геенною, и обещал Царство, чтобы мы возлюбили Его. Итак, возлюбим Христа, сколько и должно любить: в этом великая награда, в этом Царство и радость, наслаждение и слава и честь, в этом свет, неисчислимое блаженство, которого не может ни слово выразить, ни ум постигнуть (11).

НАДЕЖДА

Когда мы сами заслуживаем, тогда и предстательство праведных приносит нам большую пользу. Напротив, если сами мы нерадивы, а всю надежду спасения нашего возлагаем на них одних [праведных], тогда нам не будет от этого лучше, не потому, чтобы праведники были бессильны, а потому, что мы собственным нерадением губим себя (1).

Только убеждаю любовь вашу подражать древним в добродетелях — в бракосочетании сыновей, в выдаче дочерей в замужество, и своими добродетелями преклонять к себе благоволение Божие. Если Бог будет благоволять нам, то, хотя бы мы были на чужой стороне, хотя бы лишены были всего и никому не были известны — будем славнее всех. Нет блаженнее человека, вспомоществуемого вышнюю рукою. Блаженный Иаков, пользуясь ее содействием, мало-помалу возвеличился до такой славы, что те самые, которые принимали его к себе как странника, стали ему завидовать. Позаботимся же и мы о том, чтобы удостоиться помощи свыше, и не будем прибегать к человеческому могуществу, искать защиты у него. Ничто так мало ненадежно, как эта защита, — что довольно показывают нам опыты дел человеческих. Каждый день мы видим быстрые перемены; видим, как все превращается и тот, кто недавно был наверху благоденствия, внезапно ниспадает в крайние бедствия и часто терпит участь осужденных. Каким же безумием было бы искать покровительства людей, которые сами находятся в такой неизвестности о своей судьбе и

не могут располагать с уверенностью даже своими собственными делами! Поэтому устраним себя от всякого человеческого покровительства, вспомнив и слова пророка: *Проклят человек, который надеется на человека* (Иер. 17, 5). Видишь, что не только безрассуден такой человек, но проклят за то, что, оставив Господа всяческих, обратился к подобному себе рабу, который и сам для себя не довольно силен. Будем избегать этого проклятия, умоляю вас, и всю надежду возложим на Бога. Это — надежда твердая, непоколебимая, неподвергающаяся изменению, как надежда на людей. Здесь или смерть пресекает покровительство и прибегающих к нему оставляет нагими и лишенными всего, или и прежде смерти происшедшая в обстоятельствах перемена делает все безуспешным и с той, и с другой стороны. Такими примерами наполнена вся настоящая жизнь. Поэтому и недостойны прощения люди, которые после стольких опытов все еще полагаются на человеческое покровительство, а часто и от своих мнимых покровителей терпят тысячи скорбей. До такой степени возросла злоба, что часто и за услуги платят не тем, чем следует. Только у Бога всяческих все

вопреки этому: Он постоянно благотворит нам, даже когда мы бываем неблагодарными; Он не лишает Своего покрова, несмотря на неблагодарность нашу, и всегда действует только по собственному человеколюбию (1).

Лучше надеяться на Господа, нежели надеяться на человека. Лучше уповать на Господа, нежели уповать на князей (Пс. 117, 8, 9). Здесь не делается сравнения (между Богом и людьми), но в Писании часто употребляется такой оборот речи и о предметах несравнимых, по немощи тогдашних слушателей. Итак, он [Давид] говорит это не для сравнения, а по снисхождению к слушателям. Поэтому другой пророк говорит: *проклят человек, который надеется на человека* (Иер. 17, 5). Нет ничего слабее такой надежды: она слабее паутины; и не только она слаба, но и опасна — это знают все те, которые надеялись на людей и погибли вместе с ними. Напротив, надежда на Бога не только тверда, но и безопасна, неподвержена никакой перемене. Поэтому Павел и сказал: *надежда не постыжает* (Рим. 5, 5), и другой Премудрый: *взгляните на древние роды и посмотрите: кто*

верил Господу — и был постыжен? (Сир. 2, 10)? Но я, скажешь, надеялся и посрамился. Не клеветщи, человек, не противоречь Божественному Писанию; если ты посрамился, то, конечно, потому, что не надеялся, как должно, ослабел, не дождался конца, стал малодушествовать. Не делай же этого, но, когда видишь наступающие бедствия, не падай духом; это собственно и есть надежда — стоять твердо среди опасностей (2).

Ни один человек из живущих честно не теряет уверенности относительно будущего, а с другой стороны многие из нерадивых, угнетаемые лукавою совестью, не желают ни суда, ни воздаяния. Итак, что же, неужели наши блага состоят в одних надеждах? Конечно, в надеждах, но не человеческих, которые часто разрушаются и посрамляют надеявшегося, когда обещавший покровительство умирает или хотя и жив, но переменяет расположение. Но не таковы наши надежды: они тверды и непоколебимы. Тот, Кто дал нам обетование, всегда жив, а мы, имеющие воспользоваться ими, хотя умрем, но опять воскреснем, так что нет ничего, что бы могло

нас посрамить, как напрасно и безрассудно утешавших себя пустыми надеждами (11).

НАКАЗАНИЕ

Мы должны оплакивать не тех, которые наказываются и страдают, а тех, которые грешат безнаказанно. Первое зло — грешить, а второе — согрешающим не получать никакого врачевания, или, справедливее сказать, это и есть первое и тягчайшее зло. Подобно тому как тяжело не болезни подвергаться, а заболев, не получать врачевания, и как мы жалеем не столько того, кто имеет гнилостную рану, сколько того, кто имея ее лежит и не получает помощи от врача, а кому делают отсечения и прижигания, того мы считаем возвращающимся к здоровью, обращая внимание не на боль, происходящую от резания, а на выздоровление, так должно думать и о душе: печалиться и скорбеть следует не о тех, которые наказываются — их возвращают к здоровью, — но о тех, которые грешат безнаказанно. Но, скажешь, если наказания удерживают от пороков, то почему мы не каждый день наказываемся за грехи? Потому что если бы так было, то род человеческий давно уничтожился

бы и не было бы времени для покаяния. Вспомни Павла. Если бы он был наказан за гонение и умерщвлен, то как он имел бы время покаяться, после покаяния совершить множество добрых дел и, так сказать, всю вселенную привести от заблуждения к истине? Не видишь ли, что и врачи, когда кто имеет много ран, употребляют лекарство не настолько сильное, какого требует свойство ран, но какое могут перенести силы больного, чтобы, врачую раны, не погубить больного? Поэтому и Бог наказывает не всех вдруг и не всех по заслугам, но слегка и постепенно; и часто, наказывая одного, вразумляет чрез него многих других (2).

Оставляют закон Божий те, которые нарушают и малейшую часть из написанного в нем и хотят исполнять его предписания по своему, а не по воле и намерению Законодателя. Не ходят в судьбах Божиих те, которые во время суда боятся богатого или милуют бедного, тогда как Бог хочет, чтобы суд был равен для всех. Оскверняют заповеди Его те, которые притворяются добродетельными, но на самом деле оскорбляют заповеди, поскольку исполняют их не от чистого сердца. Так как они

нарушают волю Заповедавшего, то и говорится, что они не хранят их. Беззакония таких людей Бог наказует жезлом и неправды их — ранами. Поэтому, когда мы подвергаемся наказанию, не будем обвинять Бога, не будем порицать, хотя бы мы подвизались в посте или какой другой добродетели, потому что и добрые дела мы совершаем не так, как должно, почему и нуждаемся в наказаниях (3).

Как же было бы сообразно с разумом, чтобы Судья праведный и воздающий всем равно меньше согрешивших наказывал, а тяжелее согрешивших оставлял без наказания? Не очевидно ли, что, предопределив день, в который будет судить вселенную, Он потому откладывает наказание, чтобы люди или от долготерпения его исправились или подверглись тягчайшему наказанию, если останутся в тех же грехах? Итак, когда мы, согрешая так же, как уже грешили другие, потерпевшие наказание, не терпим того же, то не будем самонадеянны, но еще более будем страшиться. Наказанием тех¹ Бог как бы изрек за-

кон, внушая и убеждая всех: Я для того наказал согрешившего вначале, чтобы и ты, согрешающий после них, ожидал себе того же, чтобы ты исправился и сделался лучшим. За одинаковые грехи назначены одинаковые наказания, хотя они не тотчас исполняются (4).

Кто даже от наказания не делается лучшим, тот, как бесчувственный и презритель, предается еще большей казни. И одно наказание само по себе достаточно должно быть для удержания и вразумления падшего однажды; но если он, не вразумившись от понесенного наказания, снова дерзает на то же самое, то по справедливости снова подвергается наказанию, которое сам на себя навлекает. Если же мы, и здесь после наказания за грехи впадая снова в те же грехи, подвергаемся уже тягчайшему наказанию, то не должны ли мы тем более страшиться и трепетать в ожидании будущих нестерпимых мук, когда, и согрешая, мы здесь не терпим никакого наказания? Почему же, ты скажешь, не все таким образом наказываются? Ведь мы видим многих порочных людей, которые хорошее имеют здоровье и в крепости сил наслаждаются

¹ Здесь имеются в виду жители Содома. — Прим. ред.

благоденствием. Но мы не должны полагаться на это, а поэтому-то больше и надобно оплакивать таких людей. Что они здесь ничего не терпят, это и есть залог тягчайшего там наказания. Изъясняя это, Павел говорит: *будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром* (1 Кор. 11, 32). Здесь — только вразумление, там — наказание (8).

Почему же, скажут, Бог не наказывает всех здесь? Чтобы иным дать предопределенное от Него время на покаяние. А почему не ограничивается по отношению ко всем только тамошними наказаниями? Чтобы не умножилось число неверующих Божию Промыслу. Почему из разбойников одни пойманы, а другие ушли от наказания? Где тут Божие человеколюбие и правосудие? Если бы вовсе никто не был наказываем, тогда можно бы было прибегнуть к этому доводу. Но когда одни наказаны, другие нет, хотя бы и больше грешили, то как это понять, что за одни и те же преступления не одинаковы наказания? Не придется ли признать, что наказание в этом случае является несправедливым? Итак, почему же не все наказываются здесь?

Послушай, как отвечает тебе на это сам Христос. Когда некоторые погибли от падения башни, то Христос на возникшее по поводу их смерти недоумение говорил: *думаете ли вы, что эти Галилеяне были грешнее всех Галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете* (Лк. 13, 2–5). Этим Он научает нас не полагаться на то, что при множестве наших преступлений остаемся без наказания, когда другие терпят его, потому что, если не покаемся, непременно будем наказаны. За что же, спросишь, терпеть вечное наказание нам, которые здесь грешили недолгое время? А за что здесь человек, в одну минуту сделавший одно смертоубийство, осуждается на всю жизнь на работу в рудниках? Скажешь: Бог так не должен поступать? А как же Он расслабленного тридцать восемь лет держал в столь тяжком недуге? А что за грехи наказан был тот болезнью, послушай, что говорит ему [Христос]: *вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже* (Ин. 5, 14). Впрочем, расслабленный, говоришь ты, получил все-таки освобождение от наказания, а там этого не будет. Действительно, тамошним наказаниям

конца не будет; послушай, как говорит об этом сам Христос: *червь их не умирает и огонь не угасает* (Мк. 9, 46). Так и должно быть: если жизнь вечная, то и наказание вечное. Или не знаешь, как Он угрожал иудеям? Исполнились ли эти угрозы или остались только на словах? Сказано: *не останется камня на камне* (Лк. 21, 6); и действительно, остался ли камень на камне? Христос сказал: *будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне* (Мф. 24, 21). Разве не сбылось и это? Прочитай историю Иосифа: у тебя займется дух при одном рассказе о бедствиях, какие претерпели иудеи на самом деле. Говорят, что эти ужасы не имеют себе примера в истории, что никогда не разражалось над народом такой войны. Напоминаю об них не с тем, чтобы огорчить вас, но чтобы обеспечить вам безопасность в будущем; ведь, утешая вас напрасными надеждами, я мог бы подвергнуть вас тягостнейшим наказаниям. И скажи мне: почему бы ты не заслуживал быть наказанным за грехи твои? Не предупредил ли тебя Бог обо всем? Не угрожал ли Он тебе? Не устрашал ли? Не употреблял ли тысячи средств для твоего спасения? Не даровал ли тебе баню возрождения и не про-

стил ли всех прежних грехов твоих? И после этого возрождения, после отпущения грехов не дал ли тебе, когда ты опять стал грешить, нового пособия — в покаянии? Не облегчил ли тебе способов получить прощение во грехах, сделанных и после этого? Итак, выслушай, что заповедал Бог. Если будешь прощать грехи ближнему, то и Я, говорит Он, прощу тебе. Разве это неудобно? *Спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите — и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю* (Ис. 1, 17, 18). Разве это трудно? *Говори ты, чтоб оправдаться* (Ис. 43, 26). Какая в этом тягость? *Искупи грехи твои милосердием к бедным* (Дан. 4, 24). Какой в том труд? Мытарь сказал: *будь милостив ко мне грешнику, и пошел оправданным* (Лк. 18, 13–14). Трудно ли подражать мытарю? Но и после всего этого ты не хочешь убедиться, что есть и казнь, и мучение. Может быть ты скажешь, что и дьявол не наказывается? Сказано: *идите в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его* (Мф. 25, 41). Но если нет геенны, то и он не наказывается. Если же дьявол наказывается, очевидно, что будем наказаны и мы,

которые делаем дела его. И мы преступаем волю Божию, хотя не в том самом, с чем он. Как же не боишься ты говорить дерзко о Боге, утверждая, что Бог человеколюбив, а потому не накажет? А если накажет, то — по твоему — выйдет, что Он уже не человеколюбив? Видишь, какие речи внушает вам дьявол (9)?

Много согрешающие должны больше бояться и страшиться, когда они не наказываются, нежели когда наказываются, потому что наказание их увеличивается от безнаказанности и долготерпения Божия. Поэтому будем смотреть не на то, что мы не наказываемся, но на то, не согрешили ли мы? Если же грешим и не наказываемся, то нам следует трепетать еще более. Скажи мне: если бы ты имел какого-либо раба и только угрожал бы ему, а не бил его, то когда он больше боялся бы, когда убегал бы, когда решился бы на бегство? Не тогда ли, когда бы ты только угрожал? Потому-то и мы внушаем не угрожать постоянно друг другу, чтобы страхом не смутить слишком душу, чтобы этим не мучить ее больше, чем ранами. В одном случае наказание бывает временное, а в

другом — постоянное. Поэтому, если никто не страдает теперь от этого серпа, не смотри на то, но подумай, делаются ли такие дела? Многое и теперь делается такое, что было во времена потопа; но потопа нет, потому что предстоит геенна и мучение. Многие грешат подобно содомлянам, но огненный дождь не сходит на них, потому что уготована река огненная. Многие дерзнули сделать то же, что фараон, но не подверглись одинаковому с ним наказанию, не потоплены в Черном море, потому что их ожидает море бездны, где наказание не будет сопровождаться бесчувствием и не окончится смертью, но где они будут мучиться, более и более подвергаясь наказанию, жжению и удушению. Многие дерзнули грешить подобно израильтянам, но змеи не угрызали их, потому что их ожидает червь нескончаемый. Многие дерзнули делать то же, что Гиезий, но не были поражены проказою, потому что вместо проказы им предстоит быть рассеченными пополам и подвергнуться одной участи с лицемерами (см. Мф. 24, 51). Многие клялись и нарушали клятвы, но, если они и избежали [наказания], не будем полагаться на это, потому что их ожидает скрежет зубов. Да и здесь,

может быть, они испытают и не избегнут [наказания], если не тотчас, то при других грехах, так что наказание будет более тяжким. И мы ведь часто по поводу малых (проступков) воздаем вполне и за великие. Итак, когда заметишь, что с тобой случилось что-нибудь, вспомни этот грех свой. Так именно было с сыновьями Иакова. Помните братьев Иосифа: они продали брата, покушались лишить его жизни или, лучше сказать, уже и лишили, сколько это от них зависело; обманули и опечалили старца — и ничего не потерпели. Но, спустя много лет, они подверглись крайней опасности и вспомнили об этом грехе. А что сказанное не выдумка, послушай, что сами они говорят: *мы наказываемся за грех против брата нашего* (Быт. 42, 21). Так точно и ты, когда случится что-нибудь, скажи: да, мы во грехе, потому что не послушали Христа, потому что клялись; частые клятвы и клятвopреступления пали на мою голову. Таким образом, исповедуйся, потому что и они исповедались и спаслись. Что из того, если не тотчас постигает наказание? Ведь и Ахав за Навуфея также не тотчас по преступлении потерпел то, что после испытал. Для чего же это бывает? Бог дает тебе время,

чтобы ты омылся, а когда ты медлишь, Он посылает, наконец, наказание (10).

Если бы наказание было злом для грешников, то Бог не присоединил бы зла ко злу и не восхотел бы сделать их еще худшими. Ведь тот, кто делает все, чтобы истребить зло, не может и увеличивать его. Итак, для грешника нет зла быть наказанным, а напротив, зло — не быть наказанным, подобно как зло для больного — не лечиться (11).

Если бы Бог не наблюдал за тем, грешим ли мы или делаем добро, то, может быть, было бы некоторое основание сказать, что нет наказания, а если Он так много печется о том, чтобы мы не грешили, и употребляет такие большие меры, чтобы исправить нас, то очевидно, что Он наказывает и согрешающих и венчает делающих добро. Обрати опять внимание на непостоянство [в суждениях] большинства людей. Здесь жалуются на Бога, что Он часто бывает долготерпелив и равнодушно взирает на то, что многие злодеи, распутники, притеснители остаются без наказания; там

опять горько и сильно ропщут на то, что Бог угрожает им наказанием, хотя, конечно, если последнее огорчает их, то первое следовало бы восхвалить и одобрить. О, безумие! О, скотское и ослиное рассуждение! О, грехолюбивая и преданная пороку душа! Ведь все эти суждения происходят от любви к удовольствиям, а если бы рассуждающие таким образом захотели прилепиться к добродетели, то они скоро убедились бы в геенне и не стали более сомневаться (11).

НАСМЕШКИ

Если кто станет осмеивать тебя — ты вспомни о твоём Владыке: Ему поклонялись с насмешкой, Его бесчестили и словами и делами, над Ним много смеялись, а Он не только не мстил тем же, но за все воздавал противным — кротостью и терпением. Ему-то станем и мы подражать (9).

Будут ли нас осмеивать или будем мы терпеть что-либо несправедливо — постоянно станем говорить: *раб не больше господина своего* (Ин. 15, 20), и будем представлять себе слова иудеев, которые они в неистовстве гово-

рили Христу: *ты Самарянин и бес в Тебе* (Ин. 8, 48); *изгоняет бесов не иначе, как [силою] вельзевула* (Мф. 12, 24). Для того Христос и потерпел все это, чтобы мы шли по стопам Его и терпеливо переносили насмешки. Насмешки раздражают несравненно более, чем ругательства, и однако же Он не только перенес их, но и все сделал для того, чтобы издевавшихся над Ним избавить и освободить от предстоящего им наказания. Так и апостолов Он послал для их спасения, и потому-то ты слышишь, как они говорят: [знаем], *что вы сделали это по неведению* (Деян. 3, 17), и такими словами привлекают их к покаянию (9).

НАЧАЛЬНИК

Кто не может защитить самого себя, тот как может спасать других? Нет ничего слабее и ненадежнее такой надежды. Это показывают сами дела. Павел, беседуя о надежде на Бога, сказал: *а надежда не постыжает* (Рим. 5, 5). Не таковы дела человеческие, они слабее тени. Не говори мне, что такой-то человек — начальник. И начальник в этом отношении не имеет никакого преимущества пред обыкновенным человеком; он подлежит такой же неизвестности.

Даже, если можно сказать нечто удивительное, потому особенно и не должно надеяться на него, что он — начальник. Такая власть весьма непрочна. Если он не падает, то бывает склонен к гневу и пользуется своею властью неблагонамеренно, как будто он не должен будет отдать отчет тому, кто принимал от него обет; если же он будет благонамеренный, то тем скорее в сравнении с частными людьми может подвергаться падениям, чем большими и многочисленнейшими бывает окружен кознями и тем легче он может быть уловлен, чем больше людей, строящих ему козни. Что значат телохранители? Что значат многочисленные стражи? Итак, кто в благоустроенном городе не может поручиться даже за собственное тело, но находится в таком тревожном состоянии, как будто находится среди неприятелей, тот как может спасти других? Кто во время мира боится больше находящихся на войне, тот как может других утверждать в безопасности и избавлять от опасностей? Многие сами по себе могли бы жить в безопасности, но погибли именно оттого, что надеялись на таких людей; когда эти последние падали, то они низвергались вместе с ними; для других самые

стражи делались предателями. Впрочем, пророк [Давид], оставив все это — потому что многие избегали подобных случаев, — указывает на то, что не подлежит сомнению, на смерть. Если даже, говорит, все будет у тебя идти благополучно, если он будет доброжелателен к тебе, благосклонен и готов на воздаяния, то, окончив жизнь среди обещаний, он оставляет тебя с пустыми надеждами, потому что ему не достало жизни для исполнения обещания. Если же он даже не имеет достаточно жизни для исполнения обещания, но жизнь его прерывается прежде исполнения, то ты прибегаешь к ненадежной помощи. Или вы не знаете, что так случилось со многими, и когда падал покровитель их, они, лишившись помощника, терпели от этого большее падение (3)?

Князи твои не покоряются (Ис. 1, 23). Это — знак величайшей болезни и развращения, когда сами врачи усиливают болезни. Начальники должны удерживать беспорядочные действия народа, располагать его к исполнению долга, делать покорным закону; если же они сами первые нарушают законы, то как они могут быть

учителями других? Выражение: *не покоряются* — значит не повинуются закону, не соблюдают заповедей, — как и Павел, обличая говорить: *как же ты, уча другого, не учишь себя самого?* (Рим. 2, 21). Когда испорчен корень, тогда чего доброго можно ожидать от ветвей (4)?

Человек, ты превозносишься властью? Но какая власть, скажи мне, дана тебе? От людей ты получил власть; доставь же себе власть внутренне, в самом себе. Начальник не тот, кто так называется, а кто таков на самом деле. Как врачом или ритором не может сделать и царь, так и начальником, потому что не грамота и не название делают человека начальником. Пусть, если угодно, кто-нибудь построит лечебницу, соберет учеников, приобретет и инструменты, и лекарства, и будет посещать больных: достаточно ли этого, чтоб быть врачом? Нет, нужно еще искусство, а без него все это не только не приносит никакой пользы, но приносит даже вред. Кто сам не врач, тому лучше и не иметь у себя лекарств, так как кто не имеет их, тот не может ни излечить, ни повредить; а кто имеет, но не умеет пользоваться

ими, тот может повредить. Лечение зависит не только от свойства лекарств, но и от искусства, предписывающего их: когда нет его, тогда все извращено. Так и начальник: положим, что он имеет инструменты, т.е. голос, гнев, палачей, ссылки, почести, подарки, похвалы, имеет лекарства — законы, имеет больных — людей (слуг), имеет мастерскую — судилище, имеет учеников — воинов; но если он не знает науки врачевания, то все это не принесет никакой пользы. Судья есть врач душ, а не тел; если же врачевание тела требует такого попечения, то тем более врачевание души, потому что душа важнее тела. Таким образом, носить имя начальника еще не значит быть начальником. Некоторые называются великими именами, как-то: Павлом, Петром, Иаковом, Иоанном; но от этих имен они не делаются тем, чем называются; например, я сам: я ношу одно имя с тем блаженным [апостолом], но я не тоже, что он; я не Иоанн, а только называюсь так. Так и те — не начальники, а только называются так. Бывают начальники и без этого названия, подобно как врач, хотя бы и не прилагал к делу своего искусства, а имел его в душе, есть врач. Начальники — те, которые умеют управлять

сами собою. К душе имеют отношение следующие три предмета: дом, город и вселенная; во всем есть постепенность. Кто хочет быть начальником дома и хорошо управлять им, тот прежде всего должен устроить свою собственную душу, потому что она — ближайший его дом. Если же он не в состоянии управлять самим собою, там, где одна душа, где сам он господин, где он всегда сам у себя, то как он будет управлять другими? Кто мог устроить свою душу и одно в ней сделать господствующим, а другое подчиненным, тот будет в состоянии управлять и домом; кто домом, тот и городом, а кто городом, тот и вселенной. Если же кто не в состоянии управлять своею душою, то как он может править вселенной? Все это сказано мною для того, чтобы мы не превозносились властью, чтобы знали, что такое власть. Иначе это не власть, а посмешище, рабство, и тысячами других подобных наименований можно бы назвать это. Скажи мне, в самом деле, что свойственно начальнику? Не приносит ли пользу и благодетельствовать подчиненным? Что же, если этого не будет? Как может принести другим пользу тот, кто не сделал добра самому себе? У кого в ду-

ше господствуют бесчисленные страсти, тот как обуздает их в других? (10)

НЕВИННЫЕ

Что может быть несправедливее того, чтобы наказывались те, которые не властны в делах своих, и чтобы подвергались осуждению люди, которых путь и жизнь находятся не в их власти? Таким образом, когда он является молящим Бога о том, чтобы наказание их не было слишком жестоким, то выражает не что иное, как то, что они достойны осуждения и наказания; а это показывает не что иное, как свободу их воли. Если бы они не были властны в делах своих, то не нужно было бы и просить, чтобы они подверглись более легкому наказанию, и даже совершенно наказывать их; или, лучше, не нужна была бы и просьба, потому что Бог не имеет нужды в чьей-нибудь просьбе о том, чтобы Он не наказывал невинных. Но что я говорю: Бог — когда не делает этого и человек благоразумный? (4)

НЕНАВИСТЬ

Кто любит, тот никогда не может ненавидеть, что бы ни случилось: в этом величайшее благо

любви. Таков был Павел; потому он и говорил: *не возбужу ли ревность в сродниках моих по плоти* (Рим. 11, 14), и не переставал надеяться; и Тимофея увещевал так: *рабу же Господа не должно ссориться, но быть приветливым ко всем, учительным, незлобивым, с кротостью наставляя противников, не даст ли им Бог покаяния к познанию истины* (2 Тим. 2, 24–25). Как, скажешь, неужели не должно ненавидеть даже врагов и язычников? Должно ненавидеть, но не их, а их учение, не человека, а порочную жизнь и развращенную волю. Человек есть дело Божие, а заблуждение — дело диавола. Потому не смешивай Божиего с диавольским. Иудеи хулили, гнали, оскорбляли Христа и говорили о Нем много злого, но ненавидел ли их Павел, который любил Христа более всех? Нет, напротив, он любил их и делал все для них; то он говорил: *желание моего сердца и молитва к Богу о них во спасение* (Рим. 10, 1); то: *я желал бы сам быть отлученным от Христа за них* (Рим. 9, 3). Так и Иезекииль, видя погибель их, говорил: *о, Господи Боже! неужели Ты погубишь весь остаток Израиля?* (Иез. 9, 8). И Моисей также говорил: *прости им грех их* (Исх. 32, 32). Почему же Давид

говорит: *Мне ли не возненавидеть ненавидящих Тебя, Господи, и не возгнущаться восстающими на Тебя? Полною ненавистью ненавижу их: враги они мне* (Пс. 138, 21–22). Не все в псалмах Давидовых сказано самим Давидом; так, в них говорится: *живу у шатров Кидарских* (Пс. 119, 5); и еще: *При реках Вавилона, там сидели мы и плакали* (Пс. 136, 1), — между тем он сам не видал ни Вавилона, ни селений Кидарских. С другой стороны, от нас [христиан] требуется ныне высшее любомудрие; так, когда ученики просили, чтобы сошел огонь, как во время Илии, то Христос сказал: *не знаете, какого вы духа* (Лк. 9, 55).

Тогда иудеям заповедано было ненавидеть не только нечестие, но и самих нечестивых, чтобы дружба с ними не послужила им поводом к беззаконию; потому им запрещено было вступать в родственные связи с язычниками и смешиваться с ними, и со всех сторон поставлены были между ними преграды; но теперь, когда [Бог] привел нас к высшему любомудрию и поставил выше подобной опасности, то заповедует входить в общение и беседовать с ними, потому что нам от них нет вреда, а им от нас бывает польза. Что же, скажешь, делать? Должно

не ненавидеть, а оказывать милость; ведь, если ты будешь ненавидеть, то как можешь обратить заблуждающегося, как будешь молиться за неверного? А что надобно молиться за него, о том, послушай, как говорит Павел: *итак прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков* (1 Тим. 2, 1); но тогда не все были верующими, как всякому известно. И далее: *за царей и за всех начальствующих* (1 Тим. 2, 2); но они были нечестивые и беззаконные, как тоже известно. Потом, показывая причину, почему нужно молиться, присовокупляет: *ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины* (1 Тим. 2, 3–4). Потому же, когда случится язычнице-жене быть в супружестве с верующим, он не расторгал брака; между тем, что ближе мужа к жене? *Будут*, — говорит [Писание], — *одна плоть* (Быт. 2, 24), и оттого бывает между ними великая любовь и горячая привязанность. Если мы станем ненавидеть нечестивых и беззаконных, то, простираясь далее, будем ненавидеть и грешников; а идя таким путем, мало-помалу отделимся от большей части братий, или, лучше,

от всех, потому что нет никого без греха. Если должно ненавидеть врагов Божиих, то должно ненавидеть не только нечестивых, но и грешников; а в таком случае мы будем хуже зверей, отвращаясь от всех и надмеваясь гордостью, подобно фарисею. Но Павел заповедал не так, — а как? *Вразумляйте бесчинных, утешайте малодушных, поддерживайте слабых, будьте долготерпеливы ко всем* (1 Фес. 5, 14). Как же, скажешь, он говорит: *если же кто не послушает слова нашего в сем послании, того имейте на замечании и не сообщайтесь с ним* (2 Фес. 3, 14)? Правда, это сказано о братиях; но не просто, а тоже с кротостью; не оставляй без внимания и последующего, прибавь и то, что сказано далее. А именно, сказав: *не сообщайтесь, он присовокупил: не считайте его за врага, а вразумляйте, как брата* (2 Фес. 3, 15).

Видишь ли, как он повелевает ненавидеть худое [дело], а не человека? Дело диавола — отторгать нас друг от друга; он сильно старается истребить любовь, чтобы пресечь путь к исправлению и удержать его в заблуждении, а тебя во вражде и таким образом заградить ему путь к спасению. Если врач будет ненавидеть и

убегать больного, а больной отворачиваться от врача, то может ли больной выздороветь, когда он не будет призывать врача и врач не будет приходить к нему? Почему же, скажи мне, ты отвращаешься и убегаешь от него? Потому ли, что он нечестив? Но потому и надобно приходить и врачевать, чтобы восстановить больного. Хотя бы он страдал неисцельной болезнью, тебе повелено делать свое дело. Иуда также одержим был неисцельной болезнью, но Бог не переставал врачевать его; потому и ты не ослабевай. Хотя бы при всем старании ты не мог освободить его от нечестия, все же ты получишь награду, как бы освободил его, и расположишь его удивляться твоей кротости, и таким образом всячески прославится Бог (12).

НЕСЧАСТЬЯ

Чем более потерпишь несчастий, ведя строгую жизнь, тем сделаешься крепче; чем более станешь держатьсялюбимудрия, тем менее будешь иметь нужды, а чем менее будешь иметь нужды, тем более укрепляешься и всех превосходишь. Таков был Иоанн, почему его никто не мог опечалить; напротив, он опечалил Ирода.

Тот, не имея ничего, восстал против властелина; а этот, облеченный в диадему и багряницу и другие бесчисленные украшения, трепещет и страшится лишнего всего, и даже не мог взирать без ужаса на отсеченную голову его. А что Ирод и по смерти Иоанна имел сильный страх, то послушай, что он говорит: это есть Иоанн, которого я убил (см. Лк. 9, 9). Слово «убил» показывает, что Ирод не превозносился этим, но укрощал свой страх и побуждал свою мятущуюся душу припомнить, что он убил Иоанна. Добродетель так сильна, что и по смерти могущественнее живых. Потому же и при жизни Иоанна приходили к нему обладавшие великим богатством и вопрошали его: *Что же нам делать* (Лк. 3, 10)? Столько вы имеете и хотите узнать путь к вашему счастью от того, который ничего не имеет? Богатые — от нищего? Воители — от не имеющего даже и дома? Таков был и Илия, почему с таким же дерзновением говорил к народу. Иоанн говорил: *порождения ехиднины* (Мф. 3, 7); а этот: *долго ли вам хромать на оба колена* (3 Цар. 18, 21)? Этот говорил: *убил, и еще вступаешь в наследство?* (3 Цар. 21, 19); а тот: *не должно тебе иметь ее* (Мф. 14, 4). Видишь ли камень, видишь ли, как легко

храмина, построенная на песке, распадается? Как легко она уступает напастям? Как легко зыблется, хотя бы она принадлежала царю, хотя бы народу, хотя бы властелину? Порок последователей своих делает безрассуднейшими; и храмина, построенная на песке, распадается не просто, но с великим бедствием... И в самом деле, здесь опасность угрожает не маловажным вещам, но душе, и притом лишением неба и нетленных тех благ. Но и прежде того порочный будет проводить жизнь самую несчастную, сопряженную с непрерывными печальми, страхом, заботами и сильными беспокойствами, на что указывая, Премудрый говорит: *нечестивый бежит, когда никто не гонится [за ним]* (Притч. 28, 1). Действительно, таковые люди трепещут теней, подозревают друзей, врагов, рабов, знаемых и незнаемых, и таким образом прежде вечных мучений еще здесь терпят жесточайшее мучение (6).

Как я могу, спросишь, не испортиться под влиянием несчастий? Если поймешь, что хочешь или не хочешь, но ты должен перенести то, что терпишь; и если станешь переносить с благодаре-

нием, то получишь весьма большую пользу, а если будешь сетовать, негодовать и роптать, то и несчастья своего этим не убавишь, и воздвигнешь еще большую бурю. Имея такие мысли, мы все, что бы ни случилось с нами по необходимости, будем принимать так, как бы происходило это по нашему желанию. Положим, например, что один потерял любимого сына, а другой — все имущество; если ты рассудишь, что избежать происшедшего было невозможно, а с другой стороны, что из неустранимого несчастья можно извлечь для себя и некоторую пользу и мужественно перенести случившееся, и если ты вместо хулы воздашь хвалу Господу, то несчастья, постигшие тебя против твоей воли, вменяются тебе в заслугу, как бы происшедшие по твоему желанию. Узнаешь ли ты, что похищен сын преждевременною смертью, — скажи: *Господь дал, Господь и взял* (Иов 1, 21). Увидишь ли, что оскудело твое имущество, — скажи: *наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь* (Иов 1, 21). Ты видишь, что злые благоденствуют, а праведные злополучны и терпят тысячи несчастий, и не умеешь найти причину происходящего? Скажи: *как скот был я пред Тобою.*

Но я всегда с Тобою (Пс. 72, 22–23). А если ты желаешь узнать и причину этого, то помысли, что Бог назначил день, в который будет судить вселенную, и у тебя исчезнет всякое недоумение, так как тогда каждый получит по заслугам, как Лазарь и богатый. Приведи себе на память апостолов: они подвергались бичеванию и гонению, терпели тысячи бедствий, они радовались, что удостоились принять поругание за имя Христова. И ты, если страдаешь каким-либо недугом, переноси болезнь мужественно и благодари Бога — и таким образом получишь такую же награду, как и апостолы (11).

НИЩИЕ

Мы слишком пренебрегаем нищими. [Вот теперь] время поста, такие наставления и поучения о спасительных догматах, непрерывные молитвы, ежедневные собрания, а какая польза от всего этого назидания? Никакой. Выходя отсюда, мы видим ряды нищих, чинно стоящих по ту и другую сторону, и так безжалостно проходим мимо, как будто пред нами столбы, а не человеческие существа. Мы так спешим домой, как будто видим бездушные статуи, а не живых людей. К этому побуж-

дает голод, скажут. Но голод-то пусть заставит остановиться: ведь сытые желудки, по пословице, не разумеют голодного, а голодные по собственной потребности способны понимать и чужую нужду; лучше же [сказать] — и при этом не могут вполне понять всю эту нужду? Ты бежишь к готовому столу и не можешь потерпеть и немного. А бедный стоит до самого вечера, спеша и стараясь собрать насущный хлеб и видя, что день окончился, а денег еще не собрано столько, сколько нужно на насущный хлеб, скорбит, волнуется и вынуждается делать то, что выше его сил. Вот почему вечером [нищие] налегают на нас сильнее, клянутся, божатся, плачут, рыдают, протягивают руки и по неволе делают без стыда весьма многое другое. Они боятся того, чтобы по удалении всех в дома не пришлось блуждать им в городе, как в пустыне. Как потерпевшие во время дня кораблекрушение, ухватившись за доску, стараются до вечера приплыть в пристань, чтобы с наступлением ночи, оставшись вне пристани, не потерпеть окончательного крушения, — так и бедные, боясь голода, как кораблекрушения, спешат до вечера собрать столько денег, сколько нужно им на хлеб,

чтобы по удалении всех по домам не остаться им вне пристани. А пристань для них — руки помогающих. Но мы не трогаемся их несчастьями ни на площади, ни возвратившись домой. Напротив, и тогда, как приготовлен для нас столъ, часто наполненный бесчисленными благами (если можно назвать благом то, что мы съедаем в осуждение своего бесчеловечия), когда [говорю] приготовлен для нас стол, мы остаемся бесчувственными, несмотря на то, что слышим, как они ходят внизу по узким переулкам, громко кричат на перекрестках, страдают в глубочайшей тьме и совершенной пустоте. Да и насытившись, и отходя ко сну, и в это время слыша опять, что они громко стонут, оставляем без внимания, как будто слышим лай собаки, а не человеческий голос. И не обращаем внимания ни на время — как в позднюю ночь, когда все уже спят, один он скорбит, ни на маловажность просьбы — как он просит у нас хлеба или несколько денег, и ничего больше, ни на тяжесть его несчастья — как он борется с непрерывным голодом, ни на скромность просителя — как он, будучи угнетаем такой нуждой, не осмеливается подойти к дверям и стать близко, а выражает свою

просьбу внизу, на большом расстоянии. Если получит, то воссылает бесчисленные молитвы; а если не получит, то и при этом не произносит жесткого слова, не бранит и не ругает тех, которые могли бы подать и не подают. Напротив, как ведомый палачом на жестокую казнь, хотя просит и умоляет всех проходящих, не получает однако никакой помощи и без пощады приводится на казнь, так и этот, выводимый голодом, как палачом, на ночь к тяжкому бодрствованию, протягивает руки и громкими криками упрашивает сидящих наверху, в домах, но, не встречая никакого человеколюбия, отвергается безжалостно и с большою жестокостью. Но ничто это не трогает нас. И после такого бесчеловечия мы осмеливаемся простирать руки к небу, просить Бога о милости и молить о прощении наших грехов! И не боимся того, что после такой молитвы упадет на нас молния, после такой жестокости и бесчеловечия! Как, скажи мне, мы идем ко сну и на покой и не боимся того, что этот самый нищий приснится нам худой, грязный, одетый в рубище, печальный, плачущий и обвиняющий нас в жестокости? От многих часто слышал я, что, отказав во время дня в помощи бедным,

ночью видели себя связанными веревками, влекомыми руками нищих, терзаемыми и терпящими многие страдания. Но это только сон, призрак, временное мучение. А мы не боимся, скажи мне, того, что этого печального, вопиющего, плачущего нищего придется увидеть нам на лоне Авраама, как видел Лазаря тот богач? (см. Лк. 16, 23). Что следует отсюда, предоставляю [почувствовать] вашей совести, — те горькие и неумолимые наказания, то, как [богатый] просил воды, как не получил и капли, как горел язык его, как, несмотря на великую просьбу, не получил помилования и как мучился бесконечно. Дай нам Бог не испытать этого, услышав угрозу на словах, избежать ее на деле, и, явив себя достойными любви праотца Авраама, достигнуть одного с ним места (1).

Подумай, как ты будешь умолять Бога о помощи, когда отвергаешь пришедшего к тебе нищего. *Какою, — сказано, — мерою мерите, [такою] и вам будут мерить* (Мф. 7, 2). Подумай, с каким сокрушением он отходит: голова его склонилась долу, он плачет, при нищете он получил еще новую рану от презрительного с ним об-

ращения. Если и просить милостыню вы считаете крайним несчастьем, то подумай, какую бурю испытывает тот, кто просит, но не получает и еще отходит поруганным. Доколе мы будем уподобляться диким зверям и забывать самую природу из любостязания? Многие вздыхают при этом, но я хочу, чтобы вы не теперь только, а всегда имели такое сострадание. Подумай о том дне, когда мы предстанем на Суд Христов, когда будем просить о помиловании себя и Христос, поставив нищих пред лице всех, скажет нам, что из-за одного хлеба и одного овола вы возбудили такую бурю в этих душах. Что мы ответим? Чем оправдаемся? А что Он поставит их пред лице всех, это ты можешь узнать из Его слов: *так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне* (Мф. 25, 45). Не они уже будут обращаться к нам с речью, а Бог будет обличать нас за них. Когда и богач увидел Лазаря — Лазарь ничего не сказал ему, но говорил за него Авраам. Так будет и с нищими, которых мы презираем. Мы увидим их не в жалком виде, не с простертыми руками, но в состоянии покоя; а между тем сами явимся в их виде. И, о, если бы мы явились только в их виде, а

не подверглись гораздо тягчайшему наказанию! Ведь богач не от крупниц только желал там насытиться, а томился в пламени, жестоко мучился и слышал: *ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь — злое* (Лк. 16, 25) (9).

Мы лишаемся всех благ, делаемся беднее всякого нищего, потому что украшаем те дома, которых,

переселяясь отсюда, мы не можем взять с собою, и не радеем о тех, которые можно перенести вместе с собою и туда. Ведь истлевшие тела нищих, без сомнения, воскреснут. И тогда Бог, заповедавший любить нищих, собрав их, похвалит тех, которые заботились о них, и подивится тому, что они всякими способами старались поддерживать их жизнь, которая готова была угаснуть то от голода, то от наготы и холода (11).

ОДЕЖДА

Когда ты вышиваешь сапоги свои шелковыми нитями, которыми неприлично испещрять даже одежду, — каких укоризн, какого смеха достойно это? Если же ты пренебрегаешь нашим мнением, то выслушай сказанное Павлом, который со всей строгостью запрещает это, и тогда почувствуешь, как это смешно. Что же говорит Павел? *Не плетением волос, не золотом, не жемчугом, не драгоценною одеждою* (1 Тим. 2, 9). Стоишь ли ты какого извинения, когда Павел и жене не позволяет носить драгоценные одеяния, а ты допускаешь такую пышность в сапогах, и выдумываешь тысячи нарядов, достойных осмеяний и порицания? Для этих нитей строят корабли, набирают гребцов, кормчего и корабельщика, распускают паруса, переплывают море; для них купец, оставив жену, детей и отечество, вверяет жизнь свою волнам, отправляется в страну варваров, подвергается бесчисленным

опасностям, а ты после всего этого, взяв эти нити, нашиваешь себе на сапоги, украшаешь кожу. Что может быть хуже такого бессмыслия? Не таково было одеяние древних; напротив, оно прилично было мужам. Из этого заключаю, что со временем наши юноши без всякого стыда будут употреблять женскую обувь. И, что всего несноснее, отцы, смотря на это, не негодуют, а считают это ничего не значащим. Хотите ли, скажу нечто и того еще несноснее? То именно, что делается это тогда, как у нас много бедных. Хотите ли, представлю вам Христа, томимого голодом, нагого, преследуемого, связанного? Скольких молний достойны вы, которые не хотите обратить внимания на Христа, не имеющего нужной пищи, и между тем с такой заботливостью украшаете кожи! Христос, когда давал наставления ученикам Своим, не позволил им даже иметь сапог, а мы не только не умеем ходить босыми ногами, но и обуваться, как должно. Что же может быть

беспорядочнее, смешнее этого? Все это показывает человека изнеженного, грубого, жестокого и суетного. Достанет ли досуга заняться чем-либо нужным тому, кто тратит время на такие излишества? Достанет ли досуга такому юноше позаботиться о душе или даже подумать, что есть у него душа? Тот мелочен, кто принужден удивляться пышной обуви; тот жесток, кто для нее презирует нищих; тот чужд всякой добродетели, кто все свое старание употребляет на такие наряды. С любопытством рассматривая доброту нитей, живость красок, вытканые из них узоры, найдет ли он время воззреть на небо? Есть ли время подивиться красоте небес у того, кто пристрастился к красоте кож и поник в землю? Бог простер небо и возжег солнце для того, чтобы привлечь взор твой горе, а ты принуждаешь себя потупляться в землю, подобно свиньям, и повинешься дьяволу. Подлинно злой этот дух изобрел такие гнусные вещи, чтобы, отвлекая тебя от небесной красоты, привлечь ими к земле. И Богу, указывающему небо, предпочитается дьявол, показывающий кожи или даже и не кожи (потому что и они — произведение Божие), а напыщенность и ухищрение. Поникнув к

земле, идет юноша, которому надлежало бы мудрствовать о небесном, тщеславится своими сапогами более, чем какой-нибудь важной заслугой; едва ступает по торжищу, сам себе причиняя напрасные печали и огорчения, — боясь, как бы в ненастье не замарать сапоги грязью, а в летнее время не запылить. Что скажешь на это, человек? Такой роскошью ты всю душу свою поверг в прах и, беспечно смотря на то, что она пресмыкается по земле, так много заботишься о сапогах! Подумай, для чего они употребляются, и устыдись того мнения, какое о них имеешь. Сапоги сделаны для того, чтобы попираť ими грязь, навоз и всякую нечистоту на полу. Если это для тебя несносно, возьми повесь их на шею или положи на голову. Вы смеетесь, слушая это, а мне приходится плакать, видя безумие таких людей и их заботливость о сапогах. Они скорее согласятся замарать в грязи тело, нежели эти кожи. Такие люди, насколько бывают мелочны, настолько, с другой стороны, сребролюбивы. Кто привык до безумия заботиться о таких украшениях, тому надобно много тратить на одежду и на все прочее, а потому и большие иметь доходы. Если отец у него щедр, то такой человек

более и более предается этому пороку и дает усиливаться безрассудной прихоти, а если скуп, то принужден прибегать к другим бесчестным средствам, чтобы иметь деньги на такие издержки. Вот отчего многие из молодых людей продали красоту свою, сделались шутами у богатых и унизились до других рабских услуг, чтобы за это приобрести только возможность исполнять такие свои прихоти. Отсюда видно, что такой человек будет сребролюбив и суетен, нерадивее всякого в делах нужных и неминуемо впадет во многие проступки. Неоспоримо также и то, что он должен быть жестокосерд и тщеславен. Жестокосерд, когда, видя бедного, по страсти к нарядам не удостаивает его и взора, и хотя сапоги украшает золотом, но на нищего, тающего от голода, не обращает и внимания. Тщеславен же, когда ничтожными вещами старается уловить внимание зрителей. Не столько ведь, думаю, военачальник гордится победами, сколько распутный юноша нарядностью сапог своих, длинными одеждами, прической волос, хотя всем тем обязан искусству других. А если тщеславятся чужим, то как не тщеславиться своим? Сказать ли еще и того худшее или для вас

довольно и этого? Итак, окончим наше слово. Да и это говорил я для тех, которые упорны и не находят в таких нарядах ничего неприличного. Знаю, правда, что многие юноши не обратят и внимания на слова мои, потому что упились уже страстью. Однако же из-за этого не должно молчать. Если у отцов есть ум и они еще в силе, то они могут и по неволе обратить их к должной благопристойности. Итак, не говори: и то не важно, и другое не беда. Это-то именно все и губит. Следует учить их и относительно таких предметов и в самых, по-видимому, малостях делать степенными, великодушными, пренебрегающими нарядами. Таким образом, они успевают и в важнейшем. Что маловажнее изучения азбуки? Однако же начавшие с нее делают риторам, софистам, философам. А не знающие азбуки и этих наук никогда не узнают. Все же это говорим не для одних только юношей, но и для жен и девиц. И они ведь подлежат тем же упрекам, и тем более что девице особенно нужна скромность. Итак, все сказанное юношам, приложите и к себе, чтобы нам опять не повторять того же. Но время уже заключить слово наше молитвой. Помолитесь же вместе со

мной, чтобы юноши, особенно христианские, могли жить скромно и достигнуть приличной им старости; ведь тем, которые не так живут, не хорошо дожить и до старости. Но кто в молодости живет как старик, тому желаю дожить до глубоких седи́н, сделаться отцом добрых детей, возвеселить своих родителей, а прежде всего — Бога, его сотворившего; совершенно освободиться не только от недуга щеголять обувью и одеждами, но и от всех душевных болезней. Какова неводеланная земля, такова и юность, оставленная в небрежении: она произрастает много терний. Итак, пустим огонь Духа, погасим злые вожделения, обработаем нивы, приготовим их к принятию семян; потщимся, чтобы наши юноши были целомудреннее иных стариков. То и достойно удивления, когда целомудрие блистает в юноше. Кто целомудрен в старости, тот заслуживает небольшую награду; его самый возраст делает уже целомудренным. Чудно то, чтобы среди волнения наслаждаться тишиной, в печи не сгорать, в юности не предаваться распутству (7).

Послушайте жены, послушайте мужа! Нам нужна не эта злато-

тканая одежда, украшающая наше тело, но одежда, которая бы украшала душу. Но нам трудно облечься в эту одежду, пока мы будем носить первую. Нельзя украшать вместе и душу, и тело. Нельзя вместе работать маммоне и служить, как должно Христу. Итак, оставим эту худую привычку, которая господствует над нами. Ты, конечно, не снес бы великодушно, если бы кто украсил дом золотыми занавесами, а тебя заставил сидеть в рубище, почти нагим. Но вот ты теперь сам это делаешь с собой, украшая жилище души твоей, т.е. тело, бесчисленными дорогими одеждами, а душу оставляя в рубище. Неужели ты не знаешь, что царю надобно более украшаться, нежели городу? Поэтому-то для города приготавливают одежду из льна, а для царя — порфиру и диадему. Так и ты должен прикрывать тело наиболее дешевой одеждой, а ум одевать в порфиру, украшать венцом и сажать на высоком и блистательном троне. А теперь делаешь совсем наоборот: разнообразно украшаешь свой город, а царя — ум оставляешь влачиться в узах за необузданными страстями. Неужели ты не понимаешь, что ты зван на брак и на брак Божий? Неужели не представляешь,

что званную в этот торжественный чертог душу твою надобно будет ввести облеченной и украшенной золотыми одеждами? Хочешь ли, я покажу тебе одетых в брачную одежду? Припомни тех святых, о которых я недавно говорил вам, — святых, облеченных во власяницы, живущих в пустынях. Они-то особенно носят эти брачные одежды. А отсюда очевидно, что какие бы ты ни давал им порфирные одежды, они не согласятся взять их; но как царь, если бы кто велел ему надеть худую одежду бедняка, отвергнул бы ее с презрением, так отвергнут и они его багряницу. И это они делают не по чему-либо другому, а потому, что знают красоту своей одежды. Потому же презирают они и пышное одеяние, как паутину. Вретище научило их этому. Действительно, они гораздо выше и славнее самого царя. Если бы ты мог отворить двери сердца их и увидеть душу их и всю красоту внутреннюю, — ты упал бы на землю, будучи не в состоянии вынести сияния красоты, светлости тех одежд и блеска их совести (7).

Твой брат по рождению — разумею рождение духовное — погибает от голода, а ты изнемогаешь

от пресыщения. Брат ходит с обнаженным телом, а ты и для одежд устрояешь одежды, чтобы охранить их от червей чрез такие покровы. А не гораздо ли лучше было бы прикрыть ими тела бедных? Тогда и одежды остались бы целыми, и ты был бы свободен от всякой заботы, и это приобрело бы тебе будущую жизнь. Если не хочешь, чтобы одежды твои съедены были молью, отдай их бедным: они умеют хорошо вытряхивать эти одежды. Притом тело Христово и почетнее, и безопаснее шкафа. Оно не только сберегает одежды, не только сохраняет невредимыми, но и делает их блистательнее. Шкаф часто похищают вместе с платьем, и чрез то подвергают тебя крайнему убытку. Но этому хранилищу не может повредить самая смерть. Тут не нужно нам ни дверей, ни запоров, ни бодрствующих слуг, ни других каких подобных предосторожностей. Оно не доступно ни для какой злонамеренности, и что сохраняется в нем, так же безопасно, как если бы было на небесах; туда не может проникнуть никакое зло (8).

Если ты хочешь оказать соболезнование умершему — я укажу

тебе способ погребения и научу тебя облекать его в такие одежды, которые восстанут с ним и представят его в блистательном виде. Эти одежды ни молью не истребляются, ни временем не разрушаются, ни ворами не похищаются. Какие же это одежды? Это — одеяние милостыни. Эта одежда восстает вместе с умершим, потому что печать милостыни навсегда остается с ним. Этими-то одеждками будут блистать те, которые тогда услышат: вы напители Меня, когда Я алкал. Эти одежды делают умерших славными, знаменитыми и безопасными, а одежды нынешние — не что иное, как пища моли и трапеза червей. И это я говорю не потому, чтобы запрещал иметь попечение об умерших; но для того, чтобы вы делали это с умеренностью, прикрывали лишь тело и не предавали его земле нагим. Если и живым не следует иметь ничего больше, как только покров тела, то тем более — умершим, потому что мертвое тело не столько нуждается в одежде, сколько живое и дышащее. Пока мы живем, нам нужно одеяние и по причине холода, и для благоприличия; а коль скоро мы умерли — у нас нет этих нужд, и только для того, чтобы тело не лежало нагим, нам нужны погребальные

пелены. Самые же лучшие у нас погребальные пелены, это — земля, покрывало прекраснейшее и самое приличное нашему земному телу. Итак, если теперь, когда у нас столько нужд, не надобно искать ничего излишнего, то тем более неуместна пышность тогда, когда нет таких нужд.

Но люди, скажешь, которые увидят это, станут смеяться. Если бы и стал кто смеяться, на того, очевидно, не следует обращать большого внимания, как на человека совершенно глупого. Многие, напротив, скорее будут удивляться нам и восхвалять наше любоумудрие. Не это достойно смеха, но то, что мы теперь делаем, когда плачем, рыдаем и как бы погребаем себя с умершими. Вот что достойно и смеха, и наказания; а любоумудрие во всем этом, равно как и соблюдение умеренности в одежде, доставляет нам венцы и похвалы. В этом случае все нас восхвалят, подивятся силе Христовой и скажут: о, как велика сила Распятого! Он убедил смертных и тленных, что смерть не есть смерть, и вот они поступают так, как будто они не умирают, но переселяются в лучшую страну. Он убедил их, что это тленное и земное тело облечется в одежду гораздо блистательнейшую

шелковых и златотканых одежд, облечется в нетление — и потому они не много заботятся о похоронах, но считают самым лучшим погребальным украшением добродетельную жизнь (9).

Видишь нагого и странника (поистине наг и странник, для небес не пекущийся о добродетельной жизни)? Возьми его в дом свой, одень в одежды добродетели, сделай гражданином неба. А что, скажешь, если я сам наг? Одень наперед себя самого; если знаешь, что ты наг, то, конечно, знаешь и то, что ты должен одеться. Если только ты знаешь свойства этой наготы, то легко можешь узнать и свойственное ей одеяние. Как многие женщины носят шелковые одежды и поистине обнажены от одежд добродетели! Таких пусть одевают мужья. Но они не принимают этих одежд, а хотят тех? Сделай сначала так: возбуди в них желание этих одежд, покажи, что они наги, беседуй о будущем Суде, скажи, что там нужны будут нам другие [одежды], а не те [шелковые]. Если позволите мне, то и я покажу эту наготу. Нагой во время стужи цепенеет, дрожит, стоит скорчившись и поджавши руки, а во

время жара не делает этого. Если теперь я покажу, что и богатые мужи и богатые жены тем более бывают наги, чем более одеваются, то не гневайтесь. Скажи мне: когда мы рассуждаем о геенне и тех мучениях, не больше ли цепенеют и дрожат эти, нежели те — нагие? Не вздыхают ли они тяжело и не осуждают ли самих себя? Когда они приходят к кому-нибудь и говорят: помолись обо мне, не то же ли самое говорят они, что и те? Впрочем, теперь, что бы мы ни говорили, эта нагота не будет видна вполне; она будет видна там. Как и каким образом? Когда эти шелковые одежды и драгоценные камни погибнут и в одних только одеждах добродетели и порока явятся все; когда бедные будут облечены великою славою, а богатые в наготе и безобразии будут влечены на мучения. Кто был изнеженнее того богача, облакавшегося в порфиру? Кто беднее Лазаря? А кто из них говорил, подобно нищим? И кто наслаждался блаженством (см. Лк. 16, 19–25)? Скажи мне: если бы кто украсил дом свой множеством покрывал, а сам сидел внутри его нагим, какая была бы польза? Так бывает и с женами. Дом души, т.е. тело, одевают множеством украшений, а госпожа дома сидит внутри

нагая. Откройте, прошу, душевные очи, и я покажу вам душевную наготу. Что такое одежда души? Ясно, что — добродетель. А что нагота? Порок. Как если обнажить кого-нибудь из свободных, то он стыдится, стесняется и убегает, так точно и душа, не имеющая этой одежды, когда мы хотим взглянуть на нее, стыдится. И теперь, думаешь, многие не стыдятся ли и не удаляются ли в самую глубину, как бы ища какого покрывала и занавеса, чтобы не слышать этих слов? А другие, ничего не сознавая за собою, веселятся, радуются, утешаются и восхищаются сказанным. Послушай о блаженной Фекле. Она для того, чтобы увидеть Павла, отдала свое золото; а ты не отдаешь и обола, чтобы увидеть Христа; удивляешься поступкам ее, но не подражаешь ей. Не слышишь ли, как слово [Божие] ублажает милостивых? *Блаженны милостивые*, — говорит, — *ибо они помилованы будут* (Мф. 5, 7). Какая польза от драгоценных одежд? Доколе мы будем пристрастны к этому украшению? Будем одеваться славою Христовою, будем облекаться тою красотою, чтобы нам и здесь получить похвалу, и там сподобиться вечных благ (10).

ОСУЖДЕНИЕ

Будь судьей над самим собой и над своими прегрешениями. В этом тебе никто не препятствует, — а между тем ты и грехи свои таким образом исправишь, и не потерпишь от этого никакого вреда. Если же, забывая о себе, ты восседаешь как судья над другими, то нечувствительно собираешь сам себе только большие бремена грехов. Так и мы, умоляю вас, будем всячески избегать осуждения ближних. Хотя ты и не имеешь судебной власти, а осуждаешь только мыслью, тем не менее делаешься виновным в грехе, когда, не имея никаких доказательств, осуждаешь, как часто случается, по одному подозрению и пустой клевете. Потому-то и блаженный Давид восклицал: *Тайно клеветующего на ближнего своего изгонно* (Пс. 100, 5) (1).

Не осуждай строго других и не будь жестоким судьей, но кротким и человеколюбивым. Ведь и мы, если не виновны ни в прелюбодеянии, ни в расхищении могил, ни в воровстве, зато имеем другие согрешения, достойные многих наказаний. И брата часто называли

глупцом, а это подвергает нас геенне, и на женщин смотрели невоздержными очами, а это равняется совершенному любодеянию; но что всего хуже — не участвуем достойным образом в Таинствах, что делает нас повинными Телу и Крови Христовой. Не будем же строгими исследователями чужих дел, но станем помышлять о своих собственных, и тогда мы не будем так бесчеловечны и жестоки. Кроме того, нужно и то сказать, что там мы найдем много и добрых людей, стоящих часто целого города. И в той темнице, где был Иосиф, находилось много порочных, однако обо всех заботился этот праведник; да и сам содержался [там] вместе с другими. Он стоял всего Египта и, однако, жил в темнице, и никто из бывших там не знал его. Так и теперь, быть может, там много есть честных и добрых людей, только они не всем известны, и попечение о таких людях вознаграждает тебя за заботы о всех. А если бы не было и ни одного такого, то и в этом случае будет великое воздаяние. И сам Господь твой не с праведными только беседовал: Он не убегал и нечистых, а напротив, и хананеянку принял с великою благосклонностью, и грешную и нечис-

тую самарянку. Принял также и уврачевал и другую блудницу, из-за которой и порицали Его иудеи, и позволил омочить ноги Свои слезами грешницы, научая нас быть снисходительными к грешникам. Вот в чем состоит по преимуществу человеколюбие. Что ты говоришь? В темнице живут разбойники и грабители могил? А разве в городе, скажи мне, все живут праведники? Нет ли, напротив, многих таких, которые хуже и тех и предаются разбою с большим бесстыдством? Те, если не другим чем, прикрываются, по крайней мере, пустынею и тьмою и делают это в тайне; эти, напротив, отбросив личину, совершают зло с открытым лицом, предаваясь насилию, хищничеству и любостязанию. Да и трудно найти человека, чистого от неправды (8).

Ничто так не делает презренными, как нанесение обид; и ничто так не делает почтенными, как перенесете обид. Первый (причиняющий обиды) есть злодей, а последний (переносящий обиды) есть человек любомудрый; тот ниже человека, а этот равен Ангелам. Хотя бы (оскорбляемый) был и меньше оскорбителя, однако и он,

если бы захотел, мог бы мстить; а как он не делает этого, то все и сострадают ему, а того ненавидят. Чтож? Не гораздо ли поэтому он лучше первого? На того все будут смотреть как на безумного, а на него — как на благоразумного. Поэтому, если кто станет побуждать тебя осудить кого-нибудь, скажи ему: я не могу сказать что-нибудь худое про него; боюсь, что он, быть может, не таков. Никогда не говори [худого о другом] даже и в уме, тем более пред другими. Не ропщи на него и перед Богом. Если узнаешь, что о нем отзываются худо, защити его; скажи: это слова страсти, а не человека, гнева, а не друга, исступления, а не души (10).

ОТЕЦ

Поспешим же, возлюбленные, как показать ревностное усердие, так и с надлежащим благочинием и с должным расположением исполнять его... Так поступают и чадолюбивые отцы: они предлагают детям не только то, что доставляет радость на краткое время, но и то, что причиняет скорбь, и внушают им не только то, что тотчас оказывает пользу, но и то, что кажется тяжким, но бывает спасительным по исполнении, и этому

последнему научают с особенным усердием и настойчиво требуют от них соблюдения (4).

Отче наш, сущий на небесах (Мф. 6, 9). Отцом называешь, человек, Бога? Справедливо: конечно, Он — всем Отец. Но в таком случае старайся, чтобы дела твои были угодны Отцу твоему. Если же дела твои злы, тогда, конечно, отцом твоим является дьявол: он источник всякого зла. Поэтому старайся удалиться от него и угождать благому Отцу и Создателю твоему (9).

Бывает тоже, как если бы какой отец своему слишком нежному и притом больному сыну давал пирожное, прохладительное и все, что только услаждает, а полезного ничего не предлагал и потом на замечания врачей стал бы говорить в свое оправдание: «Что же делать? Я не могу видеть плачущего сына». Несчастный, жалкий, предатель! — ведь я не назову такого отцом — не гораздо ли лучше было бы, причинив кратковременную скорбь, возвратить ему совершенное здоровье, нежели временное услаждение сделать причиною всегдашней скорби? То же бывает

и с нами, когда мы заботимся о красоте выражений, о составе и благозвучии речи, чтобы доставить удовольствие, а не принести пользу, чтобы возбудить удивление, а не научить, чтобы усладить, а не обличить, чтобы получить рукоплескания и отойти с похвалами, а не исправить нравы (10).

Таков [греховен] был тот юноша, который, расточив все свое имущество, дошел до последней порочности, сделавшись расслабленнее всякого больного и помешанного в уме. Но как только он пожелал, вдруг сделался молодым от одного лишь расположения и перемены мыслей. Как только он сказал: возвращусь к отцу моему (см. Лк. 15, 18), одно это слово или, правильнее сказать, не только слово, но и дело, последовавшее за словами, доставили ему все блага. Он не сказал: пойду и — остался, но сказал: пойду и — пошел и совершил весь путь свой. Станем так поступать и мы; если мы будем увлечены на чужую сторону, то возвратимся в отеческий дом и не побоимся продолжительности пути. Если только пожелаем, наше возвращение будет удобно и весьма скоро, оставим только чужую и неродную нам сторону, то

есть грех, который далеко отводит нас от родительского дома. Итак, оставим грех, чтобы скорее возвратиться под отеческий кров. Отец любвеобилен и не меньше, а еще больше полюбит нас кающихся, чем угождавших Ему, так как и блудного сына отец удостоил тогда большой чести и сам, нашедши сына, обрадовался в большей мере. Но как мне возвратиться? — говоришь ты. Положи только начало дела, и все уже сделано; остановись в порочной жизни и не иди далее — и ты уже все получил. Как и с больными и то уже составляет начало улучшения, если не делается им хуже, то же бывает и в отношении козлу: не иди далее — и порочные дела придут у тебя к концу. Если ты будешь так поступать в продолжение двух дней, то на третий тебе будет легче воздержаться, а к трем дням ты потом приложишь десять, после — двадцать, потом — сто, потом — и целую жизнь. Чем далее станешь подвигаться вперед, тем легче будет казаться твой путь; наконец, достигнешь самой вершины и тогда сразу насладишься многими благами. Ведь и тогда, когда возвратился блудный сын, явились свирели, гусли, лики, пиршества и празднества; тот, кто должен был потребовать у сына

отчета в безвременной расточительности и в таком продолжительном бегстве, не сделал ничего подобного, но встретил его, как заслужившего похвалу, не сказал ему ни одного укоризненного слова, даже не показал вида, что вспомнил о прежней его жизни, но обнял его, поцеловал, заколол теленка, облек в одежду и много украсил его. И мы, имея такие примеры, сделаемся смелыми и не будем отчаиваться. Ведь Бог не столько радуется, когда Его называют Владыкою, сколько тогда, когда Его называют Отцом, не столько тогда, когда Он приобретает раба, сколько тогда, когда приобретает сына, и Ему более угодно иметь сына, чем раба. Все, что Он ни делал, Он делал для этого именно и не пощадил Единородного Своего, чтобы мы получили усыновление, чтобы мы любили Его не только как Владыку, но и как Отца. И если Он достигает этого от нас, то превозносится, как и тот, кто прославляет Его; всем об этом объявляет, хотя не имеет нужды ни в чем нашем. Это Он делал и с Авраамом, непрестанно повторяя: Я Бог Авраама, Исаака и Иакова. Хотя следовало бы слугам хвалиться этим, но теперь Господин открыто делает это. Потому и Петра спрашивает:

любишь ли ты Меня больше, нежели они? (Ин. 21, 15), — показывая, что прежде любви ничего от нас не требует. Потому и Аврааму велел принести сына в жертву, чтобы показать всем, как сильно любит Его патриарх. А желание быть сильно любимым происходит от сильной любви. Потому и апостолам Христос говорил: *кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня* (Мф. 10, 37) (11).

Христос одних называет чадами Божиими, а других сынами диявола, сынами противления, сынами геенны, сынами погибели. Так, Тимофей по добродетели сделался сыном Павла и наименован *истинным сыном* (1 Тим. 1, 2); а сына сестры Павла мы не знаем и по имени, хотя по плотскому рождению он был близок Павлу, но никакой пользы не получил от этого, а Тимофей далек был и по плотскому рождению, и по месту жительства, как гражданин города Листры, однако же стал всех ближе. Потому и мы постараемся сделаться сынами святых или, лучше, сделаемся сынами Божиими. А что нам можно сделаться сынами Божиими, послушай, что сказано: *будьте совершенны, как*

совершен Отец ваш Небесный (Мф. 5, 48). Потому и в молитве мы называем Бога Отцом и тем напоминаем себе не только о благодати, но и о добродетели, чтобы нам не делать ничего недостойного такого родства. Но спросишь: как можно сделаться сыном Божиим? Если ты свободен будешь от всех страстей, а по отношению к оскорбителям и обидчикам будешь вести себя кротко. Так и Отец твой поступает с теми, которые хулят Его. И Христос, хотя и часто говорил о многих предметах, но нигде не говорил: будьте подобными Отцу вашему, но когда сказал: *благовторите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас* (Мф. 5, 44), тогда упомянул и об этой награде за подвиг. Ничто так нас не приближает к Богу и не делает подобными Ему, как это совершенство. Потому и Павел, когда говорит: *подражайте Богу* (Еф. 5, 1), — разумеет именно это (11).

ОТЧАЯНИЕ

Тот поистине достоин отчаяния, кто сам отчаивается; он уже не имеет надежд спасения. Не столько страшно — впасть в глубину зол, сколько — ввалившись

оставаться в ней; не столько нечестиво — впасть в глубину зол, сколько — ввалившись, оставаться беспечным. Почему же, скажи мне, ты не заботишься о том, о чем особенно должен стараться? Ты пал, получив столько ран? Но нет никакой душевной раны неисцельной; на теле много таких ран, а в душе ни одной; и о тех мы непрестанно заботимся, а об этих нисколько не беспокоимся (10).

Не от множества грехов происходит отчаяние, но от нечестивого настроения души. Поэтому, хотя бы ты впал во все роды пороков, скажи самому себе: Бог человеколюбив и желает нашего спасения: *если, говорит Он, будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю* (Ис. 1, 18), т.е. изменю в противоположное состояние. Не будем же отчаиваться; не столь опасно пасть, как, упав, лежать; не столь страшно быть раненным, как, будучи раненным, не желать исцеления, потому что *кто может сказать: «я очистил мое сердце, я чист от греха моего»?* (Притч. 20, 9). Говорю это не для того, чтобы сделать вас более беспечными, но чтобы удержать вас от отчаяния (12).

ПАДЕНИЕ

Он [Павел], будучи под законом Христовым и соблюдая высочайший закон, был для не имеющих закона как без закона, для иудеев — как иудей, являясь в том и другом отношении совершеннее и выше всех. Так поступай и ты: не думай, что ты падаешь, если, будучи высоким, делаешь для брата что-нибудь уничиженное. Это не значит падать, а снисходить; кто падает, тот лежит и сам едва ли может встать; а кто снисходит, тот и встанет с великим приобретением, подобно как Павел снисходил один, а восстал со всей вселенной. Он не лицемерил; если бы лицемерил, то не искал бы пользы спасаемых. Лицемер ищет гибели других и лицемерит для того, чтобы взять, а не для того, чтобы дать. А он — не так, но как врач, как учитель, как отец снисходят первый к больному, второй к ученику и третий к сыну для пользы их, а не для вреда, — так и он (12).

ПАМЯТЬ

Вот род безумия: давать свои названия зданиям, полям, баням и считать это величайшим для себя утешением, гоняться за тенью вместо истины. Если ты, человек, хочешь приобрести себе вечную память, то не названия свои давай зданиям, а воздвигай трофеи добрых дел, которые и в настоящей жизни сохраняют твое имя, и в будущей доставят тебе вечный покой. Если ты желаешь и помогаешь оставить по себе память, то я укажу тебе путь к ней, истинный и несомненный: старайся быть добродетельным. Ничто так не делает имени человека бессмертным, как добродетель. Это доказывают мученики, доказывают останки апостолов, доказывает память живших добродетельно. Сколько царей воздвигали города, строили пристани, давали им имена свои и по смерти не получили себе никакой пользы, предались молчанию и забвению? А рыбарь Петр, не сделавший ничего

такого, но преданный добродетели, занял царственный город и после смерти сияет светлее солнца. Но то, что ты делаешь, смешно и постыдно. Эти самые памятники не только не делают тебя славным, но делают даже смешным, раскрывая против тебя уста всех. Тогда как твое любостяжание могло бы со временем быть предано забвению, эти здания стоят везде, как столбы и трофеи, свидетельствующие о твоём любостяжании (2).

Скажи мне, что может быть безумнее людей, занимающихся гробницами и памятниками и удивляющихся надписаниям чужих имен? Ничто не оставляет о нас памяти, кроме одной добродетели, ни дом, ни статуя, ни дети, и ничто другое подобное. Дом есть дело строителя, статуя — дело художника, дети — дело природы, а к твоей славе это нисколько не относится (2).

Желательны дела, что они сохраняют нашу память бессмертною, не дозволяют ей быть преданною забвению... Имя добродетели лучше, чем имя сынов и дочерей, не только потому, что сохраняется

память о нас, но и потому, что мы славимся добрыми делами и не подвергаемся наказаниям по причине ложного мнения. Если кто приобретает имя чрез дурные дела, то память о таком погибнет вследствие забвения о злых делах. Иуда известен во вселенной, но на зло и на гибель ему самому; славен также и Павел, но к добру и пользе вспоминающих. Не напрасно я сказал об этом — я вижу многих созидателей величественных дворцов, поставляющих себе прекрасные погребальные памятники не ради чего иного, как только затем, чтобы посредством сооружений оставить себе имя и память в этом мире после смерти. Но таковыми делами они приобретают себе бесполезное и ложное утешение. Какую пользу принесут умершему украшенные здания? Хотя бы многие говорили: этот дворец или эта гробница принадлежит такому-то, однако в этом нет никакой пользы, а даже великий вред. Таковой [человек] подвергается обвинению, как скупой, неимущий, малодушный, хищник, грабивший сирот и вдов, чтобы соорудить себе гробницу или поставить памятник. А этот памятник стоит как бесполезное изображение, являясь обвинителем зла его самого, памятником о его

преступлениях. Даже те, которые охотно пожалели бы умершего, теперь не пожалеют; он сделал не иное что, как оставил для живых бессмертное обвинение, оставив памятник, бесполезный для имени и славы. Позабойся, человек, оставить себе имя и память в лице помнящих людей, которые бы иногда возвещали о твоих добродетелях, которые бы говорили: мы жили чрез тебя, чрез тебя мы освободились от бедствий, чрез тебя мы приняли утешения и избавились от несчастий. Вот это память, это имя — когда пользуются благами люди, помнящие и мудрые, а не камень, не известь, не земля, то есть люди, которые ради тебя воздают благодарность Богу (4).

ПЕЧАЛЬ

Господь сохранит тебя от всякого зла, сохранит душу твою Господь (Пс. 120, 7). Тот, Кто не попускает тебе подвергаться даже малым неприятностям и до такой степени простирает Свое попечение и промышление, конечно, еще более защитит тебя от всего другого. Великая печаль отступает и проходит от мановения Божия, чего у людей не может быть. Человек часто от одного зла избавил, а от другого — не мог или и мог, но не

хотел; а всемогущая и всеильная десница Божия, какое бы ни случилось бедствие, может прекратить его, может избавить и освободить тебя от всего. *Господь будет охранять выхождение твое и вхождение твое отныне и вовек* (Пс. 120, 8) (2).

Не будь нечувствителен и неблагодарен; никому не возможно быть всегда в скорбях; этого не перенесет природа [человеческая]. Но так как мы всегда желаем быть в радости, то и думаем, что всегда находимся в печали. Кроме того, так как радостное и приятное мы скоро забываем, а печальное всегда помним, то и говорим, что всегда находимся в печали. Человеку по природе его невозможно быть всегда в печали (7).

Велика сила печали, и много нам нужно мужества, чтобы с твердостью противостоять этой душевной болезни и, извлекая из ней пользу — так как и в ней есть нечто полезное, — избегать всего излишнего. Именно, только тогда хорошо печалиться, когда мы или другие грешим; а когда мы впадаем в обыкновенные человеческие несчастия, тогда печаль бесполезна (9).

ПИСАНИЕ СВЯЩЕННОЕ

С благоговением и с большим страхом, возлюбленные, будем внимать сказаниям Божественного Писания. В нем ничего не написано без цели и напрасно, но все с пользой и к нашему благу, хотя мы иного и не разумеем, потому что мы не можем знать всего в точности, и хотя пытаемся, сколько можем, излагать причины некоторых [сказаний Писания], однако и затем много еще остается в нем сокровенного, сокровищ, скрытых от нас и неисследимых (1).

В море Писания нет борьбы волн; напротив, это море спокойнее всякой пристани. Здесь нет нужды спускаться в мрачные недра бездны, вверять свою безопасность течению неразумных волн; напротив, здесь великий свет, который ярче самых солнечных лучей, полная тишина, никакой тревоги, а польза от находимого такова, что невозможно и выразить словом (1).

Будем же внимать Писаниям, возлюбленные! И если не другое

что, то, по крайней мере, Евангелие да будет для нас предметом особенного внимания, да будет всегда в наших руках. Ведь только что откроешь эту книгу, тотчас увидишь пред глазами имя Христова и тотчас услышишь слова: *Рождество Иисуса Христа было так: по обручении Матери Его Марии с Иосифом, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святаго* (Мф. 1, 18). А кто услышит это, тотчас пожелает девства, поведется рождению, отрешится от земли. Немаловажно и то, что ты увидишь Деву, сподобившуюся Духа, и Ангела, беседующего с нею. Между тем это еще в начале. Если же ты будешь продолжать чтение до конца, то тотчас отвергнешь все житейское и будешь смеяться над всем земным. Если ты богат — за ничто почесть богатство, когда услышишь, что она, обрученная тектону и происшедшая из смиренного дома, сделалась Матерью твоего Владыки. Если ты беден — не будешь стыдиться своей бедности, когда узнаешь, что Творец мира не устыдился беднейшего дома. Помышляя об этом, ты не станешь брать того, что принадлежит другим; напротив, скорее сам сделаешься любителем бедности и будешь презирать богатство. А достигнув этого, ты

избежишь всякого зла. Далее, когда увидишь Его лежащим в яслях, тогда не будешь стараться украсить свое дитя золотом или устроить для своей жены серебряное ложе. А не заботясь об этом, ты не станешь из-за этого лихоимствовать и похищать. Много и других выгод можно получить, которых нельзя теперь пересказывать в подробности; но их узнают те, которые сделают опыт. Потому умоляю вас и приобретать книги [Священного Писания], и усвоить себе мысли их, и начертывать их в душах. Иудеям, так как они не были внимательны, повелено было привешивать книги к рукам; а мы даже и не на руках, а в доме полагаем их, тогда как надлежит отпечатывать их в сердце (8).

Желающие получить какой-либо плод от того, что прочитывается, не должны оставлять без внимания ни одного слова. Потому-то и заповедано нам исследовать Писания, что многое, что с первого взгляда представляется простым, включает в себе глубокий сокровенный смысл (8).

Многие невежды и неутвержденные извращают Божественное

Писание; смотрите, не верьте им. Зло и пороки мощной волной разливаются по земле, соблазны обильны. Но смотрите, не обольщайтесь: не уклоняйтесь ни направо, ни налево, шествуйте царским путем. Оставаясь твердыми в вере, вы, возлюбленные, никогда не будете одиноки: если не на земле, то на небе много верных, к постоянному общению с которыми вы должны стремиться. Там лики Ангелов, там патриархи, пророки, апостолы, евангелисты, там мученики, святые исповедники, там преподобные, просиявшие отшельнической жизнью, одним словом — великое множество тех, имена коих в книге жизни. Их возлюбите, им поревнуйте, от них не отлучайтесь, память о них имейте в сердцах своих днем и ночью, их книги постоянно держите в руках и читайте, чтобы получить от них великую пользу. Обогащайтесь словом правды, чтобы иметь возможность и противников обличать, и суесловящих посрамлять, и еретикам заграждать уста, и падающих вразумлять и обращать. Вникайте в Божественные Писания, чтобы в случаях смущения и замешательства вам не теряться, но в Божественном Писании находить твердую опору (9).

При взгляде на луг уже издали бросается в глаза прелестное разнообразие цветов, красоту которых, впрочем, возможно рассмотреть лишь тогда, когда подойдешь к ним настолько, что можно брать руками. То же самое можно наблюдать, возлюбленный, и в отношении Церкви, только здесь в качестве цветов предлагаются желающим чтения из боговдохновенных Писаний. Удивительные явления можно бы наблюдать в этих духовных садах; здесь можно видеть ликующих пророков, начальствующих апостолов, торжествующих мучеников, Ангелов, содействующих людям, учителей, подвижающихся в борьбе за благочестие; здесь можно видеть изобильную благодать Духа, словесные стада, запечатленные Владычною кровью, и наконец, то, что выше всего сказанного, вершину благ, утверждение надежд, главу наслаждения, совершенство радости, — я разумею Евангелия Христовы, в которых предлагается совершенствование нашей жизни. Итак, обратим взоры свои сюда — к Владыке Христу, дарующему всякое наслаждение рабам Своим. Здесь мы увидим, как от них отгоняются недуги, море утишается, ветры прекращаются,

смерть запрещается, ад лишается добычи, демоны изгоняются, грешники обращаются к своему Владыке. Эти дары предложил Христос в Божественных Евангелиях, в которых нам возвещено и то, как праведники сияют больше солнца, и то, как члены больных укрепляются, расслабленные, носимые на постелях, начинают ходить, мытари становятся евангелистами, проказа отряхивается по воле Его как пыль, горячка изгоняется словом Владыки, мертвые оживают, гробы возвращают к жизни заключенных; в них гордость фарисея смиряется, смирение мытаря возвышается. При обилии таких благ не трудно напиться и крошками (9).

ПИЩА

Посмотри, бедный человек, как мало нужно пищи для желудка, и постыдись неумеренности твоих забот о его насыщении! Ничего подобного нет у тех Ангелов, у них мертвы как эти, так и все другие вожделения. Они употребляют пищу не для пресыщения и наслаждения, но для удовлетворения естественной потребности. Нет между ними ни птицеловов, ни рыболовов. Они довольствуются хлебом и водой. Смятение, шум и

беспокойства, все это совершенно изгнано оттуда, и как в жилищах их, так и в теле великая тишина; напротив, у сластолюбцев во всем беспорядок. Представь себе внутренность желудка их, и ты увидишь множество сору, поток нечистот, гроб повапленный¹; а что бывает после, о том стыжусь и говорить, — отвратительная отрыжка, блевание, извержения низом и верхом!.. Но не одни эти вожделения ты усмотришь там умерщвленными, а и другие, еще сильнейшие, происходящие от них, то есть сладострастные. Ты увидишь, что все они повержены вместе с конями и со всем обозом. А обоз, оружие и кони срамных дел — это срамные слова. Но вот и конь, и этот всадник, и оружия лежат в прахе. Напротив, у рабов сладострастия ты усмотришь совсем иное, а души их — мертвыми и поверженными. И не только над чревоугодием одержали блистательную победу те святые мужи, но и над другими страстями: любостыжанием, славолубием, завистью и вообще над всеми болезнями (душевными). Теперь не видишь ли, что эти воины сильнее воинов царя земного и что трапеза их — лучше трапезы тех?

Кто станет противоречить этому? Никто, даже и из самих чревоугодников, как бы кто из них ни был безумен. Подлинно, трапеза мужей святых возводит на небо, а трапеза сластолюбцев влечет в геенну. Эту приготовляет дьявол, а ту — Христос. Для этой дает правила сластолюбие и необузданная роскошь, а для той — любомудрие и целомудрие. Здесь пребывает Христос, а там — дьявол. Где пьянство, там и дьявол; где срамословие и пресыщение, там ликуют демоны. Такую трапезу имел богач, упоминаемый в Евангелии; но за то [по смерти] ему не было дано и одной капли воды (7).

Воздерживайтесь не от пищи, а от сластолюбия. Пища нам нужна, а не растление; пища нам нужна, а не причина болезней, болезней и душевных, и телесных; пища нам нужна, доставляющая сладость, а не сластолюбие, исполненное горечи; то полезно, а это вредно; то приятно, а это неприятно; то естественно, а это противоестественно. Скажи мне: если бы кто-нибудь дал тебе напиток яду, не было ли бы это противоестественно? Если бы кто [подал] дрова и камни, разве не отвра-

¹ Окрашенный. — Прим. ред.

тился бы ты? Конечно, — потому что это противоестественно. Таково и сластолюбие (10).

ПЛАЧ

Господь говорит: *блаженны плачущие, ибо они утешатся* (Мф. 5, 4), — разумея плачущих о грехах, и между тем никто не плачет этим плачем и не заботится о погибающей душе. Это [плакать об умерших] нам, напротив, не заповедано делать, и однако же мы делаем. Что же, скажешь, разве человеку можно не плакать? Да я и не воспреещаю этого; я воспреещаю только терзаться, плакать неумеренно. Я не зверь и не бесчеловечен. Знаю, что в этом обнаруживается природа и что она ищет содружества и ежедневного общения. Невозможно не печалиться. Это сам Христос показал, потому что прослезился над Лазарем. Так и ты поступай: плачь, но тихо, но благопристойно, но со страхом Божиим. Если так будешь плакать, то это будет знаком не того, будто ты не веруешь воскресению, но того, что для тебя тяжела разлука.

Ведь мы плачем и о тех, которые отправляются в дорогу и разлучаются с нами; но — не так, как отчаивающиеся. Так и ты, плачь.

Как бы провожал отходящего в чужую сторону. Это говорю я не с тем, чтобы поставить вам в закон, но по снисхождению. В самом деле, если умерший был грешник и много оскорбил Бога, в таком случае должно плакать или, лучше, — не плакать только, потому что отсюда для него нет никакой пользы, но и делать то, что может принести ему некоторое облегчение, милостыню и приношения. А впрочем, и в этом случае нужно радоваться, потому что у него отнята возможность грешить. Если же — праведник, то еще более должно радоваться, потому что он находится в безопасности и уже избавился от неизвестности будущего. Если это юноша [должно радоваться] — что он скоро освободился от окружающих нас зол. Если старец — что он отошел, до сытости насладившись тем, что считается вожделенным. Но ты, забыв думать об этом, заставляешь рыдать служанок, как будто делаешь этим честь отошедшему. Это же — крайнее бесчестие! Честь для умершего составляют не плач и рыдания, но священные песни, и псалмопения, и добрая жизнь. Такой человек, отойдя отсюда, отойдет с Ангелами, хотя бы и никого не было при его останках. А человек развратный, хотя бы

целый город провожал его, не получит из того никакого плода.

Хочешь почтить умершего? Почти его иным образом — милостынями, благотворениями, литургиями. Какая польза от многих рыданий? А я слышал еще и о другом тяжком зле; говорят, будто многие через плач привлекают к себе даже любовников, чрезмерностью своих воплей составляя себе славу жен, любящих своих мужей. Какое диавольское изобретение! Какая сатанинская выдумка (8)!

Горе мне! ибо не стало милосердых на земле (Мих. 7, 1–2). И нам теперь время плакать или, лучше, следует каждый день говорить эти слова. Ничего не достигаем мы мольбами, ничего — советами и увещаниями: поэтому остается только плакать. Так и Христос поступил: когда иерусалимляне после многих Его увещаний нисколько не воспользовались ими, — Он плакал о их ослеплении. Так поступают и пророки, так следует и нам ныне поступить. Теперь время плача, слез и сетования. Благовременно и нам теперь сказать: *позовите плакальщиц, пошлите за искус-*

ницами [в этом деле], чтобы они пришли (Иер. 9, 17). Может быть через это мы в состоянии будем исцелить от болезни тех, которые хищением строят светлые дома и приобретают поля.

Благовременно плакать, но и вы, ограбленные и обиженные, примите участие в моем плаче; присоедините к своему плачу и мои слезы. Но будем плакать не о себе самих, а об них: не вас они обидели, а себя погубили. Вы за обиду получите Царство Небесное; а они, за неправильное приобретение, — геенну. Поэтому лучше быть обиженным, нежели обижать. Будем плакать об них, но не человеческим плачем, а Священного Писания, которым плакали и пророки. Восплачем горько с Исаиею и скажем: *горе вам, при-бавляющие дом к дому, присоединяющие поле к полю, так что [другим] не остается места, как будто вы огни поселены на земле. Многочисленные дома эти будут пусты, большие и красивые — без жителей* (Ис. 5, 8–9). Восплачем вместе с Наумом и скажем с ним: *горе созидающему дом свой в высоту! Или, лучше, будем плакать об них так, как сам Христос о живших в то время, говоря: горе вам, богатые! ибо вы*

уже получили мзду вашу и свое утешение (Лк. 6, 24)! Так, умоляю, станем непрестанно плакать и мы; а если не будет неприлично, то станем даже ударять себя в грудь при виде беспечности братьев. Не станем оплакивать того, кто уже умер, но будем оплакивать хищника, корыстолюбца, сребролюбца, ненасытного. Зачем плакать об умерших, которым нельзя уже принести никакой пользы? Будем плакать о тех, для которых еще возможна перемена. Но в то время, как мы плачем, они, может быть, смеются? И это достойно слез, что они смеются над тем, о чем следовало бы сокрушаться. Если бы они сколько-нибудь тронулись нашими рыданиями, то следовало бы перестать рыдать в надежде на их исправление. Но так как они остаются бесчувственными, то и мы будем продолжать плакать: не просто о богатых, но о сребролюбцах, лихоимцах и хищниках. Богатство не есть зло: его можно употреблять и с пользой, если, например, мы тратим его на нуждающихся. Но зло — любостяжание; оно приготавливает нескончаемые казни. Итак, станем плакать. Может быть, [от этого] и будет какое-нибудь исправление. Если же впа-

вшие [в этот грех] и не освободятся [от него], то, может быть, другие не подвергнутся этому злу, но остерегутся от него. Но дай Бог, чтобы и те освободились от этой болезни, и никто из нас не подвергся ей (8).

Глаза — не только слуги зрения, но и соучастники покаяния. Счастлив ты, если соблюл купель Крещения; если же ты, как человек, уже успел растратить ее дары, приведи в движение источники слез. У тебя есть целый колодезь: из глубины сердца почерпай скорбь, тронь оба близнеца — глаза, пролей потоки слез, затопи слезами свои прегрешения. Незначительные ручейки от дождя уносят легкие стебельки; значительной же глубины реки и речки, бурные горные потоки бывают в состоянии увлекать с собой глубоководные в воде пни и тяжелые камни. Взвесь свои грехи. Если прегрешение твое незначительно, достаточно и немногих слез; если грех велик, то больше должен быть и поток слез. Если же у тебя есть и уверенность в жизни, и готовность плакать, и сердце сокрушенное, и еще не все слезы ты выплакал о себе самом, то удели

и мне часть слез: плачь о грехах брата. *И вы возгордились, вместе того, чтобы лучше плакать* (1 Кор. 5, 2). Не согрешил Самуил, но он плачет за согрешившего Саула. Павел — сосуд избранный, но скорбит о нас. *Кто соблазняется*, говорит, *за кого бы я не воспламенялся?* (2 Кор. 11, 29). Видишь, что мои соблазны сокрушают сердце Павла? Однако нужно, чтобы у каждого из нас доставало слез для своих согрешений (9).

ПОКАЯНИЕ

Только те грешники преимуществуют пред праведниками, которые после греха возвращаются к покаянию; в этом случае делается явным, что может случиться то, что иной грешник и падший выходит лучше, чем прежде (4).

Подобно тому, как опытный врач, знающий время сечения раны, выжидает терпеливо удобного момента сечения, чтобы посредством подходящих лекарств поправить больного, таким же образом и Бог, хотя знает, что мы достойны многих наказаний, однако желает освободить нас чрез покаяние, хотя бы грехи наши были бесчисленны (4).

Покаяние — корень благочестия. Покаяемся же и своим покаянием склоним Бога к тому, чтобы Он и положил конец войнам, и укротил варваров, и прекратил вражеские мятежи, и дал нам наслаждение всеми благами. Сильно умилоствует Бога покаяние, если кто, искренно раскаиваясь, обращается к Нему (5).

Не расслабляй себя избытком долготерпения и не имей намерения навсегда отдалиться удовольствиям. Не говори: пока еще понаслаждаюсь любовью, пока попользуюсь молодостью, немного спустя придет время покаяния, завтра покаюсь, во время старости буду беречь жизнь. Тщетны подобного рода рассуждения, дурны решения твоей воли, плохим советником служит для тебя твоя похоть. Ты говоришь: сегодня согрешу, а завтра покаюсь. Хозяин ли ты завтрашнего дня? Кто тебе поручится за завтрашний день? Если ты вникнешь, как следует, то окажется, что и сегодняшним днем ты вполне располагать не можешь: одна часть сегодняшнего дня прошла, а другая ведь еще впереди; та уже не твоя, а эта пока еще не твоя. Ты говоришь: сегодня

я воспользуюсь удовольствием, а завтра покаюсь. То, что в твоих руках, ты отдаешь удовольствию, а то, что не твое, покаянию? Воспользуйся лучше моим советом: сегодняшний день отдай покаянию, а греху не оставляй даже и завтрашнего (9).

ПОКОЙ

Нам нужно наперед трудиться и изнуряться и потом уже искать покоя. Это всякий часто может видеть и в делах житейских. ... Как сеющий должен работать, трудиться, проливать пот и переносить холод, так и упражняющийся в добродетели. Ничему так не несвойствен покой, как человеку. Потому Бог и сделал путь его узким и тесным; даже не только дела добродетели, но и дела житейские Он соединил с трудом, и последние гораздо более. И сеятель, и строитель, и путник, и дровосек, и ремесленник, и всякий человек, если хочет приобрести что-нибудь полезное, должен работать и трудиться. И как семена имеют нужду в дожде, так мы в слезах. Как землю нужно пахать и копать, так и для души вместо заступа нужны искушения и скорби, чтобы она не произрастила худых трав, чтобы смягчилась

ее жестокость, чтобы она не возгордилась. И земля без тщательного возделывания не приносит ничего здорового. Итак, смысл слов пророка следующий: нужно радоваться не только возвращению, но и плену, и за то, и другое исповедовать благодарность Богу. Это — сеяние, а то — жатва. Как сеющие после трудов пользуются плодами, так и вы, говорит, когда отошли в плен, были подобны сеющим, испытывали скорби, труды, изнурение, бедствия, переносили ненастье, войну, дожди, холод, и проливали слезы. Что дождь для семян, то слезы для страждущих. Но вот, говорит, за эти труды получили воздаяние. Таким образом, когда он [пророк Давид] говорит: *уходящие уходили и плакали, бросая семена свои, а приходящие придут с радостью, собирая снопы свои* (Пс. 125, 6), то говорит не о хлебе, а о делах, научая слушателя не унывать в страданиях. Как сеятель не унывает, хотя ему предстоит много трудностей, представляя обильную жатву, так и страждущему не должно унывать, хотя бы много встретилось ему прискорбного, ожидая жатвы, представляя плоды, происходящие от страдания. Зная это, будем и мы благодарить Господа и за страдания, и за покой (2).

ПОМОЩЬ БОЖИЯ

Размышляя об этом, возлюбленные, и представляя себе человеколюбие нашего Господа, не будем нерадимы, но прежде всего и более всего позаботимся о самих себе, очистим скверну греховную, и затем уже обратимся к ходатайству святых. Впрочем, если мы захотим трезвиться и бодрствовать, то и собственные наши молитвы о себе принесут нам величайшую пользу. Человеколюбив Господь наш и не столько внемлет, когда другие молят Его о нас, сколько, когда мы сами [молим о себе]. Обрати внимание на величие благости Его. Он видит, что мы пали, подверглись бесчестью, не имеем никакого дерзновения (перед Ним); но когда мы хотя немного восстаем и решаемся прибегнуть к богатству человеколюбия Его, Он тотчас внемлет прошениям нашим, простирает руку Свою к нам, долу поверженным, поднимает падших и взывает: *разве, упав, не встают* (Иер. 8, 4)? (1)

Когда мы делаем все, что зависит от нас, тогда в обилии получаем и Божию помощь. Для того именно, чтобы мы не ленились и не оставались в бездействии, (Бог)

хочет, чтобы и мы приносили что-нибудь от себя, а затем и Он являет Свое содействие. Не все бывает от помощи свыше, а нужно привнести что-нибудь и нам; и не требует от нас всего (Бог), зная крайнюю немощь нашу, а следуя Своему человеколюбию и желая иметь какой-либо повод к тому, чтобы показать Свою щедрость, Он ожидает посильных трудов и с нашей стороны (1).

Когда мы пользуемся попечением свыше, то не только можем избегать наветов злых людей, но если и лютые звери нападут на нас, мы не подвергнемся никакой беде. Владыка всяческих по избыточеству силы Своей изменяет и естество зверей и влагает в них кротость овечью, не отнимая у них природной лютости, но, оставляя при той же природе, заставляет проявлять свойства овец. И это можно видеть не на одних только зверях, но даже и на стихиях. Когда Он хочет, то и самые стихии забывают свойственную им силу, и огонь не обнаруживает свойств огня. Всякий может убедиться в этом из примера трех отроков и Даниила. Даниил, окруженный львами, не потерпел никакого вреда, находясь как бы

среди овец, потому что вышняя сила удерживала свирепость первых. А что они действительно остались зверями, не проявляя только своих зверских свойств, это на самом деле узнали те, которые были свирепее бессловесных зверей. И это было для большего обличения последних, потому что они, будучи почтены разумом, превзошли, однако, жестокостью и неразумных зверей. И они узнали на деле, что по действию Промысла Божиего и лютые звери убоялись праведника и не дерзнули коснуться тела его, а сами они хотели поступить с ним хуже, чем звери. А чтобы они не сочли такого явления только каким-либо призраком, пример вслед затем брошенных в ров уверил их, что только в отношении к праведнику они обнаружили кротость овец и забыли свою природу, а над брошенными после того показали свойства лютости. Подобное же произошло и в печи огненной. Стихия эта устрашилась тех, которые были в печи, среди огня, и не оказала над ними обыкновенных действий огня: сила ее, будучи как бы связана, невредимыми сохранила тела этих отроков, не коснулась даже волос их, как будто чье-либо повеление воспрепятствовало стихии обнаружить свой-

ственное действие, а между тем находившихся вне печи она истребила, в том и другом проявляя величие силы Божией: как в том, что бывшие внутри печи остались невредимыми, так и в том, что находившиеся вне ее погибли. Так, когда мы пользуемся благоволением свыше, то не только избавляемся от наветов людей, враждующих против нас, но если подвергнемся нападению и самых зверей — и тогда не потерпим никакого вреда, потому что рука Божия могущественнее всего, она отовсюду ограждает нашу безопасность и делает нас необоримыми (1).

Для избавления от окружающих меня зол для меня достаточно призвать Бога. Почему же мы часто призываем и не избавляемся от бедствий? Потому, что не призываем так, как должно призывать. А что Бог всегда готов подавать, об этом послушай, как Он сам говорит в Евангелии: *есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? и когда попросит рыбы, подал бы ему змею? Итак если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага*

просящим у Него (Мф. 7, 9–11). Видишь ли, какова Его благость, когда наша в сравнении с нею оказывается лукавством? Если же таков наш Господь, то будем всегда прибегать к Нему, и Его одного призывать в помощники, и найдем Его готовым спасать нас. Если потерпевшие кораблекрушение и несущиеся на досках, призывая людей, находящихся вдали, немедленно располагают их к человеколюбию, хотя не имеют с ними ничего общего, но стали известны им только по случившемуся несчастью, то тем более Бог человеколюбивый и по существу своему благий избавит находящихся в несчастии, если только они захотят прибегнуть к Нему и искренно призвать Его, оставив надежды человеческие. Поэтому, когда ты подвергнешься какому-нибудь неожиданному бедствию, не падай духом, но тотчас восстань и прибегни к безмятежной пристани, несокрушимой защите, к помощи Божией. Он для того попустил тебе подвергнуться бедствию, чтобы ты призвал Его. Но многие тогда особенно и падают и теряют бывшее у них благочестие, между тем как следовало бы поступать напротив. Он весьма любит нас, потому и попускает нам подвергаться скорбям, чтобы мы искрен-

нее прилеплялись к Нему. Как матери, устрашая непослушных детей различными страшилищами, заставляют их прибегать к своим недрам и делают это не с тем, чтобы огорчать их, но чтобы привязать их к себе, так и Бог, всегда желая привязать нас к Себе, как сильно любящий или больше всякого любящего, попускает тебе впадать в такие нужды, чтобы ты постоянно упражнялся в молитве, постоянно призывал Его и, оставив все прочее, помышлял об Нем (2).

Бог может и из безвыходных обстоятельств доставить выход. Потому и говорит Премудрый: *от утра до вечера изменяется время, и все скоротечно пред Господом* (Сир. 18, 26). Не видишь ли, как вельможа остался голодным при изобилии (см. 4 Цар. 7)? Не видишь ли, как вдова имела довольство во время голода (см. 3 Цар. 17)? Когда обстоятельства твои делаются затруднительными, тогда особенно и надейся. Тогда особенно Бог являет силу Свою; не вначале, но когда человеческие средства окажутся безнадёжными. Тогда — время божественной помощи. Потому и отроков Он избавил не вначале, но после их пребывания

в печи; и Даниила избавил не прежде, чем он был ввержен, но по истечении семи дней. Итак, смотри не на свойство обстоятельств, приводящих в отчаяние, а на силу Божию, которая и безнадежному сообщает благие надежды (2).

ПОМЫСЛЫ

Будем заботиться, чтобы всегда иметь с собою Господа и чтобы Он всегда благопоспешал делам нашим. Кто удостоился этой помощи, тот и среди бед посмеется им и не поставит их ни во что, потому что Господь все творит для него и благоустраивает, во всем спешествует ему и тяжкое делает легким. Как же можем мы всегда иметь с собою Господа и получать от Него благопоспешение во всем? Если мы будем всегда трезвиться и бодрствовать, будем помнить, что все должно делать с таким тщанием, чтобы никогда не подвергнуться осуждению от Господа, что никому невозможно укрыться от Его неусыпного Ока и что грешник непременно должен подвергнуться наказаниям. Не будем страха человеческого предпочитать гневу Божию, но будем всегда памятовать слова Иосифа: как сделаю я сие великое

зло и согрешу пред Богом? Если какой-нибудь помысел смущает нас, то приведем себе на мысль это изречение — и всякое непозволительное пожелание тотчас исчезнет. Если бы кто-нибудь увлекался пожеланием плотским, или страстью к деньгам, или другим каким-либо безрассудным удовольствием, то пусть тотчас представит себе, что есть у нас Судия, от Которого не могут укрыться и тайные пожелания. [Поступая таким образом], мы совершенно избегнем козней диавола и получим свыше великую помощь (1).

Ты имеешь дурные помыслы? Не выноси их посредством слов, пусть они лежат внизу и скоро заглохнут. Мы — люди, часто питающие в себе много порочных, непристойных и постыдных помыслов; но не будем позволять этим помыслам переходить в слова, чтобы, сдавливаемые внизу, они ослабевали и погибали. Как тот, кто ввергнул в яму различных свирепых зверей, если сверху закроет эту яму, то легко задушит их, а если оставит хотя некоторый выход и хотя малую возможность дышать, то даст им большое ослабление и не только не задушит их, но сделает еще более

свирепыми, так бывает и с порочными помыслами, когда они зарождаются внутри. Если мы преграждаем им выход наружу, то скоро уничтожаем их; а если выпускаем их посредством слов, давая им перевести дыхание посредством языка, то делаем их более сильными и от занятия постыдными словами скоро впадаем в бездну непристойных дел (4).

Как тот, кто допустил вражду в своем доме и живет не в согласии с своею женою, не будет иметь доверия, когда станет примирять других, но услышит слова: *врач! исцели Самого Себя* (Лк. 4, 23), так точно и мы услышим здесь. Какая же вражда у нас? Вражда души с телом, порока с добродетелью. Прекратим эту вражду, уничтожим эту брань; тогда и других будем вразумлять с миром и с великим дерзновением, без упреков совести. Гнев противится кротости, любостяжание противится презрению богатства, зависть противится доброжелательству. Прекратим эту брань, низложим этих врагов, поставим эти трофеи, устроим мир в нашем городе. У нас ведь есть свой город и управление, граждане и множество пришельцев. Изгоним пришельцев, чтобы

не развратились наши граждане. Да не входит к нам никакое чуждое и нездоровое учение, никакое плотское мудрование. Не видим ли мы, что если кто-нибудь из nepřателей будет пойман в городе, то судится, как соглядатай? Изгоним же пришельцев или, лучше, не пришельцев только, но и врагов. Если заметим какой-нибудь помысел, враждебный нам, но прикрывающийся одеждой гражданина, предадим его начальнику — уму. Много у нас таких помыслов, враждебных по существу своему, но прикрывающихся овечьей кожею. Как персы, сняв свою тиару, шаровары и обувь и надев другую одежду, употребляемую у нас, остригшись догола и говоря на здешнем языке, под этим внешним видом скрывают свою вражду, а если подвергнешь их пытке, то откроешь скрываемое, так и здесь: подвергни тысяче пыток этот помысел — и тотчас увидишь враждебное мудрование (10).

ПОРИЦАНИЕ

Будем избегать порицания. Нет греха тяжелее и вместе легче этого греха. Почему? Потому, что он совершается быстрее всякого беззакония и скоро увлекает

человека невнимательного. Остальные грехи требуют и времени, и издержек, и ожидания, и помощников, и часто продолжительностью времени пресекаются. Например, решился ли кто убить, решился ли похитить или обратить в свою пользу чужое — ему предстоит много хлопот, и от медленности часто он теряет свой гнев, отказывается от порочного стремления, оставляет гибельную мысль, не прибавляет к своему желанию самого дела. А при порицании не так, но если мы не очень бдительны, то легко увлекаемся. Не нужно нам ни времени, ни ожидания, ни издержек и никаких хлопот, чтобы сказать худое, но довольно только решиться, и желание тотчас переходит в дело — потому что здесь требуется к услугам только язык. Поэтому, если это зло быстро, если этот грех легко приражается, если тяжело за него наказание и мучение, а пользы никакой, ни великой, ни малой, то будем с великим тщанием избегать этой болезни, будем прикрывать чужие пороки, а не разглашать, будем увещивать согрешающих, как и Господь говорит: *если же согрешишь против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним* (Мф. 18, 15). Негласность обличе-

ний сделает более легким и врачевание. Не будем терзать, не будем разъедать чужих ран; не будем подражать мухам, но будем соревновать пчелам. Мухи садятся на раны и разъедают их, а пчелы летают по цветам. Поэтому последние делают соты, а первые причиняют боль телам, на которые садятся; эти отвратительны, а те возжеланны и достолюбезны. Будем же, поэтому, заставлять свою душу летать по лугу добродетели святых и непрестанно распространять благоухание их подвигов, а ран ближнего не будем разъедать. Но, если и увидим людей, делающих это, будем заграждать им уста, удерживая их страхом наказания и напоминая им о сродстве их с братьями. Когда же они ничего такого не послушаются, то назовем их мухами, чтобы хотя унижительность этого названия удержала их от дурного занятия, чтобы, оставив это дурное занятие, они употребляли весь свой досуг на рассматривание собственных пороков. Таким образом, и падшие восстанут, припоминая свои грехи не разглашенные, и, непрестанно помышляя о собственных пороках, легко отстанут от них, чрез воспоминание о прежних грехах сделавшись более медленными к совершению

остальных, и постоянно представляющие добродетель святых получают величайшую ревность подражать им. А когда чрез все это будет исправлено целое тело нашей Церкви, то мы будем в состоянии всею полнотою ее войти в Царство Небесное (4).

ПОРОК

Порок доставляет кратковременное удовольствие и продолжительную скорбь, а добродетель — кратковременный труд и продолжительную пользу, а вместе удовольствие. Например, помолился ты Богу, поплакал и поскорбел несколько времени на молитве или даже забавлялся целый день, но потом подал милостыню, попостился, сделал какое-либо другое доброе дело или, будучи обруган, не отплатил ругательством; сдержав себя таким образом и обуздав свою страсть на одно мгновение времени, ты затем веселишься и радуешься непрестанно, вспоминая о своих добрых делах. А с пороком — совсем иначе: выбрал кто [другого], отплатил [другому] бранью? Пришедши домой, он снедает сам себя, размышляя о словах своих, которые не раз причиняли великий вред. Итак, если ищешь удо-

вольствия, то похотей юных бегай (см. 2 Тим. 2, 22), сохраняй целомудрие и слушай внимательно Слово Божие (1).

Если человек, причиняющий нам вред, будет даже облечен в диадему, не станем дорожить и дружбою, потому что нет ничего хуже человека, преданного порокам, хотя бы он был царем; и напротив, нет ничего выше человека, стяжавшего добродетель, хотя бы он был узником... Кто предается покаянию и бывает услышан Богом, тот легко может достигнуть и этого блага — избегать общения с людьми порочными. *Да будут постыжены и жестоко поражены все враги мои; да возвратятся и постыдятся мгновенно* (Пс. 6, 11). Это желание включает в себе великую пользу т.е. чтобы они устыдились и возвратились назад, потому что если идущие худо устыдятся и возвратятся назад, то отстанут от пороков. Как мы, видя человека, стремящегося к пропасти, удерживаем его от дальнейшего стремления и говорим: «человек, куда ты стремишься? — пред тобою пропасть», так точно и пророк желает, чтобы злые возвратились назад. Так и взбесившаяся лошадь,

если кто-нибудь скоро не удержит ее, скоро погибает. Так и врачи с великой поспешностью стараются остановить дальнейшее распространение яда какого-нибудь ядовитого животного, часто заражающего все тело, пресекая происходящий от него вред. Так точно будем поступать и мы, будем с великой поспешностью истреблять в себе порок, чтобы эта болезнь, развиваясь, не усилилась. Греховные раны, будучи оставляемы в пренебрежении, делаются больше и не ранами только ограничиваются эти болезни и немощи, а рожают бессмертную смерть, тогда как, будучи исторгаемы вначале и когда еще малы, они не сделаются и великими. Смотри: кто старается не обижать, тот не будет ссориться; кто не знает ссор, тот будет сохранять дружбу; кто сохраняет дружбу, тот не будет иметь врагов; кто не имеет врагов и питает любовь, тот исполнит всякую добродетель. Не будем же пренебрегать началом зол, чтобы они не возросли больше. Иуда, если бы остановил свое сребролюбие, не дошел бы до святотатства; а если бы удержался от этого, то не достиг бы величайшего зла. Потому и Христос запрещает не только блуд или прелюбодеяние, но и нескромный взгляд, истреб-

ляя порок в самом корне, чтобы легче можно было преодолеть его (см. Мф. 5, 28). Так Бог поступал и с иудеями, хотя более чувственно и прообразовательно, — потому что говорил к людям плотским, — однако поступал. Как и каким образом? Он не позволял делать между рабочими животными какого-нибудь смешения различных родов (см. Втор. 22, 10); не позволял есть кровь бессловесных животных (см. Лев. 17, 10); не позволял удерживать залогов после вечера (см. Втор. 14, 12), предотвращая таким образом важные преступления, именно: первым — мужеложство, вторым — убийство, третьим — жестокость и бесчеловечие. А ныне все делается открыто и с великим бесстыдством — потому и извратилось все. Итак, когда в тебе зародится малая страсть, не смотри на то, что она мала, но представь, что она, будучи питаема, производит величайшие бедствия. В доме, когда мы видим загоревшимся малый клочок льна, то смущаемся и поднимаем шум, потому что смотрим не на начало, а от начала заключая к концу, беспокоимся и бегаем, чтобы погасить пожар. Но сильнее огня распространяется в душе порок; поэтому нужно предупреждать его. Если мы останемся беспечными, то труднее

будет исправление. То же можно видеть и на корабле: плывущие не тогда начинают беспокоиться, когда море уже чрезмерно взволновалось, но когда видят, что оно готово взволноваться. Не будем же оставаться беспечными при малых грехах, но станем истреблять их с великой силою, чтобы избегнуть больших, и сподобиться будущих благ (2).

Самое ужасное действие порока состоит в том, что впадшим в него он не дает видеть всю опасность собственной гибели, напротив, валяясь в грязи, они воображают, будто наслаждаются благоуханиями, потому-то они и не могут освободиться, а будучи полны червей, гордятся, точно украшены драгоценными камнями. Они даже и не желают истребить их, но откармливают и разводят в самих себе до тех пор, пока не передадут их червям будущего века, так как здешние — приспешники будущих, а лучше — не только приспешники, но родоначальники тех, никогда не умирающих червей, по сказанному: *червь их не умирает* (Мк. 9, 44). Они-то возжигают и геенну, никогда не угасящую. Итак, чтобы этого не было и с нами, иссушим источник зол,

угасим печь, исторгнем снизу корень порока, так как, если худое дерево срубишь поверх земли, никакой не сделаешь пользы, потому что снизу останется корень порока, из которого опять пойдут худые отпрыски (11).

Если мы изгоним из себя порок и поселим в себе добродетель, этим ясно научим, что порок не есть природное зло, а спрашивающим, откуда зло, мы легко сможем заградить уста не словами только, но и делами, когда явимся пред ними свободными от их пороков, хотя имеем одинаковую с ними природу. Не на то станем смотреть, что добродетель трудна, а на то, что возможно в ней усовершенствоваться, а если постараемся, то это будет и легко нам, и удобно. Если ты говоришь мне о приятности порока, то скажи и о конце его: ведь он ведет к смерти, как добродетель руководит нас к жизни. Но лучше, если угодно, рассмотрим порок и добродетель без отношения к их концу; мы увидим, что порок сам в себе заключает большую печаль, а добродетель заключает удовольствие. Скажи мне, в самом деле, что тяжелее худой совести? Что прекраснее доброй надежды? Ведь

ничто, ничто обыкновенно так не мучит и не угнетает нас, как ожидание худого; ничто столько не поддерживает и едва не окрыляет, как добрая совесть. Это можно узнать и на основании событий, происходящих пред нами. Так, обитающие в заключении и ожидающие осуждения, хотя бы наслаждавшись бесчисленными удовольствиями, живут беспокойнее тех нищих, которые ходят по улице, но не сознают за собою ничего худого, потому что ожидание бедствий не позволяет испытывать настоящих удовольствий. И что говорить о заключенных? Трудолюбивые ремесленники, занимающиеся работами в течение целого дня, находятся в гораздо лучшем настроении, чем люди свободные и богатые, но сознающие за собою что-либо худое. Потому мы считаем жалкими и гладиаторов; хотя мы и видим, что они упиваются, веселятся и едят в корчемницах, однако называем их несчастнее всех, потому что горечь ожидаемой смерти несравненно превосходит эти удовольствия. Если же такая жизнь им и кажется приятною, то припомните то, о чем я неоднократно говорил вам, — что нет ничего удивительного, когда живущий в пороке не избегает неприятности

и муки порока. И вот дело, достойное только проклятия, представляется любезным для тех, кто участвует в нем. Но мы не ублажаем их за это, а напротив, вследствие именно этого считаем несчастными, потому что они и сами не сознают, в каких бедствиях находятся. Что, например, сказать о прелюбодеях, которые для ничтожного удовольствия подвергаются позорному рабству, трате имущества и непрерывному страху, коротко сказать, ведут жизнь Каина и даже еще более тяжелую, потому что боятся настоящего, трепещут будущего, подозревают друзей и врагов, знающих и ничего не знающих. Даже и во время сна они не освобождаются от этого мучения, так как нечистая совесть создает у них страшные сновидения и этим пугает их. Но не таков человек целомудренный: он проводит настоящую жизнь в радости и совершенной свободе. Итак, сравни ничтожное удовольствие с бесчисленными волнениями этих ужасов, а кратковременный труд воздержания с спокойствием целой жизни — и ты увидишь, что последний приятнее первого. А желающий похитить и присвоить себе чужое имение, тот, скажи мне, разве не переносит бесчисленные

труды, непрестанно бегая, обманывая лестью рабов, свободных, придверников, устрашая, грозя, поступая бесстыдно, проводя без сна ночи, дрожа, мучаясь и всех подозревая? Но не таков тот, кто пренебрегает деньгами. Он опять наслаждается полным удовольствием, живя без страха и в совершенной безопасности. А если кому угодно рассмотреть и прочие виды порока, то везде увидит большое смятение, множество подводных камней. Всего же важнее то, что в добродетели начало исполнено трудов, а продолжение приятно, так что этим и самый труд облегчается; в пороке же все бывает наоборот — за удовольствием следуют болезни и мучения, так что от этого и самое удовольствие пропадает. Как ожидающий венцов нисколько не чувствует настоящей тяжести, так и ожидающий наказаний после удовольствия не может пользоваться чистой радостью, потому что страх все приводит в смятение. А вернее, если внимательнее исследовать, то можно найти, что у порочных еще прежде наказания, определенного за худые дела, возникает большое мученье в тот момент, когда они отваживаются на худое (11).

ПОСТ

Когда мы расстаемся с гостем, который провел с нами несколько дней и с которым мы радушно делили беседу и стол, то на другой день после его ухода при виде накрытого стола тотчас вспоминаем о нем и о взаимной беседе, и обращаемся к нему с горячей любовью. Так же точно поступим и по отношению к посту. Он пробыл с нами сорок дней; мы приняли его радушно и затем проводили. Намереваясь теперь предложить духовную трапезу, вспомним о нем и обо всех благах, принесенных им нам. Ведь не только самый пост, но и воспоминание о нем может принести нам весьма большую пользу. Как те, кого мы любим, доставляют нам большое удовольствие не только тогда, когда бывают у нас, но и тогда, когда мы вспоминаем о них, так и дни поста с их собраниями, общими собеседованиями и другими добрыми плодами, какие мы получали от него, радуют нас и при воспоминании; если мы вспомним обо всем этом, то получим и в настоящее время большую пользу. Говорю это не с тем, чтобы принудить вас к посту, но чтобы убедить вас не увлекаться развлечениями и

не вести себя как большая часть людей, если только следует называть людьми этих малодушных, которые, как бы освободившись от уз и вырвавшись из какого-нибудь тяжкого заключения, говорят друг другу: «наконец-то мы переплыли это скучное море поста». А другие, более слабые, боятся уже и за будущую Четыредесятницу. Это происходит оттого, что во все остальное время они без меры предаются забавам, роскоши и пьянству. Если бы мы все прочие дни постарались проводить честно и скромно, то и прошедший пост вспоминали бы с любовью, и предстоящий приняли бы с большим удовольствием. В самом деле, каких только благ не доставляет нам пост? Везде тишина и светлое спокойствие. Дома разве не свободны от шума, беготни и всякой тревоги? А еще прежде домов спокойствие наполняет самые души постящихся; да и во всем городе водворяется такое же благоустройство, какое бывает в душах и в домах: вечером не слышно поющих, днем не заметно шумящих и пьянствующих; нет ни крика, ни драки, но везде полное спокойствие. А теперь не так, но с самого раннего утра — крик, шум, беганье поваров, большой чад как в

домах, так и в мыслях, оттого, что развлечениями внутри нас разжигаются страсти и раздувается пламя порочных пожеланий. Поэтому мы должны жалеть о прошедшем посте, так как он все это сдерживал. Пусть мы сложили с себя самый труд поста, но не прекратим любви к нему и не изгладим памяти о нем. Когда ты, пообедав и отдохнув, выйдешь на площадь и увидишь, что день склоняется к вечеру, то, вошедши в эту церковь и приблизившись к амвону, вспомни о времени поста, когда церковь была полна народа и у всех было сильное желание слушать, была живая радость и возбужденная мысль; представив все это, вспомни о тех возжеланных днях. Когда велишь подавать на стол, принимайся за пищу с воспоминанием о посте — и никогда не впадешь в невоздержание. Как имеющий жену степенную, целомудренную, благородную и питающий к ней пламенную любовь, и в ее отсутствии не может полюбить женщину развратную и распутную, потому что любовь к первой заполняет его душу и не позволяет войти в нее другой страсти, так бывает с постом и с невоздержанием: если помним о первом — благородном

и целомудренном, то последнее — эту публичную блудницу и мать всякого бесстыдства, то есть невоздержание, отгоним от себя весьма легко, потому что любовь к посту сильнее всякой руки отталкивает бесстыдство невоздержания. По всему этому, прошу вас всегда помнить о тех днях (1).

Если не исполняется то, что соответствует посту, то пост не приносит никакой пользы. Точно также и девство без любви пренебрегается. Хотя оно и тяжело, хотя пост и велик, однако Бог не требует такого труда; но то и другое угодно Ему тогда, когда приносит плод. Некто когда-то говорил: *пощусь два раза в неделю* (Лк. 18, 12), и тем не менее не имел никакой пользы. Посты установлены ради того, чтобы мы воздерживались от изнеженности и обретались готовыми для милосердия; если кто не делает этого, то труды его тщетны (4).

Тело через пост освящается; душа, если ее не питать, гибнет. Пусть же тело постится постом воздержания от грехов, а душа насыщается божественным учением. Нельзя тебе есть хлеб Хри-

стов и хлеб слез, как и Павел говорит: *не можете быть участниками в трапезе Господней и в трапезе бесовской* (1 Кор. 10, 21). Итак, постящемуся нужно воздерживаться от пищи, но прежде всего — от грехов. Подлинно, и Ангелы каждый день замечают, кто решил воздерживаться от корыстолюбия, или блуда, или неправды. Такие посты и Ангелы записывают, и Бог сокровиществует. Подобно тому, братие, как начальники, приняв просьбы на царское имя, все представляют царю, так и Ангелы обо всем происходящем сообщают Богу, не научая Его как бы неведущего, а исполняя служебный долг творения. Я назвал бы в тысячу раз блаженнейшим ядущего, чем постящегося и творящего неправду. Говорю это не для того, чтобы уничтожить пост, а чтобы призвать к благочестию. Не еда — зло, а грех — зло, почему Бог и говорит о некотором праведнике: *разве отец твой не ел, и сотворил волю Мою, и в другом месте: пост четвертого месяца и пост пятого, и пост седьмого, и пост десятого соделается для дома Иудина радостью и веселым торжеством; только любите истину и мир* (Зах. 8, 19) (5).

Не оказывается ли пост именно тем мечом посекающим, который охраняет доступ в Царство Небесное? Тех, которые не соблюдать его со скромностью и кротостью, он посекает, а пред теми, которые исполняют его по чистой совести, он не только отступает с готовностью, но и указывает им путь к беспечальной жизни, неомрачаемой радости и безболезненному наслаждению и доставляет в воздаяние бесчисленные блага (5).

Хотя и рассказывают про некоторых, что они и без поста изгоняли бесов, однако быть не может, чтобы человек, живущий среди утех, избавился от такого недуга: нет, страждущий таким недугом имеет особенную нужду в посте. Ты скажешь: если нужна вера, для чего же еще нужен пост? Для того, что, кроме веры, и пост много придает крепости; он научает великому любомудрию, человека делает Ангелом и укрепляет противу сил бестелесных. Впрочем, не сам по себе — нужна еще молитва, и она должна предшествовать. И смотри, какие блага происходят от этих двух добродетелей. Тот, кто молится, как должно, и

притом постится, немногого требует; а кто требует немногого, тот не будет сребролюбив; а кто не сребролюбив, тот любит подавать и милостыню. Кто постится, тот становится легким, и окрыляется, и с бодрым духом молится, угашает злые похоти, умилоствует Бога и смиряет надменный свой дух. Потому-то и апостолы всегда почти постились. Кто молится с постом, тот имеет два крыла, легче самого ветра. Таковой не дремлет, не говорит много, не зевает и не расслабевает на молитве, как то со многими бывает, но он быстрее огня и выше земли; потому-то таковой особенно является врагом и ратоборцем против демонов, так как нет сильнее человека, искренно молящегося. Если жена могла поклонить жестокого начальника, который ни Бога не боялся, ни людей не стыдился, — то тем более может поклонить Бога тот, кто непрестанно предстоит пред Ним, укрощает чрево и отвергает утех. Если слабо у тебя тело, чтобы поститься беспрестанно, то оно не слабо для молитвы и для пренебрежения удовольствиями чрева. Если ты не можешь поститься, то, по крайней мере, можешь не роскошествовать, а и это немаловажно и не далеко от

прощения и может укротить неистовство дьявола (7).

Пост не имеет понятия о долгах, трапеза постящегося не напоминает о лихве, дети того, кто соблюдает посты, не душат сирот и не сплетают им сетей как пауки. С другой стороны, пост является источником удовольствия. Ведь как томящийся жаждой находит всякое питье приятным, и с голоду кажется вкусным и самый простой обед, так и пост заставляет ценить последующее разрешение на пищу. Занимая средину и прерывая сплошное наслаждение пищей, он является для тебя приятной переменой, подобно тому, как для путешественника перерыв пути (9).

ПОХВАЛА

Скажи мне, в самом деле, какая может быть польза от народных похвал? Когда наступает вечер, тотчас прекращается весь этот шум и рукоплескания; когда пройдет праздник, остаются без всякого удовольствия; повеселившись, как будто во сне, и не находя, не смотря на свои поиски, радости, которую доставил им венок, или блестящая одежда, или какая-либо

другая роскошная вещь: все это пробежало мимо них быстрее ветра. А жизнь небесная совсем не такова: не требуя издержек, она приносит нам великую и верную пользу. Ведущему такую жизнь рукоплещут постоянно — не люди нетрезвые, а сонм Ангелов. Что говорю: сонм Ангелов? Сам Владыка Ангелов похвалит и прославит его. А кого хвалит Бог, тот не один, не два и не три дня, но вечно торжествует с венцом на голове, и никогда не увидишь его голову лишенною этой славы. Время этого торжества не ограничено определенными днями, а продолжится в бесконечность будущего века. К тому, чтобы совершилось это служение, никогда не может служить препятствием бедность; напротив — и бедному можно совершить его, бедному даже всего удобнее, как свободному от всякого житейского блеска, потому что здесь нужны не денежные траты и не богатство, а чистая душа и умная мысль; ею изготовляются для души одежды, потребные для такой жизни, и сплетается венец, так что если она не будет украшена добродетелями, то множество золота не принесет ей никакой пользы, как не повредит нисколько и бедность, если она имеет внутреннее богатство. Это

служение пусть совершают и у нас не только дети мужеского пола, но и дочери. К нему призваны не одни мужчины, как это бывает в мирских делах; на это зрелище принимаются и жены, и старцы, и юноши, и рабы, и свободные (1).

Не будем превозноситься, будем называть себя непотребными, чтобы быть благопотребными. Если ты сам называешь себя достойным похвалы, то ты непотребен, хотя бы и в самом деле был достоин похвалы; напротив, если ты сам называешь себя непотребным, сделаешься благопотребным, хотя бы был недостоин похвалы. Вот почему должно забывать о своих добрых делах. Но ты скажешь: как можно не знать того, что нам совершенно известно? Что ты говоришь? Ты непрестанно оскорбляешь Господа, живешь в неге и веселии и не знаешь того, что ты грешил, предавая все забвению, а не можешь позабыть о своих добрых делах? Хотя страх гораздо сильнее, но у нас бывает напротив: каждый день оскорбляя Бога, мы не обращаем на то и внимания, а если подадим бедному хотя малую монету, то носимся с этим постоянно. Это крайнее безумие и величайший ущерб для

того, кто собирает. Забвение добрых своих дел есть самое безопасное их хранилище. И как одежда и золото, если мы раскладываем их на торгу, привлекают многих злоумышленников, а если убираем и скрываем их дома, то соблюдаются в полной безопасности, так если и добрые свои дела мы постоянно держим в памяти, то раздражаем Господа, вооружаем врага и возбуждаем его к похищению, а если никто не будет знать их, кроме Того, Кому надлежит знать, то они пребудут в безопасности. Итак, не хвались постоянно своими добрыми делами, чтобы кто-нибудь не лишил тебя их, чтобы с тобою не случилось того же, что было с фарисеем, который носил их на языке своем, откуда и похитил их дьявол. Хотя он и с благодарением вспоминал о них, и все возносил к Богу, но и это не спасло его, потому что благодарящему Бога не прилично поносить других, показывать свое преимущество пред большинством и превозноситься пред грешниками (6).

С чем сообразно, что тогда как Христос претерпел за тебя столь многое, ты часто не переносишь даже слов! Он подвергается

оплеванию, а ты украшаешься дорогими одеждами и перстнями, и если не от всех слышишь похвалы, то считаешь и жизнь не в жизнь. Он терпит поношение, переносит насмешки и позорные удары по ланитам, а ты хочешь, чтобы тебя все почитали, и не переносишь поношения Христова (9).

Приговор и суд народа ошибочны, к тому же и скоро исчезают. На час они удивляются, а как скоро миновало время, обо всем забыли; венец, дарованный тебе Богом, похитили, а своего сохранить для тебя не сумели. Даже если бы людской венец остался у тебя, то было бы весьма жаль променять его на венец Божий; а когда и его не останется, то какое оправдание мы будем иметь в том, что за преходящее отдаем непреходящее и за похвалы немногих теряем столь великие блага? И хотя бы многие воздавали тебе похвалы, все они достойны сожаления, и тем больше, чем больше число людей, делающих это. Если ты удивляешься сказанному, послушай, как Сам Христос подтверждает это: *горе вам*, — говорит он, — *когда все люди будут говорить о вас хорошо* (Лк. 6, 26).

И совершенно справедливо. Если во всяком искусстве судьями следует избирать художников, то, как же ты оценку добродетели вверяешь толпе, а не тому, кто больше всех сведущ в этом, кто может и одобрить, и увенчать? Итак, напишем слово Христово на стенах, на дверях и в сердце, и постоянно будем говорить сами себе: *горе нам, когда будут говорить о вас хорошо* нам все люди, потому что и те самые, которые говорят о тебе хорошо, впоследствии осуждают тебя, называя тщеславным, честолюбивым, пристрастным к людским похвалам. Но не так делает Бог. Когда Он увидит, что ты любишь славу Его, тогда особенно похвалит тебя, удивится и возвестит о тебе. А человек не так, но, считая тебя не свободным, а рабом и часто угождая тебе ложной похвалой, состоящей в пустых словах, обыкновенно похищает у тебя истинную награду и подчиняет тебя себе больше, чем купленного раба. Ведь господа имеют рабов для того, чтобы они слушались их в том, что приказано, а ты служишь и без приказаний. Ты и не ждешь, чтобы услышать что-нибудь от них, но как только узнаешь, чем можно угодить им, все делаешь, хотя бы они и не приказывали. Какой же ге-

енны достойны будем мы, которые услаждаем дурных людей и служим им прежде, нежели прикажут, а вовсе не слушаем Бога, несмотря на то, что Он ежедневно нам приказывает и увещевает? Если ты любишь славу и похвалы, то избегай похвалы человеческой и тогда приобретешь славу; уклоняйся от людских одобрений и тогда получишь многие похвалы и у Бога, и у людей. Ведь и мы обыкновенно больше всего прославляем того, кто презирает славу, обыкновенно хвалим и удивляемся тому, кто ни во что ставит похвалы и удивление; если же мы так поступаем, то тем более Бог всяческих. А когда Бог восхвалит тебя и прославит, кто может быть счастливее тебя? В самом деле, каково различие между славой и бесчестием, таково же различие между славой небесной и человеческой, лучше же сказать, гораздо больше, до бесконечности. Если же человеческая слава ни с чем не сравнима, постыдна и безобразна, то рассуди, какой окажется ее гнусность, когда сопоставим ее со славой небесной (11).

Похвала от людей ненадежна и часто проистекает не из доброго

намерения, а похвала от Бога остается навсегда и сияет светло, потому что когда воздает похвалу ведущий все прежде исполнения и непричастный никакой страсти, тогда добродетель обнаруживается с несомненностью (12).

Мы не имеем нужды в посторонних похвалах. Не довольствоваться Его вниманием, а обращаться за похвалами к подобным нам рабам, это значит оскорблять Его. Как борцы, действующие на малом зрелище, ищут большего, считая первое недостаточным для своего отличия, так и подвизающиеся в очах Божиих, а потом ищущие славы от людей, оставляя большее, домогаются меньшего и тем навлекают на себя великое наказание. Оттого и извратилось все, оттого и произошло смятение во всей вселенной, что мы все делаем, взирая на людей; в делах добрых считаем ни за что благоволение Божие, но ищем одобрения от подобных нам рабов и в делах злых также не смотрим на Него, но боимся людей. Между тем люди вместе с нами предстанут на суд и несколько не помогут нам; а Бог, на которого мы теперь не обращаем внимания, произнесет Свой приговор

над нами. Мы знаем это и, однако, не перестаем искать внимания людей: вот наш главный грех! Пред очами человеческими никто не решится прелюбодействовать, но, как бы сильно ни воспламеняла похоть, сила страсти побеждается стыдом человеческим; а пред очами Божиими не только совершают блуд и прелюбодеяние, но дерзали и дерзают и на другие грехи, еще более тяжкие. Это уже одно разве не способно низвести на нас громы небесные? Но что я говорю о блуде и прелюбодеянии? Грехи гораздо более легкие делать пред людьми стыдимся, а пред Богом — нет. Оттого и произошло все зло, что в делах злых мы боимся не Бога, но людей; оттого мы и избегаем дел добрых, которые не кажутся таковыми людям, что взираем не на сущность вещей, но на мнения других (12).

ПОХОТЬ

Ужели не боишься ты, человек, одними и теми же глазами смотреть и на сцену в театре, где представляются гнусные действия прелюбодеяния, и на эту священную трапезу, где совершаются страшные таинства? Одними и теми же ушами слушать и сквернословя-

щую блудницу, и поучающего тебя пророка и апостола? Одним и тем же сердцем принимать и смертоносный яд, и страшную и святую жертву? Не отсюда ли развращение жизни, расстройство брачных союзов, распри и ссоры в семьях? В самом деле, когда ты, возбужденный тамошним зрелищем, сделавшись более сладострастным и похотливым и совершенным врагом целомудрия, возвратишься домой и увидишь свою жену, тебе совершенно неприятно будет смотреть на нее, какова бы она ни была. Распавшись на зрелищах похотью и пленясь чужим обольстительным лицом, ты не ценишь целомудренной и скромной жены, подруги всей твоей жизни, оскорбляешь ее, осыпаешь тысячью упреков — не потому, чтобы было тебе за что винить ее, но потому, что стыдно высказать страсть и показать рану, с которой ты возвратился оттуда домой; сплетаешь другие предлоги, отыскивая безумные поводы к ссоре; с отвращением смотришь на всех домашних, предавшись совершенно той гнусной и нечистой похоти, которой уязвлен, и, нося в душе запавший в нее звук голоса, поступь, взгляд, движения и все образы блудные, ни на что домашнее не

смотришь с удовольствием. И что говорю о жене и доме? На самую Церковь будешь смотреть с большим неудовольствием, а слова о целомудрии и чистоте слушать с досадой; они являются для тебя не поучением, а осуждением; впав мало-помалу в отрицание, наконец, ты совсем удалишься от этого общепользующего учения. Поэтому прошу всех вас о том, чтобы и сами вы избегали гибельного пребывания на зрелищах и посещающих отвлекали от них. Ведь все, что бывает там, доставляет не развлечение, а гибель, муку и осуждение. Что пользы в этом кратковременном удовольствии, когда от него происходит постоянная скорбь, и ты, днем и ночью уязвляемый похотью, для всех становишься тягостным и неприятным? Посмотри на самого себя, каков бываешь ты по возвращении из церкви и каков по выходе из театра; сравни оба эти дня — и тебе не будет нужды в наших словах (1).

Как томимый непрестанной жаждой, хотя бы перед ним были тысячи источников, не извлекает из того никакой пользы, не имея возможности угасить болезни, так бывает и с человеком, непрестан-

но живущим в похотях. Но если будешь ограничиваться потребным, то никогда не подвергнешься такой горячке, но освободишься от всего этого — и от пьянства, и от распутства. Потому, ешь столько, сколько нужно для утоления голода, одевайся так, чтобы быть только прикрытым, не наряжай своей плоти в одежды, чтобы не погубить ее, потому что посредством излишней неги сделаешь ее более слабой, расстроишь ее здоровье и приведешь ее в совершенное изнеможение. Итак, чтобы плоть твоя была прекрасной колесницей души, чтобы кормчий безопасно сидел у кормила, чтобы воин легко мог владеть оружием, наблюдай во всем благочиние. Не тот, кто много имеет, но тот, кто немногим удовлетворяется, бывает непобедимым. Первый, хотя бы и не потерпел обид, боится, а последний, хотя бы и был обижен, останется в лучшем расположении духа, чем не обиженный, и потому будет благодушнее. Потому не о том будем стараться, чтобы никто не обижал нас, но о том, чтобы не мог сделать нам обиды и тот, кто бы захотел. А этого не иначе возможно достигнуть, как ограничивая себя одним необходимым и не желая большего (11).

ПРАВЕДНИКИ

Посмотри, как прост и неизыскан был образ жизни праведников, с каким удобством они совершали свои переселения, устроили свою жизнь, как странники и пришельцы, и то здесь, то там водружая свои палатки, как бы всю жизнь проводили в чужой стране. Не так делаем мы. Живя в чужой стране, как будто в отечестве, мы воздвигаем великолепные дома с портиками и галереями, приобретаем во владение поместья, строим роскошные бани и еще многое другое без числа. Посмотри же, как у праведника все имущество заключается в домочадцах и в стадах, и как нигде он не имеет постоянного жилища, но то в Вифиле ставит свою палатку, то под дубом мамврийским, то переходит в Египет, а теперь переселяется в Герары, и все это переносит с благодушием и за все воздает искреннее благодарение своему Господу. После столь великих обетований и благовестий, данных ему от Бога, видя себя окруженным такими [тяжкими] обстоятельствами, подвергаясь многим и разнообразным искушениям, он оставался непоколебим, как адамант, постоянно показывал в себе дух благочестивый и среди

всех препятствий нисколько не ослабевал в деятельности. Посмотри и теперь, возлюбленный, какое искушение постигает его в Герарах, и подивись твердости праведника в добродетели. Это искушение ни для кого не выносимое, так что иной не мог бы и слышать о нем, он перенес без огорчения, не требуя от Господа отчета в случившемся, как делают многие люди, будучи притом сами обременены бесчисленным множеством прегрешений. Они, когда подвергаются каким-нибудь скорбям, тотчас предаются беспокойству и пытливости и спрашивают: для чего случилось то и то? Для чего это попустил Бог? Но не таков был праведник: за то тем большую и получал он помощь свыше. Именно таково свойство истинно благомыслящего раба — не испытывать того, что от Господа бывает, а принимать от Него все в безмолвии и с благодарением (1).

Убеждаем любовь вашу тщательно внимать тому, что говорится, постоянно сохранять это в памяти и непрестанно содержать в уме, размышляя о подвигах терпения праведников, о великодушии, о вере их в божественные обетования, когда они не

колебались умом вследствие того, что происходило после обетований, но, твердо уповая на всемогущество Обетовавшего им, кротко переносили все и через это возвеличивались. Вот и праведник, столько лет оплакивавший Иосифа, как умершего, наконец, увидел его управляющим египетским царством; и досточудный Иосиф после рабства, после заключения в темнице, после всех других страданий, им претерпленных, получил начальство над целой страной. И, если мы проследим все заключающиеся в Писании повествования, то найдем, что все добродетельные мужи шествовали путем искушений и только таким образом получали свыше великую помощь. Поэтому если и мы хотим удостоиться благоволения Божия, не будем нетерпеливы в искушениях, не будем унывать, когда они постигают нас; но лучше будем радоваться и веселиться, укрепляя себя верой и зная, что тем большим будем наслаждаться Промышлением Божиим, если решимся все переносить с благодарением (1).

Добродетель и сама по себе трудна и неудобноисполнима, но особенно тогда, когда исполняю-

щий ее находится среди малого числа людей добрых. Как путешествие бывает трудно особенно тогда, когда путешественник один и не имеет никого своим спутником, так точно и здесь. Действительно, немаловажное дело — участие и утешение братий. Потому и Павел говорит: *будем внимательны друг ко другу, поощряя к любви и добрым делам* (Евр. 10, 24). Потому и древних праведников особенно нужно ублажать не только за то, что они совершали добродетели, но и за то, что совершали их при великом оскудении добродетелей, когда нигде не видно было добродетельных. Это выражает и Писание, когда говорит: *Ной был человек праведный и непорочный в роде своем* (Быт. 6, 9). Мы удивляемся Аврааму, Лоту, Моисею потому, что они были как бы звездами среди глубокой ночи, розами среди терний, овцами среди множества волков, шли по пути, противоположному всем, и не останавливались. Если в толпе это бывает трудно, и когда многие идут в противоположную сторону, то один, идущий вопреки толпе, встречает многочисленные затруднения; если во время мореплавания, когда волны несутся в противоположную сторону, бывает трудно направлять корабль

им на встречу, — то тем более в добродетелях (2).

Многие радуются, когда другие падают, и завидуют, когда они восстают, предаваясь той и другой страсти от жестокости и бесчеловечия. Но не таковы праведники; свободные от той и другой страсти, милостивые и человеколюбивые, они приобретают противоположные тому добродетели; как первые от жестокости своей впадают в ту и другую страсть, так последние по человеколюбию сострадают страждущим и сорадуются радующимся (3).

ПРАЗДНИКИ

Где поучение и молитвы, где благословения отцов и слушание божественных заповедей, где соборание братий и союз искренней любви, где беседа с Богом и беседа Бога с людьми, — там как не быть празднику и торжеству? Праздник делает обыкновенно не многочисленность, а добродетель собирающихся, не драгоценность одежд, а красота благочестия, не обилие трапезы, а душевное усердие. Величайший праздник — добрая совесть. Как во время мирских праздников: кто не может

ни одеться в светлую одежду, ни устроить более обильную трапезу, но живет в бедности, в голоде и в крайних бедствиях, — для того и праздник не в праздник, хотя бы весь город он видел ликующим, и даже тем более скорбит и сокрушается, чем более видит других в удовольствии, а себя в бедности; и как, напротив, для богача, живущего в веселии, могущего каждый день переменять одежды и наслаждающегося великим благоденствием, праздник и тогда, когда нет праздника, — так и в делах духовных: кто живет в правде и добродетели, тот и без праздника празднует, получая чистую радость от своей совести; а кто живет в грехах и в пороке и сознает за собою много злого, тот и в праздник менее всех празднует. Таким образом, можно и нам, если захотим, праздновать каждый день, если будем заботиться о добродетели и хранить в чистоте свою совесть (1).

Для христиан всякое время есть время праздника по преизбытку дарованных им благ. Какого в самом деле недостает блага? Для тебя Сын Божий сделался человеком, освободил тебя от смерти, призвал в Царствие. Получив

и получая такие блага, не должен ли ты праздновать во всю жизнь? Итак, никто пусть не скорбит в бедности, в болезни и в напастях; для нас всякое время есть время праздника. Потому Павел и говорит: *радуйтесь всегда в Господе; радуйтесь, и еще говорю: радуйтесь* (Флп. 4, 4). Во время праздников никто не одевается в нечистые одежды; так будем поступать и мы, потому что совершается брак, духовный брак. *Царство Небесное*, — говорит [Господь], — *подобно человеку царю, который сделал брачный пир для сына своего* (Мф. 22, 2). А когда царь совершает брак, и брак своего сына, то что может быть более такого праздника? Потому никто пусть не входит одетым в рубище; говорим не об одеждах, а о нечистых делах. Если в то время, когда все были облечены в светлые одежды, один только, оказавшийся на браке в нечистой одежде, был изгнан с бесчестьем, то подумай, какая тщательность и чистота требуются от входящих на этот брак (12).

ПРАЗДНОСТЬ

Говорю о тех, которые утучняют тело свое роскошью, будучи по природе не тучны. Возшло солнце, разлило повсюду светлые

лучи свои, пробудило всех на дела их; земледелец выходит, взяв заступ, ковач меди берет молот, каждый ремесленник — свойственное ему орудие, и все принимают за свое дело; жена берет пряжу или ткань; а он, как свинья, с раннего утра заботится о насыщении своего чрева, думая, как бы приготовить роскошную трапезу. Подлинно, насыщаться с раннего утра свойственно только бессловесным животным, которые ни к чему негодны, как только на заклание. Но и из них служащие к переноске тяжестей и способные к труду после ночи также принимают за дело. А он, восстав с ложа, когда солнце уже озарило всю площадь и когда все уже довольно потрудились над своими делами, поднимается потягиваясь, поистине как откормленная свинья, потеряв лучшую часть дня во мраке [сна]. Потом долгое время сидит на постели, часто будучи не в состоянии держаться от вчерашнего опьянения, и проводит в этом большую часть [утра]. Затем украшает себя и выходит — воплощенное безобразие, не имея в себе ничего человеческого, но совершенный зверь в образе человека: глаза заплыли, уста издают зловоние вина, а бедная душа, как бы поверженная на одр болезни

от неумеренно принятого множества яств, влачит бремя плоти, как слон. После того, дошедши до места, садится и начинает говорить и делать так, что лучше бы ему еще спать, нежели бодрствовать. Если ему скажут что-нибудь неприятное, то он бывает чувствительнее всякой девицы; если же приятное, то легкомысленнее всякого дитяти; между тем лицо его беспрестанно искажается зевотою. Он готов подчиниться всем желающим сделать зло, если не людям, то страстям; им легко овладевает и гнев, и похоть, и зависть, и все. Все ему льстят, все услуживают, еще более расслабляя его душу; и каждый день он получает какое-либо приращение своей болезни. Если он впадает в затруднительные обстоятельства, то обращается в прах и пепел, и шелковые одежды не приносят ему никакой пользы. Это сказано нами не напрасно, но с целью научить, чтобы никто не жил в праздности и бездействии. Праздность и роскошь не годны ни к чему, а только служат для тщеславия и удовольствия. Как всем не презирать такого человека: и домашним, и друзьям, и родным. Не справедливо ли кто-либо скажет, что он бремя земли и напрасно родился в мир, или,

лучше — не напрасно, но на свою голову, на погибель свою и ко вреду других? И посмотрим, что приятного в [такой жизни], где стремятся к праздности и недеятельности? Что может быть неприятнее человека, не знающего, что делать? Что постыднее его? Что жалче? Не хуже ли тысячи уз — постоянно звать, сидя на площади и взирая на проходящих? Душа по природе своей имеет нужду в движении и не терпит спокойствия. Бог сотворил ее существом деятельным, и потому деятельность свойственна ее природе, а бездействие противно ее природе. Не будем указывать на больных, но возьмем в доказательство сам опыт. Нет ничего постыднее праздности и бездействия; потому Бог и поставил нас в необходимость трудиться. Бездействие вредит всему и даже телесным членам. Если глаз, или уста, или желудок и какой угодно член не исполняет своего дела, то впадает в крайнюю болезнь; но ничто так не терпит от этого, как душа. Впрочем, как праздность есть зло, так и не надлежащая деятельность. Подобно тому, как если бы кто не стал есть ничего, то повредил бы свои зубы, и если бы стал есть не надлежащее, то произвел бы в них оскмину, —

так точно и здесь: если не делает ничего или делает, чего не должно, то теряет свою силу. Потому постараемся избегать того и другого, и праздности, и такой деятельности, которая хуже праздности. Какая же это деятельность? Любостяжание, гнев, зависть и прочие страсти (10).

ПРЕЛЮБОДЕЯНИЕ

Павел в своем Послании к Евреям, так говорит и убеждает: *старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа* (Евр. 12, 14). Святостью он называет целомудрие, по которому каждый должен довольствоваться своею женою и не падать с другою. А кто не довольствуется, тот не может спастись, но неизбежно погибнет, хотя бы имел тысячи добродетелей. В самом деле, блуднику невозможно войти в Царство Небесное; а тут уже не блуд, но гораздо более — прелюбодеяние. Как жена, которая связана с мужем, если будет еще в связи с другим, уже прелюбодействует, так точно и муж, связанный с женою, если будет иметь еще другую, прелюбодействует. А такой не наследует Царства, но будет ввержен в геенну. Послушай, что о таких лю-

дях говорит Христос: *червь их не умирает и огонь не угасает* (Мк. 9, 44). Подлинно, для того нет никакого извинения, кто при своей жене бесчинствует с другою, потому что это уже невоздержанность. Если многие и от своей жены воздерживаются, когда наступает время поста или время молитвы, то какой огонь собирает себе тот, кто не довольствуется даже своею [женою], но имеет еще связь и с другой? Если отпустившему и отвергшему от себя свою жену не позволено сопрягаться с другою, потому что это — прелюбодеяние, то какой грех делает тот, кто, имея в своем доме жену, приводит еще другую? Пусть же никто не позволяет оставаться такому недугу в своей душе, но пусть всякий с корнем исторгает его. [Прелюбодей] не столько вредит жене, сколько самому себе. Этот грех столько тяжок и непростителен, что если жена оставит мужа, даже идолопоклонника, против его воли, то Бог ее наказывает; а когда она оставит прелюбодея — не наказывает. Видишь ли, какое это зло? Если какая-нибудь верная жена, говорится, *имеет мужа неверующего, и он согласен жить с нею, не должна оставлять его* (1 Кор. 7, 13). Но о блуднице не так сказано, а что?

Кто разводится с женою своею, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать (Мф. 5, 32). Если чрез сожитие [муж и жена] составляют одно тело, то и живущий с блудницей необходимо становится одним с нею телом. Как же после этого честная жена, будучи членом Христовым, примет такого [мужа]? Или каким образом она соединит с собою член блудницы? И смотри, какая особенность! Сожительствующая неверному не становится оттого нечистою: *ибо неверующий муж, — сказано, — освящается женою верующею* (1 Кор. 7, 14). Но о блуднице не то сказано, но что? *Отниму ли члены у Христа, чтобы сделать [их] членами блудницы* (1 Кор. 6, 15)? Там освящение пребывает и не отнимается, несмотря на сожительство с неверным, а здесь оно удаляется. Подлинно, тяжкий грех — прелюбодеяние, и тяжкий, и готовящий нескончаемое наказание! Да и здесь оно навлекает бесчисленные бедствия. В самом деле, такой человек принужден бывает вести жизнь тяжкую и горестную, и его состояние ничем не лучше состояния осужденных на казнь, когда он тайком входит в чужой дом со страхом и великим трепетом и всех равно опасается — и рабов и

свободных. Поэтому, умоляю вас, потщитесь освободиться от этой болезни. Если не послушаетесь, то не входите в эти священные преддверия. Овцам, покрытым язвами и зараженным болезнью, не следует пастись вместе с овцами здоровыми; их должно отгонять от стада, пока не освободятся от своей болезни. Мы сделались членами Христовыми — не будем же членами блудницы! Здесь не распутный дом, но Церковь; и если у тебя члены блудодейцы, то не стой в церкви, чтобы не бесчестить этого места. Если бы даже не было геенны, если бы даже не было наказания — и в этом случает, как ты после тех договоров и брачных светильников, после того законного ложа, после чадородия, после такого общения — как ты можешь позволить себе прилепляться к другой? Как не стыдишься и не краснеешь? Разве не знаешь, что многие осуждают даже и тех, которые вводят к себе другую жену по смерти своей [первой] жены, хотя это дело и не заслуживает наказания? А ты еще при жизни своей жены берешь себе другую! Какова распущенность! Узнай, что сказано о таких людях: *червь их, говорит, не умирает и огонь не угасает* (Мк. 9, 44). Устрашись этой угрозы! Убойся

такого наказания! Не так велико здесь удовольствие, как велико там наказание (8).

ПРИМИРЕНИЕ

Павел, побуждая нас к примирению, сказал: *солнце да не зайдет во гневе вашем* (Еф. 4, 26). Как Христос побуждает нас к примирению, указывая время жертвы, так и Павел увещевает нас к тому же самому, указывая на время дня. Он страшится ночи, опасаясь, чтобы она, застигнув в уединении человека, терзаемого гневом, еще более не растравила его раны. В продолжение дня многие могут и отвлекать, и отторгать нас от гнева, а ночью, когда человек остается один и вдается в думы, волны вздымаются сильнее и буря свирепствует с большей яростью. Предупреждая это, Павел и хочет, чтобы мы, примирившись, встречали ночь, чтобы дьявол не воспользовался нашим уединением и не разжег сильнее печь гнева. Подобным образом и Христос не терпит ни малейшего отлагательства, чтобы по совершении жертвы принесший ее не сделался беспечнее и не стал бы отлагать примирения со дня на день. Он знал, что эту страсть надобно погашать как можно скорее. Как

мудрый врач предлагает не только предохраняющие от болезни средства, но и служащие к ее изменению, так поступает и Христос. Запрещение называть другого безумным есть врачевство, предохраняющее от вражды, а повеление примириться с ближним служит к удалению болезней, возникающих после вражды. Смотри, с какою строгостью Он предписывает исполнять то и другое. Там угрожает геенною, а здесь прежде примирения не хочет принять и дара и тем показывает, как велик гнев Его против враждующих. Таким образом Он исторгает и корень, и плод его. Сперва говорит: не гневайся; а потом — не произноси ругательных слов, поскольку одно усиливается другим — от вражды возрастает ругательство, от ругательства вражда. Потому-то Он сперва истребляет корень, а потом и плод, не дает возникнуть злу в самом начале; если оно уже возрастает и приносит пагубный плод, то сжигает его совершенно. С тою же целью вслед за упоминанием о суде, сонмище, геенне и наставлением касательно принесения жертвы, Христос присовокупляет еще следующее: *миришь с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним* (Мф. 5, 25). Не говори:

что же мне делать, если меня обижают, если отнимают от меня имущество и влекут меня на суд? Христос и в таком случае запрещает питать вражду, отнимая всякий к тому повод и предлог. Так как это повеление было особенно важно, то Господь убеждает к исполнению его указанием не на будущие блага, а на настоящие выгоды, которые скорее могут обуздывать грубых людей, чем обещания будущего. Ты говоришь: он меня сильнее и причиняет мне обиду? Но не причинит ли он тебе еще больше вреда, если ты не примиришься с ним и принужден будешь идти в темницу? Примирившись, ты уступишь имение, но зато тело твое будет свободно; а когда подвергнешь себя приговору судии, то будешь связан и понесешь жесточайшее наказание. Если же ты избежишь этой распри, то приобретешь двоякую пользу: во-первых, ты не потерпишь никакой неприятности; во-вторых, это будет уже твоя добродетель, а не следствие принуждения. Если же ты не хочешь внять моим увещаниям, то не столько причинишь вреда сопернику, сколько себе. Смотри, как Христос и здесь убеждает тебя скорее примириться. Сказав: *миришь с соперником твоим*, — присовокупляет: *скорее*.

Но не довольствуясь и этим, Он предлагает новое побуждение искать скорейшего примирения, говоря: *пока ты еще на пути с ним*, чтобы через все это сильнее склонить тебя и понудить к прекращению ссоры. В самом деле, ничто столько не нарушает порядка в нашей жизни, как наша медлительность и постоянные отсрочки при совершении добрых дел. Такая медлительность часто бывает причиною того, что мы всего лишаемся. Потому-то, как Павел говорит: прежде нежели зайдет солнце, прекрати вражду, и выше сам Христос увещевает: прежде нежели принесешь дар, примиришься, — так и здесь он побуждает к тому же, говоря: *скорее, пока ты еще на пути с ним*, — пока еще не дошел ты до дверей судилища, пока не предстал пред судию и не оказался в конце концов в его власти. До тех пор пока ты не взошел в суд, ты полный господин над собою; но как скоро переступишь за его порог, ты уже подневольный другого, и сколько бы ни усиливался, не можешь уже располагать собою, как хочешь. Что же значит: *миришь*? Это значит или то, чтобы ты согласился лучше потерпеть обиду, или то, чтобы ты смотрел на дело, поставив себя на месте твоего соперника,

чтобы по самолюбию не нарушить справедливости, но, рассуждая о своем деле, как о чужом, произнести беспристрастный приговор. Если тебе кажется это слишком великим, то не удивляйся. Христос для того ведь и предвозвестил все известные уже блаженства, чтобы, угладив путь и предуготовив душу слушателя, сделать ее способнейшею к принятию всех этих законов (6).

ПРИЧАСТИЕ

Чтобы не любовью только, но и самым делом быть нам членами плоти Христовой, будем причащаться этой плоти. А это бывает чрез пищу, которую Христос даровал, чтобы выразить Свою великую любовь к нам. Для того Он смешал самого Себя с нами и распустил тело Свое в нас, чтобы мы составили нечто единое, как тело, соединенное с головою. И это знак самой сильной любви. На это указывал и Иов, когда говорил о своих домочадцах, которые так сильно любили его, что желали срастись с его плотью: кто бы дал нам насытиться плотью его? (см. Иов 31, 31). Так говорили они, желая выразить свою великую любовь к нему. С этою же целью так поступил и Христос: чтобы ввести

нас в большее содружество с Собою и показать Свою любовь к нам, Он дал желающим не только видеть Его, но и осязать, и есть, и касаться зубами плоти Его, и соединяться с Ним, и насыщать Им всякое желание. Будем же отходить от этой трапезы, как лвы, дышащие огнем, страшные для диавола, помышляя о нашей Главе и о той любви, какую Он показал к нам. Часто родители отдают детей своих на вскармливание другим; а Я, говорит [Спаситель], не так, но питаю вас Своею плотью, самого Себя предлагаю вам, желая, чтобы все вы были благородны, и подавая вам благие надежды на будущее. Кто отдал вам самого себя здесь, то тем более [сделает для вас] там. Я восхотел быть вашим братом; Я ради вас приобщился плоти и крови; и эту плоть и кровь, чрез которые Я сроднился с вами, Я опять преподаю вам.

Эта кровь придает нам вид цветущий и царский; рождает красоту неизобразимую; не дает увядать благородству души, непрестанно напоая ее и питая. Наша кровь, образующаяся из пищи, не вдруг становится кровью, но [сначала] бывает чем-то другим; а эта кровь не так, но тотчас же напаяет душу и сообщает ей некую великую силу. Эта кровь, достойно принимаемая,

отстраняет и далеко прогоняет от нас демонов, призывает же к нам Ангелов и Владыку Ангелов. Демоны бегут оттуда, где видят Владычную Кровь, а Ангелы туда стекаются. Пролитая [на Кресте], эта Кровь омыла всю вселенную. Много об этой Крови Любоумрствовал и блаженный Павел в Послании к Евреям. Эта Кровь очистила место недоступное и святое святых. Если же ее образ имел такую силу и в храме еврейском, и в Египте, когда кровью были помазаны дверные косяки, то гораздо более — сама истина. Эта Кровь освятила золотой жертвенник. Без нее архиерей не дерзал входить в место недоступное. Эта Кровь поставляла во священника. Она в образах омывала грехи. Если же в образах она имела такую силу, если смерть так страшилась тени, то может ли, скажи мне, не убояться самой истины? Эта Кровь — спасение душ наших. Ею душа омывается; ею украшается; ею воспламеняется. Она делает нашу душу чище золота. Эта Кровь излилась и сделала небо для нас доступным.

Страшны поистине Таинства Церкви, страшен поистине жертвенник. Из рая выходил источник, изливавший чувственные реки; от этой же трапезы происходит ис-

точник, изводящий реки духовные. При этом источнике насажены не ивы бесплодные, но дерева, достигающие до самого неба и приносящие плод всегда спелый и никогда не увядающий. Если кто томится от зная, пусть идет к этому источнику и прохладит свой жар, потому что этот источник уничтожает засуху и освежает все попаленное — попаленное не солнцем, а раскаленными стрелами [дьявола]. Его начало — свыше, и исток его там же, и оттуда он напаивается. У этого источника много потоков, которые изводит Утешитель, а посредником при этом бывает Сын, не заступом пролагая им дорогу, но отверзая в нас расположение. Этот источник есть источник света, изливающий лучи истины. К нему стекаются и горные силы, чтобы созерцать красоту его потоков, потому что они яснее видят и силу подлежащих даров, и неприступное их сияние. Если бы возможно было, чтобы кто-нибудь вложил свою руку или язык в расплавленное золото — они тотчас озолотились бы. Точно такое же и еще гораздо большее действие производят и здесь на душу подлежащие тайны. Сильнее огня кипит и стремится эта река, но не сжигает, а только очищает все, чего касается. Эта кровь

древле была прообразована на жертвенниках, в закланиях, определенных законом. Она есть цена вселенной; ею Христос купил Церковь; ею Он всю ее украсил. Как тот, кто покупает слуг, дает за них золото и потому, желая их украсить, украшает золотом, так и Христос и купил нас Кровью и украсил Кровью. Приобщающиеся этой Крови стоят вместе с Ангелами, Архангелами и горними силами, облеченные в царскую одежду Христову и имея духовное оружие. Но этим я еще не сказал ничего великого: они бывают облечены в самого Царя. Но насколько велико и чудно это Таинство, настолько же верно и то, что если приступишь к нему с чистотою, приступишь во спасение; если же с совестью лукавою — в наказание и мучение. *Ибо, сказано, кто ест и пьет Господа недостойно, тот ест и пьет осуждение себе* (1 Кор. 11, 29). Если и оскверняющие царскую порфиру наказываются одинаково с раздирающими ее, то что удивительного, если приемлющие тело с нечистою мыслью подвергнутся такому же наказанию, как и те, которые истерзали его гвоздями? Смотри, на какое страшное наказание указывает Павел в словах: *[Если] отвергшийся закона Моисеева, при двух*

или трех свидетелях, без милосердия [наказывается] смертью, то сколь тяжчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь завета, которою освящен? (Евр. 10, 28–29). Будем же, возлюбленные, внимательны к самим себе, наслаждаясь такими благами. И если родится в нас желание сказать что-нибудь срамное или заметим, что нами овладевает гнев или другая какая страсть, — подумаем, чего мы удостоены, какого получили Духа. Такая мысль обуздает наши безумные страсти. Да и доколе мы будем привязаны к настоящему? Доколе не восстанем? Доколе будем нерадеть о своем спасении (8)?

ПРИШЕСТВИЕ ВТОРОЕ

Не думай, что Второе пришествие будет подобно первому: тогда Он приходил тихо и молчаливо, для подъятия грехов, а теперь придет для праведного возмездия; тогда Он был как бы врачом, а теперь — в образе судии; тогда Он насаждал виноградную лозу, а теперь собирает плод; потому Он придет для низвращения всего, чтобы ты уразумел величие Его и

чтобы знал, что Он мог и тогда прийти таким же образом (4).

Перенесись мыслью на небо и представь тот страшный день, в который придет Христос. Тогда ты увидишь не упряжку лошаков, не золотые колесницы, не драконов и аспидов, а то, что внушает великий страх и производит такое изумление, что и сами силы небесные ужасаются. *И силы небесные*, — говорится в Писании, — *поколеблются* (Мф. 24, 29). Тогда отвернется все небо и сойдет Единородный Сын Божий в сопровождении не двадцати и не ста, но тысячи и десятков тысяч Ангелов и Архангелов, и все будет исполнено страха и ужаса; земля разверзется, и все люди, когда-либо существовавшие, начиная от Адама и до того дня, восстанут из земли и будут восхищены, а Он сам будет блистать такою славою, что солнце и луна скроют весь свет свой, который помрачится тем сиянием (5).

Явится в образе древа Крестного, но будет сиять лучами света. Когда явится Крест, солнце померкнет и скроется — не исчезнет, но потонет в сиянии Его сла-

вы; луна помрачится и звезды погаснут или, лучше сказать — ниспадут, как написано: *солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба* (Мф. 24, 29), и тогда явится это страшное и славное знамение. При виде Его иудеи будут ругаться, а верные прославлять. Тогда каждый из верных в отдельности будет отвечать неверным. Тогда скажет нам Исаия: *вот Он, Бог наш! на Него мы уповали... возрадуемся и возвеселимся* (Ис. 25, 9); тогда явление Креста обличит дерзкое неверие и укрепит Церковь; тогда посрамлены будут противники и прославлены последователи; тогда вся тварь поклонится Сыну Божию — и уверовавшие, и не уверовавшие, но первые с торжеством, вторые со стыдом. Так, на царских картинах изображаются царские телохранители во славе и рядом с ними пленные варвары, поверженные у ног царя; простирается перед царем ниц варвар, простирается и подданный, но затем один смело стоит перед царем, прославляя своего владыку, а другой, силою повергнутый под ноги, преклоняется перед царем, но награды за свое поклонение не получает, потому что не по доброй воле пришел сюда, а по принуждению;

и получается, таким образом, что верхний ряд кланяется царю, а нижний падает перед ним, — а это две вещи различные: одно дело кланяться, другое — падать перед кем-либо. То же самое будет происходить и в пришествие великого Царя: на картине славы Его явится лик верующих, торжествуя вместе с ликом ангельским, с пением и славословием; а тут же неверующие будут расprostерты у ног великого Царя; те будут свободны и смелы, а эти связаны и удручены. Для верных не нужны узы, потому что они и без того уже привязаны любовью: любовь для них и заменяет узы; а кого не связала любовь, на того наложило оковы принуждение. И верные смело приближаются к Царю славы, а неверные и противники слова истины будут привлечены к Его престолу в железных оковах; те будут в лике поклоняющихся — вверху, а эти в лике повергнутых — во прахе. Именно как на картине: сверху изображены поклоняющиеся, а в нижней части пленные, падающие ниц; так точно и в Царстве Христовом верные встретят Его на облаках, а неверные будут перед Ним повергнуты во прах. Так и в псалме поклоняющиеся различаются от припадающих. *Вспомнят,*

и обратятся к Господу все концы земли, и поклонятся пред Тобою все племена язычников, ибо Господне есть царство, и Он — Владыка над народами (Пс. 21, 28–29), говорит псалмопевец, когда речь идет о тех, кто кланяется Богу; а о повергаемых перед Ним прибавил: *преклонятся пред Ним все нисходящие в персть* (Пс. 21, 30). Но почему же лик верных оказывается наверху? Потому, очевидно, что верные не будут стоять на земле, но в воздухе будут окружать великого Судию, как Его приближенные. Ведь и престол Божий не на земле утвердился: земля будет только подножием ног Его, так что все подсудимые будут внизу, а наверху только Судия и вместе с Ним Его друзья. Именно это желая показать — что верные будут стоять не на земле, а в высоте, — апостол говорит: *мы восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем* (1 Фес. 4, 17) (9).

Вознесись умом и, став выше видимого неба, воззри на то небо, которое выше этого, на бесконечную высоту — на свет, вселяющий ужас, на сонмы Ангелов, на бесчисленные лики Архангелов

и на прочие бестелесные Силы. И потом, спустившись с этой высоты, возьми нашу картину и представь то, что вокруг нашего царя, как то: мужей в одеждах, вышитых золотом, пары белых мулов с золотыми украшениями, колесницы с дорогими камнями, белоснежные ковры, бляхи, зыблущиеся на колесницах, драконов, изображенных на шелковых одеждах, щиты с золотыми выпуклостями на середине, ремни от них, испещренные по направлению к окружности множеством камней, коней, убранных в золото и золотые узды. Но как только мы увидим самого царя, то перестанем смотреть на все это. Он один обращает на себя наше внимание, его порфира, диадема, седалище, пояс, обувь и необыкновенный блеск внешнего вида. В точности объединив все это, опять возведи от этого свой ум горе, к тому страшному дню, в который явится Христос. Тогда увидишь не пары мулов, не золотые колесницы, не драконов и щиты, но то, что полно великого ужаса и производит такое поражающее впечатление, что и сами бесплотные Силы приходят в изумление, как сказано: *силы небесные поколеблются* (Мф. 24, 29). Тогда все небо откроется, отворятся врата небесного

свода, снизойдет едиnorodный Сын Божий в сопровождении не двадцати или ста человек, но в сопровождении тысяч Ангелов, Архангелов, Херувимов, Серафимов и прочих Сил, все исполнится ужаса и трепета, земля рассядетсЯ, и сколько ни было на свете людей — от Адама и до того дня, все восстанут из земли, все будут восхищены, а Христос явится в такой славе, что и луна, и солнце, и всякий свет скроется при этом блеске. Какое слово изобразит то блаженство, тот блеск и славу? Бедная душа моя! Мне и теперь приходится плакать и тяжело вздыхать при мысли, каких мы лишились благ, какого отчуждены блаженства, именно отчуждены (я и о себе говорю тоже), если не совершим чего-либо великого и удивительного. Пусть никто не говорит мне здесь о геенне, так как лишиться столь великой славы — мучительнее всякой геенны, а быть отчужденным от этого жребия — хуже бесчисленных наказаний. Но однако, мы еще стремимся к настоящему и не помышляем о кознях диавола, который за малое отнимает у нас большее, дает нам грязь, чтобы похитить золото или, правильное сказать, небо; показывает тень, чтобы отогнать нас от истины и

обольщает сновидениями (таково и есть настоящее богатство), чтобы при наступлении того дня мы оказались беднее всех (11).

ПРОМЫСЕЛ БОЖИЙ

Когда увидишь мужа и жену, живущих добродетельно, а между тем бездетных, когда увидишь, что они богобоязненны и заботятся о жизни благочестивой, но не имеют детей, не думай, что это есть следствие грехов. Многие намерения божественного домостроительства неведомы нам, но за все надобно благодарить [Бога], несчастными же считать только тех, которые проводят жизнь в пороках, а не тех, которые не нажили детей. Бог часто многое устраивает в нашу пользу, но мы не знаем причины событий. Поэтому во всяком случае должно удивляться Его премудрости и прославлять Его неизреченное челолюбие. Говорится же вам все это для вашей пользы, чтобы вы оказывали всегда признательность к Промыслу Божию, а не испытывали Его судеб (1).

Вы все, конечно, знаете, что бесплодие невыносимо для жен —

особенно из-за мужей. Есть много таких безрассудных мужей, которые винят жен, когда они не рожают, но, зная то, что способность рождать имеет начало свое свыше — от Божиего Промысла и что для этого ни природа женщины, ни сожитие [с мужем] и ничто другое само по себе недостаточно; но хотя бы и знали, что это обвинение не справедливо, тем не менее упрекают, часто даже отдаляются и неохотно живут с ними (1).

Людей, думающих, что все существует без причины и случайно, он научает, что над делами нашими есть Промысел, требующий отчета в совершаемом. А суд он понимает здесь как будущий, так и настоящий. Там будет Суд всеобщий и открытый, а здесь Бог требует отчета частным образом, пробуждая беспечных и располагая неверующих к мысли о Промысле над всем (2).

Не смущайся и не падай духом, когда взираешь на Его неизреченный Промысел, который ясно можно усматривать как в Его действии, так и в попущении. Это самое и Христос дал разуместь

ученикам, когда однажды в беседе с ними, предвозвестив им о судилищах, узах, о вражде всей вселенной и о непримиримой брани, сказал для их воодушевления и утешения: *не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего* (Мф. 10, 29). Этими словами Он хотел показать, что без Его ведома ничего не бывает, но что Он знает все, хотя и не делает всего. Поэтому, говорит, не смущайтесь и не бойтесь (6).

ПРОРОЧЕСТВА

Нужно сказать, для чего пророчества введены в человеческую жизнь. Итак, нужно сказать: для чего введены они? Бог обыкновенно отсрочивает и медлит наказывать грешников, между тем как бывает скор и быстр на благодеяния добродетельным. Это, т.е. то, что наказание следует не непосредственно за преступлениями, людей более беспечных располагает к падению. Потому Бог, чтобы показать Свое долготерпение и чтобы люди не сделались от этого более беспечными, употребляет врачество пророчества, научая грешников не самыми наказаниями, но до времени только пред-

сказанием о них, чтобы они в случае, если, выслушав угрозы, сделаются лучшими, — отклонили от себя действительное наказание; а если останутся бесчувственными, то Он подвергнет их наказанию. Дьявол же, видя это и понимая, сколь великая происходит отсюда польза, посылал лжепророков, которые говорили против пророков, угрожавших голодом, язвами, войнами, нашествием иноплемеников, и возвещали благоприятное. Как Бог страшными словами хотел отклонить наказание на самом деле, так дьявол производил противное: благоприятными словами расслабляя и делая людей беспечными, он делал необходимым наказание на самом деле. Потом, когда веровавшие лжепророкам и нисколько не радевшие о добродетели, но оставшиеся при своих грехах, навлекали на себя наказание и конец дела показывал истинность пророков и обличал лживость лжепророков, дьявол опять употреблял другое средство для гибели предающихся ему. Он убеждал людей легко обольщаемых, что случившиеся бедствия произошли от гнева бесов, которых они пренебрегали и презирали. Потому и Бог для уничтожения такого обмана предвозвещает людям за много лет

прежде то, что случится впоследствии, особенно же имеющие быть бедствия, чтобы ободряющие их не могли приписать случившегося гневу бесов (4).

Пророчество тогда познается лучше, когда оно открывает не только то, что сам Бог намерен делать, но и то, что желаешь ты сам (4).

Не ищи ясности в пророчествах, где тени и гадания, подобно тому, как в молнии ты не ищешь постоянного света, но довольствуешься тем, что она только блеснет (5).

ПРОСЬБЫ

Не проси ничего мирского, но всего духовного — и непременно получишь. Так, Соломон, когда просил должного, смотри, как скоро получил. Итак, молящемуся надлежит соблюдать два правила: первое то, чтобы просить усиленно; второе то, чтобы просить должного. И вы ведь, говорит Спаситель, будучи отцами, дожидаетесь просьбы от своих детей; и если они у вас станут просить бесполезного, то отказываете;

когда же будут просить полезного, то соизволяете и даете. Потому и ты, представляя это, не отступай до тех пор, пока не получишь, не отходи, пока не найдешь, не отлагай своего тщания, пока не будет отверста дверь. Если ты вступишь с такою мыслию и скажешь: не отступлю до тех пор, пока не получу, — то непременно получишь, если только того просишь, что и Тому, от Кого просишь, прилично дать, и тебе, просящему, полезно. Что ж бы это такое было? То, чтобы просить всего духовного, приступать к испрашиванию оставления своих грехов, по оставлении согрешений другим, без гнева и сомнения воздевать чистые руки (см. 1 Тим. 2, 8). Если мы так будем просить, то получим. Но ныне наши прошения достойны смеха и свойственны более людям пьяным, нежели трезвым. Отчего же, скажешь, я не получаю и тогда, когда прошу духовного? Конечно, от того, что ты или не со тщанием ударяешь в двери или сделал себя недостойным к принятию просимого, или скоро перестал просить (6).

Ты часто просишь того, что считаешь полезным, между тем как это не полезно. Бог обращает

внимание не на твои слезы, но на несчастье. Так и дитя часто просит от матери хлеба, но если [оно просит] чего-нибудь вредного, чего не должно просить, то мать не дает ему, не обращая внимания на его печаль, а только на пользу. Так и страдающий лихорадкой постоянно досаждаёт врачу, чтобы дал ему холодного, но врач не даёт ему, потому что не обращает внимания на его желание, вредное в его настоящем положении, но на пользу для его здоровья в будущем (9).

Будем вставать во время ночи; если не прочитаешь многих молитв, то прочитай одну со вниманием — и этого довольно, ничего более не требую; если не среди ночи, то хотя около утра. Покажи, что ночь не для одного тела, но и для души; не попускай проходить ей в бездействии, но воздай это воздаяние Господу, или, лучше, оно опять к тебе же возвратится. Скажи мне: когда мы впадаем в затруднительное положение, то кого тогда не просим? И если скоро получаем просимое, то чувствуем облегчение. Где ты найдешь, чтобы тот, кого ты просишь, готов был благодарить тебя за то, что ты просишь? Где ты найдешь, чтобы

не нужно было ходить и искать, кого бы попросить, но иметь его всегда в готовности? Или не нуждаться в других, чтобы просить чрез них? Что может быть больше этого? Он тогда особенно и исполняет [наши просьбы], когда мы не прибегаем к другим, подобно тому, как искренний друг тогда особенно упрекает нас в недоверчивости к его дружбе, когда просим его чрез других. Так поступаем и мы с просящими нас; тогда особенно бываем к ним благосклонны, когда они сами обращаются к нам, а не чрез других. Но что, скажешь, если я оскорбил Его? Перестань оскорблять, со слезами приступи к Нему — и Он скоро помилует тебя за прежние дела. Скажи только, что оскорбил Его, скажи от души и из глубины сердца — и во всем получишь прощение. Не столько ты желаешь, чтобы прощены были тебе грехи, сколько Он желает простить грехи твои. А что ты мало желаешь этого, пойми из того, что ты не хочешь ни бодрствовать, ни уделять из имущества своего; а Он, чтобы оставить нам грехи наши, не пощадил единородного, истинного и сопредельного Сына Своего. Видишь ли, что Он гораздо более тебя желает простить грехи твои? Не будем же нерадивы и не станем

откладывать это дело. Он человеколюбив и благ; подадим Ему только повод; и даже этого (Он требует) только для того, чтобы мы не оставались непотребными; а иначе Он помиловал бы нас и без этого. Подобно тому, как мы для блага рабов своих изобретаем и употребляем тысячи средств, так и Он печется о нашем спасении. *Предстанем лицу Его со славословием*, что Он благ и милосерд (Пс. 94, 2). Если ты не будешь призывать Его во истине и не станешь взывать от сердца: прости мне, а одними только устами, то что Он сделает? Что же значит: призывать во истине? С добрым расположением, с усердием, от чистого сердца. Подобно тому, как о мире говорят, что оно истинное, когда к нему ничего не примешано, так точно и здесь. Истинно призывающий Его и истинно просящий Его просит непрестанно и не отходит дотолы, пока не получит; а кто делает это лицемерно и желает только исполнить закон, тот не призывает Его во истине. Всякий, кто бы то ни был, не говори только: я грешник, но и старайся избавиться себя от этой славы; не говори только, но и сокрушайся. Если ты сокрушаешься, то прилагаешь старание; если не стараешься, то и не сокрушаешься; если же не

сокрушаешься, то издеваешься. Кто, сознавая, что он болен, не делает всего к тому, чтобы избавиться от болезни? Молитва — великое оружие. *Если вы, — говорит [Христос], — умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец Небесный* (Лк. 11, 13). Почему же ты не хочешь прибегнуть к Нему? Он любит тебя, может сделать больше всех и желает и может: что же тебе препятствует? Ничто. Итак, будем приступать к Нему с верою, приступать, принося угодные Ему дары: непамятословие, снисходительность, кротость (10).

ПРОЩЕНИЕ

Какой, в самом деле, труд — простить оскорбившему? Не прощение, но хранение вражды составляет труд. Напротив, освободиться от гнева и весьма легко тому, кто захочет, и это же доставляет спокойствие (6).

Требование Спасителя двоякое: чтобы мы чувствовали свои грехи и чтобы прощали другим. Чувствовать свои грехи нужно для того, чтобы удобнее было прощать их другим (так как размышляющий о собственных

грехах снисходительнее бывает к ближнему). Прощать же другим мы должны не словами только, но от чистого сердца. Итак, не будем же обращать против самих себя меча своим памятозлобием. Чем и в такой ли мере причинит тебе зло оскорбивший тебя, сколько ты сам себе причинишь, питая в себе гнев и подвергаясь за то осуждению от Бога? Если ты будешь рассудителен и любомудр, то зло обратится на главу оскорбившего и он жестоко пострадает. Если же ты будешь оскорбляться и негодовать, то сам пострадешь — не от него, а от самого себя. Итак, не говори, что другой оскорбил тебя, и оклеветал, и причинил большое зло: чем больше будешь говорить, тем более покажешь, что он твой благодетель. Он доставляет тебе случай освободиться от грехов, так что, чем больше наносит тебе обид, тем больше становится причиною очищения грехов твоих. Действительно, если мы захотим, нас никто не может обидеть; самые даже враги величайшую доставят нам пользу. Но что говорить о людях? Может ли кто быть лукавее дьявола? Но и он может доставить нам удобнейший случай к нашей славе, как это показывает пример Иова. Если же дьявол доставляет случай по-

лучать венцы, то для чего бояться врага — человека? Смотри, сколько получаешь ты пользы, перенося безропотно обиды от врагов: первая и важнейшая — отпущение грехов; вторая — терпение и великодушие; третья — кротость и человеколюбие, так как тот, кто не способен гневаться на оскорбляющих его, тем более будет кроток в отношении к любящим его; четвертая — совершенное истребление гнева, с чем никакое благо не может сравняться, так как свободный от гнева, без сомнения, свободен и от неприятностей, с ним соединенных, и не проводит жизни в напрасных огорчениях и муках. Не умеющий враждовать не знает и печали, но наслаждается радостью и другими бесчисленными благами. Итак, ненавидя других, мы сами себя наказываем, равно как любя других, благодетельствуем сами себе. Притом тебя будут уважать все, даже и сами враги, хотя бы они были демоны; вернее же сказать, поступая таким образом, ты уже не будешь иметь и врага. Но что всего важнее, ты приобретешь милосердие Божие. Если ты согрешил, получишь прощение грехов своих; если прав, получишь большее дерзновение к Богу. Итак, не будем питать ненависти ни к кому, чтобы и самим

заслужить любовь от Бога, — и тогда, хотя бы мы десятью тысячами талантов были должны, Он умиласердится над нами и помилует нас. Но ты обижен ближним? Потому-то и будь снисходителен к нему; не питай ненависти; плачь и рыдай, а не презирай его: ведь не ты прогневал Бога, но он; а ты, перенесши обиду, поступил достохвально. Припомни, что и Христос, идя на Крестную смерть, о Себе радовался, а о распинателях Своих плакал: подобным образом и нам надлежит поступать. Чем более нас обижают, тем более мы должны оплакивать обидевших нас; для нас отсюда происходит великое благо, для них же, напротив, великое зло. Но ближний тебя обидел при всех и даже ударил? Это значит лишь, что он при всех обесчестил и посрамил самого же себя и тысячу обвинителей вооружил против себя, тебе же, напротив, приготовил многие венцы и дал многих глашатаев твоего великодушия. Но он оклеветал тебя пред другими? Что тебе и до этого, когда Сам Бог будет рассматривать твое дело, а не те, которые слышали клевету? Он только прибавил лишний повод для своего наказания, так как должен будет дать ответ не только за свои поступки, но и за то, что осудил

тебя. Тебя он оклеветал пред людьми, а сам сделался виновным пред Богом. Если же для тебя этого недостаточно, то вспомни, что и Сам Владыка был оклеветан и от сатаны, и от людей, и притом пред теми, которых Он наиболее любил. То же самое испытал и единокровный Сын Его, Который потому и сказал: *если хозяина дома называли веельзевулом, не тем ли более домашних его* (Мф. 10, 25)? И не только оклеветал Его злой тот демон, но даже успел клевету свою выдать за истину — и оклеветал не в маловажном чем-нибудь, но в величайших и позорных преступлениях: называл Его и беснующимся, и лъстецом, и противником Богу. Но ты, оказав благодеяния ближнему, терпишь от него обиду? Поэтому-то особенно плачь и болезнуй о причинившем тебе зло, а о себе радуйся: ты уподобился Богу, *Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми* (Мф. 5, 45). Но если подражание Богу превосходит твои силы (хотя для ревностного и это не трудно, но пусть тебе кажется это сверх твоих сил), то мы укажем тебе пример для подражания в подобных тебе рабах. Посмотри на Иосифа: он хотя претерпел бесчисленные бедствия от своих братьев, однако же

облагодетельствовал их; посмотри на Моисея, который после бесчисленных против него злоумышлений иудеев молился за них; посмотри на блаженного Павла, который не мог даже исчислить страданий, какие потерпел он от иудеев, и при всем том желал еще быть за них под анафемою; посмотри на Стефана, который, будучи побиваем камнями, молился об отпущении греха этим убийцам. Припомнив все это, оставь всякий гнев, чтобы и тебе Бог оставил все прегрешения твои (7).

Подумай, как много ты виновен, и не только не отказывай в прощении обидевшим тебя, но сам спеши к огорчившим тебя, чтобы и у тебя было основание получить прощение, чтобы найти извинение собственных твоих неправд. Язычники, не ожидая никаких великих благ, часто поступали в таких случаях благоразумно; а ты, имея в виду такие надежды, отказываешь в прощении, и медлишь, и не решаешься заблаговременно из повиновения закону Божию совершить того, что со временем само собою сделается, но лучше хочешь, чтобы страсть погасла в тебе без всякой для тебя награды, чем с наградою? Если

страсть твоя от времени и погаснет, то тебе никакой не будет из того пользы; напротив, тебя ожидает великое наказание, потому что ты не сделал по внушению закона Божия того, что сделало время. Если ты скажешь, что воспоминание об оскорблении воспаляет тебя гневом, то вспомни, не сделал ли тебе какого-нибудь добра оскорбивший тебя; а вместе подумай, сколько зла замышлял ты сам против других? Он тебя злословил и бесчестил? Представь, что и ты иных злословил. Как же получишь ты прощение, когда сам другим в нем отказываешь? Но ты никого не злословил? Зато ты слушал, как другого злословили, и соглашался. А и это не безгрешно. Хочешь ли знать, как хорошо прощать обиды и как много это приятно Богу? Он наказывает тех, которые радуются, когда видят справедливо наказываемых Им, — потому что хотя они и праведно наказываются, но тебе не должно радоваться. И пророк, обличив многие неправды, присовокупил: *не болезнуете о бедствии Иосифа* (Ам. 6, 6); и еще: *не убежит и живущая в Цаане; плач в селении Ецель не даст вам остановиться в нем* (Мих. 1, 11). Хотя Иосиф, то есть колена, от него происшедшие, и другие, соседние с ними,

были наказаны по определению Божию, но Он хочет, чтобы мы сострадали и им. Если мы, будучи злы, когда наказываем раба и видим, что кто-либо из товарищей его смеется, еще более раздражаемся и обращаем гнев свой против последнего, то тем более Бог накажет тех, которые радуются, видя наказываемых Им. А если должно жалеть, а не нападать на тех, которые наказываются от Бога, то тем более должно жалеть тех, которые согрешают против нас. Это — знак любви, а любовь Бог всему предпочитает. Как в царской багрянице почитаются драгоценными те цвета и краски, которые украшают хламиду, так точно и здесь драгоценны те добродетели, в которых содержится любовь. А ничем так не сохраняется любовь, как прощением обид виновным пред нами. Разве Бог не имеет попечения и об обиженных? Не посылает ли Он обиженного к обиженному? Не отсылает ли его к нему от самого алтаря и не призывает ли его к трапезе после примирения (см. Мф. 5, 23)? Впрочем, поэтому тебе еще не надобно дожидаться, пока он к тебе придет; иначе ты все потерял. Для того особенно Бог и назначает тебе великую награду, чтобы ты предварил его; так что если ты прими-

ришься по его прошению, то любовь будет плодом уже не повеления Божия, но усердия обиженного, — почему ты и остаешься неувенчанным, тогда как тот получает награду. Что ты говоришь? Ты имеешь врага и не стыдишься? Не довольно ли нам и дьявола, чтобы еще приобретать себе врагов из среды подобных нам? О, если бы и он перестал враждовать против нас! О, если бы и он Не был дьяволом! Ты не знаешь, как велико удовольствие после примирения? Что нужды, если не обнаруживается оно ясно во время самой вражды? Только по прекращении вражды можно хорошо узнать, что гораздо приятнее любить оскорбленного, чем ненавидеть (7).

Если увидишь, что сердце твое возгорается [от обиды], огради грудь твою крестным знамением: вспомни что-нибудь из случившегося тогда, — и этим воспоминанием ты рассеешь всякое возмущение духа, как прах. Помысли о словах, делах; помысли, что Он Владыка, а ты — раб. Он пострадал для тебя, а ты для себя; Он за благодетельствованных Им и вместе распявших Его, а ты за себя самого; Он за причинявших Ему оскорбления, а ты часто за

обиженных тобой; Он — в глазах целого города, даже всего народа иудейского, в глазах пришельцев и соотечественников, которым Он изрекал человеколюбивые глаголы, а ты — в присутствии нескольких. А что всего обиднее, Он оставлен был и самими учениками. Те, которые прежде услуживали Ему, убежали от Него; а враги и противники — иудеи, воины, с обеих сторон разбойники, — окружая Распятого, досаждали, укоряли, поносили, насмехались, хулили: и разбойники оба поносили и хулили Его. Но как же Лука говорит (см. Лк. 23, 40), что один из разбойников поносил Его? И то, и другое было; сперва хулили оба, а после не так уже. Чтобы ты не подумал, будто бы это произошло по какому-то согласию или что разбойник не был разбойником, — евангелист его ругательством доказывает тебе, что сперва на кресте был разбойник и враг, но внезапно изменился. Итак, обо всем этом размышляя, подумай: что потерпел ты подобное тому, что понес Господь твой? Ты посрамлен публично? Но, конечно, не так. Ты наказан? Но, конечно, не по всему телу, и не столько обнажен и замучен. Если и заушали тебя, то опять не так. Прибавь к этому: от кого, за что, когда? И что всего

тяжелее — на происходившее тогда никто не жаловался, никто не обнаруживал негодования; напротив, все хвалили, все вместе смеялись и посрамляли, поносили Его, как обманщика, самохвала и льстеца, который не может оправдать делами слов своих. Но Он совершенно молчал, подавая нам не оцененное врачевание — долготерпение. А мы, слушая это, не умеем быть терпеливыми даже и перед рабами своими, но пуще диких ослов скачем и бьем ногами; люты и бесчеловечны бываем против обижающих нас, а о том, что касается до Бога, заботимся мало. Таковы же остаемся и в отношении к друзьям: если кто обидит нас, никак не стерпим; если досадит кто, мы свирепствуем более зверей, мы, которые читаем это ежедневно. Один ученик предал, прочие, оставив Его, убежали; те, которые благодетельствованы, плевали на Него; слуга архиереев заушал; воины били по ланитам; мимо проходящие насмехались и поносили; разбойники также укоряли; и Он никому не отвечал ни слова, но всех победил молчанием, самым делом научая тебя тому, что чем более ты будешь переносить все с кротостью, тем легче победишь несправедливо поступающих с тобой и всех заставишь

удивляться тебе. Кто, в самом деле, не подивится тому, кто с кротостью переносит обиды, наносимые со стороны дерзких поносителей. Подобно тому, как тот, кто хотя и законно страдает, но переносит бедствия с кротостью, многими считается за невинного страдальца, так, напротив, тот, кто страдает и невинно, но от нетерпения неистовствует, навлекает подозрение, будто он терпит достойное и становится предметом смеха, как пленник, увлекаемый гневом, потерявший свое благородство. Такой человек недостойн называться и свободным; хотя бы управлял тысячами слуг. Но тебя кто-нибудь сильно раздражил? И что же в том? Теперь-то и надлежит показать свое любомудрие. Мы и зверей видим кроткими, когда их никто не раздражает; не всегда и они свирепствуют, а когда только кто раздражит их. Итак, если и мы только тогда остаемся спокойными, когда никто нас не раздражает, то чем мы превышаем зверей? Они не без причины часто мечутся и могут быть извинены, так как ярятся оттого, что их раздражают и бьют; сверх того, у них нет рассудка, и они от природы получили зверство. Но когда ты свирепствуешь и зверствуешь, скажи мне, в чем можешь найти

себе извинение? Какое зло потерпел ты? Ограблен ли? Потому-то ты и должен перенести это, что тем самым приобретаешь большее. Обесславлен ли? Что же в этом? Ты сам от того не меньше стал, если ты рассудителен. Если же ты ничего не потерпел худого, то почему гневаешься на того, кто не только не причинил тебе зла, но принес еще и пользу? Те, которые уважают нас, усыпляют и разнеживают нас; напротив, обижающие и презирающие делают более терпеливыми тех, которые внимательны к себе. Ленивые более терпят вреда, когда их уважают, нежели тогда, когда оскорбляют их. Оскорбляющие заставляют нас умудряться, когда мы бодрствуем над собой; а те, которые хвалят нас, умножают в нас надменность, возбуждают гордость, тщеславие, беспечность и делают душу изнеженной и слабой. Это доказывают те отцы, которые не столько ласкают своих детей, сколько бранят, боясь, как бы они не потерпели вреда от снисхождения; то же средство употребляют и учителя. Поэтому, если кого следует отвращать, то именно льстецов, а не оскорбляющих нас: больше приносит вреда лесть, нежели обида. Ласкательство есть приманка для неосторожных, и

от нее труднее предостеречься, нежели от той; да и больше за то награды, более славы. И подлинно, более достойно удивления видеть человека, которого оскорбляют — и он не возмущается, чем такого, которого бьют, поражают — и он не падает. Но как возможно, скажешь ты, не возмущаться. Обидел ли кто тебя? Огради крестным знаменем грудь; вспомни все, что происходило на Кресте, — и все погаснет. Не думай об одних обидах, но вспомни вместе и о добре, какое ты когда-нибудь получил от обидевшего; и тотчас станешь кротким. Особенно же и прежде всего приведи на мысль страх Божий — и вскоре сделаешься умерен и покоен (7).

Прости нам, — говорим мы, — долги наши, как и мы прощаем должникам нашим (Мф. 6, 12). Знаю, что оскорбленная душа нелегко переносит оскорбления; но если подумаем, что прощением обиды мы делаем добро не столько оскорбившему, сколько себе самим, то легко извергнем из себя яд гнева. И тот, кто не простил должнику своему ста динариев, обидел не собрата своего, но себя самого сделал должником тысячи талантов, которые прежде были

прощены ему. Таким образом, когда мы не прощаем другим, то не прощаем самим себе. Будем же не Богу только говорить: не помяни согрешений наших, но и самому себе пусть каждый говорит: да не помянем согрешений собратий наших против нас. Ты сам первый судия твоим делам, а потом уже судит их Бог. Ты пишешь себе закон прощения и наказания и изрекаешь себе приговор того или другого; таким образом, от тебя зависит — помянет ли или не помянет Бог грехи твои. Потому и Павел заповедует прощать *если кто на кого имеет жалобу* (Кол. 3, 13), да и не просто прощать, а так, чтобы и следов (гнева) не оставалось. И Христос не только не поставил на вид грехи наши, но и не вспомнул о том, что мы согрешили, и не сказал: ты согрешил в том и в том, а простил и уничтожил рукописание, не вменив нам преступлений, как изъяснил это Павел (см. Кол. 2, 14). Так будем поступать и мы и изгладим все из нашей памяти; разве что-либо доброе сделано оскорбившим нас — это одно и будем помнить. А если он сделал что-нибудь оскорбительное и враждебное, то оставим это и изгладим из памяти, так чтобы не осталось и следов. Если же от него не было

нам ничего доброго, то тем больше нам награды, больше хвалы, если мы прощаем. Иные изглаждают грехи свои бдениями, лежанием на земле и бесчисленными подвигами; а ты можешь уничтожить все согрешения свои гораздо более легким способом — непамтованием зла (8).

Слез достойны не те, которые терпят обиду, но те, которые причиняют ее. Лихоимец, клеветник и всякий делающий какое-либо другое зло вредят гораздо больше самим себе, а нам приносят величайшую пользу, если мы не мстим за себя. Положим, например, такой-то ограбил, а ты за обиду возблагодарил и прославил Бога. Через это благодарение ты приобрел себе бесчисленные награды, равно как тот приготовил себе неизреченный огонь. Если же кто скажет: что же, если я не мог отомстить обидевшему меня, потому что я слабее его? — то я отвечу вот что: ты мог сердиться и гневаться, потому что это в нашей власти, желать зла опечалившему, тысячекратно проклинать его и всюду бесславить. Следовательно, кто этого не сделал, тот получит награду и за то, что не мстил, так как, очевидно, он не

стал бы мстить и в том случае, если бы мог это сделать. Ведь обиженный, если он малодушен, пользуется всяким оружием — мстит обидевшему проклятиями, ругательствами, наветами. Итак, ты не только не делай этого, но и молись за него; а если ты не только не сделаешь этого, но и станешь молиться за него, то будешь подобен Богу. *Молитесь*, — сказано, — *за обижающих вас, да будете подобны Отцу вашему Небесному* (Мф. 5, 44, 45). Видишь, какую великую пользу получаем мы от обид, причиняемых нам другими? Ничем так не усаждается Бог, как тем, когда мы не воздаем злом за зло? Но что я говорю: когда не воздаем злом за зло? Ведь нам заповедано воздавать противным — благодеяниями, молитвами. Поэтому и Христос воздал хотевшему предать Его благодеяниями, именно: умыл ноги, обличал тайно, укорял с кротостью, служил, удостоил его трапезы и целования, и хотя [Иуда] и от этого не сделался лучше, однако же Он не переставал делать Свое (9).

Ты хочешь, чтобы тебе отпущены были твои грехи? Прости и ты ближнему своему его грехи против тебя. Если не отпустишь

грехов брата твоего, и твоих не отпустит Господь, потому что Он сказал: *если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших* (Мф. 6, 15) (9).

ПУТИ К БОГУ

Во всем, как хотите, — говорит Он, — *чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними* (Мф. 7, 12). Видишь ли, что Он не предписал ничего странного, но то же, чего и прежде требовала природа? Как ты хочешь, говорит Он, чтобы поступали с тобою ближние, так и сам поступай. Хочешь, чтобы хвалили тебя? Хвали сам. Хочешь, чтобы у тебя не похищали? Не похищай сам. Хочешь быть в чести? Почитай других сам. Хочешь получить милость? Оказывай милосердие сам. Хочешь быть любимым? Люби сам. Хочешь не слышать о себе худого? Не говори ничего такого сам. И заметь, какая точность в выражениях. Он не сказал: *во всем, как не хотите, чтобы с вами поступали*, но: *во всем, как хотите*. Так как к добродетели ведут два пути, из которых один состоит в удалении от пороков, а другой в совершении добродетелей, то Он предлагает последний, ясно ука-

зывая чрез него и на первый. Первый путь Бог открыл, когда сказал: что ненавидишь, не делай другому (см. Тов. 4, 15), а последний Он ясно указал, сказав: *во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними* (2).

Пророк [Давид] говорит: *блаженны все боящиеся Господа, ходящие путями Его* (Пс. 127, 1). Дабы ты не подумал, что для тебя достаточно страха, он присовокупил: *ходящие путями Его*, указывая на то и другое: *боящиеся* и *ходящие*. Многие, имея правую веру, но проводя развратную жизнь, стали несчастнее всех. Поэтому, чтобы слова его не показались в этом отношении несправедливыми, он прибавил: *ходящие путями Его*. А какие это пути Божии, как не добродетельная жизнь? Чрез нее можно взойти на небо, достигнуть отечества и узреть самого Бога, сколько возможно человеку зреть Его. *Путями Его* называются потому, что чрез них можно взойти к Богу. Пророк не сказал: путь, но: *путями*, выражая, что они многочисленны и различны. Бог устроил много путей для того, чтобы обилием их сделать для нас восхож-

дение к Нему легким. Одни из людей сияют девством, другие прославляются брачною жизнью, иные украшаются вдовством; одни отвергли все, другие — половину; те восходят праведною жизнью, эти — покаянием. Для того Бог и устроил так много путей, чтобы тебе удобно было идти. Ты не мог после бани Крещения сохранить тело свое чистым? Можешь очистить себя покаянием, можешь — богатством, милостыней. У тебя нет богатства? Можешь призреть больного, посетить заключенного, подать чашу холодной воды, принять странника под кров свой, пожертвовать две лепты, как вдовица, и плакать с плачущими; и это — милостыня. Но ты не имеешь ничего, совершенно беден, слаб телом и даже ходить не можешь? Переноси все это с благодарностью — и получишь великую награду. Такова была добродетель Лазаря. Он никому не помогал деньгами: как он мог делать это, не имея сам необходимой пищи? Он не ходил в темницу: как он мог делать это, будучи не в силах сам подняться? Он не посещал больного: как он мог делать это, будучи сам облизываем псами? Но и без этого он приобрел награду за добродетель мужественным перенесением всего — тем, что, видя

жестокое и бесчеловечное в чести и роскоши, а себя в таких бедствиях, не произнес ни одного непристойного слова. Потому он и наследовал лоно Авраамово, хотя был ничем не лучше мертвого, бездейственно лежа тогда пред вратами богача; увенчан вместе с патриархом, совершившим так много добрых дел, прославлен и помещен в лоне его тот, кто не раздавал милостыни, не подавал руки обижаемому, не принимал странников, не мог сделать ничего другого подобного, но только за все благодарил Бога и получил светлый венец терпения. Подлинно, великое дело — благодарность, любомудрие, терпение среди таких страданий; это — высшая добродетель. За то и Иов был увенчан. Поэтому и диавол говорил: *кожу за кожу, а за жизнь свою отдаст человек все, что есть у него* (Иов 2, 4). Немалое дело — обуздать страждущую душу так, чтобы она ни в чем не согрешила. Это равно мученичеству; это — верх добра (2).

Если некоторые почитают ведущий в жизнь путь трудным, то мнение это происходит только от собственной их лени. Смотри, как Спаситель делает этот путь

удобным, когда запрещает вмешиваться между псами, предавать себя свиньям и повелевает остерегаться лжепророков, — всячески внушает быть осторожными. Самое даже наименование тесным путем весьма много способствует к тому, чтобы сделать его удобным, — потому что заставляет нас бодрствовать. Как Павел не с тем говорит: *Наша брань не против крови и плоти* (Еф. 6, 12), чтобы привести в уныние, но чтобы возбудить сердца воинов, — так точно и Господь путь жизни назвал трудным для того, чтобы, так сказать, пробудить от сна путников. Мало того: Он побуждает к бодрствованию еще и дальнейшим указанием на то, что на пути этом есть много препинающих и — что еще опаснее — последние нападают не явно, но скрытно. Таков именно род лжепророков. Но не на то смотри, говорит Христос, что этот путь труден и тесен, а на то, где он оканчивается; и не на то опять смотри, что противоположный путь широк и просторен, а на то, куда он ведет. Все же это Он говорит для того, чтобы возбудить в нас бодрость. С тою же целью Он и в другом месте сказал, что *употребляющие усилие восхищают его* (Мф. 11, 12). Подвижник бывает ревностнее, когда ясно

видит, что подвигоположник чтит трудные его подвиги. Итак, не будем скорбеть, если на пути жизни случатся с нами многие несчастья. Пусть путь прискорбен, и врата тесны, но не таков тот град, к которому ведут они. Потому-то ни здесь не должно ожидать покоя, ни там не должно предполагать ничего печального (6).

[Ты] скажешь, добродетель трудна и тяжела, а порок сопровождается многими удовольствиями; последний путь широк и просторен, а первый тесен и прискорбен. А всегда ли, скажи мне, это было так? Было ли так в начале? И ты сам против воли говоришь о добродетели то, что говоришь: так убедительна истина! Если бы пред тобой были два пути, один — ведущий в пещь, а другой — в рай, и ведущий в пещь был широк, а ведущий в рай — тесен, который путь скорее избрал бы ты? Сколько бы ты ни старался возражать, но несомненной истине не можешь противоречить, как бы ни был бесстыден. Впрочем, постараюсь из предметов, находящихся у нас под руками, доказать, что скорее тот путь достоин избрания, который имеет трудное начало, а не конец. Возьмем для

примера, если хотите, искусства; в них начало исполнено труда, а конец — пользы. Но, скажешь, никто не примется за искусство без принуждения; молодой человек, сделавшийся господином себя самого, скорее изберет в начале предаваться удовольствиям, а в конце терпеть бесчисленные бедствия, нежели трудиться в начале, а потом собирать плоды трудов. Значит, такой выбор есть дело сиротливого мышления и детской беззаботности, а выбор противоположный — благоразумия и мужеской зрелости. Так и мы, если бы по уму не были детьми, то уподоблялись бы не безрассудному сироте, но сыну, руководимому отцом. Потому мы должны оставить детское суждение, а не слагать вину на самые предметы и приставить к своей совести возницу, который бы не дозволял нам предаваться чревоугодию, а заставлял бы простираться вперед и подвигаться. Не нелепо ли — детей насильно принуждать заниматься предметами, имеющими трудное начало и полезный конец, а самим нам вести себя противно тому в отношении к предметам духовным? Между тем в житейских делах совершенно неизвестно, будут ли они еще иметь хороший конец. Преждевременная

смерть, бедность, клевета, перемена обстоятельств и многое другое подобное часто после многих трудов оставляют без плодов; а если трудящиеся и не лишаются всего, то собирают не большие плоды, потому что в настоящей жизни все подвержено разрушению. А мы и здесь стремимся не за пустыми и скоропреходящими вещами и не боимся конца, но еще большая и несомненнейшая надежда остается нам по отшествию из настоящей жизни. Потому какое прощение, какое оправдание могут иметь те, которые не хотят трудиться для добродетели? Но, спросишь еще, для чего путь добродетели тесен? Как? В земные царские чертоги ты не позволяешь входить никому из прелюбодеев, пьяниц и развратников, а на небо хочешь открыть путь людям, преданным распутству, роскоши, пьянству, корыстолюбию и всем порокам? Достойно ли это какого-нибудь прощения?

Не то я говорю, скажешь ты, но почему не широк путь добродетели? Нет, если захотим, то и очень удобен. Что в самом деле удобнее, скажи мне, подкопать ли стену и, похитив чужую собственность, сидеть потом в темнице или, довольствуясь своей собственностью, быть свободным от

всякого страха? Но еще не все я сказал. Что удобнее, скажи мне, отнять ли у всех собственность и, насладившись этой малостью в течение краткого времени, страдать и мучиться вечно или, прожив краткое время в праведной бедности, блаженствовать потом непрестанно (12)?

ПЬЯНСТВО

Горе тем, которые с раннего утра ищут сикеры и до позднего вечера разгорячают себя вином; и цитра и гусли, тимпан и свирель и вино на пиршествах их; а на дела Господа они не взирают и о деяниях рук Его не помышляют (Ис. 5, 11, 12). Обличив великое их¹ любостяжание, он [Исаия] полагает и корень зла. Этим корнем было пьянство, которое бывает причиной бесчисленного множества зол, особенно когда предаются ему с такой безмерностью. Посмотри, как метко он осмеивает их. Весь день, говорит, они употребляют на это. Не тогда, когда нужно obedать, они поступают так, говорит он, но всякое время делают временем пьянства, и с самого начала дня, когда особенно нужно было бы им быть внимательными, они

предаются великому опьянению, и потом уже невольно до вечера остаются в этой болезни. Если же они однажды поспешат погрузиться в бездну невоздержания, лишатся естественного смысла и отдадут свою душу в плен гибельной власти пьянства, то, подобно тому, как корабль, не снабженный балластом и не имеющий кормчего и корабельщиков, носится туда и сюда, увлекаемый повсюду беспорядочным стремлением вод, так точно и они носятся, увлекаясь в глубину опьянением. Потому пророк и говорит: *горе тем, которые с раннего утра ищут сикеры*. Они не нужду удовлетворяли и не ожидали пробуждения потребности, чтобы удовлетворить ее, но тем и занимались и о том заботились, чтобы постоянно пьянствовать. Потому он говорит: *которые ... ищут сикеры*. Сикером здесь называется сок пальм, который они приготавливали, перетирая и выжимая пальмовые плоды, чтобы обратить его в вино. Он имеет одуряющее свойство и производит опьянение, но они не обращали на это внимания, ища во всем удовольствия. *До позднего вечера разгорячают себя вином*. Таково свойство пьянства: с течением времени оно усиливается и возбуждает мучительную жажду.

¹ Здесь говорится об иудеях. — Прим. ред.

Далее пророк указывает и на другую вину, не меньшую первой: *и цитра и гусли, тимпан и свирель и вино на пиршествах их.* ...Действительно, это знак крайнего нечестия и душевного развращения — обращать свой дом в зрелище и предаваться таким песням. Что производит помрачающее пьянство, то производит и музыка, ослабляя крепость ума, сокрушая бодрость души и располагая к большему сладострастию. *А на дела Божии они не взирают и о деяниях рук Его не помышляют;* он говорит или о чудесах Его, или о созерцании природы. Как они могут созерцать ее, когда обращают день в ночь, а ночью бывают нисколько не лучше мертвых? Как они могут видеть восходящее солнце, блистательную красоту неба, разнообразный вечерний хор звезд и порядок, и деятельность всех прочих тварей, когда они лишены и внешних, и внутренних очей? Таким образом они немалый вред причиняли сами себе, если отходили из настоящей жизни без созерцания чудес Божиих, будучи погружены все время во мрак пьянства (4).

Как на причину всех пороков мы укажем на пьянство, на которое

многие смотрят совершенно как на ничто. Оно прежде всего повреждает ум, потом приводит к скупости, так как тому, кто не имеет ничего, чтобы уплатить, нужно предаваться скупости. А узы скупости железны — подобно тому, как если ты свяжешь какой-либо член узами, то вместе с ним влачится и все тело, куда бы ни влачились узы. Недостаточно и этого: пьяница теряет силу, становится скупым, грабителем, гневливым, ревнивцем, жестоким и безумным (4).

Что отвратительнее пьяной женщины, качающейся туда и сюда? Чем немогущее сосуд, тем жесточе крушение. Свободная ли то будет жена или раба — свободная бесчестит себя среди рабов, а раба то же делает среди рабов, и таким образом делают то, что Дары Божии хулятся несмысленными. Я слышу, как многие, когда встречаются такие случаи, говорят: будь проклято вино! О, глупость; о, безумие! Другие грешат, а ты порицаешь дар Божий. Что за сумасбродство? Ужели вино, о, человек, причиною такого зла? Нет, не вино, а невоздержание тех, которые злоупотребляют вином. Итак, лучше скажи: исчезни

пьянство, погибни роскошь! А если скажешь: пропади, вино, то можешь вслед затем сказать: пропади, железо — потому что есть человекоубийцы; пропади, ночь — потому что есть воры; пропади, свет — потому что есть клеветники; да погибнут жены — потому что есть блудницы. Таким образом ты все, наконец, захочешь истребить. Но ты не поступай так — это сатанинский дух. Не презирай вина, но презирай пьянство. Когда пьяный придет в чувство, опиши ему все его безобразие. Скажи ему: вино дано для увеселения, а не для того, чтобы безобразить себя; дано для того, чтобы быть веселым, а не для того, чтобы быть посмешищем; дано для укрепления здоровья, а не для расстройства; для уврачевания немощей телесных, а не для ослабления духа. Бог тебя почтил этим даром: для чего же ты неумеренным употреблением этого дара бесчестишь себя? Послушай, что говорит апостол Павел: *употребляй немного вина, ради желудка твоего и чистых твоих недугов* (1 Тим. 5, 23). Если этот святой, даже одержимый болезнью и частыми недугами, не употреблял вина, доколе не повелел ему учитель, то какого же достойны будем осуждения

мы, когда и здоровые упиваемся? Ему сказано: *употребляй немного вина, ради желудка твоего*; а из вас каждому упивающемуся скажет апостол: употребляй меньше вина, потому что от пьянства рождаются блудодеяние, сквернословие и прочие дурные похоти. Если же не хотите воздерживаться от пьянства по этой причине, то воздерживайтесь хоть потому, что оно возбуждает гнусные похоти. Вино дано для веселья, — сказано: *вино, которое веселит сердце человека* (Пс. 103, 15); а вы и это доброе его свойство порочите. В самом деле, что за радость — быть не в себе, мучиться множеством болезней, видеть все кружащимся, все во мраке и, подобно находящимся в горячке, иметь нужду в том, чтобы кто-нибудь намазал голову елеем? Я говорю не о всех, вернее, впрочем, о всех; не потому, что все пьют; нет, но потому, что не пьющие не заботятся о пьющих. Потому я и к вам особенно обращаюсь — к вам, находящимся в здоровом состоянии. Так и врач, оставляя больных, беседует с теми, которые сидят около них. Итак, к вам я обращаю слово: умоляю вас, не заражайтесь этой болезнью; а тех, которые заразились, ищищите из беды, что-

бы они не оказались хуже бессловесных. В самом деле, скоты не требуют ничего более того, что им нужно; а предающиеся пьянству становятся бессмысленнее и их, преступая границы умеренности. И подлинно, не гораздо ли лучше таких людей осел? Не гораздо ли лучше пес? Каждое из этих животных, как и все вообще животные, едят ли, пьют ли, знают пределы довольства и не простираются далее потребного. И хотя бы тысячи человек принуждали их, никогда не дадут себе дойти до неумеренности. Итак, вы хуже бессловесных и в этом отношении и не только в глазах здоровых людей, но и в собственных ваших глазах. И что вы сами о себе думаете хуже, чем о свиньях и ослах, это видно из того, что этих животных вы не заставляете есть сверх меры. Почему ж это так, спросят? Ты скажешь: чтобы не нанести им вреда; а о себе ты и этой предусмотрительности не употребляешь. Следовательно, ты думаешь о себе хуже, нежели о скотах, и, всегда обуреваемый, нерадишь о себе. Ты страдаешь от пьянства, не только в тот день, когда пьян, но и после того дня. Подобно как и по прошествии горячки остаются еще следы пагуб-

ного влияния ее, так и у тебя и по прошествии хмеля и в душе, и в теле свирепствует буря. Бедное тело лежит расслаблено, как корабль, разбитый бурей, а того беднее душа, потому что и в расслабленном теле воздымает бурю и возжигает похоть. Когда же, по видимому, приходит в здравый смысл, тогда-то особенно безумствует, воображая вино, бутылки, стаканы, чаши. Как при укрощении волнения после бури остаются следы разрушительного действия ее, так и здесь. Как там товары, так здесь почти все доброе выбрасывается. Целомудрие ли стяжал кто-либо, стыдливость ли, пристойность ли, кротость ли, смирение ли — все это пьянство повергает в море нечестия. А что еще после этого делает пьянство, того нельзя ни с чем и сравнить. Там по выгрузке корабль делается легче; а здесь, напротив, новое отягощение: вместо богатства корабль нагружается песком, соленой водою и всякою дрянью, отчего корабль и с пловцами, и с кормчим тотчас погибает. Итак, чтобы не потерпеть нам того же, устранимся от этой бури. Нельзя пьянице видеть Царствия Небесного. *Не обманывайтесь, — говорит апостол, — ... ни пьяницы, ни злоречивые, ни*

хищники — Царства Божия не *наследуют* (1 Кор. 6, 9–10). И что я говорю: Царствия Небесного? Пьяный не видит и настоящих предметов; пьянство дни превращает для нас в ночи, свет в тьму; пьяный, смотря во все глаза, не видит и того, что у него под ногами. И не это только зло рождается от пьянства, но и потом пьяницы подвергаются другой, жесточайшей казни: безумному унынию, неистовству, расслаблению, насмешкам, поношениям. Какого же помилования ждать тем, которые убивают себя такими бедствиями? Совершенно никакого (7).

Как упивающийся вином — чем больше выпьет чаш, тем больше их желает, так и любящий деньги, чем больше приобретает, тем сильнее разжигает пламя страсти и тем большею томится жаждою. В этом они имеют сходство между собою, а в другом сребролюбец, в свою очередь, имеет преимущество. В чем же именно? В том, что один переносит нечто сообразное с природою, потому что вино имеет горячительное свойство и, усиливая врожденную сухость, таким образом производит у пьяных жажду. А лихоимец вследствие чего по-

стоянно желает большого? Отчего происходит, что когда он больше обогащается, тогда живет в большей нищете? Страсть эта неудобопонятна и походит больше на загадку. Но посмотрим на них, если угодно, когда опьянение их прошло; впрочем, сребролюбца никогда и нельзя увидеть по окончании пьянства, он всегда находится в состоянии опьянения. Итак, посмотрим на них обоих в состоянии опьянения, разберем, кто из них смешнее, и изобразим их самыми точными чертами. Представим себе человека, потерявшего рассудок от вина, как он при наступлении вечера смотрит во все глаза и никого не видит, как бесцельно и без причины блуждает кругом, натывается на встречающихся, изрыгает, как он расстрепан и обнажен до бесстыдства, как жена, дочь, служанка и все много смеются над ним. Выведем также на средину и сребролюбца. Здесь поступки достойны не только смеха, но и проклятия, сильного гнева и бесчисленных громов. Впрочем, рассмотрим пока одно смешное. И сребролюбец, подобно пьяному, никого не узнает, ни друзей, ни недругов, так же слеп, хотя смотрит во все глаза, и как тот везде видит вино, так этот вез-

де видит деньги. Изрыгаемое им гораздо гнуснее, потому что он извергает из себя не пищу, но слова хулы, оскорблений, вражды и смерти, привлекая тем на свою голову тысячи небесных молний. Как у пьяного тело бывает синее и расслабленное, такова же у сребролюбца душа, а лучше сказать, и самое тело у него не свободно от этой болезни, но подвержено ей в большей степени, потому что хуже вина изъедают и постепенно истощают его заботы, гнев, бессонница. Одержимый пьянством может хотя ночью протрезвиться, а сребролюбец пьян постоянно: и днем, и ночью, и в бодрственном состоянии, и во сне подвергаясь наказанию больше всякого узника и работающих в рудниках или даже другому более тяжелому мучению. Скажи же теперь — жизнь ли это, а не смерть ли или — не хуже ли и всякой смерти? Смерть доставляет покой телу, избавляет от насмешек, стыда и грехов, а эти два рода пьянства ввергают во все это, заграждают слух, ослепляют глаза и держат рассудок в большом мраке (11).

Не предавайся пьянству — этому источнику скорби, утешению дьявола, виновнику бесчисленных зол, от которого и сон, подобный смерти, и головокружение, и болезни, и забвение, и смертное изнеможение. Ты, конечно, не решился бы в пьяном виде встретиться даже с другом: как же осмеливаешься, скажи мне, предаваться такому пьянству, имея в себе Христа? Но ты любишь удовольствия? Поэтому-то и перестань предаваться пьянству. И я желаю тебе удовольствия, но удовольствия истинного, никогда не увядающего. Какое же это удовольствие истинное и всегда цветущее? Призови к обеду Христа, раздели с Ним свои или, лучше, Его же [блага]: вот в чем заключается бесконечное и всегда цветущее удовольствие! А удовольствия чувственные не таковы; они как скоро являются, тотчас же исчезают, и наслаждающийся ими находится нисколько не в лучшем, а даже в худшем состоянии, нежели не наслаждающийся (12).

РАДОСТЬ

Таковы души святых! Они более, нежели о дарах, радуются о Боге, давшем их, — потому что любят Его не ради Его даров, но дары ради Его. Так, слугам признательным и рабам благодарным свойственно всему своему предпочитать их господина. Того же будем, убеждаю вас, держаться и мы: согрешим ли — станем скорбеть не о том, что наказываемся, а о том, что прогневили Господа; сделаем ли доброе дело — станем радоваться не ради Царствия Небесного, а о том, что угодили Царю Небесному. У кого есть ум, для того прогневать Бога ужаснее всякой геенны, равно как и угодить Богу — дороже всякого Царствия. И не удивляйся, что должно иметь такие чувствования по отношению к Богу, когда многие так же поступают и по отношению к людям. Так часто поступаем мы с своими детьми: если невольно сделаем им какое-либо зло, то мучим себя и наказываем; то же и отно-

сительно друзей. Если же оскорбить друзей или детей для нас гораздо тяжелее, чем вытерпеть наказание, то тем более нужно питать такие чувствования по отношению к Богу, неугодное Ему дело считать ужаснее всякой геенны. Таков был блаженный Павел: он говорил: *Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем* (Рим. 8, 38–39). И мы, когда ублажаем святых мучеников, то ублажаем их прежде за раны, а потом — за награды, прежде — за страдания, а потом — за уготованные им венцы, потому что награды от ран, а не раны от наград получают свое начало и основание. Так и блаженный Павел радовался прежде не о благах, уготованных (ему), но о скорбях, постигших его ради Христа, и восклицал: *Радуюсь в страданиях моих за вас* (Кол. 1, 24); и в другом месте: *Не сим только,*

но хвалимся и скорбями (Рим. 5, 3); и еще: *Потому что вам дано ради Христа не только верить в Него, но и страдать за Него* (Флп. 1, 29). И подлинно, удостоиться претерпеть что-либо ради Христа — величайшая благодать, венец совершенный и награда, не меньшая будущего воздаяния! Это знают те, которые умеют искренно и пламенно любить Христа (1).

Подобно тому как для зрелых мужей кажется смешною радость детей, потому что они радуются и восхищаются ничего не стоящими вещами, так и радость грешников представляется достойной порицания для праведников, потому что они радуются нахищенному и награбленному богатству и другим подобного рода вещам, которым нельзя будет радоваться, когда мы должны будем предстать пред страшным Судиею; напротив, мы должны радоваться, когда подвергаемся ограблению, подвергаемся клеветам, потому что с такою радостью можем явиться пред лицо Божие, как об этом свидетельствуют слова Господа: *блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша на-*

града на небесах (Мф. 5, 11–12). *Знайτε, что Господь — Он есть Бог Наш, Он сотворил нас, а не мы, мы же народ Его и овцы пажити Его* (Пс. 99, 3) (3).

Всякий, кто радуется о своих благах и детях, хотя бы потом подвергался печали, однако, видя приятную жену или любимых сынов, затем не считает бедствий более бедствиями. Равным образом это случается и с тем, кто радуется о Господе, — особенно, когда он наверное знает, что Бог не прогневался на него; тогда он более не скорбит и не печалится, подобно тому, как апостолы всегда радовались о Боге и других увещевали к тому же, говоря: *радуйтесь всегда в Господе* (Флп. 4, 4). Эта радость непреходяща и бессмертна. Если кто радуется о благах, то радость его бывает временна: когда богатство его истощится, то вместе с ним исчезнет и радость. Подобно тому как свежие весенние цветы бывают приятны для глаз, а поблекшие неприятны, таким же образом и богатство отнимает радость от ума и, может быть, само первое отойдет от нас или мы от него. Иной, может быть, будет радоваться из-за прекрасной жены, но и она — владение непрочное,

радость временная, веселие преходящее, соединенное со многими огорчениями и подозрениями: потому-то эта радость временна. Но если ты полюбишь Господа, то милосердие Его будет вечным; любовь постоянно обновляется, желание возжигается, никогда не дряхлеет и не стареет. Тот, кто любим тобою, всегда нов, желателен и достоин любви. Если же ты скажешь, что ты не видишь Его, то посмотри на небеса: как они прекрасны, как величественны! Как небо приятно, усладительно для зрения и полезно для всего! А это небо есть дело Того, Которого ты любишь, тонкое и нежное дело, перст Его. Отсюда ты уразумеешь красоту Его Самого, насколько это возможно. Разве ты не видишь Его? Если желаешь, то ты Его узришь, — очисти только ум, очисти сердце, потому что говорится: *блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят* (Мф. 5, 8) (4).

Ищущий славы то вдруг от радости поднимается вверх, то снова легко погружается, бывает всегда в тревоге и никогда в покое. Еще не выходя на зрелище и готовясь произнести речь, он беспокоится и трепещет, а после зрелища или умирает от уныния,

или опять предается безмерной радости — что хуже самой печали. А что радость не менее пагубна, чем печаль, это очевидно из ее действия на душу. Радость делает душу легкомысленною, надменною и непостоянною. Это можно видеть и на примере древних мужей. Когда, например, Давид был добротелен: тогда ли, когда радовался или когда был в тесных обстоятельствах? Иудейский народ, когда был добротелен: тогда ли, когда стenal и призывал Бога, или когда в пустыне радовался и поклонялся тельцу? Потому-то и Соломон, знавший лучше всех, что такое радость, говорит: *лучше ходить в дом плача об умершем, нежели ходить в дом пира* (Еккл. 7, 2). Потому и Христос убажвает скорбящих, говоря: *блаженны плачущие* (Мф. 5, 4); а радующихся почитает несчастными: *горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете* (Лк. 6, 25)! И весьма справедливо. Во время забав душа бывает слабее и изнеженнее, а во время скорби укрепляется, делается целомудренною, освобождается от всех страстей, становится возвышеннее и мужественнее (6).

Пусть кто-нибудь из вельмож обладает большим богатством,

живет в столице, никаких не имеет хлопот, только веселится, только в этом проводит время и находится на высшей степени богатства, чести и могущества. Противопоставим ему Петра в узах и, если угодно, среди бесчисленных бедствий: и тогда мы найдем, что [Петр] имеет больше радости — потому что если от избытка радости он и в узах радуется, то представь, как велика радость! Как облеченные великою властью не чувствуют бедствий, сколько бы их ни случилось, но продолжают радоваться, — так и апостолы по причине самих бедствий еще более радовались. Нельзя, поистине нельзя выразить словом того удовольствия, какое случается испытывать страждущим за Христа. Они радуются более среди бедствий, нежели во время благоденствия. Если кто возлюбил Христа — тот понимает, что я говорю (10).

РАЗВОД

Разводиться — дело противное как природе, так и закону: природе — поскольку рассекается одна и та же плоть; закону — поскольку вы покусаетесь разделить то, что Бог соединил и не велел разделять (7).

РАЙ

И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке (Быт. 2, 8). Что такое Едем? Едем значит: сладость (роскошь). Можно бы сказать: насадил рай в роскоши, то есть в роскошном, прекрасном месте. Потому под конец и говорится: *и изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского* (Быт. 3, 24). Почему рай не в другой стране, а на востоке? Откуда начало течения светил, оттуда и начало жизни людей. Бог предзнаменует будущее. На востоке в раю поселяет Он человека для того, чтобы показать, что как восходящие светила текут на запад и заходят, так и человеку должно по образу светил идти от жизни к смерти, погрузиться в смерть и достичь опять иного востока в воскресении мертвых. Адам устремился к западу, погрузился в гроб; за ним последовали и дела земли и спогреблись с умершим. Пришел Христос и дал восстание умершему. Потому пророк и говорит о Нем: *вот Муж, — имя Ему ОТРАСЛЬ, Он произрастет из Своего корня* (Зах. 6, 12), то есть из мертвых. В Адаме человек умер, во Христе восстал. *Как в Адаме все умирают, — свидетельствует Павел, — так во Христе все оживут* (1 Кор. 15, 22). *И взял Господь Бог*

человека, которого создал, и поселил его в саду Едемском (Быт. 2, 15). Ввел его в готовый дом. Подобно тому как зовущий кого-нибудь на пир сначала приготавливает дом и затем уже вводит званого, так точно и здесь: Бог приготовил человеку великолепную храмину — рай — и затем уже ввел званного. Где создан был человек? На земле, вне рая. Подобно тому как светила созданы были в другом месте и помещены на небе, так и Адам создан был вне рая, на другой земле, и потом уже был введен в рай. Откуда это видно? Писание, под конец [повествования о творении], когда Адам был изгнан из рая, говорит: *и выслал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят* (Быт. 3, 23). Поселил его в раю Едемском, чтобы возделывать его и хранить его (Быт. 2, 15). *Возделывать*. Чего же недоставало в раю? Но если даже делатель и нужен был, то откуда плуг? Откуда другие орудия земледелия? Дело Божие состояло в том, чтобы делать и хранить заповедь Бога, оставаться верным заповеди. *Вот дело Божие*, — говорит Спаситель, — *чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал* (Ин. 6, 29). Следовательно, как веровать во Христа есть дело Божие, так делом было и

верить заповеди, что, если коснется [запрещенного дерева], умрет, а если не коснется, будет жить. Делом было соблюдение духовных слов. Какое дело было у Павла? Был ли Павел земледельцем? Имел ли он другое какое занятие? Не все ли его дело заключалось в слове, в проповеди? *Не мое ли дело*, — говорит он ученикам, — *вы в Господе?* (1 Кор. 9, 1). *Возделывать*, — говорится, — *его и хранить его*. От кого хранить? Разбойника не было, прохожего не было, злоумышленника не было. От кого хранить? Хранить его для себя самого; не потерять его преступлением заповеди; хранить для себя рай, соблюдая заповедь. Вместе с голосом утомляется и мой ум, но изъясним мысль. *И поселил его в саду Едемском*. Событиями предшествовавшими Писание прикровенно указывает уже на будущее. *Из Едема выходила река для орошения рая* (Быт. 2, 10). Отсюда узнай, что рай был не маленьким садом, имевшим незначительное пространство. Его орошает такая река, что от полноты ее выходят четыре реки. *Из Едема выходила река для орошения рая*. Оросив рай, она разделяется затем на четыре реки: Тигр, Нил, Евфрат и реку, называемую в Писании Фисон, которую теперь называют Данувий (Дунай).

Заметь величину реки, если она разделяется на четыре реки. И эта река одна только орошает рай. Для чего такая река? Был один только Адам. Что за нужда была в такой большой реке? Она была не для него одного только, а назначалась для всей вселенной. Она уготована была патриархам, пророкам, апостолам, евангелистам, мученикам, исповедникам, святым, верным православным, благочестиво живущим, всем праведникам. Спаситель разбойнику, во едином часе исповедавшему Его, обещал рай, говоря: *ныне же будешь со Мною в раю* (Лк. 23, 43); подвизавшиеся от юности Авраам, Исаак, Иаков, происшедшие от него патриархи [последовали за ним]. Прежде всех их делается наследником рая разбойник. Итак, Бог творит Свои дела не ради настоящего, а ради ожидаемого. Ради чего Он сотворил такое пространство земли? Ради Адама или ради обитающих на ней теперь? *Потом разделялась на четыре реки* (Быт. 2, 10). Не сказано: «на четыре потока», а: *начала*, т.е. источника. Имя одному — Фиссон, о котором мы уже сказали. Далее — Гион, это — Нил; Гион — древнее его название. Об этом свидетельствует Иеремия, говоря: *и ныне для чего тебе путь в Еги-*

пет, чтобы пить воду из Нила (Иер. 2, 18)? Слушай здесь внимательно. Представь, что вот это — рай. Наглядно можно это разъяснить лучше, чем словом. Проходит большая река, изобилующая водою, и орошает рай. Отсюда она несется в подземную бездну и проходит под землею беспредельный путь, который знает только положивший его Господь, долгое время поток скрывается, расходится по разным местам, и наконец, одною частью является в Ефиопии, другою — на западе, третьей — на востоке. Так направляет Бог поток под землею и творит источники, чуждые первой реке. Для чего это? Для того, чтобы, идя по следам рек, люди не нашли рая, чтобы последний оставался для них недоступным. Если бы до рая можно было дойти, то никто не нашел бы его раньше богатых; теперь же Бог заключил его как для богатых, так и для бедных, чтобы все находили к нему путь только чрез одну добродетель. Сколько трудов подыали патриархи, пророки, святые, ища рай, и не нашли его? Разбойник, который этим путем не шел, чрез веру воистину нашел путь, — Того, Кто говорит: *Я есмь путь* (Ин. 14, 6). Он нашел рай, который заключен был преслушанием для первого человека. Но почему,

спросим, бытописатель, упомянув о первой реке, сказал: *ту, где золото, и золото той земли хорошее; там бдолах и камень оникс* (Быт. 2, 11–12). Если уж он описывал страны вселенной, то должен был бы указать богатства, находящиеся в каждой стране, — указать, где находятся смарагды, гиацинты, где топаз, где другие различные драгоценности. Он упомянул о золоте и двух камнях как о начатках священства, так как первосвященник носил золотой плат, на котором было написано имя Божие. Двенадцать камней было на груди первосвященника: сардий, топаз, смарагд, анфракс, сапфир, иапис, лигирий, агат, аметист, хризолит, берилл, оникс (см. Исх. 28, 17–20). Из этих двенадцати камней зеленый (смарагд) был усвоен колену священников, анфракс — царскому. Почему? Потому, что как огню свойственно жечь и светить, так и царю свойственно благодетельствовать и наказывать. Рувиму, первому колену, усвоится сардий Симеону — топаз, Левию — зеленый камень, Иуде, от которого Христос, — огненный анфракс. Спустя долгое время Исаия говорит Иерусалиму: *вот, Я начертал тебя на дланях Моих; стены твои всегда предо Мною. Я положу камни*

твои на рубине и сделаю основание твое из сапфиров (Ис. 49, 16; 54, 11), — разумея, несомненно, Спасителя. *Вот, Я полагаю в основание на Сионе камень, — камень испытанный, краеугольный, драгоценный, крепко утвержденный: верующий в него не постыдится* (Ис. 28, 16). Итак, анфракс усвоен царскому колену, зеленый (смарагд) — священному. От названной реки отделяются четыре источника рек. Почему же вода их не одинакова? Если они от одной реки, спрашивают любопытные, если из одного источника, то почему не одно у всех качество? Что за причина этого? Они изменяются от земли, от свойства тех мест, чрез которые проходят. Одна и та же вода, имеющая одну природу и качество, если насыщается полынью, получает одно качество, если анисом — другое, если рутей — третье; природа одна, но ее изменяют другие вещества. Так точно и реки. Так как они проходят по новым местам, одна чрез землю, имеющую одно свойство, другая чрез иную почву, то и получают новые свойства от местностей.

Итак, Бог сообщил качества рекам по положению местностей. Наконец, Он творит в раю всякое дерево, приятное на вид и хорошее

для пищи (Быт. 2, 9). Он заранее лишил преступника возможности оправдываться. Когда бытописатель сказал о жене: *и увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно* (Быт. 3, 6), то дабы кто-нибудь не подумал, что оно одно только было красиво по сравнению с другими деревьями, он сказал, что этим свойством отличались все деревья, что все были красивы на вид и прекрасны, дабы ты знал, что человек преступил заповедь не по причине недостатка, а пал при полном изобилии. *И дерево, — говорится, — жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла* (Быт. 2, 9). Троякого рода были деревья. Одни даны были человеку, чтобы он жил; другие — чтобы хорошо жил; третьи — чтобы всегда жил. Он мог жить от деревьев, от которых было позволено есть; мог жить хорошо, не касаясь деревьев запрещенных; мог жить хорошо, касаясь того, что было не запрещено ему, и не касаясь того, что запрещено. Жить хорошо — значило повиноваться Богу. Древо жизни находилось среди рая — как награда; древо познания — как предмет состязания, подвига. Сохранив заповедь относительно этого дерева, ты получаешь награду. И посмотри на

дивное дело. Повсюду в раю цветут всякие деревья, повсюду изобилуют плодами; только в середине два дерева как предмет борьбы и упражнения (5).

Сам по себе рай ничего удивительного не представлял бы, если бы не было там соблюдения заповеди Божией; наоборот, самые низкие места ничуть не были бы низкими, если бы в них царствовал закон Божий. Что лучше, что выше — рай или навозная куча? И однако для Адама рай оказался бесполезным вследствие его грехопадения, а Иову и навозная куча не повредила благодаря его терпению. Адам в раю посрамляется за преслушание, а Иов на куче увенчивается за терпение. Никакого значения не имеет достоинство места, если ему не соответствует доброе расположение. Небо и рая выше, но оттуда падает дьявол. Земля внизу, а небо над нею возвышается (Притч. 25, 3), но с неба падает впадший в грех, как видно из слов: *Я видел сатану, спавшего с неба, как молнию* (Лк. 10, 18), а от земли возвышаются нищие, по изречению: *из праха поднимает бедного, из брения возвышает нищего* (Пс. 112, 7) (9).

РАСТОЧИТЕЛЬНОСТЬ

Одни зарывают деньги в землю, а другие расточают для чрева, на роскошь и пьянство, и таким образом вместе с наказанием за неправду навлекают на себя наказание за сластолюбие. Одни употребляют их на тунеядцев и льстецов, другие — на игру и блудниц, а третьи — на другие подобные надобности и таким образом пролагают себе бесчисленные пути, ведущие в геенну, и оставляют прямой и законный путь, ведущий к небу, между тем как этот путь не только доставляет выгоду, но и приятнее тех путей (9).

РЕВНОСТЬ

Человек благомыслящий должен печалиться о всяких чужих грехах, в особенности же когда видит душу, погрязающую в нечестии язычества. О таковой душе должно не только печалиться, но гореть и пламенеть ревностью всякому, кто считает себя учеником Павла. Когда Павел пребывал в Афинах, дух его, по словам деяписателя, пламенел при виде города, наполненного идолами. Но что побуждает святых мужей питать такую ревность? Что и нашего дивного отца побуждает быть

таким блюстителем благочестия? Как царь земной, имея под своею властью вселенную, в каждом судилище имеет вершителей правосудия, так и Бог имеет верных пастырей — блюстителей благочестия. Многие из язычников часто бранью отвечают на замечания христиан; им говорят, например: зачем богохульствуете? Зачем упорствуете в нечестии? А они тотчас с бранью возражают: вот заступники Бога! Разве не может Бог заступиться сам за Себя? Но ведь действительно Он сам за Себя не заступается (потому что Божество не терпит обиды), а наказывает неблагодарных работ через верных слуг. Имеет ли Бог нужду в заступниках? Да, не потому, конечно, чтобы Он не в силах был защитить Себя, но чтобы ты мог обнаружить свою ревность. Ведь если бы все Он делал сам Собой, тогда закрылся бы путь жизни для ревнителя. Не богоборствовал ли некогда фараон, погрязая в нечестии? И не было на него никакого бича, пока не явился верный Моисей. Не процветала ли ложь многобожия с его ложными священниками и лжепророками, не поражаемая Богом, пока не выступил ревнителем благочестия Илия? Без сомнения, заступниками за Бога являются мужи святые.

Потому и Павел говорит: *и готовы наказать всякое непослушание, когда ваше послушание исполнится* (2 Кор. 10, 6) (9).

От усердия, как говорят, родится усердие, а от лени — лень. Кто сделал, как должно, что-либо малое, тот получил побуждение приступить к делу более важному, а отсюда — идти и гораздо далее. И как огонь, чем больше объемлет дров, тем сильнее становится, так и ревность, чем больше возбуждает благочестивых помыслов, тем больше вооружается против остального рода мыслей. Скажу пример. Есть в нас, подобно терниям, клятвопреступление, ложь, лицемерие, коварство, обман, злословие, насмешки, смехотворство, срамословие, кощунство; с другой стороны — любостяжание, грабительство, несправедливость, клевета, наветы; далее — похоть злая, нечистота, сладострастие, блуд, прелюбодеяние; а также — зависть, ревность, гнев, ярость, злопамятство, мстительность, хула и тысячи подобных пороков. Если мы исправимся от первых, то мы уже исправимся не только от них, но чрез них — и от следующих за ними, потому что

наша душа приобретает от того большие силы к уничтожению их (10).

РОДИТЕЛИ

Для того Бог и вложил в родителей любовь к нам, чтобы в них мы имели наставников в добродетели. Не одно рождение делает отцом, но хорошее образование; и не ношение в чреве делает матерью, но доброе воспитание. Что это справедливо, что не природа, а добродетель делает отцами, это могут подтвердить нам сами родители. Они часто, когда увидят, что сыновья их сделались негодными и развратными, отсекают их от своего родства, отказываются от них и усыновляют себе других, часто ни с какой стороны не близких к ним. Что же может быть страннее этого, когда (родители) отвергают тех, кого родили, и принимают, кого не родили? Это сказано нами не без цели, но чтобы ты знал, что свободная воля сильнее природы и что она-то преимущественно перед последней делает и сыновьями, и отцами. И это было делом Промысла Божия, что Он и не попустил, чтобы дети лишены были естественного расположения (к ним родителей) и в то же время

не все предоставил этому расположению. Если бы родители любили своих детей отнюдь не по естественной необходимости, а только за их нравы и добрые поступки, тогда ты увидел бы многих детей изгнанными из родительских домов за свою небрежность и род наш расстроенным. С другой стороны, если бы [Бог] все отдал во власть природы и не попустил родителям ненавидеть даже и злых детей, напротив, будучи оскорбляемы детьми и терпя от них тысячи неприятностей, отцы по естественной необходимости должны бы были оставаться ласковыми к дерзким и оскорбляющим их детям, тогда род наш дошел бы до крайнего нечестия. Если и ныне дети в надежде на любовь родителей часто оскорбляют их, хотя не могут вполне положиться на природу, зная, что многие, сделавшись негодными, лишились и дома, и наследия отцовского, то до какого нечестия не дошли бы они, если бы Бог не оставил родителям и возможности гневаться на детей, наказывать и прогонять от себя, когда они делаются злыми? Потому-то Бог и поставил любовь родителей в зависимость и от потребности природы, и от нравов детей, чтобы они, с одной стороны, были снисходи-

тельны к погрешностям детей, будучи побуждаемы к этому природой, а с другой — злых и неисцелимо больных не укоренили бы во зле преступным потворством, что было бы неизбежно, если бы природа принуждала их ласкать и негодных детей. Подумай, сколько попечительности в том, что [Бог] и повелел любить [детей], и положил меру этой любви, и в то же время определил награду за доброе воспитание детей? А что награда за это назначена не только мужьям, но и женам, послушай, как Писание во многих местах говорит и этим, и тем, и женам не меньше, чем и мужьям. Павел, сказав: *жена, прельстившись, впала в преступление*, прибавил: *спасется через чадородие* (1 Тим. 2, 14–15). То есть ты скорбишь, говорит, о том, что первая жена подвергла тебя болезням, трудам и продолжительному чревоношению? Не скорби; не столько вреда терпишь ты от болезней и трудов, сколько получаешь, если хочешь, пользы от воспитания детей, находя в нем повод к добрым делам. Действительно, если рождаемые тобой дети получают надлежащее воспитание и твоим попечением наставлены будут в добродетели, то это будет началом и основанием

твоему спасению, и, кроме награды за собственные добрые дела, ты получишь великую награду и за их воспитание (1).

РОСКОШЬ

Не удивляйся тому, что Христос назвал роскошь тернием. Ты, упоенный страстью, не знаешь этого; но не зараженные этой страстью знают, что роскошь уязвляет более, нежели терние, и изнуряет душу сильнее, нежели забота, и причиняет самые мучительные болезни как телу, так и душе. Не столько мучит забота, сколько пресыщение. Когда бессонница, боль в висках, тяжесть в голове и болезни в желудке мучат пресыщенного, то представь, скольких терний несноснее это! Как терние, с какой бы стороны ни брали его, окровавливает руки, так и роскошь вносит язву и в ноги, и в руки, и в голову, и в глаза, — словом, во все члены; она безжизненна и бесплодна как терние, и гораздо больше его вредна — и вредна для существеннейших частей. В самом деле, она преждевременно приближает к старости, притупляет чувства, омрачает мысль, ослепляет проницательный ум, наполняет тело влагами, скопляет гной, причиняет мно-

жество болезней и производит большую тяжесть и непомерную тучность, от чего и бывают постоянные падения, частые крушения. Для чего, скажи мне, утучняешь ты тело? Разве мы собираемся принести тебя в жертву? Или предложить на трапезу? Хорошо откармливать птиц — или, лучше сказать, и их не хорошо, потому что, когда они утучнеют, употребление их в пищу уже не бывает для нас здоровым. Так-то велико зло — пресыщение: оно вредно и бессловесным. Откармливая, делаем их бесполезными и для них самих, и для нас, потому что от этой тучности и пища неудобно варится, и соки гниют. Но те животные, которых не много кормят и которые, так сказать, постятся, употребляют пищу в умеренном количестве и находятся в трудных работах, бывают весьма полезны и для себя, и для других, годны для пищи и для всего прочего. Те, которые питаются ими, бывают более здоровы; те же, которые употребляют в пищу жирных животных, уподобляются им, становятся ленивыми, больными и сами на себя налагают тяжчайшие узы. Ничто столько не противно и не вредно телу, как пресыщение; ничто столько не разрушает, не обременяет и не губит его,

как неумеренное употребление пищи. Поэтому можно только удивляться безумно пресыщающимся, что они не хотят даже и настолько поберечь себя самих, сколько другие берегут мехи. Продавцы вин не наполняют и мехи более надлежащего, чтобы не прорвать их; а они и такой заботы не хотят иметь о бедном своем чреве, но до чрезмерности обременяют его пищей, наполняют себя вином до ушей, ноздрей и самого горла, и таким образом сугубо стесняют дух и ту силу, которая устраивает животную жизнь. Для того ли дана тебе гортань, чтоб ты до самых уст наполнил ее вином и другими вредными веществами? Не для того, человек, но чтоб, во-первых, славословить Бога, воссылать к Нему священные молитвы, читать божественные законы; во-вторых, подавать советы полезные ближним. А ты как будто для обжорства только получив гортань, не даешь ей ни малейшего времени для священного занятия, а всю жизнь употребляешь ее на постыдную работу. Таковые люди поступают подобно тому, кто, взяв арфу, имеющую струны золотые и хорошо настроенную, вместо того, чтоб ударять в нее и извлекать гар-

моничные звуки, завалит ее навозом, всякой дрянью. Навозом я называю не пищу, но пресыщение и всякую неумеренность, так как то, что сверх меры, не питает уже, а только вредит. Одно чрево дано только для принятия пищи, а уста, гортань и язык даны и для других, более необходимых занятий; или, лучше, и чрево дано не просто для принятия пищи, но для принятия пищи умеренной. Оно само показывает нам это, так как всегда вопиет против нас, когда мы повредим ему таким излещением; и не только вопиет, но в отмщение за несправедливость, налагает на нас и величайшее наказание. И, во-первых, оно наказывает ноги, которые носят нас и водят на роскошные пиршества; потом связывает служащие ему руки за то, что они доставляли ему столь многие и столь хорошие яства. А многим оно повредило и самые уста, глаза и голову. Как раб, когда возложат на него что-либо свыше сил, в сильном негодовании оскорбляет своего господина, так и чрево, которому сделали насилие, часто губит и портит вместе с прочими членами и самый мозг. Потому хорошо устроил Бог, соединив с неумеренностью такие вредные след-

ствия, чтобы ты, если по доброй воле не хочешь поступать благо-разумно, хотя невольно, из-за страха и великого вреда, научился умеренности. Итак, зная это, будем убегать от роскоши, будем заботиться об умеренности, чтобы и здоровьем телесным наслаждаться, и, избавив душу от всякой болезни, сподобиться будущих благ (6).

Человек, живущий в роскоши, имеет множество богатства, и приобретения текут к нему легко, как бы из источника; но он страшится бедствий [происходящих] от роскоши и неизвестности будущего; а тот, кто приучил себя к скромному образу жизни, всегда спокоен и наслаждается удовольствием; не столько огорчает его то, что он не имеет роскошного стола, сколько услаждает то, что он не страшится неизвестности будущего. Всякому известно, сколько бедствий происходит от роскоши, но необходимо сказать об этом и теперь. От нее сугубая брань, т.е. и тела, и души, сугубая буря, сугубые болезни, и притом болезни неисцельные, сопровождающиеся великими несчастьями. Но не таковы плоды умеренности; [от нее] сугубое здоровье, сугубые блага.

Здоровый сон, — говорит Премудрый, — *бывает при умеренности желудка* (Сир. 31, 22). Умеренность всюду возделенна, а неумеренность напротив. Например: положи на малую искру большую связку дров — и ты увидишь уже не светлый огонь, а только дым весьма неприятный.

Возложи на человека очень сильного и большого тяжесть, превышающую силы его, — и увидишь его вместе с ношею поверженным и лежащим на земле. Навали слишком много груза на корабль — и причинишь страшное кораблекрушение. Таковы плоды и роскоши. Как на кораблях, слишком нагруженных, происходит большое смятение пассажиров, когда и кормчий, и сидящий на корме, и прочие плывущие на нем начнут бросать в море все и сверху, и снизу, так и здесь: извергают и вверх, и вниз, и среди терзаний погибают. А что всего постыднее, сами уста исполняют дело задних частей и даже делаются срамнее их. Если же в таком срамном состоянии уста, то представь, каково на душе. Там все — мрак, все — буря, все — тьма, большая смутность в мыслях, мятущихся беспокойно и тяжело, и сама душа вопиет от стеснения (10).

Не будем искать жизни роскошной и изнеженной. Как там бывает двоякое благо: делаются крепкими и удостаиваются великих наград — так здесь двоякое зло: делаются слабыми и негодными ни на что, разве только на зло. Нет ничего бесполезнее человека, который проводит все время в бездействии и роскоши. Муж неиспытанный, говорит [Писание], неискусен (ср. Сир. 37, 30); неискусен не только в этих подвигах, но и во всем прочем. Бездействие бесполезно, и в самих удовольствиях всего труднее получать удовольствие, так как они производят пресыщение. Удовольствие от кушаний и от бездействия отнюдь не таково [как кажется], но все это кратковременно и скоропреходяще. Не будем же заботиться о такой жизни. Если мы посмотрим, кто приятнее проводит время, трудящийся ли и живущий в бедности или предающийся роскоши, то найдем, что первый. Во-первых, самое тело последнего изнежено и расслаблено; потом,

телесные чувства его не в здоровом состоянии, но слабы и безжизненны; а без этого нет и приятного ощущения здоровья. Какой конь бывает полезнее, утучняемый в бездействии или употребляемый на работу? Какой корабль — плавающий или стоящий без движения? Какая вода — текучая или стоячая? Какое железо — употребляемое в дело или не употребляемое? То блестит и уподобляется серебру, а это покрывается ржавчиной и остается бесполезным и даже теряет часть вещества своего. Нечто подобное происходит и в празднолюбивой душе: как бы ржавчина покрывает ее и истребляет ее светлость и все прочее. Чем же можно уничтожить эту ржавчину? Оселком скорбей; они делают душу полезною и способною на все. Скажи мне, может ли она посекать страсти, когда острие ее притупилось и гнется, как олово? Может ли наносить раны диаволу? И кому может быть приятен человек, утучняющий плоть свою и движущийся наподобие тюленя? (10)

САМОУБИЙСТВО

Не будем трепетать смерти. Правда, душа по самой природе имеет любовь к жизни; однако же от нас зависит или разрешить эти узы души и ослабить это стремление к жизни, или скрепить и усилить. Как мы, хотя имеем вождение к плотскому совокуплению, тем не менее, когда Любомудрствуем, ослабляем силу похоти, так точно бывает и с любовью к жизни. Как вождение плотское Бог вложил в нас для деторождения с тем, чтобы сохранить преемство в нашем роде, а не для того, чтобы воспрепятствовать шествованию высшим путем воздержания, так и любовь к жизни Он всеял в нас для того, чтобы отвратить нас от самоубийства, а не для того, чтобы воспретить нам презирать настоящую жизнь. Зная это, мы должны соблюдать меру и, с одной стороны, никогда не должны сами собой идти на смерть, хотя бы нас угнетали бесчисленные бедствия, а с другой — не должны уклоняться

и отказываться от нее, когда нас влекут на смерть за богоугодные дела, но смело идти на смерть, предпочитая будущую жизнь настоящей (9).

Душа неохотно разрешается от тела, так что, хотя бы намерение было и твердое, но и при этом природа обнаруживает себя. Никто без страдания не расстается с телом, и это Бог устроил для пользы, чтобы немного было насильственных смертей. Ведь если и при этом дьявол успевает побуждать к самоубийству и весьма многих доводит до стремнин и пропастей, то, если бы не такова была любовь души к телу, многие тотчас бы устремлялись бы к этому даже от самой ничтожной печали (9).

СВОБОДА ВОЛИ

Не будем отчаиваться; но хотя бы ты был злоречив, хотя бы корыстолюбив и каков бы ни

был, вспомни, что и Павел был хулителем, гонителем, притеснителем и первым из грешников, но вдруг достиг высочайшей степени добродетели, и все прежнее нисколько не служило ему препятствием. Никто с таким неистовством не предается пороку, с каким он враждовал против Церкви; он отдал тогда свою душу и жалел, что не имел тысячи рук, чтобы всеми ими поразить Стефана; впрочем, и без того нашел способ поразить его многочисленными руками, руками лжесвидетелей, одежды которых он стерег. Потом входил в дома, вторгался в них, как дикий зверь, влачил и терзал мужей и жен, наполняя все ужасом, смятением и тысячью браней. Он был так страшен, что даже после чудного обращения его апостолы не смели войти с ним в сношение. Но, несмотря на все это, он сделался таким, каким сделался; не нужно прибавлять ничего более. Где же те, которые подчиняют свободу воли неизбежной судьбе? Пусть услышат это и заградят уста свои! Кто хочет быть добрым, тому ничто препятствовать не может, хотя бы прежде он был одним из самых порочных (12).

СВОБОДА ОТ ЗАБОТ

Ничто так не делает человека рабом, как множество потребностей; и ничто так не делает свободным, как довольство лишь необходимым. То же можно видеть и на бессловесных животных. Какая польза ослу быть обремененным тяжелою ношею, хотя бы он мог пользоваться ею бесчисленное множество раз? И какая потеря для другого осла, который свободен от всякой тяжести, если он имеет необходимую пищу? Поэтому Христос, желая сделать учеников Своих высокими, как готовившихся проповедовать по всей вселенной, освободил их от всех забот и таким образом окрылил их и сделал тверже адаманта. Подлинно, ничто не придает душе столько силы, как свобода от забот, и ничто столько не делает ее слабою, как бремя забот. Как там не скоро можно встретить печаль, так здесь не скоро можно найти удовольствие. Один из них имеет множество жестоких и бесчеловечных господ и госпож; а другой не служит никому, но сам господствует над всеми, с великою свободою наслаждаясь лучами солнца, пользуясь воздухом и не имея никого,

кто бы огорчал его. Не мучит его ни гнев, ни зависть, ни ненависть; не терзает его ни забота, ни ревность, ни тщеславие, ни гордость и ничто другое подобное, — но как тихая пристань, свободная от волнения, так и его душа находится в спокойном состоянии и легко стремится к небу, не задерживаясь ничем настоящим (2).

Не будем заботиться; от забот своих мы ничего не получим, кроме того только, что они развлекут нас. Если Бог подает нам все нужное, заботимся ли о том или не заботимся, и притом подаст скорее тогда, когда мы не заботимся, то какую пользу доставляет тебе твоя суетливость, кроме того, что ты казнишь самого себя? Заботится ли о пище тот, кто идет на пышный обед? Запасается ли питьем тот, кто идет к источнику? И мы, имея у себя блага лучше и обильнее, нежели сколько воды в потоках и брашен на вечерах, то есть Промысел Божий, — не должны заботиться и малодушествовать. Сверх вышесказанного, Спаситель для возбуждения в нас несомненного упования во всех вещах на Промысел Божий представляет еще

доказательство, говоря: *ищите же прежде Царства Божия, и это все приложится вам* (Мф. 6, 33). Удалив от нас всякую мысль об излишних заботах, Христос упомянул и о небесах; Он для того и пришел, чтобы разрушить древнее и призвать нас к лучшему отечеству; потому Он все делает, чтобы удалить нас от излишеств и от пристрастия к земным вещам (6).

Чем острее у нас зрение, тем более познаем, как далеко мы отстоим от неба. Подобным образом, чем более преуспеваем в добродетели, тем больше научаемся познавать, как велико расстояние между Богом и нами. А немалая мудрость, когда можем сознать, чего мы стоим. Тот наиболее знает самого себя, кто считает себя за ничто. Вот почему и Давид, и Авраам, когда взошли на высшую степень добродетели, тогда особенно явили добродетель смирения: Авраам называл себя землею и пеплом (см. Быт. 18, 27), а Давид — червем (см. Пс. 21, 7). Подобно им, и все святые почитают себя ничтожными. Напротив, кто увлекается гордостью, тот всего менее знает себя. Потому и у нас вошло в

привычку говорить о гордых: не ведает себя, не знает себя. А незнающий себя кого будет знать? Как познавший самого себя познает все, так незнающий себя не может узнать и ничего другого. Таков был тот, который говорит: *выше звезд Божиих вознесу престол* (Ис. 14, 13). Не познав самого себя, он не знал и ничего другого. Но Павел не так рассуждал: он называл себя извергом и последним из людей и после столь многих и столь великих подвигов, совершенных им, не почитал себя даже достойным наименования апостольского. Ему-то будем ревновать и подражать. Подражать же ему мы будем в состоянии тогда только, когда освободимся от земли и от земных забот. Подлинно ничто столько не препятствует человеку познать себя, как прилепление к житейскому; и наоборот, ничто столько не побуждает его прилепляться к житейским делам, как неведение самого себя. Это неведение и привязанность к мирскому завязят друг от друга. Как любящий внешнюю славу и много уважающий настоящие блага, сколько бы ни старался, не может познать себя самого, так, напротив, презирающий земное удобно познает самого себя. А познавший самого себя через то са-

мое будет преуспевать и во всех других добродетелях. Итак, чтобы нам приобрести это благое знание, освободимся от всего временного, что столь сильно воспаляет нас, и познав свою бедность, станем оказывать всевозможное смирение и любомудрие (6).

Чем больше ты окружишь себя нуждами, тем большему подвергнешься рабству, потому что, чем в большем будешь нуждаться, тем более сократишь свою свободу. Совершенная свобода состоит в том, чтобы вовсе ни в чем не нуждаться, а следующая за нею — нуждаться в немногом, и эту-то свободу имеют преимущественно Ангелы и их подражатели. А достигнуть этого, пребывая в смертном теле, — подумай, сколько в этом славы! Это выразил и Павел, написав Коринфянам: *мне вас жаль, и: да не будут иметь скорби по плоти* таковые (1 Кор. 7, 28). Деньги потому и называются деньгами, что их следует употреблять на нужды, а не хранить и не зарывать в землю; это значит уже не владеть, но быть во владении. Если мы станем только то иметь в виду, как бы их побольше приобрести, а не то, чтобы пользоваться ими на нужды, то порядок уже

извращается, и они владеют нами, а не мы ими. Освободимся же от этого жестокого рабства и сделаемся, наконец, свободными. Зачем мы сами для себя выдумываем множество разнообразных уз? Не довольно ли для тебя уз естественных, житейских необходимостей и скопления бесчисленных дел? А ты сплетаешь для себя еще другие сети и связываешь себя ими по ногам! Когда ты достигнешь неба и будешь иметь силу стоять на такой высоте? Вожделенно, истинно вожделенно, чтобы ты, разорвав все эти связи, мог достигнуть высшего града (9).

СВЯТЫЕ

У людей рабы называются по господам, и все говорят обыкновенно так: такой-то поверенный того-то, такой-то домостроитель такого-то, военачальника или градоначальника; а никто не говорит: такой-то градоначальник такого-то поверенного; нет, низших мы обыкновенно называем всегда по высшим. Но у Бога оказывается напротив: не только Авраам называется Божиим, но и Бог — Авраамовым, Господь зовется по имени раба. Этому именно удивляясь, говорит Павел: *Посему и Бог не стыдится их, называя*

Себя их Богом (Евр. 11, 16). Не стыдится, говорит, Господь называться по имени своих рабов. Объясни, почему не стыдится? Для того, чтобы и мы подражали. Но они, говорит, *странники и пришельцы* (Евр. 11, 13). Этого-то, кажется, и нужно было стыдиться, потому что странник представляется человеком незначительным и презренным. Но святые были странниками не в том смысле, какой имеет это слово само по себе, а в другом, особенном. Мы называем странниками людей, оставивших свое отечество и пришедших в чужую землю. А святые были не такие странники; нет, презрев всю вселенную и признав землю ничтожною, они обращали взор к небесному граду, не по гордости, но по великодушию, не по надменности, но по любви к мудрости. Рассмотрев все земное, они увидели, что оно скоро проходит и гибнет и что здесь ничто не твердо и непостоянно, — ни богатство, ни власть, ни слава, ни самая жизнь, но все имеет конец и стремится к своему пределу, — небесное же, напротив, не таково, но нескончаемо и вечно. Тогда-то они пожелали быть странниками по отношению к скоротечному и преходящему, чтобы получить блага постоянные. Итак, они были

странниками не потому, что не имели отечества, но потому, что стремились к отечеству вечному. Объясняя это, Павел говорил: *Ибо те, которые так говорят, показывают, что они ищут отечества* (Евр. 11, 14). Какого, скажи, отечества? Не прежнего ли, которое они оставили? Нет, говорит: *Если бы они в мыслях имели то [отечество], из которого вышли, то имели бы время возвратиться; они стремились к лучшему, то есть к небесному. ... которого художник и строитель Бог. Посему и Бог не стыдится их, называя Себя их Богом* (Евр. 11, 10, 15, 16) (1).

Хотя Бог находит великую радость в сонме святых и считает его своею славою, тем не менее Он и страшен им. Святые находятся вокруг Бога, приближаясь к Нему чрез святость жизни; но Бог страшен для них, когда они грешат, так как Он отнюдь не благоволит и к праведникам, если они согрешают (3).

Таковы души святых: любвеобильны, попечительны, превышают любовью отеческую расположенность, побеждают естест-

венную любовь, превосходят и материнские болезни рождения, потому что они исполнены Духа и Божественной благодати (5).

Будем иметь общение со святыми и не потерпим бури, или, лучше, когда и случится буря, у нас будет ведро, тишина и безопасность. Та вдова была в дружбе со святым, и сын ее разрешен от смерти, и она опять получила сына своего живым (см. 4 Цар. 4). Где ступают ноги святых, там не будет ничего прискорбного; а если это и случится, то для испытания и к большей славе Божией. Пусть учащают попирасть помост дома твоего ноги их, и диавол не войдет в него. Это верно. Как там, где благоговение, зловоние не имеет места, так и там, где миро святости, демон существовать не может; там веселие присутствующих, удовольствие и наслаждение душевное. Где терние, там дикие звери; а где странноприимство, там нет терний: оказанное милосердие острее всякого серпа, сильнее всякого огня уничтожает терние. Не бойся; диавол страшится следов святых, как лисицы — львов. *Праведник*, — говорит [Премудрый], — *смел, как лев* (Притч. 28, 1). Введем этих львов в дом свой, и все звери

обратятся в бегство, хотя они не будут взывать громко, но говорить просто. Не так рычание льва обращает в бегство диких зверей, как молитва праведника прогоняет демонов: лишь только произнес он слово, они уже исчезли. Где же, скажешь, эти мужи? Везде, если будем верить, если будем искать, если будем помогать. Где ты искал их, скажи мне? Когда ты занимался этим делом? Когда заботился об этом? Если же не ищешь, то не удивляйся, что и не находишь, — потому что *ищущий находит* (Мф. 7, 8), а не тот, кто не ищет. Послушай о живущих в пустынях; снеси туда золота и серебра; они по всей вселенной. Если ты не принимаешь святого в своем доме, поди сам к нему, побудь вместе с ним, посети его жилище, чтобы найти его и получить от него благословение. Великое дело благословение святых (10)!

СЕТИ ДИАВОЛЬСКИЕ

Перестань же изрекать эти сатанинские слова: если брат мой ненавидит меня, я не хочу и видеть его. Ничего нет постыднее такой речи, хотя многие считают это знаком благородной души, но нет ничего неблагороднее, безум-

нее, жестокосерднее этого. Потому я особенно и сокрушаюсь, что многие считают злые дела добродетелью и что пренебрегать и презирать других кажется им делом прекрасным и честным. Это и есть самая опасная сеть дьявола, когда порок облекается доброй славой, — потому он и неистребим. Я сам слышал, как многие ставят себе в честь то, что они не подошли к человеку, который от них отворотился, хотя твой Владыка и этим хвалится. Сколько раз оплевывали Его люди? Сколько раз отворачивались от Него? Но Он не перестает приходить к ним. Итак, не говори: я не могу подойти к людям, меня ненавидящим, но скажи: я не могу оплевать тех, которые оплевывают меня. Это будет речь ученика Христова, а первое — речь дьявольская. Это сделало многих знаменитыми и славными, а первое — презренными и смешными. Потому мы и удивляемся Моисею, что, когда Сам Бог говорил: *оставь Меня, да воспламенится гнев Мой на них, и истреблю их* (Исх. 32, 10), он не мог презреть тех, которые многократно отвращались от него, но сказал: *прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня* (Исх. 32, 32). Так Моисей был другом и подражателем Богу. Не будем

хвалиться тем, чего должно стыдиться, не будем произносить слов, употребляемых на рынке людьми порочными: «плевать мне на всех». А если и другой кто-нибудь скажет это, обличим его и заставим молчать, как человека, который хвалится тем, чего надлежало бы стыдиться. И скажи мне: что говоришь ты? Ты презираешь человека верующего, а Христос не презирал его, когда он был и неверующим. Что я говорю — не презирал? Христос возлюбил его так, что и умер за него, хотя он был врагом Его и покрыт безобразием. Христос много возлюбил его и в таком состоянии, а ты презираешь его теперь, когда он стал прекрасен и достоин удивления, сделался членом Христовым, телом Владычным. Как же ты не думаешь о том, что производишь, как не чувствуешь, на что решаешься? Христос ему глава, трапеза, одежда, жизнь, свет, жених, Христос для него все, а ты смеешь говорить: плюю на него — и не на него одного, но на всех, ему подобных. Удержись, человек, отложи свое безумие, узнай своего брата, пойми, что такие слова приличны человеку безумному или помешанному, и скажи совершенно обратное: хотя бы он и тысячу раз на меня плюнул, я не

отойду от него. Таким образом, ты и брата приобретешь, и будешь жить во славу Божию (11).

СКОРБИ

Скорби или искушения служат свидетельством великого Промышления и попечения о нас человеколюбца Бога. И потому мы не должны домогаться всеми мерами только жизни спокойной и беспечальной; но и в благополучии, и в скорбях равно должны воссылать благодарение Господу, чтобы Он, видя наше благосмыслие, явил еще большее попечение о нас (1).

Никогда не будем унывать в скорбях и, увлекаясь своими помыслами, не будем предаваться отчаянию; но, имея большое терпение, будем питаться надеждой, зная благое о нас Промышление Господа, который не потому попускает нам испытывать скорби, что оставляет нас, но потому, что желает за подвиги увенчать нас светлым венцом. Так достигли славы все святые. Поэтому и апостолы говорили: многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие (Деян. 14, 22). И сам Христос сказал ученикам: в мире будете иметь скорбь (Ин. 16, 33).

Не будем же слишком сетовать о скорбях, но слушаем Павла, который говорит, что *желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы* (2 Тим. 3, 12). Не будем ни смущаться духом, ни унывать; но будем переносить с твердостью и терпением все напасти, обращая внимание не на скорби, а на пользу, отсюда исходящую, потому что тут есть духовное благоприобретение. Как желающие собрать богатство, занятые житейскими выгодами, не иначе могут умножить свое достояние, как испытывая множество опасностей на суше и на море, и, однако, охотно готовы бывают переносить все это, в ожидании прибыли, вовсе не чувствуя ничего тяжелого, так и мы должны радоваться и веселиться, помышляя о собираемом таким путем богатстве и духовном приобретении и — смотреть не на видимое, а на невидимое, как это внушает Павел, говоря: *мы смотрим не на видимое* (2 Кор. 4, 18). Вера в том и состоит, когда мы не довольствуемся только тем, что видим телесными глазами, но очами ума созерцаем невидимое. И это мы должны считать более достоверным, нежели то, что видим телесными глазами. Так благоугождал [Богу] патриарх, поверив обето-

ванию Божию и став выше естества и всех человеческих помыслов; и это — *вменилось ему в праведность* (Рим. 4, 3). Знай, что *правда* и состоит в веровании словам Божиим. Когда Он изрекает Свои обетования, то не испытывай их, прошу, по человеческим соображениям; но, становясь выше обыкновенных помыслов, твердо уповай на всемогущество Давшего обетование (1).

Подлинно, ничто не причиняет нам столько страданий, как усилившиеся в душе страсти. Все другие бедствия действуют отвне, а эти рождаются внутри: отсюда и происходит особенно великое мучение. Хотя бы весь мир огорчал нас, но если мы не огорчаем сами себя, то ничто не будет для нас тяжким. Следовательно, от нас зависит — испытывать скорби или не испытывать скорбей. А чтобы ты удостоверился и апостольским изречением, какое происходит *простор* от скорби, послушай самого Павла, который о плодах скорби говорит: *от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает* (Рим. 5, 3–5). Видишь ли неизреченный *простор*? Видишь ли пристань

веселия? *От скорби происходит терпение.* Что может быть спокойнее человека терпеливейшего и могущего легко переносить все? Что может быть сильнее человека опытного? Что может сравниться с происходящею отсюда радостью? Три радостные последствия, говорит апостол, происходят для нас отсюда: терпение, опытность и надежда будущих благ. О них любомудрствует теперь и пророк, когда говорит: *В тесноте Ты давал мне простор.* Сказав: *услышь меня*, он говорит, в чем он услышан, именно: не касательно имуществ — потому что ничего подобного он не просил, не в том, чтобы одолеть врагов — потому что он не просил и этого, — но касательно спокойствия, бывающего среди скорбей (2).

Немаловажное дело — переносить скорбь с благодарностью. Потому он [пророк Давид] и называет награду за это воздаянием. Так и мы не будем унывать во время скорбей, но молиться, чтобы не впасть в искушение; а когда оно постигло нас, то будем принимать его; чрез это мы избавляемся от присущих нам грехов, а если имеем какую-нибудь добродетель, то и ее делаем более

светлою. Так показал на себе Иов, который тогда особенно и просиял. Это полезно и для тела, полезно не только людям, но и бессловесным животным, и не только животным, но и растениям. И земледельцы не позволяют винограднику и другим деревьям чрезмерно разрастаться ветвями, но препятствуют дальнейшему их росту и, обрезывая ножом, обращают всю силу их к корню, чтобы они, истощив всю силу на листья, не производили негодных плодов. Так бывает и с людьми. Когда ревность тратится на дела излишние, тогда душа делается бессильною к произведению зрелого и совершенного плода благочестия. То же можно видеть и на воде. Стоячая и неподвижная вода бывает вредна; а движущаяся, вычерпываемая и проточная не только здорова, но ее приятно и видеть, и касаться, и пить. Стеснение нередко побеждает и природу. Так, вода, стремящаяся и текущая вниз, будучи стесняема, поднимается вверх. Так точно бывает и с людьми. Те, которые великодушно переносят скорби, становятся более высокими, хотя бы они были весьма низкими, самыми земными и уничиженными, и приобретают отсюда великую пользу (3).

Знать, когда должны кончиться наши скорби, принадлежит Богу, Который их попускает, а переносить эти скорби со всею благодарностью — есть дело уже нашей благопризнательности. Если будет так, то все будет у нас хорошо. А чтобы это действительно было, чтобы нам быть славнее здесь — на земле — и блистательнее на небесах, будем принимать все постигающее нас с благодарностью к Тому, Кто лучше нашего знает, что нам полезно, и Кто любит нас сильнее самих родителей. Эти две мысли припоминая себе при каждом постигающем нас бедствии, будем укрощать скорбь свою и прославлять Бога, Который во всех случаях все творит и устрояет в нашу пользу (6).

Когда мы предаемся излишней скорби обо умершем, тогда и Бога оскорбляем, и не доставляем пользы ни себе, ни отшедшему; а когда поступаем напротив — и Богу благоугождаем, и приобретаем доброе мнение у людей. Если мы и сами не будем упадать духом, в таком случае [Бог] скоро уничтожает и остаток скорби; а если будем сильно огорчаться, Он предоставляет нас во власть

печали. Если будем благодарить — не будем скорбеть. Но как возможно, скажешь, не печалиться тому, кто потерял сына, или дочь, или жену? Я не говорю не печалиться, но — не печалиться без меры. В самом деле, если мы помыслим, что их взял Бог, что муж и сын были у нас смертные, то скоро получим утешение. Скорбеть здесь — значит требовать чего-то вышестественного. Если ты родился человеком и смертным, то зачем скорбишь о том, что совершилось сообразно с природой? Ты ведь не скорбишь, что поддерживаешь жизнь свою пищей? Ведь не домогаешься того, чтобы жить без пищи? Так поступай и в отношении к смерти и не ищи до времени бессмертия, когда родился смертным. Это определено однажды навсегда. Не скорби же и не сокрушайся, но переноси благодушно то, что для всех вообще законоположено. Печалься лучше о грехах: это — хорошая печаль, это — величайшее любомудрие (8).

Беззаботная жизнь, возлюбленный, всегда есть зло! Потому и в начале (Бог) говорил Адаму: *в поте лица твоего будешь есть хлеб* (Быт. 3, 19). Итак, чтобы они, вместо великих страданий пользуясь

беззаботною жизнью, не сделались порочными, Он попускает им претерпевать скорби: скорбь есть великое благо.

А что скорбь — благо, послушай Давида, который говорит: *благо мне, что Ты смирил меня* (Пс. 118, 71). Если же скорбь есть великое благо для мужей великих и чудных, то тем более для нас. Если хотите, рассмотрим эту скорбь и саму по себе. Представим, что кто-нибудь чрезмерно радуется, веселится и заливается [смехом]: что безобразнее, что безумнее этого? Другой кто-нибудь пусть печалится и скорбит: что любознательнее этого? Поэтому и Премудрый внушает: *сетование лучше смеха; потому что при печали лица сердце делается лучше. Сердце мудрых — в доме плача, а сердце глупых — в доме веселья* (Еккл. 7, 3, 4). Может быть, вы смеетесь над этими словами? Но вспомним, каков был Адам в раю и каков после того; каков был Каин прежде [убийства] и каков после. Душа веселящегося не остается на своем месте; но как бы каким ветром увлекается удовольствием, становится легкомысленной и не имеет ничего твердого. Она бывает легка на вымыслы, скоро на обещания, и великая в ней буря помыслов. Отсюда — неуместный

смех, безотчетная веселость, излишний поток речей и большое пустословие. Но что я говорю о прочих? Представим кого-нибудь из святых и посмотрим, каков он был среди удовольствия и каков, в свою очередь, во время печали. Посмотрим, если хотите, на Давида. Когда он жил в удовольствии и радости по причине множества трофеев, побед, венцов, роскоши и самоуверенности, тогда, посмотри, что он сказал и сделал? *Я сказал в благоденствии моем: «не поколеблюсь вовек»* (Пс. 29, 7). Когда же находился в скорби, то послушай, что он говорит: *а если Он скажет так: «нет Моего благоволения к тебе», то вот я; пусть творит со мною, что Ему благоугодно* (2 Цар. 15, 26). Что любознательнее этих слов? Пусть будет так, говорит, как угодно Богу. Также и Саулу он говорил: *если Господь возбудил тебя против меня, то да будет это от тебя благовою жертвою* (1 Цар. 26, 19). Когда был в скорби, тогда щадил даже врагов, а после того ни друзей, ни тех, которые ничем не оскорбили его. Иаков, когда был в скорби, говорил: *если Господь Бог даст мне хлеб есть и одежду одеться* (Быт. 28, 20). И сын Ноя прежде ничего такого не сделал, а когда уверился в безопасности

(от потопа), тогда, слышишь, как оказался дерзок (см. Быт. 9, 22). И Езекия, когда был в скорби, посмотри, что делал для своего спасения: облекся в рубище и сидел на земле; когда же стал жить в удовольствиях, тогда пал с высоты сердца своего. Поэтому и Моисей увещевает: *будешь есть и насыщаться, берегись, чтобы не забыл ты Господа* (Втор. 6, 11–12), потому что путь удовольствий скользок и ведет к забвению Бога. Когда израильтяне были в скорби, тогда более и более умножались; а когда [Бог] избавил их, тогда все погибли. Но для чего я привожу примеры древних? Обратимся, если угодно, к себе самим. Из нас очень многие, когда благоденствуют, бывают надменными, врагами для всех, гневливыми, пока имеют власть; а когда она отнята от них, то делаются кроткими, смиренными, тихими и приходят в сознание собственной природы. А что это так, подтверждает и Давид, говоря: *овладела ими гордость их совершенно: происходит, как из тука, неправда их* (Пс. 72, 6–7). Это я говорю для того, чтобы мы не домогались удовольствий всеми средствами. Как же, скажут, Павел говорит: *радуйтесь всегда?* Он не просто сказал: *радуйтесь*, но прибавил: *в Господе* (Флп. 4, 4).

Это — самая высокая радость; ею радовались и апостолы; это — радость, приносящая пользу; она имеет свое начало, корень и основание в узах, в бичеваниях, в гонениях, в худой молве и вообще в предметах скорбных, но конец ее вожделенный. Радость же мирская, напротив, начинается удовольствием, а оканчивается скорбью. Я не возбраняю радоваться о Господе, но даже особенно убеждаю к тому. Апостолы были бичуемы — и радовались; были связываемы — и благодарили; были побиваемы камнями — и проповедовали. Такой радости желаю и я; она берет свое начало не от чего-нибудь чувственного, а от предметов духовных. Невозможно, чтобы радующийся по мирскому радовался вместе и о Боге; всякий радующийся по мирскому радуется богатству, роскоши, славе, могуществу, почестям; а радующийся о Боге радуется бесчестию ради Его, бедности, нестяжательности, прощению, смиреномудрию. Видишь ли, как противоположны их предметы? Кто здесь не имеет радости, тот чужд и скорби [духовной]; а кто здесь не имеет скорби, тот чужд и радости [о Боге]. Несомненно, эти [предметы] доставляют истинную радость; а те носят только

одно имя радости, в сущности же составляют скорбь (10).

Ничто так не содействует любви и общению, как скорбь: ничто так не соединяет и не связывает души верующих; ничто столько не способствует нам — учителям, чтобы слова наши выслушивались со вниманием. Слушатель благоденствующий бывает беспечен и нерадив и считает за беспокойство для себя слушать поучающего; а удрученный скорбью и страданием с великим усердием предается слушанию. У кого душа отягчена скорбью, тот везде ищет себе утешения от скорби, а слово доставляет не малое утешение. А что же, скажешь, иудеи? Почему они, претерпевая бедствия, малодушествовали и не слушали? Потому что они были иудеи, всегда слабые и жалкие; притом их скорбь была очень велика, а мы говорим об умеренной. Смотри, они надеялись освободиться от угнетавших их бедствий и впадали в бедствия еще более тяжкие и бесчисленные; а это немало поражает душу. Скорби удерживают нас от пристрастия к настоящему миру; мы благодушно ожидаем смерти и не бываем привязаны к благам телесным; а в том и состоит важнейшая часть

любомудрия, чтобы не быть привязанным и пристрастным к настоящей жизни. Душа, удрученная скорбью, не заботится о многом; она желает только спокойствия и тишины; она хотела бы освободиться от настоящих [бедствий] — и более ничего. Как тело утомленное и изнуренное не способно ни предаваться наслаждениям, ни пресыщаться, но имеет нужду в отдохновении и спокойствии, так и душа, удрученная множеством бедствий, ищет отдохновения и спокойствия. Душа, чуждая скорби, волнуется, мятется, надмевается; напротив, душа, чуждая удовольствий и ничем не расслабляемая, вся сосредоточивается в самой себе и не надмевается; эта бывает мужественною, а та детски слабою, эта — основательною, а та — легкомысленною. Как что-нибудь легкое, упав в воду, колеблется волнами, так и душа, предавшаяся великой радости. От множества удовольствий у нас бывает и множество грехов, что может видеть всякий (10).

В нас часто и здоровая кровь порождает болезни, если ее слишком много; а если ее будет немного, то, хотя бы она была не в здоровом состоянии, легко может

быть излечена. Так и с душою: если она предана роскоши и удовольствиям, то легко склоняется на грех; она близка и к гордости, и невозддержанию, и тщеславию, и зависти, и коварству, и клевете. Не такова душа, живущая в скорби и воздержании, — она далека от всего этого. Вот и наш город велик. Откуда же происходит зло? Не от богатых ли? Не от радующихся ли? Кто влечет [других] в судилища? Кто расхищает имущество? Те ли, которые живут в бедности и угнетении, или те, которые надмеваются и радуются? От души, угнетенной скорбью, не может произойти какое-либо зло. Павел знает пользу от нее, потому говорит: *от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает* (Рим. 5, 3–5). Не будем же падать духом во время скорбей, но за все благодарить [Бога], чтобы получить великую пользу, чтобы заслужить благоволение от Бога, Который попускает скорби. Великое благо — скорбь; это мы можем видеть и на детях своих; ничему полезному они не могут научиться без скорби. Но мы еще более, нежели они, имеем нужду в скорби. Если они цветут тогда, когда их страсти бывают укрощаемы, то тем

более [это нужно] нам, которые подвержены столь многим и столь великим [страстям]. Мы более, нежели они, имеем нужду в пещинах, так как проступки детей не могут быть велики, а наши бывают весьма велики. Наш пестун — скорбь. Итак, не навлекая ее сами на себя, когда она постигает нас, будем переносить ее благодушно, как виновницу множества благ, чтобы нам сподобиться благоволения Божия и благ, уготованных любящим Его (10).

СЛАВА ИСТИННАЯ

Как и богатство земное сравнительно с небесным — убожество, и жизнь эта без той — смерть (*предоставь*, — говорит Христос, — *мертвым погребать своих мертвецов* (Мф. 8, 22)), так и слава здешняя в сравнении с тою — стыд и смех. Не будем же гоняться за нею. Если и те самые, которые воздают ее другим, ничтожнее тени и сновидений, то тем более самая слава. *Слава человеческая — как цвет на траве* (1 Пет. 1, 24). А что может быть ничтожнее цвета травного? Но если бы слава земная была и долговечна — какую пользу могла бы она принести для души? Никакой. Она даже

причиняет величайший вред, делая людей рабами хуже невольников — рабами, которые повинуются не одному господину, а двум, трем и бесчисленным, дающим различные приказания. Во сколько раз лучше быть свободным, нежели рабом, — свободным от рабства людям, а рабом владычества Божия! Наконец, если хочешь любить славу, люби, но — славу бессмертную, потому что она и блистательнее, и пользы от нее больше. Люди велят тебе угождать им с ущербом для тебя самого; а Христос, напротив, за каждое твое даяние воздает тебе сторицею, и к тому прилагает еще жизнь вечную. Что лучше, на земле ли быть прославляемым или на небесах, от людей ли или от Бога, со вредом ли для себя или с пользою, увенчиваться ли на один день или на бесконечные веки? (8)

Павел говорит: *если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться* (Рим. 8, 17). Бесчисленных слез достойны те, которые, несмотря на предстоящую им такую славу, ленью и сонливостью вредят самим себе. Если бы и геенны не было, и тогда несчастнее всех были бы те, кото-

рые, имея возможность царствовать и прославляться вместе с Сыном Божиим, сами себя лишают столь великих благ. Подлинно, если бы надобно было подвергнуться растерзанию, и умереть тысячею смертей, и отдать каждый день тысячу душ и столько же тел — не следовало ли бы перенести все это за столь великую славу (9)?

Если ты непременно желаешь славы, то ищи славы истинной. Какая это слава, если она приносит бесчестие? Какая это слава, если она заставляет искать чести от низших и имеет в ней нужду? Честь состоит в том, чтобы пользоваться славою от высших. Если ты непременно желаешь славы, то ищи лучше славы от Бога. Возлюбив эту, ты будешь пренебрегать тою, увидишь, как она бесчестна; а пока не узнаешь этой, дотоле не увидишь, как та постыдна, как смешна. Подобно тому, как те, которые пленились какою-нибудь женою злою, безобразною и бесстыдною, пока питают к ней любовь, не могут видеть ее безобразия, потому что страсть помрачает рассудок, так и здесь, пока обладает нами эта страсть, мы не можем видеть, каково это зло. Но каким же образом, скажешь, мы

можем освободиться от нее? Вспомни о тех, которые расточили множество имущества и не получили от того никакой пользы; вспомни об умерших, какой они наслаждались славой — и она оказалась непрочною, исчезла и рассеялась; пойми, что она есть одно только имя и не имеет в себе ничего существенного. В самом деле, скажи мне, что такое слава? Сделай какое-нибудь определение. Быть для всех, скажешь, предметом удивления? По праву или не по праву? Если не по праву, то это будет не удивление, а порицание, лесть, клевета. Если по праву, то это невозможно, потому что народ не имеет правильных суждений, а удивляется тем, которые угождают его желаниям. Если угодно, посмотрите на тех, которые дарят свое имущество блудницам, наездникам и плясунам. Но, скажешь, мы не о них говорим, а о честных, справедливых, могущих делать много доброго. Точно, если бы захотели, то скоро делали бы много доброго; но ныне ничего такого не делают. Кто ныне, скажи мне, хвалит честного и справедливого? Противное тому [делается]. И что отвратительнее такого праведника, если он, совершая какое-нибудь доброе дело, ожидает славы от толпы? Он де-

лает то же, как если бы какой-нибудь отличный живописец, рисуя портрет царя, ожидал похвал от неопытных. Сдругой стороны, кто домогается славы от людей, тот скоро оставит дела добродетельные. Кто ожидает похвал, тот делает то, чего желают другие, а не то, чего он сам. Что же делать я советовал бы вам? Внимать Богу, довольствоваться похвалами от Него, делать все благоугодное Ему и совершать добрые дела, не прилепляться ни к чему человеческому. Это [пристрастие к земной славе] вредит и посту, и молитве, и милостыне и делает тщетными все наши добрые дела. Потому, чтобы не потерпеть этого, будем убегать этой страсти; будем иметь в виду только одно — похвалу от Бога, одобрение от Него, прославление от нашего общего Владыки (10).

Если хочешь знать, какие есть побуждения презирать людскую славу, то будь исполнен высоких мыслей, смейся над видимым, возрастай в любви к истинной славе, исполнись духовных помыслов, скажи душе своей, как говорил Павел: *разве не знаете, что мы будем судить ангелов* (1 Кор. 6, 3)? И, возбудив ее этим,

вразуми и скажи: неужели ты, судящая Ангелов, желаешь, чтобы тебя судили нечистые и хвалили, как хвалят плясунов, лицедеев, звероловов и наездников, которые стремятся к таким именно похвалам? А ты постарайся быть выше этих кликов, подражай пустынножителю Иоанну, узнай, как он презирал народную толпу и, видя льстецов, не обращал на них внимания. Когда же все жители Палестины собрались вокруг него, удивлялись ему и приходили в изумление, то он не хвалился и такой честью, но восставал против них и, обращаясь к многочисленному народу как к ребенку, поражал их такими укоризнами: змеи, порождения ехиднины (Мф. 3, 7). Хотя они сходились и оставляли города для него, чтобы видеть эту священную главу, однако ничто не смягчило Иоанна — так он далек был от славы и свободен был от всякой гордости. И Стефан, видя, что опять тот же народ не чтит его, но неистовствует и скрежещет зубами, поставив себя выше их гнева, говорит: жестоковыйные! люди с необрезанным сердцем (Деян. 7, 51). И Илия в присутствии войска, царя и всего народа сказал: *долго ли вам хропать на оба колена?* (3 Цар. 18, 21). Но мы всем льстим, угождаем,

покупая себе этим раболепным служением их почтение. Вследствие этого все переменялось, мы лишились благодати первых веков, дела христианства пришли в упадок, и все пренебрежено для людской славы. Итак, искореним страсть — и тогда вполне узнаем свободу, найдем пристань и тишину. Ведь тщеславный подобен обуреваемым волнами, всегда трепещет, боится и служит очень многим господам. А кто находится вне этой мучительной власти, тот подобен достигшим пристани и наслаждающимся полной свободой. Но не таков тщеславный, который скольким бы ни был известен, столько же имеет и господ и всем вынужден служить. Как же нам освободиться от этого тяжкого рабства? Если возлюбим другую славу, славу истинную. Как влюбленных в красивое лицо обыкновенно отвлекает от этой любви другое лицо, которое красивее прежнего, так и пристрастных к людской славе может отвлечь от нее слава, воссиявшая с небес. Потому обратим взоры на эту последнюю, узнаем ее в точности, чтобы, удивившись красоте ее, избежать нам позора славы мирской и насладиться многим удовольствием, непрестанно утешаясь славой небесной (11).

СЛАВОЛЮБИЕ

Если желаешь ты славы и потому строишь козни ближнему, то тогда вполне приобретешь ее, когда, презрев эту славу, будешь удерживаться от коварства. Как для сребролюбивого приобретение богатства соединено с потерей, так и для славолубивого домогательство славы соединено с бесславием. И если хотите, то и другое рассмотрим порознь. Так как мы нимало не страшимся гонимы и нисколько не заботимся о Царствии Небесном, то, по крайней мере, посмотрим на следствия того и другого в настоящей жизни. Скажи мне, кто достоин посмеяния: не тот ли, кто слишком домогается славы у людей? Кто достоин похвалы: не тот ли, кто совершенно пренебрегает человеческой похвалой? Следовательно, если любовь к пустой славе соединена с поношением и если тщеславный, гоняющийся за славою, не может скрыться, то и будет он непременно подвергаться поношению, и домогательство славы делается для него причиною бесславия (7).

Никак невозможно любящему славу не жить жизнью страдательной; а напротив, подавляющий в

себе славолюбие не может не подавить вместе с тем и множество других страстей: побеждающий эту страсть преодолевает и зависть, и сребролюбие, и прочие тяжкие недуги. Но как, скажут, нам преодолеть эту страсть? Преодолеем, если будем иметь в виду иную славу, славу небесную, которую земная силится лишить нас. Та слава еще и здесь прославит нас, и будет сопутствовать нам в будущей жизни, и освободит нас от всякого рабства плоти, которой мы ныне так бедственно служим, всецело предавшись земле и делам ее. Пойдем ли на торжище, войдем ли в дом какой-нибудь, будем ли в дороге, или на пристани, в гостинице, или в странноприимном доме, на корабле, на острове, в царских чертогах, в судилищах, или в гражданских советах — везде увидишь заботы о делах временных и житейских; все и каждый об них только пекутся: и отходящие и приходящие, в путь отправляющиеся и дома остающиеся, плавающие и землю возделывающие, находящиеся на полях и в городах — все вообще. Какая же будет у нас надежда спасения, если, живя на земле Божией, мы не печемся о предметах божественных? Тогда как нам повелено быть здесь странниками, мы — скорее

странники для небес, а для здешних мест — жители. Что может быть хуже такой бесчувственности? Слыша каждый день о Суде и Царствии, мы подражаем современникам Ноя и жителям Содомы и ожидаем, чтобы нас вразумили такие же опыты. А ведь о них все и написано для того, чтобы, кто не верует в будущее, тот из событий прошедших получил ясные доказательства относительно будущих (8).

Когда что-либо происходит для славы, тогда все бывает низко: пусть человек имеет все, но не владеет этим [презрением славы], — он совершенно чужд любопытства и одержим сильнейшею и гнуснейшею страстью. Презрение славы может научить всему доброму и изгнать из души всякую губительную страсть. Поэтому убеждаю и вас — проявлять великую ревность о том, чтобы исторгнуть эту страсть с корнем; иначе и нет возможности благоугодить Богу и снискать благоволение перед этим неусыпным оком (10).

Гибельно и исполнено всякого бесчестия — любить славу в делах гражданских, а когда та же страсть

овладеет тобой и в делах духовных, тогда какое оправдание останется тебе, не желающему воздать Богу такой же чести, какой сам требуешь от домашних? Ведь и раб смотрит в глаза господину, и наемник обращает внимание на хозяина работы, который должен выдать плату, и ученик смотрит на учителя, — а у тебя все напротив: ты, оставив нанявшего тебя Бога и Владыку, смотришь на собратьев, хотя сам знаешь, что Бог и впоследствии будет помнить твои заслуги, а человек помнит только в настоящем; для тебя уготовано зрелище на небе, а ты собираешь зрителей на земле. Борец, где подвизается, там ждет себе и одобрений, а ты, подвизаясь для горнего, заботишься получить награду долу. Что может быть хуже такого безумия? Посмотрим же, если угодно, и на самые венцы: иной состоит из высокомерия, иной из зависти к другому, один из насмешки и лести, другой из денег, иной из рабского служения. Как дети во время игры возлагают друг на друга венки из травы и часто, увенчав кого-нибудь так, чтоб он сам не заметил, смеются над ним сзади, так и теперь те, которые тебя хвалят, часто сами между собой смеются, возложив на тебя траву. И пусть бы еще

только траву, но их венец причиняет нам большой вред и губит все наши заслуги. Итак, рассудив о ничтожности его, избегай вреда. Сколько, по твоему мнению, должно быть хвалящих тебя? Сто человек или вдвое, втрое, вчетверо больше, даже, если хочешь, вдесятеро, во сто раз больше; пусть будет, если угодно, две, четыре, десять тысяч рукоплещущих, но они ничем не отличаются от каркающих ворон, а если ты представишь себе зрелище Ангелов, то эти рукоплещущие окажутся ничтожнее червей, а их одобрения слабее паутины, дыма, сновидения. Послушай, как Павел, в точности узнавший людскую славу, не только не домогается ее, но и отвращается, говоря: *я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа* (Гал. 6, 14). Итак, и ты возревнуй об этой похвале, чтобы не разгневать Господа. А, ища похвалы людской, ты бесчестишь не только себя, но и Бога. Будучи живописцем и имея у себя ученика, ты и сам не перенес бы равнодушно, если бы он не стал тебе показывать произведений своего искусства, а выставил бы картину на показ простым зрителям. Если это обидно для братьев, то гораздо более для Владыки (11).

СЛОВА

Блажен муж, любящий духовные изречения. Это отличает нас от бессловесных. Нас отличают от них не свойства телесные, не пища, ни питье, не жилище, не жизнь: все это у нас общее с бессловесными; но чем отличается человек от бессловесных? Словом. Потому человек и называется животным словесным. Как питается тело, так питается и душа: тело хлебом, а душа словом. Если бы увидел человека, вкушающего камень, то сказал ли бы ты, что это — человек? Так точно, если ты увидишь кого-нибудь питающегося не словом, а предметами чуждыми слова, то скажешь: он перестал даже быть человеком, потому что благородство человека доказывается тем, чем он выкармливается (4).

СЛОВО БОЖИЕ

Слово Божие возбуждает страстное желание души и дает ей радость как бы некий светильник, чтобы и помыслы просветить, и грехи очистить, и мысли осветить. Таково слово Божие. Что для железа оселок, то для души слово Божие. Оселок оказываете железу пользу не в одном только

отношении; во-первых, он служит для очищения с него ржавчины; затем, если оно толсто, делает тонким, если тупо, делает острым, если темно, делает блестящим, чистым, светлым, ярким. Так и слово Божие очищает душу от ржавчины греховной, делает ее энергичною, если она ослабела, делает нежною, если огрубела, делает светлою, если она омрачилась, и Слово Божие хочет, чтобы мы сияли согласно с апостольскою заповедью, гласящею: *будьте как светила в мире, содержа слово жизни* (Флп. 2, 15, 16). Вот сияние! Оно хочет, чтобы мы были не вялыми, а бодрыми. *Живо*, — говорится, — *слово Божие и действительно и острее всякого меча обоюдоострого* (Евр. 4, 12). Оно хочет, чтобы мы не были грубыми, а утончали ум помыслами, потому что, когда ум огрубевает, он чужд бывает слову Божию, а когда утончается, приложит закону Божию. Потому-то Писание и говорит об огрубевших: *и ел Иаков, и утучнел Израиль, и стал упрям; утучнел, отолстел и разжирел; и оставил он Бога, создавшего его* (Втор. 32, 15). Пусть же слово Божие просветит и наш ум, и особенно в этот предлежащий святой пост, когда изнуряются тела и бодрствуют помыслы (5).

Когда беседуем о предметах духовных, ничто житейское да не будет в душах наших, ничто земное; но все это да будет удалено, все да будет устранено, чтобы мы могли всецело предаться одному слушанию божественных слов. Если при входе царя в город затихает весь шум, то гораздо более в то время, как Дух беседует с нами, мы должны вникать с глубоким безмолвием и с великим страхом (8).

Христос не столько обращает внимание на собственное достоинство, сколько на наше спасение, и не заботится о том, чтобы сказать что-нибудь великое, но то, что может привлечь нас. Поэтому высокого и великого в Его словах немного, да и то прикровенно, а уничиженного и обыкновенного — весьма много. Так как это последнее больше привлекало, то Он чаще об этом и говорит. Впрочем, Он и не всегда говорит уничиженное, чтобы не повредить будущим [слушателям Своего учения], и не умалчивает о нем, чтобы не соблазнить тогдашних. Люди, освободившиеся от низких понятий, могут и из одного высокого догмата уразуметь все; а те, которые всегда были с понятиями низкими,

и совсем не пришли бы, если бы не часто слушали уничиженное (8).

Источник света — слово Божие; будучи исполнено света и источая свет, оно просвещает и озаряет души верных. Само из себя и само по себе оно светит и пользующихся им просветляет; и не просто души верных просвещает, но и сообщает им имя света. В самом деле, Божественное Писание по справедливости именует тьмою людей, погруженных в неведение и упорствующих в неверии, не принимающих светильника истины, чтобы сделаться сынами света. Поэтому и божественный апостол Павел говорит: *ибо все вы — сыны света и сыны дня: мы — не [сыны] ночи, ни тьмы* (1 Фес. 5, 5). И действительно, мы сыны света, т.е. слова евангельского, глаголанного устами Божиими: *Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни* (Ин. 8, 12). То слово есть слово света, которое, если мы уверуем в него, делает нас сынами света. Поэтому и Спаситель говорит: *доколе свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света* (Ин. 12, 36). Ведь что для тела этот чувственный свет, то самое для души свет

духовный — слово Божие; и что ночью — тьма, то самое для душ заблуждающихся неведение. Поэтому и блаженный Давид о таких пишет: *Не знают, не разумеют, во тьме ходят* (Пс. 81, 5). Так и синагогу, погруженную в неведение и не желающую проникнуть к познанию духовного учения, Бог называет тьмою по причине обитающего в ней неведения. Когда Бог говорил иудеям через пророка, ночи уподобил *матерь* их и, поясняя, что разумеет ночь, подобную тьме, прибавил: *Истреблен будет народ Мой за недостаток ведения* (Ос. 4, 5–6). Потому-то они и *не знают, не разумеют, во тьме ходят* (Пс. 81, 5). Но они так, а принявшие свет Христова учения — те совершенствуются во свете. В самом деле, Бог наш есть свет; и слово Его, из Себя самого рожденное Им прежде веков бесстрастно, называется светом; и святой, и единосущный, и живоначальный Дух — свет. Свет, и свет, и свет, но один свет. И душа, принявшая слово, называется светом (9).

СМЕРТЬ

Пусть [никто] не считает жалким окончившего жизнь свою на чужбине, преставившегося от

этого мира в пустыне. Не он достоин сожаления, а тот, кто умирает в грехах, хотя бы он кончил жизнь на своем ложе, в собственном доме, хотя бы в присутствии своих друзей. И никто не говорил мне этих пустых, достойных смеха и безрассудных речей: такой-то умер бесчестнее пса — при нем не было никого из знакомых; не сделано ему и приличного погребения, а на сложенное от разных лиц иждивение устроено то, что нужно для погребения. Не значит это, о, человек, умереть бесчестнее пса, потому что какой оттого вред потерпел такой человек? То только худо, если он не имел для своего прикрытия одежды добродетели. Что все другое не причиняет никакого вреда добродетельному, убедись из того, что большая часть праведников, разумею пророков и апостолов, за исключением немногих, неизвестно, где и погребены: одни были усечены в голову, другие, будучи побиты камнями, таким образом окончили жизнь, иные, предав себя самих бесчисленным и разнообразным наказаниям, все пострадали за Христа. Но никто не дерзнет сказать о них, что смерть их была бесчестна, а скажет вслед за Божественным Писанием: *честна пред Господом смерть пре-*

подобных его (Пс. 115, 5). И как называет оно смерть преподобных *честной*, так, послушай, называет оно смерть грешников: *смерть*, — говорит, — *грешников люта* (см. Пс. 33, 22). Хотя бы кто расстался с жизнью в своем доме, в присутствии жены и детей, в собрании родственников и знакомых, но, если не имел добродетели, *люта* смерть его. Напротив, стяжавший добродетель, хотя бы умер на чужбине, поверженный на землю, — да и что я говорю: на чужбине или на земле? — хотя бы впал в руки разбойников, хотя бы сделался добычей зверей, *честна* будет смерть его. Скажи мне: сын Захарии не во главу ли был усечен? А Стефан, первый украсившийся венцем мученичества, не скончался ли, будучи побит камнями? А Павел и Петр не представились ли от настоящей жизни, первый, будучи усечен, второй — противоположным Господу образом приняв крестное мучение? И не за то ли особенно они и прославляются и воспеваются по всей вселенной? Соображая все это, не будем считать жалкими умирающих на чужбине, ни ублажать разлучающихся с жизнью в собственном доме; но, следуя правилу Божественного Писания, поживших в добродетели и так

преставившихся будем ублажать, а умирающих в грехах признавать несчастными. Как добродетельный проставляется в лучшую жизнь, получая возмездие за свои труды, так не имеющий добродетели, умирая, уже испытывает начатки мучений, и, отдавая отчет в делах своих, подвергается невыносимым страданиям. При мысли об этом нужно поэтому заботиться о добродетели и в настоящей жизни, как на ристалище, подвизаться так, чтобы по окончании зрелища украситься светлым венцом и напрасно не раскаиваться. Пока еще продолжается время подвигов, можно, если захотим, отложить леность и преуспеть в добродетели, дабы получить подлежащие венцы (1).

Не знаешь ли ты, что часто смерть бывает гораздо лучше жизни, а у многих жизнь бывает весьма жалкою, не лучше, чем у иных смерть. Не всегда должно презирать жизнь и не всегда должно избегать конца жизни. Напротив — всегда должно избегать злого конца. То и другое [жизнь и смерть] само по себе не есть ни зло, ни добро, но быть ему тем или другим — будет зависеть от конца. Что блаженнее смерти

Иоанна и что жалче Иродовой? Тот и по смерти возбуждал страх в живом: *в то время Ирод четвертовластник услышал молву об Иисусе и сказал служащим при нем: это Иоанн Креститель; он воскрес из мертвых, и потому чудеса делаются им* (Мф. 14, 1, 2) — Иоанн, которого я предал смерти (4).

Смерть будет драгоценной не оттого, что иной умрет в своем доме, на ложе или среди семейных, но оттого, что мы будем умирать храбро и мужественно за истину. Что такая смерть драгоценна, об этом свидетельствует вся вселенная. Хотя знаменита кончина царей и вождей, и она иногда почитается их семейными, однако она непохожа на кончину тех рыбаков, которые умерли не по естественному порядку, но с великой добродетелью и совершенной победой, и гробницы которых почитаются во всем мире. Одному была отрублена голова, другой был четвертован, иной — побит камнями. Тем более они почитаются, что почтили такую смертью, так как умерли ради мира вселенной. Подобно тому, как даже мало предприимчивые вожди в высшей степени почитаются

после смерти за те труды, какие они подъяли ради мирских дел и пали в сражении, так и апостолы, умершие за Церкви, их мир, прияли венцы и после смерти более и более почитаются. Если их Царь смертью смерть попрад, то, конечно, и вождям надлежало подражать своему Царю. Итак, не будем горевать о тех, кому была отсечена голова, и не будем ублажать тех, которые умирают в своем доме: это не блаженство, а то не горе. Но блаженными должно считать тех, которые мужественно умирают за истину и в гробницу несут, как одежду, хорошую жизнь, которая гораздо драгоценнее золотых одеяний. Иной, оставляя умирающего за истину нагим и считая недостойным погребения, таким образом более украшает его, нанося ему тяжкий позор за понесенный ради истины труд. Он делает его не жалким, но блаженным, так как таковую одежду не ест моль, не точит червь, не крадут воры, не истребляет время, не гноит земля: она остается нетленной и украшает облеченного в нее более, чем солнце и корона из звезд украшает небо. Будем же желать такого рода смерти за благо общественное. Но почему не за нашу корысть и пользу? Это я говорю затем, чтобы мы пригото-

ляли себя самих к трудам, привходящим со дня на день ради благочестия. И ныне, если желаем, мы умираем многократной смертью. Как может смертный человек умирать многократной смертью? Когда он смертен, то он умрет лишь однажды; а если он умирает часто, то ясно, что он — бессмертен: ведь умирает живой, а тот, кто умер, снова не умирает. Является новый вопрос: он не есть смертный. Если бы он был смертным, то каким образом он умер бы снова? Он — и не бессмертный: если бы он был бессмертным, то каким образом Павел говорил: *за Тебя умерщвляют нас всякий день* (Рим. 8, 36), и опять: истинно, истинно говорю вам: *я каждый день умираю: свидетельствуюсь в том похвалою вашею* (1 Кор. 15, 31). Он думал об унижении и вреде, а не о делании добродетели (так как однажды умереть положено всем людям), почему и сказал: *я каждый день умираю*. Сколько времени Бог дал для его жизни, столько Павел и оставался, всегда умирая; он не желал оставаться должником, но считал своим долгом умирать *каждый день*. Что же равное этому показываем мы? Смотри, кому дано покоиться таким образом: бедным, слабым, не велеречивым. Смерть их пророк

называет покоем, потому что нет ничего подобного тому покою, когда иной беспорочный стремится на тот путь, вне земного отечества. Как человек, близкий к смерти, дает правила и повеления относительно своего дома, жены и детей и располагает все, как желает, хотя это его не касается больше, а потом думает ни о чем больше, как о смерти, так — тем более тот, кто собрал столько сокровищ, с которыми он уверенно может предстать к Богу. Душа его станет пред Богом, после того как священная смерть снимет тяжесть грехов; легкий дух взойдет на небо и уверенно устремится к Богу, когда у него отнята будет злая совесть, — не боясь какого-либо наказания и не страшась, что для него должны заключиться врата небесные, оставляя тело охотно, без битвы и борьбы, не насильственно влекомый вожатаями и не внезапно уносимый, и ему не должно опасаться вследствие какого-либо греха, ни сомневаться вследствие зла. Весело и охотно он отдается им, как отрок, ищущий кормилицу, отца или мать, — отлично зная, что он призывается не для мучения и вечной смерти, но для царской почести и трапезы, уготованной всем добрым, и понимая, что то тело, ко-

торое он на некоторое время оставляет, он примет вновь с великой славой и честью (4).

Смерть происходит от грехов, почему Писание говорит: *пожить многое время, и чтобы прибавились тебе лета жизни* (Притч. 9, 18); *чтобы продлились дни твои на земле* (Исх. 20, 12); *не предавайся греху, и не будь безумен: зачем тебе умирать не в свое время* (Еккл. 7, 17), и в ином месте: *число дней твоих сделаю полным* (Исх. 23, 26). Но мы прекрасно знаем, одни смерти бывают своевременно, а другие несвоевременно; одни по праведности, другие по грехам. Но разве могут быть несвоевременные смерти по добродетелям? *Восхищен*, — говорится, — *чтобы злоба не изменила разума его* (Прем. 4, 11). Отсюда ясно, что смерть может быть несвоевременной по определению мудрости и по милосердию Божию. Приими, говорит, Господи, Иосию, дабы он не узрел грядущих зол. Видишь ли, что [не только] вследствие бедствий, а также и по милосердию Божию бывают то несвоевременная смерть, то старость. Говорится: *чтобы продлились дни твои на земле* (Исх. 20, 12). Но иная бывает старость по грехам,

по сказанному о Каине: *за то всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро* (Быт. 4, 15), как это по иному случаю объяснили иные и как объяснили также мы в толковании на Захарию. А Павел говорит: *оттого многие из вас немощны и больны и немало умирает* (1 Кор. 11, 30). Ясно, что мы нашли две причины своевременной и несвоевременной смерти, противоположные между собою: праведность и грех. Посмотрим, не можем ли мы найти также иных причин. Да, находим, именно — хотя ты и не веришь этому — то, что Бог может возбудить болезнь или обиды людей. Умирают не только по причине козней человеческих, а и по допущению Божию, подобно тем, на которых упала башня (Силоамская), о которых Иисус говорил: *или думаете ли, что те восемнадцать человек, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех, живущих в Иерусалиме?* (Лк. 13, 4). А бывает иная причина и своевременной смерти, как исполнилось это на Павле. Не напрасно и не несправедливо был долговечен этот праведник: *а оставаться во плоти нужнее для вас* (Флп. 1, 24), иначе он быстро отправился бы ко Христу: он желал оставаться во плоти ради проповеди. Таким об-

разом и пророки по этим же причинам вели долгую жизнь для пользы многих. Вот мы показали уже три причины своевременной и несвоевременной смерти; желаете ли вы также знать и четвертую причину? Авраам обновился от старости к юности, чтобы родить детей. Желаете ли также знать пятую причину, которая несказанна и удивительна? Смерть младенцев, которые были убиты в жестокое правление нечестивого Ирода: они были умерщвлены не по причине праведности или грехов и не были восхищены по причине злобы, но были убиты вследствие жестокости сердца: Ирод убил их по своей злобе. А почему, скажут, погибли во время потопа? Мы скажем: истреблены были по повелению Божию за свои грехи. А почему — младенцы израильские? Почему — первенцы египетские? И те по какой-либо причине. Как те, которые были истреблены в потоке, так и те, которые были убиты Иродом, и те, которые убиты в Египте: все по разным причинам. Так как причины смерти отдельных людей различны, то должно исследовать, каковы они. Во время Ноя — чтобы не распространялось зло, во время Христа — не так; египтяне погибли за грехи отцов, израильтяне же

по причине злобы египтян. Но если ты скажешь, почему Он не погубил сразу всех грешников, то я скажу: придет суд. Если кто-либо скажет, что младенцы, умерщвленные Иродом, были убиты не по тем причинам, так как, если бы они были грешниками, то могли бы исправиться, а если праведниками, то им нанесена обида, — то мы скажем, что на самом деле — не так. Бог умеет воздавать даже едва родившимся, когда Он даже о неродившемся, который не сделал ничего доброго или злого, говорит: *большой будет в порабощении у меньшего* (Рим. 9, 12), а также: *Иакова Я возлюбил, а Исава возненавидел* (Рим. 9, 13), и это сказано относительно грядущего, так как Бог знает, какого они направления. Ясно, что новорожденные, если хороши, угодны Богу, а если злы, то смерть для них же полезнее, чтобы они не сделались злыми. Но каким образом, скажут, понимать следующее: если предается казни какой-либо вор или преступник, то ужели Бог повелел, чтобы тот умер злою смертью? Не от Бога произошло такое повеление, но от злобы. Тот злоупотребил свободой, сам был причиною своей смерти, сам принял на себя иго смерти, как говорит премудрый: *привлекли ее и ру-*

ками (Прем. 1, 16). Но если кто-либо стремительно падает, то разве не Бог причиняет такую смерть? А может быть, он упал вследствие небрежности? Если Бог попускает ему умереть таким образом, то он в совершенстве знает причины этого. Если же умирает какой-либо угнетенник, то Бог не желает этого, а попускает по гордой воле таковых. Таким же образом, когда на путешественника нападают воры, то иногда одному путешественнику Он дозволяет пройти и его спасает, а иногда относительно другого он допускает смерть, чтобы не уничтожить свободы. Итак, мы полагаем, что одна смерть бывает по повелению и воле Божией, а другая по его попущению, хотя и против его воли, — убийца осудил сам себя. Бог не везде помогает, хотя и желает, чтобы мы на Него надеялись; Он никогда не презирает, так чтобы не думали, что творения Его не имеют промысления и попечения о себе. Ясно, что определенная людям от Бога смерть не есть неизбежна, но что Бог отменяет уже произнесенное решение относительно смерти, вследствие покаяния, когда к нему прибегает праведник или грешник. И относительно праведного Езекии было произнесено решение, но он слезами своими

изменил таковое решение. Таким образом, Бог желает, чтобы смерть происходила не только по природе, но также по праведности или по грехам, чтобы мы имели возможность своею праведностью избегать несвоевременной смерти. Но скажут: какая теперь польза, когда я слышу, что первый человек умер по грехам, я же, хотя соблюдаю кое-какую праведность, однако умираю, уничтожаемый тем же наказанием? Если ты праведен, то ты можешь избегнуть несвоевременной смерти; если же ты грешник, то нельзя. В то время это имело значение, но теперь Бог повелел, чтобы и смерть вменялась в ничто (4).

Люди, которые ежедневно ведут неправую жизнь, а также участники их преступлений всегда живут в великом страхе и смятении и пребывают в постоянной смерти. Ничто не препятствует назвать это смертью, здесь есть нечто более тяжелое даже самой смерти. Смерть есть освобождение от бед, от зол, которые содержат нас связанными, и разрешение души от уз тела. Когда происходит такое разрешение, то вместе с ним прекращаются и

все заботы. Неправая жизнь бывает причиною многих преступлений, так как она производит пороки и часто весьма сильно воспаляет их. Каждый как бы связывается своею веревкою, и вследствие неправой жизни происходит опутывание. Конечно, бывают и иные обстоятельства, которые делают жизнь печальной и даже без вины, как труд для обеспечения себе средств жизни, смертельные болезни, потери, порицания, обвинения, коварство, встречающиеся весьма часто горести и многое подобное. Но когда присутствует грех, этот неукротимый зверь, то вновь не является никакого утешения. Смотри на блуждающего и беглого Каина, проводящего беспокойную жизнь (4).

Для некоторых кажется невероятным, чтобы тело, обратившееся в прах, могло снова восстать, снова ожить. А касательно души никто из людей не может сомневаться: о бессмертии души не разногласят даже и философы, хотя они были и язычники. В самом деле, что такое смерть, как не отделение души от тела? Когда отделяется душа, которая всегда

живет и умирать не может, так как она произошла от вдуновения Божия, то умирает только одно тело, потому что у нас одна часть смертна, а другая бессмертна. Когда же отделится душа, которая для телесных глаз невидима, то принимается Ангелами и помещается или на лоне Авраамовом, если она верующая, или в преисподней темнице, если она грешница, до тех пор, пока придет определенный день, в который она опять примет свое тело и пред престолом Христа, истинного Судии, отдаст отчет в своих делах (5).

Страшна смерть и великого исполнена ужаса, но — не для тех, кому известно высшее любомудрие. Кто ничего ясно не знает о будущем, но считает смерть разрушением и окончанием жизни, тому естественно страшиться и ужасаться ее, потому что он как бы отходит в небытие. А мы, по благодати Божией познавшие безвестные и тайные премудрости Его и считающие смерть переселением, мы были бы неправы, если бы стали трепетать ее; напротив, мы должны радоваться и благодушествовать, и потому что, оставляя эту временную жизнь,

мы отходим к другой, гораздо лучшей, блистательнейшей и не имеющей конца (9).

Предстоящая и ожидаемая нами смерть располагает нас быть умеренными, целомудренными, воздержными и удаляться всякого зла. А после этого или, лучше сказать — прежде этого она доставила уже нам и другие, очень многие блага. Отсюда венцы мученические, награды апостольские; так оправдался Авель; так оправдался Авраам, принеся на заклание сына; так оправдался Иоанн, умерщвленный за Христа; так оправдались три отрока; так оправдался Даниил. Если и мы пожелаем, то не только смерть, но и сам диавол не сможет повредить нам. Кроме этого, нужно сказать о том, что нас ожидает бессмертие, что после кратковременных вразумлений мы безопасно насладимся будущими благами, будучи приготовлены в настоящей жизни, будучи наставлены как бы в некотором училище болезнями, скорбями, искушениями, нищетою и другими кажущимися нам бедствиями к тому, чтобы сделаться способными к принятию будущих благ (11).

СМИРЕНИЕ

Слово *смирение* имеет много значений. Есть смирение добродетели, например, когда говорится: *сердце сокрушенное и смиренное Бог не уничтожит* (Пс. 50, 19). Бывает смирение от несчастий; бывает и от грехов. ... Бывает смирение от гордости, например, когда говорится: *возвышающий сам себя, унижен будет* (Лк. 18, 14). Бывает и другого рода смирение — от ненасытимости. Что презреннее тех, которые погребают себя в богатстве, власти и славе? Такие люди низки в двояком отношении: во-первых, потому, что пресмыкаются по земле; во-вторых, потому, что почитают важными такие вещи, подобно малым детям, которые считают важными бабки, мячики и другие игрушки. Это — знак не того, что сами вещи важны, но того, что занимающиеся ими имеют ум несовершенный и низменный. Впрочем, у детей это — недостаток возраста и природы, а у тех — вина воли. Человек, ставший мужем и пришедший в полный возраст, считает важным делом пиршества, блудодействия и роскошь — что может быть презреннее этого? Многие называют таких даже людьми великой души, но сами

они еще гораздо презреннее их. Будем же знать, в чем состоит истинное величие и от чего происходит низость. Ничто не делает столь высоким, как презрение к упомянутым вещам (3).

В Божественном Писании указывается много видов смирения: иногда этим именем называется кротость духа: *научитесь, — говорит, например, Христос, — от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем* (Мф. 11, 29); иногда — смирение, происходящее от наказания, посылаемого для нашего исправления, почему Давид говорит: *благо мне, что Ты смирил меня* (Пс. 118, 71); иногда — смирение, происходящее от наказания муками, вследствие которого наказанный становится достойным позора, как, например, когда говорится о диаволе: *Ты смирил, как раненного, гордого* (Пс. 88, 11) (3).

Сколько бы ты ни смирялся, никогда не можешь смириться настолько, насколько смирился Владыка твой. Однако это уничижение Его сделалось возвышением для всех и открыло славу Его. Прежде, нежели Он сделался человеком, известен был одним

Ангелам; а когда стал человеком и был распят, тогда не уменьшил ту славу, которую имел, но и приобрел новую, будучи познан вселенной. Не бойся же потерять честь свою оттого, что ты смиряешься; смирением более возвысится и распространится слава твоя. Оно есть дверь к Царству. Зачем же идти в противоположную дверь? Зачем вооружаться против самих себя? Если мы захотим казаться великими, не сделаемся великими, но будем бесчестнее всех (7).

Блаженны христиане, смиренномудрствующие и тогда, когда они облечены высоким достоинством. Ты смиренномудрствуешь, имея высокие заслуги? Смирение нисколько тебе не вредит: в очах Божиих ты остаешься таким, каков ты на самом деле. Если ты смиряешь себя, не ожидая удара судьбы, тогда и унижение, — откуда бы оно тебя не постигло, — не будет для тебя неожиданностью: ты выступишь на борьбу готовым. Хорошо говорил об этом Давид: *приготовился я без смущения* (Пс. 118, 60). Итак, будем избегать высокомерия, будем избегать тщеславия, возлюбим Христа и ради Христа бедных, чтобы

обогащающий всех, милующий всех по Своим щедротам даровал церковной пастве всегда цвести благочестием под водительством земледельца правды, недавно оставившего нас ради другого назначения, но всегда пребывающего с нами по силе духовного представительства (9).

Нет ничего равного смиренномудрию: оно — источник, корень, питатель, основание и союз всего доброго; без него мы жалки, скверны и нечисты. Представь, если хочешь, что кто-нибудь воскрешает мертвых, исцеляет хромых, очищает прокаженных, но с гордостью: ничего не может быть хуже, нечестивее и виновнее его. Не считай ничего своим. Обладаешь ли словом и даром учительства? Не думай, что ты чрез это имеешь что-нибудь больше других. Потому в особенности ты и должен смиряться, что удостоился больших даров. Кому больше прощается, тот должен больше возлюбить (см. Лк. 7, 47). Потому тебе и должно смиряться, что Бог, минуя других, призрел тебя. Поэтому страшись, так как это часто служит и к твоей гибели, если не бываешь внимательным (10).

Есть много видов смиренномудрия; смиренномудрие можно видеть в слове и в деле, в отношении к начальникам и в отношении к подчиненным. Хотите ли, я представлю вам образцы смиренномудрия? Иные бывают смиренны со смиренными и надменны с надменными; это — не смиренномудрие. Другие бывают не таковы, но относительно каждого лица в разное время наблюдают и смирение, и важность; это преимущественно и есть смиренномудрие (10).

Смиренный угоден и приятен всем, живет в постоянном мире и не имеет никакой причины ко вражде. Будешь ли оскорблять его, порицать и говорить ему что бы то ни было, он станет молчать и переносить с кротостью и будет иметь такой мир со всеми, какого и выразить невозможно, а вместе с тем — и с Богом. А заповеди Божии к тому и направлены, чтобы нам пребывать в мире с людьми, и вся жизнь наша хороша тогда, когда мы в мире друг с другом; Богу же никто не может причинить зла: Он по природе Своей не подлежит влиянию зла и выше всякой страсти. Ничто так не де-

лает христианина достойным удивления, как смиренномудрие. Послушай, как говорит Авраам: *я прах и пепел* (Быт. 18, 27); или Бог о Моисее — что был самый кроткий из всех людей (см. Чис. 12, 3). Никто не был смиреннее его: управляя таким народом, потопив в море и царя, и все войско египетское, как мух, совершив такие дела в Египте, в Чермном море и в пустыне, удостоившись такого свидетельства, он вел себя, как заурядный человек. И зять был смиреннее тестя и принял совет его; не оскорбился и не сказал: «что это? после таких-то и таких дел, ты пришел советовать мне?» Так поступают многие, хотя бы им предлагался был самый лучший совет, пренебрегая советующим за его скромность. А он не так; напротив, делал все со смиренномудрием. Потому-то он презрел царские чертоги, что был истинно смиренным; смиренномудрие делает ум наш здоровым и возвышенным. В самом деле, не знак ли высокой мудрости и великой души его — что он презрел и дом, и стол царский? Цари у египтян почитались как боги и наслаждались бесчисленными богатствами и сокровищами: но он оставил все это, отверг самый скипетр египетский и удалился к пленным и

угнетенным, изнуренным *глиной и кирпичами*, презиравым самими рабами его, — *гнушались ими*, говорится, *египтяне* (Исх. 1, 12–14); этих людей он предпочел владыкам. Так-то смиренный бывает высок и великодушен! Ведь гордость есть знак низкого ума и неблагородной души, кротость же — души высокой и великой (12).

Будем смиренными, чтобы нам сделаться высокими: *кто унижает себя*, — говорит [Господь], — *тот возвысится* (Мф. 23, 12). Не таков человек надменный; напротив, он ничтожнее всех; и пузырь надувается, но пуста полнота его; оттого таких людей мы и называем надутыми. Смирennemудрый и при величии своем не думает о себе много, зная свое смирение, а ничтожный и при малости своей многое о себе воображает. Будем же достигать величия смирennemудрием; будем помнить о природе [всего] человеческого, чтобы нам воспламениться желанием будущего. Не иначе ведь можно сделаться смиренным, как любовью к божественному и презрением к настоящему. Как тот, кто ожидает получить Царство, когда вместо порфиры предложить бы ему какую-нибудь частную по-

честь, почел бы ее за ничто, так точно и мы посмеемся над всем настоящим, если воспламенимся желанием почести будущей (12).

СОВЕСТЬ

Тем-то и отличаемся мы от бессловесных, что человеколюбивый Бог почтил нас разумом, и в природу нашу вложил познание добра и зла. Итак, никто не должен оправдывать себя тем, что небрежет о добродетели по неведению, или потому, что не имеет руководителя на пути ее. У нас есть достаточное руководство — совесть, и невозможно, чтобы кто-нибудь лишен был ее помощи. При самом сотворении человека вложено в него и познание того, что он должен делать, дабы, показав свое благоразумие упражнением в подвигах добродетели в настоящей жизни, как бы в некоторой школе борьбы, получил за добрые подвиги награды, потрудившись краткое время, удостоился бы венцов в веке нескончаемом, стяжав добродетель в этой скоропреходящей жизни, наслаждался бы нетленными благами в веках беспредельных и бесконечных. Зная это, возлюбленные, не унижим своего достоинства, не будем неблагодарны за такое благодеяние,

и, гоняясь за временными мнимыми удовольствиями, не будем готовить себе вечного мучения. Будем устроить свою жизнь, как постоянно имеющие пред собою недремлющее Око, видящее сокровенные наши помышления; огражденные оружием Духа и, показав собственное доброе расположение сердца, мы привлечем помощь свыше, чтобы при ее содействии победив врага и супротивника и сделав безвредными его козни, могли мы насладиться теми благами, которые Господь обещал любящим Его. Поэтому никто не должен смотреть на трудность добродетели, но, имея в виду происходящую от нее пользу, всякий с готовностью да подымлет ради нее все труды (1).

Упражняй свою совесть. С каким дерзновением придет нарушивший пост? Поистине, не далее как завтра, если и никто не обвинит тебя, совесть будет обличать тебя. А видел ли ты, чтобы кто носил когда-нибудь обличителя вместе с собою? Пусть лучше совесть будет твоею защитницею (9).

Кто имеет чистую совесть, хотя бы был одет в рубище и боролся с

голодом, бывает благодуснее живущих роскошно; равно как сознающий за собой худое, хотя бы владел всеми богатствами, бывает несчастнее всех. Потому и Павел, хотя жил во всегдашнем голоде и наготе, хотя каждый день подвергался ударам, но радовался и веселился более современных царей. А Ахаав, хотя и царствовал и наслаждался разнообразными предметами роскоши, когда совершил свой грех, стenal и скорбел, а лицо его опадало как до греха, так и после греха. Итак, если мы желаем наслаждаться радостью, то больше всего иного будем избегать порока и станем следовать добродетели, потому что иначе невозможно достигнуть радости, хотя бы мы взошли даже и на царский престол. Потому и Павел сказал: *плод же духа есть любовь, радость, мир* (Гал. 5, 22). Возрастим же этот плод в самих себе, чтобы нам и здесь насладиться радостью и достигнуть будущего Царства (11).

СОДОМСКИЙ ГРЕХ

Бог обыкновенно посылает наказания на одного и на другого и через них внушает всем прочим, какие ожидают их бедствия. Но

выражу яснее сказанное мною. Жители Содомы совершали некогда тяжкие грехи и подверглись крайнему наказанию, когда нисшел пламень, и города, и люди, и земля с телами их, — все было сожжено. Что же? После них разве никто не дерзал совершать такие же дела? Напротив, многие и во многих местах вселенной. Почему же они не потерпели ничего подобного? Потому, что они соблюдают для другого, тягчайшего наказания. Потому Бог, сделав это однажды, не делал более, чтобы дерзающие совершать такие дела ясно видели, что они никогда не избегнут наказания, хотя бы здесь и не подвергались им. В самом деле, сообразно ли было бы с разумом, если бы те, которые жили прежде благодати и закона и не слушали ни пророков, ни кого-нибудь другого, потерпели такие наказания за свои грехи, а те, которые после них удостоились такого попечения Божиего и не вразумились примером их — от чего грех делается гораздо более тяжким, — избежали бы назначенного за это наказания? (4)

Если ты, слыша о геенне, смеешься и не веришь, то вспомни об огне содомском. Ведь мы видим,

даже в настоящей жизни видим подобие геенны. Так как многие готовы были совсем не верить явившимся по воскресении и возвестившим, что и теперь существует огонь неугасимый, то Бог и вразумил их событиями настоящей жизни. Таково было сожжение Содомы и истребление его огнем, о чем знают бывшие там и собственными глазами видевшие следы божественного наказания и небесных молний. Пойми же, как велик был грех, побудивший геенну явиться преждевременно. С другой стороны, так как многие презирали речи [о геенне], то Бог на деле показал им подобие ее в некотором новом виде. Дождь тот был необыкновенный, как и смешение содомлян было противоестественно; он затопил землю, как и похоть наводнила их души. Этот дождь был по своему действию противоположен дождю обыкновенному: он не только не возбудил утробу земли к произрастанию плодов, но и сделал ее неспособною к принятию семян. Таково было и смешение мужчин земли содомской, которое делало их тела более бесплодными. Что грязнее, что отвратительнее того мужчины, который стал блудницею? Какое неистовство, какое безумие! Откуда вторглась эта

похоть, оскорбляющая человеческую природу, наподобие врагов, а лучше сказать, настолько ужаснее врагов, насколько душа превосходнее тела? О, вы бессмысленнейшие и бессловесных, бесстыднейшие и собак! И у тех никогда не бывает такого смешения, так как природа знает свои границы, а вы, срамя свой пол, сделали его бесчестнее существ неразумных. Итак, откуда произошло это зло? От роскошной жизни, от незнания Бога: всякий раз, как люди отвергают страх Божий, тогда оставляет их и всякое добро (11).

СОН

Для того-то и сокрыл от нас Господь день смерти нашей, чтобы расположить нас к постоянному трезвению и бодрствованию и таким образом еще более побудить к попечению о добродетели, *Бодрствуйте*, — говорит Он, — *потому что не знаете ни дня, ни часа* (Мф. 25, 13). Но мы делаем противное, и постоянно спим сном более крепким, нежели сон естественный. Спящий естественным сном становится не способным делать ни зла, ни добра; а мы спим другим сном, спим для дел добродетели и бодрствуем для дел злых; злые дела совершаем нелепо, а в

добрых показываем великое нерадение и сонливость. И так мы делаем, видя каждый день, что одни отсюда отходят, а другие и в настоящей жизни подвергаются многим переменам. Однако же, и это непостоянство жизни не довольно вразумляет нас, не довольно возбуждает в нас стремление к добродетели, располагает к презрению настоящих благ и к желанию будущих, к тому, чтобы тенью и сновидениям мы предпочитали истину. Ведь настоящие блага ничем не разнятся от теней и сновидений. Итак, не будем обманывать себя и гоняться за тенью; но, хоть когда-нибудь позаботимся и о нашем спасении, а богатство станем издерживать на нуждающихся, чтобы за это удостоиться воздаяния от человеколюбивого Бога (1).

Будет, говорит Исаия, богатство нечестивых *как сон* (Ис. 29, 7). Настоящее положение наше ничем не отличается от сонного мечтания. Вчера здоровье, а сегодня болезнь; вчера власть, а сегодня унижение; вчера богатство, а сегодня бедность; вчера вершина славы, а сегодня полное ничтожество. Все колеблется, все изменяется; и не только человеческие дела, но и *небо и земля прейдут*,

только слова *Мои*, — говорит Господь, — *не прейдут* (Мф. 24, 35) (9).

Настоящая жизнь есть сон и случающееся в жизни этой ничем не отличается от сонных грез. И как спящие говорят сами с собой и часто видят нечто совсем недействительное, так и мы поступаем. И даже гораздо хуже того. Сделавший или сказавший что-нибудь непростойное во сне, освободившись ото сна, обыкновенно освобождается и от стыда и не подвергается наказанию. Не то будет с нами после этой жизни, но позор и наказание будут вечными. Равным образом те, которые богатеют во сне, с наступлением дня удостоверяются, что напрасно льстили себя богатством; в настоящей же жизни часто удостоверение приходит и прежде наступления дня, и прежде чем мы переселимся отсюда, эти грезы уже рассеиваются. Итак, отрясем, наконец, этот лукавый сон. Если день [Страшного Суда] застигнет нас спящими, то мы сделаемся добычей неумирающей смерти. Да и до наступления того дня всем здешним врагам — и людям, и демонам — легко будет нападать на нас; если даже они захотят умертвить нас, никто им в

том не воспрепятствует. Если бы много было бодрствующих, то не было бы и такой опасности, но так как теперь кое-где один и другой, зажегши светильник, бодрствуют, все же прочие, как в глубокую ночь, погружены в сон; то нам необходимо совершенное бодрствование и полная осторожность, чтобы не потерпеть ужасных бедствий (11).

СОСТРАДАНИЕ

Будем, увещаю вас, подвергать себя опасностям за наших братьев. Предстоит ли огонь или меч — бросься на них, возлюбленный, чтобы спасти твоего сочлена; бросься, не бойся. Ты ученик Христа, положившего душу Свою за братьев, — соученик Павла, восхотевшего потерпеть тысячу бедствий за своих врагов и гонителей; исполнись ревности, подражай Моисею. Он увидел обижаемого и отомстил, презрел царскую роскошь, для угнетенных сделался беглецом и скитальцем, лишился родных и своего дома, провел столько времени в чужой стране и не упрекал себя, не говорил: что это? — я пренебрег Царство, такую честь и славу; решил отомстить за угнетаемых, а Бог не призрел на это и не только

не возвратил меня к прежней чести, но сорок лет я проживаю в стране чуждой. И было бы правильно, — потому что не получил награды. Но ничего такого он не сказал и не подумал. Так и ты, когда, делая добро, потерпишь какое-нибудь зло, хотя бы на долгое время, не соблазняйся и не смущайся; тебе непременно воздаст Бог. Чем долее медлить это воздаяние, тем большее будет приращение. Итак, будем иметь душу сострадательную, будем иметь сердце, способное сочувствовать страждущим; не будем жестокими и бесчеловечными. Хотя бы ты не мог оказать никакой помощи — плачь, скорби, сетуй о случившемся, — и это не останется бесполезным для тебя. Если мы должны сострадать тем, которые праведно наказываются Богом, то тем более тем, которые несправедливо терпят от людей. *Не объявляйте об этом в Гефе, — говорит [пророк], — не плачьте там громко; но в селении Офра покрой себя пеплом. Переселяйтесь, жительницы Шафира, срамно обнаженные; не убежит и живущая в Цаане; плач в селении Ецель не даст вам остановиться в нем* (Мих. 1, 10,11). Иезекииль упрекает в том, что они не были сострадательны. Что говоришь

ты, пророк? Бог наказывает, а я должен сострадать наказываемым? Да, этого желает наказывающий; Он и сам не радуется, когда наказывает, но также весьма скорбит. Если же и сам наказывающий не радуется, то не радуйся и ты. Но, скажешь, когда наказываются справедливо, то, конечно, не должно скорбеть? Должно скорбеть о том, что они сделались достойными наказания. Скажи мне: когда ты видишь, как сыну твоему делают прижигание или отсечение, неужели ты не скорбишь? Конечно, скорбишь и не говоришь сам себе: что это? — отсечение послужит к излечению, прижигание к выздоровлению; но, услышав его рыдания от нестерпимой боли, ты скорбишь, и надежда на выздоровление не может преодолеть естественного сострадания. Так и здесь, хотя бы наказывались для исправления, мы должны оказывать им братское расположение и отеческую любовь. Наказания Божии — это как бы отсечения и прижигания; но потому мы и должны плакать, что они заболели, что имеют нужду в таком врачевании. Когда кто страдает для венцов, тогда не скорби, как, например, Павел или Петр; но когда кто терпит достойное наказание, тогда плачь, тогда скорби. Так по-

ступали и пророки. Потому один из них и сказал: *о, Господи Боже! неужели Ты погубишь весь остаток Израиля* (Иез. 9, 8)! Мы часто видим наказываемых убийц и других преступников, и сожалеем, и скорбим. Не будем рассудительны чрез меру; но будем милостивы, чтобы и нам быть помилованными. Ничто не может сравняться с этим благом, ничто так не выражает наших человеческих свойств, как милосердие, как человеколюбие. Потому и законы предоставляют всякое [наказание] палачам, обязывая судию только произнести приговор к наказанию, а самое исполнение возлагая на них. Так, хотя бы наказание было справедливо, наказывать несвойственно душе любомудрой, но для этого требуется кто-нибудь другой. Потому и Бог наказывает не сам, но чрез Ангелов. Следовательно, Ангелы — палачи? Да не будет! — я не говорю этого; но они — силы, служащие и для исполнения наказания. Когда был разрушаем Содом, все совершено чрез Ангелов; когда Египет, — чрез них же. *Ярость и гнев, и скорбь, низведенные чрез ангелов [посылающих] бедствия* (Пс. 77, 49). Но когда нужно было спасти, тогда действует Он сам; так Он послал Сына Своего для спасения рода. И опять:

пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих: соберите делающих беззаконие (Мф. 13, 41, 42). А касательно праведников не так, но: *кто принимает вас, принимает Меня* (Мф. 10, 40). И еще: *связав ему, — говорит, — руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю* (Мф. 22, 13). Смотри, здесь действуют слуги. А когда нужно наградить, сам награждает, сам говорит: *приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира* (Мф. 25, 34). Когда нужно было беседовать с Авраамом, то приходит сам; а когда идти в Содом, то посылает слугителей, подобно тому, как судия поставляет исполнителей казни. И еще: *хорошо, добрый и верный раб, — говорит, — в малом ты был верен, над многим тебя поставлю*. Этого восхваляет сам, а раба лукавого не сам, но слуги связывают (см. Мф. 25, 21–30). Зная это, не будем радоваться о тех, кого постигают наказания; но будем жалеть их, будем скорбеть, будем плакать о них, чтобы и за это получить нам воздаяние. Ныне многие радуются даже о тех, которые терпят зло несправедливо. Но мы не будем так поступать; напротив, будем оказывать им всякое сострадание (10).

СПАСЕНИЕ ДУШИ

Почему мы так неблагодарны к своему благодетелю? Почему не думаем ни о том, что уже нам дано, ни о том, что обещано, но забыв, так сказать, все, проводим всю жизнь без цели и безрассудно, подобно животным, не прилагая никакого попечения о душе, только чрево наше как бы разрывая [от пресыщения], через то и бедному нашему телу нанося большой вред, между тем как вследствие неумеренности и многоядения мы стараемся приготовить себе множество предметов, душу оставляем томиться в голоде? А ведь душа важнее тела, и когда она исходит из тела, тело остается мертвым. Итак, должны мы и душе доставлять свойственную ей и сообразную (с ее природою) пищу; а не соблюдая меры ни в том, ни в другом отношении, т.е. одно [тело] насыщая сверх нужды, а другую [душу] — принуждая гибнуть от голода, мы вредим обоим. То, чем Владыка всяческих, как величайшим гневом, угрожал некогда народу иудейскому, говоря: *Я пошлю на землю голод, — не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних* (Ам. 8, 11), научая нас, что тот голод

может ослабить тело, а этот поражает самую душу; то самое, что тогда Господь угрожал навести на них вместо наказания, мы теперь добровольно привлекаем на себя, и притом тогда, когда Бог показал столь великое попечение о нас, и по Его устроению мы при чтении Писаний получаем еще и вразумления от наставников. Поэтому умоляю вашу любовь отложить всякую леность, хотя немного воспрянуть и все старание обратить к спасению души (1).

Когда душа в хорошем состоянии, то все прочее придет само собою; а когда она не в хорошем состоянии, то всякое другое благоденствие не принесет нам никакой пользы. Потому нам должно и делать и говорить так, чтобы она спаслась. На это указывает и Христос, когда говорит: *будьте мудры, как змии* (Мф. 10, 16). Как змий выставляет все свое тело, чтобы только спасти голову, так и тебе нужно оставить все прочее для спасения души. Ни бедность, ни болезнь, ни самое главное из всех бедствий — смерть — не могут повредить подвергшемуся им, когда спасена душа; равно как и от самой жизни не получишь ни-

чего доброго, когда душа растлилась и погибла. Вот почему пророк, оставив все прочее, говорит только о душе и просит, чтобы она была подвергнута не строгому суду и избавлена от невыносимых наказаний. *Милостив Господь и праведен, и Бог наш милует* (Пс. 114, 5). Видишь ли, как он научает слушателя не отчаиваться и не предаваться беспечности? Он как бы так говорит: не отчаивайся, потому что Господь милостив; но не будь и беспечен, потому что Он праведен. Таким образом, он и предостерегает от беспечности, и истребляет отчаяние, с той и другой стороны устроая наше спасение (2).

Всякий предмет благочестия служит к исправлению наших душ; все уставы благочестия направляются к спасению наших душ. Ему служит слово Божие, его полагает в основании закон Моисеев, о нем проповедуют умственные языки пророков, о нем возвещают немолчными устами апостолы. Все для нас и ради нас, дабы мы, направляя себя на надлежащий путь, достигли благочестия. Итак, всякая священная книга имеет целью, как я сказал, наше спасение (5).

Пути жизни разнообразны, как написано, и способов спасения много. Каким хочешь способом, тем и воспользуйся, только спасайся. Если можешь, раздавай милостыню; не можешь — Бог не взыщет. Нет у тебя ни хлеба, ни одежды? Стань на колена, ударяй себя в грудь, плачь, рыдай, скорби, простирай руки к небу, возведи очи твои ко Господу, постись, бодрствуй. Это — у всякого в распоряжении и тут ты уж ничем отговориться не можешь. Постарайся же всегда этими средствами угождать Богу (9).

Для страждущих и умирающих бывает неприятна и здоровая пища, неприятны друзья и близкие, которых часто и не узнают они и даже тяготятся их присутствием. Так обыкновенно бывает и со страждущими душевно: они не знают, что нужно для спасения, и тяготятся теми, кто печется о них. Это происходит не от свойства самого дела [спасения], а от их болезни. Как помешавшиеся в уме не терпят тех, кто заботится о них, и даже порицают их, так поступают и неверующие. Но как эти оскорбляемые тем более жалеют и плачут о больных, считая

крайней степени болезни их, когда они не узнают самых близких людей, так будем поступать и мы в отношении к язычникам и плакать о них более, нежели о своих женах, потому что они не знают общего всем спасения. Не столько муж должен любить свою жену, сколько мы должны любить всех людей и вести их к спасению, будут ли они язычники или кто бы то ни было (12).

Подлинно все пали и не хотят восстать; и нам следует внушать не то, чтобы не падали, но чтобы лежащие постарались восстать. Восстанем же, возлюбленные, восстанем хотя теперь и будем стоять твердо. Доколе мы будем лежать? Доколе будем упиваться и предаваться многим житейским пожеланиям? И теперь благовременно сказать: кому мне говорить и кого увещевать? (Иер. 6, 10)? Так, все сделались глухи к учению о добродетели, и потому исполнились множества пороков! Если бы можно было обнажить души, то как между воинами после поражения видны то мертвые, то раненые, такое (зрелище) мы увидели бы и в Церкви. Потому увещаю и прошу: подадим друг другу руки и восстанем; ведь и я

из числа раненых и требующих лечения. Впрочем, не отчаивайтесь; раны хотя тяжки, но не неисцельны. Врач наш таков, что мы только бы чувствовали раны, а Он, хотя бы они были крайне опасны, откроет нам много путей ко спасению. Если ты оставишь гнев на ближнего, то и тебе будут прощены грехи твои: *ибо если вы будете прощать людям, — говорит [Господь], — то простит и вам Отец ваш Небесный* (Мф. 6, 14). Если ты подашь милостыню, то и тебе грехи будут прощены: *искупи грехи твои, — говорит [пророк], — милосердием* (Дан. 4, 24). Если будешь усердно молиться, получишь прощение: это доказывает вдова, неотступной просьбой преклонившая на милость жестокого судью (см. Лк. 18, 5). Если станешь осуждать себя за грехи, получишь утешение: *говори ты беззакония твои первым, чтоб оправдаться* (Ис. 43, 26). Если станешь скорбеть о них, и это будет для тебя величайшим врачеством: *Я видел, — говорит [Господь], — что он опечалился и ходил смущенным, и исцелил пути его* (см. Ис. 57, 17–18). Если будешь великодушно переносить постигшее тебя бедствие, от всего избавишься, — ведь и богачу Авраам сказал: получил уже Лазарь — злое, и здесь

утешается (см. Лк. 16, 25). Если окажешь милость вдовице, очистятся грехи твои: *защищайте*, — говорит [пророк], — *сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите — и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю; если будут красны, как пурпур, — как волну убелю* (Ис. 1, 17–18). Бог не оставит на тебе и следа от ран твоих.

Хотя бы мы впали в такую глубину зол, в какую впал сын, расточивший отеческое имение и питавшийся шелухой, и тогда, если покаемся, непременно спасемся; хотя бы должны были тысячу талантов, и тогда, если припадем [к Господу] и не будем помнить зла, получим прощение во всем; хотя бы заблуждались так же, как овца заблудшая, и тогда [Господь] может спасти нас; будем только желать этого, возлюбленные, а Бог человеколюбив. Для него довольно было и того, что должник тысячи талантов припал к Нему, что расточивший отеческое имение только возвратился, что заблудшая овца пожела была спасенной. Потому, представляя себе Его человеколюбие, будем умиловать Его здесь и поспешим принести пред лице Его исповедание, чтобы,

отошедши отсюда неоправданными, не подвергнуться крайнему наказанию. Если в настоящей жизни мы покажем хотя некоторое тщание, то получим величайшую пользу, а если отойдем отсюда, нисколько не исправившись, то как бы сильно мы ни раскаивались там, не будет нам никакой пользы. Надобно подвизаться, пока мы еще на поприще; а по окончании зрелища бесполезно плакать и рыдать, как делал богач, который, хотя плакал и рыдал, но напрасно и тщетно, потому что пропустил время, в которое надлежало это делать (12).

СРЕБРОЛЮБИЕ

О, ослепление! Куда оно увлекло Иуду? Таково сребролюбие! Оно делает людей безумными и безрассудными, бесстыдными и псами, вернее же сказать, злее и самых псов, и из псов делает демонами. Когда Иуда присоединился к дьяволу и клеветнику и предал Иисуса и благодетеля, то по намерению сделался уже дьяволом. Таковыми-то делает людей ненасытная жадность к деньгам — безумными, сумасшедшими, совершенно предавшимися корыстолюбию, каким сделался и Иуда (7).

Иуда был причтен к тому святому лику, сподобился столь великого дара, совершал чудеса (потому что и он вместе с прочими был послан воскрешать мертвых и очищать прокаженных), и, несмотря на это, как скоро был поработен тяжким недугом — страстью сребролюбия, предал и своего Владыку. И ничто не принесло пользы: ни благодеяния, ни дарования, ни пребывание со Христом, ни служение, ни омовение ног, ни общение в трапезе, ни хранение ковчежца; но это все обратилось даже в повод к его наказанию. Будем же бояться, чтобы и нам чрез сребролюбие не сделаться подражателями Иуде. Ты не предаешь Христа; но, когда презираешь нищего, истаивающего от голода или гибнущего от холода, навлекаешь на себя то же осуждение. Также, когда мы недостойно приобщаемся тайн, мы погибаем наравне с христубийцами. Когда похищаем, когда угнетаем бедных, то навлекаем на себя величайшее наказание, — и весьма справедливо. В самом деле, доколе будет так владеть нами любовь к настоящим вещам — излишним и бесполезным? А богатство и принадлежит к вещам излишним, от которых нет никакой пользы. До-

коле нам не взирать не небеса, не трезвиться, не знать сытости в наслаждении этими земными и преходящими благами? Ужели мы не знаем из опыта их ничтожества? Представим себе бывших до нас богачей. Не сон ли все их блага? Не тень ли и цвет, не поток ли протекающий? Не повесть ли и басня? Вот такой-то был богат: где же теперь его богатство? Сгибло и истлело. А грехи, совершенные из-за него, и наказание за грехи — остаются. Но если бы даже и наказания не было и Царства не предстояло — и тогда следовало бы уважать [в бедном] одноплеменность и однородность с нами и постыдиться того, что он подобострастен нам. Между тем мы кормим псов (многие же кормят и диких ослов, и медведей, и других разного рода зверей), а презираем человека, истаивающего от голода; таким образом, для нас чужое дороже родного и свое хуже того, что не наше и не родственно нам. Но не приятно ли, скажешь, строить великолепные дома, иметь множество рабов и, покаясь на ложе, смотреть на золотой свод? Да, это излишне и бесполезно. Есть другие здания, гораздо великолепнее и лучше этих. Ими нужно увеселять свои взоры — и никто тому не воспре-

пятствует. Хочешь ли видеть прекраснейший свод? Когда наступит вечер, смотри на небо, усеянное звездами. Но это, скажешь, не мой свод? Напротив, этот даже более твой, чем тот. Он для тебя и создан, и принадлежит тебе наравне с твоими братьями. А тот не твой, но твоих наследников, после твоей смерти. Притом, этот [свод небесный] может принести величайшую пользу, потому что своею красотою возводит к Создателю; а тот причинит тебе величайший вред, сделавшись в день Суда твоим грозным обвинителем, потому что он был облечен золотом, когда Христос не имел и необходимой одежды. Не будем же впадать в столь великое безумие; не станем гоняться за тем, что мимолетно, и убегать спасения, но станем держаться надежды на блага будущие, — старики, как верно знающие, что им не долго остается жить, — юноши, как вполне убежденные, что (и для них) немного остается времени, потому что день Господень придет, как тать, ночью. Итак, зная это жены пусть умоляют мужей, мужья пусть убеждают жен, — будем учить юношей и дев, и все будем наставлять друг друга презирать настоящие блага и искать будущих (8).

Что составляет корень зла? Узнай об этом от доброго садовника, который в точности знает это, ухаживает за духовным виноградником и возделывает целую вселенную¹. Что же называет он причиной всех зол? Страсть к деньгам. *Ибо корень всех зол, — говорит он, — есть сребролюбие* (1 Тим. 6, 10). Отсюда битвы, вражда и войны; отсюда ссоры, брани, подозрения и обиды; отсюда убийство, воровство и гробокопательство; вследствие сребролюбия не только города и области, но дороги, места обитаемые и необитаемые, горы, леса, овраги, словом — все полно крови и убийств. Зло это не щадит и моря, но и там неистовствует со всем бешенством, так как морские разбойники постоянно совершают здесь нападения и изобретают новые способы грабежа. Вследствие сребролюбия извратились законы природы, поколебались союзы родства, рушились права самого бытия.

Власть денег вооружила руки не только против живых, но и против умерших; с сребролюбцами нельзя примириться и при посредстве смерти, но они, разломав

¹ Здесь Златоуст говорит об апостоле Павле. — Прим. ред.

гробницы, простирают злодейские руки и к мертвым телам и освободившегося от жизни не освобождают от злых своих умыслов. Что бы ты ни встретил худого, в доме ли или на торжище, в судах или в правительственных местах, в царских чертогах или где бы то ни было, ты можешь заметить, что все зло возникло из сребролюбия. Это именно, это зло наполнило все кровью и убийствами, оно возожгло пламень геенны, оно сделало так, что города стали ничем не лучше, но даже гораздо хуже пустыни. От тех, которые производят грабежи на дорогах, можно еще уберечься, так как они не всегда нападают; а те, которые делают то же самое среди городов, настолько хуже первых, насколько труднее от них уберечься, так как они со всею дерзостью отваживаются на такие дела, какие первые производят скрытно. Сребролюбцы, привлекая к союзу с собою те законы, которые постановлены с целью упразднения их лукавства, наполнили города множеством убийств и преступлений. Скажи мне, не убийство ли и не хуже ли еще убийства — предать нищего голоду, ввергнуть его в тюрьму и вместе с голодом подвергнуть его и мукам, и бесчисленным истязаниям.

Хотя ты не сам все это делаешь, но служишь причиною этого дела и совершаешь его больше тех, которые тебе служат. Убийца однажды вонзает меч и, причинив кратковременную боль, не продолжает далее мучений; а ты, делая своими клеветами, оскорблениями и злоумышлениями и самый свет для него тьмою и заставляя тысячу раз желать смерти, подумай, сколько причиняешь ему смертей вместо одной (11).

Сребролюбец ни о чем не хочет ни слышать, ни говорить, как только о прибыли и росте на прибыль, о бесстыдных барышах, о ненавистных торговых заведениях, о делах, приличных рабам, а не свободному человеку; как собака, он на всех лает, всех ненавидит, от всех отвращается, против всех враждует без всякой к тому причины, восстает на бедных, завидует богатым, ни с кем не водит дружбы. Если он имеет жену, детей и друзей и если из всего этого нельзя извлечь ему для себя выгоды, то они являются ему врагами более злыми, чем враги действительные. Что может быть хуже такого безумия? Что несчастнее того, когда человек сам себе всюду устраивает утесы,

подводные камни, стремнины, пучины и бесчисленные бездны, когда он имеет одно только тело и служит одному чреву? Если тебя привлекают к общественным делам, ты избегаешь этого, опасаясь больших издержек, а сам на себя налагаешь тысячи дел, которые гораздо труднее общественных, совершаешь маммоне служения, которые не только более убыточны, но и более опасны, и приносишь этому злему мучителю не только деньги, телесный труд, душевные мучения и скорби, но и самое тело свое, чтобы у тебя, жалкий и бедный человек, от этого варварского рабства что-нибудь прибавилось. А разве ты не видишь, сколько людей относится на кладбище каждый день, не видишь, что они идут в могилу нагими и лишенными всего и не только не имеют возможности взять ничего из своей собственности, но и то, чем прикрыты, должны уступить червям? Смотри же на них ежедневно и, может быть, это укротит твою страсть, если только вследствие издержек на погребение не будешь безумствовать еще больше: ведь страсть жестока, болезнь ужасна. Поэтому-то и мы в каждое ваше собрание беседуем об этом и постоянно оглашаем ваш слух, чтобы хотя

вследствие повторения мог получиться какой-нибудь успех. Но не возражайте: эта разнovidная страсть готовит вам многие мучения не только в будущий день, но и прежде его. Стану ли говорить о тех, кто постоянно находится в узах, или кто одержим долговременною болезнью, или борется с голодом, или о ком-либо другом, — ни о ком не смогу сказать, что он терпит столько же, сколько сребролюбцы. Что может быть ужаснее — для всех представляться ненавистным и всех ненавидеть, ни к кому не относиться хорошо, никогда не быть сытым, всегда терпеть жажду, непрестанно бороться с голодом, который гораздо тяжелее обыкновенного, иметь ежедневные скорби, никогда не быть в здоровом уме, постоянно находиться в волнении и тревогах? Все это и еще больше этого переносят сребролюбцы: в случае прибыли, хотя бы получили и владеют всем, они не чувствуют никакого удовольствия, потому что желают большего, а в случае ущерба, хотя бы потеряли один оболь, они представляют себе, что ни с кем не случилось большего несчастья, как будто они потеряли и самую жизнь. Какое слово может изобразить это зло? А если такова здешняя участь сребролюбца, то

помысли, что ожидает его по смерти: лишение Царства, геенские муки, вечные узы, внешний мрак, ядовитый червь, скрежет зубов, скорбь, теснота, огненные реки, никогда неугасающая печь (11).

Павел называет [сребролюбие] корнем [всех зол] (см. 1 Тим. 6, 10). Оно приводит преданных ему в состояние, ничем не лучшее того, в каком находятся вырабатывающие металлы [в рудниках]. Как эти, будучи постоянно заключены во мраке и связаны, трудятся без пользы, так и те, сокрывшись в вертепах сребролюбия, без всякого стороннего принуждения, самопроизвольно подвергают себя мучению и налагают на себя неразрешимые узы. Осужденные [на работы в рудниках], по крайней мере, при наступлении вечера освобождаются от трудов; а те и днем, и ночью копаются над своими презренными металлами. Притом первым определена мера тяжкой их работы; а последние не знают меры, но чем более копают, тем более чувствуют недовольство. Но эти, скажешь, работают по неволе, а те добровольно? Тем тяжелее болезнь их, что они не могут даже освободиться от нее, не чувствуя отвращения к своему

бедственному состоянию. Как свинья в грязи, так и они услаждаются, валяясь в нечистотах сребролюбия и страдая тяжелее тех осужденных. А что действительно они находятся в худшем состоянии, послушай, в каком состоянии — те, тогда поймешь, в каком — они. Говорят, что златоносная земля имеет в мрачных своих пещерах расселины и впадины; преступник, осужденный на работу в них, взяв лампаду и заступ, входит внутрь, неся с собою сосуд с маслом, чтобы подливать из него в лампаду, потому что там, как я сказал, непроницаемая тьма и днем; потом, когда наступает время несчастному принять пищу, а сам он не знает времени, страж узников сильно ударяет в пещеру сверху, и этими ударами и звуком дает знать работающему внутри об окончании дня. Не содрогаетесь ли вы, слыша это? Посмотрим же, не тяжелее ли страдают сребролюбцы. Подлинно, и страж их жесточе, т.е. сребролюбие, тем жесточе, что вместе с телом он связывает у них душу; и тьма их ужаснее той тьмы, потому что она не чувственная, но скрывается внутри, и куда ни идут они, всюду носят ее с собою, так как у них омрачилось душевное око. Потому и Христос, выражая

крайнее их несчастье, говорит: *ибо если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?* (Мф. 6, 23). Те имеют по крайней мере свет лампы; а эти (сребролюбцы) лишены и такого света и потому ежедневно впадают в тысячи пропастей. Притом осужденные при наступлении ночи успокаиваются, достигая общего для всех несчастных покоя, т.е. ночи; а для сребролюбцев заграждена и эта пристань корыстолюбием; они обременены тяжкими заботами и ночью и со всем усердием изнуряют сами себя, без всякого стороннего принуждения. Это с ними происходит здесь; а что там — какое может выразить слово? Там невыносимые печи, огненосные реки, скрежещающие зубы, неразрешимые узы, ядовитый червь, непроницаемый мрак, бесконечные мучения. Убоимся же, возлюбленные, убоимся источника таких мучений, ненасытной страсти, пагубы нашего спасения. Невозможно любить вместе и серебро, и душу. Будем знать, что деньги — земля и пепел, что они покинут нас при отшествии нашем отсюда или, лучше, часто покидают нас еще прежде отшествия, причиняя нам вред и в будущей, и в настоящей жизни. Еще прежде геенны и тамошних мучений они

возбуждают у нас и здесь тысячи браней, производят несогласия и раздоры. Ничто в самом деле не вызывает таких браней, как сребролюбие; ничто больше его не причиняет бедности, будет ли оно у богача или у бедняка, потому что эта тяжкая болезнь зарождается и в душах бедных и увеличивает бедность их. Если бедный окажется сребролюбив, то он будет мучиться не от денег, а от голода; он не будет спокойно пользоваться своим малым имуществом, но станет истощать желудок голодом, изнурять все тело наготой и холодом, везде являться неопрятнее и грязнее узников, беспрестанно плакать и рыдать, как будто он всех несчастнее, хотя есть тысячи беднее его; пойдет ли он на торжище, возвратится оттуда с множеством ран; пойдет ли в баню или на зрелище, получит еще больше ран не только от зрителей, но и от действующих на сцене, увидев много распутных женщин, сияющих золотом; поплывет ли по морю, опять, видя там купцов, корабли, нагруженные множеством товаров, и несметные выгоды, возненавидит и жизнь свою; пойдет ли сухим путем, там, видя поля, дачи, гостиницы, бани и воображая получаемые с них доходы, почтет жизнь

свою не жизнью; заключится ли дома, и там, растравляя раны, полученные на базаре, тем более будет терзаться душой, так что для него остается одно только утешение от угнетающих его страданий — смерть и прекращение жизни. Тому же может подвергнуться не только бедный, но и богатый, впавший в эту болезнь, и тем более в сравнении с бедным, чем сильнее в нем страсть и чем больше ослепление; он будет считать себя беднее всех, и действительно он беднее всех. Не по мере имущества, но по расположению души надобно судить о богатстве и бедности; беднее всех тот, кто всегда желает большего и никогда не может остановить своего злого желания. Итак, будем убегать сребролюбия, этого виновника бедности, губителя души, друга геенны, врага Царствия Небесного, источника вообще всех зол (12).

СТРАСТИ

Предавшийся страсти носит в душе своей бесчисленные войны, брани и смятения, находится в страхе и беспокойстве и не может быть в хорошем расположении духа ни на малейшее время. Но не таков тот, кто освободился от страстей; напротив, он пребывает

в тихой пристани, наслаждается любомудрием и не подвергается никакой подобной неприятности. Потому-то и пророк, наслаждаясь сам этим даром Промысла Божия, говорил: *Спокойно ложусь я и сплю* (Пс. 4, 9), выражая, что для человека, не имеющего этого мира, не открыта даже общая всем пристань, но заграждена и она, пристань сна и ночи. Страсти нарушают даже отдых, даруемый природою, и совершенно преодолевают силу сна своим жесточайшим насилием. Преданные зависти, ненависти, любостязанию и хищению, нося с собою всюду войну и имея внутри скрывающихся врагов, куда бы ни пошли, нигде не могут избежать этой борьбы; хотя бы они оставались и дома, хотя бы лежали на постели, подвергаются туче стрел, смятению, которое сильнее всяких волн, терпят убийства, вопли, стенания и другие бедствия, которые гораздо жесточе случающихся на войне. Но не таков праведник: он, и бодрствуя, наслаждается спокойствием, и во время ночи с великим удовольствием предается сну (2).

Есть люди, обнаруживающие свирепость зверей и даже свирепее их поступающие с своими

единоплеменниками. Зверь, напав однажды, оставляет ярость и уходит или, будучи прогнан, не нападает более; а люди часто после неудачи опять нападают, стараясь растерзать само тело ближнего. Так безрассуден гнев, так кипит и клоочет эта страсть! Как же можем мы истребить эту болезнь? Если будем рассудительны, если будем помышлять о смерти у ежедневно умирающих, если будем вникать в самое естество наше, которое есть земля и пепел. Когда красота лица обольщает твою душу, то поди к памятникам и гробам предков и посмотри на лежащих там, как они обратились в прах, — и ты получишь от этого зрелища великое расположение к сокрушению. Не укоряй слов моих в жестокости. Как одержимые горячкою, освободившись от болезни, имеют нужду в чистом воздухе, так точно и неистовствующие страстями, пришедши к памятникам, как бы находят здоровое местоположение и избавляются от многих болезней. В самом деле, довольно одного вида урны, чтобы смирить человека самого гордого. Отсюда перенесись мыслью к будущему страшному дню, к тем истязаниям и осуждениям, к тем наказаниям, в которых нет утешения, от кото-

рых никто не защитит тебя. Всем этим усмиряй страсти. Вспоминай также о тех людях, которые в настоящей жизни из богатства впали в бедность, из славы — в бесчестье; и если хочешь гневаться, то гневайся не на сродного тебе брата, а на злого духа. Вот на кого ты можешь устремлять эту страсть; с ним не мирись никогда, на него изливай и истощай свой гнев, ему ставь западню, против него не переставай никогда вести войну (2).

Когда живы страсти, нам невозможно жить, но необходимо должно погибнуть. Если не успеем умертвить их здесь, то они умертвят нас там. Вернее же сказать, еще здесь прежде той смерти подвергнут нас жесточайшему наказанию. Каждая из этих страстей жестока, мучительна, ненасытна, и каждый день поедая нас, ничем не удовлетворяется. Зубы их — зубы львиные, и даже страшнее львиных. Когда лев сыт, тотчас оставляет попавшееся ему тело. А страсти никогда не насыщаются и не отстают, доколе уловленного ими человека не увлекут к дьяволу. Такова сила страстей, что они требуют от пленников своих такого же рабства, в какое предался Христу Павел, презиравший

для Него и геенну, и Царство. Тот, кто впадает в плотскую любовь, или сребролюбие, или честолюбие, начинает уже смеяться над геенною и презирать Царство, только бы исполнить ему волю тех страстей (6).

Не во всякое ведь время все страсти действуют в нас; но в раннем возрасте обыкновенно бывает больше неразумия и малодушия, в последующем сильнее действует похоть, а далее, в следующем возрасте — любостязание (6).

Бог, как человеколюбец, всегда дает грешникам время для покаяния, но беззаботный человек нерадением своим губит свою душу. Из-за любви к суетному, земному и временному, он лишается наслаждения небесных благ; поставленный от Творца и Бога царем и господином всего, он делается рабом греха из-за мирских страстей. *Не знают, не понимают, во тьме ходят* (Пс. 81, 5), — говорит Давид о делающих подобное. А Христос, имея в виду подобных грешников, говорит: *ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его* (Ин. 3, 20) (9).

Невозможно, чтобы все страсти овладевали нами в одном возрасте; но они разделены, и это по человеколюбию Божию, чтобы, напав на нас вместе, они не сделались неодолимыми и борьба с ними не была для нас слишком трудною. Какое неразумие — быть не в состоянии побеждать и раздельные страсти, но покоряться им во всякое время и еще гордиться тем, что укрощается не нашим старанием, но самим возрастом! Не видите ли, какое старание, и упражнение, и труды прилагают возницы, употребляя и хлеб и все другое, чтобы не быть сброшенными с колесниц и влачимыми [по земле]? Видишь, сколько здесь искусства? Часто человек взрослый не может справиться с одним конем; а мальчик, с искусством взяв двух коней, легко ведет и управляет ими. У индийцев, говорят, великий зверь и страшный — слон — с великою покорностью повинуетя пятнадцатилетнему отроку. Для чего я говорю все это? Для того, что если мы при старании укрощаем слонов и диких коней, то тем более [можем укрощать] наши страсти. Почему же мы так нерадивы во всю жизнь? Мы никогда не старались приобрести это искусство; никогда в

свободное время, когда нет борьбы, не беседовали друг с другом о чем-нибудь полезном. Нас тогда можно видеть стоящими на колеснице, когда борьба началась, потому-то мы и бываем достойны осмеяния. Не говорил ли я часто: будем упражняться на домашних своих прежде искушения? Мы часто сидим дома на детей; удержим здесь гнев, чтобы нам легко было обуздывать его пред друзьями. Если бы так мы упражнялись и во всем другом, то во время борьбы не подвергались бы осмеянию. Для других искусств и подвигов ныне есть и оружие, и упражнение, и старание; для добродетели же ничего. Земледелец не осмелится прикоснуться к винограду прежде, нежели хорошо научится земледелию; и кормчий не станет на корме, пока не делается сведущим в этом деле; а мы, будучи совершенно неопытными, желаем получить первенство. Надлежало бы молчать, надлежало бы ни с кем не иметь общения ни делом, ни словом, пока не укротим зверя, находящегося в нас самих. Не свирепее ли всякого зверя нападают на нас гнев и вожделение? Не выходи на площадь с этими зверями, пока не наложишь хорошо узду на них, пока не укротишь их, пока не сделаешь руч-

ными. Не видишь ли тех, которые водят укрощенных львов по площади, какую они получают прибыль и как им удивляются, что они в бессловесном животном произвели такую кротость? Но если бы внезапно этот зверь рассвирепел, то он разогнал бы всех находящихся на площади, и сам водящий его подвергся бы опасности и сделался бы виновником гибели других. Так и ты наперед укроти льва и потом води его с собою, не для того, чтобы собирать серебро, но чтобы получить прибыль, которой нет ничего равного. И действительно нет ничего равного кротости, которая приносит великую пользу и тем, кто имеет ее, и тем на кого она действует (10).

Ничего нет настолько вредного для человека, как неумеренная страсть. Неумеренной же страстью я называю страсть к наслаждениям, праздной славе, господству и вообще ко всему тому, что сверх потребности. Тот, кто проводит роскошную и распущенную жизнь, представляется счастливее всех, но на самом деле он всех несчастнее, потому что предает душу свою во власть жестоким владычицам и мучителям. Бог для того и сделал настоящую жизнь

нашу исполненную труда, чтобы избавить нас от такового рабства и привести к полной свободе; для того Он угрожает наказанием, для того дал в удел нашей жизни заботы, чтобы обуздать склонность к неге. Так иудеи, пока были заняты копанием глины и деланием кирпичей, и были покорны, и непрестанно призывали Бога, а когда получили свободу, начали роптать, огорчать Владыку и погрузились в тысячи пороков. Но что сказать о людях, спрашиваешь ты, которые под влиянием скорби нередко изменяются к худшему? Такая порча бывает следствием не скорби, но людской слабости. Если кто, имея больной желудок, не может принять горького лекарства, которое бы его очистило, и погибает, то мы обвиняем не лекарство, а слабость органа; так и здесь причина — в слабости души. Если человек испортился в нужде, то тем более подвергнется этому в довольстве. Если он падает, когда связан, — а таков человек в нужде, — то тем более упадет, когда развязан. Если в тесных обстоятельствах портится, то еще легче испортится в благополучии (11).

Увещаваю тех, которыми еще не овладела страсть, не преда-

ваться ей, потому что легче воздержаться, нежели, предавшись, освободиться от нее; а тем, в которых она поселилась и произвела вред, обещаю надежду совершенного исцеления благодатью Божией, если они захотят принять врачевание. Если они представляют себе людей, впавших в болезнь страсти и потом освободившихся от нее, то получают добрую надежду на исцеление от болезни (12).

СТРАХ

Для вас бедность кажется чем-то страшным и ужасным даже по одному названию; но потому мы и бедны, что боимся бедности, хотя бы имели тысячи талантов. Не тот беден, кто не имеет ничего, но тот, кто страшится бедности, подобно как и между несчастными мы оплакиваем и называем жалкими не тех, которые терпят великие бедствия, но тех, которые не умеют переносить даже невеликих; напротив, кто умеет переносить их, тот достоин похвал и венцов. А что это так, скажи, кого мы хвалим из ратоборствующих: тех ли, которые, получая множество ударов, не унывают и стоят с поднятой головой, или тех, которые обращаются в бегство при первых ударах? Не тех ли мы

увенчиваем, как доблестных и мужественных, а над этими не смеемся ли, как над робкими и трусливыми? Так же будем поступать и в делах житейских: того, кто переносит все легко, подобно мужественному и все претерпевшему подвижнику (Иову), будем увенчивать, а того, кто трепещет и боится несчастий и еще прежде, нежели получит удар, умирает от страха, будем оплакивать. И в работорствах, если кто прежде, нежели поднимет свою руку, и едва только увидит поднятую руку противника, обращается в бегство, хотя еще не получил удара, то такой подвергается осмеянию как слабый, изнеженный и неискusstvenный в подобных подвигах. То же самое бывает и с теми, которые боятся бедности и не могут вынести даже одного ее ожидания. Следовательно, не мы делаем вас несчастными, а вы сами себя. Как не посмеяться над тобой диаволу, когда он видит, что ты еще прежде удара боишься опасности и трепещешь? Или лучше сказать, если для тебя так страшно опасение, то он даже не почтет нужным поражать тебя, но, предоставив обладать богатством, одним опасением потерять его сделает тебя мягче всякого воска. Мы, так сказать, уж от природы таковы, что, ис-

пытав что-нибудь, чего боимся, потом считаем это не так страшным, как раньше, до опыта. Поэтому, чтобы ты не приобрел и этой добродетели, диавол держит тебя в сильном страхе, истощая тебя, как воск на огне, опасением бедности прежде, нежели ты испытываешь ее на деле. Подлинно мягче всякого воска и несчастнее по жизни самого Каина тот, кто боится за то, что приобрел любостыжанием, скорбит о том, чего не имеет, и трясется над тем, что имеет, заключив у себя богатство, как неблагодарного раба, и сам будучи осаждаем разнообразными и постыдными страстями. Постыдное пожелание, разнообразный страх, беспокойство и трепет обуревают его со всех сторон, и он уподобляется кораблю, отовсюду гонимому противными ветрами и подвергающемуся частым тревоблениям. Гораздо лучше было бы такому человеку умереть, нежели терпеть непрестанную бурю, подобно как и Каину лучше было бы умереть, нежели непрестанно трепетать (12).

СТРАХ БОЖИЙ

Небесные силы более, чем люди, боятся и почитают Бога: чем более они сознают, тем более боятся

Его. У них нет ни упрямства, ни неповиновения, ни непослушания, потому что они *крепкие силою, исполняющие слово Его* (Пс. 102, 20). Видишь ли, что страх их велик? Те, которые не подлежат никакому наказанию, смотри, каким охватываются ужасом. Если даже сами Серафимы не смеют взирать на Него, то как мы можем испытывать Его? Подобно тому, как на этой земле, чем более мы смотрим на солнечные лучи, тем более вынуждены отступать, так и тогда, чем более созерцаем Христа, тем более нам нужно бояться Его. Смотри, как Он прославился на горе: ученики Его были уstraшены и пали ниц. Пророки часто не повиновались Богу, Ангелы же никогда не делали этого. Почему же? Ради великого страха (4).

Как дуб, глубоко пустивший свои корни в недра земли и тщательно обвязанный, не может быть исторгнут никаким порывом ветра, так точно и душу, пригвожденную страхом Божиим, никто не в состоянии будет ниспровергнуть, потому что пригвождение еще сильнее укоренения. Об этом-то и пророк молится говоря: *трепещет от страха Твоего плоть моя* (Пс. 118, 120). Так и ты при-

гвозди себя и прикрепи, как бы гвоздем, глубоко вонзенным. Как с трудом можно овладеть человеком пригвожденным, так, напротив, легко взять и нетрудно ниспровергнуть непригвожденного (8).

Грядущего судить нам мы не боимся, а тех, которые нисколько не могут повредить нам, мы боимся и стыдимся. И за то, чего стыдимся, за это несем наказание. Ведь тот, кто стыдится открыть человеку грехи и не стыдится грешить перед очами Божиими, и затем не желает ни сознаться в своих грехах, ни покаяться, будет посрамлен в тот день не перед одним или двумя, а перед всей вселенной (9).

Какое будем иметь оправдание мы, которые побеждаем страсть страстью, а не страхом Божиим? Например, многие, будучи сластолюбивы и сребролюбивы, обуздывали сластолюбие из-за сбережения денег; другие, напротив, для удовольствий пренебрегали деньгами; иные, увлекаясь тщеславием, презрели и то, и другое, издерживая деньги беспощадно и соблюдая целомудрие всуе; а иные, будучи крайне тщеславны, пренебрегли этой страстью,

совершив много постыдного, как из-за плотских удовольствий, так и из-за денег; еще иные, чтобы удовлетворить своему гневу, решаются на бесчисленные издержки и не заботятся ни о чем, кроме того, чтобы только сделать по своему желанию. Так, что может сделать страсть, того у нас не делает страх Божий. И что я говорю: страсть? Что может сделать стыд человеческий, того не делает страх Божий. Много хорошего мы делаем, много и грешим, стыдясь людей, а Бога не боимся. Как многие расточили свое имущество из стыда! Как многие тщетно домогались почестей, услуживая друзьям своим во зле! Как многие и как много согрешили в угодность дружбе (10)!

Будем иметь пред глазами истинный страх Божий. Ничто, ничто так не губит человека, как если сняться с этого якоря, а равно ничто так не спасает, как если всегда держаться на нем. Если мы, имея пред глазами человека, с меньшею решительностью приступаем ко грехам, а часто не делаем ничего неуместного, стыдясь более почтенных слуг, то рассуди, какую безопасность мы будем пользоваться тогда, когда будем

иметь пред глазами Бога. Ведь при таком нашем настроении, нигде на нас не нападет дьявол, потому что труд его был бы бесполезен. Когда же дьявол заметит, что мы блуждаем вне и бродим без узды, то он, воспользовавшись нашим почином, наконец, получит возможность и совсем разлучит нас от стада. И что переносят нерадивые из рабов, которые, оставив необходимые дела, из-за которых были посланы господами на рынок, без надобности и напрасно останавливаются с проходящими и тратят здесь свободное время, тому же подвергнемся и мы, когда отступим от заповедей Божиих. Вот стоим и мы, удивляясь богатству, красоте тела и остальному, что до нас не касается, как и те рабы смотрят на представления фокусников, а потом, пришедши поздно, терпят дома жестокие побои. А многие, следуя за другими, совершающими подобные непотребства, оставили даже путь, лежащий пред ними. Но не будем так делать, потому что мы посланы совершить многое из необходимого; если же мы, пренебрегши этим, остановимся и будем с удивлением смотреть на бесполезные предметы, то, напрасну и тщетно истратив все свое время, и мы подвергнемся

жестокому наказанию. Если же ты желаешь заняться, то есть у тебя то, на что ты должен с изумлением смотреть, чем можешь любоваться все свое время, что не смеха достойно, но удивления и многих похвал, а между тем, если станешь изумляться смешному, ты и сам сделаешься таковым и даже хуже смехотворца. Беги же скорее прочь, чтобы тебе не подвергнуться этому (11).

СУД

Не будем оставлять без внимания даже грехов, почитаемых малыми; но каждый день будем требовать от самих себя отчета и в словах и во взглядах, и подвергать себя наказанию, дабы избавиться наказания в будущем веке. Поэтому и Павел говорит: *ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы* (1 Кор. 11, 31), — так что, если здесь будем судить самих себя в повседневных прегрешениях наших, то избавимся от строгости будущего Суда. Если же нерадив, то *судимы*, — говорит Павел, — *наказываемся от Господа*. Итак, наперед будем судить сами себя с полною искренностью, войдем в судилище совести, где нас никто не видит; так станем испытывать свои помыслы

и произносить над собою суд правый, чтобы наш ум, страшась будущего Суда, воздерживался от увлечений, обуздывал бы свои порывы и, представляя себе то дремлющее Око, заграждал вход к себе диаволу. Что мы страдаем от собственного нерадения, это очевидно показывает опыт. Если бы мы немного захотели воспрянуть духом, мы отрясли бы, как прах, все его [Диавола] козни; так, когда падаем [в грех], не от насилия его [Диавола] терпим это, а от собственной беспечности. Он одолевает нас не силою и принуждением, а только обольщением. А в нашей власти — не увлекаться обольщением, если хотим только немного бодрствовать и трезвиться, не потому, однако, чтобы мы сами по себе имели такую силу, но потому, что в таком случае мы удостоиваемся и помощи свыше. Когда мы с своей стороны покажем старание, тогда и от Господа все последует. Будем же, прошу, трезвиться, и, зная ухищрения лукавого, будем постоянно бодрствовать и молить Бога, чтобы Он подал нам Свою помощь в борьбе с диаволом. Таким образом, мы сделаемся неодолимы, и избежим его ухищрений, и будем пользоваться помощью Божиею, и вечных благ достигнем (1).

Видишь ли пользу суда? Мрак удален, страх отогнан, страсти изъяты. Подобно тому, как появление судьи обращает в бегство воров, грабителей трупов и разбойников и всякого рода злодеев, так точно, когда рассудок получает свою силу и садится на престол суда, он удаляет все вредное, а усваивает и делает приятным все полезное. Не видел ли ты в городе, каким страхом охватываются, когда садится на суде судья, не только виновные, но также и невинные? Таким же образом, когда ум бывает здрав, и подобно судье садится на трон суда, страх и трепет превращают в бегство то, что было прежде сделано незаконного: не только обличаются неправо́ые мысли, но и невинные движения ума боятся и охватываются страхом. Подобно этому, когда судит Бог, то даже звезды не объявляются пред Ним чистыми, и не оправдывается сам Павел: *хотя я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь* (1 Кор. 4, 4). Таким образом, когда ум производит себе суд и надлежащими обличениями исследует изъяны, то ничто не пригодно для оправдания его, по сказанному: *кто может сказать: «я очистил мое сердце, я чист от греха моего?»*

(Притч. 20, 9). Кроме того, написано: *нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы* (Еккл. 7, 20); а также: *о чем говорите в сердцах своих, о том сокрушайтесь на ложах ваших* (Пс. 4, 5); и сам Павел говорит: *да испытывает же себя человек* (1 Кор. 11, 28), и опять: *если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы* (1 Кор. 11, 31) (4).

Если ты судишь других, желая им добра, то прежде пожелай его себе, имеющему грех и очевиднее, и более; если же нерадишь о самом себе, то ясно, что и брата своего судишь не из доброжелательства к нему, но из ненависти и желания опозорить его. Если же и должно быть ему судимым, то пусть его судит тот, кто ни в чем подобном не согрешил, а не ты (6).

Когда судим о других, разбираем все до точности: а когда произносим суд о себе, ослепляемся. Если бы и о себе самих разобрали дело так же, как о других, то произнесли бы нелицеприятный приговор. И у нас есть грехи, заслуживающие не две и три, но тысячу смертей. И не говоря о прочих грехах, вспомним, сколько нас

недостойно приобщается тайн? А причащающиеся недостойно повинны будут *против Тела и Крови Господней* (1 Кор. 11, 27). Итак, когда говоришь об убийце, примени это и к себе. Он убил человека, а ты повинен в убиении Владыки. Он совершил убийство, не приобщаясь тайн, а мы стали убийцами, вкушая от священной трапезы. Что же сказать о тех, которые угрызают, снедают, отравляют ядом многим братьям? И что сказать о том, кто отнимает кусок у бедного? Если и не подающий милостыни есть уже отнимающий, то тем более похищающий чужое. Сколь многих разбойников хуже корыстолюбцы? Сколь многих человекоубийц, сколь многих расхитителей гробниц хуже лихоимцы? Сколько таких, которые, ограбив, жаждут еще крови? Нет, избави от этого Бог! говоришь ты. Теперь говоришь — нет! Скажи это тогда, когда будешь иметь врага: тогда вспомни эти слова, тогда покажи всю исправность жизни, чтобы и нас не постигла участь содомлян, и нам не подпасть казни гоморрян, и нам не потерпеть зол постигших тирян и сидонян, и более всего — чтобы не оскорбить Христа, что всего тяжелее и ужаснее. Хотя многим геенна и кажется ужасною, но я

никогда не перестану вопиять, что оскорбить Христа — мучительнее и ужаснее самой геенны, и вам советую прийти в то же чувство (6).

Тебя никто не поставил судьей чужих проступков или исследователем чужих грехов. Ты должен судить себя самого, а не других: *если бы мы, — говорит апостол, — судили сами себя, то не были бы судимы. Будучи же судимы, наказываемся от Господа* (1 Кор. 11, 31–32). А ты извратил этот порядок. От себя ни в великих, ни в малых согрешениях не требуешь никакого отчета, а в других всякое прегрешение тщательно замечаешь. Итак, не будем же более делать так, но, оставив такой беспорядок, поставим судилище в нас самих для суждения о своих грехах, сами будем и обвинителями, и судьями, и наказывающими свои проступки. Если же хочешь испытывать и дела других, то рассматривай добрые дела их, а не грехи, — чтобы, побуждаясь и воспоминанием о своих согрешениях, и ревностью к подвигам других, и представлением нелицеприятного суда, нам ежедневно наказываться совестью как неким бичом и, таким образом,

преуспевая в смиренномудрии и рвении, достигнуть будущих благ (7).

Послушай Господа взывающего: *мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним* (Мф. 5, 25). Это касается всех, а особенно же тех, кто любит вмешиваться в чужие дела; для них это прямой урок, чтобы они не отдавались с такою настойчивостью судебным тяжбам. В самом деле, и в тяжбах лучше предупредить неизвестное решение суда мирным соглашением, чем надеждой на победу вовлекать стороны в пучину неизвестности. Ты уверен в своих документах, надеешься на благоприятный исход, защитник, протягивая руку за взяткой, обещает победу, чтобы заключить условие о плате за услугу. Иногда даже и судья, уже подкупленный, наперед открывает тебе решение суда. Ты успокаиваешься на нетвердой надежде, потому что, если ты, вперед обратившись, подкупил судью, ты открыл дверь и для других взятков; подумай, ведь о том же самом заботится и твой противник; и часто, когда судебные дела твои все равно как будто плыли при ясной и спокойной погоде, тебя неза-

метно начинают убеждать опустить паруса. Разве ты никогда не видел, чтобы море было спокойно у морского берега и волновалось в глубине? Сколько отправившихся в ясную и тихую погоду, доплыв до середины моря, потерпело кораблекрушение вследствие неожиданных бурь и волнения! Так бывает и с судом. Иногда начало предвещает надежду, а конец приводит к исходу противоположному. Поэтому хорошо бы, как я сказал, предупреждать денежные тяжбы дружелюбным соглашением, для того, чтобы, кроме окончания тяжбы, приобрести себе и друга; не хорошо не только собирать обвинения, но и начинать их; в этом случае пощада лучше гнева (9).

Все люди, хотя бы не имели ни [судейского] престола, ни палачей, ни палки, однако судят согрешающих, делая это в разговорах и общих беседах, а также судят и судом своей совести. Так, никто не осмелился бы сказать, что прелюбодей не заслуживает наказания. Но осуждают, говорит апостол [Павел], других, а не самих себя. Поэтому он сильно восстает на таковых, говоря: *неужели думаешь ты, человек,*

что избежишь суда Божия, осуждая делающих такие [дела] и (сам) делая то же? (Рим. 2, 3). И своего суда ты не избежал, — неужели же избежишь Суда Божия? И кто может это сказать? Конечно, ты осудил самого себя. Но если так велика строгость этого судилища и ты не мог пощадить самого себя, то каким образом Бог, безгрешный и безгранично праведный, тем более не сделает этого? Или ты себя самого осудил, а Бог одобрит и похвалит? И какой это могло бы иметь смысл? Конечно, ты сам достоин большего наказания, чем тот, которого ты осудил. Не одно ведь и то же — просто согрешить и, наказав другого согрешившего, самому впасть в тот же самый грех. Ты видишь, как апостол увеличил вину? Если ты, говорит он, называешь меньшего грешника, между тем как сам не перестанешь осквернять себя грехами, то, как Бог, никогда не причастный греху, гораздо больше не осудит и не обвинит тебя, уже осужденного собственными твоими помыслами? А если ты говоришь, что сам признаешь себя достойным наказания, но вследствие долгого терпения [Божия] пренебрегал исправлением и, так как не подвергся наказанию вслед за пре-

ступлением, имел даже надежду на милость Божию, то знай, что вследствие этого самого тебе нужно наиболее бояться и трепетать. Господь медлит наказанием не для того, чтобы совсем не подвергать наказанию, но для того, чтобы, если ты останешься неисправимым, наказать с большею строгостью, чего никогда пусть не случится с тобою.

Не будем строгими судьями других, чтобы и у нас не требовали строгого отчета: а мы ведь обременены грехами, превышающими всякое помилование. Будем иметь больше сожаления к тем, которые грешат, не заслуживая снисхождения, чтобы и мы сами могли надеяться на такую к себе милость, хотя, сколько бы мы ни старались, никогда не будем в состоянии оказать такое человеколюбие, в каком имеем нужду от человеколюбивого Бога. Отсюда, не безрассудно ли, когда мы сами находимся в столь великой нужде, строго разбирать дела своих собратий и все делать против самих себя? Таким образом, не столько ты выступаешь его недостойным твоего благодеяния, сколько самого себя — недостойным Божия человеколюбия. Кто

строго взыскивает со своего собрата, с того гораздо строже взыщет Бог (11).

СУД СТРАШНЫЙ

Человеческий суд никогда не совершается по истине, не только потому, что не соблюдаются права, но и потому, что если бы судья и не был подкуплен деньгами или подарками, если бы был свободен от гнева и доброжелательства, то часто сами обстоятельства бессильны открыть истину: или случается какое-либо недоразумение, или не бывает на лицо верных свидетелей. Но истинен только тот суд, в котором Бог, судящий все справедливо, называет все сокровенное нашего сердца. Так как Он понимает все, то Он не произнесет суда по каким-либо душевным замешательствам, по ненависти или по чему-либо иному. Только в таком суде присутствует истина, так что сами преступники и виновные сознаются, что они осуждены по праву. Что истиннее этого суда? Никому из вас не тайна, что преступники никогда не желают сознаваться в своей вине, но стараются ее скрыть. Ничего подобного — на том суде, но они сами

произносят решение относительно себя самих. Даже и в этом мире совершались подобные вещи — с царем Давидом, который говорит: *вот, я согрешил, я пастырь поступил беззаконно; а эти овцы, что сделали они?* (2 Цар. 24, 17). Не говори, что он побуждаем был сказать это наказанием, — подобно тому, как те, которые подверглись пыткам и не знают, что они виновны, но под влиянием ударов выдают себя за согрешивших. Не так тот праведник: в то время, когда остальные подверглись наказанию, когда он один был свободен от наказания, он принимал на себя наказание, — говоря: *я согрешил, я пастырь поступил беззаконно*. Каин же говорил: *наказание мое больше, нежели снести можно* (Быт. 4, 13), и это прежде, чем претерпел наказание. А Адам скрылся, чтобы, скрываясь, сделать свое преступление открытым и явным. Желает ли ты видеть подобные вещи и в геенне? Когда богатый услышал, *ты получил уже доброе* (Лк. 16, 25), то он не противился и не просил извинения. Пусть никто не говорит, что это сделал страх судии, — мы знаем, что иные отвечают смело и противоречат даже на суде. Разве не было также судии? Обрати внимание на то, как удержавший

один талант отвечает: *я боялся тебя, потому что ты человек жестокий* (Лк. 19, 21). О, кротость! О, спокойствие Судии! Какие Он перенес слова: *я боялся тебя, потому что ты человек жестокий*. Какого судью не воспламенили бы эти слова, но только не Его? В другом месте Он говорит, как бы указывая на причину: *народ Мой! что сделал Я тебе и чем отягощал тебя? отвечай Мне* (Мих. 6, 3). В ином месте Он также спрашивает не о новом, а о прошедшем: *какую неправду нашли во Мне отцы ваши* (Иер. 2, 5)? Справедливо и по заслугам обвиняя Иону, Он говорит: *неужели так сильно огорчился ты за растение? Мне ли не пожалеть Ниневиц, города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек?* (Иона 4, 9, 11) Ужели ты не разумеешь, что Он везде указывает нам причину? Он не считал недостойным указать причину даже тогда, когда говорит с диаволом: *обратил ли ты внимание твое на раба Моего Иова? ибо нет такого, как он, на земле: человек непорочный, справедливый, богобоязненный и удаляющийся от зла* (Иов 1, 8). Нам должно обратить внимание также на тех, которых Он повелевает низвергнуть в геенну. Прежде сядет Суд, а по-

том будет произнесено наказание, так что они подвергаются наказаниям тогда, когда ничего не могут сказать против него: подобно тому, как совершилось с не имеющим брачной одежды, так будет и с теми, которые не доставили Ему брашна, и с теми, которые совершили что-либо подобное [преступное]. Он произнесет суд не необдуманно, но после того, как все будет собрано в одно место, и объявит подлежащим наказанию с великой кротостью о мучениях, которым каждый из них подвергнется за свои вины по закону и справедливости (4).

Ныне все от нас зависит; а тогда приговор над нами будет во власти одного Судьи. Итак, *предстанем лицу Его со славословием* (Пс. 94, 2), будем плакать и рыдать. Если мы прежде дня Господня умилюстивим Судью, чтобы Он отпустил нам согрешения, то не будем подлежать Суду. В противном случае, каждый из нас перед лицом всей вселенной приведен будет на Суд, и мы не будем иметь никакой надежды получить прощение. Никто из живущих на земле, не получив разрешения в грехах, по переходе в будущую жизнь не может избежать истязаний за

них. Но как здесь преступники из темниц приводятся на суд в оковах, так и по отшествии из этой жизни, все души приведутся на Страшный Суд, обремененные различными узами грехов. Подлинно, жизнь настоящая ничем не лучше темницы. Подобно тому, как, входя в темничный дом, мы видим всех обремененных оковами, так и теперь, если, устранив весь внешний блеск, войдем в жизнь каждого, то увидим, что душа каждого обложена узами тяжелее железных, а особенно если взойдем в души богатых. Подлинно, чем большим они владеют богатством, тем более и уз на них. Подобно тому, как, видя узника, у которого и шея, и руки, а часто и ноги в железе, ты считаешь его крайне несчастным, так и видя богатого, владеющего несчетными сокровищами, не называй его счастливым, но за то-то самое и считай его самым злополучным. В самом деле, кроме того, что он в узах, при нем находится еще жестокий страж темничный — злое любостяжание, которое не позволяет ему выйти из темницы, но приготовляет для него тысячи новых оков, темниц, дверей и затворов; и ввергнув его во внутреннюю темницу, еще заставляет его услаждаться своими узами,

так что он не может даже найти и надежды освободиться от зла, его угнетающего. И если ты проникнешь мыслью во внутренность души его, то увидишь ее не только связанной, но и крайне безобразной, оскверненной и наполненной червями. Удовольствия сластолюбивой жизни ничем не лучше, но еще отвратительнее, потому что растлевают и тело, и душу и поражают их бесчисленным множеством болезней. Представляя все это, будем молиться Искупителю душ наших, чтобы Он и разорвал оковы, и отогнал от нас того жестокого стража, и, освободив дух наш от тяжких железных уз, сделал бы его легче пера; а с молитвой к Нему соединим и собственное старание, и усердие, и благую готовность. Таким образом, мы сможем в короткое время освободиться от обладающего нами зла, и познать свое прежнее состояние, и воспринять дарованную нам прежде свободу (6).

Какого гнева не заслуживаешь ты, когда даешь деньги блуднице, но проходишь мимо нищего без внимания? Если бы ты давал и от праведных трудов — и тогда не грешно ли было бы давать награду за порок и честь за то, за что

следовало бы наказывать? Когда же ты питаешь свое сладострастие, ограбляя сирот и обижая вдов, то подумай, какой огонь ожидает держающих на такие дела? Послушай, что говорит Павел: *не только делают, но и делающих одобряют* (Рим. 1, 32). Быть может, мы уже слишком укоряем вас; но, если бы мы и не укоряли, все же наказания ожидают неисправимых грешников. Что же пользы угрожать словами тем, которые на самом деле подлежат наказаниям? Ты одобряешь плясуна? Хвалишь, восхищаешься им? Итак, ты хуже и его самого, потому что он может извиняться бедностью, хотя и не основательно, а ты не имеешь и этого оправдания. Если я спрошу его, зачем он, оставив прочие занятия, обратился к этому презренному и непотребному, — он скажет, что в этом занятии, трудясь немного, он может получить прибыли много. А если я спрошу тебя, почему ты восхищаешься человеком распутным, живущим на погибель других, — ты не можешь прибегнуть к тому же оправданию, но принужден будешь поникнуть долу, устыдиться и краснеть. Итак, если нам, требующим от тебя отчета, ты не имеешь ничего сказать, то как мы устоим, когда откроется то Страш-

ное и неумолимое судилище, на котором мы должны будем отдать отчет и в помыслах, и в делах, и во всем? Какими очами воззрим на Судию? Что скажем? Чем оправдаемся? Какое представим извинение — благовидное или неблаговидное? Издержки ли, удовольствие ли или гибель других, которых мы губим, поддерживая их ремесло? Ничего нельзя будет сказать, но неизбежно подвергнемся казни, не имеющей конца, не знающей предела. Чтобы этого не случилось с нами, отселе будем всячески осторожны, и, таким образом, по отшествии отсюда с благою надеждою, мы достигнем вечных благ (8).

Представь себе, в каком положении ты оказываешься перед судьей, когда открываются памятные записи о тебе, обличающие тебя в неправде, свидетельствующие о твоём безумии: вспомни, какой страх, какой трепет объемлет тебя, как содрогаются члены, как потрясаются все внутренности, — и это на суде человеческом! Если же суд человеческий наводит такой ужас, то кто может описать тот ужас, среди которого совершит Свой Суд над вселенной Владыка всех? Говорим это не с

тем, чтобы уstrasшить, но чтобы внушить вам благоразумие. Не цени денег выше Христа, не предпочитай неправды и корыстолюбия Богу. В вашем распоряжении только время до гроба — об этом говорилось вам и вчера. В конце твоей жизни тебя неизбежно ожидает могила. Стремись же к тому, чтобы в ожидании ее приготовить себе переход от настоящей жизни к будущей. Возлюби дела справедливости: в гробу мы получим разрешение, в гробу уничтожится наша брeнная оболочка. Постараемся же избежать грядущего суда, умоляю вас, братья! Не с иными чувствами должно говорить и слушать об этом предмете, как с решимостью приобрести жажду правды. Смотри, как взывает пророк: *о, какой день Господень, ибо день Господень близок* (Иоиль 1, 15)! Если пророк при воспоминании об этом дне трепещет, то нам ли, повинным в бесчисленном множестве грехов, вспоминать о нем без страха? Умилосердим же Судию покаянием, загладим наши грехи, уstrasшимся этой действительно страшной Его угрозы: *кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я* (а отвергается не только тот, кто отвергается на словах, но и тот, кто отвергается на деле) *пред Отцом Моим*

Небесным, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцом Моим Небесным (Мф. 10, 33, 32). Если эти слова — только произносимые — уже внушают страх, то что придется испытать нам при созерцании самых дел, им соответствующих. Представьте себе, братья, эту картину: вот Судия вселенной восседает. Ему предстоят Ангелы и Архангелы, Его прославляют Херувимы, премирные Силы, пренебесные Воинства и среди них патриархи, пророки, апостолы, евангелисты, мученики; тут же и те, которые здесь были царями, правителями, судьями, вельможами, богатыми, бедными, мудрецами, простецами — все они стоят перед престолом Царя, и при стольких-то свидетелях — небесных и земных — Судия произносит приговор и отрицается чуждых ему перед Отцом Небесным! Отрекись, — сказал Он, от того, кто отречется от Меня пред людьми, пред Отцом Моим Небесным (см. Мф. 10, 33) (9).

СУПРУЖЕСТВО

Вот истинное супружество, когда между супругами царствует такое согласие, когда между ними столь тесный союз, когда

они соединены взаимно такою любовью. Как тело никогда не может быть в несогласии само с собою, равно и душа сама с собою, так и мужу с женою должно не разногласить, но жить в единении. Отсюда может произойти для них бесчисленное множество

благ. Все блага стекаются там, где такое единодушие, — там мир, там любовь, там душевное веселье; нет там ни ссоры, ни брани, ни вражды, ни сварливости; все это исчезает, потому что корень всех благ, то есть единомыслие, уничтожает все это (1).

ТВОРЧЕСТВО

Пусть никто не сомневается в истине воскресения. Если же кто не верует, то пусть подумает, сколько [тварей Бог] сотворил из ничего, и примет это за доказательство истины воскресения: ведь то, что уже случилось, гораздо удивительнее и представляет непостижимое чудо. Смотри: Бог, взяв землю, смешал ее и образовал человека, — землю, которая прежде не существовала. Как же земля стала человеком? Как она из небытия приведена в бытие? Как произошло из ней все: бесчисленные роды животных, семян, растений, тогда как при этом не было болезней рождения, не ниспадал дождь, не было ни земледелия, ни волов, ни плуга, и ничего другого, что содействовало бы к их появлению? Бог для того и произвел в начале из неодушевленного и бесчувственного вещества столько родов растений и бессловесных животных, чтобы тогда же внушить тебе истину воскресения.

Сотворение непостижимее воскресения; не одно и то же — зажечь угасшую свечу или произвести огонь, никогда не существовавший; не одно и то же — восстановить разрушившийся дом или создать вовсе не существовавший. Здесь есть, по крайней мере, готовое вещество, а там не было и вещества. Потому Он сделал наперед труднейшее, чтобы ты допустил легчайшее, — труднейшее, говорю, не для Бога, но для нашего представления. Для Бога нет ничего трудного, но как живописец, написавший одну картину, легко может написать их и множество, так и Бог еще легче может сотворить бесчисленное множество миров; или лучше, как для тебя легко представить город и множество миров, так для Бога легко сотворить их или даже гораздо легче. Ты, по крайней мере, употребляешь несколько времени на представление, а Бог — и того нет, но сколько камни тяжелее самых легких вещей или, лучше, разума нашего, столько наш разум

уступает в быстроте творческой силе Божией. Ты удивляешься могуществу Его на земле? Подумай же еще, как произошло небо, прежде не существовавшее, как бесчисленные звезды, как солнце, как луна, которые все прежде не существовали? Еще, скажи мне, как по сотворении они держатся и на чем? Какое основание имеют они, равно как и земля? Что за землей? Что опять за тем, что за землей? Видишь ли, в какое недоумение впадает умственный взор твой, как скоро ты не прибегаешь к вере и к непостижимой силе Творца? Если же хочешь объяснить это делами человеческими, то можешь и таким образом несколько окрылить разум свой. Какими, скажешь, делами человеческими? Не видишь ли ты, как горшечники выделывают сосуд из смешанного и бесформенного вещества, как рудокопы из металлоносной земли извлекают золото, железо и медь, как выделывающие стекло обращают песок в твердое и прозрачное тело? Говорить ли о сыромятниках и красильщиках пурпуровых одежд, как они придают им один цвет вместо другого? Говорить ли о нашем рождении? Не малое ли семя, сперва не имеющее вида и очертания, сообщается в приемлющую

его утробу? Каким же образом является живое существо? А пшеница? Не голое ли зерно бросается в землю? Не согнивает ли оно, будучи посеяно? Откуда же является колос, стебли и все прочее? Каким образом малое зернышко смоковницы, упав на землю, часто производит корни, ветви и плоды? Все это ты допускаешь и не подвергаешь сомнению, а требуешь от Бога отчета только в том, как он преображает наше тело? Можно ли простить это (12)?

ТЕАТР

Нам предстоит трудный подвиг, борьба с невидимыми Силами, брань с духами злобы, война с Началами, со Властями; и хорошо, если бы мы, при всем тщании, трезвости и бдительности, могли устоять против этого свирепого полчища. Если же будем смеяться, играть и всегда предаваться лени, то еще прежде сражения падем от собственной беспечности. Не наше дело постоянно смеяться, забавляться и жить весело; это дело лицедеев, заторных женщин и людей на то предназначенных, тунеядцев, льстецов; не званым на небо, не написанным в горнем граде, не приавшим духовное оружие

свойственно это, но тем, которые обрекли себя дьяволу. Это он, он самый изобрел такое искусство, чтобы привлекать к себе воинов Христовых и ослаблять силы их духа. На то и построил он в городах театры и, обучив смехотворов, этою язвою поражает целый город. Чего Павел велел бегать (см. Еф. 5, 4) — я разумею пустословие и шутки, — то дьявол убеждает любить; и что в этом есть самого худшего, то бывает поводом к смеху. Когда представляющие смешное в театре скажут что-либо богохульное и срамное, тогда многие, будучи еще безумнее их, смеются, забавляются этим; за что надлежало бы побить камнями, тому рукоплещут и за такое удовольствие сами себе готовят огненную печь. Ведь те, которые хвалят говорящих такие речи, тем самым поощряют их к ним; а потому и наказанию, которое назначено для смехотворцев, справедливее падать на смеющихся, потому что если бы не было ни одного зрителя, то не было бы и действующего. А когда видят, что вы оставляете свою мастерскую, и работу, и то, что могли бы выполнять, словом — все, только бы провести время в театре, тогда они становятся усерднее, с большим старанием отправляют свое дело.

Впрочем, не в извинение их говорю это, но чтобы вас вразумить, что от вас собственно берется начало и корень этого беззакония, от вас, которые тратите на это целый день, подвергаете посмеянию честное супружество, посягаете великое Таинство. Поистине, не столько грешит тот, который представляет в театре, сколько в сравнении с ним ты, который заставляешь это делать; и не только заставляешь, но и заботишься о том, радуешься и смеешься, хвалишь представление, всячески пособляешь демонской работе. Скажи мне, какими глазами после будешь смотреть дома на жену, видев ее опозоренною в театре? Как, не покраснев, представишь себе супругу, когда ты видел весь пол ее обещанным? Не говори мне, что представляемое в театре есть одно лицедейство. Лицедейство это многих сделало прелюбодеями и многие дома расстроило. О том-то особенно и скорблю, что в этом даже не подозревают худого, но такие развратные представления принимают с рукоплесканиями, с восклицаниями и громким смехом. Итак, скажешь, что все это лицедейство? Но за то самое лицедей и стоили бы тысячи смертей, что они научились подражать запрещенному

всеми законами. Если дело худо, то и подражание ему худо. Не говорю еще о том, сколь многих делают блудниками представляющие эти любодейные зрелища, к какой наглости и бесстыдству приучают они зрителей. Ведь одному только сладострастному и наглому глазу сносно смотреть на эти зрелища. На площади ты не станешь смотреть на обнаженную женщину, а еще менее дома, — ты оскорбишься таким зрелищем; а в театр идешь, чтобы оскорбить честь и мужеского, и женского пола и осрамить глаза свои. Не говори, что обнажена блудница, потому что один пол и одно тело как у блудницы, так и у благородной женщины. Если в этом нет ничего непристойного, то почему, когда на площади увидишь то же, и сам бежишь прочь, и гонишь от себя бесстыдную? Или когда бываем порознь, тогда это непристойно, а когда соберемся и сидим вместе, тогда уже не позорно? Это смешно и постыдно и означает крайнее безумие. Лучше грязью или навозом вымарать себе все лицо, чем смотреть на такое беззаконие, потому что для глаза не так вредна грязь, как любострастный взгляд и вид обнаженной женщины. Вспомни, что было причиною наготы в начале, и

страшись того, что было виною этой срамоты. Что же произвело наготу? Преслушание и злоумышление дьявола. Таково давнее и первое его старание. Но прародители, по крайней мере, стыдились наготы своей, а вам это нравится, по апостольскому слову: *Слава их — в сраме* (Флп. 3, 19). Как будет смотреть на тебя жена, когда ты возвратишься с такого беззаконного зрелища? Как примет тебя? Как будет говорить с тобою после того, как ты столь бесчестно посрамил весь женский пол, пленился таким зрелищем и сделался рабом блудницы? Впрочем, если слово мое огорчит вас, то я много вам за то благодарен: *Кто обрадует меня, как не тот, кто огорчен мною?* (2 Кор. 2, 2). Никогда не переставайте рыдать об этом и терзаться; такая скорбь будет для нас началом исправления (6).

Вредные для общества люди бывают именно из числа тех, что действуют на театрах. От них происходят возмущения и мятежи. Люди, воспитывающиеся у этих плясунов и из угождения чреву продающие свой голос, которых занятие состоит в том, чтоб кричать и делать все неприличное, они-то именно более всех и воз-

мущают народ, они-то и производят мятежи в городах, — потому что преданное праздности и воспитываемое в таких пороках юношество делается свирепее всякого зверя (6).

Иногда ты говоришь: хорошо, я откажусь от театра и даже не взойду на ступеньки: можно повеселиться и попить [дома]. Но и тут у вас повторяются неприличные театральные сцены. Что тебе пользы в том, что ты отказался от театра? Не к камням ведь мы чувствуем отвращение? Ведь не камни театров осуждаются, а безобразие того, что там совершается, негодность неприличных зрелищ, которая через органы зрения и слуха, как через какие-нибудь окошки, вводит вора. Итак, когда ты отказался от театра и к столу своему допустил бесчинства представлений, ты сам не замечаешь того, что дом свой обратил в театр. Ведь не место театра я ненавижу, но опасаясь за нравы собирающихся туда (9).

ТЕЛО

Человеческое тело не имеет каких-либо преимуществ перед прочими телами, но, принимая

умножение славы, оно кажется величественнее остальных (4).

Тело человека Бог взял от земли, а душу создал и дал сам (создав ее, а не взяв из собственного существа), дабы бы, когда умрет тело или человек, не отчаивались относительно души. Что в том, что тело погребено во гробе? Не думай, что там же душа. Она взята не от земли и не возвращается в землю. Так Бог утвердил надежду. Потому и Иезекииль, пророчествуя о воскресении, говорит: *мертвым костям явилось тело* и затем продолжает: *от четырех ветров приди, дух, и дохни на этих убитых, и они оживут* (Иез. 37, 9). Так и Давид восклицает: *когда Ты отвернешь лицо, — смятутся, возьмешь дух их, и исчезнут и в землю свою возвратятся. Пошлешь Духа Твоего, и будут созданы, и обновишь лицо земли* (Пс. 103, 29–30) (5).

Не будем бояться смерти, хотя и не пришло время смерти: мы воскреснем для жизни гораздо лучшей. Но, скажешь, истлеет тело? Потому-то особенно и должно радоваться, что смерть тлит и погибает смертное, а не сущность

тела. Когда ты видишь, что выливают истукан, то не говоришь, что вещество его пропадает, но что оно получает лучший образ. Так же рассуждай и о теле и не плачь. Тогда надлежало бы плакать, когда бы оно навсегда осталось в муках. Но ты скажешь: это могло бы быть и без истления тел, так чтобы они оставались в целости. А какую бы это принесло пользу живым или умершим? Доколе будете привязаны к телу? Доколе, пригвождая себя к земле, будете прилепляться к тени? Какая бы из того была польза? Или, лучше, какого бы не произошло вреда? Если бы не истлевали тела, то, во-первых, овладела бы многими гордость — зло из всех зол самое большее. Если и ныне, когда тело подвержено тлению и преисполнено червей, многие хотели быть почитаемы за богов, то чего бы не было, когда бы тело пребывало нетленным? Во-вторых, не стали бы верить, что тело взято из земли. Если и теперь, несмотря на то, что самый конец ясно свидетельствует, некоторые сомневаются в этом, то чего бы не подумали, если бы не видели этого конца? В-третьих, тогда чрезмерно любили бы тела, и большая часть людей сделалась бы еще более плотскими и грубыми.

Если и ныне, когда тела совершенно уже истлеют, некоторые обнимают гробы и раки, то чего не стали бы делать тогда, когда бы могли сберегать и самый образ их в целости? В-четвертых, не очень бы привержены были к будущему. В-пятых, те, которые утверждают, что мир вечен, еще более утвердились бы в этой мысли и не стали бы признавать Бога Творцом мира. В-шестых, не были бы уверены ни в достоинстве души, ни в том, как тесно связана душа с телом. В-седьмых, многие, лишившиеся своих родственников, оставив города, стали бы жить в гробницах и, подобно безумным, непрестанно стали бы разговаривать со своими умершими. Если и ныне люди, поскольку самого тела удержать не в состоянии (да и невозможно, потому что оно против их воли тлеет и исчезает), снимая портреты, прилепляются к доскам, то каких нелепостей не вымыслили бы тогда? Мне кажется, что тогда многие в честь любимых тел воздвигли бы храмы, а занимающиеся волхвованиями постарались бы уверить, что посредством их демоны дают ответы, тем более что и теперь имеющие дерзость заниматься вызыванием мертвых (некромантией) делают много нелепостей (несмотря даже

на то, что тело обращается в прах и пепел). Каких же бесчисленных видов идолопоклонства не произошло бы отсюда? Итак, Бог, отъемля все могущее служить поводом к таким нелепостям и научая нас отрешаться от всего земного, поражает тела тлением перед нашими глазами. Таким образом, любитель телесной красоты, до безумия пристрастившийся к благовидной девице, если умом не захочет узнать безобразие телесного существа, то увидит это собственными глазами. Много было девиц столь же цветущих красотой или еще несравненно прекраснее, нежели любимая им, которые после смерти своей через один или два дня представляли из себя зловоние, гной и гнилость червей. Подумай же, какую ты любишь красоту и каким прельщаешься пригожеством? Но если бы тела подвержены были тлению, нельзя бы было хорошо знать этого; как бесы стекаются к гробам, так многие из объятых любовной страстью, непрестанно сидя при гробах, сделали бы душу свою обителью бесов и от жестокой страсти скоро бы и сами умерли. А теперь, кроме всего другого, облегчает душевную скорбь и то, что невозможность видеть образ любимого предмета способствует

забвению и самой страсти. Если бы тела не истлевали, то не было бы даже и гробов, и ты увидел бы города, вместо статуй полными мертвых, потому что каждый пожелал бы тогда видеть подле себя своего умершего. Отсюда произошел бы великий беспорядок: никто бы из простолюдинов не стал печься о душе своей, не стали бы принимать учения о бессмертии. Много бы и других еще худших произошло нелепостей, о которых и говорить даже неприлично. Для того-то тотчас и истлевает тело, чтобы ты мог видеть в наготу красоту души. В самом деле, если она такую красоту и такую живость дает телу, то как она прекрасна должна быть сама в себе? Если она поддерживает столь безобразное и отвратительное тело, то тем более может поддерживать саму себя. Не в теле красота, но красота тела зависит от того образования и цвета, который запечатлевает душа в существе его. Итак, люби душу, которая сообщает телу такое благообразие (6).

От тела, скажешь, рождаются и страсти? Это пустое извинение и ничтожная отговорка. Если бы действительно от тела рождались

эти страсти, то им были бы подвержены все. Как никому нельзя избежать усталости, сна, голода и жажды, потому что все это естественно, так никто не избежал бы и подчинения страстям, если бы они были таковы. Если же многие избегают их, то ясно, что такого рода недостатки рождаются от беспечности души (9).

Тело служит средством и для порока, и для добродетели, подобно оружию, которое у пользующегося им пригодно на дела того и другого рода; так, одним и тем же оружием защищаются — и воин, сражающийся за отечество, и разбойник, вооружающийся против граждан; следовательно, вина падает не на оружие, а на того, кто употребляет его во зло. То же самое можно сказать о плоти, которая бывает тем или другим не по собственной природе, а по расположению души. Когда ты с излишним вниманием смотришь на чужую красоту, то оружием неправды бывает глаз не по собственной своей деятельности (потому что глазу свойственно смотреть и не лукаво смотреть), но по лукавству управляющего им помысла; если ты обуздал помысел, то и глаз делается орудием

правды. То же должно сказать о языке, о руках и всех прочих членах (11).

[Ты] скажешь, если бы я имел тело не смертное, то не согрешил бы. А тот [Адам], скажи мне, смертное ли имел тело, когда согрешил? Нет, если бы тело его было смертно, то смерть не была бы назначена ему в наказание. Впрочем, смертное тело не служит препятствием к добродетели, но еще вразумляет и весьма много способствует, как видно из следующего: если одно ожидание бессмертия так надмило Адама, то, если бы он в самом деле был бессмертен, в какую не впал бы гордость? Теперь, согрешив, ты можешь исправиться по тому самому, что тело твоё уничтожено, слабо и подвержено разрушению; эти мысли могут вразумить тебя; а если бы ты грешил в бессмертном теле, то грехи твои, может быть, остались бы неисправимыми. Итак, не смертность причиной греха — не обвиняй ее, — но злое произволение есть корень зол. Отчего тело не причинило вреда Авелю? Отчего бесплотность не принесла никакой пользы злым духам? Хочешь ли знать, как смертное тело не только не вредит,

но еще доставляет пользу? Послушай, сколько доброго ты можешь получить от него, если будешь бдителен. Оно отклоняет и отвлекает тебя от зла болезнями, скорбями, трудами и тому подобным. Но, скажешь, оно влечет и к прелюбодеянию? Нет, не тело, а разнузданность: телу свойственно только то, о чем я выше сказал. Невозможно человеку, вступившему в эту жизнь, не терпеть болезней, скорбей и печалей, а не блудодействовать возможно. Поэтому, если бы пороки зависели от природы тела, то они были бы общи всем: все естественное таково и есть, а прелюбодеяние не таково; болезни происходят отсюда, а прелюбодеяние — от произволения. Итак, не обвиняй тела, чтобы диавол не отнял у тебя чести, которую даровал тебе Бог. Если мы захотим, то тело может быть прекрасной уздой, укрощающей похоти души, смиряющей гордость, низлагающей тщеславие, способствующей нам к совершению великих добродетелей. Не говори мне о [людях] невоздержных: мы часто видим, как и кони несутся по стремнинам, свергнув возницу вместе с уздой, но не виним в том узду. Не она, опустившись, причинила это, но возница, не удержавший ее, все

испортил. Точно так рассуждай и здесь. Если видишь молодого человека, живущего невоздержно и предающегося порокам, то обвиняй не тело, а влекомого возницу, т.е. разум. Как не вожжи причиняют зло вознице, а сам он бывает виновен во всем, не хорошо удерживая их, — потому они и подвергают его наказанию, запутывая его, увлекая и принуждая разделять с ними бедственную участь, так и здесь. Мы, говорят они, обуздывали коня, пока ты держал нас; а когда выпустил из рук, то мы подвергаем тебя наказанию за небрежность, запутываем и увлекаем тебя, чтобы впредь не случилось того же. Итак, никто не обвиняй вожжей, но себя самого и свою развращенную волю. Возница у нас — разум, вожжи, соединяющие коней с возницей, — тело. Если они будут удерживаемы хорошо, то не потерпишь ничего худого; а если выпустишь из рук, то испортишь и погубишь все. Будем же благоразумны и станем обвинять не тело, а злое расположение. Диавол всячески старается внушить неразумным, чтобы они обвиняли более тело, или Бога, или ближнего, а не свою развращенную волю, чтобы, постигнув истинную причину зла, они не вырвали ее с корнем. Но

вы, зная коварство его, направьте на него гнев свой и, предоставив ярмо вознице, обратите умственный взор свой к Богу. В других делах назначающий подвиги сам нисколько не содействует, а только ожидает окончания; здесь же совершает все подвигоположник Бог (12).

ТЕРПЕНИЕ

Так как обыкновенно бывает, что многие начинают дела с ревностью, а впоследствии ослабевают, то Спаситель и говорит, что — Я смотрю на конец. Что пользы в тех семенах, которые сначала цветут, а после скоро увядают? Потому Он и требует от учеников своих постоянного терпения. И что бы кто не сказал, что Господь сам все сотворил, и потому нет ничего удивительного, что они были таковыми, раз не терпели тяжких страданий, то Он говорит им, что вам нужно и терпеть. Хотя Я избавлю вас от первых опасностей, но Я вас соблюдаю для тягчайших, за которыми опять последуют новые, так что вы не перестанете подвергаться наветам даже до последнего издыхания. Это именно Он и давал разуметь словами: *претерпевший же до конца спасется* (Мф. 10, 22) (6).

Долготерпение — оно корень всякого любомудрия; потому и Премудрый говорит: *у терпеливого человека много разума, а раздражительный выказывает глупость* (Притч. 14, 29); и далее, сравнивая эту добродетель с крепким городом, говорит, что она крепче его. Это — несокрушимое оружие, непоколебимый столп, легко отражающий все нападения. Как искра, упавшая в море, не причиняет ему никакого вреда, но сама тотчас потухает, так все неожиданное, поражая долготерпеливую душу, скоро исчезает, а ее не возмущает. Долготерпение тверже всего; укажешь ли на войско, на деньги, на коней, на стены, на оружие и на что бы то ни было, ничто не может сравниться с долготерпением. Кто обладает чем-нибудь подобным, тот часто бывает побежден гневом, падает, подобно слабому ребенку, и все наполняет шумом и смятением; а долготерпеливый, как бы пребывая в пристани, наслаждается глубоким спокойствием; причинишь ли ему вред, не подвинешь этого камня; нанесешь ли ему обиду, не потрясешь этого столпа; нанесешь ли ему удары, не сокрушишь этого адаманта; потому он и называется долготерпеливым,

что имеет как бы долгую и великую душу, а долгое называется и великим. Между тем эта добродетель рождается от любви, и тем, которые приобрели ее и пользуются ею, доставляет великую пользу. Не говори мне, что люди потерянные, делая [долготерпеливому] зло и не претерпевая за то зла, становятся хуже; это происходит не от его долготерпения, а от тех самих, которые пользуются им не так, как должно. Потому не говори мне о них, а вспомни о людях более кротких, которые получают оттого великую пользу; когда они, делая зло, не претерпевают за то зла, то, удивляясь терпению страждущего, получают величайший уроклюбодурия. Впрочем, [апостол] не останавливается на этом, но присовокупляет еще другие совершенства любви: она, говорит, милосердствует. Так как есть люди, которые употребляют долготерпение не на собственное любодурие, а на мщение тем, кто оскорбляет их, терзаясь внутри себя самих, то он говорит, что любовь не имеет и этого недостатка; потому и присовокупляет: милосердствует. Любящие не для того поступают кротко с пламенеющими гневом, чтобы усилить пламень гнева, но чтобы укротить его и погасить, и

не только мужественным терпением, но и угождением и увещанием врачуют рану и исцеляют язву гнева. Не завидует. Случается, что иной терпелив, но завистлив, отчего добродетель его теряет свое совершенство. Но любовь далека и от этого. Не превозносится, т.е. не поступает безрассудно. Она делает любящего благоразумным, степенным и основательным. Безрассудство свойственно людям, любящим постыдно, а любящий истинной любовью совершенно свободен от этого; когда нет в сердце гнева, то не может быть и безрассудства и дерзости; любовь, пребывая в душе, как бы какой-нибудь искусный земледелец, не допускает вырастать ни одному из этих терний. Не гордится. Мы видим, что многие гордятся самыми своими добродетелями, т.е. тем, что они не завистливы, не злы, не малодушны, не безрассудны; эти пороки соединены не только с богатством и бедностью, но и с самыми добрыми по природе качествами, а любовь совершенно очищает все. Заметь: долготерпеливый не всегда еще милосерд; если же он не будет милосердным, то его доброе качество становится пороком и может обратиться в памятозлобие; но любовь, доставляя

врачество, т.е. милосердие, сохраняет добродетель чистой. Также милосердый часто бывает легкомыслен; но любовь исправляет и этот недостаток. *Любовь, — говорит, — не превозносится, не гордится* (1 Кор. 13, 4). Милосердый и долготерпеливый часто бывает гордым, но любовь истребляет и этот порок (12).

ТОЛПА

Богача многие и отвращаются, и ненавидят, а человека добродетельного уважают и почитают. Но над бедным, скажешь, смеются, хотя бы он был и добродетелен? Смеются, но не люди, а бессловесные, почему и не нужно обращать на то внимания. Ведь, если бы мычали ослы и каркали вороны, а все люди мудрые хвалили бы, — мы, конечно, не пренебрегли бы мнением последних и не стали бы обращать внимания на крики бессловесных. А те, которые высоко ценят предметы настоящие, подобны воронам и хуже ослов. Если бы тебя хвалил царь земной — ты, верно, несколько не заботился бы о мнении толпы, хотя бы и все смеялись над тобою. Ужели же, когда тебя хвалит Владыка всех, ты будешь искать еще похвалы от жуков и

комаров? А таковы действительно эти люди в сравнении с Богом — и даже не таковы, а еще хуже. Доколе же мы будем пресмыкаться в грязи? Доколе будем поставлять для себя судьями беспечных ленивцев и чревоугодников? Они могут хорошо оценивать игроков в кости, пьяниц и живущих для чрева, а добродетели и порока они не могут вообразить себе и во сне. Если бы кто стал смеяться над тобою потому, что ты не знаешь, как провести каналы для стока воды — ты, без сомнения, не оскорбился бы, а напротив, даже посмеялся бы над укоряющим в таком незнании. Зачем же, желая подвизаться в добродетели, поставляешь для себя судьями людей, которые совсем не знают ее? Потому-то мы никогда и не успеваем в этом искусстве. Мы вверяем свое дело не людям опытным, а невеждам; а они судят не так, как требует искусство, а по собственному невежеству. Потому, умоляю вас, будем презирать мнением толпы (9).

Какую пользу, скажи мне, может принести тебе толпа народа? Хочешь ли знать, что народ составляют святые, а не толпа людей? Выведите на войну сотни тысяч и

одного святого: посмотрим, кто сделает больше? Иисус Навин вышел на брань и один сделал все; и таким образом остальные не принесли никакой пользы. Толпа людей, возлюбленный, когда они не творят воли Божией, ничем не разнится от тех, кого нет совсем. Я молюсь и желаю, чтобы Церковь украшалась множеством людей, но — множеством людей добрых: ради этого я охотно позволил бы растерзать себя на части. Если же это невозможно, то я желаю, чтобы немногие были добрыми. Не видите ли, что лучше иметь один драгоценный камень, нежели тысячи мелких монет? Не видите ли, что лучше иметь здоровый глаз, нежели, потеряв его, отяготить себя тучностью тела? Не видите ли, что лучше иметь одну овцу здоровую, нежели тысячи шелудивых? Не видите ли, что лучше немного детей добрых, чем много дурных? Не видите ли, что в царстве — немногие, а в геенне — многие? Что мне от множества людей? Какая польза? Пользы никакой, а скорее вред для прочих. Ведь это то же, как если бы кто при возможности иметь или десять здоровых, или тысячи больных привел эти тысячи к тем десяти. Большинство, когда они не делают ничего доб-

рого, не принесут нам ничего другого, кроме наказания там и бесславия здесь. Ведь никто не скажет, что нас много, но (всякий) будет порицать за то, что мы бесполезны. Так именно [язычники] всегда говорят нам, когда слышат от нас, что нас много: много вас, — говорят, — да худых (10).

ТРУД

Кратковременность трудов, и вечность венцов, и то, что труды предшествуют венцам, а венцы последуют за ними — все это составляет величайшее утешение в трудах (6).

Сколько потребно труда и пота в делах здешнего мира? Разве одна добродетель приобретается с трудом, а порок достается без трудов? Если же и там, и здесь труд, то почему не изберешь ты добродетели, приносящей с собой великую пользу? Да еще и такие есть добродетели, которые и труда никакого не требуют. В самом деле, что за труд — не злословить, не лгать, не клясться, простить ближнего, подавшего повод к гневу? Вот труд и большая забота — поступать противно этому. Итак, какого ждать нам оправдания,

какого прощения, когда мы и этих легких добродетелей не соблюдаем? Отсюда ясно видно, что и другие — труднейшие — добродетели недоступны нам по причине нашей беспечности и лености (6).

Коротко настоящее время, и труд не велик, но если бы даже он был и велик, то и в таком случае не нужно от него отрекаться. Хотя бы ты не трудился на этом лучшем поприще, поприще покаяния и добродетели, все-таки ты должен трудиться и бедствовать в мире иным образом. Если же и здесь, и там нужно трудиться, то почему же не избрать для себя того труда, который приносит и плоды обильные, и награду великую? Впрочем, никак нельзя сравнивать труд для добродетели и труд для мира. В трудах житейских непрерывные опасности, беспрестанные потери, обманчивая надежда, великое раболепство, изнеможение души и тела, трата денег, а между тем плоды наших трудов, даже и в том случае, если они действительно бывают, далеко не соответствуют нашим ожиданиям. Не всегда труды наши в делах житейских приносят плоды. Но положим, что труды наши и не останутся без успеха, но принесут великие плоды;

все же плоды эти будут на короткое время. Труды твои вознаграждены будут под старость твою, когда ты совершенно не в силах будешь наслаждаться плодами их. Ты трудишься в цветущих летах, а плоды собираешь и наслаждаешься ими в старости, когда сделаешься дряхлым, когда время притупит чувства твои, а если и не притупит, то мысль о смерти воспрепятствует наслаждению. Напротив, труды добродетели не таковы. Здесь труды поднимаются в слабом и смертном теле, а награда воздается в теле нетленном, бессмертном, бесконечно пребывающем. Труд предшествует и непродолжителен, а награда после следует и беспредельна, чтобы ты спокойно мог наслаждаться плодами трудов твоих, не опасаясь ничего неприятного (7).

Хотя бы ты был ремесленник, не считай такого занятия чуждым для себя. Ведь и Павел был делателем палаток, однако исполнился великой благодати и ею возвещал все. Но прежде благодати он был при ногах Гамалиила и самую благодать получил потому, что явил душу достойную благодати, и после того опять занимался своим

ремеслом. Итак, не стыдись никто занимающийся ремеслом, но пусть устыдятся те, которые напрасно едят хлеб и живут в праздности, которые имеют множество служителей и требуют беспрестанных услуг. Принимать пищу всегда после труда — это род любомудрия: души таких людей бывают чище, мысли — основательнее. Человек праздный и говорит много пустого, и делает много пустого, и целый день не занимается ничем, предаваясь неге: а тот, кто занят работой, не скоро допустит что-нибудь излишнее ни в делах, ни в словах, ни в помышлениях; душа его совершенно предана трудолюбивой жизни. Не будем же презирать тех, которые питаются от трудов рук своих, но будем еще более ублажать их за это. Какой, скажи мне, достоин ты благодати, если, получив наследство от отца, живешь, ничего не делая, и расточаешь его попустому? Разве ты не знаешь, что мы не все отдадим одинаковый отчет, но получившие здесь больше благ отдадут отчет труднейший, а удрученные трудами, бедностью или чем-нибудь другим подобным — легчайший? Это видно и из притчи о Лазаре и богаче. Ты, не употребивший свободного времени ни на что дельное, справедливо будешь

осужден, а бедный, при трудах своих употребивший остающееся время на дела достоподобные, получит великие венцы (12).

ТЩЕСЛАВИЕ

Фарисеи, будучи заражены тщеславием и преданы этой ужасной страсти, не получили от Его беседы никакой пользы. И в самом деле, страсть эта ужасная и многоглавая. Увлеченные ею, одни стремятся к богатству, другие к власти, иные к могуществу. Распростирая власть свою далее, она обращает себе в пищу и милостыню, и пост, и молитвы, и дар учения, да много еще и других голов у этого зверя. Впрочем, нисколько не удивительно, когда люди гордятся богатством и властью, но то странно и достойно оплакивания, когда они самый пост и молитву обращают в предмет своего тщеславия. Но чтобы, в свою очередь, не останавливаться здесь только на одних упреках, мы укажем и способ, как избегать этой страсти. С кого же прежде всего начать нам? С тех ли, кто тщеславится богатством, или одеждой, или властью, или даром учения, или крепостью телесной, или искусством, или красотой, или нарядными, или жестокостью, или

человеколюбием и милостыней, или пороками, или смертью, или распоряжениями, долженствующими совершиться после их смерти? Страсть эта, как я сказал, многообразным образом опутывает нас и простирается даже за пределы нашей жизни. Потому и говорят: такой-то умер и, чтобы удивлялись ему, завещал сделать то и то. Поэтому же один хочет быть бедным, а другой богатым. Это-то особенно и ужасно, что страсть тщеславия находит себе пищу в предметах противоположных (7).

Тщеславие и везде пагубно, но особенно в делах человеколюбия, так как здесь оно является крайней жестокостью, извлекая себе хвалу из чужих бедствий и почти ругаясь над живущими в нищете. Если указывать на свои благодеяния — значит укорять облагодетельствованного, то не гораздо ли хуже выставлять их на показ перед многими? Как же нам избежать этого зла? Мы избежим его, когда научимся быть истинно милосердными и рассмотрим, у кого мы ищем славы. Скажи мне, кто первый учитель милостыни? Конечно, Тот, Кто примером Своим научил нас ей, т.е. Бог, Который

всех лучше знает и бесконечно оказывает ее. Что же? Если бы ты учился искусству борьбы, на кого бы стал ты смотреть или кому стал бы показывать свои успехи в нем, — тому ли, кто продает овощи и рыбу, или учителю этого искусства, хотя бы тех было и много, а этот один? И если бы все прочие стали смеяться над тобой, а он хвалил бы тебя, то не стал ли бы и ты сам вместе с ним смеяться над ними? Или: если бы ты учился искусству бойцов, то не стал ли бы точно также смотреть на того, кто умеет обучать этому искусству? Равным образом, если бы ты занимался красноречием, то не стал ли бы дорожить похвалами учителя красноречия и пренебрегать суждением других? Итак, не безрассудно ли в других искусствах обращать внимание только на одобрение учителя, а в делах милосердия поступать наоборот — и тем более что вред в том и другом случае не одинаков? В самом деле, если ты борешься только для того, чтобы нравиться народу, а не учителю, то и вся беда имеет значение только по отношению к этой борьбе, здесь же дело касается жизни вечной. Если ты через милостыню уподобляешься Богу, то будь же подобен Ему и в том, чтобы не делать

ее напоказ. Когда Он исцелял кого, то говорил, чтобы никому о том не сказывали. Но ты хочешь слыть между людьми милостивым? Что за прибыль? Прибыли никакой нет, а вред бесконечный, так как те самые, кого ты призываешь в свидетели, отнимают у тебя, как разбойники, сокровища небесные, или, лучше сказать, не они, а мы сами разграбляем свое стяжание и расточаем свое богатство, хранящееся в горних обителях. Вот новое бедствие, новое необыкновенное зло! Чего не истребляет моль, чего не похищает тать, то разграбляет тщеславие. Вот моль, истребляющая вечные сокровища! Вот тать, разграбляющий небесные блага! Вот похититель некрадомого богатства! Вот что разрушает и развращает все доброе! Итак, когда дьявол видит, что страна эта недоступна ни для разбойников, ни для других злоумышленников и что ее сокровищ не истребляет моль, — расхищает их тщеславием (7).

Подаяние милостыни напоказ уничтожает награду, и тот, кто поступает так, лишает себя будущей благостыни. Никакая другая страсть не вредна так душе, как страсть тщеславия. Ведь этим

недугом человек заражается именно тогда, когда он сделал уже большие успехи в исполнении заповедей. Вот почему Спаситель и спешит с корнем посеять в нас эту страсть, научая нас творить милостыню тайно (9).

Нет ничего хуже тщеславия. Оно, именно оно больше всего и погубило иудеев. Потому и Христос сказал им: *как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищите?* (Ин. 5, 44). Тщеславие вместе с гибелью и возбуждает большой смех, и прежде еще будущего наказания навлекает здесь бесчисленные бедствия. И если угодно тебе знать это, мы, не касаясь пока небес, откуда тщеславие низводит нас, и геенны, в которую оно ввергает, рассмотрим все то, что оно производит здесь. И действительно, что может быть вреднее, постыднее и тяжелее тщеславия? Что болезнь эта причиняет убытки, доказывается бесполезными и напрасными издержками на театры, ристалища и на другие столь же ненужные развлечения, вроде постройки великолепных и пышных домов и всяких других излишних сооружений, чего

теперь нельзя и описать. Всякому же известно, что человек расточительный, любящий пышность и страдающий болезнью тщеславия по необходимости делается похитителем и корыстолюбцем. Чтобы доставить пищу этому зверю, он налагает свои руки на чужое имущество. И что говорить об имуществе? Этот огонь пожирает не только деньги, но и души, уготовляет не только настоящую, но и будущую смерть. Тщеславие есть мать геенны, сильно воспаляет адский огонь и ядовитого червя. Всякому известно, что оно и на мертвых простирает свою власть, а что может быть хуже этого? Все прочие страсти прекращаются со смертью, а тщеславие и после кончины продолжает свое действие и над умершим телом силится показать свое свойство. Когда умирающие заботятся, чтобы им были поставлены великолепные памятники, на которые надобно истратить все их имущество, и стараются и в гробе показать необыкновенную пышность; когда люди при жизни за один овал или кусок хлеба оскорбляли подошедших нищих, а, умирая, готовят червю обильную пищу, то какую власть ты найдешь мучительнее этой болезни? От этого же зла рождается и нечистая любовь,

так как многие вовлечены в прелюбодеяние не красотой лица, не похотью совокупления, но желанием похвастаться: я соблазнил такую-то и вовлек в любодеяние.

И нужно ли говорить о других пороках, которые произрастают отсюда? Я предпочел бы лучше быть рабом у множества варваров, чем у одного тщеславия, так как варвары не повелевают того пленникам, что приказывает тщеславие своим подчиненным. Будь слугой всех, говорит оно, будут ли они знатнее тебя или незначительнее. Не радей о душе, не заботься о добродетели, смейся над свободой, жертвуй своим спасением, а если сделаешь какое-либо добро, то делай не из угождения Богу, но напоказ людям, чтобы от них получить себе венец; если подаешь милостыню или постишься, труд перенеси, а пользу старайся погубить. Что может быть бесчеловечнее таких требований? Отсюда ведут свое начало и зависть, и высокомерие, и сребролюбие — мать всех зол. Толпа рабов, одетые в золото варвары, тунеядцы, льстецы, высеребренные колесницы и многое другое, что и того смешнее, употребляются не для удовольствия и пользы, но из одного тщеславия. Да, говоришь ты, всякому известно, что страсть

эта — зло, но как нам избежать ее — вот о чем следует сказать. Главное, если ты вполне убедишь себя в том, что эта болезнь тяжела, то сделаешь самое лучшее начало к исправлению, потому что и больной немедленно ищет врача, как скоро узнает, что он болен. А если ты ищешь и другого пути избежать [проистекающего отсюда зла], то взирай непрестанно на Бога и довольствуйся славой, исходящей от Него. Если ты заметишь, что страсть эта подстре-

кает тебя и побуждает рассказать о заслугах своих собратьям, то ты прежде всего размысли, что из этого рассказа не произойдет для тебя никакой выгоды, угаси нелепую страсть и скажи душе своей: вот сколько времени ты мучилась, чтобы рассказать о своих заслугах, и не могла сохранить молчания, но всем объявила, — какая же от этого тебе польза? Пользы никакой, а вред всем большой — потеря всего того, что ты собрала с великим трудом (11).

УКРАШЕНИЯ

Не будем безобразить себя ненужными украшениями; все творения Божии совершенны, и ни одно не имеет нужды в твоём поправлении. Если бы кто по своему произволу решился что-нибудь прибавить к выставленной картине, представляющей царя, тот за такую дерзость подвергся бы великому наказанию. Для чего же ты поправляешь творение рук Божиих, когда ничего не прибавляешь и к тому, что сделал человек? Верно, ты не представляешь геенского огня, верно, не чувствуешь пустоты в душе своей! Точно ты совершенно оставила в небрежении душу, потому что все попечение свое истощаешь на плоть свою. И что я говорю о душе? И самому телу вашему вы не доставляете того, о чем стараетесь. Смотри: ты желаешь казаться красивою, но твои украшения делают тебя безобразною; ты хочешь нравиться мужу, но это больше печалит его и как ему, так и

другим подает случай осуждать тебя. Ты хочешь казаться молодою, но это скорее приведет тебя к старости. Ты желаешь похвалы, но это наносит тебе бесславие, потому что такая жена стыдится не только равных себе, но и рабов и рабынь, знающих ее, а прежде всех стыдится себя самой. Но что говорить об этом? Я опустил здесь самое тяжчайшее зло: то, что ты оскорбляешь Бога, нарушаешь целомудрие, возжигаешь пламень ревности, подражаешь блудницам непотребного дома. Итак, представив все это, посмейтесь над сатанинскою пышностью и дьявольским ухищрением, и, оставив эти украшения или, лучше, — безобразие, уготовьте красоту в душе своей, которая и Ангелам вожделенна, и Богу любезна, и вашим мужьям приятна (6).

Если ты соглашаешься скорее сама терпеть нужду, нежели допустить малейшую порчу в дорогой твоей вещи, то как можешь

уделить что-либо для того, чтобы накормить другого? Поистине, многие пристрастились к этим украшениям как бы к одушевленным каким существам и любят их не меньше, чем детей. Как это можно, скажете вы? Докажите же мне противное, докажите делами: теперь же я совсем не то вижу. Какая женщина из страдающих этим недугом, приобретающая довольно большое число многоценных украшений, исхитила от смерти душу дитяти? Но что я говорю: дитяти? Искупила ли она этими драгоценностями свою собственную погибающую душу? Напротив, из-за них многие продают ее ежедневно. Если случится болезнь телесная, они все делают; а если видят порчу душевную, ничего подобного не делают, но как о своей, так и о душе своих детей совсем не радят, чтобы оставались их драгоценности, пока не заржавеют от времени. Ты осыпана несчетными талантами золота, а член Христов не имеет даже и необходимой пищи. Общий всех Владыка, Владыка неба и всех живущих на нем, всем равно предложил духовную Свою трапезу — а ты и из тленных вещей ничего не хочешь Ему дать и хочешь оставаться всегда окованной тяжкими этими узами. Отсюда несчетные беды. Отсюда

ревнование, отсюда блудодейство мужей — когда вы не к любоудрию их побуждаете, а заставляете их находить удовольствие в том, чем украшаются блудницы. Потому-то они очень скоро и уловляются. Если бы ты научила его питать к этим украшениям презрение и утешаться непорочностью, благочестием, смирением, то он не так легко бы мог быть уловляем любодеянием. Украшаться таким образом и даже лучше может и блудница, а облекаться добродетелями — нет. Итак, приучи его находить удовольствие в таком украшении, которого он не может видеть на блуднице. Как же ты его к этому приучишь? Если снимешь с себя украшение твое и облечешься в духовное. Тогда муж твой будет огражден, и ты будешь в почтении, и Бог будет вам милостив; все люди будут вам дивиться (7).

Имея душу отвратительную, безобразную и черную, ужели ты думаешь что-нибудь выиграть чрез золотые украшения? Не крайнее ли это безумие? Обрати лучше эти украшения внутрь и этими ожерельями убри свою душу. Когда они лежат на теле, они не служат ни к его здоровью,

ни к красоте. Ведь они не сделают ни черного белым, ни безобразного — красивым и благовидным. Но если ты украсишь ими душу, то скоро сделаешь ее из черной белою, из отвратительной и безобразной прекрасною и благовидною. И это не мое слово, но самого Господа, который говорит так: *если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю* (Ис. 1, 18); и еще: *подавайте милостыню, тогда все будет у вас чисто* (Лк. 11, 41). И не себя только, а и мужа своего ты сделаешь прекрасным, если будешь поступать таким образом. Когда мужья увидят, что вы оставили эти украшения, тогда они уже не будут иметь надобности в больших издержках; а не имея этой надобности, они вовсе отстанут от любостязания и будут более склонны к милостыне. Да и вы тогда в состоянии будете смело советовать им делать то, что следует; а теперь вы совершенно лишены этой власти. В самом деле, какими устами вы будете говорить им это? Какими глазами будете смотреть, требуя от мужей, чтобы они подавали милостыню, когда большую часть вы издерживаете на украшение тела? Тогда ты в состоянии будешь смело говорить мужу о милостыне, когда оставишь золотые украше-

ния. И если бы даже ты нисколько в том не успела — по крайней мере, ты исполнишь с своей стороны все; а впрочем, невозможно, чтобы ты не убедила своего мужа, когда будешь говорить ему самыми делами. *Почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа* (1 Кор. 7, 16)? Потому, как теперь ты дашь ответ и за себя, и за него, так если отложишь весь этот внешний блеск — получишь сугубый венец и будешь торжествовать, нося венец вместе с мужем (8).

Постарайся поправить земную гордость, нарядные одежды, дорогие золотые украшения и благоговения; отложив негу, роскошь и мерную поступь, обрати все свое попечение на душу и воспламени в сердце своем страсть к небесному. Если овладеет тобой эта любовь, ты увидишь нечистоту и гнусность настоящего и сама будешь смеяться над тем, что теперь удивляет тебя. Ведь женщине, украшенной духовными совершенствами, несвойственно домогаться таких смешных вещей. Потому, сбросив все то, что ставят себе в большую честь жены торгующих, а также занимающиеся пляской и музыкой, укрась себя благочестием, страннолюбием,

попечением о святых, умилением, частыми молитвами. Это лучше золотых одежд, драгоценнее дорогих камней и запястий, это и перед людьми делает почтенными, и у Бога приносит тебе великую награду. Это украшение Церкви, а то — театра, это достойно неба, а то — коней и мулов; в те убранства облакаются и мертвые тела, а это сияет только в доброй душе, в которой живет Христос. Итак, станем приобретать себе такое украшение, чтобы и нас везде прославляли, и мы угодили Христу (11).

УТЕШЕНИЕ

Когда Бог видит, что душа утомляется, Он [Бог] улаживает ее приятными вещами. Так бывает и с нами. Часто бывает, что человек, возвратившись от занятий отягченный тысячами огорчений, удрученный часто тяжелыми впечатлениями, измученный тяжкими бедствиями и лишениями, дома находит утешение в ребенке, и нежное чувство облегчает тягость трудов. Так как к нему, когда он не в духе, ни жена не может подойти с утешением, поскольку ее утешение является неуместным, ни слуга не осмеливается утешать, то Бог представляет невинное существо, заслу-

живающее снисхождения за свое неведение, и через него облегчает и успокаивает удрученную тягостями душу. Если засмеется слуга, то может показаться, что он смеется над огорчениями господина; если будет смеяться жена, то может показаться, что она не сочувствует горести; ласку ребенка нельзя заподозрить вследствие невинности его природы. И часто бывает, что то, чего не в силах сделать друзья своими советами, мудрецы своими наставлениями, может сделать ребенок одним своим смехом — именно рассеять всякое чувство горести. И вот в самый высший момент печали человек видит ребенка, сначала отстраняет и отвергает несвоевременное утешение, но уступает настойчивости и, обратив несколько раз свой взор, увлекается, берет, затем, ребенка, забывает печаль и говорит: «Вот кого только дарует мне Бог, и нет мне никакого дела до других»!

Видишь, как Бог и ничтожными вещами дает душе утешение? И вот, так как Адам в раю был одинок, не имел ни друга, ни близкого человека, ни родственника, то Бог привел к нему для развлечения животных. И теперь, например, есть животные, обладающие способностью подражания, — одни

подражают действиям, другие — голосу, как, например, действиям человеческим подражает обезьяна и подобные ей животные, голосу — попугай и другие птицы. Итак, Адам получал развлечение от животных, из которых одни доставляли удовольствие голосом, другие служением (5).

УЧЕНИЕ

Высокое учение [апостолов] было принято и заслужило веру, процветает доселе и возрастает с каждым днем, а учение философов отжило, погибло, исчезло легче паутины. И вполне правильно, так как его проповедовали демоны. Вот почему, кроме бесстыдства, оно представляет много темного и трудного для уразумения. Что может быть смешнее, например, того учения, в котором философ, потратив тысячи слов на то, чтобы показать, что такое справедливость, все еще старается разъяснить этот вопрос в длинной и крайне неясной речи? Если бы он указал что-нибудь и полезное, то для жизни человеческой и это осталось бы совершенно без пользы. В самом деле, если бы земледелец, или ваятель, или плотник, или кормчий, или другой кто-нибудь, питающийся труда-

ми рук своих, вздумал отстать от своего занятия и честных трудов, чтобы потратить многие годы на изучение того, что такое справедливость, то, прежде чем узнать это, он ради этой самой справедливости изнурил бы себя постоянным голодом и погиб бы, окончил бы жизнь свою насильственной смертью, так и не научившись ничему полезному. А наше учение не таково. В кратких и ясных словах Христос научил нас, в чем состоит и справедливое, и честное, и полезное, и всякая вообще добродетель. Так Он говорил, например, что в двух заповедях *утверждается весь закон и пророки* (Мф. 22, 40), то есть в любви к Богу и ближнему, или еще: *Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки* (Мф. 7, 12). Все это удобопонятно и легкопостижимо и для земледельца, и для раба, и для вдовицы, и даже для отрока и самого малосмыслящего. Такова истина! Доказательством служит опыт. Все действительно узнали, что нужно делать, и не только узнали, но старались и исполнить (то, что узнали), и не в городах, не на торжищах только, а и на вершинах гор. И там ты увидишь великое любомудрие, и там сияют лики Ангелов

в человеческой плоти, и на земле является жизнь небесная. Образ этой жизни начертали нам рыба-ри, повелевая приниматься [за обучение ему] не с детского возраста, как делали то философы, и не узаконяя для изучения добродетели определенного числа лет, а наставляя всякий возраст без исключения. Учение философов — детская забава, а учение апостолов — сама истина. Местом для этой жизни они назначили небо, а руководителем и законодателем ее признали Бога, как и надлежало. Наградами за эту жизнь служат не лавровый венок, не масличная ветвь, не пиршество в Пританее, не медные изображения, не такие пустые и бесполезные вещи, а бесконечная жизнь, усыновление Богу, ликование с Ангелами, предстояние царскому престолу и постоянное пребывание со Христом (6).

Учение язычников нелепо, наше же, по благодати Божией, досточтимое и славно у самих нечестивых. Вот почему, когда они хотят особенно упрекнуть нас и усилить свое злословие, то говорят: «Христианин». Не сказали бы они этого, если бы не имели высокого мнения о нашем учении (6).

УЧИТЕЛЬ

Не окончится наше существование, когда мы хорошо воспользуемся настоящей жизнью, тела воскреснут в большей славе, будут светлее неба, солнца и всего прочего и перейдут в высшее состояние. Итак, один способ богопознания [достигается] через [рассматривание] всего творения; другой, не менее важный, через совесть — и его вполне изложили мы тогда в обширных рассуждениях, показывая то, как само собой возникает у нас познание доброго и недоброго и как сама по себе внушает нам все это совесть. Итак, у нас от начала были эти два учителя — творение и совесть, и оба они, не произнося слов, учили людей безмолвно. Творение, поражая зрителя видом [своим], возбуждает в созерцателе вселенной удивление к ее Создателю; а совесть путем внутреннего внушения научает всему, что должно делать; силу ее и решение суда [ее] мы узнаем по состоянию лица. Когда внутренне обличает она в грехе, то покрывает внешний вид смущением и большим унынием. Она делает нас бледными и робкими, когда уличаемся в чем-либо постыдном, и хотя голоса [совести] мы не слышим, однако

по внешнему виду замечаем внутреннее негодование [ее] (1).

Когда ученик видит порочных учителей, то делается хуже их, потому что он не останавливается на степени развращения своего учителя. Когда учитель добродушен, ученик подражает ему; а когда он худ, то еще и превосходит его в том, потому что нет ничего легче, как делаться худшим (7).

Человеколюбивый, премудрый и всевидящий единородный Сын Божий, зная, что в течение долгого времени и на пространстве обширной вселенной будет много порочных священников, и желая, чтобы от их нерадения не усилилась беспечность руководимых ими, не оставил беспечным никакого оправдания, сказав: *на Моисеевом седилище сели книжники и фарисеи; итак все, что они велят вам соблюдать, делайте; по делам же их не поступайте* (Мф. 23, 2–3). Этим Он выразил, что, хотя бы у тебя был порочный учитель, это нисколько не оправдает тебя, если ты не слушаешь учения его. Бог произнесет над тобой приговор не за

то, что сделал учитель, а за то, что ты слышал от него и не исполнил. Если ты исполнишь заповеданное, то предстанешь тогда с великим дерзновением; а если не слушаешь учения, то, хотя бы ты указал на тысячу порочных священников, это нисколько не оправдает тебя. И Иуда был апостол; однако это нисколько не послужит к оправданию святотатцев и сребролюбцев; никто из них, будучи осуждаем, не сможет сказать, что и апостол был похититель, святотатец и предатель: напротив, за то особенно мы и будем осуждены и наказаны, что не вразумились пороками других; они для того и описаны, чтобы мы остерегались подражать им. Поэтому, оставим других, будем внимательны к самим себе. Каждый из нас даст ответ Богу за самого себя. А чтобы нам дать такой ответ, который послужил бы к нашему оправданию, будем вести жизнь благочестивую и простирать щедрую руку к бедным, помня, что исполнение заповедей — вот единственное наше оправдание, а другого нет никакого. Если мы будем в состоянии представить такое оправдание, то избавимся от нестерпимых мучений геенских и удостоимся будущих благ (12).

ХИЩЕНИЕ

Не похищай золота, но похищай богатство, при котором золото представляется грязью. Скажи мне: если бы пред тобою лежали свинец и золото, что бы ты похитил? Не очевидно ли, что золото? Итак, в том случае, когда похищающего наказывают, ты предпочитаешь вещь лучшую: уже ли же тогда, когда похищающий заслуживает честь, ты не отдашь предпочтения лучшему? Ведь не избрал ли бы ты [из двух вещей] предпочтительно эту [лучшую], если бы за похищение той и другой было наказание? Но здесь нет ничего такого, а напротив, здесь блаженство. Как же можно, спросишь, похитить [Царство Небесное]? Брось то, что у тебя в руках. Пока будешь держать это — не можешь похитить того. Представь мне человека, у которого руки наполнены серебром: в состоянии ли он будет похитить золото, пока держит серебро, а не бросит его и не сделается свободным? Похища-

ющий не должен быть ничем связан, чтобы не быть задержанным. Ведь и ныне есть враждебные силы, которые нападают на нас и стараются отнять у нас [Царство Небесное]. Будем же убегать от них, будем убегать, не оставляя за собою ничего, за что бы они могли ухватиться. Пресечем нити, обнажим себя от предметов житейских. Какая вам нужда в шелковых одеждах? Доколе будем укутываться в эти смешные одеяния? Доколе будем зарывать в землю золото (8)?

Пусть мы не похищаем золота и столько-то и столько десятин земли; но все же посредством какого-нибудь обмана и утайки делаем то же самое в меньших размерах и сколько можем. Когда, например, в торговых обязательствах и при покупке или продаже чего-либо мы спорим и усиливаемся заплатить меньше, чем следует, и всячески стараемся об этом, — не разбой ли это? Не

воровство ли и хищение? Не говори мне, что ты отнял не дом, не рабов. Несправедливость определяется не ценностью того, что похищается, но намерением похитителей. Несправедливость и справедливость имеют одинаковую силу как в большом, так и в малом. И я одинаково называю вором как того, кто, отрезав кошелек, возьмет чужие деньги, так и того, кто, покупая что-нибудь на рынке, удержит часть настоящей цены. И грабитель не тот только, кто разломает стену и похитит что-либо из дома, но и тот, кто нарушит справедливость и отнимет что-либо у ближнего (8).

ХРИСТИАНИН

Скажи, пожалуйста: ты наносишь побои, топчешь ногами, кусаешь? Разве ты кабан или дикий осел? И ты не стыдишься, не краснеешь от своего зверства, забывая свое достоинство? Ты беден? Но ты свободен. Ремесленник ты? Но ты христианин. Потому-то самому тебе и должно жить смиренно, что ты беден. Ссориться свойственно только богачам, а не бедным, — богачам, говорю, которые имеют многие причины к ссоре. Ты не пользуешься удовольстви-

ями богатства, между тем ищешь неприятностей, с ним неразлучных, — вражды, распрей, ссор, мучишь и душишь брата своего и повергаешь его перед всеми. Неужели ты не понимаешь, что в своем бесстыдстве подражаешь не обузданности бессловесных или, вернее, делаешь еще хуже их? У бессловесных все общее, они собираются и ходят вместе; а у нас, напротив, ничего нет общего, но все вверх дном: вражды, распри, ссоры, ненависть, обиды (6).

Господь хочет, чтобы христианин был для вселенной учителем, закваской, светом и солью. А что значит свет? Жизнь светлая, не имеющая в себе ничего темного. Свет не себе полезен, равно как и соль и закваска, но приносит пользу другим. Поэтому от нас требуется, чтобы мы не себе только были полезны, но и другим. Ведь соль, если не осоляет, уже не есть соль. Этим показывается также и то, что если мы будем вести жизнь добродетельную, то и другие непременно будут жить так же; равно как и наоборот — пока мы сами не будем добродетельными, не принесем никакой пользы и другим (8).

По названию христиан много, а на деле — очень немного. Иные по виду как будто и христиане и ученики Христа, а по характеру — предатели; на словах благочестивы и милостивы, а на деле немилосердны и нечестивы; по названию христиане, а по убеждениям язычники, потому что, предрек еще пророк Давид, *смешались с язычниками и научились делам их* (Пс. 105, 35). И действительно, на нас исполнилось пророчество это. Сколько христиан занимается иудейскими и греческими баснями, родословиями, гаданиями, звездочетством, волшебством и талисманами? Сколько христиан наблюдает несчастные дни и годы, приметы и сновидения и крики птиц? Затем — не христиане ли купаются в источниках, погружая предварительно в них светильники? Не христиане ли верят во встречи, едят идоложертвенное и удавленину, едят кровь задавленных зверями и растерзанных птицами и многое другое тому подобное? Как могут быть христианами те, которые допускают все это? По какому праву осмеливаются они называть себя христианами? Как дерзают приступать к Божественным Таинствам, будучи ху-

же язычников? Точно также сколько христиан держатся языческих обычаев вроде украшения лиц, приветствий, плясок, рукоплесканий, употребления мужчинами женских одежд? При таких обычаях какая польза человеку от того, что он именуется христианином? Ведь как девица, пока сохраняет свое девство, достойно и благоприлично называется девою и на самом деле дева, но если обольстит ее кто-нибудь и растлит и она утратит свое девство, тогда она уже более не дева, — так и глаголемый христианин, если он преступил завет и попрал свои обеты, и слово евангельское отверг, и живет язычески, тогда ему бесполезно и называться христианином (9).

Нет ничего холоднее христианина, который не заботится о спасении других. Здесь ты не можешь извиняться бедностью; положившая две лепты обличит тебя (см. Лк. 21, 2); и Петр говорил: *серебра и золота нет у меня* (Деян. 3, 6). А Павел был так беден, что часто голодал и не имел необходимой пищи. Не можешь извиняться незнатностью; и они были незнатны и не от знатных. Не можешь указывать на неученость; и они были

неученные. Хотя бы ты был рабом, хотя бы беглецом, — и тогда можешь исполнить свое дело; таков был и Онисим, и, однако, смотри, к чему призывает его [Павел] и в какое возводит достоинство: *если ты имеешь общение со мною, — говорит, — в узах моих* (Флм. 1, 10, 17). Не можешь извиняться немощью; таков был и Тимофей, часто страдавший недугами. А что он был немощен, послушай: *употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов* (1 Тим. 5, 23). Каждый может быть полезным ближнему, если захочет исполнять, что от него зависит. Не видите ли бесплодных деревьев, как они крепки, как красивы, росли, гладки и высоки? Но, если бы у нас был сад, то мы захотели бы лучше иметь плодоносные гранатовые или масличные деревья, нежели их, потому что они доставляют [только] удовольствие, а не пользу, хотя, впрочем, бывает и от них некоторая малая польза. Таковы те, которые заботятся только о самих себе или даже еще хуже; они годны только на сожжение, тогда как те [деревья годны] и на постройку, и для хранения в них вещей. Таковы были те девы, хотя чистые, украшенные и целомудренные, но никому

не приносившие пользы; поэтому они и осуждаются на сожжение (см. Мф. 15, 1–12). Таковы были ненапитавшие Христа; заметь, никто из них не осуждается за собственные грехи: ни за прелюбодейство, ни за клятвопреступление, вообще ни за что, но за то, что не был полезен другому (см. Мф. 15, 41–46). Таков был зарывший талант в землю, безукоризненный по своей жизни, но бесполезный для другого (см. Мф. 25, 18–28). И как такой может быть христианином? Скажи мне: если закваска, смешанная с мукою, не сообщает своего свойства всему [смешению], то закваска ли это? Также, если мир не сообщает благовония приближающимся, то можем ли мы его назвать его миром? Не говори: мне невозможно помогать другим; если бы ты был [истинным] христианином, то невозможно было бы этому не быть. Как то, что составляет свойство [вещи], не может быть противно ей, так и здесь, потому что это составляет свойство христианина. Не оскорбляй Бога. Если бы ты сказал, что солнце не может светить, то оскорбил бы Его; если скажешь, что христианин не может приносить пользу, то [также] оскорбишь Бога и назовешь [Его] лживым, потому что скорее солнце не будет ни

греть, ни светить, нежели христианин — не просвещать; скорее свет сделается тьмою, нежели будет это. Не говори же, что невозможно; невозможно противоположное этому. Не оскорбляй Бога. Если мы хорошо исполним, что зависит от нас, то, без сомнения, будет и это, как естественное следствие. Не может утаиться свет христианина; не может сокрыться светильник столь светлый (10).

Я свидетельствую открыто и громче трубы возвещаю, и, если бы можно было, не отказался бы взойти на какое-нибудь возвышенное место и провозгласить, что христианину никто из людей живущих на земле не может вредить. Что я говорю: из людей? Не может и демон, мучитель, диавол, если [христианин] сам не причинит зла самому себе; и кто бы ни захотел причинить нам зло, напрасно будет стараться. Как Ангелу, находящемуся на земле, никакой человек вредить не мо-

жет, так и человек [такому] человеку. И сам он не может вредить другому, пока он добр. Что же может сравниться с таким человеком, который не может ни терпеть вреда, ни сам вредить другому? Последнее, т.е. чтобы не желать причинять вреда другому, не меньше первого. Это — как бы Ангел и подобен Богу, потому что таков и Бог. Но Он таков по природе, а тот — по произволению. Итак, [христианин] не может ни терпеть вреда, ни вредить другому. Впрочем, слова: *не может* не принимай за бессилие (потому что бессилие означает противное этому), — я разумею здесь нерасположение. Он по природе своей бывает не расположен ни терпеть вреда, ни делать зло другому; и последнее есть также вред. Мы вредим себе и тогда, когда делаем зло другому, и большая часть грехов наших происходит именно от того, что мы не желаем добра самим себе. Таким образом, христианин и потому не может терпеть вред, что не может вредить другому (10).

ЦАРСТВО БОЖИЕ

Когда, — говорит апостол, — упразднит всякое начальство и всякую власть и силу, последний же враг истребится — смерть (1 Кор. 15, 24, 26). Когда все это упразднится, тогда не останется ничего прискорбного, ни забот, ни трудов; все будет радостью, все миром, все любовью, все спокойствием, все веселием, все истинным, искренним и твердым; тогда не будет никаких недостатков, ни гнева, ни скорби, ни любостязания, ни сладострастья, ни бедности, ни богатства, ни бесчестия, и ничего другого подобного. Будем же и мы стремиться к этой жизни и делать все для нее. Потому и в молитве нам заповедано говорить: *да приидет Царствие Твое* (Мф. 6, 10), чтобы мы всегда представляли себе тот день. Кто проникнут этою любовью и питается надеждою этих благ, тот не сокрушается никаким из настоящих бедствий, не возмущается

никакою из здешних скорбей. Как идущие в царственный город не задерживаются ничем на пути: ни лугами, ни садами, ни пропастями, ни пустынями, но, не обращая внимания на все это, одно только имеют в виду — ожидающее их отечество, так и тот, кто ежедневно представляет себе небесный град и питает любовь к нему, ничто трудное не будет считать трудным и ничто приятное и славное — приятным и славным (2).

Желаешь ли ты видеть Царство Божие? Обрати глаза твои на небо — и ты увидишь там шестьсот Ангелов, узришь тысячу Архангелов, предстоящих Серафимов, Херувимов, окружающих Его огненный трон, увидишь всех их в почтении и трепете. Но здесь не проявляется начальство Божие, таким образом, не только вследствие слабости природы и не потому, что велико различие между людьми и Ангелами, но и потому,

что люди не могут славить Его таким же образом, какой употребляют те дивные существа. Если, когда является царь, чернь охватывается страхом, то насколько больший страх будет пред высшим величеством. Подобно тому, как если кто, приходя к царскому дворцу, видит там смерть и угрозы и всех исполняющими свои обязанности близ царя, так и там силы Ангелов совершают то же. Кроме того, есть весьма многое, что удаляет обитателей земли от такого служения. Напротив, Небесные Силы ничего иного не делают, как только всегда прославляют Бога и созерцают Его, по написанному: *смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного* (Мф. 18, 10). Самому Христу служили Ангелы: *се, Ангелы приступили и служили Ему* (Мф. 4, 11). Не думай, что Он только получил заушение и много иного претерпел, но вспомни также и о том, что Он говорил: *Царство Мое не от мира сего* (Ин. 18, 36) (4).

Да приидет Царствие Твое (Мф. 6, 10). Что это? Разве Бог не царствует теперь, что Его Царство

должно еще наступить? Конечно, Он — царь. Но как город, осажденный врагами, просит, чтобы пришло царское войско и освободило его, так и мы, будучи окружены противными силами и своими собственными грехами и злыми помыслами, просим, чтобы наступило Царство Божие, чтобы принесло нам избавление (9).

Люди не столько привлекаются благодеяниями, сколько вразумляются страхом. Но дивные и великие мужи и друзья Божии ни в чем этом не нуждаются. Таков, например, был Павел: он не говорил ни о Царстве, ни о геенне.

Вот это значит любить Христа — это значит не быть наемником, не смотреть [на благочестивую жизнь], как на промысел и на торговлю, а быть истинно добродетельным и делать все из одной любви к Богу. Каких же достойны мы слез, когда на нас лежит такой великий долг, а мы не стараемся, как бы купцы, приобрести Царство Небесное? Так много нам обещано, а мы и при всем том не слушаем? С чем сравнить такую неприязнь? Люди, одержимые безумною страстью к деньгам, кого бы ни встретили: врагов ли или рабов, или самых злых своих

противников, самых негодных людей, — если только надеются получить чрез них деньги — решаются на все, и льстят, и услуживают, и становятся рабами, и считают их самыми почтенными людьми, лишь бы что-нибудь получить от них: надежда получить деньги производит то, что они ни о чем таком не думают. А Царство не имеет того значения у нас, какое имеют деньги; или, лучше, — не имеет и ничтожной доли того значения. Между тем и обещано оно не каким-нибудь обыкновенным лицом, а Тем, Кто несравненно выше и самого Царства. Если же и обещано Царство и дает его сам Бог, то, очевидно, уже много значит и получить его от такого Лица. А теперь, между тем, происходит то же, как если бы царя, который после бесчисленного множества других благодетелей хочет сделать [нас] своими наследниками и сонаследниками собственного своего сына, мы стали презирать; а начальнику разбойников, который был причиною весьма многих бед и для нас, и для наших родителей, который сам исполнен бесчисленного зла и посрамил и нашу славу, и наше спасение, — стали кланяться, если он покажет нам хотя один овол (10).

Нет слов изобразить великость различия между будущим и настоящим, так как по причине времени умом совсем невозможно постигнуть всего различия. В самом деле, как сравнить с настоящим жизнь, не имеющую конца? А мир будущей жизни столько же отличен от мира настоящей жизни, сколько мир от войны, нетление столько же превосходнее тления, сколько чистая жемчужина лучше куска грязи, а лучше — чтобы ни сказал кто-нибудь, нисколько не изобразить вполне этой разности. Если красоте будущих тел я сравню со светом солнечного луча или с самой яркой молнией, то не скажу еще ничего достойного той блистательности. Каких же земных сокровищ, каких тел или, лучше, каких душ не должно презреть ради будущего? Если бы кто-нибудь теперь ввел тебя в царский дворец, доставил тебе возможность говорить с царем в присутствии всех, даже находиться с ним и вкушать с одного стола пищу, то ты, конечно, признал бы себя счастливее всех. А намереваясь взойти на небо, предстать самому Царю вселенной, соревновать в блистательности с Ангелами, наслаждаться тою неизреченной

славой, ты еще колеблешься, нужно ли тебе презирать деньги, тогда как, хотя бы предстояло тебе лишиться и самой жизни, тебе следовало бы ликовать, радоваться, окрыляться восторгом. Для получения должности начальника, которая доставляет тебе поводы к воровству (я не могу назвать этого честным прибытком), — ты отдаешь все, что имеешь, одожджаешься у других, а если нужно, не пожалеешь заложить жену и детей, а когда тебе предстоит Небесное Царство, такая власть, в которой не будешь иметь преемника, когда Сам Бог вверяет тебе в управление не уголок земли, но целое небо, ты медлишь и отказываешься, жалеешь денег и не понимаешь, что если видимая нами сторона неба так прекрасна и привлекательна, то сколько превосходнее высшая его часть и небо небес (11)?

ЦЕЛОМУДРИЕ

Ныне, когда по благодати Божией состояние веры возвысилось и, по словам блаженного Павла, уже *проходит образ мира сего* (1 Кор. 7, 31), мы должны оставлять память по себе добрыми делами, чтобы и после отшествия нашего отсюда превосходство нашей до-

бродетельной жизни было напоминанием и назиданием для взирающих на нас. Добродетельные и соблюдающие целомудрие не только в здешней жизни могут приносить весьма великую пользу взирающим на них, но и по окончании ее. Чтобы убедиться в этом, посмотри, сколько веков прошло до настоящего времени, и мы всякий раз, как скоро хотим возбудить в ком-либо ревность к целомудрию, представляем в пример благообразного, прекрасного, юного Иосифа, в самом цветущем возрасте показавшего такую твердость в сохранении целомудрия, — и таким образом стараемся побудить слушателей к подражанию этому праведнику. Можно ли, скажи мне, довольно надивиться этому блаженному [мужу], который, находясь в рабстве, в самом цветущем возрасте, когда наиболее воспламеняется огонь пожеланий, и, видя госпожу, на него нападающую в неистовстве страсти, показал такое мужество и так твердо решился на подвиг целомудрия, что убежал от невоздержанной женщины, лишившись своих одежд, но сохранив зато одежду целомудрия? И видно было здесь нечто новое и необычайное: агнец впал в когти волка, или, лучше сказать, львицы и

смог спастись от нее. И как если бы голубь избег гибели от ястреба, так праведник вырвался из рук той женщины. Не столько удивительно мне кажется то, что три отрока в вавилонской печи явились победителями огня и что тела их нимало не пострадали, сколько дивно и необычайно то, что этот праведник, вверженный в печь более страшную, чем вавилонская, — я говорю о неотребстве египтянки, — остался неприкосновенным и вышел из нее, сохранив чистой одежду целомудрия. Впрочем, и не удивляйся, возлюбленный; так как он со своей стороны употребил на то все силы, то имел и свыше помощь, которая содействовала ему, угашала то пламя и среди печи даровала ему росу от Духа Святого. Видите, как люди добродетельные, и здесь находясь, и по преставлении отсюда, бывают для нас примерами к пользе нашей? Теперь мы для того и привели в пример этого праведника (Иосифа), чтобы все последовали ему. Итак, будем все соревновать ему, станем выше чувственных оболщений и, зная, что *наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего* (Еф. 6, 12), будем

так и вооружать себя. Представляя себе, что мы, облеченные телом, вынуждены бываем бороться с силами бестелесными, будем ограждать себя оружием духовным. Так как мы облечены плотью, но имеем брань с силами невидимыми, то Человеколюбец Господь уготовал для нас и оружие невидимое, чтобы силой этого оружия мы могли преодолевать естество противоборников наших. Итак, уповая на силу этого оружия, будем и со своей стороны употреблять все, что нужно: тогда будем в состоянии, ограждаясь этим духовным всеоружием, поразить в самое лицо дьявола. Он не может сносить молнии, исходящей от такого оружия, и хотя бы усиливался противостать ему, тотчас ослепляется его зрение. Благодать же Духа ниспосылается в обилии там, где соединяются целомудрие, честность и другие добродетели; потому и Павел говорил: старайтесь иметь мир со всеми и святость (см. Рим. 12, 18; Евр. 12, 14). Итак, увещаю, будем очищать совесть нашу и разум, чтобы, освободившись от всякой нечистой мысли, нам привлечь на себя благодать Духа, победить козни дьявола и удостоиться наслаждения вечных, неизреченных благ (1).

Убеждаем любовь вашу позаботиться и о собственной вашей добродетели, и о целомудрии юношей. Отсюда-то рождается, можно сказать, всякое зло. Худые навыки, усиливаясь с течением времени, производят такой вред, что люди, однажды предавшись разврату, уже не могут покориться никакому убеждению и как пленники влекутся туда, куда направляет их дьявол. Он, наконец, управляет ими и делает те губительные внушения, которым юноши с удовольствием следуют, имея в виду только настоящее услаждение и не думая о скорбях в будущем. Итак, умоляю вас, подавайте руку [помощи] детям, чтобы за их проступки и нам самим не подвергнуться наказанию. Разве не знаете, что потерпел старец Илий, не исправлявший надлежащим образом недостатки своих детей (см. 1 Цар. 4, 18)? Когда болезнь требует разреза, а врач хочет излечить ее какой-нибудь мазью, то болезнь может сделаться неизлечимой, потому что не употреблено соответствующего врачества. Подобным образом и тот старец, вместо того, чтобы действовать на своих детей мерами, соответственными их проступкам, допускал излишнюю кротость; потому и сам вме-

сте с ними подвергся наказанию. Бойтесь этого примера, прошу вас; имея детей, будем заботиться о воспитании их. Вообще, пусть каждый из живущих вместе прилагает попечение о пользе ближнего и почитает ее величайшим приобретением для себя самого, чтобы всякий, руководимый к добродетели, мог и искушения зла избежать, и, достигнув добродетели, приобретать великое благоволение свыше (1).

Представим, что кто-нибудь, имея жену, разрушает брак ближнего и услаждается этим бесчестным воровством, прелюбодействуя с любимой [женщиной]; противопоставим ему другого, который любит свою жену; а для большего и яснейшего противоположения предположим, что живущий с одной своей женой также любит ту прелюбодейцу, но сдерживает свою любовь и не делает ничего худого. Хотя и это — не чистое целомудрие, но мы нарочито представляем такой пример, чтобы ты познал, каково удовольствие от добродетели. Итак, поставим их обоих вместе и спросим: чья жизнь приятнее? От одного услышим, как он услаждается и восхищается победой над похотью;

а от другого... но от него невозможно и узнать что-нибудь; окажется, что он несчастнее самих узников, хотя бы тысячу раз отрицал это. Он всех боится и подзревает — и свою жену, и мужа прелюбодейцы, и самую прелюбодейцу, и домашних, и друзей, и родных, и стены, и тени, и самого себя, и, что всего тягостнее, носит в себе совесть, вопиющую и каждодневно угрызающую; а если вспомнит о Суде Божиим, то не сможет и на ногах удержаться. Притом удовольствие кратковременно, а скорбь от него постоянна: и вечером, и ночью, и в пустыне, и в городе, и везде за ним следует обличитель, показывая изощренный меч и нестерпимые мучения, изнуряя и сокрушая его страхом. Напротив, целомудренный свободен от всего этого и безмятежен, спокойными глазами смотрит на свою жену, детей, друзей и на все. Если же любящий, но только сдерживающий страсть свою наслаждается таким удовольствием, то душа нелюбящего и соблюдающего чистое целомудрие не исполнена ли чувства сладостнее всякого спокойствия, приятнее всякой пристани? Потому-то, конечно, прелюбодеев ты видишь немного, а целомудренных больше. А если бы [жизнь

первых] была приятнее, то ее избирали бы многие. Не говори мне, что это происходит от страха пред законами: не страх удерживает их, а крайняя гнусность порока, избыток происходящих от страсти огорчений пред доставляемыми ею удовольствиями, и голос совести (12).

ЦЕРКОВЬ

Не говори мне, человек, что зрелище доставляет удовольствие; а лучше вразуми меня, не принесит ли оно вместе с удовольствием и вреда. И что я говорю о вреде? Оно не доставляет даже и удовольствия, как можешь видеть ясно из следующего. Возвращаясь из цирка, встретиться с выходящими из церкви и разужной обстоятельно, кто получил больше удовольствия: тот ли, кто послушал пророков, принял благословение, наслаждался поучением, помолился Богу о своих прегрешениях, облегчил совесть и не сознает за собою ничего преступного, — или ты, который оставил мать [то есть, Церковь Божию], презрел пророков, оскорбил Бога, ликовал с дьяволом, слушал богохульников и ругателей, потратил время попусту и напрасно и не принес оттуда домой никакой пользы — ни

телесной, ни духовной? Стало быть, и для удовольствия лучше приходить сюда. Ведь после театра тотчас является осуждение, обличение совести, раскаяние о сделанном, стыд и позор такой, что не смеешь и глаз поднять. А в Церкви все напротив: смелость, свобода речи и безбоязненный со всеми разговор обо всем, что здесь слышали. Итак, когда выйдешь на площадь и увидишь, что все бегут на то зрелище, ты беги тотчас в церковь и, пробыв в ней немного времени, услаждайся надолго словом Божиим. Напротив, если вслед за толпою ты уйдешь в цирк, то, повеселившись немного, будешь скорбеть во весь тот день, и в следующий за ним, и в многие другие, осуждая себя (за свой проступок); а если воздержишься немного, то будешь весел во весь день. Так обыкновенно бывает не только в этом деле, но и во всех других (1).

Вначале и все цари, и народы, и города, и полчища бесов, и вся сила диавола, и другие бесчисленные противники нападали на Церковь; но все это рассеялось и погибло, а она, умножаясь, достигла такой высоты, что стала выше самих небес. Как. вначале Бог

сказал: *плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю* (Быт. 9, 1), и это слово распространилось по всей земле, так и впоследствии Он сказал: *идите, научите все народы* (Мф. 28, 19), и: *будет проповедано Евангелие сие в целом мире* (Мф. 26, 13), и это повеление в краткое время достигло самых пределов вселенной. Потому Он и говорил: *если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода* (Ин. 12, 24); и еще: *когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе* (Ин. 12, 32). При начале мира от одного человека произошли многие, размножаясь по закону природы, и потому дело шло медленнее; а при апостолах общество умножалось не по закону природы, но по благодати, и потому вдруг в один день три тысячи, затем пять тысяч, потом бесчисленное множество, и наконец вся вселенная родилась славным возрождением, Церковь возросла, умножилась и самым делом доказала благословение, которое она получила, потому что *ни от крови, ни от хотения плоти, но от благодати Божией родились* (Ин. 1, 13). *Утверждает в прелегах твоих мир* (Пс. 147, 3). Это преимущественно и в собственном

смысле можно сказать о Церкви; и притом, что особенно удивительно, она наслаждалась миром в то время, как боролась с врагами, и наслаждалась безопасностью тогда, когда все строили ей козни. Потому и сказал Господь: *мир оставляю вам, мир Мой даю вам* (Ин. 14, 27). *И лучшею пшеницею насыщает тебя* (Пс. 147, 3). И это можно в переносном смысле относить к Церкви и разуместь о духовной пище, о том хлебе жизни, который Он даровал нам (3).

Говорят некоторые, что горлица привязана к мужу и целомудренна, так что если случится, что ее самца растерзает орел или поймает охотник, то она не сочетается с другим, но остается верной тому, ждет его и до смерти сохраняет о нем память. Послушайте, женщины, какое целомудрие, оказывается, у птиц! Итак, вы, имея пред глазами образ горлицы, подражайте ее целомудрию. Такое свойство отличает и честнейшую Церковь. Когда ее супруг, Христос, был распят на Кресте и вознесен на небо, она не сочеталась с другим мужем; но Его любит, Ему остается верна и, вспоминая Его, вместе с Ним умирает (3).

Церковь утверждена больше неба. Язычник, может быть, обвинит меня в надменности; но пусть он подождет доказательства и познает силу истины, что легче погаснуть солнцу, чем уничтожиться Церкви. Кто, скажешь, возвещает об этом? Тот, Кто основал ее. *Небо и земля прейдут*, — говорит Он, — *но слова Мои не прейдут* (Мф. 24, 35). Это Он не только сказал, но и исполнил. Почему же Он основал Церковь тверже неба? Потому, что Церковь драгоценнее неба. Для чего небо? Для Церкви, а не Церковь для неба. Небо для человека, а не человек для неба. Это видно и из того, что Он сам сделал. Христос принял не небесное тело (4).

Церковь есть море благочестия, не волнами изобилующее, но исполненное веры. У нас ладья учения не подвергается кораблекрушению, не разбивается, не тревожится, не обуревается, но, как в тихую пристань, стремится в души любящих Господа (5).

Смотря по расположению принимающих, мир может и приходить к ним, и опять удаляться; это зависит не от власти только учи-

телей, но и от достоинства приемлющих. Не станем же считать для себя маловажной потерей, если не насладимся этим миром, о котором еще издревле провозгласил пророк, говоря: *как прекрасны ноги благовестника, возвещающего мир* (Ис. 52, 7), причем, изъясняя достоинство мира, присовокупил: *благовествующего радость*. И сам Христос показал важность этого мира, говоря: *мир оставляю вам, мир Мой даю вам* (Ин. 14, 27). Поэтому должно употреблять все старание, чтобы наслаждаться им как дома, так и в церкви. И в церкви предстоятель дает мир, и это служит образом мира, даруемого Христом; и потому предстоятеля должно принимать со всяким усердием, представляя ему не столько трапезу, сколько свое расположение. Если худо не уделять от трапезы, то не гораздо ли хуже отвергать благословляющего? Для тебя сидит пресвитер, для тебя стоит учитель, трудится и изнуруется. Какое же ты будешь иметь извинение, когда и слов его не принимаешь? Церковь есть общий для всех дом, куда мы входим за вами, по примеру апостолов, почему и, входя, тотчас же, по заповеди Христовой, всех вообще приветствуем миром. Итак, никто не будь нерадив, никто не будь рассеян, когда священники

входят и преподают поучение: за это угрожает немалое наказание. Лучше для меня тысячекратно подвергнуться презрению, входя к кому-нибудь из вас в дом, чем не быть выслушанным, когда здесь приветствуют вас миром (6).

Ныне все извращено и испорчено: церковь ничем не отличается от стойла быков, ослов и верблюдов; и я всюду хожу, ищу овцы — и не могу усмотреть. Так все топают и бьют ногами, как будто какие лошади или дикие ослы; наполняют место это только кучами навоза — таковы именно их разговоры. Если бы можно было видеть, о чем говорят за всяким священным собранием мужи, жены, — то ты увидел бы, что слова их гаже всякого навоза. Потому умоляю, оставьте этот худой обычай, чтобы Церковь могла благоухать миром. Мы наполняем ее ныне только чувственным фимиамом, а о том, чтобы изгнать и истребить духовную нечистоту, и не заботимся. Что же в том пользы? Поистине, не столько бесчестимы Церковь, когда заносим в нее навоз, сколько оскверняем ее тогда, когда разговариваем в ней друг с другом о барышах, о торговле, о корчемстве, о том, что совсем не прилично нам, тогда как нужно

было бы здесь присутствовать ликам Ангелов, церковь делать небом, и ничего другого не знать, кроме сердечных молитв, молчания и внимания (7).

В царскую одежду облечена Церковь; небесным и разнообразным нарядом она разубрана, как это изображает псалмопевец: *Дочери царей — в почете у Тебя, предстала Царица одесную Тебя, в одежде расшитой золотом, преукрашенная* (Пс. 44, 10). Как преукрашена? Даром Святого Духа, по словам Павла: *при засвидетельствовании от Бога знамениями и чудесами, и различными силами, и раздаянием Духа Святаго по Его воле* (Евр. 2, 4). Как назвать мне Церковь Христову? Невестой в уборе, царицей в украшениях, садом возделанным, лугом плодоносным? Но какие бы эти или другие названия я не употребил, ни одно из них не может выразить как следует ее достоинств. От лица Церкви, как бы ее устами, говорил пророк Исаия: *возвеселится душа моя о Боге моем; ибо Он облек меня в ризы спасения* (Ис. 61, 10). Но, чувствуя, что этот образ не дает достаточного познания о красоте Церкви, пророк тут же дополняет его другими подобными же образами,

прибавляя: как невесту украсил меня красотою, и как на жениха возложил на меня венец, и как землю, растящую плод свой, и как виноградник, прозябающий семена свои (см. Ис. 61, 11). Действительно, виноградником запечатленным (см. Песн. 4, 12) и садом можно называть Церковь Бога живого, — но садом не в смысле того древнего рая; нет, она гораздо выше его. Там ведь воцарился змей, здесь же царствует Христос (9).

Церковь является для нас величайшим училищем: здесь богатые вразумляются и исправляются, а бедные находят себе успокоение и утешение (9).

В одном доме должно есть ее, не выносите мяса вон из дома (Исх. 12, 46). Одно есть собрание и один есть дом; это — Церковь, в которой вкушается священное тело Христово; поэтому из единого дома Церкви тело не выносятся вон. Вкушающий же в другом месте как нечестивец и вор будет наказан. *Один закон да будет и для природного жителя и для пришельца* (Исх. 12, 49). Где Христос, там свобода всем, равенство, один закон: все приобретены драгоценной кровью. Поэтому ты более уже

не раб, более не иудей, но свободный: все мы свободны во Христе (9).

Церковь — это красильня; если вы всегда уходите, не получив никакой окраски, то какая польза от того, что вы часто сюда ходите (10)?

Церкви всего более прилично молчание, благочиние. Шум уместен на зрелищах, в банях, на торжествах и площадях; а где преподаются такие догматы, там должно быть спокойствие, тишина, любомудрие и совершенная пристань (10).

Много может общение с Церковью, и кто не может сделать чего-либо сам собою, то сделает вместе с другими. Потому-то здесь особенно совершаются потребные молитвы о вселенной, о Церкви во всех пределах, о мире, о находящихся в опасностях. И Павел выражает это, когда говорит: *дабы за дарованное нам, по ходатайству многих, многие возблагодарили за нас* (2 Кор. 1, 11), т.е. чтобы возда-на была благодарность многим (10).

Ныне Церковь подобна жене, лишившейся прежнего богатства,

сохраняющей во многих местах только знаки первоначального благоденствия и показывающей сундуки и лари от золотых [сокровищ], а самого богатства не имеющей; такой жене уподобилась ныне Церковь. Говорю это, имея в виду не дарования — не было бы слишком прискорбно, если было бы только это, — но и жизнь, и добродетель. Тогда сонм вдов и лик девственников составляли великое украшение Церквей; а теперь это вывелось и упразднилось; остаются только знаки. Есть и ныне вдовы, есть и девы, но они не составляют того украшения, каким должны быть посвятившие себя на такие подвиги. Отличительный признак девы есть попечение об одних делах Божиих и непрестанная усердная молитва; и признак вдовы состоит не столько в том, чтобы не вступать во второй брак, сколько в другом, — в делах страннолюбия, нищелюбия, прилежания в молитвах, и во всем, что с великой точностью предписывает Павел в Послании к Тимофею (см. 1 Тим. 5) (12).

Церковь не цирюльня, не лавка с благовониями, не мастерская, подобная находящимся на торжище, но место Ангелов, место

Архангелов, Царство Божие, само небо. Если бы кто-нибудь отверз небо и ввел тебя в него, то ты не осмелился бы разговаривать, хотя бы увидел отца, хотя бы брата; так точно и здесь не должно говорить ни о чем другом, кроме предметов духовных, потому что и здесь небо. Если не веришь, то посмотри на эту трапезу, вспомни, для кого и для чего она поставлена, подумай, кто приходит сюда, и страшись даже прежде времени. Кто увидит только трон царя, тот возбуждается в душе своей, ожидая выхода царя; так точно и ты еще прежде страшного времени страшись и бодрствуй, и еще прежде, нежели увидишь поднятые завеси и предшествующий сонм Ангелов, возносись к самому небу. Но этого не знает непосвященный, потому для него необходимо сказать нечто другое. Мы не затруднимся сказать и ему то, что может возбудить и возвысить его. Итак ты, не знающий этого, когда услышишь слова пророка: сия глаголет Господь, отрешись от земли, вознесись на само небо, помысли, Кто через него вещает тебе. Между тем ныне, когда смехотворствует какой-нибудь шут и бесчинствует блудница, весь театр сидит, соблюдая для речей их со-

вершенное безмолвие, и это когда никто не заставляет молчать, не бывает ни разговора, ни крика, ни малейшего шума; а когда Бог с небес вещает о таких страшных тайнах, тогда мы бываем бесстыднее псов, не оказывая Богу даже такого внимания, какое оказываем распутным женщинам (12).

В церкви всегда должен быть слышим один голос, так как она есть одно тело. Потому и чтец читает один; и сам, имеющий епископство, ожидает, сидя в молчании; и певец поет один; и когда все возглашают, то голос их произносится как бы из одних уст; и беседующий беседует один. Когда же многие разговаривают о многом и различном, то для чего мы напрасно и утруждаем вас? Если бы вы не думали, что мы напрасно утруждаем вас, то вы не стали бы в то время, как мы говорим о таких предметах, разговаривать о предметах совершенно непристойных. От того у вас не только в жизни, но и в самом суждении о вещах крайний беспорядок; о ненужном вы заботитесь, истину оставляете, а за тенями и сновидениями гоняетесь (12).

ЧЕЛОВЕК

Для того Бог и сотворил из всех животных только одного человека с прямым станом и утвердил глаза его в верхней части тела, чтобы научить его и самой внешностью, что он должен взи- рать в высоту. Только одно это животное устроено таким обра- зом, а все прочие смотрят вниз и обращены к земле; человек же обращен к небу, чтобы он смотре- л туда, о том любомудрствовал, о том помышлял и имел острое зрение души. Потому-то и сказал один Премудрый: *у мудрого гла- за его — в голове его* (Еккл. 2, 14), то есть он чужд всего низкого, стре- мится к небу, помышляет о высо- ком (2).

Человек есть краткосрочный заем жизни, долг смерти, не тер-пящий отлагательства, животное, необузданное по собственной во- ле, зло, само себя наставляющее, коварство самобытное, искусное

во зле, изобретательное в неспра-ведливости, готовое к любостя- жанию, ненасытно-жадное, ве- роломное по природе, надутый дух, высокомерная дерзость, пу- стая заносчивость, дутое высоко- мерие, остывающая отвага, свое- нравное брение, мятежный прах, пыль высокомерная, пепел над- менный, искра легко угасимая, пламя скоропреходящее, светиль- ник колеблющийся, гниющее де- рево, сохнущая трава, увядающая зелень, природа, скоро оскудева- ющая. Сегодня грозный, а завтра умирающий; сегодня в богатстве, а завтра в гробу; сегодня в венце, а завтра под надгробным памятни- ком; сегодня в порфире, а завтра в грязи; сегодня в сокровищнице, а завтра на одре; сегодня [окружен] льстецами, а завтра — червями; сегодня существо, а завтра ничто. Только что превозносимый и не- много спустя оплакиваемый; не- сносный в счастье, неутешный в несчастье; неведущий самого себя и любопытствующий о том, что выше его; не знающий

настоящего и мечтающий о будущем; смертный по природе и с надменностью считающий себя вечным; гнездо всякой болезни, удобное прибежище всякой страсти, общее и ежедневное сборище лихорадок, открытое пристанище всякой печали. О, какое печальное зрелище нашей слабости, о, какой праздник человеческого ничтожества! Сколько я наставлял, и не нашел ничего более соответственного пророческому изречению, гласящему: *подобно призраку ходит человек, напрасно только мятется он* (Пс. 38, 7,6) (3).

Человек есть свет. Свет показывает существующее; свет мира — человек: явившись в мир, он показал свет искусства, свет знания. Свет показал жито — разум изобрел хлеб; свет показал виноградную лозу — свет разума показал вино, содержащееся в лозе; свет показал шерсть — свет человека показал одежду; свет показал горы — свет разума научил высеканию камней. Потому-то и Спаситель называет апостолов светом, говоря: *вы — свет мира* (Мф. 5, 14). Он называет их светом не ради того только, чтобы почтить их, но чтобы показать и надежду воскресения. Подобно тому

как свет, угасая вечером, не погибает, а только скрывается, и, сокрывшись, является вновь, так и человек, погруженный во гроб как бы на западе, сберегается для востока воскресения (5).

Человек является существом двух миров: тому, что вверху, у него родственна душа, а тому, что внизу, тело. Он связывает с собою эти два мира, служит как бы мостом между ними, имея одного общего с ними Творца, создавшего и небесное, и земное; как дева, душа его заключена в его теле. И так как природа его двойственна, то двоякого рода и ее требования. Внимательно следите за словом. Есть тело и есть душа. Телу определил (Творец) пищу и душе слово, тело питается хлебом, а душа — учением; тело имеет одеяние — платья, имеет одежду и душа — добродетель (9).

Бог сотворил человека и, будучи благим, и человека сотворил таким же. Ты не смотри на теперешнего человека, но имей в виду его первое состояние: ведь его Бог сотворил по образу Своему. И чтобы показать, что человек по природе своей не уступает звездам,

Писание указывает, что Бог поместил его в раю нагим, не нуждающимся в одежде: его взорам тогда еще чужда была распущенность и ни в каком прикрытии он не нуждался. Итак, Писание свидетельствует, что Бог сотворил человека и первых людей поместил в раю и что они были наги и не стыдились. Но как солнце и луна красуются во всем блеске своей наготы, так и они имели возможность любоваться своей природной красотой. Явив человеку такое благодетельство, поместив его среди райских наслаждений и оказывая к нему в изобилии Свое расположение, Бог, как это и справедливо было, искал чувства со стороны его и научил его, чтобы он выражал благодарность Ему своим послушанием. Но так как Бог увидел, что невозможно человеку соблюсти этот дар, если он не будет в общении с Богом, наградившим его, и не будет воздавать Ему честь, то Он предписал ему закон в качестве стража природы, чтобы воспоминанием о Законодателе и с помощью его поддерживать себя как какими-нибудь хорошими лекарствами; и в случае соблюдения закона обещал ему бессмертие, а при нарушении его — смерть. Что произошло затем — это всем известно:

именно, человек, будучи склонен завистью дьявола к нарушению закона, становится тленным и изгоняется из рая; затем, размножившись, он стал вести скотскую жизнь и сделался вместилищем нечестия и невоздержности. Поэтому и пророки возглашали о первоначальном его достоинстве и последующем бесчестии: *Но человек в чести не пребудет; он уподобится животным, которые погибают* (Пс. 48, 13). При таком положении дела, при таком падении человеческой природы едиnorodный Сын Божий, согласно с отеческим намерением, желая восстановить человека и освободить его от грозившего ему Суда, придумал время и способ помощи, — время для того, чтобы благовременно приступить к врачеванию, а способ такой, который был бы удобен для очищения и восстановления. Сделавшись человеком, но, оставаясь в то же время и Богом, Он пострадал за весь мир (9).

ЧРЕВОУГОДИЕ

Нет ничего хуже, ничего постыднее чревоугодия. Оно делает ум тупым; оно делает душу плотскою; оно ослепляет и не позволяет видеть. Вот смотри: это

случилось и с иудеями. Так как, будучи преданы чревоугодию, они всецело были заняты предметами житейскими и не думали ни о чем духовном, то хотя Христос возбуждает их множеством слов, исполненных то строгости, то снисходительности, но и при всем этом они не встают, а по-прежнему лежат долу. Посмотри, Он сказал им: *вы ищете Меня не потому, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб и насытились* (Ин. 6, 26), — [и через это] поразил обличением; показал, какой должно искать пищи, сказав: *старайтесь не о пище тленной; предложил им награду в словах: но о пище, пребывающей в жизнь вечную* (Ин. 6, 27) (8).

Укажи мне хотя одного человека, который бы, постоянно угождая чреву, лежа в бездействии и нисколько не трудясь, был бы здоров. Ты не найдешь [такого человека]. Хотя бы собрались тысячи врачей — и они не в состоянии избавить от болезней того, кто постоянно пресыщается, потому что это противно свойству самого дела. А я предложу вам врачебное наставление: не все то, что принимается в чрево, обращается в пищу, потому что и в самом

существовании пищи не все питательно, есть в ней часть, поступающая на извержение, а другая на питание. Поэтому кто, приняв ее в меру, даст ей совершенно перевариться, с тем это и делается и она достигает своего назначения; все здоровое и полезное занимает свое место, а излишнее и бесполезное отделяется и извергается; если же она принята чрез меру, тогда и то, что в ней есть питательного, становится вредным. Чтобы яснее раскрыть вам это, представлю в пример следующее: в хлебе есть крупчатка, мука и отруби. Если в жернов насыплешь столько, сколько он может смолоть, то он отделяет все это; а если насыплешь больше, то все перемешивается. Также вино, если будет иметь надлежащее приготовление и благовременное брожение, то в нем сперва бывает все нераздельно, а потом одно обращается в дрожжи, другое в пену, а иное делается напитком усладительным для употребляющих его, и это последнее бывает полезно и не скоро портится, тогда как сначала не было ни вина, ни дрожжей, но все было смешано. То же можно видеть и на море во время сильной бури. Как тогда мы видим, что рыбы плавают по поверхности мертвыми, не будучи

в состоянии укрыться от стужи в глубине, так бывает и с нами. Когда низвергнется на нас сильный дождь пресыщения, все возмущающий, тогда производит то, что наши мысли, дотоле бывшие здоровыми и спокойными, плавают как бы мертвыми на поверхности (души нашей). Итак, научившись этими примерами, как велик вред [от пресыщения], перестанем ублажать тех, которых следовало бы считать несчастными, и оплакивать себя за то, за что следовало бы называть блаженными, и возлюбим умеренность. Или вы не знаете изречения врачей, что скудость — мать здоровья? Я же скажу, что скудость есть мать здоровья не только телесного, но и душевного. То же внушает и Павел, этот истинный врач, когда говорит: *имея пропитание и одежду, будем довольны тем* (1 Тим. 6, 8) (10).

ЧУДЕСА

В Евангелии Спаситель начал учить не раньше, чем совершил чудеса. Первое чудо совершил Он, претворив воду в вино, и раньше этого чуда не выступает в качестве учителя, так как нужно было, чтобы дело предшествовало, а слово последовало. Поэто-

му и дееписатель говорит: *первую книгу написал я к тебе, Феофил, о всем, что Иисус делал и чему учил от начала* (Деян. 1, 1). Как мог научить Спаситель, что Он Творец мира? Если бы он не просветил очи слепому, то Ему не поверили бы, когда Он говорил: *Я свет миру* (Ин. 9, 5). Если бы Он не воздвиг Лазаря, слушатели не поверили бы, когда Он говорил: *Я есмь воскресение и жизнь* (Ин. 11, 25). Если бы Он, плюнув на землю, не сотворил брение и не помазал слепого, то не поверили бы, что Он есть Тот, кто взял персть от земли и создал Адама. Если бы Он не ходил по морю, то не явил бы Себя Владыкою моря. Если бы Он не запретил ветру, не показал бы Себя Владыкою ветров. Вот почему, являя Себя человеком, Он чрез чудеса давал познавать и прославлять Себя как Бога. Спаситель привел в изумление учеников, и они говорили: *кто же Сей, что и ветер и море повинуются Ему?* (Мк. 4, 41). Он предварительно показал, что Ему повинуются стихии, а потом уже изъяснил словом, что все произошло через Него. Если бы Он не показал наперед, что Ему повинуются твари, то не заслуживал бы веры Евангелист Иоанн, когда говорит: *все чрез Него начало*

быть (Ин. 1, 3). Как могли бы оказаться достойными веры апостолы, говорившие простым языком, когда проповедовали о Боге Слове, Творце, Спасителе, всемудром Учителе? Но язык апостолов творил чудеса, устами апостолов воскрешался мертвый, ходил хромой. А что вера следует за чудесами, об этом свидетельствует Писание, говоря: *руками же Апостолов совершались в народе многие знамения и чудеса, и все изумлялись и дивились, верующих же более и более присоединялось к Господу, множество мужчин и женщин* (Деян. 5, 12, 14 и 27, 47). Наперед сияли чудеса, а за ними следовало учение (5).

Всякий раз, когда происходит что-нибудь особенное и необыкновенное или когда вводится какой-либо новый образ жизни, Бог обыкновенно дает знамения, как бы в залог Своего могущества для тех, кто должен принять Его законы. Так, намереваясь создать человека, Он прежде сотворил весь мир и потом дал уже ему в раю известный закон. Так, когда хотел дать закон Ною, опять совершил великие чудеса, изменил всю тварь в ее основаниях, повелел страшному наводнению целый

год держать землю и посреди столь великого обуревания сохранил невредимым праведника. Так и Авраама оградил многими знамениями; даровал ему победу на брани, поразил ударами фараона и избавлял праотца от опасностей. Так и перед обнародованием закона иудеям Он явил дивные и великие чудеса, а потом дал уже закон (6).

Если ты хочешь и чудеса совершать, то освободись от грехов — и все тобой будет сделано. Возлюбленные, грех есть самый злой бес. И если его из себя выгонишь, то сделаешь более, нежели те, которые изгоняют тысячи бесов. Послушай, как Павел добродетель ставит выше чудес: *ревнуйте*, — говорит он, — *о дарах больших, и я покажу вам путь еще превосходнейший* (1 Кор. 12, 31); и далее, показывая этот путь, не упомянул ни о воскресении мертвых, ни об очищении прокаженных, ни о чем другом тому подобном, но вместо всего того сказал о любви. Послушай, что говорит и Христос: *тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах* (Лк. 10, 20). И прежде, в другом месте: *многие скажут*

Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: «Не знаю вас» (Мф. 7, 22–23). Также перед Крестным страданием, призвав учеников, сказал им: *по тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собой (Ин. 13, 35),* — а не потому, что будете изгонять бесов. И опять: по этому узнают все, что Ты Меня послал (см. Ин. 17, 23), — не из того, что они будут воскрешать мертвых, но из того, что будут едино. Чудеса часто другому приносят пользу, а тому, кто творит их, вредят или, доводя его до гордости и тщеславия, или другим каким образом; а от добрых дел

ничего такого ожидать нельзя: они приносят пользу и тем, которые творят их, и другим многим. Итак, будем совершать их со всем тщанием. Если ты из жестокосердного сделался милостивым, то исцелил сухую руку; если, оставив зрелище, пошел в церковь, то исправил хромую ногу; если отвратил глаза свои от блудницы и от красоты чужой жены, то отверз слепые очи; если вместо сатанинских песней выучил ты духовные псалмы, то, будучи прежде немым, стал говорить. Вот самые великие чудеса! Вот дивные знамения! Если мы непрестанно будем совершать такие чудеса, то посредством их и сами сделаемся великими и удивительными, и всех порочных привлечем к добродетели, и достигнем будущей жизни (6).

ЮНОСТЬ

Или не знаешь, что юность и сама по себе слаба и удобопреклонна к злу; а когда получит еще большее богатство, то еще стремительнее увлекается ко всему худому? Как огонь, нашедши горючее вещество, производит сильнейшее пламя, так и юность, получив кучу денег, как удобовозгораемое вещество, возжигает такое пламя, что вся душа юноши воспламеняется. Такой юноша может ли думать о целомудрии, убегать невоздержания, предпринимать какие-либо подвиги добродетели или что-либо другое духовное? (1)

Будем удерживать порывы наших детей и то страхом, то убеждениями будем обуздывать юность. Будем заботиться о целомудрии их; все будем делать и устраивать так, чтобы юношеский возраст мог избежать неуместных пожеланий. Для того общий

всех Господь, зная немощь человеческого естества, и установил брак, чтобы удалить нас от беззаконного смещения. Итак, не будем оставлять юношей без попечения; но, зная горящий в них огонь, позаботимся сочетать их браком, по закону Божиему, прежде чем они предадутся невоздержанию; пусть и чувства целомудрия у них сохранятся и не потерпят они вреда от необузданности, имея достаточное утешение и будучи в состоянии обуздывать плотские похоти и избегать наказания (1).

Юность легко склоняется ко греху, увлекаясь удовольствиями и постыдными страстями; если же она укрепляется в соблюдении заповедей Божиих, то сохраняет свою невинность, потому что чем именно для молодого коня из стада служит узда и укротитель, тем для юношей является Божественный закон. Ведь и Даниил был молод, но он сохранял заповеди

Божии и за это был удостоен пророческой благодати и сделался толкователем сокровеннейших тайн. Точно так же три отрока, будучи юными, верой и делами своими изменили до противоположности природу огня, так что в пламени сохранили жизнь и были орошаемы дерзновением веры и веянием Духа. Это относится и к нам (3).

Подлинно, и люди бывают хуже шакалов. Они необузданны как звери, живущие в пустыне. Таковы бывают по большей части юноши. Преданные свирепым страстям, они скачут и прыгают, необузданно носясь всюду и нисколько не заботясь о должном. А виноваты в этом их отцы. Своих конюхов они заставляют укрощать лошадей с великим тщанием и не позволяют долгое время молодым коням оставаться неукротенными, но в самом начале обуздывают их и все другие средства употребляют для их укрощения, а на детей своих долгое время смотрят равнодушно, когда они

живут необузданно, не имея целомудрия, бесчестят себя, предаваясь любодеянию, играм, посещая бесчестные зрелища, — тогда как для предупреждения любодеяния надлежало бы соединить сына брачным союзом с женою целомудренною и мудрою; она удержит мужа от безрассудного образа жизни и обуздает его. Блуд и прелюбодеяние оттого и происходят, что юношам дают свободу. Если бы он имел разумную жену, то стал бы заботиться о доме, о славе и чести. Но ты скажешь: он еще молод. И я знаю это. Но если Исаак на сороковом году от рождения вступил в супружество и до того времени хранил девство (см. Быт. 25, 20), то тем более в благодатном состоянии юноши должны иметь эту добродетель. Но что мне делать? Вы не только не хотите позаботиться о их целомудрии, но смотрите равнодушно, когда они бесчестят, оскверняют себя и предаются различным порокам, не зная того, что польза брака зависит от сохранения чистоты тела, без которой нет никакой пользы от брака (7).

Ад (Геенна)	3
Ангелы	5
Апостолы	6
Бедность	12
Бедствия	17
Бесы	19
Блага будущие (истинные)	19
Блага земные	20
Благоволение Божие	23
Благодарение	25
Благодать	28
Благодееяния Божии	32
Ближний	35
Блуд	36
Богатство	39
Богохульство	56
Болезни	56
Брак	59
Братья	64
Вдова	70
Величие Бога	71
Вера	73
Веселье	77
Власть	78
Воздаяние	80
Воздержание	86
Воля	90
Воскресение	92
Враги	96
Высокомерие	98

Гадатели	100
Гнев	101
Гнев Божий	107
Гордость	108
Грех	111
Дары Божии	116
Девство	116
Дела	117
Деньги	120
Дети	121
Диавол	126
Добродетель	132
Дом	139
Друзья	142
Духовные блага	144
Душа	145
Еретики	152
Желания	153
Жена	155
Жизнь земная	163
Зависть	169
Закон	178
Заповеди	182
Зло	186
Злопамятство	190
Злословие	192
Злые люди	195
Зрелища	199
Имя Божие	203
Искусство	204
Искушение	205
Исповедь	206
Исправление	206
Клевета	212
Клятва	214

Корыстолюбие	219
Красота	225
Крест	226
Крещение	232
Кротость	234
 Леность	 240
Ложь	240
Любовь	241
Любовь Божия к людям	256
Любовь к ближним	259
Любовь к Богу	263
Любовь к врагам	267
Любостязание	270
 Мать	 280
Мечь	280
Милосердие	284
Милостыня	291
Многозаботливость (Житейские дела)	304
Молитва	308
Монахи	319
Мудрость	321
Муж	323
Мученичество	326
 Награда	 327
Надежда	328
Наказание	331
Насмешки	337
Начальник	337
Невинные	340
Ненависть	340
Несчастья	343
Нищие	345
 Одежда	 349
Осуждение	356
Отец	358
Отчаяние	361

Падение	362
Память	362
Печаль	364
Писание Священное	365
Пища	367
Плач	369
Покаяние	372
Покой	373
Помощь Божия	374
Помыслы	377
Порицание	378
Порок	380
Пост	384
Похвала	388
Похоть	392
Праведники	394
Праздники	396
Праздность	397
Прелюбодеяние	399
Примирение	401
Причастие	403
Пришествие Второе	405
Промысел Божий	409
Пророчества	410
Просьбы	411
Прощение	413
Пути к Богу	422
Пьянство	426
Радость	432
Развод	435
Рай	435
Расточительность	440
Ревность	440
Родители	441
Роскошь	443
Самоубийство	447
Свобода воли	447
Свобода от забот	448

Святые	451
Сети диавольские	453
Скорби	454
Слава истинная	461
Славолюбие	465
Слова	467
Слово Божие	467
Смерть	469
Смирение	478
Совесть	481
Содомский грех	482
Сон	484
Сострадание	485
Спасение души	488
Сребролюбие	491
Страсти	498
Страх	502
Страх Божий	503
Суд	506
Суд Страшный	511
Супружество	515
 Творчество	 517
Театр	518
Тело	521
Терпение	526
Толпа	528
Труд	529
Тщеславие	531
 Украшения	 536
Утешение	539
Учение	540
Учитель	541
 Хищение	 543
Христианин	544
 Царство Божие	 548
Целомудрие	551
Церковь	554

Человек	561
Чревоугодие	563
Чудеса	565
Юность	568

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(1) Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, Архиепископа Константинопольского, в русском переводе. СПб. Издание СПб. Духовной Академии, 1898 г. Т. 4, кн. 2.

(2) То же. Т. 5, кн. 1.

(3) То же. Т. 5, кн. 2.

(4) То же. Т. 6, кн. 1.

(5) То же. Т. 6, кн. 2.

(6) То же. Т. 7, кн. 1.

(7) То же. Т. 7, кн. 2.

(8) То же. Т. 8, кн. 1.

(9) То же. Т. 8, кн. 2.

(10) То же. Т. 9, кн. 1.

(11) То же. Т. 9, кн. 2.

(12) То же. Т. 10, кн. 1.

СИМФОНΙΑ
ПО ТВОРЕНИЯМ
СВЯТИТЕЛЯ ИОАННА ЗЛАТОУСТА

ТОМ II

Редактор-составитель *Б.И. Егоров*
Корректор *Е.А. Подуваева*
Компьютерная верстка: *Е.В. Иванова*
Оформление: *Н.Л. Климова*

Издательство «Дарь»
105264, Москва, ул. Верхняя Первомайская, д. 49а,
тел.: (495) 780-39-11 (многоканальный).

Подписано в печать 21.10.2008. Формат 70х100/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Дарь». Печать офсетная.
Усл.печ. л. 46,67. Уч.-изд. л. 29,5. Тираж 3 000 экз.
Заказ №